ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

—

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик **Н. М. Дружинин** *(председатель),*
доктор исторических наук **А. Л. Сидоров** *(зам. председателя),*

академики:

Б. Д. Греков, **М. В. Нечкина**, **А. М. Панкратова**,
Б. А. Рыбаков, **С. Д. Сказкин**;

член-корреспондент АН СССР

П. Н. Третьяков;

доктора исторических наук:

Л. М. Иванов, **М. П. Ким**, **А. А. Новосельский**,
Л. В. Черепнин

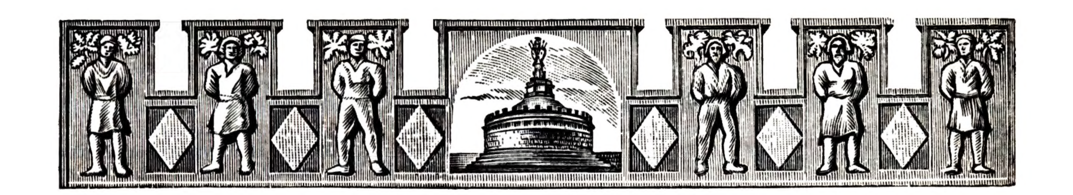
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1958

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

КРИЗИС РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ СССР III–IX вв.

Ответственный редактор
академик ***Б. А. Рыбаков***

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1958



ПРЕДИСЛОВИЕ

Инициатива написания древнейшей истории народов СССР принадлежит академику Ю. В. Готье, разработавшему в 1936 г. общий план этого издания. Коллективом авторов под редакцией М. И. Артамонова было написано два тома Истории СССР с древнейших времен до образования Киевской Руси. Макет этих двух томов опубликован в 1939 г. и, несмотря на незначительность тиража, сыграл известную положительную роль в развитии нашей исторической науки, так как явился первой попыткой обобщения обильного археологического и исторического материала по истории первобытного строя, рабовладения и раннего феодализма на всей территории Советского Союза.

После создания академиком Б. Д. Грековым многотомной серии «Очерков истории СССР» обе части макета 1939 г. были включены в нее в качестве начальных томов серии.

Данный том. соответствующий по тематике III и IV частям макета, является вторым томом всей серии: первый том — «Первобытно-общинный строй и древнейшие государства», под редакцией П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта, вышел в свет в 1956 г. Третий том — «Период феодализма», ч. 1, под редакцией Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто, вышел в свет в 1953 г.

Написание данного тома, посвященного кризису рабовладельческого строя и зарождению феодализма, было осуществлено Институтом истории материальной культуры АН СССР. Новый авторский коллектив состоял как из участников работы над макетом, так и из вновь привлеченных авторов.

Текст всех разделов был написан заново в 1950-е годы с учетом новых достижений советской науки. В очерки включены все последние крупнейшие открытия советских археологов. Тем не менее редакция должна отметить, что многие вопросы сложной и бурной эпохи III—IX вв. остались спорными и иногда авторами разных очерков решались по-разному. Ответственный редактор не стремился к нивелированию авторского текста, так как избранная для данного издания форма очерков позволяет сохранить в ряде случаев различие во взглядах авторов.

Том начинается с главы, посвященной истории Восточной Европы в III—VI вв. н. э., с истории тех государств и народов, у которых прослеживается наиболее острый кризис отживающей рабовладельческой системы и родоплеменного строя.

В следующих главах дана история народов Закавказья и Средней Азии в период становления у них феодализма.

Рубежом между двумя разделами тома является эпоха VI—VII вв.— время походов славянских дружин на Византийскую империю, время завоевания арабами государств Средней Азии и Закавказья.

Завершается том главами, в которых дается история образования феодальных государств на территории Восточной Европы (Волжской Болгарии, Хазарского каганата и Киевской Руси). Этот раздел тома вплотную подводит читателя к следующей эпохе в жизни народов нашей страны — к эпохе Киевской Руси.

Последняя (VII) глава тома посвящена предпосылкам образования Русского государства.

Эта тема частично уже затронута в вышедшем ранее III томе «Очерков истории СССР», авторы которого, не ограничиваясь эпохой IX—XIII вв., осветили и некоторые вопросы истории VI—IX вв.

В данном томе, посвященном, как отмечалось, становлению феодализма, оказалось необходимым в заключительной главе коснуться тех же вопросов, но уже с учетом новых археологических материалов и новых разысканий в области письменных источников (прежде всего русских летописей). Этим объясняется несколько отличный характер данной главы — постановка новых вопросов потребовала более развернутой аргументации. Редактирование тома проведено Б. А. Рыбаковым; большое участие в редактировании тома принимала С. А. Плетнева. Библиография, именной и географический указатели составлены Т. И. Макаровой; иллюстративный материал подобран В. Б. Деопик.

Исторические карты составлены:

1. Н. Я. Мерпертом (карта IV—V вв.);
2. В. В. Кропоткиным (карта VI в.);
3. А. Л. Якобсоном (карта средневекового Крыма);
4. Б. А. Рыбаковым (карта VIII—IX вв.).

Обработаны все карты А. П. Левандовским.

Авторами текста являются следующие лица (подробное указание см. в оглавлении в конце тома):

Е. П. Алексеева, М. И. Артамонов (предоставил материалы), Н.А. Бердзенишвили, А. Н. Бернштам, О. Г. Большаков, В. Ф. Гайдукевич, Ф. Д. Гуревич, Б. Е. Деген-Ковалевский, В. Б. Деопик, В. Д. Дондуа, М. М. Дьяконов, С. Т. Еремян, Ю. А. Заднепровский, С. В. Киселев, В. В. Кропоткин, Ю. В. Кухаренко, Г. А. Ломтатидзе, А. М. Мандельштам, Н. Я. Мерперт, Х. А. Моора, Е. Е. Неразик, А. П. Окладников, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков, А. Л. Якобсон, А. Ю. Якубовский

ВВЕДЕНИЕ

Данный том «Очерков истории СССР» посвящен истории народов нашей Родины с III по IX в. от «великого переселения народов» до образования Киевской Руси.

Эти столетия характеризуются кризисом рабовладельческого строя в одних областях, завершением распада первобытно-общинного строя в других и рождением более прогрессивной, чем рабовладение, новой формации — феодализма, приходившего на смену как отмиравшему рабовладельческому обществу, так и развивавшемуся до своего высшего предела первобытному обществу.

Переходный характер эпохи, борьба и причудливое сочетание различных укладов, массовые переселения разноязычных племен, неравномерная освещенность разных областей источниками — все это затрудняет изучение этой эпохи и создает значительную пестроту в наших представлениях о ней.

В начале рассматриваемого периода можно наблюдать такое размещение экономических и социальных зон: огромные пространства таежного севера в Европейской части СССР и в Сибири заселены редким населением охотников и рыболовов. Это — зона, почти не известная древним географам; она соприкасается с неведомым «морем мрака» и заселена фантастическими «людьми Севера». Здесь медленно доживает свое время каменный век.

Спускаясь южнее, в зону лиственных лесов и лесостепи, мы попадаем в области, хорошо знакомые с железом, земледелием и скотоводством. Родовой строй здесь находится на разных стадиях распада, а племенная организация достигает местами высокого уровня развития. Многие из народов, обитавших здесь, были известны в рабовладельческих империях Старого Света, и дружины этих народов все чаще появлялись с оружием в руках у их границ.

Обширные степные пространства, составляющие не только географическую, но и историческую особенность территории нашей страны, были заняты в это время, как и в предыдущий период, скотоводческими племенами.

Здесь также происходил процесс разложения родового строя, но общая картина в степях была сложнее и пестрее, чем у земледельческих племен. Это вытекало из меньшей устойчивости скотоводческого хозяйства и постоянной подвижности кочевников. Для всего изучаемого периода

характерно постоянное передвижение огромных орд кочевников в западном направлении и их хищнические набеги на всех соседей. Полоса степей широким клином врезалась между древними государствами Средней Азии и Причерноморья, с одной стороны, и охотничьими или земледельческими племенами Севера — с другой. Орды кочевников нарушали нормальную жизнь и южных и северных своих соседей, обогащаясь за их счет. Известны случаи завоевания кочевниками отдельных рабовладельческих государств (например, в Средней Азии).

В руках кочевников находились лучшие черноземные степные земли, которые в условиях земледельческого хозяйства могли бы дать очень большой хозяйственный эффект, но там велось экстенсивное скотоводческое хозяйство с сезонными перекочевками и тучный чернозем использовался только как пастбища.

Земледельческие племена лесостепной зоны постоянно стремились овладеть черноземом, проникнуть на юг и поселиться в богатых степных землях, но жизнь поселившихся в степях земледельцев была всегда подвержена опасностям разгрома, плена и увода в рабство. Поэтому колонизационные волны были долгое время не особенно значительны. Часть кочевников, утративших стада или оттесненных с пастбищ, нередко оседала на землю.

Сложение военно-демократического строя у земледельческих племен неизбежно приводило к просачиванию их дружин на юг.

Степи были не только местом кочевания скотоводов, но являлись как бы огромным военным лагерем, окружавшим с севера рабовладельческие государства. Этот лагерь пополнялся и за счет беглых рабов и за счет «бродников» из лесостепных областей. Рост производительных сил северных земледельческих племен позволял племенной знати организовывать походы в степи, требовавшие наличия конницы, запасов оружия и продовольствия.

На юг от степных пространств по берегам Черного моря, в Закавказье и в Средней Азии существовал ряд рабовладельческих государств. Многие мелкие государства полисы были уже давно поглощены крупнейшим рабовладельческим государством мира — Римской империей, владевшей значительной частью Причерноморья и восточной половиной Кавказа.

Рабовладельческий строй в Европе рождался в виде множества мелких разобщенных государств, покрывших южную часть континента как «узорчатая кайма на варварской одежде».

Отмирание же рабовладельческой системы происходило в условиях огромной единой империи, раскинувшейся от Месопотамии на востоке до «геркулесовых столпов» — до Гибралтара на западе. Судьбы многих народов и племен были так или иначе связаны с Римом. Кризис рабовладения был всеобщим, он затронул не только все области внутри империи, но и широкую полосу земель за ее рубежами. Одним племенам грозило порабощение, так как разлагавшийся строй требовал все новых и новых

контингентов рабов, и Рим посылал легионы в завоевательные походы, у других племен ускорялся распад общинных отношений, так как Рим нанимал на службу племенных князьков с их дружинами или стимулировал развитие патриархального рабства постоянными закупками хлеба (производство которого внутри империи неуклонно падало) римскими купцами.

Побеги римских рабов к «варварам» и поселение римлянами приглашенных «варваров» на правах колонов дополняют картину сложных взаимоотношений между Римской империей и пестрым миром окружавших ее племен и народов.

Поэтому важнейшее в древней истории мира явление — гибель античного рабовладельческого и рождение феодального строя — не может быть понято без учета истории всех народов, связанных так или иначе с тысячеверстным рабовладельческим государством.

Географический кругозор античных авторов почти совпадал с областями, занятыми рабовладельческими государствами, довольно ярко освещенными древними географами и путешественниками. Карта Птолемея, например, подробно отображает Причерноморье, Закавказье и Среднюю Азию. Соседние северные области очерчены менее точно.

Рабовладельческий строй на юге нашей родины не представлял тогда сплошного массива. И на Кавказе и в Средней Азии оставалось еще много племен, сохранявших первобытно-общинный строй во всей его неприкосновенности. Сведения античных путешественников пестрят описаниями первобытных обычаев, примитивных жилищ, вооружения мелких племен Причерноморья.

К концу изучаемого периода картина географического размещения обществ с различным социально-экономическим строем сильно видоизменяется. Рабовладельческий строй исчез повсеместно; только кое-где существовало патриархальное рабство или использование труда феодальных рабов. Но ни одного государства с господством рабовладельческих отношений уже не было. Они превратились в государства феодальные.

Большой исторический интерес представляет изучение процесса перерастания рабовладельческого общества в феодальное в Армении и Грузии.

Во всей Западной Европе кризис рабовладения и рождение феодальных отношений сопровождались вторжениями соседних с Римской империей племен, находившихся на последней стадии распада первобытно-общинных отношений. Эти «варварские» вторжения настолько осложняли исследования, что породили много ошибочных теорий относительно ранних этапов феодальной формации.

Феодализм рассматривался только как шаг назад; «мрачное средневековье» казалось регрессом по сравнению с античным миром.

В истории Армении советским историкам удалось проследить закономерный переход от изжившего себя рабовладения к более высокой феодальной организации. Процесс развития производительных сил неизбежно привел армянское общество к созданию новой формации. Причем на

территории Закавказья в IV—VI вв. процесс становления феодализма не сопровождался массовыми вторжениями «варварских» племен. Этот процесс шел по двум основным направлениям: перевод рабов на самостоятельное хозяйствование (с сохранением зависимости) и захват земель ранее свободных общинников.

Сильно сократилась зона распространения первобытно-общинного строя, что явилось следствием повсеместного и широкого подъема уровня развития производительных сил. Пашенное земледелие продвинулось далеко на север вплоть до таежной зоны; ему сопутствовало выделение ремесла и распад родовых отношений.

Крупнейшим историческим событием этой эпохи было сложение больших феодальных государств, увенчавшее собой многовековое развитие земледельческих племен Восточной Европы. Среди них на первое место нужно поставить Киевскую Русь, огромную славянскую державу, занявшую видное положение в мировой системе феодальных средневековых государств.

Восточным соседом Руси была Волжская Болгария, также закономерно развившееся у местных племен государственное образование. На запад от Руси одновременно с нею возникали другие славянские государства — Великоморавское, Польское, Болгарское. Процесс сложения феодальных отношений охватил очень широкую территорию. И везде он был неразрывно связан с длительным развитием местных производительных сил.

Ряд феодальных государств сложился и в Средней Азии. Процесс формирования здесь феодальных отношений был сложным, так как здесь переплетались и кризис рабовладения и распад первобытно-общинного строя и завоевания Средней Азии разными народами. К концу рассматриваемого периода во всех земледельческих областях Средней Азии существовали устойчивые феодальные отношения; нам известна и организованная классовая борьба в среднеазиатских феодальных государствах (например, восстание Абруя в VI в., восстание Муканны в VIII в.). Новый способ производства обусловил блестящий расцвет культуры народов Средней Азии в IX—X вв., когда Хорезм, Бухара, Самарканд стали мировыми центрами культуры, дав таких ученых, как Хорезми, Ибн-Сина, Бируни и ряд др.

* * *

Существенно изменилась за рассматриваемое время и этническо-языковая карта нашей страны. Накануне «великого переселения народов», достигшего своей кульминации ко времени нашествия гуннов, можно наметить несколько основных языковых групп.

Весь северо-восток Европы и часть Зауралья занимали племена финно-угорской языковой группы. Они расселялись на западе до Балтийского моря, занимали Верхнее и Среднее Поволжье, бассейн Северной Двины, Мезени, Печоры, Вятки, Верхней Камы и Оби. Русская летопись сохра-

нила имена многих финно-угорских народов, часть которых известна и сейчас, например, мордва, корела, ижора, весь (вепсы).

Финно-угорские племена были тогда распространены значительно дальше на юг. В бассейне Волхова, Верхней Волги, Клязьмы и Оки они соприкасались со славянами. Такие города, как Муром, Рязань, Мещерский Городец, Суздаль, в самих названиях хранят память своих основателей — муромы, эрзи, мещеры.

Часть угорских племен Приуралья довольно рано перешла к скотоводству и переместилась в степи. Мадьяры-венгры продвинулись с территории Башкирии в Приазовские степи, покинув их к концу IX в., перекочевали на свое современное место в долину Дуная, в Венгрию.

Крупные изменения произошли в географии размещения народов индоевропейской и тюркской языковых семей. Первоначально значительная часть степных пространств юга нашей страны была заселена различными индоевропейскими народами. Часть их задолго до изучаемого времени расселялась в направлении Ирана и Индии, чем и объясняется языковое родство наших степных народов с народами иранской ветви. Скифы, сарматы, роксаланы, аланы и большинство народов Средней Азии говорили тогда на языках, близких к таджикскому, осетинскому и иранскому. Движение тюркоязычных гуннов и создание в VI в. Тюркского каганата способствовали распространению тюркских наречий. Тюркская речь проникала и на север к охотничьим племенам Сибири (например к якутам) и широко разливалась вместе с волнами кочевников на запад, вытесняя в ряде мест древнюю индоевропейскую речь и частично впитывая в себя элементы индоевропейских языков. Гунны, авары, болгары, хазары, печенеги, половцы были тюркоязычными народами. В Восточной Европе область тюркоязычных племен ограничилась степными пространствами, за исключением Волжской Болгарии, где произошло смешение местных финно-угорских племен с пришельцами-болгарами.

Когда у древних авторов идет речь о крупных армиях тех или иных народов, следует иметь в виду, что в ту бурную эпоху быстро складывались военные союзы из самых различных племен и общее собирательное имя этого разноплеменного союза еще не означало его однородности. В эпоху распада родовых связей и военной демократии племена выделяли значительные дружины, организовывавшие далекие и продолжительные походы. В таких случаях племя как бы расщеплялось — одна его часть оставалась на старых племенных землях, а другая — отправлялась в поход (чаще всего на юг), то сохраняя свое племенное имя, то входя составной частью в союзы разнообразных племен. Это явление наблюдалось как в Азиатской, так и в Европейской частях нашей родины и сильно запутывало этнографическую карту. Кроме того, нужно учитывать, что древние авторы часто употребляли для новых народов или новых союзов племен старые названия. Так, например, готов иногда называли гетами, гуннов — скифами, русов — тавроскифами; для печенегов и половцев применялся иногда библейский термин «агаряне» (сыновья Агари). Такая

литературная форма также затрудняет понимание размещения древних народов и языковых групп.

После того как во время великого переселения народов значительные массы индоевропейских племен были вытеснены, ассимилированы или увлечены на запад (вплоть до Испании) и их место в степях заняли тюркоязычные гунны, болгары, хазары и печенеги, происходил и обратный процесс — в глубь степей проникали вновь племена, относящиеся к индоевропейской семье. Но это были уже не сарматы или аланы, а славяне, носившие имена венедов, антов и славян. Славяне проникли уже в VIII в. до низовьев Дона, а к IX в. и до Приазовья и Кубани.

Область, занятая восточнославянскими племенами, к IX в. была очень значительной. На южной окраине закончился процесс ассимиляции славянами остатков скифо-сарматского населения, прижатого волнами азиатских кочевников к лесостепи.

На северо-западе мы наблюдаем постепенное сокращение области расселения летто-литовских племен. Земли родственных славянам латышско-литовских племен простирались когда-то узким клином на восток между Припятью и Западной Двиной и далее, возможно, до р. Протвы, где летописец отметил загадочных людей «голядь», имя которых звучит одинаково с литовским племенем галиндов. К IX в. установилась славяно-литовская граница, близкая к современной.

На северо-востоке славяне продвигались в глубь областей, заселенных финно-угорскими племенами. Племена финской ветви славяне иногда объединяли под именем чуди (в Прибалтике, заволочская на Северной Двине, в Приуралье).

Угорскую ветвь славяне называли югрой (на Мезени и Печоре), или уграми (венгры-мадьяры).

Проникновение славян на северо-восток, закрепленное созданием русского государства, привело к вытеснению (или оттеснению на второй план) местных финно-угорских языков мери, веси, муромы и к значительной ассимиляции этих племен. Сложение к IX—X вв. древнерусской народности привело к известной нивелировке восточнославянских диалектов и широкому распространению русского языка, занявшего заметное место на карте языковых групп того времени.

На юге — в Причерноморье и на Кавказе — наблюдалась значительная языковая и этническая пестрота. В приморских городах звучала речь греческая, армянская, аланская, славянская, хазарская. Латинский язык, судя по надписям, был в это время мало употребительным. В Приазовье и Крыму существовало готское население, говорившее на одном из германских наречий. Готский язык просуществовал здесь до XVI в.

На Северном Кавказе среди множества мелких обособленных языков, приводивших в смятение античных авторов (писавших о необходимости сотен переводчиков), выделялись две наиболее значительные группы: аланская (индоевропейская) и адыгейско-абхазская. Аланские наречия не ограничивались тогда только территорией современной Осетии, а распро-

странялись отдельными островками и на север и на запад, может быть, вплоть до Днестра и Дуная. Новые названия некоторых крымских городов, появившиеся после падения античных государств, исследователи считают аланскими.

Адыгейско-черкесско-абхазские языки составляют самостоятельную группу, не сходную ни с индоевропейскими, ни с тюркскими. Они были распространены от Азовского моря до Сухуми и по всему бассейну Кубани. В античное время нам известны здесь керкеты, зихи, гениохи, абазги. Позднее появляются названия касогов.

В восточной части Кавказа на берегах Каспийского моря в каспийской Албании и на территории современного Азербайджана в изучаемое время еще не было тюркоязычных народов; они появились лишь в XI в. после вторжения турок-сельджуков. Только с севера в среду местных народов Дагестана вторгались хазары со своей тюркоязычной речью.

Грузинская народность занимала примерно то же положение, что и в позднейшее время. Представителями индоевропейской семьи в Закавказье были армяне и частично население современного Азербайджана.

Общая картина географического размещения народов и языков более или менее стабилизовалась к IX—X вв. и сохранилась в основном в последующие столетия.

* * *

Из крупных внешних событий, которые затрагивали судьбы многих народов нашей родины в III—IX вв., следует назвать: вторжение гуннов в Европу в IV в., борьбу славян и других народов с Византией в VI в., вторжения кочевников в Среднюю Азию и в Европу в V—IX вв. и завоевание арабами Закавказья и Средней Азии в VII—VIII вв.

Нашествие гуннов, «народа, превосходящего всех своей жестокостью», отрицательно сказалось на тех областях, по которым прошли их войска. Гунны грабили алан, готов и славян. Толкая впереди себя остготов и вестготов, «сокрушая все, что попадалось на пути», гунны ушли в долину Среднего Дуная, где гуннский вождь Аттила властвовал над мощным союзом племен.

Отрицательная роль гуннов сказалась в том, что они разрушали не столько рабовладельческие государства, сколько области тех народов, которые уже задолго до гуннов вели борьбу с античным рабовладельческим миром.

В V—VI вв. ряд кочевнических нашествий обрушился на земледельческие государства. В V в. эфталиты («белые гунны») овладели значительной частью Средней Азии. В VI в. авары проникли в степи южной Европы, подчинив себе некоторые славянские племена и подобно гуннам создав державу на Среднем Дунае — Аварский каганат, просуществовавший до начала IX в.

С VI столетия становятся особенно заметны и хазары, овладевшие пространством между нижними течениями Волги и Дона и проникшие

в Дагестан по берегу Каспийского моря. Хазарский каганат достиг своего могущества в VIII—IX вв., когда сумел завладеть рядом причерноморских городов и принудил платить дань часть поволжских и славянских племен.

Хазарский каганат был уничтожен как государственное образование в X в. князем Святославом.

Долгое время в степях кочевали остатки гуннских орд, получившие собирательное имя болгар. Они расселились в разных направлениях: часть ушла в Среднее Поволжье, часть — на Дунай (в VII в.), а две орды остались в Причерноморье — одна на Кубани (балкарцы), а другая — в низовьях Днепра.

Дунайские болгары смешались со славянами и к IX в. утратили свой язык.

Самым тяжелым для народов Восточной Европы было (после гуннского) печенежское нашествие, начавшееся в первой половине IX в.

Печенеги представляли собой грозную силу вплоть до середины XI в.

Кочевые орды скотоводов представляли угрозу для многих народов и особенно сильно тормозили развитие лесостепных земледельческих племен. Византийская империя очень зорко следила за всеми кочевыми народами и нередко использовала их воинственность в интересах утверждения своего, византийского господства в Причерноморье и Закавказье.

Главной силой, которая парализовала агрессивные действия кочевых орд, были земледельческие племена и в первую очередь славянские. Пока тянулся кризис первобытно-общинного строя у земледельческих и скотоводческих народов, победа нередко оказывалась на стороне скотоводов-кочевников, располагавших многотысячными табунами коней и конным войском. Однако завершение процесса феодализации всегда показывало несравненно большую прочность тех государств, которые возникали на основе земледельческого хозяйства, а не на основе экстенсивного кочевого скотоводства. И именно земледельческие феодальные государства и организовали систематическую борьбу против кочевников, создав постоянные «заставы богатырские» и проникая время от времени в глубь степей.

Некоторые государства, в основе которых преобладал скотоводческий хозяйственный уклад, не смогли надлежащим образом развить свои собственные производительные силы и, используя выгоды географического положения, превратились в паразитарные государства, жившие за счет торговых пошлин (как, например, Хазария) или за счет перепродажи рабов.

Особый характер носило завоевание арабами Закавказья и Средней Азии, начавшееся в середине VII в. Это не было вторжением диких кочевых орд, так как арабы обладали достаточно высокой культурой и осуществили планомерное покорение многих десятков народов и государств, построив эксплуатацию этих народов на феодальном принципе.

Представление о том, что арабы принесли в завоеванные страны высокую культуру, ошибочно — основа культуры народов Закавказья и Сред-

ней Азии складывалась за много веков до появления арабов. Наоборот, к VIII—X вв. народы Средней Азии, принявшие ислам, внесли значительный вклад в так называемую мусульманскую культуру.

Возникшая при воздействии христианской византийской культуры культура армян и грузин была противопоставлена арабо-иранской и служила как бы знаменем борьбы за национальное освобождение.

На юге нашей страны судьбы народов были тесно связаны в начале изучаемого периода с Римской империей и Сасанидской державой. Соперничество этих двух огромных рабовладельческих государств затрагивало в особенности народы Закавказья, бывшего ареной греко-персидских столкновений.

В VIII—IX вв. наследница Рима — Византия, или Восточно-Римская империя, продолжала борьбу за влияние на Черном море и в Закавказье, но соперниками ее были в это время Арабский халифат и Хазария.

* * *

На протяжении III—IX вв. происходило три крупных исторических явления, причудливо переплетавшихся между собой в различных сочетаниях: во-первых, продолжался и ширился кризис первобытно-общинного строя у значительного количества земледельческих и кочевых народов, во-вторых, обострился до предела кризис рабовладельческого строя в крупных империях и, наконец, в-третьих, эта эпоха ознаменовалась рождением новой формации, несравненно более прогрессивной, чем первобытно-общинный строй или рабовладение,— феодального строя.

У рабовладения и феодализма есть черты сходства и различия. В обеих формациях существуют как свободные общинники, так и рабы, но последние при феодализме не играли, разумеется, главной роли. Различие между этими формациями состоит в следующем: рабовладение основано на принудительном использовании в господском хозяйстве всего труда рабов — людей, составляющих полную собственность их господина и не имеющих своих средств производства. Феодализм же основан на принудительном использовании части труда людей (крестьян), ведущих свое хозяйство и обладающих всеми средствами производства, кроме земли (принадлежащей господину). При распаде первобытно-общинного строя трудно предугадать, по какому пути пойдет дальнейшее развитие, но и при переходе к феодализму рабство в его патриархальной форме играло очень важную роль.

Кризис первобытно-общинного строя происходил, разумеется, только там, где еще не было рабовладения, в более северных областях с иными условиями ведения хозяйства и расслоения общества. В свое время, когда в условиях бронзового и железного века впервые на территории нашей страны зарождались классовые отношения, они родились на юге в форме эксплуатации рабов. На севере, в степях и лесах, не было условий для развития рабовладения, не появились они и к изучаемому нами времени—

процесс распада родовых общин, неравномерного распределения прибавочного продукта, роста дружин и усиления власти племенных князей — эти процессы приводили в земледельческих лесных областях со сравнительно редким населением не к рабовладельческим формам, а к феодальным.

Условия производства здесь были таковы, что не позволяли сконцентрировать большие массы рабов и направляли возникавший господствующий класс на путь эксплуатации общинников. Поэтому совпадение во времени двух кризисов — рабовладения на юге и первобытно-общинного строя на севере — означало рождение феодализма на очень широкой основе, объединявшей и юг и север.

Кризис рабовладельческой системы был результатом роста производительных сил, пришедших в непримиримое противоречие с примитивными производственными отношениями.

Рабовладельческий способ производства, основанный на непосильном подневольном труде полуголодных рабов, не имевших ни семьи, ни своего жилища, ни какой бы то ни было заинтересованности в результатах своего труда, ни гарантии сохранности своей жизни — этот способ производства изжил самого себя. Достигнутый им высокий уровень развития производительных сил пришел в вопиющее противоречие с примитивной формой производственных отношений. Античный мир знал принцип паровой машины, знал научную агротехнику с применением сложных механизмов, но все это не могло быть широко применено на практике, так как всегда встречало противодействие рабов. Рабы стремились убежать от хозяина, уклониться от тяжелых и сложных работ, испортить ненавистные им господские орудия труда. Для рабовладельца введение сложной техники было значительно дороже, чем покупка новых рабов. Поэтому рабовладельческое хозяйство основывалось не на высокой технике, а на большом количестве рабов. Теоретики римского хозяйства в эпоху кризиса рекомендовали своим собратьям-рабовладельцам крайне жестокие и бесчеловечные методы обращения с рабами: побои, голод, даже сознательные физические увечья. Ответом были убийства господ рабами, восстания как в отдельных латифундиях (больших имениях), так и в целых областях. Классовая борьба была показателем обострившегося кризиса.

Единственным выходом был переход к новым формам производственных отношений, соответствующим достигнутому уровню производительных сил. Поскольку сельскохозяйственная техника того времени позволяла вести хозяйство самостоятельно каждой отдельной семье, постольку новые производственные отношения могли принять форму эксплуатации владельцем земли отдельных крестьянских семей, ведущих свое хозяйство и заинтересованных в его успехах. Рядом с хозяйствами, основанными на рабском труде, в античном мире сосуществовали с ними хозяйства свободных общинников, владевших средствами производства и заинтересованных как в улучшении хозяйства, так и в повышении производительности труда. Такое сосуществование двух систем наглядно показывало преимущества труда производителя, наделенного средствами производ-

ства. Уже в самом начале кризиса рабовладения в I—II вв. появилась практика дробления имений, сдачи участков в аренду и помещения рабов и вольноотпущенников на землю господина в качестве арендаторов, ведущих самостоятельное хозяйство. Это происходило повсеместно, свидетельствуя о внутреннем зарождении элементов будущей формации — феодализма — в недрах рабовладельческого общества Европы и Азии. Так, внутри самого рабовладельческого общества рождался новый уклад, с более совершенным способом производства.

Основой производственных отношений при феодальном строе является собственность господина на средства производства (в первую очередь на землю) и неполная собственность на работника производства — крепостного крестьянина. Наряду с феодальной собственностью существует общинная собственность на земельные угодья и единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде.

Класс феодалов — это класс владельцев важнейшего средства производства — земли, которые путем прямого насилия и экономического закабаления крестьянства получали прибавочный продукт его труда — земельную ренту. На протяжении развития феодального строя существовало три вида ренты: отработочная (барщина), натуральная (оброк продуктами) и денежная, появляющаяся позднее двух первых.

Для феодализма характерно господство натурального хозяйства в деревне и в усадьбе феодала. Центрами ремесленного производства и торговли были укрепленные города, в которых наряду с работой на заказ существовало и товарное производство, рассчитанное на рынок. В городах существовали денежное обращение и ростовщичество.

Феодализм возникал путем распада первобытно-общинного строя, достигшего такого уровня развития производительных сил, при котором было возможно не общинное, а индивидуальное хозяйство, а также путем распада рабовладельческих отношений, зашедших в тупик вследствие низкой производительности рабского труда, физического вымирания рабов и постоянных восстаний угнетенных.

Феодализм в обоих случаях представлял собою прогрессивное явление, так как, несмотря на барщину и феодальные поборы, средневековый крестьянин был несравненно свободнее, чем античный раб. На место коллективного труда общинников, объединенных лишь благодаря примитивности техники, или на место труда бесправных рабов, рассматривавшихся господами наравне со скотом, новая формация поставила труд многих тысяч крестьянских семей, ведших свое хозяйство своим сельскохозяйственным инвентарем и поэтому заинтересованных в результатах своего труда.

Для феодализма с его неразвитыми экономическими связями и экономической самостоятельностью небольших областей характерно дробление политической власти, которое буржуазные ученые ошибочно считали главным признаком феодализма. Отдельное феодальное княжество или

королевство представляло собой с самого начала объединение сотен и тысяч более мелких земельных владений, каждое из которых являлось в известной мере «государством в государстве». Феодал сам устанавливал размер и сроки внесения оброка крестьянами, характер барщинной работы, устанавливал наказания для не выполняющих повинности крестьян. Феодал располагал для этого штатом вооруженных слуг, являвшихся своего рода войском и полицией такого микроскопического «государства».

Самостоятельность отдельных феодальных владений приводила к стремлению землевладельцев оградить их от всякого вмешательства со стороны государства, иметь «иммунитет» (русское «заборонь») по отношению к княжеским или королевским чиновникам, которые были лишены права въезда в эти владения.

Основных форм феодального землевладения было две. Вотчинное землевладение — полное наследственное владение землей, усадьбой и крестьянами с правом продажи земли, раздела ее между наследниками, дарения и т. п.; и поместье, которое являлось выделенной крупным феодалом (или государством) частью своих населенных земель, предоставленной во временное владение дружиннику или управителю, в качестве обеспечения и условия его военной или административной службы. Кроме того, существовало крестьянское общинное и индивидуальное землевладение, сохранявшееся вдали от феодальных замков и городов, там, куда еще не проникли феодальные отношения. Но эти области свободного крестьянского труда с каждым десятилетием все более сокращались и с появлением здесь феодалов крестьянское землевладение превращалось в землепользование — земля становилась феодальной собственностью.

Первичный процесс захвата земли феодалами и последующее взимание феодалами земельной ренты, сопровождавшиеся применением вооруженной силы и закабалением крестьян, например, путем предоставления займов в голодные неурожайные годы,— все это вызывало постоянное сопротивление крестьянства. Классовая борьба в эпоху феодализма была направлена прежде всего против землевладельцев, а также против богатой городской верхушки, жившей ростовщичеством.

Классовая борьба велась непосредственными производителями с целью оградить себя от непомерной, не знающей границ жадности феодалов, отстоять право и возможность своего дальнейшего развития и большую долю полученного их трудом прибавочного продукта, чтобы не позволить феодальному обществу вернуться к старым нормам эпохи рабовладения, когда рабы физически вымирали от недоедания, а весь насильственно изъятый у них прибавочный продукт шел не на воспроизводство, а истреблялся на пышную, но бесполезную роскошь.

В этом великое прогрессивное значение классовой борьбы в эпоху феодализма, включая и ранние этапы развития этой формации, когда установление феодальных отношений надо рассматривать как передовое явление.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ КРИЗИСА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ)

1

КРИЗИС РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Крупнейшими городами Северного Причерноморья в первой половине I тысячелетия были: Тира (совр. Белгород) в устье Тираса — Днестра, Херсонес (совр. Севастополь), Неаполь (совр. Симферополь), Пантикапей (совр. Керчь), Танаис (в устье Дона), Фанагория (на Таманском полуострове) и ряд городов на Кавказском побережье.

I—II века были периодом нового экономического и культурного подъема в истории античных городов Северного Причерноморья [1]. В рассматриваемое время этому весьма способствовали благоприятно сложившиеся условия для развития внутреннего и внешнего торгового обмена городов.

Захват Римом Фракии [2], а затем и Дакии [3], а также завоевание Малой Азии привели к образованию римских провинций в Западном и Южном Причерноморье. В этой связи возникла необходимость обезопасить морские коммуникации, что диктовалось военно-стратегическими и политическими интересами Рима.

Охрана морских путей систематически осуществлялась римским флотом и гарнизонами опорных пунктов, рассеянных по побережью Черного моря, что обеспечивало греческим купцам возможность безопасного плавания, а это, в свою очередь, способствовало значительному оживлению

---

[1] История античных городов и государств Северного Причерноморья в первые века освещена в следующих работах: *Л. М. Славин.* Древний город Ольвия. Киев, 1951; *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический. Л., 1948; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949; *его же.* История античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. 1. М.— Л., 1955, стр. 23 и сл.; *Д. П. Каллистов.* Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, 1938, № 4, стр. 173—183.

[2] *Т. Д. Златковская.* Мёзия в I—II веках нашей эры (к истории Нижнего Дуная в римское время). М., 1951.

[3] *И. Т. Кругликова.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.

Раскопки стен и ворот городища Неаполь скифский в Симферополе

торговой деятельности причерноморских городов — Тиры, Ольвии, Херсонеса и городов Боспорского царства.

Правда, теперь заметно сократился торговый обмен с центрами Эгейского бассейна, но зато усилилась торговля между причерноморскими городами. Северопричерноморские города вели в I—II вв. регулярный обмен с городами Южного Причерноморья (Синопа, Гераклея, Амастрия и др.). Кроме того, Ольвия поддерживала также тесные связи с западными причерноморскими городами. Что касается более отдаленных районов Средиземноморья, то тут связи ограничивались главным образом западномалоазийскими центрами (Милет, Пергам) и некоторыми островами эгейского архипелага (Самос и др.). Поддерживались также сношения с египетской Александрией, промышленными центрами Сирии. Оттуда главным образом доставлялись стеклянные изделия — посуда, бусы, украшения и амулеты из фаянса и стекловидной пасты. Из западных малоазийских центров привозилась глиняная высокосортная посуда. Из городов Южного Причерноморья шло оливковое масло, вино и др. Торговые связи с Италией были нерегулярными, спорадическими. В города Северного Причерноморья привозились италийские бронзовые изделия — сосуды, канделябры, светильники.

В обмен на товары, доставлявшиеся морским путем, купцы вывозили из городов Северного Причерноморья хлеб, кожи, соленую рыбу. В причер-

Золотые ювелирные изделия, инкрустированные камнями, II в. из Керчи

номорских городах в этот период снова получили широкое развитие различные ремесла, производство керамических и металлических изделий, ювелирных украшений. Товары импортного происхождения, а также промышленные изделия самих городов сбывались местному населению, обитавшему в прилегающих к городам районах, а по речным путям часть таких товаров проникала достаточно далеко в глубь страны. Торговое влияние Тиры распространялось на обширную территорию Поднестровья. Ольвия торговала с населением Нижнего Побужья и Поднепровья. Херсонес поддерживал обмен с крымскими скифами, государство которых продолжало владеть центральной частью и степными районами Таврического полуострова [1].

Особенно высокого экономического подъема достиг Боспор. В его владения входил весь восточный Крым до г. Феодосии включительно. Боспору принадлежали Таманский полуостров, а также часть Прикубанья и Приазовья. В дельте Дона важную экономическую роль играл г. Танаис, входивший в состав Боспорского государства. Здесь велась большая торговля с кочевыми племенами сарматов, которые доставляли греческим купцам рабов и продукты скотоводческого хозяйства [2]. Располагая обширными плодородными землями, боспорские землевладельцы эксплуатировали порабощенное местное земледельческое население и получали от него огромное количество хлеба, шедшего на экспорт. Большую роль в экономике Боспора играл рыбный промысел, торговля соленой рыбой. Некоторые приморские города (например, Тиритака) превратились в крупных заготовителей огромного количества соленой рыбы. Не менее важную роль играло в хозяйстве Боспора и виноделие. В Пантикапее, а также в поселениях его округи (Мирмекий, Тиритака) раскопками

---

[1] *Э. И. Соломоник.* О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 103 и сл.

[2] *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.— Л., 1949.

Рыбозасолочные цистерны II—III вв. в Тиритаке близ Керчи

обнаружено большое число виноделен первых веков. В городах азиатской стороны Боспора также было широко развито виноделие. Виноградные давильни были теперь снабжены рычажно-винтовыми прессами, что свидетельствует о значительном усовершенствовании техники производства.

В городах Боспора очень интенсивно работали разнообразные ремесленные мастерские — гончарные, металлические и др. Велись большие строительные работы в старых городах, нередко заново возводились городские оборонительные стены, строились или перестраивались храмы. На Керченском полуострове возник ряд новых поселений (например, Илурат), сильно укрепленных, для защиты подступов к столице государства — Пантикапею [1].

Разбогатевшая прежде всего на торговле хлебом боспорская рабовладельческая знать имела возможность пользоваться предметами роскоши, дорогими изделиями художественного ремесла. В городах Боспора производилось значительное количество ювелирных изделий [2]. Существовали художники, скульпторы. На одном из каменных расписных саркофагов I в. сохранилось очень интересное изображение мастерской художника, пишущего портреты восковыми красками (энкаустика). В погребальных склепах Пантикапея, где хоронили богатых жителей, стены нередко украшались росписью. Многочисленные пантикапейские расписные склепы, дошедшие до нашего времени, дают представление об искусстве боспорских живописцев, знакомят нас с религиозными верованиями и бытом

---

[1] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950, стр. 173—204.

[2] *Е. О. Прушевская.* Художественная обработка металла. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, стр. 325 и сл.

Раскопки крепости Илурат II—III вв. близ Керчи

жителей Боспора [1]. Рост богатства господствующего класса Боспорского государства нашел свое отражение и в богатстве погребального инвентаря, сопровождавшего умерших. В могилах I—II и начала III в. обнаруживается много дорогих вещей в виде ювелирных изделий, ценных стеклянных сосудов, художественно отделанных деревянных саркофагов, которые теперь принято было обильно украшать гипсовыми налепами, расписанными разноцветными красками [2].

Подъем экономической и культурной жизни в I—II вв. наблюдался и в Херсонесе. Теперь здесь снова ожили сельскохозяйственные усадьбы на Гераклейском полуострове, хотя и далеко не на всей его территории, как это было раньше. В самом городе работали многочисленные ремесленники, процветало виноделие, рыбный промысел.

В начале нашей эры подвергнуты были основательной перестройке крепостные стены города, особенно в тех местах, где они были наиболее уязвимы в случае осады. В дальнейшем многократно предпринимались меры по улучшению городских оборонительных сооружений.

Рассматриваемый период истории античных городов Северного Причерноморья протекал в обстановке активного вмешательства Римской

---

[1] *Е. В. Ернштедт*. Монументальная живопись Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», стр. 248 и сл.

[2] *А. П. Иванова*. Художественные изделия из дерева и кости. Там же, стр. 406 и сл.

Стеклянный кубок II в. из Кыз-аульского могильника на Керченском полуострове

империи в политическую жизнь этого района. Особенно важное значение Рим придавал Боспорскому государству. Именно поэтому сразу же после гибели Митридата VI Евпатора, пытавшегося бороться с империей, был установлен статус, согласно которому власть боспорских царей считалась законной только при условии признания ими верховного протектората в лице Рима. Боспорские цари обязаны были получать утверждение в Риме, им вменялось в обязанность проводить дружественную римлянам политику. В официальную титулатуру царей входила формула: «друг кесарей, друг римлян». В первой половине I в. с золотых боспорских монет были изъяты портретные изображения правителей, на лицевой и оборотной стороне помещались только изображения римских императоров и членов их семьи. Имена царей Боспора на монетах были представлены скромными монограммами [1]. Правда, далеко не всегда ход событий на Боспоре отвечал предначертаниям римских властей. Неоднократно приходилось Риму признавать в качестве правителя Боспора лиц, которые становились правителями, невзирая на отрицательное отношение к ним со стороны римской государственной администрации. В Риме опасались особенно обострять отношения с Боспором и вступать в открытый конфликт с боспорскими царями, так как последние, будучи связаны узами родства с верхушкой

[1] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 191 и сл.

Золотая маска из царской гробницы
III в., найденная в Керчи

местных племен, могли бы, действуя по примеру Митридата Евпатора, привлечь на борьбу с Римом силы местного населения.

Предпринятая в 40-х годах I в. попытка решительно отмежеваться от Рима оказалась неудачной. Боспор в дальнейшем вынужден был оставаться на положении государства, зависимого от Римской империи.

В начале 60-х годов I в. государство крымских скифов перешло в наступление на Херсонес. На выручку Херсонеса были посланы римские войска, появление которых заставило скифов прекратить осаду города. Эта опасность захвата причерноморских греческих городов «варварами» и послужила для императора Нерона поводом, чтобы оккупировать некоторые пункты Крыма, разместить гарнизоны в Ольвии и на Боспоре. При этом, очевидно, предполагалось превратить Боспор в римскую провинцию. Хотя это все делалось под видом защиты эллинов от «варваров», в действительности же Рим руководствовался своими далеко идущими завоевательными планами, связанными, прежде всего, с намерением овладеть Кавказом и открыть тем самым путь к среднеазиатскому Востоку и к Индии. Готовясь к захвату Кавказа, Рим стремился прочно закрепить за собой южное и северное побережья Черного моря. Но для осуществления этих планов у Рима сил не хватило. Не удалось и превратить Боспор в римскую провинцию. После Нерона Боспор выступает как самостоятельное государство, но по-прежнему находится в политической зависимости от Рима. По мере того как Римская империя, испытывая те или иные

трудности, теряла возможность активно вмешиваться во внутренние дела Боспора, правители последнего действовали все более самостоятельно и независимо [1]. Они стали теперь выпускать монеты, на которых наряду с портретом римского императора, чеканили и портрет боспорского царя с обозначением его титула и имени.

Римская империя ограничивалась отныне только содержанием гарнизонов в Херсонесе, на южном берегу Крыма (крепость Харакс) [2] и Ольвии.

Боспорская рабовладельческая верхушка мирилась с ограничением суверенитета своего государства потому, что при всем этом она получала и существенные выгоды экономического и политического характера. Аристократия пользовалась военной и материальной поддержкой Рима, необходимой для того, чтобы сохранить свое классовое господство внутри государства, располагать возможностью подавлять восстания порабощенных масс и отражать напор «варваров» на античные рабовладельческие государства.

Рим ежегодно давал боспорским царям денежные субсидии на содержание войска, а боспорские цари неоднократно посылали отряды своих войск для включения их в римские армии, ведшие войны с «варварами» [3].

* * *

Характерной особенностью жизни античных городов в первые века является постепенное увеличение в них числа жителей — выходцев из обитавших по соседству с городами местных племен, главным образом сарматов. По словам Диона Хрисостома, побывавшего в Ольвии в конце I в., в этот город, восстановленный после гетского разгрома, «нахлынули варвары» [4]. В несколько меньшей степени это коснулось Херсонеса. Но зато для Боспора этот процесс притока местного негреческого населения в города принял в течение I—III вв. особенно широкие масштабы. Усиление негреческой прослойки в городах, хотя и сопровождалось некоторой ее эллинизацией, тем не менее все более и более сказывалось на облике культуры античных городов. Обычаи, нравы, вкусы «варваров», вливавшихся в города, стали все заметнее выступать на передний план в укладе жизни городов, особенно во II—III вв. Наиболее ярко этот процесс нашел свое проявление на Боспоре, который, впрочем, всегда представлял собой этнически смешанное государство, культура которого никогда не была чисто

---

[1] *В. Н. Дьяков.* Таврика в эпоху римской оккупации. «Уч. зап. МПИИ им. Ленина», т. 28, вып. 1. 1942.

[2] *В. Д. Блаватский.* Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 250 и сл.

[3] *Зосим.* Новая история. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 4, стр. 276. (В дальнейшем редакция дает ссылки на древних авторов по переизданию труда В. В. Латышева, опубликованного в ВДИ, ввиду большей доступности этого журнала).

[4] *Дион Хрисостом.* Борисфенитская речь. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 1, стр. 228 и сл.

эллинской. В первые века культура Боспора стала приобретать вполне отчетливый сарматский колорит, находивший свое проявление, в частности, в искусстве. Характерно, что пышно расцветший в ювелирном искусстве Боспора так называемый полихромный инкрустационный стиль (изделия из металла обильно унащались вставками цветных камней) является типичным проявлением сочетания греко-сарматских элементов. Распространение сарматских типов оружия [1], тамгообразных знаков, служивших обозначением родовой принадлежности, сарматской посуды и т. д.— все это придавало культуре античных городов во II—III вв. черты глубокого своеобразия, свидетельствующего о все усиливавшейся активизации местных племен.

Каменное надгробие II в. с изображением боспорских воинов с Керченского полуострова

Дошедшая до нас серия боспорских «манумиссий», т. е. актов об освобождении рабов на волю [2], показывает, что уже в I—II вв. отчетливо ощущалась нерентабельность рабского труда, на основе которого было невозможно дальнейшее успешное развитие производительных сил. Рост вольноотпущенничества наглядно свидетельствовал о кризисе рабовладельческой системы. В этой связи все более распространялась в сельском хозяйстве эксплуатация зависимых полусвободных производителей, именовавшихся на Боспоре пелатами. Однако рабовладельческий строй не мог обеспечить необходимых условий для надлежащего развития более прогрессивных форм организации хозяйства в соответствии с достигнутым уровнем техники материального производства. Кризис рабовладельческого способа производства неуклонно развивался и обострился особенно с конца II в. во всех античных

[1] *Н. Н. Сокольский.* Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 121 и сл.; *В. Д. Блаватский.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

[2] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, стр. 363 и сл.; *В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр 186 и сл.

Каменная плита с греческой надписью и царской тамгой с древнего городища Танаиса в устье р. Дон

государствах, в том числе и в Северном Причерноморье. Положение еще более осложнялось непрерывной опасностью наступления со стороны местных племен. Быт жителей античных годоров Северного Причерноморья все более военизируется. Основные контингенты свободных граждан привлекаются к несению военной службы. Жестоко эксплуатируемые, порабощенные слои населения, используя затруднения, испытываемые рабовладельческой верхушкой при непрерывной опасности нашествия извне, поднимали восстания и всегда были готовы изнутри нанести удар по своим эксплуататорам.

Конец II и начало III в. были еще временем, когда у Боспора оказалось достаточно сил, чтобы одержать победу над государством тавро-скифов, ослабленным, по-видимому, столкновениями с сарматами. Скифское царство было присоединено к Боспору. Но Ольвия в это время держалась в значительной мере только благодаря наличию у нее римского гарнизона. В трудном положении находился и Херсонес, особенно когда с середины III в. из него были выведены римские военные силы, содержание которых хотя и ложилось тяжелым бременем, но все же несколько облегчало защиту города. Когда в 30-х годах на античные города наступали готы и ряд других объединившихся с ними племен, Ольвия была окончательно разгромлена. Правда, потом на месте города стоял гарнизон римских солдат и обитало некоторое количество жителей, но рабовладельческий город-государство Ольвия прекратил свое существование, и в IV в. жизнь здесь прекратилась. Вторжение готов и боранов в пределы Боспора заставило боспорских правителей в 50—60-х годах III в. в целях предотвращения полного разгрома, оказывать помощь «варварам» в организации морских похо-

Роспись стен склепа II в. в Керчи с изображением боя боспорских воинов с сарматами

дов на города Кавказского побережья и Малой Азии. Переход причерноморских племен в решительное наступление против рабовладельческих государств, и в первую очередь против Римской империи, превращение Черного моря в арену ожесточенной борьбы неизбежно должно было парализовать торговлю. Торговые сношения между причерноморскими городами теперь были крайне затруднены, что губительно отражалось на их финансовом положении. Боспорские деньги с середины III в. катастрофически обесцениваются. Единственным металлом, из которого в состоянии был Боспор чеканить монеты к концу III в., становится медь. Многие боспорские города в этот период пустуют, жизнь в них прекращается. Частично оправившись после бурных событий 50—60-х годов III в., Боспорское государство продолжает существовать, но уже в обстановке все более углубляющегося кризиса и распада государства, раздираемого внутренними социальными противоречиями и непрерывно испытывающего удары со стороны окружавших Боспор местных племен. В 30-х годах IV в. прекратилась чеканка боспорских монет. Хозяйственная жизнь резко падает, приобретая все более замкнутый натуральный характер, так как внешние торговые связи непрерывно слабели. Распад государства был завершен в 70-х годах IV в. опустошительным вторжением гуннов, разграбивших большую часть основных населенных пунктов Боспорского государства. Херсонес, пришедший в IV в. в сильный упадок, все же уцелел и не подвергся такому разгрому, как другие античные города Крыма. В V в. Херсонесом овладела Византийская империя, которая использовала его в качестве своего опорного пункта в Северном Причерноморье.

Упадок городов сказался и в смене старых названий, просуществовавших около тысячи лет. Около V в., судя по географическим руководствам мореплавателей («периплам»), целый ряд городов и городков Причерноморья сменил свои имена на новые. Новыми хозяевами уцелевших городов стали туземные племена, давшие им свои названия.

2

СЛАВЯНЕ В ЕВРОПЕ В ЭПОХУ КРУШЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

Славянские племена в первые века занимали в Европе огромные пространства [1]; южная граница славянских земель от Эльбы до Днестра шла параллельно римскому лимесу на протяжении полутора тысяч километров. На римских дорожных картах в разных местах на север от империи показаны земли славян, подходившие здесь ближе всего к границе. Щупальцы римских дорог, ответвляясь от границы, тянулись к земледельческим славянским областям, и римские императоры безуспешно пытались их покорить.

История падения рабовладельческой системы не может быть правильно понята без изучения истории славян не только потому, что они были почти соседями Рима на трех пятых его европейских границ, но и потому, что они постоянно находились во взаимодействии с империей, приведшем в конце концов к тому, что именно славяне завершили в VI—VII вв. падение античного строя в последней цитадели рабовладения — Восточно-Римской империи.

Первые исторические сведения о славянах застают их не в неподвижности, а в движении: славяне смешиваются с сарматами (очевидно, проникая на юг, в сарматские степи) и в своих походах доходят до Дуная.

Пространства, занимаемые многочисленными славянскими племенами в Европе, следует определять применительно к трем историческим этапам:

1. Эпоха первых сведений о славянах, когда они выступают под собирательным именем венедов-антов на берегах Балтийского моря, по Висле и по всей границе с сарматами.

2. Накануне борьбы славян с рабовладельческой Византией, когда первоначальная территория славян значительно расширилась и они оказались у самых границ империи на Дунае и в Причерноморье.

3. После победы славян над Византией, когда они колонизовали значительную часть Балканского полуострова.

[1] «Очерки истории СССР». Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР, т. I. М., 1956, стр. 520, карта.

Провинциально-римские привозные предметы, найденные на славянских землях:

а — бронзовая вотивная рука; *б* — варварское подражание римской серебряной монете императора Констанция II (337—361 гг.); *в* — бронзовая фигурка коня; *г* — бронзовая фигурка египетского бога Гора; *д* — золотой медальон с изображением императора Иовиана (363—364 гг.)

* * *

Исконные области древних славян, давно уже получившие не совсем точное наименование «прародины» «праславянских» племен, определялись учеными весьма различно. Долгое время в науке держалась дунайская теория прародины, основанная на словах русского летописца: «По мнозѣхъ же времянѣхъ (после «вавилонского столпотворения») сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ...» [1]

В эпоху господства представлений об азиатской прародине всех индоевропейских народов долина Дуная рассматривалась как промежуточный этап, где славяне разместились временно как бы на перепутье из Малой Азии на те места, где их застают первые описания древних авторов [2]. Теория дунайской прародины находится в полном противоречии с данными письменных свидетельств о фракийцах, даках, иллирийцах, заселявших в античное время долину Дуная.

По всей вероятности, слова летописца о поселении славян на Дунае мы должны относить не к отдаленным временам первоначального единства славян, а к эпохе V—VI вв., когда славяне уже оказались на Дунае в качестве новых поселенцев. Анализ летописного текста показывает, что рассказ о славянах на Дунае попал при переработке летописи не на свое место. В первоначальном рассказе Нестора он должен был идти вслед за описанием расселения славян в Европе, за рассказом об основании Киева (примерно VI в., см. ниже). Фразу «спустя много времени сели славяне по Дунаю» мы должны приурочить к VI—VII вв., когда действительно колонизационный поток славян направился на Дунай и Балканский полуостров.

Поиски прародины славян в более северных областях Европы не всегда приводили к одинаковым результатам. Некоторые исследователи тенденциозно искажали древнейшую историю славян и принижали их роль и уровень культуры. Таков, например, Я. Пейскер, считавший, что славяне как «вынужденные амфибии» жили только в Припятских болотах.

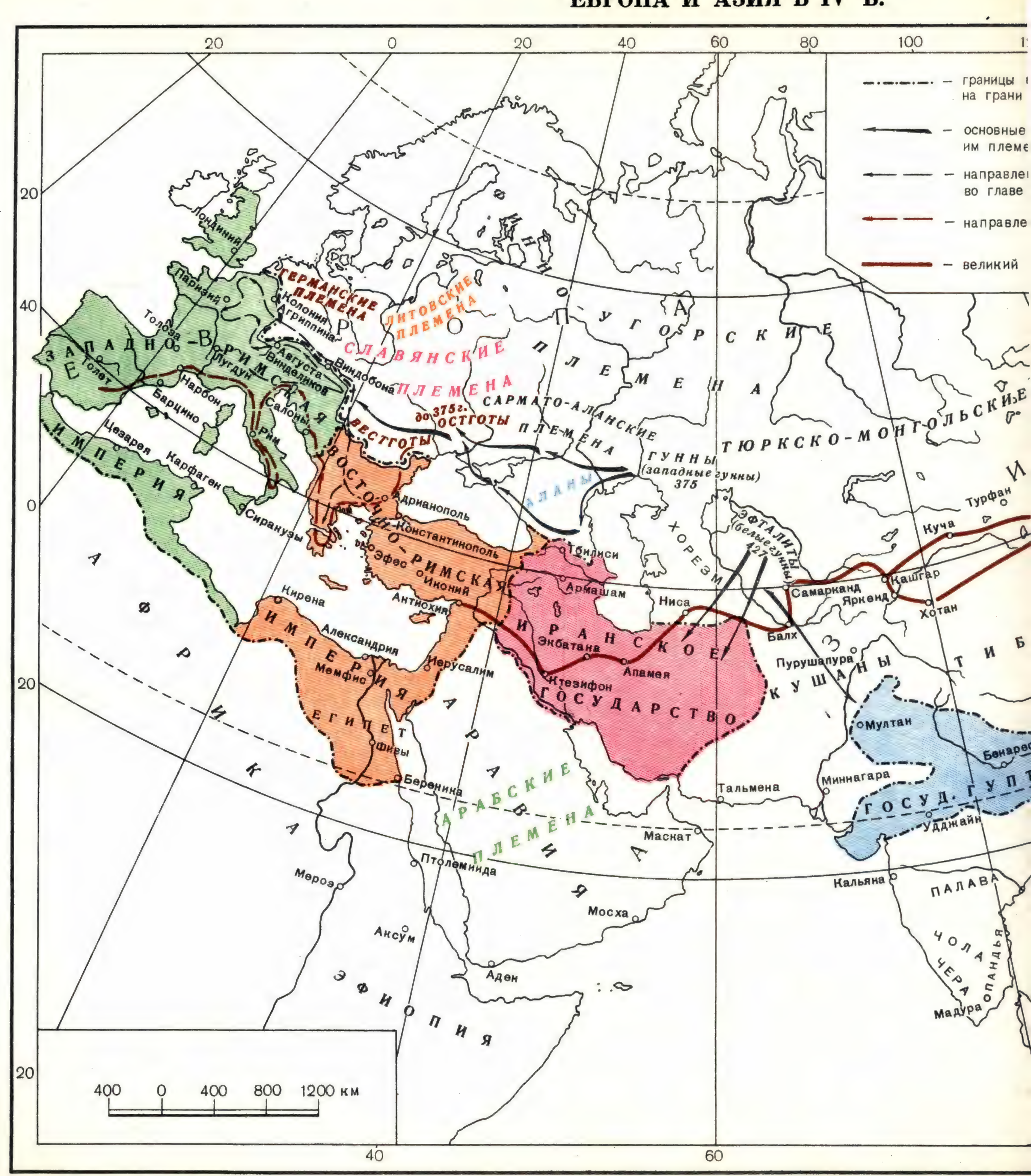
Особняком стоит мнение А. А. Шахматова о прибалтийской прародине славян; этот исследователь, опиравшийся только на лингвистические материалы и совершенно не учитывавший ни системы славянского хозяйства, ни данных археологии, предполагал, что древние славяне постоянно передвигались с места на место. Он насчитывает несколько «прародин»:

---

[1] «Повесть временных лет». Подготовка текста Д. С. Лихачева, ч. 1. М.— Л., 1950, стр. 11. Дальнейшие ссылки будут делаться на это же издание.

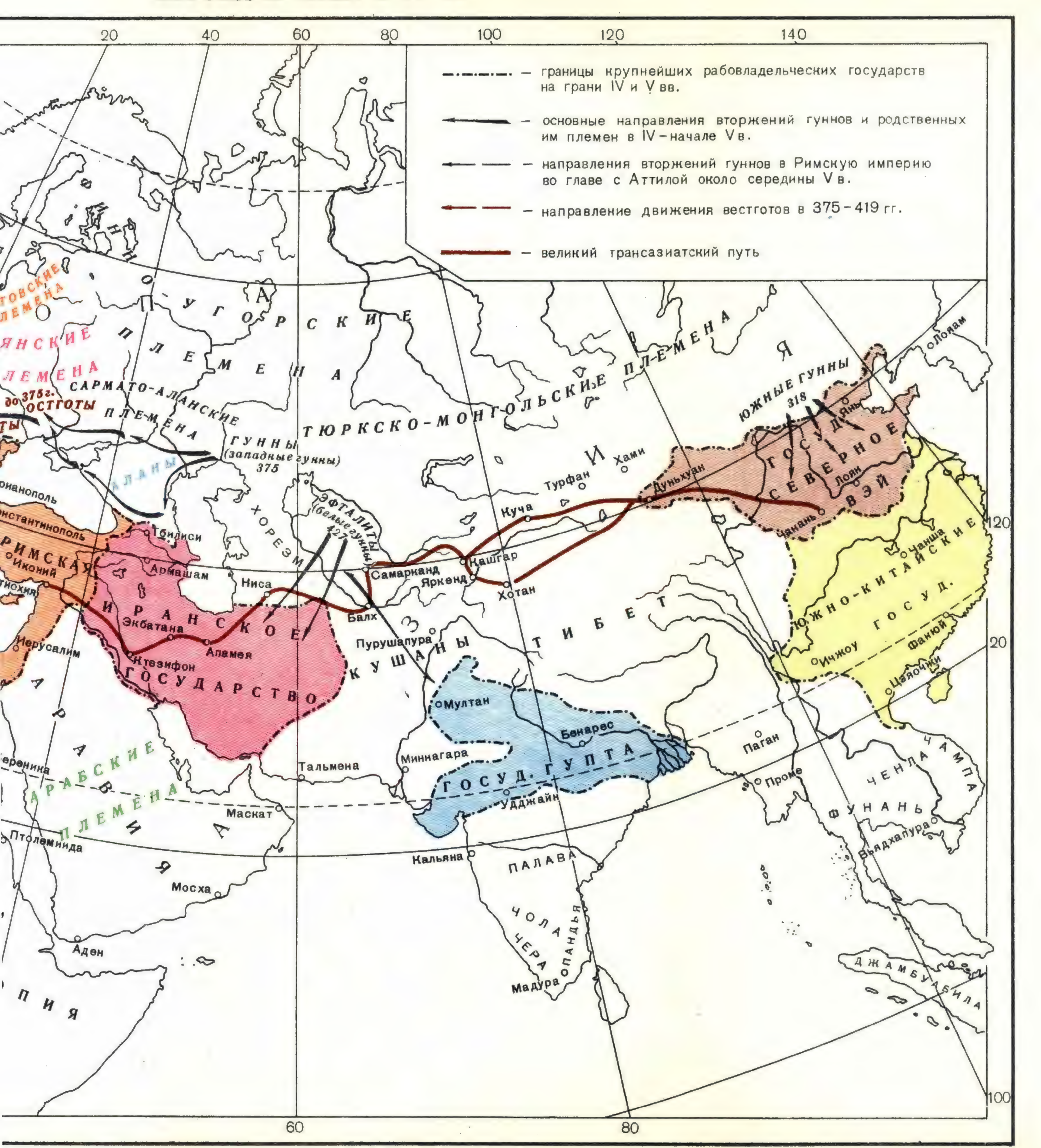
[2] Сторонниками дунайской прародины славян были М. П. Погодин, М. С. Дринов, И. Пич, В. О. Ключевский, Д. Я. Самоквасов, В. А. Городцов и др. Некоторые ученые, как, например, П. Шафарик, признавали дунайскую прародину только для очень отдаленных времен.

ЕВРОПА И АЗИЯ В IV В.



(Составл

ЕВРОПА И АЗИЯ В IV В.



(Составители В. В. Кропоткин, А. П. Левандовский)

первая в низовьях Западной Двины, вторая — на Висле и третья — на Среднем Днепре, откуда началось уже расселение восточных славян по русской равнине [1].

Еще в первой половине XIX в. стали отыскивать прародину славян в районе Вислы и сопредельных с нею областей. Поиски прародины в этих местах логически вытекали из слов древних авторов, размещавших венедов на берегу Балтийского моря и на Висле. Плиний Старший в своей «Естественной истории» (около 77 г. н. э.) описывает «Скифию» и омывающий ее с севера Северный океан, часть побережья которого называлась «Скифским берегом». Говоря о Сарматии, он отмечает, что «земли до реки Вистлы обитаемы сарматами, венедами, скирами и гиррами» [2]. Пространство на север от Дуная известно было Плинию плохо и рисовалось в виде вытянутой в широтном направлении узкой полосы в 4400 × 200 000 шагов, т. е. с соотношением 1 : 50 [3], тогда как на самом деле расстояние от Дуная до Балтийского моря равно половине длины Дуная и соотношение здесь — 1 : 2. Это — обычное для древних географов искажение малоизвестных им земель, затрудняющее расшифровку их сведений.

К сожалению, очень часто на исторических картах венедов помещали только на Висле, слишком ограничительно понимая слова Плиния, тогда как по прямому смыслу его текста венеды занимали значительную часть Сарматии до Вислы включительно.

Против узкого понимания слов Плиния говорит и текст его современника Тацита, отмечающего тесное соприкосновение венедов с сарматами и проникновение венедов к устьям Дуная. Он пишет, что «вследствие смешанных браков их облик несколько портится сходством с сарматами» [4].

Полоса соприкосновения венедов с сарматами была очень протяженной: от Карпатских гор и степей Потисья она тянулась далее на восток в южнорусские степи, доходя до Донца [5]. Если таким образом устанавливается

[1] *А. А. Шахматов.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. Карта, иллюстрирующая миграционные построения А. А. Шахматова, помещена в работе Б. А. Рыбакова «Радзімічы» («Працы сэкцыі археолёгіі», т. III. Менск, 1932, стр. 81—147); *П. Шафарик.* Славянские древности, т. I—II. М., 1837—1848.

[2] *Плиний.* Естественная история. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 2, стр. 285.

[3] Там же, стр. 279.

[4] *Тацит.* Германия. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей..., стр. 222.

[5] *К. Ф. Смирнов.* Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА XVII, 1953; *Ю. В. Кухаренко.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда). СА, XIX, 1954, карта на стр. 115.

Ю. В. Кухаренко пришел к выводу, что начиная со II в. н. э. славяне несколько оттесняют сарматов к югу и оседают в Днепровской луке. Во II—III вв. в степях между низовьями Днепра и Днестра появляется обряд трупосожжения, характерный для славян. В середине III в. более западные славянские племена (так называемой пшеворской культуры) проникают в бассейн Дуная на территорию современных Венгрии и Румынии. В полосе соприкосновения сарматов и славян встречаются смешанные кладбища, свидетельствующие о создании сельских общин с двойственным этническим составом.

широкая протяженность южной границы славянского мира, то протяженность северной границы определяется словами Птолемея (середина II в. н. э.):

«Сарматию занимают очень большие народы: венеды вдоль всего Венедского залива...», далее идет описание дунайского Закарпатья и Причерноморья; отсюда можно сделать логический вывод, что все пространство между южными сарматскими степями и Балтикой было занято, по представлению Птолемея, венедами. В полном согласии с этим звучат слова Иордана, определяющего область венедов как «неизмеримые пространства», занятые «многолюдным племенем венедов» [1].

В соответствии с этими свидетельствами, подкрепленными анализом топонимики, уже в конце XIX в. выработался более определенный взгляд на область размещения славянских племен на рубеже нашей эры. В 1896 г. появилась работа чешского слависта Любора Нидерле, тщательно изучившего вопрос о славянской прародине [2].

На своей карте Л. Нидерле размещает славянство в бассейне Вислы, на Волыни и в бассейне Верхнего и Среднего Днепра. Юго-западная граница опирается на Карпаты, а юго-восточная доходит до молдавско-украинских степей по Пруту, Днестру и Бугу. Восточная граница включает среднее течение Десны, а в своей северной части доходит до Смоленска. Карта Нидерле хорошо согласуется со сведениями древних авторов о южных рубежах славянства, но совершенно не отражает сведений о расселении славян вдоль побережья Балтийского моря, называвшегося даже «Венедским заливом» (Птолемей). Нидерле исходил из ошибочной предпосылки, что земли между Эльбой и Вартой всегда были заселены германскими племенами, а славяне появились здесь очень поздно и лишь после того, как германцы покинули эти земли [3].

Недавно у польских ученых, например, Лер-Сплавинского, появилась тенденция рассматривать в качестве прародины славян только западную часть той области, которую обрисовал в свое время Нидерле, сокращая ее вдвое и не включая в прародину земли восточных славян [4]. Позднее сам Лер-Сплавинский отказался от такого ограниченного понимания области

---

[1] *Иордан.* См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. ВДИ, 1941, № 1, стр. 232.

[2] *L. Niederle.* O původm Slovanů. Praha, 1896.

[3] Примерно такое же распределение археологических культур между германцами и славянами мы находим и на картах Ю. Костжевского (*S. Krukowski, J. Kostrzewski, R. Jakimowicz.* Prehistoria ziem Polskich. Kraków, 1939—1948, стр. 314 и 337; карты № 14, 16). Западная граница славянства доведена здесь до Среднего Одера. Болгарский ученый С. Романский в специальной работе о прародине западной границей славянства считает Вислу, а восточной — Десну (проф. *Ст. Романски.* Прародина и разселене на славяните. София, [1938], стр. 10).

[4] *T .Lehr-Spławiński.* O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Prace Inst. Zachodniego, N 2, Poznań, 1946; *его же.* Początki Słowian. Biblioteka Studium Słowiańskiego Uniw. Jagiell. Seria B, N 1. Kraków, 1946; *S. Nosek.* Zagadnienie prasłowiańszczyzny w świetle prehisorii. Światowit, XIX. Warszawa, 1949, 43, карта № 11.

первоначального расселения славян [1], но его более ранние взгляды оказали известное влияние на советских ученых, которые также стали связывать с венедами только западные области по Висле и Варте [2].

В последние годы появился ряд исследований, на основании которых мы можем с достаточной достоверностью очертить ту область славянского расселения, из пределов которой славяне начали свое историческое наступление на Римскую империю в первые века н. э. [3]

В эпоху Плиния и Тацита «великий народ венедов» занимал в Европе обширную область шириной около 600 км в меридиональном направлении и около 1600 км с запада на восток. Эта территория занимала часть побережья Балтийского моря («Венедского залива») от острова Рюгена с его знаменитым святилищем Святовита и до устьев Вислы. Юго-западная граница шла долиной Эльбы, Богемскими горами и Карпатами. Юго-восточная граница шла по краю степи от Карпат к Днепру, переходя и на левый его берег в бассейне Десны. Наименее ясная северо-восточная граница доходила, вероятно, до «Оковского леса», из которого, по словам летописца, вытекали Днепр, Западная Двина и Волга [4].

Область, заселенная славянами, занимала около миллиона квадратных

---

[1] *Т. Лер-Сплавинский.* Польский язык. М., 1954, стр. 19.

[2] *А. Д. Удальцов.* Племена Европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, 1946, № 2. В этой интересной статье автор связывает со славянами целый ряд упомянутых Птолемеем племен, которые в совокупности занимают на карте значительные пространства, близкие к нидерлевской схеме прародины, но название «венеды» автор считает не собирательным именем всех славян, а только наименованием одного из славянских племен, и помещает его в верховьях Немана.

М. И. Артамонов в своей статье «Венеды, невры и будины в славянском этногенезе» («Вестн. ЛГУ», 1946, № 2) связывает с венедами только области по среднему течению Вислы. В другой статье, «Венеды и лужицкая культуры» («Вестн. ЛГУ», 1951, № 1), М. И. Артамонов считает, что венедами можно называть только носителей культуры ящичных погребений в Прибалтике, еще более таким образом суживая область древних венедов.

[3] *K. Jażdżewski.* Atlas to the prehistory of the Slavs. Łódź, 1949. Эпоха I—II вв. отражена на карте № 9. С автором трудно согласиться, когда он для более раннего времени ограничивает славянство только областью на запад от Вислы (бронзовый век — карты № 1, 2).

[3] *П. Н. Третьяков.* Восточно-славянские племена. М., 1953, рис. 23.

Различие между картами славянства этих трех исследователей невелико; его нужно отнести за счет большего внимания к той или иной окраинной области: К. Ярджевский больше интересовался южной экспансией славян и показал на своей карте направление колонизации к Среднему Дунаю; П. Н. Третьяков, опираясь на работы Т. Лер-Сплавинского, уделил больше внимания, чем его предшественники, северо-восточным славянам, указав на карте их продвижение в бассейн оз. Ильменя и Верхней Волги. Расхождения определяются также и трудностью установления хронологии славянского единства и начала славянской колонизации.

Карта П. Н. Третьякова отражает несколько более поздний этап славянской жизни, чем две другие карты, что и объясняет ее отличия. См. «Очерки истории СССР», т. I, карта на стр. 520.

[4] В глазах летописца водораздел Волги, Днепра и Двины был очень важным географическим рубежом.

километров. В нее целиком входила одна из крупнейших компактных ландшафтных зон Европы — зона широколиственных лесов (от Эльбы до Десны). В южной части в эту область входили дубравы и буковые леса, а на юго-востоке — плодородная лесостепь. В почвенном отношении зона широколиственных лесов совпадала с подзолистыми почвами, а лесостепь — с черноземом. Более или менее однородная в климатическом отношении славянская область во всех своих частях была удобна для земледелия и оседлого скотоводства. Отсутствие заметных географических рубежей внутри области способствовало установлению связей между славянскими племенами и проникновению славян в соседние северо-восточные земли.

* * *

Одно из самых ранних свидетельств о славянах — драгоценные строки в «Германии» Корнелия Тацита (98 г. н. э.) — говорит нам об их подвижности и о походах как на север, так и на юг: «Венеды заимствовали многое из их (сарматских) обычаев, ибо они простирают свои разбойничьи набеги на все леса и горы, возвышающиеся между певкинами и феннами» [1]. Под феннами, живущими в плетеных хижинах, не знающими земледелия и охотящимися с костяными стрелами, нужно, очевидно, понимать народы далекого северо-востока Европы. Певкины — народ, живущий в то время в дунайских гирлах, входивших в состав Римской империи. Тацит сообщает нам как о внедрении славян в среду финно-угорских охотничьих племен, так и о походах на пограничные римские земли, где находились римские крепости. О местоположении острова Певки, по имени которого названы певкины, Плиний пишет: «...Истр... изливается в Понт шестью широкими устьями. Первое устье — Певкийское; недалеко от него лежит самый остров Певка...» [2] Счет устьев ведется с юга на север, следовательно, певкины находились внутри омываемого устьями Дуная пространства, и славянам, для того чтобы проникнуть к ним, нужно было преодолеть шесть гирл с болотистыми берегами. Здесь, в Добрудже, были римские города: Диногетия, Трезмис, Новиодунум, Эгисс, Аррубиум, Гальмирис и в конце I в., в эпоху Тацита, стояли два легиона римских войск. Походы венедов на эти задунайские области свидетельствуют о достаточной силе и организованности славянских дружин.

Сосланный в эти места (г. Томи) римский поэт Овидий Насон (умер в 18 г.) очень красочно описал бессилие рабовладельческих городов перед лицом конных дружин сарматов или гетов, которые, перейдя Дунай, держали в страхе римлян [3].

---

[1] *К. Тацит.* Германия. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 3, стр. 222.

[2] *Плиний.* Естественная история. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 2, стр. 277—278.

[3] «...Чуть часовой с дозорной вышки подаст сигнал тревоги, мы тотчас дрожащей рукой надеваем доспехи. Свирепый враг, вооруженный луком и напитанными ядом стрелами, осматривает стены на тяжко дышащем коне... Кругом грозят жес-

Стеклянный привозной кубок IV в. из могильника в районе с. Гавриловка Херсонской обл. (*а*); стеклянный привозной кубок IV—начала V в. из с. Нижний Струтин Станиславской обл. (*б*)

Овидий писал о гетах и сарматах, а через несколько десятков лет Тацит сравнивает с сарматами славян, нападавших на эти же самые места, отмечая, что венеды многое заимствовали из сарматских воинственных обычаев.

Основные поселения венедов, как можно судить по римской дорожной карте, начерченной в IV в. (но отражающей, вероятно, более ранние данные), дотянулись в это время с севера до низовьев Дуная, что должно было придавать особую напряженность борьбе с империей, посягавшей на их свободу.

токими войнами бесчисленные племена... Враг густыми толпами, подобно птицам, когда меньше всего ожидаешь его, налетает и уводит добычу, едва замеченный. Мы часто собираем посреди улиц ядовитые стрелы... Иногда, правда, бывает мир, но никогда — веры в мир» (*Овидий.* Печальные песни. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 1, стр. 232—234). Овидий жил в том городе, к которому и позднее устремлялись дружины из Восточной Европы. Так, в 544 г. город Томи (совр. Констанца) был осажден антами и аварами. Епископ Томи получил разрешение уплатить контрибуцию церковной утварью. Церковное блюдо епископа Патерна оказалось в составе знаменитого Перещепинского клада, зарытого на славянской земле в окрестностях Полтавы.

* * *

В первые четыре столетия нашей эры область размещения славян в Европе значительно расширилась. Выходцы из земли венедов продвигались на юг, заселяя плодородный бассейн Тиссы и левобережного Дуная.

Археологические материалы говорят о продвижении славян в середине III в. к низовьям Днепра и в Подунавье.

Особый интерес с точки зрения южной колонизации славянства представляет римская дорожная карта, известная под именем «Певтингеровой таблицы».

В 1507 г. библиотекарь К. Цельтес нашел в Аугсбурге в доме Конрада Певтингера пергаменный свиток древней карты Европы, Африки и Азии с нанесенными на нее дорогами, городами и расстояниями между ними [1].

Составление оригинала этой карты связывают с именем римского географа Кастория, жившего накануне гуннского нашествия. Никаких следов гуннов в Европе на этой карте нет, и поэтому она должна быть датирована временем до 375 г. Л. Нидерле предполагает даже, что оригинал карты должен быть датирован III в. [2].

Карта представляет собой длинный, вытянутый в широтном направлении свиток, дающий весь Старый Свет как бы в перспективной проекции, т. е. так, что срединная часть со Средиземноморьем и Малой Азией показана более подробно, а южные, северные и восточные окраины даны в сильном сокращении, во-первых, потому, что там не было римских дорог, а во-вторых, потому, что римские географы плохо знали северо-восточные земли.

Показывая довольно точно мелкие реки и города в известной ему части земли, древний картограф сильно сокращал не известные ему области. Так, в интересующем нас Подунавье и Причерноморье географический кругозор Кастория проходил через Карпаты и верховья таких речек, как Когильник (Агалинга). Там, где кончались его знания, он провел береговую линию Балтийского моря, которое оказалось, таким образом, на карте примерно на расстоянии 200—400 км от Черного моря и Дуная, тогда как на самом деле это расстояние равно 1300—1400 км. Нас особенно интересует размещение на этой карте венедов. Они упомянуты дважды, и оба раза на север от Дуная. То обстоятельство, что венеды помещены на карте как бы на берегу Балтики, нас не должно смущать, так как в одну линию с ними показаны различные сарматские племена (пустынные сарматы, амаксобии-сарматы и люпоны-сарматы) и сами венеды названы здесь «венедо-сарматами». Следовательно, речь идет не о Балтике (где мы знаем венедов по другим источникам), а о северном пределе знаний Кастория, проходившем невдалеке от Дуная и его левых притоков.

---

[1] *K. Miller*. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916.

[2] *L. Niederle*. Указ соч. К. Миллер относит время составления карты к 60-м годам IV в. Картой Кастория пользовался в 670 г. Равеннский космограф.

Определить точнее местоположение «венедо-сарматов» помогают близлежащие дакийские города: Сармизегетуза (Ульпия Траяна), Апулия и Поролиссо (конечный пункт римской дороги). Эти города расположены на Мароше и в верховьях Тиссы. Следовательно, славяно-сарматскую область мы должны искать в долине Средней Тиссы.

Славянские колонисты находили здесь плодородные возделанные поля и хорошие пастбища, привлекавшие всегда в Потисье и кочевников. Вторым местом на карте, где были указаны венеды, были низовья Дуная.

Венеды помещены здесь на север от Дуная между ним и небольшой речкой Агалингом (совр. Когильником), впадающей в Черное море. Расстояние от Дуная до Когильника около 100 км. Трудно сказать, когда славяне появились в низовьях Дуная, но здесь следует еще раз вспомнить Тацита, рассказывавшего и о «венедо-сарматах» и о походах славян на певкинов. От р. Агалинга до острова Певки всего 130 км.

Наличие славян-венедов в низовьях Дуная и в бассейне Тиссы накануне вторжения в эти области готов, а затем и гуннских полчищ очень интересно и объясняет многое в позднейшей истории Подунавья в гунно-аварское время.

В середине V в., когда гунны овладели долиной Дуная, византийский дипломат Приск Панийский путешествовал на север от Дуная и записал славянские слова местного населения: «В деревнях нам доставлялось продовольствие, притом вместо пшеницы — просо, а вместо вина — так называемый по-туземному «мед»...» Славянское слово «мед» свидетельствует еще раз о заселении славянами обширных пространств Подунавья [1].

* * *

Из разнородных источников мы узнаем о значительном продвижении славянских колонистов на юг в плодородные черноземные области дунайского левобережья, в земли даков и иллирийцев. Проникновение славян

---

[1] *Приск Панийский.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 253. Приск Панийский сообщает также о туземцах, перевозивших его через Дунай, отмечая у них лодки, выдолбленные из дерева (что напоминает рассказ Константина Багрянородного о славянских лодках-однодревках). Описание деревянного дворца Аттилы, украшенного башнями и окруженного деревянной стеной, давно уже приводило исследователей к мысли, что строителями его были славяне. Столица Аттилы находилась где-то в восточной части современной Венгрии, т. е. там, где уже в IV в. засвидетельствованы венеды.

Приск говорит о гуннах (по его терминологии, «скифов»), что они «будучи сборищем разных народов, сверх своего собственного варварского языка, охотно употребляют язык уннов или готов или же авзониев (римлян) в сношениях с римлянами».

Исследователь истории гуннов А. Н. Бернштам, склонный вообще излишне переоценивать роль гуннов, в вопросе о языках, употреблявшихся на территории Гуннского каганата, держится мнения, что «варварский язык» — это тюркский язык гуннов, а тот, что Приск назвал «языком уннов», — славянский язык племен, завоеванных гуннами (*А. Н. Бернштам.* Очерки истории гуннов. Л., 1951, стр. 167).

Драгоценные предметы из погребения варварского князя IV—V вв., найденного в верховьях р. Суджи:

а — б — **золотая** шейная гривна с инкрустированным медальоном; *в* — серебряный кувшин; *г* — серебряный фалар

было, по всей вероятности, мирным, постепенным, но массовым, так как в послегуннское время единственным заметным этническим массивом в этих областях стали славяне.

Серебряная фибула, инкрустированная гранатами, III—IV вв. из клада у г. Нежина в Поднепровье

Сохранились краткие, но очень важные для нас описания размещения славян накануне великого продвижения их на Балканский полуостров в борьбе с Византией. Автором сведений является алан Иордан, нотарий одного из готских князей, Гунтикиса, находившегося на римской службе в Мезии на Дунае; он писал в середине VI в. одновременно с Прокопием Кесарийским и Псевдо-Захарией Ритором. Иордан широко использовал не сохранившуюся до нас хронику Кассиодора, придворного историка готских королей, писавшего в V — начале VI в. [1]

Географические познания Иордана, важные для нас в определенной части, можно распределить на три группы. Во-первых, недостаточно ясные сведения об эпохе, предшествующей описываемому им времени. Здесь упоминаются скифы, амазонки, роксаланы и другие народы. Иордан сознательно удревнил историю готов, отождествив их с гетами и создав этим значительную путаницу. Во-вторых, сведения Иордана об этногеографии той эпохи, которую он описывал наиболее подробно (IV—V вв.), и, в-третьих, сведения, современные ему самому (середина VI в.). Возможно, что некоторые географические данные внесены в труд Иордана много позднее другими лицами.

---

[1] В своем предисловии к сочинению «Гетики» Иордан сообщает, что он пользовался книгами Кассиодора только в течение трех дней. «Хотя я и не припоминаю самых слов этих книг, однако я уверен, что целиком удержал в памяти и их замысел и (описанные) события». В своих трудах Иордан стремился подражать пышному придворному стилю восхвалений готов, пытаясь «трубить в великолепную трубу его (Кассиодора) красноречия» и дополняя все это легендами и устными сказаниями. Как секретарь готского полководца из рода Амалов, Иордан льстиво воспевал походы и победы этой династии. (*Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. (Гетики). Перевод Е. Ч. Скржинской. Рукопись сектора византиноведения Института истории АН СССР).

Географическое введение Иордан начинает с описания Северного Океана, названного им «кругом всего мира», и острова Скандза (Скандинавии). Упоминаемые здесь три десятка прибалтийских племен трудно истолковать, так как перепутаны лапландские, финские, германские и славянские (руги, рании) племена.

Рассказав о продвижении готов из Скандзы в Ойум-Скифию, Иордан переходит к описанию Скифии. По его представлениям, Скифия на западе начинается у истоков Дуная и Мурсианского озера и тянется до земли Серов (китайцев), живущих, по Иордану, на берегу Каспийского моря. На юге Скифия ограничена Дунаем, Черным морем, Кавказом и Ираном; на севере — океаном.

Как у всех древних географов, у Иордана не было правильного представления о пространстве между Черным и Балтийским морями — оно казалось ему небольшим и «океан» казался очень близким к Дунаю и Понту. По существу Иордан знал только узкую прибрежную полосу в несколько дневных переходов. Это нужно учесть при анализе его географических сведений.

В Скифии ему были известны Тисса, Дунай, Олюта, Днестр, Днепр, Дон, Таврские горы, Рифейские горы, Меотида.

Подробнее всего Иордан знает географию земель, ограниченных с юга Дунаем, а с севера — Карпатами,— Дакию. Путая готов и гетов, он называет эту землю Готией.

Можно выделить три хронологических слоя в рассказах Иордана о географии Дакии: первый — сарматский, относящийся, очевидно, к рубежу нашей эры (дунайско-карпатское пространство заселено сарматскими племенами языгов и роксалан, границей которых служит р. Олюта); второй слой сведений относится к тому времени (не позднее начала IV в.), когда на берегах Марицы и Кризии появились вандалы. Позднее на месте вандалов оказались гепиды, но ко времени Иордана гепидов здесь, очевидно, уже не было, так как он на всем пространстве между Дунаем и Вислой помещает славян.

Остановимся подробнее на разборе географических сведений Иордана о славянах и их ближайших соседях, так как эти сведения очень важны для понимания истории славянства в VI в.

«В Скифии первыми с Запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками: на севере и северо-западе (по его области) протекает Тизия (Тисса), с юга же эту область отсекает сам великий Данубий (Дунай); а с востока пересекает Флютавзий (Олюта), стремительный и полный водоворотов, он, ярясь, катится в воды Истра.

Между этим реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются Склавенами и Антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Вислы; вместо городов у них болота и леса.

Анты же — сильнейшие из обоих (племен) распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину, эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов [1].

На побережье Океана, там, где через три гирла поглощаются воды Вистулы, живут Видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег Океана держат Эсты [2], *вполне мирный народ.* К югу соседит с ними сильнейшее племя Акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты» [3]. «Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения Булгар, которых весьма прославили несчастья (совершившиеся) по грехам нашим» [4].

Далее Иордан описывает гуннов, отмечая их разделение на две ветви: «Алциагиры — около Херсона, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они (алциагиры) бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» [5].

Кроме того, Иордан глухо упоминает савиров, живших, очевидно, восточнее алциагиров и хунугуров, известных торговлей шкурками грызунов.

На северном берегу Меотиды Иордан знает готов. Далее на восток его сведения, к сожалению, не простираются. Характерно, что и для савиров

---

[1] Далее следует текст, который, по всей вероятности, является вставкой, так как он нарушает принятый автором порядок описания с запада на восток. Предполагаемая вставка напечатана курсивом.

[2] Помимо нарушения географического порядка, этот отрывок отличается и написанием р. Вислы. В этом отрывке так же, как и в приведенном выше тексте о венедах, употреблено архаичное — Вистула (идущее от Птолемея), тогда как в рассказах о склавенах — более новое Вискла. Очевидно, рассказ о видивариях и эстиях находился вместе с рассказом о гепидах и венедах в каком-то более раннем источнике, относящемся к тому времени, когда «имя венедов» еще не изменилось «в зависимости от племен и мест».

[3] Акациры — одно из гуннских племен, жившее где-то в Причерноморье; в 448 г. были покорены Аттилой (*М. И. Артамонов.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 112). В VII в. Равеннский космограф писал: «Иордан называет акацирами тот народ, который мы теперь называем хазарами» (там же, стр. 111). Упоминание акациров в качестве «южных соседей» еще раз убеждает в правильности нашего предположения о вставке, перебившей основной текст,— гунны-акациры не могут быть обозначены как южные соседи вивидариев или эстов. Рассказ об акацирах продолжает систематическое рассмотрение народов с запада на восток; после склавенов упомянуты анты, а после антов — их южные соседи — акациры.

[4] *Иордан.* Гетики.

[5] *Иордан.* Гетики. По всей вероятности, акациров и алциагиров нужно считать одним и тем же народом, начертание имени которого попало к Иордану из разных источников. Местоположение их в крымских степях и низовьях Днепра вполне согласуется с тем, что они были южными соседями антов.

и хунугуров он не смог указать точных географических ориентиров. Этим и заканчивается систематический географический обзор «Скифии».

Разберем сведения Иордана о размещении славян и антов. Мурсианское озеро надо искать близ г. Мурса в низовьях Дравы, у излучины Дуная, где эта река меняет южное направление на восточное. Ближайшим озером является огромное оз. Балатон, носившее в позднеримскую эпоху славянское название Pelso — Плесо (сравни Плесков — Псков). В этом направлении действительно давно уже шла славянская колонизация.

Озеро Плесо и течение Дуная от современного Будапешта до Белграда следует считать западной границей расселения склавенов Иордана.

Город Новиетунум — это, очевидно, Новиодунум в низовьях Дуная (совр. сел. Исакча) на правом южном берегу, рядом с Диногетией.

Так как оба пункта (Мурса и Новиодунум) находятся на Дунае, то долину Дуная и нужно, очевидно, считать южной границей постоянных (законных с точки зрения Иордана) поселений славян. То обстоятельство, что Мурса и Новиодунум расположены за Дунаем, на его южном правом берегу, может говорить в пользу того, что славяне овладели долиной реки. Впрочем, Иордан мог выбрать эти правобережные города лишь в качестве хорошо известных ориентиров. Северной границей земли славян были Карпаты и Бескиды, за которыми начинались земли венедов. Восточной границей славян была р. Днестр: далее жили анты.

Таким образом, под землей «склавенов»— славян Иордан понимал далеко не всю славянскую область в Европе, а только определенную часть ее, сравнительно небольшой прямоугольник (примерно 600 × 800 км), опирающийся своей южной стороной на Дунай.

Русский летописец, автор «Повести временных лет», как уже говорилось, хорошо знал область расселения славян на Дунае: «...сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» [1].

Территории Венгерского королевства и Болгарского царства в XI в. занимали как раз то течение Дуная, которое Иордан обозначил словами: «от озера Мурсианского до Новиодунума». Венгрии принадлежали земли на север от Дуная до Карпат включительно.

Летописец очень точно воспроизвел очерченную Иорданом область «склавенов» и, так же как и Иордан, отметил, что «имя их меняется в зависимости от племен и мест...» «и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ...» [2]

* * *

VI век — время значительных перемен как в судьбах самого славянства, так и той роли, которую славяне играли в важнейших событиях.

---

[1] В X в. создавались географические карты, отражавшие не современную им действительность, а именно ту картину, которую рисовали Кассиодор и Иордан: «Готия» на месте Дакии, гунны на Дунае, архаичность названий (Вистула, Альбис, Истр-Данубий и т. д.). Такова «Англо-саксонская карта мира» X в .

[2] «Повесть временных лет», стр. 11.

Мы проследили, как постепенно расширялась на юг область, заселенная славянами, как славяне вплотную приблизились к границам рабовладельческой Римской империи. События IV—V вв.— борьба империи с готами и гуннами — временно заслонили от нас историю славянства, но к VI столетию мы видим славян наступающими на империю на широком фронте почти в 800 км.

Поэтому особый интерес приобретают сведения авторов VI в., современников борьбы славян с рабовладельческой Византией, о размещении славян в Европе, о крупных делениях внутри славянства. В этих сведениях славяне выступают под различными именами (венеды, анты, склавены, споры), в которых нам надлежит разобраться.

У Иордана, кроме приведенных выше сведений об итогах мирной славянской колонизации в VI в., имеется еще несколько упоминаний о славянах [1].

Имя венедов Иордан упоминает еще раз в связи с событиями IV в.: «После избиения герулов тот же Германарих поднял оружие против венедов. Они хотя и презираемые как воины, но мощные своею численностью, сперва пытались оказать сопротивление... Они, как мы установили в начале изложения, именно в перечне народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени: то есть венеды, анты и склавины.

Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсюду, но тогда все подчинялись приказам Германариха.

---

[1] Описывая балтийское побережье, Иордан (Гетики, § 24) говорит о племенах, соседящих с данами (датчанами), но не являющихся германцами. Среди них упоминаются «рании», в которых, быть может, следует видеть славянское племя «руян» на острове Рюгене, «граннии» может быть «укране», и «ругии»,— может быть, еще одно из племен, населявшее Рюген. Иордан отмечает, что эти племена «превосходят германцев как телом, так и духом, сражаясь всегда со звериной лютостью». Иордан причислил эти племена к славянству, но, по всей вероятности, они относились к венедам, к балтийским славянам, жившим на берегу Венедского залива. Вторым косвенным упоминанием о славянах является рассказ о борьбе готов со «спалами» во время их передвижения с Балтики в Причерноморье. Пройдя какую-то реку с болотистыми берегами, готы оказались в стране Ойум-Скифии и сразились здесь с племенем спалов; «отсюда они двинулись к пределам Скифии, соседящим с Понтийским морем». Можно заключить, что спалы находились в северных пределах Скифии, удаленных от Черного моря и близких к какой-то болотистой стране Страна болот всегда рассматривается исследователями как Припятское Полесье, земля дреговичей-«болотников», а сплавы обычно отождествляются с «полями», полянами, жившими действительно в северных пределах Скифии.

Возможно и другое решение вопроса: Иордан в другом месте говорит о том, что в устьях Днепра близ древнего местонахождения готов «есть остров по имени Ахиллов, а между ними лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами»; имеется в виду «Гилея» Геродота (позднейшее русское Олешье). Если театр действий перенести сюда, то масштабы событий уменьшатся и столкновение со спалами нужно приурочить к району Перекопа по соседству с «огромнейшей» (а на самом деле небольшой) лесистой местностью в низовьях Днепра. Тогда славянство спалов придется подвергнуть сомнению.

Слова Иордана находятся в полном согласии со свидетельствами Плиния, Тацита и Птолемея о названии венеды как древнейшем собирательном имени всех славян, соответствующем их первоначальному размещению между Эльбой и Доном. Очень ценно двукратное утверждение Иордана о генетической связи антов и склавенов с древними венедами. Оно предостерегает нас от противопоставления антов славянам, которое иногда допускают историки [1].

Вторым автором, оставившим нам подробные и точные сведения о славянах и антах, был современник Иордана — Прокопий Кесарийский.

Секретарь полководца Велизария, Прокопий участвовал в ряде походов с 527 по 546 г. и в 554 г. закончил свою восьмитомную «Историю войн императора Юстиниана». Широкая осведомленность автора, его критическое отношение к источникам, отсутствие предрассудков в сочетании с образованностью и природным умом — все это делает очень ценными и его сведения о географическом размещении славян [2].

Географические сведения Прокопия в основе своей не противоречат данным Иордана, а лишь дополняют и уточняют их. Прокопий не указывает рубежа между землями антов и склавенов, а размещает и тех и других «по ту сторону реки Дуная недалеко от его берега» [3].

Однако по статистике походов антов и склавен на византийские земли видно, что склавене занимали более западное положение, а анты — более восточное. Так, на Фракию совершали походы и анты [4] и склавены (последние преимущественно на западные области Фракии) [5].

А на расположенную в западном течении Дуная Иллирию походы совершали только одни склавены; анты в этих западных походах участия не принимали [6].

Прокопий отмечает присутствие антов значительно дальше на восток, чем Иордан, определивший их границу на Днепре, он говорит об антах в связи с географией Нижнего Дона [7].

Основное отличие сведений Прокопия от Иордана заключается в том, что он не отодвигает антов так далеко на запад (за Днестр), как Иордан, но это, возможно, объясняется тем, что Иордан, писавший только в одном месте своего труда о местоположении антов и склавенов, говорил об основных поселениях, а Прокопий, описывавший ход событий, неоднократно

[1] Например, Г. Вернадский (*George Vernadsky*. Ancient Russia. New Haven, 1952, стр. 106).

[2] *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950, стр. 10—24. Иную оценку нужно дать сведениям Прокопия о внутренней жизни антов и славян. Как выразитель идей рабовладельческой знати Прокопий излишне подчеркивал темные стороны жизни тех народов, которые боролись с Византией.

[3] Там же, стр. 156 и 295. Вместе со склавенами и антами на левом берегу Дуная Прокопий в обоих случаях помещает и «гуннов» — авар.

[4] *Прокопий из Кесарии*. Война с готами, стр. 295 и 370.

[5] Там же, стр. 364, 369 и 373. Походы на р. Hebrus — Марицу, Солунь и Адрианополь.

[6] Там же, стр. 337, 364 и 459.

[7] Там же, стр. 384.

говорил о массах славянских дружин, накапливавшихся «по ту сторону Дуная», в составе которых были и склавены и анты.

Проникновение антских дружин во Фракию, трудно объяснить, не предположив их предварительного скопления на Дунае, особенно в Добрудже, где мы знаем венедов еще с IV в.

Бронзовая пряжка VII в. с изображением человеческого лица из Киевской обл.

Прокопий, как и Иордан, очень твердо говорит об этническом единстве склавенов и антов: «...у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы... У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга... и некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли «спорами» (рассеянными), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден» рассеянно, отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много» [1]. Собирательное имя славян — «венеды» Прокопий не употребляет совершенно, но северо-западные земли славян он знал [2]. Единство антов и славян подтверждает и такой источник, как «Стратегикон», приписываемый императору Маврикию (конец VI в.). «Племена славян и ан-

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 297—298. Приведенный Прокопием этноним славян «споры» надо, разумеется, толковать не из греческого языка, как это делает он, а привлекая ряд сходных по смыслу славянских обозначений:

«со сѣди» — совместно живущие
«съ-рабы» — совместно работающие
sorabi (Эйнгард)
surbi (Фредегар)
серебь (Нестор)

Отсюда при перестановке согласных получается «себры» (сябры, шабры) — «соседи». От этой формы и могла произойти грецизированная форма «споры». Впрочем, здесь мог участвовать и другой древний славянский корень «пор», который образует такие слова, как «о-пора», «на-пор», «с-пор», «с-поро» (в смысле дружно). Тогда слово «съ-поры» должно было иметь смысл, очень близкий к слову «съ-рабы». По византийским источникам VII—X вв. мы знаем, что славян часто называют δρουγγος от славянского слова «задруга» — община.

Так, название социально-производственного коллектива могло послужить основой для собирательного имени этого народа в устах его соседей.

[2] Так, говоря о расщеплении племени герулов, Прокопий отмечает, что одни из них поселились в Иллирии, а другие «обосновались на самом краю обитаемой земли», куда они попали пройдя на север «через все славянские племена» и через какую-то пустыню, после чего достигли земли варнов, а затем и земли данов (там же, стр. 209—210).

Варны — славянское племя, известное нам по средневековым источникам; они входили в племенной союз бодричей.

тов сходны по своему образу жизни, по своим правам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране» [1].

В смысле определения географического размежевания склавенов и антов автор «Стратегикона» одинаков с Прокопием. Он не разделяет их географически, как Иордан, а помещает и тех и других на левом берегу Дуная: «Их реки вливаются в Дунай» [2].

Итак, по свидетельствам авторов VI столетия, рисуется следующая картина: славянские племена, занимавшие значительные пространства на север от Карпат, назывались в древности венедами. В IV—VI вв. имя венедов сохранялось, но наряду с этим наименованием появились два новых: анты и склавены. Анты и склавены происходят от венедов и во всем подобны друг другу. Склавенами называли славянские племена, жившие как по Дунаю, так и далее на восток до Днестра, а антами — славянские же племена, жившие восточнее склавенов. Очевидно, авторам VI в. (знавшим только сравнительно узкую южную полосу восточноевропейских земель) не была известна вся территория, заселенная «бесчисленными племенами антов», и они смогли назвать только три области, где анты как бы вклинивались с севера в орбиту их ограниченных географических познаний. Эти области таковы: а) Нижний Дон, где анты были соседями утургуров; б) пространство между Днепром и Днестром, где всегда славянские поселения шли клином на юг, достигая моря; в) левобережье Дуная, где имя антов заменило в VI в. имя венедов (IV в.) в самых низовьях этой реки (и куда анты проникали, смешиваясь с родственными им склавенами, иногда сталкиваясь с ними, а чаще предпринимая совместные с ними походы на Византию в ее восточные, фракийские области). Северная и северо-восточная граница расселения антов авторам VI в. осталась неизвестной. Так же в полном пренебрежении у этих авторов осталась и область венедов, о которой бегло упомянул один лишь Иордан. Это вполне понятно, так как все эти авторы описывали не славян вообще, а только ту борьбу между Византией и славянством, которая велась на дунайском рубеже и внутри империи, на юг от Дуная.

Общеславянское имя венедов мы должны считать характерным для эпохи славянского единства и дожившим до IV—VI вв. По смыслу его связывают со славянским «вѧщий» — наибольший. В немецких наречиях обозначение венетов-венедов существует от средних веков до сих пор в форме Wenden, Winden. Для нас особенно важно, что в финских языках для обозначения русских сохранилось то же древнее имя венедов: wene (эст.), vänä и др. Это свидетельствует о том, что не только западная часть славянства, но и его восточная часть носила в древности одно имя венедов.

В первые века н. э. самым восточным славянским племенем, вдававшимся в гущу финно-угорских племен на Оке, были вятичи («вѧтичи»).

---

[1] Стратегикон. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 253.

[2] Там же, стр. 256.

Как это часто бывает, именно на пограничье с инородными племенами, дольше всего сохраняется общее собирательное наименование народа. Древнее имя венедов сохранилось на западе на славяно-германском пограничье, на северо-востоке на славяно-финском пограничье и на востоке (тоже на славяно-финском рубеже) в форме «вѧтичи», т. е. «вентичи», венеды. Восточные авторы, знавшие вятичей, живших на Дону и соприкасавшихся с Хазарией, называли их «вантит». Вполне возможно, что где-то на юго-востоке славянского мира в ту эпоху, когда славяне-венеды особенно усиленно проникали на юг и соприкасались с иноязычной средой, и произошло в чужих устах изменение внешней формы их древнего имени и «венеды-вѧты» превратились в «вантит» и в «антов». Форму «вантит» мы находим в арабской, персидской и еврейской передаче (Ибн-Русте, Гардизи, Иосиф Хазарский).

Форму «анты» сохранили вплоть до XIX в. адыгейские племена на Северном Кавказе, в районе древнего Тмутараканского княжества.

На страницах греческих и латинских сочинений VI в. имя восточных славян оказалось уже в измененном виде — в форме «анты», попав сюда вместе с описаниями их походов. Иноязычной средой, исказившей слово «венеды», «вѧты» в «анты», скорее всего была среда сармато-аланская, не знавшая носовых звуков, свойственных славянскому языку, и для которой характерно выпадение звука «в» в начале и внутри слов [1].

В низовья Дуная (где картой Кастория засвидетельствованы «венеды» для III—IV вв.) «анты» попали не как чуждый народ с другим именем, а как новая волна славянских поселенцев, древнее имя которых было уже изменено к VI в. их южными степными соседями, также двигавшимися в этом же направлении. Упомянутое Иорданом ограничение расселения антов только пространством между Днестром и Днепром мы не имеем права понимать буквально, т. е. что анты только там и проживали. Все, что мы знаем об ограниченном кругозоре древних авторов (особенно в отношении Восточной Европы) и фиксирующие эту ограниченность средневековые карты, помещающие «Северный Океан» рядом с Черным морем, а «Дакию» и «Готию» на берегу этого Океана,— все это убеждает нас в том, что Иордан знал только часть антов, ту, которая жила «на излучине Понта между Днестром и Днепром», но из этого никак нельзя делать вывод, что земля антов на севере кончалась там, где кончались знания Иордана. С антами-венедами нужно связывать хорошо известную археологическую культуру полей погребений черняховского типа, относящуюся ко II—V вв. и распространенную далеко за пределами «излучины Понта» в лесостепной полосе.

---

[1] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, раздел «Скифский язык», «В скифском языке уже наметилось одно характерное для осетинского явление: отпадение «v» в начале, а также внутри слова», стр. 208.

Скифо-сарматы могли изменить вѧты (венты) в анты, а отсюда оно попало и к византийцам. Сами же себя восточные славяне называли венетами, в отдельных случаях — вятичами. Никаких следов употребления термина «анты» в русской среде нет.

Глиняный гончарный кувшин III—IV вв. из могильника в с. Ромашки Киевской обл.

Нередко считают, что днестровско-днепровские анты образовывали прочный и постоянный племенной союз, обособившийся от остальных славян. Говорят даже о державе антов как предшественнице Киевской Руси, понимая под антами только юго-западную часть восточнославянских племен [1].

Исходя из особенностей наших источников, бесполезно пытаться привязать термин «анты» к какой-то ограниченной территории и спорить о пределах антской земли. Под антами мы должны подразумевать все восточное славянство в том несколько туманном виде, в каком оно рисовалось его южным соседям, хорошо знавшим славян и на Дону, и на Черном море, и на Дунае, но плохо представлявшими себе, как далеко на север простираются земли «бесчисленных племен антов» [2].

Термин «склавены, «словѣнѣ», «славяне» вызывали множество различных толкований. Это наименование сближали и со «славой» и со «словом»,

[1] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953.

[2] Крайней западной областью, где засвидетельствовано превращение названия венедов в «анты», является область на Среднем Дунае, через которую проходили лангобарды, назвавшие ее «край антов». Необязательно думать, что именно восточные славяне проникли так далеко на запад. В Паннонии, к моменту прихода лангобардов, давно уже находились пришедшие с востока сарматские племена языгов.

и даже с латинским «sclavus» — раб, хотя источники прямо говорят о том, что славян и антов «никоим образом нельзя склонить к рабству и подчинению».

При разборе этого наименования прежде всего нужно обратить внимание на то, что оно появляется только в определенное время и только на определенной территории.

Самым ранним упоминанием словен (суобене) следует считать текст Птолемея, поместившего это название в Сарматии в отдалении от венедов [1]. Затем склавены упоминаются многократно авторами VI в., но всегда только за пределами древней, основной области размещения славянских племен. Таковы точные сведения о склавенах на Дунае у Иордана.

Русская летопись, подтверждая дунайские поселения словен, отмечает еще только одну область, где вклинившиеся в финно-угорскую среду славяне «нарекошася своим именем»,— это область ильменских «словѣн», почти со всех сторон окруженная иноязычными: чудью, ижорой, весью. Бассейн оз. Ильменя не входил первоначально в древнюю область расселения славянских племен, и славяне появились здесь в первые века н. э. Название «славиун» носили какие-то юго-восточные русские колонисты в X в., жившие поблизости от хазарских владений и платившие дань хазарам.

До наших дней наименование «словен» сохранили народы на окраине славянского мира, на пограничье с иноязычными группами: словаки (на границе с венграми), словинцы (на границе с австрийцами) и словенцы (на границе с итальянцами).

Этноним «словене» представляется составным, слагающимся из двух частей; вторая часть — «вене» настолько близка к сохранившемуся до сих пор эстонскому наименованию славян («wene» — от древней формы венеды), что с этим нужно считаться.

Возможно, что новые поселенцы на Дунае, на Дону или на Ильмене, появившись в чужеязычной среде, называли себя так, чтобы указать на свою связь с коренными землями венедов, и поэтому в их новом названии явственно звучит древний корень «вене». На Дунае встречались выселенцы из многочисленных и различных славянских племен, но всех их объединяло единство языка и культуры, они хорошо осознавали родственную связь как между собой, так и с племенами, покинутыми ими, и это сознание выразилось в наименовании «словѣнѣ», которое, быть может, следует перевести примерно так — «люди (из земли) венедов» или «происходящие от корня венедов». Появление нового собирательного имени, ставшего рядом со старым (а потом и заслонившего его), объясняется прежде всего тем, что процесс продвижения славян на юг означал в то же время и распад старых племенных отношений. Переселялись отдельные

[1] *L. Niederle.* Rucovět..., стр. 41; *А. Д. Удальцов.* Племена Европейской Сарматии. СЭ, 1946, № 2, стр. 48, карта на стр. 47. Автор не приводит оснований размещения словен на Волыни.

группы, части племен, и на новом месте они становились в новые отношения к своим соседям, так же порвавшим с родными племенами.

Процесс колонизации сам по себе не мог, разумеется, уничтожить родоплеменные отношения,— они продолжали существовать вплоть до смены их феодальными,— но первоначальная племенная замкнутость была нарушена, создались новые территориальные, соседские связи, развитие которых и вызвало к жизни новое собирательное имя — словене [1].

Образование в VI—VII вв. наиболее мощных и крупных племенных союзов именно на юге славянского мира (что было обусловлено борьбой с Византией и кочевниками), в тех местах, где собирательным названием являлось «словене», привело в дальнейшем к тому, что это название не только закрепилось за отдельными окраинными областями, но и приобрело всеобщее значение для всего славянства, вытеснив древнее — «венеды». Еще Прокопий в VI в. иногда ошибочно называл заведомых антов славянами (как это было в двукратном описании эпизода пленения Лже-Хилбудия Нарсесом) [2].

В VII—IX вв. имя «словен» покрыло почти все славянские племена [3]. «Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь» [4].

3

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ И БЫТ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Скрытая от глаз древних авторов внутренняя жизнь славянских племен, раскрывается нам в своей динамике благодаря тщательному изучению археологических материалов.

С именем древних венедов рубежа н. э. на территории Восточной Европы легче всего связать так называемую зарубинецкую археологическую культуру, распространенную от Западного Буга на западе до Днепра и Десны на востоке и от водораздела Западной Двины и Припяти на севере до начала Волыно-Подольской возвышенности на юге и рек Роси и Тясмина на юго-востоке. На всей этой территории уже в начале II в. до н. э. появляются весьма однообразные памятники — поселения и связанные с ними могильники, которые у археологов получили условное наименова-

---

[1] Исходя из изложенного, в дальнейшем для устранения путаницы мы будем пользоваться только исторически более устойчивым именем славян, подразумевая под ним все славянство вообще (в том числе и восточное), и только в отдельных случаях упоминать антов, когда источники будут прямо противопоставлять их другим народам.

[2] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами, стр. 294 и 298.

[3] Восточные авторы VIII в. определяют землю «Сакалиба» протяжением в 3500 фарсангов, что в пять раз превышало владения Хазарского каганата (*Аль-Фазари* (772—773 гг.). См. *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 9).

[4] «Повесть временных лет», стр. 21.

ние Зарубинецких (или Корчеватовских) [1]. Вопрос о происхождении этой культуры весьма сложен и еще далек от своего разрешения. Несомненно только одно: памятники зарубинецкой культуры появляются на указанной территории в период наибольшего распространения латено-кельтской культуры и начавшегося продвижения венедских и германских племен в юго-восточном направлении и в какой-то мере являются следствием этих передвижений. Пока что не выяснено, как обстояло дело в западной части Волыни и Полесья, но в более восточных районах зарубинецкая культура, может быть, генетически и не увязывается с культурой обитавших здесь в более раннее время племен [2].

Поселения зарубинецкой культуры невелики. Наиболее ранние из них в большинстве случаев располагаются на труднодоступных возвышенностях вдоль берегов крупных рек и укреплены рвами и мощными земляными валами. Таковы, например, городища у дер. Чаплин и Мохов на правом берегу Днепра к югу от г. Речицы [3], поселения «Пилипенкова Гора» и «Гора Московка» возле Канева [4], на горе «Девица» в с. Сахновке на Роси, у сел Пирогово, Ходосовка и Великие Дмитровичи к югу от Киева, на горе Киселевке в самом Киеве [5] и др. Известны и неукрепленные поселения — селище Ремель, Велемичи, Рубель и Отвержичи — в низовьях Горыни [6], Табаевка на Десне [7], Вита Почтовая, Новые Безрадичи, Триполье на Днепре к югу от Киева [8] и многие др.

На тех поселениях, где производились раскопки (Чаплин, Мохов, Велемичи, Пилипенкова Гора, Великие Дмитровичи, Пирогово, Харьевка), были обнаружены остатки небольших жилищ, иногда слегка углубленных в землю. Наиболее полно исследованное поселение — городище у дер. Чаплин (раскопки П. Н. Третьякова) — состояло приблизительно из 25—30 одновременно существовавших жилищ, рядом с которыми находились многочисленные хозяйственные сооружения, в том числе и

---

[1] Название по могильнику, исследованному В. В. Хвойкой в 1898 г. возле с. Зарубинцы, Переслав-Хмельницкого района, Киевской обл. (*В В. Хвойка*. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, стр. 172—190).

[2] Более распространена другая точка зрения, изложенная П. Н. Третьяковым в ряде его работ, в том числе и в книге «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР» (стр. 518—530). Подробно об этом, а также и по остальным вопросам, здесь излагающимся, см. в книге П. Н. Третьякова (Восточнославянские племена» (М., 1953).

[3] *П. Н. Третьяков*. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 11—16.

[4] *В. А. Богусевіч*. Канівська археологічна експедиція Археологічні пам'ятки УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 141—153.

[5] *Е. В. Махно*. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, 1955, стр. 81—100.

[6] Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Приднепровья. МИА, № 70 (печатается).

[7] *Д. И. Блифельд*. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 53—54.

[8] *Е. В. Махно* и *И. М. Самойловский*. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье. МИА, № 70 (печатается).

ямы-погреба. Размеры отдельных жилищ колеблются от 16 до 24 кв. м. Это были небольшие столбовые постройки со стенами, имевшими в качестве основы вкопанные в землю бревна — стояки, между которыми укреплялись горизонтально лежащие плахи. Внутри жилищ находились каменные очаги или же глинобитные печи. Жилища подобного устройства хорошо известны у более западных венедских племен, живших на территории современной Польши.

В жилищах, а также на площади поселений вне жилищ встречаются многочисленные фрагменты глиняных сосудов, различные орудия труда, предметы бытового обихода, украшения, изредка вооружение.

Глиняные сосуды, как правило, лепные, т. е. сделаны без помощи гончарного круга. Очень редко встречаются привозные сосуды, сделанные на гончарном круге. Орудия труда выделывались из железа. Известны железные серпы, топоры, ножи, большие рыболовные крючки. Из железа же выделывались предметы вооружения (наконечники копий) и конского снаряжения. Украшения (браслеты, фибулы, булавки, подвески) чаще всего делали из бронзы. Нередко встречались стеклянные бусы. Некоторые предметы сделаны из кости (например, проколки) и глины (многочисленные пряслица, грузила). Изредка попадаются и каменные зернотерки.

Рядом с поселениями обычно расположены небольшие, бескурганные могильники, или, как их еще называют, поля погребений. Некоторые из них подверглись раскопкам (Зарубинцы и Корчеватое на Днепре к югу от Киева [1], Чаплин возле г. Речицы [2], Казаргац [3], Воронино, Велемичи, Ремель на Припяти [4], Черск на Стоходе [5], Великие Гриневичи на Западном Буге [6] и др.); остальные известны по случайным находкам во время различных хозяйственных и строительных работ. На всех этих могильниках обнаружены только погребения с трупосожжением. Погребений с трупоположением, если не считать нескольких открытых на могильнике в Корчеватом, нет. В подавляющем большинстве случаев пережженные кости покойников были ссыпаны на дно погребальной ямы, иногда же они находились в глиняном сосуде-урне, напоминая нам о том древнем погребальном обряде, который описан летописцем: после сожжения покойника «собравше кости, вложаху в судину малу». Погребальные ямы небольшие,

---

[1] *В. В. Хвойка.* Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, стр. 182—190; *И. М. Самойловський.* Корчеватський могильник, «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 101—110; *И. М. Самойловский.* Корчеватовский могильник, МИА, № 70 (печатается).

[2] *Ю. В. Кухаренко.* Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85.

[3] *А. Зъм. Коваленя* и *С. С. Шутау.* Матер'ялы з дагісторыі Тураушчыны. Працы Археолёгічнай камисіі. БАН, т. II, Минск, 1930, стр. 339—381.

[4—5] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники Зарубинецкой культуры в области Верхнего Приднепровья. МИА, № 70 (печатается).

[6] *Z. Szmit.* Spawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego. Wiadomości archeologiczne, t. VII. Warszawa, 1922. стр. 107.

округлые в плане, но известны и погребения в больших овальных ямах, вытянутых с северо-запада на юго-восток.

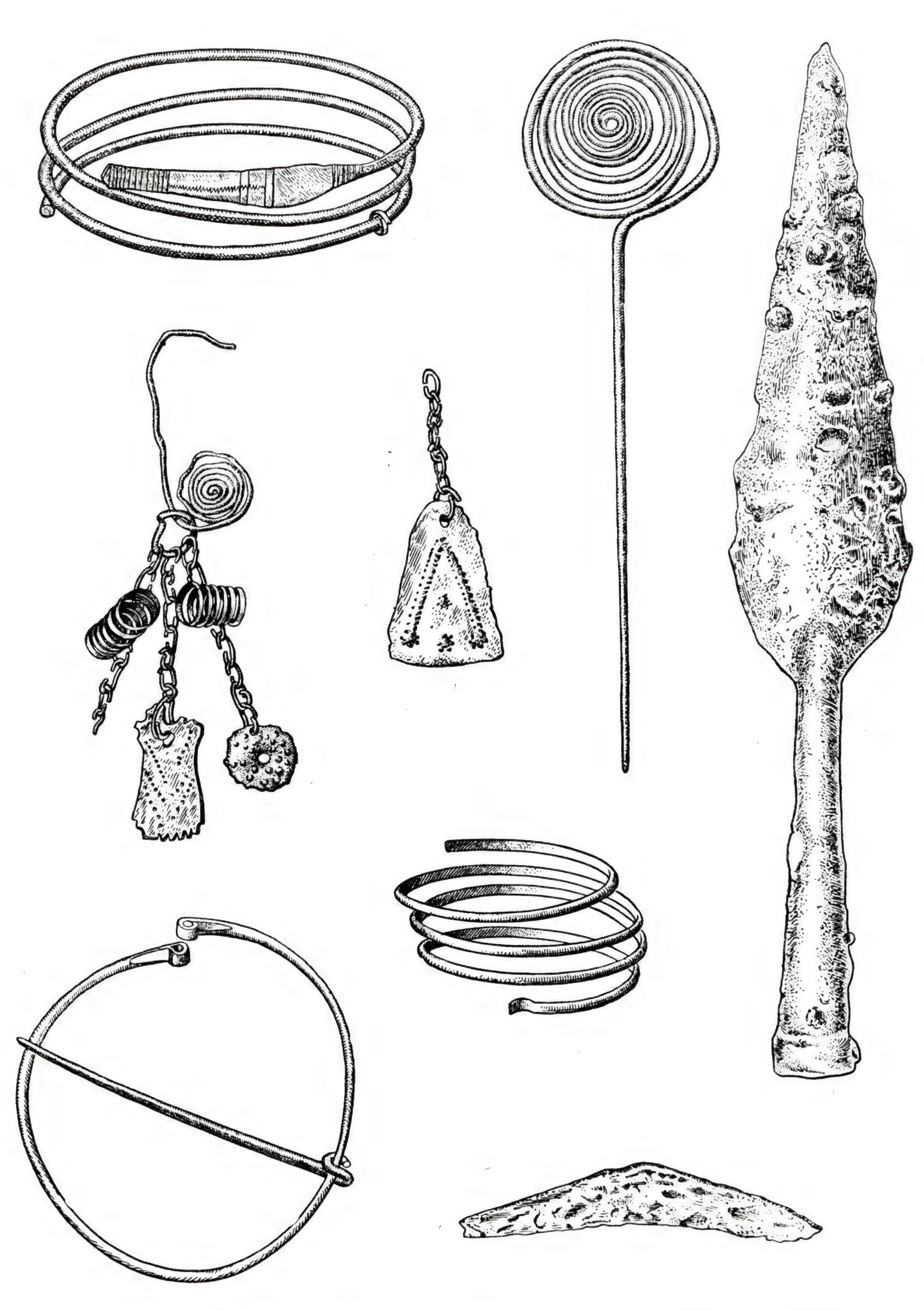
В погребениях, как правило, находятся глиняные сосуды и некоторые другие вещи, иногда поврежденные огнем: бронзовые фибулы, браслеты, подвески, кольца, булавки, различные цепочки, железные ножи, пряжки, стеклянные бусы, глиняные пряслица, изредка попадаются предметы вооружения и конского снаряжения (наконечники копий, удила) и пр. Общее количество вещей в отдельном погребении обычно невелико: один, реже два-три глиняных сосуда и далеко не всегда одна-две вещи из металла. Сосуды обычно лепные, но по сравнению с сосудами, найденными на поселениях, отличаются более тщательной отделкой поверхности. Большинство из них лощеные, некоторые орнаментированы.

Кроме тех или иных вещей в погребениях, притом главным образом на южных могильниках, изредка встречаются кости домашних животных — свиньи, овцы, коровы, лошади и собаки.

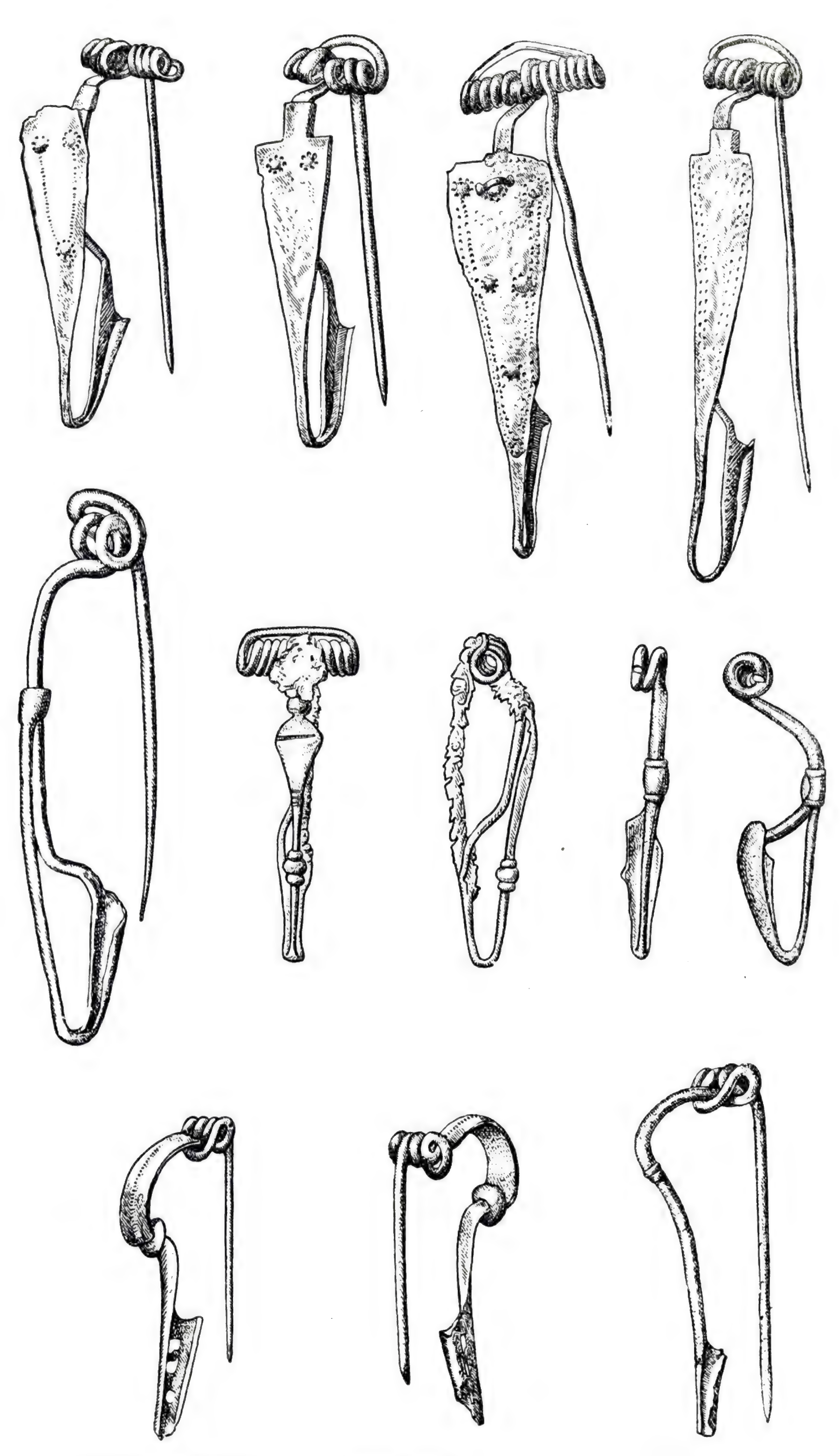
Некоторые из зарубинецких могильников, несмотря на небольшое количество погребений, функционировали весьма длительный период, иногда несколько веков. Все это, равным образом как и характер поселений зарубинецких племен, свидетельствует о сравнительно небольших размерах отдельных поселков и о постоянном проживании основной части населения на одних и тех же местах. Основой экономической жизни этого населения являлось земледелие и скотоводство. О земледелии говорят не только находки орудий земледельческого труда и зернотерок, но и многочисленные ямы-погреба для хранения зерна и корнеплодов, обнаруженные на поселениях рядом с жилищами. Имеются основания полагать также, что по способу обработки почвы земледелие это в основном было подсечным, т. е. имело тот же примитивный характер, что и земледелие более западных славянских и германских племен в это время.

Большую роль в экономике населения играло и животноводство. У обитателей Чаплинского городища, например, имелись все основные виды домашнего скота: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. Охотились они на оленя, лося, зубра, косулю, кабана, медведя, бобра, барсука, хорька, куницу, волка. Широко практиковалось рыболовство, о чем свидетельствуют упомянутые находки бо́льших рыболовных крючков, грузил для сетей и рыбьих костей.

Все основные орудия труда, а также предметы вооружения и конского снаряжения выделывались из железа. Железо добывали на месте из болотной руды, о чем говорят находки на поселениях железных шлаков и криц (Чаплин, Почеп). По формам орудия труда, не говоря уже о предметах вооружения и конского снаряжения, мало чем отличаются от таких же предметов, известных в то время у более западных славянских, германских и кельтских племен. Культура восточной части венедов составляла часть европейской культуры римского времени. Об этом свидетельствуют фибулы, браслеты, различные цепочки и другие вещи. Мы не знаем, откуда шло сырье для их изготовления, но создавались эти украшения почти



Бронзовые и железные вещи из могильников II в. до н. э.— III в. н. э. южной Белоруссии



Бронзовые фибулы из могильников II в. до н. э.— III в. н. э южной Белоруссии

всегда на месте, жителями поселений зарубинецких племен. Об этом свидетельствуют не только находки на Чаплинском городище льячек, тигельков, литейной формы для отливки бронзовых браслетов и открытие остатков металлообрабатывающей мастерской на поселении в Почепе [1], но и особый зарубинецкий тип фибулы с широкой треугольной спинкой. Подобные фибулы, несмотря на их явно латенскую схему, совершенно неизвестны за пределами области, занятой зарубинецкими племенами.

Глиняную посуду производили повсеместно, в каждом селении, почти в каждой семье. Возможно, что некоторые наиболее совершенные формы ее выделывались особыми специалистами, точно так, как это имело место и при производстве металлических предметов. Специальных печей для обжига посуды, по-видимому, не было. Сосуды обжигали на костре, о чем свидетельствует весьма неравномерный обжиг большинства из них. Домашний же характер в основном имела и выделка тканей для одежды. Изготовление пряжи из льна и шерсти производилось в каждой семье; в этом убеждают многочисленные находки глиняных пряслиц от веретен. В раскопках находят много остатков тканей. Связи с причерноморскими античными городами и римскими провинциями отсутствовали. Все пути к последним на рубеже и в начале нашей эры были отрезаны другими, неславянскими племенами. Почти все необходимое, как мы видели, добывалось и производилось на месте. Специализированного ремесла не было. Деньги и денежное обращение отсутствовали совершенно. Торговля имела, очевидно, простой меновой характер.

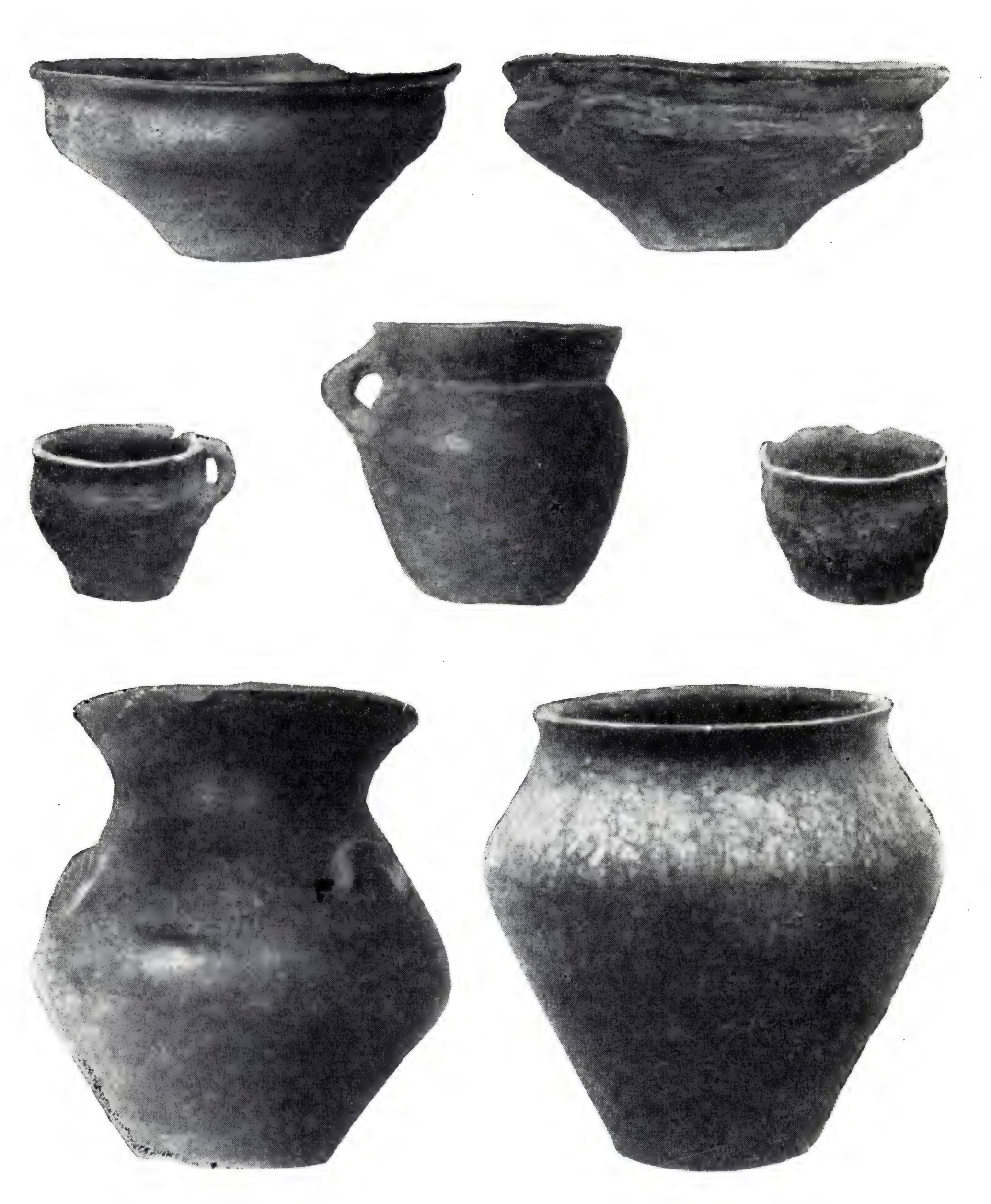
* * *

По мере роста количества населения и дальнейшего развития производительных сил, требовавших освоения новых земель, зарубинецкие племена постепенно начинают расширять занимаемую ими территорию. Сначала это выражалось в проникновении небольших групп этих племен на территории левобережной Украины, в бассейны рек Сулы и Псла, где обнаружено несколько впускных погребений с трупосожжением и типичным зарубинецким инвентарем в насыпи более ранних курганов (Лубны, Басовка, Мануйловка и Дьяченки) [2], затем, начиная с I в., процесс этот принимает более широкий, так сказать, массовый характер. Именно в это время зарубинецкие племена попытались занять часть территории своих северных соседей летто-литовских племен, известных нам по городищам так называемой штрихованной керамики, и оттеснить их к северу. Об этом весьма красноречиво свидетельствует факт появления далеко на севере типично зарубинецких могильников с трупосожжением и характерным

---

[1] *Ф. М. Заверняев.* Археологические находки возле города Почепа. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 143.

[2] *М. Я. Родинський.* Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник присвячений 25 річчю музею», т. I. Полтава, 1928, стр. 48 и сл.; «Тр. VIII АС», т. IV. М., 1897, стр. 238. Фонды Полтавского и Киевского исторического музеев.



Глиняные лепные сосуды из могильников II в. до н. э.— III в. н. э. южной Белоруссии и Киевщины

инвентарем (г. Слободка, Борисовского района, Минской обл.) [1]. Попытка эта не увенчалась успехом, так как в последующее за тем время, вплоть до VI в., на этой территории нам неизвестны славянские древности, а поселения летто-литовских племен по-прежнему заняты своими обитателями. Не увенчалась тогда успехом, кстати сказать, и попытка западных собратьев зарубинецких племен — населения Повисленья (пшеворская культура) — осесть на территории, занимаемой летто-литовцами. Какая-то часть племен, оставивших пшеворскую культуру, хотя и продвинулась за Неман (о чем свидетельствует могильник в Наче возле Лиды) [2], но вскоре, как и зарубинецкие пришельцы, она была ассимилирована оказавшим сильное сопротивление местным населением.

Совсем иной характер носило продвижение зарубинецких племен в среду племен, обитавших на левобережье Верхнего Приднепровья и далее к северу. Этническая принадлежность этих племен для нас не вполне ясна. Они могли принадлежать и к какой-то индоевропейской ветви, проникшей сюда еще в бронзовом веке, могли быть связаны и с чудскими (финно-угорскими) племенами. Венедские племена, носители зарубинецкой культуры, проникая на северо-восток от Днепра, не встречали, очевидно, сильного сопротивления, что привело к прочному оседанию их на этой территории и постепенному ассимилированию местного населения. Уже в I в. н. э. зарубинецкие племена появляются по берегам р. Сожа, где они, как это имело место несколько раньше на Днепре, оседают на старых городищах милоградского типа (Шопотовичи, Ворновка, Старое Село) [3]. К этому же и несколько более позднему времени относится ряд зарубинецких поселений, открытых в последние годы по берегам рек Судости и Десны в районе Брянска (Почеп, Синьково Городище, Дьяковичи, Ветковка, Бетово, Хотылево, Бежица, Полужье) [4]. Многие из них располагаются на старых городищах юхновской культуры. Появляются в это время зарубинецкие поселения на Сейме, в районе Путивля (Харьевка, Пересыпки, Новая Слобода, Калита и др.) [5]. Волна этого колонизационного потока докатилась и в верховье Днепра, где возле с. Намыкары зафиксирован зарубинецкий могильник [6], и в какой-то мере далее на север в среду дьяковской культу-

[1] *J. Kostrzewski.* Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem polskich. Kraków, 1948, стр. 334. Более подробно о находках в Слободке любезно сообщил мне проф. Ю. Костжевский, за что и приношу ему сердечную благодарность.

[2] *J. Kostrzewski.* Указ. соч., стр. 325.

[3] *О. Н. Мельниковская.* Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 26—39, а также см. фонды Института истории Белорусской АН.

[4] Материалы разведок и раскопок Ф. М. Заверняева («Археологические находки возле г. Почепа». КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 143) и А. К. Амброза. Во время раскопок на поселениях в Синькове и Почепе среди других материалов обнаружены и бронзовые фибулы I—III вв. н. э.

[5] *Е. В. Махно.* Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье, стр. 84.

[6] *А. Н. Ляудански.* Археалогічныя досьледы у валазборах рр. Сожа, Днепра Касплі у Смаленскаи губэрні. Працы Археолёгічнай камісіі. БАН, т. II, Минск, 1930, стр. 282—285.

ры. Своеобразным отражением этого колонизационного потока являются известное городище дьяковской культуры, исследованное П. Н. Третьяковым возле дер. Березняки [1], и курганы, раскопанные Н. И. Булычевым возле дер. Шаньково и Почепок в районе Юхнова-Смоленского [2], на которых прослеживаются уже и некоторые определенно славянские черты культуры.

Нужно полагать, что отмеченное выше проникновение славян на северо-восток в основном проходило мирным путем и протекало постепенно. Это, конечно, не исключало возможностей и вооруженной борьбы между родами или племенами, насильственного изгнания с насиженных мест и прямого подчинения одних другим. При этом местное население, как об этом свидетельствуют археологические материалы, постепенно теряло основные черты своей культуры и воспринимало культуру и обычаи пришельцев. Смешанные браки, широко практиковавшиеся в те времена, еще более усугубляли этот процесс постепенной ассимиляции местного (финно-угорского?) населения в славянской среде. Но и славяне, особенно в первое время после их прихода на эту территорию, также подверглись определенному воздействию культуры местного населения. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что даже в самом массовом археологическом материале-керамике, обнаруженной на их поселениях, имеются многие местные милоградские, юхновские и дьяковские черты. Притом, чем далее эти поселения расположены от основной зарубинецкой территории, тем этих местных черт больше и тем отчетливее они проявляются. В этом нетрудно убедиться, например, при сравнении керамики одновременных деснинских и припятских поселений.

По-иному проходило продвижение зарубинецких племен к юго-востоку, в скифо-сарматскую среду. Если германцам-бастарнам, продвигавшимся несколько западнее, удалось прорваться к низовьям Дуная, то славяне в своем продвижении на юго-восток вначале были задержаны сопротивлением местного скифского населения, а позже встретили сильный отпор со стороны появившихся в Приднепровье сарматов.

Более того, установившаяся вслед за этим связь пришельцев с местным населением и степными соседями приводит к ряду двусторонних заимствований тех или иных элементов культуры и быта. На могильнике зарубинецкой культуры в Корчеватом, например, появляются совершенно чуждые зарубинецким племенам погребения с трупоположением, некоторые скифоидные формы глиняных сосудов и т. д. В то же время у скифо-сарматского населения Нижнего Приднепровья и даже Крыма мы находим зарубинецкие сосуды и в порядке исключения даже фибулы [3].

---

[1] *П. Н. Третьяков.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии нашей эры, МИА, № 5, 1941.

[2] *Н. И. Булычев.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5—7.

[3] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 137 и сл.; *П. Н. Шульц.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. V, рис. 12; *М. И. Вязьмитина.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 225, табл. II, рис. 4.

В I в. какой-то части славянских племен все же удается прорваться далее к юго-востоку и осесть на берегах Тясмина, о чем свидетельствует появление там в это время зарубинецких могильников (например, Субботов) [1]. Но далее Тясмина славяне не прошли. По-видимому, им помешали сарматы, часть которых начала оседать здесь на землю. Наступил период относительного затишья. Но это было затишье перед бурей.

В конце II в. началось так называемое великое переселение народов, волной которого были подхвачены и восточнославянские племена. В это время где-то в областях правобережной Украины происходит передвижение готов, а затем гепидов и других германских племен. Переселение это происходило далеко не мирно. Вначале готы, как об этом сообщает Иордан, пытались пройти в одном направлении, но после неудачи двинулись в другом. Они пришли к народу спалов и одержали над ним победу. Через землю спалов, «окруженную пучиною зыбучих болот», готы направились «в крайнюю часть Скифии, соседнюю с Понтийским морем», где и поселились. К сожалению, перенесение на географическую карту рассказа Иордана о продвижении готов к Меотиде и Понту сильно затруднено неясностью его терминологии. В болотах, упоминаемых Иорданом, иногда видят бассейн Припяти, а в спалах — полян. Возможно, что движение готов было не прямолинейным: они могли обогнуть припятские болота с запада и появиться в Причерноморье не с севера, а с запада.

В эту эпоху массовых передвижений племен мы наблюдаем и передвижение славян-венедов на юг, в области, издавна охваченные скифской культурой.

По мнению некоторых археологов, Среднее Приднепровье уже на рубеже бронзового и железного веков было колонизовано какими-то протославянскими племенами [2]. В скифское время они были близки по культуре к собственно скифским племенам и, может быть, частично покрывались термином древних авторов «скифы-пахари».

Во II в. сюда направилась новая колонизационная струя северных лесных племен, сильно отставших в своем развитии от южных лесостепных соседей, воспринимавших на протяжении нескольких столетий культуру скифского и античного миров. Возможно, что по языку старое местное население Среднего Приднепровья (потомки племен белогрудовской и чернолесской культуры) и новые пришельцы — племена зарубинецкой культуры — были близко родственны. Нужно также учитывать и то, что в лесостепи находилось и скифское ираноязычное население, количество которого, вероятно, увеличивалось в те периоды, когда на юге в степи усиливали свою активность враги скифов, оттесняя их на север. В интересующее нас время скифы, сильно ослабленные до этого нашествием сарматов, не смогли удержать под властью всю свою территорию. Часть ее, «соседнюю с

[1] ОАК за 1911 г., стр. 81. В последние годы А. И. Тереножкин в Субботове обнаружил зарубинецкие погребения с вещами, характерными именно для I в.

[2] *А. И. Тереножкин.* К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 26.

Понтийским морем», занимают готы. Более же северные лесостепные области наводняются венедами, которые благодаря своей многочисленности подчиняют оставшееся здесь после сарматских разгромов сравнительно немногочисленное местное население, подчиняют или вытесняют с правобережья днепровской лесостепи поселившихся там еще до этого сарматов, а на левобережье входят с ними в прямое соприкосновение.

Своеобразным отголоском этих бурных событий является факт зарытия в землю именно в это опасное время большинства кладов римских монет, обнаруженных в Приднепровье [1].

Во II—III вв., когда Римская империя достигла своего наивысшего могущества, овладела Причерноморьем и завязала широкие связи со всем «варварским» миром, в Приднепровье и сопредельных с ним областях складывается новая археологическая культура, представляющая большой исторический интерес, обусловленный тем, что в эту эпоху многие народы Европы делают как бы качественный скачок, создают необходимое дополнение к основным землям Римской империи и в то же время своим дальнейшим развитием подготавливают силу, противостоящую империи и ускоряющую ее кризис в III—IV вв. По месту первой находки в с. Черняхове Киевской обл. она получила наименование черняховской культуры [2].

Открывший эту культуру В. В. Хвойка считал ее славянской. Этот взгляд был поддержан впоследствии такими видными исследователями, как Л. Нидерле, Ю. В. Готье, А. А. Спицын, В. А. Городцов [3].

Ряд ученых (главным образом немецких) старался связать культуру полей погребений черняховского типа с германскими племенами готов, владевших, судя по их эпосу, каким-то городом на Днепре — «Данпарстадир» [4].

В последние годы вышел ряд работ, авторы которых рассматривают черняховскую культуру II—V вв. как культуру южной, наиболее передовой части восточных славян [6].

---

[1] *В. В. Кропоткин.* Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 158.

[2] Название культуры дано по могильнику, исследованному В. В. Хвойкой в 1899—1900 гг. возле с. Черняхов Кагарлыкского района Киевской обл. (*В. В. Хвойка.* Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, стр. 172—190).

[3] *L. Niederle.* Slovanské starožitností tt. I—IV. Praha, 1901—1924. (Русский перевод. М., 1956, стр. 128); *Ю. В. Готье.* Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 44; *А. А. Спицын.* Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 69.

[4] Наиболее вероятно, что этот город находился в районе основных поселений готов близ Черного моря, где-то на нижнем Днепре.

[5] *Б. А. Рыбаков.* Ранняя культура восточных славян. «Исторический журнал», 1943, № 11; *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953; *А. В. Арциховский.* Введение в археологию. М., 1954; *М. Ю. Брайчевський.* Стародавні східні словяни. См. «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 315 и сл.; *Ю. В. Кухаренко.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954.

В 1955 г. были опубликованы тезисы М. И. Артамонова, в которых он возвращается к готской теории принадлежности черняховской культуры [1].

Автор данного раздела (Ю. В. Кухаренко) в настоящее время придерживается того мнения, что черняховская культура по своей основе является культурой скифского населения. Разрыв, якобы наблюдающийся между памятниками скифского времени и черняховскими, является лишь кажущимся и объясняется плохой изученностью фактических материалов. Как и в Нижнем Приднепровье, на территории Среднего Приднепровья, безусловно, имеются и памятники «послескифского» времени, т. е. II—I вв. до н. э. [2] и даже более поздние. Основные элементы черняховской культуры — сосуществование трупоположений и трупосожжений, в том числе даже трупосожжения бескурганные [3], наблюдаются уже в скифское время. В южных скифских погребениях появляется и характерная керамика черняховского типа. Полностью совпадает и территория, занятая скифскими памятниками и памятниками черняховской культуры. Остальные характерные черты черняховской культуры, отличающие ее от скифской,— дело изменения во времени и в значительной мере влияния провинциально-римской культуры.

Не приходится также отрицать, что известную роль в сложении этой культуры сыграли славяне, готы и сарматы, влившиеся в среду скифского населения. Но не это было решающим. Черняховская культура могла и должна была возникнуть и без участия славян, готов и сарматов.

Косвенным доказательством в пользу местного, скифского происхождения черняховской культуры является и факт зарытия большинства кладов римских монет именно в момент появления готов и славян и высокое развитие экономической, культурной и общественной жизни, которые мы наблюдаем у черняховских племен даже в начале появления черняховской культуры, и которого, безусловно, к тому времени еще не достигли славянские зарубинецкие племена, не говоря уже о готах.

Памятники черняховской культуры — поселения и могильники — распространены на обширной территории, от верховьев Днестра на западе до верховьев Северного Донца на востоке, от устья Десны на севере и до низовьев Днепра на юге.

Поселения, как правило, неукрепленные, т. е. селища. Городищ нет. Правда, иногда керамика, характерная для памятников черняховской культуры, встречается на городищах, но на более ранних, скифских (например, Немировское, Пастерское) или же на средневековых (Райки, Бушево). Селища располагаются по склонам берегов рек, балок и оврагов. Они довольно значительны по площади — два-три гектара, а изредка, как

---

[1] *М. И. Артамонов.* Славяне и Русь. Тезисы доклада, прочитанного в ЛГУ. Л., 1955.

[2] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 500.

[3] «Археологические летописи южной России за 1899 г.», т. I, Киев, 1899, стр. 83.

Глиняная лепная и гончарная посуда из могильников II—V вв.
на Нижнем Днепре

например, у хутора Прелестного возле Харькова [1], встречаются и селища площадью до 10 га.

К сожалению, селища исследованы далеко не достаточно, и мы лишены возможности судить об их планировке. Исходя из наличия на поверхности пятен — скоплений обожженной глиняной обмазки и фрагментированных глиняных сосудов, некоторые исследователи полагают, что жилища располагались в один, реже два ряда, тянувшиеся вдоль склона. Наиболее распространенным видом жилищ были небольшие наземные постройки со стенами, сплетенными из прутьев и обмазанными глиной. Примером такой постройки может служить жилище, остатки которого были обнаружены на селище в Ново-Покровке Чугуевского района Харьковской обл. [2]. В плане это жилище почти квадратное, размеры его 5,6×4,8 м. Пол представлял собою хорошо утрамбованную глиняную площадку. На полу примерно в центре жилища находились остатки сводчатой глинобитной печки, а рядом с нею — неглубокая предпечная яма. От стен жилища сохранились лишь небольшие ямки от столбов плетня, вплотную примыкающие к полу со всех сторон, и куски глиняной обмазки. Судя по конструкции стен, следует полагать, что перекрытие жилища было легким — солома или тростник.

Такого же устройства жилища, правда, без предпечных ям, были обнаружены и на селищах в Жуковцах, Пражеве, Ягнятине, Кантемировке [3], Куте и Гавриловке [4]. Жилища в Ягнятине и Кантемировке несколько больше по размерам и как будто бы разделены на две камеры.

Кроме наземных жилищ, встречаются и жилища в виде землянок. Такие жилища-землянки были известны В. В. Хвойке на селищах возле Стретовки, Жуковцев и Витачева (Киевщина). Устройство землянок В. В. Хвойка описывает следующим образом: «Это четырехугольной формы углубления, заполняющие пространство от 4—5 м в длину, 3—4 м в ширину и 1—2 м в глубину. Внутренность этих углублений завалена землей, под которой находится более или менее значительной толщины слой, состоящий из множества кусков обожженной докрасна стенной обмазки и большого количества золы, смешанной с кусками угля. На дне углубления обыкновенно находятся остатки развалившейся глиняной печи или следы очагов разной величины, иногда вылепленных из глины» [5].

Как и жилища наземного типа, землянки бывают не только однокамерные, но и двухкамерные. Такие известны, например, на селищах в При-

---

[1] *І. Н. Луцкевіч.* Матеріали до карти поширеня пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. «Археологія», т. II, Київ, 1948, стр. 168—169.

[2] *Ю. В. Кухаренко.* Ново-Покровський могильник и поселення. «Археологія», т. VI. Київ, 1952, стр. 33—50.

[3] *Е. В. Махно.* Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», т. IV. Київ, 1950, стр. 66.

[4] *Э. А. Сымонович.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 313—315.

[5] *В. В. Хвойка.* Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 46.

вольном, Никольском и Ерковцах [1]. Особенно интересны землянки в Привольном. Каждая из них состояла из двух прямоугольных камер, соединенных между собою особым проходом. Вход в землянку шел через первую, меньшую камеру. Во второй камере, в углу справа от входа, на особом земляном возвышении находилась глинобитная печка. На селище в Никольском камеры были не прямоугольные, а округлые в плане. Возле одной из землянок этого селища обнаружены остатки гончарной обжигательной печи двухъярусной конструкции. Подобные же обжигательные печи, кстати сказать, известны и на селищах возле Лепесовки [2], Коровинцев [3], Пересечно [4] и Майорки [5].

На всех селищах довольно много обломков, а иногда и целых глиняных сосудов. Большинство из них сделано на гончарном круге и отличается тщательностью изготовления и отделки. Но нередки и лепные сосуды. При этом и те и другие находятся в одних и тех же комплексах, в одних и тех же слоях. Любопытно, что количество гончарных сосудов увеличивается по мере приближения слоя к современной поверхности, а в то же время количество лепных несколько уменьшается. Бывает и так, как на селище в Кантемировке: на одном краю селища, заселенном, по-видимому, раньше, преобладают лепные сосуды, на другом — гончарные. Иными словами, лепные сосуды постепенно вытесняются гончарными. Подчеркиваем: постепенно, ибо полностью они так и не были вытеснены.

Помимо глиняных сосудов, на селищах довольно часты находки глиняных пряслиц и грузил, железных ножей и других металлических изделий. Особенно следует отметить находки в Пражеве, Ягнятине и Ерковцах железных сошников и железного ножа-чересла в Коровинцах [6]. О значительном прогрессе в области земледелия свидетельствуют не только указанные находки остатков тяжелого железного плуга, не известного здесь ранее, но и появившиеся кое-где на смену примитивным каменным зернотеркам ручные мельницы. Остатки такой мельницы были обнаружены, например, на селище Синицивка — Сабатиновка [7]. Части мельниц-жернова находили и на ряде других селищ (Жуковцы, Пересечное, Привольное). Известны находки серпов и кос (Жуковцы), ключей-запоров, долот,

[1] *Ю. В. Кухаренко.* Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 125 и сл.; *В. М. Даніленко, А. Д. Столяр.* Переяславська маршрутна експедиція. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III. Київ, 1952, стр. 223—230.

[2] *Л. Яроцкий.* Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 56—64.

[3] *И. И. Ляпушкин.* Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 14, 17—18.

[4] *Т. Н. Луцкевіч.* Указ. соч., стр. 165—167, 175.

[5] Неопубликованные материалы Ин-та археологии АН УССР.

[6] *Е. В. Махно.* Указ. соч., стр. 67.

[7] *И. И. Ляпушкин.* Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА. XIII, 1950, стр. 18—19; *Е. О. Симонович.* Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі, «Археологія», т. VI. Київ, 1952, стр. 97—108.

шильев, гребней, иголок и других орудий труда и быта. Изредка встречаются и предметы вооружения — мечи (Ягнятин, Августиновка) и копья (Жуковцы).

Довольно много костей домашних и диких животных: коровы, свиньи, лошади, овцы, собаки, олени и т. д.

Возле поселений расположены могильники. Как и прежде, они бескурганные, но уже более обширные и, как правило, содержат два вида захоронений: трупосожжения и трупоположения. При этом на некоторых могильниках преобладают последние. На отдельных же, например на известном могильнике у с. Черняхова, погребения с трупоположением составляли почти три четверти всех вскрытых [1].

В погребениях с трупоположением покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головою на запад или север, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. Весьма характерно при этом, что северная ориентировка покойников свойственна для тех могильников, на которых преобладает трупосожжение (Привольное, Маслово, Переяслав-Хмельницкий), а западная — для могильников, где преобладающим является трупоположение. Другая ориентировка покойников [2], равным образом как и иное их положение в могиле (на боку, в скорченном положении, с перекрещенными ногами и т. д.) встречаются в порядке исключения и не являются характерными. Это в еще большей степени относится и к встречающимся иногда захоронениям части скелетов.

Погребения, как правило, одиночные. Несколько коллективных захоронений — по два и три скелета в одной яме, обнаружено только на Черняховском могильнике. Погребальные ямы в большинстве случаев небольшие, прямоугольные в плане. Известны случаи захоронения в деревянных срубах, в ямах, перекрытых деревом и камнями. Обычно это одиночные погребения на могильниках, притом самые богатые.

Погребения с трупосожжением известны в двух основных формах: ямные и урновые. Последние преобладают. В урновых захоронениях обломки перемешанных человеческих костей почти всегда тщательно очищены от остатков погребального костра, в ямных — кости обычно перемешаны с золою, пеплом и углями. Как в тех, так и в других случаях обломки костей часто перекрыты сверху глиняным сосудом, стоявшим вверх дном, или же обломками таких сосудов.

На могильниках левобережья Днепра известны три случая трупосожжений в амфорах (Белоцерковцы, Белики, хутор Славинского). В стенке амфоры-урны из с. Белики умышленно пробито небольшое отверстие.

---

[1] По данным С. В. Корпенко, из 263 погребений, вскрытых на этом могильнике, трупосожжения обнаружены только в 68 случаях (*С. В. Коршенко.* Черняховский могильник. Рукопись. Архив Ин-та археологии АН УССР, ф. 12, д. 49).

[2] В связи с этим мне кажется не лишенным оснований предположение, высказанное Э. А. Сымоновичем о распространении среди части черняховских племен христианства (*Э. А. Сымонович.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 309—310).

Глиняная лепная и гончарная посуда из могильника III—V вв. в районе с. Гавриловка Херсонской обл.

Подобные отверстия, кстати сказать, нередко встречаются и на других сосудах-урнах (Черняхов, Горишние Плавни, Иловки, Свинковка и др.).

Пока определенных закономерностей в расположении различных по обряду погребений на площади могильников не наблюдается. И те и другие располагаются вперемежку и никаких особых групп не составляют. Погребения с трупоположением залегают глубже, чем погребения с трупосожжением.

Почти во всех погребениях содержатся различные вещи, сопровождающие покойников: глиняные сосуды, предметы украшения и туалета — фибулы, бусы, подвески, гребни, пряжки и другие, реже встречаются орудия труда — ножи, пряслица, кресала, иголки и еще реже предметы вооружения. Вещи, находимые в ямных погребениях, как правило, в той или иной степени повреждены огнем. Вещи из остальных погребений в большинстве случаев хорошей сохранности.

Одни и те же виды вещей встречаются в разных погребениях и в различных сочетаниях. Нет никаких оснований считать, как это предполагал В. В. Хвойка для Черняховского могильника, что погребения с трупоположением принадлежали женщинам и детям, а с трупосожжением — мужчинам. Единственное, что резко бросается в глаза и как будто бы говорит в пользу предположений В. В. Хвойки,— это обилие керамических изделий в погребениях с трупоположением и сравнительно небольшое количество их в погребениях с трупосожжением. Последние отличаются большим числом металлических изделий. Но если мы будем брать отдельные виды вещей, то такие сугубо женские вещи, как пряслица, имеются и в тех, и в других погребениях. В погребениях с трупосожжением их даже больше.

Оба вида захоронений — трупосожжения и трупоположения, судя по найденным в них вещам, а также по расположению их на площади могильников, одновременны. Нет никаких оснований считать, что одни из них предшествовали другим. Сказанное в равной степени справедливо и по отношению к погребениям, не характерным для могильников и встречающимся в единичных случаях (диаметрально противоположная ориентировка покойников, скорченное положение, овальные ямы или ямы с заплечиками и т. д.). Бросается в глаза другое: погребения скорченников, как правило, безынвентарные или почти безынвентарные. Они к тому же в большинстве случаев ориентированы по-иному, на юг. Не следует ли рассматривать такие погребения как захоронения подчиненного населения, рабов?

Одним из наиболее полно исследованных является могильник у с. Черняхов [1]. Как уже отмечалось, на нем преобладали погребения с трупоположением. В этих погребениях покойники лежали на спине, в вытянутом положении, чаще всего головою на запад или юго-запад. В некоторых погребениях находились только части скелетов: иногда недоставало черепа и верхней части туловища, иногда наоборот — от пояса до конца ног. Иногда же при сохранившихся нижних конечностях находилась одна

[1] *В. В. Хвойка.* Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, стр. 172—190.

Погребения II—V вв. могильников Нижнего Поднепровья:

а — погребение с трупоположением; *б* — подурновое погребение с трупосожжением

Инвентарь погребения с трупоположением III—IV вв. могильника в с. Данилова Балка Одесской обл.

только левая рука. Рядом со скелетами, причем чаще с левой стороны, стояло около десяти глиняных сосудов. Реже встречались другие вещи: фибулы, пряжки, бусы, ножи, подвески, кольца, гребни и пр. В погребениях с трупосожжением пережженные человеческие кости находились или в урнах, или были ссыпаны прямо на дно погребальной ямы. Иногда они сверху были прикрыты миской или другим сосудом. Возле урны или костей, лежавших на дне ямы, стояли глиняные сосуды. Здесь же находились остальные вещи: фибулы, пряжки, гребни, бусы и пр. Глиняные сосуды, найденные в погребениях, сделаны на гончарном кругу и отличаются тщательностью отделки и изяществом форм. Многие из них орнаментированы.

Остальные могильники, на которых производились раскопки (Ромашки [1], Маслово [2], Привольное [3], Пересечное [4], Гурбинцы [5], Дедовщина [6], Кантемировка [7], Переяслав-Хмельницкий [8], Каменка-Днепровская [9], Гавриловка [10],

---

[1] *В. В. Хвойка.* Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, XII, вып. 1—2, 1901, стр. 172—190.

[2] *П. Смолічев.* Археологічні досліди в околицях м-ка Златополя на Черкащині року 1926. «Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р.», Київ, 1927, стр. 154—166 (неопубликованные материалы архива Ин-та археологии АН СССР).

[3] *Ю. В. Кухаренко.* Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, стр. 125—152.

[4] *І. Н Луцкевіч.* Указ. соч., стр. 165—167.

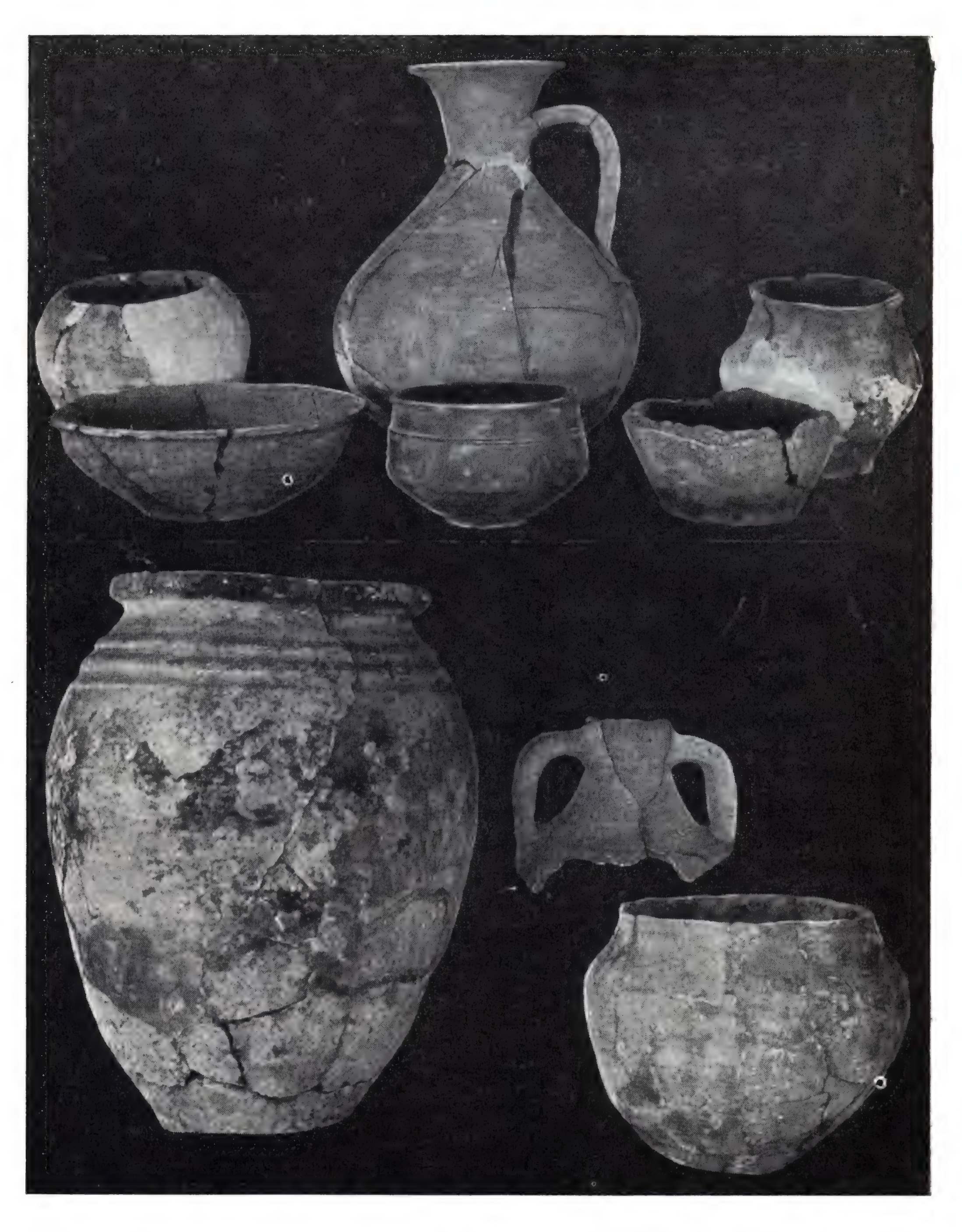
[5] *М. Макаренко.* Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. «Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р.», Київ, 1927, стр. 111—112.

[6] *В. Козловська.* Новіші археологічні досліди на терені Білоцерківщини. «Хроніка археології та мистецтва», ч. 2. Київ, 1930, стр. 39—48.

[7] *М. Рудинський.* Кантемирівськ могили римської доби. «Зап. ВУАК», т. І. Київ, 1931, стр. 127—158; *Е. В. Махно.* Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III. Київ, 1952, стр. 231—241.

[8] *В. К. Гончаров.* Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 37—39.

[9—10] *Э. А. Сымонович.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, стр. 282—316.



Глиняная лепная и гончарная посуда из могильников II—V вв. на Нижнем Днепре

Данилова Балка[1]) в целом аналогичны Черняховскому. Наиболее полно исследованы из них могильник возле с. Маслово, Златопольского района, Черкасской обл. На этом могильнике было вскрыто 62 погребения с трупосожжением и 29 с трупоположением. Почти во всех погребениях с трупоположением покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головою на север. Изредка встречались покойники с согнутыми в коленях или же скрещенными ногами и подогнутой к груди одной из рук. В двух случаях покойники были погребены в полусидячем положении. У некоторых покойников головы, а иногда и вся верхняя часть скелета находились на небольшом земляном возвышении, а в одном случае под голову была подложена миска. Встречаются также погребения, в которых были обнаружены на скелетах покойников, под ними или рядом с ними древесные угольки, пепел, зола и даже остатки перегнившего дерева. В одном погребении ноги скелета, а также дно погребальной ямы возле ног были покрыты какой-то красной краской. В ряде погребений под скелетами была подсыпка из цветного песка. Среди погребений с трупосожжением преобладали захоронения в урнах. Как правило, урна сверху была прикрыта другим сосудом-миской или же горшком, перевернутым вверх дном. В безурновых захоронениях сверху на костях также находились подобные покрышки.

Во всех погребениях, за исключением одного, покойников сопровождали определенные вещи: глиняные сосуды, металлические и стеклянные украшения, изделия из кости и т. д. Причем в погребениях с трупоположением глиняных сосудов больше, чем в погребениях с трупосожжением, и, наоборот, меньше предметов из металла, стекла и кости.

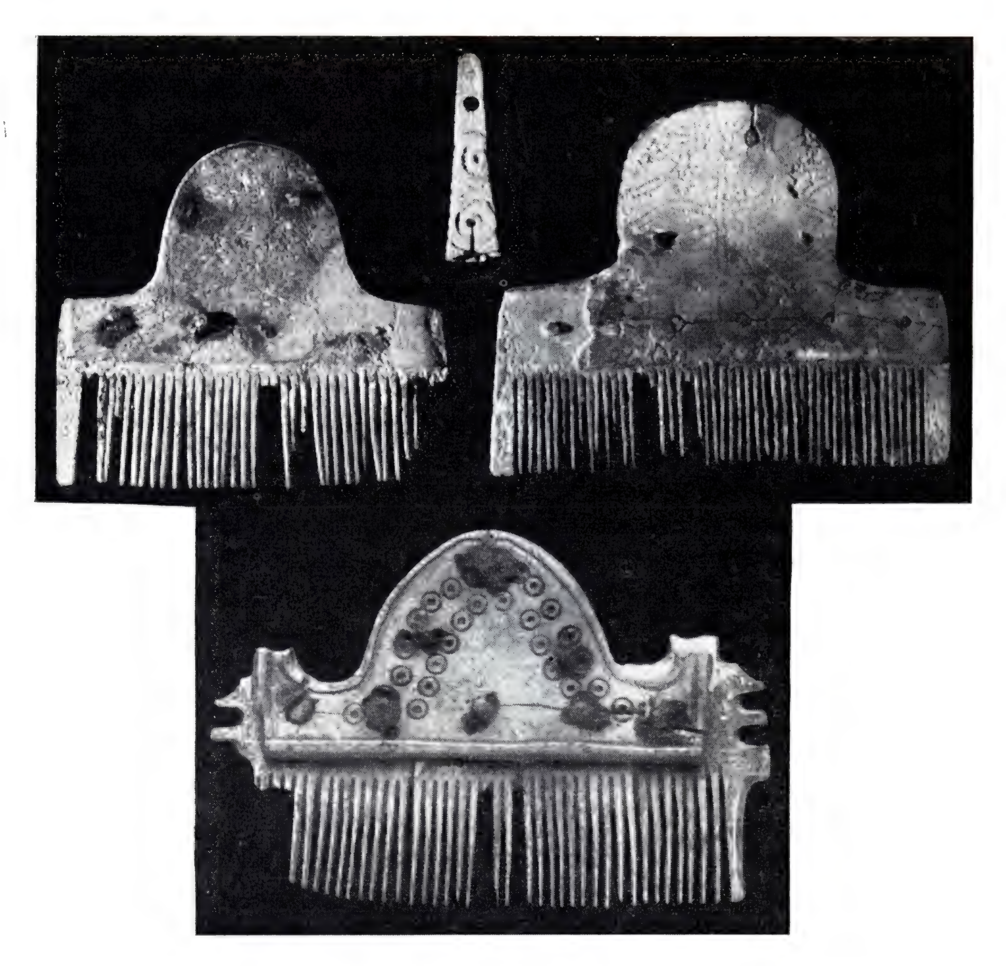
Кантемировский могильник (с. Кантемировка, Чутовский район, Полтавская обл.) весьма близок к Масловскому и по вещевым находкам, и по особенностям погребального инвентаря: те же формы сосудов, примерно то же сочетание трупоположений и трупосожжений, одинакова ориентировка покойников и т. д. Отличаются они лишь наличием на Кантемировском могильнике сарматских курганных погребений с трупоположениями в подбоях. В этих погребениях найдено большое количество глиняных сосудов, золотые, серебряные и бронзовые украшения и прочие вещи, типично черняховские.

Следует отметить, что указанные курганные захоронения не являются исключением среди памятников черняховской культуры. Вещи, характерные для этой культуры, в том числе и глиняные сосуды, неоднократно находили возле скелетов во многих курганах, расположенных на территории, занятой черняховскими племенами[2]. Однако только в Кантемировке курганы расположены непосредственно на Черняховском могильнике.

---

[1] *Э. А. Сымонович.* Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62—76.

[2] *Е. Сецинский.* Археологическая карта Подольской губ. «Тр. XI АС», т. I. М., 1901, стр. 258; *его же.* Опись предметов старины Музея Подольского церковного историко-археологического общества. «Тр. Подольск. истор.-археол. об-ва», вып. II.



Костяные гребни и подвеска из могильников III—V вв. Поднепровья

Весьма своеобразны могильники, открытые в последние годы в Нижнем Приднепровье и Побужье (Каменка-Днепровская, Гавриловка, Данилова Балка) [1]. На этих могильниках встречаются погребения в ямах с уступчатым дном (так называемые ямы с заплечиками) и даже и подбойные могилы, почти неизвестные на других черняховских могильниках.

При сравнении только что описанных поселений и могильников с более ранними славянскими памятниками бросаются в глаза существенные

Каменец-Подольск, 1911, стр. 11 (Чаусово); *А. А. Бобринский.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 149 (Мельникова); т. III, СПб., 1901, стр. 33, 35 (Ковалиха), стр. 35 (Бобрица), стр. 138 (Куриловка); *его же.* Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 40—43 (Грушевка) и др.

[1] *Э. А. Сымонович.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, стр. 289; *его же.* Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 62—76.

перемены, происшедшие в экономической, общественной и культурной жизни той части восточнославянских племен, которая вошла в состав черняховской культуры [1].

На смену сравнительно небольшому количеству зарубинецких городищ и селищ, известных здесь кое-где раньше, появляется большое количество неукрепленных поселений. Городища и селища зарубинецких племен располагались обычно на высоких и труднодоступных берегах больших рек и, по-видимому, отвечали всему укладу жизни этих племен в условиях первобытно-общинного строя. Каждое такое поселение являлось местом обитания большой семейной общины, занимающейся не только земледелием, но в значительной степени рыболовством и охотой. В дальнейшем, в связи с появлением новых земледельческих орудий (плуг с железным сошником и чересломом) и общей интенсификации земледелия меняется и характер поселений. Вместо городищ, которые прекращают свое существование или превращаются в убежища, используемые только в момент опасности, появляется большое количество неукрепленных поселений, располагающихся на склонах небольших речек в местах, удобных для земледелия.

Начался процесс выделения малых семей, хозяйство которых основывалось на пашенном земледелии. В связи с этим расширяется и общая территория, занятая восточными славянами. В более северных областях Приднепровья, где в силу различного ряда обстоятельств, интенсификация земледелия протекала более медленно, зарубинецкие городища продолжали функционировать и позже, в черняховское время. В одном из жилищ, вскрытых на Чаплинском городище, например, были найдены обломки гончарного сероглиняного кувшина черняховского типа. Черняховские вещи встречаются и на других поселениях и могильниках (Велемичи).

Общая интенсификация земледелия в конечном итоге привела к известному обогащению населения, что нашло свое отражение даже в количестве вещей, сопровождающих покойников. По сравнению с зарубинецкими могильниками в черняховских значительно увеличивается количество вещей, они более разнообразны по назначению, и уменьшается количество погребений, не содержащих дорогостоящих металлических и стеклянных изделий.

В то же время на черняховских могильниках, в отличие от зарубинецких, появляются отдельные, весьма богатые погребения, принадлежавшие, по-видимому, родовой знати и содержащие большое количество разнообразных вещей, в том числе стеклянных и серебряных. Интересно при этом,

[1] К сожалению, в настоящее время мы еще не в состоянии выделить из обширной группы черняховских памятников те, которые принадлежали славянам. Да и вряд ли это возможно будет сделать когда-нибудь. В сложной обстановке переселения народов, к тому же при сильном нивелирующем воздействии провинциально-римской культуры, внешние различия быта и культуры, с которыми только и приходится иметь дело археологам, быстро стирались.

Углубленное в землю жилище, найденное на раннечерняховском поселении в с. Ломоватое Черкасской обл.

что захоронения в этих погребениях, в отличие от остальных, рядовых погребений производились в деревянных срубах (Черняхов, Гавриловка). Покойники, как правило, не сжигались.

О росте зажиточности населения свидетельствует и огромное количество римских импортных изделий, найденных на поселениях и погребениях черняховской культуры. Среди импортных вещей очень много амфор так называемого позднеримского типа (Черняхов, Дедовщина, Пищальники, Гурбинцы, Кантемировка, хут. Савинского, Белики, хут. Холодный, Ерковцы, Белоцерковцы, Привольное, Ягнятин, Коровицы и др.). Изредка встречаются краснолаковые сосуды (Черняхов, Ромашки, Гавриловка) и глиняные светильники (Киев, Журовка). Известны находки стеклянных сосудов, большое количество стеклянных бус, провинциально-римских бронзовых фибул и римских монет. Последние находили и на поселениях, и в погребениях, но еще большее количество их известно по случайным

находкам на территории, занятой черняховскими племенами [1]. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что привозными вещами пользовались не только отдельные представители родовой общины, но и довольно широкие слои населения. Это свидетельствует о еще сохранявшихся устоях родового строя.

Еще более ярким показателем общего роста производительных сил является появление у черняховских племен специальных мастерских по производству глиняных сосудов (Никольское, Майорка, Пересечное, Коровицы, Лепесовка).

Если раньше глиняные сосуды по мере надобности выделывались в каждом поселке, почти в каждой семье, то теперь, с введением гончарного круга, производством сосудов начали заниматься специалисты — гончары, работающие для сбыта. В гончарных мастерских применялся быстро вращавшийся круг; посуда обжигалась в специальных горнах.

Гончарное ремесло, как это убедительно доказал Б. А. Рыбаков, никогда не являлось ведущим, а всегда оформлялось позже других, скажем ювелирного и кузнечного [2]. И действительно, мастерские по производству и обработке металлов имелись уже у зарубинецких племен, как об этом свидетельствуют находки в Почепе. Известны они и на Черняховских поселениях (Скригловка в районе Бердичева) [3]. Следовательно, произошло отделение ремесла от земледелия, что было возможно только при условии достаточного развития последнего. Поскольку хлеба производили больше, чем раньше, ремесленнику уже не надо было самому заниматься обработкой земли. Необходимый ему хлеб он мог легко выменять на свои изделия. Возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени, но, как об этом свидетельствует привоз римских вещей, и с соседями, прежде всего с населением римских провинций. В торговле с соседями и, в частности, с населением римских провинций, основную роль, по-видимому, играл вывоз хлеба: совпадение римских и русских мер зерна — косвенное доказательство этого [4]. Помимо хлеба, продавали скот, кожи, меха и, вероятно, рабов. Обычай работорговли для того времени зафиксирован письменными источниками для германцев, но можно предполагать, что он был распространен и у славян.

Возможно, что на территории распространения черняховской культуры у части славянских племен существовало в примитивной форме рабовладение [5]. Само рабовладение у славян III—IV вв., как и у германцев на рубеже нашей эры, вероятно, имело некоторое сходство с оброчной

[1] *В. В. Кропоткин.* Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 45 и сл.

[3] Раскопки В. А. Месяца. Материалы не опубликованы.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 43.

[5] *Б. А. Рыбаков.* К вопросу об образовании древнерусской народности (Тезисы докладов совещания по методологии этногенических исследований). М., 1951, стр. 18.

Глиняная гончарная и лепная орнаментированная посуда из могильника III—V вв. в районе с. Гавриловка Херсонской обл.

зависимостью. По словам Тацита, у германцев «каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве» и «господин только облагает его, подобно колону, известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды» [1].

О процессе социальной дифференциации у славян того времени свидетельствует и наличие у них родовой знати. Так, Иордан, касаясь событий конца IV в., говорит, например, о 70 знатных славянах во главе с «королем» Божем [2]. Вокруг отдельных представителей родовой знати группировались дружины, которые, по словам Ф. Энгельса, являются зародышем «упадка... народной свободы», так как для них «грабеж стал целью», и они содействовали возникновению королевской власти [3].

Было бы неправильно, однако, полагать, что причиной всех указанных перемен в экономике, быте, культуре и общественной жизни южной группы восточнославянских племен в III—IV вв. являлось лишь дальнейшее развитие производительных сил, вызванное общей интенсификацией земледелия. Перемены эти во многих проявлениях объясняются той обстановкой, в которую попала южная группа восточнославянских племен в период начавшегося великого переселения народов.

Отмеченное выше продвижение зарубинецкой культуры на юг, в область скифоидной культуры, отражало передвижение части более северных племен и внедрение их в среду южных соседей, издавна связанных по культуре со скифским миром. Как уже говорилось выше, если принять гипотезу А. И. Тереножкина о продвижении протославянских племен на Средний Днепр еще за тысячу лет до черняховской культуры, мы не должны противопоставлять этнически население Северной Скифии и племена, создавшие зарубинецкую культуру. В историческом же плане наибольший интерес представляет область смешения «скифской» культуры и зарубинецкой, так как именно здесь, на протяжении нескольких веков, закладывались основы будущей Киевской Руси. Общеизвестно, например, что уже на зарубинецких поселениях и могильниках, пограничных со скифами, «наблюдается смешанный, так сказать, славяно-скифский» характер культуры и быта. Нужно отметить, что северные славяне попали здесь на юге в орбиту давно уже действующих привычных связей с южными культурными центрами и римскими провинциями. Все это вместе взятое, естественно, способствовало тем большим переменам в экономическом и общественном строе южной группы восточнославянских племен, о которых речь шла выше. Приток северных племен в Среднее Приднепровье приводил к увеличению здесь количества населения, резко возросшего в конце II и начале III в.

Соседями волыно-днепровских славян на юго-востоке являлись сарматские племена левобережья (частично проникавшие и на Киевщину),

---

[1] *Тацит.* Германия. В сб. «Древние германцы». М., 1937, стр. 69.

[2] *Иордан.* См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 233.

[3] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II. М., 1955, стр. 280.

а ниже порогов по Днепру — готские племена, культура которых была очень близка к черняховской.

Выше уже говорилось о наличии на черняховских могильниках сарматских курганных захоронений. Но и во многих бескурганных погребениях, вскрытых на этих могильниках, мы находим чисто сарматские черты [1]. Так, в погребениях № 67 и 69 Масловского могильника покойники были погребены в полусидячем положении. В ряде погребений этого могильника верхняя часть скелетов лежала как бы на возвышенности (приподнятое дно погребальной ямы). Встречаются также погребения, в которых скелеты лежат со скорченными ногами или согнутыми в коленях. Имеются погребения, в которых возле скелетов, под ними или же над ними находились кусочки краски, мела, угольков. Изредка встречаются остатки перегнившего дерева. С. С. Гамченко, производивший раскопки на могильнике в Маслово, отметил даже, что некоторые покойники находились в деревянных гробах. Все эти детали погребального обряда не характерны для славян, но обычны для сарматских погребений.

Небезынтересно также отметить, что при раскопках черняховских поселений и могильников почти никогда не встречаются бронзовые зеркала, столь обычные в сарматских погребениях. Тем большего внимания заслуживает факт находки зеркала в погребении Масловского могильника (погребение № 71, скелет в деревянном гробу). Зеркало это к тому же было разбито, т. е. в данном случае буквально повторен сарматский обычай разбивать зеркала перед тем, как класть их в могилу. В погребениях Масловского могильника изредка встречаются и сарматские сосуды, а сосуды, обычные для черняховских племен, приобретают некоторые сарматские черты.

На могильниках в Даниловой Балке и в Гавриловке некоторые захоронения производились в ямах с заплечиками и в подбоях. Такие формы ям не характерны для славянских захоронений, но в то же время они обычны на могильниках населения, обитавшего здесь в скифское и сарматское время (Марицыно, Николаевка). Любопытно, что и ориентировка покойников та же.

Не является исключением на черняховских могильниках и искусственная деформация черепов — тот же сарматский обычай.

Все это вполне естественно, поскольку какая-то часть сарматов была поглощена, ассимилирована черняховскими, в том числе и славянскими племенами при продвижении последних в сарматские районы [2]. К тому же

[1] *Ю. В. Кухаренко.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 111—120.

[2] В этой связи интересно вспомнить, что еще В. А. Городцов и особенно в последнее время Б. А. Рыбаков с полной убедительностью доказали, что в славянской культуре и в том числе в русском народном творчестве имеется очень много древних элементов, восходящих к сарматам и впервые засвидетельствованных именно у сарматов (*В. А. Городцов.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. «Тр. ГИМ», вып. 1. М., 1926, стр. 7—36. *Б. А. Рыбаков.* Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, стр. 90—106).

на территории, занятой черняховскими племенами, одновременно с ними обитали и сарматы, о чем свидетельствует наличие целого ряда чисто сарматских могильников [1]. Не случайно поэтому примерно в это время Тацит писал, что венеды многое заимствовали из обычаев сарматов, так как, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между бастарнами и феннами [2].

Южный вариант культуры полей погребений, близкий к черняховским, следует, по всей вероятности, связывать с готскими племенами. Таковы, например, поселение у совхоза «Приднепровского» возле с. Гавриловки [3], где жилища вплоть до деталей повторяют черты, характерные для жилищ германских племен [4]; готскими, по-видимому, являются некоторые вещи из могильника в Привольном: миниатюрные железные подвески — ведерки и особенно янтарные подвески-грибки [5]. Если первые изредка и встречаются в Причерноморье (хотя основной район их распространения в то время был в низовьях Вислы), то аналогии вторым мы находим только на севере в области гото-гепидских и прусских племен [6]. По-видимому, готскими по происхождению являются и изогнутые змейкой браслеты и эллипсовидные бляшки, известные нам по находкам в Пекарях Черкасской обл. и Остере Черниговской обл. [7]

В середине III в. славянские племена Приднепровья принимали участие в скифских войнах с Римской империей. Об этом свидетельствуют находки в Приднепровье монет провинциально-римской чеканки и некоторые другие факты [8]. Но еще более убедительно об этом говорит факт появления в это время на территории современной Молдавии целого ряда поселений и могильников черняховской культуры. Среди них имеются и весьма обширные, свидетельствующие о переселении значительных групп населения [9]. Отдельные черняховские поселения и могильники появляются и далее к юго-западу, в Придунавье, на территории современной Румы-

---

[1] *К. Ф. Смирнов.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 195—219.

[2] *Тацит.* Германия. В сб. «Древние германцы». М., 1937, стр. 81.

[3] *Э. А. Сымонович.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 314, рис. 2—4, 18.

[4] *G. Behm-Blanke.* Die alttüringische und frühmittelälterliche Siedlung Weimar. «Frühe Burgen und Städte». Berlin, 1954, стр. 102, рис. 5. Жилища семнонов, маркоманов, вандалов, бургундов и др. I—IV вв. н. э.

[5] *Ю. В. Кухаренко.* Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 137, табл. II, рис. 27—31; стр. 143; табл. III, рис. 26—35.

[6] *W. Gaerte.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 242, рис. 185.

[7] Б. Н. и *В. И. Ханенко.* Древности Приднепровья, вып. IV. Киев, 1901, табл. X, рис. 261, 269.

[8] *В. В. Кропоткин.* Указ. соч., стр. 160; *М. Ю. Брайчевський.* Археологічні свідченяя участі східних словян у політичних подіях римської історії III—IV ст. ст. н. э. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 45—55.

[9] Например, могильник у с. Будапешты Криулянского района, на котором в последние годы Э. А. Рикман вскрыл 359 погребений.

нии [1]. Возможно, что вместе со славянами там оседают и пришедшие с ними готские, сарматские и другие племена. На поселениях и могильниках наблюдаются многие черты славянской культуры. И трудно сказать, чем бы закончился этот процесс, если бы дальнейшее продвижение славян в Причерноморье и на Балканы не было задержано в конце IV в. опустошительным нашествием гуннов. Множество людей было уничтожено, угнано в рабство, а поселения их разрушены. Именно такую картину разрушения и разгрома мы наблюдали во время раскопок на многих черняховских поселениях (Привольное [2], Синицивка — Сабатиновка [3] и др.). Многие вынуждены были уйти в другие, более безопасные места. Обширная территория Южного Приднепровья на время приходит в запустение. Лишь кое-где на ней мы находили следы кратковременного пребывания различных степных кочевых и полукочевых народов (например, Мартыновка и родственные ей памятники).

Гуннское нашествие и последовавшая за ним двухвековая борьба с Римской империей, прекращение привычных связей с причерноморскими культурными центрами и населением римских провинций весьма отрицательно сказались на экономике и культуре той части восточнославянских племен, которые соприкасались со степью. Были заброшены огромные участки земли, обрабатывавшейся ранее, совершенно исчезают некоторые отрасли ремесленного производства, связанные с широким рынком сбыта, например, гончарство. Исчезают провинциально-римские элементы в культуре и быте населения значительной части Европы, происходит, если так можно сказать, общая «варваризация» культуры.

Расположенный на северной окраине области черняховской культуры район Киева, очевидно, не был затронут гуннским разгромом, и здесь мы наблюдаем прямую преемственную связь памятников V в. с более ранними.

Таковы славянские поселения и могильники конца IV—V вв., открытые в последние годы В. Н. Даниленко в районе Киева (Староселье, Безродичи, Бортничи, Красный хутор и др.) [4]. Здесь мы уже не находим дорогостоящих импортных изделий, нет великолепных глиняных сосудов, сделанных на гончарном кругу, совсем нет украшений и т. д. В то же время и в самом домостроительстве (деревянные срубные жилища), и в погребальном обряде (ямные захоронения с трупосожжением), и даже в наиболее подверженном переменам во времени материале — керамике мы

[1] В целом же на территории Молдавии в настоящее время обнаружено более трехсот поселений и могильников черняховской культуры, т. е. почти столько же, сколько их известно на территории Приднепровья (*Г. Б. Федоров.* Древние славяне и их соседи в Молдавии. «Уч. зап. Ин-та истор. яз. и литер. Молдавск. ФАН» (серия историческая), т. VI. Кишинев, 1957, стр. 237—311.

[2] *Ю. В. Кухаренко.* Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 125 и сл.

[3] *Е. О. Симонович.* Млинове спорудження перших століть н. э. на Південному Бузі. «Археологія», т. VI. Київ, 1952, стр. 97—108.

[4] По неопубликованным материалам Ин-та археологии АН УССР.

наблюдаем прямую преемственность с памятниками зарубинецкой культуры. Подчеркиваем это, ибо никакой преемственности между славянскими памятниками V в. и последующего времени с памятниками более южной черняховской культуры, уничтоженной гуннами, почти не наблюдается, что, впрочем, вполне естественно, так как после событий конца IV — середины V в. существенно изменилась материальная культура во всей Европе. Перемещение массы племен, падение Римской империи, нарушение культурных связей — все это приводило к коренным изменениям и к неизбежному огрублению культуры.

С другой стороны, усиление межплеменных связей, формирование кратковременных и длительных союзов племен (которые все чаще начинают мелькать на страницах тогдашних сочинений) приводило к созданию новых направлений связи, установлению большего единства материальной культуры у родственных народов.

И не случайно вскоре после гуннского нашествия на огромной территории Приднепровья и Повисленья, занятой до этого венедскими — зарубинецкой и пшеворской культурами, появляются одинаковые славянские поселения и могильники и, что особенно важно,— совершенно одинаковы керамика, орудия труда, многие предметы украшения и быта и т. д. Речь идет о памятниках житомирского типа в Приднепровье и памятниках пражского типа на западе [1].

Поселения в это время были в большинстве случаев неукрепленными, т. е. селищами. Но известны и небольшие городища. Наиболее ранние из поселений (Корчак в районе Житомира, Петриков на Припяти, Зимно возле Владимиро-Волынска) относятся к VI—VII вв. [2] Самые поздние доходят до VIII и даже IX в. (Хотомель, Лука-Райковецкая, Григоровка) и др. На тех из поселений, где производились раскопки, обнаружены остатки небольших жилищ в виде полуземлянок с глинобитными или же каменными печами внутри. Таковы, например, жилища, остатки которых обнаружены на селище у г. Петрикова на Припяти [3]. Такие же жилища обнаружены на селищах возле с. Райки под Бердичевом [4], с. Григоровки на Днепре [5], в

[1] *С. С. Гамченко.* Пятилетие археологических исследований на Волыни. Рукопись Института археологии АН УССР. К сожалению, у нас эти памятники еще очень мало изучены. Первую и далеко не полную сводку см. в статье *Ю. В. Кухаренко.* Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья (КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—37).

Сводка некоторых более поздних памятников этого типа опубликована И. И. Ляпушкиным (*И. И. Ляпушкин.* Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. «Вестник ЛГУ», 1956, № 20, стр. 45—60).

[2] Датировка не только по характерной керамике, но и по металлическим вещам — пряжкам и браслетам, найденным на поселении в Зимно во время раскопок Ю. Н. Захарука.

[3] По неопубликованным памятникам Ин-та истории АН БССР.

[4] *В. К. Гончаров.* Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, стр. 32—34.

[5] *М. И. Артамонов.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 100—117.

Общий вид городища Хотомель VI—VIII вв. в Припятском Полесье

Хотомеле на Горыни [1] и на других поселениях. На селище в Григоровке были найдены и материалы, относящиеся к обработке металлов, в том числе тигли для плавки цветных металлов. Большое количество шлаков открыто на селище в Хотомеле.

Могильники встречаются двух видов: бескурганные, т. е. такие же, какие были у венедских зарубинецких племен (Хорск и Хотомель на Горыни, Катериновка под Житомиром, Новый Быхов на Днепре, Артюховка в районе Ромен и др.) и курганные (Корчак, Селец, Мирополь на Житомирщине, Перевалы на Волыни и многие другие). И на тех и на других обнаружены погребения с трупосожжением. Погребений с трупоположением неизвестно. Интересно отметить в этой связи, что на большинстве из известных нам курганных могильников житомирского типа примерно в IX—X вв. появляются погребения с трупоположением.

На поселениях и в погребениях довольно много глиняных сосудов, весьма своеобразных по форме и сделанных от руки, т. е. без помощи гончарного круга. В более поздних комплексах, например на поселении в Хотомеле, встречаются сосуды, вначале лишь подправленные на кругу, а затем и полностью сделанные на кругу. Весьма примечательно при этом, что при сравнении этих сосудов устанавливается типологическая преемственность, указывающая на непрерывность развития, начиная с лепных сосудов VI в. и до хорошо известных форм славянской керамики IX—X вв. В то же время прототипы лепных сосудов VI в. мы находим на старых зарубинецких могильниках Полесья (Воронино, Велемичи).

[1] Раскопки Ю. В. Кухаренко.

Помимо керамики, на поселениях были обнаружены остатки железных плугов (сошники, чересло — в Хотомеле), большое количество различных орудий труда: ножи, рыболовные крючки и остроги, долота, жернова и т. д. Довольно много предметов вооружения и конского снаряжения (железные наконечники стрел и копий, пластинки от панциря, удила, шпоры и пр.). Встречаются и различные предметы украшений, в том числе и серебряные височные кольца, бронзовые пряжки и характерные браслеты с утолщенными концами. Известны и литейные формы [1].

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на опустошения, произведенные в южной группе восточных славян гуннами, в более северных областях общее развитие производительных сил, несомненно, значительно продвинулось вперед. Это, а также недостаток удобных для земледелия почв в сложной обстановке продолжающегося переселения народов, привело к значительным передвижениям славянских племен.

Движение шло как на юг, в степи, к низовьям Дуная и на Балканы [2], так и на северо-восток, в среду летто-литовских и финских племен.

В течение примерно двухсот лет (VI—VII вв.) славяне занимают всю восточную и центральную часть современной Белоруссии, подчинив себе обитавшие здесь до этого летто-литовские племена, известные нам по городищам с так называемой штрихованной керамикой. Об этом свидетельствует наличие на этих городищах особого, притом всегда верхнего, перекрывающего слоя со славянской керамикой (Банцыровщина, Черная Гора, Прилады, Дымокуры, Некасецк и др.) [3], а также могильники с трупосожжением типа Ново-Быховского [4].

Примерно в это же время славяне занимали обширные области в верховьях Днепра и Волги, появились на Ловати в районе оз. Ильмень. Об этом говорит появление здесь длинных курганов, сопок и поселений с характерной лепной керамикой (Старая Ладога) [5]. На Десне и Оке в это время также появляются поселения и курганы с трупосожжением и керамикой житомирского типа. Некоторые из них — Неготино, Хотылево, Голяжье, Кветунь, Воротынцево, Шуклинка и Лебедка — в последние годы исследуются [6].

---

[1] Найдены во время раскопок Ю. В. Кухаренко в Хотомеле.

[2] Славянские поселения в бассейне Дуная исследованы в последние годы советскими, румынскими и болгарскими археологами. На всех этих поселениях обнаружена керамика типа Корчак или же весьма близкая к ней. Керамика из поселения в Попино (Болгария), например, ничем не отличается от керамики из поселений, исследуемых в последние годы на территории Волыни и Припятского Полесья (Зимно, Хотомель).

[3] По материалам Ин-та истории АН БССР, собранным А. Г. Митрофановым.

[4] *Ю. В. Кухаренко.* Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85.

[5] *Н. Н. Чернягин.* Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 93—148; *Я. В. Станкевич.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, стр. 219—246.

[6] Разведки и раскопки Л. В. Артишевской, А. К. Амброза и особенно Т. Н. Никольской. Материалы не опубликованы.

Глиняные лепные сосуды VI—VIII вв. из могильников Волыни

* * *

Для характеристики экономического строя и быта восточных славян середины I тысячелетия, помимо пока немногочисленных археологических материалов, мы располагаем и некоторыми письменными источниками. Важнейшими из них являются сочинения византийских писателей VI в. (Прокопия Кесарийского и Маврикия Стратега и др.). Правда, сведения, сообщаемые ими, относятся к славянам, переселившимся к границам Византийской империи, но кое-что из этих сведений мы можем извлечь и для характеристики приднепровских славян, так как располагаем некоторыми археологическими материалами для проверки и сравнения сведений древних писателей с действительным положением вещей не только в VI в., но и в более раннее время.

По археологическим материалам, например, восточные славяне, точнее анты, рисуются нам как оседлые земледельческие племена, постепенно расширяющие занимаемую ими территорию. Византийские авторы VI в. говорят об антах как о племенах по большей части ведущих бродячий образ жизни. И это соответствует действительности. Не все анты, пришедшие к границам империи, оседали там. Многие из них, как об этом сообщают те же источники, возвращались с добычей обратно. Да и не только на Византию ходили в те времена восточные славяне. Не менее мощный колонизационный поток, как мы видели, шел и в северо-восточном направлении.

Все древние авторы, описывая антов, обычно начинают с утверждения, что это весьма многочисленные и могущественные племена. Действительно, территория, занимаемая славянскими поселениями и могильниками VI—VII вв., весьма обширна и, судя по археологически обследованным районам (Житомирщина, например) густо заселена. Говоря о славянах и антах, Маврикий отмечает, что «у них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы» [1]. Авары, стремясь нанести славянам наибольший урон, как бы добавляет другой историк Менандр, прежде всего разоряли их поля и нивы [2]. И действительно, на тех из славянских поселений этого времени, на которых производились раскопки, мы наблюдаем типичную картину земледельческого быта. Во время раскопок В. В. Хвойки на Пастырском городище в бассейне р. Тясмина, в пределах жилищ антского времени, найдены обугленные зерна злаков, причем главным образом проса и пшеницы, а также земледельческие орудия — железные серпы и лемеха [3]. Железный сошник был найден и на поселении VII—VIII вв. возле с. Волынцево в районе Путивля [4]. Из поселения в Хотомле на Горыни происходят не толь-

---

[1] Стратегикон. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 253.

[2] *Менандр.* Там же, стр. 247.

[3] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 166.

[4] *Д. Т. Березовець.* Дослідження на території Путивлського району. Сумської області «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III. Київ, 1952, стр. 249.

ко железные сошники, но и железное чересло — плужный нож. На том же поселении неоднократно находили жернова и другие орудия земледельческого быта. Нередки находки и железных серпов. Все это свидетельствует о наличии развитого пашенного земледелия, от состояния которого в значительной степени зависело и развитие скотоводства. Современники сообщают, что славяне владели табунами коней, разводили быков, овец. Во время раскопок на поселениях того времени действительно находили множество костей всех основных видов домашних животных: коровы, лошади, свиньи, овцы, а также и домашней птицы. Немало костей и диких животных, а также костей рыб, что свидетельствует о широко практиковавшихся охоте и рыбной ловле. Об этом же говорят и многочисленные находки орудий охоты и рыбной ловли.

Описывая военные походы антов, древние писатели неоднократно подчеркивают, что каждый из антских воинов вооружен двумя копьями, щитом и луком. В войске антов, наряду с пешими воинами, были и всадники. Во время раскопок на поселениях антов действительно находим железные наконечники копий и стрел, удила и другие предметы вооружения и снаряжения. Особенно много их обнаружено на неоднократно уже упоминавшемся поселении в Хотомле.

Многие византийские историки сообщают, что анты стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия [1]. Вполне понятно, что под этим подразумевается не все антское общество в целом, а лишь верхушка этого общества. Стремление отдельных членов этой верхушки разбогатеть нашло свое отражение в сочинениях Прокопия Кесарийского [2].

Что же служило источником этого обогащения? Конечно, не одна только добыча во время удачных военных походов, хотя сама по себе, как об этом сообщают современники, она достигала иногда весьма значительных размеров. «... Чтобы было возможно грабить,— писал К. Маркс,— должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть, производство» [3]. Военные грабежи по существу являлись не причиной, а следствием значительного развития производительных сил.

Постепенный и неуклонный рост общего уровня развития производительных сил, вызванный усовершенствованием в области земледелия, распространение ремесленных форм производства, усиление торговли, упрочение экономических и культурных связей с соседями, происходившие в обстановке длительных войн и колонизационных движений, составляли экономическую основу жизни и быта восточных славян в начале и середине I тысячелетия.

---

[1] *Иоанн Эфесский.* Церковная история. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 252.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 294. Рассказ о Хильбудии, купленном антом именно с целью наживы.

[3] *К. Маркс.* К критике политической экономии. М., 1951, стр. 210.

4

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

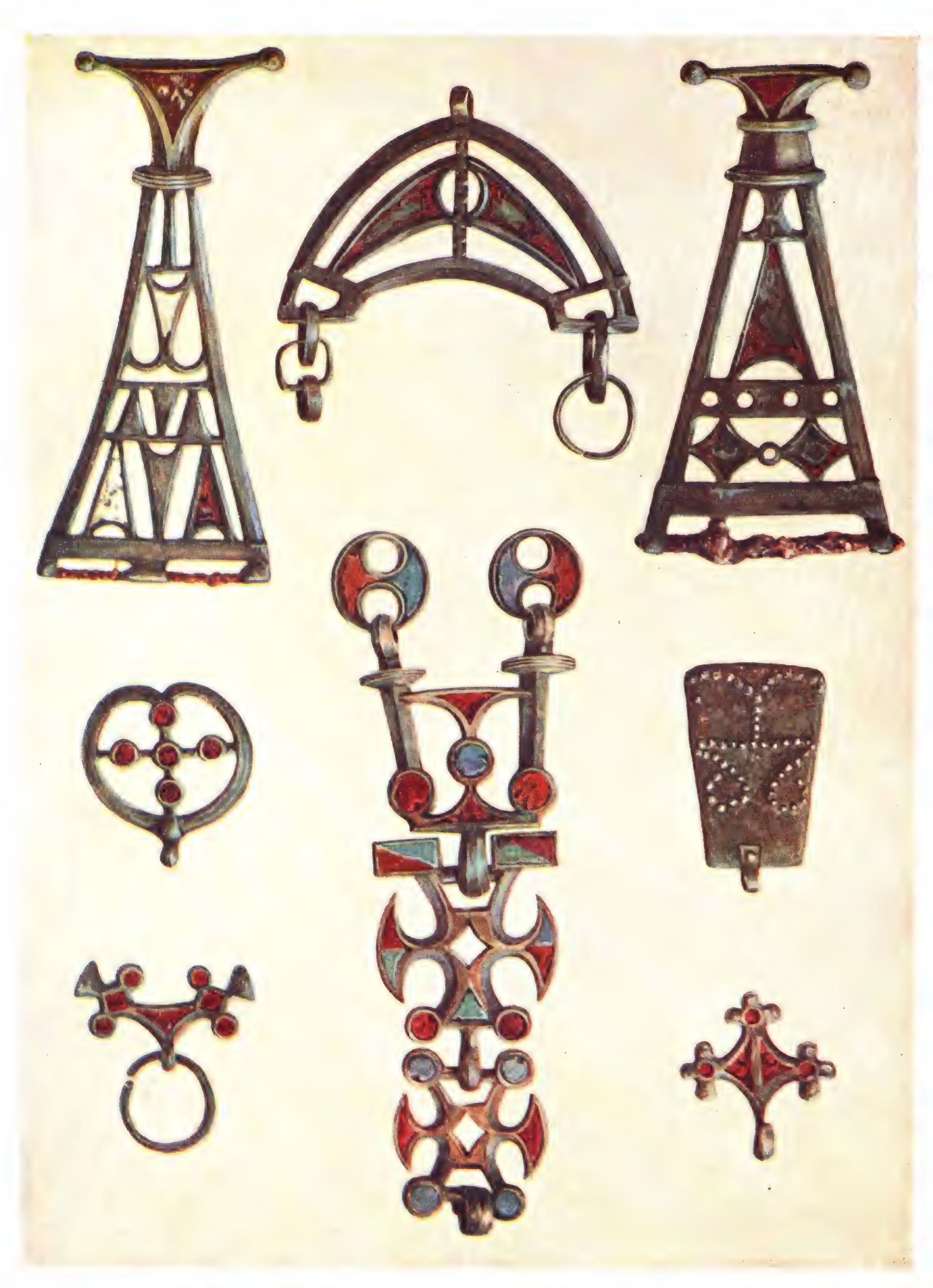
Для характеристики общественных отношений и политического строя восточнославянских племен в первой половине I тысячелетия могут быть привлечены как сведения древних авторов о склавенах и антах, так и данные археологии. Но обе группы этих источников являются в данном случае далеко не полноценными. Византийские и другие иноземные авторы, как уже указывалось, знакомились с жизнью славян не на их исконной территории, где действовали освященные традициями жизненные порядки, а на Балканском полуострове, где пришельцы славяне оказались в обстановке передвижений и нескончаемых войн, что не могло не повлиять на характер их общественного и политического строя. Кроме того, древние авторы отнюдь не стремились вникнуть в существо и детали общественно-политической жизни славян. Их внимание привлекали лишь некоторые особенности славянской жизни, представляющие интерес главным образом с военной и дипломатической точек зрения.

Что же касается археологических материалов, то среди них возможно отыскать лишь некоторые косвенные данные об общественных и политических отношениях. Такими являются, например, сведения о характере поселений и жилищ, кое-какие данные об общественном строе и социальном неравенстве, выявляемые при исследовании могильников, и др. Данные такого рода позволяют нарисовать лишь приближенную и весьма проблематическую картину общественных отношений.

Кроме указанных сведений, для характеристики общественного и политического строя славян в начале и в середине I тысячелетия возможно в некоторой степени использовать также исторические и археологические сведения о славянах, относящиеся к более позднему времени, выявляя среди них элементы пережиточного характера.

В соответствии с отмеченным выше неодинаковым уровнем развития производства в южных и более северных частях славянской территории, уровень общественного и политического строя славянских племен также не был одинаковым на всей принадлежавшей им обширной территории. В среде южных племен, издавна соприкасавшихся с населением Северного Причерноморья, а в I тысячелетии оказавшихся вблизи римской периферии, экономическая жизнь и общественные отношения развивались более ускоренным темпом, чем у основной массы восточнославянских племен, обитавших в глубине лесных областей Среднего и Верхнего Поднепровья, в стороне от экономической и политической жизни Северного Причерноморья.

Для характеристики племен южной группы в большой мере могут быть привлечены сведения о склавенах и антах, сообщаемые византийскими и другими раннесредневековыми авторами. Эти авторы обращали



Бронзовые украшения, инкрустированные цветной эмалью, из клада середины I тысячелетия у дер. Можрино Калужской обл.

внимание на то, что нормы славянской жизни заметно отличались от господствующих в Византии классовых, общественных и политических порядков, представлявших собой в ту эпоху сочетание уходящего в прошлое рабовладельческого строя и нарождавшихся феодальных отношений. В отличие от классового общественного устройства и государственности, свойственных Византии, у славян был демократический строй жизни — первобытно-общинные отношения на последних ступенях их развития.

«Эти племена, славяне и анты,— говорит Прокопий Кесарийский,— не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [1].

Еще более яркую характеристику общественных порядков у славян дал автор «Стратегикона». «Племена славян и антов,— пишет он,— сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никаким образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране... Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но ограничивая (плен) определенным временем, предлагают им (пленникам) на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей?» [2]

Демократические порядки славян и других «варваров» привлекали к себе внимание широких масс обездоленного и жестоко эксплуатируемого византийского населения. Прокопий Кесарийский, говоря о времени императора Юстиниана (527—565 гг.), пишет по этому поводу следующее: «Народ большими толпами убегал не только к варварам, но и к римлянам, живущим в далеких странах, и в (каждой) области, в каждом городе можно было видеть все большее и большее число иноземцев. Чтобы только скрыться из родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами» [3]. Таким образом, в VI — начале VII в. развитого рабовладельческого строя у славян не было. Его не было у тех племен, которые переселялись в пределы Византийских провинций Балканского полуострова, тем более его не могло быть у племен, обитавших в более северных областях.

Но картину славянской жизни, изображенную древними авторами, не следует, конечно, идеализировать. Совершенно очевидно, что южные славянские племена, издавна связанные с Причерноморьем, бывшие косвенными наследниками культуры скифских племен, достигших классового общества и создавших государственность, и прожившие впоследствии несколько столетий у границ римской провинции, не смогли сохранять у себя чистоту первобытно-общинного строя. Лишь по сравнению с жизнью в империи их социальное и политическое устройство могло показаться верхом

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 297.
[2] Стратегикон. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 253.
[3] *Прокопий из Кесарии.* Тайная война. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1938, № 4, стр. 309.

свободы и демократии. В действительности же дело обстояло несколько иначе.

В общественном строе племен южной группы, несомненно, имелись значительные элементы рабовладения, получившие особое развитие в период войн славян с Византией, т. е. в VI в.

Как сообщают древние авторы, славянские дружины во время Балканских войн сначала не брали пленных, но затем начали уводить с территории империи сотни и тысячи людей. «Сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей,— говорит Прокопий Кесарийский о событиях 548—549 гг.— Теперь же они... как бы упившись морем крови, стали с этого времени некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой многие десятки тысяч пленных» [1]. Взяв г. Топер, славяне перебили мужчин, детей же и женщин они обратили в рабство. Пленных уводили, правда, главным образом с целью получения выкупа. Неоднократно, освобождая пленных, империя уплачивала славянам многие сотни фунтов золота. Но с момента пленения до выкупа мог пройти значительный срок, во время которого пленные жили у славян, конечно, не на положении гостей. Очень интересно, однако, приведенное выше утверждение Маврикия, автора начала VII в., подтверждаемое другими косвенными данными, что даже в том случае, если пленных не выкупали, им через некоторый срок возвращалась свобода.

О том, что рабство у антов и склавенов имелось, хотя и ограничивалось сравнительно узкими рамками, говорит и такой любопытный случай, о котором рассказывает Прокопий. У одного склавена был раб, долго и преданно служивший своему хозяину. Затем этот раб был продан одному анту. После того, как сделка совершилась, купленный раб заявил своему новому господину, что он является антом по происхождению и «придя в родные земли, он в дальнейшем согласно закону будет уже свободным». Здесь имеется в виду колоритный эпизод с Лже-Хильбудием, которого анты выкупили у склавенов и предполагали выставить перед империей вместо погибшего Хильбудия, магистра Фракии [2]. Рабом у антов мог быть, следовательно, лишь чужеземец; порабощение же соплеменника, видимо, запрещалось обычным правом.

Таким образом, рабовладение у склавенов и антов, т. е. племен, непосредственно соприкасавшихся с Византией, несомненно, имелось. Рабов продавали и покупали. Рабом мог стать член соседнего племени. Во время войны рабы, особенно женщины и дети, являлись непременной и, по-видимому, очень важной частью военной добычи. Вряд ли можно рассматривать все это в качестве примитивного патриархального рабства, которое было распространено у всех первобытных народов и которое еще не играло большой роли в их социально-экономической жизни. Но это не было, конечно, и развитым рабовладением, оформившимся как определенная система производственных отношений или даже как уклад в общественном строе.

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 366.

[2] Там же, стр. 296.

Что касается основной массы славянских племен, близко не соприкасавшихся с римскими и византийскими провинциями, то у них в этот период рабовладение, несомненно, было еще менее развито, не выходя за границы обычного патриархального рабства.

Вероятно, значительно большую роль в жизни южной группы славянских племен VI—VII столетий играла другая форма архаичной эксплуатации, а именно дань, даннические отношения — форма эксплуатации, имевшая место у всех племен с развитым военно-демократическим устройством.

В эпоху «великого переселения народов» даннические отношения получили очень широкое распространение. Требование платить дань являлось следствием любого завоевания или подчинения. Дань собирали готские «короли». Все племена, входившие в состав державы Аттилы, уплачивали ему дань. Такой же порядок устанавливали авары, подчинявшие себе, в частности, и некоторые славянские племена. Ниже мы приводим рассказ Менандра о славянском вожде Добрите, отказавшемся платить дань Аварскому каганату. Михаил Сириец, использовавший сочинения сирийского историка конца VI столетия Иоанна Эфесского, рассказывает о том, что в завоеванных областях империи захватчики предлагали населению: «Выходите, сейте и собирайте (урожай), мы возьмем с вас только половину подати» [1]. Здесь речь идет об аварах, но тут же фигурируют и славяне, которых вместе с лангобардами Михаил Сириец рассматривает как подданных «кагана, царя аваров».

Хотя древние авторы и не говорят ничего определенного о дани, взимаемой антами или склавенами, последние не составляли, конечно, исключения из общего правила. Обложение данью не только иноплеменников, но и членов своего племени, как и охарактеризованное выше рабовладение, являлось ярким признаком того, что первобытно-общинный строй у антов и склавенов уже достиг своего предела и что у них начало складываться первичное деление общества на классы, так как «господство над покоренными несовместимо с родовым строем» [2].

Основу общественной структуры антских и склавенских племен VI—VII столетий составляла, по-видимому, находящаяся в состоянии разложения патриархальная семья, входившая в состав территориальной поземельной общины.

Если обратиться к славянским поземельным порядкам, следы которых получили отражение в «Земледельческом законе» — византийском юридическом документе первой половины VIII в., заново рассмотренном недавно Е. Э. Липшиц,— и сопоставить их с нормами «верви» «Русской Правды» и обычным правом балканских славян, сохранивших древнее общинное устройство вплоть до XVIII—XIX вв., то во всех трех случаях окажется

[1] *А. П. Дьяконов.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр. 202 и сл.

[2] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 286.

очень много общего. Во времена «Правды» Ярослава и у славян Балканского полуострова сохранялись, по-видимому, пережитки того самого общественного устройства, которое нераздельно господствовало во времена антов и склавенов. Предполагать, что их общественные порядки имели другие, более архаичные черты и что территориальная община возникла вместе с «Земледельческим законом», конечно, не приходится. Наоборот, надо полагать, общественное устройство, принесенное славянами на Балканский полуостров в течение VI—VII столетий, появилось в странах Северного Причерноморья задолго до этого времени. Оно было налицо, может быть в несколько иных формах, уже в первые века и начало складываться в среде местного населения в результате распада родового строя еще в скифское время.

Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», говоря о большой южнославянской семье — «задруге», характеризует ее следующими словами: «Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина, домачина (domàcin), который представляет ее перед внешним миром... Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим... Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин» [1].

Говоря о конкретных особенностях патриархального семейного уклада антов и склавенов, можно указать на многоженство, распространенное, несомненно, у наиболее обеспеченных лиц. В VII столетии западнославянский царь Само имел 12 жен из рода винидов, от которых у него 22 сына и 15 дочерей (хроника Фредегара). О зависимом положении женщины говорит погребальный обычай славян: женщина в случае смерти своего мужа добровольно дает себя умертвить. Такого рода порядки говорят о наличии рабовладения. Древними чертами обычного права склавенов и антов являются отмеченные автором «Стратегикона» гостеприимстово и кровная месть.

Следует указать, что в состав семейной общины склавинов и антов, вероятно, входили и рабы, речь о которых уже шла выше.

Несколько больших патриархальных семей, живущих в пределах крупного селения или в разных местах по соседству друг с другом, составляли территориальную или соседскую общину — древнерусскую «вервь» или «братство» у балканских славян. Именно такая община, владеющая пахотной землей и различными угодьями и распределяющая их среди своих членов, прослеживается в византийском «Земледельческом законе» VIII столетия, а также в ряде других документов, обрисовывающих славянское общинное землепользование в Византии.

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 206.

Если в позднее время функции территориальной общины ограничивались почти исключительно вопросами землепользования, то в древности она владела несравненно большими полномочиями. Во главе общины стояли выборные должностные лица. Ее высшим органом являлся совет старейшин патриархальных семей, а в исключительных случаях — общий сход всего населения. На основании обычного права община решала все дела, касающиеся ее членов, являясь единственным органом местной власти.

И, наконец, третью и высшую ступень постоянного общественно-политического устройства склавенов и антов составляло племя, являющееся в это время объединением территориального порядка.

«Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако, главным образом они именуются склавинами и антами»,— пишет Иордан [1]. Из этих слов следует, что в VI столетии были известны несколько антских и склавенских племен, имевших свои наименования. Говоря о передвижении герулов, покинувших после поражения «местожительство отцов», Прокопий сообщает, что они «прошли подряд через все славянские племена» [2]. Колоритную картину разрозненных племен, зачастую враждующих между собой, но способных и объединиться для борьбы против общего врага, рисует Маврикий Стратег. Он говорит о разногласиях в славянской среде, о том, что на славян нельзя положиться в переговорах, так как «между ними нет единомыслия», решенное ими тотчас же нарушают другие. «Если среди них много предводителей и нет между ними согласия, не глупо некоторых из них привлечь на свою сторону речами и подарками, особенно тех, которые находятся поблизости от наших границ, и нападать на других, чтобы не все прониклись (к нам) враждой или не стали бы под власть одного вождя» [3].

В сочинении неизвестного автора, называемом «Чудеса св. Димитрия», где описываются события первой половины VII столетия, дан перечень славянских племен, поселившихся на юге Балканского полуострова. Это были драгувиты, сагудаты, велегезиты, ваюниты (веуниты), верзиты и др. Драгувиты и сагудаты были известны автору X столетия Иоанну Камениате и проживали в его время на запад от Фессалоник [4].

Византийский историк VIII в. Феофан говорит о семи славянских племенах, поселившихся в его время в Мизии, и называет имя восьмого племени, жившего в Добрудже,— северы, или северяне [5].

Таким образом, целостность племенной организации у антов и склавенов не подлежит никакому сомнению. Это были, однако, отнюдь

---

[1] *Иордан.* Гетики.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 294.

[3] Стратегикон. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 254—255.

[4] «Чудеса св. Димитрия». Анонимный автор (конца VIII в.). «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 100.

[5] *Феофан.* Летопись. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 277—278.

не древние племена эпохи родо-племенного строя и не фратрии или союзы древних племен, а выросшие из последних политические объединения территориальных общин, приобретающие характер образований уже государственного порядка.

Многочисленные факты говорят о том, что власть антских и склавенских вождей покоилась не только на признании их организаторских и воинских способностей, как это было в древности при родовом строе. В антскую эпоху решающая роль принадлежала, несомненно, имущественному положению того или иного лица или семьи, членом которой данное лицо являлось. Именно поэтому власть племенных вождей мало-помалу становилась наследственной. В середине VI в. аварский хан убил в своей ставке антского посла Мезамира, самого могущественного человека среди антов. Описывая этот случай, историк Менандр называет имя не только самого посла, но и его брата и отца — «Мезамир, сын Идаризиев, брат Келагастов» [1]. Перед нами картина наследственных династических связей, мало совместимая с нормами родо-племенного строя.

Во время Балканских войн в среде склавенов и антов складывались обширные объединения, высылавшие против империи тысячи воинов во главе с вождем. В обстановке войн, длившихся десятилетиями, союзы славянских племен приобретали прочность и постоянство. Вместе с этим не могла не укрепляться и власть племенных вождей. Военная обстановка создала чрезвычайно благоприятную почву для роста имущественного неравенства и, в частности, богатства предводителей. Славянские дружины опустошали обширные области на Балканах, угоняли скот, получали от империи огромные средства в виде выкупа.

Маврикий Стратег и Феофилакт Симокатта называют славянских вождей риксами, т. е. царями. Само по себе это наименование еще ничего не значит. Но оно приобретает определенный смысл в свете данных, обрисовывающих определенных личностей. Такими риксами были славянский вождь Добрит (Лаврита), упомянутый Менандром в рассказе об аварско-славянских отношениях, Пирогост, погибший в 597 г. на Дунае, ант Хильбудий, перешедший на службу к Византии, и многие другие. Феофилакт Симокатта и Феофан, рассказывая о борьбе византийцев со славянами, изображают их вождей Ардагаса и Мусокия как владетелей целых областей [2].

Такая картина была характерна не только для VI—VII вв., но и для более раннего времени. Историк Иордан, говоря о борьбе антов с готским «королем» Винитаром, сообщает, что последний предал смерти «короля» антов Божа и вместе с ним 70 знатных антов. Если другие, приведенные выше сведения касались склавенов и антов на Дунае и могут быть использованы для характеристики политического и общественного строя южной

---

[1] *Менандр.* В сб. «Византийские историки». Перевод Г. Дестуниса. СПб., 1860, стр. 324.

[2] *Феофилакт Симокатта.* История. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 260; *Феофан.* Летопись. Там же, стр. 271—272.

Драгоценные сосуды из клада VI—VII вв., найденного у с. Малая Перещепина Полтавской обл.

группы восточных славян лишь с большими оговорками, то сообщение Иордана, касающееся событий конца IV в. уже прямо имеет отношение к восточным славянам. Академик А. А. Шахматов полагал, что отголоском борьбы готов с Божем является следующее место из «Слова о полку Игореве»: «Се бо готскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня руским златом: поют время Бусово, лелеют месть Шароканю...»

Тому, что нарисованная выше картина может быть распространена на южную группу восточнославянских племен, нисколько не противоречат археологические памятники.

Выше уже шла речь о том, что поселения черняховской культуры II—V вв. с их жилищами и длинными улицами, сменившие городище более древнего времени, рисуют скорее всего сельскообщинные отношения. Отсутствие укреплений вокруг поселков в условиях той напряженной исторической обстановки, которая складывалась в это время в Северном Причерноморье, говорит о наличии мощной племенной и межплеменной организации, объединявшей жителей целых областей и обеспечивающей совместную оборону. Имеется мнение, что некоторые области черняховских поселений в Среднем Поднепровье были защищены так называемыми змеевыми валами — валами и рвами, тянущимися на десятки километров. Сооружение такого рода укреплений было возможно опять-таки лишь при наличии мощной племенной и межплеменной организации.

Археологические материалы в области Среднего Поднепровья VI—VIII вв. изучены очень плохо. Славянам принадлежат отдельные клады и опять-таки отдельные, в большинстве случайно обнаруженные, погребения с трупосожжением. Среди них необходимо отметить погребения, принадлежащие славянской знати. Таково сожжение, найденное у с. Нескребовки на Днепропетровщине, содержащее обломки серебряного византийского сосуда, и сожжение с византийскими вещами у с. Вознесенки в порожистой части Днепра. Об обособленности знати, владеющей богатствами, говорят и многочисленные клады, содержащие нередко дорогие серебряные и золотые изделия. Таковы, например, новый Суджанский клад или Мартыновский клад, содержащие характерные славянские украшения. Другие, например, старый Суджанский клад IV—V вв., найденный около Обояни Курской обл. и содержащий дорогую византийскую посуду, может быть связан со славянами, с значительной долей вероятности. Принадлежность славянам ряда кладов, например, знаменитого Перещепинского клада золотых и серебряных изделий, найденного в Полтавской обл., является спорной. Но так или иначе, выделение знати у славянских племен, о котором свидетельствуют письменные данные о склавенах и антах, отнюдь не опровергается, а подтверждается археологическими материалами Среднего Поднепровья.

Эволюция общественного строя у северной части славянских племен шла медленно; процесс распада родовых общин там продолжался вплоть до VIII—IX вв. На Волге, Западной Двине и Оке мы видим небольшие укрепленные валами и рвами поселки — городища, расположенные в труд-

недоступных местах. Связь такого рода поселений с патриархально-общинными отношениями признается большинством археологов. На таких городищах жили большие семьи-общины, коллективно ведущие свое хозяйство. Наличие большесемейного устройства получило отражение и в погребальных обрядах ряда северных восточнославянских племен. Длинные курганы кривичей, «сопки» славян новгородских или распространенные у вятичей курганы с деревянными камерами, содержащие по 10 и более сожжений, являлись семейными усыпальницами, отражающими обрядность патриархально-родового строя.

Начиная с середины I тысячелетия, особенно VI—VII вв., картина жизни северных восточнославянских племен претерпела существенные изменения. Там наблюдался такой же процесс, который пережили племена южной группы на два-три столетия раньше. На смену поселениям-городищам на землях северных племен в это время приходят открытые поселки, очень небольшие, а по характеру такие же, какие существовали в феодальную эпоху. С этим процессом связываются отмеченные выше изменения в области основного вида хозяйства — земледелия. На смену подсечному земледелию, требующему большесемейной организации, в это время приходит пашенное полевое земледелие — отрасль индивидуального крестьянского хозяйства. Следует полагать, что VI—VII вв. были временем, когда у всех восточнославянских племен сельская община стала господствующей формой общественных отношений.

Относительно вопросов о политическом строе северных восточнославянских племен по имеющимся в настоящее время материалам нельзя сказать ничего определенного. Бесспорно лишь, что известные по летописи и археологическим данным восточнославянские племенные группы: кривичи, вятичи, радимичи и другие, были не эфемерными образованиями, а такими группами, которые имели свои этнические признаки, существовали в течение ряда столетий, а начиная с IV—V вв., по всей вероятности, имели какую-то политическую организацию, представляя собой, по-видимому, прочные союзы родственных племен.

5

СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЯ В VI В.

Насколько незаметно для глаза историка происходило на протяжении веков продвижение славян к берегам Дуная и освоение ими огромной цветущей долины дунайского левобережья, настолько ярко и красочно описана древними авторами ожесточенная борьба славян с Восточно-Римской империей и их победоносное шествие от дунайских рубежей до самых южных областей Пелопоннеса и стен «второго Рима» — Константинополя.

К большому сожалению все авторы VI—VIII вв., сведениями которых мы пользуемся,— это представители или выразители интересов

византийской знати: юристы на государственной службе (Агафий Схоластик, Менандр Протиктор), секретарь главнокомандующего (Прокопий), секретарь императора (Феофилакт Симокатта), авторы официальных церковных историй (Евагрий и Иоанн Эфесский). Одно из важнейших сочинений, имеющее специальный раздел «О способах ведения войны с славянами и им подобными народами», приписывается даже самому императору Византии — Маврикию.

Вполне естественно, что в ту эпоху, когда славянские дружины заливали, как волнами, всю страну, объединяясь с восстающими рабами, эти авторы, представители побеждаемого рабовладельческого лагеря, не могли дать правдивой и достоверной оценки событий и действовавших тогда сил. Под пером византийца возникала только картина повсеместного грабежа, горящих городов, уводимых славянами многотысячных стад. Риторы не жалели красок и литературных приемов для того, чтобы оплакать потерянные империей области. Поэтому ко всей сумме сведений о древних славянах мы должны относиться с известной осторожностью, учитывая особенности наших источников, авторы которых стремились выпятить «варварское» в славянах.

На самом же деле походы славянских дружин были в известной мере ответом на ту попытку реставрации рабовладельческих отношений, которую предприняло правительство императора Юстиниана (527—565 гг.). Ценою большого напражения военных резервов страны и непомерного роста налогового бремени Юстиниану удалось собрать под властью «второго Рима» значительную часть прежней Римской империи; в состав Византии входили: Балканский полуостров, Далмация, Италия, Тунис и отчасти Алжир, часть Испании, Сицилия, Балеарские острова, Малая Азия, часть Кавказского побережья, часть Крыма. Во всех этих областях реставрировались старые рабовладельческие порядки несмотря на то, что они все меньше и меньше соответствовали уровню развития производительных сил. Начавшийся на первом этапе кризиса рабовладельческого строя перевод рабов на положение, близкое к положению крепостных крестьян, теперь, в эпоху наивысшего напряжения, был приостановлен, и колоны (рабы, ведшие индивидуальное хозяйство на господской земле) снова приравнивались к рабам.

В новых законах императора Юстиниана говорилось, что «основное деление прав личности состоит в том, что все люди являются или свободными или рабами». Колонов стремились приравнять к рабам, устранить возникшую разницу. Кодекс Юстиниана был особенно нетерпим к колонам и пресекал возможность их дальнейшего хозяйственного развития и улучшения их жизни: «каждый должен подчиниться своей участи». Этот тезис усердно проповедывала и византийская церковь: «рабы да повинуются властелем своим».

Реставрация рабовладения сопровождалась широкой завоевательной политикой, расточительной роскошью и связанным с этим непомерным усилением налогов. Современник писал, что для византийцев «неприятель-

Стены Константинополя близ Меландийских ворот

ское нашествие казалось менее страшным, чем прибытие агентов казначейства»[1].

По всей империи вспыхивали восстания; рабы стремились убежать от возрожденных жестоких порядков и массами уходили за Дунай к славянам. Прокопий в своей «Тайной истории» писал, что «народ большими толпами... убегал... к варварам» [2].Появление славянских дружин внутри империи должно было рассматриваться греческими колонами и рабами как появление союзников в борьбе против рабовладельческой знати и императорских войск. Для Византийской империи славяне представляли особую опасность, так как их походы тесно сплетались с народными восстаниями внутри империи и в составе самих славянских войск могли быть беглые рабы и колоны.

Вся тяжесть полицейского аппарата и разветвленной церковной организации обрушилась на восстававших. «Законодательство в Римской империи преследует одну цель — предотвращение восстания». Непрерывный ряд восстаний (восстания «скамаров») происходил в V и VI вв. на всей

---

[1] *М. В. Левченко.* История Византии. М.— Л., 1940, стр. 86. Вдохновитель политики реставрации — император Юстиниан, лично много сделавший для изменения законодательства, заслужил гневные строки, написанные тайком его придворным историком Прокопием: «Это был не человек, а некий человекоподобный демон. Трудно было бы исчислить то огромное зло, которое он причинил державе... Легче пересчитать песчинки песка, чем сосчитать количество погубленных императором...» (*Прокопий из Кесарии.* Тайная история, стр. 309 и сл.).

[2] В этих «варварах», к которым убегали византийские рабы, справедливо видят славян (*Б. Д. Греков.* Борьба Руси за создание своего государства, М., 1945, стр. 14).

северной границе империи: в Реции, Норике, Паннонии, Иллирии и Фракии. Только Дунай отделял эти, охваченные пожаром классовой борьбы, византийские области правобережья от свободных славянских земель левого берега реки. Вполне понятны и тот ужас, который внушали византийцам многочисленные и сильные славяне, и то внимание, которое империя уделяла обороне дунайских рубежей.

Византийские императоры старались переманить на свою службу отдельных славянских князей с их дружинами. Мы знаем об участии славян в составе византийских войск в ряде военных кампаний [1]. Кроме того, славяне занимали крупные полководческие посты; они командовали большими отрядами конницы и эскадрами (анты Всегорд и Дабрагез — военный трибун; сын Дабрагеза Леонтий был таксиархом [2]). В 531 г. император Юстиниан поставил для защиты Дуная начальником Фракии полководца Хильбудия, претора, «близкого к императорскому двору». Он был убит в 534 г. в битве со славянами. Из дальнейшего рассказа Прокопия выясняется, что Хильбудий не греческое, а славянское (антское) имя и что у антов в это время появился самозванец, отважный воин по имени тоже Хильбудий, выдававший себя (в интересах всех антов) за первого Хильбудия. Юстиниан отправил к придунайским антам послов, «предлагая варварам поселиться в древнем городе по имени Туррис, расположенном у самого берега р. Истра. Этот город построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно грабили. Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как искони она принадлежала римлянам, обещая, что будет жить с ними (антами), всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег, лишь бы на будущее время они клятвенно обещались соблюдать с ним мир и всегда бы выступали против гуннов (авар), когда те захотят сделать набег на Римскую империю. Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это, если он восстановит начальником римского вождя Хильбудия...» [3]. Этот рассказ Прокопия чрезвычайно напоминает рассказ русского летописца о первом киевском князе, основателе г. Киева на Днепре — Кие.

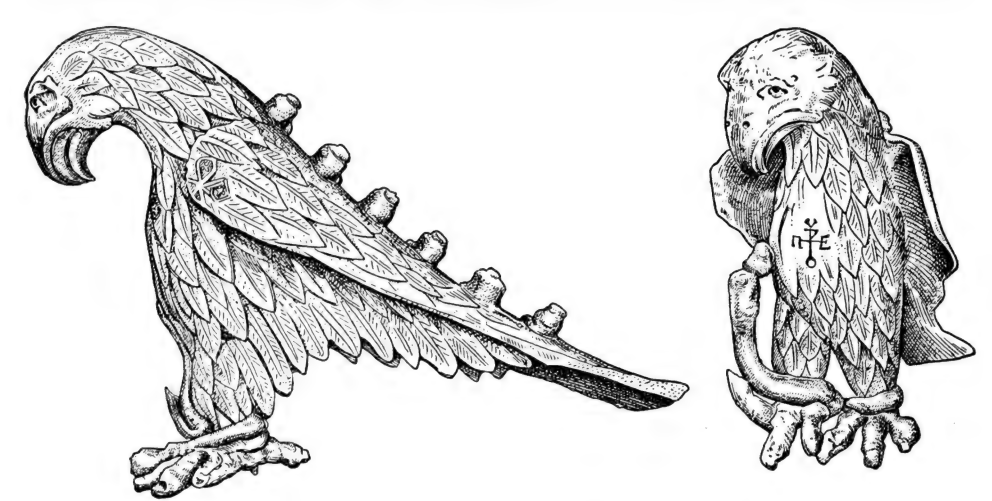
Нельзя отождествлять Хильбудия с Кием и Туррис с Киевцем, но, очевидно, что сказание о полянском (антском) князе Кие хронологически надо сближать с эпохой Юстиниана, когда империя была заинтересована в том, чтобы поселить на дунайской границе те или иные славянские дружины, заключив с ними договор о защите империи от других славян и

---

[1] Конный отряд в 1600 гуннов, славян и антов на византийской службе спас Рим от нападения готов (*Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 156). Прокопий восторженно описывает подвиг одного славянина, добывшего языка — знатного гота (стр. 243—244). Анты «благодаря своей доблести» разбили готов в итальянской провинции Лукании (стр. 319—320).

[2] *Агафий Схоластик.* См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 246.

[3] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 298.



Серебряный орел — знак византийских легионов VII—VIII вв., найденный у с. Вознесенки в районе Днепровских порогов

кочевников, за что и приходилось «давать им много денег», оказывать им «великую честь» [1].

В своей хитроумной политике Византия завязывала очень далекие связи и пыталась использовать для борьбы с «дунайцами» далеких антов из глубины полянской земли. Еще более зорко следила Византия за подвижными войсками кочевников, стремясь натравить их на славян. Император Тиверий Константин направил против славян аварского хана Баяна, с 60 тыс. всадников для того, чтобы разоряющие римские области, «отвлеченные собственными бедствиями, вернулись на свою родную землю». «Как скоро авары переправились (на византийских судах) на противоположный берег, они начали немеделенно жечь селения славян, разорять и опустошать их поля» [2].

Возможно, что убийство антского посла Мезамира в ставке аварского хана произошло не без воздействия византийцев [3].

Нанимая на службу славянские дружины и открывая дорогу кочевникам в землю славян. Византия вместе с тем усиленно строила и возобнов-

---

[1] Городище Киевец — очевидно, г. Cius в низовьях Дуная, на правом его берегу между Траяновым валом и дунайскими гирлами. (Совр. Хорсово напротив устья р. Яломицы — древнего Напариса). Этот город древнее эпохи Юстиниана, он уже упоминается в описи IV в. «Notitia Dignitatum». Связан ли он действительно с Кием или это позднейшие домыслы, основанные на созвучии, сказать нельзя.

Летописец поместил рассказ о Кие до описания прихода болгар (70-е годы) и до описания эпохи императора Ираклия (610—641 гг.). Из этого можно сделать вывод, что Нестор-летописец относил эпоху Кия к VI в. или еще более раннему времени. Подробнее см. главу VII данного тома.

[2] *Менандр Протиктор.* См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 247.

[3] Мезамир был убит по оговору кутургура; кутургуры в VI в. обычно бывали союзниками Византии и выступали против ее врагов. Они состояли на жаловании Византии (*Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 435).

ляла укрепления на дунайской границе. Размах этого строительства, естественно, совпал с размахом реставрации рабовладельческого строя в империи при Юстиниане. Чем круче был поворот назад к изжившим себя жестоким и бесчеловечным формам эксплуатации, тем важнее было воздвигнуть непреодолимую преграду между империей и землями свободных славян, которых «никоим образом нельзя склонить к рабству».

Уже при императоре Анастасии около 512 г. была построена «Длинная стена», ограждающая подступы к Царьграду [1].

Стремление Юстиниана воскресить могущество Римской империи и настоятельная необходимость защиты империи от молодых народов Европы заставили его восстановить и построить множество укреплений. «И если бы перечисление всех этих укреплений, которые соорудил здесь император Юстиниан, я делал бы у каких-либо других народов, живущих далеко и пользующихся другим политическим строем, где моему рассказу не суждено было бы иметь свидетелей, то я уверен, что по числу его дел мой рассказ показался бы баснословным и вообще не заслуживающим веры» [2]. «Желая прикрыть дунайскую границу, Юстиниан построил на берегах реки множество крепостей и учредил вдоль всего берега посты с целью помешать попыткам варваров перейти реку» [3]. В долине Нижнего Дуная, в Мезии и «Скифии» было восстановлено или воздвигнуто 80 крепостей. Крепости были построены и в Крыму и на Кавказском побережье.

Несомненно, что все дунайские крепости предназначались для защиты от нападения славян [4].

Написанный в конце VI в. «Стратегикон» уже учитывает преимущества этой укрепленной линии и рекомендует ряд активных мероприятий против славян. Византийские войска во время войны со славянами должны держаться не далее одного дневного перехода от Дуная, избегать зарослей и дефиле, иметь хорошую разведку и службу охранения. «Не глупо неко-

---

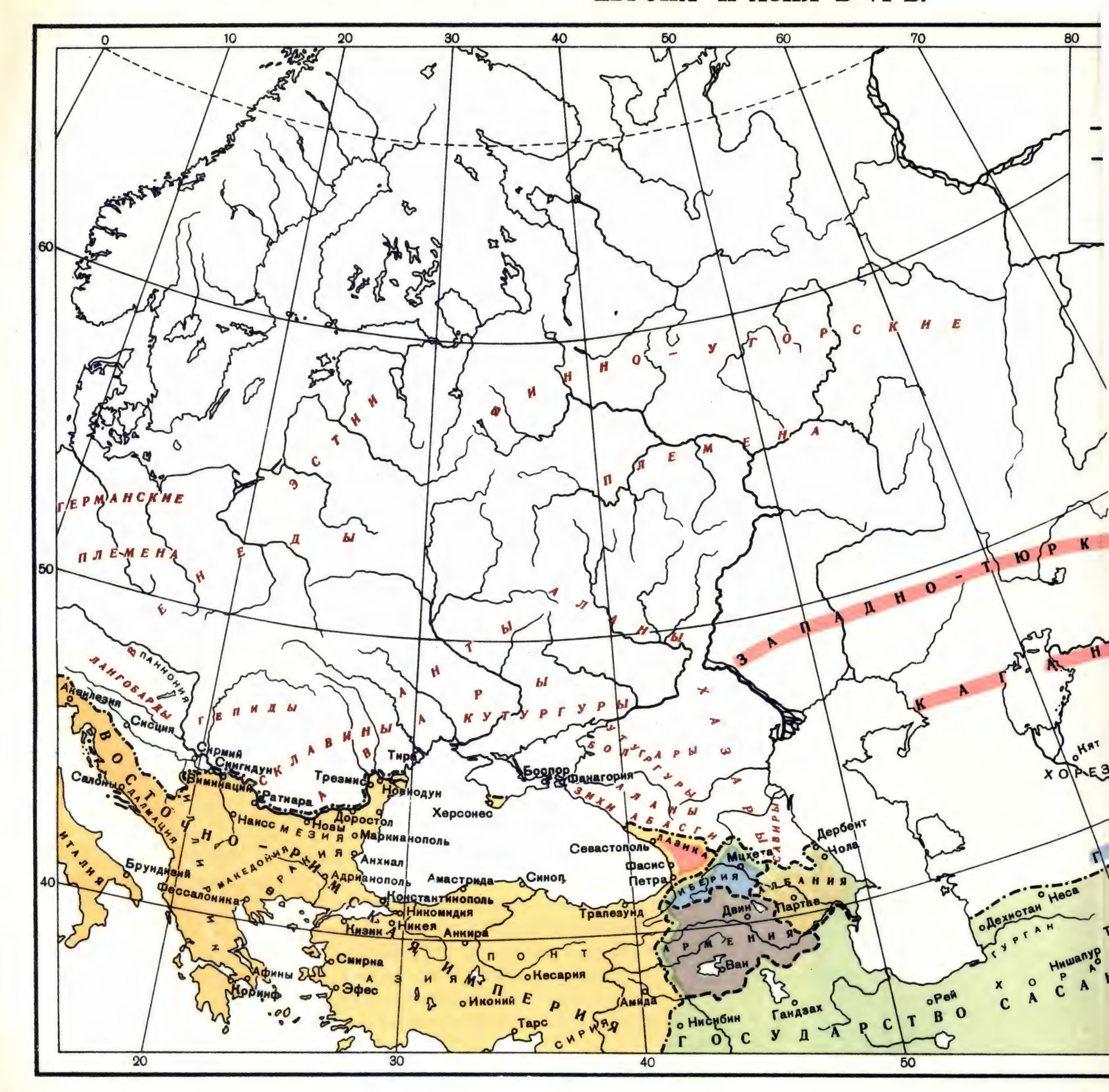
[1] *И. Дуйчев.* Балканскиятъ югоизтокъ презъ първата половина на VI в. Начални славянски нападения. София, 1942, стр. 235.

[2] *Прокопий из Кесарии.* О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 259; *Ш. Диль.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. 238. Правда, в своей «Тайной истории» Прокопий называет эти постройки безумными.

[3] *Ш. Диль.* Там же, стр. 242. Прокопий добавляет, что каждое рабовладельческое имение внутри страны было превращено в крепкий замок. В пограничных крепостях (например, в Одессе — совр. Варне) были подземные казематы, подземные сообщения между башнями и склады для продовольствия.

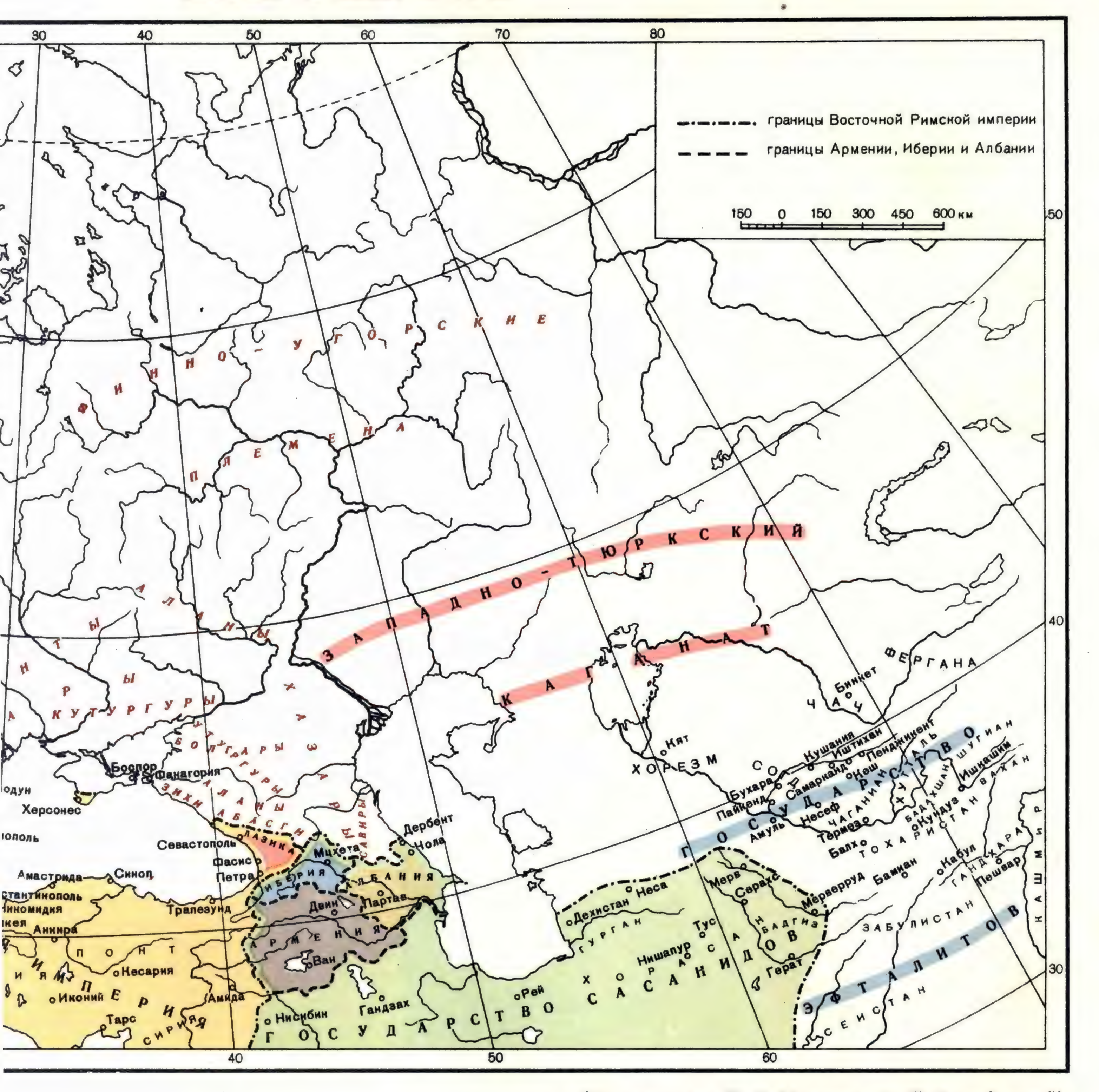
[4] «...Он выстроил вновь крепость Адина, так как варвары-славяне постоянно скрывались тут...» (*Прокопий из Кесарии.* О постройках. ВДИ, 1941, № 1, стр. 245). В области «Скифии» (т. е. Добрудже) «было старинное укрепление Ульмитон. Так как варвары-славяне долгое время устраивали здесь свои засады и очень долго жили в этих местах, то оно стало совершенно безлюдным и от него не осталось ничего, кроме имени. И вот выстроив его вновь с самого основания, император сделал эти места свободными от нападений славян»,— пишет Прокопий в своем хвалебном сочинении, написанном по заказу императора.

ЕВРОПА И АЗИЯ В VI В.



(Составител

ЕВРОПА И АЗИЯ В VI В.



(Составители Н. Я. Мерперт, А. П. Левандовский)

104

то
по
во
ву
ня
гр
пр
ше
«п
бр
ро
ос
по
вя
«у
ск
ло
обо
вн
вя

стр
но

сот
виз
вян
ски
ния
кол
лиз

бур
чес
мя
лее
чат
вой
пет

1
и сл
2

торых из них (славянских князей) привлечь на свою сторону речами или подарками...»[1] Руководство рекомендует применять «клещи» и деление войска на два отряда («банды»), пока более легкий отряд завязывает битву, сам стратег должен «напасть с другой стороны на эти поселки и заняться грабежом». Деление на две банды полезно, так как «одни могут грабить, а другие — охранять грабящих». Стратегическое руководство, приписываемое императору, рекомендует крайне жестокие меры по отношению к славянам, в страну которых вторгались византийские «банды»: «при таких нападениях не следует врагов, которые будут сопротивляться, брать в плен, но должно убивать всех встреченных»[2]. Все руководство хорошо отражает сущность измельчавшей византийской политики: трусливая осторожность, боязнь объединения славян, распускание ложных слухов, подкуп князей и двухдневные неожиданные набеги на пограничные славянские деревни, во время которых нужно успеть ограбить область и «убить всех встреченных» славян. Кругозор автора в отношении славянского мира крайне ограничен — он знает только узкую пограничную полосу в 15—20 миль на север от Дуная. В «Стратегиконе» нет речи об обороне всей империи, о борьбе с большими славянскими армиями — все внимание автора устремлено на грабеж маленьких деревень и увоз славянских продовольственных запасов «по рекам, впадающим в Дунай».

Все усилия Византийской империи приостановить ход истории, вернуть страну к рабовладельческим порядкам, удержать натиск носителей общинного начала — славян — были безуспешны.

Ни подкуп и приглашение на службу славянских князей, ни постройка сотен укреплений, ни жестокие разгромы славянских земель нанятыми на византийское золото кочевниками, ни пограничные облавы на мирные славянские деревни в придунайских лесах, производимые самими византийскими бандами,— ничто не могло остановить в VI в. победоносного движения славян на Балканский полуостров, закончившегося феодализацией колонизованных греко-фракийских областей и ускорением процесса феодализации основных славянских земель.

* * *

Собственные славянские источники в очень малой степени отразили бурную эпоху балканских походов VI—VII вв. Уцелело имя Дуная в эпической поэзии, сохранилось сказание о князе Кие, жившем некоторое время на берегах Дуная. В «Слове о полку Игореве», хорошо помнящем и более ранее «время Бусово» (IV в., время борьбы антов с готами) есть замечательное место, которое следует рассматривать в связи с балканскими войнами: автор вспоминает певца Бояна и сожалеет, что он не может воспеть поход Игоря «О Бояне, соловїю стараго времени! Абы ты сїа плъкы

---

[1] Стратегикон. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 255 и сл.

[2] Там же, стр. 257.

уцекоталъ... рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы». По поводу далекого южного похода русских полков поэт XII в., вероятно, вспомнил одну из песен Бояна, воспевавшего старые времена, когда славянские дружины ристали по степям, шли дорогой Траяна в Молдавии (via Traïani), преодолевали Траяновы валы в низовьях Дуная, и выходили к «тропе трояней» (Tropaeum Traïani) — огромному монументу, воздвигнутому императором Траяном в честь своих побед между Дунаем и Черным морем; здесь кончался путь по полям и начинались Балканские горы («чресъ поля на горы») [1].

Византийские авторы много сообщают нам о вторжениях славянских дружин в пределы Византии. Первые удары были нанесены с северо-востока, со стороны низовьев Дуная. Сначала славян называли «гетами», так как они приходили из «гетской пустыни» (между Дунаем и Днестром), так же как гуннов, готов, болгар и алан называли тогда скифами [2]. Походы «гетов» — славян — относятся к царствованию Анастасия (491—518 гг.). При следующем императоре Юстине I (518—527 гг.) «анты, ближайшие соседи славян, перейдя Истр с большим войском, вторглись в пределы римлян», но были отбиты полководцем Германом, прославившимся благодаря этому [3].

В первые годы царствования Юстиниана (527—565 гг.) «жившие по Истру варвары — гунны, анты и славяне,— часто совершая такие переходы (через Дунай) наносили римлянам непоправимый вред» [4]. Эти походы нужно относить ко времени до 530 г. [5]

Начало рабовладельческой реставрации при Юстиниане не случайно совпало с усилением натиска славян, знавших от перебежчиков-рабов о восстаниях внутри империи. Два современника Юстиниана отмечают уси-

---

[1] Монумент Траяна находится у с. Адамклиси между Доростолом и Томи в местах, издавна связанных со славянами. Этот маршрут был обычным для славян от времен Тацита до Святослава, начавшего войну с Византией, тоже «рища через поля в тропу трояню, на горы». Об отождествлении «тропы трояней» с памятником Траяна (*Н. С. Державин.* Славяне в древности. М., 1946).

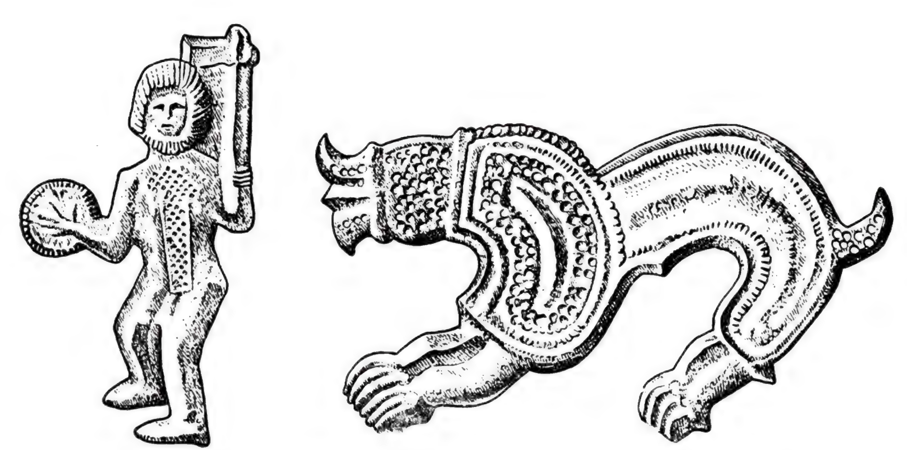
В пределах древнего русского Тмутараканского княжества на Северном Кавказе сохранились адыгейские сказания, героями которых являются славянские князья IV—VI вв. Очевидно, эти сказания — результат проникновения в адыгейскую среду русского героического эпоса в ту пору, когда русские составляли часть населения Тмутараканского княжества (в X—XIII вв.) и жили рядом с «касогами». Из сказаний VI в. интересна песня о князе Лавристане, которого можно сближать с упоминаемым византийцами Лавритой (*Менандр.* См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 248).

[2] Феофилакт Симокатта говорит о том, что древним именем славян было — геты: *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 259 и сл. Разбор свидетельства Комита Марцеллина о походах «гетов». *И. Дуйчев.* Указ. соч., стр. 233—234.

[3] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 370. В тексте перевода Юстин перепутан с Юстинианом. Эти события относятся к императору Юстину I, дяде Германа.

[4] Там же, стр. 295.

[5] В 530—531 гг. в качестве стратега magister militum был поставлен Хильбудий, которому удалось временно сдержать набеги. Затем начались конфликты между антами и славянами и успешный поход антов в глубь Фракии (там же, стр. 295).



Бронзовые фигурки VII в. славянского происхождения из Фессалии (по И. Вернеру)

ление славянских дружин и их победоносное шествие. «Теперь, по грехам нашим, они (венеды, анты и склавины) свирепствуют повсюду...»,— пишет Иордан. «С того времени как Юстиниан принял власть над Римской империей,— пишет Прокопий,— гунны, славяне и анты делают почти ежегодно набеги на Иллирию и всю Фракию от Ионийского залива (Адриатического моря) вплоть до предместий Византии». Далее он говорит о том, что во время набегов берут в плен по 200 тыс. византийцев, превращая страну в скифскую пустыню, и о том, что варварам тоже приходилось нести большие потери, «так что не только римляне, но почти и все варвары утоляли все оскверняющую кровожадность Юстиниана» [1].

По состоянию наших источников мы можем сгруппировать походы славян в две разновременные группы, разделенные приходом аварской орды, отвлекшей на время внимание византийских писателей от славян.

В первую группу следует отнести походы, описанные Прокопием до 553 г. Славянские войска воюют во Фракии и Иллирии, спускаются на юг до Эгейского моря и Эпидамна (совр. Драч на Ионийском море), стремятся к Фессалонике — Солуни и даже к самому Константинополю, доходя до Длинных стен [2].

Византийцы отмечают, что славяне берут с бою прославленные укрепления Юстиниана и бьются с императорскими войсками в открытом поле. Византийская конница бежала от конных дружин славян. С ужасом отмечает Прокопий, что нападающие славяне уже не должны каждый раз

[1] *Прокопий из Кесарии.* Тайная история, стр. 325.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. Походы эпохи Юстина, стр. 370; походы до 530 г., стр. 295; поход антов на Фракию 534 г., стр. 295; поход антов (называются здесь общим именем славян), 546 г., стр. 294; поход славян 548 г. до Эпидамна, стр. 337; поход славян на р. Марицу и города Топер и Тзуруле 550 г. стр. 364—366; поход славян на Солунь 551 г., стр. 369; борьба со славянами под Длинными стенами 551 г., стр. 372; поход на Иллирию 553 г., стр. 459.

форсировать Дунай — их дружины разъезжают внутри империи и зимуют на византийской земле. Славяне передвигались, возя за собой «бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей» в пяти днях пути от столицы империи. Отборные войска императора потерпели поражение под знаменитыми Длинными стенами на расстоянии дневного перехода от Царьграда, и знамена стратегов доставались славянским князьям. В 551 г., когда славяне проникли даже дальше Длинных стен, император приказал увозить и прятать серебряные алтари из предместий Константинополя.

Полководец Велизарий мобилизовал всех коней во дворце и на ипподроме, и в бой были брошены самые последние резервы — гвардия и ополчение сенаторов [1].

Попытка Юстиниана создать неприступную дунайскую линию оказалась совершенно неудачной (хотя и очень дорого обошлась населению империи); стремление же превратить каждое рабовладельческое имение внутри страны в сильную крепость также было обречено на неудачу — «и во Фракии и в Иллирии много крепостей славяне взяли осадой».

Второй период относится к последней четверти VI в. и к VII в., когда снова появляются сведения о славянских походах в глубь империи. Очень красочно описано пребывание славянских дружин в Византии в «Церковной истории» Иоанна Эфесского (VI в.) [2]. Здесь рассказывается о том, что в 578—581 гг. славяне снова взяли множество городов и крепостей и четыре года властно живут в стране «без забот и страха». «Они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне» [3].

К 582 г. относится сообщение об огромном славянском войске в 100 тыс. человек, воевавшем во Фракии и многих других областях [4].

В это время мы можем отметить, во-первых, возрастание отрядов, во-вторых, большую длительность пребывания их внутри империи и, наконец, более глубокое вклинивание славян в византийские земли.

Итогом этого периода было проникновение славян в Македонию и коренную Грецию. В Пелопоннесе, в земле древних спартанцев в Лаконии, разместились славянские племена милингов и езерцов, известные еще Константину Багрянородному в середине X в. [5]

Вокруг Фессалоники, ставшей славянской Солунью, жили славянские племена сагудатов, ринхинов, дреговичей. Древняя река Галиакмон получи-

[1] *Феофан.* Летопись. См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 269.

[2] *А. П. Дьяконов.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр 350.

[3] *Иоанн Эфесский.* См. *А. В. Мишулин.* Древние славяне... ВДИ, 1941, № 1, стр. 252.

[4] *Менандр Протиктор.* Там же, стр. 247. Доверять цифрам очевидцев мы не можем, но ясно, что славянские армии были значительны. Раньше упоминались отряды в три тысячи человек. Действия славянских князей облегчало отсутствие в Европе византийских войск, ведших в это время войну с Персией.

[5] *L. Niederle.* Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, стр. 93; «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 91.

ла славянское имя Быстрицы. Вся область Македонии, примыкавшая к Фессалонике, называлась «Склавенией» [1].

К рубежу VI и VII вв. относятся сведения о славянских флотилиях, плававших по морям и облегчавших борьбу с Византией.

Славянский флот плавал вокруг Фессалии, Кикладских островов, Ахеи, Эпира и достигал даже южной Италии и Крита [2].

Примерно три четверти Балканского полуострова было завоевано славянами меньше чем за одно столетие. Этнический состав балканских земель существенно и надолго изменился. «Склавены» и «анты» перемешались в процессе колонизации завоеванных византийских земель. Сюда же за Дунай тянулись колонизационные потоки и из далеких коренных славянских (венедских) земель; на общей карте всех славянских племен мы нередко видим дублирующиеся названия, свидетельствующие о расщеплении племен в процессе колонизации Задунавья. Например: сербы лужицкие и сербы балканские; мораване богемские и мораване балканские; северяне на Десне и северяне за Дунаем; ободриты балтийские и ободриты дунайские [3].

Очевидно, племя оставалось на своем первоначальном месте, а какая-то его значительная часть переселялась на юг.

Вся восточная часть Балканского полуострова была колонизована восточными славянами. Это ясно и по упоминаниям об антах и их войнах во Фракии и по направлениям ряда походов, когда имя антов тонуло в собирательном имени славян.

Сказание о Кие, единство археологических находок Приднепровья и Фессалии, близость языка и этнографических признаков болгар и восточных славян — все это убеждает в том, что роль русских племен в заселении Балкан была очень велика. Русская колонизация низовьев Дуная была настолько мощной, что память о ней сохранилась до конца XIV в., когда на Дунае называют ряд русских городов: «А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ далнимъ и ближнимъ «На Дунаѣ Видицовъ..., Мдинъ объ ону страну Дуная Тръновъ...; а по Дунаю: Дрествинъ, Дичинъ, Килiа, на устьѣ Дуная Новое Село, Аколятря, на морѣ Карна, Каварна. А на сей странѣ Дуная: на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ, Чернъ, Аскый Торгъ, на Прутѣ рѣцѣ Романовъ Торгъ, на Молдовѣ Немечь, въ горахъ

---

[1] В районе размещения этих славянских племен найдены интересные предметы VI—VII вв., необычно близкие к приднепровским древностям русов (*Joachim Werner.* Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Berlin, 1953, табл. I, рис. 1). Бронзовые фигурки из Фессалии очень близки к вещам мартыновского клада из окрестностей Канева (*Б. А. Рыбаков.* Древности русов. СА, XVII, 1953).

[2] *В. И. Ламанский.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859, стр. 16—17; «Сказания о чудесах св. Дмитрия Солунского». «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 93—102; *В. В. Мавродин.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949, стр. 10—13.

[3] Возможно, что в этот список можно включить и другувитов фессалийских, напоминающих дреговичей на Припяти.

Корочюновъ Камень, Сочава, Сереть, Баня, Нечюнъ, Коломыя, Городокъ на Черемошѣ...»[1] Недаром и в «Слове о полку Игореве» сохранилась память о славных походах «через поля на горы», «в тропу Трояню».

* * *

Итогом длительной борьбы славян с последним могущественным рабовладельческим государством в Европе было не только то, что славяне заселили значительные пространства в бывших византийских владениях и стали считать эти земли своими «de jure belli», т. е. по праву завоевания.

Главным итогом, имевшим в VI в. несомненное общеевропейское значение, было то, что огромные массы свободных общинников, «научившихся владеть оружием», хлынули на Балканский полуостров и стали его основным населением. Господствующий класс империи не исчез, разумеется, и не потерял полностью своих латифундий, но он утратил свое исключительное положение, созданное законодательством и практикой правительства Юстиниана, когда император-рабовладелец стремился закрыть наглухо все ворота империи и без помех установить внутри своего дома старые порядки, вернув колонов и вольноотпущенников к положению рабов.

Но это не удалось; дунайские ворота были выломаны и сотни тысяч славян ворвались в империю, уничтожая укрепления латифундий и уводя в плен богатую аристократию в расчете на выкуп. Возврат к рабовладельческим формам стал невозможен: вчерашних победителей-славян нельзя было превратить в рабов. Свободные общинники заставляли императоров считаться с собой и нердко вооруженной рукой отстаивали свою свободу, независимость и податную самостоятельность.

Там, где местный процесс феодализации происходил медленно и где у славян сохранялся общинный строй, там нередко византийская государственная власть была бессильна заставить славян платить подати или нести те или иные повинности. Таковы были области Фессалийской «Склавении», области в Пелопоннесе, где славяне поднимали одно восстание за другим с VII в. по X в. и, в конце концов, добились уменьшения имперских посягательств.

При таких условиях единственным путем дальнейшего развития классового общества была эксплуатация непосредственного производителя, обладающего частью средств производства, т. е. путь феодальный. Славянская соседская община была значительной силой, составлявшей основу всей землевладельческой системы империи и помогшей тем внутренним процессам феодализации, которые намечались в Византии еще до завоевания в эпоху кризиса.

Поединок между рабовладельческим классом и молодыми народами, носителями общинного начала, закончился на полях Фракии, Иллирии и Македонии победой славян, победой складывающихся феодальных отноше-

---

[1] «Воскресенская летопись». ПСРЛ, т. 7. СПб., 1856, стр. 240.

ний. Стратегические планы славян, уменье использовать сложную осадную технику и метательные машины, одновременные действия конницы и флота — все это свидетельствует о наличии единого командования во время походов.

К концу VI в. появляется все больше сведений об отдельных славянских князьях в придунайских землях, власть которых иногда простиралась довольно далеко. В сферу славяно-византийских отношений были втянуты весьма отдаленные от Дуная племена. Основатель Киева на Днепре полянский князь Кий не только принял «честь велику» от цесаря, но и поставил город на Дунае. Известен эпизод со славянскими послами, которые с гуслями в руках и без оружия 18 месяцев шли к императору из своей отдаленной страны.

Участие западных и восточных славян в борьбе за долину Дуная и за Балканский полуостров исторически важно, так как, во-первых, оно было вызвано ростом местных славянских производительных сил и распадом первобытно-общинных отношений, а во-вторых, оно усилило имущественную и социальную дифференциацию внутри славянских племен, увеличило материальные богатства князей (скот, рабы, золото), их военный опыт, количество и оснащенность их дружин и усилило роль князей и боярства во всех племенных делах.

Последующая эпоха истории славянства VII—VIII вв.— это эпоха упрочения племенных союзов и вызревания классовых отношений и феодальной государственности на значительно большей территории.

Славяне стали крупнейшей исторической силой в Европе.

6

ЛАТЫШСКИЕ И ЛИТОВСКИЕ ПЛЕМЕНА ПРИБАЛТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Юго-восточная Прибалтика — территория современной Литвы, Калининградской обл., Латвии и Эстонии — была заселена в первые столетия двумя группами племен. Одна из них относилась к многочисленной и широко расселившейся семье финно-угорских народов (чудь, либь-ливы, водь, ижора, эсты), а другая — составляла вместе со славянами особую летто-славянскую (или балто-славянскую) ветвь индоевропейских народов. В эту группу входят племена, образовавшие впоследствии современную латышскую и литовскую нации.

Лингвисты считают, что в начале изучаемого периода латышские и литовские племена были еще очень близки друг другу в языковом отношении и что только на протяжении I тысячелетия стало обнаруживаться и усиливаться расхождение этих групп.

Крайняя скудость письменных источников до XII в., говорящих о балтийских племенах, не позволяет нам нарисовать полный и систематический очерк их истории. На основании отдельных отрывочных

свидетельств древних авторов и главным образом археологических данных (тоже далеко не полных) мы можем наметить только в общих чертах исторические судьбы этих племен.

В начале новой эры, в особенности со II в., наблюдаются во всей Прибалтике значительные изменения в характере и распространении археологических памятников. Могильников этого времени во много раз больше, чем в предшествующий период. Зато поселений мы пока вовсе еще не знаем, и городища дают, по-видимому, из этого периода очень мало материалов. Если в предшествующие времена население обитало главным образом в низменных районах, то теперь оно постепенно заселяет высоты, осваивая пригодные для земледелия участки земли. Из этого можно заключить, что с первых веков нашей эры земледелие стало ведущей отраслью хозяйства. Дальнейшее развитие получило и скотоводство, в особенности в юго-западных районах Прибалтики. Во всей Прибалтике прочно вошли в обиход металлы, железо и бронза. Сравнительно развитым было ремесло, обработка металлов и ткачество. Обмен, хотя и носил межплеменной характер, стал для экономики необходимостью.

Соответственно этим сдвигам в хозяйственной жизни получили дальнейшее развитие и общественные отношения. Род к этому периоду распался на семейные общины. В юго-западной части Прибалтики выделяются, по-видимому, уже и одиночные, малые семьи. Племенная же организация, очевидно, все еще сохраняется. Ни в предшествующий, ни в последующие периоды племенные различия не отражаются на археологическом материале с такой четкостью, как именно в этот период.

Первым письменным свидетельствам Прибалтика обязана древней торговле янтарем, добывавшимся на юго-восточном побережье Балтийского моря.

При описании балтийских племен на рубеже нашей эры уже приводилось известие Тацита о жителях Прибалтики, которых этот писатель называл эстиями [1].

О балтийском янтаре упоминают и другие писатели древности, о нем пишет в своей «Естественной истории» Плиний, говоря о том, что янтарь происходит с островов Северного моря, один из которых называется «янтарным островом» [2].

Наименование эстиев встречается снова у Иордана (551 г.). У него мы находим рассказ о том, что жители отдаленнейшего океана — эстии прислали в подарок остроготскому королю Теодориху янтарь.

Среди письменных известий о балтийских племенах заслуживают внимания данные Птолемея (II в.), который отмечает также судинов и галиндов, живущих за венедами [3]. Позднее эти племена как племена литовские

---

[1] См. гл. о балтийских племенах в т. I «Истории СССР» (М., 1947 стр. 158 и сл.).

[2] *Плиний.* Естественная история. В сб. «Древние германцы». Сборник документов под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937, стр. 54.

[3] *Птолемей.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 2, стр. 236—237.

Городище Пионерск в Калининградской обл.

знают под именем судавов-ятвягов и голяди и древнерусские и западноевропейские источники.

Как ни ценны известия древних писателей, они настолько скудны и отрывочны, что, естественно, основным материалом для изучения летто-литовских племен должны являться археологические памятники, к сожалению, в Прибалтике исследованные крайне неравномерно. Если могильники с их богатым инвентарем изучены в большом количестве, то поселения исследованы еще недостаточно.

При определении этнического состава населения мы пользуемся рядом признаков; среди них важнейшими являются данные языка, однако они не всегда имеются в нашем распоряжении; в этих условиях некоторые сведения по этому вопросу могут дать могильные памятники, особенно обряд погребения, где стойко сохраняются черты, свойственные определенным этническим группам.

Могильные памятники Прибалтики представлены несколькими типами. На территории эстонских и ливских племен, в Эстонии и северной части Латвии распространены могильники с каменными оградками; для большинства летто-литовских племен, обитавших в центральных и восточных районах Литвы и на юге Латвии, характерны земляные курганы; могильные памятники западнобалтийских племен, куршей и пруссов представлены грунтовыми захоронениями. Между тем как большинство балтийских племен придерживалось обряда трупоположения, у прусских племен преобладало трупосожжение.

По особенностям могильных памятников и погребального инвентаря четко прослеживаются отдельные племенные группы. Для мужских погребений характерно оружие, для женских — украшения, главным образом из бронзы.

Курганы в окрестностях городов Екабпилс и Мадона, где встречаются гривны с высокими конусовидными концами и массивные браслеты, следует приписывать латгалам и селам.

В курганах Восточной Литвы погребения помещаются в подкурганной яме. Среди вещевых находок характерны подкововидные эмалированные застежки и височные украшения, состоящие из спиральных колец. Эти курганы принадлежали литовцам-аукштейтам. Курганы латвийского племени земгалов расположены в бассейне р. Лиелупе. По материалам курганного могильника Рагиненай Паневяжисского района Литовской ССР устанавливается, что многократно перекопанные земгальские курганы использовались в течение длительного времени. Латгалы закалывали одежду булавками, а земгалы скрепляли ее также и фибулами.

Жемайты (жмудь русских источников), занимавшие центральную Литву, пользовались как курганами, так и грунтовыми могильниками.

Приморскую часть Латвии и Литвы занимали курши. Их погребальные памятники представляют собой грунтовые могильники с каменными выкладками. Среди вещевых находок выделяются местные формы перекладчатых фибул, булавки с головкой в виде розетки, а также украшения, инкрустированные стеклом [1].

Большую часть Калининградской обл. занимали близкие к литовцам пруссы, оставившие большие грунтовые могильники по обряду трупосожжения. Пережженные кости человека помещались в урне или прямо в земле. Наряду с костями человека встречаются иногда погребения несожженного коня. Особенно много могильников этого типа обнаружено в области г. Калининграда.

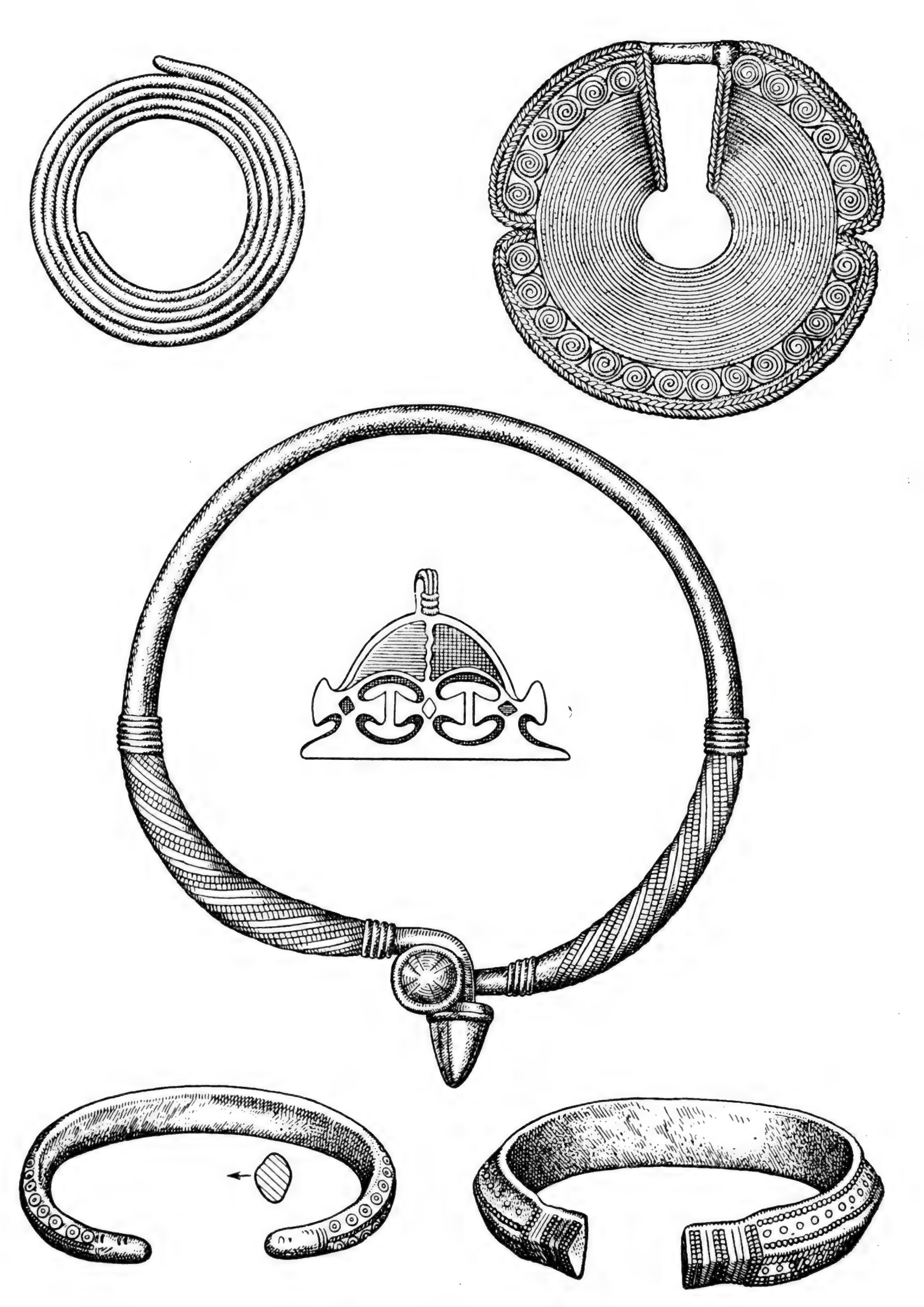
Обряда трупосожжения придерживались и балтийские племена, жившие в пределах современной Мазовецкой земли и Южной Литвы — галинды и судины; на территории последних длительное время бытовали коллективные захоронения.

Как в грунтовых могильниках, так и в курганных, относящихся к первой половине I тысячелетия, имеются черты, связывающие их с погребальными памятниками предшествующей поры. Устройство курганов в основном даже не изменилось, в грунтовых же могильниках удерживаются каменные кладки, известные в древних курганах. Такая же связь наблюдается и в инвентаре погребений: так сосуды I—II вв. сходны с сосудами последних веков до нашей эры. Это сходство наблюдается и в украшениях, оружии и т. д.

Основываясь на этих фактах, можно предположить, что между культурой последних веков до нашей эры и культурой первой половины I тысячелетия существует преемственная связь.

Своеобразные плоские могильники с каменными оградками, принадлежавшие эстонско-ливским племенам, генетически связаны с характерными

[1] *Х. А. Моора.* Первобытно-общинный строй и раннее феодальное общество на территории Латвийской ССР. Рига, 1952 (на латышском языке); *его же.* Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 3—22.



Бронзовые украшения из курганных могильников первой половины I тысячелетия Латвии и Литвы

Могильник с каменными оградками III—IV вв., вскрытый в Тыравере Эстонской ССР.

для предыдущего периода каменными курганами с ящиками [1]. Оградки, опоясывающие могильник, сложены из крупных валунов, а на севере Эстонии — из известняковых плит. Оградки имеют обычно прямоугольную форму. Площадь, обнесенная оградкой, шириной в 2—2,5 м, длиной в 6—8 м, выложена валунами несколько меньших размеров, чем те, из которых состоит оградка. Между этими валунами находятся захоронения, прикрытые булыжником и слоем земли. Погребения в каменных оградках коллективные (в среднем до десятка захоронений). До II в. преобладает обряд трупоположения, а позже — трупосожжения.

Инвентарь каменных могильников состоит до конца II в. из железных орудий труда и оружия, а также из бронзовых украшений, позже почти исключительно из предметов украшения. Среди последних выделяются местные типы глазчатых, перекладчатых и арбалетовидных фибул, а также дисковидные и подковообразные пряжки с цветной эмалью.

Основными памятниками, по которым можно восстановить экономический облик этой территории, являются поселения. Их изучение в первую очередь дает нам представление о занятиях обитателей, об их жилище, внешних связях и т. п. Однако в Прибалтике поселения этого периода исследованы очень слабо.

Значительная часть поселений расположена на моренных возвышенностях. Городища довольно часто находятся на мысах. Они располагались на удобных для защиты местах, на высотах, которые, смотря по надобности, укреплялись валами и рвами [2].

---

[1] *М. Х. Шмидехельм.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955.

[2] *П. Ф. Тарасенко.* Городища Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 86—91.

Металлические украшения из могильника III—IV вв.
в Паневяжском районе Литвы

При раскопках городища Койла в северной Эстонии в слое, датируемом началом нашей эры, были обнаружены следы прямоугольной срубной постройки [1]. На городищах Верхнего Подвинья и Белоруссии помимо следов срубных построек найдены остатки жилых построек столбовой конструкции [2].

Малая исследованность прибалтийских поселений не дает возможности определить тип жилища. В нашем распоряжении имеется описание литовских жилищ XVII в. Это были дома, построенные из словых бревен, проконопаченные мохом, крытые соломой или накатом из бревен.

При раскопках поселений Калининградской обл. неоднократно приходилось встречаться с каменными кладками, чаще всего прямоугольных форм. По-видимому, это были наземные жилища с каменными кладками у основания. В жилищах обнаружены открытые очаги [3].

---

[1] *М. Х. Шмидехельм.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии, стр. 166.

[2] *А. Г. Митрофанов.* Городище в Вязынке, стр. 158 и сл.; *Я. В. Станкевич.* Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 109.

[3] *Ф. Д. Гуревич.* Раскопки на городище Грачевка. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 80.

Каменные кладки открыты также на пиликальнисах (городищах) восточной Литвы (Немепчине, Петрашунай, Лаукопенай и др.).

Уже на рубеже нашей эры земледелие становится для балтийских племен основным видом хозяйственной деятельности. На городище Грачевка, Калининградской обл. обнаружены запасы мягкой пшеницы, там же встречались зерна проса. Обуглившиеся зерна ячменя и пшеницы встречены на Великушском пилкальнисе (восточная Литва). В могильниках Жемайтии часты находки серпов. В центральной Латвии встречаются мотыги, которые применялись при обработке глинистых почв этого района. В мужских погребениях куршей с III в. появляются косы-горбуши, что свидетельствует о заготовках сена и о стойловом содержании скота, а это, в свою очередь, как показывают этнографические параллели, свидетельствует об использовании скота в качестве тягловой силы при земледелии.

Таким образом, находки разнообразных сельскохозяйственных орудий и зерна свидетельствуют о развитом земледелии.

Земледельческий характер культуры балтийских племен в I в. подчеркивает Тацит, который сообщает, что «над хлебом и другими плодами земли они трудятся с бо́льшим терпением, чем это соответствует обычной лености германцев» [1].

Важное место в хозяйстве продолжает занимать скотоводство. В состав стада входили свиньи, козы, крупный рогатый скот, лошади. Немалое значение в хозяйстве продолжают играть охота и рыболовство. На поселениях найдены кости диких животных — лося, медведя, куницы и др. Большая острога, состоящая из пяти железных острий, найденная в области г. Калининграда, свидетельствует о ловле крупных рыб.

В первой половине I тысячелетия в среде балтийских племен широко развиваются различные виды домашних производств. На городище Грачевка обнаружены сосуды разнообразного назначения; в их числе большие толстостенные сосуды для хранения запасов, кухонные горшки с остатками обожженного проса, сосуды для приготовления сыра и тонкая столовая посуда, в составе которой много лощеных горшочков и мисочек. Многообразна погребальная керамика пруссов, галиндов и судинов: здесь можно встретить крупные урны, напоминающие керамику поселений, и миниатюрные сосуды — «приставки», преимущественно ритуального назначения.

Керамика пилкальнисов восточнобалтийских племен имеет штрихованную, шероховатую и реже гладкую поверхность; форма сосудов преимущественно баночная. В погребальном обряде латгалов, земгалов, жемайтов и других восточнобалтийских племен керамика почти не употреблялась.

Большого расцвета достигает обработка металла. Часто встречающиеся на поселениях металлические шлаки свидетельствуют о местной выплавке железа. Особенно важно это отметить для пилкальнисов Восточной Литвы. Еще до недавнего времени отдельные археологи считали, что обитатели

[1] *Тацит*. Германия. В сб. «Древние германцы», стр. 80.

Металлические украшения из женского погребения III—IV вв. могильника у дер. Аукштакиемис близ Клайпеды в Литве

этих пилкальнисов вплоть до VII—VIII вв. не поднялись выше обработки каменных и костяных орудий. Между тем находки железных шлаков коренным образом меняют представление об уровне культуры этого населения.

В поселениях и погребениях этого времени появляются многочисленные железные изделия. Из железа выделываются разнообразные орудия: серпы, косы, ножи, ножницы, рыболовные крючки и др.; характерными вещевыми находками мужских погребений являются боевые ножи, втульчатые или проушные топоры, наконечники копий и стрел. На территории пруссов, куршей и аукштайтов нередки находки умбонов щитов. Из железа изготовлены также шпоры, удила и другие предметы, связанные с погребениями коня. Начиная с III в. среди западнобалтийских племен распространяются железные украшения: фибулы, подвески и др. Большое распространение железа в хозяйственной жизни балтийского населения косвенно подтверждают многочисленные точильные камни из поселений и погребений.

Особенно славится Прибалтика первой половины I тысячелетия изделиями, преимущественно украшениями из бронзы, а иногда и серебра.

Это разнообразные шейные гривны, нагрудные цепи, фибулы, булавки, браслеты, перстни, части поясного набора, подвески и т. п.

Искусно овладев обработкой цветных и благородных металлов, отдельные балтийские племена создают свои специфические формы украшений.

Приведем некоторые примеры набора этих украшений: в одном из погребений пруссов у б. с. Грейбау в области г. Калининграда обнаружено несколько арбалетных фибул с подогнутой ножкой, две из них серебряные, гривна с замком в виде крючка и петли и спиральный браслет (оба изделия из серебра), железные части поясного набора, украшенные листовым серебром.

На территории жемайтов и куршей встречаются бронзовые или серебряные украшения головных уборов (Вершвай вблизи Каунаса), арбалетовидные фибулы с загнутой ножкой, шейные гривны с ложковидным замком, нагрудные цепи и др. Специфические украшения латгалов аукштайтов и других племен уже упоминались в начале настоящей главы.

Несмотря на значительность находок из металла, выделка их в основном не носила ремесленного характера. Это было главным образом домашнее производство. По-видимому, лишь некоторые изделия из металла являются продукцией ремесленного труда, например, оружие. В качестве примера того, что в некоторых областях Прибалтики обработка металлов теряет свой общинный характер и начинает превращаться в дело одиночных мастеров, свидетельствует инвентарь погребения кузнеца из Мазкатужи (Латвия), в котором мы находим клещи, молоток и зубило.

Из других видов домашнего производства следует упомянуть ткачество. Об этом свидетельствуют пряслица — обычные находки в женских захоронениях. В погребениях находят иногда обрывки шерстяных и льняных тканей; так, в одном из погребений курганной группы Бока (Латвия) был

Клад римских монет I—IV вв., найденный у г. Даугавпилс в Латвии

найден обрывок шерстяной ткани, куски одежды обнаружены в курганах III—IV вв. Гибайчай, в грунтовом могильнике Шернай (Литва) и др.

Благодаря близости к морю Прибалтика издавна была удобным местом для торговли. Янтарь, добываемый на побережье, вывозился в самые отдаленные страны. Экспортировался он обычно в виде необработанных кусков; такие куски довольно часто попадаются на поселениях и в погребениях Калининградской обл.

Благодаря торговле янтарем в Прибалтику притекало большое количество римских монет. Большей частью это монеты II—III вв., находимые в погребениях. Монетные клады встречаются значительно реже. Основная часть монетных находок сделана вдоль торговых путей. В Латвии, например, они встречаются чаще всего по течению Двины.

В Латвии находят как бронзовые монеты, так и серебряные денарии, в Литве и Калининградской обл. преобладают бронзовые монеты. Особенно много монет в Калининградской обл.— центре добычи янтаря.

Наряду с римскими монетами в Прибалтику попадали также завозные вещи и материалы. Ввозилась, несомненно, бронза, украшения из которой столь многочисленны.

К числу привозных изделий относятся также стеклянные и пастовые бусы и отдельные украшения из благородных металлов.

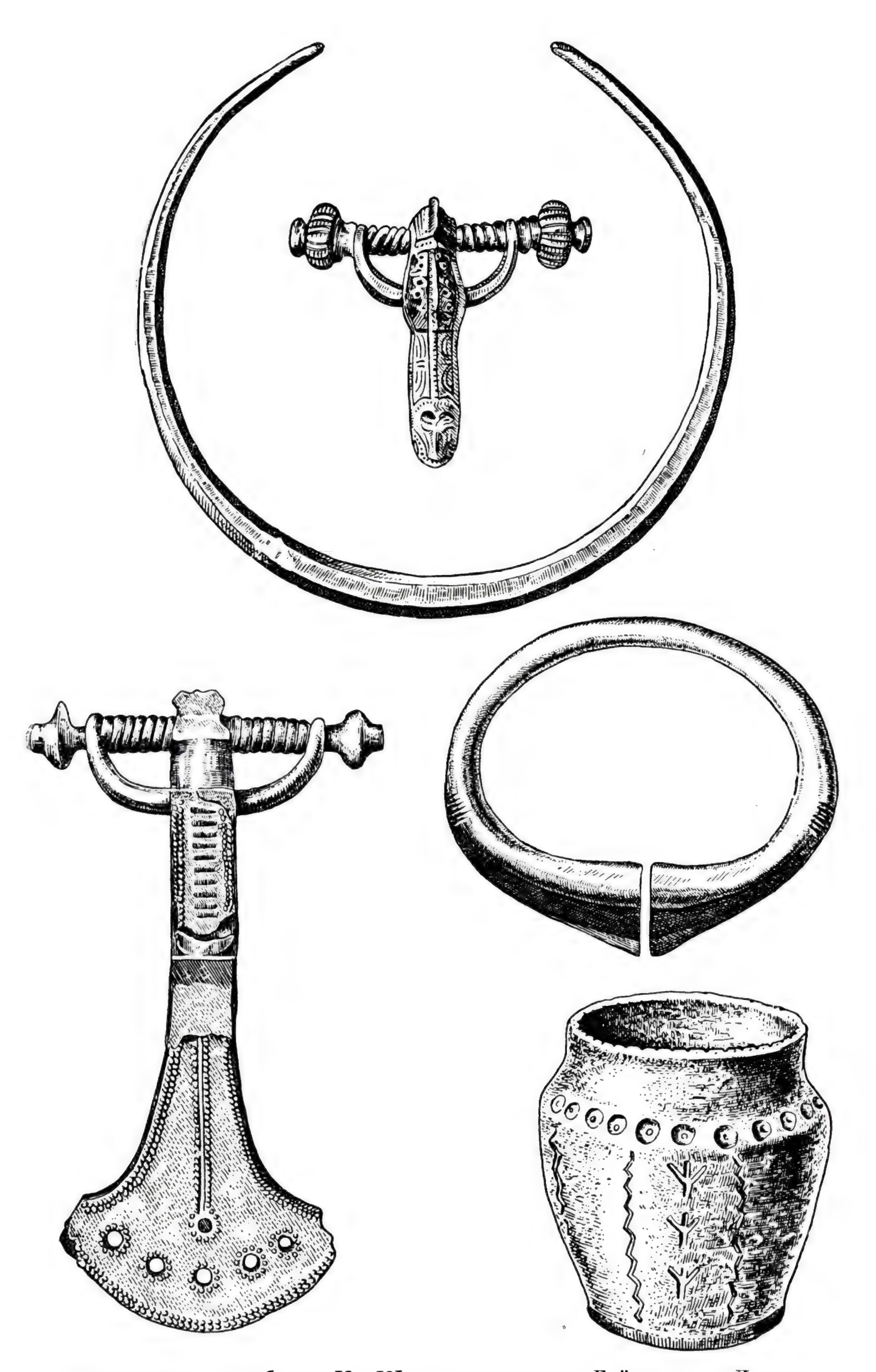
В числе широких связей Прибалтики с соседними территориями особенно следует отметить связи со славянскими землями. Постоянное общение существовало с территорией, занимаемой венедами, где встречается много изделий балтийского происхождения. К этому же времени относится связь Прибалтики с Поднепровьем. Отмечается постоянное общение с финно-угорскими племенами. В инвентаре рязанских могильников, приписываемых финно-угорским племенам, украшения балтийских типов довольно многочисленны.

Развитие производительных сил изменяет социальную структуру общества. Переход от коллективных захоронений к индивидуальным и парным можно рассматривать как проявление распада старых патриархально-родовых отношений и выделения одиночной (малой) семьи. Однако, как можно было убедиться, процесс этот происходил неравномерно. В то время как пруссы, курши и другие уже со II—III вв. не придерживались обряда коллективного захоронения, у большей части восточнобалтийского населения продолжает существовать этот древний обычай.

Существенно новым в культуре балтийских племен является многочисленное и разнообразное оружие. Массовое вооружение населения свидетельствует о постоянных войнах — этом характерном признаке вступившего в период разложения родового общества.

Археологические памятники наглядно говорят о четко наметившемся имущественном разделении.

В наиболее передовых областях оно проявляется уже во II—III вв. Так, на территории пруссов в могильнике Хрустальное в одном из



Инвентарь погребения V—VI вв. могильника Гейстаути в Латвии

погребений обнаружены меч, семь наконечников копий, два боевых топора, нож, умбон щита, предметы конского убора и римская фибула с эмалью.

При отдельных погребениях куршей найдены серебряные шейные гривны, медные римские монеты и др.

Выделяется своим богатством двойное погребение из могильника Вершвай близ Каунаса. Здесь найдены скелеты мужчины и женщины. При мужском костяке обнаружена железная булавка и большой втульчатый топор. Погребение женщины сопровождают несколько бронзовых браслетов, нагрудные цепочки и ожерелье из бронзовых пронизок, стеклянные бусы, пять бронзовых шейных гривен и бронзовый сосуд римской работы.

Таким образом, в материальной культуре балтийских племен в первой половине I тысячелетия прослеживаются новые значительные изменения. Основным занятием жителей стало земледелие при подсобной роли скотоводства, а также охоты и рыболовства. Наряду с этим большое значение в экономике Прибалтики приобретают разнообразные домашние производства, среди которых высокой степени мастерства достигает обработка металла.

Значительно возрастают внешние связи прибалтийского населения. В результате прогресса в экономике заметно возрастает численность прибалтийского населения по сравнению с последними веками до нашей эры. Массовое вооружение населения свидетельствует о том, что общество вступает в тот последний этап существования родового строя, который назван Энгельсом «военной демократией». Об этом же говорит и скопление личных богатств в руках отдельных лиц. Так, в результате длительного развития местных производительных сил, без существенных воздействий со стороны, у балтийских племен развивался феодализм. Окончательно феодальные отношения сложились здесь несколько позднее, чем в соседних славянских областях, но условия их возникновения подготовлялись за несколько столетий.

7

ПОХОДЫ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ДРУЖИН В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОДУНАВЬЕ В III В.

Социально-экономический кризис Римской империи в III в. вызвал значительный рост сепаратистских настроений в римских провинциях. Римские легионы, расположенные по границам империи, были втянуты в ожесточенную политическую борьбу за власть и в значительной мере утратили свою прежнюю боеспособность. Глубокий экономический кризис Римской империи привел к сокращению торговых связей с варварскими племенами Центральной и Восточной Европы.

Ослаблением военной мощи Рима воспользовались многочисленные племена Центральной и Восточной Европы, которые ждали лишь удобного момента для новых вторжений на территорию империи.

В отличие от так называемой маркоманской войны II в. на этот раз театр военных действий от юго-западных границ славянства передвинулся к юго-восточным. Война началась около 232 г. на Дунае и ее инициатором был, очевидно, союз задунайских (по отношению к империи) племен под предводительством карпов; к воевавшим примкнули и готы [1].

В 238 г. «скифы», как условно называли античные авторы эти племена, перешли Дунай и вторглись на территорию Мезии. Отряды варваров захватили г. Истрию в дельте Дуная.

После непродолжительного перемирия на Дунае в 242 г. снова возобновились военные действия. Аланы и карпы вторгаются во Фракию и доходят до Филиппополя (совр. Пловдива в Болгарии). Вторжения причерноморских и прикарпатских племен в Римскую империю сопровождались усилением борьбы угнетенных классов против своих поработителей.

Зажиточное население провинций было вынуждено в минуту опасности зарывать свои сокровища в землю. Свидетельством этого являются многочисленные клады римских монет, найденные во Фракии, Мезии и Дакии. Наиболее поздние находки относятся к эпохе Гордиана III (238—244 гг.) и Филиппа Араба (244—249 гг.).

По-видимому, одновременно с натиском на Дунае готы и другие причерноморские племена постепенно расширяют круг своих действий. Варварские отряды проникают в район Меотиды и на территорию Скифского царства в Крыму. Город Танаис в дельте Дона в середине III в. был подвергнут жестокому разгрому [2]. Эпиграфические материалы из Танаиса свидетельствуют о неоднократном укреплении стен и башен города и о других оборонительных мероприятиях. Так, например, в одной из последних надписей говорится о восстановлении башен и источника воды. Позднейшая датированная надпись из Танаиса относится к 244 г. [3]

Город был, очевидно, взят штурмом и сгорел. Следы пожара повсеместно обнаруживаются при археологических раскопках.

Подвальные помещения, обнаруженные около оборонительной стены, в северо-восточном углу городища, были доверху завалены камнями от рухнувших стен наземных сооружений. В подвалах найдено множество обломков амфор II—III вв., изделия местного керамического производства, обломки лепных сосудов. Медные боспорские монеты, обнаруженные на городище, указывают на время разрушения Танаиса.

Некоторые косвенные данные, которые можно извлечь из письменных источников, археологических и нумизматических данных, приводят к заключению, что приблизительно в это же время готы проникают в Крым, захватывают центр скифского государства Неаполь и вторгаются на территорию Боспорского царства.

---

[1] *А. М. Ременников.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954, стр. 22—29.

[2] *Д. Б. Шелов.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 187.

[3] *А. И. Болтунова.* Танаисская надпись. ВДИ, 1950, № 3, стр. 97 и сл.

В 248 г. при Филиппе Арабе отряды варваров, воспользовавшись восстанием в придунайских провинциях, вновь вторгаются на территорию Нижней Мезии и осаждают г. Маркианополь, а затем проникают во Фракию. Неудачная осада Маркианополя описана современником событий греческим историком Дексиппом [1].

Правление Траяна Деция было ознаменовано новыми походами причерноморских племен, которые проникают во Фракию и осаждают крупный торговый г. Филиппополь. Война 250—251 гг. закончилась неудачно для римлян. После длительной осады Филиппополь был взят [2]. Решительное сражение римских войск (во главе с императором Децием) с готами произошло летом 251 г. около г. Абритта (в совр. Болгарии). Сражение закончилось полным разгромом римского войска и гибелью императора Деция. Римская империя была вынуждена заключить мирный договор с победителями.

Античные писатели сообщают, что «скифы» в результате своих походов получали не только огромные денежные контрибуции, но и захватывали значительное количество пленных, которых они приводили в места своего обитания и использовали для различных работ. Так, например, Зосим рассказывает, что скифы стали строить «суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников или людей, прибывших с торговыми целями» [3].

Таким образом, причерноморские племена в 50-е годы III в. овладели Дакией и основными опорными пунктами Северного Причерноморья (за исключением Херсонеса). В условиях тяжелого экономического кризиса и разрушительных варварских нашествий Римская империя была вынуждена вывести свои войска из Харакса, Ольвии и других опорных пунктов на северном берегу Черного моря.

Союзы племен, воевавших с римлянами, охватывали сарматские, германские, кельтские и славянские племена Причерноморья и Подунавья.

Участие славян в этой борьбе с Римом может быть определено, по мнению П. Шафарика, по такому вполне официальному источнику, как титул императора. Император Волусиан (251—253 гг.) в числе других эпитетов, включенных в его титул, упоминается и с эпитетом «венедского», т. е. победителя венедов [4].

В 256—257 гг. крупный племенной союз, сложившийся в Причерноморье, организует морские походы, вдоль восточного побережья Понта к Питиунту, Фасису и Трапезунду. Боспорские правители, как сообщают источники, уступили этой новой коалиции племен свой флот, на котором

---

[1] *Дексипп.* В сб. «Византийские историки», стр. 29—30.

[2] Там же, стр. 36 и сл.

[3] *Зосим.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4 стр. 277. Рабы применялись и на гребных судах. Каждый удачный поход заканчивался увеличением числа пленников.

[4] *А. В. Мишулин.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1, стр. 300—301.

Помещение, погибшее в III в., найденное на городище Танаис в устье р. Дона (*а*); угол подвала с разбитыми амфорами на городище Танаис (*б*)

варвары совершили свои первые смелые морские предприятия. По-видимому, во главе этого союза племен стояло одно из готских племен Северного Причерноморья. В исторической литературе недавно была выдвинута гипотеза, что в этих морских походах ведущую роль играли не готы, а кочевые сармато-аланские племена Приазовья и славянские племена Поднепровья, но ее вряд ли можно считать приемлемой [1]. Бораны, после неудачной осады Питиунта в 256 г., на следующий год отправились в новый поход и захватили крупный город на южном берегу Понта — Трапезунд. Источники сообщают, что местное население переходило на сторону осаждавших (послание Григория Неокесарийского). Зосим, рассказывая об этих событиях, сообщает, что «бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе» [2].

В 258 г. огромная флотилия вышла из лимана Днестра. «Скифы» тщетно пытались овладеть Томами, доплыли до Анхиала, перебрались на азиатский берег, захватили и разграбили г. Халкедон, покинутый гарнизоном, Никею, Апамею и Пруссу.

В те же места поход был повторен в 263 г. В 264 г. причерноморские племена снарядили экспедицию в Трапезунд, грабили Каппадокию, Галатию, Вифинию и благополучно вернулись назад со множеством пленных. В 267 г. был снаряжен поход из области Меотиды. Отряды варваров захватили Византию и Кизик, опустошили острова Лемнос и Скирос, покушались на Афины и Коринф. Будучи отрезаны от моря римскими войсками, они двинулись на Македонию. Между Македонией и Дакией их разбил император Галлиен.

Перелом наступил только в 269—270 гг. В этом году племенами Северного Причерноморья было предпринято новое грандиозное нападение на империю. В лимане Днестра был снаряжен большой флот. Число судов, по сообщению источников, превышало две тысячи. Одновременно было организовано и сухопутное войско, численность которого биограф Клавдия определяет в 320 тыс. человек. В нем участвовали разные причерноморские племена: певкины, готы, гепиды, кельты и герулы. Этот поход коренным образом отличался от предшествующих. Если более ранние походы предпринимались с целью грабежа и захвата пленных, то поход 269 г. представлял попытку переселения, так как варварские отряды шли со своими семьями и скотом. Морские отряды причерноморских племен разгромили Афины, Коринф, Спарту, достигли Крита и Кипра, но в 270 г. римские войска под руководством императора Клавдия II одержали решительную победу над «скифами» при Наиссе в Мезии. Флот причерноморских племен также был разгромлен римлянами.

---

[1] *А. Д. Удальцов.* Племена Европейской Сарматии II в. н. э., СЭ, 1946, № 2, стр. 41 и сл.

[2] *Зосим.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 276.

В результате ожесточенной борьбы причерноморских племен с Римской империей политическая обстановка в Причерноморье существенно изменилась. Римские легионы постепенно были выведены из Дакии на левый берег Дуная, и территория Дакии была захвачена различными племенами (даки, сарматы, готы и др.). Тира, Ольвия и Танаис были подвергнуты жестокому разгрому и постепенно пришли в упадок. В середине III в. германские и аланские племена вторгаются в Таврику и захватывают те области, которые до этого входили в состав Скифского государства. Неаполь (на Салгире близ совр. Симферополя) в середине III в. перестает существовать как город-центр Скифского государства. Варварские завоевания в Северном Причерноморье поставили под удар опорные пункты и коммуникации римлян, созданные в I в. в Хараксе и других местах побережья, а возможно, и во внутренних районах Крыма. В середине III в. римские отряды были выведены из Таврики, а римские крепости (castellum типа Харакса) опустели. Отряды готов и аланов проникают на территорию Боспора и в юго-западную горную часть Таврики, где они смешались с местным населением и восприняли местную греко-сарматскую культуру. Культурная ассимиляция готов в Крыму была ускорена распространением христианства, следы которого в Таврике прослеживаются с IV в.

Для нас представляет большой интерес указание источников на формирование обширных и могучих племенных союзов, колебавших военную мощь Римской империи. Историк V в. Зосим, повествующий об этих походах, говорит, что «скифы, вступив в соглашение и сплотившись воедино из всякого племени и рода одной частью своих полчищ, опустошали Иллирию..., а другая часть... дошла до Рима... В это... время остальные скифы, ободренные предыдущими удачными набегами, соединившись с герулами, певками и готами и собравшись у реки Тиры (Днестра)... построили шесть тысяч судов и сев на них в количестве трехсот двадцати тысяч человек, двинулись по Понту (Черному морю)» [1]. Нарисованная Зосимой картина крайне интересна для нас. Здесь ясно сказано о формировании союза племен, о том, что племена и роды «вступили в соглашение». В противовес тем буржуазным историкам, которые на первое место выдвигали готские племена, наш источник ясно говорит об инициативе «скифов», к которым позднее примкнули другие племена, в том числе и готы, названные на последнем месте. Интересно также и то, что сборным пунктом союзной флотилии был днестровский лиман, где жили анты позднее, и нам становится известен русский г. Белгород в земле славян-тиверцев.

Войны союзов племен с Римом в середине III в., не привели к полной победе «варваров», но они способствовали углублению кризиса империи, остановили римскую агрессию и позволили задунайским и приднепровским племенам продвинуться вплотную к границам империи на Дунае и Черном море.

---

[1] *Зосим.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 278—279.

8

ГОТЫ В ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЯХ

Наряду с остатками скифского населения и родственными ему сармато-аланскими племенами Причерноморские степи были заселены в III—IV вв. германскими племенами, упоминаемыми в источниках под различными именами: готы, герулы, тайфалы и др.

Относительное перенаселение малоплодородных земель юго-восточной Скандинавии приводило при примитивной подсечной системе земледелия к постоянным переселениям на юг.

Сохранилось много легенд и преданий о скандинавской молодежи, вынужденной садиться на корабли и искать новых земель.

Одним из промежуточных мест, где некоторое время жили готы, а затем гепиды, считают низовья Вислы.

Примерно в III в. группа готских племен проникла к берегам Черного моря и Меотиды — Азовского моря, попав в окружение скифских, сарматских и аланских племен. Немногим более столетия прожили готы в Причерноморье, а затем в 70-е годы IV в. под давлением гуннов основная масса готов ушла на юго-запад, в долину Дуная и, передвигаясь с места на место, оказалась в V в. в Италии, на юге Франции и Испании.

Часть готов уцелела и после гуннского нашествия в Крыму, а возможно, и на Северном Кавказе, где они сохранили свой язык вплоть до позднего средневековья [1].

Близость готов к границам Римской империи, неоднократные столкновения их с римскими легионами, принятие ими христианства в IV в. и, наконец, сохранение раннесредневековых готских источников VI в. сделали их одним из заметных народов эпохи «великого переселения народов». При описании событий середины III в. готы зачастую терялись среди других иноязычных племен Северного Причерноморья. Но в IV в., когда, гонимые гуннами, готские племена перешли границу Восточно-Римской империи, они стали часто упоминаться римскими авторами и их имя заслонило имена других племен. Обилие сведений о готах нередко приводило историков к переоценке их исторической роли. Готов считали главной движущей силой эпохи и с их именем связывали все примечательное и яркое среди археологических находок этого времени.

Буржуазная, особенно немецкая, наука отводит готам в историческом процессе исключительное место. Готы в изображении буржуазных историков и археологов — одно из наиболее одаренных и особо культурных германских племен. В них видят творцов особой готской культуры, положившей начало всему дальнейшему развитию культуры средневековья.

В действительности готской культуры, искусства, стиля в том смысле, как их представляют буржуазные археологи и историки искусства, вообще не существовало. Памятники материальной культуры свидетельствуют.

[1] *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. ИГАИМК, т. I, 1921, стр. 265 и сл.

что так называемая готская культура исторически сложилась на юге Восточной Европы, в степи и на окраинах лесостепной полосы, на Северном Кавказе и Поволжье до появления готов, а наиболее полного развития достигла уже после вытеснения их, в период существования в Причерноморских степях гуннского союза.

Трудность изучения древнейшей истории готов объясняется недостатком и недостоверностью сведений о них в письменных источниках, а также недостаточной систематичностью и односторонностью в накоплении и разработке археологического материала. Много путаницы в вопрос о происхождении готов и их древнейшую историю внес основной, сохранившийся до нашего времени источник: сочинение Иордана «О происхождении и деяниях гетов». «Гетики» Иордана — источник поздний (551 г.), в основном базирующийся на не дошедшей до нас «Истории готов» Кассиодора, крупнейшего государственного деятеля при остроготском короле Теодорихе в Италии. Кассиодор писал свою историю как придворный историк, стремясь всячески возвеличить не только своего государя, но и его предков «из знатного королевского рода Амалов». Говоря об участии готов в крупнейших событиях древнейшей истории, Кассиодор стремился сделать тем самым более приемлемым для римлян готское господство, доказав им, что готы имеют еще более славную и более древнюю историю, чем сам Рим, и что римляне и готы издревле находились в дружественных отношениях между собой. Наряду с Кассиодором Иордан в значительной мере использовал и совершенно неизвестного историка Аблабия, жившего, по-видимому, в конце V — начале VI в., византийского историка гуннов Приска (середина V в.) и ряд других древних писателей, а также сохранившиеся среди готов легенды и предания об их прошлом.

В сочинении Иордана, как и в других придворных хрониках того времени, наряду с достоверными сведениями, содержится немало вымыслов и преувеличений. Одновременно с наивным отождествлением готов со скифами и гетами Иордан сообщает древнюю легенду, по которой готы под предводительством своего вождя Берига выселились из Скандинавии и на трех кораблях переплыли в Коданский залив, т. е. в устье Вислы.

Античная письменная традиция знает на севере готонов, гутонов, на юге — готов. Древнейшие исторические свидетельства помещают готонов на севере Западной Европы.

Готоны, или гутоны, в этой ранней (до 80-х годов II в.) античной традиции выступают как одно из восточногерманских (виндильских) племен. Их местопребывание — среднее или верхнее течение Вислы. Их соседи на западе — виндилы, или вандалы, и бургунды, а на востоке, на границах Германии и Сарматии,— венеды и эстии. Затем в течение долгого периода римские писатели не упоминают о готонах вовсе.

Название «готы» появляется значительно позднее в источниках не ранее IV в., хотя и в это время готы постоянно именуются также и скифами. Местопребывание готов — северо-западное Причерноморье; появление их на этой территории относится к первой половине III в.

Основываясь на старинных готских песнях, Иордан говорит, что «вследствие сильно возрастающего количества народа» готы «решили выселиться с войском и семействами из занимаемой ими страны» в бассейне р. Вислы. В поисках новых мест готы отправились в плодородную скифскую страну Ойум и не вернулись оттуда. Народная фантазия украсила гибель этих готов легендой: мост, через который готы перешли в эту «окруженную пучиною зыбких болот» страну, обрушился, и они поэтому не могли возвратиться. После неудачи в одном направлении готы двинулись в другом: они пришли к народу спалов и одержали над ними победу. Через их землю они направились «в крайнюю часть Скифии, соседнюю с Понтийским морем», где и поселились.

Так рисуется переселение готов в Причерноморье в народном готском сказании. Попытки точнее определить страну Ойум и народ спалов до сих пор не привели к бесспорным заключениям [1]. Вероятнее всего предполагать, что готы в своем движении в Причерноморье шли из бассейна р. Вислы в бассейн Днестра и оттуда продвинулись дальше на восток.

Готские племена объединились в два союза — западный союз везиготов, или тервингов, и восточный — остроготов (остготов), или грейтунгов. Слово «тервинги» обычно переводится как жители лесов, «грейтунги» — жители песков (степей). По всей вероятности, тервинги жили в низовьях Днестра и в юго-восточном Прикарпатье, Грейтунги жили в Нижнем Поднепровье и в Крыму, доходя до северного берега Азовского моря [2].

Ниже днепровских порогов известен ряд городищ и могильников II—IV вв., которые, видимо, можно приписать готским племенам. Их культура еще в большей степени, чем культура Среднего Днепра и Днестра находилась под влиянием эллино-римской. Эти памятники и следует связывать с грейтунгами, тогда как памятники Нижнего Поднестровья, а позже и бассейна Прута и Серета — с тервингами. Не следует, однако, забывать, что в состав этих союзов входило и местное население.

* * *

В результате войн с Римом и подчинения соседних варваров готский союз к концу III — началу IV в. объединил многие племена Северного Причерноморья. В условиях близкого соседства римских областей и черноморских колоний и под их воздействием во многих из этих племен происходил процесс распада родовых связей и образования классов.

Как сказано выше, готский союз объединял главным образом оседлые земледельческие племена западной части Северного Причерноморья и лишь отчасти полуоседлых скотоводов и земледельцев, населявших степи

---

[1] *Л. И. Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, стр. 142.

[2] До самого последнего времени территория, занимаемая готскими племенами, определялись различно. Одни исследователи, в основном немецкие, размещали готов на всей лесостепной полосе от Черного моря до Киева, другие, наоборот, сомневались в самом существовании готов.

Нижнего Поднепровья и Крыма. Многочисленные поселения, возникшие в степной и лесостепной полосе в последние века до начала нашей эры и в первые века нашей эры, в этот период продолжали свое существование. Земледельческие племена Поднестровья и Поднепровья во II—IV вв. н. э. поддерживали тесные экономические связи с городами Северного Причерноморья и провинциями Римской империи. Торговля, грабительские походы и накопление сокровищ способствовали обогащению знати и росту дружины.

На далеко зашедшее социальное расслоение, особенно в западном Приднестровско-Дунайском союзе тервингов, указывает наличие у готов сильной и многочисленной знати, с одной стороны, и значительного числа рабов — с другой. Рабы сопровождали дружины воинов в их походах на римские области. Так, например, во время похода 269 г. римлянами было захвачено «много знатных женщин из разных племен, племенных вождей и стариков земледельцев». Рабы у готов упоминаются и при описании их переселения во Фракию в 376 г.

Хотя у везиготов сохранялось народное собрание и совет родовых старейшин, все же частые военные походы способствовали усилению вождей, обогащаемых добычей, рабами, императорскими субсидиями. «Грабительские войны,— пишет Энгельс,— усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников; соответствующее обычаю избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют» [1].

Этот путь, при котором «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность» [2], еще не был пройден готами до конца, но уже был близок к завершению.

Племенная знать готов все больше усиливала свои позиции. Так же, как у греков и римлян, знатным родам приписывалось полубожественное происхождение. Знатность происхождения прокладывала путь к княжеской власти; так, у конунга Гебериха одинаково отмечаются и чрезвычайная доблесть и знатность, в подтверждение которой Иорданом приводятся имена его предков.

Готскую знать возглавили роды Амалов и Балтов. Балты считались не только первым везиготским родом, но и вторым среди всех готов, по знатности уступающим только Амалам, самому знатному роду среди остроготов.

Везиготы распадались на несколько групп, управляемых вождями, которых Аммиан Марцеллин называет судьями, действовавшими совершенно

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 297.

[2] Там же.

самостоятельно. Насколько велико было значение отдельных везиготских вождей, видно из известия Фемистия о том, что императором Константином в честь одного из них, отца Атанариха, была поставлена в Константинополе статуя. У остроготов выборная княжеская власть имела тенденцию перейти в наследственную.

Однако, наряду с усиливавшейся княжеской властью, у готов и позднее сохранялись старые формы народоправства — собрания родовых старейшин.

Писатель V в. Аполлинарий Сидоний так описывает собрания готов в Галлии во время правления короля Теодориха II: «Рано утром составляется сходка по старинному обычаю гетов (готов): стоят старцы, преклонные годами, но свежие умом; топорщатся их одежды, грязные полотняные рубахи лоснятся на худощавых спинах, приподнятые плащи из шкур не достигают голеней, и бедный узел привязывает обувь из конской кожи под обнаженным коленом. Когда сошлись на совет старшин заслуженные бедняки, вождь просил слова» [1].

Наибольшего могущества готский союз достиг в середине IV в. Этот период расцвета связывается с именем остроготского короля (конунга) Германариха (Эрманариха). Точно определить территорию и племенной состав «государства» Германариха не представляется возможным. Данные Иордана не заслуживают полного доверия. Воспевая силу и могущество последнего готского конунга в Причерноморье, Иордан вслед за Кассиодором утверждает, что Германариху были подвластны все народы Скифии и Сарматии. «Германарих, благороднейший из Амалов... покорил много, весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам... Покорил же он племена гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, рубегенов, колдов. Славный подчинением столь многих (племен), он не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось в остальной своей части его власти... По воле судьбы они также, наряду с остальными племенами, покорились королю гетов Германариху. После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые хотя и были достойны презрения из-за несовершенства своего оружия, однако могущественные многочисленностью, пробовали сначала сопротивляться, но ничего не стоит великое число неподготовленных к войне, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает. Тогда все они подчинились власти Германариха... Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственным достоянием» [2].

---

[1] *Аполлинарий Сидоний.* Панегирик, сказанный Авиту Августу. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 4, стр. 291.

[2] *Иордан.* Гетики.

В перечне Иордана наряду с совершенно неизвестными и загадочными племенами (имнискары, атаул, навего) выступают племенные названия, которые сохранились и до позднейшего времени: тиуды (чудь), меренс (меря), морденс (мордва), а также венеды (венеты), герулы и эсты. Вряд ли все перечисленные Иорданом племена когда-либо входили в состав остроготского союза, хотя многие из них, несомненно, были с ним связаны. Возможно, что Иордан, желая подчеркнуть могущество Германариха, просто поместил в свой список те народы, которые ему были известны в Восточной Европе.

Параллельно с расширением готского союза внутри него нарастали противоречия, ослабившие его настолько, что при первом сильном натиске извне он не смог оказать сопротивления и распался.

Задолго до появления гуннов внутри готского союза происходила борьба за главенство и власть между знатью отдельных входивших в союз племен. Так, еще в середине III в. восстали гепиды, постоянные члены готского союза, дружины которых неизменно участвовали в походах готов на римские области. Впрочем, они довольно скоро были побеждены полулегендарным остроготским конунгом Остроготой, при котором, по-видимому, произошло объединение в один союз грейтунгов и тервингов, под главенством первых. Особенно же разгорается борьба внутри готского союза в середине IV в., в период его максимального расширения и территориально и этнически. В это время, очевидно, обостряются противоречия между кочевыми и оседлыми элементами союза. Естественно, что победа оставалась за кочевниками как более мощными и сплоченными.

Вместе с тем шла борьба между верховным конунгом, племенной знатью и военными вождями, державшимися за старые родовые связи. В этой борьбе старейшины и военные вожди отдельных племен выступали против тирании конунгов из рода Амалов, что подрывало прочность королевской власти и помогло гуннам одержать над Германарихом быструю и решительную победу.

Показателем распада родовых отношений и роста социального неравенства является и постепенная христианизация готов, достигшая крупных успехов к IV в.[1] О значительных успехах христианства в пограничных с империей областях, входивших в территорию готского союза уже в начале IV в., говорит присутствие на I Вселенском соборе в Никее епископа Готии Феофила, епископию которого большинство историков относит к дунайским областям [2].

Наиболее вероятной и исторически обоснованной является версия о проникновении христианства к готам из Каппадокии. Первые христианские проповедники из племенных каппадокийцев появились на территории тервингов, в районе Нижнего Дуная, еще в 50-х годах III в. Когда в 264 г. остроготы снарядили экспедицию на Трапезунт, ограбили Каппадокию,

---

[1] *Д. Беликов.* Христианство у готов. Казань, 1887.

[2] *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. ГАИМК, т. I, стр. 278.

Галатию, Вифинию и благополучно вернулись назад, то в числе пленных оказался каппадокиец Евтихий, являвшийся пионером распространения христианства среди готов.

В этих же районах, в низовьях Дуная, протекала деятельность и так называемого просветителя готов Ульфилы. Ульфила во всех источниках выступает как учитель тервингов. Он создал готскую письменность и перевел на готский язык часть священных христианских книг.

Проповедь христианства имела успех в тесно связанных с Римом западночерноморских районах, где население уже в значительной мере утратило черты своего варварства и родового строя. Тем не менее, не вся племенная знать тервингов приветствовала насаждение христианства. В 355 г. в стране тервингов начались гонения на христиан. Преследование христиан возглавил один из вождей тервингов, Атанарих, бывший «судьей» у готов; римская историческая традиция изображает его злейшим врагом римлян и ненавистником христиан. Атанарих выступил, по-видимому, как представитель старой племенной знати, за сохранение своей власти, покоившейся на основе еще родовых отношений. Он встал на защиту родовой языческой религии, что являлось определенной формой борьбы за независимость тервингов как против усиливающейся власти Германариха, так и против Рима.

Ульфила, обратившись за помощью к императору Валенту, переселился вместе с принявшими христианство готами в соседнюю правобережную придунайскую область, Малую Скифию, где во времена Иордана жили «малые готы», и там продолжал свою деятельность.

Гонение на христиан вспыхнуло с новой силой в 369—372 гг. Однако Ульфила привлек на сторону христиан другого вождя тервингов — Фридигерна; Фридигерн, поддерживая дружественные отношения с империей, принял христианство и выступил противником Атанариха.

О том, что разделение тервингов в вопросе о религии не было случайным, а имело под собою глубокие основы, свидетельствует их дальнейшая история.

Атанарих, безуспешно пытавшийся сопротивляться появившимся в это время новым врагам, гуннам, ушел со своими отрядами в лесистую и дикую страну «Кавкаланд», у подножия Карпат. Фридигерн же во главе другой части тервингов был допущен в пределы Римской империи.

Быстрые успехи среди готов христианства в его арианской форме объясняются в значительной мере тем, что это была религия, соответствовавшая основной тенденции варварского общества везиготов, распаду первобытнообщинных отношений и процессу классообразования, а также и тем, что проповедь велась на готском языке. При всем том распространенность христианства среди готов не следует преувеличивать. О значительных остатках язычества среди готов свидетельствует сообщение, что еще в 376 г. при переселении везиготов во Фракию «каждый род скифов (в данном случае имеются в виду везиготы) вез тогда с собой и свою отцовскую святыню, вокруг которой шли ее ближайшие служители — жрецы и жри-

цы» [1]. Во Фракии Атанарих заставлял своих соплеменников поклоняться кумиру, которого возили на повозке, и приносить жертвы [2].

Готский язык известен нам по немногочисленным памятникам — евангелию и небольшим отрывкам Ветхого завета в переводах епископа Ульфилы, а также по комментарию к евангелию Иоанна и готским надписям на латинских купчих. Ульфилово евангелие и библия дошли до нас в рукописях V — начала VI в., написанных в монастырях Италии (так называемые Codex Argenteus и Codex Carolinus). Они хранились в монастырях средневековой Германии и были обнаружены только очень поздно — в XVI и XVIII вв. Готский язык принадлежит к группе восточногерманских языков.

9

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Северная часть Восточной Европы, территория к северу и востоку от славянских земель, была заселена финно-угорскими племенами. Как можно судить по археологическому материалу, эти племена обитали здесь с глубокой древности, со времени неолита, а, может быть, даже и мезолита. Значительная часть их исторического пути прошла там, где их застали первые сведения письменных источников.

По данным языка, все эти народы принадлежат к одной языковой семье и по своему происхождению восходят к единому первоисточнику. Однако их исторические судьбы были различны, как стали различными их язык и культура. Особенно сильно отличаются восточные и западные группы. К первым принадлежат коми, удмурты, мари, мордва, мурома и весь, ко вторым — эстонцы, карелы и финны суоми.

Первые сведения об этих племенах восходят ко времени греческого историка V в. до н. э. Геродота, который описал их под другими именами. Позднее о западных финнах писали Страбон, Тацит, Птолемей. Для эпохи средневековья значительный интерес представляют данные Иордана, хазарского царя Иосифа и восточных писателей. Для точной локализации финно-угорских племен важны сообщения русской летописи. Однако все эти материалы отрывочны, и на основании их написать историю финно-угорских народов невозможно. Неизбежно привлечение археологии.

В отношении предков этих народов иногда применяется собирательное наименование «чудь». С этим термином можно встретиться на Урале, где также встречается понятие «чудь белоглазая». Эти наименования известны и в Сибири, где народное предание указывает «чудские копи». В народных

---

[1] *Евнаний.* Продолжение истории Дексиппа. См. *Д. Беликов.* Указ. соч., стр. 93—94.

[2] *Созомен.* Церковная история. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 3, стр. 308.

преданиях чудь жила за Волгой, на Урале, в Предуралье и в Сибири до появления там русских. Слово «чудь» не является самоназванием народа. Академик Шахматов считал, что это слово произошло из древнегерманских языков. По его мнению, чудь представляет славянское произношение готского слова «люди» с «tjuda». Русский летописец термин «чудь» твердо связывает с западнофинскими племенами, предками современных эстонцев, но известна также и чудь заволжская на северо-восток от Белоозера.

Откуда же термин «чудь» появился на Урале и в Сибири? Русская летопись нигде не называет народы пермской группы чудью. Во всех документах встречаются другие имена. В свое время крупнейший исследователь Приуралья А. В. Шмидт высказал правильное предположение, что этот термин мог проникнуть на Урал и в Западную Сибирь вместе с новгородцами.

Первое упоминание финно-угорских народов под именем «феннов» принадлежит римскому историку I—II вв. Тациту, описавшему западные группы финских племен. В труде, посвященном Германии, он пишет: «Фенны отличаются необыкновенной дикостью и отвратительной нищетой: у них нет ни оружия, ни коней, ни пенатов; пищей им служит трава, одеждой — шкуры, ложем — земля; все надежды они возлагают на стрелы, для острия которых за неимением железа употребляют кости. Одна и та же охота кормит как мужчин, так и женщин, ибо последние повсюду сопровождают мужчин и требуют части добычи. Для детей нет другого убежища от диких зверей и от дождей, как укрываться в шалашах из сплетенных ветвей. Сюда возвращаются юноши, здесь и пристанища стариков. Но это они считают более счастливою жизнью, чем трудиться на полях, работать в домах и делать свою и чужую судьбу игралищем надежды и страха; безопасные от людей, безопасные от богов, они достигли самого трудного в жизни — что у них нет нужды даже желать что-нибудь» [1]. Этот трактат был написан не на основе личных наблюдений автора, а по данным ряда монографий его предшественников и по существу отражает быт племен более раннего времени.

Ряд наблюдений, изложенных в трактате, по-видимому, правилен. Так, охота, несомненно, имела в жизни этих племен большое значение. Точно так же и костяные орудия долгое время играли значительную роль в их производственной деятельности.

Археологические исследования в Прибалтике достаточно убедительно показывают, что это мнение в целом дает неправильное представление о культуре этих племен. Культура населения Прибалтики первых веков нашей эры была значительно выше.

Писал о финнах и Птолемей, живший во второй половине II в., пользовавшийся трудами географа I в. Мартина Тирского. В своем описании Сарматии Птолемей отмечает великие и малые народы, относя к числу послед-

[1] *Тацит.* Германия. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 3, стр. 222.

них и финнов. Долгое время финские племена представлялись Риму единым племенем, о котором было известно крайне мало.

В VI в. появляется упоминание финских племен в труде аланского монаха Иордана, писавшего о союзе племен, известном под именем «царства Германариха». Перечисляя народы, подчиненные готскому королю Германариху, Иордан отметил чудь, мерю и мордву. Это свидетельство в целом не пользуется признанием в современной исторической науке. Из Прибалтики готы шли на юг, в область культурных государств, в богатое Приднепровье и не имели интересов в северных областях. Их экономические интересы были на юге; у нас нет данных говорить о завоевательных готских походах на Среднюю Волгу, в страну мери, мордвы и чуди. Погребений и других вещественных памятников пребывания готов на Средней Волге нет.

Народы Поволжья и бассейна Оки были известны в Прибалтике с начала нашей эры, когда установились регулярные культурные взаимосвязи. Целый ряд вещей прибалтийского типа, в числе которых многочисленные украшения, в том числе подковообразные застежки, украшенные эмалями, достаточно ясно свидетельствуют об этом. С другой стороны, вещи из восточных районов не редки в могильниках Прибалтики. Все это достаточно определенно свидетельствует о культурных взаимосвязях, указывающих на то, что племена, населявшие бассейн Оки и Средней Волги, были известны в Прибалтике, точно так же, как они были известны и на юге, в частности, в Приднепровье. Поэтому нет ничего удивительного, что имена мери, мордвы и черемис попали на страницы средневековых письменных документов.

Для воссоздания исторического процесса большую ценность имеет археологический материал, позволяющий не только выявить основу жизни человека — его производительные силы, но и общественные отношения, и дает возможность проверить правильность письменных сведений. Археологический материал представлен значительным числом городищ, селищ и могильников. Разнообразный вещественный материал позволяет выявить культурные и торговые связи, этнические особенности отдельных племен, сказывающиеся в разнообразных женских украшениях, в орнаментации, которые, как показывает этнографический материал недалекого прошлого, были своеобразны у разных племенных групп. Все это вместе взятое позволяет археологам проследить исторические судьбы предков современных финно-угорских народов.

Теснейшим образом с финноязычными народами связаны угорские племена, населявшие бассейн Оби в Западной Сибири. Эти племена не были аборигенами на этой территории и появились там довольно поздно. Манси (вогулы) и ханты (остяки) окончательно сформировались на территории Западной Сибири. Процесс формирования этих народов был сложен. За огромный период времени Западная Сибирь испытала вторжение различных племен, ассимилировавших местные, искони жившие племена [1].

---

[1] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 71.

В результате нашествия с юга угорских племен к началу нашей эры здесь сложились племена — предки манси и хантов. Для их истории I тысячелетия нашей эры большую ценность представляет поселение близ Усть-Полуя, при впадении одноименной реки в Обь. Это место было обитаемо уже в IV в. до н. э. и жизнь продолжалась там в течение всего первого тысячелетия.

При раскопках было найдено около 12 тыс. предметов, которые позволяют всесторонне охарактеризовать занятия населения края этого времени и проследить этапы этнической истории. Пришедшие угры оказали огромное влияние на местные племена. Значительное развитие получила металлургия, что содействовало развитию других отраслей хозяйства. Правда, основным занятием оставались охота и морской промысел, однако межплеменной обмен, усилившиеся культурные связи с соседями содействовали переходу от матриархата к патриархальным отношениям. Показателем этих сдвигов в общественных отношениях являются многочисленные укрепленные поселения-городища и остатки вооружения, относящиеся к первым векам. Существует мнение, что военные пляски с мечами во время различных племенных празднеств являлись показателем этих отношений. В качестве примера укрепленных поселков можно указать Барсов городок, где также немало находок, свидетельствующих об охотничьем образе жизни населения в течение всего I тысячелетия. Об этом же говорят культовые вещи и изделия прикладного искусства. Для более позднего времени большую ценность представляет селище Зеленая горка близ Салехарда [1]. Здесь, в верхних отложениях, относящихся к последним столетиям I тысячелетия, было открыто жилище в виде землянки (5 $\times$ 6 м), в центре которого находился очаг.

Из вещей были найдены костяные и железные стрелы, шлаки, указывающие на металлургическое производство. Это селище интересно тем, что оно показывает, как к концу I тысячелетия сложились основные черты, свойственные этнографии населения Приобья недавнего времени. Главным занятием населения этого времени оставались охота и рыболовство.

В это время в Восточной Европе финно-угорские племена занимали огромную территорию, ограниченную с юга нижним течением р. Белой, нижним течением Камы и Вятки, а на правом берегу Волги по северной части Саратовской области, далее на запад, по среднему течению Оки и далее на Прибалтику.

Северо-восточные области Восточной Европы были заняты племенами ненцев. Здесь, на территории Большеземельской тундры, за последние годы был открыт значительный ряд жертвенных мест, на которых оленеводы и охотники совершали свои религиозные обряды. Примером может служить жертвенное место, открытое в северной части Большеземельской тундры [2].

---

[1] *В. Н. Чернецов.* Зеленая горка близ Салехарда. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 67.

[2] *Г. А. Чернов.* Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 84 и сл.

Это жертвенное место существовало в продолжение многих столетий. Неоднократно приходили сюда люди для совершения религиозных обрядов. В результате здесь отложился мощный культурный слой, в котором, наряду с оленьими черепами, попадаются глиняные сосуды, различные орудия труда и украшения. Эти украшения характерны для всего I тысячелетия: нашивные бляшки III в., обычны на юге Восточной Европы и в IX—X вв. Большое число привозных украшений, среди которых сердоликовые бусы, монеты и серебро свидетельствуют о связях с соседними районами. Интересные отдельные клады, содержащие привозные украшения и культовые вещи местного производства, свидетельствующие о значительной высоте культуры, высокой технике металлургии, отвечающих уровню общественных отношений. По-видимому, шаманы, которым принадлежали клады, составляли экономическую верхушку патриархального общества.

Пространства к югу — район Вычегды и Прикамье — в начале нашей эры были заселены предками удмуртов, коми и мари, известными в археологии для этого времени под именем племен пьяноборской культуры. Эти племена пьяноборской культуры достигли уже высокого уровня развития производительных сил. Они занимались скотоводством, мотыжным земледелием и промысловой охотой. Ведущую роль в хозяйстве занимало скотоводство. Главным богатством населения являлся скот. Именно для его охраны и создавались многочисленные городища, разбросанные группами по берегам больших и малых рек. Подсчет костного материала, полученного при археологических раскопках городищ, показывает, что главное место в стаде занимали лошадь и свинья. Лошадь использовалась не только в качестве транспортного, но и мясного скота, о чем свидетельствуют многочисленные находки костей лошади в кухонных остатках. Земледелие играло подсобную роль. Почву разрыхляли мотыгами с костяными наконечниками, под посевы выбирали лесные или прибрежные части. Сеяли рожь, пшеницу, отличавшиеся от современных малыми размерами, и коноплю. Большое значение имела пушная охота, рассчитанная на вывоз мехов на юг, откуда привозили в обмен драгоценную утварь, монеты и дорогие украшения.

Археологам известны орудия индивидуальной охоты: стрелы, большинство которых сделано из кости, а меньшее число — из железа, Сравнительно небольшое значение имела рыбная ловля.

Помимо орудий труда, в наших музеях хранится большое количество культовых вещей, которые прекрасно характеризуют воззрения человека и те приемы, к которым прибегали охотники для обеспечения себя добычей. Интересны жертвенные места, среди которых выделяется Гляденовское костище, на котором были найдены тысячи культовых изделий, стрелы и кости домашних и диких животных. Вотивные изображения орудий труда, домашних и диких животных свидетельствуют о желании охотника-скотовода обеспечить прирост стада и удачу в охоте при помощи жертвоприношения.

Бронзовые вотивные фигурки первых веков с мольбища у дер. Глядены в Прикамье

Большого совершенства достигла в эту эпоху металлургия. Широкое распространение железных орудий труда и инструментов привело к появлению многочисленных поделок из кости и дерева, обработка которых благодаря этому сильно упростилась.

Приемы добычи железа были очень несложны; руда в ряде мест разрабатывалась открытым способом или же при помощи неглубоких колодцев, которые давали возможность получать легкоплавкие руды, лежащие на небольшой глубине. Металлургия не знала тогда разделения труда. Один и тот же мастер изготовлял и железные орудия труда и бронзовые украшения. Эти кузнецы-литейщики работали не только на свою общину, но и на сбыт у соседей. Доказательством этого служит широкое распространение вещей пьяноборской культуры, которые встречаются на значи-

тельных пространствах Среднего и Верхнего Поволжья и доходят до Прибалтики.

Племена пьяноборской культуры находились в тесных взаимосвязях не только с ближайшими соседями, но и с далекими культурными странами. Наличие римских монет и изделий, в том числе бронзовых сосудов, среднеазиатских монет, сарматских вещей, достаточно полно свидетельствует о том, что получали пьяноборцы за ценные меха.

Пьяноборское общество стояло на сравнительно высокой ступени общественного развития: выделилась родовая знать и шел процесс классообразования. В ряде могильников, исследованных археологами, встречаются погребения богатых и бедных членов рода, резко выделяются погребения вождей и воинов, в которых нередки привозные вещи.

В эту эпоху в Прикамье значительно выросла плотность населения, увеличилось число населенных пунктов, расположенных на близком расстоянии один от другого, иногда не более одного километра. В этом отношении особенно показательна территория около г. Сарапула. Исчезает изолированность отдельных племен, хотя их культура и сохраняет свои особенности.

Изучение могильников, расположенных в разных пунктах Прикамья, дает представление о локальных особенностях культур.

Так, население пьяноборской эпохи Верхней и Средней Камы несколько отличается по костюму и быту от населения Нижней Камы; последнее в свою очередь имеет отличия в культуре от населения р. Белой и Среднего Поволжья. В настоящее время на широких пространствах пьяноборской культуры намечается пять племенных групп.

Пьяноборская эпоха в Прикамье характеризуется сложением племенных союзов. Причины этого политического образования были обусловлены не только процессом внутреннего развития общества, но и довольно сложными отношениями с сарматскими племенами, кочевавшими к югу на широких пространствах Нижней и Средней Волги и доходившими со своими кочевьями до Камы. Движение сарматов на север особенно усилилось в связи с гуннским нашествием в IV в. Значительные группы сарматов продвинулись значительно севернее на Среднюю Каму и р. Белую. Об этом свидетельствуют многочисленные курганные погребения с характерными сарматскими украшениями и деформированными черепами, известными на территории г. Уфы. Там еще в XVIII в. при планировке города был открыт ряд могил с набором драгоценных украшений. Сарматы заходили значительно севернее Камы, проникая в самую гущу пьяноборских племен. Такие курганы, как Качка или Харинские в Пермской обл., частично исследованные в советский период, дали погребения с вещами, характерными для сарматов IV—V вв.

Эти продвижения едва ли носили мирный характер. Военные столкновения и необходимость защиты своей территории принудили население Прикамья и Северного Поволжья объединиться и создать союз для защиты своей территории.

Союз племен, по-видимому, сыграл известную положительную роль в дальнейшем развитии общества и, очевидно, довольно успешно преградил сарматам путь на Среднюю Каму.

Во всяком случае, количество сарматских захоронений на Средней Каме значительно меньше, чем в районе г. Уфы и по течению р. Белой. Сложение союза племен сыграло положительную роль в развитии производительных сил. Под защитой этой политической организации, прекратившей столкновения местных племен, оставляются городища, отдельные роды расселяются по селищам, осваивая лесные угодья. В этот союз племен входили не только пьяноборские племена, но и соседние племена городецкой культуры, жившие по правому берегу Волги. Взаимная инфильтрация этих племен, наблюдаемая с первых веков, служит косвенным доказательством существования союза племен. Племена городецкой культуры, являющиеся предками современной мордвы и известной нам по летописи муромы, занимали огромную территорию от Чебоксарского течения Волги до северной части современной Саратовской обл. и от нынешней Куйбышевской обл. на востоке до Цны на западе. В эту же группу племен входило население среднего и нижнего течения р. Оки.

К началу нашей эры производительные силы племен городецкой культуры достигли значительного развития, что выразилось прежде всего в оседлом скотоводстве. Зародившееся раньше мотыжное земледелие благодаря широкому распространению железных орудий перешло к подсечной системе. Все это оказало сильное влияние на культуру и быт местного населения. Большое значение имела охота, в частности, пушная. Уже тогда ценные меха отсюда шли на далекий юг. Население жило в укрепленных поселках, в полуземлянках прямоугольной формы с очагом в центре.

Большую ценность представляет материал могильников, древнейшие из них восходят к первым векам. Такие могильники, как Кошибеевский, расположенный при слиянии Мокши и Цны, и Армиевский в Саратовской обл., дали богатый материал, свидетельствующий о высокой производственной культуре местных металлургов. В могилах находят различные украшения, выполненные при помощи литья и чеканки, оружие различных типов, отвечающее уровню военной техники того времени. Могильники содержат разные по богатству вещей погребения, что отражает социальные отношения в обществе племен городецкой культуры. Встречаются могилы с большим набором вещей, среди которых можно встретить привозные, в частности, бусы. Богатые могилы, особенно мужские, часто делались большими и более глубокими. Эта черта погребального обряда как бы подчеркивала особое социальное положение умершего в обществе. Наряду с этим нередки погребения, лишенные каких бы то ни было вещей. Экономическое неравенство, начиная с первых веков, выступает совершенно отчетливо и свидетельствует о распаде родовых отношений, формировании знати и процессе классообразования.

Знакомясь с материалом могильников правобережья Волги первых веков нашей эры, нетрудно проследить в культуре населения края воздей-

ствие скифских и сарматских племен степной полосы Украины, которые наложили отпечаток на всю культуру мордовских племен. Некоторые скифские и сарматские мотивы так органически вошли в прикладное искусство древней мордвы, что стали считаться специфически мордовскими. В этом отношении весьма показателен Старший Армиевский могильник, исследованный проф. П. С. Рыковым. Среди найденных там вещей встречаются пряжки, застежки и нагрудные бляхи в виде дисков с характерным крестообразным узором. Весьма показательны зеркала в виде подвесок III—IV вв. н. э. из Моршанского музея и костяные гребни, украшенные головками коней, типичные для сарматской культуры. Такие вещи нередки и на Средней Оке.

Реконструкция женского костюма удмуртов первых веков (по В. Ф. Генингу)

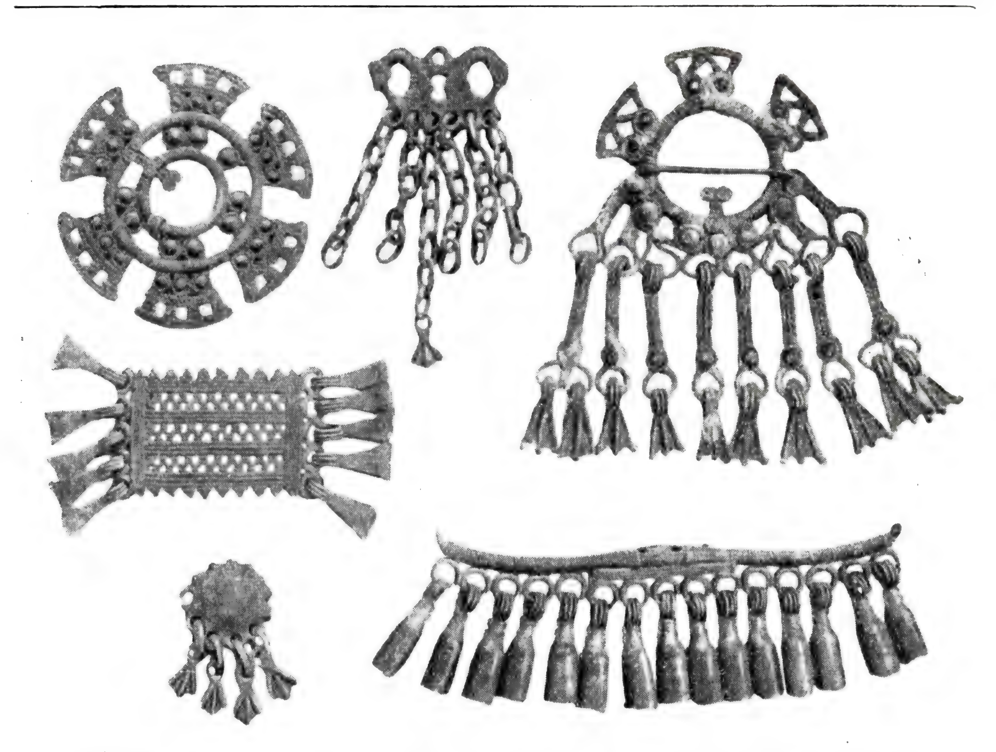
Территория городецких племен, судя по археологическому материалу, была заселена родственными, но различными племенами. В настоящее время достаточно твердо установлено несколько племен. Одно намечается по среднему течению р. Оки, где в могильниках встречаются своеобразные женские украшения, в деталях и отдельных типах вещей отличающиеся от украшений, характерных для других районов. Здесь несколько отличны и бытовые вещи. Второй район намечается по саратовскому течению р. Волги, давший свой комплекс бытовых вещей и украшений. Характерно, что эти два района отличаются и по обряду погребения. По-видимому, своеобразен и район Ульяновска, изученный еще крайне недостаточно. Особым районом является Чувашская АССР, район по течению р. Волги и прилегающие территории к северу, начиная от впадения Мокши в Оку. Здесь встречаются могильники с особой ориентировкой погребенных и со специфическим типом украшений. И, наконец, последними являются районы нижнего течения Оки, где обычны поселения с характерным набором вещей, свидетельствующим о своеобразии быта, и с особым типом могильника, примером которого может служить Корниловский, Малышевский и Подболтьевский. Эта последняя группа большинством археологов приписывается муроме, известной нам по русской летописи. Таким образом, отмеченная выше территория была заселена многими племенами. Некоторые считаются еще неизвестными, другие приписываются историческим народам. Так, районы Саратовской обл., Ульяновской обл., как и значительная часть Мордовской АССР, были заселены различными мордовскими племенами. В настоящее время большинство археологов относит могилы с южной ориентировкой к мордве

мокше, а с северной — к эрзе. Племена правобережья Волги, по-видимому, в своей северной части входили в состав союза племен вместе с пьяноборскими племенами.

По-видимому, в результате этого тесного контакта отдельные группы людей из числа племен городецкой культуры появились на левобережье Волги в местах, заселенных пьяноборскими племенами. Около V—VI вв. городецкие племена расселились на всей полосе левобережья, начиная от Ветлуги и кончая современной Куйбышевской обл. Район Чувашского течения Волги и прилегающая территория оказались заселенными пьяноборскими племенами, которые оказали огромное воздействие на культуру местного населения. Многие типично пьяноборские типы вещей широко распространились в быту городецких племен и вошли прочно в костюм местных женщин. Это движение пьяноборцев захватило нижнее течение Оки и более западные районы Верхней Волги. Большое количество вещей пьяноборского типа известно в материале Кошибеевского могильника, что дало основание в свое время считать этот могильник пьяноборским. Сюда же надо отнести и Селиксенский могильник, открытый за последние годы [1]. Создание могущественного союза племен содействовало большему развитию производительных сил общества. Появилась возможность забросить городища и осваивать лесные пространства. Так, сначала перешли к подсечной системе земледелия, а затем около VI в. и к плужному земледелию. Появилось большое число открытых селищ. С этого времени, как отмечено выше, городецкие племена расселились по черноземным пространствам левого берега. Ряд селищ датируется временем около V—VI вв. В Нижнем Прикамье, как показали последние исследования, городецкие племена доходили до р. Вятки, а отдельные представители заходили еще далее на восток. Эти пришельцы сосуществовали довольно мирно с пьяноборскими племенами. В некоторых местах аборигены уходили на восток. Первая половина I тысячелетия характеризуется еще одним движением племен — проникновением отдельных славянских групп с запада, наиболее отчетливо прослеживаемым по течению р. Оки.

Славянские поселенцы появились и южней, по р. Цне. Отдельные славянские вещи с эмалями и редкие трупосожжения, напоминающие погребения культуры полей погребальных урн, позволяют говорить об этом. Спор в археологии об этнической принадлежности этой культуры еще не окончен. Одни приписывают эту культуру славянам, другие — готам, третьи — кельтам, не допуская мысли о смешанном ее характере. По всей вероятности, последнее положение является единственно верным. Уже наличие различных погребальных обрядов в этих могильниках заставляет предполагать многоплеменной ее характер. Трупоположение вытянутое и скорченное, наличие в ряде могил деформированных черепов и, наконец, кремация неизбежны только при разноплеменном характере носителей этой культуры. Генетическая связь культуры полей погребальных урн с лужицкой заставляет считать здесь основным компонентом древнеславян-

[1] Открыт и исследован Р. Полесских.



Бронзовые шумящие подвески V—VI вв. древних племен мордвы, муромы и перми из могильников Рязанской, Владимирской и Пермской обл.

ский. В первые века на значительном пространстве Европы складывалась территориальная община, происходило смешение различных племен, в первую очередь родственных. В эту эпоху представители южных племен появились в районах Поволжья, заселенных финно-угорскими племенами.

Третья группа финно-угорских племен заселяла пространства Волго-Окского междуречья и верховья Волги. Эта культура называется по имени первого исследованного городища близ Москвы, у с. Дьяково,— дьяковской. Городища этой культуры характеризуют быт племен, стоявших приблизительно на уровне городецких. Городища этой культуры, как и городецкие, не велики, имеют небольшие валы, защищающие их с напольной стороны, и занимают мысы берегов рек. Наиболее ранние датируются VI—IV вв. до н. э., а наиболее поздние — VI в. н. э. На небольшой площадке городищ расположены землянки для одних районов и наземные постройки для других. Могильников этой культуры еще не обнаружено, что затрудняет установление этнической принадлежности этой культуры. Однако находка украшений финно-угорского типа на площадках городищ не оставляет сомнения в этнической принадлежности дьяковской культуры.

Несмотря на общий характер этих памятников на всей территории, уже сейчас можно говорить о локальных особенностях, которые пока еще только намечаются. Так, на городищах в западной части, в бассейне Угры, встречаются землянки [1]. Некоторые особенности можно заметить в памят-

[1] *В. А. Городцов.* Болотное Огубское городище. «Тр. ГИМ», вып. 1, стр. 107—124.

никах Костромской обл., где примешиваются общие черты с городищами ананьинской культуры, и, в то же время некоторые отличия в культуре городищ от других районов замечаются на Верхней Волге [1]. Население этих районов занималось скотоводством. В составе стада были лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки, которые, по-видимому, использовались главным бразом для целей охраны и охоты. Значительную роль играло земледелие мотыжного характера, а с середины I тысячелетия подсечное. Большое значение имела пушная охота. Встречены кости медведя, волка, бобра, лисицы, куницы, белки. Для охоты на последних пользовались костяными наконечниками с тупым концом. Занималось население и охотой на мясного зверя: лосей, оленей и косуль. Не малое значение в хозяйстве имело рыболовство. На многих городищах находят кости не только мелких, но и крупных рыб.

Подобно своим соседям, дьяковские племена прекрасно были знакомы с металлургией бронзы и железа. На городищах часты находки железных шлаков, тиглей для плавки металла, льячек и литейных формочек. Находимые изделия свидетельствуют о знакомстве со всеми приемами обработки металла. Украшения приготовлялись при помощи литья, чеканки; железные вещи кузнечным способом.

Племена дьяковской культуры, подобно соседям, находились в тесных культурных взаимосвязях с южными, западными и восточными районами. Связи с южными племенами, начавшиеся еще в эпоху раннего железа, в I тысячелетие до н. э. продолжались. Находка на большом числе городищ стеклянных золоченых бус, аналогичных находимым в городах Причерноморья, заставляет предполагать, что их привозили из Ольвии, Херсонеса или Пантикапея, где они обычны в I—III вв., с юга или запада шли красные бусы. Из Приднепровья могли привозиться эмалевые бронзовые вещи, напоминающие украшения Пастерского городища. Подобные находки были сделаны в бассейне р. Угры на Мощинском городище. И, наконец, западными являются подковообразные застежки, украшенные эмалями, свидетельствующие о связях с Прибалтикой.

На всех городищах Верхней Волги и костромского течения ее в значительном числе встречаются вещи пьяноборского типа. Это небольшие бляшки и крупные застежки в виде круга, обрамленного шариками и украшенного веревочным орнаментом. На этих же городищах нередко можно встретить и обломки посуды от чаш с круглым дном, со стенками, украшенными веревочным орнаментом. Это посуда, типичная для ананьинской и последующей пьяноборской культуры. Наличие пьяноборских украшений и керамики позволяет сделать заключение не только о существовании культурных связей местного населения с Прикамьем, но и о приходе населения из Западного Приуралья на Верхнюю Волгу. Этот факт замечателен и может быть связан с проникновением на Волгу угорского элемента [2]. Правда,

[1] *П. Н. Третьяков.* К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941.

[2] *Е. И. Горюнова.* Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 3 и сл.

это пока только предположение, еще не достаточно хорошо обоснованное материалом, и нельзя считать, что угорская принадлежность этих племен доказана.

Помимо продвижения племен с востока, на территорию дьяковской культуры проникли и племена с юго-запада и запада. Это были в основе славянские племена культуры полей погребения. Памятником их проникновения является городище близ дер. Березняки, около Рыбинска, исследованное в 1934—1935 гг. [1] Это городище находится на правобережье Волги и занимает удлиненный выступ берега. Поселок в древности был окружен массивной деревянной стеной, а с напольной стороны еще дополнительно валом и рвом. В центре находился большой деревянный дом, являвшийся, по-видимому, общественным зданием. Вокруг находились шесть домов размером 15—20 кв. м, внутри которых находились очаги. Дома делились на две половины — мужскую и женскую. На женской половине готовили пищу. Там были найдены ножи и глиняная посуда. На мужской половине обнаружены топоры, рыболовные крючки. Там же на городище были открыты хозяйственные постройки и различные хранилища. Внутри был найден жернов и остатки зерна. Была открыта кузница под навесом с большим числом железных криц, полученных сыродутным способом.

Наиболее интересными оказались остатки погребального сооружения — домик мертвых. В нем хранился прах людей, сожженных где-то на стороне. Там же складывали вещи покойников: топоры, ножи, оружие и украшения. Этот домик напоминает домики мертвых, открытые на Пастерском городище, принадлежавшем, по-видимому, древним славянам. Как выяснено раскопками, поселок погиб во время пожара около V в.

П. Н. Третьяков, производивший раскопки этого городища, справедливо приписывает открытое погребальное сооружение одному из восточнославянских племен. Рассматривая материал, в то же время нельзя не заметить, что основные вещи, характеризующие быт населения городища, финно-угорские. Таковы украшения, обломки посуды, некоторые орудия труда. Однако встречены вещи, чуждые для местных племен. Среди них плоские жаловидные стрелы южного происхождения, вещи с эмалями, бусы глазчатые и фибула арбалетовидная и немногочисленные обломки лощеной красного цвета посуды в виде небольших горшочков. Среди этих вещей последняя керамика является обычной для погребальных сооружений культуры полей погребальных урн. Этот материал, связанный с Поднепровьем, свидетельствует о приходе сюда некоторой группы славянских колонистов, поселившихся в местной финно-угорской среде. Это местное население справедливо считается большинством исследователей предками летописной мери. Пришельцы были первой славянской волной, первоначально немногочисленной, поселившейся на Верхней Волге. Эти же племена проникли и на Среднюю Оку, где в могильниках можно нередко встретить отдельные трупосожжения, а на городищах — вещи, аналогичные

[1] *П. Н. Третьяков.* К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М.— Л., 1941, стр. 113.

материалу Березняков, и в первую очередь лощеную керамику. В верхних слоях Троице-Пеленицкого городища обнаружена керамика, аналогичная посуде культуры полей погребений. По среднему течению Оки на площади Борковского могильника обнаружена группа древнеславянских вещей. В их число входят крестообразная фибула (застежка), две ажурные антропоморфные фибулы, аналогичные застежкам VI—VII вв., находимым на Среднем Днепре, того типа, который хорошо известен по Пастерскому городищу. Весь этот древнеславянский материал приобретает особое значение при сопоставлении с трупосожжениями, находимыми в этих могильниках. Эти сожжения делятся на две части: в одних встречаются привозные вещи, в других же встречаются исключительно вещи местного производства. Первая группа интересна соединением двух черт, необычных для местных племен — чуждого обряда захоронения — сожжения и привозных вещей, имеющих аналогии в Приднепровье. Эти погребения дают, таким образом, возможность утверждать наличие пришлых этнически чуждых людей, по всей вероятности, древних славян. Время появления этих пришельцев IV—VI вв. Позднее число пришельцев увеличилось. Что же определило появление славян в этой северной области?

По-видимому, уход славян с юга из области Среднего Днепра был обусловлен гуннским нашествием и следующими волнами кочевников, которые разоряли Приднепровье и всю полосу лесостепи. Распад родовых отношений у всех финно-угорских племен облегчил включение иноземцев в число членов общины, которая из родовой постепенно превратилась в соседскую. Судя по числу сожжений, нужно думать, что к VII в. число пришельцев достигло 10%. Этот относительно большой процент показывает, что были соответствующие условия, позволившие славянам поселиться в среде волго-окских племен. Проникновение славян совершалось постепенно и мирным путем. Новые пришельцы не только оказали влияние на аборигенов края, но и сами подпали под их влияние. Ряд чисто местных украшений в могилах с трупосожжениями доказывает это. Интересен с этой точки зрения этнографический материал XIX в.: костюм русской женщины Рязанского края имеет много общих черт с одеждой мещеры или мордвы.

Первая волная поселенцев из русских областей подготовила почву к окончательному освоению края. Древние вятичи и племена Приднепровья были первыми русскими насельниками края. В более позднее время количество пришельцев увеличилось, новое население сумело в иной этнографической обстановке сохранить свои племенные черты и окончательно славянизировать край. Ту же картину видим мы и по нижнему течению Оки в землях муромы, где раскопаны такие могильники, как Подболотьевский и Муромский. Археологи установили, что в наиболее ранних погребениях VI в. количество трупосожжений не превышает 16%, а в более поздних, датируемых IX—X вв.,— 72%. Это указывает, на то, что к X в. край в основном был славянским. В более поздних могильниках количество сожжений резко падает, что в полной мере отвечает изменению обряда погребе-

ния и на Руси, где сожжения господствуют только до X в., сменяясь позднее вытянутым трупоположением.

Весь и племена, заселявшие северную часть Восточной Европы, Карелию, бассейн Северной Двины, изучены крайне плохо. Совершенно не открыто могильников этого времени, и нам неизвестны этнографические особенности этих племен. Стоянки несколько более раннего времени I тысячелетия сохраняют архаический облик, на них находят каменные орудия, стрелы, каменные ножи и скребки. Занятием населения оставались охота и рыбная ловля. Несколько приподнимает завесу над древней историей края народный эпос «Калевала». В его древнейшей части можно найти некоторые данные для истории первых веков. Анализ «Калевалы» позволяет предполагать, что в I тысячелетии финно-угорские племена были знакомы и с земледелием и со скотоводством. Охота и рыболовство постепенно отходили на второй план. Что же касается общественных отношений, то из текста «Калевалы» можно сделать вывод о распаде родовых отношений в это время. Здесь господствовали патриархальные отношения при сохранившихся пережитках матриархата, сказавшихся в главенстве женщины в доме. Повсюду в качестве руководительницы дома выступают женщины. По-видимому, в это время продолжал существовать медвежий праздник, на что указывает текст некоторых песен. Интересны страницы, посвященные описанию быта земледельцев, одновременно занимающихся охотой и рыболовством. Отдельные песни посвящены кузнецу Ильмаринену, выплавляющему железо из болотной руды. На характер общественных отношений указывает описание героев, одетых в кольчуги и шлемы, вооружение которых составляли мечи. Сопоставление этих текстов с известным археологическим материалом позволяет предполагать, что условно эти песни относятся к середине I тысячелетия.

10

ГУННЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В 70-х годах IV в. в Восточную Европу вторглись огромные полчища кочевых азиатских племен, вошедших в историю под общим наименованием гуннов. Началась упорная, почти вековая борьба народов Европы против жестоких завоевателей, целью которых было ограбление и порабощение оседлых земледельческих племен, захват их территории и взимание дани.

Само название «гунн» не было новым для Восточной Европы. Отдельные упоминания гуннов встречаются у античных писателей уже в первые века нашей эры. В середине II в. автор стихотворного «Описания населенной земли» Дионисий упоминает гуннов на берегах Каспийского моря между скифами и каспийцами [1]. Во второй половине этого же века пребывание племен с этим названием в Северном Причерноморье засвидетель-

[1] *Дионисий*. См. *В. В. Латышев*. Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 1, стр. 240.

ствовано знаменитым александрийским географом Птолемеем [1]. В сочинениях армянских историков содержатся отдельные, очень смутные и отрывочные сведения о борьбе народов Кавказа с гуннами в III — начале IV в.

Объяснить эти древнейшие свидетельства, предшествовавшие нашествию конца IV в., можно лишь в свете основных событий тысячелетней истории гуннов, начало которой было положено далеко на востоке, у северных границ Китая. Там еще в III в. до н. э. образовался большой союз кочевых скотоводческих племен, совершавших грабительские набеги на Китай. В китайской исторической литературе племена эти выступают под общим наименованием «хунну» (гунны). Для защиты от них при императоре Ши-хуанди было начато строительство Великой Китайской стены [2]. В эпоху своего наивысшего подъема (II—I вв. до н. э.) гунны захватывают огромную территорию и господствуют над многочисленными племенами Центральной Азии. Племена эти частично входят в гуннский племенной союз, состав которого делается все более пестрым. Однако вскоре победы китайских войск и восстания покоренных племен положили конец гуннскому господству в Центральной Азии. В 48 г. до н. э. гуннское объединение распалось, часть их во главе с шаньюем Чжи-Чжи была оттеснена на запад, в Среднюю Азию. В 36 г. до н. э. на р. Талас гунны были настигнуты китайскими войсками. В завязавшемся сражении предводитель гуннов Чжи-Чжи был убит, а сами они отброшены еще дальше на запад. Вторичный, еще более значительный распад гуннского объединения, произошел в первой половине I в. Часть гуннских племен (южные гунны) была подчинена Китаю. Другая часть (северные гунны) была оттеснена за северные границы Небесной империи. В 93 г., претерпев катастрофический разгром со стороны китайцев и племен Сянь-би, значительные массы «северных гуннов» бежали на запад, в Среднюю Азию, по пути, проложенному за полтора века до этого гуннами Чжи-Чжи. В последующие века значительная часть северных гуннов продолжала кочевать в Средней Азии, но отдельные группы их стали проникать в Северный Прикаспий, на Нижнюю Волгу, к границам Восточной Европы. С этим проникновением и следует связывать первые упоминания гуннов европейскими авторами. Большое значение имеет здесь археологический материал, полученный в результате исследований советских ученых. Он освещает как путь гуннов на запад, так и время первого появления их на границах Восточной Европы. Археологические памятники, связанные с движением гуннов, открыты на территории МНР (знаменитый могильник Ноин-Ула), а также в ряде пунктов на территории Советского Союза. Таковы гуннские городища в районе Улан-Удэ и некоторые могильники Средней Азии. Огромное значение имеет открытие своеобразных могильников на Нижней Волге [3]. Они

---

[1] *Птолемей.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 2, стр. 238.

[2] «Очерки истории СССР». Первобытно-общинный строй, стр. 276.

[3] *И. В. Синицын.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XVII, 1947, стр. 12 и сл.

резко отличны от характерных для этого района сармато-аланских погребений и очень близки к кладбищам Средней Азии. Значит, здесь появились пришлые с востока племена, если не сами гунны, то примкнувшие к ним племена Средней Азии. А в представлении европейцев все они были гуннами. Сходство памятников проявляется и в особенностях погребального обряда, и в инвентаре, в состав которого входят типичные сложные луки с костяными накладками и другие изделия, происходящие от среднеазиатских и сибирских форм. Эти погребения датируются II—IV вв., они совпадают по времени с первыми упоминаниями о гуннах в европейских письменных источниках и доказывают их достоверность. Но события конца IV в. резко отличны от действий гуннов на западе в более раннее время. До этого на границы Восточной Европы проникали лишь разрозненные, небольшие группы гуннов, которые не могли продвинуться дальше Прикаспия и Нижнего Поволжья. В 70-х годах IV в. в Европу хлынула масса кочевых племен, объединенных в один большой племенной союз. «...Невиданный дотоле род людей,— пишет Аммиан Марцеллин,— поднявшийся как снег, из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что попадается навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор» [1].

Основные причины, вызвавшие это нашествие, следует искать внутри самого гуннского общества. Грабительские войны, которые гуннские орды в течение нескольких веков вели против Китая и народов Центральной и Средней Азии, привели к значительному обогащению гуннской верхушки, к резкому социальному расслоению. Экономика гуннов стала полностью паразитической. Собственные производительные силы их были крайне ограничены (экстенсивное кочевое скотоводство) и слабо развиты. «Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать... Давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства» [2]. Кочевники гунны могли существовать лишь за счет ограбления оседлых земледельческих народов. «Богатства соседей,— пишет Ф. Энгельс,— возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [3].

Следует учитывать и внешние причины, обусловившие гуннское

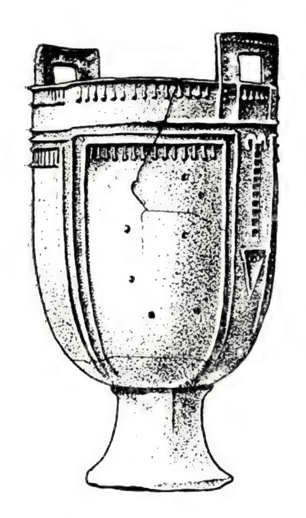
---

[1] *Аммиан Марцеллин.* Истории. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 3, стр. 306.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, 1933, стр. 278.

[3] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. стр. 296.

нашествие. В конце III — начале IV в. гунны потерпели ряд катастрофических поражений со стороны племен Тоба. Они были в основном вытеснены из Семиречья и, присоединив к себе ряд среднеазиатских племен, начали откатываться на запад. Они двинулись в уже известные им области, по пути, намеченному отдельными группами гуннов еще в предшествующие века.



Бронзовый котел IV—V вв. из с. Осоки Ульяновской обл.

Немаловажным условием нашествия гуннов было и положение на западе. Политический кризис Римской империи, связанный с общим кризисом рабовладельческого общества, особенно обострился в IV в. Военное могущество Рима полностью отошло в прошлое. Гуннам, как и прочим врагам Рима, «противостоял,— говоря словами Ф. Энгельса,— лишь жалкий остаток, смутная традиция древней римской тактики...» [1] Племенные союзы Восточной Европы, разрозненные и ослабленные внутренними и внешними противоречиями, не могли тогда объединить свои усилия и противостоять внезапному нашествию гуннов.

В таких условиях большая кочевая орда появилась на границе Восточной Европы и вторглась в ее пределы. Состав орды был далеко не однороден. Уже на Дальнем Востоке она объединила многочисленные, различные по своему происхождению, племена. Ядро ее составляли древнейшие монгольские и тюркские племена; число последних особенно возросло за несколько веков движения гуннов по просторам Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии. В Приуралье и Прикаспии к ним присоединились некоторые финно-угорские и аланские племена. Таким образом, имя гуннов превратилось в общее наименование крупного объединения этнически разнородных кочевых племен, основу которого составляли азиатские гунны.

Разгромив и частично присоединив к себе племена Северного Прикаспия, известные тогда под именем су-те, гунны форсировали Волгу в ее низовье и около 70-х годов IV в. появились в областях Предкавказья и Северного Кавказа. Можно наметить два пути дальнейшего движения их на запад. Одна группа гуннов, опустошив области в низовьях Дона и перейдя Дон, двинулась в Северное Приазовье. Вторая группа спустилась по западному берегу Каспийского моря до Терека, далее по Кубани продвинулась к Таманскому полуострову, форсировала Керченский пролив и проникла в Крым. Вторжение гуннов встретило упорное сопротивление племен Юго-Восточной Европы и сопровождалось страшными зверствами и разрушениями, засвидетельствованными как сообщениями современников, так и данными археологии.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XI, ч. II, 1934, стр. 387.

По словам Аммиана Марцеллина, гунны, «этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов...» [1]

Воинственные аланские племена оказали гуннам упорное сопротивление. Но внезапность нападения и огромное численное превосходство привели к победе последних. По словам Иордана, гунны «подчинили себе алан, обессилив частыми стычками» [2]. Аммиан Марцеллин подчеркивает, что, вторгнувшись в земли Танаитов, гунны произвели страшное опустошение, а уцелевших присоединили к себе [3]. Движение гуннов было озарено огнем бесчисленных пожаров, на пути их оставались истребленные племена, ограбленные и сожженные поселения. Значительная часть оседлых или полукочевых аланских поселений Придонья и северокавказских степей была сметена; население же их, избежавшее истребления, переселилось за Терек, на земли и до этого занятые аланами, а частично, возможно, вновь захваченные. Именно здесь, на территории современной Осетии и Грозненской обл., продолжалось развитие аланских племен и их культуры [4].

В степи и лесостепи Приазовья сохранились лишь отдельные рассеянные сармато-аланские племена. Они испытывали известное влияние со стороны азиатских кочевников и частично смешались с ними, но сохраняли все же в течение веков культурную общность с северокавказскими аланами [5].

Другая часть алан была присоединена к гуннам и участвовала в их дальнейших походах.

Разгромив многие поселения по Нижней Кубани и ограбив города Таманского полуострова, южная группа гуннов подошла к Керченскому проливу и зимой по льду перешла его. Форсирование морского пролива большой конной ордой поразило древних писателей. Они терялись в догадках и предлагали различные полуфантастические объяснения этого факта. Так, возникла версия о лани, указавшей гуннам путь через пролив, связанная с древним античным мифом об Ио [6].

Переживавшие упадок, но все еще богатые города Боспора были не в состоянии противостоять натиску гуннов и подверглись опустошительному разгрому. Археологические исследования позволили восстановить яркую картину этих событий. Пантикапей еще в середине IV в. был большим городом, к концу же века его территория сократилась до размеров небольшого поселка у восточного склона Митридата. Жизнь остальных районов

---

[1] *Аммиан Марцеллин.* Истории, стр. 303.

[2] *Иордан.* Гетики.

[3] *Аммиан Марцеллин,* стр. 303.

[4] См. гл. VI данного тома.

[5] *М. И. Артамонов.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130—167; *Н. Я. Мерперт.* О генезисе Салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

[6] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 479 и 553 *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. ИГАИМК, т. I, 1922, стр. 297.

города, в том числе центра его, прекратилась. На развалинах в ряде мест возникли кладбища. Такая же картина наблюдается и при раскопках других боспорских городов. В Тиритаке слой IV в. перекрыт остатками большого пожарища, свидетельствующего о постигшей город катастрофе [1]. Среди развалин одного из сгоревших домов найден клад, состоящий из монет предгуннского времени и мелких драгоценностей. Очевидно, взятие и разгром города произошли с такой быстротой, что жители оставили на месте все свое имущество, да и мало кому из них удалось спастись от зверств гуннов. К концу IV в. относятся следы пожаров и разрушений, открытые при раскопках Фанагории, которая также не избежала страшного удара со стороны гуннов.

Последствия гуннского нашествия для Боспора, да и для всех античных городов Северного Причерноморья, были гибельными. Большая часть их так и не возродилась после этого. Исключение составляют лишь Херсонес и немногие города Боспора, в которых жизнь возобновилась через несколько десятилетий. Но былое свое значение крупных рабовладельческих центров они потеряли навсегда. Исследования укрепленных рабовладельческих поселений, расположенных по берегам Нижнего Днепра, Ингульца, Буга и Днестровского лимана, показывают, что и их жизнь была прервана катастрофой в это же время.

Эту ликвидацию рабовладельческих поселений в Северном Причерноморье нельзя объяснять только гуннским вторжением. Она объясняется прежде всего общим кризисом рабовладельческого общества, который не мог не коснуться и городов Причерноморья. Социально-экономические условия здесь изменились настолько, что сделали невозможным дальнейшее сохранение старых рабовладельческих отношений. С разрушением экономических связей с Средиземноморьем восстановление изжившего себя рабовладельческого способа производства в Причерноморье стало невозможно, хотя рабство как правовой институт еще и оставалось. Но, с другой стороны, разрушение античных городов в значительной мере пресекло связи восточноевропейских племен с государствами Средиземноморья, общение с которыми имело большое прогрессивное значение для социально-экономического и культурного развития этих племен.

В Крыму и к северу от него гунны столкнулись с большим союзом причерноморских земледельческих племен, значительную роль в котором сыграли остроготы. В историю этот союз вошел под названием «царства Германариха». Аммиан Марцеллин пишет, что, присоединив к себе часть алан, гунны при их содействии «с большею уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Эрменриха» [2] (Германариха). Вновь гунны встретили ожесточенное и упорное сопротивление. «Пораженный силой внезапно надвинувшейся бури, он (Германарих) долго пытался удержаться твердо и прочно» [3]. Но социальные про-

[1] *В. Ф. Гайдукевич.* Указ. соч., стр. 482.

[2] *Аммиан Марцеллин.* Истории, стр. 305.

[3] Там же.

тиворечия внутри племенного союза и вражда между отдельными племенами значительно ослабляли союз. Иордан сообщает, в частности, об отпадении племен россомонов [1]. «...Вероломному же племени Росомонов,— пишет он,— которое в те времена служило ему (Германариху) в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему». Эти обстоятельства предопределили исход борьбы: остроготский союз был разгромлен, а Германарих покончил жизнь самоубийством. Часть остроготов, подвластная сыну Германариха Ганимуду, была покорена гуннами. Остальные во главе с Витимиром (или Винитаром) отошли к западу, продолжая ожесточенно сопротивляться гуннам. К Витимиру присоединились некоторые аланские племена. Были под его началом и наемные отряды гуннов, у которых алчность, жажда грабежа приводили к антагонизму между отдельными племенами. Витимир неоднократно, но безуспешно сражался с гуннами. Наконец, на реке Эрике он был настигнут гуннским вождем Валамиром (Баламбером) и «после многих поражений потерял жизнь в битве, подавленный силой оружия» [2]. Сын Витимира Видерих, взятый под опеку остроготскими вождями Алатеем и Сафраксом (последний был, вероятно, гунном и предводительствовал одним из наемных отрядов) [3], с остатками разгромленных остроготов бежал за Днестр и пытался укрыться в пределах Римской империи.

Преследуя остроготов, гунны вышли к Днестру. Угроза нависла теперь над везиготскими племенами, объединившимися перед лицом страшной опасности вокруг своего вождя Атанариха, который создал укрепленный лагерь на берегу Днестра и, выслав вперед сильный дозор, чтобы выследить приближение врагов, стал готовиться к бою. Однако гунны сумели обойти дозор ночью, при свете луны перешли реку и внезапно всей своей массой обрушились на везиготский лагерь [4]. Понеся большие потери, Атанарих отступил к отрогам Карпат, где пытался создать оборонительную линию [5]. Но большая часть везиготов покинула Атанариха вследствие недостатка жизненных припасов в горных районах Трансильвании. Под предводительством Алавива они вышли на берег Дуная и послали к императору Валенту послов с просьбой разрешить им поселиться на территории империи [6]. Валент, встревоженный событиями на северо-востоке и нуждавшийся в военной силе, удовлетворил их просьбу. В 376 г. везиготы перешли реку и поселились в Мезии.

Гуннские орды продвинулись непосредственно к границам империи. В связи с этим интерес к ним в культурных кругах римского общества заметно возрос. Через везиготов римляне получили более или менее определенные сведения о гуннах, нашедшие оформление в блестящем, хотя и

---

[1] *Иордан.* Гетики.
[2] *Аммиан Марцеллин.* Истории, стр. 305.
[3] *E. A. Thompson.* A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, стр. 23 и сл.
[4] *Аммиан Марцеллин.* Истории, стр. 306.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 307.

не лишенном преувеличений и вымысла описании Аммиана Марцеллина.

Этот автор подчеркивает, что гунны — племя новое, о котором «мало знают древние памятники» [1]. Они поднялись из укромного угла земли и «превосходят всякую меру дикости»; обычаями, нравами и самым видом своим гунны отличны от всех известных племен. Последнее, очевидно, связано с резкой монголоидностью гуннов. «...Они стареют безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов» [2]. Как типичные кочевники, они не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота. Никаких жилых построек, «даже покрытого тростником шалаша», у них нет. «У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше [3]... Они одеваются в одежды холщевые, или сшитые из шкурок лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой...[4] Головы они прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом» [5].

Совершенно естественно то особое внимание, которое Аммиан Марцеллин, сам долгое время бывший офицером римской армии, уделяет воинским качествам гуннов. Он описывает их оружие и особенности тактики. «Иногда, угрожаемые нападением,— пишет он,— они вступают в битвы клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную очертя голову мечами рубятся и на врагов, сами уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противников, отнять

[1] *Аммиан Марцеллин.* Истории, стр. 301.
[2] Там же, стр. 302.
[3] Там же, стр. 302—303.
[4] Там же, стр. 302.
[5] Там же.

у них возможность усидеть на коне, или уйти пешком» [1]. Яркими красками изобразив гуннское общество, Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив гуннов традиционными чертами северных племен. Гунны имели, конечно, определенную материальную культуру, без которой было бы немыслимо ни самое существование их общества, ни победы над хорошо вооруженными противниками. Они заимствовали еще у китайцев стенобитную военную технику и брали укрепленные лагери и города (например, лагерь Атанариха), хотя основа их тактики — рассыпной строй легкой кавалерии — подмечена правильно.

Социальный строй гуннов в момент появления их в Европе соответствовал последнему этапу разложения родового строя, охарактеризованному Ф. Энгельсом как военная демократия. Основу социальной организации составляла большая патриархальная семья. Семьи объединялись в группы. Крайняя примитивность хозяйства и главным образом экстенсивность кочевого скотоводства создавали необходимость в обширных пастбищах для сравнительно небольших групп. Большое число таких сравнительно немногочисленных групп перегоняло свои стада с места на место в поисках пастбищ и воды. Группы эти были организованы по племенам. Каждое племя, по предположению Е. А. Томпсона, состояло из нескольких кланов и насчитывало около 5 тыс. человек [2]. В свою очередь племена объединялись в большие, хотя и непрочные, конфедерации. Такие конфедерации являлись высшей военной единицей и носили наименование «народ». Во главе конфедерации стоял военачальник. В военное время он обладал значительной властью и направлял согласованные и целеустремленные действия большой массы воинов. В мирное же время он был в значительной мере подчинен народному собранию, решавшему все важнейшие вопросы, хотя в общем власть военачальника стала уже перманентной. «Если случится рассуждать о серьезных делах,— пишет Аммиан Марцеллин,— они все сообща советуются...» [3] Частная собственность получила уже значительное развитие. Появилось рабство. «Военачальник, совет, народное собрание,— указывает Ф. Энгельс,— образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [4]. К гуннам полностью применимы эти слова.

Сама природа кочевого скотоводства, крайняя экстенсивность его, больше, чем какой-либо другой вид хозяйства, способствовали превращению войны в постоянный промысел, сделали ее необходимым условием существования общества. Собственные производительные силы гуннов были ничтожны. Хищническое опустошение пастбищ, падеж скота, полное отсутствие земледелия и регулярно развивающегося ремесла определили

---

[1] *Аммиан Марцеллин.* Истории, стр. 302.

[2] *E. A. Thompson.* Указ. соч., стр. 44.

[3] Там же, стр. 302.

[4] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 296.

крайнюю слабость собственной экономической базы. Нападения на оседлые земледельческие народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для гуннов основным источником добывания жизненных благ. Это определило характер событий, относящихся к европейскому периоду истории гуннов.

* * *

Первые 50 лет пребывания гуннов в Европе очень слабо освещены источниками. Имя их сравнительно редко упоминается в эти годы римскими, византийскими и закавказскими авторами. Буржуазными историками был предложен ряд различных объяснений этого «затишья». Одни говорили о постоянных усобицах внутри гуннского общества, о борьбе больших и малых групп, ослаблявших его и прекращенных лишь «железной рукой» Аттилы [1]. Другие считали это время периодом собирания сил и подготовки к широким наступательным операциям против обеих империй. Наконец, третьи объясняли «затишье» значительными внутренними изменениями, которым подверглось в эти годы гуннское общество. Они считали, что именно в эти 50 лет гунны якобы прошли путь от родового строя до классового общества, до установления наследственной царской власти, и лишь после завершения этого процесса, значительно усилившись, начали широкие действия против империи [2]. Ни одно из этих объяснений не может быть признано исчерпывающим и удовлетворительным. Борьба между отдельными племенами, входившими в гуннское объединение, продолжалась и в 70-е годы, однако она не помешала гуннам широким фронтом вторгнуться в Европу, разгромив алан и готов. Пятидесятилетний период накопления сил был немыслим для гуннского общества, существование которого целиком зависело от войн и ограбления оседлых земледельческих народов. Процесс разложения родового строя, конечно, протекал внутри гуннского общества и протекал достаточно активно. Но гунны не могли за 50 лет пройти путь от родового строя до образования классов,— столь резких изменений их общество не претерпело. У нас нет оснований говорить об отсутствии у гуннов сил, достаточных для нападения на империю в конце IV в., так же как нет оснований говорить о резком усилении гуннов в 20-х годах V в. Объяснение «затишья» на дунайской границе надо искать не только во внутренней жизни гуннского общества, его надо искать прежде всего в тех событиях, которые развернулись в эти годы на территории Восточной Европы. «Затишье» конца IV — начала V в. было, прежде всего, явлением чисто локальным, оно распространялось лишь на ограниченную территорию, непосредственно примыкающую к границам империи и потому известную римлянам. За пределами этой территории, в степной

---

[1] *A. Thierry.* Histoire d'Attila et de ses successeurs. Paris, 1856; *Herbert.* Attila, King of the Huns. L., 1842.

[2] *E. A. Thompson.* Указ. соч., стр. 161 и сл.; см. также рецензию Н. Я. Мерперта на книгу Томпсона. ВДИ, 1953, № 2, стр. 145.

Золотые украшения с инкрустацией V в.:
а — *б* — находки близ ст. Верхне-Курмоярская в Подонье; *в* — находка близ г. Варны в Болгарии (по И. Вернеру)

и лесостепной полосе Восточной Европы, продолжалась упорная и кровопролитная борьба. Как уже указывалось выше, сармато-аланские племена, составлявшие основное население степной полосы, были частично вовлечены в движение гуннов, частично отброшены в горные и лесостепные районы. Но в лесостепь попали лишь отдельные, сравнительно небольшие группы их: очень немногочисленные аланские погребения этого времени встречены археологами в северной части левобережной Украины. Основным населением лесостепной полосы к западу от верховьев Северского Донца были многочисленные славянские племена, которые уже во второй

половине II в. Птолемей причислял к крупнейшим племенам ('ἔθνη) Европейской Сарматии [1]. Исследования последних десятилетий позволяют дать все более и более четкую археологическую характеристику этим племенам. Одной из наиболее ярких и значительных археологических культур этой территории была так называемая черняховская культура, в числе создателей которой были и славянские племена. В конце IV в. жизнь на многочисленных поселениях черняховской культуры прекращается почти одновременно. На некоторых из них сохранились следы поспешного бегства их обитателей. Так на ряде поселений были зарыты клады, последние монеты которых относятся к концу IV в. (Лукашовка, Оргеев, Кирилены в Молдавии) [2]. Прежде всего это касается поселений, расположенных в южной части лесостепной зоны, у границы степей, вблизи большой дороги вторжений кочевников. Многочисленные поселения на правобережье Днепра и к западу от него были уничтожены пожарами. Особенно интересная и показательная картина открылась при исследовании поселения Тропишов вблизи Кракова. Здесь были найдены керамические обжигательные печи, загруженные сосудами. Процесс производства был прерван внезапным нападением и разгромом поселения. Материал поселения позволяет отнести эти события к концу IV в. [3] Такую же картину дает поселение Лепесовка на Горыни (южная Волынь). Здесь также среди следов пожарища найдены керамические печи с загрузкой, свидетельствующие о внезапном и единовременном уничтожении поселка [4].

Разгром ряда поселений черняховской культуры можно связывать с гуннским нашествием. А это позволяет предполагать, что значительные силы гуннов, двигавшихся вдоль северной границы степей, были вовлечены в борьбу с многочисленными лесостепными племенами, в том числе со славянами. Борьба эта приняла упорный и затяжной характер. Часть этих племен отошла в глубь лесостепи. Гунны пытались их преследовать. Отдельным гуннским отрядам удалось довольно глубоко вклиниться в лесостепь, где в это же время прекратило существование поселение Дедовщина у Белой Церкви. Характерно, что гибель этого поселения, как и некоторых других поселений в глубине лесостепи, относится уже не к концу IV, а к V в. Однако основным силам гуннов не удалось ворваться в глубь лесостепи. Поселения черняховской культуры не подверглись здесь сплошному уничтожению, подобно поселениям южных районов лесостепи. На некоторых из них жизнь продолжалась и в V в. Таковы поселения Ягнятин на Житомирщине, Жуковцы на Киевщине, Кантемировка на Полтавщине. А в

[1] *Птолемей.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 2, стр. 236.

[2] *E. A. Thompson.* Указ. соч., стр. 161 и сл.; см. также рецензию Н. Я. Мерперта на книгу Томпсона. ВДИ, 1953, № 2, стр. 145.

[3] *T. Reyman.* Problem ceramiki siwej... Wiadomości Archeologiczne, т. XIV, Warszawa, 1936, стр. 173—175. *T. Reyman.* Piece garncarskie fabricznej osady w Tropiszowe z okresu póznorzymskiego; Z otchłani wieków. R IX, 1934, z. 1—2, стр. 50—56.

[4] *Я. В. Яроцкий.* Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки Кременецкого уезда. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 54 и сл.

горных и лесостепных районах западных областей Украины насильственного перерыва в жизни раннеславянских поселений нет совсем. Традиции черняховской культуры получают здесь дальнейшее развитие и сохраняются в течение многих веков.

Борьба гуннов со славянами и другими племенами лесостепи, засвидетельствованная археологически, происходила на территории, далеко отстоящей от границ империй и не охваченной римско-византийской информацией. Римские и византийские авторы вряд ли могли быть осведомлены об этой борьбе, но очень смутное упоминание о ней мы находим все же у Филосторгия и Зосима [1], которые писали о борьбе гуннов со «всеми скифами». Приск же определенно сообщает, что еще в 435—439 гг. Аттила и Бледа вели упорную борьбу за подчинение народов Скифии [2]. Эта длительная борьба, в которую были втянуты большие силы гуннов, потребовала от них значительного напряжения и почти на полвека парализовала их активность на дунайской границе империи. Это и было причиной относительного затишья, царившего там с конца 70-х годов IV в. до 20-х годов V в. Покоренные племена были включены в гуннскую конфедерацию, начало которой было положено покорением алан и частично готов. Конфедерация держалась целиком на насилии. Объединение различных племен не имело ни общей экономической базы, ни общего языка, ни культурной общности. Связывала лишь ненависть к Риму. Но европейские племена очень скоро почувствовали жесточайший гнет, неизбежно связанный с непроизводительным характером экономики гуннов, и начали активную борьбу против них. Свидетельством непрочности гуннской конфедерации, отпадения от нее ряда племен, являются неоднократные требования выдачи перебежчиков, предъявляемые гуннами Риму и Византии.

Лишь временно и непрочно покорив восточноевропейские племена, выйдя из борьбы значительно обескровленными, гунны смогли активизировать свои действия на Балканах, в Центральной Европе и Малой Азии. С этими областями связаны широкие грабительские походы гуннов (история этих походов освещена в письменных источниках), предпринимавшиеся ими вплоть до краха эфемерной «державы» Аттилы в середине V в.; подробности этих событий, как и вопросы, связанные с созданием, характером и крахом самой державы выходят за рамки настоящего раздела. Но следует отметить, что и в Vв. восточноевропейские племена, в том числе славяне, продолжали упорную борьбу с гуннами и играли значительную роль в общих их судьбах. Нередко именно их действия в далеком восточном тылу гуннов срывали большие военные предприятия последних в Центральной Европе и на Балканах. Большая часть этих событий не освещена

[1] *Зосим.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 282—283; *Филосторгий.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 3, стр. 282.

[2] *Приск Панийский.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 246; «Сказания Приска Панийского». Перевод Г. С. Дестуниса. «Уч. зап. второго отделения Академии наук», кн. VII, вып. I. СПб., 1861, стр. 22.

письменными источниками: внимание авторов их было полностью приковано к действиям гуннов на границах империи. Но некоторые сообщения все же есть, и они достаточно определенны. В 435 г. гунны добились очень выгодного для себя договора с Восточно-Римской империей. Однако успех этот был сильно поколеблен: в течение пяти лет — с 435 по 439 г.— основные силы гуннов были отвлечены от границ империи новой значительной вспышкой борьбы народов Северного Причерноморья против поработителей. Положение стало настолько серьезным, что оба брата, правившие гуннами — Бледа и Аттила, «обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с соросгами» [1]. Естественно, правительство Византии не замедлило воспользоваться этим и перестало выполнять договор.

Еще более показательны события 448 г., когда был неожиданно прерван один из наиболее опустошительных гуннских походов на Балканы. Дойдя до Фермопил, гунны спешно повернули на север. Основной причиной этого события, буквально спасшего империю от окончательного опустошения, явилось большое восстание причерноморских племен. Очень смутные сведения о нем сохранились у Приска, упоминающего эти племена под общим наименованием «акациров». Приск передает относительно этого восстания официальную версию, услышанную при дворе Аттилы. Согласно этой версии, Феодосий II пытался подкупить вождей акациров и склонить их к войне против гуннов. Один из вождей — Куридах, не удовлетворенный подарками, донес об этом Аттиле и тот решительными мерами предотвратил восстание. Версия эта представляется явно тенденциозной и упрощенной. Дело здесь было отнюдь не в ошибке византийского дипломата, обошедшего Куридаха подарком, и восстали причерноморские племена не по указанию Феодосия II. Восстание акациров было одним из проявлений непрекращающейся борьбы племен Северного Причерноморья против гуннов. Для подавления его Аттила вынужден был послать многочисленное войско, встретившее ожесточенное сопротивление восставших. Серьезность положения заставила Аттилу послать в район восстания своего старшего сына Эллака и ближайшего советника Онигисия. В 448 г. Эллак был назначен правителем припонтийских племен. Эти события и заставили Аттилу прервать походы на Балканах и заключить мир с империей.

Действия восточноевропейских племен явились неразрывной частью общей борьбы европейских народов, предопределившей разгром гуннов. В ходе этой борьбы и в самом окончательном разгроме гуннов угнетенные ими племена сыграли огромную роль, обычно недооценивавшуюся историками.

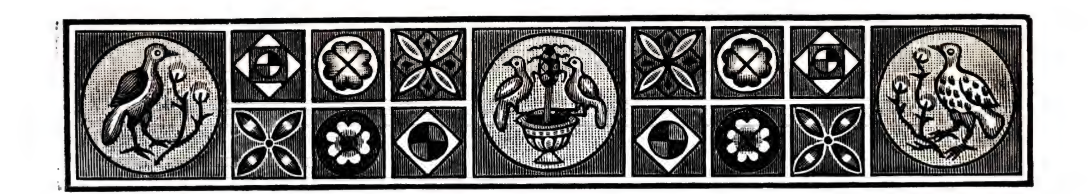
В истории народов Европы гунны были резко отрицательным явлением. Они заметно затормозили процесс социально-экономического развития европейских народов и значительно ослабили их. Роль гуннов в крушении

---

[1] *Приск Панийский.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 246.

Металлические украшения с инкрустацией и бусы из погребения IV—V вв. в урочище Кара-Агач в Казахстане

Римской империи до сих пор необоснованно переоценивалась. Вместе с тем гуннское нашествие вызвало значительные изменения в этнической карте Европы и более всего — Восточной Европы. Союзы кочевых и полукочевых племен в степях Восточной Европы были сметены гуннами. Лишь наиболее экономически развитые народы пережили гуннский разгром и, несмотря на огромный ущерб, нанесенный гуннами, продолжали развиваться. Таким народом в Восточной Европе были прежде всего славяне.



ГЛАВА ВТОРАЯ

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ В III—VII ВВ.

1

АРМЕНИЯ В ПЕРИОД КРИЗИСА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Со II в. как в Армении, так и на всем Ближнем Востоке в пределах Римской империи начинается период кризиса рабовладельческих отношений. Кризис этот был вызван непроизводительностью рабского труда и восстаниями рабов, нередко принимавшими характер вооруженных выступлений против рабовладельцев. Создавшиеся исторические условия особенно благоприятствовали тому, чтобы Армения раньше многих стран вступила на путь феодального развития. Факты показывают, что в тех эллинистических странах, народы которых изгнали греко-македонских завоевателей и основали туземные независимые государства, развитие рабовладельческого общества вело к феодализации. Так было в Армении и Иране. В ряде стран эллинистического Востока (Египте, Сирии и Малой Азии), которые сделались римскими провинциями, процесс, ведущий к новым, более прогрессивным производственным отношениям, был значительно замедлен.

Политический и денежный кризис, переживаемый Римом во II—III вв., затронул также Армению, так как прекратилась транзитная торговля. К этому прибавились внутриполитические и внешнеполитические осложнения. В Иране была уничтожена династия парфянских Аршакидов (224 г.) и к власти пришла персидская династия Сасанидов (226 г).

Новая политическая ситуация на Востоке была чревата новыми осложнениями для Армении. Сасаниды стремились уничтожить враждебных себе армянских Аршакидов, Рим же, переживавший период ослабления, наоборот, оказывал им покровительство и поддержку. После большого поражения Сасаниды были вынуждены мирным договором 298 г. снова признать независимость Великой Армении, оставшейся под «покровительством» Римской империи.

В это время сложились условия для провозглашения христианства официальной религией Великой Армении. В новой политической обстановке

в стране нашла подходящую почву проповедь христианства. Аршакиды. настроенные враждебно ко всему, что было связано с Ираном, преследовали зороастризм и насаждали христианство, которое уже в III в. превратилось в господствующую религию Армении.

Тиридат III Великий (287—332 гг.) после Низибинского мира 287 г., около 301 г., со всеми приближенными принял крещение от архиепископа Григория Просветителя (301—326 гг.), который сделался первым верховным патриархом — католикосом новооснованной армянской церкви. Церковная историческая традиция сохранила предание, что в христианство перешло все население Великой Армении, т. е. около четырех миллионов человек («400 бевров»)[1].

Провозглашением христианства государственной религией господствующий класс феодализирующейся Армении противопоставил себя персидскому государству в области идеологии. Христианство должно было укрепить авторитет царской власти объявлением царя богопомазанником. Объективно же христианство способствовало укреплению феодальной собственности и постепенно сделалось идеологией класса феодализирующихся нахараров, в руках которых стало сильным оружием классового господства, держа в повиновении трудовой народ.

Христианство явилось идеологической основой зарождающейся феодальной культуры и сыграло значительную роль в политической и культурной жизни страны.

Тиридат III ввел землевладение для священнослужителей по типу азатского землевладения. В городах, селах, агараках появились земельные наделы служителей церкви, а высшее духовенство получило все земельные богатства, движимое и недвижимое имущество разрушенных языческих храмов вместе с их служителями. Обширные «священные территории» и храмовые земли упраздненного жречества сделались наследственным достоянием иерархов церкви. Помимо этого, в течение IV в. христианская церковь продолжала получать от царей все новые земельные наделы и в конце века превратилась в крупного земельного собственника. Эта политика вела к сокращению фонда государственных земель, суживая экономическую базу для существования царской власти.

Замена рабовладельческих производственных отношений феодальными была прогрессивной, ибо это давало простор для дальнейшего развития производительных сил. Дальнейшее развитие техники сельскохозяйственного производства и техники ремесла требовало значительной квалификации работника и не могло базироваться на рабском труде. Основное пахотное орудие — соха, постепенно совершенствуясь, в эпоху феодализма заменяется тяжелым железным плугом. Однако соха и даже мотыга не выходят из употребления и в последующие века. Водяная мельница, изобретенная еще в эллинистическую эпоху, в Армении повсеместно распространяется только после VIII в. Размол зерна в муку производился на

[1] *Агафангел.* История Армении. Тифлис, 1909, стр. 435 (древнеармянский текст).

ручной мельнице с помощью рабынь, а впоследствии водяная мельница и рабочий скот постепенно вытеснили ручной труд.

В древней Армении уже существовала система парового хозяйства — двухполье, обычно сочетаясь с огородничеством, садоводством и виноградарством. В нагорных районах преобладало животноводство, в котором господствовали более отсталые формы ведения хозяйства.

Собственники огромных стад и табунов лошадей на обширных нагорных и высокогорных пастбищах вели свое хозяйство довольно отсталыми методами. Здесь рабы и закабаленные члены общины были пастухами, водоносами, дровосеками и т. д. [1]

Простая кооперация на основе принципа взаимопомощи издавна бытовала среди мелких производителей-общинников [2].

О развитии специализации труда внутри рабовладельческого имения свидетельствуют более поздние источники, такие, как армянские законодательные памятники V—VII вв., в которых указывается на наличие в большом хозяйстве пекаря, доярки, взбивающей масло, жнеца, косаря, виноградаря, пасечника и т. д. [3] Таким же образом для введения новых сельскохозяйственных культур требовалась бóльшая квалификация, чем при примитивной агротехнике рабовладельческого общества.

Постепенно развивалась и ремесленная техника в области ткачества, ковроделия, гончарства, металлургии и т. п. По-прежнему ремесла, обслуживающие потребности господствующего класса, были сконцентрированы преимущественно в городах, а также в поместьях царя, знати и духовенства.

* * *

Во II—III вв. в недрах рабовладельческого общества зарождается и укрепляется феодальная собственность на землю. В связи с этим крестьяне-общинники (шинаканы) и рабы, посаженные на землю как самостоятельно хозяйствующие семьи (ердумарды [4]), постепенно образуют новый класс — феодально зависимое крестьянство.

Для рабовладельческой Армении также была характерна восточная форма земельной собственности. Еще в IV в. царь считался верховным правителем всей территории государства Великой Армении и наследственным собственников Срединной страны («Миджнашхар»), считавшейся

[1] «История халифов Вардапета Гевонда». СПб., 1887, стр. 169 (древнеармянский текст). Русский перевод К. Патканьяна. СПб., 1862, стр. 116.

[2] *Прокопий из Кесарии.* О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 244—245.

[3] «Книга канонов». Тифлис, 1914, стр. 116 и сл. (древнеармянский текст).

[4] Ердумард — это непосредственный производитель, приближающийся к римскому колону и феодально зависимому земледельцу, ограниченно владеющий средствами производства и юридически близко стоящий по своему социальному положению к рабу. Такой посаженный на землю раб имел некоторое имущество: хижину, примитивный сельскохозяйственный инвентарь и, быть может, скот.

царской землей. Но эта обширная страна была разделена на отдельные военно-административные единицы — сатрапии, которыми управляли представители военно-рабовладельческой, военно-служилой и жреческой знати. Это был слой высшей знати — «нахараров» и «нахапетов», которые получали землю от царя во временное владение.

На оставшейся в распоряжении правящей династии царской земле продолжали существовать сельские общины, население которых называлось царскими земледельцами. Они непосредственно подчинялись государству и уплачивали ренту — налог. По своему социально-правовому положению царские земледельцы являлись мелкими арендаторами царской земли, но это не арендаторы в обычном смысле, а, выражаясь словами В. И. Ленина, это «полурабские *издольщики»* [1].

В основном в рабовладельческой Армении эксплуатировали общинников и арендаторов-издольщиков. Издольная аренда, как известно, являлась характерной особенностью стран Древнего Востока и Армения в этом отношении не составляла исключения.

Рабский труд в III—IV вв. все еще продолжал применяться как в домашнем хозяйстве, так и на государственных строительных работах. Рабов имели все слои господствующего класса — нахарары, азаты (всадники), духовенство и даже общинники (шинаканы); рабов можно было дарить, продавать, покупать, обменивать, оставлять под залог и т. д. Бежавшего раба, как правило, возвращали его господину.

Дошедшие до нас источники отмечают, что в III—IV вв. в Армении пленные обращались в ердумардов и сажались на землю, являясь, наряду с общинниками, основными производителями феодализирующейся страны.

Таким образом, среди класса рабов происходит процесс расслоения. Значительная часть их в III—IV вв. получила землю, и термин «агарак» в IV в. уже означает не только поместье, но и сельское поселение, заселенное жителями агарака, т. е. рабами, посаженными на землю. Рабы массами освобождаются и наделяются землей. В древнеармянских законодательных памятниках имеются специальные статьи об отпуске на волю рабов с ссылками на библию, где говорится об условиях отпуска рабов Израиля. Характерно, однако, что домашнее рабство сохранялось очень долго и в условиях феодального общества в качестве особого уклада. Армянские каноны V—VII вв. показывают, что обыкновенно женщина-шинакан в числе приданого приводила в дом мужа также рабынь, купленных за серебро. Это свидетельствует о том, что в период раннего феодализма рабский труд продолжал играть большую роль даже в семье общинника.

На царской и частновладельческой земле основной фигурой был наследственный арендатор. Наряду с этим широко применялся труд наемных работников, особенно в период уборки урожая. Такой сезонный работник также постепенно превращался в наследственного арендатора. Издольщики и батраки все время пополнялись за счет разлагающейся сельской общины. В дофеодальную эпоху сельская община давала возможность бес-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 13.

препятственного воспроизводства рабовладельческих отношений. Происходившая внутри общины социальная и имущественная дифференциация все больше выделяла из ее среды людей, лишенных средств производства и работающих за определенную плату в хозяйствах старшин деревень, сельских священников (с IV в.), азатов-всадников, крупных землевладельцев и, наконец, самого царя и его приближенных. Характерно, что плата обезземеленному крестьянину за труд — корм мало чем отличалась от того содержания, которое получал раб за свою работу.

Итак, изучение дошедших до нас данных показывает, что экономическое благосостояние господствующего класса древней Армении базировалось на эксплуатации рабского труда и труда издольщиков в частновладельческих хозяйствах, обозначающихся терминами «агарак» и «дастакерт». Эти рабовладельческие поместья представляли собою комплекс самостоятельных хозяйств зависимых и полузависимых людей.

Косвенные и прямые указания показывают, что воспроизводство человека как орудия труда происходило так же, как рост поголовья скота. Каждый агарак или дастакерт (если это было большое налаженное хозяйство) должен был обеспечить себя также рабочей силой: основным условием для этого являлось предоставление рабам возможности обзаводиться своими семьями, которые, таким образом, находились наследственно в рабском состоянии.

Опорой разлагающегося рабовладельческого общества являлся город. В IV в. еще продолжали существовать старые эллинистические города Тигранакерт, Арташат, Валаршапат, Ервандашат, Зарехаван, Заришат, Ван, Нахчаван и др. Помимо этих городов, до конца первой половины IV в. Хосров III Котак (332—338 гг.) основал г. Двин, а Аршак II (345—368 гг.) — Аршакаван. Они были построены по тем же принципам, что и города эллинистической эпохи и должны были служить основной опорой армянских царей и централизованной власти против центробежных устремлений нахараров и духовенства.

Сорокалетний Низибинский мир 298 г. на короткое время восстановил политическое равновесие и мир на Ближнем Востоке, что способствовало новому оживлению международной караванной торговли. Города Армении вновь оживают и вовлекаются в международный товарообмен.

Армения считалась страной нейтральной и в ней снова расширилась внешняя и внутренняя торговля. Взимаемая с товаров транзитной торговли пошлина обогащала государственную казну и укрепляла позиции центральной власти.

Через Арташат в сферу международной торговли втягивались также и остальные города Армении и стимулировали новое оживление ремесел и торговли, способствуя денежному обращению. Наступил период временной стабилизации рабовладельческой экономики, который, однако, предшествовал ее окончательному падению и торжеству феодальных отношений. В IV в. армянские города продолжали сохранять свое внутреннее самоуправление и обширные территории.

В IV—V вв. окрестная территория, принадлежавшая городской общине Валаршапата, называлась Калаку-дашт, окрестная же территория г. Нахчаван носила то же название Нахчаван, городская территория Вана составляла отдельный округ и продолжала называться Тосп (армянская форма урартского названия Вана — Тушпа).

Новые исследования показывают, что города Армении дофеодального периода представляли собою самоуправляющиеся городские общины и сохраняли еще важнейшие черты городского устройства эллинистического времени [1].

Как правило, они были независимы от местных правителей и являлись полуавтономными городскими общинами, связанными непосредственно с царем, поэтому и назывались царскими городами [2]. Во главе каждого города стоял «шахап» — царский чиновник-эконом, который направлял общую политику города, собирал и сдавал в царскую казну налоги и пошлины с торговли и ремесла. Ему было подведомственно торговое и ремесленное население, жившее в городе отдельными корпорациями. Каждая такая корпорация представляла собою замкнутую религиозную общину, которая руководствовалась собственной юрисдикцией, местным правом и местными обычаями.

Эти общины состояли из торговцев и ремесленников: армян, евреев или же сирийцев. Вообще город той эпохи имел смешанный этнический состав.

Население городов — торговцы, свободные ремесленники, даже городская беднота — рамики подчинялись законам органов управления городской общины, к которой и обращался армянский царь с особыми царскими посланиями. Таким посланием считается греческая надпись на городской стене Тигранакерта (совр. Фаркин), которая, по-видимому, относится к концу III в., ко времени царствования Тиридата III (287—332 гг.) до принятия им христианства [3].

Интенсивное градостроительство III—IV вв. тесно связано с расцветом торговли и товарно-денежных отношений. Города, являясь центрами рабовладельческой эксплуатации, были опорой царской власти. Они, в первую очередь, были заинтересованы в сохранении централизованного рабовладельческого государства. В новооснованные города армянские цари переселяли людей из других городов и прочих местностей на правах горожан с соответствующими привилегиями согласно статуту горожан.

В рассматриваемое время в обмен с городом втягиваются и его пригороды, причем и сами города древней Армении являлись крупными потребляющими центрами. Создавая внутренний рынок, они стимулировали раз-

---

[1] *Г. Х. Саркисян.* Город древней Армении (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1954, стр. 14—15.

[2] *Г. Х. Саркисян.* Из истории городской общины Армении (IV в. н. э.). ВДИ, 1955, № 3, стр. 58.

[3] *Г. Х. Саркисян.* Указ. соч., стр. 53.

витие сельского хозяйства в пригородах и в деревне в весьма широких масштабах. За стенами городского поселения простирались поля и сады, служившие агараками и дастакертами для городов, в которых велось специализированное сельское хозяйство и ремесло. Их продукция поступала на городской рынок. Так, например, для пограничного с Арменией г. Амиды (совр. Диарбекир), который находился недалеко от Тигранакерта, мы имеем интересное свидетельство сирийской хроники Захария Митиленского. Он сообщает, что в его время на базар под стенами Амиды собирались «крестьяне из деревень» [1]. Это очень ценное свидетельство, указывающее на то, что город вовлекал в свою сферу окружающее деревенское население, вероятно, свободных производителей, объединенных в общины.

На патриархальный уклад городской округи разрушающе действовали торгово-ростовщические элементы, процветавшие в городах.

Товары, которые поступали в продажу на рынок, являлись результатом эксплуатации не столько рабов, сколько свободных и зависимых ремесленников царских и частных ремесленных мастерских и за счет тех натуральных взносов, которые делали общинники-шинаканы и посаженные на землю рабы. Эти факты показывают, что кризис рабовладельческих отношений не отразился на товарности хозяйства. Товарное производство получило смертельный удар в результате внешней агрессии во второй половине IV в., когда города были разрушены, а их население было уведено в плен.

Весьма характерно, что нараставшие классовые противоречия между рабовладельческой знатью во главе с царем и нарождающейся феодальной земельной аристократией прежде всего выражались в крайне враждебных отношениях последних к городам как средоточию старых, отживающих общественных отношений. В период ожесточенной борьбы, начавшейся между царем и нахарарами с половины IV столетия, города защищали интересы царя — интересы центральной власти. Поэтому нахарары и духовенство были враждебно настроены против городов и горожан. Для уничтожения их не гнушались даже пособничеством и прямым союзом с врагами родины. Так, с помощью предателей-нахараров Шапур II в 359 г. вторгся в Армению и разрушил Тигранакерт, а его население полонил.

Тяжелый удар рабовладельческой экономике Армении нанесли походы Шапура II в 364—368 гг., которые возглавлялись армянскими нахарарами — изменниками родины. Во время этих походов были разорены и разрушены наиболее крупные города Великой Армении. Кроме ранее уничтоженного Тигранакерта, были разрушены Арташат, Валаршапат, Ервандашат, Зарехаван, Заришат, Ван и Нахчаван. Торгово-ростовщическое и ремесленное население этих городов было уведено в плен. Этим путем сасанидское государство должно было временно стабилизировать пошат-

---

[1] *Н. В. Пигулевская*. Месопотамия на рубеже V—VI вв. «Тр. Ин-та востоковед. АН СССР», т. XXXI, 1940, стр. 37.

нувшееся положение рабовладельческого строя [1], для Армении же это означало смертельный удар товарно-денежным отношениям и натурализацию хозяйства. Города превратились в деревни.

Разрушение городских центров и захват их торгово-ремесленного населения ускорили процесс распада товарного и переход к натуральному хозяйству. Роль Армении как транзитного звена международной караванной торговли уменьшилась в пользу городов северной Месопотамии. Города захирели потеряли значение хозяйственного центра. Нахарарские и церковные имения все больше превращаются в самостоятельные хозяйственные организации, не производящие обмен с городом.

Наряду с высокоразвитыми центральными областями Великая Армения включала в свой состав и более отсталые периферийные области, в которых в IV в. начался быстрый подъем экономики, тесно связанный с разложением рабовладельческой экономики и развитием феодальных отношений.

Первобытно-общинный строй и патриархальные формы эксплуатации в этих областях сменяются раннефеодальными формами. Племенные вожди феодализируются. В их среду проникает христианство как идеология нового класса. Их борьба с Аршакидами по сути дела являлась выражением борьбы становящегося феодального общества с отживающим рабовладельческим.

Развитие общества здесь шло прямым путем от первобытно-общинного строя к феодальному.

Таким образом, в IV в. в центральных областях страны экономика продолжала еще сохранять эллинистические черты. На землях государственного домена еще оставалась значительная масса свободных землевладельцев-общинников — свободных шинаканов, которые как царские земледельцы вносили подати царскому эконому — азарапету Армении и выполняли различные государственные повинности. Но чем больше земли превращалось в частную собственность нахараров, тем больше шинаканы превращались в феодально-зависимое население, на котором тяготел уже двойной и тройной гнет.

Процесс дробления государственной земельной собственности в IV в. подготовил почву для политического распада единого централизованного государства Великой Армении.

Укрепление феодальной собственности на землю совершенно изменило расстановку сил внутри господствующего класса. Царь, хотя по-прежнему считался полновластным распорядителем земли, был обязан придерживаться принципа наследственности владения землей военно-административных округов, семьями отдельных нахараров. Царям в условиях крайне напряженной внешнеполитической и внутриполитической ситуации было уже не под силу препятствовать развитию этого процесса. Напротив, они

[1] *Н. В. Пигулевская.* Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 54—55.

вынуждены были идти навстречу стремлениям нахараров, узаконивая своими распоряжениями создавшееся положение.

Один из таких ранних актов сохранился в передаче греческой надписи из селения Апаран (древний Касах).

Тиридат III в III в. даровал право наследственной собственности нахарару Гнтуни, правителю округа Ниг (совр. Апаранский район Армянской ССР) и приказал высечь на греческом языке на камне следующее: «Тиридат Великий Великой Армении царь пожаловал... (из рода) Гнтуни сыну Родомитра на кормление (?) город (область?) Ниг... февраля...» [1].

Таким образом, нахарары постепенно стали не только крупными землевладельцами, но и обладателями больших областей, население которых попадало в зависимое от них положение. Развитие феодальной собственности на землю привело к тому, что в IV в. царская земля свелась к области Айрарат (в узком смысле), остальные земли Срединной страны (Миджнашхар) сделались постепенно наследственной собственностью крупнейших нахараров (сатрапов и мегистанов античных источников). Таким образом, в Армении возник целый ряд наследственных феодальных княжеств, именуемых нахарарствами. Во второй половине IV в. царь фактически являлся самым крупным землевладельцем-феодалом. Однако он пока сохранял свои наследственные права аршакидского царя и целостность территории Великой Армении, поскольку еще существовали города эллинистического типа, с предоставленными в их пользование обширными землями — городскими территориями. Эти города являлись еще социальной опорой царской власти.

Распад старой системы государственной собственности на землю приводит к укреплению новой системы — частной собственности на землю, ставшей основой новых производственных отношений.

Возобновившиеся после сорокалетнего мира (298—338 гг.) военные действия и прекращение транзитной торговли имели для экономики страны отрицательные последствия. Вздорожание жизни и рост цен на рынке, содействуя натурализации рабовладельческого поместья, уменьшали степень эксплуатации раба и способствовали укреплению мелкого производителя. В аршакидской Армении, которая не знала новых завоеваний и расширения своей территории за счет соседей, развитие рабовладельческого способа производства могло происходить лишь в очень узких рамках, и вскоре страна вступила в полосу кризиса. Этому способствовало также ослабление центральной власти, давшее сатрапам — нахарарам возможность сделать своей наследственной собственностью вверенные им в управление земли.

Таким образом, в IV в. в Армении в основных чертах сформировалась феодальная земельная собственность. Историк середины V в. Елише уже отмечает три категории этой собственности: 1) хайреник — наследствен-

[1] *М. И. Ростовцев.* Апаранская греческая надпись царя Тиридата. Анийская серия, № 6. СПб., 1911; *К. В. Тревер.* Очерки по истории культуры древней Армении. М.— Л., 1953, стр. 273.

ные земли — вотчины-аллоды, 2) паргевакан — земли, полученные в условное владение, дарственные, пожалованные, бенефиции, и 3) еркирк ксакагинк — купленные земли [1].

Пока держатели земли сохраняли верность царю, дарованные им земли оставались в их пожизненном владении. Армянские Аршакиды всячески способствовали расширению и закреплению этого условного землевладения, так как их временные владельцы находились в большей зависимости от царя. Но поскольку должности были наследственными, то и дарованные им земли также переходили от отца к сыну и со временем условное землевладение превращалось в наследственное. Таким образом, все эти категории земельных владений имели тенденцию превратиться в полную наследственную собственность владевших ими феодалов.

* * *

В период, когда господствовала рабовладельческая форма собственности, разлагающаяся сельская община являлась постоянным источником воспроизводства рабовладельческих отношений. Но с того времени, когда зародилась феодальная форма земельной собственности, та же сельская община сделалась источником для новой формы эксплуатации. Начиная с этого времени, сельские общины, находившиеся на землях феодалов, кроме центральной власти были также подвластны местным князьям. Кроме царских трудовых повинностей, возникают также и повинности в пользу частных землевладельцев, приобретающие характер барщины.

В IV в., в условиях усиливающегося наследственного частного землевладения, оживления товарно-денежных отношений и взимания части податей деньгами, углубляется процесс имущественного расслоения внутри сельской общины. В новых условиях государственная рента начинает взиматься в форме денежных взносов. В условиях господства натурального хозяйства крестьянин, лишенный денег, был вынужден обращаться к помощи ростовщика. Развитие ростовщичества наносило тяжелый удар сельской общине. В роли ростовщика в то время выступает сельский священник и староста селения, должности которых превратились в наследственную привилегию наиболее зажиточных и влиятельных семей. Так, в IV—V вв. в Армении вырастает слой богатых крестьян, являющихся основными покупателями наделов разоряющихся односельчан.

В дальнейшем, в связи с уничтожением городов и уводом в плен их торгово-ростовщического и ремесленного населения, падения внешней и внутренней торговли и натурализации экономики страны, развитие ростовщичества приводило к разорению мелкого землевладельца, вынужденного продавать свой участок земли богатому соседу. Разорившиеся мелкие землевладельцы, конечно, не в состоянии были содержать рабов, их отпускали на волю и оставшийся участок земли обрабатывали своим трудом.

[1] *Елише.* О Вардане и Армянской войне. Ереван, 1957, стр. 85 (древнеармянский текст).

Наконец, он продавал свое право землепользования или отдавал землю под залог зажиточным односельчанам. Именно в результате этого в конце IV—начале V в. особенное распространение получила покупная земля. Так концентрируются земли разоряющихся общинников в руках крупных и средних земельных собственников.

Потерявший землю крестьянин лишается права быть членом сельской общины и тех прав, которые были связаны с этим. Такой общинник-шинакан превращается в бесправного пария, т. е. человека, не принадлежащего к какой-либо общине, а следовательно, находящегося вне закона. Он становится наемным работником в хозяйстве зажиточного крестьянина или крупного землевладельца или делается наследственным арендатором-издольщиком зажиточных односельчан, преимущественно в хозяйстве сельского старосты и священника.

Таким образом, некогда свободный шинакан, обеднев, становится зависимым. По своему положению подобные шинаканы мало чем отличались от прикрепленных к земле прежних рабов, наделенных землей и орудиями труда.

С углублением процесса разложения рабовладельческих отношений и увеличения феодальной эксплуатации повинности и податной гнет увеличивались еще больше. Это вызывало сопротивление трудящихся масс. Армянские источники V в., сообщающие о событиях IV в., говорят о недовольстве порабощенного населения своими господами. В Армении этой эпохи классовая борьба принимала самые различные формы. Наиболее простой формой протеста против эксплуататоров было бегство шинакана от своих «наследственных обязанностей», о чем пишет Мовсес Хоренаци в своем «Плаче»: «Народ надменный, дерзкий, велеречивый, празднолюбивый, пьянствующий, зловредный, убегающий от наследственных обязанностей» [1].

Беглое крестьянство и рабы находили убежище в высокогорных областях Армении, где еще господствовал патриархальный уклад. Таким был, например, вольный Сасун. Нередко бежавшие от подневольного труда крестьяне-общинники и рабы пользовались правом убежища, которые имели издавна города.

Борьба с рабовладельческой и феодальной эксплуатацией выражалась также в различного рода сектантских движениях, с которыми в IV—V вв. церковь ведет жестокую борьбу. В это время особенно широкое распространение получила секта мессалиан, которая выступала против официальной армянской церкви. Весьма знаменательно, что своих последователей она находила в низах феодализирующегося общества Армении.

Итак, производственные отношения постепенно приходили в соответствие с новым уровнем развития производительных сил. Основную часть крестьян-шинаканов составляло население сельских общин. Это уже непосредственный производитель — феодально зависимый крестьянин,

[1] «История Армении Моисея Хоренского», кн. III. Перевод Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 215. (Перевод приводится с некоторыми изменениями.— *С. Е.*)

который уже не является собственностью владельца средств производства — землей, имеет орудия для ее обработки и лично свободен. Но землевладелец имеет прямую власть над ним и заставляет его работать на себя. Говоря словами Ленина, «если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство» [1].

В этот период уже существовали основные формы феодальной эксплуатации, которые выросли на базе рабовладельческих форм. Издревле в царских хозяйствах существовала натуральная отработочная рента, постепенно распространившаяся и на частные хозяйства нахараров и церкви и в IV в. принявшая такие размеры, что Аштишатский собор, на котором, помимо священнослужителей, участвовали феодалы, в 356 г. выносит специальное постановление, ограничивающее алчность землевладельцев [2].

Податной единицей оставалась сельская община. Налог взимался с целой общины, на основе круговой поруки [3]. Наряду с натуральными поставками в IV—V вв. существовали денежные взносы. Само наличие денежной ренты свидетельствует о некоторой самостоятельности мелких производителей, каковыми в этот период в основном были шинаканы.

В IV—V вв. деньги все еще продолжали играть большую роль в обществе. Деньгами выплачивали часть налогов, штрафы за различные проступки, покупали рабов и рабынь.

Армянские законодательные памятники IV—VII вв. дают ясную картину положения шинаканов. Это мелкие свободные земледельцы, сохранившие пережитки патриархального рабства. Они вносят налоги и выполняют строительные и воинские повинности в пользу государства, нахарара и церкви, отвечая за это всей общиной круговой порукой. Шинакан наследует имущество отца и завещает его своим детям. Он может отдать в долг или продать свое движимое и недвижимое имущество.

* * *

В IV в. в Армении вполне оформилось сословное общество с присущей ему иерархией власти. Господствующая в прошлом рабовладельческая знать вынуждена была приспособиться к зародившимся новым производ-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 159.

[2] Канон VI соборного постановления в передаче Фавстоса Базанда гласит, что царь, вельможи и вообще все те, «кто имеет власть над другими, что были милосердны к своим царрай (рабам, слугам), к меньшей братии и ученикам, чтобы любили их как членов своих семейств, чтобы незаконным путем и чрезмерно не обременяли их обязательными работами (кор и повинностями — пархакутюн), напоминая им, что и для них есть бог на небе». Царрайям тоже собор предписывал быть верными и покорными своим тэрам (господам), за что получат воздаяние от господа». (*Фавстос Бузанд.* История Армении, кн IV. Перевод М. А. Геворкяна. Ереван, 1953, стр. 6—4. Перевод приводится с некоторыми изменениями — *С. Е.*).

[3] *Л. А. Манандян.* Критический обзор истории армянского народа, т. I. Ереван, 1944, стр. 81—82 (на армянском языке).

ственным отношениям. Однако формирующийся класс феодалов пополнялся не только из рабовладельческой землевладельческой знати, но также из состава племенной знати и бывших крупных должностных лиц.

Все население аршакидской Великой Армении делилось на высшие и низшие сословия. К высшим принадлежали сословия крупной землевладельческой знати — нахараров, средней и мелкой землевладельческой знати — «азатов», всадников и постепенно усиливающегося духовного сословия. Все они в совокупности составляли один правящий класс эксплуататоров, феодалов — класс азатов, т. е. свободных, благородных, родовитых.

К низшим сословиям относились торговцы и ремесленники, объединенные в особые корпорации и сословие «шинаканов» — свободных и зависимых крестьян, а также городской плебс — «рамики» (толпа, чернь). Низшие сословия составляли теряющее постепенно свои права и личную свободу эксплуатируемое население — «аназатов» (несвободных, неблагородных, неродовитых).

Таким образом, с развитием феодальных отношений основными классами армянского общества становились, с одной стороны, обладающие всеми правами привилегированные земельные магнаты-феодалы, с другой — эксплуатируемые крестьяне.

Для обоих классов были выработаны сословные наследственные права и обязанности.

Вне сословий («ан-карг») находились различные порабощенные общинники, выбывшие из общин и сделавшиеся париями и изгоями.

Высшим сословием господствующего класса феодализирующейся Армении были нахарары. Уже в IV в. они выступали собственниками обширных земельных угодий, ставших их неотчуждаемой наследственной собственностью.

Нахарары были свободны от налогового обложения, но ежегодно подносили царю ставший обязательным дар, называемый коронным золотом («баж псаки»). Главной их обязанностью была военная служба царю.

Старшие нахарары обычно имели наследственное право занимать придворные должности.

В царском дворце они занимали места соответственно своему положению в политической жизни страны, которое в конечном счете обусловливалось численностью представляемых ими всадников. Особые Разрядные грамоты определяли место каждого нахарара. Одежда нахараров — головной убор, цвет и покрой обуви также определялся соответственно его положению и наследственным привилегиям.

Самым многочисленным сословием являлось сословие всадников-азатов. Это была преимущественно мелкопоместная военно-служилая знать.

За военную службу азаты получали от царя или нахарара жалованные земли и освобождались от поземельного налога.

Командование конницей, состоящей из азатов, находилось в руках «сепухов», т. е. младших представителей нахарарской фамилии.

Складывающаяся феодальная земельная собственность приобретает сложный характер, основанный на вассальной зависимости нижестоящего собственника к вышестоящему. Во главе иерархии стоял царь из династии Аршакидов, который носил титул царя Великой Армении. Далее следовали его слуги, т. е. вассалы. Это были прежде всего четыре бдешха — вассальные царьки окраинных областей Алдзник, Кордук, Нуширакан и Гугарк.

Следующую ступень в иерархии занимали нахарары, крупные княжеские роды и наследственные владетели обширных областей и округов, вассалы армянских царей или бдешхов.

Нахарары в свою очередь делились на крупных (старшие нахарары или великие вельможи) и мелких (младшие нахарары). Старшие нахарары делились на бевраворов, имеющих более 10 тыс. всадников, и азараворов, имеющих более тысячи всадников. Азараворов, согласно дошедшей до нас «Воинской грамоте», было до 14 фамилий.

Старшие нахарары — крупные земельные магнаты обычно занимали крупнейшие государственные должности, передававшиеся по наследству, и при дворе играли решающую роль.

Ниже всех по рангу стояли многочисленные мелкие светские и духовные феодалы — азаты (привилегированные всадники) и приравненное к ним сельское духовенство. Азаты были освобождены от налогов, но для них была обязательна служба в царской и нахарарской коннице. Сельское духовенство взамен военной несло духовную службу.

В этой иерархической лестнице каждое нижестоящее лицо являлось вассалом, слугой своего господина и обязано было выполнять вассальные обязательства, которые, в основном, носили характер военной службы. Царь считался верховным господином — «тэр»-ом всех вассалов — «царрай»-ев.

* * *

В IV в. определилось место церкви с ее особой духовной иерархией, которая была построена по образу и подобию светской.

Характерно, что как должность прежнего верховного жреца, так и должность главы христианской церкви — архиепископа также являлась наследственной для рода первого патриарха Григория Просветителя. В середине IV в. собственностью наследников Григория Просветителя являлись 18 областей, по обширности мало чем уступавшие царскому домену — остану Армении. Однако претендентами на звание католикоса Армении выступали отпрыски уничтоженной жреческой династии в лице преемников епископа Албиана. С начала IV в. началась борьба между двумя могущественными домами — Григоридами и Албианидами за звание архиепископа-католикоса Армении, дававшее положение верховного судьи в стране и должность главы церкви с огромными доходами от обширных, растущих из дня в день церковных поместий. Во второй половине IV столетия, в зависимости от политического положения, на католикосский престол вступают то Григориды, то Албианиды.

Христианская церковь в течение IV в. приобретает феодальный характер. Церковная власть была разделена по нахарарствам, в каждом из них постепенно образовалось свое епископство. Епископ остана (царского домена) — армянский католикос — по отношению к другим епископам занимал такое же положение, какое царь к своим вассалам — нахарарам. Духовные начальники епархий — епископы также располагали огромными земельными угодиями и прислужниками. Должность епископов являлась наследственной.

Так духовенство становилось особым сословием: духовные звания передавались по наследству внутри знатных фамилий. Эта особенность армянской церкви была настолько необычной, что на соборе в Трулле в 691 г. была отвергнута, как имеющая сходство с законом еврейской религии [1].

Последнее место в церковной иерархии занимали священники, которые, помимо своих прочих доходов, получали долю с общинных земель и, подобно всадникам-азатам, были освобождены от налоговых обложений.

В ведении духовного сословия находились суд и школа.

* * *

Армения была преимущественно земледельческой страной и подавляющее большинство ее населения составляли шинаканы, жившие в общинах, в деревнях. Они были основным податным населением страны, во главе их стояли сельские старшины и их роды — привилегированный слой крестьянства, свободные собственники земли, на которых были возложены сбор налогов и наблюдение за несением крестьянских повинностей. Здесь сельские старшины выступали в роли ответственных за несение крестьянами государственных повинностей. Служба шинаканов являлась службой в податном состоянии и отличалась от службы землевладельца и раба. Их служба была наследственной и выйти из состояния шинаканов было очень трудно.

Шинаканы лично были свободны, не связаны с землей и не имели права переходить с места на место. Если они не уплачивали возложенных на них податей, то становились приписными крестьянами, т. е. должны были вести даровую работу в хозяйстве землевладельца, внесшего за них подать, а таковым обычно выступал сельский старшина. Такой приписной крестьянин социально уравнивался с жителями агарака и рабами.

Тяжелым бременем ложились на трудовое население постои армии, особенно на царских землях, где крепостные гарнизоны жили за счет окружающего крестьянского населения. Крестьянин обязан был снабжать войска всем необходимым.

Внутри сельской общины продолжал сохраняться принцип равного пользования землей и производились периодические переделы полей.

---

[1] *Н. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 368.

Общинная земля не могла отчуждаться. Шинакан мог продать или заложить лишь право пользования предоставленным ему и его семье земельным участком. В случае продажи шинакан терял право быть членом сельской общины и превращался в бесправного пария, он делался бродягой и нанимался работником на самых кабальных условиях издольной аренды обычно в хозяйстве сельского старшины или сельского священника.

Пастбищами и лесами могли пользоваться все члены общины, они считались общегосударственной собственностью.

Шинаканы были мелкими производителями, но зажиточная часть их имела рабов.

В этот период господствующей формой взимания прибавочного продукта являлась рента — налог в различных формах.

Особенно обременительной для шинакана являлась строительная повинность — обязательная даровая работа в пользу царской власти при постройке крепостей, городов, дворцов, дорог, мостов, каналов. В порядке повинности шинакан, кроме того, должен был сажать лес, собирать камни в кучи и т. д. После окончания военных действий спарапет Армении выводил для отбывания в порядке повинности трудящееся население окрестных территорий, которое должно было убирать с поля битвы павших воинов и предавать тела их земле, чтобы разлагающиеся трупы не являлись источником эпидемий.

Во время войны, как и прежде, шинаканы призывались на военную службу. Из них составлялись вспомогательные пехотные части и обоз. В конницу азатов шинаканы не допускались. Эти ополченцы-крестьяне не получали жалованья и не имели доли в военной добыче.

Кроме этих государственных и военных повинностей, шинакан обязан был платить государству тяжелые налоги. Основным являлся поземельный налог, составляющий большую часть доходов шинакана, который взимался натурой.

Царские налоги поступали в государственную казну. Часть своего урожая шинакан отдавал феодалу. Духовным сановникам шинакан должен был отдавать десятину, т. е. десятую часть урожая полей и садов. Кроме того, существовал целый ряд добровольных приношений, приуроченных к различным религиозным праздникам и с течением времени сделавшихся обязательными. Таким образом, шинакан подвергался тройной эксплуатации — государства, феодала и церкви.

За проступки шинаканы подвергались телесному наказанию, денежному штрафу, а за особо тяжкие преступления обрекались на долгие годы рабского труда в царских хозяйствах. Цена крови убитого азата вдвое превышала цену крови убитого шинакана. Азаты и священники за проступки платили только штраф и телесному наказанию не подвергались [1].

---

[1] *Я. А. Манандян.* Феодализм в древней Армении (аршакидский и марзпанский период). Ереван, 1934, стр. 148—211 (на армянском языке).

* * *

С сословным строем тесно была связана система государственного управления как совокупность отдельных ведомств, возглавляемых представителями наиболее могущественных нахарарских фамилий.

Глубокие противоречия, возникшие в результате сложившихся новых производственных отношений, больше всего отражались в системе государственного управления. В этот период Армянское государство продолжало сохранять форму централизованной рабовладельческой монархии. Однако класс рабовладельцев постепенно перерождался в класс феодалов. Поэтому система государственного управления должна была приспособиться к новым условиям. Этот процесс происходил гораздо медленнее, чем формирование феодальных порядков, в особенности формирование крупного землевладения. Вследствие этого между государством и нахарарами назревали глубокие противоречия.

Армянский двор в III—IV вв. во главе с царем, носившим титул царя Великой Армении, или царя Армении, находился в Вагаршапате и Арташате. Начиная с Хосрова I Великого (217—238 гг.) власть царей Великой Армении стала наследственной привилегией армянских Аршакидов. Ведомства также стали наследственной привилегией крупных нахарарских домов. Вместе с этим наследственно переходили от отца к сыну земельные территории, жалуемые за службу.

В результате этих процессов начальники ведомств со временем стали феодальными землевладельцами и стремились захватить административную власть в вверенных им территориях. Однако царь все еще считался обладающим неограниченными правами, хотя фактически без согласования с нахарарами лично не мог решать вопросов общегосударственного значения.

Царский двор был центром государственного управления Великой Армении.

В III—IV вв. продолжали существовать ведомства, возникшие еще при Арташесидах. Некоторые из них имели первостепенное значение.

Основными ведомственными должностями были:

1. Царский эконом — азарапет Армении, который ведал распределением и сбором налогов и государственным строительством. Азарапету подчинялись градоправители, сельские старшины, через которых он собирал государственные налоги и рабочий контингент для отбывания государственных повинностей.

В конце IV в. должность азарапета Армении стала наследственной привилегией нахарарского дома Аматуни.

2. Военное ведомство страны возглавлял главнокомандующий всеми военными силами страны — спарапет Армении. Должность спарапета стала наследственной привилегией нахарарской фамилии Мамиконян. В мирное время спарапет возглавлял дворцовую конницу.

3. Мардпет — личный советник и попечитель семьи царя, носил титул хайра (буквально — отец).

В древности это ведомство называлось хайрутюн, но со временем, когда оно стало наследственной привилегией главы племени мардов, оно стало называться мардпетутюн, а возглавившее эту должность лицо титуловалось как хайр-мардпет. Мардпет ведал фамильными поместьями царя и дворцовыми сокровищами, которые хранились в неприступных крепостях страны. Хайр-мардпету вверялась также забота о царском дворе, царице и общее воспитание царских наследников. В его же распоряжении находилась особая мардпетская конница.

4. Должность начальника царской охраны в IV в. стала наследственной привилегией нахарарского дома Хорхоруни, носившего фамильный титул малхаз. Малхаз был начальником царских телохранителей и вообще дворцовой охраны.

5. Высшее судебное ведомство возглавлял Великий судья и законовед — в языческой Армении верховный жрец, а с утверждением христианства — глава армянской церкви — католикос.

Верховный судья, прежде всего, следил за выполнением законов и возглавлял законодательную власть. Он лично участвовал в выработке гражданских законов.

6. Наследственной привилегией фамилии Багратидов было возлагание венца. Глава этой фамилии носил родовой титул аспета.

После мардпетутюн это ведомство считалось вторым крупным дворцовым ведомством. Во время церемониала коронации аспет возлагал на царя тиару-диадему и повязывал патив. В качестве придворного церемониймейстера аспет следил за соблюдением установленного придворного церемониала и этикета. Он следил за тем, чтобы нахарары представлялись царю в надлежащей форме, в одежде, соответствующей их рангу и положению и занимали отведенные им места. Он же следил за церемониалом при приемах послов.

Существовала должность царского градоначальника, управляющего столицей «шахап Арташата».

В обязанности личного секретаря царя входило хранение государственного архива — дивана, ему подчинялись писцы, чтецы и хранитель печати.

Великая Армения до второй половины IV в. продолжала сохранять присущее централизованной рабовладельческой монархии территориальное единство. Однако с течением времени по мере того как нахарарские территории превращались в обособленные владения феодалов, единство армянских земель нарушалось.

В IV в. окраинные области Великой Армении составляли самодовлеющие княжества, управлявшиеся местными наследственными владетелями, четыре из которых носили титул бдешх. Были еще окраинные территории, наследственные владетели которых стремились к независимости.

Основная часть Великой Армении — Срединная страна, окруженная этими землями, также стала наследственной собственностью нахараров и духовных князей.

На территории, ставшей наследственной собственностью — хайреник, нахарар был облечен всей полнотой власти и выполнял административные и военные функции.

Численность армянского войска во время войны достигала 90—120 тыс., ядро его составляла конница, которую независимо друг от друга постоянно содержали как царь, так и нахарары. Армянская конница представляла внушительную силу и издавна славилась в Передней Азии.

Особой Воинский грамотой было определено количество войск, которое каждый нахарар обязан был выставлять во время войны.

2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ В III—IV вв.

Кризис рабовладельческих отношений, начавшийся в странах Ближнего Востока, особенно углубился в Армении и соседнем Иране. Это выразилось в падении династии парфянских Аршакидов и приходе к власти в Иране династии Сасанидов (224—226 гг.). Армянские Аршакиды в лице Хосрова I Великого (217—238 гг.) пытались отстоять позиции своей династии в Иране, но безуспешно. Утвердившаяся в 226 г. династия Сасанидов свыше четырехсот лет господствовала в Иране. Наступил период непосильной борьбы Великой Армении с сасанидским Ираном. Утвердившись в Месопотамии, персы периодически вторгались в пределы Армении, особенно при Шапуре I (242—272 гг.).

Сасанидский Иран представлял собой серьезную угрозу независимости и территориальной целостности централизованного государства Великой Армении. Если до этого Армения вынуждена была входить в союз со сравнительно слабыми парфянами против Римской империи, то с появлением Сасанидов она обычно входила в союз с ослабевшим Римом против могущественного Ирана.

После утверждения династии Сасанидов в Иране царская власть в Великой Армении сделалась наследственным достоянием рода Хосрова I Великого и его преемников, которые были официально признаны римскими императорами в противовес Сасанидам, стремившимся к упразднению династии Аршакидов и в Армении. В условиях кризиса рабовладельческих отношений и углубления процесса феодализации имело большое значение признание армянскими Аршакидами наследственных привилегий крупных государственных должностей и связанных с ними прав и преимуществ, дарованных ими определенным нахарарским домам. Поэтому в течение III столетия армянские нахарары выступали против сасанидского Ирана в союзе с армянскими Аршакидами и римлянами.

Около семидесяти лет армяне вели борьбу с Ираном без помощи римлян. Только в последней четверти III в. Римской империи удается на время восстановить свое политическое могущество и обратить свои взоры

на Восток. Основной опорой римлян в их борьбе против сасанидской империи являлась Армения с ее военными контингентами, которые играли решающую роль в победе римлян в Месопотамии. Однако в Армении был вероломно убит персами Хосров II (272—287 гг.) и на армянском престоле воцарился юный Тиридат, нашедший убежище в Риме. При Тиридате III Великом (287—332 гг.) стабилизировалось политическое положение Великой Армении. В 295 г. в Армению вторглись армии сасанидского Ирана. Спустя два года армянское войско во главе со спарапетом Артаваздом Мамиконяном и римское — во главе с полководцем Галерием в сражении в области Басен одержали решительную победу над персами, которые были разбиты наголову. В 298 г. в Низибине был заключен сорокалетний мир между воюющими державами, которым надолго обеспечивалось мирное развитие Великой Армении. Тиридат III и его преемники вели политику укрепления центральной власти и армии. В связи с этим укреплялось азатское, т. е. всадническое землевладение. Из резервов государственной земли армянские цари раздавали азатам земельные наделы в виде пожалования за несение военной службы.

На основании Низибинского мирного договора пограничные с сасанидским Ираном армянские области Алдзник, Кордук и Нупиракан во избежание вторжения в страну персидского войска должны были охраняться римскими гарнизонами.

Низибинский мир обеспечил временную стабилизацию рабовладельческой экономики. Снова начинается период расцвета международной караванной торговли. Территория Армении считалась нейтральной страной, в которой происходил торговый обмен между римскими и персидскими купцами. На основании сорокалетнего мирного договора местами международного торгового обмена были в Армении Арташат, а в Месопотамии — Низибин и Каллиникум (Ракка). Помимо этих городов, в международную торговлю были вовлечены и другие города Армении: Тигранакерт, Ван, Нахчаван, Ервандашат, Валаршапат, Зарехаван, Заришат и т. д. Арташат в этот период переживает время своего нового расцвета [1].

В течение римско-парфянских войн, в 161—166 гг., Арташат был разрушен и столицей стал Валаршапат (совр. Эчмиадзин). Тиридат III восстановил Арташат и снова сделал его своей резиденцией. В связи с этим была заново укреплена и благоустроена летняя резиденция царя в Гарни. Обнаруженная недавно археологами мозаичная живопись в здании гарнийской бани должна относиться к этому времени.

Все эти мероприятия способствовали укреплению царской власти. Ту же цель преследовала политика в области идеологии. Тиридат III около 301 г. объявил христианство государственной религией, после этого началась ожесточенная борьба против бывшего языческого жречества. Разрушались великолепные здания языческих храмов, а движимое и не-

---

[1] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.— XV в. н. э.). Ереван, 1954, стр. 108—111.

движимое имущество царь передавал новым христианским храмам и высшему духовенству. Огромные земельные угодия стали наследственной собственностью первого католикоса Армении — Григория Просветителя. Было создано священническое землевладение в городах, селах и агараках.

В первое время новая религия не пользовалась особой популярностью. Большая часть знати вместе с народом вела борьбу за религию своих предков. Мовсес Хоренаци жалуется на «жестокосердие и высокомерие народа, который противится царской воле в деле христианской веры, следуя воле жен и наложниц» [1]. Против насаждения христианства выступали и Сасаниды. При их поддержке знатью был убит Тиридат III. Вслед за убийством царя была учинена расправа над главою церкви архиепископом Аристакесом (326—336 гг.).

При Хосрове III Котаке (332—338 гг.) продолжалось мирное строительство. При нем был основан г. Двин (в 8—10 км к северу от Арташата), который в середине V в. стал столицей Армении.

* * *

Несмотря на экономическое и политическое укрепление страны Армении трудно было сохранять длительный и прочный мир между двумя державами. В 338 г., после истечения срока мирного договора, военные действия между Римом и Ираном возобновились снова. Римская империя все еще пыталась держать Армению в зависимом положении, могущественные Сасаниды стремились уничтожить ее. Неблагоприятная внешнеполитическая ситуация еще более способствовала углублению социальной борьбы внутри страны. Напряженная классовая борьба между закабаляемыми крестьянами и феодализирующимися землевладельцами, внутрисословная борьба между феодалами и духовенством и их борьба с царской властью за свои привилегии способствовали ослаблению центральной власти, которая теряла возможность мобилизации всех сил страны для оказания сопротивления иноземной агрессии.

Борясь против царской власти, одна часть нахараров тяготела к сасанидскому Ирану, другая — к Римской империи. Сторонники римлян стремились уничтожить враждебные им нахарарские роды и конфисковать их земельные владения. Жертвой недовольства той или другой стороны становились прежде всего армянские цари; после Хосрова III ни один из них не умер естественной смертью.

В этой сложной внешнеполитической и внутриполитической обстановке группа патриотически настроенных нахараров во главе с царем всячески старалась использовать противоречия между Римом и Ираном в целях укрепления государственной власти и обеспечения независимости страны, но объективные условия не складывались в их пользу. Эта борьба продолжалась около полувека после Низибинского сорокалетнего мира до раздела Великой Армении (338—387 гг.).

[1] *Моисей Хоренский*. Указ. соч., II, стр. 141.

Временная мирная передышка в 345—363 гг. была использована Аршаком II (345—367 гг.) для укрепления централизованного государства.

Однако внутри страны обострились классовые противоречия. Борьба крестьян против крупных землевладельцев и межсословная борьба внутри господствующего класса создали сложную внутреннюю политическую ситуацию.

В царствование Аршака II был основан г. Аршакаван, в истории которого, как в фокусе, преломились классовые противоречия, раздиравшие феодализирующуюся Армению. Аршак II заложил новый город на скрещении главных путей международной караванной торговли из Малой Азии в Иран и из Закавказья в Месопотамию; к тому же поблизости находилась царская сокровищница — крепость Дариунк (совр. Догу-Баязид).

В древности новооснованные города обычно заселялись насильственно угнанными жителями завоеванных стран. В новых условиях этих возможностей уже не было, поэтому царь рассчитывал заселить новый город за счет людских резервов внутри страны. Аршак II даровал Аршакавану статут города и объявил, что все желающие поселиться в этом городе будут пользоваться установленными для горожан привилегиями. Получая право убежища, они будут освобождены от всех долгов, получат прощение за совершенные проступки и никем преследоваться не будут. Таким образом, люди, нашедние убежище в Аршакаване, становились горожанами и опорой царя в его борьбе с центробежными устремлениями нахараров. На этот призыв царя откликнулись прежде всего порабощенные нахарарами трудовые массы. В городе находили приют рабы и зависимые крестьяне-шинаканы. Их массовое бегство от своих господ вызвало сильное недовольство знати, в особенности крупнейших нахараров — Комсараканов и католикоса Нерсеса I, владения которых были расположны по соседству с царским доменом, где находился Аршакаван. Когда Аршак II построил в Аршакаване свой дворец и захотел освятить дворцовую церковь, придворный епископ отказался прикоснуться к «грешному городу», с фанатизмом библейского пророка призывая разрушить его.

Аршак II не учитывал того, что переданные в управление нахарарам на основе наследственного права территории фактически превратились в их неотчуждаемую наследственную собственность, а сидящие на этих землях сельские общины подпали под их зависимость, и царь уже не мог распоряжаться ими по своему усмотрению. Аршак II не считался с возмущением нахараров и духовенства, указывавших на нарушение царем закона о возвращении своим господам беглых слуг. Нахарары ждали удобного случая, чтобы свести счеты с царем.

Существующие в стране глубокие классовые и сословные противоречия еще более обострились вновь создавшейся неблагоприятной внешнеполитической обстановкой. В Месопотамии вновь был нарушен мир, и два воюющих государства — Рим и Иран — снова стали делать попытки вовлечь Армению в войну. Римляне напомнили Аршаку II, что он, как «друг и союзник кесаря и римского народа», обязан выступить со своей

конницей на стороне римлян против персов. Армянский царь, хотя и обещал ранее выступить со своим войском против Ирана, теперь всеми силами стремился воздержаться от этого, так как знал, что за победу персов Армении придется заплатить дорогой ценой.

В 361 г. римская армия во главе с императором Юлианом Отступником из Месопотамии направилась к столице Сасанидов — Ктезифону. Только после неоднократных напоминаний римлян Аршак II выступил со своей конницей и вторгся в пограничную с Арменией персидскую область, но в это время выяснилось, что римлянам невозможно двигаться дальше. Юлиан вынужден был отступить и вскоре был убит. Провозглашенный императором Иовиан в 363 г. поспешил заключить с Ираном мир.

Согласно этому мирному договору Месопотамия с г. Низибином окончательно отошла к Ирану. Иовиан обязался в случае войны между Ираном и Арменией не оказывать помощи армянам. Даже римский историк Аммиан Марцеллин называл этот мир 363 г. «постыдным миром».

Армянские нахарары поспешили использовать создавшуюся политическую ситуацию, чтобы свести счеты с царем и нашедшими убежище в Аршакаване беглыми крестьянами и рабами.

Заручившись поддержкой недовольных нахараров и католикоса, Нерсех Камсаракан со своими войсками напал на Аршакаван и разрушил его до основания, а население истребил. По сообщению Мовсеса Хоренаци, все мужчины и женщины новооснованного города были истреблены, кроме грудных детей, ибо «каждый нахарар был полон ярости к провинившимся слугам своим» [1].

Одинокий в борьбе с нахарарами Аршак II прибег к решительным мерам. Он обратился за помощью к своему союзнику, царю Картли Мириану, и между царем и непокорными нахарарами произошла кровопролитная война. Временно католикосу Нерсесу I удалось примирить враждующие стороны.

Вскоре, однако, Аршак II нарушил обещание и отомстил виновникам разрушения Аршакавана. Он отнял у руководивших мятежом Камсаракан Ширак и Аршаруник и предал мечу весь их род; спасся лишь князь Спандарат Камсаракан.

В то время, когда Аршак II был занят укреплением государственности в Срединной стране, бóльшая часть мятежных нахараров и бдешхи перешли на сторону сасанидской империи, часть же — на сторону Римской империи. Некоторые из бежавших нахараров стали участвовать в военных действиях против родины. Так, нахарары Меружан Арцруни и Ваган Мамиконян, бежавшие в Иран и принявшие зороастризм, сопровождали персидские войска во время их вторжений в Армению.

В 364 г. в Армению вторгся царь Сасанидского Ирана Шапур II (309—379 гг.). Во время этого опустошительного нашествия были разрушены

[1] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., III, стр. 164.

города как опора центральной власти. Городское население было уведено в плен в глубь Ирана, где были заселены новооснованные города.

Заняв западные области Армении, персидское войско двинулось к центральной части. Против врага, грабившего и разрушавшего страну, поднялся весь народ, и многие из нахараров в минуту грозной опасности объединились, чтобы дать отпор врагу. Спарапет Васак Мамиконян, также боровшийся против внутренней политики царя, в минуту грозившей родине опасности примирился с ним. В бою на Араратской равнине армянские войска под командованием Васака Мамиконяна разбили врага, освободили пленных и отобрали военную добычу.

Велика была ярость народа против изменников родины. История передает нам героический эпизод о каре, постигшей изменника-нахарара Вагана Мамиконяна. Сын его Самуэл Мамиконян, будучи не в силах перенести измену отца, убил его и мачеху, а сам примкнул к народному ополчению.

Не добившись победы в войне с Арменией, Шапур II прибегнул к коварству. Под предлогом заключения мирного договора были заманены в Ктезифон царь Аршак II и спарапет Васак Мамиконян. Вскоре последний был убит, а Аршак II на всю жизнь заточен в «Замок забвения» в Хузистане. Тогда армянский народ объявил врагу войну не на жизнь, а на смерть. Царица Парандзем со своим несовершеннолетним сыном Папом укрылась в крепости Артагерс, откуда в эти тяжелые дни и правила страной. Вместо Васака спарапетом был назначен сын его Мушег Мамиконян.

Каталикос Нерсес I и нахарары обратились за помощью к римскому императору, прося его воцарить на армянский престол Папа.

Царевичу Папу удалось бежать из осажденного Артагерса к римлянам, а царица Паранздем после более чем годового героического сопротивления сдалась Шапуру II, который предал ее мучительной смерти.

Благодаря общенародной борьбе удалось на время спасти централизованное государство Великой Армении. Получив вспомогательные войска от римлян, Пап вступил в пределы Армении. К нему примкнули народные ополчения, с помощью которых персы были изгнаны из страны. Пап вместе со спарапетом Мушегом Мамиконяном победоносно вступил в Арташат и в 369 г. воцарился на армянском престоле. Шапур II признал воцарение Папа только после Дзиравской битвы в 371 г., в которой персы были разбиты на голову.

* * *

Несмотря на молодость, Пап оказался человеком самостоятельным, энергичным, с сильным характером. Современник Папа, римский историк Аммиан Марцеллин, говорит о нем как о человеке скромном, ставшим, однако, жертвой интриг и заговоров.

Сближение Папа с Сасанидами было встречено враждебно проримски настроенными нахарарами. Однако Пап непоколебимо продолжал свою ли-

нию, направленную также и на уничтожение могущества церкви, постоянно вмешивавшейся в государственные дела.

После смерти Нерсеса I Пап назначил архиепископом Шахака (373—376 гг.) из рода Албианидов, однако не послал его в Кесарию Каппадокийскую за получением сана, как это было принято раньше. Глава армянской церкви с тех пор стал называться не архиепископом, а католикосом. Таким образом, армянская церковь стала самостоятельной, независимой от имперской церкви.

Подчинив церковь государству, Пап конфисковал часть церковных земель, отданных сельским священникам. По словам Фавстоса Бузанда, Пап «из семи участков этих земель пять... отобрал в пользу казны и оставил только два участка»[1]. Соответствено с этим он сократил число священников и прочих служителей культа. Основанные Нерсесом I страноприимные дома и пустыни, обители и скиты большей частью превратились в пристанища дармоедов. Пап приказал упразднить многие из них, а работоспособных отправить на работу.

Чтобы поднять налоговую платежеспособность шинаканов, Пап упразднил также церковную десятину.

Проводя эти мероприятия, Пап хотел прежде всего поднять обороноспособность страны. С этой целью была восстановлена численность армянской конницы, которая была доведена до 90 тыс. Освободившиеся огромные земельные фонды дали возможность царю наделить ими новых азатов-всадников.

Внутренняя политика Папа была направлена против феодалов и растущей со дня на день силы церкви. Такая политика была не по душе римскому императору, который и организовал заговор против молодого царя. В 374 г. Пап был убит. Император Валент назначил на армянский престол двоюродного брата Папа Вараздата (374—380 гг.). Новый царь, хотя и был под надзором римских легионов, вскоре присоединился к сторонникам независимости страны и стал пытаться править самостоятельно. Как римляне, так и персы не могли примириться со стремлениями Вараздата к независимости. Однако процесс распада Великой Армении продолжался.

* * *

Агрессия сасанидского Ирана ускорила процесс феодализации. Опустошительные походы Шапура II в 364—368 гг. отразились больше всего на городском хозяйстве. Разрушение городов и уничтожение городских общин нанесло смертельный удар дальнейшему существованию централизованной рабовладельческой монархии армянских Аршакидов. Связующими звеньями между отдельными частями страны являлись города. С их падением углублялся процесс экономического раздробления страны. Каждая область сделалась самодовлеющей экономической единицей, что способствовало политическому обособлению от центральной власти мест-

[1] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., V, стр. 177.

ного правителя-нахарара. Как уничтожение городов, являвшихся главной опорой царской власти, так и центробежные устремления нахараров способствовали падению самой династии Аршакидов. После 363 г. окраинные области отпали, остальная часть территории Великой Армении оказалась фактически разделенной между отдельными светскими и духовными феодалами, постоянно боровшимися между собою за власть и опиравшимися то на римлян, то на Сасанидов, которые использовали эту борьбу в своих политических интересах. Централизованное рабовладельческое государство Великой Армении находилось накануне полного распада и уничтожения.

После убийства царя Папа армянский двор стал изыскивать средства, чтобы предотвратить распад государства. В эти тяжелые дни все искренние патриоты сгруппировались вокруг колеблющегося трона армянских Аршакидов. Одним из них был спарапет Мушег Мамиконян, который выступил со своей политической программой. Он посоветовал Вараздату упразднить наследственное право владения нахараров землей и, таким образом, восстановить права государя над всей территорией Великой Армении. Он предложил также основать в каждом военно-административном округе по одной (или две) крепости и в них содержать конницу данного гавара за счет субсидии Римской империи. Одновременно страна должна была поддерживать с Римом союзнические отношения, и армянский царь должен был по-прежнему считаться другом и союзником римского императора.

Политическая программа, выдвигаемая спарапетом, была диаметрально противоположна создавшимся в стране условиям. Большая часть областей превратилась в наследственную собственность феодалов и ни нахарары, ни духовенство не согласились бы лишиться приобретенных ими прав и наследственных привилегий. Поэтому они начали клеветать на спарапета, обвиняя его в государственной измене и даже считали его соучастником убийства Папа. Мушег Мамиконян был убит, но царь Вараздат вскоре должен был бежать в пределы Римской империи и фактическим правителем Армении стал регент престола спарапет Манвел Мамиконян.

Когда римские легионы из Армении были отозваны на Балканский полуостров для борьбы с восстанием готов, Шапур II и император Валент договорились поделить Великую Армению (в границах 298—387 гг. составляла около 280 тыс. кв. км) между Римской империей и сасанидским Ираном. Раздел этот был осуществлен через несколько лет в 387 г., после смерти Шапура II и Валента. Все окраинные области Великой Армении (около 110 тыс. кв. км) были отняты, а оставшаяся внутренняя часть — Срединная страна (площадью около 172 тыс. кв. км) была поделена между двумя державами; $^3/_4$ остались в руках Ирана, римлянам же досталась лишь $^1/_4$. В обеих частях на вассальном положении временно была сохранена власть армянских Аршакидов.

Этот раздел являлся результатом завершения процессов феодализации. Нахарары и церковь в течение IV столетия экономически настолько усили-

лись, что стали фактическими хозяевами вверенных им территорий и старались не платить государству налогов, получаемых от населения. Этот момент и использовали борющиеся между собою за территорию Армении сасанидский Иран и Римская империя. Они обеспечили, правда, временно, фактически налоговый иммунитет нахараров и этим путем сумели привлечь их на свою сторону, подготовив таким образом почву для раздела Армении. К 428 г., когда пала династия Аршакидов в этой части Армении, оставшиеся в руках армянских царей фамильные владения — Остан Армении, были поделены между нахарарами и Сасанидами. В отошедшей к Восточно-Римской империи (Византии) части Армении царская власть была упразднена еще в 391 г. и фамильные владения Аршакидов частью были присоединены к императорским землям, частью же были переданы в собственность армянским нахарарским домам и дому католикоса, защищавшего политические интересы нахараров.

После этого раздела единая территория централизованного государства Великой Армении, существовавшей почти шесть столетий, уже не восстанавливалась. Фавстос Бузанд доводит свою «Историю Армении» до этого раздела в 387 г. и кончает ее следующими многозначительными словами: «и после того армянское царство разделилось, распалось, уменьшилось и потеряло свое прежнее величие» [1]. Падением централизованного рабовладельческого государства Аршакидов и приобретением административной власти нахарарами заканчивается переходный период и начинается эпоха господства раннефеодальных отношений.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что новые прогрессивные, а именно феодальные отношения в Армении, оформились раньше, чем в других странах древнего мира. Восточно-Римская империя и Сасанидское государство с сильной политической организацией, с бюрократическим аппаратом и армией за счет новых завоеваний и порабощения новых народов смогли еще на некоторое время продлить кризис старого общества, между тем, как Армения к тому времени уже сделалась феодальной страной и боролась с ними за свободное развитие новых общественных отношений. В свете сказанного выявляется прогрессивный характер народно-освободительных войн армян, грузин и албанов против сасанидского Ирана и Византийской империи в V—VII вв. Эти войны явились борьбой передовых классов той эпохи против отжившей свой век рабовладельческой системы производственных отношений.

3

МАРЗПАНСКАЯ АРМЕНИЯ. ВОССТАНИЯ 450—451 и 483—484 ГГ.

С разделом Армении большая часть ее ($^3/_4$) превращалась в вассально зависимую от сасанидского Ирана страну с сохранением своего внутреннего самоуправления на основе сложившегося к тому времени нахарар-

[1] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., VI, стр. 202.

ского права. Нахарары приобрели публичноправовую власть в пределах своих сеньорий и становятся фактическими хозяевами страны. Создавшееся положение лучше всего характеризует историк Елише. По его словам, после упразднения царской власти, «царство (армянское) досталось нахарарам. Хотя подати отправлялись в казну персидскую, но вся армянская конница выступала на войну под предводительством нахараров» [1].

При упразднении армянских Аршакидов все их богатства, оставшиеся в пределах Восточной Армении, были объявлены собственностью царя царей, а земли государственного домена, находящиеся вне остана Айрарата, были поделены между нахарарами.

Остан Армении — область Айрарат, по-прежнему остается центром страны, но он передается в «кормление» наместнику царя царей — марзпану Армении. Находящиеся в пределах остана, т. е. на бывшей царской земле, владельцы мелких земельных владений, азаты-всадники — потомки получивших земли на различных условиях от упраздненной династии Аршакидов, составляли особый слой мелкой знати, называемый останик [2].

Аппарат государственного управления претерпел частичные изменения. В г. Арташате находился до середины V в. марзпан Армении, потом политический центр переносится в г. Двин.

Арменией отныне управлял наместник «царя царей Ирана и не Ирана» — марзпан, совмещавший в себе гражданскую и военную власть. К управлению страной широко привлекалось нахарарство.

Армения, по сравнению с другими марзпанствами-провинциями сасанидского государства, находилась на особо привилегированном положении. Основные должности по управлению страной марзпан передавал армянским нахарарам, причем обязан был соблюдать выработанный веками принцип наследственного права замещения должностей.

Сасаниды усилили ведомства финансов, государственных повинностей, военное и царской гвардии. Во внутренней политике Сасаниды преследовали основную цель, как можно больше выкачать податей с подчиненного народа, поэтому в осуществлении этой налоговой политики решающую роль играл азарапет Армении.

Он собирал для казны государственные налоги, поземельные и подушные подати, ведал строительством в останских землях и наблюдал за исправностью оросительных систем. Трудовая повинность крестьян и ремесленников увеличилась еще больше, так как теперь азарапет обязан был по требованию начальника ведомства трудовых повинностей — гарикпета сасанидского государства передавать требуемый контингент рабочих рук.

Марзпаны большое значение придавали также должности малхаза, который исполнял обязанности начальника их воинской охраны.

---

[1] *Елише.* О Вардане и Армянской войне. Ереван, 1957, стр. 6 (древнеармянский текст).

[2] *А. Г. Периханян.* Древнеармянские востаники. ВДИ, 1956, № 2, стр. 44—58.

Азиатская конница продолжала оставаться и охранять остан Армении — Айрарат и по-прежнему получала натуральную и денежную субсидию, но уже не от армянских царей, а из казны сасанидского царя царей.

Стратегические пункты страны были заняты размещенными в них сасанидскими и армянскими гарнизонными частями из азатской конницы, возглавляемой спарапетом Армении.

Ведомство великого судьи, являвшееся привилегией главы армянской церкви — католикоса, терпелось Сасанидами до поры до времени. Он стоял во главе совещательного и законодательного органа армянской знати — Собора, который приобретает исключительное значение после падения царской власти, вместе с которым и был упразднен последний остаток былой военной демократии — Народное собрание («Ашхаражогов»).

Сасанидская Армения представляла собой совокупность малых и и больших владений армянский нахараров. В пределах своей территории нахарар был облечен политической властью, выполняя функции управления и судебной власти. Он имел своих чиновников из вассальной служилой знати — азатов, которые собирали подати и следили за выполнением повинностей трудовым населением в пользу нахарара. Каждый нахарар имел собственное войско, фамильный герб и знамя.

В этот период развивается сепухское право. Внутри нахарарской фамилии происходил процесс выделения отдельных семейств — сепухов, которые получали свою долю из общего фамильного достояния в качестве сепухской доли. Сепухи, азаты и мелкие нахарары являлись, таким образом, арьервассалами армянских нахараров.

Эта феодальная лестница, являясь политической организацией господствующего класса, нужна была для обеспечения коллективной власти над зависимым населением.

Армянская знать со своей государственной организацией и военной силой, прославленной армянской конницей, комплектовавшейся из азатов и рамиков, представляла собой довольно внушительную силу, с которой приходилось считаться сасанидскому царю царей.

С уничтожением земель царского домена и переходом этих территорий под власть нахараров, жившее там трудовое население крестьян-общинников — свободных шинаканов из положения царских земледельцев попало в состояние феодально зависимых крестьян. Земля прежде свободной сельской общины считается уже собственностью земельного магната, поэтому шинакан, владея своим наделом, перед землевладельцем выступает в качестве мелкого арендатора, обязанного за аренду вносить определенную часть урожая. Кроме того, с усилением основ натурального хозяйства растет барщина — обязательная даровая работа в хозяйстве землевладальца со своим инвентарем.

Прежние свободные сельские общины оставались еще в домене марзпана в Айрарате, но подавляющее большинство трудового населения состояло из феодально зависимых крестьян, все больше терявших свои права шинаканов. Города в этот период захирели и после их разрушения

сасанидскими войсками во время походов 364—368 гг. восстанавливались только частично. Из городов имел тенденцию к дальнейшему росту лишь г. Двин, все остальные уже представляли собой большие деревни.

* * *

В 40-х годах V в. Армения представляла собой полузависимую страну и управлялась армянской знатью под верховным владычеством Ирана, назначавшего наместника-марзпана из среды армянской феодальной аристократии. Государственные налоги, таким образом, шли в казну Сасанидов. Марзпаном Армении был представитель армянских нахараров Васак Сюни (443—451 гг.), ему были подчинены ведомства государственного управления, во главе которых стояли нахарары. Армянская конница находилась в распоряжении самих нахараров и не принимала участия в войнах Ирана со среднеазиатскими кочевниками.

В марзпанской Армении создалось положение, когда на ее территории, кроме сасанидских гарнизонов в укреплениях Айрарата, которые также подчинялись армянскому нахарару в лице Васака Сюни, не было других представителей сасанидской власти. Страна переживала период мирного строительства и бурного культурного подъема.

* * *

Положение, создавшееся в Армении к середине V в., не устраивало сасанидскую империю. Армения являлась тем форпостом, откуда Сасаниды могли контролировать Сирию и Малую Азию и преградить Византии доступ на Кавказ. Этот форпост надо было поставить в одинаковое положение с остальными частями государства, т. е. уничтожить внутреннюю самостоятельность армянского народа.

Сасаниды, пользуясь тем, что Византия была поглощена войнами с Аттилой и церковными распрями, возобновили прежнюю политику уничтожения внутренней самостоятельности Армении.

Эту новую политику Ездегерд II начал с того, что привлек на свою сторону всех антивизантийски настроенных лиц среди армянской аристократии и заручился их поддержкой. Среди армянских нахараров наиболее ответственные должности имели ишханы Сюника, что тесно связано с общей политикой Сасанидов в странах Закавказья.

Персидские цари царей уже в начале своей активной наступательной политики в Закавказье обратили серьезное внимание на владетелей Сюника, от ориентации которых многое зависело. Сюник оказался в центре внимания сасанидского двора, особенно во второй четверти V в., когда особенно остро встал вопрос охраны от нашествий кочевников с севера кавказских рубежей сасанидской империи. По сообщению историка Лазаря Парбеци, Ездегерд II назначил Васака Сюни марзпаном Иберии (Картли) (около 439—443 гг.) и возложил на него охрану Аланских ворот.

Здесь Васак Сюни завязал дружеские отношения с вождями пограничных гуннских племен [1]. Установление добрососедских отношений с кочевниками Северного Кавказа имело для Сасанидов величайшее значение. Помимо того, что этим предотвращались набеги кочевников, в случае необходимости они могли предоставить Сасанидам неисчерпаемые военные контингенты, и это в тот период, когда гунны вторглись в пределы Восточно-Римской империи и византийские императоры вели с ними безуспешную борьбу [2].

В создавшихся условиях, несомненно, владетели Сюника возглавляли проирански настроенную часть армянской знати, что, разумеется, вызывало недовольство со стороны армянских церковников и провизантийской части армянских нахараров. Но Сасаниды старались отстранить их от общеполитической жизни страны.

Прежде всего Сасаниды обратили внимание на армянскую церковь, которая являлась выразителем политических интересов Византии и мешала культурной ассимиляции армян с иранцами, а затем на армянскую конницу, заинтересованную в самостоятельности своего государства.

Энергичную борьбу с гуннами Средней Азии пришлось вести Ездегерду II. Для того, чтобы раз и навсегда искоренить гуннскую опасность, он мобилизовал военные силы всех подчиненных ему стран и перебросил на северо-восточные рубежи своего государства. Это явилось хорошим поводом к тому, чтобы вывести из марзпанской Армении конницу и лишить ее возможности оказать сопротивление новым мероприятиям Сасанидов в стране, кроме того были мобилизованы армянские военные ополчения и посланы в Среднюю Азию для борьбы с гуннами. При этом они должны были содержаться самими армянскими нахарарами.

Военное положение сделалось постоянным явлением. Ездегерд II на далекой северной окраине, Мервском оазисе, основал свою военную ставку, где и проживал постоянно в течение семи лет (442—449 гг.). Армянские войска находились при нем и после окончания военных действий, он намеренно задерживал их, не отпуская на родину.

Этой мерой Сасаниды лишили Армению и Албанию их военной силы, чтобы, оставив беззащитными, осуществить свои новые мероприятия по уничтожению внутреннего самоуправления этих стран.

Вторым мероприятием явилось проведение всеобщей переписи населения и всех объектов обложения, вследствие этого значительно возросли налоги. После переписи, точно выявив возможности обложения, на марзпанскую Армению были наложены тяжелые подати, причем не только на шинаканов, рамиков и городское население, но и на духовенство, которое вообще было приравнено к азатскому сословию и платило только позе-

---

[1] *Лазарь Парбеци.* История Армении, ч. II. Тифлис, 1904, стр. 83 (древнеармянский текст).

[2] *С. Т. Еремян.* Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. ВДИ, 1951, № 4, стр. 44.

мельную подать. Более того, были учтены все годные для обработки земельные угодья и, независимо от того пустовала ли эта земля или обрабатывалась, с нее взыскивалась поземельная подать с землевладельца. Даже деревни, которые были покинуты населением из-за чрезмерных феодальных повинностей, были зачислены за владельцем земли как его доходные статьи.

Касаясь этого, Елише пишет: «там, где следовало взимать сто дахеканов, взимали вдвойне; обложены податью также епископы и священники и земли не только застроенные, но и пустовавшие. Да и кто в состоянии рассказать о бремени поборов — «мута» и «сака», «бажа» и «хаса» с пастбищ, пашен и лесов. Взимали не так, как подобает царям, а грабили точно разбойники, сами даже удивлялись, откуда берется столько богатства, каким же образом продолжает благоденствовать страна Армянская?» [1].

Кроме всего прочего, это увеличение налогового обложения было вызвано растущими со дня на день расходами на содержание Сасанидами огромной армии в Средней Азии и постройкой там пограничных укреплений, ложившихся тяжким бременем на казну, средства которой составлялись из этих налоговых поступлений с подчиненных провинций. Наконец, увеличение налогового бремени преследовало цель экономически обессилить страну и, в первую очередь, истощить шинаканов, «дабы они из-за крайней нищеты невольно обратились в религию магов (т. е. иранскую)» [2].

Сильное увеличение налогового обложения вызвало недовольство среди всех слоев населения и прежде всего среди шинаканов и рамиков, затем среди духовенства и нахараров. Вместе с тем Сасаниды начали наступление на наследственные привилегии нахараров, фактически отстранив их от политического руководства страной.

За этим последовало послание азарапета иранского государства Мирнерсе к нахарарам, в котором он требовал, чтобы они приняли зороастризм. В случае отказа нахарары должны были отправиться к царю царей и предстать перед его судилищем.

Для ответа на это послание был созван специальный собор в Арташате, на котором и было составлено ответное послание. Собравшиеся от имени всего народа решительно заявляли, что ни при каких условиях армяне не откажутся от своей религии.

В Ктезифоне послание армян было рассмотрено как антигосударственное выступление и спешно были затребованы ко двору царя царей главные представители феодальных домов Армении, Картли и Албании. Из Армении отправились десять наиболее влиятельных нахараров: марзпан Васак Сюни, спарапет Вардан Мамиконян и др.

Прибывшим угрожали, что если они не оставят христианства и не примут маздеизм, они будут лишены всех наследственных привилегий и будут

[1] *Елише.* Указ. соч., стр. 23.

[2] Там же.

сосланы в далекие пустыни Ирана, а в Армению, Картли и Албанию будет отправлена карательная экспедиция, которая разорит эти страны, а жен и детей нахараров угонит в Хузистан в неволю.

Чтобы избежать ожидающей их участи, прибывшие феодалы ложно приняли религию магов. Благодаря этому они получили возможность вернуться на родину. Обрадованный Ездегерд II отправил их на родину с большими почестями и подарками вместе с многочисленными магами. В то же время, чтобы сохранить нерушимость данной феодалами клятвы, царь царей взял в заложники от армянской знати двух сыновей марзпана Васака Сюни. Этими крутыми мерами Сасаниды думали уничтожить нити, связывающие армянскую, грузинскую и албанскую знать с Византией.

* * *

События эти, конечно, в первую очередь, задевали интересы христианского духовенства, которое не преминуло использовать растущее изо дня в день недовольство среди обремененного тяжкими поборами крестьянства и знати.

Возвращавшиеся из Ктезифона нахарары, прибыв в Армению со своими войсками и магами, остановились в местечке Англ.

В Англе вооруженные рамики, ободренные присутствием армянских войск, напали на капище огня магов и разрушили его, а неугасимый огонь облили водой, что для зороастрийцев считается величайшим святотатством. Самих магов убили, после чего перебили прибывшие с ними персидские войска, а их военачальников захватили в плен. Так началось всенародное восстание.

Между нахарарами было достигнуто соглашение о совместном выступлении против Сасанидов. Организаторы повстанческого движения марзпан Васак Сюни, спарапет Вардан Мамиконян и их сторонники развернули лихорадочную работу по организации народных масс для изгнания врага из страны.

С армянами поддерживали тесный контакт восставшие грузины и албаны.

Все слои народа были охвачены единодушным порывом уничтожить врага и освободить свою страну. Народные низы решили бороться за свою родину до последней капли крови.

Тем временем азарапет персидского государства Михрнерсе с большим войском прибыл в Албанию и расположился в г. Пайтакарне, откуда он намеревался вторгнуться в Армению. Положение восставших армян становилось серьезным. Расположенные в тылу Армении иранские гарнизонные войска присоединились бы к идущим из Албании войскам Михрнерсе, и для восставших армян создалось бы безвыходное положение.

Чтобы предотвратить возможное вторжение иранских войск, армянские войска быстро спустились с гор Цалканц в Айрарат и, напав на персидские

гарнизоны, уничтожили их. Войска восставших армян завладели всеми стратегическими пунктами страны и разместили там свои гарнизоны.

Большая часть армянской конницы находилась в Средней Азии и воевала с гуннами. Оставшиеся в стране армянские войска были малочисленны, а многочисленные народные ополчения были неопытны в деле войны. Поэтому вожди восстания решили обратиться за военной помощью к Византии и к гуннам Северного Кавказа. Император Феодосий II живо откликнулся на просьбы армян и готов был оказать им всяческую помощь.

Вообще для восставших армян международная политическая ситуация была неблагоприятной. Это было время, когда гунны со стороны Дуная вторглись в пределы Восточно-Римской империи и византийские императоры вели с ними безуспешную борьбу. Поэтому когда восставшие армяне в 450 г. обратились за помощью к только что воцарившемуся императору Маркиану (450—457 гг.), последний решительно отказал им в их просьбе. Более того, он поспешил через своих послов заверить Ездегерда II в том, что Византия не окажет никакой помощи единоверцам армянам и останется верна договору 421 г. Некоторые факты показывают, что византийский император оказал даже финансовую помощь сасанидскому Ирану для укрепления кавказских проходов. Вероятно, тогда был укреплен «проход гуннов» — Хорсвэм (проход у нынешней горы Беш-Бармак, севернее Сумгаита). Здесь на финансовую субсидию Маркиана была построена стена [1].

Этот факт послужил основной причиной решительного поворота политики марзпана Васака Сюни, сперва тайно, а затем явно перешедшего на сторону врага и помогавшего ему окончательно разбить восставших армян. Большие привилегии и полномочия, широкая политическая деятельность в масштабе всего сасанидского государства притупляли в Васаке Сюни чувство солидарности с остальной знатью нахарарской Армении. Этим следует объяснить предательство Васака Сюни, в конечном счете оказавшемся в лагере предателей антисасанидского движения.

Позиция Византии совершенно меняла существующее положение. Для восставших армян стало ясно, что им придется воевать с персами без посторонней помощи. Единственным выходом из положения являлось нанесение врагу внезапного удара, пока он не мобилизовал всех своих сил.

Исходя из стратегических соображений, спарапет Вардан Мамиконян армянские войска разделил на три части. Первую часть он передал Нершапуху Арцруни, чтобы предупредить вторжение сасанидских войск с юго-востока из Атрпатакана. Вторую часть возглавил сам Вардан Мамиконян и отправился в Картли, чтобы овладеть Аланскими воротами (Дарьяльское ущелье), уничтожить находящийся там сасанидский гарнизон и завязать связи с гуннами. Наконец, третья часть войск была оставлена

[1] Сообщение армянского историка Гевонда о греческой надписи с упоминанием императора Маркиана относится, как видно, именно к этому проходу (*Вардапет Гевонд.* Указ. соч., стр. 28; *С. Т. Еремян.* Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. «Изв. Арм. ФАН», 1941, № 7(12), стр. 37).

в распоряжении Васака Сюни, который должен был охранять тыл страны. Такое распределение военных сил было бы эффективным в том случае, если бы между всеми участниками царило полное единодушие.

Но в создавшихся условиях оставшийся в тылу Васак Сюни мог сбросить с себя маску и показать, что он с самого начала заботился лишь об интересах Ирана. Васак Сюни был уверен, что с Сасанидами он найдет общий язык, они восстановят привилегированное положение марзпанской Армении и откажутся от политики уничтожения христианства и навязывания населению маздеизма.

Персы, предупрежденные Васаком Сюни о движении на север Вардана Мамиконяна, немедленно собрали свои войска и поспешили перерезать ему путь, чтобы закрыть проход к Дарьяльскому ущелью.

Вардан Мамиконян встретил превосходящие силы врага в районе зимней резиденции албанских царей, г. Халхал (около совр. Казаха). В разгоревшейся битве победителями оказались армяне, к ним присоединились нашедшие убежище в горах албаны, совместно с которыми Вардан Мамиконян совершил поход к Дарьяльскому ущелью. Здесь, уничтожив иранский гарнизон, армяне заняли все укрепления и заключили союз с гуннами, которые обязались выставить им в помощь свои военные ополчения (450 г.).

В то время, как Вардан Мамиконян одерживал эти победы, в тылу Армении Васак Сюни открыто перешел на сторону врага. Размещенные в Айрарате армянские гарнизоны он уничтожил и вновь разместил там иранские войска. Наряду с этим Васак Сюни отнял от воспитателей и послал сасанидскому царю детей восставших нахараров в первую очередь Мамиконянов и Камсараканов. Этими мерами он хотел парализовать повстанческое движение и заставить обе стороны итти на компромисс. Многие нахарары бежали в свои вотчины, а часть из них присоединились к нему: одни по принуждению, другие добровольно. Теперь уже, когда выяснилась различная ориентация, наряду с борьбой против иноземных захватчиков, приходилось вести борьбу с внутренними врагами. Общенародная борьба с врагом протекала в условиях обострившихся противоречий между отдельными группировками нахараров.

В конце осени 450 г. Вардан Мамиконян вернулся из Картли и Албании в Айрарат. Васак Сюни укрепился в своей вотчине Сюнике, разорив предварительно Айрарат с тем расчетом, чтобы зимовка армянских войск там была невозможной.

Были разорены все укрепленные пункты, а провиант и фураж уничтожены, поэтому армянские войска не могли разместиться там на зимние квартиры. По приказу Вардана Мамиконяна армянские войска разбрелись по всей стране на зимовку, чтобы с наступлением весны быть готовыми к боевым выступлениям.

Спарапет Вардан Мамиконян образовал в Арташате новое правительство, став правителем страны и одновременно главой вооруженных сил. Начальниками ведомств он сделал близких себе людей.

Васак Сюни и его сторонники делали все, чтобы избежать военного столкновения. Они прилагали все усилия, чтобы закончить восстание взаимным соглашением армян с персами. К тому же Ездегерд II потерпел поражение от эфталитов в Средней Азии и вернулся в Ктезифон. Это обстоятельство использовал Васак Сюни. Он всячески стремился убедить царя царей, чтобы он смягчил свою политику в Армении, послал грамоту о прощении и положил бы конец брожению и подготовке к войне в стране.

Ездегерд II послал в Армению указ о прощении восставших. В указе он обещал освободить заключенных, участников повстанческого движения и вернуть конфискованное имущество и земли. Взамен царь царей просил от нахараров Армении свидетельства о верности, а сам он приносил клятву, обещая, что все будет забыто и никакого отмщения не последует.

На многих нахараров этот указ произвел большое впечатление. В их глазах поднялся авторитет Васака Сюни, которого считали инициатором этой политики уступок центрального правительства. Они видели, что Васак Сюни стремился всячески избежать кровопролития и разорения страны. На самом же деле Сасаниды хотели расстроить повстанческое движение, чтобы затем расправиться с вождями движения.

Спарапет Вардан Мамиконян и его сторонники отнеслись к указу недоверчиво. Но все-таки многие из нахараров перестали участвовать в подготовке к войне. Среди восставших возникли разногласия.

Вардан Мамиконян и его сторонники из духовенства и нахараров, азатов и шинаканов решили продолжать дело борьбы за освобождение своей родины до конца.

Сасаниды видели, что повстанцы не верят в указ и продолжают готовиться к войне, поэтому им самим надо было спешить с отправлением войск к границам Армении. Азарапет Михрнерсе стянул свои войска в Пайтакаран, куда был вызван также Васак Сюни для информации о военных приготовлениях восставших армян.

Подрывная деятельность Васака Сюни развернулась не только в пределах марзпанской Армении, но и вне ее. Он стремился уничтожить единство между восставшими армянами, грузинами и албанами. Васак Сюни вновь укрепил Дарьяльское ущелье персидскими войсками и тем самым лишил гуннов возможности оказать помощь армянам. Так, он сумел изолировать повстанцев, которые ниоткуда не могли ждать помощи.

В апреле 451 г. войска персов были стянуты к границам Армении.

Узнав об этом, спарапет Вардан Мамиконян издал приказ, чтобы все нахарары со своими ополчениями собрались в Арташате.

Там был устроен торжественный смотр войск, на котором, согласно Елише, была представлена конница 28 нахарарских домов с их предводителями. Численность всей армии восставшей Армении составляла 66 тыс. человек конницы и пехоты. Войско врага исчислялось в 200 тыс. человек. Но морально войска восставших были сильнее. По словам историка, они имели «единое сердце и единое дыхание, они предпочитали смерть позорной жизни».

Чтобы предотвратить вторжение вражеского войска в страну, Вардан Мамиконян поспешил отправить войска на южную границу. Но к тому времени сасанидские войска успели вторгнуться в Армению и встретили двигавшиеся на них армянские войска в округе Артаз, на равнине около с. Аварайр. Их разделяла р. Тгмут (совр. р. Зангимар южнее Маку). 2 июня 451 г., в полдень, начался бой и эта страшная битва прекратилась к вечеру того же дня. Поле было усеяно телами убитых. По словам Елише, армяне не потерпели поражения, «ибо не было стороны, которая победила и не было стороны, которая потерпела поражение, а храбрецы выступали против храбрецов, и обе стороны потерпели поражение» [1].

* * *

После того, как пали многие из военачальников во главе с Варданом Мамиконяном, восставшие, чтобы сохранить свои силы, рассеялись по неприступным горам и ущельям страны. Народ перешел к партизанской войне. Теперь Сасаниды были вынуждены вести длительную войну с повстанцами Армении.

В создавшихся условиях нападения гуннов и эфталитов в Средней Азии надо было поскорее умиротворить марзпанскую Армению, пойдя на компромисс с восставшими. Но это можно было сделать только при условии удаления ненавистного народу Васака Сюни. В Армении, однако, мало кто верил в благие намерения сасанидских властей. Васак Сюни был отстранен от своей должности и на его место марзпаном Армении был назначен один из потомков армянских Аршакидов Атр-Ормизд Аршакан.

Новый марзпан рассылал по всей стране грамоты о мире. По царскому указу всем предоставлялась полная свобода вероисповедания; отменены были подати во всей стране; на некоторое время был уменьшен набор в царскую конницу; разрешено было возвращаться всем повстанцам и вступать во владение своим имуществом.

После подавления восстания и уничтожения царской власти в Албании (462 г.) и особенно укрепления положения Ирана в Албании, Пероз перестал считаться с наследственными привилегиями армянских нахараров. Сасаниды снова стремятся вовлечь в аппарат управления верных их политике нахараров, особенно тех, которые во время восстания 450—451 гг. отошли от восставших и примкнули к ним, причем должности в государственном аппарате передавались тем из нахараров, которые принимали маздеизм. Оппозиционная часть нахараров и духовенства ведет антисасанидскую политику, раздувая религиозный антагонизм и фанатизм. Снова посылаются тайные обращения о помощи в Византию к императору Льву I Великому (457—478 гг.).

В создавшихся условиях больше всего игнорировались фамильные привилегии Мамиконянов, издавна известных своими провизантийскими

---

[1] *Елише.* Указ. соч., стр. 119.

симпатиями. Мамиконяны, чтобы не потерять свои владельческие права, вынуждены были приспособиться к создавшейся обстановке. Сын погибшего в партизанской войне Амаяка Мамиконяна, Ваан, достигший совершеннолетия, являлся старшим представителем своей фамилии и был законным претендентом на звание танутера Мамиконянов и ведомство спарапета.

Он отправляется в Ктезифон, представляется Перозу, преподносит ему добываемое в его владениях (Фарангий в Тайке) золото и официально принимает маздеизм, после чего возвращается на родину с большими почестями. Ваан Мамиконян этим благоразумным шагом спас себя от преследований своих политических врагов — нахараров-иранофилов.

Пока Пероз был силен, Ваан Мамиконян со своими ополчениями честно нес вассальную службу, участвуя в походах Пероза против гуннов.

В Средней Азии вновь начались вторжения гуннов, и Пероз после короткой передышки вновь повел войну, которая стоила ему колоссальных усилий и средств. Опять Сасаниды напоминали Византии, что она обязана субсидировать охрану Кавказских проходов, так как нашествия кочевников одинаково угрожали обоим государствам.

Благодаря полученному золоту Перозу удалось отогнать гуннов от своего государства. Но этим война не кончилась. Перозу пришлось вести напряженную борьбу с более грозными белыми гуннами или эфталитами, выходцами из Китая и кочевавшими в Средней Азии. В борьбе с ними Перозу пришлось лишиться своих золотых запасов, а в конечном счете и жизни.

* * *

Борьба Ирана с гуннскими племенами по мере своего обострения воодушевляла подвластные Сасанидам народы на возобновление борьбы за освобождение. И теперь, когда Пероз, потерпев страшное поражение, подписал с гуннами позорный мир, грузинский царь Вахтанг Горгасал (456—502 гг.) воспользовался создавшейся обстановкой. Он поднял восстание, убил сасанидского ставленника Вазгена и начал войну с персидским военачальником Азаравухтом. Весть об этом явилась сигналом к восстанию армян.

Узнав о восстании в Грузии, армянские нахарары, бывшие в ставке персидских войск в Шираке, решили восстать. Вождем восстания был избран Ваан Мамиконян. Но один из участников совещания поспешил сообщить об этом марзпану, который бежал со своими сторонниками в Ани и там укрепился. Как только об этом узнали повстанцы, тотчас же армянская конница во главе с Вааном Мамиконяном погналась за ним. Беглецы пробовали укрепиться в цитадели Арташата, но когда восставшие начали осаду крепости, они ночью бежали в Артпатакан. Страна осталась в руках восставших.

В Двине восставшие армяне образовали свое правительство. Марзпаном был назначен Саак Багратуни, а спарапетом — Ваан Мамиконян. Восставшие нахарары заблаговременно перевели семьи и все свои сокровища

в пограничную с Византией труднодоступную область Тайк, которая должна была стать их опорным пунктом.

Иранцы решили немедленно приступить к военным действиям, нанести повстанцам решительный удар, пока они не укрепили своего положения. Бежавший марзпан Атр-Вышнасп с семитысячным войском вторгся в Армению. Восставшие успели набрать лишь 400 всадников, которые с Вааном Мамиконяном встретились с врагом у подножья Арарата, около селения Акори. Здесь произошло первое столкновение восставших армян с врагом, в котором армяне показали исключительный героизм и отвагу и смогли одолеть значительно превосходящие силы врага. Были убиты марзпан Атр-Вышнасп и другие военачальники иранцев. После этого враг обратился в бегство и вместе с ними изменник родины Гдихон Сюни, оставив на поле битвы огромную добычу, коней и пленных.

С наступлением зимы армянские войска расположились на зимние квартиры и готовились к предстоящим весенним боям с Ираном.

Горные области Южной Армении не были еще вовлечены в повстанческое движение. Ваан Мамиконян призвал их принять участие в движении за освобождение страны от иноземного владычества и многие из них откликнулись на этот призыв.

Иран, уставший от длительной войны с гуннами в Средней Азии, вынужден был одновременно думать об Армении и Картли. Пероз мобилизовал против армян и грузин большую армию, часть которой направилась к границе марзпанской Армении, а часть — через Албанию двинулась в Грузию.

В апреле 482 г. в Двине стало известно, что враг вторгся в Армению и углубился в тыл. Против них поспешил Ваан Мамиконян во главе тридцатитысячного отряда отборных вооруженных воинов. Армянские войска встретились с персами в округе Артаз.

Битва началась рано утром и к вечеру закончилась полной победой армян. После гибели иранских военачальников вражеские войска побежали. Преследовавшие их армяне уничтожили большую часть отступавших, захватив огромную добычу. Но в это время грузинские войска терпели поражения от персов, и армянам пришлось поспешить на помощь грузинам. Прибывшим армянским войскам Вахтанг обещал, что наемные гунны ожидаются со дня на день, но их не было, и поэтому пришлось в летнюю жару 482 г. спуститься с пограничных с Арменией Кангарских гор в долину р. Куры, на равнину, которая не давала стратегических преимуществ. Общее руководство большими операциями армянских и грузинских войск было возложено на спарапета Ваана Мамиконяна.

Иранские войска под начальством Михрана на третий день встретились с объединенными армяно-грузинскими войсками. В рядах армянских войск не было единства. Многие из армянской знати, боясь усиления авторитета спарапета Ваана Мамиконяна, готовы были пойти на предательство. Среди грузинской знати, ведшей борьбу против политики централизации царя Вахтанга Горгасала, сильны были иранофилы, которые с помощью

Сасанидов рассчитывали уничтожить царскую власть и стать фактическими хозяевами страны. Именно эти элементы из армянской и грузинской знати установили с иранским полководцем Михраном тайные связи и способствовали тяжелому поражению союзных войск.

На поле битвы пали марзпан Саак Багратуни, Васак Мамиконян и др. персы взяли в плен многих армян и грузин.

Царь Вахтанг Горгасал бежал в Лазику (совр. Западную Грузию), а спарапет Ваан Мамиконян, чтобы спасти свои военные силы от уничтожения, предпочел отступить и, собрав разбежавшиеся войска, укрепился в своей вотчине Тайк. Иранский полководец Михран отправился вслед за ним и остановился в Басене, оттуда он вел переговоры с Вааном Мамиконяном, прося его о мире. Спарапет Армении выставлял свои условия, после принятия которых он соглашался заключить мирный договор. Переговоры еще не были доведены до конца, когда Михран со своими войсками спешно был вызван в Иран.

После ухода иранских войск Ваан Мамиконян вернулся в Айрарат, в Вагаршапат и Двин, он должен был позаботиться о наведении порядка в стране после перенесенных битв. После смерти Саака Багратуни функции правителя страны марзпан Ваан Мамиконян возложил на себя.

Ваан Мамиконян с немногочисленным войском находился в Двине, когда неожиданно весной 482 г. иранские войска вторглись в Армению и дошли до Арташата. Ваан Мамиконян спешно вышел из Двина, дал бой персам на равнине и победил их, но малочисленность его войск не дала ему возможности оказать дальнейшее сопротивление, и он вынужден был спешно отступить в свою вотчину Тайк, а затем в неприступные горы Халдии, в пределы византийских владений. Иранский полководец Азаравухт двинулся за ним и дошел до Тайка.

Ваан Мамиконян, собрав значительные силы, из Тайка отправился вдоль византийско-сасанидской пограничной линии на юг. В округе Аршаруник в селении Ерез произошла стычка армянских партизанских отрядов с персами, в котором последние потерпели поражение и отступили.

Эти военные операции происходили в тот момент, когда в далекой Средней Азии гунны нанесли Сасанидам смертельный удар.

В то время, когда сасанидские войска в Армении были поглощены мелкими партизанскими стычками с восставшими армянами, неожиданно прибыли из Ирана гонцы и сообщили печальную весть о гибели царя царей Пероза и вторжении гуннов в пределы страны. Это было в конце лета 484 г. Воевавшие с армянами и грузинами полководцы поспешили в Ктесифон Армения и Картли вновь оказались в руках восставших армян и грузин.

* * *

Несмотря на разгром армии, Ваан Мамиконян, благодаря сложившейся ситуации, возвращался из Аршамуника в Айрарат победителем. Он сразу же приступил к большой работе по приведению в порядок армии, гарнизонов и укрепленных пунктов страны. Государственный аппарат был

очищен от ненадежных и подозрительных лиц из нахараров. Ведомства передавались со строгим учетом наследственности их замещения. Во главе управления страной находился Ваан Мамиконян, который, выступая в качестве главы всех нахараров, носил титул танутэра Армении, одновременно являясь спарапетом и возглавляя все вооруженные силы страны. Он становится пожизненным правителем вверенной ему нахарарами и народом страны. С этого времени, в отличие от византийской Армении, марзпанская Армения называется танутэрской страной.

Ваан Мамиконян стремится восстановить благосостояние пострадавшей от войн страны. При нем были восстановлены разрушенные города и деревни.

В Иране воцарился брат Пероза, Валарш (484—491 гг.), которому досталась в наследство страна, разоренная гуннами и пустая казна.

Валаршу надо было прежде всего восстановить единство расшатанного государства, привести в порядок бюджет, установить мирные взаимоотношения с подчиненными народами и поднять благосостояние изнуренной неудачными войнами страны.

В конце 484 г. в Двин прибыло посольство Валарша, которое заявило, что царь царей хочет установить с армянами дружбу и мир. Ваан Мамиконян и правящие круги пошли навстречу этому предложению.

В пограничном селении Нварсак (совр. селение Ниисак около Хоя) был заключен мирный договор между Арменией и Ираном, по которому были восстановлены прежние привилегии нахараров и порядки, установившиеся в Армении после восстания народа. За христианством были признаны права государственной религии Армении. Управление страной вновь отдавалось в руки армянской родовитой знати. Назначение на государственные должности глав нахарарских родов должно было происходить согласно наследственному праву нахараров, а не по усмотрению Сасанидов. Верховным сюзереном и судьей нахараров мог быть лишь царь царей, а не марзпан.

Весной 485 г. Ваан Мамиконян отправился в Ктезифон, где Валарш принял его с большими почестями. Во время аудиенции царь царей всю вину за происшедшее возлагал на неразумную политику Пероза. Валарш письменно утвердил пункты мирного договора, затем особым указом спарапетом Армении и танутэром признавал Ваана Мамиконяна. Особыми указами были утверждены в своих должностях начальники ведомств и восстановлены в своих правах многие опальные нахарары. Однако марзпаном был назначен перс Андекан. С этим нахарары не могли смириться.

Под давлением армянской знати Валарш был вынужден Андекана отозвать обратно и признать правителем — марзпаном Армении Ваана Мамиконяна (в конце осени 485 г.).

Таким образом, было достигнуто окончательное соглашение между армянской знатью и Ираном. Привилегированное положение нахараров и духовенства было вновь восстановлено. Армения была признана полузависимой страной, имевшей самоуправление.

4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ САСАНИДСКИМ ИРАНОМ, ВИЗАНТИЕЙ И АРМЕНИЕЙ НА РУБЕЖЕ V—VI ВВ.

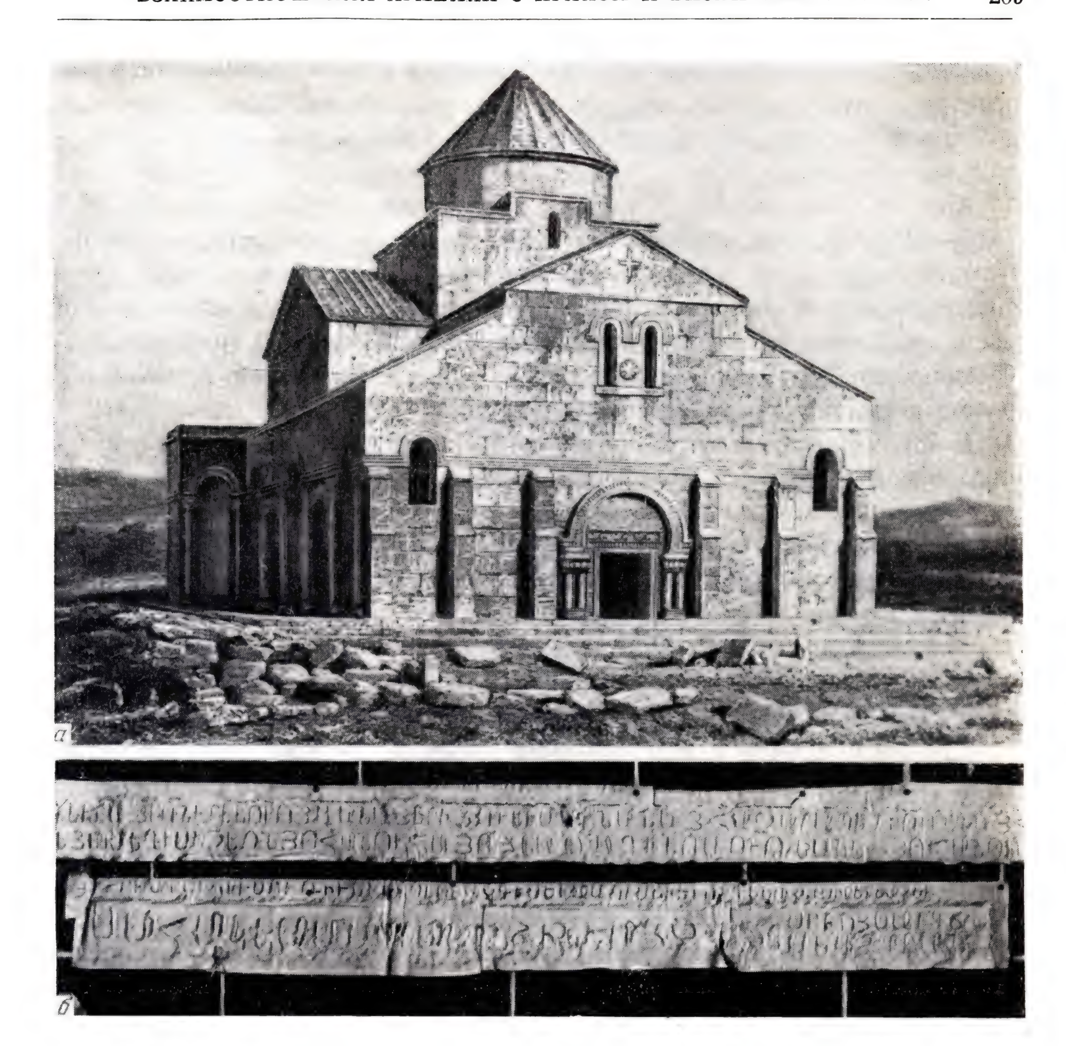
В борьбе с сасанидским Ираном одним из сильных орудий в руках Византии являлась церковь, через которую Византия распространяла свое политическое и идеологическое влияние на христианские народы, подвластные Ирану. Сасаниды, в свою очередь, пользовались вероисповедной борьбой внутри христианской церкви и оказывали широкое покровительство тем вероисповеданиям, которые отвергались официальной византийской церковью и подвергались гонению.

После осуждения учения несториан в 431 г. на III Вселенском соборе в Эфесе они, несмотря на покровительство Сасанидов, были разгромлены в марзпанской Армении.

На IV Вселенском соборе, созванном в 451 г. в Халкедоне произошел раскол между западными и восточными церквами. На этом соборе спор велся между монофизитами и диофизитами. Монофизиты учили, что во Христе только одна природа, что он не человек, а бог. Диофизиты, наоборот, признавали в Христе два естества — божественное и человеческое. На соборе перевес имели диофизиты, так как их поддерживали император Маркиан, константинопольский патриарх и римский папа. Специальным эдиктом императора официально признанным вероисповеданием византийской церкви признавалось диофизитство как православная церковь, а все остальные были признаны еретическими. С этого времени в пределах Византии запрещались всякие религиозные общины монофизитов, против которых начинаются гонения. Впредь диофизиты — православные называются также халкедонитами, а монофизиты — антихалкедонитами.

В этот период армяне были поглощены борьбой с сасанидским Ираном, поэтому они не имели возможности выявить свое отношение ко всем этим изменениям. Лишь позже выяснилось, что в вопросах вероисповедания армяне, грузины и албаны оказались в лагере умеренных монофизитов восточных провинций империи — коптов, сирийцев и др.

Церковный раскол еще больше способствовал углублению начавшегося процесса обособления от империи ее восточных провинций. Этот процесс отчуждения европейской части Византии от малоазиатской особенно остро ощущался при императорах Зеноне (474—491 гг.) и Анастасии (491—518 гг.), стремившихся целым рядом мероприятий задержать его. Зенон постарался в вероисповедных вопросах найти такое положение, которое способствовало бы объединению разнородных по своему культурному уровню западных и восточных провинций империи. Он старался сгладить разногласия между монофизитами и диофизитами и примирить их, поэтому в 482 г. был издан так называемый энотикон (грамота о единстве), в котором примирялись противоречивые вероисповедные учения. Однако представители восточных церквей — александрийские, антиохийские и армян-



Храм Мрен: *а* — общий вид; *б* — надпись V в. у входа над тимпаном (эстампаж)

ские монофизиты истолковали энотикон как осуждение диофизитов и с готовностью поддержали его.

Добиваясь временного примирения диофизитов с монофизитами, Зенон ведет борьбу с несторианами, политическими приверженцами сасанидского Ирана.

В этой борьбе горячее участие приняли армяне, грузины и албаны, а это означало поддержку ими религиозной политики враждебной Ирану державы — Византии. Несторианам же покровительствовало и помогало сасанидское государство.

* * *

В ответ на гонение несториан в Византии Сасаниды начали преследование монофизитов. Они были поставлены перед необходимостью выбора между несторианством и маздеизмом. Но эта новая попытка Сасанидов

навязать армянам маздеизм (в 492 г.) привела к новому восстанию и отделению танутэрской Армении от сасанидского Ирана. Ваан Мамиконян обратился к императору Анастасию с просьбой принять армян под свое покровительство.

Армяне воспользовались новыми затруднениями Сасанидов. Кавад I (488—531 гг.), воцарившийся благодаря гуннам, получил вместе с троном пустую казну и единственным источником ее пополнения могла быть только Византия, которая уклонялась от условленных по договору взносов «золота». Между тем, гунны, привыкнув к легкой наживе и грабежам, требовали дани. Тогда было решено начать войну с Византией и, таким образом, разрешить финансовые затруднения.

В 491 г. Кавад послал своих послов в Византию с требованием очередного взноса «золота». Только что воцарившийся император Анастасий отказался платить, и в 492 г. жречество и знать восстали против Кавада, чтобы низложить его. Этими осложнениями воспользовалась танутэрская Армения, которая отказалась признать власть Сасанидов. Восставшие армяне в первую очередь обрушились на всех вероотступников — последователей зороастризма. Посланные Кавадом персидские войска были разбиты, и восставшие армяне послали Анастасию I послов с просьбой принять танутэрскую Армению под свое покровительство.

Однако Анастасий I, опасаясь войны с Сасанидами, отказался принять предложения армянских послов. Вслед за армянами восстали грузины, горные племена Армянского Тавра и арабские племена средней Месопотамии.

Эти восстания пограничных с Византией народов и племен, недовольство знати и жречества Кавадом поставили его в безвыходное положение. Он должен был бежать к гуннам, с помощью которых в 498 г. вновь получил сасанидский престол.

Теперь война была необходима Каваду для того, чтобы платить гуннам за оказанную помощь.

Кавад начал вести мирные переговоры с армянами, ставя перед ними условием участие в предстоящей войне на его стороне и предоставление своей территории сасанидским войскам для вторжения в пределы Византии.

Ваан Мамиконян, не желая нажить нового врага в лице Византии, отказался выполнить эти условия. Тогда Кавад начал войну против армян, закончившуюся поражением последних. Армяне были вынуждены согласиться на предложения Кавада, так как они не получили от византийцев никакой помощи в этой войне.

Танутэрская Армения вновь становилась вассально зависимой страной. Она обязывалась принять участие со своей конницей в походе Кавада против Анастасия и пропустить сасанидские войска к северо-восточной границе Византии.

Кавад, затевая войну с Византией, знал, что армянская знать византийской Армении была недовольна империей за то, что она ущемляла их

наследственные права и привилегии. Так, например, император Зенон, после подавления восстания исавров и примкнувших к ним некоторых армянских нахараров, в 479 г. отменил их владетельные права, и они ждали лишь удобного случая, чтобы восстать и отторгнуться от императора.

Неожиданно для Анастасия в августе 502 г. войска Кавада вторглись из танутэрской Армении в византийскую Армению и заняли города Карин-Феодосиополь и Мартирополь-Тигранакерт, правители которых добровольно сдались врагу. Захваченные врасплох византийцы не смогли оказать организованное сопротивление, а народ и знать перешли на сторону врага.

Город Амида (совр. Диарбекир), оказавший персам упорное сопротивление, был взят и разграблен, а жители частью перебиты, частью уведены в плен. Кавад зимовал в Амиде, а его войска разоряли цветущие села и города византийской Месопотамии и Сирии.

Кавад удовлетворился ограблением и разорением северной Месопотамии и византийской Армении и обещал прекратить войну, если император пошлет ему требуемое золото.

В мае 503 г. император Анастасий во главе многочисленного войска выступил против Сасанидов. Под натиском превосходящих сил противника Кавад отступил вниз по Евфрату, и к концу 503 г. византийская территория была очищена от врага.

Кавад возвращался с огромной награбленной добычей, и дальнейшая судьба союзной танутэрской Армении его не интересовала. Византийские войска начали опустошать пограничные области сасанидского государства и в первую очередь танутэрскую Армению.

В ходе войны Кавада с Анастасием вновь проявились симпатии армян и грузин к Византии. Военные успехи Сасанидов были низведены на нет, благодаря позиции танутэрской Армении, которая тайно и явно помогала византийцам. Вторжение византийских войск в танутэрскую Армению дало возможность армянам открыто перейти на сторону империи.

Брат правителя танутэрской Армении Ваана Мамиконяна, Вард, являвшийся непримиримым врагом Сасанидов, со своей конницей перешел на сторону Византии и участвовал в военных операциях.

Переход танутэрской Армении на сторону Византии лишил Кавада тех стратегических преимуществ, которыми он обладал, будучи хозяином положения в стране. Теперь византийцы полностью отомстили Сасанидам и предали разгрому пограничные с Византией области Месопотамии. Каваду вновь пришлось обороняться от эфталитов, что и вызвало необходимость как можно скорее закончить начатую войну миром.

Война между двумя державами закончилась взаимным разорением пограничных областей и заключением мирного договора в 504—507 гг. Мир был заключен на семь лет. Византийцы уплатили 11 кентинариев золота и восстановили прежнюю границу.

В этот период византийцы являлись хозяевами положения в танутэрской Армении, и когда умер Ваан Мамиконян, император Анастасий

правителем страны утвердил Варда Мамиконяна, получившего титул патрикия.

По мирному договору танутэрская Армения вновь переходила в вассальную зависимость от сасанидского Ирана, и Кавад обязывался не привлекать к ответственности правящие круги армян за их переход на сторону Византии. Вскоре по специальному указу Кавада патрикий Вард был утвержден в должности марзпана и спарапета Армении. Варду пришлось примириться с создавшимся положением и признать себя вассалом Ирана. Кавад же ждал окончания срока перемирия, чтобы восстановить прежнее положение.

В 509 г., когда умер Вард Мамиконян, Кавад, не дожидаясь окончания срока мирного договора, который истекал в 511 г., назначил правителем страны перса — марзпана Бургана (509—520 гг.). Таким образом, Армения вновь превращалась в марзпанство. Однако вскоре политика Сасанидов в Армении должна была измениться коренным образом.

Этот поворотный момент в политике Сасанидов в отношении армян и, в частности, армянской церкви, связан главным образом с теми переменами, которые произошли в византийской Армении и которые вызвали недовольство среди армянской знати и народа.

Пока происходили мирные переговоры, Анастасий поспешил провести в Армении, Картли и Албании свою религиозную политику. В 506 г. был издан новый указ, в котором император Анастасий открыто заявлял о своем переходе на сторону монофизитов и начал преследовать несториан и халкедонитов-диофизитов. В эту борьбу с ересями были втянуты также армяне, грузины и албаны, которые придерживались монофизитской точки зрения, полностью совпадавшей с принятым официально в Византийской империи вероопределением.

В 506 г. в Вагаршапате был созван собор, на котором монофизитское духовенство Армении, Картли и Албании с большой готовностью и торжественностью приняло грамоту императора Анастасия. Собор признал единственной официально признанной церковью монофизитскую, а несторианскую и диофизитскую объявил ересью.

5

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРМЕНИЯ В V—VI ВВ.

Армянские земли, находившиеся в пределах Византийской империи, делились на три части сообразно степени зависимости от власти императора: Малая Армения, Внутренняя Армения и автономные княжества.

За Евфратом находилась Малая Армения, вначале объединенная с Каппадокией, входившей в состав Римской империи. При Диоклетиане Малая Армения была выделена из состава Каппадокии как особая провинция, а при Феодосии I она была разделена на две провинции: Армению Первую (центр Севастия) и Армению Вторую (центр Мелитена).

В административном отношении малоармянские провинции ничем не отличались от остальных провинций империи. Вся империя делилась на четыре края или префектуры, которые в свою очередь делились на диоцезы, распадавшиеся на отдельные провинции.

Совершенно иные порядки были в византийской части прежней Великой Армении, состоявшей из двух частей: автономных княжеств — сатрапий и Внутренней Армении.

Сатрапии состояли из отдельных нахарарств: Софена, Софанена, Анзетена, Ингилена, Аштианена, Балавитена. Эти нахарарства, за исключением двух последних, номинально признавали своими сюзеренами армянских Аршакидов, но фактически являлись самостоятельными княжествами, находящимися под покровительством Римской империи. Они были предметом постоянных споров между Сасанидами и Римской империей и окончательно примкнули к империи по договору 387 г.

Сатрапии представляли собой так называемые союзные и «свободные» владения, внешне связанные с империей, но во внутренней жизни и устройстве вполне самостоятельные. Основной обязанностью их была поставка вооруженных сил империи и защита границ от Сасанидов [1].

В военном отношении с середины V в. Внутренняя Армения была подчинена магистру. Так, например, в начале V в. мы знаем магистра Армении Анатолия, особенно заботившегося о возведении пограничных укреплений, из которых следует упомянуть постройку укреплений пограничного г. Карина, названного в честь императора Феодосия II Феодосиополем (совр. Эрзерум). Это широкое строительство пограничных укреплений пугало Сасанидов, поэтому во время заключения мирного договора в 441 г. была внесена специальная статья, согласно которой обе договаривающиеся стороны обязывались не возводить новых укреплений поблизости от границ.

Указ Юстиниана «О том, чтобы армяне во всем следовали римским законам» подчеркивает, что армянские земли, находящиеся под властью Византии, во всех отношениях должны быть уравнены с остальными имперскими провинциями [2].

В армянских землях, подвластных Византии, мы прослеживаем характерные для византийской Малой Азии черты социального и экономического быта. В деревне доминировали хозяйства мелких землевладельцев, объединенных в общины, которые все больше теряли свою свободу, попадая в экономическую зависимость от захвативших территории прежнего государственного домена Аршакидов крупных и мелких землевладельцев-нахараров и церкви. Наряду с этим, однако, продолжали сохраняться прежние эллинистические городские центры с развитым ремеслом и торговым обменом. В городе больше чем в деревне продолжала сохраняться прежняя монополистическая система производства. Большинство прежних

---

[1] *Н. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана, стр. 28—45.

[2] Там же, стр. 181—184.

армянских владетелей, потеряв фамильные привилегии и прерогативы власти, оставались, однако, крупными земельными магнатами.

На территориях, составляющих земли государственного домена, продолжали сохраняться сельские общины свободных крестьян, управляемые сельскими старостами. Деревенский староста собирал подати и распределял повинности. Деревня по своему имущественному положению была неоднородна: наряду с богатыми семьями сельского старосты и сельского священника, имелись беднеющие семьи, вынужденные наниматься к более богатым на кабальных условиях. В зависимости от крупных землевладельцев находилось местное крестьянство, которое все больше переходило в разряд феодально зависимых крестьян.

Принужденный арендовать землю на определенных условиях крестьянин имел право уйти с нее по своему усмотрению. Конечно, эта степень свободы зависела от его имущественного положения; кроме арендуемого участка земли, он мог иметь и собственную землю. Однако государство стремилось привязать земледельца к арендуемому участку. По закону императора Анастасия (491—518 гг.), если аренда длится больше 30 лет, она становится обязательной для обеих сторон. Арендатор земли терял право оставить свой участок земли, а землевладелец не имел права лишить его аренды. Так прежний свободный и независимый крестьянин прикреплялся к своему тяглу и терял право передвижения. Теперь такой крестьянин от приписных колонов отличался лишь тем, что сохранял за собой то личное имущество, которым обладал до прикрепления.

Приписные колоны — «энапографы» составляли большую часть земледельческого населения. Они были прикреплены к земле крупного землевладельца и лишены права свободного передвижения и распоряжения своим имуществом. Это фактическое закрепощение колонов в течение IV—V вв. получает юридическую санкцию. Приписной колон фактически становился в положение, близкое рабу, занятому земледельческой работой, поэтому в армянском языке для обозначения раба-земледельца и приписного колона существовал один термин «царрай».

Приписной колон числился в податных цензовых списках за земельным собственником, который и вносил за него государству все налоги и подати. Даже в случае, если колон бежал, все равно с участка, обрабатываемого им, с землевладельцев продолжали взимать налоги. Поэтому земельный собственник стремился выжать с приписного колона сколько мог и следил за тем, чтобы он не сбежал от чрезмерной эксплуатации. Нередко приписной колон не имел даже своей хижины и жил в помещениях, предоставленных землевладельцем [1].

В византийской Армении церковь обладала обширными землями и поместьями. На епископских землях сидели закрепощенные крестьяне — «парики».

---

[1] *Н. В. Пигулевская.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 36—41.

Касахская базилика V в. (Апаран) (*а*) и храм VI в. Одзунк в селении Узунлар (*б*)

В византийской Армении, наряду с колонатом, существовало рабство. Существовали домашние рабы и рабы, сажаемые на землю. Рабство обыкновенно являлось следствием экономически безвыходного положения, нередко продавались за долги члены семьи, а из-за невозможности выплатить заимодавцу долг существовала и самопродажа.

Подати выплачивались согласно кадастру, проведенному при Диоклетиане.

Основным налогом была поземельная подать, которая вносилась натурой и свозилась в специальные амбары и хранилища.

Второй основной налог — подушная подать — «серебро головы».

По закону, изданному во второй половине IV в., подать должна была вноситься три раза в год. Основной единицей измерения земли был модий, т. е. пространство земли, засеваемое одним модием, т. е. 40 литрами зерна. Эта практика налогового обложения вызывала недовольство всех слоев населения [1].

Эллинистический характер производства больше сохранялся в городе. Здесь было развито ремесленное производство организованных в корпорации ремесленников. Но в коренной Армении городская жизнь замерла. В силу сложившихся условий, когда византийская часть Великой Армении превратилась в пограничную с сасанидским Ираном территорию, последняя превращается в особый военный округ, в котором все приспособлено для целей войны. Демаркационная линия между двумя державами, проходящая через Армению, уничтожила прежнее ее транзитное значение. Империя вдоль границы возводит целую цепь пограничных укреплений. Прежние центры торговли и ремесла (например, Мартирополь-Тигранакерт) превращаются теперь в средоточие вооруженных сил, в военные лагери, а на трудовое население, жившее в этих укреплениях, ложится бремя по содержанию расположенных там военных сил.

Внутренние, высокогорные пограничные области византийской Армении с захирением городских центров еще больше превращались в самодовлеющие замкнутые области с господством натурального хозяйства. В этих альпийских зонах преобладало скотоводство с отсталыми патриархальными устоями жизни. Во внутренних областях Армении крупное нахарарское имение превращается в самодовлеющий хозяйственный организм, не имеющий связей с городом, и остается вне торговых связей.

* * *

С точки зрения общеимперских интересов обороны восточных границ от нападений Сасанидов надо было земли Внутренней Армении и сатрапской Армении низвести до положения земель Малой Армении, что и было сделано частично Зеноном. Целым рядом указов императора Юстиниа-

---

[1] *Н. В. Пигулевская.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.— Л., 1946, стр. 217—226.

на I (527—565 гг.) были произведены коренные изменения в военном и гражданском управлении армянских земель. Указом 529 г. все армянские земли, находящиеся в пределах империи, подверглись военной реорганизации. Внутренняя Армения, сатрапская Армения, Армения Первая, Армения Вторая и Понт Полеменийский образовали один военный округ, во главе которого был поставлен стратег или магистр [1].

Первым получил это звание знатный армянин Ситта (529—531 гг.), бывший оруженосец Юстиниана, женатый на сестре императрицы. С разрешения императора он организовал свой штаб из местных людей ввиду удобства сношений с населением, из которого комплектовались местные военные части, превратил в сильную крепость г. Мартирополь (арм.— Тигранакерт), соорудил ряд укреплений (например, Китариз, Арталес) и распространил власть императора на горную область по течению Чороха, населенную племенем цаннов, которое ко времени Юстиниана не признавало ничьей власти. Цанны были подчинены империи. На их территории прокладывались дороги, воздвигались укрепления, интенсивно распространялось христианство.

Центром средоточия военных сил магистра Армении и его резиденцией делается укрепленный г. Феодосиополь. Магистру подчиняются дуки, сидевшие в пограничных, сильно укрепленных пунктах, таких, как Китариз, Мартирополь и др. [2]

Этой реорганизацией, естественно, совершенно уничтожались вековые права нахараров и упразднялась должность комита Армении.

Окончательно должна была уничтожить нахарарские устои введенная Юстинианом гражданская реорганизация. Специальным указом от 536 г. образовывались четыре Армении.

Армения Первая. Прежняя Внутреняя Армения и значительные части Полемонийского Понта и Первой Армении. Центр гражданского правителя г. Визана, переименованный в Юстинианополь.

Армения Вторая. Прежняя Первая Армения и части Понта Полемонийского и Еленопонта. Центром остается г. Севастия.

Армения Третья. Прежняя Вторая Армения. Центром остается г. Мелитена.

Армения Четвертая. Прежняя территория автономных княжеств — сатрапии. Центр г. Мартирополь (Тигранакерт).

За этим законом последовали другие «О порядке наследования у армян» и «О том, чтобы и армяне во всем следовали римским законам» [3].

Уничтожив местные формы правления, византийский государственный аппарат ввел жесткую фискальную систему, ложившуюся тяжким бременем на народ. После отмены должности комита первым правителем и носителем имперской власти в Первой Армении Юстинианом был назначен один из армянских нахараров Амазасп (532—535 гг.), вероятно, из

[1] *Н. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана, стр. 127—196.
[2] Там же, стр. 139—156.
[3] Там же, стр. 179—198.

фамилии Мамиконянов. Но вскоре с ведома Юстиниана он был убит армянином Акакием, ставшим правителем Первой Армении (536—548 гг.). Акакий был человеком алчным и жестоким, он производил незаконные поборы и обложил страну небывалым дотоле налогом, который исчислялся в четыре кентинария, что равняется 400 фунтам золота и составляет около 200 тыс. рублей золотом — сумма для того времени огромная.

Все эти мероприятия уничтожали окончательно основы армянской государственности, и народ целиком подпал под власть византийских императоров. К этому прибавлялся жесткий налоговый гнет, ложившийся тяжким бременем на весь трудовой народ. Недовольство и ненависть к империи росли с каждым днем как среди армянского порабощаемого крестьянства, так и среди нахараров, которые не хотели примириться с создавшимся положением. Эта налоговая политика вызвала возмущение народа, вылившееся в большое восстание. Политикой Юстиниана I в Армении были недовольны все слои общества и восстание приняло всенародный характер.

В 548 г. армяне, бывшие при дворе императора в Константинополе, организовали заговор против Юстиниана I. Главарями заговора были Аршак и Артаван, оба из рода Аршакидов. Они были возмущены вероломным убийством своего отца Иоанна Аршакуни по указанию самого императора. В то же время восставший народ под руководством другого Артавана Аршакуни убил жестокого Акакия, проконсула Первой Армении.

Присланный из Константинополя для усмирения жителей первый стратег Армении Ситта обещал похлопотать у императора об отмене нового обложения. Но Ситта также был убит сыном Иоанна, Артаваном Аршакуни. После этого Юстиниан послал для усмирения страны большое войско. Восставшие во главе с Васаком, очевидно, Мамиконяном (зять убитого Иоанна Аршакуни) обратились к Хосрову I Ануширвану с просьбой, чтобы он взял их страну под свое покровительство. Но Хосров I воздержался от помощи, и восстание пошло на убыль.

Политика империи в Византийской Армении показала армянской знати, что наименьшим из зол являются Сасаниды. В то время, когда марзпанская Армения сохраняла все свои национальные учреждения и при всякой попытке Сасанидов уничтожить их восставала и добивалась новых уступок, в имперской Армении нахарарский строй был уничтожен. С этих пор армянская знать укрепляет связи с Сасанидами и все больше отказывается от греко-римской ориентации, что нашло свое выражение в окончательном разрыве армянской церкви с византийской (554 г.).

6

АРМЕНИЯ В VI—VII ВВ.

Сасанидское государство с VI столетия вступает в пору высшего расцвета и блеска. В период царствования Хосрова I Ануширвана (531—578 гг.) были закончены военно-административная и податная реформы.

Уже при Каваде I все сасанидское государство административно было разделено на четыре края. При Хосрове I Анушırване в связи с военной реформой эти же четыре края сделались в то же время военными округами. Край, в свою очередь, делился на отдельные марзпанства и «шахры» — более мелкие административные единицы.

Армения вместе с Атрпатаканом, Иберией (Картли) и Албанией (Аран) входила в состав Северного края, столицей которого являлся Гандзак (к юго-востоку от оз. Капутан, совр. Урмия).

Войска воеводы Северного края по-прежнему находились в нынешней Муганской степи около г. Пайтакарана, где со временем вырос новый г. Байлакан. В состав армянского марзпанства входило в качестве особого шахра, т. е. области, княжество Сюник, пользовавшееся широкими правами. В 571 г. Сюник вышел из состава марзпанской Армении и вплоть до 640 г. непосредственно подчинялся правителю Северного края. Это особое положение Сюника было вызвано тем, что на воинственных сюнийцев была возложена весьма ответственная охрана пограничных укреплений в Кавказских горах, особенно в Дербенте [1].

Владетели Сюника в этот период еще теснее связались с сасанидским двором и были выразителями их политических интересов в Закавказье. Этим объясняется, почему ишхан Сюника не пожелал принимать участия в большом восстании народов Закавказья против Сасанидов в 571—572 гг. Еще до начала восстания, согласно историку Себеосу, по просьбе ишхана Сюника Вахана, область Сюник была исключена из состава марзпанской Армении и подчинена непосредственно шахрмару Атрпатакана, в состав которого в этот период были включены вся страна Чора и область Баласакан с г. Байлаканом — Пайтакараном [2].

По словам Себеоса, до нового восстания армян в 571 г., «Вахан, владетель сюникской земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюникской земли перенес из Двина в г. Пайтакаран и их шахр внес в границы Атрпатакана, чтобы имя армян было снято с них [3]. В это время, по-видимому, к Сюникскому княжеству была присоединена вся территория области Арцах, причем центр сюникских владетелей из гавара Сюник или Циук (совр. Сисианский район Армянской ССР) был перенесен в область Арцах, в гавар Абанд (совр. район Варанда в Нагорном Карабахе), который с тех пор, согласно «Армянской Географии VII века», стал называться «Сисакан-остан» [4]. Этот гавар непосредственно граничил с городской территорией Байлакана — Пайтакарана. Сюникские ишханы, как видно, непосредственно подчинялись спахпату Северного Края и были связаны с военной ставкой спахпата, находившейся в г. Байлакане — Пайтакаране.

---

[1] *С. Т. Еремян.* Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов. «Изв. Арм. ФАН,» 1941, № 7(12).

[2] *С. Т. Еремян.* Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов, стр. 38—39.

[3] «История епископа Себеоса». Перевод Ст. Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 28—29.

[4] «Армянская География VII века». Перевод К. П. Патканова, СПб., 1877, стр. 50.

Перестройка системы податного обложения, начатая при Каваде I, была закончена в период царствования Хосрова I. В марзпанской Армении было приказано произвести измерение всех полей, долин и гор, сообразно их качеству правильно обложить поземельной податью. Была произведена перепись населения для обложения подушной податью. Подать должна была выплачиваться три раза в год. Поземельную подать платили все слои населения, а подушную подать должны были платить только низшие сословия — крестьяне и горожане.

Новая податная система вызвала широкое недовольство всех слоев населения. Раньше поземельную подать вносили лишь натурой — просто выделялась определенная часть полученного урожая, теперь сборщики податей требовали и натурой и деньгами. Особенно тяжело отразилась новая система на крестьянах, которые разорялись и попадали в руки ростовщиков. Новая податная система еще более усилила процесс концентрации земель в руках крупных и средних землевладельцев и увеличила ряды обнищавших людей.

Социальное расслоение внутри крестьянской общины являлось также следствием наличия своего собственного хозяйства и орудий производства. В одном случае больше было работников в семье и последняя располагала лучшими орудиями труда, в другом случае этих преимуществ не было и к ним добавлялись стихийные бедствия: неурожай, голод, эпидемия и т. д. Следствием всего этого было то, что к началу VI в. внутри сельской общины уже прослеживается три слоя крестьян, о чем красноречиво свидетельствуют канонические постановления Алуэнского собора в Албании [1].

Особенно тягостной для населения была система откупов, которая была широко развита и после этой податной реформы Хосрова I и давала большие возможности для злоупотреблений.

Налоговая система стимулировала рост внутреннего обмена. Крестьяне вынуждены были возить свои продукты в город для продажи, чтобы вырученные деньги передавать сборщикам податей. Но в этот период роль Армении как передаточного звена международной караванной торговли значительно понизилась. Эта роль теперь осталась в основном за городами северной Месопотамии. Пограничная линия между державами, тянувшаяся от Кавказского хребта до Месопотамии, привела к тому, что захирели магистрали международной караванной торговли и города, находящиеся на этих путях, потеряли значение. Все больше растет хозяйственная роль феодального замка, базирующегося на натуральном хозяйстве.

Начавшийся после восстания 481—484 гг. экономический подъем в стране продолжался и в первой половине VI в. Это в значительной степени благоприятствовало оживлению городов Армении, находившихся на главной военной и торговой магистрали,— Двина, Нахчавана и Хера (Хой). От рабовладельческой эпохи в этих городах сохранилась система внутреннего общинного самоуправления.

---

[1] См. раздел данного тома: «Экономика и социальный строй Албании III—VII вв.»

В марзпанской Армении имела большое значение магистраль Гандзак—Нахчаван — Двин — Халхал — Тбилиси — Археополис — Фазис. По этой дороге продолжался международный товарообмен, способствовавший большому расцвету г. Двина.

Г. Двин, столица марзпанской Армении, приобрел большое транзитное значение для перевозимых с Дальнего Востока на Запад товаров, главным образом китайского шелка-сырца и китайских шелковых тканей.

Захиревший Арташат впредь стал его предместьем и был известен как город красильщиков. Отсюда вывозились известные во всем древнем мире ткани, выкрашенные в армянский пурпур. Двин поддерживал оживленные торговые связи с приволжскими и придонскими странами, а также с Крымом [1].

В середине VI в. Двин являлся одним из крупнейших торговых центров Востока. Очень ярко описывает его современник, византийский историк Прокопий Кесарийский. «Дувий,— говорит он,— страна очень плодоносная, имеет благорастворенный воздух и хорошую воду, отстоит от Феодосиополя на восемь дней пути. Тут поля ровные, способные к конской езде, многолюдные селения, лежащие близко друг от друга, заняты торговцами, потому что из Индии, из соседней Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют» [2].

Основная масса торгового элемента в этот период состояла из сирийцев-несториан и евреев, ремесленники же были преимущественно из иранцев-огнепоклонников, объединенных в особые ремесленные организации. Армяне составляли в городах по преимуществу военно-аристократический слой, живший на доходы с городской торговли и земельной собственности.

В торговлю втягивалось даже высшее духовенство, нажившее большие богатства. Соборы осуждали духовных лиц, занимавшихся торговлей или отдававших в рост серебро.

* * *

В середине VI в. резко ухудшается положение народных масс в Армении. Новое податное бремя, бросившее крестьян в лапы ростовщиков, бесконечные поставки рабочей силы для отбывания государственной повинности в отдаленных от Армении странах (например, постройка Дербентских стен и других укреплений в Кавказских горах), война Сасанидов с Византией в Лазике требовали больших продовольственных и сырьевых ресурсов, которые преимущественно брались из Армении. Наконец, гнет своих феодалов-нахараров и церкви, которые, пользуясь бедственным положением крестьян, лишали их последних клочков земли и превращали в батраков. Все это выводило из терпения угнетенный народ.

---

[1] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.— XV в. н. э.), стр. 109—111.

[2] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, кн. II. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1880, стр. 181—182.

Это недовольство царило и среди нахараров — местных феодалов.

Нахарары были недовольны засилием армянского духовенства, которое, пользуясь покровительством Сасанидов, захватило привилегии светских феодалов. Армянская знать имела и другой повод быть недовольной. После смерти марзпана Межежа Гнуни (550 г.) Хосров I эту должность вновь передавал представителям иранской знати.

Новая политика Сасанидов неминуемо должна была вызвать столкновение между духовенством и нахарарами. Налоговое бремя особенно увеличивается при марзпане Сурене, который грабил не только народ, но и нахараров. Широкое недовольство среди народных масс и знати углублялось, и духовенство, чтобы не потерять своего авторитета, должно было поддержать это движение. Из нахараров особенно были недовольны Мамиконяны, которые лишились своих былых привилегий и фактически были отстранены от управления страной. Восстание народных масс и знати было неизбежно.

Непосредственным поводом к восстанию в марзпанской Армении была попытка Хосрова I построить в Двине храм огня. Напрасно армянский католикос употреблял все усилия уговорить марзпана Сурена отказаться от этого предприятия. Храм был заложен.

В 571 г. вспыхнуло восстание, во главе которого стал Вардан Мамиконян Кармир (буквально «Красный»). Он объединил всех недовольных Сасанидами и с десятитысячным войском занял г. Двин. Марзпан Сурен бежал к Хосрову I. К восставшим армянам присоединились грузины и албаны.

Восставшие армяне послали своих послов к императору Юстину II (565—578 гг.) с просьбой, чтобы он принял под свое покровительство «Перс-Армению». Они обещали ему, что их страна добровольно подчинится императору и станет его вассалом, если он грамотой и клятвой даст обещание, что будет защищать Армению и ее население от Сасанидов и поможет ей императорскими войсками.

Император Юстин II с радостью принимает прибывших в Константинополь армянских послов. Обращение армян к нему было как раз кстати. Он искал повод, чтобы расторгнуть мирный договор, заключенный Юстинианом I с Хосровом I в 562 г. По этому договору Сасаниды обязывались строить военные укрепления в кавказских проходах, откуда вторгались «варвары» в пределы Византии, за что последняя должна была субсидировать возведение всех этих построек. Согласно этому договору, Византия в казну Сасанидов ежегодно должна была платить 30 тыс. золотых монет, факт, нарушивший суверенные права империи и ставивший ее перед Сасанидами в положение данника. В 572 г. истекал срок первого взноса и предстояла выплата за второе десятилетие. Восстание армян было как раз кстати, чтобы под этим предлогом вообще отказаться от этих взносов.

Чтобы запугать Сасанидов, Юстин II одновременно начинает вести переговоры с хаканом турок Средней Азии. Посольство вернулось в Константинополь в 571 г. с благоприятным ответом.

Храм Кармравор VI в. в Аштараке (*а*); храм Гаянэ (основан в 630 г.) (*б*)

В этих условиях Юстин II приносит клятву и обещает послам восставших армян помочь оружием и войсками.

При поддержке Византии, восстание усилилось и охватило всю марзпанскую Армению, Картли и Албанию. Хосров I послал против восставших 150 тыс. войск во главе с марзпаном Суреном, который, не встретив сопротивления, вошел в г. Двин. Но он оказался в ловушке. Неожиданно повстанцы напали на персов, был убит марзпан Сурен, а голова его как победный трофей была отослана магистру византийской армии в Феодосиополь 2 февраля 572 г.[1]

После этого значительная часть марзпанской Армении и Картли отделилась от Сасанидов и перешла на сторону Византии, а император Юстин II выступил в роли покровителя и защитника подчинившейся ему армянской знати.

Восстание, постепенно разрастаясь, приняло характер длительной, продолжавшейся около 20 лет войны между Византией и Сасанидами из-за Армении и Картли. Военные действия в этих странах не прекращались в последние годы правления Хосрова I и продолжались во все годы царствования Ормузда IV (579—590 гг.).

Историк Себеос насчитывает не менее девяти походов сасанидских войск для усмирения восставших и очищения Армении и Картли от византийских войск, которые грабили и опустошали страну так же, как и иранские отряды.

Одновременно с этим происходят ожесточенные войны между Сасанидами и Византией в Месопотамии, во Фракии же угрожает Константинополю аварский хан.

Воцарившийся в этой крайне напряженной обстановке Ормузд IV стремится расположить к себе знать оставшейся верной Сасанидам части марзпанской Армении. Правителем страны, ишханом Армении, он назначает Давида Сааруни (586—601 гг.). С этого времени, наряду с марзпанами, которые ведают лишь военными вопросами, Арменией правят представители нахараров с титулом ишхан Армении. На них были возложены все гражданские функции управления.

Военные действия в марзпанской Армении, особенно в ее юго-западных пределах, не прекращались вплоть до 591 г., когда Византия становится хозяином положения во всей Армении.

* * *

Новые события в сасанидском государстве должны были еще более ослабить его позиции в Закавказье. В 589 г. восстал один из представителей знатнейших родов сасанидского Ирана Бахрам Чубин Михревандак, который объявил себя царем и с сильным войском пошел на Ормузде, чтобы свергнуть его. Это использовал сын аспарапета Встам, которой арестовал Ормузда IV, выколол ему глаза и убил.

[1] *Себеос.* История, стр. 28, 31.

Рассчитывая на слабость наследника престола Хосрова Парвеза, он в 590 г. объявил последнего царем Ирана. Молодой царь не справился с Бахрамом Чубином и бежал к императору Маврикию, с помощью которого он подавил восстание и утвердился на престоле.

За эту услугу Хосров II Парвез уступил Византии большую часть марзпанской Армении и Картли. В пределах сасанидского государства остались лишь домен марзпана — городская территория столицы — остан Двина, нахарарства, составившие область Васпуракан в Армении и домены марзпана и питиашха в Картли.

Таким образом, Маврикий продвинул границы империи до Ванского озера и городов Двина и Тбилиси. База византийских вооруженных сил г. Карин-Феодосиополь оказался глубоко в тылу. Поэтому резиденцию магистра Армении Маврикий перенес в г. Ширакашат, названный в честь его Маврикиополем (совр. с. Маврак недалеко от Ленинакана). Здесь находилась ставка византийских вооруженных сил.

Со времени Маврикия в византийской части Армении назначаются правители из представителей армянских нахараров с титулами «патрикия» и «куропалата». Патрикием Армении при Маврикие был Атат Хорхоруни (591—604 гг.).

В области религии мы также видим разделение сфер влияния на сасанидскую и византийскую. Фактически армянская церковь разделилась на два патриархата. В Двине католикосом был Моисей II (574—604 гг.), не допускавший общения с халкедонитами. Недалеко от Двина за р. Азат, служившей границей между Византийской и марзпанской Арменией, в местности Аван (недалеко от Еревана), сидел другой католикос — Иоанн (590—611 гг.), ставленник императора.

Маврикий продолжал традиционную политику уничтожения устоев нахарарского общества и ассимиляции Армении с другими малоазийскими провинциями империи. Нуждаясь в военных силах для борьбы с аварами и славянами, Маврикий требовал значительных военных контингентов от армян, вызывая недовольство в стране. Себеос занес в свою «Историю» рассказ об участии армян под начальством Мушега Мамиконяна в одной победе, одержанной императорскими войсками над аварами. Неоднократно повторяемые высылки армянских контингентов во Фракию вызвали даже восстание в Армении, усмиренное Ираклием, отцом будущего императора.

Маврикий советует Хосрову II проводить ту же самую политику в марзпанской Армении. В этом смысле очень характерно приводимое Себеосом письмо императора Маврикия к Хосрову II Парвезу: «Народ строптивый и непокорный... живет между нами и мутит. Поступим так: я соберу своих и отправлю во Фракию, а ты собери своих и прикажи отправить их на Восток. Если они умрут, то умрут наши враги, если же они убьют, то убьют наших врагов, а мы будем жить в мире. Ибо, если они будут пребывать в своей стране, нам не будет покоя» [1]. По словам историка, оба царя

---

[1] *Себеос.* История, стр. 45.

договорились и начали приводить в исполнение свой план. Но когда Маврикий издал приказ, чтобы армянскую конницу и нахараров послали во Фракию, то «стали убегать с их стороны и переходить на службу персов, особенно те, владения которых находились под властью персов», Хосров II с радостью принимал их и делал своими вассалами [1]. Но в то же время он отправил армянских всадников на восточные границы Ирана, а нахарары фактически оказались в почетном плену при дворе царя царей, где умерли. В то же время Хосров II оказывал покровительство наиболее преданной ему части армянской знати. Наиболее крупной фигурой при его дворе становится Смбат Багратуни, который был назначен марзпаном Гиркании. Хосров II Парвез усиленно стремился привлечь к себе симпатии наиболее влиятельной части нахараров. Это было крайне необходимо в условиях начавшихся междоусобий в Византии и новых длительных войн Ирана с нею.

С этого времени начинает расти политический авторитет армянского феодального рода Багратуни (Багратидов).

Иран не мог долго мириться с тем положением, что территория Византии расширялась за счет армянских земель, подвластных Ирану, а Армения стала средоточием византийских вооруженных сил и, следовательно, постоянной угрозой для персидского государства. Борьба за престол в Византии, свержение Маврикия, его зверское убийство и воцарение Фоки (602—620 гг.) были своевременно использованы Ираном в своих интересах и за короткое время им были не только возвращены уступленные земли марзпанской Армении и Картли, но также были заняты крупнейшие города Сирии и Малой Азии.

Византия усилилась при императоре Ираклии, который восстановил Армию, укрепил в ней дисциплину и авторитет центрального правительства, заключил мирный договор с аварским ханом. Обезопасив столицу от вечно висевшей над ней угрозы с этой стороны, Ираклий взял на себя роль главнокомандующего над всей византийской армией и 5 апреля 622 г. двинулся в поход.

Имперские войска вступили в Каппадокию. Находившиеся там персидские войска отступили, потерпев тяжелое поражение.

Ираклий остался зимовать в Понте (623 г.), безуспешно посылая послов к Хосрову II с предложением заключить мир. К началу весны 623 г. Ираклий проник в Армению и разрушил опору врага Двин, а вслед за тем Нахчаван. Совершенно неожиданно для Сасанидов Ираклий в июне месяце подступил к столице Атрпатакана Гандзаку. Этот город был летней резиденцией Хосрова II, откуда он был вынужден бежать в Дастакерт. Гандзак был взят, при этом была разрушена величайшая святыня огнепоклонников — храм огня. Этим император мстил за «пленение святого древа».

В то время, когда иранцы старались окружить Ираклия, он благополучно вернулся в Закавказье, укомплектовал свою армию, основной костяк которой так же как и командные кадры составляли армяне.

[1] *Себеос.* История, стр. 45.

Несмотря на ряд блестящих побед Ираклия в Армении и Грузии, лазы, абазги и иберы отказались воевать с иранцами и вернулись домой. Ираклию пришлось обратиться за помощью к хазарам, вместе с которыми он и начал осаду Тбилиси в 627 г., предоставив взятие города последним. Из области Нор-Ширакан Ираклий прошел через нынешний Келишинский перевал и разбил свой лагерь в Месопотамии, недалеко от развалин Ниневии. Здесь 12 декабря 627 г. произошла решительная битва, кончившаяся полным разгромом персидских войск.

После этой победы Ираклий продолжал свой путь на юг, к столице Ктезифону, уничтожая и предавая огню встречавшиеся в пути царские дворцы; христианский праздник крещение он встретил в великолепном дворце Дастакерта, расположенном в трех днях пути от Ктезифона (6 января 628 г).

Хосров II Парвез бежал и, перейдя Тигр, перерезал канаты пловучих мостов, соединяющих Ктезифон с правым берегом. Ираклий, отрезанный от противоположного берега, не смог осуществить свой давнишний план захвата Ктезифона и вернулся на север. Ираклий находился в Гандзаке, когда 11 марта 628 г. он получил известие о том, что Хосров II казнен и царем царей провозглашен Кавад Шеройе (627—628 гг.). В 629 г. с Сасанидами был заключен мир, в результате которого было восстановлено положение, существующее по договору 591 г. Таким образом, фактически вскоре вся Армения подчинилась Византии в качестве вассального государства и управлялась представителем армянской знати — ишханом Армении, который получал пышные титулы византийского двора — патрикия и куропалата. Ишхан Армении ведал гражданскими делами, военными же делами ведал спарапет Армении. Армения некоторое время пользовалась внутренней самостоятельностью.

Византия не могла долго терпеть столь широкие привилегии вассальной Армении и стремилась превратить ее в обыкновенную имперскую провинцию. Это началось с налоговой и религиозной политики, а также массового перевода армянских вооруженых сил на Балканы и в Италию.

Месопотамия, Сирия, Палестина, армянские земли, жестоко пострадавшие во время войны с Ираном, нуждались хотя бы во временном облегчении от налогового бремени. Но церковь потребовала от правительства немедленно данный ею государству заем, и Ираклий поспешил выполнить это требование. На погашение церковного долга пошла не только добыча, вывезенная из Ирана, но пришлось немедленно выколачивать налоги из разоренных войной восточных провинций, которые таким образом, не получили никакой передышки.

Тяжелая налоговая политика довершилась политикой религиозной нетерпимости ко всем иноверцам. Как Маврикий, так и Ираклий стремились навязать армянам византийскую церковь. Прибыв в Армению, в г. Карин, Ираклий вызвал к себе католикоса Езра. После трехдневных переговоров Езр согласился на объединение церквей и с большими почестями вернулся в Двин, получив в дар от императора соляные копи в Кохбе.

Халкедонитство особенное распространение получило при следующем католикосе Нерсесе III Строителе (641—661 гг.), который сам являлся его тайным последователем.

В такой критический момент, когда арабы наносили империи чувствительные удары в Сирии и Палестине, эта политика способствовала лишь сближению армян с новыми завоевателями вплоть до готовности подчиниться им на приемлемых условиях.

7

РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АРМЕНИИ

Раннефеодальная культура Армении являлась органическим продолжением армянской эллинистической культуры и этим следует объяснить тот факт, что армянская культура IV—VII вв. во всех ее проявлениях предстает перед нами как цельное и законченное явление, как результат развития предшествующего феодальному рабовладельческого общества.

Подъем, который переживала Армения в IV—VII вв. во всех областях культурной жизни, наложил неизгладимый отпечаток на все последующее развитие ее феодальной культуры.

Сложившаяся к седьмому столетию феодальная культура Армении являлась синтезом эллинистической культуры армян, сирийцев и иранцев с местной древнейшей культурой, которые растворились в христианской культуре раннефеодальной Армении.

Одной из особенностей складывающейся идеологии правящего класса феодалов было то, что она находилась почти целиком в руках духовенства.

Однако влияние пережитков языческой культуры в условиях безраздельного господства в идеологии христианской церкви еще долго имело место. По соседству с Арменией, в Византийской империи в IV—V вв. еще существовали центры эллинистической культуры — Афины, Александрия, Антиохия, Эдесса, Константинополь. В этих городах еще сохранялись сокровища античной науки, литературы и искусства, несмотря на фанатическое изуверство монахов. Поборники эллинистической культуры приспособились к новым условиям и эти центры стали рассадниками новой христианской идеологии. Сюда и отправлялась первоначально армянская молодежь для получения высшего образования. Все же, по сравнению с Западной Европой, «Рим Востока», как называл Византию Маркс, продолжал оставаться носителем традиции античной науки.

На рубеже V—VI вв., когда в Армении возникла новая политическая ситуация, т. е. когда марзпанская Армения сделалась фактически независимой страной и стала пользоваться широкой поддержкой и покровительством Византии, в этот период вновь пробудился интерес к эллинской культуре.

В период правления императора Анастасия общность в вероисповедании с империей стимулирует появление в Армении и Иберии на армянском

Оклад эчмиадзинского евангелия из слоновой кости VI в.

и грузинском языках полемической антихалкедонитской литературы. Наряду с вопросами теологии проявляется большой интерес к вопросам философии и истории. В лице школы эллинофилов в Армении вновь возрождается эллинистическая культура, но уже приспособленная к христианской идеологии.

Генетически восходя к последней четверти V столетия, школа эллинофилов в Армении переживает период своего расцвета в VI—VII в., являясь реакцией на углубляющуюся вероисповедную и вообще идеологическую борьбу армян с византийцами.

При Юстиниане I в Византийской империи окончательно восторжествовала греческая халкедонитская церковь. В 529 г. была закрыта философская школа в Афинах, последний центр древнеэллинской античной образованности, начинается гонение на всех иноверцев, в первую очередь на антихалкедонитов — монофизитов. Вместе с антихалкедонитами в Армении нашли убежище деятели эллинской образованности — философы, риторы, ученые и др. Таким образом, школа эллинофилов получает пополнение и переживает период своего расцвета.

Теперь, наряду с вопросами теологии, проявляется большой интерес к вопросам философии и истории. Этот перелом, прежде всего, выразился в увлечении творениями античных мыслителей, в первую очередь, философией Аристотеля, с помощью которой они обосновывают свои догматические положения в полемике с представителями византийской церкви.

В этот период значительно увеличилось число школ, благодаря изобретению армянского алфавита Маштоцем и развитию армянской письменности. Прежде в школах преподавали на греческом и сирийском, а с V столетия — на армянском языке. В этих школах, основанных обыкновенно при монастырях, развивается христианская образованность, которая тогда противопоставлялась эллинистической, языческой образованности.

Такие школы назывались вардапетаран. Например, известны вардапетараны Сюника и Аршаруника. Здесь, кроме богословия, обучались риторике, поэтическому искусству и философии. Окончившие школу считались вардапетами либо кертохами и философами.

С изобретением алфавита развивается армянское письмо. Древнейшей формой армянского письма был инициальный шрифт — еркатагир, на котором написаны дошедшие до нас надписи на камнях V—VII вв. Параллельно с инициальным письмом развивается строчное письмо — болоргир, а в дальнейшем — скоропись — шехагир.

Развитие армянской литературы тесно связано с развитием письменности. Ко времени изобретения армянской письменности были выработаны нормы литературного языка феодальной Армении — грабар, стиль которого остался образцом для всего периода феодализма.

Армянская литература начинает развиваться с начала V столетия и это по преимуществу переводы с греческого и сирийского (до 40-х годов V в.) церковно-богословских сочинений. Появилась целая плеяда переводчиков — Маштоц, католикос Саак I и их ученики Корюн, Езник Кохбаци,

Фавстос Бузанд, Иосиф Вайоцдзореци, Левонд, Иоанн Екелецаци, Иосиф Палнаци, Муше и др.

Достаточно высокое развитие армянского языка позволяло переводить такие сложные тексты, как библия, включившая Ветхий и Новый заветы, «Хроника» и «Церковная история» Евсевия Кесарийского.

Эти первые переводчики в то же время являлись основоположниками армянской оригинальной литературы главным образом богословско-философской и историографической.

С V в. подлинного расцвета достигает армянская историография, первыми представителями которой были Корюн, Агафангел и Фавстос Бузанд. Корюн около 443—451 гг. составил жизнеописание литературы Маштоца. Анонимный историк, скрывшийся под именем Агафангела, написал начальную редакцию «Истории Армении», которая на самом деле представляет собой историю обращения армян в христианство. Сочинение Агафангела переводилось также на другие языки. До нас дошли переводы на греческом, древнегрузинском и арабском языках, представляющие собой отдельные версии дошедшего до нас армянского Агафангела.

«Историю Армении» написал Фавстос Бузанд во второй половине V в., сохранились только книги III, IV, V и VI, в которых излагается история Армении со времени Хосрова III Котака (332—338 гг.) до раздела Армении в 387 г. Фавстос отчасти и Агафангел широко использовали армянский эпос и народную поэзию.

Младшими современниками этих историков являются воспитанные в эллинистическом духе историки-классики, оказавшие большое влияние на все последующее развитие армянской феодальной историографии. Первыми из них являются Елише и Лазарь Парбеци. Елише, современник событий 450—451 гг., был вдохновенным певцом героизма восставших армян и спарапета Вардана Мамиконяна, воином и секретарем которого, согласно преданию, он являлся. Высокохудожественное сочинение Елише «Об армянской войне» охватывает тридцатипятилетнюю историю Армении, со времени падения династии Аршакуни в 428 г. вплоть до 465 г.

Крупным представителем феодальной историографии является крестьянин из селения Парби — Лазарь. При Ваане Мамиконяне Лазарь Парбеци являлся настоятелем собора Эчмиадзина в Вагаршапате, при котором он основал библиотеку — хранилище рукописей — Матенадаран, дошедший до наших дней.

Свою «Историю Армении» Лазарь Парбеци написал по поручению своего сверстника и покровителя Ваана Мамиконяна. Парбеци начинает свое сочинение с того места, где остановился Фавстос Бузанд, т. е. со времени раздела Армении в 387 г. и кончает 485 г. назначением Ваана Мамиконяна марзпаном Армении. Основная часть книги посвящена двум большим восстаниям армян — 450—451 и 481—484 гг.

Крупнейшим представителем армянской феодальной историографии является Мовсес Хоренаци, современник Лазаря Парбеци.

«История Армении» Мовсеса Хоренаци явилась итогом всего предыду-

щего развития армянской историографии, которая в дальнейшем своем развитии в течение всего средневековья оставалась под сильным влиянием установок этого историка, поэтому Мовсес Хоренаци по справедливости был назван отцом армянской истории. Он использовал недошедшие до нас памятники армянской историографии дохристианской, эллинистической эпохи, написанные на греческом и армянском языках, а также почти всех известных тогда греческих авторов дохристианского периода и труды своих предшественников армянских историков. Для написания древнейшего периода истории армянского народа Мовсес Хоренаци использовал легендарные сказания и мифы, включил в изложение великолепные и высокохудожественные фрагменты народной поэзии и эпоса. Все это под его пером превратилось в целостное историческое повествование.

Мовсес Хоренаци жил и творил в тот период, когда в результате упорной борьбы армяне добились восстановления своей политической самостоятельности и стремились в дальнейшем к восстановлению царской власти. Возрождение политической самостоятельности Армении при Ваане Мамиконяне вызывает необходимость создать определенную концепцию истории армянского народа, которая должна была укрепить вновь нарождающуюся армянскую государственность. Этими задачами руководствовался Мовсес Хоренаци при написании своей истории Армении, которую он создавал по поручению марзпана Саака Багратуни (481—483 гг.) в защиту его фамильных интересов.

«История Армении» Мовсеса Хоренаци делится на три книги и излагает историю армянского народа с древнейших времен до падения династии Аршакуни в 428 г.

Первая книга называется «Родословием Великой Армении» и содержит четыре раздела. Это главным образом древние сказания и мифы о мифическом родоначальнике Хайке, Араме, Ара Прекрасном, Тигране, Вахагис и т. д., вплоть до походов Александра Македонского.

Во второй книге под названием «Средняя история наших предков» описывается история Армении от Александра Македонского до утверждения христианства в начале IV в. В этой части источниками были главным образом «Випасанк», «Песни армянских випасанов», «Песни — мифы».

Третья книга —«Конец истории нашего отечества» и воссоздает историю династии Аршакуни христианского периода вплоть до их падения в 428 г. Распадом единого армянского государства и кончает историк свое повествование. Мовсес Хоренаци пережил крушение надежд и чаяний, связанных с танутэрской Арменией, управляемой с начала VI столетия персидскими марзпанами. К «Истории Армении» автор прибавил «Плач», в котором в волнующих словах повествует о потере независимости своей родины [1].

Во второй половине XIX и в начале XX столетия среди филологов не было единого мнения в вопросе о времени жизни Мовсеса Хоренаци. По

[1] Манук Абегян. История древнеармянской литературы, том I, Ереван 1948, стр. 198—240.

традиционному взгляду, он жил в середине V столетия. Но в армяноведении появились противоречащие друг другу утверждения, что он жил в VI, VII, VIII вв. или даже в IX в. Наиболее правильным должно быть мнение, согласно которому Мовсес Хоренаци жил на рубеже V—VI столетий.

«История Армении» Мовсеса Хоренаци — сокровищница духовной жизни армянского народа древнейшего времени.

В области историографии ближайшими последователями Мовсеса является историк Себеос, а в области науки — Анания Ширакаци, жившие в VII в.

Свою «Историю» Себеос посвящает истории Армении и Ближнего Востока, начиная с появления армян до утверждения арабской династии Омейядов в Дамаске.

Армянская историография этого времени имеет большое значение не только для изучения истории Армении, но и для изучения прошлого ее ближайших соседей — Грузии и Албании (древний Азербайджан), Византии, Ирана и Арабского халифата.

Развивающаяся в Армении философская мысль прежде всего являлась «служанкой церкви» и тесно переплеталась с богословием.

Христианское направление в философии было представлено в произведениях ряда местных философов, наиболее крупным из них был Езник Кохбаци (писал в 40-х годах V в.). Его сочинение «Опровержение ересей» является наиболее ранним памятником философской мысли армянского народа. Целью Езника является обоснование христианской веры и борьба против местных пережитков язычества и персидского зороастризма.

Бурное развитие философии в Армении этой эпохи относится ко времени расцвета школы эллинофилов. В Византии одна за другой закрываются центры античной образованности в Александрии, Афинах и в других местах. Многие изгнанные из Византии философы, еретически настроенные по отношению к официальной церкви империи, нашли себе убежище в Иране и в марзпанской Армении.

Ученые-эллинофилы обогащают армянскую литературу оригинальными и переводными сочинениями. Среди них наиболее выдающимся был философ Давид, прозванный современниками «Непобедимым» (жил в VI в.). Давид окончил Александрийскую школу в Египте. Он оставался наиболее популярным мыслителем Армении в течение всего средневековья. Его сочинение «Определение философии» постоянно изучалось и распространялось, вызвав большое число последователей. По своему мировоззрению Давид Непобедимый является последователем философии Платона и отчасти Аристотеля.

Кроме Езника Кохбаци и Давида Непобедимого, в этот период были известны вардапет Мамбре (V в.), Елише, Петрос Сюнеци (VII в.), Иоанн Маираванеци или Маирагомеци (VII в.), Давид Харкаци (VII в.) и др. Все они были апологетами учения христианской церкви в ее армянском толковании и выступали против догматов западной церкви. В связи с этим школа эллинофилов развернула широкую переводческую деятельность.

Помимо переводов богословских сочинений деятелей раннего христианства, особо следует отметить переводы Аристотеля, Платона и других античных философов. Некоторые из этих сочинений в подлиннике утеряны и сохранились лишь в армянском переводе. К числу их относится сочинение Зенона «О природе», греческий оригинал которого утерян и известен лишь по частичным цитатам позднейших философов.

В V в. переведены с греческого на армянский такие памятники античной письменности как басни Эзопа и «История Александра Македонского» Псевдо-Каллисфена.

В дальнейшем в догматических спорах с враждебной греко-православной церковью, опиравшейся на учение Платона и неоплатоников, представители армянской церкви придерживались философии Аристотеля. Поэтому его последователи доминировали во всей средневековой армянской философии. В Армении Аристотель стал центром внимания школы эллинофилов.

В обширных комментариях и толкованиях к переводам многочисленных философских, риторических и богословских произведений, ученые-переводчики показывают свое мировоззрение и отношение к этим произведениям, в частности, к сочинениям Платона и Аристотеля.

В Армении в VI столетии развивается иконоборческое направление в церкви. Католикос Мовсес (574—604 гг.) в своих посланиях запрещает своей пастве почитать византийские иконы. Против него выступает его преемник Вртанес (604—607 гг.), который написал книгу «Против иконоборцев». В дальнейшем иконоборческое течение перекинулось в Византию, где вызвало огромные изменения в жизни византийского общества.

В связи с этим расширением интересов обогащается и древнеармянский литературный язык, развиваются «семь свободных искусств»: грамматика, риторика, «диалектика» (философия), арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Все они используются для нужд церкви.

Эллинистическое направление в армянской философии оказало большое влияние также на естественнонаучные воззрения в стране. Наиболее выдающимся представителем эллинистической науки в Армении является Анания Ширакаци (VII в.), человек с энциклопедическим образованием — он математик, космограф, географ и т. д.

Среди перечисленных наук его больше всего привлекает математика — «искусство числительных» как «основа всего человеческого знания и мудрости».

В VII в. на Востоке, не знавшем математических школ, появляется Анания Ширакаци. Он становится основателем «искусства счисления», разрабатывает и развивает его и тем самым способствует распространению математической науки среди армян.

Составленный им для средних школ учебник по арифметике «Вопросы и решения» [1] по времени является древнейшим из дошедших до нас

[1] «Вопросы и решения Вардапета Анания Ширакца, армянского математика VII века». Издание и перевод И. А. Орбели. Пг., 1918.

трудов. Таблицы сложения, вычитания и умножения учебника на семь веков древнее известных таблиц XIV в.

Перу Анания Ширакаци принадлежит большое количество трудов по космографии, астрономии, календарю, математике, географии, даже историческая хроника и автобиография.

Среди сочинений Анания Ширакаци наиболее ценным памятником является его «География», которая долгое время приписывалась перу Мовсеса Хоренаци.

Увлечение географическими трактатами Клавдия Птолемея и Паппа Александрийского приводит к созданию оригинального географического сочинения. В армянской «Географии» дано географическое описание всего известного в ту пору мира. Наиболее ценными и оригинальными являются главы, относящиеся к Армении, Иберии, Албании и сасанидскому Ирану. В этой основной части труда отразилось политическое и административное деление этих стран до 387 г. и в последний период владычества Сасанидов (между 591—640 гг.), об арабских же завоеваниях автору ничего неизвестно.

В космографических и географических трудах Анания Ширакаци отразились наиболее передовые воззрения на мироздание, характерные для эллинистической эпохи.

В своих космогонических воззрениях Анания Ширакаци исходит из представления о шарообразности земли, в противовес господствующему в это время в Византии мнению Козьмы Индикопловста о том, что земля является четырехугольной плоскостью.

В этот период большого развития достигает календареведение, связанное с повседневными нуждами христианской церкви, которая стремилась дать правильное вычисление дней церковных праздников.

В Армении еще в середине V в. до н. э. распространился древнеегипетский тип календаря, которым армяне пользовались почти до XVIII столетия.

В глубокой древности армяне пользовались простым лунным календарем. Но в середине V в. до н. э. была произведена коренная реформа — лунный календарь был заменен календарем солнечного типа с блуждающим днем Нового года.

Армяне, вводя у себя древнеегипетский календарь, произвели некоторые изменения. В год реформы календаря они приурочили день Нового года к их древнейшему новогоднему дню «Навасард» — «Аманор», т. е. ко дню весеннего равноденствия. В древнеармянском календаре отсутствует счет по декадам и по неделям, каждый день месяца имел особое название.

Армянский год делился на 12 месяцев, по 30 суток каждый и добавочный 13-й месяц из 5 суток.

С введением христианства в стране в IV в. церковь стремится внести изменения в армянский календарь, заменив его юлианским календарем, но эти попытки кончаются неудачей. Однако церковь праздновала исходя из

показаний юлианского календаря. Приходилось даты христианских праздников вычислить по юлианскому стилю, а затем перевести на даты древнеармянского календаря. Это обстоятельство и вызвало многочисленные труды по календареведению.

Церковь не раз пыталась перевести календарь на юлианский стиль. Первую попытку предприняли католикос Анастас, который поручил это дело Ананию Ширакаци. Но народ встретил враждебно это начинание, Анания Ширакаци подвергся преследованиям и был вынужден покинуть Армению.

Юлианский стиль стал особенно непопулярным с того момента, когда армянская церковь окончательно отмежевалась от византийской. В 554 г. в Двине был созван новый собор католикосом Мовсесом II, на котором была введена армянская эра и первым годом нового летоисчисления стал считаться 552 г. н. э.

В эллинистическую эпоху в Армении широко были известны достижения античной медицины. В переводной литературе V—VIII вв. встречается немало специально медицинских трудов, например, сочинения Орибазия, Григория Нисского, Немесия, Асклепиада, Аристотеля и др. Это был период, когда в области медицины эллинские традиции в Греции заглохли, в Армении же, наоборот, развивались.

Армянские врачи славились далеко за пределами своей родины. Известен, например, в VI в. Габриель Шиггараци, придворный врач персидского царя Хосрова II Парвеза и царицы Ширин.

Медицинская литература в Армении стала зарождаться с VI столетия.

С древнейших времен Армения славилась своей лекарственной флорой и минеральными лекарственными веществами. В античном мире и средневековой Европе были широко известны армянская глина, синий камень, армянская бура, аммоний и др.

С незапамятных времен население Армении знало целебные свойства многочисленных минеральных вод — холодных и горячих источников (джермук). Были известны целебные воды Варшак (южнее совр. Диадина) и Элегия (совр. Илиджа около Карина).

* * *

С утверждением христианства и родной письменности, наряду с существующей с древних времен народной поэзией, начала развиваться духовная поэзия. Это христианские гимны — «шараканы» и «кцорды», посвященные тому или иному христианскому празднику или написанные в память чтимого святого. Первые шараканы писали уже в V в. и авторами их являлись Маштоц, католикос Саак I и Иоанн Мандакуни. Но гимнотворчество большого развития достигло в VII столетии, особенно у католикоса Комитаса.

Младшим современником Комитаса является поэт Давтак, придворный поэт албано-армянского ишхана Джуаншера и его сына Вараз-Трдата, Давтак написал «Плач на смерть великого ишхана Джуаншера». После

фрагментов народного эпоса «Плач» Давтака является единственной древней стихотворной поэмой этого рода на армянском языке. Это первый памятник светской поэзии феодальной Армении [1].

Другой автор духовных гимнов — шараканов Степаннос Сюнеци, живший в VII—VIII вв.

Гимнотворчество в Армении этого периода на самом деле является музыкально-поэтическим. Поэт одновременно является музыкантом.

Поэтому вместе с шараканами возникла культовая музыка армянской церкви, которая восходит к дохристианской эллинистической эпохе.

Помимо народной музыки, была развита городская музыкальная культура, которой предшествовала придворная музыка. Распространенные на Востоке мугаммы и армянский дзайн являлись одним и тем же видом музыкальной культуры, общей для всех народов Передней Азии. Народная музыка развивалась параллельно с церковной.

В этот же период в городе существовал театр мимов-гусанов вардзак, являвшийся профессиональным театром армянских мимов, актеры и актрисы которого обладали мастерством высокой квалификации.

Наряду с театром мимов существовали трагедийные представления, связанные с еще не изжитыми церковью языческими обрядами театрального изображения личности умершего, обстоятельств его смерти и подвигов, совершенных им при жизни. Церковь ведет суровую борьбу против языческих обрядов. Специальными канонами, начиная с V в., запрещалось привлекать актеров — гусанов к участию в погребальных обрядах.

Влияние греко-сирийско-римского античного театра в сочетании с прочными традициями местных театрализованных языческих обрядов, а также с богатой армянской мифологией и эпосом дали армянский вариант эллинистического театра.

Армянский эллинистический театр был театром в полном смысле слова: имелись специальные театральные здания, профессиональные труппы актеров и актрис, которые ставили произведения как армянской, так и западно-античной драматургии.

Вместе с изобретением армянского алфавита и подъемом литературы расцвел и армянский театр, унаследовавший опыт эллинистического театра Армении.

Один из церковных деятелей этого периода — католикос Иоанн Мандакуни, в речи «О беззаконных театрах дьявольских» резко порицает театральные представления.

В этот период театральные здания были построены по старой античной традиции амфитеатром. Верхние места в театре предназначались для женщин. Иоанн Мандакуни жалуется, что театры собирали в свои стены зрителей и гусанолюбов больше, чем церкви могли собрать молящихся.

В театре марзпанской Армении существовал репертуар двоякого рода. С одной стороны, это были трагедии и комедии Эврипида и Менандра и, очевидно, также местных драматургов, подражающих великим писателям

[1] *Манук Абегян.* История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 311.

античности. С другой стороны, существовала и драматургия мимографов фарсово-буфонного характера.

Гусаны свободно и остро критиковали духовенство и нахараров Армении. Иоанн Мандакуни с горечью отмечает: «там, где комедианты и гусаны и представления и насмешки гнусные, там и дьяволы с ними вместе пляшут».

Любовь к театру церковь ставила наряду с блудом, воровством и даже убийством. В канонах Иоанна Мандакуни строго запрещается верующим ходить в театр. Актеров специальный канон называет колдунами-чародеями и налагает на них двухлетнее покаяние [1].

В IV—VII вв. складывается искусство феодальной Армении на базе многообразных влияний сасанидского Ирана, Сирии и местных эллинистических традиций.

Первоначально для христианских церквей использовались здания языческих храмов с ярко выраженной формой античной архитектуры. Это базилики — однонефные (Гарни, Двин, Ширванджуг, Ани и т. д.) и трехнефные (Ереруйк, Аштарак, Касах, Цицернакаванк и т. д.).

Характерный для раннехристианского зодчества базиличный тип зданий представлен в Армении такими классическими образцами, как базилики в Ереруйке, Текоре и Касахе, относящиеся к концу IV и началу V в. Они показывают пути, по которым шло развитие армянского зодчества, выработавшего свой местный архитектурный стиль.

В течение V—VI вв. на базе трехнефной базилики была выработана купольная базилика. Ярким примером такого переходного типа является Текорская базилика, позже увенчанная куполом. Купольная базилика представлена храмами в Мрене, Гаяне (в Вагаршапате), Одзунке и т. д. Наконец, вырабатывается центрально-купольное здание, которое характерно для всего христианского Востока в то время, как на Западе утвердился базиличный тип.

Центрально-купольный храм представляет собой в плане равносторонний крест, образующий четыре выступа, на которых покоится купол. Древнейшими памятниками этого типа является первоначальное здание храма Эчмиадзина, построенного в конце V в., но потом неоднократно перестроенного. Дальнейшим развитием этого архитектурного стиля являются храмы в Сюнике, в с. Сисиане, основанный в середине VI в., в Аване, основанный в 590 г., и храм Рипсиме в Вагаршапате, основанный в 618 г. Центрально-купольные здания строились монументально. Простота и скромность украшений, группирующихся вокруг наличников подковообразных окон, придают зданию величественный вид.

Расцвет армянской феодальной архитектуры относится к VII в. Центром архитектуры являлась столица страны — Двин, которая славилась своими великолепными постройками и в числе их соборным храмом, перестроенным в начале VII в. Это один из грандиознейших соборов

[1] *Георг Гоян.* 2000 лет армянского театра, т. II. М., 1952, стр. 13—78.

Храм Звартноц V в.: *а* — общий вид; *б* — капитель

древней Армении, представляющий собой видоизмененную композицию, синтез купольной базилики с храмами крестообразного типа. Такого же типа построенные немного позже храмы в Багаване и Талине.

В VI—VII вв. развиваются величественные и благородные формы купольных зал, характерными образцами которых являются храмы Птгни и Аруча. Центрально-купольный тип здания в дальнейшем своем развитии дает многоабсидную форму (храмы Еринда и Егварда), снаружи многогранную или круглую. Образцом такого типа архитектуры является храм Звартноц с трехъярусной центрально-купольной композицией, шедевр армянского зодчества. Строил его католикос Нерсес (641—661 гг.).

Результаты раскопок этого памятника дали материал для его реконструкции, произведенной армянским архитектором Торосом Тораманяном.

Здание, воздвигнутое на высоком многогранном стилобате, представляло собой высокую круглую постройку, состоявшую из трех ярусов, поставленных пирамидально и увенчанных широким куполом, окна которого давали обильный свет всему зданию.

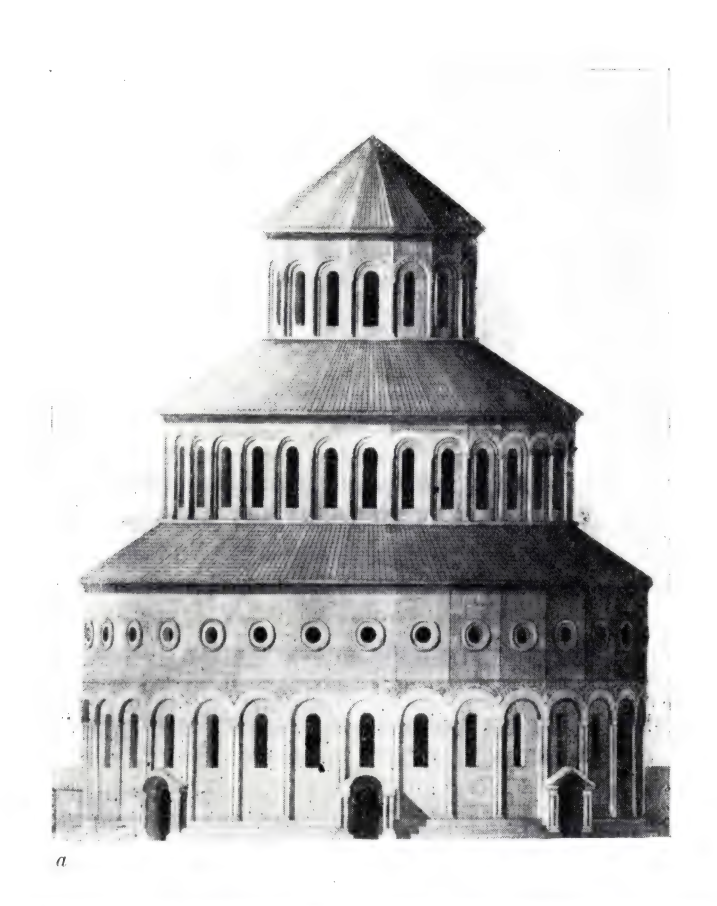
Светские здания до нас почти не дошли, если не считать развалин патриарших дворцов в Двине и Звартноце и развалин дворца Григория Мамиконяна в Аруче. Изучение этих памятников показывает, что для постройки больших приемных зал пользовались исстари существующим принципом перекрытия народного жилища. Это деревянные куполообразные перекрытия армянских жилищ-глхатунов и азарашенков, осуществлявшихся путем накладывания ряда горизонтальных балок с постепенным сокращением их размеров для замыкания купола со световым отверстием посредине. Если строился длинный зал, то он делился на несколько квадратов, каждый из которых имел вышеупомянутое перекрытие. Промежутки между квадратами поддерживались колоннами, увенчанными резными капителями. Эти колонны образовывали колоннаду — колонный зал. Такого типа, например, был патриарший дворец в Двине, построенный на рубеже V—VI вв. [1]

С большим вкусом и великолепием была отделана наружная многогранная стена храма Звартноц. Прекрасно изваянные горельефы с мотивами виноградной лозы, гранатовых плодов и веток и изваяния человеческих фигур зодчего Иоанна — строителя храма и его сподручных мастеров, каменотесов со строительными инструментами в руках являются шедеврами армянского реалистического искусства. Внутренние стены храма были покрыты росписью и мозаикой.

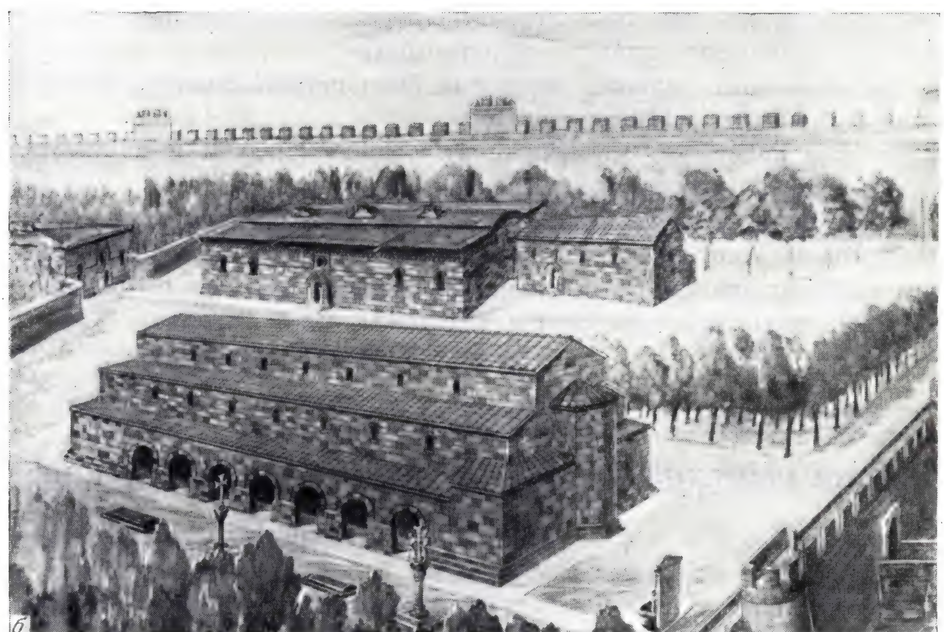
С утверждением в стране христианства развивается декоративная скульптура, которая становится частью архитектурного ансамбля и переплетается с остальными орнаментальными мотивами, имеющими растительный, геометрический и зооморфный характер. В этом отношении характерны изваяния на стенах храмов Текор, Мрен и Звартноц.

Сюжетная скульптура развилась в архитектурных памятниках в виде рельефов и барельефов надгробий.

[1] *Н. М. Токарский.* Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 43—48.



а



Реконструкция храма V в. в Звартноце (арх. Тораманяна) *(а)*; реконструкция кафедрального собора V в. в Двине *(б)*

Светская скульптура представлена почти исключительно изображениями ктиторов, если не считать сцен охоты, сбора винограда, различных бытовых сцен и т. д.

Ктиторы обычно изображались на стенах основанных ими храмов, в сцене охоты или торжественного шествия, конными или пешими.

В этот период широко развивается производство художественной керамики. О большом вкусе керамических изделий свидетельствуют черепицы, найденные в раскопках Двина.

Из прикладного искусства большого развития достигло ювелирное мастерство.

Живопись Армении этой эпохи развивалась в традициях эллинизма, но служила почти исключительно церкви, поэтому и получила соответственное направление. Наряду с новыми архитектурными формами вырабатывается новый живописный стиль, христианские формы живописи.

В дошедших до нас храмах Армении V—VII вв. сохранились фрагменты стенописи, исполненные либо кистью, либо мозаикой и изображающие главным образом святых и сцены из Ветхого и Нового заветов. Фрагменты росписи собора в Текоре, Аруче, Талине, Мрене, Егварде, трактованы в монументальных приемах мозаик VI—VII вв. Палестины, Равенны и Рима и фресок Египта.

Наряду с ярко выраженными влияниями эллинистической художественной культуры в ранних росписях, особенно в орнаментике, следует отметить также их общность как с ранней армянской каменной резьбой, так и восточными, в частности с сасанидско-персидскими мотивами, подвергшимися в дальнейшем длительной переработке.

Одновременно с ранними росписями была развита также мозаика из сочетания смальты различных цветов.

Большое количество мозаичных кубиков из смальты и из местных каменных пород найдено при раскопках Звартноца и Двина.

В Звартноце найдены довольно значительные фрагменты мозаичной кладки. Кроме того, обнаружены и три мозаичных пола VI в. в развалинах иерусалимских храмов, несомненно, исполненные армянскими мастерами, о чем свидетельствует орнамент и надписи [1].

8

ГРУЗИЯ (КАРТЛИ-ИБЕРИЯ И ЭГРИСИ-ЛАЗИКА) В III—V ВВ.

Процесс перехода от рабовладения к феодализму на территории Грузии имел ряд своеобразных особенностей, и поэтому изучение его представляет большой интерес. Феодализм вызревал здесь постепенно, изнутри. Мы не знаем для Грузии ни таких нашествий варваров, каким подверглась

---

[1] См. Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, стр. 1—14.

Римская империя, ни мощных выступлений рабов, потрясавших другие государства.

Кризис III в., охвативший все государства Средиземноморья, с которыми тесно была связана Грузия, был ослаблен здесь наличием свободных сельских общин, отсутствием крупных земельных владений типа латифундий, обрабатываемых рабами, сохранением городов — ремесленных и торговых центров.

Однако этот интересный период жизни Грузии чрезвычайно слабо документирован письменными источниками. В источниках этого периода [1], кроме того, содержится мало данных для характеристики социально-экономической жизни Грузии. В источниках же более позднего времени (VIII—XII вв.) [2] уже чувствуется вполне определенная тенденция историков феодальной эпохи, старавшихся модернизировать события. Особенно это чувствуется в описании борьбы за иммунитет между феодалами и царской властью.

Благодаря тому, что феодализм вызревает изнутри, без заметных воздействий извне, трудно установить дату начала развития феодальных отношений. Считается, что о зачатках этих отношений можно говорить уже в IV в.

Изучение общины должно показать, как возникают и развиваются феодальные отношения изнутри, но, к сожалению, материалов для этого мало [3].

О внутренней стороне процесса появления феодальной собственности на землю и формирования феодально-зависимых слоев населения приходится судить лишь по косвенным данным при помощи ретроспективного метода. Такими фактами являются: факт формирования феодального класса азнауров [4] (которых армянский историк Фавстос Бузанд [5] называет нахарарами, термином, который для Армении V в. обозначал высший феодальный класс), факты земельных дарений церкви царем и феодалами, покупка земельных участков (о чем свидетельствует надпись на камне

---

[1] *Яков Цуртавели.* Мученичество Шушаники. В сб. «Грузинская проза», т. I. М., 1955; «Памятники древнегрузинской агиографической литературы». Перевод К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1956; *Фавстос Бузанд.* Указ. соч.; *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950.

[2] «Обращение Грузии» («Мокцевай Картлисай»), грузинский текст, изданные Е. С. Такайшвили в сб. «Три исторические хроники». Тбилиси, 1890; СМОМПК. Перевод Е. Такайшвили, вып. XXVIII, Тбилиси, 1900. «Жизнь Грузии» («Картлис Цховреба»), т. I. Тбилиси, 1955. См. также французский перевод: Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusqu'au XIX s., vol. I, 1 partie, Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de I.— C., vol. 2.SPb., 1849).

[3] *С. Н. Джанашиа.* Феодальная революция в Грузии, Грузия на путях ранней феодализации. «Тр. Ин-та истории Груз. ССР», т. I, 1949 (на грузинском языке); *Н. А. Бердзенишвили.* Установление феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1958 (на грузинском языке).

[4] *Яков Цуртавели.* Мученичество Шушаники. В сб. «Грузинская проза», стр. 11—12.

[5] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., V, стр. 162.

VII в. [1]) и, наконец, упорная и почти непрерывная борьба между феодалами и царем за превращение условных земельных держаний в наследственные, борьба за иммунитет [2].

Как ни скудны фактические данные, как ни ограничены методы, все же удается воссоздать следующую общую картину.

К концу античного периода — уже со второй половины III и тем более с IV в.— в Грузии явно наблюдается рост производительных сил, в частности, интенсифицируется земледелие. Благодаря дальнейшему усовершенствованию железного пахотного орудия «эрквани», созданию ряда крупных оросительных каналов увеличиваются масштабы земледельческого хозяйства, возрастает урожайность пахотных полей. Увеличение урожайности влечет за собой бо́льшую заинтересованность производителей в земле. Растет число сельскохозяйственных работников, усиливается стимул для повышения производительности их труда. Подобно многим другим странам, охваченным кризисом рабовладельческого способа производства, в Грузии намечается явное предпочтение использования труда свободных земледельцев («мдабио»), имеющих семьи и заинтересованных в получении определенной доли урожая. Постепенно землевладельцы начинают стремиться к расширению своих пахотных участков и одновременно к привлечению в качестве работников все большего числа мдабио. В связи с этим возрастает удельный вес землевладельцев в обществе; новая социальная группа крепнет и выдвигается; ее представители становятся обладателями дорогих коней и железного оружия и доспехов, которыми владели прежде лишь царские всадники. Это уже не обыкновенные земледельцы — просто мдабио или «мсоплио» — а свободные и знатные люди, для обозначения которых появляется новый термин «азнаури». «Сепецулни» (члены царского рода) уже не в состоянии удовлетворить возрастающие требования, предъявляемые властью к вооруженной коннице. В результате все больше азнауров привлекается к царской службе. Азнауры становятся «предстоящими» у царя и причисляются к знати.

Так возникают новые общественные силы, способствующие дальнейшему развитию зарождающегося феодального способа производства. Однако рабовладельческий способ производства еще не скоро сходит на нет, и среди непосредственных производителей (надо полагать, не только в сельском хозяйстве, но и в городском, ремесленном) довольно долго еще, наряду с трудом свободных, применяется рабский труд.

Условным рубежом между рабовладельческой и феодальной эпохами в истории Грузии иногда считают период, когда происходит замена наследственной царской власти выборной властью «эрисмтавари» — первого среди равных из числа картлийской знати. После освобождения значитель-

---

[1] *А. Г. Шанидзе.* Древнегрузинская хрестоматия (Caucasus Poluglottus, 1). Тифлис, 1935, стр. 25 (на грузинском языке).

[2] *Н. А. Бердзенишвили.* Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии. «Тр. Ин-та истории АН Груз. ССР», т I, 1955, стр. 165, 167 (на грузинском языке).

ной части Картли в конце VI в. от персов-завоевателей «собралась вся Картлия и поставила князем Гуарама» [1]. В отличие от царской власти, власть князя-эрисмтавара была в большей степени ограничена военноземлевладельческим сословием азнауров.

Весь период грузинской истории от IV в. до арабского завоевания в VII в. следует считать временем постепенного превращения грузинского общества (в наиболее развитых районах) в феодальное. К моменту арабского завоевания можно уже более определенно говорить о феодальной структуре грузинского общества.

Специфика исторических источников заключается в том, что историк получает возможность прежде всего ознакомиться не с внутренней жизнью грузинских городов и сел, а с событиями внешней истории, с действиями царей. Согласно этим источникам, весь этот период заполнен упорной борьбой народов Закавказья с римлянами, византийцами и персами.

Как уже отмечалось, в IV в. положение римлян в Азии и Закавказье значительно ухудшилось. Положение Сасанидов, напротив, укрепилось. Ослабление позиций римлян помогло местным правящим кругам добиться свободы действий. Однако в 60-х годах IV в. они стали ощущать происки новых завоевателей. В 368 г. шахан-шах Шапур изгнал царя Иберии Саурмага (Савромака) и возвел на престол его родственника Аспагура, взяв к себе сына последнего в качестве заложника. Когда Саурмаг вновь появился с 12 римскими легионами в Иберии, чтобы вернуть себе свое достояние, Аспагур предложил ему полюбовный раздел страны. С согласия Рима раздел состоялся, и граница между двумя новыми царствами была определена по рекам Куре и Арагви. В ближайшей к римлянам части Иберии царствовал сторонник римлян Саурмаг, в другой — ближайшей к Ирану — его родственник Аспагур, придерживавшийся проиранской политической ориентации [2]. Раздел страны объяснялся во многом наличием среди местной знати группировок с противоположными интересами. Однако это двоецарствие продолжалось недолго. Сасаниды, успевшие к этому времени окончательно завоевать Армению и Албанию, утвердились затем и во всей Иберии. С начала V в. картлийский царь становится вассалом Сасанидов.

* * *

Политическое и военное ослабление римлян сказалось и в Колхиде, хотя и не так явно, как в Иберии. В 50-х годах III в. по колхидскому побережью прокатилась волна готских набегов. Римские гарнизоны при этом не всегда могли противостоять наступавшим варварам. Римляне не могли, иными словами, явиться реальной помехой для естественного развития

---

[1] *Сумбат Давитис-дзе.* Хроника о Багратионах Тао-Кларджети. Издание Е. Такайшвили, стр. 59; «Материалы по истории Кавказа», вып. 27. Тбилиси, 1949 (на грузинском языке); русский перевод, СМОМПК, вып. XXVIII, 1900, стр. 122.

[2] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1951, стр. 235 (на грузинском языке).

Колхиды. Во второй половине IV в. царь лазов установил свою власть над остальными племенами Западной Грузии (апшилы, абазги, сваны и др.). Племена при этом сохраняли свои обычаи, князья удерживали свою наследственную власть, но попадали в зависимость от царя лазов, союзника Восточно-Римской империи.

Лазы занимали плодородную и богатую долину р. Риони, где и находилась наиболее значительная в хозяйственном отношении область этого племени, Мухуриси (Мохерезис) — богатейшая и наиболее заселенная часть территории Колхиды. «Тут выделывается вино и растет много хороших плодов» [1],— отмечал Прокопий Кесарийский. Здесь же находилось большинство городов лазов: Вардцихе (Родополь), Кутаиси и другие, благодаря чему в древнегрузинской исторической литературе указанный район назывался Самокалако (буквально городской).

Царство лазов получило у греков и римлян название Лазики по имени господствующего племени. Местное его название — Эгриси. Это название употреблялось в древнегрузинской исторической литературе. Оно было в употреблении и у соседних народов.

Центром Лазики являлся г. Цихе Годжи на р. Техури, грандиозные развалины которого, под местным названием Нокалакеви (городище), сохранились до наших дней. Греко-римляне называли этот город Археополь.

* * *

В Грузию рано начинает проникать христианство. Уже в начале IV в. в приморских городах Колхиды известны факты возникновения христианских общин и даже епископских кафедр. Большую известность в это время приобретают христианские общины в Бичвинта или Питиунте (совр. Гагрский район) и Трапезунте. Питиунтский епископ Стратофил участвовал в 325 г. в I Вселенском церковном соборе в Никее [2]. Надо полагать, что в прибрежных городах Колхиды христианство было распространено главным образом среди пришлого, преимущественно греческого, населения. Однако отсюда христианство проникает и внутрь страны, где находит себе приверженцев и среди лазов-мегрелов. Окончательное утверждение христианства в качестве официального культа в Лазике происходит в 523 г., т. е. позже, чем в Картли. Начало христианства в Грузии связывают обычно с деятельностью «просветительницы» Нины [3].

В Картли (Иберии) небольшие христианские общины существовали, по-видимому, задолго до крещения всей страны, но прямых указаний на это почти не сохранилось. Крещение царской семьи произошло во второй трети IV в., но официальной датой начала христианства принято считать 337 г.

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 423.

[2] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I, стр. 231.

[3] «Обращение Грузии», стр. 14 и сл. (русский перевод, стр. 18 и сл.); *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I, стр. 176—234.

Укреплению христианства способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, христианство в IV—V вв. выступало с положениями о равенстве людей, о возможности общего счастья всех классов и сословий в потустороннем мире. Эта проповедь создавала христианству более прочную социальную базу среди самых широких слоев общества. Проповедь о божественности светской власти и необходимости повиновения ей создавала христианству поддержку среди феодализирующейся части общества, позволяло ему стать государственной религией. У царей, кроме того, имелась и материальная заинтересованность в изменении религиозной системы. Царская земельная собственность состояла из реальной собственности на наследственные земли царя и царской семьи и номинального права верховного собственника на все земли Картлийского царства. К IV в. земельные владения, которыми свободно мог распоряжаться царь, заметно сократились. С одной стороны, экономически выделялись члены царской семьи (сепецулни), которые, получая соответствующую долю наследственной царской земли, превращались в верхушечный слой феодализирующейся знати; с другой стороны, царю, чтобы привлечь на свою сторону знать, приходилось за военную службу давать ей земельные пожалования.

Царь нуждался в земле, а жреческая каста Картли-Иберии была крупнейшим собственником земли (так же, как и рабов и прочих материальных ценностей). Принятие христианства означало секуляризацию (изъятие в пользу светской власти) храмовых владений. В недрах христианской церкви в то отдаленное время существовало относительное равенство и предвидеть, что и христианская церковь очень скоро превратится в крупного феодального землевладельца, было еще трудно.

Принятие христианства означало, кроме того, и укрепление политических связей с Восточно-Римской империей.

Знать Иберии приняла христианство из тех же соображений, что и царская власть: она нуждалась в земле и понимала, что источником пополнения ее земельных богатств могут быть только хорошо налаженные хозяйства на храмовых землях, принадлежавшие до того жреческой касте.

Свободное сельское население Иберии, особенно ее горных областей, где были сильны порядки первобытнообщинного строя, встало на защиту язычества. И только после карательных экспедиций царя и воевод (эриставов) признало новую религию. Одной из мер укрепления христианства было взыскивание с исповедовавших первобытную религию особых государственных податей. В VI в. источники отмечают наличие ряда общин, все еще открыто придерживавшихся язычества.

Введение христианства имело свои положительные и отрицательные стороны. Во-первых, христианство способствовало укреплению более передовых феодальных порядков, во-вторых, укрепляло культурные связи с передовыми странами запада, которые к этому времени исповедовали уже христианство. Однако в то же время христианство в Картли уничтожало древнейшую языческую культуру и прежде всего конечно дохристианскую письменность.

В конце IV — начале V в. (380—420 гг.) сасанидский Иран в результате крупнейших междоусобиц ослабел настолько, что уже не мог сохранить влияние на далекие закавказские страны. Только со второй четверти V в. снова утверждается сасанидское влияние в Картли и картлийские цари становятся вассалами персидских шахан-шахов. Для контроля над картлийским царем Сасаниды учреждают специальную должность картлийского питиахша с резиденцией в Тбилиси (начало возвышения Тбилиси относится, по-видимому, к IV в.). Вскоре должность питиахша превращается в наследственную в одном из местных южнокартлийских знатных домов. Владения картлийских питиахшей включали почти всю территорию Нижней Картли южнее Триалетского хребта, а также Тбилиси и представляли собой почти царство в царстве на территории Картли.

Утверждению политического влияния Сасанидов в Картли способствовало дальнейшее развитие в стране феодальных отношений и рост антагонизма между царской властью и знатью [1]. Родовая и сепецульская знать, теперь уже довольно многочисленная и внушительная, обозначается новым термином «азнаури». Этот термин (персидская основа «азн») употреблялся сначала в значении свободного, но даже в то время имел оттенок того сословного значения («знатные»), которое в последующие века стало основным, когда термин «азнаури» сделался единственным для обозначения землевладельца-феодала. Рост общественного влияния азнауров проявлялся в том, что высшие должности и в картлийской христианской церкви к этому времени перешли в их руки.

Во второй половине V в. и в начале VI в. азнауры уже делились на великих («дид-дидни») и малых («мцирени»). Противоположная азнаурам социальная прослойка — «уазно», т. е. не азнаури, несвободные, включала, по-видимому, глехов — крестьян. Большинство населения, свободные поселяне обозначаются, кроме того, термином «цврили эри» (мелкий люд); промежуточную между цврили эри и азнаурами ступень составляли «мсахури» (буквально слуги) и «мхедари» (воины), находящиеся на службе у царей или крупных азнауров свободные люди; ниже всех на социальной лестнице стояли «мона» и «мхевали», т. е. рабы и рабыни [2]. Из числа богатых азнауров начинают выделяться «мтавари», обладающие в известной мере и административно-политической властью. Мтавари и сепецулни составляют к этому времени высший слой картлийской знати.

История Картли V в. полна фактами борьбы различных групп общества. Высший слой картлийской знати в V в. выступает открыто против царской власти. Столица Картли-Иберии из Армази (на правом берегу Куры) переносится (не позже III в.) на левый берег Куры, в Мцхета, находящийся

---

[1] *С. Н. Джанашиа.* Грузия на путях ранней феодализации. «Тр. Ин-та истории АН Груз.ССР», т. I, 1949 (на грузинском языке); *Г. А. Меликишвили.* К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии. Тбилиси, 1955 (на грузинском языке).

[2] Термины «азнаури», «уазно» и некоторые другие из здесь означенных упомянуты уже у Якова Цуртавели (см. выше).

в зоне Мухранского передового земледельческого района. Показательно, в этом смысле, и то обстоятельство, что в западногрузинском государстве Эгриси ведущую роль начинает играть княжество Лазики — одной из богатейших земледельческих областей.

Царская власть, развивавшаяся ранее на рабовладельческой основе, не могла достичь быстрой реорганизации и изменения. Политическая форма государства, соответствующая тенденции к централизации, сохранялась довольно длительное время. Продолжало долго господствовать в правящей династии и отношение царской власти к стране, как объекту совместной частной собственности царского рода.

За столетие со времени принятия христианства в Картли образовалось множество областей, что послужило основанием для деления картлийской церкви на епархии и учреждения ряда епископских кафедр. К началу VI в. в Картли насчитывается 24 кафедры, а к началу VII в. их уже — 35. Каждая кафедра располагалась в центре соответствующей области («сахли»), во главе которой стоял обычно знатный род. Население этих областей находилось в крепостной зависимости от знатных родов, но бо́льшая часть земли еще не превратилась в объект феодальной собственности; свободные поселяне («цврили эри») продолжали владеть большей частью своих общинных или частновладельческих земель. Сила и влияние знатных домов в то же время уже значительно возрастают. Выборные власти общины становятся ее господами, так как выборные должности превращаются в наследственные. Дары и подношения, общественные работы (постройка, ремонт и содержание крепостей, рытье крепостных рвов и т. п.), военная и другие повинности принимают строгообязательный характер. Перечисленные повинности выражают зависимость населения от знатного рода — сахли. Родовая знать (прежде всего, мтавари и сепецули) борется теперь за новую политическую форму, против царской власти, что объективно имеет целью утверждение новых, уже феодальных форм земельной собственности.

В процессе обострения борьбы картлийская знать вступает в сношения с персами, помогая им в истреблении царской власти в Картли и в присоединении страны к Сасанидской империи, т. е. в мероприятиях, которые уже были проведены в соседних Армении и Албании [1].

С персами договорились и руководители картлийской христианской церкви, которая к этому времени уже находилась, как указывалось, в руках той же знати, настроенной оппозиционно к царской власти. Так, древнейший грузинский летописец, повествуя о событиях первой половины V в., сообщает, что иранский питиахш поставил главу картлийской церкви, архиепископа Глонакора, эриставом (воеводой) над Картли и Албанией [2].

---

[1] *Н. А. Бердзенишвили.* Проявления классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии, стр. 158—162.

[2] «Обращение Грузии». См. Е. Такайшвили. Описание рукописей об-ва распространения грамотности среди грузинского населения, т. II, вып. 4. Тифлис, 1906—1912, стр. 721.

А во второй половине V в. глава картлийской церкви Микаэл вступает в острый конфликт с царем Вахтангом Горгасалом, борющимся в рассматриваемое время с персами за укрепление царской власти [1].

Религиозная политика Сасанидов сводилась, как известно, к насаждению в завоеванных странах своей государственной религии — зороастризма. Но в таких странах, как Армения, Албания и Картли, где христианство уже успело пустить глубокие корни, иранское правительство передавало управление христианской церковью в руки «еретиков», в частности, монофизитов, которые не только не пользовались покровительством, но даже жестоко преследовались властями Восточно-Римской империи и ее преемницы — Византии, главными врагами Сасанидов.

Если на рубеже IV и V вв. в Картли наблюдается сильное влияние Византии, то в последующие десятилетия, напротив, преобладает влияние Ирана. Шахан-шах Ездегерд II (438—457 гг.) с целью насаждения зороастризма в закавказских странах вызвал знатнейших людей Иберии, Албании и Армении и предложил им под великой угрозой отказаться от христианства. Ездегерд, по уверению армянского историка Лазаря Парбеци, добился цели. В числе ренегатов оказался и глава дома картлийских питиахшей Аршуша (Ашуша). Однако большая часть знати все же осталась верна христианской религии [2].

Раздирающие общество противоречия сказались и внутри христианской церкви. В V в. в Иберии появляются уже различные ереси. Так, в лице епископа Мобидана, современника царя Арчила (429—437 гг.), находит своего последователя манихейство [3].

Особенно обостряется внутренняя борьба в Картли во второй половине V в., в царствование Вахтанга Горгасала.

Вахтанг, согласно известным источникам, был сильным и храбрым воином, разумным и деятельным правителем. Персы прозвали его Горгасалом, что значит волчья голова, так как Вахтанг носил шлем с изображением волчьей головы [4]. Вступив на престол в качестве вассала Ирана, Вахтанг направляет все усилия на освобождение страны от сасанидского ига. Надо полагать, что господство Ирана было так же тяжело для Картли, как и для Армении и Албании. Персы были первыми завоевателями Восточной Грузии, наложившими на население дань, чудовищные формы которой ярко описаны армянскими историками V—VI вв. (Лазарь Парбеци и др.). Помимо дани, страна несла и тяжелые военные повинности.

Борьба против Ирана затруднялась тем, что Сасаниды успели к этому времени заключить союз против картлийского царя со значительными группировками местной знати. Вахтанг, однако, также не был одинок в борьбе. Широкие народные массы, свободные поселяне, которые в первую очередь страдали от поборов и военных повинностей (пограничной служ-

---

[1] «Жизнь Грузии», т. I, стр. 196—197 (французский перевод, т. 2, стр. 180—191).

[2] *Лазарь Парбеци.* Указ. соч., стр. 47, 55, 59, 110—111.

[3] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I, стр. 306 и сл.

[4] *Джуаншери.* Жизнь Вахтанга Горгасала. «Жизнь Грузии», т. I, стр. 139, 180 и сл.

бы, походов, военных работ и прочих) в пользу Сасанидов, составляли главную силу в борьбе против чужеземных поработителей, за освобождение Картли. Различие интересов знати и народа проявлялось в рассматриваемое время в обострении классовой борьбы между этими двумя общественными силами. В народном фольклоре сохранились песни и сказания, в которых воспевается идеализированная фигура Вахтанга, противопоставляемого другим представителям феодальной знати.

Движение против Ирана находит поддержку и в соседних странах. К Вахтангу, в частности, примкнули повстанцы из Армении [1]. Борьбу против Ирана Вахтанг начал с разгрома внутренних пособников и союзников иранского правительства и врагов царской власти в Картли среди духовенства и знати. Вахтанг реорганизовал церковь и вместо архиепископата учредил католикосат. В 484 г. по приказу Вахтанга был умерщвлен глава сильнейшего знатного дома картлийских питиахшей Варскен [2]. Это событие было воспринято как сигнал к всеобщему восстанию даже в соседней Армении. Однако изменники-нахарары Армении выдали персам замысел восставших и сильно помешали тем самым планам Вахтанга. Изменили Вахтангу и гунны. Однако измена не помешала грузинским и армянским отрядам мужественно вступить под руководством Вахтанга в неравную борьбу против персов [3]. Изменники из числа грузинской и армянской знати целыми группами переходили на сторону врага. Когда сопротивление восставших в конце концов было сломлено, Вахтанг вынужден был укрыться в Эгриси [4]. В самом начале VI в. он погиб в бою с персами от руки убийца, подосланного противником.

После смерти Вахтанга Горгасала царская власть в Картли сохранилась недолго. В 523 г. царь Гурген, потомок Вахтанга, поднял новое восстание против Ирана. Когда восстание потерпело поражение, Гурген с семьей и свитой бежал в Лазику [5]. Так, наступил конец царской власти в Картли.

* * *

Судя по сообщениям древнегрузинских историков, рабовладельческое царство Картли было свергнуто картлийской феодальной знатью. Прежние общественные отношения уже не соответствовали новым социально-экономическим условиям, тормозили дальнейшее развитие страны. Существенно изменилась социальная природа знатных азнауров: они превратились в рассматриваемое время уже в крупных землевладельцев, постоянно боровшихся за создание еще более выгодных для себя условий жизни и за дальнейшее усиление, за захват общинных земель, за господство над непосредственными производителями. Естественно, что они упорно

[1] *Лазарь Парбеци.* Указ. соч., стр. 118 и сл.
[2] Там же, стр. 118.
[3] Там же, стр. 133 и сл.
[4] Там же, стр. 146.
[5] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 142 и сл.

добивались изменения устаревшего политического строя. Особое ожесточение феодалов вызывал унаследованный от рабовладельческих времен порядок, согласно которому военно-административные должностные лица — правители областей (эристави) — назначались и сменялись царем и эта должность не передавалась по наследству (хотя определенная тенденция к этому намечалась уже в позднеантичной Иберии, судя по эпиграфическим памятникам Мцхета).

Главную роль в экономическом развитии страны в это время играло земледелие. Интенсифицировалось разведение различных зерновых, льна, винограда; совершенствовалась техника полеводческого хозяйства. Как царские и азнаурские земли («оче», «ходабуни»), так и общинные покрылись сетью оросительных каналов, возрастала урожайность. Все это делает понятным стремление азнауров к захвату общинных земель. Наблюдаются признаки окончательного разложения общины. Чем интенсивнее становилось земледелие, тем сильнее проявлялись тенденции к превращению земли в частную собственность. Земледелец-общинник, возделывавший виноградник или фруктовый сад, старался не терять плодов своего труда и выступал против передела таких участков между общинниками. Возникала частная собственность внутри общины сперва на виноградники и сады, затем и на пашни. Для VI в. известен письменный документ, фиксирующий факт покупки земли.

Некоторые члены общины богатели, становились «мдидарни», большинство оставалось мелкими («цврилни»). Первые или захватывали большие земельные площади, или скупали их, и на приобретенные таким образом земли сажали пленников-рабов и «взятых под покровительство» бывших общинников, обязывая их за это служить себе. Так, на почве земельных отношений постепенно возникало положение, при котором для одного класса земля становилась источником богатства и социального могущества, а для другого — источником порабощения. Возникали и укреплялись феодальные отношения.

Новые социально-экономические отношения нуждались в новом, соответствующем им, политическом строе. Деспотическая власть картлийского царя с его налоговой системой, администрацией, войсковой организацией — весь старый порядок управления страной не только не способствовал, а, наоборот, препятствовал дальнейшему развитию этих новых отношений. Естественно поэтому, что формировавшийся класс феодалов-азнауров и возглавил движение, поставившее целью политическое переустройство страны. Такое переустройство объективно служило делу прогресса Картли, поднимало ее производственные отношения на новую ступень развития.

К концу V в. борьба между старой царской властью и новым феодальным классом — азнаурами достигла апогея. В результате решающей схватки с Ираном множество знатных азнауров перешло на сторону врага, с которым ранее рабовладельческая Картли под руководством Вахтанга Горгасала вела упорную борьбу за независимость.

* * *

В Западной Грузии (Лазике) главной внешней силой в рассматриваемое время являлись римляне. Зависимость от Рима, а затем от Константинополя, носила здесь гораздо более тяжелый характер, чем зависимость от Ирана в Восточной Грузии (Картли). В определенные периоды Западная Грузия, как видно, платила империи дань. Римские гарнизоны, размещенные в важнейших пунктах Лазики, напоминали народу о его зависимом положении. Главными врагами народной свободы были римляне, против которых и была направлена ненависть широких масс. В поисках внешней помощи знать Лазики обращала свои взоры не только на север к варварам, но и в сторону Ирана. По сообщениям римских историков, в быту царского дома Лазики было заметно персидское влияние.

Борьба против римлян в Лазике особенно обострилась с того момента, когда Иран начал утверждаться в Восточной Грузии. Римляне из боязни распространения иранского влияния и на Западную Грузию, решили прибрать к рукам Лазику (Эгриси), но лазы оказали им жестокое сопротивление. В 456 г. римляне опять появились в Эгриси, где вступили в войну с лазами, но, по-видимому, были разбиты. По возвращении римляне стали готовиться к новым военным событиям, они считали лазов настолько сильными противниками, что для успеха нового похода в Лазику признавали необходимым заручиться поддержкой шахан-шаха Ирана. Царь лазов Губаз, в свою очередь, обратился за помощью к Ирану, но занятый войной с гуннами-кидаритами, последний им отказал. Римско-лазская война кончилась, по-видимому, неудачно для лазов. Царь Губаз выехал в Константинополь, предварительно получив в качестве заложника римского сановника. Губаз принял условия империи и отказался от царской власти в пользу сына, что означало возобновление зависимости от Рима, но на более почетных основаниях. По утверждению Прокопия Кесарийского, «лазы, народ прежде населявший Колхиду, считался подвластным римлянам потому только, что по смерти их царя римский царь посылал преемнику его украшения верховной власти. Впрочем, они не платили римлянам никакой дани и не были у них в повиновении» [1]. Римляне довольствовались, по-видимому, только тем, что лазы защищали свои северные границы от гуннов, охраняя тем самым и византийскую империю от вторжения кочевников с этой стороны. Однако даже такая минимальная зависимость мало прельщала лазских царей и этим обусловливалась их ориентация на Иран. Этим, видимо, объясняется тот факт, что к началу VI в. цари лазов упоминаются уже в качестве вассалов Ирана, причем нет сомнения, что эта зависимость носила поверхностные формы. В таком положении находился царь лазов Цатэ, следовавший во всем иранским обычаям. После восстания против персов картлийского царя Гургена и падения царской власти в Картли, положение в Лазике изменилось. Римляне, обеспокоенные новым усилением Ирана сочли для себя необходимым вплотную

[1] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 106.

заняться лазскими делами. Политика Сасанидов в Картли, уничтожение здесь царской власти, завоевание крайней западной области Картли — Аргвети (в Западной Грузии, между совр. Шорапани и Сурамским хребтом), военные действия у восточных пограничных укреплений лазов должны были внушить лазской знати определенные подозрения насчет дальнейших намерений Ирана. Это и побудило лазского царя Цатэ в 523 г. отправиться в Константинополь, где он был утвержден на лазском престоле, после согласия принятия христианства им самим и его семьей. Цатэ женился в Константинополе на дочери одного патриция и вернулся на родину [1]. С тех пор в Лазике окончательно утвердилось христианство в качестве официального культа.

9

ГРУЗИЯ В VI В.

Согласно мирному договору, заключенному между Ираном и Восточно-Римской империей в 532 г., Сасаниды оставили занятые ими во время событий 20-х годов пограничные укрепления Лазики и согласились разрешить вернуться на родину бежавшим картлийцам. Вместе с тем Византия согласилась и с теми политическими изменениями, которые произошли за это время в Иберии.

После ликвидации в Картли царской власти страна образовала один из шахров Северного или Кавказского «кустаха» (остана) государства Сасанидов. Во главе Картлийского шахра, как и других административных единиц Ирана, стоял правитель — «марзпан». Марзпаны, назначавшиеся вначале лишь из числа коренных персов, были высшими администраторами страны и верховными судьями с правом присуждать к смерти любого жителя шахра. Одновременно одной из важнейших обязанностей марзпана было следить за выполнением военных повинностей подвластного ему населения.

Размер дани и военные тяготы росли в невероятных масштабах, вследствие непрекращавшихся войн и непомерного роста аппарата управления. Грузинская летопись того времени повествует, что когда «прекратилось царство» (т. е. пала царская власть.— *Ред.*), в Картли усилилось влияние персов, захвативших также Албанию и Армению. «И проникли они к кавказцам, и соорудили они себе врата Овсети [2] (Алании.— *Ред.*), одни большие врата — в собственно Овсети и четверо врат — в Двалети [3], и одни — в Парчуане Дурзукетском [4]; а тех горцев поставили гомардами (охраной).

---

[1] «Георгика». Сведения византийских писателей о Грузии, т. III. Тбилиси, 1936, стр. 264—265 (греческие тексты, грузинский перевод с комментариями С. Каухчишвили).

[2] Врата Овсети — Дарьяльские укрепления.

[3] Врата Двалети — укрепления на перевалах Осетии.

[4] Врата Дурзукети — хевсуро-чеченские укрепления.

И другого некоего человека поставили правителем в Цанаретском ущелье... и соорудили также персы врата Хазарети [1] и обратили в бегство хазаров».

Резиденцией картлийского марзпана служил Тбилиси, возвысившийся к этому времени настолько, что уже соперничал со столицей Картли-Иберии — Мцхета. Возвышению Тбилиси благоприятствовало его выгодное положение на древнейших магистральных путях и сооружение удобного моста через Куру. В военно-стратегическом отношении Тбилиси также представлял важнейший пункт, должным образом оцененный и коренным населением и всеми завоевателями, в том числе и Ираном. В 506 г. в Тбилиси существовала епископская кафедра, а в конце того же столетия был построен Тбилисский Сион (кафедральный собор). Во второй половине VI в. византийцы считали Тбилиси уже столицей Иберии.

В рассматриваемое время в Тбилиси размещался главный персидский гарнизон. Гарнизоны находились и в остальных крупных городах Картли, в том числе в Мцхета. Начальники гарнизонов были облечены не только военной, но и административной властью.

Сасаниды сохранили в своих руках и некоторые административные органы, в частности должности картлийских «мамасахлиси» (старшина, домовладыка) и «питиахша». Была сохранена, по-видимому, также и должность «эристава» (воеводы). Местные органы управления практически осуществляли управление Персии в далекой, хотя и покоренной, но исполненной воли к свободе и явно неспокойной стране. Назначались на эти должности, как правило, представители крупной картлийской знати.

Картлийская знать всячески использовала новый режим в своекорыстных целях. «С того времени,— пишет древний грузинский летописец,— как сыны Горгасала лишились царства, с этого времени господствовали картлийские азнауры» [2]. Другие современные события исторические источники ярко отражают господствующее положение картлийской высшей знати в первой половине VI в. Согласно данным памятникам середины VI в.— «Мученичества Евстафия Мцхетского» [3], видно, каким исключительным влиянием пользуются у марзпана картлийские мтавары и сепецули, а также картлийский католикос, мамасахлиси и питиахши. Персидское правительство передавало вышеуказанные должности обычно в наследственное владение определенным знатным домам, соответствующие права которых якобы закреплялись специальными царскими грамотами.

Аналогичная картина наблюдается в VI в. и в Эгриси (Лазике). Византия при Юстиниане проводила в подчиненных ей странах политику, подобную персидской.

Непосильные государственные повинности, произвол чиновников, нескончаемые походы и связанные с ними военные повинности (военная служба, военные постои и прочее), бремя непомерно раздутого

[1] Врата Хазарети — Дербентские укрепления.

[2] Иначе: «господствовали в Картли азнауры».

[3] «Мученичество Евстафия Мцхетского». «Полное жизнеописание святых грузинской церкви», ч. II. Перевод М. Сабинина. СПб., 1872.

бюрократического аппарата—все это доводило до отчаяния население, толкало его на восстания, заканчивавшиеся обычно жестокими репрессиями. Народ был доведен до крайнего разорения и истощения.

Иными словами, византийская политика развивалась здесь в общем для восточных провинций направлении.

Утверждение персов в Картли, их открытые претензии на Эгриси (персы доказывали, что римляне незаконно занимают Колхиду, Лазику, будто бы издревле подвластную персам), наличие здесь сильных проперсидских настроений заставило константинопольское правительство серьезно заняться вопросами военно-стратегического укрепления Лазики.

В 20-е годы VI в. византийские гарнизоны вновь были поставлены в пограничных с Иберией укрепленных городах Эгриси — Шорапани и Сканде. Однако содержание гарнизонов в этих отдаленных от морского побережья крепостях оказалось невозможным, главным образом из-за скрытого сопротивления лазов, хорошо понимавших сущность грабительской политики Византии. Лазы отказывались поставлять продовольствие и добились тем самым ухода войск [1]. Персы воспользовались этим и на короткое время заняли эти крепости.

При императоре Юстиниане I Византия укрепилась уже в прибрежных пунктах, куда легко было доставлять провиант, военное снаряжение и самих воинов. На берегу Черного моря, по-видимому, в устье Чороха или несколько севернее, между Кобулети и Цихис-дзири, по приказу Юстиниана сооружалось укрепление г. Петры, основной базы византийских военных сил в Лазике. Здесь был размещен главный византийский гарнизон и находилась резиденция стратига, командующего военными силами Лазики. Византийские отряды были размещены также в Фазисе (Поти), Севастополе (совр. Сухуми), Питиунте и в других пунктах. Римские стратиги стали вмешиваться во внешнюю торговлю лазов — ввели монополию, стали устанавливать цены, чем окончательно восстановили лазов против себя.

Внешняя торговля в рассматриваемое время имела большое значение для лазов, приносила им большие выгоды. По словам Прокопия, лазы ввозили соль, пшеницу, вино и другие товары, среди которых, есть основание предполагать, были и дорогие ткани, оружие и пр. Из перечисленных товаров только соль была предметом широкого потребления; все остальные шли на удовлетворение нужд знати и царского двора. Экспортировались, по сообщению того же Прокопия, кожа, пушнина, рабы. Вывозились также, надо полагать, мед, воск, лес и пр. С восточными странами торговые сношения велись сухопутным способом. Главным образом Лазика была связана все-таки с Византийской империей, с различными районами которой она сообщалась преимущественно морским путем.

Внешняя торговля (особенно работорговля) Лазики сосредоточивалась в руках знати и царя. Естественно поэтому, что монополия внешней тор-

---

[1] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 150; *его же.* Война с готами, стр. 418.

говли с Византией чувствительным образом ударила по материальным интересам правящих кругов Лазики.

Не менее существенную роль для знати играли и политические соображения. Стремление Византии покончить с независимостью Лазики также не устраивало местную знать. Лазские послы говорили о византийцах иранскому шаху Хосрову: «Они оставили царю нашему только вид царского достоинства, а сами присвоили себе власть во всех делах. Царь, подвергшись участи служителя, страшится повелевающего ему воеводы. Они приставили к нам многочисленное войско, не для того, чтоб охранять нашу страну от беспокоящих ее; ведь ни один из соседних народов, кроме Римлян, нас не тревожит; но для того, чтобы держать нас в заключении и завладеть нашим достоянием» [1].

В интересах борьбы против насилий и притеснений со стороны Византии царь лазов Губаз обратился через послов за помощью к Хосрову Ануширвану, а также заключил союз с аланами и савирами. Персидское правительство давно уже осознало военно-стратегическое и экономическое значение Лазики. У Хосрова были, однако, и тайные замыслы, которые он должен был тщательно скрывать до поры, до времени. Когда во время последующих событий эти замыслы открылись, лазы восстали против Ирана.

Персидскому правительству представлялось нежелательным существование рядом с Иберией (Картли) единокровной и единоверной Лазики, развивавшейся по существу вне русла сасанидской политики.

Поднимавшие в Картли знамя восстания против Ирана всегда находили себе помощь и убежище в Эгриси (Лазике). Так было с Вахтангом Горгасалом и с последним царем Гургеном. Представление о Картли, включающей в себя не только собственно Картли, т. е. Иберию, но и Лазику, находит отражение в концепции составителей древнейшей грузинской хроники «Обращение Картли», относящейся к раннефеодальной эпохе.

Для постепенного сближения восточно- и западногрузинских племен имелись благоприятные предпосылки. Лазика, как известно, примыкала к Картли. Аргвети, часть современной Верхней Имерети (совр. районы Орджоникидзевский, Чиатурский, Сачхерский и частично Зестафонский и Терджольский) политически была связана с Картли, являлась частью Восточной Грузии, но в то же время зависела в экономическом отношении и от Лазики не менее, если не более, чем от Картли. Большое значение имело наличие в Картли христианской письменности, развивавшейся на родном картлийско-грузинском языке («картули»), близком к западногрузинским языкам (мегрельско-лазскому, сванскому). В Лазике в роли письменного языка выступал непонятный и недоступный для широких масс греческий язык. Грузинский язык как язык культурных связей грузинских племен имел все возможности не только соперничать с греческим языком в Лазике, но и постепенно его вытеснять. На почве этого древнего и непрекращающегося хозяйственного, политического и культурного общения близкородственных племен возникали и крепли организа-

[1] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 112.

ционные связи между Западной и Восточной Грузией. Возникали они прежде всего по линии церкви. По сообщению армянского историка Иоанна Католикоса (начало X в.), известный грузинский церковный деятель Кирион на рубеже VI в. «был рукоположен архиепископом иверов, гугаров и егеров». Под гугарами автор подразумевает население южнокартлийского питиахшата, а под егерами — мегрелов и лазов, т. е. население восточных районов Лазики, непосредственно примыкавших к Картли и составивших впоследствии епархию кутаисского епископа. Кутаиси был древнейшим центром грузинской христианской культуры в Эгриси-Лазике.

В этих условиях целью сасанидского Ирана было не только завоевание Лазики, но и укрепление в ней, чтобы не оставалось никаких опасений за прочность власти завоевателей. По утверждению византийских источников, для «освоения» Лазики персидское правительство предполагало выселить лазов и заселить их родину выходцами из Ирана и разных завоеванных областей.

Хосров с радостью принял предложение царя Эгриси Губаза и в 542 г., несмотря на «вечный», «бессрочный» мир с Византией, Хосров во главе огромной армии вторгся в Эгриси. Встреченный царем Губазом он вместе с лазским войском выступил на Петру, главную военную базу Византии. После кровопролитных боев, в которых персы применяли боевые осадные машины, Петра была взята. Хосров оставил в Петре свой гарнизон, а сам поспешил в Персию, на которую совершила нападение Византия. В 545—546 гг. был заключен пятилетний мир между Византией и Ираном. Хосров намеревался за это время успеть осуществить свои замыслы в Лазике. Прекращение торговых сношений с византийскими областями вследствие захвата Сасанидами прибрежных и пограничных пунктов вызвало явное недовольство лазских правящих кругов и самого царя. Тогда Хосров поручил военачальнику Фавризу тайно убить царя Губаза и начать выселение лазов. Губаз и правящие круги Лазики, возмущенные вероломством Сасанидов, снова обратились к Юстиниану, с радостью обещавшему поддержку.

Новая позиция лазов оказала решающее влияние на дальнейший ход войны, так как лазы представляли в рассматриваемое время значительную военную силу. Война продлилась двадцать лет, до начала 60-х годов, и была одной из самых опустошительных войн в Западной Грузии. Иранская и византийская армии пополнялись из центральных районов новыми подкреплениями, иной раз весьма внушительными (один из таких иранских отрядов насчитывал, по-видимому, до 30 тыс. человек). Положение лазов осложнялось тем, что, борясь за свои собственные интересы, они не могли избежать значительных разногласий со своими военными союзниками — византийцами, преследовавшими иные цели и руководимыми к тому же продажными, трусливыми и бездарными начальниками.

Другим препятствием в борьбе лазского народа с врагами служили внутренние противоречия и несогласия, вполне закономерные для раннефеодального общества многоплеменной Лазики, а также борьба местных

групп знати между собою и борьба некоторых групп этой же знати с царской властью. Знатные лазы, «изменники родины», как их называют источники, неоднократно предавали родину и выполняли поручения врагов.

Военные действия лазов против Ирана развивались с медленным, но все возрастающим успехом, несмотря на присылку Хосровом большого вспомогательного отряда. Военные неудачи заставили этот отряд вернуться в 549 г. из Лазики. Благодаря храбрости и самоотверженности народа были изгнаны остатки персидской армии. В руках Сасанидов оставалась лишь Петра. В 550 г. Хосров прислал в Лазику лучшего военачальника Хориана с огромным войском, в том числе и с перешедшими на сторону Сасанидов аланами. Жестокий бой окончился полным поражением персидских войск. Хориан был убит, большая часть его воинов погибла, оставшиеся были обращены в бегство. Персидский лагерь попал в руки лазов и византийцев. Новый иранский полководец Набед попытался использовать внутренние междоусобицы в Лазике и попытался опереться на Абазгию.

Абазгия в IV в. входила в состав Лазики. По языку абазги (абхазцы) относятся к адыгейской группе народов. Прокопий Кесарийский писал: «абазги издревле были подданными лазов, начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; из них один властвовал над западной частью, другой занимал восточную» [1]. Приблизительно к концу V в. после освобождения Лазики Восточно-Римской империи удалось сохранить свое политическое влияние в Абазгии. В Питиунте (Бичвинта) и в Севастополе (Сухуми) были размещены римские гарнизоны. В конце 20-х или в начале 30-х годов VI в. (возможно, в 529 г.) и знать, и все население Абазгии приняли христианство. Благодаря широкому развитию работорговли власть абазгийских князей постепенно приобретала деспотический характер. По сообщению Прокопия, князья абазгов отнимали у своих подданных красивых детей, превращали их в евнухов и продавали за большие деньги в Византию. Чтобы обезопасить себя от мести отцов, последних убивали. В результате говорит Прокопий: «Абазги, низложив своих царей, решили жить на свободе» [2]. Одновременно вспыхнула большая война в Лазике. Сасаниды с самого начала оценили значение абазгийских крепостей и при первом же вторжении в Лазику (542 г.) направили свои отряды для захвата Севастополя и Питиунта. Византийские гарнизоны, занимавшие до этого времени названные города, ушли, разрушив до основания крепости. Персидским войскам пришлось вернуться обратно. После низвержения власти абазгийских князей римляне усилили угнетение народа, в результате чего абазги перешли на сторону персов. Захватив приморскую крепость Трахею, где были сосредоточены силы абазгов, римляне жестоко расправились с абазгами.

После этих событий волнения вспыхнули у апшилов, живших между абазгами и лазами и издавна подвластных лазам.

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 382.

[2] Там же, стр. 383.

Для дальнейшего развития войны решающее значение имела Петра. В 550 г. союзное, лазско-византийское войско еще раз осадило это укрепление. После двухдневного ожесточенного боя Петра была взята. Большая часть персидских войск была перебита. Победители получили богатые трофеи — огромное количество военного снаряжения и запас провианта, рассчитанный на 5 лет. Однако, по-видимому, союзники еще не были в состоянии удержать Петру, и по приказу стратига Бессы городские стены были сравнены с землей.

В 552 г. между Византией и Ираном был заключен пятилетний мир, повлекший за собой активизацию проирански настроенной лазской знати. С 553 г. вновь происходят бои между византийцами и персами, кончившиеся победой последних. Византийцы вероломно убили лазского царя Губаза и этим вновь оттолкнули от себя лазов. Правители Лазики, чрезвычайно озабоченные дальнейшей судьбой страны, созвали в одном из ущелий народный сход для обсуждения вопроса об отношении к Ирану и Византии. Руководившие народным собранием знатные лазы раскололись на две группы. Давнишний враг Византии и сторонник Ирана Айет обратился к своим соотечественникам с пламенным призывом порвать окончательно с Византией. «Если мы останемся спокойными, они будут нас оскорблять еще бесстрашнее, ибо они всегда были жестокими по отношению к своим подданным...» [1],— говорил Айет и уверял, что персы надежнее. Айет призывал отомстить за вероломное убийство своего царя и увлек за собой все собрание. Вождь противной партии Фартаз, пользовавшийся влиянием и уважением колхов, утверждал, что убийство Губаза — дело рук лишь Мартина, что остальные стратиги и сам император к нему непричастны, что связь с Византией все-таки более приемлема для Лазики, чем связь с персами, что ромеи никогда не примирятся с разностью религиозных убеждений между ними и лазами, что фактически нет возможности изгнать их из страны. Фартаз предлагал сообщить о случившемся императору, чтобы он принял соответствующие меры против преступников и только после его отказа обсудить целесообразность иного пути.

Мнение Фартаза восторжествовало. Лазская знать, связанная своими экономическими интересами с Византией, сообщила Юстиниану обо всем происшедшем и просила как о наказании убийц, так и об утверждении на лазском престоле жившего в то время в Константинополе Цатэ, младшего брата Губаза. Юстиниан поспешил удовлетворить просьбы лазов. Преступники были арестованы, Цатэ взял власть в Лазике в свои руки.

С наступлением весны военные действия в Лазике возобновились. Действия одного из византийских чиновников вызвали восстание мисимийцев. Это племя, подвластное царю лазов, жило севернее апшилов, по верхнему ущелью р. Кодори и сохраняло свой язык, особенности культуры и быта.

---

[1] *Агафий.* О царствовании Юстиниана. М.— Л., 1953, стр. 78.

В том же году Нахораган во главе шестидесятитысячной персидской армии атаковал византийцев и их союзников гуннов-савиров в районе Археополя. Но тут авангард персов попал в ловушку и потерпел жестокое поражение. Тогда Нахораган решил идти на Фазис. Здесь в кровопролитном бою персы потеряли около 12 тыс. человек и вынуждены были поспешно отступить. Сам Нахораган ушел в Картли. Византийцы стали деятельно готовиться к экспедиции против мисимийцев, заняв в Лазике Вардцихе (Родополь). Превосходившие численностью персов византийские отряды вторглись в страну мисимийцев и начали там свирепствовать. Однако мисимийцы, собрав все силы, разбили врагов и обратили их в бегство. В конце концов обе стороны были вынуждены пойти на примирение: мисимийцы дали заложников и возместили Византии ее материальные потери, зато им было разрешено «снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни...» [1].

После поражения у Фазиса Хосров предложил мир Византии. В 556 г. было заключено перемирие на условиях сохранения за обеими сторонами уже захваченных ими в Лазике пунктов. По-видимому, война более не возобновлялась, так как в 562 г. в г. Даре Византия заключила мир уже на 50 лет.

По договору 562 г. Сасаниды отказались в пользу Византии от своих притязаний на Лазику. Спорным оставался лишь вопрос о стране сванов. Сваны, подобно другим племенам Лазики, стремясь к сохранению свободы, искали у персов лишь временной помощи. Сванский вопрос стал одной из главных проблем взаимоотношений Византии и сасанидского Ирана. Окончательно он был решен лишь в 575 г. (или около этого времени), когда византийские войска вторглись в Сванети, взяли в плен вождя и опять подчинили эту страну.

В 572 г., воспользовавшись вооруженным выступлением армян против Ирана под предводительством Вардана Картли также отпала от поработителей и примкнула к Византии. Армяно-грузинское восстание положило начало новой византийско-иранской войне, которая продолжалась целых двадцать лет.

К концу VI в. Сасаниды фактически уже не пользовались влиянием в стране. В этот момент Картли была представлена самой себе.

Приблизительно к этому времени следует, по-видимому, отнести сообщение древнейшей грузинской хроники «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли») о том, что собрались представители Картли и «учинили эриставом Гуарама». Есть основание рассматривать это известие как сообщение о собрании всей картлийской знати, которая выдвинула своего представителя в качестве главы государства.

В первой половине IV в. христианство становится сначала официальной религией в Картли — ведущем государственном образовании Грузии, а за ним и во всех других областях страны. Эта новая соответствующая более

---

[1] *Агафий* Указ. соч., стр. 124.

прогрессивным общественным отношениям религия вызывает существенные изменения в идеологии и культуре народов, что находит свое отражение в соответствующих памятниках культуры.

Длительная и жестокая социальная и политическая борьба на территории Грузии облеклась теперь в формы церковно-религиозной идеологии и политики.

Для Восточной Грузии — Картли особенное значение имела религиозная политика Сасанидов. Сасаниды стремились и в Грузии, и в Армении насадить зороастризм, но, убедившись, что это вызывает сильное противодействие местного населения, они сделали попытку отделить христианскую церковь Грузии от православной византийской, опираясь на монофизитов и преследуя грекофилов, халкедонитов-диофизитов. Халкедониты-диофизиты считали Христа «богочеловеком». С Халкедонского собора 451 г. диофизитство стало официальной христианской догмой. Монофизиты, напротив, утверждали, что Христос имел только одну божественную природу и не был человеком. Монофизитство, осужденное как ересь, стало знаменем сепаратизма для восточных провинций Восточной-Римской империи. При содействии персидских завоевателей бразды правления в картлийской, армянской и албанской церквах перешли в руки монофизитов. Вместе с тем в политических целях Сасаниды проводят мероприятия, которые должны были координировать действия церквей, находившихся в пределах сасанидского государства. Уже в 506 г. был созван объединенный собор всех трех упомянутых церквей, на котором монофизитский толк был объявлен единственным православным вероисповеданием. На соборе были, вероятно, разрешены и организационные вопросы. Связи между картлийской, армянской и албанской церковью в данный период еще плохо изучены, что не позволяет воссоздать историю политики церкви в рассматриваемое время. По всей вероятности именно в VI в. создается легенда о том, что кавказские народы крещены неким Григором Парфянином, традицией признанным в качестве «просветителя», обратившего в христианство Армению. Одновременно возникает легенда и о происхождении всех закавказских национальных алфавитов из одного источника.

Сасаниды пытались проводить (где это только оказывалось возможным) и промаздеистскую политику: отступников от маздеизма (официальной религии сасанидского государства) жестоко преследовали, подвергали смертной казни, насильственно обращали население в маздеизм.

Падение политического значения Сасанидов в Закавказье сопровождалось и крушением церковной гегемонии монофизитов.

К концу VI в. в Картли при прямой поддержке византийского правительства окончательно восторжествовали диофизиты. В соседней Армении, находившейся ближе к Ирану сохранялось влияние монофизитов. В начале VII в. борьба между правящими церковными кругами Картли и Армении закончилась церковным разрывом между обеими соседними странами.

Церковная и религиозная борьба сопровождалась жестоким гонением противников, бесследно истреблялось их литературное наследие. Смена

противоположных группировок в церкви происходила довольно часто. Сохранившиеся религиозные произведения носят следы многократной, часто совершенно их искажающей переделки и редакции.

Известны два вида церковного письма («асомтаврули» и «нусха») и светское письмо («мхедрули»). Грузинская письменность была основана на алфавите из 38 букв.

Древнейшие из памятников грузинского письма относятся к V в. К числу тех немногих народов, у которых была известна письменность, раннесредневековые зарубежные книжники, например составитель сирийской «Книги народов и стран» (конец V в.), относят и грузин [1].

Древнейшим памятником грузинского письма является надпись на болнисском храме, датируемая 20-м годом царствования сасанида Пероза и относящаяся, таким образом, к 70-м годам V в. К древнейшим памятникам письменности относятся и некоторые рукописи, сохранившиеся в палимпсестах (текстах, написанных поверх более старых, соскобленных с пергамена). Древнейшая датированная грузинская рукопись — «Синайский многоглав» относится к 864 г.

История христианской литературы в Грузии начинается с переводов церковных книг. На грузинский язык были переведены четвероевангелие, некоторые книги Ветхого завета и др. Язык этих переводов отличается чрезвычайным богатством, классической законченностью форм и оказывает влияние на всю последующую грузинскую литературу феодального периода. На этом же языке написан древнейший из сохранившихся до наших дней памятник оригинальной грузинской литературы — «Мученичество Шушаники», датируемое 70-ми годами V в., автором которого считается придворный священник Шушаники Яков Цуртавели (из Цуртави).

Яков Цуртавели дает любопытные сведения о социальной структуре современного ему общества, о семейном положении знатной женщины, о домашнем быте, о формах, какие приняла борьба между христианской героиней Шушаникой и персидским сановником, о характере власти картлийского питиахша, об азнаурстве и его подразделениях, о праве мужа подвергать жену, даже знатную, пытке, о социальном составе общества и др.

В анонимном «Мученичестве Евстафия Мцхетского» (конец VI в.) заключены важные сведения о судебно-административных учреждениях эпохи, а также любопытные детали, характеризующие социальное положение ремесленников.

Анонимный автор «Мученичества девяти отроков колайцев» (VI в.) вносит ценный вклад в дело изучения истории борьбы между языческой и христианской культурами. В «Мученичестве» рассказывается о том, что в области Кола (верховьях р. Куры) родители умертвили девять отроков, которые без ведома родных приняли крещение.

---

[1] *К. Кекелидзе.* История древнегрузинской письменности, т. I. Тбилиси, 1951, стр. 31—32.

Внимательное изучение грузинской церковной как переводной, так и оригинальной письменности IV—V вв. приводит к убеждению, что она возникла на основе богатых литературных традиций, сложившихся еще в языческую эпоху.

Византийские, армянские и грузинские источники рисуют Картли этой эпохи как очень богатую страну. Развитие сельского хозяйства, ремесленной промышленности и торговли указывает на дальнейший рост производительных сил страны.

По сообщениям византийских источников, громадные по тому времени персидские отряды в Эгриси в VI в. получали весь хлеб из Картли. Характерным для этого района Грузии являются сообщения о широком развитии ирригации, в частности о возникновении такого крупного сооружения, как Руставский оросительный канал (ниже Тбилиси, по Куре).

Высокого развития достигли здесь общественное разделение труда и обмен. В Картли были развиты многие ремесла. В таких городах, как Мцхета, было сосредоточено много ремесленников.

Растет число городов. Тбилиси приобретает к этому времени, по-видимому, особое значение. Мцхета, Уджарма, Рустави, Болниси, Манглиси и другие также превращаются в крупные центры.

О богатстве этих городов свидетельствуют сохранившиеся в некоторых из них замечательные памятники материальной культуры, а также указания письменных источников. Так, албанский историк Мовсес Каганкатваци называет Тбилиси «изнеженным торговым, славным, великим городом» [1] и утверждает, что когда хазары взяли Тбилиси в 627 г., они принялись грабить его сокровищницы. Впоследствии албанская знать видела на хазарских пирах позолоченные серебряные чаши и сосуды, захваченные в Тбилиси [2].

Картлийские города вели торговлю главным образом с южными странами. По сообщению Прокопия, «Дувий» — страна очень плодоносная... многолюдные селения, лежащие близко друг к другу, заняты торговцами; потому что из Индии, из соседственной Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют» [3].

Торговые отношения Картли с Арменией действительно были весьма значительны. С расширением торговых операций увеличилось и количество денег, находившихся в обращении. С 80-х годов VI в. в Картли начинается чеканка местной монеты.

Одновременно идет процесс концентрации земельных владений. Земля становится предметом отчуждения и постепенно сосредоточивается в руках феодализирующейся знати как экономическим путем, так, в особенности, внеэкономическим.

Чрезвычайно важный документ, удостоверяющий факт продажи зем-

---

[1] «История агван Моисея Каганкатваци». СПб., 1861, стр. 107.

[2] Там же, стр. 120.

[3] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 181—182.

ли, найден в дер. Цхисе (Месхети, совр. Ахалцихский район). Это — каменный постамент для креста с надписью об его установке на купленной земле; надпись датируется началом VII в.

Позднейшие авторы, в частности Джуаншер (XI в.), отмечают факт земельных дарений в пользу церкви уже в IV—VI вв.[1] К началу VII в. относится описанный в источниках эпизод упорной борьбы из-за земли, пожертвованной Шио-Мгвимскому монастырю, между светскими и духовными феодалами Картли. Монастырь в конце концов победил и получил обратно свою землю с дополнительными селами и агараками (пашнями). Легко представить, какие жестокие формы должна была принимать борьба за землю между феодализирующейся знатью и «цврили эри» (свободными поселянами). Для подавления сопротивления цврили эри персидская административная машина была уже недостаточной. Важнейшей политической задачей картлийской земельной аристократии становится создание собственного государственного аппарата. Именно с этой целью верхи картлийской знати выступают на борьбу против Ирана.

Известие «Обращения Картли» о Картли, «учинившей» после свержения господства Ирана в 591 г. новую власть, имеет в виду, конечно, грузинскую знать, воспользовавшуюся плодами победоносной народной борьбы за свободу и независимость.

Сохранившаяся на армянском языке переписка по церковному вопросу между грузинскими и армянскими правящими кругами, важный документальный источник эпохи, удостоверяет, что истинными вершителями политических и церковных судеб Картли были «мтавары и вся знать». Для установления относительной централизации политической власти эта знать «ставит» и «избирает» из своей среды как первого среди равных главу новой политической организации. В начале этот глава раннефеодального картлийского государства, которому знать лишь доверяет суверенную власть, носит титул «эрисмтавари», или «эриставта-мтавари». Термин «мтавари» получает оттенок, приблизительно соответствующий древнерусскому «князь». В отличие от обыкновенных эриставов, глава нового государства получает титул «эрисмтавари» (князя), правителя «эри»-народа.

Монеты с грузинскими надписями выпускались, начиная с конца VI в., от имени картлийского эрисмтавари, обозначающего на ней свои инициалы. В этом уже сказывалось стремление картлийских эрисмтаваров к расширению своих прав.

10

КУЛЬТУРА И БЫТ ГРУЗИИ В IV—VII ВВ.

Письменные источники, освещая политическую историю, мероприятия знати и отчасти общественные отношения раннефеодальной Грузии, дают сравнительно мало материала для суждения о быте и культуре народных

[1] *С. Н. Джанашиа.* Грузия на путях ранней феодализации. «Тр. Ин-та истории АН Груз. ССР», т. I, 1949, стр. 223—224 (на грузинском языке).

масс; об их повседневном труде, материальных возможностях, запросах и идеологии; о городской и сельской жизни; о ремеслах, строительном деле и т. д.

Этот пробел уже в значительной степени восполняется результатами многолетних археологических исследований, ведущихся в ряде областей Грузии, в первую очередь на территории древней столицы Мцхета, а также в Тбилиси, Рустави, Уджарма, Урбниси, Бичвинта и др. К сожалению, в ряде случаев предпочтение отдавалось раскопкам некрополей, дающих мало материала о быте и культуре горожан, за последнее время интенсифицировалось изучение и остатков поселений, жилых, крепостных и других сооружений, содержащих немало бытовых памятников (утвари, украшений, монет и др.), погребенных под развалинами.

Несмотря на то, что изучение раскапываемых памятников еще далеко до детализации и окончательных обобщений, в ряде случаев предварительно намечаются две группы этих памятников, соответствующих двум этапам раннефеодальной эпохи: а) IV—VI вв. (переходной ступени от рабовладельческой к феодальной формации, сопутствуемой византийско-иранскими влияниями в различных областях страны); б) VII—X вв. (этап поступательного развития феодальных отношений, протекавшего в еще более сложных политических условиях, благодаря арабскому засилию, пришедшему на смену иранскому). К концу второго этапа происходит политическое объединение феодальных грузинских царств и княжеств, а это, со своей стороны, обусловливает дальнейшее сложение общественных отношений, свойственных развитому феодализму. Наступает расцвет феодальной эпохи (XI—XIII вв.).

Археологические материалы могильников раннефеодальной эпохи, остающиеся одним из важнейших исторических источников рассматриваемого времени, отличаются от подобных материалов античной и доантичной эпох сравнительно незначительным количеством и меньшим разнообразием ассортимента погребального инвентаря.

С другой стороны, наблюдается гораздо больше доступных изучению остатков поселений и отдельных сооружений: крепостей и христианских храмов, продолжающих обслуживать общество на протяжении всей феодальной формации, и поэтому систематически возобновлявшихся.

В соответствии с этим в данном очерке нам придется последовательно рассмотреть две категории археологических памятников и материалов, проливающих довольно яркий свет на те стороны жизни и истории раннефеодальной Грузии, которые ускользали от летописцев и писателей тех времен или игнорировались ими. Это остатки поселений и сооружений, а также некрополи.

Если начать с Мцхета, общеизвестного центра восточногрузинского рабовладельческого государства Картли-Иберии, то городские сооружения здесь пока еще изучены мало. Мцхета, по письменным источникам, остается столицей и раннефеодальной, раннехристианской Картли (при-

нявшей эту религию в конце 30-х годов IV в.) вплоть до конца V в., когда по инициативе Вахтанга Горгасала, «мцхетского» еще царя, эта роль переходит к Тбилиси. Несмотря на естественный после этого упадок бывшей столицы, Мцхета и после V в. долго остается крупным ремесленно-торговым центром, городом со множеством пригородов и земледельческих поселений («Большая Мцхета»). Процветание Мцхета прекращается лишь в VIII в., в результате опустошительного похода арабов. Но о многолюдности Мцхета, о быте и занятиях его жителей мы судим главным образом по рассматриваемым ниже обширным некрополям IV—VII вв. Городских сооружений указанной эпохи пока известно лишь несколько.

В центре Самтаврского поля (являвшегося главным кладбищем г. Мцхета) еще при раскопках 70-х годов XIX в. зафиксированы остатки большого четырехугольного здания с простой кладкой, которое было квалифицировано (по отбросам стекольного шлака у подножия стены), как мастерская по выделке стеклянных бальзамариев или лакримариев для кладбища.

В одном из западных пригородов, на Армазис-хевском поле, недалеко от античного ансамбля резиденции питиахшей, раскопан ряд сооружений и послеантичной эпохи, в том числе одно довольно крупное. Значительную часть его кладки составляют большие тесаные блоки, взятые из развалин античных построек. Как внутри, так и вокруг этого сооружения располагались погребения в каменных ящиках, что заставляет предполагать его культовый характер.

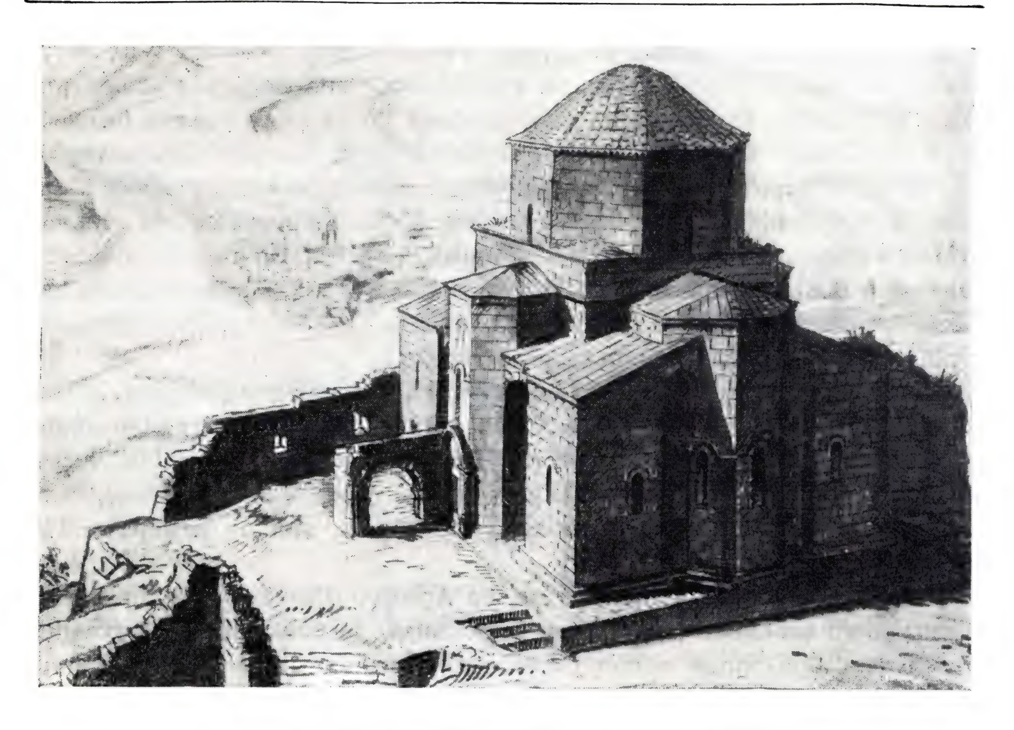
Аналогичный комплекс вскрыт и в Навтсадени (к западу от Армазисхеви), однако там стены сооружения сложены из рваного камня на известковом растворе.

Во время работ по изучению техники фундирования здания мцхетского Свети-цховели — одного из величайших кафедральных храмов Грузии, под полом у подножия «животворящего столпа» (рядом с гробницей, в которой, по преданиям, покоится Вахтанг Горгасал), были обнаружены фрагменты с орнаментами, однотипными с орнаментами храма V в. в Болниси и резко отличающимися от декора нынешнего Свети-цховели, построенного в XI в. Это открытие подтверждает сведения письменных источников о том, что при Вахтанге (во второй половине V в.) был построен каменный базиличный храм на месте первоначальной (IV в.) деревянной церкви Свети-цховели, а в первой половине XI в. над остовом базилики был воздвигнут нынешний грандиозный храм [1].

Реконструируемая мысленно базилика Светицховели (по академику АН ГССР Г. Н. Чубинашвили) становится в ряд с такими значительными, крупными базиличными храмами раннехристианской Грузии, как Болниси (конец V в.), Урбниси (рубеж V—VI вв.), Хашми-Кацарети (VI в.) и др.

---

[1] Подробнее о рассматриваемых памятниках и литературу о них см. в книге *Г. А. Ломтатидзе*. «Археологические раскопки в Мцхета» (Тбилиси, 1955).



Центральнокупольный храм Джвари (VI в.) в Мцхета

На рубеже VI—VII вв. в Мцхета, на вершине горы (где в IV в. был поставлен деревянный крест, как символ вновь принятого христианства) строится знаменитый храм Джвари (Крест). Это первый и блестящий образец нового для Грузии и всего Закавказья типа центральнокупольных храмов, за которым следуют храмы в Шиомгвиме, Самцевриси, Атени (VII в.) и др. Джвари строится эрисмтаварами Картли (правившими страной после упразднения Сасанидами царской власти). Их рельефные изображения с надписями имеются на стенах храма. Недавно при расчистке была обнаружена неизвестная ранее надпись, исполненная грузинским «асомтаврули» [1].

В то время, когда создается Джвари, столицей Картли уже давно (с конца V в.) является Тбилиси, где в VI в. строятся Анчис-хати и Сиони. Храмы эти дошли до нас в сильно перестроенном виде, однако раскопками И. А. Гзелишвили в ограде Анчис-хати вскрыты фрагменты каменного орнаментального декора первоначальной постройки. Недалеко от Анчис-хати раскопаны культурные слои мощностью свыше семи метров с остатками сооружений и хозяйственных приспособлений и утвари различных периодов полутоватысячелетней истории города. Самым интересным оказался древнейший слой, датируемый керамикой IV — V вв. и давший замечательную халцедоновую печать с портретом вельможи. Следует от-

[1] *Г. Н. Чубинашвили.* Памятники типа Джвари. Исследование по истории грузинского искусства. Тбилиси, 1948.

Гипсовый слепок с портретной геммы, изображающей вельможу, на халцедоновой печати (IV—V вв.), найденной при раскопках 1956 г. в Тбилиси

метить и случайную находку древних монет, среди которых имеются и так называемые грузино-сасанидские, битые эрисмтаваром Степанозом, резидировавшим в Тбилиси. Дальнейшие раскопки Тбилиси, безусловно, откроют много таких же важных материалов для древнейшей истории города.

Судя по результатам археологических исследований, Рустави [1] в раннем средневековье является значительным городом, что вполне согласуется с данными письменных источников, считающих его одним из важнейших городов-крепостей, уже для эллинистической эпохи. Об этом же свидетельствует и то, что Вахтангом Горгасалом (во второй половине V в.) здесь учреждается епископская кафедра. Сам храм не сохранился из-за тяжелой участи, постигшей город при монголах, но раскопками вскрыты остатки какого-то крупного, сравненного с землей сооружения, могущего быть этим храмом. К нему же можно отнести найденный фрагмент камня с изображением креста болнисского типа. Культурные слои раннего средневековья пока вскрыты недостаточно. Из находок в них следует отметить большую круглую каменную печать (V—VI вв.) с изображением креста и греческой и грузинской надписями, а также халцедоновую печать с резным изображением зороастрийского гения Сероша, имеющую точную аналогию в одной из самтаврских гробниц. Расцвет Рустави (так же как и Тбилиси, и Дманиси) приходится на среднефеодальную эпоху, памятники которой встречаются в большом количестве. По сведениям источников, в основании и развитии г. Рустави решающую роль сыграл мощный оросительный канал, проведенный из Куры в IV в. Не исключена возможность, что канал был сооружен ранее и что Рустави возник у главного ирригационного сооружения, нуждавшегося в надежной защите (на холме, кстати, сооружена крепость). Рустави, кроме того, располагался на одной из важнейших дорог страны, ведущей из Нижней Картли в Кахети и скрещивающейся здесь с главным путем, идущим вдоль Куры из Грузии в Азербайджан.

---

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. I. Тбилиси, 1955.

Уджарма [1], город-крепость в среднем течении р. Иори (к северо-востоку от Тбилиси), играл также важную роль в истории раннефеодальной Грузии, особенно в IV—VI вв. Его основание, по данным источников, восходит к позднеантичной эпохе. Проведенные там раскопки и разведки (экспедицией Тбилисского университета и Института истории, под руководством Н. А. Бердзенишвили) выяснили, что сам город был расположен на территории нынешнего села, а крепость, запирающая вход в узкое ущелье, по которому шла дорога к верховьям реки, являлась в то же время замком — тем самым, который энергично отстраивал ряд царей IV—V вв., и особенно Вахтанг Горгасал, сделавший ее даже своей резиденцией. Этот пункт служил Вахтангу плацдармом для расширения Картлийского царства, освоения его восточных районов. Исключительно своеобразный облик оборонительных и дворцовых сооружений этого замка (многим обязанный традициям позднеантичного зодчества) делает его почти уникальным в некотором смысле, центральным памятником для Восточной Грузии рассматриваемого периода, так как почти все остальные крепости, доступные изучению, отмечены уже печатью типично средневековой архитектуры и строительного искусства.

Уджармская крепость занимает крайний гребень скалистой возвышенности над рекой площадью в 1,5 га. Она состоит из верхней крепости, занимающей узкое плато и включающей в себя дворцовые, хозяйственные сооружения и небольшую базиличную церковь середины V в.; нижней крепости, расположенной на крутом скалистом обрыве, а также неширокой террасе у его подножия (с несколькими сооружениями) и берег реки, со входом в потайной тоннель для снабжения верхней крепости водой. В обеих частях крепости имеются высокие четырехугольные многоэтажные башни, расположенные поблизости друг от друга. В одной из них, угловой и наиболее просторной, помещался царский дворец, занимавший три этажа, не считая наглухо закрытого темного подвала. Большим своеобразием этих башен является наличие широких и высоких окон и дверей с архаичного типа подковообразными арками. Облицовка каждого сооружения состоит из равных, правильно обрезанных квадров, уложенных в правильные горизонтальные ряды, с чередованием швов, известковый раствор использован в меру. В более поздних сооружениях форма рваного камня случайна, отсутствуют правильные ряды в кладке, много извести. Башни анализируемого памятника были перекрыты огромными двубортными и желобчатыми черепицами (следовательно, крыши имели скаты), совершенно схожими по форме и размерам с таковыми из многочисленных позднеантичных сооружений Мцхета.

Помимо общей выдержанности архитектурного стиля и изящества ансамбля, следует подчеркнуть и чрезвычайную прочность и устойчивость построек, ввиду чего замок хорошо сохранился до нашего времени.

---

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Результаты археологических раскопок в Уджарма. «Тр. сессии Ин-та истории АН Груз. ССР», 1953.

Крепость IV—V вв. Уджарма:
а — **общий вид;** *б* — **раскопки дворцового сооружения внутри крепости**

По-видимому, если бы не разрушение его арабами в X в., а затем двукратная перестройка части верхней крепости, он уцелел бы весь в первоначальном виде. С. Н. Джанашиа высказал предположение, что вышеописанная облицовка сооружений, требовавшая тщательной обработки и пригонки многих тысяч песчаниковых квадров, указывает на широкое применение при постройке Уджармской крепости еще рабского труда.

Культурный слой, соответствующий первоначальному периоду использования крепости, сохранился весьма фрагментарно, из-за позднейших перестроек и продолжительного обитания в ее башнях и других сооружениях. Из находок при раскопках следует отметить сасанидскую драхму (Пероза, вторая половина V в.), найденную в земле, заполнявшей приречную, «водовозную» башню, которая, стало быть, была сооружена задолго до указанного времени; головку от булавки из ляпис-лазури в виде гранатового цветка, находящую множество аналогий в мцхетских и других погребениях V — VI вв.; фрагменты тонкой «скорлуповидной» керамики, глазурованных сосудов более древнего типа, чем хорошо известная поливная керамика среднефеодальной эпохи; фрагменты тонкого стекла и т. д.

Открытый уджармской же экспедицией (раскопки И. Н. Цицишвили) в верховьях р. Иори, в с. Сиони храм, чрезвычайно близкий по своему орнаментальному декору к Болнисскому и в общем, может быть, одновременный с ним, говорит о теснейших культурных связях между юго-восточной и северной областями страны, несмотря на то, что первая долго находилась под непосредственным контролем сасанидского Ирана.

Край этот, одним из центров которого являлся Болниси, был в рассматриваемое время одной из наиболее развитых в экономическом и культурном отношениях областей Грузии. В Болниси был построен монументальный и богато декорированный внутри трехнефно-базиличный храм [1]. Храм был окружен рядом церквей и городскими постройками, занимавшими площадь в 4—5 га. При раскопках в ограде главного храма была открыта большая надпись на камне. Эта строительная надпись, датируемая 493 г., сообщает о том, что сооружение храма длилось 15 лет (при этом счет ведется по годам царствования Пероза, что весьма симптоматично для «иранской Картли», управлявшейся одно время, как нам уже известно, питиашхами, подчиненными иранским, а не картлийским царям). Надпись исполнена прекрасно отчеканенным грузинским заглавным письмом «асомтаврули», что свидетельствует о том, что к V в. означенная письменность уже прошла долгий путь развития. (По мнению Г. В. Церетели, она, возможно, имела общие истоки с античным «армазским» письмом, памятники которого найдены при раскопках в Мцхета) [2]. Это следует подчеркнуть и потому, что болнисская строительная надпись остается по сей день древ-

---

[1] *Г. Н. Чубинашвили.* Болнисский сион. Исследование по истории грузинской архитектуры. «Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР», т. IX, 1940; *Л. В. Мусхелишвили.* Болниси. «Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР», т. III, 1938, стр. 311—376.

[2] *Г. В. Церетели.* Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. «Эпиграфика Востока», II, 1948.

Одна из башен нижней крепости Уджарма

нейшим из точно датированных грузинских эпиграфических памятников. Есть в Болниси и другие надписи, в которых упоминается ряд знатных особ (грузин-христиан, но преимущественно с иранскими именами). В надписи епископа Давида имеется мольба о спасении, наряду с другими лицами и «потрудившихся (на постройке) храма», что вызывает особый интерес. При раскопках в ограде Болниси обнаружены также фрагменты надгробных стел с изображениями и надписями, датируемыми VI—X вв. Недалеко от Болнисского храма имеются развалины города, еще не раскопанные.

Значительная работа проведена по раскопкам и исследованию г. Урбниси[1] (экспедиция Музея Грузии и Института истории АН ГССР),

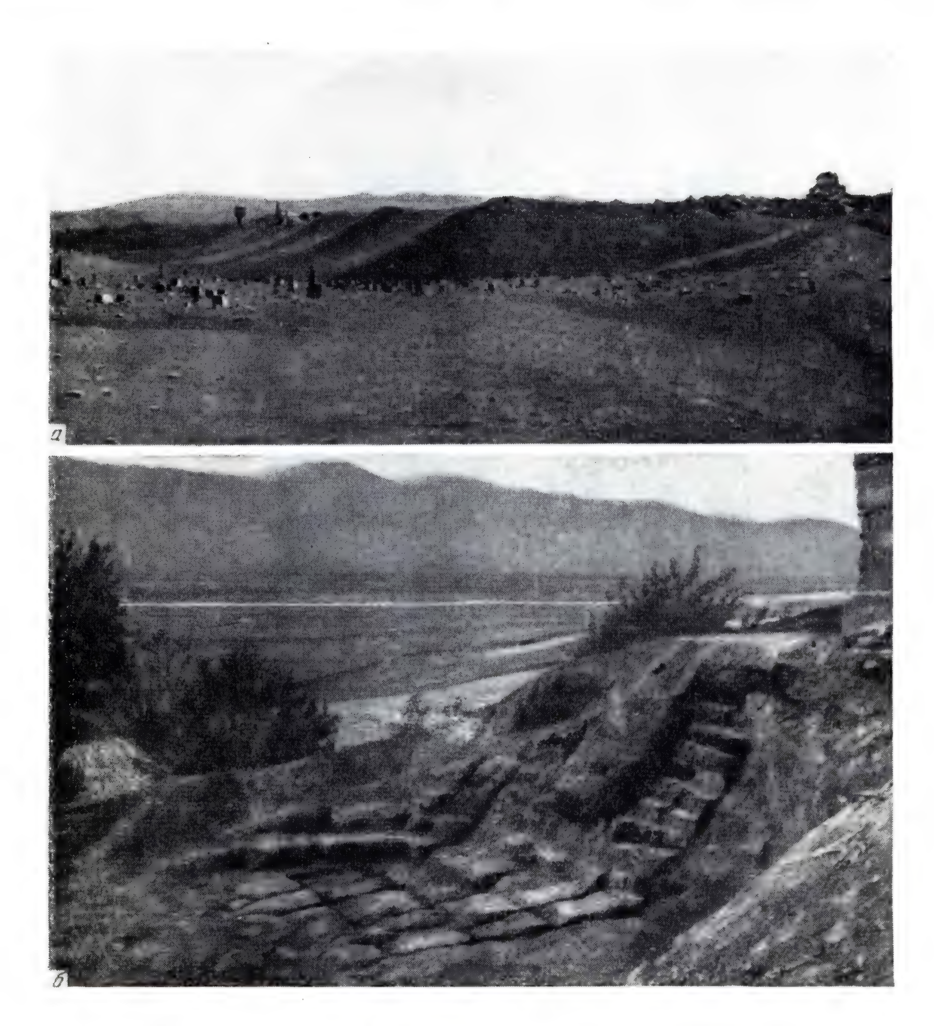
[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Урбниси в 1953 и 1954 гг. «Труды сессии Гос. музея Грузии АН ГССР». Тбилиси, 1955; *Г. А. Ломтатидзе.* Архе-

Западный фасад базиличного храма Болниси (V в.)

особенно его позднеантичных и раннесредневековых слоев. Урбниси на протяжении своего существования с эллинистической эпохи до арабского нашествия в VIII в. был городом с довольно своеобразной и редкой для Грузии системой обороны. Будучи расположен на северной окраине обширного плато, у его обрыва к Куре, город с трех остальных сторон был окружен совершенно ровными полями, что вызывало необходимость в целях обороны опоясать его мощной сырцовой стеной и окружить последнюю широким и довольно глубоким рвом, который в случае надобности мог заполняться водой из оросительного канала, берущего начало у р. Лиахви. Возникновение г. Урбниси (так же как и Рустави) на открытом плато следует объяснять факторами хозяйственно-экономического (но отнюдь не стратегического) порядка. Некоторые наблюдения заставляют предполагать, что устройство рва и вала — мероприятие вторичное и несколько более позднее, чем возведение ограды, так же как и постройка некоторых частей последней, возведенных над погребениями позднеантичного времени. Проведение канала из р. Лиахви, по-видимому, следует отнести еще к античному времени. В это время, надо полагать, и возник большой приканальный поселок Руиси (по-грузински «Канальный»), ставший сельскохозяйственным пригородом Урбниси, обслуживавшим оросительную систему, снабжавшим его ремесленное население продуктами земледелия и находившим укрытие за его оградой в случае опасности (в настоящее время

ологические исследования в Урбниси, в 1953—1955 гг. «Мецниереба да техника», 1956, № 1 (на грузинском языке).

Древнейший датированный памятник грузинской эпиграфики: строительная надпись 492—493 гг. в Болниси



Городище античной и раннефеодальной эпох в Урбниси:
а — общий вид городища с валом; *б* — обнажение сырцовой кладки крепостной стены

Руиси огромное село с купольным храмом, первоначально построенным в виде базилики VIII—IX вв.).

Городская стена Урбниси построена в древнеантичных традициях фортификационного строительства в Грузии (сырцовые ограды в Мцхета — Багинети или Армаз-цихе и Саркинети, а также Гори), хотя здесь отсутствует нижняя кладка из крупных блоков правильной тески и есть лишь подстилка из булыжного камня. В ограде имеются четырехугольные или пятиугольные башни с небольшими смотровыми оконцами, соединенные между собой внутренними ходами вдоль ограды. В двух местах вскрыты выложенные и перекрытые каменными плитами канальца, проходящие под сырцовой кладкой ограды. Они снабжали город водой для хозяйственных нужд из оросительной системы (питьевые родники имелись внутри ограды)

При раскопках обнаружена значительная часть (два помещения) капитального сооружения, пристроенного изнутри к ограде и, следовательно, несколько более позднего, чем ограда. Оно возведено из рваного камня на известковом растворе с прослойками из квадратных кирпичей (так называемая византийская кладка, встречавшаяся в некоторых раннесредневековых крепостях Западной Грузии, но в Восточной обнаруженная впервые).

Пол густо покрыт известковым раствором. Такие детали первоначального сооружения, как весьма низкий проход, соединявший два отделения подполья, фрагменты круглого кирпича и керамического трубопровода, шедшего от плитчатого канальца к этому сооружению, возможно, указывают на баню типа двух позднеантичных бань, вскрытых в Мцхета (Армазис-хеви и Багинети или Армаз-цихе). После же переделки (точно датируемой благодаря семи сасанидским серебряным монетам V—VI вв., заложенным в кладку) одно из двух помещений было превращено в погреб-винохранилище — «марани», в котором сохранились крупные сосуды — «квеври».

Внутри ограды раскопано несколько комплексов рядовых (жилых и хозяйственных) сооружений, построенных из булыжного камня на глиняном растворе. Жизнь в этом квартале города, по-видимому, продолжалась непрерывно со II—III до VIII в. Под фундаментами некоторых сооружений вскрыты погребения раннеантичного времени и даже I—II вв. Перекрытия были, надо полагать, в основном плоские, а изредка со скатами, черепичные. Из хозяйственного инвентаря представлены многочисленные квеври для хранения вина (типологически идентичные с таковыми из армазисхевских дворцовых марани позднеантичного времени); зерновые ямы; подземные керамические хлебные печи — «тоне»; «кеци» — глиняные жаровни для выпечки хлеба в очагах; очаги из обломков крупных керамических сосудов; вращающиеся зернотерки; разнообразнейшая кухонная и столовая керамическая посуда как грубая лепная, так и изящная гончарная, иногда с зеркальным, лаковидным лощением; множество стеклянных сосудиков. Реже находятся предметы украшения.

Многое из этой утвари найдено и в описанном выше капитальном сооружении, где, кроме того, обнаружены и обуглившиеся пшеничные зерна, а также куча камней от молотильной доски (в том числе много полученных дроблением зернотерок). Эти находки свидетельствуют об развитом земледелии и виноделии в районе Урбниси. То же самое можно сказать о скотоводстве, судя по обилию костей разных домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи) среди остатков жилых и хозяйственных сооружений. Особое внимание привлекает глиняная булла с оттисками трех печаток-гемм, находящих аналогии среди гемм из мцхетских погребений IV—VI вв. Ею, видимо, запечатывались какие-то запасы или товары, предназначенные к продаже. Очень часто обнаруживаются отходы керамического производства, а в одном случае — и полуфабрикат стекла, позволяющие предполагать наличие керамического и стекольного производства в г. Урбниси. Вообще, судя по всем находкам и наблюдениям,

раскапываются остатки того торгово-ремесленного квартала города, который упоминается в «Житии св. Нины», описывающем события IV в. Следует тут же отметить, что в Урбниси имеется один из древнейших и крупнейших храмов Грузии — трехнефная базилика, построенная в V—VI вв. Несмотря на неоднократные перестройки, на стенах храма сохранилось несколько первоначальных надписей, близких палеографически к надписям Болнисского храма. С самого раннего периода христианства в Грузии здесь была кафедра епископа.

Вообще в Урбниси представлен интересный комплекс историко-археологических памятников, лишь немногим уступающий комплексу Мцхета. В настоящее время это единственный из древних городов Восточной Грузии, где ведутся систематические раскопки собственно городского поселения позднеантичной и раннесредневековой эпох, тогда как, например, в Мцхета материалы этого времени нам известны в основном из могильников, в Рустави соответствующие слои города копались мало, в Уджарма раскапывался лишь замок, а в Болниси — ограда храма.

В рассматриваемый период западногрузинское государство Эгриси, или Лазика менее самостоятельно в своей политической жизни и международных отношениях, чем восточногрузинское государство Картли. Вследствие этого оно больше подвержено и иноземным культурным влияниям (главным образом византийскому).

Основные сведения о западногрузинских городах-крепостях раннесредневековой эпохи мы находим в сочинениях византийских историков, повествующих о продолжительных войнах Византии с сасанидским Ираном в VI в. (протекавших на территории Эгриси-Лазики) за овладение этим плацдармом, весьма важным стратегически для обеих государств[1]. Этим длительным конфликтом между двумя могущественными державами объясняется политика эгрисских царей и их военный потенциал, в том числе многочисленные крепости, расположенные в ключевых пунктах главных торгово-военных дорог от берегов Черного моря до Ирана через всю Грузию. Византийцы систематически возобновляли эти крепости. Поэтому уже a priori следовало ожидать влияние византийского фортификационного искусства. Предварительное изучение и идентификация западногрузинских крепостей, упоминающихся и в византийских источниках, коснулось Цихис-дзири (Петра), древней столицы западногрузинского царства Нокалакеви или Цихе-Годжи (Археополь), Исула (Нессос), Толеби (Телефис), Варцихе (Родополь), Сканде, Шорапани (Сарапанис), Поти (Фазис), поздней (а также, может быть, древнейшей) столицы Кутаиси (Катайон, по-лазски Котайс) с мощной крепостью Укимериони (охранявшей дорогу на Лечхуми и Сванети), Оногури, Бичвинта (Пицунда, Питиунт). Судя по национальным и классическим источникам и наличию древних слоев в

[1] *С. Г. Каухчишвили.* Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии с параллельными греческо-грузинскими текстами, т. III. Тбилиси, 1936, стр. 301—320 (на грузинском языке).

Крепостная стена в Нокалакеви

сооружениях, некоторые из них основаны задолго до раннего средневековья (например, Кутаиси, Шорапани, Бичвинта).

Из этих городов археологическим раскопкам подверглись пока лишь Нокалакеви и Бичвинта.

Раскопки Л. В. Мусхелишвили, Г. К. Гозалишвили в Нокалакеви (на р. Техури) вполне подтвердили его тождество с Археополем, описанным у византийских летописцев в повествовании о первой ирано-византийской войне, окончившейся в 554 г. Судя по названию, византийцы застали там древний город. Они оценили эту крепость, которая, прикрывая тыл Фазиса, преграждала доступ к нему. Город был расположен на склоне плато, омываемом рекой. Начиная с античного времени (когда были применены крупные ортостаты), Нокалакеви несколько раз ограждали стеной. В ограде было несколько ворот. Внутри было два капитальных здания (одно, видимо, дворец с такой же облицовкой, как ограда, а остальные сооружения, надо полагать, были деревянными, крытыми черепицей. Позднее в ограду встроили башни и соорудили большую крепость, а затем и церковь. По золотым византийским монетам, найденным в одной из башен, это строительство датируется VI в., а первоначальная ограда по другим находкам — серединой IV в. До возникновения города там, вероятно, был замок с небольшим поселением (Цихе-Годжи грузинских источников). Это древнее название появляется вновь в начале VIII в., видимо, после ликвидации византийского владычества во внутренних районах Эгриси. Описывая поход арабского полководца Мервана в VIII в., грузинские летописи отме-

чают, что была разрушена «трехстенная крепость Цихе-Годжи» [1] (так же как и Армаз-цихе в Мцхета, Урбниси и др.).

В Бичвинта (Гагрский район Абхазской АССР) ведутся планомерные раскопки (экспедицией Института истории АН ГССР, под руководством А. М. Апакидзе) [2] и выявлены мощная ограда с башнями, а также ряд культовых и хозяйственных сооружений (например, баня) внутри ограды. Особое внимание привлекают остатки трехнефного базиличного храма с пятигранной абсидой и круглой пристройкой, имевшего очень изящные архитектурные формы. Внутри сохранились остатки 10 мраморных колонн. Памятник многослойный, так как над развалинами древнейшего храма позднее возводились новые сооружения. Ранняя базилика на основании данных архитектурного анализа и многочисленных находок отнесена к концу V — середине VI в., а вторичная, восстановленная с изменением некоторых частей,— к VI в. Самым интересным оказались остатки мозаичного пола (общей площадью в несколько десятков квадратных метров), изучаемые, помимо раскопщиков, и Л. А. Мацулевичем [3]. Считается, что часть мозаики выполнена до сооружения базилики, т. е. не позже V в. Главной является композиция в крещальне с так называемым фонтаном живительной воды (символом христианского учения), а также оленем с самкой и детенышем. Другой фрагмент мозаики с греческой посвятительной надписью содержит имя некоего Орела, чья память, видимо, чтилась, а наличие в центре композиции хризмы с апокалипсическими символами указывает на поминальный характер данного помещения. Этот помост можно считать центром мартирия. Он, видимо, входил в состав сооружения, возведенного до построения здания с абсидой, возможно, в IV в., о чем свидетельствуют стиль и палеография надписи. Орнамент этой мозаики имеет много общего с мозаиками палестинских храмов IV в.

Л. А. Мацулевичем ставится вопрос о существовании местной школы мастеров мозаики, тем более, что в качестве материала с большим умением использованы кусочки местных пород различного цвета. На местную же школу указывает изображение коровы с теленком, неизвестное в других аналогичных памятниках и тесно связывающееся как с грузинским фольклором и древними культами, так и декором более поздних храмов Грузии.

Третий фрагмент мозаики сохранился в крещальне. И здесь имеется изображение «фонтана жизни» (чаша на высокой ножке с голубями). Сюжет и композиция мозаики восходят к эллинистическим образцам и рисунок свободен от схематизма и условности, характерных для конца V и

---

[1] *С. Г. Каухчишвили.* Лекции по истории Византии. Тбилиси, 1948, стр. 188—201 (на грузинском языке).

[2] *А. М. Апакидзе.* Археологические раскопки в Бичвинта. «Труды сессии Ин-та истории АН Груз. ССР», 1953; *И. Н. Цицишвили.* Бичвинтский храм. Там же; *Д. Хахутайшвили.* Раскопки северо-восточной части города Бичвинта. Там же.

[3] *Л. А. Мацулевич.* Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—159; *Т. С. Каухчишвили.* Надпись на мозаике в Бичвинта. Там же.

Вход в башню в Нокалакеви

VI—VII вв. Декоративная система вымостки крещальни находит полную аналогию в Антиохийском крестовом храме (IV в.), хотя там нет изображений птиц и рыб и стиль гораздо суше, что лишний раз говорит за местную мозаичную школу в Бичвинта.

Таким образом, бичвинтская мозаика принадлежит к двум строительным периодам: в крещальне и площадке мартирия она выполнена в IV в., а вокруг этой площадки (фонтан с оленями) — в V в. Это обстоятельство согласуется с соответствующим периодом в истории города. По античным и византийским письменным источникам Бичвинта (Питиус, Питиунт) считалась большим и богатым городом еще в конце II в. до н. э. и в I в. н. э. В бухте Бичвинта базировался римский военный флот, а в крепости, например, и в середине III в. стоял римский гарнизон. К этому городу тяготело и местное население, с помощью которого римляне были изгнаны из Бичвинта в 256 г. К первой четверти IV в. (т. е. несколько раньше христианизации Картли, датируемой 337 г.) Бичвинта стала центром христианства, насаждавшим новую религию в северо-западных прибрежных районах Эгриси-Лазики (в частности, Абазгии). Об этом свидетельствует факт учреждения в Бичвинте епархии и участия ее епископа Стратофила в I Вселенском соборе в Никее (325 г.). Следовательно, надо было ожидать обнаружения остатков и столь древнего христианского храма, к которому и относится, по-видимому, нижний слой мозаики. Это наполовину византийское сооружение и надо считать единственным пока примером крупного храма раннего христианства на территории Грузии, ибо в континентальных областях страны, где сохранилось и изучалось больше ранних храмов, крупные и значительные сооружения типа базилик известны лишь со второй половины V в. Таким образом, раскопанные в

Бичвинта остатки храмов дают богатый материал для истории грузинской культуры начала феодально-христианского периода.

В VIII в. храм в Бичвинта упраздняется и превращается в усыпальницу, а на его развалинах строится малая церковь. И вообще после VI в. значение города уменьшается.

Многочисленные находки из культурных слоев (керамика, стекло, монеты, печати и т. д.) свидетельствуют также и об оживленных экономическо-культурных связях с Византией и с континентальными областями Грузии.

К VI в., ко времени максимального политического влияния Византии на грузинском приморье, относится и так называемая Великая абхазская стена, начинающаяся недалеко от современного Сухуми и доходящая почти до р. Энгури. Этот своеобразный и мощный памятник фортификационного строительства был воздвигнут во время ирановизантийских войн за Закавказье. Считается, что стена построена византийскими властями, которые не остановились перед огромными затратами (обильно используя, конечно, и участие эгрисских властей, местные ресурсы, мастеров и рабочую силу) для защиты жизненно важных приморских пунктов от вторжения иранских войск [1].

Один из древнейших приморских городов Грузии Поти (Фазис), расположенный у устья Риони — крупнейшей реки Западной Грузии — и сохранивший свое важное значение и в раннем средневековье, археологически обследован пока мало. Проведены небольшие раскопки (Институтом истории АН ГССР, под руководством Н. В. Хоштариа) лишь в северном его пригороде Кулеви, который связан каналами и с морем, и с прилегающими к городу земледельческими районами. Позднейший из вскрытых там слоев относится к раннему средневековью, в котором представлены остатки двух нежилых сооружений из кирпича, на фундаменте из камня с известковым раствором и облицовкой из мраморных и керамических плит. Знаки на кирпичах, а также на обнаруженной там керамической печати напоминают грузинские буквы. Найдено много фрагментов тонкого (оконного?) стекла [2].

В Вашнари, расположенном на расстоянии 40 км от моря, раскопаны и изучены (экспедицией Института истории АН ГССР, под руководством Г. Ф. Гобеджишвили) развалины большого города-крепости, который не удается пока идентифицировать с каким-либо из известных по источникам городов раннесредневековой Эгриси — Лазики. По предположению академика АН ГССР Н. А. Бердзенишвили, именно этот город и стал ядром позднейшего крупного феодального княжества — Гурии, распространив, возможно, на нее свое название. Город был расположен на высоком плато

---

[1] *М. М. Иващенко.* Великая абхазская стена. О направлении Келасурской стены. «Изв. Абхазск. научн. об-ва», 1926, вып. IV, Сухуми, стр. 61—92.

[2] *Н. В. Хоштариа.* Археологические исследования в с. Кулеви. «Сообщ. АН ГССР», т. VIII, 1946, № 1—2, стр. 77—82.

между двумя сливающимися реками. Городские стены построены в два ряда, из камня на известковом растворе, с облицовкой из равных квадров, схожей с облицовкой Уджармской крепости. У внутренней стены через каждые 40 м — башни. Внутри имеются и другие сооружения, среди которых выделяются храм и малая церковь, развалины которых подверглись раскопам.

Храм представлял собой трехнефную базилику с пятигранной абсидой (как у Бичвинтского) и с облицованным мрамором алтарем. Внутри храма находились крещальня и гробницы для привилегированных людей. Малая церковь оказалась также богато декорированным сооружением (каменные капители с растительно-геометрическим орнаментом изящной резьбы). Раскопанный комплекс датируется V—VIII вв., а собственно храмы — V—VI вв.[1]

Судя по качеству описанных культовых сооружений, которые могут быть поставлены в ряд с Бичвинтскими, Вашнари действительно был одним из важнейших пунктов раннефеодальной Эгриси, который мог стать затем ядром крупного княжества. Высокий уровень строительного искусства и техники виден, помимо городской стены и храмов, и в других сооружениях. Об этом свидетельствует прекрасный обжиг керамических труб, кирпичей и черепиц, прочность известкового раствора, правильная обработка облицовочных квадров, применение песка с толченым черепком для полов и устройство городского водопровода, запрятанного в толщу стен и т. д. Ряд элементов строительной техники и архитектуры указывает на римско-византийское влияние (как и в Бичвинта и в некоторых других городах-крепостях Эгриси, например, в Цихис-Дзири или Петра, Шорапани и т. д.). Это — прослойки из квадратных кирпичей в каменной кладке, пятигранная форма абсиды, аканфы и волюты на капителях и т. д. Но сама облицовка городских стен и других сооружений (строго горизонтальная кладка небольших продолговатых квадров) повторяет облицовку Уджармского замка (на восточной окраине Картли), не имея аналогий ни среди византийских сооружений, ни среди сооружений Западной Грузии, построенных под византийским влиянием. Это свидетельствует о тесных связях между Эгриси и Картли в рассматриваемое время.

Вообще же строительство крепостей в раннесредневековой Грузии являет разнообразную картину. Тут играло роль различие факторов, стимулирующих возникновение городов и крепостей в разных пунктах страны; местные традиции, восходящие к дофеодальной формации; естественно-физические условия (рельеф, строительный материал и т. д.). Но основным, господствующим типом следует считать крепости на высоких горах или плато, между сливающимися двумя реками или в извилине одной; а типом менее распространенным — крепости на равнинах со сложной системой фортификационных сооружений (ограда, вал, ров).

---

[1] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Археологические раскопки в советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на грузинском языке).

Наконец, следует остановиться еще на одной категории археологических памятников — селищах, которые изучаются довольно интенсивно за последние годы, но объектами исследования являются в основном селища среднефеодальной эпохи (XI—XII вв.). Однако началось изучение и более ранних селищ в Боржомском районе (экспедиция Института истории АН ГССР, под руководством Л. Д. Рчеулишвили). Благодаря обилию вулканических пород, дающих исключительно прочный материал, все дома в этих многочисленных селах (Тори, Ликани и др.) строились из массивных глыб, в виде «псевдоциклопической» кладки, и поэтому сохранность развалин там везде хорошая. В каждом селище есть и развалины церкви, что облегчает датировку поселений (для этого археологического материала оказалось недостаточно). Привлекают внимание необычные для каменной архитектуры формы, заимствованные от деревянного зодчества: сооружения типа «дарбази» с венцовыми перекрытиями; на первый взгляд дома эти казались весьма архаичными, но выяснилось, что изучаемые поселения возникли в VIII—X вв. и были оставлены жителями при монгольских нашествиях XIII—XIV вв.

Что касается памятников, изучавшихся археологически, но не подвергавшихся раскопкам, особо надо отметить ряд монастырских комплексов в юго-западной Грузии, в исторических областях Кола, Артаани, Тао, Кларджети, Шавшети и других (верховья рек Куры и Чорохи, ныне в пределах Турции), которые были обследованы в свое время Н. Я. Марром[1] и Е. С. Такайшвили[2]. Большинство сохранившихся там храмов (иногда в развалинах) относится именно к раннефеодальной эпохе, когда те области и взяли на себя инициативу объединения страны.

Самыми выдающимися памятниками указанной области являются Бана, Ошки, Ишхани и Хахули. При многих храмах сохранились и развалины жилых и хозяйственных сооружений, представляющих определенный интерес для истории грузинской светской архитектуры.

Ряд крупных храмов, построенных во второй половине раннефеодального периода, сохранился и в других областях Грузии: Мокви и Чкондиди или Мартвили на территории древней Эгриси — Лазики; Атени, Цроми, Самцевриси и Самшвилде — в Картли; Кумурдо — в Джавахети и др.[3]

Ценным источником для исследования быта и культуры населения Грузии служат некрополи или могильники, изученные в ряде случаев лучше, чем поселения.

Так, огромный материал дают могильники Большой Мцхета.

---

[1] *Н. Я. Марр.* Дневник поездки в Шавшетию и Кларджетию. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII. СПб., 1911.

[2] *Е. С. Такайшвили.* МАК, вып. XII, 1909; «Археологическая экспедиция в Лечхуми и Сванети в 1910 г.». Париж, 1937; «Археологическая экспедиция в Кола-Олтиси и Чангли в 1907 г.». Париж, 1938; «Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии». Тбилиси, 1952.

[3] *Ш. Я. Амиранашвили.* История грузинского искусства.

Храм Цроми (VIII в.) и мозаичная надпись в Цроми

Из этих могильников в первую очередь следует назвать Самтавро (раскопки Ф. Байерна и других в 70-х годах XIX в. [1], раскопки Мцхетской экспедиции АН ГССР под общим руководством И. А. Джавахишвили и и С. Н. Джанашиа, и под непосредственным руководством М. М. Иващенко и А. Н. Каландадзе, в 1938—1948 гг.), где уже вскрыты более тысячи погребений IV—XI вв., расположенных почти сплошной массой на поле к северу от Мцхета, являющемся кладбищем одного из основных густонаселенных районов города [2]. Господствующим типом погребальных сооружений являются каменные ящики — гробницы, сложенные и перекрытые массивными, более или менее обработанными плитами. Погребение в подобных ящиках имеет в Грузии весьма давние традиции (восходя в ряде областей даже к энеолиту), а собственно в Мцхета эти плитовые гробницы появляются в I в. вначале параллельно с черепичными и кирпичными гробницами,

[1] Исследование древних гробниц близ Мцхета, произведенное Г. Байерном летом 1871 г. «Сборник сведений о Кавказе», т. II. Тифлис, 1872, стр. 326—336.

[2] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Мцхета, § 7—8.

а с III в. уже представляя собой единственный вид погребальных сооружений. Иногда наряду с ними встречается и древнейший для Мцхета тип — грунтовые погребения, но уже перекрытые каменными плитами. Позднее появляются и глиняные саркофаги, но не самостоятельно (как на многих некрополях Грузии с IV—V вв.), а в виде гробов, вставленных в каменные ящики. Можно предполагать и наличие деревянных гробов.

В большинстве гробницы рассматриваемого периода (в частности, в Самтавро — 70%) представляют коллективные, семейные захоронения (2—3 и больше, иногда до 10 и до 15; часто дети и подростки вместе со взрослыми, но нередко они — в отдельных гробницах). Это — явно новый способ, противоположный господствовавшему в дохристианскую эпоху индивидуальному захоронению.

Новый способ, надо полагать, связан с распространением христианства, хотя суть этой связи пока не совсем ясна. Определенно христианскими надо считать и ориентировку погребений (с востока на запад) и позу погребенных (вытянутыми на спине иногда с руками, сложенными на груди). Влиянию новой религии следует приписать и то, что в рассматриваемых погребениях явно ограничивается ассортимент инвентаря и уже нет того обилия, которое было столь характерно для погребений античной эпохи. Несмотря на огромный процент разграбленных гробниц, удается составить довольно отчетливое представление о различных имущественных категориях погребавшихся на этом кладбище горожан, причем наряду с зажиточными и «середняками» выделяются и явно малоимущие слои. Более того, женские захоронения содержат больше инвентаря, чем мужские. Погребальный инвентарь представлен в основном украшениями, носившимися при жизни, и металлическими деталями одежды и обуви, а иногда и остатками самих тканей или обуви. Обнаруженные сосуды почти исключительно стеклянные, изредка — глиняные. В отличие от погребений античной эпохи совершенно нет металлической посуды. Что касается стеклянной посуды, то она как бы специализирована для погребальных целей (небольшие бальзамарии, «лакримарии» или «слезницы», флаконы для ароматных жидкостей) и уже почти нет столовой посуды. Очень редкими становятся монеты, но по ним все же можно устанавливать хронологические границы рассматриваемого, позднейшего слоя некрополя (IV—IX вв.). Как стеклянные сосуды, так и украшения в большинстве случаев отличаются от предметов, встречаемых в погребениях античной эпохи, они носят специфичный местный характер в отличие от многих общеантичных форм предыдущей эпохи. В связи с этим уже поставлен и положительно решен вопрос о наличии ряда отраслей производства в раннесредневековой Мцхета. С другой стороны, набор разнообразных булавок, нарядных шпилек и фибул говорит о коренных изменениях в костюме и прическе, которые носят уже многие черты более позднего, дожившего до наших дней национального костюма и головного убора грузинок. В связи с этим уместно вспомнить то место из «Мученичества Шушаники» (V в.), где говорится о том, что ходить простоволосою, без прически и головных уборов и

украшений пристало лишь женщинам низшего круга. Что же касается украшений лица, тела и рук — их ассортимент в основном остается тем же, что и в позднеантичных погребениях (серьги, перстни, браслеты, кулоны, ожерелья). Но с конца III и начала IV в. явно меняются как формы этих украшений (и здесь появляются более специфично-местные), так и техника их изготовления. Интересно и то, что для изготовления украшений используются новые поделочные материалы, не употреблявшиеся в предыдущую эпоху: коралл, жемчуг и ляпис-лазурь, наряду с традиционными малоценными и полудрагоценными твердыми камнями, явно местным гагатом, или гишером, и сердоликом. Кроме того, очевидны непрестанные поиски новых форм бус и подвесок. Следует отметить и то обстоятельство, что золотые вещи в инвентаре этих погребений встречаются чаще, чем в погребениях предыдущей эпохи, что свидетельствует о массовом распространении украшений среди городского населения. Однако даже в богатейших погребениях их находят в меньшем количестве, а в техническом и художественном отношениях эти вещи нельзя даже сравнивать с позднеантичными: уменьшается количество драгоценных камней, количество и качество резных изображений на вставках.

Привлекают внимание несколько фрагментов тонкой шелковой ткани, обнаруженные в погребениях рядовых горожан, что дает возможность предполагать развитие уже в ту эпоху местного массового производства нарядных цветных тканей из шелка. В погребениях обнаружены также фрагменты обуви из тонкой кожи типа сафьяна.

Как и следовало ожидать, среди погребенных на Самтавро есть и представители ремесленного люда, о чем говорят их профессиональные аттрибуты, входящие в погребальный инвентарь. При этом их погребения относятся к категории довольно состоятельных. Особенно интересно погребение ювелира-гранильщика (VI—VII вв.), в котором при одном из двух костяков, помимо обычных вещей, найдены миниатюрные бронзово-железные весы, бронзовые плоские разновески с изображением короны и креста и пять вставок из сердолика, горного хрусталя и других (на двух — геммы позднесасанидского типа). Разновески уподобляются византийским (эксагию и др.), но по весу они отличаются от них, а это позволяет допустить, что тут мы имеем дело уже с грузинскими весовыми единицами. Не исключена возможность, что ювелир-гранильщик совмещал и профессию менялы [1]. Интересна и гробница с невиданным количеством (39) стеклянных флакончиков, что наводит на мысль считать ее погребением мастера-стеклодува, тем более что тщательное изучение самтаврского стекла раннесредневековой эпохи приводит к выводу об его местном, мцхетском изготовлении; о том, что вследствие этого с IV в. стекло становится предметом гораздо более широкого потребления, чем в I—III вв., свидетельствуют своеобразные (например, «шиповатые» и др.), а также простые и ста-

[1] *М. М. Иващенко.* Находка византийского эксагия в Грузии. КСИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 43—45.

бильные его формы, претерпевающие эволюцию различной степени на протяжении IV—VIII вв.[1]. Этот вывод подтверждают обнаруженные на Самтаврском поле еще при раскопках 70-х годов XIX в. остатки сооружения стекольного производства, которое, по мнению раскопщика, изготовляло флакончики и бальзамарии специально для погребального ритуала.

Можно с уверенностью говорить и о других отраслях товарного ремесленного производства в Мцхета, в частности, о наличии ювелирных мастерских, изготовлявших золотые полихромные украшения, распространявшихся, помимо Мцхета, в других областях Грузии; о мастерских, выделывавших бронзовые и железные булавки с коралловыми и другими головками (в виде гранатового цветка или плода, или макового плода и т. д.), которые были распространены не только по всей Восточной Грузии, но, по-видимому, и за Кавказским хребтом, как об этом свидетельствуют недавние находки в Дагестане.

Нельзя не отметить специально один из самых интересных памятников не только самтаврского некрополя, но и вообще раннесредневековой Мцхета. Это — стела с греческой эпитафией «архитектона и архизографа», т. е. зодчего и главного живописца (причем последний термин является переводом местного, специфично-грузинского термина) Аврелия Ахола и его жены Бевразурии, датируемая IV—V в. и содержащая христианскую формулу проклятия, упоминающую воскресение мертвых. Памятник этот позволяет заключить, что в указанное врямя в Мцхета работал мастер, натурализовавшийся (а может быть даже не чужеземец) и женатый на местной уроженке, который занимался строительством и художественным оформлением зданий[2]. Наличие таких специализировавшихся и квалифицированных руководителей строительства свидетельствует о планомерной упорядоченности и высоком уровне градостроительства.

Эпитафия содержит немаловажное указание на одну теневую сторону социальной жизни города. В надписи имеется обращение к друзьям и прохожим, чтобы те не допускали повреждения их гробницы или ее использования для других покойников, будь то единоплеменники или чужие. Значит, «присвоение» чужих гробниц (сооружение которых, безусловно, стоило дорого), а заодно, конечно, и драгоценностей, положенных в могилу, было весьма распространенным злом. Это подтверждается и наличием ряда ограбленных и вторично использованных гробниц, обнаруженных при раскопках могильников Мцхета.

И, наконец, обращает на себя внимание явная национально-конфессиональная смешанность людей, погребавшихся на Самтаврском кладбище, что, видимо, соответствует пестроте населения города, о чем

---

[1] *Н. Н. Угрелидзе.* К истории производства стекла в древней Грузии (стеклянные сосуды IV—VIII вв. из Самтаврского могильника). Тбилиси, 1955.

[2] *С. Г. Каухчишвили.* Новая греческая надпись из Мцхета-Самтавро. «Сообщ. АН ГССР», т. IV, № 6, 1943; *Т. С. Каухчишвили.* Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 253—257 (на грузинском языке).

свидетельствуют и письменные источники. В этой связи надо вспомнить и обнаруженные на Самтавро две стелы с древнееврейскими эпитафиями.

Всесторонний анализ инвентаря Самтаврских погребений, проведенный Н. Н. Угрелидзе [1], позволяет выделить в нем две хронологические группы: IV—V вв. (переходной ступени) и VI—VIII вв. Это деление в общем совпадает с указанной в начале очерка периодизацией памятников раннефеодальной эпохи и является одним из веских аргументов к ней. Первая группа характеризуется смешением старых и новых форм, поисками все новых образцов, а вторая — стабильными формами, причем стабильность эта не нарушается и такими явно неблагоприятными внешними факторами, как, например, завоевание Картли арабами. Мцхета, видимо, продолжает в это время жить своей жизнью, и единственным признаком, указывающим на арабское господство, можно считать появление арабских медяков («фельсов») в погребальном инвентаре.

Кроме Самтаврского некрополя, остающегося по сей день в Грузии основным археологическим памятником данной категории и для рассматриваемого периода, в Мцхета раскапывались в большей или меньшей степени одновременные и однотипные каменноящичные погребения в следующих могильниках: у устья р. Сангрисхеви, в местности Навтсадени (Е. С. Такайшвили, 1902 г.) [2]; у устья р. Армазис-хеви (Мцхетская экспедиция, под общим руководством И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа и непосредственным руководством в разное время А. Н. Каландадзе, А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили и Г. А. Ломтатидзе [3]; у устья р. Карснис-хеви (Г. К. Ниорадзе 1925 г.) [4]; на Цицамурском поле (Г. К. Ниорадзе, 1926 г.) [5]; на Кодманском плато, над Самтаврским полем (Мцхетская экспедиция, А. М. Апакидзе, 1935 г.). Самыми значительными (в некоторых отношениях превосходящими и Самтавро) результатами увенчались раскопки в Армазис-хеви на той же террасе, где были вскрыты остатки резиденции и богатейшая усыпальница иберийских эриставов — питиахшей II—III вв. Интересно, что общие хронологические рамки раннесредневековых могильников Армазис-хеви и Навтсадени (на которых раскопаны десятки каменноящичных гробниц) совпадают с хронологическими рамками Самтаврского могильника — IV—IX вв.— будучи

---

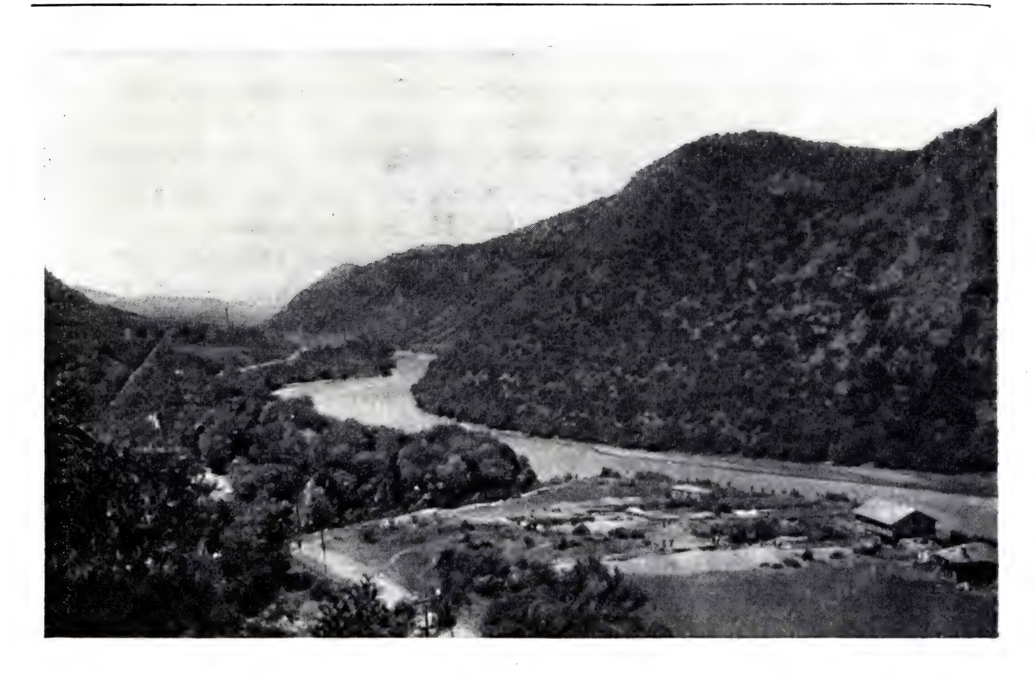
[1] *Н. Н. Угрелидзе.* Указ. соч.

[2] *Е. С. Такайшвили.* Краткий отчет о раскопках 1902 г. близ ст. Мцхет. «Изв. Кавказск. отд. имп. Московск. Археологич. об-ва», вып. I, Тифлис, 1902, стр. 70—89; *его же.* ОАК за 1902 г., стр. 91—97.

[3] *А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе.* Археологические памятники Армазис-хеви, по раскопкам 1937—1946 гг. «Мцхета — итоги археологических исследований», т. I. Тбилиси, 1955; *Г. А. Ломтатидзе.* «Археологические раскопки в Мцхета».

[4] *Г. К. Ниорадзе.* Карснис-хевский могильник. Тбилиси, 1926 (на грузинском языке).

[5] *Г. К. Ниорадзе.* Наземное погребение «Изв. ИЯИМК Груз. ФАН»; вып. V—VI, 1940.



Общий вид раскопок в Армазис-хеви (Мцхета)

также подтвержденными монетными находками. Карснис-хевские гробницы датируются в основном IV—V вв., Кодманские — III—IV вв., Цацамурские — IV—VI вв. За исключением двух из Цицамурских погребений, все перечисленные могильники как по устройству гробниц, так и по обряду погребения (в частности, коллективным, семейным захоронениям), а также по составу типологии инвентаря совершенно тождественны с рассмотренным выше Самтаврским некрополем. Можно отметить лишь несколько случаев использования для постройки гробниц тесаных плит и других деталей из развалин античных сооружений в Армазис-хеви и Багинети — Армаз-цихе, что не наблюдалось в Самтавро.

Следует особо остановиться на небольшой группе (полтора десятка) плитовых гробниц Армазис-хевского некрополя, которая дает наиболее ценный во всех отношениях материал. Датированная IV в. эта группа составляет связующее звено между аристократическим некрополем II—III вв. в Армазис-хеви и массовыми некрополями там же и в других пунктах Мцхета как в хронологическом, так и в социальном смысле. Предполагается, что в некоторых из гробниц этой группы (кстати, сходных с позднеантичными и по форме и по тщательности отделки) похоронены потомки блиставшего некогда дома крупных вельмож царского двора рабовладельческой Иберии, претерпевшие явную социальную и имущественную деградацию, видимо, в связи с резкой ломкой общественного строя.

В этой связи уместно вспомнить археологически засвидетельствованную картину насильственного уничтожения (сожжения, разрушения

Золотые предметы из богатых гробниц IV в. в Армазис-хеви (полихромные браслеты, монета, ожерелье, серьги и перстни)

античных статуэток и т. д.) дворцовых сооружений резиденции питиахшей после III в.[1]

Инвентарь этих богатых гробниц отличается от инвентаря гробниц питиахшей как общим числом вещей (здесь максимум 15—16 вещей в каждой, там — по несколько десятков), так и типологическим их однообразием (полное отсутствие инсигний мужского парадного облачения, расшитых и украшенных золотом тканей, металлической посуды и окованных серебром ножек от погребальных лож и т. д.). В этих гробницах представлены золотые перстни (причем гемм мало и качество резьбы явно хуже), серьги, плоскоколенчатые браслеты (неизвестный ранее тип), бусы и подвески, монета (IV в. восточноримская, императора Констанция), серебряная пряжечка, стеклянный бальзамарий, железные фибулы. Среди золотых украшений много полихромных (с гранатами, стеклом и перегородчатой эмалью), причем ряд вещей не уступает в техническом и художественном отношениях вещам питиахшей.

Бросается в глаза появление множества новых форм золотых украшений, перекликающихся с массово распространенными, так сказать народными, формами. С другой стороны, ряд моментов связывает круг погребенных в рассматриваемых гробницах лиц с кругом питиахшей. Это, не говоря уже вообще о золотой полихромии прежде всего, как уже отмечалось академиком С. Н. Джанашиа — портретная гемма, без надписи, но явно изображающая знатное лицо с серьгой, напоминающее по облику портрет грузинского питиахша Уса на каменной печати IV—V вв., хранящейся в Париже. Следует отметить также несколько надписей армазско-арамейским письмом, выгравированных на золотых браслетах и перстне. Наличие этих надписей говорит о том, что армазская письменность, обслуживающая социальные верхи Картли-Иберии в позднеантичное время[2], распространена среди знати и в IV вв., даже когда Картли принимает христианство (браслетам с армазскими письменами сопутствует в гробнице восточноримская монета, чеканенная в годы, когда христианство стало государственной религией в Картли), вскоре после чего официальной письменностью становится грузинское «асомтаврули». Вполне возможно, что когда дохристианская армазская письменность была изгнана из официального обихода, она удерживалась и даже может быть демонстративно сохранялась среди бывших крупных должностных лиц дофеодального периода. Последние, возможно, устроили свою усыпальницу на старом традиционном месте, около развалин и пожарищ резиденции некогда могучих питиахшей, хотя сами уже и не жили там.

Вряд ли случайно и отмеченное выше сходство изображенного на армазис-хевской гемме лица с лицом питиахша Уса. Вполне возможно, что

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Мцхета, стр. 95—98; *А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе.* Археологические памятники Армазис-хеви, т. I, стр. 104—129.

[2] *Г. В. Церетели.* Армазская билингва, Тбилиси, 1941; *его же.* Эпиграфические находки в Мцхета. ВДИ, 1948, № 2; *его же.* Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. «Эпиграфика Востока», II, 1948.

последний также находился в ближайших потомственных отношениях с домом армазис-хевских питиахшей. То же самое можно предположить и в отношении питиахшей Аршуша и Варскена, хорошо известных по памятнику V в. «Мученичество Шушаники». В то время как питиахши I—III вв. (Шарагас, Зевах, Аспаруг) являлись крупнейшими должностными лицами государства Иберии, питиахши IV—V вв. предстают перед нами как чиновники сасанидского Ирана, агенты его государственного аппарата в Картли. Первый признак подобной политической эволюции можно усмотреть в позднейшей (второй половины III в.) из гробниц армазис-хевской усыпальницы питиахшей, где найдена серебряная чаша с гравированным изображением вельможи в сасанидском облачении и с пехлевийской надписью (единственной в Мцхета), в которой упоминается некто, являющийся «питиахшем божественного Ардашира» (первого сасанидского царя, взявшего в руки власть в 326 г.) [1].

Как известно, воцарение Сасанидов повлекло за собой сильную активизацию внешней политики Ирана, энергичное его вмешательство в дела закавказских государств и в частности Картли. Означенную чашу с надписью так же, как и серебряный сосуд с изображениями сасанидского царя в медальонах, из случайно обнаруженного в селение Саргвеши (Западная Грузия) богатого погребального инвентаря III—IV вв.[2], следует рассматривать как материальные памятники, красноречиво подтверждающие эту ситуацию. Если справедливо предположение о том, что в IV в. в Армазис-хевском некрополе хоронились по традиции потомки питиахшей античной Иберии (жившие уже где-то в другом месте), то следует признать, что эта практика прекращается в IV в. Неясно, вызвано ли это тем, что они, вновь обретя власть и положение, переехали в Тбилиси (ставший на некоторое время опорным пунктом Сасанидов в Картли), вместе с другими представителями знати приняли иранскую ориентацию и тем самым противопоставили себя грузинской, «мцхетской» власти, или чем-то иным, не нашедшим отражения в источниках. Как известно, Сасаниды назначали питиахшами в завоеванной ими южной области Картли представителей местной знати (можно полагать, на эту область и намекает титулатура в греческой надписи на парижской именной печати: «питиаксес иберон-кархедон»). Интересно отметить находку 1956 г. Тбилисской археологической экспедиции под руководством И. А. Гзелишвили — халцедоновую печать с резным изображением профиля мужчины «вельможного» облика в обрамлении лавровых ветвей, обнаруженную в слое IV—V вв., с керамикой, сохраняющей позднеантичные черты [3].

---

[1] *Г. В. Церетели.* Эпиграфические находки в Мцхета. ВДИ, 1948, № 2, стр. 55—56. По мнению акад. АН ГССР Ш. Я. Амиранашвили, сделавшего недавно новую попытку прочтения этой сильно поврежденной надписи, чаша подарена грузинскому питиахшу питиахшем царя Ардашира, изображенным на ней.

[2] *Г. В. Церетели.* Эпиграфические находки в Мцхета, стр. 56.

[3] *G. Tschubinaschwili.* Der Fund von Sargweschi. «Изв. КИАИ», т. III, Тбилиси, 1925, стр. 83—86.

Стеклянные сосуды из погребения IV—V вв. в Рустави

Но инвентарь богатых армазис-хевских погребений IV в. примечателен, как уже отмечалось, и с другой точки зрения: в нем гораздо больше, по сравнению с инвентарем питиахшей II—III в., выделяется предметов, свидетельствующих об органической связи материальной культуры и художественных вкусов и запросов их владельцев с таковыми же широких масс народа (причем населения не только Мцхета, но и многих других пунктов Грузии). Немотря на социальную разобщенность, в этих памятниках сильнее ощущается единство культурных форм. Подобную «культурную унификацию» страны, качественно новую черту по сравнению с позднеантичным периодом (где изолированность верхов и их тяга к иноземному выражена гораздо сильнее), следует рассматривать, по мнению академика АН ГССР Н. А. Бердзенишвили, как один из признаков становления феодального строя, выдвижения на первый план и распространения общенародных национальных форм материальной культуры. Особенно интересны в этом разрезе факты идентичности предметов из рассматриваемых ниже западногрузинских могильников (например, Саргвеши, Уреки, Дзеври) с предметами из мцхетских могильников.

Заканчивая обзор материалов из раннесредневековых некрополей Мцхета, следует указать на редкость находок религиозных, в частности, христианских символов (изображение креста, вырезанное на плите одной из самтаврских гробниц; крест на вставке-литике бронзового перстня; уже отмеченные кресты на бронзовых разновесках из самтаврского погребения ювелира; крест в орнаментальном обрамлении на керамической печати из Армазис-хеви). Христианский характер способа погребения является, напротив, повсеместно явно выраженным и отклонений нет почти ни на одном из изученных могильников. Это наблюдение требует объяснения,

ибо национально-конфессиональная пестрота населения Мцхета несомненна. Исключение составляют два небольших каменных ящика с костями взрослых людей на Цицамурском могильнике, в которых Г. Ниорадзе усматривает пример наземного погребения и вторичного захоронения костей в маленьких цистах [1]. В связи с этим следует подчеркнуть, что в письменных источниках рассматриваемого времени зафиксирована долгая и острая борьба между христианством и маздакидством в раннесредневековой Картли, подпавшей под сасанидское политическое влияние; сообщается об активном противодействии народа попыткам насильственного насаждения зороастрийского культа и, в частности, обряда погребения.

Отражение сасанидской культуры и религии, наряду с позднеримскими и ранневизантийскими влияниями, усматривается и в некоторых украшениях, в частности геммах на перстнях и печатях с изображениями животных, с сюжетами, идущими от зороастризма, а иногда и с краткими религиозными формулами или отдельными пехлевийскими буквами-символами. Встречаются и краткие греческие надписи на щитках металлических перстней, относящихся к раннему средневековью [2]. Уместно вспомнить наличие позднеримских (золотой в Армазис-хеви) и ранневизантийских (серебряной в Навтсадени, медных в Самтавро) монет среди инвентаря мцхетских раннесредневековых могильников. Следов арабского владычества в погребениях Картли мало. В этой связи можно указать лишь на несколько мелких медных монет — фельсов VIII в., помогающих уточнению верхней границы даты Самтаврского и Армазис-хевского некрополей, в которых и погребальный обряд и инвентарь остается прежним, ничем не отличаясь от раннесредневекового инвентаря доарабского времени.

Ряд могильников раннего средневековья раскопан и в юго-восточной Грузии, в исторической области Триалети (Е. С. Такайшвили в 90-х годах XIX в. [3], Б. А. Куфтин и М. М. Иващенко в 30-х годах XX в. [4]). Это такие же каменноящичные погребения, как в Мцхета, с тем же обрядом и способом захоронения (часты коллективные захоронения) и с весьма сходным инвентарем. Особенно наглядно сходство бронзовых и железных фибул, а также булавок и шпилек с головками из коралла и других материалов, изображающими плоды граната или мака — символы плодородия. Имеются также каменные перстни с геммами, находящие аналогии в Самтавро, Навтсадени и Армазис-хеви. Следует отметить отсутствие здесь стеклянных сосудиков, которые вообще встречаются почти исключительно в городских могильниках. В одной из гробниц в селении Санта найдена сасанидская монета VI в.

---

[1] *Г. К. Ниорадзе.* Наземное погребение. «Изв. ИЯИМК Груз. ФАН», V—VI, 1940.

[2] *М. И. Максимова.* Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро. «Вест. Гос. музея Грузии», XVI-B, 1954.

[3] ОАК за 1896 г., стр. 110—112.

[4] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 20—24.

Аналогичные могильники с подобным, хотя и малочисленным инвентарем, раскопаны и недалеко от Тбилиси, в Сартичала (Г. Байерн в 60-х годах XIX в.[1], Э. Реслер в 1903 г., Г. Ниораздe в 1950 г.), а также в Глдани (Э. Реслер в 1903 г.)[2], где найдена золотая монета — местное подражание ауреусу V в. В 1951 г. около селения Сартичала обнаружено погребение, в котором найден серебряный перстень с резным изображением профиля знатного мужчины «сасанидского» облика (разведки автора).

Из случайных находок каменноящичных погребений юго-восточной Грузии следует отметить и гробницу в с. Цилкани (к северу от Мцхета), в которой обнаружены типичные для IV—VI вв. золотые украшения — серьги, перстень и медальон с античной аметистовой геммой исключительно тонкой работы (женский профиль) и с выгравированными позднее магическими надписями греческими буквами[3]. В селении Качрети в 1950 г. вскрыта каменноящичная гробница с железной фибулой и бронзовым перстнем типа мцхетских VI—VIII вв.[4]. Особое внимание привлекает случайно открытое (в 1917 г.) богатое погребение в районе Ахалгори. Там найдены две пары золотых серег с жемчугами на стерженьке (форма, появляющаяся в Мцхета со второй половины III в. и распространяющаяся повсеместно в Грузии с IV в.)[5], золотые перстень и сложный перегородчатый кулон с камнями, сасанидская монета IV в. и др. Перечисленная коллекция лишний раз подтверждает указанную выше дату появления ряда новых типов полихромных золотых украшений (III—IV вв.) и факт их широкого распространения в Грузии[6].

В верховьях р. Иори, около Тианети, в 1950 г. Уджармской экспедицией раскопана каменноящичная гробница с инвентарем, совершенно идентичным с таковым из мцхетских гробниц V—VI вв., принадлежащих лицам среднего достатка (в том числе бронзовые серьги и браслеты, каменный перстень, стеклянные и каменные бусы и т. д.).

Однако в рассматриваемое время встречаются могильники и с погребениями другого типа.

Так, в Рустави (экспедиция института истории АН ГССР) в 1944—1946 гг. под руководством М. М. Иващенко, а в 1949—1951 гг.— Г. А. Ломтатидзе[7] на правобережном могильнике раскопано десятка два грунтовых

---

[1] *В. Вырубов.* Предметы древности в хранилище Общества любителей Кавказской археологии, вып. I. Тифлис, 1877, стр. 5—6.

[2] ОАК за 1903 г., стр. 80—84.

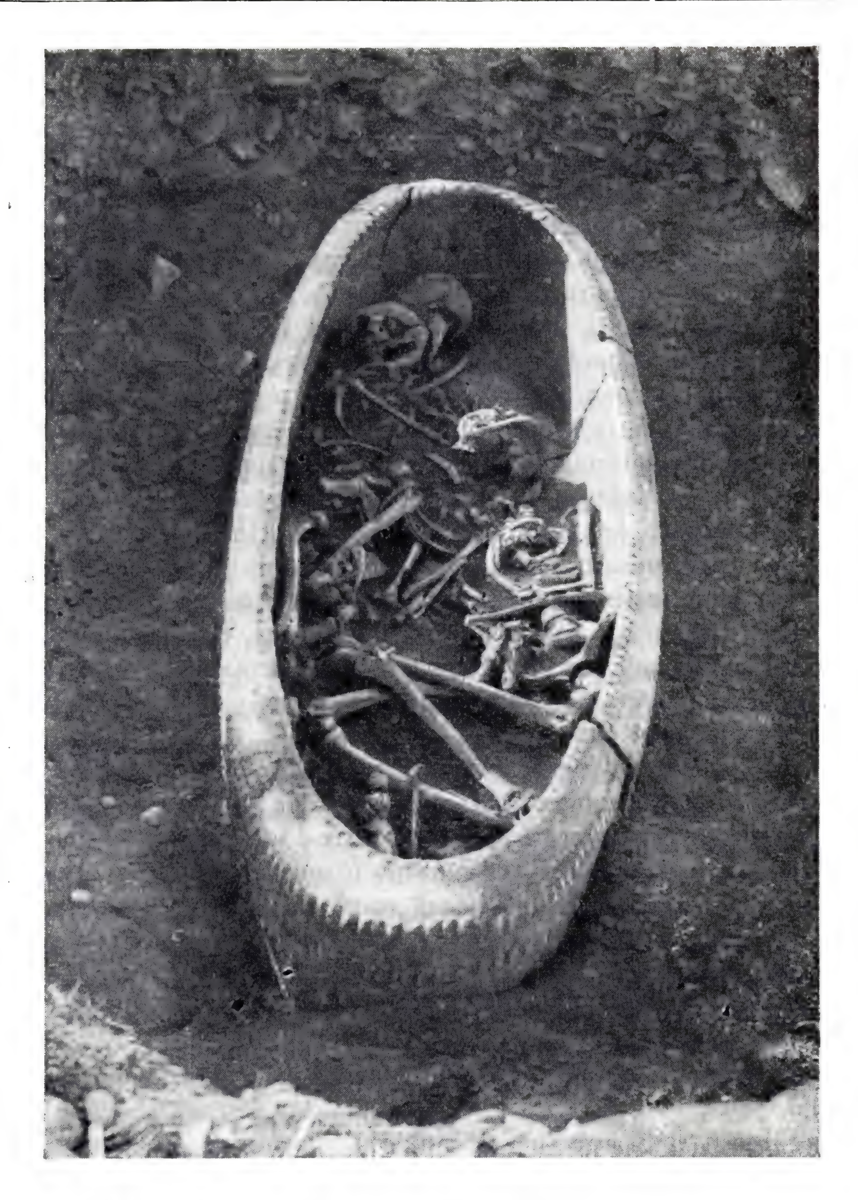
[3] *Т. С. Каухчишвили.* Греческая надпись найденной в Цилкани геммы. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. I, 1955, стр. 211—218.

[4] *Н. Н. Угрелидзе.* Качретское погребение. Там же, стр. 115—118.

[5] Не исключена возможность, что из Грузии этот тип проник и на Северный Кавказ, где в раннем средневековье распространяются бронзовые серьги с бронзовыми же шариками на стержне, как бы имитирующими жемчужины.

[6] *А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе.* Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937—1946 гг., стр. 202—203.

[7] *Г. А. Ломтатидзе.* Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. I.



Глиняный саркофаг с захоронением IV—V вв. на одном из городских некрополей Урбниси

могил, обложенных булыжными камнями, с довольно многочисленным инвентарем, напоминающим инвентарь мцхетских погребений IV—V вв. В них были обнаружены золотые и бронзовые перстни и серьги «мцхетского» типа, бусы из гишера, стекла, пасты, янтаря и золота, бронзовое зеркальце и шесть стеклянных сосудиков — в том числе два с шишечками, напоминающие мцхетские. Большинство этих сосудов имеет своеобразные формы, состав стекла также отличается от мцхетского, так что можно предполагать наличие какого-то иного источника руставского стекла —

может быть даже местного, тем более, что грузинские летописи причисляют Рустави к древнейшим и важнейшим городам Грузии и это подтверждается археологическими данными. Во всяком случае, следует отметить, что г. Рустави — второй после г. Мцхета пункт раннесредневековой Грузии, где в погребальном инвентаре распространены стеклянные сосуды. Привлекают внимание ряд предметов, свидетельствующих о тесных взаимоотношениях этих двух городов. Бросается в глаза отсутствие в руставских погребениях другого ряда предметов, характерных для Мцхета и Триалети — булавок, шпилек и фибул. Это может говорить о более длительном сохранении локальной специфики костюма и личного убора в Рустави.

Наблюдается местная специфика в обряде и в способах погребения, говорящая об архаичных пережитках: нередко встречаются погребения на боку, с согнутыми конечностями; не всегда выдерживается обязательная в мцхетских могильниках восточно-западная ориентировка, за исключением двух случаев (с двумя и тремя костяками); погребения все индивидуальны; между человеческими погребениями часто встречаются костяки или отдельной части принесенных в жертву различных животных (коров, баранов, лошадей, собак, оленей, зайца, птиц). Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что в юго-восточной области Грузии, центром которой является Рустави, христианизация погребального обряда произошла со значительным опозданием.

Это предположение подтверждается наличием ряда каменноящичных могильников в левобережном Рустави, на два-три века более поздних, чем правобережный и уже во всем тождественных с мцхетскими, хотя и содержащих менее многочисленный инвентарь (бронзовые булавки с каменными головками, серебряный нательный крест, каменный перстень и др.). Следует отметить, кстати, что, судя по обширности этих могильников, Рустави был крупным городом, может быть не уступающим Мцхета и также раскинувшимся по обоим берегам р. Куры, на расстоянии 50 км к юго-востоку от нее.

Погребальные памятники Тбилиси рассматриваемого периода пока не раскапывались.

В окрестностях Череми (известного по письменным источникам города Кахети) зафиксировано множество каменноящичных гробниц, а в некоторых из них найдены бронзовые и железные булавки с каменными и стеклянными головками. «мцхетского» типа.

Совместная экспедиция Гос. музея Грузии и Института истории АН СССР (под руководством Г. А. Ломтатидзе) систематически ведет раскопки на территории Урбниси (на р. Куре, к западу от Гори) [1], который, по сообщениям национальных источников, тоже являлся одним из древнейших и важнейших городов Картли. Среди множества различных па-

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Урбниси в 1953 и 1954 гг. «Труды сессии Гос. музея Грузии АН ГССР в 1955 г.»; *его же.* Археологические исследования в Урбниси в 1953—1955 гг. «Меднеереба да техника», 1956, № 1 (на грузинском языке).

мятников обнаружено и раскопано два городских могильника раннесредневековой эпохи, представленных глиняными саркофагами с довольно скудным инвентарем. Единичные бронзовые булавки из этих саркофагов находят себе параллели в мцхетских раннесредневековых гробницах.

Глиняные саркофаги распространяются по всей Грузии (зафиксированы десятки пунктов как в западных, так и восточных районах страны), по-видимому, вместе с христианством. Огромное их большинство не содержит датируемого инвентаря. Исключение составляют обнаруженные в саркофаге в селении Агаиани (недалеко от Мцхета, на р. Ксани) золотые украшения и монеты, которые дают опору для определения возраста этого нового, христианского типа погребальных сооружений [1]. Впрочем, имеются сведения о находке в Мцхета такого саркофага и с позднеантичным инвентарем. Глиняные саркофаги иногда сопутствуют плитовым гробницам (как например, в Самтавро), а чаще всего заменяют их (как, например, в Урбниси), возможно и ввиду того, что отсутствует подходящий камень для выделывания гробничных плит. Одна из монет агаианского саркофага — солид Константина Великого (312—330 гг.), другая — грубое подражание римско-византийскому солиду, чеканенное, по-видимому, в Картли. Встречающиеся в этих же саркофагах украшения находят себе аналогии в армазис-хевских гробницах IV в. Трудно говорить о верхней хронологической границе бытования глиняных саркофагов, но вряд ли она доходит до конца раннефеодального периода.

В Западной Грузии (античная Колхида, а в раннем средневековье — Эгриси, или Лазика) погребальных памятников известно гораздо меньше (в основном случайно открытые или эпизодически раскапывавшиеся). Самыми значительными из них являются погребальные комплексы из богатых захоронений в Уреки (Махарадзевский район, черноморское побережье недалеко от устья р. Супса) и Саргвеши (Харагоульский район, недалеко от с. Бори, прославившегося находками богатых позднеантичных погребальных комплексов). Оба комплекса можно датировать IV в., хотя многими компонентами они уводят в позднеантичную эпоху, перекликаясь (особенно урекский) [2] с борийскими и армазис-хевскими богатыми комплексами. Урекский комплекс, возможно, относится к кремационному погребению в амфоре, зарытой в прибрежной дюне. Этот способ погребения чужд континентальной Грузии данного периода, встречаясь больше в прибрежной полосе. В комплексе из Уреки представлено множество полихромных золотых украшений, серебряные украшения и предметы туалета, каменные и стеклянные бусы, стеклянные сосуды. Выделяются и своеобразные, видимо, специфичные для Эгриси, формы, а также предметы, отражающие византийское влияние (например, золотой аграф с подвесками). К IV—V вв. относятся некоторые перстни, схематизированные геммы,

---

[1] *С. Макалатия.* Археологические находки в сел. Даблагоми и Агаиани. СА, IV, 1940.

[2] *А. М. Апакидзе.* Позднеантичные археологические памятники на Уреки. «Вестн. Гос. музея Грузии АН ГССР», т. XIV, 1947, стр. 89—125.

«маскообразная бусина» и т. д. В Саргвеши, помимо выше упоминавшейся серебряной чаши с сасанидскими портретными медальонами (Ормизд I или один из Варахранов, вторая половина III в)., найдены золотые гривна, два браслета с камнями, три перстня (типа мцхетских IV в) и подвеска, серебряная ложка, железные меч и стрелы, человеческие кости (по-видимому, из ингумационного погребения) [1].

К рассматриваемому времени относятся и рядовой могильник, частично раскопанный в селении Дзеври, Терджольского района (экспедицией Института истории АН ГССР в 1951—1952 гг., под руководством Н. А. Бердзенишвили) [2]. Это грунтовые в основном индивидуальные погребения, датируемые III—VIII вв. В отличие от мцхетских и других изученных некрополей, в инвентаре этих погребений представлены керамика, оружие и украшения (тех же форм, что и в других могильниках, но только из бронзы и железа), а также бусы из стекла, сердолика, янтаря и др. Некоторые фибулы, булавки и серьги находят себе аналогию в инвентаре мцхетских погребений, другие предметы — в западногрузинских могильниках.

Встречаются и уникальные предметы — три интальи на щитках бронзовых перстней, изображающие крест на пирамидальном постаменте и человеческий профиль, крест с раздвоенными концами, фигуру с нимбом, голубя, крест и полумесяц. Ясно, что во всех трех случаях изображены христианские символы. Крест на постаменте находит аналогию в грузино-сасанидских серебряных монетах V—VI вв., на которых наблюдается своеобразное сочетание христианского и зороастрийского символов (креста с «алтарем огня»), отражающее политическую ориентацию и зависимость правителей христианской Картли от сасанидского Ирана [3]. Датировка погребений с описанными перстнями V—VI вв. будет вполне правомерной, тем более, что датой официального признания христианства в западногрузинском государстве Эгриси считается 523 г. Возможно, с таким поздним распространением христианства связан и факт долгого бытования (по сравнению, например, с Мцхета ряда языческих элементов в погребальном обряде (скорченная поза; оружие и керамика в инвентаре), что наблюдается как в Дзеври, так и в нескольких других могильниках Западной Грузии (а частично в Рустави и в Восточной Грузии).

При раскопках остатков города-крепости Вашнари (экспедицией Института истории АН ГССР, под руководством Г. Ф. Гобеджишвили) между развалинами церкви раннехристианской эпохи вскрыты гробницы, принадлежавшие знатным лицам, в которых, впрочем, не сохранилось инвентаря, за исключением пары простых золотых серег. За крепостной стеной,

---

[1] *G. Tschubinaschwili.* Указ. соч.

[2] *Г. Г. Цкитишвили.* Отчет о раскопках грунтовых погребений Сагварджиле. «Труды сессии Ин-та истории АН ГССР», 1953.

[3] *Д. Г. Капанадзе.* Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 47.

у подножия плато, неоднократно находились глиняные гробы-саркофаги [1].

Следует отметить наличие золотых перстней, аналогичных таковым из мцхетских гробниц IV—V вв., в погребальном инвентаре северных областей Западной Грузии: Рачи (Шошетский могильник) и Лечхуми (селение Усахело).

Ряд могильников рассматриваемого времени вскрыт и в северо-западной Грузии, на территории нынешней Абхазской АССР как в приморских, так и в горных ее районах.

В первую очередь следует отметить находки из Гагра (возможно, из селения Веселое), датируемые V в. (по византийской золотой монете). Коллекция эта состоит из серебряных украшений (серег, фибул, браслетов и др.), серебряного зеркала, медных аграфов, подвесок и т. д. Лучшие вещи считаются привезенными из Византии и им присваивается значение промежуточного звена между поздними катакомбами Керчи и византийской культурой VI—VII в., известной по крымским и северокавказским могильникам [2]. Приходится отметить, что большинство раскопанных вещей не находит себе аналогий среди погребального инвентаря других районов Грузии. В одном погребении, открытом в Ахали Афони, найдены железные меч, кинжал, копья, бронзовые предметы и др. Погребение датируется III—IV вв. Другое погребение, открытое там же и содержавшее бронзовые украшения и стеклянные бусы, датируется VI в. [3]

В Сухуми якобы найдены булавки с коралловыми головками мцхетского типа и шиповатые стеклянные бальзамарии. Если бы это действительно оказалось так, то мы имели бы дело с красноречивейшим примером проникновения в V—VI вв., возникших в центральной Картли, культурных форм в приморские области Грузии, несмотря на засилие здесь предметов византийского импорта. С другой стороны, это свидетельствовало бы о явной однотипности женского одеяния и головных уборов в этих областях.

В Бзыбском ущелье, в селениях Мицари и Калдахвара обнаружены погребения ранневизантийской эпохи, содержащие железные наконечники копий, серебряные и бронзовые украшения, стеклянные бусы и др. [4]

В горной области Цебельда в различное время обнаруживались кремационные погребения. Так, в селении Юрьевском были найдены урны с пеплом, железные мечи, копья, бронзовые украшения, каменные бусы и т. д.— комплекс, датируемый «не ранее второй половины первого тысячелетия». В селении Ольгинском раскопан ряд кремационных погребений в урнах с разнообразным инвентарем: железным оружием (копья, меч, ножи, топоры), глиняными и стеклянными сосудами (последние отличаются от мцхетских), бронзовыми фибулами и бляхами, каменными и

---

[1] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Археологические раскопки в Советской Грузии (О Вашнари). Тбилиси, 1952 (на грузинском языке).

[2] *А. А. Спицын.* Могильник V века в Черноморье. ИАК, вып. 23, 1907, стр. 103—107.

[3] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 23, 94.

[4] Там же, стр. 93—94.

стеклянными бусами. Инвентарь кремации не подвергался, а клался рядом с урнами или в них. Этот могильник датируется IV—V вв. [1]

Таким образом, на территории современной Западной Грузии мы сталкиваемся с фактами кремации и большого количества в погребениях предметов вооружения и керамики, чего не наблюдалось в восточных областях Грузии. Вряд ли следует обряд кремации безоговорочно приписывать иноземному влиянию, как это делают некоторые исследователи, тем более, что другие элементы погребального обряда (в частности, наличие оружия) восходят к древним местным традициям, еще не изжитым христианством.

* * *

Таковы те археологические памятники раннефеодальной Грузии, результаты исследования которых уже сейчас, при предварительном их обобщении, дают возможность судить об уровне культуры народа, а порою и о ряде моментов социальной и политической жизни страны на протяжении более полутысячелетия после возникновения феодальных отношений и принятия христианства.

За этим периодом следует, как известно, переход на более высокую, новую ступень развития страны, ознаменованную объединением отдельных грузинских княжеств и царств и созданием сильной централизованной монархии уже к концу X в. А этот процесс сопровождается новым бурным расцветом культуры и появлением множества выдающихся произведений искусства, созданием новых форм, интенсивным накоплением материальных и духовных ценностей, со все более ярко выраженным национальным характером.

Расцвет культуры в среднефеодальную эпоху подготовлялся в недрах раннефеодальной эпохи, в постоянно нарастающей борьбе с иноземными влияниями, путем творческой переработки элементов инонациональных культур, за сохранение, возрождение и дальнейшее развитие древних национальных традиций. Как уже было сказано, ни иранское, ни византийское, ни арабское засилие и долговременное политическое господство не смогли помешать дальнейшему росту самобытной грузинской культуры, и раннефеодальной период ее истории отмечен рядом блестящих произведений зодчества (храма Болниси, Нино-цминда, Джвари, Цроми, Ошки и др.; крепости-замки Уджарма, Вашнари и др.), ювелирного и златокузнечного дела (рассмотренные выше находки из Мцхетских и других некрополей), письменности (богатая серия эпиграфических памятников, начиная с V в.) и литературы (глубокосодержательные агиографические и исторические сочинения).

Можно сказать, что изучение археологических памятников этого периода способствует обрисовке картины культурного состояния страны.

---

[1] *И. А. Гзелишвили.* Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах, в Абхазии. «Сообщ. АН ГССР», т. VI, № 1—2, 1946, стр. 475—481.

11
ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ АЛБАНИИ III—VII ВВ.

До распада территории Великой Армении в 387 г. Албанское царство было расположено по левобережью р. Куры, начиная от среднего течения рек Иоры и Алазани (в древности Алван или Албана), до Ах-су (по-видимому, древняя Гелаву).

Центром хозяйственной и культурной жизни Албанского царства были Автаранская и Алазанская долины. На этой территории, славящейся с древних времен своим плодородием, была сосредоточена основная часть земледельческого населения страны. Здесь возникли первые городские центры и среди них столица Албании г. Кабалак. В этом же районе, в местности Ялойлу-тапа (к юго-востоку от Нухи) обнаружены погребения, характеризующие хозяйственный быт и культуру левобережной и правобережной Албании IV—I вв. до н. э.[1]

Правобережная Албания — междуречье Куры и Аракса — составляли территории областей Арцах (Нагорный Карабах) и Утик (Равнинный Карабах), входившие еще со II в. до н. э. в состав централизованного рабовладельческого государства Великой Армении[2].

Административно территория правобережной Албании была разбита на три сатрапии — наместничества, которые управлялись назначенными царем Великой Армении сатрапами-нахарарами. Область Арцах вместе с территорией бассейна оз. Севан (древний Гелакуни) составляла одну военно-административную единицу с центром в гаваре Цавд, или Савд (Цодк, или Содк — совр. Басаргечарский район Армянской ССР) и по имени этого центра назывался Цавдейским нахарарством. Наместник этой сатрапии обязан был охранять горные проходы хребта Малого Кавказа, через которые могли вторгнуться кочевые орды прикаспийского побережья массагеты — маскуты, гунны.

Такие же функции были возложены на другого наместника — нахарара Гардмана или Гардманадзора. Он охранял от набегов с севера горные проходы в районе современного Дилижана и Севана. Центр этой сатрапии был в Гардмане (в совр. Казахском районе Азербайджанской ССР), недалеко от зимней резиденции армянских Аршакидов г. Халхала. Третье наместничество находилось на территории области Утик, центром которого являлся нынешний Бардинский район (нижнее течение р. Трту, или Тертер), где со временем возникла столица Албании Партав (совр. Барда).

В состав Великой Армении входила также область Каспиана, или Баласакан, населенная в основном иранскими племенами (совр. талыши и др.) и слабо затронутая общим процессом арменизации. Албанцы

---

[1] *О. Ш. Исмизаде.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.

[2] *Мовсес Хоренаци.* История Армении, т. II. Тифлис, 1913, стр. 113 (древнеармянский текст; русский перевод, стр. 58).

продолжали жить на Гаргарейской равнине (совр. Мильская степь), которая, собственно, и являлась центром этой области. На Гаргарейской равнине возник г. Пайтакаран (около совр. Орен-калы) и область Каспиана, или Баласакан, становится его городской территорией, поэтому в «Армянской географии VII в.» она называется Пайтакаран [1].

Область Каспианы имела важное военно-стратегическое значение. После падения Парфянского царства, пришедшие к власти Сасаниды стремились захватить Каспиану, чтобы контролировать проходы Кавказских гор в районе прикаспийского побережья, однако армянские Аршакиды и Рим отстаивали территориальную целостность Великой Армении.

Восточнее правобережной Албании простиралась малообитаемая Прикаспийская низменность, на которой кочевали массагеты и другие племена. Основной областью обитания кавказских массагетов являлась плодородная территория нижнего течения р. Самур и других рек теперешних Хачмазского и Кубинского районов, заключенная между Главным Кавказским хребтом (Керавнийские горы) и морским побережьем от Дербентского прохода до прохода у вершины Беш-Бармак. По имени массагетов равнина между реками Самур и Гильгинчай называлась Маскутк, или Маскат позже Мускур). Здесь, в районе дельты Самура, на месте развалин Топрах-кала (недалеко от железнодорожной станции Билиджи), находилась столица массагетских Аршакидов г. Чора, или Чога, по имени которого и была названа вся эта территория.

Население Албании по своему этническому составу было весьма пестрым. На территории собственно Албанского царства, т. е. левобережной Албании, основным населением были сложившиеся в народность албанцы, которые, по всей вероятности, себя называли ути (удины). В западной части страны, в долине Иоры и Алазани, это утийское население ассимилировалось восточногрузинскими племенами — картами и кахами. Этот процесс был ускорен распространением христианства на территории теперешней Кахетии. Эта огрузинившаяся часть Албании в дальнейшем называлась Эрети. Так именовали древние грузины вообще всю Албанию.

В долине Алазани, в южных отрогах Главного Кавказского хребта, жили родственные албанцам племена, из которых наиболее крупными были лбины, по их имени левобережье Алазани у раннесредневековых армянских историков называлось Лпник [2].

Правобережье Албании (области Утик и Арцах) находилось почти шесть столетий в составе централизованного рабовладельческого государства Великой Армении и потому включилось в общий процесс арменизации. Область Арцах была уже арменизирована в IV—V вв., а значительная часть области Утик — к VI в. Степанос Сюнеци — автор трактата «Комментарии к грамматике Дионисия Фракийского», живший на рубеже

[1] «Армянская География VII века», стр. 50—51.

[2] По-видимому, р. Алазань по имени этого племени и называлась Лабань («Книга Большому Чертежу». М.— Л., 1950, стр. 89).

VII—VIII вв. в числе периферийных диалектов армянского языка упоминает также арцахский диалект (совр. карабахский диалект) [1].

Равнинные части области Утик еще продолжали сохранять свои этнические особенности, хотя и были затронуты общим процессом арменизации.

Название Аран, или Арран (пехлевийское Ран, грузинское Рани), которое прилагалось арабскими (реже армянскими) источниками как синоним названия Албания, в эпоху арабского владычества и позже относилось к области Утик в узком смысле. Жители Партава (Бердаа) Агафангелом, Мовсесом Хоренаци и другими армянскими историками V—VI вв. называются утиями, а язык, на котором они говорили, в сочинениях арабских историков и географов называется арранским. Это население в древний период истории Албании являлось господствующей народностью в долине среднего течения Куры. Их потомки в пределах бывшей области Утик продолжали сохраняться еще в начале XX столетия в селении Кирзан (Крзен), в теперешнем Казахском районе Азербайджанской ССР. В левобережной Албании до наших дней утийцы — удины сохранились в селениях Ниж и Вардашен и в недавно основанном селении Зенобиани, около г. Телави.

Таким образом, в правобережной Албании со временем было арменизовано население не только области Арцах, но и население значительной части области Утик. Поэтому в VII в. историк Мовсес Каганкатваци, уроженец селения Каланкатуйк, расположенного недалеко от Партава, в теперешнем Джрабердском районе, свою «Историю страны Албанской» мог писать только на древнелитературном армянском языке.

У албанского населения долин рек Иори и Алазани господствующим языком становится грузинский, что связано с распространением влияния грузинской церкви, а затем и политического господства феодальной Грузии на территорию Эрети (позже — Гаре-Кахети, Кухети и Кизики) [2].

Н. Я. Марр, касаясь процесса деэтнизации коренного населения кавказской Албании, замечает, что армянское национальное объединение вместе с грузинским национальным объединением «разделило между собою и растворило в себе албанов» [3]. Позже, в процесс сложения азербайджанской народности, было вовлечено именно это население древней Албании, подвергшееся влиянию армянской и грузинской культуры, принявшее ислам и языком общения сделавшего тюркский — азербайджанский.

Хозяйственная жизнь древней Албании обусловливалась зональностью страны. Природные условия страны — превосходные зимние и летние пастбища Кура-Аракского междуречья послужили базой для сложения с незапамятных времен отгонной формы скотоводства. Зимою скот пасся

---

[1] *Н. Адонц.* Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, стр. 187.

[2] *Н. Я. Марр.* Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. «Византийский Временник», т. XII, № 1 и 2. СПб., 1906, стр. 1—68.

[3] *Н. Я. Марр.* Вступительная лекция в Лазаревском Переднеазиатском институте. «Тексты и разыскания по кавказской филологии», т. I. Л., 1925, стр. 9.

на зимних пастбищах прибрежной полосы Куры и Аракса, а на лето угонялся на высокогорные альпийские луга восточных отрогов Малого Кавказа и южных отрогов Главного Кавказского хребта.

Настоящими кочевниками были племена, жившие восточнее Албании, в Прикаспийской низменности. У племен, занимавшихся скотоводством, был более примитивный пастушеский уклад. Еще более примитивный уклад характерен для племен-рыболовов, живших в районе впадения Куры и Аракса в Каспийское море.

Наиболее архаичным и примитивным был быт племен, живших в районах высокогорной лесистой полосы горных ущелий Малого Кавказа и Главного Кавказского хребта.

Плодородная Автаранская долина с севера была защищена барьером Главного Кавказского хребта, за которым в горных ущельях теперешнего Дагестана жили родственные албанцам племена, среди которых продолжали господствовать примитивное земледелие в сочетании с охотой и рыбной ловлей. Хотя уже существовала металлургия железа, но в общественной жизни остатки матриархата еще не совсем были изжиты. По всей вероятности, среди этих племен пережитки матриархата продолжали сохраняться еще в эллинистическо-римскую эпоху, что свидетельствует об архаичности их хозяйственных укладов.

Находясь на этой ступени развития, горские племена теперешнего Дагестана не были агрессивными. Они не вторгались в пределы земледельческих областей Албании, поэтому эта часть страны находилась в наиболее безопасных условиях для мирного развития экономики и культуры.

Наиболее развитыми экономически областями Албании являлись плодородные долины притоков Куры и Аракса — предгорья Малого и Большого Кавказа. Здесь было сосредоточено основное земледельческое население страны и существовали наиболее передовые хозяйственные уклады.

В основном среди населения долин было развито сельское хозяйство — земледелие с его основными отраслями — полеводство, виноградарство и виноделие. Кроме того, население занималось скотоводством, коневодством, птицеводством и пчеловодством. Разводился мелкий и крупный рогатый скот, особенно славились лошади карабахской породы.

В земледельческих областях образовались первые городские общины. Выделившаяся из них знать вскоре стала во главе древних государственных образований на территории Албании.

На этой экономической базе происходят глубокие социальные сдвиги — разлагается первобытнообщинный строй и углубляется имущественное неравенство. Развиваются полупатриархальные, полурабовладельческие формы эксплуатации. Эти процессы в I в. до н. э. приводят к образованию общинно-рабовладельческого государства Албании во главе с царской династией.

По сравнению с Арменией и Иберией Албания несколько отставала в своем развитии. В IV—VI вв., когда в Албании происходил процесс феодализации, продолжали господствовать первобытнообщинный строй и ра-

бовладельческий уклад. До нас дошел документ исключительно большой значимости, который освещает историю социальных отношений в Албании периода перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Речь идет о канонических постановлениях Алуэнского собора, созванного в конце V в. [1]

Эти постановления говорят о многоукладности общества феодализирующейся Албании. Еще в конце V в. в горных ущельях и лесистых районах страны продолжали жить племена скотоводов и охотников, организованные в родоплеменные объединения — «азг», во главе которых находились племенные вожди — «азгапеты». Каждое племя представляло собою совокупность кровнородственных общин, во главе которых находились родовые патриархальные главы, родовладыки — «нахапеты» [2].

Основную часть населения страны составляли земледельцы, свободные производители материальных благ, объединенные в сельские общины. Это было территориально-общинное объединение, в котором кровнородственные связи уступили место связям соседским и экономическим.

Сельская соседская община представляла собою комплекс крестьянских дымов — семейств. Таким образом, в этот период господствующей являлась моногамная семья со своим индивидуальным хозяйством, находящимся в определенной зависимости от государственной власти. Во главе семьи стоял домовладыка — «танутэр» [3]. Главой общины был сельский старшина — «аваг шинин» [4].

Старшина селения нес ответственность за своевременный взнос податей царскому эконому и десятины церкви. Кроме того, он должен был по первому требованию государства набирать военные ополчения или контингент рабочей силы для несения государственных строительных повинностей.

Соборные постановления рисуют нам картину интенсивного имущественного и социального расслоения внутри сельской общины. Одна часть общинников богатела и порабощала другую — бедневшую. Об этом красноречиво свидетельствует четвертая статья канонических постановлений Алуэнского собора, в которой говорится о податях и приношениях крестьян церкви: «Порядок приношений от народа иерею да будет таков: зажиточные вносят 4 грива (гариб) пшеницы, 6 грива ячменя и 16 горшков сладкого; бедствующий пусть даст половину вносимого (зажиточными) хлебного зерна и вина сколько может. Но у кого нет пашни или виноградника, с того не брать». В этой части четвертой статьи постановления, как

[1] Этот собор был созван в 488 г. в летней резиденции албанских царей, в местности Алуэн (позже известный монастырь Гандзасар или Ахванк) в провинции Мец-Арранк буквально Великий Арран (позже в совр. Нагорном Карабахе). *Мовсес Каганкатваци.* История страны Албанской. Тифлис, 1913, стр. 97—103 (древнеармянский текст). Русский перевод, К. Патканьяна. «История Агван Моисея Каланкатуйского». СПб., 1861, стр. 65—69.

[2] *Мовсес Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 98 (русский перевод, стр. 66).

[3] Там же, стр. 100 (русский перевод, стр. 67).

[4] Там же, стр. 101 (русский перевод, стр. 68).

видим, речь идет о крестьянах, имеющих пашни или виноградники, т. е. основной их хозяйственной деятельностью является полеводство, виноградарство и виноделие. Во второй части этой статьи говорится о приношениях тех крестьян, основой хозяйства которых являлось, наряду с земледелием, также скотоводство и коневодство. «У кого есть овцы,— читаем в продолжении статьи четвертой,— одну овцу, 3 пучка шерсти и одну головку сыра, а те, кто в семье имеет лошадь, должны дать одного жеребца, а у кого корова — одного теленка» [1].

Разумеется, приводимое перечисление натуральных взносов податным населением далеко неполное, и это лишь те подати, которые вносил церкви закрепощенный крестьянин-общинник. Сколько было других взносов и поставок, мы не знаем. Албанские крестьяне вносили в казну Сасанидов государственные налоги — поземельный и подушный, а также «пошлины с перевозимых товаров и с ловцов на рыбных промыслах рек Куры и Аракса».

Албания в IV—VI вв. находилась в процессе феодализации, но все-таки рабовладельческий уклад занимал в экономике страны еще большое место. Феодализирующаяся рабовладельческая знать обзаводилась большими хозяйствами. Большое число составляли азаты — всадники, получавшие от царя «хостак» — земельные наделы в качестве натурального довольствия. Азаты — владельцы хостаков — «хостакдары» и являлись основной военной силой страны. После 387 г., когда страна попала в зависимость от сасанидского Ирана христианская церковь по своему правовому положению была приравнена к азатскому сословию, т. е. к военно-служилой знати, но так как она не несла воинской повинности, то должна была вносить в казну Сасанидов поземельный налог. Духовные лица также получали в наследственное пользование земельные наделы — хостаки и тоже являлись хостакдарами. Термин «хостак» в широком смысле означал всякое имущество — движимое и недвижимое. Хостаком мог быть не только земельный надел, но также скот и другое имущество.

Согласно свидетельствам армянских источников, в конце V в. в Албании еще существовали дастакерты — имения с земледельческим хозяйством, в котором основными производителями были различные категории порабощенного населения. Это были рабы, главным образом из военнопленных и пауперизованных общинников. Собственниками дастакерта являлись крупная и мелкая светская и духовная знать.

Рабы-земледельцы, жившие отдельными домами, в армянских источниках называются ердумард. Такие рабы имели свой пекулий и индивидуальное хозяйство. Они жили около дастакерта, составляя особое поселение, которое, в отличие от поселений свободных земледельцев (шэн, шинанист), стало называться «агараком». В V—VI вв. агараки Албании представляли собою комплекс земельных участков — парцелл с сидящими на них ердумардами, обрабатывающими эту землю для своего господина.

[1] *Мовсес Каганкатваци.* Указ соч., стр. 99 (русский перевод, стр. 66—67; уточненный перевод С. Т. Еремяна).

За свою работу ердумарды получали от своих хозяев натуральное довольствие — обычно часть урожая.

Источниками рабства являлись разлагающаяся сельская община и военнопленные, которые порабощались и делались наследственными рабами — непосредственными производителями растущих частновладельческих хозяйств. Весьма характерны слова, которые влагает историк Фавстос Бузанд в уста албанского царя Урнайра. Во время Дзиравской битвы в Армении, в 371 г. албанский царь Урнайр, сражавшийся со своим ополчением на стороне персов против союзных армян и римлян, обращается к своим войскам со следующим предупреждением: «Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков стен для наших городов, дворцов и других нужд» [1]. Из этих слов видно, на какие работы использовались греческие военнопленные, считавшиеся наиболее квалифицированной рабочей силой.

Армянский историк Елише (V в.), передавая факты, связанные с ликвидацией сасанидским царем Перозом (457—484 гг.) царской власти в Албании в 462 г., по-своему идеализирует образ предпоследнего албанского царя Ваче (в передаче Мовсеса Каганкатваци), показывая его христианским отшельником, отказывающимся от всех земных благ, даже от своего престола. Согласно Елише, албанский царь со своими маскутскими ополчениями оставил Албанию и отправился в страну Чора (район Кубы и Дербента), откуда происходил его род. Царство он оставил своему дяде (брату матери) Перозу. Царь Ваче попросил от царя царей лишь «сепухскую долю манука (отрока), которую ему пожаловал отец в детстве — тысячи ердов». Албанский царь взял ее от Пероза и остался жить там вместе с отшельниками. Я. А. Манандян считает, что в данном свидетельстве речь идет о феодально-зависимых крестьянах, которые уже в этот период были закрепощены [2]. В Албании в V в. еще сильны были пережитки родовой организации и патриархального рабства. В приведенном отрывке речь идет о тех семьях (ерд — дым) порабощенного населения, которые обслуживали царя. Это были рабы, наделенные пекулием и работающие во дворце и имениях царя. Во время раздела имущества между братьями дележу подлежали также и ердумарды. Эта категория непосредственных производителей, по-видимому, пережиточно продолжала существовать еще в X в. в окрестностях резиденции ширваншахов — в Шемахе.

Рассмотренная выше четвертая статья канонических постановлений Алуэнского собора показывает, что деревня переживала глубокий процесс имущественного и социального расслоения. В деревне, представляющей собою сельскую общину, намечается три слоя: зажиточные, бедствующие

[1] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., V, стр. 149.

[2] *Я. А. Манандян.* Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934, стр. 163 (на армянском языке).

и те, которые не имеют пашень или виноградников. Этот слой крестьянства, лишенный основного средства существования — земли, превращался в безземельного пария — «анашхарика» (соответствует иранскому «аншахрик»). Безземельный лишался права быть членом сельской общины и терял связанные с этим права. Он нанимался в работники, или батраки, в хозяйства зажиточных крестьян на условиях издольной аренды, но чаще всего он пополнял ряды ердумардов. В тот период это был основной источник пополнения рабской силы, но в условиях процессов феодализации издольщики и ердумарды все больше превращались в феодально-зависимых крестьян. С течением времени стерлась разница в экономическом и правовом положении между населением сельских общин и агараков, где жили приписанные к земле рабы — земледельцы. Это было время окончательного укрепления феодального землевладения и утверждения феодальных форм эксплуатации непосредственных производителей.

Развитие феодальных производственных отношений в странах Закавказья задерживалось тяжелым гнетом великих империй раннего средневековья — сасанидского Ирана, Византийской империи и Арабского халифата.

12

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛБАНИИ III—VII ВВ.

Правобережная Албания около шести столетий входила в состав централизованного рабовладельческого государства Великой Армении и только в IV в. происходит процесс восстановления албанской государственности. Это тесно связано с внутренними процессами феодализации Армении, в результате которой ослабла и распалась Великая Армения. Этому способствовала также внешнеполитическая ситуация.

На рубеже III—IV вв. Сасаниды вынуждены были соблюдать условия Низибинского сорокалетнего мирного договора. Но как только истек срок этого договора, в 338 г. персидские войска вторглись в Месопотамию и вновь возобновилась борьба между Римской империей и сасанидским Ираном за господство на Ближнем Востоке. В эту борьбу, помимо своей воли, вновь втягивалась Великая Армения. Опять большое значение приобретала позиция в этой борьбе буферной Армении, которая считалась «другом и союзником цезаря и римского народа» и была обязана сражаться на стороне Римской империи, что римлянам давало большие преимущества над персами. Поэтому персам надо было ослабить тыл союзной Риму Великой Армении и прежде всего нанести удар по наиболее уязвимому месту — по области Каспианы. С этим и связано воцарение в Албании массагетской ветви династии Аршакидов.

В борьбе с армянскими Аршакидами Сасаниды поддерживали различных претендентов на армянский престол и на этот раз они вспомнили массагетских Аршакидов, которые располагали огромными военными ре-

зервами в виде кочевников прикаспийского побережья и представляли серьезную угрозу для римлян.

Чтобы парализовать силы союзной римлянам Великой Армении, сасанидский царь Шапур II Долголетний (309—374 гг.) натравил на нее орды кочевников прикаспийского побережья. Массагеты во главе с царем Санатруком (по Фавстосу Бузанду — Санесан) из династии Аршакидов перешли пограничную р. Куру и вторглись в пределы Великой Армении [1]. Прежде всего они овладели важной военно-стратегической базой г. Пайтакаран. Санатрук был Аршакидом, и Сасаниды обещали ему армянскую корону, если он сумеет победить армянского царя. По словам Мовсеса Хоренаци, Санатрук «возложив на себя корону, завладел городом Пайтакараном: при помощи чужих народов он думал завладеть всею Арменией» [2]. Из района Гаргарейской равнины (совр. Мильская степь), где находился Пайтакаран, кочевые орды массагетов и присоединившиеся к ним племена, идя вдоль Аракса, вторглись в пределы Айрарата — центральной области Великой Армении. Объединенными усилиями войск армянских нахараров кочевые орды были отброшены назад. В битве около Ошакана пал Санатрук, а его военные ополчения бежали. Мы не располагаем дальнейшими сведениями, но, по-видимому, преемники Санатрука удержали за собой территорию г. Пайтакарана, где они стали царями Албании.

Преемниками Санатрука были албанские цари Вачаган I Храбрый и Ваче I. После них царствовал Урнайр, который был союзником и родственником Шапура II, но впоследствии принял христианство. Урнайр был современником армянского царя Папа (368—374 гг.), при котором в результате распада феодализирующейся Великой Армении области Арцах и Утик отпали от Великой Армении и вошли в состав объединенного Албанского царства.

Политический распад Великой Армении был ускорен сасанидской политикой, которая поддерживала сепаратизм со дня на день усиливавшихся армянских нахараров. В результате войн персидскому царю царей Шапуру II (309—379 гг.) удалось восстановить политическое господство Сасанидов в Месопотамии. По мирному договору 363 г. Римская империя отказывалась от вмешательства в армянские дела.

Историк Фавстос Бузанд в числе отделившихся от Армении упоминает также владетелей северо-восточных периферийных областей. После того как отпали владетели Армянской Месопотамии, по словам историка, «вместе восстали против царя армянского Аршака и поехали и предстали перед персидским царем Шапухом бдэшх Гугарка, а после него владетель гавара Дзора, владетель гавара Колб, с ними также владетель Гардманадзора, и все те, кто находились в этих краях, около и вокруг них» [3]. Вместе

[1] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., т. III, стр. 17.

[2] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., т. III, стр. 145.

[3] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., т. IV, стр. 123.

с этими гаварами против армянского царя восстал также «укрепленный гавар Арцах» [1].

В дальнейшем Фавстос Бузанд сообщает, что полководец царя Папа спарапет Армении Мушег Мамиконян вновь отвоевал и присоединил к Великой Армении отделившиеся области, в числе их он «разгромил страну Арцах» [2], а затем «страну албанов», от которой были отняты «гавары Ути, Шакашен и Гардманадзор, Колт и сопредельные им гавары» [3]. В результате этих завоеваний армянский полководец «реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше» [4]. Усмирив албанские земли, Мушег Мамиконян отвоевал от Сасанидов область Каспианы и г. Пайтакаран [5]. Возможно, что, действительно, была восстановлена территориальная целостность Великой Армении, но на очень короткое время. Вскоре после вероломного убийства царя Папа (374 г.) страна вновь распалась, что и было официально признано двумя великими державами древнего мира договором 387 г.

Пока существовала поддерживаемая Римом буферная Великая Армения, сасанидский Иран не мог утвердиться в Закавказье, чтобы установить свой контроль над кавказскими проходами, через которые нередко по подстрекательству Рима или по собственной инициативе совершали набеги кочевые племена Северного Кавказа. Только после раздела Великой Армении в 387 г. сасанидский Иран подчинил своей верховной власти не только большую часть Армении, но и Иберию (Картлию) и Албанию.

Таким образом, несмотря на то, что договором 387 г. было официально признано объединение правобережной и левобережной Албании в единое царство, все же именно с этого времени страна оказалась под властью сасанидского Ирана. Вассалами персидских царей являлись преемники Урнайра, албанские цари Вачаган II и Арсвален, при котором была изобретена албанская письменность. Предпоследним албанским царем из династии Аршакидов являлся царь Ваче II, современник и зять персидского царя царей Пероза (457—484 гг.).

Чувствуя себя хозяевами в Албании, Сасаниды проводили здесь ту же политику, что и в Армении и в Иберии. В общей политике обороны северных границ от вторжений кочевников Албания оказалась важным стратегическим звеном. Город Пайтакаран превратился в центр вооруженных сил сасанидского Ирана в Закавказье, а резиденция албанских царей была перенесена в основанный царем Ваче II по предписанию царя царей Пероза г. Партав. Недовольный политикой Сасанидов Ваче II не мог открыто выступить против Сасанидов и примкнуть к восставшим армянам и грузинам, но он поддерживал тайные сношения с ними через албанское

---

[1] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., т. V, стр. 123.

[2] Там же, т. V, стр. 162.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

Средневековая поливная керамика из городища VI—X вв. Орен-Кала

духовенство. Ваче II не переставал надеяться на помощь гуннских племен, чтобы одержать победу над персами. Не получив помощи ни от Византии, ни от гуннов, восстание 450—451 гг. было подавлено, а его организаторы наказаны. Гунны пришли на помощь армянам только после их поражения. Они вторглись в Закавказье через прикаспийские проходы, вероятно, не без ведома албанского царя. Вскоре стало ясно, что Ваче II был фактическим участником повстанческого движения. Албанский царь как участник военных выступлений повстанцев не мог оставаться в стране. Ваче II отрекся от престола и со всем своим двором, вместе с тысячью дымов-

ердумардов покинул пределы Албании и вернулся в землю своих предков, в Чора [1]. Это событие Елише датирует 462 г. [2]

Вскоре царская власть в Албании была восстановлена, но на очень короткий срок. После Нварсакского мирного договора 485 г. сасанидский царь царей Валарш (484—488 гг.), ведя затяжную войну с гуннами-эфталитами в Средней Азии, был вынужден пойти на большие уступки местной знати Закавказья и признал воцарение на албанском престоле племянника Ваче, сына Ездегерда Вачагана III Благочестивого (487—510 гг.).

Персидский царь Валарш проводил в странах Закавказья политику веротерпимости. По словам историка Мовсеса Каганкатваци: «Валаршак, царь персидский, дал повеление, чтобы каждый твердо хранил свою веру, по желанию своему, и никого насильственно не обращать в религию магов» [3]. В этих условиях и воцарился Вачаган III. По словам того же историка, «жители Агвании, снова соединившись в одно царство, взяли из детей царских храброго, мудрого, рассудительного, приличного и высокого ростом Вачагана, сына Азкерта (Ездегерда.— *С. Е.*), брата Ваче, царя агванского, и воцарили его с помощью Валаршака (Валарша.— *С. Е.*) царя персидского» [4]. Однако он оказался последним представителем массагетской династии Аршакидов на албанском престоле.

По всей вероятности, уже с 387 г. Албания, несмотря на наличие царей, фактически управлялась наместниками персидского царя царей — марзпанами. Местопребыванием их являлась древняя столица Албании — г. Кабалак (называвшийся «Остан и Марзпан») [5]. По-видимому, резиденция марзпана Албании была перенесена в г. Партав только после отречения от престола Ваче II в 462 г.

Албания в большей мере, чем Армения и Иберия, оказались подчиненной Ирану и в политическом и в культурном отношении, так как именно здесь сосредоточились военные силы Сасанидов для борьбы с северными кочевниками.

Для обороны сасанидского Ирана со стороны Кавказа исключительно важное значение имела территория Албании. Все политические, экономические и идеологические мероприятия Сасанидов в этой стране преследовали одну основную цель — обеспечить обороноспособность северных границ, т. е. держать в боевой готовности их основные коммуникации.

В V—VI вв. особенно участились нападения кочевников на сасанидское государство со стороны Средней Азии. Сравнительно меньше было вторжений кочевников со стороны кавказских проходов, но все же вопрос охраны кавказских проходов беспокоил обе державы и вплоть до середины VII в. не раз служил поводом для новых конфликтов между ними.

---

[1] *Елише.* Указ. соч., стр. 198—199.

[2] Там же, стр. 199; *J. Marquart.* Eranšahr. Berlin, 1901, стр. 118; *В. В. Бартольд.* Место прикаспийских степей в истории мусульманского мира. Баку, 1928, стр. 21.

[3] *Мовсес Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 57 (русский перевод, стр. 36).

[4] Там же.

[5] «Армянская География VII века», стр. 40.

Нашествие гуннов и других варваров со стороны кавказских проходов было одинаково опасным для территории, подвластной обеим державам. Захария Ритор, например, сообщает, что в 532 г. «множество гуннов пришло в ромейские области, и они перебили тех, что нашли вне городов. Они перешли реку Евфрат и достигли области Антиохии» [1]. Такие события и заставляли византийских правителей ставить вопрос об укреплении кавказских проходов.

Укрепление кавказских проходов требовало огромных расходов, и Сасаниды стремились возложить их на Византию. Они изображали свою борьбу с кочевыми племенами Средней Азии и Северного Кавказа как борьбу не только за свои государственные интересы, но и за интересы Византии. Поэтому с точки зрения Сасанидов, константинопольский двор обязан был возместить ущерб, причиняемый им кочевниками. В конечном счете, Сасанидам удавалось получить «золото» для охраны Аланских ворот (Дариалан совр. Дарьяльское ущелье), так как если бы перестали охранять ворота, от этого пострадали бы не только персы, но и византийцы [2].

Борьба Сасанидов с кочевыми гуннскими племенами велась на всем протяжении северных границ сасанидского государства, от Средней Азии до Кавказа. Необходимость обеспечения тыла от нашествий кочевников вынуждала Сасанидов тратить огромные средства и материальные ресурсы на содержание вооруженных сил и пограничных стен-укреплений в наиболее уязвимых местах.

Окончательно утвердившись на территории Албании, Сасаниды начали проводить грандиозные по размаху мероприятия по обороне наиболее слабых мест границы со стороны Главного Кавказского хребта.

В г. Пайтакаране — Байлакане были размещены вооруженные силы персов, контролировавших страны Закавказья и возглавлявших военные гарнизоны, расположенные в горных проходах Главного Кавказского хребта [3]. Из Пайтакарана была проведена военно-стратегическая дорога через подчиненные сюникским владетелям земли Сюника и Арцаха в долину р. Тертер и южное побережье Севанского озера — к области Айрарат. Вдоль всей военно-стратегической дороги от Айрарата до Пайтакарана были построены укрепления, в которых были размещены гарнизонные войска персов. Верховное наблюдение над этими укреплениями было возложено на ишханов Сюника.

Со временем Сасаниды передали в управление сюникским ишханам всю область Арцах, которая с этих пор стала называться также Малым Сюником (Покр Сюник или Сисакан-и Котак).

После того как около 451 г. гунны как союзники восставших армян, грузин и албанов разрушили оборонительные сооружения персов у вершины Беш-Бармака и вторглись в пределы Ирана, сасанидские цари

[1] *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории СССР. М.— Л., 1941, стр. 160.
[2] *Н. Пигулевская.* Месопотамия на рубеже V—VI вв., стр. 82 и 131.
[3] *С. Т. Еремян.* Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, стр. 34.

обратили особое внимание на безопасность границ со стороны Каспийского побережья. С этого времени Сасаниды усилили свое наступление на север и до середины VI столетия завладели всей страной Чора вплоть до Дербентского прохода.

Сасанидами было построено пять линий оборонительных стен. Наиболее ранней является оборонительная стена, построенная Ездегердом II (450—451 гг.) в проходе у вершины Беш-Бармак, о чем сохранились сведения у армянского историка Гевонда (VIII в.), который это сведение ошибочно приурочивает к основанию Дербентских стен. Гевонд утверждает, что при Ездегерде II были построены Дербентские стены ромейскими (византийскими) мастерами и что даже была сделана надпись с именем императора Маркиана (451—457 гг.) [1]. Однако Сасаниды прочно овладели районом Дербента лишь при Хосрове I Ануширване (531—578 гг.). Что же касается приведенных выше сведений об укреплениях Ездегерда II, то они должны относиться не к Дербенту, а к пограничному валу, находящемуся гораздо южнее его, у прохода между Каспийским морем и отрогами Кавказских гор у вершины Беш-Бармак. Следы этого вала сохранились и поныне на границе страны племени Хурсов (совр. Хизинский район), с которыми связано название этого вала в «Армянской Географии VII века» — Хорсвэм (буквально Хурсанская скала) [2]. Этот же проход у Елише носит название «пахак хонов».

В результате завоеваний преемника Пероза — Кавада I (488—531 гг.) граница была отодвинута от упомянутого вала далее к северу, в страну Шарван. Здесь, вдоль р. Гильгинчай была построена вторая линия оборонительных стен — Апзут-Кават [3], около которой вырос г. Шапоран (Шабран). К северу за этим валом по морскому побережью жило племя массагетов-маскутов и соседние горские племена, которые были завоеваны Хосровом I Ануширваном. Завоевание области массагетов-маскутов — центральной части страны Чора, по всей вероятности, связано с упразднением около 510 г. царской власти в Албании и тем самым уничтожением наследственных прав массагетской династии Аршакидов и на их родине — Массагетское царство с центром в г. Чора. Вероятно, при Хосрове I были построены оборонительные стены, следы которых сохранились поныне севернее р. Самур и г. Чора. Но Дербентские стены по своему замыслу и грандиозности осуществления оставили далеко позади все остальные подобного рода сооружения на Кавказе. Они производили такое сильное впечатление на современников и потомков, что об их сооружении сложилось много легенд и преданий, которые приводят средневековые арабские авторы.

Наиболее ранние и достоверные сведения об основании Дербента сообщает армянский историк VII в. Себеос. Он пишет: «Хосров во время своего царствования запер проходы Чора и Алванский (вернее —

[1] *Вардапет Гевонд.* Указ. соч., стр. 28.

[2] Géographie de Moïse de Corène. Texte arménien, traduit en français par de P. Arsenè Soukry. Venise, 1881, стр. 37 (древнеармянский текст, стр. 27).

«Géographie de Moïse de Corene», стр. 37.

Западная стена цитадели Дербента

Аланский.— *С. Е.*) [1]. В данном контексте под Чора подразумевается тот же Дербентский проход.

Проходы Чора-Дербента и Алан-Дариалан были наиболее важными для обороны страны стратегическими пунктами. Возле Дербента Главный Кавказский хребет близко подходит к морю, оставляя узкую полосу морского побережья, образовавшегося, по всей вероятности, уже в исторические времена. С возникновением этого узкого прохода Сасаниды искусственными сооружениями запирали главный и наиболее доступный путь из степей восточного Предкавказья в Закавказье. Дербентские стены тянулись от морского побережья на 40 км и кончались у укрепления Табарсаран. У окончании стены на морском побережье был основан г. Дербент, который арабы называли Баб-уль-Абваб (буквально Ворота ворот).

Говоря о Дербентских стенах, арабский историк Масуди (IX в.) пишет: «Ануширван сделал эту стену выступающей в море на одну милю от берегов, а с другой стороны протянул ее до вершины гор Кабк (Кавказ) и сделал ее спускающейся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укрепления по имени Табарсеран» [2]. На протяжении всей стены были устроены укрепленные форты, где были помещены гарнизонные войска из сисаканцев, т. е. жителей армянской провинции Сисакан или Сюник (совр. Зангезур и Нагорный Карабах). По словам Ибн-ал-Факиха, «на протяжении семи фарсахов устроено семь проходов, у каждого из них — город и живут в них персидские воины, сиясикины (т. е. сисаканцы)» [3]. Вскоре

[1] *Себеос.* История, стр. 30.

[2] *Масуди.* Золотые луга. СМОМПК, т. XXXVIII, 1908, стр. 40—41.

[3] *Ибн-ал-Факих.* СМОМПК, т. XXXI, 1902, стр. 23; *Баладзори.* Книга завоевания стран. Текст и перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 5.

после того, как был построен Дербент возникла необходимость создания еще одной заградительной стены к северу от этого города (сохранившийся поныне вал в 6—7 км за станцией Огни) [1].

На северных стенах высечено 20 надписей на раннесредневековом официальном языке Ирана — пхелеви [2]. Семь из этих надписей имеют один и тот же текст: «Это и отсюда вверх Барзениш, амаркар Атурпатакана (выполнил)» [3]. Из этих надписей узнаем, что грандиозное по масштабам строительство Дербентских стен возглавлял один из сановников сасанидского Ирана — царский сборщик податей и начальник государственного строительства стран Закавказья (Армении, Иберии и Албании), подчиненных в военном и финансовом отношении Атрпатакану (Атропатена, совр. Иранский Азербайджан) с центром в г. Гандзаке (южнее совр. Мараги). Согласно вычислениям Е. А. Пахомова, постройка Дербентской стены была завершена в 567 г. [4]

Сооружение пограничных стен-укреплений в стране Чора продолжалось целое столетие — с середины V по середину VI в. Это грандиозное мероприятие потребовало огромных финансовых и людских ресурсов, что легло тяжелым бременем на население стран Закавказья и в первую очередь на албанцев. Именно здесь были построены пограничные стены-укрепления, «для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным» [5].

Новый кадастр и перепись населения, проведенные при Хосрове I Ануширване, непомерно увеличили налоговое бремя, которое усугублялось бесконечным увеличением трудовых повинностей. Мобилизованные в порядке отбывания государственных трудовых повинностей крестьяне-общинники целыми партиями угонялись в страну Чора, откуда они нередко не возвращались. Экономическое положение стран Закавказья ухудшалось также из-за бесконечных войн между Византией и сасанидским Ираном, во время которых надо было помогать военными силами и поставлять продовольствие и фураж. Это бедственное положение привело к новому всеобщему восстанию армян, грузин и албанов против сасанидского Ирана в 571—572 гг. Это восстание явилось поводом новой двадцатилетней войны между Византией и сасанидским Ираном, кончившейся новым разделом Армении и Иберии (Картлии) между двумя державами в 591 г.

В этот период на Северном Кавказе образовалось новое государство —

---

[1] *Е. А. Пахомов.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 9—10, стр. 46.

[2] *Е. А. Пахомов.* Пехлевийские надписи Дербента. «Изв. об-ва обслед. и изуч. Азербайджана», № 8, вып. V, Баку, 1929.

[3] *Г. С. Ниберг.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Там же.

[4] *Е. А. Пахомов.* К истолкованию пехлевийских надписей Дербента. «Изв. Азерб. научно-исследоват. ин-та», т. I, вып. 2, Баку, 1926.

[5] *Мовсес Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 153 (русский перевод, стр. 105).

Хазарский каганат, явившийся потенциальным союзником Византии. Таким образом, создалась угроза политическому господству Сасанидов в Закавказье. В создавшихся условиях Сасаниды ведут широкую политику привлечения на свою сторону феодалов стран Закавказья и вождей многочисленных мелких племен нынешнего южного Дагестана, раздавая им громкие титулы царей. Среди них упоминаются владетели Табарсарана (армянское Таваспаран), страны лакзов (т. е. лезгин), областей Маскат, Шарван, Хурсан и др.

Широкие уступки, которые были сделаны феодалам Закавказья после 591 г., выразились в том, что функции марзпанов были ограничены собиранием налогов и командованием сасанидскими вооруженными силами. Внутреннее управление в Албании, как и в Армении и Иберии, было предоставлено местной знати.

В результате новой политики широкого предоставления прав местной феодальной знати возвысилась династия Михракан-Михранидов владетелей области Гардман (Гардабани, совр. Казахский район Азербайджанской ССР). Гардманские владетели занимали видное место еще при армянских Аршакидах и в общей иерархии армянских нахараров, согласно Разрядной Грамоте занимали 23-е место и относились к разряду хазаравор, т. е. могли выставить, согласно Воинской Грамоте, 1000 всадников [1]. После 363 г. владетели Гардманадзора (Гардмана) вместе с другими армянскими феодалами, отделились от армянских Аршакидов и сделались вассалами Сасанидов [2] и стали пользоваться их широким покровительством.

Благоприятное географическое положение на рубеже трех закавказских стран, на месте скрещения торговых путей способствовало широкому экономическому и политическому развитию Гардмана. После нового раздела Армении и Иберии в 591 г. область Гардман оказалась на границе зависимых от Византийской империи армянских и грузинских земель и владетели Гардмана должны были защищать западные границы сасанидской державы в Закавказье от византийской агрессии. Первым владетельным князем — правителем Албании с титулом «эраншахик» (или араншахик) был Вараз-Григор (591—636 гг.), резиденция которого находилась в Партаве рядом с марзпаном и католикосом Албании.

Сделавшись правителями Албании, Михраниды захватили огромные земельные богатства — всю равнинную полосу правого берега Куры в среднем ее течении — территорию, известную в «Армянской Географии VII в.» под названием Утик. Этими землями Михраниды завладели, уничтожив огнем и мечом местную знать.

В период походов императора Ираклия I, когда хазарские войска вторглись в Албанию как его союзники и окружили Тбилиси, который был взят и разорен, владетели Албании нашли выход из создавшегося положения, признав над собою сюзеренные права византийского императора. Согласно грузинской Хронике XI в., Ираклий, оставив осажденный Тбилиси хазарам,

[1] *Н. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана, стр. 249, 252.
[2] *Фавстос Бузанд.* Указ. соч., IV, стр. 123.

сам отправился на юг. Здесь, на границе Армении и Албании ему представился Вараз-Григор, изъявил свою покорность и из монофизитства перешел в халкедонитство, т. е. сделался последователем официального византийского вероисповедания [1].

Походы Ираклия I (610—641 гг.) явились предвестником конца сасанидского государства. Хазары совершали набеги на цветущие долины Албании, Иберии и Армении и, как видно, еще до арабов прочно завладели Дербентским проходом [2]. Именно к этому периоду относится замечание Белазури: «Многие сиясиджиты покинули свои замки и города, и они превратились в развалины, а хазары-византийцы захватили то, что было раньше в их руках» [3].

Начавшиеся после восстания 571—572 гг. длительные войны между Византией и сасанидским Ираном, ареной которых служили главным образом Армения и Лазика (Западная Грузия), нарушают нормальное движение караванов, связывавших Запад с Востоком. Возникновение хазарских торговых центров на Северном Кавказе увеличивает значение путей, проходящих через Прикаспийское побережье. Хазары становятся посредниками в торговле пушниной, солью, рабами и лесом славянских племен с Ираном. В связи с этой торговлей возвышается значение новой торговой магистрали в Закавказье, проходящей через хазарские города Варачан (в районе совр. Буйнакска) и Семендер или Таргу (Тарки около совр. Махач-Калы) в пограничный г. Дербент, и оттуда в Партав, Байлакан и дальше в Иран. Еще накануне арабских завоеваний на этом караванном пути, кроме существовавших ранее Дербента и Чора, постепенно превратились в торговые города, основанные Сасанидами военные поселения Шапоран, Шарван, Шемаха и др. Назначенные там правители после ослабления Сасанидов превратились в самостоятельных владетелей, носивших титулы шарван-шах, хурсан-шах, иран-шах и т. д. В этот период особенно выросло значение городов Партав, Байлакан и Вардан-Варданакерт у переправы через Аракс, превратившихся в крупные центры торговли и ремесла.

С конца VI в. г. Партав становится складочным пунктом перевозимых товаров и центром текстильной промышленности, но его международное значение возрастает лишь в эпоху арабского владычества.

Образование Хазарского каганата в конце VI в. сыграло решающую роль в истории Албании. С этого времени на Северном Кавказе доминирующая роль от гуннов переходит к хазарам, хотя древние историки и летописцы продолжают по традиции называть все кочевые племена Северного Кавказа гуннами. Эти племена образовывают варварское государство, царями (каганами) которых выбираются представители родовой знати племени акациров.

Однако сасанидский Иран так укрепил кавказские проходы, что гун-

---

[1] *С. Т. Еремян.* Заметки к тексту «Хроники Сумбата». «Изв. Арм. ФАН», 1941, № 9(14), стр. 27—28.

[2] *С. Т. Еремян.* Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, стр. 39.

[3] *Баладзори.* Указ. соч., стр. 7.

нам и хазарам все труднее было прорываться на юг. Только при Ираклие I (610—641 гг.) северные кочевники проникли через Дербент и фактически завладели этими проходами.

Узнав о приближении через Лазику и Иберию многочисленных византийских войск Ираклия I и их союзников хазар через Дербентский проход, господствующий класс Албании— феодалы и представители сасанидских властей растерялись и стали думать только о своем спасении. Историк Мовсес Каганкатваци довольно живо описывает вторжение хазар через Дербент в Албанию. По его словам, в год умерщвления персидского царя царей Хосрова II (628 г.) «...Джебу-каган выступил с сыном своим. Никто не мог сосчитать числа войск его. Когда страшная весть эта достигла Албании, то некто Гайшах, присланный Хосровом управлять страной, хотел укрепить страну нашу и великую столицу Партав. Потому он заключил в ней жителей окрестных областей и усиленный согласием вельмож страны нашей и жителей городов, хотел держаться против Хазар.

Но он видел, что произошло с защитниками великого города Чога и с войсками, находящимися на дивных стенах... При приближении всемирного бича, который предстоял нам всем, прежде всего волны колеблющегося моря ударили в нее (т. е. в крепость Чола) и разрушили до основания» [1]. Историк дальше прибавляет, что орды хазар бросились на жителей и «беспощадно перерезали их на улицах и площадях города» [2]. Знать столицы Партава, узнав о разрушении г. Чола, поспешно скрылась в труднодоступных горах области Арцах (совр. Нагорный Карабах). Сасанидские власти бежали в Иран. «Также спасся со всем семейством своим князь Гайшах и скрылся в странах персидских и с тех пор уже не вступал в эту должность» [3]. «После всего этого,— продолжает историк,— потоки бурной реки поднялись и устремились против Иберии, окружили и осадили изнеженный, торговый, славный и великий город Тбилиси» [4]. Однако город оказывал героическое сопротивление, и лишь после вторичной осады его удалось взять и предать разрушению.

После этого Византия подчинила своей власти все страны Закавказья. В этот же период, по всей вероятности, были уничтожены военные поселения сисаканцев, охранявших укрепления Дербентских стен. С этого времени вплоть до начала VIII в., когда арабы окончательно укрепились в Закавказье, последнее (особенно Албания и Иберия) периодически подвергалось набегам кочевников Северного Кавказа.

Феодальная знать Албании, видя полное поражение Сасанидов, теперь сама стремится завязать дружественные отношения с Ираклием I. Владетельный князь Албании Вараз-Григор Михракан объявляет себя вассалом Ираклия I и принимает религию своего нового сюзерена, перейдя от моно-

---

[1] *Мовсес Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 104—105.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 106.

[4] Там же, стр. 107.

Бронзовая курильница в виде всадника из Нахичеванского района

физитства в диофизитство. По словам грузинской «Хроники Сумбата», «Ираклий крестил Вараз-Григола и весь его народ» [1].

Вараз-Григор назначается владетельным князем не только Албании, но и Чора и Лбинии.

После взятия Тбилиси в 628 г. Ираклием I и союзными хазарами, хазары произвели новый набег на Албанию. Последний марзпан Албании, Сема-Вышнасп, взяв свое имущество и сокровища страны, бежал в Иран [2]. Албанская знать во главе с католикосом Виро признала верховную власть хазарского кагана [3]. Воцарившийся после Хосрова II Парвеза (590—628 гг.) Арташир III (628—630 гг.) мирным договором с Ираклием I в 628 г. вновь восстановил власть Сасанидов в Албании, но фактическими хозяевами страны оставались хазары.

Как сообщает Мовсес Каганкатваци, на втором году царствования Арташира III, т. е. в 630 г. хазары потребовали от албанских феодалов государственных налогов и податей, вносимых прежде в сасанидскую казну. По словам историка, каган «отправил смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познание в золотопромывании, добывании серебра, железа и выделке меди. Он требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского» [4]. Это означало, что хазары считали себя властителями страны, а следовательно, все государственные налоги и царские регалии должны были принадлежать им.

Вслед за этим последовал новый поход хазар во главе с полководцем Чорпан-Тарханом для завоевания стран Закавказья [5].

Феодалы Армении, Иберии и Албании стремятся поддерживать дружественные отношения с Византией и хазарами. Это особенно важно было для Албании, левобережная часть которой фактически находилась в руках хазар.

[1] *Сумбат Давитис-дзе.* Жизнь и деятельность Багратунианов. «История Грузии», т. I; *С. Т. Еремян.* Заметки к тексту «Хроники Сумбата», стр. 27—28.

[2] *Мовсес Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 121.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 131.

[5] Там же, стр. 132.

Отныне (до окончательного утверждения власти Арабского халифата) Закавказье, особенно северная его часть, периодически подвергалось опустошительным набегам хазар, прочно укрепившихся в древней столице Албании Кабале, которая с тех пор называется также Хазар [1].

Вскоре происходит окончательное падение Сасанидов. После поражения Сасанидов в битве с арабами при Кадисии в 637 г. сын Вараз-Григора князь Албании Джуаншер (636—669 гг.), принимавший участие в войне Ирана с арабами, возвратился на родину и изгнал последние остатки персидских вооруженных сил из страны — сасанидский гарнизон Партава. После этого Джуаншер завязывает дружественные отношения с Византией и одновременно стремится поддерживать добрососедские отношения с хазарским каганом, которого вынужден признать своим сюзереном наряду с императором. Однако в середине VII в. в Закавказье появляется еще более грозная сила — Арабский халифат, который также претендовал на Армению, Иберию и Албанию.

13

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА АЛБАНИИ III—VII ВВ.

Одним из средств сохранения целостности распадающейся территории Великой Армении являлось распространение новой религии — христианства и утверждение на окраинах церковной иерархии и администрации, которая была построена по образу и подобию светской власти. Однако процессы феодализации оказались сильнее и сама церковная организация в конечном счете приспособилась к новым социально-экономическим условиям и стала идеологическим оружием складывающегося феодального общества.

Христианские проповедники посылались из Армении в подчиненные ей албанские области Арцах, Утик и Баласакан (Каспиана), начиная со времени армянского царя Тиридата III Великого (287—332 гг.), а из Иберии (Картли) в междуречье Иоры и Алазани — с середины IV столетия. Первоначально, однако, христианские проповедники подвергались преследованию. Тем не менее христианство распространялось среди знати и было признано господствующей религией при царе Урнайре в 70-х годах IV в.

Традиционная история албанской церкви своим основателем считала епископа Григориса, который из Армении был отправлен в Албанию, однако там он был замучен на Ватнеанской равнине маскутами-массагетами.

---

1 «Кабала, что есть Хазар» (*Баладзори.* Указ. соч., стр. 5). *Л. Е. Крымский.* Из истории Северного Азербайджана. «Юбилейный сборник в честь академика Ольденбурга». Л., 1934, стр. 298.

Дошедшая до нас традиционная история албанской церкви, по-видимому, сложилась в придворных кругах албанского царского двора в VI столетии. Придворная версия истории албанской церкви стремится Ватнеанскую равнину локализовать в районе городской территории г. Чора, или Чола,— первоначальной столицы массагетских Аршакидов. Чтобы окружить священным ореолом место, где «сподобился умереть святой Григорис», распространилась версия, что первоначальной кафедрой албанского католикоса являлся г. Чор, или Чола, южнее Дербента. Однако это не соответствует исторической действительности. Христианство в Южном Дагестане начало распространяться не раньше второй половины V в. По всей видимости, после того, как Ваче II, отрекшись от албанского престола в 462 г., обосновался со своим двором в г. Чора, там была основана епископская кафедра, откуда новая религия распространилась по всей стране Чора и даже начала проникать в ущелья Дагестана.

Основание самостоятельной албанской церкви связано с общей политикой Сасанидов, покровительствующих христианской церкви монофизитского направления после того, как она окончательно отмежевалась от официальной халкедонитской византийской церкви на Двинском соборе в 551 г. Сведение Мовсеса Каганкатваци или его продолжателя о том, что «на второй год царя царей Хосрова, в начале армянского летоисчисления перенесли престол патриарший из города Чола в столицу Партав» [1], нуждается в коррективах. Вторым годом царствования Хосрова I Ануширвана является 532 г., а первым годом армянского летоисчисления является 551 г. Это противоречие возникло из-за того, что второй год армянского летоисчисления, бывший в 552 г., был перепутан со вторым годом царствования Хосрова I. В указанном 552 г. была основана кафедра албанского католикоса как главы самостоятельной албанской монофизитской церкви, целиком ориентирующаяся на Сасанидов и иерархически подчиняющаяся армянской церкви. Ведь недаром у Мовсеса Каганкатваци о католикосах, сидевших якобы в Дербенте, никаких сведений не имеется, и список иерархов албанской церкви начинается лишь с Абаса, который учредил в Партаве католикосскую кафедру и, согласно этим же данным, правил 44 года (552—596 гг.). Только начиная с него, албанские патриархи титулуются «католикос Албании, Лбинии и Чора». В ведении албанского католикоса в начале VII в. находилось восемь епархий — епископств Партав, Бахалат (совр. Бахтало в районе Закаталы), Кабалак (совр. Чухур-Кабала), Амарас (в совр. Дизаке), Баласакан (г. Пайтакаран, или Байлакан), Шаке (местность Гиш около г. Нухи), Гардман с совр. Казахский район), Мец-Куенк (местность Тахдзанк в совр. Иджеванском районе) [2].

Антихалкедонитской (т. е. антивизантийской) албанской церкови широко покровительствовали Сасаниды, которые пользовались ее услугами в борьбе с еретическими движениями. Заручившись поддержкой

[1] *Мовсес Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 133 (русский перевод, стр. 90).
[2] «Книга грамот». Тифлис, 1901, стр. 81 (древнеармянский текст).

албанских феодалов и христианской церкви, Сасаниды вели борьбу с движением Маздака, продолжавшуюся около сорока лет (488—528 гг.).

В начале VII столетия вместе с грузинской церковью албанская церковь примкнула к халкедонитам, это было связано с усилением в Закавказье политического влияния Византии, однако вскоре албанская церковь вновь перешла в монофизитство. В 60-х годах VII в., когда Византия вновь утвердила свое политическое господство в странах Закавказья, в Армении и Албании снова подняли голову халкедониты, но в начале VIII в. после того как арабы окончательно завоевали страны Закавказья, албанская церковь навсегда порвала с халкедонитством. Были восстановлены прежние отношения с армянской церковью, сущность которых заключалась в том, что католикос Албании иерархически подчинялся католикосу Армении и от него же он получал миропомазание. Этот порядок продолжался до 1836 г., когда царским правительством был упразднен сан албанского католикоса и иерарх, живший в Гандзасаре, уже должен был ограничиться более скромным саном епископа албанской епархии армянской церкви.

Это положение в области церковной жизни и отражает сирийский писатель, убежденный монофизит Захарий Ритор, «Хроника» которого написана в 555 г. Говоря о народах Кавказа, он отмечает, что «в этой северной стороне есть верующие пять народов с их двадцатью четырьмя епископами. Их католикос,— продолжает он,— находится в Довине, большом городе Персидской Армении; Григорием, по имени, был их католикос, муж праведный и знаменитый... Аран (Албания) также земля, в той же земле Армении, со (своим) языком, с народом, верующим и крещеным; у них есть царь, подчиненный персидскому царю. Сисган (Сисакан, Сюник) также земля (в Армении) со (своим языком и верующим народом, но живут в ней и язычники. Базгун (Мазкун, Массагеты) земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских» [1]. Приводимый текст отражает существующее положение в странах Закавказья на рубеже V—VI вв., когда еще существовала царская власть в Гурзане — Иберии и Аране — Албании, а католикосаты этих стран еще не существовали.

В V—VII столетиях, когда господствующей религией феодализирующейся Албании являлось христианство монофизитского направления, развивалась храмовая архитектура, очень сходная с армянской и грузинской архитектурой того же периода.

В горном селении Кум (в 8 км от селения Ках) существует здание трехнефной базилики, а в селении Курмух (в 5 км от селения Ках) — центральнокупольный храм. Наконец, в 12 км от селения Ках, в селении Лякит, сохранились руины круглого храма, типа Звартноц [2]. Все эти здания

[1] *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР, М.— Л, 1941, стр. 165.

[2] *И. П. Щеблыкин.* Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, стр. 43; *П. Д. Барановский.* Памятники в селениях Кум и Лякит. Сб. «Архитектура Азербайджана эпохи Низами». Москва-Баку, 1947, стр. 29.

относятся к VI—VII вв. По мере археологического изучения территории Советского Азербайджана, открываются все новые памятники албанского зодчества. Так, в 1948 г. раскопками в Сдагылане у Мингечаура открыт христианский храм с надписями, которые должны быть албанскими и относятся к V—VI вв.[1]

Памятники христианского зодчества периода до арабских завоеваний встречаются также на территории древней страны Чора, или Чола. Так, например, Джума-мечеть в Дербенте — это христианский храм, преобразованный в мечеть[2], это здание, по всей вероятности, построено в VI в. для культовых нужд расквартированных в Дербенте сисаканских войск. Христианские памятники и кладбища встречаются и в поросших лесом развалинах г. Чора, или Чола (совр. Топрах-кала, около ж.-д. станции Билидржи в районе дельты Самура) и южнее, там где и теперь живет татоязычное или армяноязычное население, которое до недавнего времени было последователем армяногригорианской церкви. Это район Хачмаза, Хизы, Шемахи и т. д.

Огромное количество христианских памятников, значительная часть которых относится к доарабскому периоду, сохранилась в арменизованной части древней Албании, на территориях древнеалбанских областей Арцах (Автономная область Нагорного Карабаха и соседние северо-восточные отроги Малого Кавказа, включая Шамшадинский и Иджеванский районы Армянской ССР) и Утик, где и в настоящее время в основном живет армянское население.

Армянские Аршакиды, используя христианство для укрепления в стране своих политических позиций, посылали христианских миссионеров в подчиненные им области Албании. Однако со второй половины IV в., когда утвердившиеся в Албании массагетские Аршакиды перешли в христианство, они вели ту же политику консолидации страны. Одним из ярких проявлений этого было распространение христианства на всей подчиненной им территории и введение албанской письменности и единого литературного языка.

Внешним поводом для изобретения албанской письменности являлась необходимость в местных письменах для перевода культовых книг на родной язык. Изобретение албанского алфавита армянские источники (Корюн, Мовсес Хоренаци и др.) приписывают Месропу Маштоцу (361—440 гг.). Согласно этим сведениям, между 415—420 гг. Месроп Маштоц прибыл в Албанию ко двору царя Арсвалена и епископа Иеремии[3]. Здесь Маштоц вызвал к себе «даровитого переводчика» Вениамина, которого отправил к нему Васак Сюни. «Месроп при их помощи,— согласно сведениям

---

[1] *Р. М. Ваидов, В. П. Фоменко.* Средневековый храм в Мингечауре. «Материальная культура Азербайджана», II. Баку, 1951, стр. 80—100.

[2] *М. И. Артамонов.* Древний Дербент. СА, VIII, 1946. стр. 141, рис. 27.

[3] *Корюн.* Мизнь Маштоца. Ереван, 1941, стр. 68—70 (древнеармянский текст); *Моисей Хоренский.* Указ. соч., т. III, стр. 193.

Мовсеса Хоренации,— создал письмена языка гаргарского, языка богатого горловыми звуками, бессвязного, варварского, в высшей степени нескладного» [1].

В этом сообщении примечательно то, что за норму албанского литературного языка был взят гаргарейский диалект, на котором говорило население царской резиденции Албании того периода — г. Пайтакарана и его городской территории — Гаргарейской равнины (совр. Мильская степь). В IV—V вв. городская территория Пайтакарана-Байлакана являлась экономическим и политическим центром всей Албании, но вскоре эта роль перешла к соседнему г. Партаву (совр. Бардинский район Азербайджанской ССР). Здесь во второй половине V в. возникла новая столица Албании — г. Партав, в области Утик. Партав со своей областью занимал центральное положение в стране. Разговорным языком г. Партава и его городской территории — области Утик, являлся утийский, т. е. сохранившийся до наших дней удинский язык. Арабские историки и географы IX—X вв. язык г. Партава и его области называли арранским, т. е. албанским языком. Трудно сказать, насколько соответствовало этому языку гаргарейское наречие, которое легло в основу албанского литературного языка. Во всяком случае, указание арабских источников на то, что язык области Утик являлся аранским языком, свидетельствует об идентичности утийского или удинского языка с арранским, т. е. албанским языком, поскольку этногеографический термин «Арран» является другой формой того же названия «Алван», «Албан». Следовательно, можно считать правильным уже давно существующее мнение о том, что сохранившийся доныне удинский язык является древним албанским языком. Более того, можно думать, что термин «албаны» — собирательный, покрывающий собою объединение ряда племен, из которых наиболее крупным были утии, или удины, несколько тысяч которых сохранилось до наших дней.

Временем расцвета албанской письменности следует считать V—VII вв., когда, по словам А. Г. Шанидзе, «албаны во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами» [2]. Но чем объяснить, что с самого начала введения армянской и грузинской письменности возникла богатая литература на армянском и грузинском языках, существующая поныне, а албанская письменность и тексты на албанском языке исчезли бесследно?

Сложившийся на базе гаргарейского наречия литературный язык Албании, по-видимому, не обладал свойствами, необходимыми для его деятельной сохранности. Он не обладал коммуникативностью и имел наддиалектный характер, т. е. был понятен лишь населению г. Пайтакарана и его области, а с диалектами остальных областей Албании расходился. По всей вероятности этот язык резко расходился с разговорным языком населения

---

[1] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., т. III, стр. 193.

[2] *А. Шанидзе.* Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. «Изв. Ин-та яз., истор. и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра Груз. ФАН», т. III, вып. 1, 1938, стр. 3.

области Утик. В таких условиях этот язык не вышел за сферу узко церковной практики и, очевидно, вскоре перестал быть также языком церковного богослужения, что объясняется целым рядом исторических причин. Прежде всего конфессиональной принадлежностью албанской церкви к армянской.

После VII столетия в странах Закавказья в борьбе между монофизитами и диофизитами — языком первых становится древнелитературный армянский язык (грабар), а вторых — древнелитературный грузинский язык. Они стали канонизированными языками этих церквей и всякий третий язык исключался. С VII столетия (с начала VIII столетия окончательно) албанская церковь рассматривалась как часть армянской церкви, а языком богослужения безраздельно и бесповоротно становится древнеармянский. В результате этого албанская письменность с VII столетия постепенно вышла из обихода и упоминания о ней исчезают бесследно. Ко времени утверждения арабского владычества (начало VIII столетия) в странах Закавказья уже оформились феодальные отношения и господствующей надстройкой феодального общества являлось христианство со своими церковными языками — древнеармянским и древнегрузинским, а население албанских областей Арцах и значительной части области Утик уже было ассимилировано армянами, так же как грузинами было ассимилировано население нынешней Кахетии и Кизикии.

До нас дошло несколько эпиграфических памятников, в которых исследователи видят албанские надписи, но в одном случае они имеют сходство с армянскими буквами, а в другом — с древнегрузинскими инициальными письменами. Однако наиболее близко к албанским письменам должен стоять тот список, который был найден в 1937 г. И. В. Абуладзе в ереванском Матенадаране, в армянской рукописи XV в. (по каталогу Эчмиадзинской библиотеки № 7117) [1]. Как и следовало ожидать, новооткрытый албанский алфавит по своему начертанию имеет большое сходство с армянским и грузинским алфавитом. Но этот албанский алфавит с армянскими соответствиями во внешнем начертании расходится с тем «албанским письмом», которое обнаружил во второй половине прошлого столетия арменовед Н. Карамянц в Мюнхене [2].

В этой армянской рукописи 1535 г. имеется текст в две строки незнакомым письмом, которое на полях поясняется по армянски, что это «албанское письмо». По мнению Н. Карамянца, эта запись неизвестным письмом должна быть повторением армянской записи, начинавшейся со слов «помяните грешного Иоасафа диакона». В этой двухстрочной надписи Н. Карамянц установил 21 знак, но вопрос оставил открытым. Таким же образом остается загадкой сходная с грузинским асомтаврули надпись на стене храма в Нино-цминда в Кахетии и другие надписи. Благодаря раскопкам в Мингечауре мы располагаем новыми эпиграфическими памятниками, кото-

[1] *А. Шанидзе.* Указ. соч., стр. 3.

[2] *N. Karamiantz.* Einundzwanzig Buchstaben eines verlorenen Alphabets. ZDMG, t. XL, 1886, стр. 317—319.

рые предполагаются албанскими. Из них можно указать на надпись на каменной плите в одном из помещений храма VI столетия, открытого в Судагылане в 1948 г., около Мингечаура, на левом берегу Куры [1]. Другая надпись была обнаружена на найденном так же в 1950 г. глиняном четырехгранном подсвечнике [2]. Найдено еще несколько других надписей с большей или меньшей вероятностью определяемые как албанские.

Опубликованное Н. Карамянцем албанское письмо имеет расположение и последовательность армянского алфавита, поэтому А. Г. Шанидзе не уверен, что это албанский алфавит и предполагает, что это армянская тайнопись. Касаясь этого, арменовед А. Д. Анасян считает, что нет основания для такого сомнения. «Если мы примем,— пишет он,— что найденный Абуладзе алфавит представляет собой древнейший полный алфавит албанского языка, нет основания также не принимать, что указанный Борэ и Карамянцем алфавит действительно является улучшенным, впоследствии переработанным и дополненным, согласно требованиям армянского языка, албанским алфавитом, который могли употреблять арменизованные албанцы, когда они писали по-армянски точно так же, как потерявшие свой родной язык армяне Галиции писали на половецком языке, но армянскими буквами, или же как писали туркоязычные армяне Оттоманской империи — на турецком языке армянскими буквами» [3]. Мы имеем сведения о том, что часть армяно-албанцев пользовалась албанским письмом еще в XIII в. [4]

Вместе с алфавитом исчезли также тексты на албанском языке, если не считать нескольких еще не расшифрованных албанских надписей и двух коротких текстов в армянских рукописях XV в. до нас не дошло ни одного памятника албанской литературы, которая все же существовала.

Недавно А. Д. Анасян в Ереванском Матенадаране [5] обнаружил одну древнеармянскую рукопись, которая называется «Об Истории святого и божественного елея», которую нашли святые отцы на Востоке [6], на албанском языке и перевели на армянский язык [6].

---

[1] *С. М. Казиев.* Новые археологические находки в Мингечауре. «Докл. АН АзССР», т. IV, № 9, 1948, стр. 399—401, рис. 5—8.

[2] *Р. М. Ваидов.* Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, рис. 28.

[3] *Акоп Анасян.* Албанцы и албанский язык. Полная библиография древнеармянской литературы, Ереван, т. I. 1958 (рукопись).

[4] Армянский историк XIII в.— царевич Этум («Гайтон») — в своем историческом сочинении, написанном на латинском языке («Haithoni Historiae orientalis, quae eadem et De Tartaris inscribitur», Coloniae Brandenburgicae», 1671, стр. 9) упоминает эти письмена, называя их «алоэнскими» (haloën). Переводчик сочинения Этума на древнеармянский язык, мхитарист Мкртич Авгерян, справедливо указывал, что haloën идентичен армянскому aḡowan — алван, албан («Этум историк татар» Перевод с латинского на древнеармянский Мк. Авгеряна. Венеция, 1842, стр. 14).

[5] «Ереванский Государственный Матенадаран», список № 101, стр. 386а—389а, список № 2121, стр. 341б — 343б.

[6] Под термином «Восток» армянские средневековые писатели, начиная с XII столетия, подразумевали захаридскую Армению, в которую входила вся арменизованная часть Албании.

Та часть населения Албании, которая ко времени утверждения арабского владычества, в начале VIII в. еще не была этнически и культурно ассимилирована армянами и грузинами, перешла в ислам причем, языком религиозного обряда стал арабский; наряду с арабским широко употреблялся персидский, а затем и тюркский — азербайджанский. По мере того как тюркские кочевые племена утверждались на зимних пастбищах Кура-Араксинской низменности, мусульманизированная часть аборигенного населения древней Албании ассимилировалась пришлыми тюркскими племенами. Так образовалась современная азербайджанская народность.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В III—VII ВВ.

1

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В III— V ВВ.

Период III—V вв. является в истории Средней Азии одним из наиболее «темных» и слабо изученных. Данные письменных источников, относящиеся к этому времени, очень скудны и носят отрывочный характер; археологические материалы также ограничены и часто их датировка носит еще приближенный и неточный характер. Однако вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении фактов и наблюдений позволяет считать, что в эти века был кризис рабовладельческого строя и возникли первые зачатки феодальных отношений.

Весьма определенно кризис выявляется на археологических памятниках, которые отражают существенные изменения в хозяйстве, характере расселения и культуре жителей земледельческих областей Средней Азии [1]. Период IV—V вв. является временем, когда прекращается жизнь в большинстве крупных поселений и городов; параллельно с этим наблюдается несомненное сокращение ирригационных систем и соответственно запустение части ранее интенсивно возделывавшихся, орошенных земель. Центр тяжести экономической жизни постепенно переходит из города в сельскую местность, где возникают замки аристократии, сыгравшей наиболее активную роль в формировании новых, феодальных отношений.

Целый ряд наблюдений позволяет установить, что IV—V вв. являются временем, когда происходят существенные изменения в культуре населения земледельческих областей, причем имеет место тенденция к появлению локальной окраски ее. В ряде отраслей ремесленного производства наблюдается резкий упадок; в частности, весьма показательна четко выраженная тенденция к преобладанию домашней, изготовленной вручную керамики над ремесленной.

Упадок денежного хозяйства, характерный для этого времени, свидетельствует о сокращении товарного производства и объема торговли.

В настоящее время мы не располагаем данными, позволяющими воссоздать картину процесса изменения социально-экономического строя

[1] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 50 и сл.; *его же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр 194 и сл.

в земледельческих областях Средней Азии в этот период. Но то, что известно о соответствующих явлениях на соседних территориях, позволяет говорить о наличии общей тенденции к переходу от эксплуатации рабского труда к использованию труда экономически зависимого производителя главным образом издольщика. Процесс складывания феодальной собственности на землю, несомненно, был чрезвычайно сложен и, как об этом можно судить по некоторым косвенным данным, характеризовался определенными своеобразными чертами, обусловленными спецификой хозяйства, основанного на искусственном орошении.

Кризис вполне закономерно нашел свое отражение и в политической жизни; это время постепенного ослабления и распада крупных государств, сложившихся и окрепших в предшествующий период. В то же время наблюдается значительное усиление политической роли кочевых племен, которым на определенном этапе удается подчинить себе многие земледельческие области и создать непрочное государство, объединившее обширную территорию. Но роль этих завоеваний не следует преувеличивать, так как они лишь в ограниченной степени влияли на ход внутренних процессов развития общества в земледельческих областях.

Вторжения кочевников, происходившие в IV—V вв., тесно связаны с крупными перемещениями племен на огромной территории от северных границ Китая до Византии, которые были первым этапом великого переселения народов завершившегося уже в пределах Европы. До настоящего времени идут споры о том, возможно ли отождествлять вторгшихся в последней четверти IV в. в Европу гуннов с хунну китайских источников. Однако эти споры касаются лишь внешней стороны тех событий, которые происходили во II—V вв. на территории евразийской степной полосы. Появление гуннов, точнее разноплеменной и пестрой по своему этническому составу конфедерации кочевников из Азии остается несомненным фактом; но при этом имеются достаточные основания полагать, что прямые потомки восточных хунну составили лишь незначительную часть западных гуннов. В бурные события, происходившие в степной полосе, были вовлечены не только восточные племена «гуннского» круга, но и потомки саков и массагетов, обитавшие в северной части Средней Азии. Именно последние, судя по всему, составили основную массу завоевателей, проникших в IV—V вв. на территорию Среднеазиатского междуречья и в области, лежащие южнее Аму-Дарьи.

Перемещения, происходившие в степной полосе на протяжении рассматриваемого периода, имели своим следствием определенные изменения в этническом составе кочевого населения северной части Средней Азии. С ними следует связывать усиление удельного веса монголоидного расового типа, которое засвидетельствовано палеантропологическими материалами, добытыми при раскопках за последние 15 лет. Некоторые данные письменных источников дают основания предполагать появление здесь отдельных групп кочевников «гуннского» круга с востока, вероятнее всего являвшихся тюркоязычными монголоидами. Однако ареал распространения их и,

главное, устойчивость были весьма ограничены; никаких данных о сколько-нибудь значительном «гуннском» проникновении в оседлые области Средней Азии не имеется.

В III в. на территории Средней Азии продолжали существовать те большие государства, которые сложились в предшествующий период: Кушанская империя и Кангюй. Однако уже в этом столетии их территория начинает постепенно сокращаться. В данном случае наряду с внутренними причинами определенную роль сыграли и внешние факторы. Для судеб Кушанской империи большое значение имело быстрое политическое усиление Ирана, произошедшее после свержения в 226 г. Аршакидов Сасанидами. Основатель новой династии, Ардешир I в короткий срок сумел подчинить себе значительную часть западных областей бывшего Парфянского государства, что привело к столкновению с царем Армении Аршакидом Хосровом, увидевшим в происходящих событиях угрозу своей независимости. Как сообщают армянские источники, Хосров объявил о своем намерении отомстить за гибель Артабана V и восстановить законную династию; выступая против Ардешира I, он обратился за поддержкой к восточным Аршакидам в Парфию и к царю кушан в Балх [1].

Однако парфянская знать не откликнулась на его призыв; исключением был род Каренов, который выступил против Ардешира I на востоке; Хосрову об этом сообщили послы, дошедшие до Балха [2]. По всей видимости кушаны поддерживали каренов, но достоверных данных о том, что они сами вступили в борьбу с Ардеширом I, не имеется [3]. Карены потерпели полное поражение, а затем от руки подосланного убийцы погиб и Хосров.

Завершив подчинение западных областей, Ардешир I обратился на восток. По сообщениям арабских источников, воспроизводящих версию сасанидской придворной историографии, он покорил Керман и Сеистан, а затем двинулся на север, где подчинил себе Гурган, Абаршахр, Мерв, Балх и Хорезм, дойдя до границ Хорасана. После этого к нему явились с изъявлением покорности царь Кушан и цари Турана и Мекрана [4]. Эти данные лишь частично соответствуют исторической действительности: завоевание Балха и Хорезма, а вероятно и Гургана, не находит подтверждения в других достоверных источниках. Реальные пределы завоеваний Ардешира I на востоке дает надпись на так называемой Ка'бе Зороастра: здесь Шапур I упоминает в числе подданных своего отца только царей Кермана, Сеистана, Мерва и Абаршахра [5]. О том, что Балх не был завоеван при Ардешире I, говорят также известия западных источников о прибытии послов бактрийцев (кушан) в Рим. Указание о якобы добровольном подчинении царя

[1] «История Армении Моисея Хоренского». Перевод. Н. О. Эмина, кн. II. М., 1893, стр. 114.

[2] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., II, стр. 118.

[3] Некоторые исследователи считают упоминаемого Моисеем Хоренским Вехсаджана кушанским царем (Васудевой I), однако речь идет о главе рода Каренов.

[4] *Tabari I,* стр. 819.

[5] *M. Sprengling.* Third century Iran, Sapor and Kartir. Chicago, 1953, стр. 18.

Кушан не может считаться достоверным, ибо не подтверждается другими данными.

Завоевания Ардешира I на востоке создали непосредственную угрозу Кушанской империи, которая, соответственно, сразу же заняла враждебную позицию по отношению к новой династии Ирана. У кушан нашел убежище последний представитель каренов; у них же получили поддержку избежавшие гибели представители свергнутой династии. Кушанская империя была еще сильным государством, об этом свидетельствует прежде всего сохранение ею своей территориальной целостности вплоть до середины III в. Китайские источники, относящиеся к этому времени, говорят о подвластности большим юечжам Гибини, Дахя, Гаофу и Тяньчжу, т. е. Кашмира, Бактрии, Центрального Афганистана и Северной Индии [1]. Уточнение северных и северо-восточных пределов ее дает уже упоминавшаяся выше надпись Шапура I. Здесь государство кушан (кушаншахр) отмечается простирающимся до Каша (предположительно Кашгара), Согда и Чача. В Средней Азии Кушанская империя к этому времени потеряла власть только над северным Припамирьем и Ферганой — Даванью, если она ее действительно над ней имела, как это предполагается по косвенным данным; в середине III в. Давань, во всяком случае, была независимым государством.

Полностью сохранял, по китайским данным, свои основные территориальные пределы и Кангюй: о нем говорится, что изменений это государство не претерпело (сопоставление производится с периодом Старших Хань). Однако сфера политического влияния его на севере в это время уже определенно уменьшалась. Северными соседями Кангюя являлись не подвластные им ранее Яньцай, а ряд племен, о которых говорится, что они лишь ранее частично зависели от него. Яньцай-Алань локализуется далеко на западе, у границ Византии, что отражает уход их со старой территории, связанный с перемещениями кочевников в степной полосе.

По тем же данным не изменилась к середине III в. и территория обитания усуней. Но севернее и северо-западнее их и Кангюя, возможно, уже имелись новые племенные группы, передвинувшиеся сюда с востока. Об этом свидетельствует в частности упоминание Цзянькунь и Динлинов с указанием местоположения их земель относительно именно Кангюя и Усуней, а не более восточных территорий. Однако данных, говорящих о формировании каких-либо крупных кочевых объединений, создававших потенциальную угрозу для среднеазиатских государств, в это время не имеется.

Опасность назревала на юго-западе, со стороны Ирана. Преемник Ардешира I — Шапур I (241—272 гг.) уже в первый год своего правления предпринял новые завоевания на востоке. Имеются данные о его войне с хорезмийцами и жителями «Горной Мидии», в которой он одержал победу, а затем подчинил себе Гилян, Дейлем и Гирканию [2]. Очевидно, в

[1] *E. Chavannes.* Les pays d'occident d'apres le Wei-lio. TP, t. III, Leide, 1905, стр. 535 и сл.

[2] *E. Sachau.* Die Chronik von Arbela. APAW, 1915, № 6, стр. 64.

этом сообщении отразились отдельные этапы его похода на северо-восток, но восстановить ход событий мы не можем. Столкновение с Хорезмом, весьма вероятно, произошло из-за вторжения персидской армии в Гирканию.

В уже упоминавшейся выше надписи на Ка'бе Зороастра кушанское государство фигурирует как подчиненное Шапуру I (хотя в то же время царь кушан не упоминается в числе подданных его в отличие от царей Мерва, Абаршахра и других областей). Таким образом, Кушанская империя в результате каких-то событий стала в известной мере зависимой от Ирана. Когда это произошло и при каких обстоятельствах, источники не сообщают. Есть лишь известие о победе Шапура I над туранцем Пахлезагом, о котором сообщает раннесредневековый пехлевийский трактат о городах Ирана: эта победа была одержана в Хорасане, и на месте битвы Шапур якобы основал г. Нишапур. Учитывая последнюю деталь, можно предполагать, что кушаны вторглись в пределы Хорасана, где были разбиты, и это повлекло за собой признание ими верховной власти Сасанидов. В арабских источниках есть сообщение, что Шапур I на 11 году своего правления (т. е. в 252 г.) был отвлечен на восток какими-то событиями; возможно, что это было именно столкновение с Кушанской империей. Какой характер носила зависимость кушан от Шапура I и в какой мере она была связана с территориальными потерями, точно неизвестно. По данным римских источников бактрийцы не приняли послание Шапура I о победе над императором Валерианом и даже предлагали свою помощь для освобождения его из плена; представители бактрийцев упоминаются и среди присутствовавших на триумфе императора Аврелиана в 274 г. Эти сообщения свидетельствуют о сохранении кушанами власти во всяком случае в пределах Бактрии и на ограниченную степень их зависимости от Сасанидов. Что касается южных областей, то здесь произошли, по всей видимости, существенные изменения — в частности отделение некоторых индийских областей и, вероятно, прямое присоединение части кушанских владений к Ирану. Об этом свидетельствует, в первую очередь упоминание в надписи на Ка'бе Зороастра Индии отдельно от кушаншахра.

Поражение в столкновении с Шапуром I, несомненно, явилось фактором, ускорившим процесс распада Кушанской империи, который наметился уже в первой половине III в., и создало благоприятную почву для дальнейшей экспансии Сасанидов на Восток. Нумизматические данные свидетельствуют о том, что вскоре им удалось временно установить непосредственную власть над Бактрией и на определенный период включить ее в состав своих владений. Дата этих событий нам неизвестна.

Однако по всем данным борьба на Востоке не прекращалась, и кушаны пытались при всяком удобном случае восстановить свою независимость. Так они поддержали вместе с жителями Сеистана наместника Хорасана — Хормизда, поднявшего в конце 80-х годов III в. восстание против своего брата, царя Варахрана II (276—293 гг.). Мы не имеем подробных сведений об этих событиях: известно лишь, что Хормизд потерпел поражение и

Сеистан был снова подчинен. Данных о каких-либо походах против кушан нет, что дает основания предполагать продолжение ими борьбы и после поражения Хормизда. Результатом ее было восстановление ими своей независимости уже в ближайшие годы, что засвидетельствовано надписью Нерсе в Пайкули, относящейся к началу 90-х годов III в. В ней царь кушан фигурирует первым в перечне независимых владык, даже перед римским императором [1]. Вполне вероятно, что это почетное место в надписи обусловлено активной поддержкой, оказанной кушанами Нерсе в его борьбе с Варахраном III (293 г.).

Таким образом, первый этап экспансии Сасанидов на восток, на территорию кушанских владений закончился в конечном итоге неудачей. Наступил период известной стабилизации политического положения, в который, однако, произошло не восстановление Кушанской империи, а оформление небольших государств на ее бывшей территории. Распад, ускоренный поражением в борьбе с Шапуром I и временным подчинением части кушанских земель Сасанидам, продолжался в силу внутренних причин.

В обособленное государство выделяется северная часть бывшей Кушанской империи: в нее входят Бактрия и часть среднеазиатских областей, лежащих южнее Гиссарского хребта. Это засвидетельствовано данными китайских источников, указывающих на наличие у Давани на юге границы с владениями больших юечжей в конце III в. Это государство в основном уже дает контуры раннесредневекового Тохаристана, но уже последнее название появляется в источниках лишь в конце следующего столетия.

Другие небольшие государства с кушанскими династиями образовались на территории Афганистана с центром в Кабуле и в Северной Индии.

Вторая половина III в. была критическим периодом не только для Кушанской империи, но и для другого крупного среднеазиатского государства Кангюя. Выше уже говорилось о сокращении сферы его политического влияния на севере, которое произошло еще до середины века. В последующие десятилетия Кангюй теряет и некоторые ранее подвластные ему земледельческие области. С полной уверенностью можно говорить о потере им Согда, который, по данным китайских источников, в конце III в. граничит уже только с Кангьоем.

О населении Кангюя сообщается, что оно по своему внешнему облику, одежде, нравам и обычаям почти идентично населению Давани, т. е. Ферганы. При характеристике естественных условий Кангюя говорится о том, что здесь было высоко развито виноградарство и разводилось много крупного и мелкого скота, а также имелись превосходные лошади. Если мы сравним эти данные с характеристикой Кангюя ханьского времени, то сразу увидим резкое различие их: вместо обширного кочевого объединения, которому подвластны отдельные земледельческие области и большая

---

[1] *E. Herzfeld.* Paikuli Monument and inscription of the early history of the Sassanian Empire. Berlin, 1924, стр. 117.

степная территория, перед нами государство значительно меньших размеров с оседлым, земледельческо-скотоводческим населением. Совершенно очевидно, что Кангюй подвергся распаду, который учитывая отмеченное выше свидетельство о неизменности его в середине III в. следует относить ко второй половине этого столетия. Кроме того, мы имеем основания говорить о частичном оседании кочевников на территории по среднему течению Сыр-Дарьи, которое засвидетельствовано археологическими памятниками. Здесь в первые века нашей эры наблюдается уменьшение числа поселений кочевников и увеличение количества поселений, связанных с созданием небольших оросительных систем и появлением земледелия, основанного на ирригации. Давань конца III в. описывается в источниках как область с развитым земледелием, славящаяся «потокровными» лошадьми. Как характерная черта жителей отмечается их приверженность торговле. Мы не имеем точных данных о территориальных пределах этого государства, кроме указаний на наличие границы с Кангюем на севере и с владениями больших юечжей на юге. Это позволяет говорить о том, что в состав его входила какая-то часть горных районов, лежащих южнее Ферганы и севернее Гиссарского хребта.

Данных о территории Согда для этого времени в источниках не имеется. Но все, что известно о ней для предшествующего и последующего периодов позволяет считать, что эта долина Зеравшана, вероятно, включая также Бухарский оазис.

В последней трети III в. когда Цзиньская династия на некоторый период восстановила свою власть на территории Восточного Туркестана, временно активизируются связи Средней Азии с Китаем. Известен ряд посольств, прибывших туда из Кангюя и Давани; в 285 г. царь Давани даже получил инвеституру от китайского императора, хотя из этого, конечно, нельзя делать вывода о какой-либо его зависимости.

Но это свидетельство стремления обоих сторон к установлению прочного контакта; следует напомнить, что и в этот период из Давани в Китай поступали чрезвычайно высоко ценившиеся там «потокровные» лошади.

Мы не имеем в письменных источниках почти никаких данных о Средней Азии, относящихся к первой половине IV в., за исключением смутных указаний на какие-то восстания и столкновения, происходившие у северо-восточных окраин Ирана, занимавшего в это время только оборонительную позицию, стремясь сохранить за собой Хорасан и Прикаспийские области. Возможно кушанские государства, пользуясь ослаблением Сасанидов, делали попытки расширить свои владения на западе и именно с ними связаны были эти столкновения; однако кушаны были очень слабы и никаких реальных последствий эти локальные события не имели.

В это время, как свидетельствуют последующие события, продолжалось нарастание и углубление внутреннего кризиса, которое привело к дальнейшему ослаблению среднеазиатских государств и создало благоприятную обстановку для активизации кочевников.

В китайских источниках сообщается о завоевании хунну области Судэ [1]; по косвенным данным это должно было происходить около середины IV в. Судэ, ввиду противоречивости указаний источников о его географическом положении, локализуется разными исследователями различно. Одни видят в ней область, лежащую далеко на западе, и считают данное сообщение свидетельством в пользу идентичности хунну и гуннов; другие помещают Судэ в Приаралье, третьи ищут ее в долине Зеравшана, в Согде. Первая точка зрения должна быть признана наименее обоснованной, но в то же время нет возможности определить, какая из двух других более правильна. Вероятно, в сообщении китайских источников слиты воедино известия о различных событиях, произошедших на разных территориях.

Но каково бы ни было решение вопроса о местонахождении Судэ, связанные с ней известия китайских источников свидетельствуют о вторжении около середины IV в. в Среднюю Азию каких-то групп кочевников с севера или востока. Ход событий нам неизвестен, но уже в 50-х годах IV в. Ирану приходится отражать атаки кочевников — хионитов на своих северо-восточных границах. Проникновению их столь далеко на юг должно было предшествовать завоевание какой-то части земледельческих областей Средней Азии. В первую очередь удары кочевников, очевидно, испытали Кангюй и Давань, затем последовала очередь Согда и северной Кушанской империи. По данным китайских источников, набеги жужаней (в другом случае фигурируют хунну) заставили царя больших юечжей Цидоло уйти на запад и переменить свою резиденцию [2]; это, очевидно, было связано с потерей им частей территории в пределах Средней Азии. Цидоло известен нам и по монетам, где его имя звучит как Кидара — царь кушан; по нумизматическим данным, он правил во второй половине IV в. и, очевидно, был частично современником сасанида Шапура II (309—379 гг.).

С середины IV в. начинается длительный, более чем столетний период, характеризующийся усилением политической роли кочевников, создававших различные временные, непрочные объединения и неоднократно вступавших в ожесточенную борьбу с сасанидским Ираном. По-видимому, процесс проникновения кочевников в пределы земледельческих областей Средней Азии был сравнительно длительным и имел два этапа. Были периоды усиления создаваемых ими объединений и периоды, когда последние распадались; это позволяло формироваться и укрепляться небольшим владениям, возникавшим в пределах отдельных оазисов.

Сложность событий, происходивших в рассматриваемый период на территории Средней Азии, нашла свое отражение в противоречивости данных письменных источников и прежде всего в неустойчивости наименования ими отдельных групп кочевников и создававшихся ими объединений. Мы встречаем сравнительно большое число названий — хиониты, белые гунны (часто просто гунны), кидариты, эфталиты и др., причем употребляются

[1] *Н. Я. Бичурин.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М., т. II. 1950, стр. 260.

[2] Там же, стр. 264 и 266.

они чаще всего параллельно. В то же время разные авторы, говорящие об одних и тех же событиях, нередко употребляют различные наименования. Это в сочетании с общей ограниченностью сведений по данному периоду сильно затрудняет возможность обрисовать ход событий в достаточной полноте. Многое остается неясным и решается только предположительно. Однако можно считать твердо установленным, что в источниках при описании событий, происходивших в Средней Азии, имена гуннов, или белых гуннов, употребляются только как собирательные, но не как племенные или этнические. Прямые указания в текстах свидетельствуют о восприятии современниками этих «гуннов» как резко отличных от собственно гуннов запада по внешнему облику, образу жизни и общему уровню развития культуры. Приложение настоящих названий к негуннским группам племен следует объяснять совпадением времени появления их в Средней Азии с вторжением последних в Европу. Кидариты и эфталиты являются наименованиями производными от родовых или личных имен царей или предводителей, сыгравших, по всей видимости, поворотную роль в событиях рассматриваемого времени.

Во многом неясным остается название хиониты, носящее с лингвистической точки зрения столь архаический облик, что делались предположения о переносе древнего уже книжного названия на какую-то группу племен, реально существовавшую в IV—V вв. Однако нумизматические данные показали, что оно было в данный период самоназванием, сохранявшимся сравнительно большой промежуток времени. Таким образом, есть все основания видеть в хионитах этническое наименование, которое охватывало, судя по всему, целую группу племен.

Наиболее сложным является вопрос о взаимоотношении двух названий — хиониты и эфталиты, из которых второе появляется в источниках позднее первого и, несомненно, связано с пришельцами из Центральной Азии, известными китайским источникам под названием хуа. Р. Гиршман [1], подвергший этот вопрос тщательному исследованию, пришел к выводу, что оба названия являются лишь разными наименованиями одной и той же группы племен; основными доводами в пользу этого служат предлагаемые им чтения легенд на монетах, в которых он находит, в частности, «Эфтал царь хионитов». Эта точка зрения, получившая за последнее время довольно широкое признание, является однако только рабочей гипотезой, позволяющей хорошо согласовать многие противоречивые данные, но все же не устраняющей все неясности. Тождество хионитов и эфталитов не может считаться доказанным, так как предлагаемые Р. Гиршманом чтения легенд на монетах вызывают во многих случаях сомнения.

Из всех имеющихся в нашем распоряжении данных наиболее достоверными и полноценными должны быть признаны сведения, сообщаемые китайскими источниками. Авторы их знали о событиях, происходивших на территориях, лежавших за пределами сферы осведомленности авторов

[1] *R. Ghirchman*. Les Chionites — Hephtalites. Paris, 1947.

западных источников, отражающих главным образом лишь отдельные факты, связанные со столкновениями между Ираном и его соседями. Учитывая эти сведения, хионитов и эфталитов следует отличать друг от друга.

Появление хионитов в южной части Средней Азии, как указывалось выше, относится к началу 50-х годов IV в.; откуда они пришли, пока остается неизвестным, хотя есть основания связывать их с Приаральем и степями севернее Кангюя. Этническая принадлежность собственно хионитов не вызывает сомнений: это были ираноязычные племена, о чем свидетельствует как их само название, так и те имена предводителей, которые сохранили источники. Но, несомненно, вместе с ними пришли также другие племена, принадлежавшие, возможно, к числу тюркоязычных. С большой долей вероятности это можно предполагать о племенах чол, обосновавшихся в Прикаспии.

Хиониты, очевидно, выступили против сасанидского Ирана в союзе с кушанами и натиск их был настолько силен, что Шапуру II лишь ценой больших усилий и значительных потерь удалось его сдержать. Борьба кончилась в 357 г. заключением мира и даже союза: Шапур II, предложив предводителю хионитов участвовать в походе на запад, сулившем богатую добычу, достигал двух целей — отводил от себя опасность новых вторжений и приобретал в лице своих бывших врагов дополнительные военные силы для борьбы с Византией. Хиониты приняли активное участие в военных действиях на западе, в частности, при осаде Амиды (359 г.), где погиб сын их предводителя.

Изменение взаимоотношений между хионитами и Шапуром II, судя по нумизматическим данным [1], отразилось на положении кушан, которые оказались одинокими в борьбе с Ираном, и поэтому вынуждены были временно признать над собой верховную власть последнего. Какой-то небольшой промежуток времени Шапур II даже чеканил монеты с легендами на местном шрифте, предназначенные для обращения в пределах кушанских земель.

Кидара, видимо, еще ранее потерял часть своих владений, лежавших севернее Аму-Дарьи, при появлении хионитов. Однако вскоре ситуация изменилась: кушаны оказались достаточно сильными для того, чтобы нанести несколько поражений Сасанидам и предпринять успешный поход в Северную Индию.

В конце 60-х и начале 70-х годов IV в. по вполне достоверным известиям одного из армянских авторов[2], Шапур II дважды предпринимал походы против великого царя кушан, имевшего резиденцию в Балхе, но оба раза потерпел неудачу. При этом первая война была начата кушанами, что, по-видимому, знаменует собой прекращение временной зависимости Кидары от Ирана.

О походе Кидары на юг сообщают китайские источники и при этом

---

[1] *M. Martin.* Coins of Kidara and the little Kushans. JASB, t. III, 1937, стр. 29.

[2] *Фавстос Бузанд.* История Армении, кн. V. Ереван, 1953, стр. 183.

непосредственно после указания о переносе им резиденции в г. Боло из-за набегов жужаней (или хунну). И. Маркварт[1], а за ним ряд других исследователей, учитывая, что в тексте указывается расстояние этой новой резиденции в 2100 ли на запад от Фудиша, искал ее в Прикаспии. Однако это невозможно, ибо на данной территории обосновались уже группы пришельцев с севера и путь туда был прегражден хионитами. Речь явно идет о переносе резиденции откуда-то с севера в Балх; расстояние же указано ошибочное, что встречается нередко в китайских источниках того времени. Из Балха Кидара двинулся на юг и завоевал пять владений, лежавших севернее Гандхары, а также Пешвар, где назначил правителем своего сына.

Внезапное усиление кушан можно объяснить только тем, что они сумели снова найти поддержку у хионитов, видевших в Иране и североиндийских областях удобные объекты для обогащения. С их помощью Кидара, вероятно, завоевал даже прикаспийские области, ибо позднее обитавшие здесь гунны именуются в источниках кидаритскими; в то же время на этой же территории фигурируют и хиониты.

Военные действия хионитов и примкнувших к ним других племен охватили весьма обширную территорию вплоть до северных границ Индии и сопровождались грабежами и опустошениями. Это нашло свое прямое отражение в иранских источниках, в которых они стали даже врагами легендарного Виштаспы и Зороастра, т. е. символом наиболее враждебных Ирану кочевых соседей. Имеются данные о том, что существовали две группы хионитов — белые и красные, причем это деление как будто не связано с территориальными различиями. Вероятно, мы имеем здесь обычное деление на два «крыла», которое засвидетельствовано для многих кочевых племен как более раннего, так и более позднего периода.

Представляя собой, несомненно, грозную военную силу, хиониты в то же время не сумели создать сколько-нибудь прочного объединения, позволившего бы им установить свое господство в земледельческих областях на длительный период. Для Средней Азии появление их ознаменовало только разрушительное, но кратковременное вторжение, нанесшее сильный удар ослабленным внутренним кризисом государствам. Перспективы обогащения за счет грабежа увлекли хионитов дальше на юг — к границам Ирана и в бывшие кушанские владения, а затем и далее к пределам Северной Индии. Лишь отдельные, но сильные группы их обосновались в пределах Средней Азии, главным образом на южной окраине ее и, в частности, в Прикаспии.

Государство, возникшее в Судэ (как можно предполагать вернее в восточном Приаралье, чем в Согде) не смогло стать объединяющим центром, вероятно, ввиду того, что именно сам факт его появления послужил одним из толчков для ухода хионитов на юг. Обосновавшаяся там династия

---

[1] *I. Marquart*. Eranšahr. Berlin, 1901, стр. 55.

кочевников быстро приспособилась к местным условиям и в дальнейшем наладила активные торговые связи с Китаем. Исследованные на этой территории археологические памятники (городища группы Джеты-асар) показывают, что самобытная культура местного населения устойчиво сохранялась на протяжении почти целого тысячелетия, включая и рассматриваемый период. Некоторые изменения были примерно в V в., когда жизнь в некоторых городищах замирает [1]. Таким образом, археологические данные показывают, что события середины IV в. не привели здесь к существенным изменениям в составе населения. Но в то же время палеоантропологические материалы говорят о проникновении сюда представителей монголоидного расового типа. Были ли это завоеватели, которых китайские источники именуют хунну, или же это отражение процесса инфильтраций новых этнических элементов с соседних, более восточных территорий — установить в настоящее время еще невозможно. Однако у нас нет оснований связывать появление монголоидных элементов в населении Приаралья и вообще в Средней Азии с хионитами, которые по своему расовому типу были европеоидами, как свидетельствует описание их Аммианом Марцеллином. Археологические памятники хионитов не удается выделить с достаточной уверенностью даже на тех территориях, где они, несомненно, имелись в значительном количестве. Следовательно, они в культурном отношении мало чем отличались от местного кочевого населения.

Вторжение хионитов вызвало глубокие потрясения в земледельческих областях Средней Азии и нанесло сильный, может быть, даже решающий удар Кангюю и Давани, ускорив их окончательный распад. В судьбе кушанского государства хиониты, видимо, сыграли иную роль, явившись той внешней поддержкой, которая позволила Кидаре и его преемникам бороться с внутренними затруднениями путем экспансии.

В начале V в. на территории Средней Азии появляется новая группа кочевых племен, среди которых весьма значительную часть, если не основную массу, составляли выходцы из Центральной Азии. В источниках, в основном их называют эфталиты, но подлинное название ведущей группы племен было, по китайским данным, хуа. Изменение названия, обусловлено определенными историческими событиями и засвидетельствовано как прямыми, так и косвенными данными источников. Первоначальные места обитания хуа указываются весьма неопределенно — севернее Великой стены и южнее Юзинь-шаня, т. е. Алтая [2]; ряд косвенных данных указывает на то, что искать их следует где-то в северной части Восточного Туркестана. Дата и обстоятельства ухода их на запад нам точно неизвестны, но произошло это во всяком случае не раньше рубежа IV и V вв., вероятнее всего в первом десятилетии V в. Причину его следует искать в усилении жужа-

---

[1] *С. П. Толстов.* Археологические работы Хорезмской археологоэтнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951. СА, XIX, 1954, стр. 261.

[2] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. II, стр. 268.

ней в это время. Переселение носило характер массовой миграции, так как источники указывают на большое количество (около 100 тыс.) эфталитов на западе в пределах их новой территории.

Эфталиты-кочевники, как отмечают единогласно китайские источники, обитали в войлочных юртах и передвигались со скотом в поисках воды и хороших пастбищ. Они считались хорошими стрелками из лука и отличались храбростью и жестокостью. Своей письменности и упорядоченной (с точки зрения китайцев) системы управления они не имели.

Уровень общественного развития эфталитов был сравнительно низок: у них сохранялись пережитки, свойственные еще доклассовому обществу. Так, в их среде господствовала полиандрия, которую источники объясняют малочисленностью женщин. Братья имели одну общую жену, причем их числу соответствовало количество «рогов» или углов в ее головном уборе. К архаическим чертам относится также отсутствие строгого принципа наследования предводителей: наследником становился наиболее способный в господствующем роде.

Но в то же время общество эфталитов, несомненно, было уже классовым. Об этом свидетельствует различие погребальных обрядов, основанное на имущественном принципе. Бедных зарывали просто в землю, при погребениях же богатых возводились какие-то каменные сооружения (курганы или постройки — это неясно). С умершими клали все вещи, которые находились в его личном пользовании. Свидетельством наличия классового расслоения является также исключительная суровость наказаний за преступления: за любую кражу виновный подвергался казни, а украденное возмещалось пострадавшему в десятикратном размере.

Относительно религиозных представлений эфталитов известно, что они поклонялись духам земли и огня; ежедневно им совершалось поклонение на пороге юрты, всегда обращенной входом на восток. При похоронах устраивалось гадание с целью определения удачного момента для совершения их. После смерти отца или матери сыновья отрезали себе ухо (вероятно, не целиком, а лишь мочку его). Из этнографических особенностей по источникам известно следующее: эфталиты обычно срезали все волосы на голове и носили длинные одежды с короткими рукавами. Этническая принадлежность эфталитов не может еще считаться твердо установленной до настоящего времени. Источники дают противоречивые сведения относительно родственности их с другими племенами: одни считают их особой группой больших юечжей, другие — ветвью чеши или гаогюй. О языке эфталитов сообщается, что он отличается от языков гаогюй, жужаней и других варваров, но указания на сходство с каким-либо иным не дается. Если исходить из этих данных о языке, которые, несомненно, надежнее, чем сведения о «происхождении», нет оснований предполагать тюркоязычность эфталитов. Целый ряд моментов — характер языка легенд монет и документов эфталитского времени, найденных в Восточном Туркестане, известные нам имена царей и предводителей позволяет предполагать с значительной долей уверенности, что они были ираноязычны.

Однако состав пришедших с востока племен, несомненно, был этнически неоднороден и в числе их, наряду с главной массой ираноязычных, весьма вероятно были и отдельные группы тюркоязычных, примкнувших к ним в период переселения. Мы не знаем, по какому пути шло это переселение и какими событиями оно ознаменовалось в степной и земледельческой полосе Средней Азии. Но последующие события указывают, что это было кратковременное вторжение аналогичное хионитскому, и конечной целью его были не оазисы Средней Азии, а сасанидский Иран. Возможно, что последнее было во многом обусловлено дипломатическими ходами кушан, старавшихся отвести от себя угрозу нашествия.

Согласно иранской официальной версии, по свидетельствам арабо- и персоязычных авторов, в 420 г. в Иран с северо-востока вторглась огромная масса кочевников. В большинстве источников их называют тюрками, что является, бесспорно, анахронизмом, возникшим вследствие того, что именем тюрков в это время обычно заменяли все другие этнические названия; однако в данном случае речь, очевидно, идет об эфталитах. По одной версии они опустошили лишь часть Хорасана и остановились у Мерва, по другой — доходили даже до Рея. Правивший в это время Ираном царь Варахран V предпочел не вступать сразу же в борьбу с ними, а дождаться более благоприятной ситуации: он ушел в Азербайджан якобы на охоту и создал видимость того, что не озабочен создавшимся положением, хотя следил за всем через своих лазутчиков. Знать поспешила, вероятно, с ведома царя вступить в переговоры с кочевниками в результате которых предводитель их, надеясь на обещанный богатый выкуп, прекратил набеги и ограбление иранской территории. Тогда неожиданно появился Варахран V с отборным войском и нанес им сокрушительное поражение у Мерва или Кушмейхана. Предводитель тюрков якобы был убит самим Варахраном V, а весь лагерь и сокровища попали в руки персов. В числе добычи упоминаются корона и украшенный драгоценными камнями меч и различные драгоценные камни, которые были отправлены в дар храму огня, находившемуся в Шизе, туда же в качестве прислужницы была отослана жена убитого предводителя. После этого Варахран V захватил страну тюрков и назначил в ней своего марзпана; соседние же народы поспешили изъявить покорность и попросили установить твердую границу. Это было выполнено, и в качестве разграничительного знака соорудили башню. Далее, по сообщению источников, Варахран V направил за Аму-Дарью одного из своих военачальников, вынудившего местных жителей выразить покорность и платить дань Ирану. Закончив войну, Варахран V возвратился на запад, оставив в качестве наместника Хорасана с резиденцией в Балхе своего брата Нерсе[1].

---

[1] Annales quos scripsti Aby-Djafar Muhammed Ibn Djarir at Tabari. Cum aliis edidit M. J. De Goeje, I—III. Lugduni Batavorum, 1879—1901, стр. 863 и сл.; *Al-Tra'âlibi.* Histoire des rois de Perse par Aboû — Mansoûr'Abd Al — Malik ibn Mohammed ibn Isma'il. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900, стр. 538 и сл.

Такое изложение событий, несомненно, тенденциозно, особенно в части, касающейся завоеваний Варахрана V. Безусловно, недостоверным является утверждение о перенесении резиденции наместника Хорасана в Балх, ибо последний был в руках кушан. Сомнительной является также достоверность подчинения каких-либо территорий севернее Аму-Дарьи; но если это и имело место, то лишь на очень краткий период. Установленная после победы граница проходила на территории, лежащей южнее Аму-Дарьи и разделяла, по-видимому, Иран и владения преемников Кидары. Принято считать, что граница проходила у Талакана и Мерверруда, превращенного Варахраном V в важный укрепленный пограничный пункт. Остатки разбитых эфталитов ушли куда-то на восток (возможно, в Бадахшан), так как через три десятилетия места их обитания были отделены от Ирана территорией, подвластной кушанам, которые, очевидно, пропустили эфталитов, надеясь использовать в своих интересах, как ранее хионитов.

К началу V в. в политической карте Средней Азии происходят коренные изменения, явившиеся следствием окончательного распада прежних крупных государств. Появляется большое количество небольших владений, многие из которых представляли собой только крупный населенный пункт с его окру́гой. Новая политическая карта почти повсеместно повторяет естественно-географическое членение земледельческой полосы Средней Азии на отдельные оазисы и небольшие области, связанные с водными артериями и крупными ирригационными системами. Это было результатом формирования отдельных, экономических замкнутых и в значительной мере обособленных друг от друга областей на базе прогрессирующей натурализации хозяйства. Центр тяжести экономической и политической жизни переместился в сельскую местность, а это повлекло за собой запустение многих городов и крупных селений. В каждом владении возникал свой локальный экономический и политический центр, который во многих случаях затем постепенно превращался в город. Часть прежних городов, ставших центрами владений, пережила лишь период временного упадка, а затем продолжала развиваться в новых условиях.

Источники не дают подробного описания Средней Азии этого времени, а упоминают лишь часть владений, из которых даже не все могут быть точно локализованы. Вместо Кангюя в них фигурирует Чжеше, название в котором без труда можно узнать передачу названия Чач—области на среднем течении Сыр-Дарьи (совр. Ташкентский оазис). На месте Давани появляется владение Полона с центром в г. Гуйшане; Полона является, несомненно, передачей названия Фергана, а Гуйшань — названия Касан.

В долине Зеравшана известен целый ряд мелких владений того времени: Сиванцзинь — Самарканд, Шечжисянь — Иштихан, Цязбудань — Кабудан и Нюми — Бухарский оазис; юго-западнее последнего находилось владение Моучжи, в котором вероятнее следует видеть Амуль (около совр. Чарджоу). Западнее Нюми находились Афутайхань, Цзаоцзячжи, которые локализовать не удается и Хусыми (совр. Хорезм). Очевидно искать их следует где-то на Аму-Дарье южнее Хорезма. В пределах современной

Кашка-Дарьинской области существовали два владения: Цзяшени-Кушания (Кеш) и Ношеболо-Нехшеб. Между Кашгаром и Самаркандом (вероятно, на пути между ними) находились — Мими и Чжечжиба, местоположение которых, однако, неясно. Возможно, что первое из них следует искать в южной части Ферганы. Большинство этих владений, не изменяя названия, существовало и в дальнейшем на протяжении сравнительно большого промежутка времени.

С 30-х годов V в. большинство мелких владений Средней Азии устанавливает прочные и регулярные торговые и дипломатические связи с Китаем, которые поддерживались с небольшим перерывом вплоть до VIII в. включительно.

Через Среднюю Азию проходили важные торговые пути, по которым шел обмен товарами между Ираном, с одной стороны, и Китаем — с другой. Согдийцы и вообще жители среднеазиатских областей играли в этой торговле ведущую роль, что, естественно, способствовало проникновению в их среду многих элементов культуры других стран и, в частности, распространенных там религий. В IV—V вв. на территорию Средней Азии проникает христианство и манихейство, причем последнее в значительно большей степени, чем первое. Обусловлено это было, в первую очередь, тем, что манихейство преследовалось в Иране и часть приверженцев его была вынуждена искать убежище за Аму-Дарьей.

В середине V в. начался новый этап экспансии Сасанидов на востоке, результатом которого были события, сыгравшие значительную роль в истории не только Ирана, но и Средней Азии. Ездегерд II (439—456 гг.) в 442 г., ставя перед собой широкие завоевательные цели, предпринял ряд походов на владения кушан. По его приказу в Хорасане было собрано большое войско, в которое вошли также отряды кавказских стран. После двухлетней безуспешной войны с кушанами, приходилось ежегодно менять поредевшие вспомогательные контингенты. Война настолько затянулась, что Ездегерд II был вынужден построить город и устроить в нем временную резиденцию. Лишь в 449 г. ему удалось одержать победу, которая сопровождалась опустошением целого ряда вражеских областей [1]. Завоевательные походы Ездегерда II против соседей, по данным одного из источников, проходили на территории Прикаспия и направлены были против племен чол, судя по всему, подчиненных или союзных кушанам.

В 450 г., собрав большую армию, Ездегерд II двинулся опять против кушан. Ввиду многочисленности персидского войска, кушанский царь не решился дать бой и отступил в труднодоступную пустыню. Ездегерд II опустошил ряд подвластных кушанам областей, захватил много крепостей и большое число пленных; в ходе наступления он дошел до области занятой эфталитами. Очевидно, здесь его продвижение остановилось.

---

[1] *V. Langlois.* Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II. Paris, 1869, стр. 185 и сл.

В 454 г. Ездегерд II предпринял еще один поход на восток. Войска были собраны около Шишапура, откуда он двинулся к границам кушанских владений. Благодаря измене находившегося в персидском войске царевича племени хайлантурк царь кушан сумел во время подготовиться к встрече врагов. Узнав, что персидское войско превышает по численности его военные силы, он счел благоразумным не вступать в открытое сражение. Вначале отступив, он затем внезапно напал на арьергард персидской армии и полностью разбил его; далее кушанский царь измотал непрерывными внезапными нападениями основные силы Ездегерда II и вынудил его к отступлению. Преследуя персидское войско, кушаны вторглись в подвластные Ирану области и разграбили их.

Таким образом, многолетняя борьба Ездегерда II с кушанами закончилась только какими-то территориальными приобретениями в Прикаспии, которые, судя по последующим событиям, были весьма непрочны. Эфталиты в этот период не принимали открытого участия в борьбе, хотя можно предполагать, что они так или иначе поддерживали кушан, оставаясь в тылу.

Еще более ожесточенный и упорный характер борьба на востоке приняла при Перозе (456—484 гг.). Он пришел к власти, свергнув при помощи кушан или эфталитов своего брата Хормизда (данные источников тут расходятся). Но как только власть Пероза в Иране укрепилась, он начал проводить активную наступательную политику против своих бывших союзников. Сведения о его многочисленных войнах, которые сообщаются разными источниками [1], часто носят отрывочный характер и не всегда согласуются друг с другом. Но, судя по всему, на первом этапе борьба шла в Прикаспии, а частично на границах Хорасана и Бактрии. После смерти Ездегерда II, подчиненные им племена (источники их именуют кидаритами) в Прикаспии отделились и отказались платить дань Сасанидам. Пероз начал с ними ожесточенную борьбу, которая, естественно, сразу же привела к столкновению с царем кушан, которому эти племена номинально или фактически были подчинены. Война шла с переменным успехом около десятилетия и закончилась в итоге победой Ирана.

В результате военных поражений кушанское государство быстро распалось и выдвинулись на первый план эфталиты. Господствующая верхушка и земледельческая аристократия среднеазиатских владений, увидела в успехах Пероза реальную угрозу для себя и поспешила заключить союз. Прокопий Кесарийский описывает эфталитов как оседлых жителей плодородной страны; однако, по данным китайских источников, эфталиты в это время, несомненно, были в подавляющей массе кочевниками. Это непримиримое противоречие может быть объяснено только тем, что эфталиты действовали в тесном контакте с населением земле-

[1] *V. Langlois.* Указ. соч., стр. 334 и сл.; «The syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene». Trans. by F. J. Hamilton and E. W. Brooks. London, 1899, стр. 151 и сл.

дельческих областей, которое даже воспринималось как основная противостоящая Сасанидам сила.

Первая же попытка Пероза продолжить свои завоевания на востоке окончилась полнейшей неудачей: его войско погибло, а сам он попал в плен к эфталитам и вынужден был заплатить им громадный выкуп, а также дать письменное и клятвенное обязательство не нарушать мира. При этом, ввиду невозможности сразу же уплатить выкуп, он был вынужден оставить своего сына Кавада в качестве заложника. Однако после того, как выкуп был отправлен и Кавад вернулся в Иран, Пероз начал готовиться к новой войне. Персы считали эфталитов непобедимыми врагами, так как при первом столкновении с ними потерпели поражение, поэтому новый поход воспринимался не только войсками, но и приближенными царя как сулящий верную гибель. Несмотря на все попытки знати и военачальников отклонить его от рискованного предприятия, Пероз напал на подвластную эфталитам территорию, где потерпел в 484 г. полнейший разгром и погиб сам. Эфталиты вторглись после этого в пределы Ирана и опустошили ряд областей. Преемник Пероза — Балаш был вынужден платить им ежегодную дань, от которой Сасаниды избавились, вероятно, только при Хосрове I. В последующие десятилетия эфталиты активно вмешивались и во внутренние дела Ирана; по-видимому, открытое выступление маздакитов в начале 90-х годов пользовалось в какой-то мере их поддержкой, что и заставило царя Кавада стать на сторону эфталитов. Когда Кавад был свергнут знатью, он нашел убежище у царя эфталитов, а в 499 г. снова восстановил свою власть с помощью эфталитского войска. Это войско некоторое время оставалось в Иране и участвовало в походе на византийские владения в Передней Азии, предпринятом в 502 г.

2

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В VI—VII ВВ.

Результатом событий 484—499 гг. была не только окончательная ликвидация всех попыток Сасанидов расширить свои владения за счет Средней Азии, но и быстрое политическое усиление эфталитов, которые к началу VI в. подчинили себе всю Среднюю Азию и современный Афганистан, часть Северной Индии и некоторые оазисы Восточного Туркестана. Так, возникло обширное эфталитское государство, частично восстановившее в своих территориальных пределах основные границы Кушанской империи. В начале VI в. оно простиралось с востока на запад от Хотана до границ Ирана и с севера на юг от территории, населенной племенами теле до Северной Индии [1]. Образование эфталитского государства завер-

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. II, стр. 269; *E. Chavannes.* Voyage de Song-Yun dans L'Udyana et la Gandhara. BEFEO, t. III, 1903, стр. 404.

шилось около 510 г.; с этого времени единственным представителем Средней Азии и лежащих южнее ее областей в сношениях с Китаем становятся эфталиты.

Эфталитское государство не было централизованным: оно являлось сложным конгломератом кочевых и оседлых племен и народностей, в котором политическая власть принадлежала кочевой знати, опиравшейся, в основном, на военную силу. Отдельные его части пользовались более или менее значительной самостоятельностью, в особенности те племена, которые продвинулись далеко на юг в пределы Северной Индии и Забулистана.

Система управления отдельными областями, входившими в состав эфталитского государства, нам неизвестна. Как сообщают китайские источники, подчиненные эфталитам владения представляли им ежегодно весьма значительную дань, но в какой мере была ограничена их самостоятельность во внутренних делах, мы не знаем. Во всяком случае смены правящих династий в большинстве среднеазиатских владений как будто не было. Политическое деление, сложившееся к началу V в., продолжало существовать и после падения эфталитского государства.

Большая группа эфталитов обитала в начале VI в. в Южном Тохаристане, сохраняя кочевой образ жизни; кочевниками оставались и племена, ушедшие далее на юг. Столицей эфталитского государства в этот период был г. Бадиянь (в китайском переводе подлинное название неизвестно), находившийся где-то около современного Кундуза. Однако глава эфталитского государства жил в столице только три зимних месяца; всю остальную часть года он кочевал, и центром управления на это время становилась его ставка. Осенью 519 г. в этой ставке, находившейся тогда где-то недалеко от Вахана, побывало китайское посольство, направлявшееся в Индию. Из записок одного из участников его Сон Юна [1] мы узнаем, что царь эфталитов обитал в большой войлочной юрте, завешанной внутри коврами. Послов он принял в этой же юрте, сидя на золотом ложе, имевшем четыре фигурных ножки в виде фениксов. Прием сопровождался определенным церемониалом, но чрезвычайно скромным по сравнению с установленным при китайском дворе, в качестве особого недостатка Сон Юн отметил отсутствие оркестра. В ставке находилась также главная жена царя и представители знати с семьями, составляющие свиту.

Шелковые одежды царя и его главной жены были богато украшены. Длинный шлейф главной жены носил за ней специальный человек; головной убор ее был украшен усыпанным различными драгоценными камнями «рогом», с которого спускалось вниз нечто вроде длинной вуали; «однорогие» головные уборы носили и составляющие ее свиту жены знати. В данном случае мы имеем свидетельство того, что у эфталитов в среде знати, в противоположность основной их массе, было распространено многоженство, а не полиандрия.

---

[1] *E. Chavanes*. Voyage de Song-Yun..., стр. 402 и сл.

Если в областях, лежавших южнее Аму-Дарьи, эфталиты оставались в основной своей массе кочевниками, то в Средней Азии они сравнительно быстро стали оседлыми. Об этом мы имеем прямые указания письменных источников. Так, византийский автор VI в. Менандр сообщает, что император Юстин, спросив у прибывших к нему в 568 г. тюркских послов каков образ жизни эфталитов, получил ответ, что они живут в городах [1]. Переход эфталитов к оседлому образу жизни в земледельческой полосе Средней Азии, по-видимому, отражен также в легендарной древней истории Бухарского оазиса, которая изложена в известной «Истории Бухары» автора X в. Нершахи.

Осевшие в отдельных оазисах эфталиты были постепенно ассимилированы коренным населением и в результате этого постепенно растворились в нем. Этот процесс шел сравнительно быстро, так как в VIII в. эфталитов как особой группы населения Средней Азии источники уже не знают. Наибольшее число эфталитов, видимо, осело в пределах Бухарского оазиса и на среднем течении Зеравшана — между Бухарой и Самаркандом. Какое-то небольшое эфталитское племя осело в Хуттале, где его, правда уже как отюреченное, знают источники X в. Оседали эфталиты также в Хорезме, о чем свидетельствует наличие там г. Хайталии.

История эфталитского государства в целом и, особенно, входившей в его состав Средней Азии, в первой половине VI в. очень мало известна. Эфталиты, после восстановления в Иране власти Кавада, сохраняли мирные отношения с Сасанидами, вынужденными платить им определенную дань. Основное внимание эфталитов было сосредоточено на Индии, завоевание которой началось в конце V в. Однако завоеватель Северной Индии Михиракула около 532 г. потерпел решительное поражение в столкновении с коалицией индийских царей, в результате чего большая часть ранее завоеванной территории была потеряна. Эфталитские цари поддерживали постоянные политические и торговые связи с Китаем, продолжая тем самым традицию среднеазиатских владетелей, в частности, династий Согда и Самарканда. Одновременно они сохраняли дружественные отношения и с жужанями, господствовавшими в этот период в Центральной Азии.

Как и все подобные политические объединения, эфталитское государство было непрочно. Союз земледельческих оазисов Средней Азии с кочевниками, возникший в период борьбы с Сасанидами, потерял после событий 484—499 г. свою почву. Политическое усиление эфталитов повлекло за собой переход среднеазиатских владений из союзников в данников, что вызвало серьезные противоречия. Нам известно, что около середины VI в. между знатью земледельческих оазисов Средней Азии и эфталитами возник серьезный конфликт, причины которого, однако, не вполне ясны. По-видимому, он был вызван протекавшим в оазисах Средней Азии процессом постепенной феодализации, который повлек за собой экономическое и политическое усиление местной аристократии.

[1] *Менандр*. В сб. «Византийские историки». Перевод С. Дестуниса. СПб., 1860, стр. 374.

Усилившаяся местная знать, естественно, становилась реальной угрозой для власти эфталитов в оазисах. Последние, очевидно, делали известные попытки ограничить усиление крупных дикханов, об этом свидетельствуют события конца 40-х или начала 50-х годов VI в. в Бухарском оазисе. Как сообщает Нершахи[1], глава пришельцев из Туркестана, т. е. обосновавшихся здесь эфталитов, Абруй совершил незадолго до падения эфталитского государства переворот, вынудивший знать эмигрировать в Семиречье и основать там г. Джамукат. Смысл этих событий, по-видимому, заключается в попытке эфталитов в союзе с обедневшей частью общинников ликвидировать основу могущества аристократии, отняв у нее захваченные знатью земли и возвратить их общинам[2]. Этот конфликт нашел свое отражение в последующих событиях в период борьбы эфталитов с тюрками, когда местные владетели заняли явно нейтральную позицию.

Политическое положение эфталитского государства в середине VI в. также существенно изменилось. Сасанидский Иран с 30-х годов VI в. начал быстро усиливаться, первым следствием чего было прекращение уплаты им дани эфталитам. Однако вступить в открытую борьбу с последними он еще не решался. Появление в 50-х годах VI в. в Средней Азии тюрков во главе с Истеми коренным образом изменило положение: эфталитское государство имело теперь перед собой уже двух врагов, из которых наиболее активным сразу стали тюрки.

Согласно сообщению Нершахи, бухарская аристократия, поселившаяся в Джамукате, обратилась к тюркам с просьбой помочь им свергнуть узурпатора, захватившего власть в оазисе; тюрки согласились и отправили в Бухару войска, которые ликвидировали все последствия переворота. В данном случае, по-видимому, имеется определенное искажение реальных событий, но суть их ясна: тюрки выступали против эфталитов в союзе с аристократией земледельческих оазисов.

Когда начались первые столкновения между эфталитами и тюрками, мы точно не знаем, но ряд косвенных данных говорит, что это была середина 50-х годов VI в. Эфталиты как будто пытались первоначально занять наступательную позицию, но затем отказались от этого намерения. Как сообщают источники, от попыток наступления эфталитского царя Гатафара удержал его советник Катульф, мотивировавший это тем, что на своей земле он будет сильнее, чем на чужой[3]. На первом этапе борьба велась очень нерешительно и тюрки не сумели добиться какого-либо существенного результата. В связи с этим между ними и Ираном начались дипломатические сношения, завершившиеся заключением союза против эфталитов, закрепленного браком между Хосровом I и дочерью тюркского хакана (Истеми).

---

[1] Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy. Texte persan publ. par Ch. Shefer. Paris, 1892, стр. 4 и сл.

[2] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 278. Предлагаемое С. П. Толстовым отождествление главы пришельцев — Абруя с Або-каганом является только гипотезой.

[3] *Менандр.* Указ. соч., стр. 328.

Ход событий, непосредственно приведших к падению эфталитского государства, восстанавливается лишь в общих чертах, ввиду недостатка и известной противоречивости имеющихся сведений. Прежде всего, мы не знаем точно самой даты падения этого государства. Как было установлено в свое время Э. Шаванном, это событие произошло в промежутке между 563 и 567 г.[1] Известное уточнение даты дает факт появления в Китае в 564 г., после длительного перерыва посольства из Судэ. Это указывает на то, что Средняя Азия вышла из подчинения эфталитам в конце 563 или начале 564 г., что, очевидно, явилось следствием падения эфталитского государства.

Согласно традиции, зафиксированной в Шах-наме Фирдоуси[2], решающее столкновение между эфталитами и тюрками произошло вследствие убийства тюркских послов, следовавших в Иран по приказу эфталитского царя Гатафара. Это событие повлекло за собой вторжение огромного тюркского войска на территорию эфталитского государства. Тюрки прежде всего заняли Чач и уничтожили его население. Гатафар спешно собрал все наличные силы у Бухары, но не решился выступить далее на север. Тюрки тем временем перешли Сыр-Дарью, вторглись в долину Зеравшана и сосредоточились около Маймурга. Решительная битва произошла где-то на окраине Бухарского или Кашка-Дарьинского оазиса; она длилась восемь дней и закончилась в конце концов победой тюрков. Непосредственно этим, вероятно, был ликвидирован и эфталитский «узурпатор» в Бухарском оазисе. Остатки разбитых эфталитов бежали на юг, где выбрали в качестве преемника Гатафара (очевидно, убитого в сражении) чаганианского владетеля — эфталита по происхождению — Фаганиша, который во избежание полного разгрома со стороны тюрков, поспешил подчиниться Ирану. Одновременно с тюрками против эфталитов выступил и Хосров I, занявший ряд областей, расположенных южнее Аму-Дарьи.

Дележ «эфталитского наследства» чуть было не привел к началу войны между Ираном и тюрками, причем яблоком раздора явился Северный Тохаристан — место сосредоточения остатков эфталитских войск. Однако в результате переговоров граница сфер политического влияния была установлена по Аму-Дарье, причем Северный Тохаристан остался своего рода буферным владением под властью эфталитов, но на положении данника тюрков.

Эфталиты и созданное ими государство, несмотря на сравнительно недолгое его существование, сыграли в истории Средней Азии значительную роль. Положив конец всем попыткам Сасанидов распространить свою власть на среднеазиатское междуречье, эфталиты обеспечили сохранение ему самостоятельного пути экономического, политического и культурного развития. Созданное ими государство снова политически объединило Среднюю Азию с областями современного Афганистана, что создавало

[1] *E. Chavannes*. Documents sur les Tou-Kiou (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903, стр. 226.

[2] *J. Mohl*. Le livre des Rois. t. VI. Paris, 1877, стр. 245 и сл.

благоприятные условия для укрепления и развития торговых и культурных связей между ними.

После падения эфталитского государства земледельческая полоса Средней Азии снова распалась на целый ряд небольших владений. На территории современной Туркмении наиболее крупное владение составляла долина Атрека; центром его был г. Дихистан (совр. развалины Мешхеди Мисриян). Отдельное небольшое владение составлял Амуль, где правила династия родственная самаркандской. Юго-западнее его лежало еще одно владение, границы которого неясны.

В среднеазиатском междуречье снова отмечаются источниками владения, сложившиеся к началу V в., хотя наряду с ними, вероятно, образовались и некоторые новые. В пределах современной Ташкентской области находилось владение Чач с центром в г. Бинкете. Отдельным владением являлась Фергана со столицей в г. Касане. В долине Зеравшана имелся целый ряд владений с центрами в Пайкенде, Бухаре, Харкане, Кушании, Иштихане, Кабудане, Самарканде и Маймурге. В верховьях Зеравшана находилось владение Буттам, а лежащие севернее горные районы составляли владение, именовавшееся Осрушаной, с центром в г. Бунджикет, местонахождение которого еще не установлено. В Кашка-Дарьинском оазисе сохранилось старое деление на два владения: Кеш и Нехшеб.

На территории Северного Тохаристана, как уже отмечалось выше, первоначально находилось небольшое буферное государство, в котором сохранилась власть эфталитской династии. Однако вскоре оно прекратило свое существование и распалось на ряд более мелких владений: Шуман и Ахарун (южные склоны Гиссарского хребта), Чаганиан (долина Сурхан-Дарьи), Термез, Кабадиан (южная часть долины Кафирнигана), Хутталь (между Вахшем и Пянджем) и ряд других, занимавших очень небольшие территории. В горных областях Припамирья и Памира восстановили свою независимость отдельные племена, не составлявшие каких-либо крупных объединений.

Все владения земледельческой полосы после разгрома эфталитов тюрками вынуждены были платить дань победителям. Однако это не отражалось на их самостоятельности как во внутренних делах, так и в сношениях с другими государствами. Заинтересованность тюрков в развитии торговли, в частности, шелком послужила причиной того, что на известный период между ними и господствующей верхушкой владений среднеазиатского междуречья установился определенный контакт.

Однако развитию этой торговли препятствовала начавшаяся еще в момент ликвидации эфталитского государства вражда между тюрками и Сасанидами, вследствие которой транзит шелка через Иран прекратился. Послы согдийцев во главе с Маниахом попытались в 567 г. добиться от Хосрова I возобновления нормальных торговых отношений, однако безуспешно. Хосров I купил привезенный ими шелк, но демонстративно сжег его. Затем в Иран явилось посольство от тюрков, но также не добилось никакого успеха; более того, почти все послы были отравлены. В связи

с этой неудачей в переговорах с Ираном, согдийцы предложили Истеми вступить в прямые сношения с Византией — основным потребителем шелка. Это предложение тюрки полностью поддержали, так как Византия была, прежде всего, весьма желательным союзником в неизбежно надвигавшемся столкновении с Ираном. В Константинополь было отправлено посольство из согдийцев и тюрков, которое в 568 г. прибыло к месту назначения, пройдя по степным пространствам севернее Каспийского моря и Кавказ; в том же году оно вернулось назад в сопровождении византийского посольства, возглавляемого Земархом [1].

Результаты этого обмена посольствами носили, в основном, политический характер — заключение союза против Ирана и лишь в малой степени способствовали развитию торговых отношений. Новый путь на запад был опасен и, кроме того, Византия в этот период уже начала налаживать разведение шелкопряда у себя в стране, что снижало ее потребность в привозном шелке. Вполне естественно, что при таком положении указанный контакт между тюрками и верхушкой земледельческих оазисов среднеазиатского междуречья быстро потерял под собой почву.

Первым и непосредственным результатом переговоров 568 г. был поход тюрков против Ирана, который имел некоторую предисторию. Дело в том, что Хосров I после ликвидации эфталитского государства сделал попытку расширить свои владения и в пределах Прикаспия. Он послал туда войска, которые вторглись в земли, населенные племенем чол, убили там много жителей и увели множество пленных, которых Хосров I приказал перебить, за исключением небольшой группы, жившей в Азербайджане в г. Рам-Пероз (Ардебиль) [2]. Но это вторжение повлекло за собой, по всей видимости, немедленное появление в Прикаспии тюрков, так как Хосров I был вынужден спешно начать укрепление северной границы Гургана. Здесь была не только отремонтирована возведенная еще Перозом кирпичная стена, но и выстроен ряд дополнительных крепостей. Именно сюда, в Прикаспий к границам Гургана, двинулся в 568 г. Истеми. Как сообщают источники, каган тюрок (т. е. Истеми) потребовал от Хосрова I уплаты ему той дани, которую Иран ранее платил эфталитам, на что, конечно, получил отказ.

Однако тюрки не смогли преодолеть сильно укрепленную северную границу Гургана и скоро ушли назад на север. С этим событием мы имеем основания связывать начало массового проникновения на территорию современной Туркмении тюркоязычных кочевников. По сообщениям ряда источников, тюрки (какие в них не указано) впоследствии проникли и в Гурган, что заставило Сасанидов возвести новую стену — на этот раз по северной границе Мазендарана. Гурган перешел под власть дихистанского владетеля, которого источники неизменно именуют «тюрком». Когда произошли эти события, мы точно не знаем, но во всяком случае до 650 г., когда арабы совершили первый набег на эти области.

---

[1] *Менандр.* Указ. соч., стр. 375—384.

[2] *Tabari,* I, стр. 895—896.

Что касается земледельческих оазисов среднеазиатского меджуречья, то сюда тюркоязычные кочевники первоначально проникали в незначительном количестве. Последнюю четверть VI в. западная группа тюрков, обосновавшаяся в Семиречье, была занята завоеваниями степных пространств, лежащих севернее Каспийского и Черного морей. Вследствие этого никаких попыток установить реальное господство в земледельческой полосе Средней Азии с их стороны в это время не производилось.

Единственным событием, которое повлекло за собой вмешательство тюрков в дела среднеазиатского междуречья было восстание в 581 г. эфталитского правителя Северного Тохаристана, действовавшего в союзе с Хотаном и при активной поддержке со стороны Ирана. Мы не имеем подробных сведений об этом восстании, но последующие события показывают, что оно кончилось неудачей и повлекло за собой появление какой-то группы тюрков в пределах Северного Тохаристана. Именно отсюда в 588 г. тюрки вторглись в номинально подчиненный Сасанидам Тохаристан и дошли вплоть до Герата, где были полностью разбиты иранским полководцем Бахрамом Чубином [1]. Вероятно, это вторжение было ответом тюрков на ту активную поддержку, которую Иран оказал восставшим против них эфталитам.

После подавления указанного восстания эфталитское государство в Северном Тохаристане распалось на ряд упомянутых выше более мелких владений.

В долине Зеравшана к началу VII в., наоборот, складывается сравнительно прочное политическое объединение, со стоявшим во главе Самаркандским владением. Последнему подчинялись также Осрушана и владения, расположенные в Кашка-Дарьинском оазисе. Как возникло данное объединение, мы не знаем, но имеем все основания предполагать, что одной из причин его появления являлась угроза независимости отдельных владений со стороны оформившегося в 582 г. Западно-Тюркского каганата. Территория, занимаемая этим объединением, именовалась Согдом, а возглавлявший его самаркандский владетель носил двойной титул ихшид Согда, афшин Самарканда. Вошедшие в него владения, однако, не потеряли полностью своей независимости, о чем свидетельствуют часто посылаемые ими самостоятельные посольства в Китай.

Объединенные владения среднеазиатского междуречья представляли собой значительную силу, вследствие чего западнотюркский каган Датоу (575—603 гг.) был вынужден закрепить свои позиции родством с самаркандским владетелем.

Первое десятилетие VII в. знаменуется существенным изменением взаимоотношений земледельческих оазисов среднеазиатского междуречья с Западно-Тюркским каганатом, который, потерпев поражение на востоке, начал активизировать свои действия на юге.

В 605—606 гг. тюрки вторглись в Чач, убили местного владетеля

---

[1] *Tabari*, I, стр. 992.

и поставили здесь своего правителя [1]. С этого момента в Чаче прочно устанавливается власть тюркской династии, занявшей однако, по отношению к каганату полунезависимую позицию.

Данные события показали, что над земледельческими оазисами нависла весьма реальная угроза захвата их западными тюрками, в связи с этим владетели Согда начали укреплять свои политические связи с Китаем; это, безусловно, сыграло существенную роль в предотвращении дальнейшей экспансии тюрков на юг. Правда, в непосредственно последовавший за этим период в правлении Тун шеху-кагана тюрки сделали попытку реально подчинить себе владения среднеазиатского междуречья; местные владетели номинально были переведены на положение наместников и к каждому из них был представлен тутун, наблюдавший за его правлением и сбором дани [2]. Тун шеху был вынужден по примеру Датоу выдать свою дочь за самаркандского владетеля, признавшего себя номинально его подданным.

В этот же период тюрки проникли в пределы Северного Тохаристана. Здесь, в Шумане и Ахаруне, к власти пришли тюркские династии; какие-то группы тюрков обосновались в Хуттале и некоторых горных областях, расположенных восточнее.

В 630 г. Западно-Тюркский каганат вступил в полосу глубокого внутреннего кризиса, результатом которого была потеря номинальной власти над соседними оазисами. Сын Тун шеху уже искал убежище в Согде, причем дважды — в 630 и 633 г. Однако начало кризиса каганата имело для земледельческих оазисов и другие, весьма отрицательные последствия. Если наличие в степях относительно прочной власти обеспечивало им, при условии регулярной уплаты положенной дани, безопасность от грабительских набегов, то исчезновение ее сразу же повлекло за собой такие вторжения. В связи с этим уже в 631 г. самаркандский владетель обратился в Китай с просьбой принять его, и, соответственно, все подчиненные ему владения в подданство. Однако император Тай Цзун отказал, ссылаясь на то, что посылать войска для их защиты ввиду дальности расстояния он не может.

Набеги совершали не только отдельные группы тюрков, но и каганы, которых в степи после 630 г. часто бывало по нескольку одновременно. Так, в 642 г. каган Шаболо шеху вторгся во владение Маймург, разграбил его и увел большое число пленных. Особенно частым набегам кочевников подвергалась Фергана, в результате чего в северной ее части в 40-х годах VII в. утвердилась тюркская династия; в южной же части сохранилась власть местной династии.

Период смут в среде кочевников длился вплоть до 658 г., когда китайские войска во главе с Су Динфаном разгромили западных тюрков и номинально подчинили Китаю всю территорию Западно-Тюркского каганата. С этого момента наступила относительная безопасность от грабитель-

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. II, стр. 313.
[2] Там же, т. I, стр. 283.

ских набегов, несомненно, наносивших значительный ущерб экономике земледельческих оазисов.

Все владения среднеазиатского междуречья, за исключением Хорезма, в этом же году признали верховную власть Китая, которая, однако, была чисто номинальной. Правда, при китайском дворе в 659 г. была произведена официальная реорганизация среднеазиатского междуречья на ряд административных округов, в общем совпадающих с фактическим политическим членением, а местные владетели назначены правителями с присвоением им китайских чинов, но все это оставалось только на бумаге. Зависимость местных владетелей от Китая была чисто внешней: в обращении к императорам они именовали себя их подданными, посылали эпизодически ко двору подарки и получали утверждение после прихода к власти. Последнее, как правило, происходило через более или менее значительные промежутки времени после фактической смены на месте, ибо китайский двор часто получал соответствующие данные со значительным опозданием. Единственным случаем вмешательства Китая в дела среднеазиатского междуречья была ликвидация в 659 г. тюркской династии в северной Фергане и объединение всей территории Ферганы под властью старой местной династии.

Номинальное подчинение Китаю, не налагавшее на среднеазиатские владения никаких обязательств, имело для них весьма реальные выгоды, так как этим они ставили себя под защиту китайских войск, расквартированных в Восточном Туркестане.

Исчезновение постоянной угрозы вторжения кочевников, явившихся следствием фактического уничтожения Западно-Тюркского каганата, способствовало постепенному ослаблению политического объединения в среднеазиатском междуречье. Первым, очевидно, выпал Бухарский оазис, где, кроме того, в конце VII в. начал возвышаться новый центр Вардана. Владетель ее вардан-худат выступил на рубеже VII и VIII вв. н. э. в качестве претендента на господство во всем оазисе, чему благоприятствовало то обстоятельство, что правивший в это время бухар-худат Тахшада был ребенком. К этому времени относится подчинение Самарканду Маймурга и Иштихана и в ограниченной степени Кеша и Нехшеба.

Северный Тохаристан в конце VII в. был так же политически раздроблен и, кроме того, отдельные владетели враждовали между собой.

Однако уже в середине VII в. нависла новая опасность иноземного завоевания. В 651 г. арабы достигли северных окраин Хорасана и овладели Мервским оазисом. Преследуемый ими последний Сасинид — Ездегерд III был убит вблизи от Мерва мельником, прельстившимся его богатой одеждой и драгоценностями [1]. Тело его было найдено местными несторианами в реке и предано почетному погребению.

Прочно обосновавшись в Хорасане, арабы вскоре начали предпринимать грабительские набеги за Аму-Дарью и в Тохаристан. Первый крупный рейд в глубину Средней Азии был совершен в 674 г. хорасанским наместником

[1] *Tabari,* I, стр. 2872 и сл.

Убейдуллой ибн-Зиядом. Он дошел до Бухары, которая была вынуждена уплатить ему выкуп [1]. В 676 г. аналогичный набег был предпринят Саидом ибн-Османом, который по-видимому, проник дальше, чем его предшественник — до самого Самарканда, взяв выкуп с него и с Бухары [2]. В 681 г. арабы произвели набег на Хорезм, а затем снова на Самарканд; последовавшая затем попытка дойти до Ходжента окончилась для них поражением [3].

Все эти набеги преследовали только грабительские цели, но, несомненно, показали арабам политическую раздробленность Средней Азии и военную слабость отдельных владений, создававшие благоприятную почву для их захвата. Однако планомерное завоевание началось лишь в начале VIII в., ибо в последние два десятилетия VII в. в Арабском халифате шла внутренняя борьба, обуславливавшая столкновения между отдельными арабскими племенами и в Хорасане.

На протяжении VII в., как уже отмечалось выше, происходило постепенное проникновение тюркоязычных кочевников в некоторые земледельческие области. Наиболее интенсивный характер оно носило в Чаче и северной Фергане, поэтому мы можем считать, что уже в данный период началось постепенное отюречивание оседлого населения указанных областей. Кроме того, по-видимому, и сами кочевники постепенно начинали переходить к оседлости. В долину Зеравшана и Кашка-Дарьинский оазис тюркоязычные кочевники проникали в сравнительно небольшом количестве, но во всяком случае в начале VIII в. какие-то группы тюрков, по данным арабских источников, обитали на окраинах Кашка-Дарьинского и, возможно, Бухарского оазисов. Что касается оседания их здесь в этот период, то об этом мы не имеем пока никаких определенных данных.

Более значительные размеры носило проникновение тюркоязычных кочевников в горные и предгорные районы Северного Тохаристана. Тут, как уже отмечалось выше, в ряде мелких владений в начале VII в. к власти пришли тюркские династии. Однако это само по себе ничего не говорит о количестве обосновавшихся в них пришельцев. Как об этом свидетельствуют источники, относительно большая группа тюркоязычных кочевников обитала лишь в пределах Хутталя (очевидно, в его предгорных районах). Данных, говорящих об оседании их в сколько-нибудь значительных количествах в Северном Тохаристане вообще и в Хуталле в частности, не имеется. В то же время многочисленные указания письменных источников свидетельствуют о том, что тюркоязычные кочевники обосновались в сравнительно большом количестве в Южном Тохаристане и областях, расположенных южнее.

Социально-экономический строй земледельческих оазисов Средней Азии в VI—VII вв. был довольно сложным. В этот период еще сохраняется рабство и определенные пережитки патриархально-родовых связей. Но это

[1] *Tabari,* I, стр. 169—170.
[2] *Tabari,* II, стр. 179.
[3] *Tabari,* II, стр. 394—395.

было уже уходящее прошлое: рабовладельческие отношения потеряли свое господствующее положение и рабство превратилось в уклад. В то же время все более и более четко вырисовывались черты, свойственные периоду становления феодальных отношений.

Сельское население оазисов, как и ранее, жило общинами — родами, во главе которых стояли старейшины, называвшиеся «кедхуда»; власть кедхуды над свободными общинниками носила еще в значительной степени патриархальный характер. Но община уже не была чем-то прочным и единым: она постепенно все больше и больше расслаивалась. С одной стороны, шел процесс экономического усиления аристократических групп, постепенно захватывавших общинные земли и оросительные системы, а с другой — происходило постепенное обнищание значительной части свободных общинников и потеря ими основы существования — земли.

В условиях Средней Азии, где господствовало земледелие, основанное на искусственном орошении, не имевший достаточного количества земли или вовсе лишившийся ее общинник вынужден был итти в кабалу к крупному землевладельцу — дихкану. Свободный общинник постепенно превращался в зависимое лицо — кедивера. По-видимому, одним из основных путей закабаления свободных общинников были издольные аренды.

Процесс концентрации земель в руках дихканства и рост числа кедиверов шел весьма интенсивно: мы имеем данные, говорящие о том, что уже в VI в. большинство земель в пределах Бухарского оазиса составляло собственность бухар-худатов, а значительная часть населения этого оазиса была их кедиверами. Это дает основание предполагать, что уже в VI—VII вв. в Средней Азии шел быстрый процесс создания феодальной собственности на землю, сопровождавшийся процессом перехода свободных общинников на положение феодально-зависимых от дихканов лиц.

В рассматриваемый период у крупных дихканов и владетелей появляется специальная постоянная военная сила в виде отрядов чакиров. Китайские источники сообщают нам о наличиии у среднеазиатских владетелей строевого войска из чакиров, численность которого в разных владениях была неодинакова, но сравнительно невелика (не более двух тысяч человек). Опираясь на эти отряды, дихканы и владетели могли держать в своих руках земли и оросительные системы, что ставило землевладельческое население в зависимость от них.

В VII в. мелкие дихканы уже не были полностью независимыми от крупных дихканов и владетелей. Они несли определенную службу при дворах крупных феодалов, а в случае возникновения войны с соседними владетелями или внешними врагами, составляли аристократическую конницу.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что в указанный период уже существовала определенная феодальная иерархия, а во время происходивших при дворах владетелей церемоний соблюдалось местничество.

К концу VII в. в Согде существовали уже известные представления о рыцарстве, имелся «всадник Согда», который получал это звание

в результате победы в поединке с другими претендентами. Ежегодно, в определенное время на одной из площадей Самарканда ставился стол с кушаньями, предназначенный для этого всадника Согда, и каждый, кто притрагивался к ним, вызывал этим самым его на поединок[1].

Основная масса дихканов жила в замках и цитаделях селений. Замки часто располагались на головных частях каналов и оросительных систем, что усиливало власть дихканов над лежащими ниже селениями, экономическое благосостояние которых полностью зависело от своевременной и достаточной подачи необходимой для орошения земель воды. В горных областях замки дихканов всегда располагались в наиболее выгодных со стратегической точки зрения местах, позволявших господствовать над расположенными в долинах селениями и контролировать ведущие к ним пути.

Город в рассматриваемый период уже характеризовался весьма сложной социальной структурой. В центре города была расположена резиденция крупного дихкана или владетеля, в которой жил не только он, но и группы его родственников и приближенных, а также определенная часть кедиверов и рабов. Вокруг такой укрепленной резиденции располагались жилища-усадьбы мелких дихканов, часть которых уже более или менее постоянно проживала в городах. Тут же находились и жилища купцов, также являвшиеся усадьбами. Купцы составляли весьма многочисленную и влиятельную, благодаря своему богатству, часть населения.

В городах имелись многочисленные храмы, причем они часто принадлежали к разным религиям. Служители всех этих культов составляли привилегированную группу населения, но не являлись сословием как в Иране.

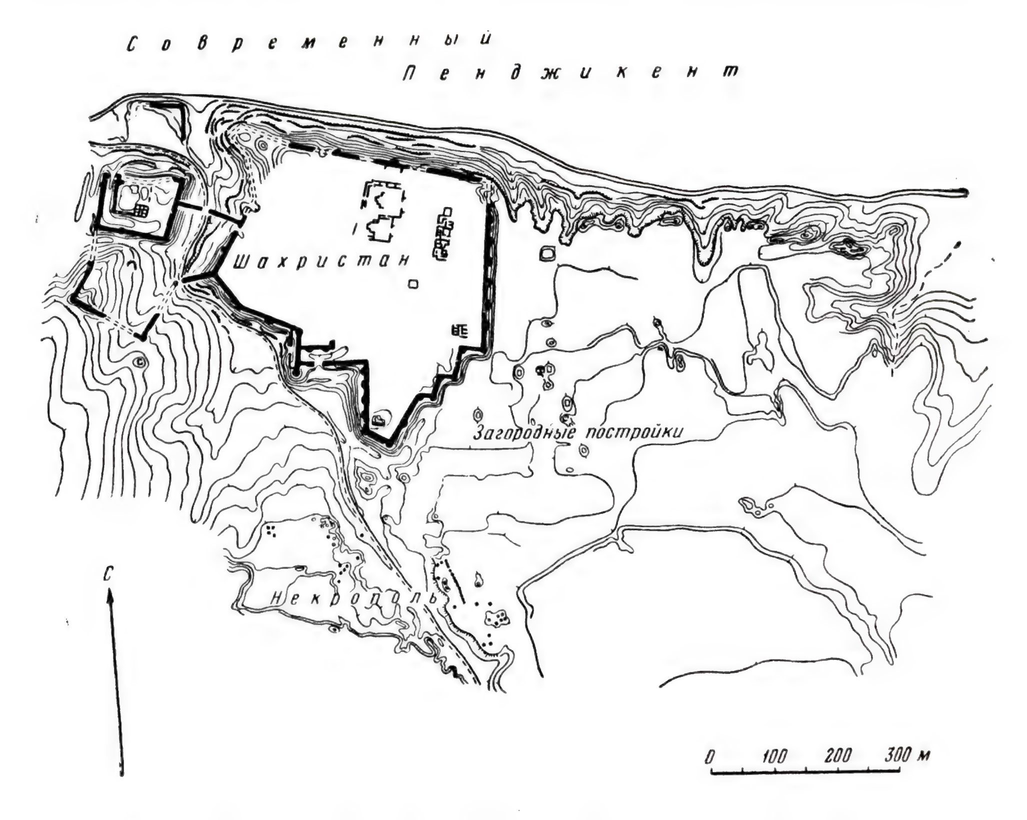
Город был не только резиденцией владетеля или крупного дихкана, но являлся также экономическим и торговым центром определенной округи. В нем находились базары и ремесленные мастерские, в которых изготовлялись различные изделия, предназначенные не только для местного потребителя, но и для вывоза в степи и в другие страны. Многие города, например, как Мерв и Самарканд, являлись крупными узловыми пунктами на торговом пути, связывавшем Дальний Восток с Передней Азией. В этих городах складывались определенные группы населения, обслуживавшие караванную торговлю.

Много данных для изучения города VI—VII вв. получено при раскопках древнего Пенджикента — центра одноименного владения, расположенного в долине р. Зеравшан в 70 км восточнее Самарканда[2]. Это большое городище, занимающее площадь более 19 га, окруженное стенами с башнями (рис. 71). Внутри городища отчетливо прослеживается значительное количество крупных холмов, в которых находятся, как показали раскопки, боль-

---

[1] *Tabari,* II, стр. 1146.

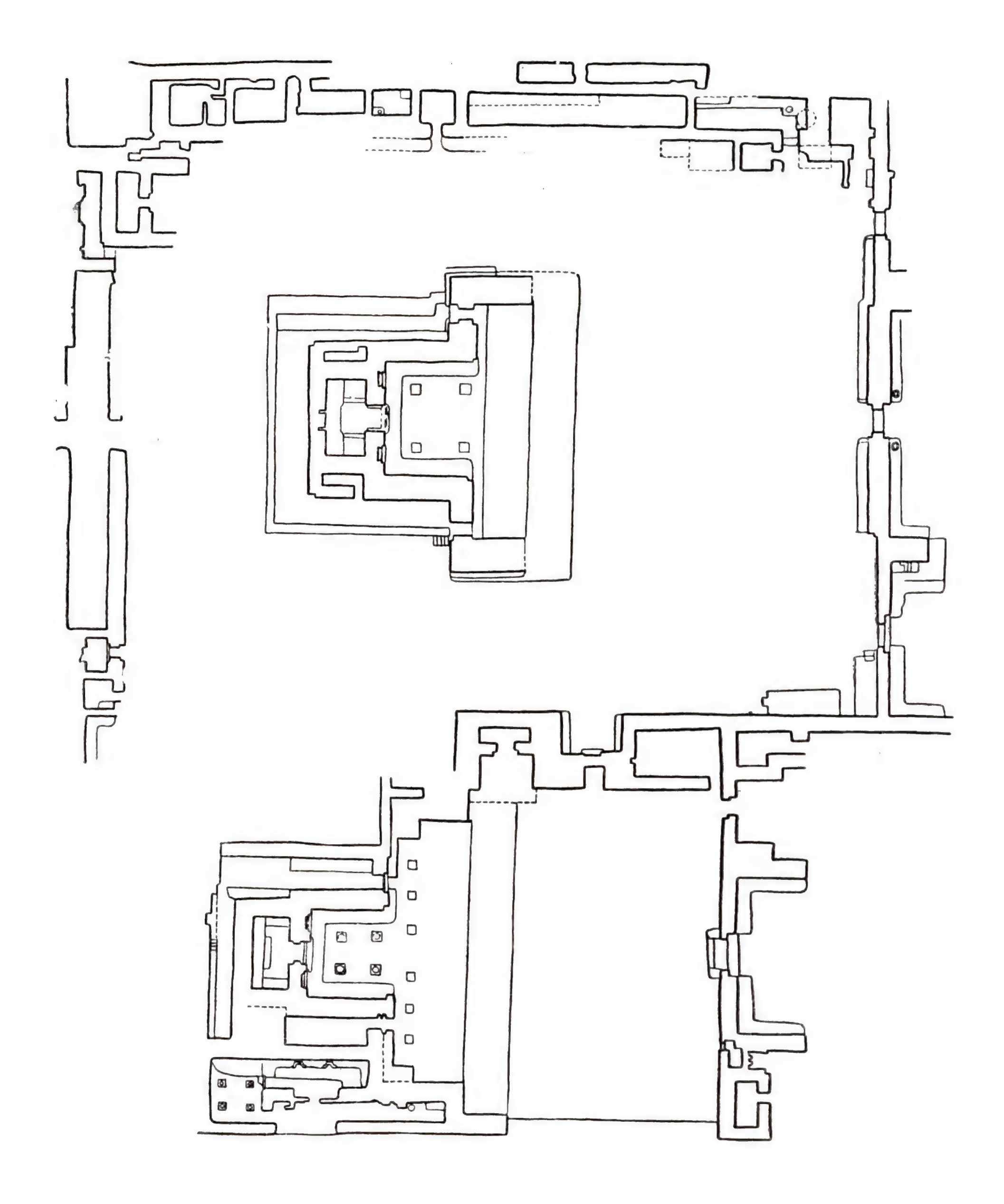
[2] «Тр. Тадж. археолог. экспед.», т. I. МИА, № 15, 1950; там же, т. II. МИА, № 37, 1953; *А. Ю. Якубовский.* Древний Пенджикент. «По следам древних культур». М., 1951; *А. М. Беленицкий.* Раскопки на городище древнего Пенджикента. КСИИМК, вып. 60, 1955.



План городища древнего Пенджикента V—VIII вв. в Таджикистане

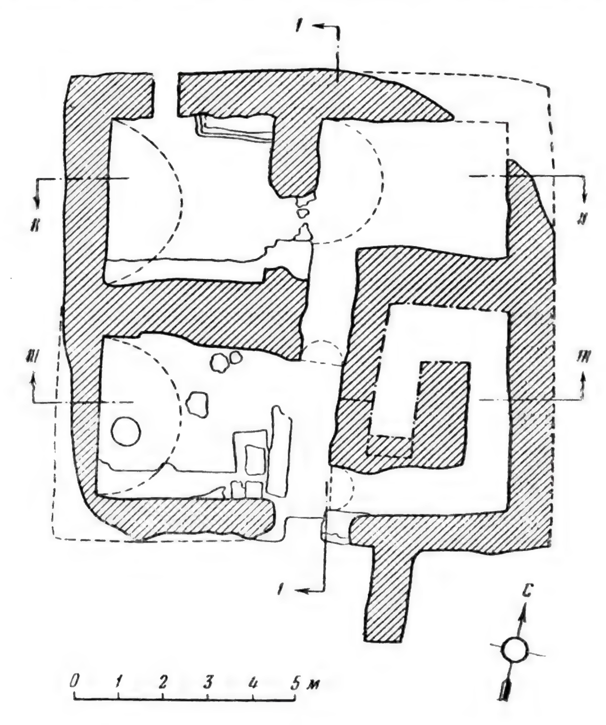
шие постройки из сырцового кирпича и пахсы, имевшие по два, а иногда даже по три этажа. Некоторые из раскопанных строек насчитывают до ста жилых, хозяйственных и парадных помещений, образующих ряд обособленных друг от друга групп. Жилые и хозяйственные постройки обычно невелики по размерам и имеют сводчатые перекрытия; парадные же помещения чаще всего представляют собой большие квадратные в плане залы с плоским деревянным перекрытием, поддерживаемым деревянными колоннами. Эти крупные по своим размерам жилые постройки, больше напоминающие кварталы, чем отдельные дома, возникали постепенно, в результате последовательной пристройки новых групп помещений.

Наряду с жилыми постройками на городище древнего Пенджикента раскопано также два расположенных рядом друг с другом храма, имеющие примерно одинаковую планировку (рис. 72). Оба они состоят из открытого на восток прямоугольного зала, лежащего позади него (западнее) небольшого помещения и обходного коридора, охватывающего их с трех сторон. Перед храмами расположены обширные дворы, по краям которых имеются дополнительные постройки различных размеров и разной планировки, составляющие ограду. Стены залов этих храмов и некоторых помещений были украшены росписями.



0 2 4 6 8 10 12 14 16 18 20 м

План храмов VII в. на городище древнего Пенджикента



План загородной усадьбы древнего Пенджикента

Цитадель древнего Пенджикента расположена на холме, отделенном от городища глубоким оврагом; однако она была соединена с ним крепостными стенами и составляла органическую часть оборонительной системы города. Как показали частичные раскопки, цитадель состояла из жилых построек и обширного двора, окруженных своей особой стеной.

За пределами городских стен на большой ровной террасе имеется ряд небольших жилых построек типа усадеб, в которых, судя по результатам раскопок, жили землевладельцы и ремесленники. В этих усадьбах обнаружены остатки винодельни и стекольного производства представляющих значительный интерес для изучения хозяйства и ремесла раннесредневекового Согда.

Южнее городища расположен некрополь, состоящий из значительного числа небольших квадратных или прямоугольных в плане сооружений со сводчатым перекрытием; в них обнаружены глиняные костехранилища (оссуарии) с человеческими костями, а в ряде случаев также монеты и глиняные сосуды.

Топография древнего Пенджикента имеет уже черты, характерные для средневекового города Средней Азии, для которого, как принято считать, типично деление на три части: цитадель (арк, кухендиз), собственно город (шахристан) и пригород (рабад). Последний имеется здесь только в зачаточном виде — это упомянутые выше усадьбы, лежащие за пределами шахристана и еще не включенные в состав города путем возведения

дополнительной стены. Такое положение должно быть признано вполне естественным, так как развитие пригорода — рабада происходит у городов Средней Азии в несколько более позднее время.

Запустение Пенджикента, как об этом свидетельствуют многочисленные находки, относится ко второй половине VIII в. и было связано с установлением власти Арабского халифата в Средней Азии. Время возникновения его должно быть отнесено к VI в.: этим временем датируются наиболее ранние из обнаруженных к настоящему моменту построек, которые перекрыты сооружениями, твердо датируемыми VII—VIII вв. Вероятно, к первому этапу существования города относится сооружение протекающего около него канала, ныне именуемого Токсан-кариз; он выведен из р. Машан-Дарьи и представляет собой в верхней части подземное сооружение — кариз.

К рассматриваемому периоду относится также ряд других археологических памятников, исследованных на протяжении последних 15—20 лет. Это, прежде всего, резиденция, бухар-худатов в Варахше (30 км от Бухары), имеющая цитадель, возведенную на высоком стилобате, и обширный дворец, подвергавшийся неоднократной перестройке [1]. В этом дворце обнаружены первоклассные образцы стенных росписей и резного штукового декора.

Весьма важным памятником VI—VII вв. является замок Балалык-тепе в долине р. Сурхан-Дарьи, здесь, так же как в Пенджикенте и Варахше, обнаружены великолепные стенные росписи хорошей сохранности. Слои, относящиеся к раннему средневековью, исследованы на городищах Афрасиаб [2] (древний Самарканд), Тали Барзу [3] (недалеко от Самарканда), Кафыр-кала и других памятниках Согда; на территории Ташкентской области произведены частичные раскопки крупного замка этого времени Ак-тепе со сложной и интересной планировкой [4].

Богатейшие материалы, добытые в результате произведенных за последние 15 лет раскопок, свидетельствуют о том, что представления о Средней Азии как о глухой окраине иранского мира, ранее существовавшие как в зарубежной, так и в отечественной науке, должны быть ныне признаны неправильными. Мы имеем все основания говорить, что по уровню развития экономики и культуры Средняя Азия в раннем средневековье не уступала соседним странам, культурное воздействие которых было значительно меньше, чем это представлялось в прошлом до начала археологических работ в больших масштабах; кроме того, мы имеем сейчас достаточные

---

[1] *В. А. Шишкин.* Варахша. СА, XXIII, 1955; *его же.* Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). «Тр. Ин-та истории и археологии АН Уз.ССР», вып. VIII; *В. А. Нильсен.* Варахшская цитадель. Там же.

[2] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950.

[3] *Г. В. Григорьев.* Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940; *его же.* Поселения древнего Согда. КСИИМК, вып. V, 1940.

[4] *А. И. Тереножкин.* Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). «Тр. Ин-та истории и археологии АН Уз.ССР», вып. I, 1948.

основания считать, что и Средняя Азия, в свою очередь, оказывала влияние на своих соседей.

Несмотря на то, что земледельческие оазисы Средней Азии в VI—VII вв. длительное время вынуждены были выплачивать значительную дань сначала эфталитам, а затем Западно-Тюркскому каганату, это был период их экономического и культурного подъема. Широко развитая, сложная ирригационная система обеспечивала высокий уровень земледелия и тем самым прочность экономической базы. Временные, иногда значительные по размерам опустошения, которые являлись следствием военных столкновений и набегов кочевников, быстро ликвидировались и не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на общий уровень развития экономики.

Наиболее возделанными и густо населенными территориями были Хорезмийский оазис и долина Зеравшана, которую (Самаркандское владение) арабы часто сравнивали со сплошным садом.

В хозяйстве населения, наряду с разведением основных полевых культур (пшеницы, проса, ячменя, риса и т. д.), весьма значительную роль играло садоводство и виноградарство. Особенно высокое развитие эти отрасли имели в долине Зеравшана: не случайно в 637 г. два сорта вишен были привезены из Самарканда в Китай и посажены в одном из императорских садов. Весьма характерен и другой факт. В одной из колоний, основанных в первой половине VII в. южнее оз. Лоб-Нор (Восточный Туркестан) в центре города был разбит виноградник, и сам этот город именовался виноградным (в китайском переводе Путаочен). Большую роль играло виноградарство также в Тохаристане, откуда в 647 г. особый сорт винограда был вывезен в Китай. Источники отмечают широко развитое виноделие. Местная знать имела большие запасы вина, хранившегося иногда многие годы.

В небольших размерах в это время было развито также шелководство, занесенное в Среднюю Азию, по-видимому, из Восточного Туркестана. Вследствие этого Средняя Азия являлась не только промежуточным звеном в торговле шелком между Китаем и западными странами, но в известной мере производителем его. Основными центрами шелководства являлись долина Зеравшана, Мервский оазис и Тохаристан.

Наряду с сельским хозяйством население занималось также скотоводством и, в особенности, разведением лошадей, которые как и ранее, славились во всех сопредельных странах. Этих превосходных лошадей местные владетели особенно часто дарили китайским императорам.

Археологические материалы, добытые за последние 20 лет, свидетельствуют о том, что ремесленное производство в рассматриваемый период стояло на весьма высоком уровне развития. Формы организации его еще не вполне ясны, но совершенно очевидно, что, наряду с домашним производством, рассчитанным на собственное потребление, все больший и больший удельный вес приобретало ремесло отделенное от сельского хозяйства. Мы имеем ряд прямых и неопровержимых свидетельств о наличии

Глиняный налеп оссуария из Пенджикента

в VII в. в городах и селениях среднеазиатского междуречья многочисленных специализированных ремесленных мастерских, иногда имевших весьма значительные размеры.

На базе интенсивного хлопководства повсеместно было развито изготовление хлопчатобумажных тканей. Как отмечают китайские источники, одежда основной массы населения была именно из этой ткани, причем по преимуществу белого цвета. Археологические материалы показывают, что изготовлялось по меньшей мере 15 различных сортов тканей, часть из которых отличалась особенной тонкостью и была близка к батисту.

Керамическое производство, следы которого мы встречаем во всех селениях и городах, свидетельствует не только о высоком уровне техники, но и о значительном разнообразии продукции. В глиняной посуде наблюдается полное исчезновение характерных для античного периода бокаловидных сосудов и чаш со слегка вогнутыми внутрь краями и господство новых форм, устойчиво сохраняющихся и в дальнейшем. Новые формы во многих случаях являются подражаниями формам металлической посуды; сходство с последней усиливалось также посыпкой поверхности изделий измельченной слюдой, придававшей ей металлический блеск. Из глины изготовлялась не только посуда, но и костехранилища — оссуарии, многие архтектурные украшения и т. д.

Широкое распространение имело также изготовление металлической посуды — преимуществено блюд, чаш и кувшинов. Как показали последние исследования, значительная часть так называемого сасанидского серебра является произведениями не иранских, а среднеазиатских мастеров. Многочисленные изображения золотых или бронзовых чаш мы видим в росписях древнего Пенджикента, которые показывают, что эти чаши были не декоративными предметами, а широко употреблялись в быту местной знати. На металлической посуде часто имелись надписи с именем владельца. Большое количество этой посуды вывозилось в степные области, лежавшие на север от Сыр-Дарьи; по торговым путям они попадали в весьма отдаленные территории, в частности, в Приуралье.

Значительное развитие имела в рассматриваемый период также обработка дерева, из которого изготовлялись самые разнообразные предметы домашнего обихода и вооружения. Судя по археологическим материалам, существовал ряд специальных инструментов для обработки дерева.

Мы очень мало знаем в настоящее время о других видах ремесла, но по различным археологическим находкам с уверенностью можем говорить,

что и в них имелся значительный прогресс. Несомненно, широко развито было оружейное производство и ювелирное дело. Образцы продукции и того и другого мы имеем в пока еще сравнительно немногочисленных археологических материалах, а также в росписях древнего Пенджикента и дворца бухар-худатов в Варахше. Судя по составу подарков, представляемых среднеазиатскими владетелями китайским императорам, в Согде и других областях изготовлялась роскошная посуда из драгоценных и полудрагоценных камней.

Чрезвычайно большую роль в экономике оседлых оазисов Средней Азии играла торговля. Китайскому паломнику Сюань Цзану, проехавшему в 630 г. через Среднюю Азию, показалось, что половина населения занимается земледелием, а половина торговлей. Здесь, конечно, имеется значительное преувеличение, но факт многочисленности купечества в Средней Азии рассматриваемого периода зафиксирован также рядом других источников. Как и в предшествующие периоды, торговые связи имели два направления: со степью, с Китаем и Ираном. Из земледельческих оазисов кочевники получали продукты сельского хозяйства и те виды ремесленных изделий, которые ими не производились. В первую очередь это были хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, отдельные виды вооружения и различная посуда. Из степи жители оазисов получали скот, кожи и различные продукты кочевого скотоводства. Торговля с кочевниками велась повсеместно на границах оазисов со степными пространствами и горными районами, населенными ими.

Караванная торговля с Китаем, которая началась еще в кушанский период, велась, в основном, жителями владений среднеазиатского междуречья и, в первую очередь, Согда. Через эту территорию проходил основной торговый путь, связывавший Дальний Восток со странами Переднего Востока и Византией. По данным «Описания Западного края», составленного в 606 г., одним из крупных китайских чиновников Пэй Цзюем, караваны шли из Кашгара через Фергану и Осрушану в Самарканд, и отсюда по долине Зеравшана через Иштихан, Кушанию и Бухару к берегам Аму-Дарьи. Переправа находилась около Амуля (совр. Чарджуй), и далее караваны следовали в сасанидские владения (по всей вероятности, первым пунктом остановки был Мерв).

Как уже отмечалось выше, согдийцы в 60-х годах VI в. при непосредственном содействии западных тюрок установили торговые связи с Византией и по другому пути, проходившему через северные степи. Этот путь также отмечен в упомянутом труде Пэй Цзюя, но без подробного указания тех пунктов, через которые он проходил. Однако он играл только второстепенную роль, так как был очень опасен ввиду постоянных военных столкновений, происходивших в пределах Западно-Тюркского каганата и лежащих далее на запад степей.

Одним из главных предметов караванной торговли был шелк, находивший постоянный сбыт в Передней Азии и Византии. Наряду с шелком на запад через Среднюю Азию шли многочисленные изделия китайского

Монеты правителей Согда

ремесла, являвшиеся, в основном, предметами роскоши. В Китай поступали через согдийских купцов товары западного производства, значительную часть которых также составляли предметы роскоши. Караванная торговля, как и ранее носила весьма регулярный характер, во всяком случае в те периоды, когда путь был безопасен. В развитии ее были заинтересованы не только жители Средней Азии, но также и китайский двор. Весьма характерно, что в 634 г., когда наступил кратковременный период затишья в смутах, начавшихся в 630 г. в Западно-Тюркском каганате, и каган Дулу признал власть Китая, император Тай Цзун сразу же объявил об этом послам среднеазиатских владений и указал, что теперь купцы могут спокойно отправляться в путь.

Благодаря интенсивному развитию торговли в городах Средней Азии накапливались значительные массы разнообразных товаров как местного производства, так и привозных. Как отмечает уже упоминавшийся выше Сюань Цзан, наибольшее количество иноземных товаров сосредотачивалось в Самарканде, являвшемся крупнейшим центром караванной торговли. Обилие различных товаров в городах Средней Азии неоднократно отмечается также источниками, описывающими завоевание ее арабами, которые захватывали колоссальную добычу, превосходящую все, что им приходилось видеть в Иране и Хорасане.

Концентрация огромных материальных ценностей и активное участие в торговле сыграли существенную роль в подъеме экономической и политической роли самаркандского владения, сделав его ведущим в пределах долины Зеравшана и Кашка-Дарьинского оазиса.

Фрагмент штуковой резьбы, декорировавшей здание г. Варахши из Узбекистана

Развитие торговли как местного масштаба, так и караванной оказывало большое влияние на развитие ремесленного производства, способствуя прежде всего отделению его от сельского хозяйства.

О широком развитии товарного производства и товарно-денежных отношений наглядно свидетельствуют нумизматические данные. Монеты обнаруживаются при раскопках в больших количествах не только в городах (в Пенджикенте число найденных монет достигает более 1200), но и на сельских поселениях. Основой денежного обращения большинства владений долины Зеравшана и Кашка-Дарьинского оазиса была медная монета китайского образца с квадратным отверстием посредине. Аналогичные монеты, но с круглым отверстием чеканились в Северном Тохаристане.

В Бухарском оазисе положение было несколько иное: местный чекан являлся в своей основе подражанием сасанидским драхмам. Золотые и серебряные монеты, судя по имеющимся данным, играли в обращении очень ограниченную роль. Медные монеты китайского типа чеканили не только ихшиды Согда, но и местные владетели в Пенджикенте, Кштуте и т. д.

С развитием торговли тесно связана была постепенная колонизация Семиречья согдийцами, в результате которой к началу VII в. здесь уже имелось значительное число городов и селений. Согдийская колонизация распространялась также значительно дальше на восток. Основную причину ее, конечно, следует искать не в торговых интересах согдийцев, а значительно глубже — в тех социально-экономических процессах, которые шли в рассматриваемый период в земледельческих оазисах.

Свободные общинники, постепенно терявшие основной источник существования — землю, были вынуждены или идти в кабалу к дихканам или же выселяться за пределы оазисов. Следуя по путям, проложенным купцами, они появлялись в степи, где основывали поселения, постепенно становившиеся местными центрами ремесленного производства и торговли с окрестными кочевниками и в ряде случаев быстро перераставшие в города. Наряду с этим, как показывают отмеченные выше события 40-х и 50-х годов VI в., в Бухарском оазисе имелись также случаи выселения аристократии.

Следствием согдийской колонизации Семиречья явилось распространение высокой земледельческой культуры по всей долине р. Талас и по левому берегу р. Чу. Это усилило влияние более высокой культуры оседлого населения Средней Азии на кочевников и оказало определенное влияние на процесс массового оседания их, который имел место в дальнейшем. Согдийские колонии в рассматриваемый период появились также в Восточном Туркестане. В первой половине VII в. выходцами из Согда было основано несколько небольших городов южнее оз. Лоб-нор, которые во всяком случае до конца VII в. пользовались фактической автономией. По-видимому, в этот же период появилась согдийская колония Самарканда на южной границе Вахана, в которой позднее обитало также большое число индусов и тибетцев. Торговые интересы согдийцев охватывали и более южные области, в частности территорию Афганистана и даже Северной Индии. Экономический подъем в оседлых оазисах Средней Азии сопровождался также культурным подъемом.

Благодаря археологическим работам с каждым годом полнее раскрывается богатая и самобытная культура Согда, Ферганы и Хорезма. Если раньше вследствие недостатка фактических данных, некоторые культурные явления Средней Азии рассматриваемого периода объясняли значительным влиянием сасанидского Ирана, то теперь постепенно выясняются глубокие местные их корни.

По данным письменных источников, мы знаем, что в Согде, Хорезме и Тохаристане в VI—VII в. имелась своя богатая светская и религиозная литература. Памятники ее погибли с течением времени, частично были

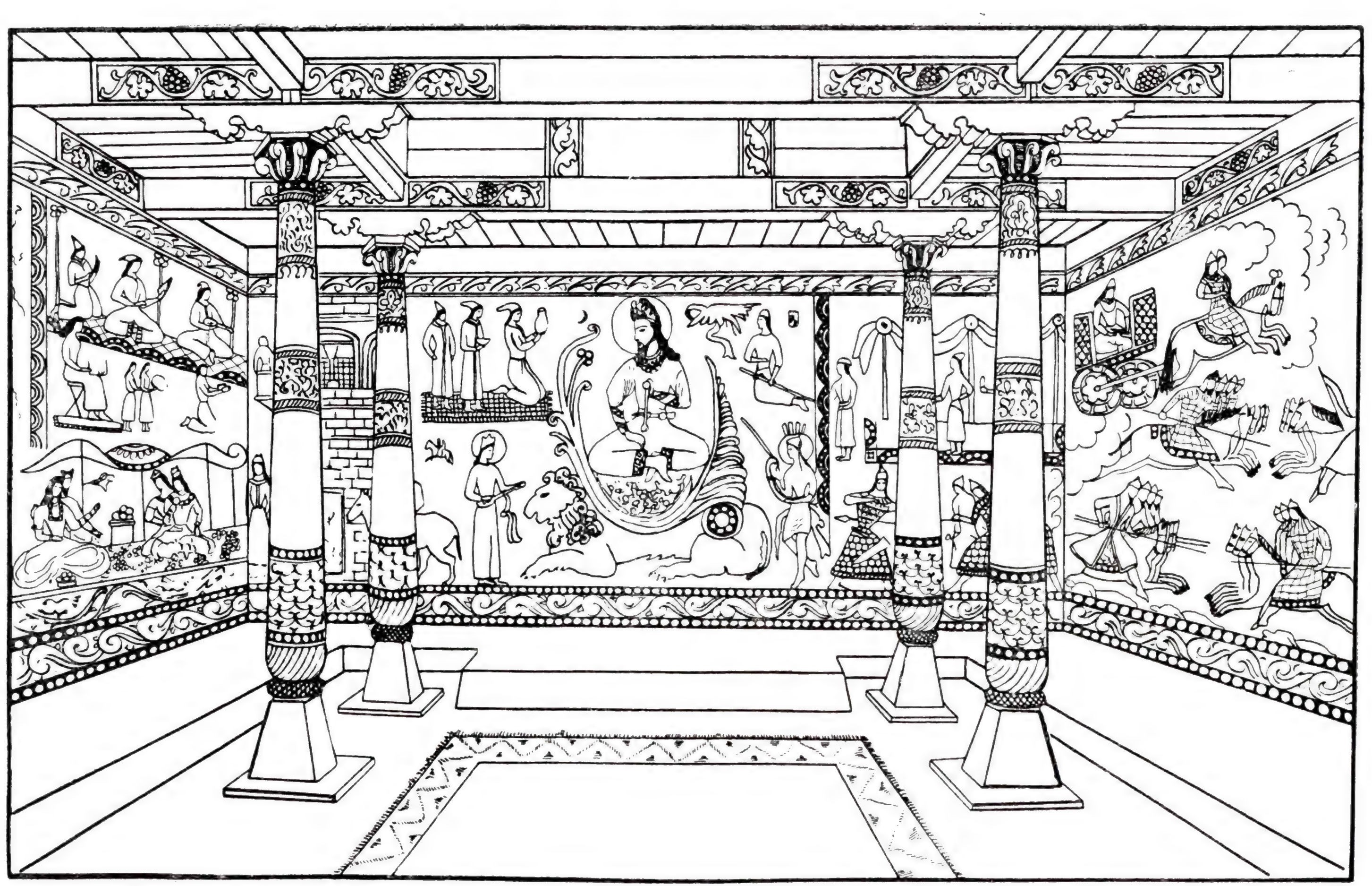
уничтожены арабами, а частично, вероятно, еще скрываются в многочисленных, ожидающих своего исследования, городищах и разрушенных замках. Отдельные, довольно многочисленные фрагменты рукописей на согдийском языке были обнаружены в начале XX в. при археологических работах в Восточном Туркестане. На основании изучения их установлено распространение эпических произведений, в частности повесть о Рустеме, и определенный вид занимательных сказок нравоучительного характера. Ряд косвенных данных позволяет предполагать, что имелся согдийский перевод широко распространенного на западе «Романа об Александре Великом» Псевдо-Каллисфена.

Грамотность в Согде имела весьма широкое распространение и проникала в различные слои населения. Об этом свидетельствует тот факт, что надписи мы встречаем на самых разнообразных предметах, в том числе на черепках глиняных сосудов и на костях животных. Этому, несомненно, в значительной мере способствовала развитая торговля, требовавшая в первую очередь грамотных людей. В среде купечества Согда детей начинали обучать грамоте с пяти лет; затем их знакомили с основами торговли, вполне возможно, по каким-то специальным текстам. Курс обучения был длительным, так как самостоятельная деятельность будущего купца начиналась только в возрасте 20 лет. Некоторые данные позволяют предполагать, что для нужд купцов были составлены специальные дорожники, содержавшие краткие описания отдельных торговых путей с указанием основных населенных пунктов и расстояний между ними.

Религиозная литература на согдийском языке, дошедшая до нас лишь в виде упомянутых фрагментов рукописей из Восточного Туркестана, состоит исключительно из переводов различных буддийских, манихейских и христианских текстов; имелась ли в Согде своя оригинальная религиозная литература, пока еще неизвестно, однако имеются основания предполагать наличие ее. В Самарканде в VII в. имелся письменный свод законов, который хранился в одном из храмов. К нему обращались при решении различных светских судебных дел. Законы были чрезвычайно суровы: за некоторые тяжелые преступления предавали смертной казни не тольке преступника, но и всю его семью, за воровство отрубали ноги, за другие менее тяжкие преступления — руки.

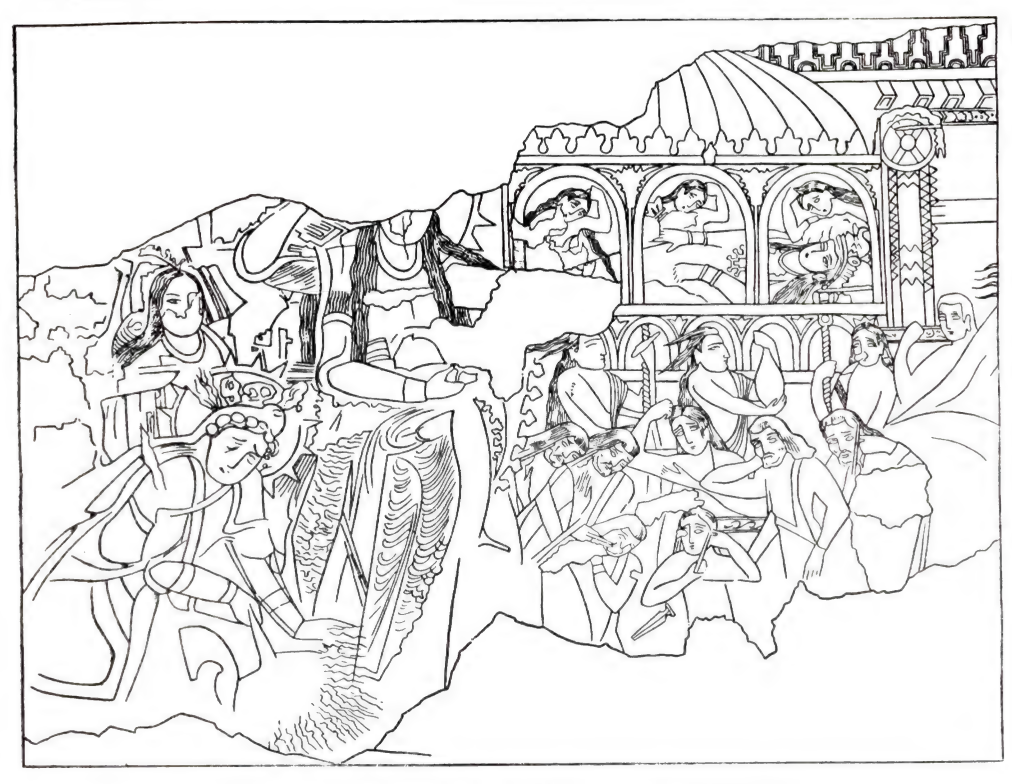
О высоком уровне развития искусства в Согде ярко свидетельствуют великолепные стенные росписи, которые обнаружены за последение годы при раскопках дворца бухар-худатов в Варахше (в 35 км от Бухары) и ряда зданий на городище древнего Пенджикента.

В одном из главных зал дворца бухар-худатов росписи составляли весьма сложную композицию, в состав которой входил фриз из идущих животных (львов, тигров, оленей и т. д.) и ряд сцен, изображавших борьбу сидящих на слонах мифических персонажей или царей со львами и грифонами. В другом помещении этого дворца на стене была изображена батальная сцена, от которой сохранились лишь фигуры нескольких всадников в полном вооружении.



Внутренний вид парадного зала Пенджикента (реконструкция Ю. П. Гремячинской)

Стенная роспись из Пенджикента VII в.



Сцена «оплакивания» из Пенджикента VII в.

Очень большой интерес в культурно-историческом отношении представляют изображения трона (вероятно, бухар-худатов) и жертвенника.

В Пенджикенте росписями были украшены стены храмов и многих помещений в жилых постройках [1]. Как правило, эти росписи являются сюжетными и сложными по композиции; орнаметальные мотивы занимают в них лишь второстепенное место. Выполнены они частично прямо на заглаженной глиняной штукатурке, частично на тонком алебастровом грунте. Из храмовых росписей наибольший интерес представляет сцена, изображающая оплакивание какого-то юноши, лежащего в специальном купольном сооружении (рис. 79). Существует мнение, что она связана с культом умирающего и воскресающего божества, которому поклонялись в Средней Азии, как отмечают китайские источники [2].

В жилых постройках росписями были украшены главным образом богатые нарядные помещения; это обычно целый ряд сцен, связанных друг с другом единством какого-то повествования, по всей видимости, эпических

[1] «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954.

[2] *М. М. Дьяконов.* Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 34 и сл.

Рис. 80. Сцена пира из Пенджикента VII в.

Деревянная скульптура женщины из Пенджикента V—VII вв.

преданий. Особо интересной является большая композиция, включающая в себя сцены борьбы всадника с чудовищем близким к дракону, которая, вероятно, изображает один из эпизодов какого-то среднеазиатского эпоса. Значительное место в росписях занимают батальные сцены с изображением поединка, являющегося также одним из излюбленных мотивов в изображениях на серебряных блюдах этого периода.

Стиль росписей Пенджикента и Варахши вполне четкий и выработанный, свидетельствующий о наличии в Согде длительной художественной традиции, сложившейся в предшествующее время. Формировался этот стиль, по-видимому, не без некоторого влияния искусства более южных стран, связанного с буддизмом. Об этом свидетельствуют некоторые детали в отдельных сценах и изображениях (божества на стилизованных горах, сильно оттянутые вниз мочки ушей, ряд украшений и др.).

Наряду с росписями для украшения жилых и парадных помещений использовался резной штук (Варахша), глиняная скульптура и резное дерево. В одном из храмов Пенджикента глиняным горельефом, изображающим какую-то морскую, видимо, мифологическую сцену, был украшен айван, расположенный перед входом во двор. Отдельные фигуры, в особенности тритон, еще раз говорят о связях искусства Согда с искусством Афганистана и северной Индии. Резьбой украшались деревянные части перекрытия помещений, причем, наряду с плоскостными изображениями, существовала и скульптура. Образцами ее могут служить женские фигуры, вероятно, танцовщиц, обнаруженные в обугленном состоянии в одном из парадных зал жилого здания на городище Пенджикента (рис. 81).

Среди населения замледельческих оазисов Средней Азии в VI—VII вв. были распространены религиозные представления, частично имевшие в своей основе древние верования, восходящие в основном еще к Авесте. Главным божеством было небесное божество, именуемое иногда также небесным божеством огня. Наряду с ним существовал ряд других, второстепенных божеств — мужских и женских, о которых мы знаем очень мало. В отличие от канонизированного зороастризма Ирана, в данной религиозной системе поклонение огню сочеталось с поклонением идолам. Значительное место в ней занимало представление о сыне верховного божества, олицетворяющем умирающую и воскресающую при-

Орнаментированный глиняный оссуарий с костями человека из Киргизии V—VI вв.

роду. Считалось, что он умер в определенный день и кости его были потеряны, ежегодно в этот день служители культа надевали черные траурные одежды и направлялись на поиски, которые длились семь дней.

Погребальные обряды находились в соответствии с установлениями Авесты: тела умерших выносили в особые места, где их пожирали собаки и птицы; кости же затем собирали и помещали в глиняные костехранилища — оссуарии, которые хранились в особых сооружениях типа склепов (наусах), располагавшихся около городов и селений.

Наряду с указанной религиозной системой в Согде сохранилось и манихейство, весьма быстро и легко приспосабливавшееся к местным культам. Было распространено в Согде также несторианство, но, по всей видимости, весьма ограниченно.

В южной части Средней Азии в VII—VIII вв. еще прочно удерживал свои позиции буддизм: здесь имелись многочисленные монастыри и сравнительно много монахов. Севернее, на территории Согда, буддизм фактически исчез уже в начале VII в. Упоминавшийся выше китайский путешественник Сюань Цзан обнаружил в 630 г. в Самарканде уж заброшенные буддийские храмы, к которым население никого не подпускало.

В обычаях населения сохранялись еще многие глубоко архаичные черты. Так, в Самарканде в первый день нового года в расположенном около города лесу устраивались состязания в стрельбе из лука, длившиеся семь дней. В последний день на листе бумаги укрепляли золотую монету и вывешивали в качестве мишени, попавший в монету получал право

быть царем на один день. В Фергане на Новый Год устраивался поединок, по исходу которого судили о том, счастливым или несчастливым будет наступающий год.

3
ЗАПАДНО-ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

В истории кочевых народов Средней Азии о периоде, предшествующем возникновению Тюркского каганата известно очень мало. Ряд племенных союзов Казахстанских степей, Семиречья и Приаралья в это время сохраняли свою независимость. Об этом можно судить по сообщению китайской хроники о том, что в 30-х годах V в. владение Усунь, Юебань и Судэ направили своих послов ко двору китайского императора [1]. Нам ничего не известно о судьбе этих владений в период существования эфталитского государства, которое распространяло свою власть не только на земледельческие области Средней Азии и частично Восточного Туркестана, но и на районы, занятые кочевым населением. Можно только предполагать, на основании косвенных данных, что они сохранили некоторую самостоятельность.

Имеющиеся у нас данные позволяют говорить о борьбе племен Семиречья против экспансии Жужанского каганата. Усуньские племена V в.— прямые потомки усуней ханьского периода составляли особое владение, хотя, по-видимому, уже не играли крупной роли в истории Семиречья. Их правитель находился в г. Чигу — древней ставке усуней, известной еще по описанию Чжан-Цяна (125 г. до н. э.), и которую можно локализовать на южном берегу Иссык-Куля. Неоднократные набеги жужан заставили их переселиться в горы (очевидно, в горы Тянь-Шаня). Вытеснение усуней может быть связано также и с распространением власти эфталитов. В 436 г. к усуням прибыл китайский посол и таким образом дипломатические отношения между ними были снова возобновлены [2].

В Семиречье, наряду с усунями, сложился в I—V вв. новый союз племен — юебань.

Владение юебань находилось на северо-запад от усуней, как считают некоторые исследователи в долине р. Или. Этот племенной союз занимал значительную территорию в несколько тысяч ли. Число жителей достигало 200 тыс. человек. Происхождение племен юебань связано с племенами северохуннского союза, которые остались здесь кочевать и не последовали за своим шаньюем в Кангюй в 93 г. Вполне очевидно, что наряду с племенами северохуннского союза, в состав юебань вошли также местные племена. По китайским сведениям обычаи и язык юебань были сходны с уйгурами (очевидно, они говорили на одном из тюркских языков). Юебаньские племена находились в дружеских отношениях с жужанами и

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. II, стр. 241.
[2] Там же, стр. 258.

одновременно посылали послов в Китай. Затем отношения их с жужанами ухудшились, и жужаны напали на юебань. В начале V в. племена юебань в союзе с Китаем совершили поход на жужанские владения [1]. От племен юебань, очевидно, происходят более поздние племена чубань, чуми и другие, входившие позже в состав федерации дулу Западно-Тюркского каганата.

Третье владение — Судэ большинство исследователей помещает в Приаралье. Согласно другой точке зрения, сведения о Судэ относятся к Согду. Китайская хроника сообщает, что некогда хунны убили владетеля Судэ и овладели его землями и что правитель Хуни составляет уже четвертое поколение правителей, правивших после этого события. Там же говорится и о посольствах из Судэ в Китай и о торговле купцов между этими странами [2]. Обычно эти сведения относят к IV — началу V в. и рассматривают как свидетельство продвижения хуннов на запад и как одно из основных доказательств идентичности восточных хуннов с западными гуннами. Вполне возможно, что появление хуннского владения в Приаралье является результатом активизации и передвижений кочевых племен в период «великого переселения народов».

Область Приаралья, нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи и являлась, очевидно, одним из центров формирования хионито-эфталитских племен. В более позднее время именно здесь на базе гунно-эфталитских племен возникают огузские племена, сыгравшие значительную роль в истории Средней Азии. Некоторые данные по истории этого периода могут быть получены при изучении археологических памятников. Однако количество их крайне ограниченно.

Для периода II—IV вв. наблюдается известное сходство формы погребальных сооружений в разных районах Средней Азии. Мы имеем в виду захоронения в катакомбах и подбоях под курганными насыпями, которые изучены в Семиречье (Кенкол, Арпа, Кыз-Арт и др.), Фергане (Боркорбаз, Гурмирон и др.), Ташкентском оазисе, в Бухарском оазисе (Лявандак, Кую-Мазар), в южной Туркмении (Бами) и в южном Таджикистане (Арук-Тау). Этническая принадлежность этих памятников и причины появления такой общности на столь обширной территории пока еще не выяснены.

Курганы II—IV вв. вскрытые возле Джеты-Асара отличаются по конструкции от курганов с катакомбами, но погребальный инвентарь их одинаков.

Резко выделяются среди всех погребальных памятников первой половины I тысячелетия наземные склепы, называемые мугхона (дом мугов, магов — «огнепоклонников») в северной Фергане. Мугхона появляются в последних веках до нашей эры и доживают вплоть до появления тюрков. Эти сооружения воспроизводят в камне глинобитные склепы, распространенные в Ташкентском оазисе (Пскентский могильник). К это-

[1] *Н. Я. Бичурин,* Указ. соч., т. II, стр. 258—260.

[2] Там же, стр. 260—261.

му типу наземных погребальных сооружений относится и курган в Джеты-Асаре, сложенный из сырцового кирпича. Подобные наземные склепы известны пока только в долине Сыр-Дарьи.

В самые последние годы на Тянь-Шане обнаружены первые памятники IV—V вв., которые, вероятно, можно отнести к позднеусуньским племенам. Все остальные археологические памятники этого периода, обнаруженные в ряде областей Средней Азии, пока нельзя отнести к определенным племенам и народам.

В середине VI в. происходят крупные изменения в политической обстановке Центральной и Средней Азии. Тюркские племена Алтая и племена теле, занимавшие обширные пространства к юго-западу от него, вместе с другими племенами объединились и выступили против господства жужан. Жужанский каганат был разгромлен и его место в 552 г. занял Тюркский каганат. Основателями нового государства были братья Тумынь (Бумынь-каган орхонских надписей) и Истеми. В письменных источниках нет ясных сведений о тех событиях и передвижениях тюркских племен, которые привели к созданию обширного Тюркского каганата и завоеванию огромной территории от Китая на востоке и до границ Ирана и Византии на юго-западе и западе.

Тюркский каганат в середине VI в. выступает как государство, объединившее ряд этнически разных племен Алтая, Центральной Азии и некоторых восточных областей Средней Азии, находившихся на разных ступенях социального и культурного развития. Ядро каганата составляли тюркские племена Алтая. Термин «тюрк» в это время имел не этническое, а политическое значение. Позднее так стали называть не только племена, которые составляли основу Тюрского каганата, но и все племена, которые говорили на различных родственных тюркских языках.

В орхонских рунических надписях содержится смутное известие о том, что Бумынь-каган в своих походах доходил до Железных ворот—прохода в горах Байсун-Тау на границе между Согдом и Тохаристаном.

Тюркский каганат не представлял единого централизованного государства. Входившие в него племена пользовались известной независимостью и при каждом удобном случае пытались добиться полной самостоятельности. Вскоре после возникновения каганат распался на две части — западную и восточную, борьба между которыми проходит через всю их историю. Историческое развитие западной и восточной части Тюркского каганата пошло по разным путям. В Средней Азии тюрки столкнулись с государством эфталитов. Как протекала борьба тюрков с эфталитами нам мало известно. Существенную роль в разгроме эфталитов сыграло заключение союза тюрков с сасанидским Ираном. В результате совместных действий персов и тюрков эфталитское государство было разгромлено в период между 563 и 567 гг. Союзник тюрков — шах Ирана Хосров I занял Тохаристан и ряд областей к югу от Аму-Дарьи. В источниках имеются сообщения, что войска Ирана зашли далеко в глубь Средней Азии вплоть до Ферганы. После столкновения с тюрками Хосров I должен был оставить

Тохаристан и границей между их владениями были признана Аму-Дарья.

Первое время после разгрома эфталитского государства Тюркский каганат не вмешивался во внутренние дела владений Средней Азии, которые признавали верховную власть кагана и платили ему дань. По существу, среднеазиатские владения сохранили свою независимость.

Тюркский каганат становится довольно сильной державой, с которой считаются на международной арене того времени. Правитель западной части каганата, каган Дизабул, или Сильзивул как его именует византийский историк Менандр (он же Истеми орхонских надписей), устанавливает дипломатические отношения с Ираном и далекой Византией.

Дизабул умер в 567 г. во время приезда очередного византийского посла Валентина. Послы о смерти кагана, очевидно, не знали. Встретили их тюрки недружелюбно. Посольство принял преемник Дизабула — Тарду (Датоу по китайским источникам) в своей ставке, очевидно, в тех же горах, где была ставка его отца. От византийских послов потребовали, чтобы они в знак траура по умершему Дизабулу нанесли ранения себе [1].

В результате этих и последующих посольств были установлены прямые дипломатические и экономические связи между Византией и тюрками. Одним из последствий установления дипломатических связей с Византией явилось участие тюрков в войне против Хосрова I в 588—589 гг.

Еще в 70-х годах VI в. Западно-Тюркский каганат распространил свою власть далеко на запад, до Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья. Сюда бежали разбитые тюрками остатки жужанских племен, которые здесь стали известны как авары. Все завоеванные области подчинялись западному кагану тюрков. Одной из таких областей управлял Турксанф — сын Дизабула и брат кагана Тарду (Датоу).

К 576 г. союзные взаимоотношения Византии и тюрков были нарушены появлением тюркских отрядов в Крыму под стенами Боспора. Тюрки стали непосредственными соседями Византии и грозили дальнейшим продвижением. Они не смогли осуществить свои угрозы в силу внутренних неурядиц и столкновений с восточными тюрками. Тем временем Византия воспользовалась затруднительным положением тюрков, вернула Боспор и оказала содействие в создании независимого от тюрок Болгарского государства.

Подробные сведения о ходе завоеваний с перечислением покоренных племен к западу от Волги содержатся в письме тюркского кагана, которым, очевидно, мог быть только Датоу-каган, направленном в 598 г. византийскому императору Маврикию. Нам неизвестно, что ответил император Византии на это письмо. Но, очевидно, в результате этих переговоров были восстановлены прежние дружественные отношения между тюрками и Византией. Об этом можно судить по тому, что тюркский каган направил в 627 г. свои войска в Закавказье на помощь Византии начавшей войну с сасанидским Ираном. В этом походе в качестве основной военной силы тюрков выступили хазары.

[1] *E. Chavannes*. Documents..., стр. 234—239.

Завоевания Истеми-кагана расширил и закрепил его преемник Датоу, с деятельностью которого связано появление Западно-Тюркского каганата как самостоятельного государства, независимого от восточного кагана тюрков.

В 80-е годы VII в. Датоу ведет успешную борьбу с восточными тюрками. В ходе этой борьбы значительную роль сыграли события, связанные с именем Далобяня,— сына Мугань-кагана, которого обошли при выборе нового восточно-тюркского кагана вследствие низкого происхождения его матери. Возможно, он был сыном наложницы Мугань-кагана. Каганом был избран Яньло — сын Тобо-кагана. Оскорбленный Далобянь выступил против нового кагана, и Яньло вынужден был отказаться от власти. Но и на этот раз избрали каганом не Далобяня, а брата Яньло-Шаболио. От нового кагана Далобянь получил титул Або-кагана. Но это не удовлетворило честолюбивого соперника и он вступил в борьбу с Шаболио. В этой борьбе Або-каган потерпел поражение и в 585 г. бежал к своему родственнику — могущественному кагану западных тюрков — Датоу, который оказал помощь Або-кагану, напавшему со стотысячным войском на Шаболио. Но и этот поход Або-кагана окончился неудачно для него, и сам он попал в плен в 587 г. [1]. О дальнейшей судьбе Або-кагана китайские источники ничего не сообщают. Сведение их об этом событии противоречивы. В одном случае пленение Або относят к Шаболио, а в другом — к его преемнику Чулохэу, ставшему каганом в том же 587 г. Помощь Або-кагану в его борьбе с восточно-тюркским каганом была одним из эпизодов ожесточенной борьбы между западным и восточным каганами, завершившейся победой Датоу-кагана.

Сведения об Або-кагане китайских источников были сопоставлены с легендарным рассказом автора X в. Нершахи о притеснениях дехкан и купцов правителем Бухарского оазиса Абруем и о тюркском завоевании Бухары. Этот рассказ можно рассматривать как отражение острой классовой борьбы в земледельческих оазисах Средней Азии между рядовыми общинниками и аристократией, которая обратилась за помощью к тюркскому кагану. Однако попытка найти в этом рассказе конкретные исторические факты и действия исторических лиц представляет только блестящую гипотезу [2].

Борьба за господство происходила в тяжелой для восточной части каганата политической обстановке. В Китае в 581 г. к власти пришла новая династия Суй, которой вновь удалось объединить страну и собрать значительные силы для борьбы с Тюркским каганатом. Китай стремился использовать противоречия внутри каганата между его западной и восточной частью, чтобы подорвать военные силы Восточного каганата и сохранить равновесие двух враждующих тюркских государств. Для этого Китай использовал все средства, поддерживая то одного, то другого

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 234—236.

[2] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, М., 1948, стр. 248 и сл.

кагана. Вначале Китай поддерживал кагана Датоу, когда западные тюрки напали на восточных. Ослабленный внутренними усобицами и поражением в войне с Китаем и западными тюрками восточнотюркский каган в 584 г. признал вассальную зависимость от Китая. Этим ослаблением воспользовалась западная часть каганата и окончательно отделилась. В правление Датоу Западно-Тюркский каганат достиг своего расцвета.

Датоу проводил успешные войны на западе своей обширной державы — в степях Северного Причерноморья, помогал Византии в войне против Ирана в 588—589 гг. и совершил поход для закрепления своей власти в Восточном Туркестане. Он окончательно включил в состав Западного каганата земли усуней. Власть Датоу усилилась настолько, что он попытался объединить обе части каганата и объявил себя каганом восточных тюрков. В противовес усиливающемуся Датоу, Китай начал поддерживать его противников. В 603 г. не без вмешательства Китая вспыхнуло восстание телеских и других племен, которое сильно ослабило внутреннее положение Датоу. Датоу умер в 603 г.

Преемник Датоу — Чуло-каган попытался сохранить новые государственные границы и активно начал вмешиваться в дела Восточно-Тюркского каганата. Но потерпев неудачу, Чуло-каган главное внимание обратил на подчинение оседлых областей Средней Азии. Тюрки захватывают власть в Чаче, северной Фергане, Тохаристане и Дахистане. В результате междоусобиц Чуло-каган должен был бежать в Китай, где жил до конца своей жизни.

Особенно активную политику подчинения владений Средней Азии проводил в начале VII в. каган Тун-шеху, который совершил несколько походов на северо-восток против племен теле и на юго-запад на владения Средней Азии. В результате этих походов были восстановлены прежние границы государства на Аму-Дарье и берегах Инда. Тун-шеху усовершенствовал систему управления. Покоренные местные владетели Средней Азии получили титул сылифа и были переведены на положение наместников. К ним были приставлены тутуки для контроля и сбора дани. Но эти меры Тун-шеху не разрешили углублявшихся противоречий между рядовыми кочевниками и обогащающейся племенной аристократией в Западно-Тюркском каганате. Эти противоречия, междоусобицы среди правящей верхушки, частая смена каганов, восстания покоренных народов ослабили Западно-Тюркский каганат и привели его к глубокому кризису. В 630 г. Тун-шеху был убит.

После 630 г. каганы почти ежегодно менялись. Иногда одновременно у власти находилось несколько каганов.

В 634 г. каганом стал Шаболо Хилиши. Он провел административную реформу, законодательным путем закрепив существовавшее племенное деление Западно-Тюркского каганата на 10 частей, называемых стрелами. Эти племена в тюркских надписях называются «он ок будун» — «десятистрельным народом». Пять из них были объединены под общим именем дулу. Они обитали в междуречье Чу-Или. Во главе племен дулу были

поставлены правители с титулом чжо. Пять других племен вошли в объединение нушиби, во главе этих племен стояли сыгини. Нушиби жили к юго-западу от Чу. Но это административное деление не разрешило всех спорных вопросов, а даже способствовало усилению тенденций к самостоятельности отдельных племен. К концу правления Шаболо выдвинулся правитель федерации Дулу Иби-дулу, который расширил свои владения на востоке и подчинил на некоторое время даже киргизские племена на Енисее. Помимо этого он совершил походы на Тохаристан и Восточный Туркестан. Результатом непрерывной борьбы между обоими частями Западно-Тюркского каганата было создание двух обособленных государств. Под натиском Дулу-кагана Шаболо вынужден был бежать в Фергану, где он умер в 639 г.

Ярким эпизодом внутренней борьбы в каганате может служить столкновение Дулу-кагана с его полководцем Нишу-чжо из-за раздела захваченной добычи. После очередного похода Дулу-каган оставил себе всю добычу и всех пленных. Полководец Нишу-чжо, которому ничего не досталось, попытался силой отнять свою часть у кагана. Каган захватил Нишу-чжо и отрубил ему голову. В ответ один из сподвижников Нишу-чжо напал на Дулу-кагана и вынудил его бежать. Дулу-каган нашел убежище в Тохаристане [1].

Ожесточенная борьба разгорелась между Дулу-каганом и преемником Шаболо—Иби-Шаболо. Один из последующих каганов Ашина Хэлу, воспользовавшись смертью китайского императора, подчинил в 649 г. дулу и нушиби и объединил обе части Западно-Тюркского каганата. Объединение обеих частей каганата было кратковременным, так как китайские войска вскоре вторглись в пределы Семиречья. Отряды китайского полководца Судинфана разгромили одно племя за другим. В решительном сражении Судинфан разбил основные силы Ашина Хэлу. У тюрков было убито и взято в плен 30 тыс. чел. из них 200 одних только старейшин. Племена нушиби и дулу покорились в 651 г. Китаю, а Хэлу бежал в Согд, но был выдан правителем г. Суду. Земли Западно-Тюркского каганата были разделены на два округа, во главе которых китайский император поставил своих чиновников из представителей тюркской знати. Одновременно почти все другие владения Средней Азии признали верховную власть Китая. Однако зависимость от Китая была кратковременной и номинальной. Тем более, что в 70-х годах VI в. усиливается Тибет, который захватывает одно за другим владения в Восточном Туркестане и отрезает Китай от Средней Азии. Тибетцы, став соседями Западно-Тюркского каганата, начинают вмешиваться во внутренние дела его.

В 651 г. арабы захватили Мерв. Арабам противостояли разрозненные силы отдельных владений. Распад Западно-Тюркского каганата создавал благоприятную обстановку для продвижения арабов в Средней Азии.

---

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 287.

Арабам оказали сопротивление отдельные группы тюрков, находившиеся в Дахистане и Тохаристане, но это не имело решающего значения и не смогло помешать вторжению арабов.

В конце VII в. в Западно-Тюркском каганате усилились племена тюргешей, входившие в состав союза дулу.

Они захватывают политическую власть и создают свое государство. Основателем Тюргешского каганата был Учжилэ-хан, который, опираясь на помощь Китая, в 699 г. добился господства в Семиречье. В 704 г. тюргешами в г. Кулане был убит последний представитель рода западнотюркских каганов Ашина-Синь и власть окончательно перешла к тюргешскому кагану. Так завершилась история Западно-Тюркского каганата, заполненная кровопролитной междоусобной борьбой, войнами с Восточно-Тюркским каганатом, Китаем и в последний период с арабами.

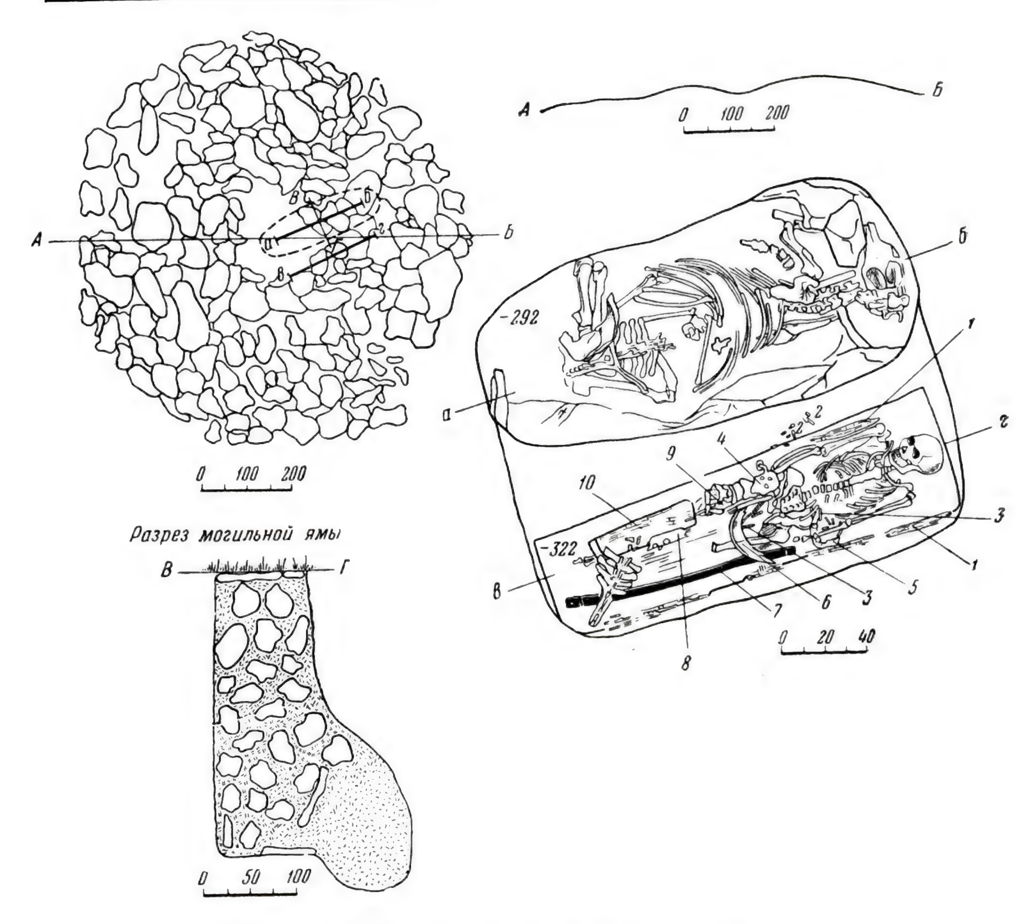
Западно-Тюркский каганат (VI — начало VII в.) является непрочным раннефеодальным государством, основу которого составляла федерация десяти тюркских племен (он ок будун). Власть кагана распространялась и на оседлоземледельческие области Средней Азии. Каганат занимал обширную территорию и граничил на востоке в Восточно-Тюркским каганатом, на западе границей служило Аральское море, на юге Кашгар и на севере Ханьхай (местность, точная локализация которой не установлена).

Центром каганата являлись древние земли усуней — Семиречье, природные условия которого благоприятствовали ведению кочевого образа жизни. Политическое устройство каганата отражало особенности военной и родовой организации кочевых племен и было закреплено реформой Шаболо (634—638 гг.). Десять племен входили в союзы дулу и нушиби. В состав дулу входили племена чумугань, хулуву (карлуки) туциши (тюргеши) и др. Им подчинялось 27 владений, расположенных от Восточного Туркестана до Балхаша. Союз нушиби состоял из племени асиги-кюе, гэшу-кюе, басайгань дуньшибо, асигийе нишу, гэшу чубань. Точная локализация всех этих племен неизвестна [1].

Письменные источники дают мало сведений о расселении тюркских племен. Особое политическое положение в каганате занимали племена чуми, чуюе, чумугань, чубань из федерации дулу. Они обитали в долине Или и имели там города. Входившие в союз дулу карлуки кочевали между Иртышом и Алтаем. Между Или и Иртышом находились земли тюргешей, которые в более позднее время передвинулись на запад и обитали к востоку от Иссык-Куля.

Изучение археологических данных, а именно распространение разных типов погребальных сооружений позволит наметить ареал распространения отдельных племен. Имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные материалы пока еще недостаточны для этнического определения памятников. Можно только отметить, что курганы тюркского времени Семиречья

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 289; *E. Chavannes.* Documents..., стр. 34, 60.



Курган с подбоем V—VII вв. из Восточного Казахстана:

1 — остатки дервянного гроба *2* — остатки железных удил, стремян и уздечки с бронзовыми бляхами; *3* — костяные пластинки с орнаментом на луке седла; *4* — деревянный предмет, обернутый кожей, с изображением тигра из золотой фольги; *5* — передняя лука седла с серебряными бляшками; *6* — задняя лука седла; *7* — железный меч; *8* — остатки кожаного покрывала с серебряными бляшками. Под покрывалом остатки китайских тканей; *9* — остатки кожаного мешочка, украшенного серебряными бляшками; *10* — деревянный колчан с пятью железными стрелами внутри

и Казахстана по своей конструкции и по находкам показывают исключительную близость одновременным памятникам племен Алтая, входивших в состав Восточно-Тюркского каганата. Ранее существовавший обычай сожжения трупов умерших, известный нам по письменным данным, заменяется в VII в. захоронением покойников в грунтовых ямах. Могилы, где погребены останки сожженных трупов, обнаружены пока только в Семиречье.

Наряду с грунтовыми могилами на Тянь-Шане в это же время встречаются курганы тюркского времени с погребением в катакомбной камере, которые, очевидно, восходят к традициям первых веков. Несколько таких курганов изучены в могильнике Аламышик у г. Нарын. В одном кургане возле погребенного в катакомбе найдены железный нож и бронзовая

серьга. В дромосе перед катакомбой находился костяк барана, железные стремена и пряжки, костяные накладки от лука [1].

В других местах могилы кочевого населения каганата имеют свои особенности. Так, в долине Чаткала вскрыты погребения на уровне дневной поверхности в каменных оградках, перекрытые земляной насыпью [2]. В западной части Чаткальской долины были изучены погребения в каменных ящиках, врытых в землю. В одной из таких могил находилось интересное захоронение воина с богатым набором вооружения: однолезвийным палашом, двумя кинжалами, набором разнообразных наконечников стрел и железной пряжкой от пояса и пряжкой для подвешивания колчана. Эти погребения, так же как катакомбные могилы тюркского времени Тянь-Шаня восходят к аналогичным памятникам первых веков.

На средней Сыр-Дарье в Бурджарском могильнике захоронения с типичными находками для тюркского периода оказались в своеобразных глинобитных наземных склепах [3], которые продолжают традиции глинобитных сооружений первых веков, изученных в Пскентском могильнике (Ташкентский оазис). Существование памятников этих типов свидетельствует о непрерывном развитии типа погребальных сооружений и преемственности культуры некоторых местных племен, начиная с первых веков и до вхождения их в состав Западно-Тюркского каганата.

В оседлых районах Средней Азии обнаружено пока только одно захоронение воина с конем в окрестностях Самарканда. Ритуал этого погребения и сопровождающие находки тождественны погребениям кочевых племен Семиречья [4].

Как мы видим, формы погребальных сооружений у тюркских племен в период существования каганата сильно различаются, что, очевидно, свидетельствует о разнородности племен, вошедших в состав «десятистрельного» народа.

Попытки конкретного этнического определения отдельных групп курганов малоубедительны из-за недостаточности археологических материалов и письменных данных.

Получая основную часть дани с покоренных народов в результате многочисленных войн и набегов, аристократия каганата сконцентрировала большие богатства в своих руках. Таким образом, имущественное неравенство внутри каганата углубилось и вызвало недовольство рядовых кочевников, которые попадали в зависимость от аристократии. Итак,

---

[1] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 81—87, рис. 44—48.

[2] *А. К. Кибиров.* Археологические памятники Чаткала. «Тр. ин-та языка, литературы и истории АН Кирг.ССР», т. I, 1956, стр. 11—12.

[3] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. «Тр. ин-та истории, археол. и этногр. АН Каз.ССР», т. I, 1956, стр. 53—55, рис. 25—28.

[4] *В. И. Спришевский.* Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. «Тр. Музея истории народов Узбекистана», т. I, 1951, стр. 33—42.

феодальные отношения в Западно-Тюркском каганате складывались в условиях разложения патриархально-родовых отношений, в обстановке почти беспрерывных войн и внутренней классовой борьбы. Развитие новых общественных отношений происходило при сохранении сильных пережитков патриархально-родовых отношений и использовании родовых институтов. Нельзя при этом не учитывать воздействия более развитых государств: Китая, Ирана, Византии и владений Средней Азии.

В Западно-Тюркском каганате значительную роль играло еще рабство. Число рабов пополнялось преимущественно за счет военнопленных. Неоднократно в китайских хрониках упоминают о пленении значительного количества людей. Во время одного из походов Дулу-каган (642 г.) всех пленных взял себе. По сообщению Сюань Цзаня в Таласской долине было поселение, состоявшее из 300 домов, в которых жили военнопленные китайцы. Подобные колонии занимались земледелием и ремеслом для удовлетворения потребностей завоевателей. Труд рабов в это время применялся в домашнем хозяйстве, но в кочевом хозяйстве он широкого применения не мог получить, поэтому рабский труд не составлял основы хозяйства. Таким образом, в Западно-Тюркском каганате складывались не рабовладельческие, а феодальные отношения.

Имущественное расслоение и общественное неравенство среди тюрков можно проследить по материалам раскопанных курганов. Так, в могильнике Кудыргэ VII в. на Алтае обнаружены среди погребений рядовых кочевников с бедным инвентарем захоронения знатных лиц, в могилах которых найдены золотые и серебряные предметы, китайские шелковые ткани и богатый набор оружия и конской упряжи. Таких богатых погребений в Семиречье и Средней Азии пока не обнаружено. Однако не все кочевники могли поставить на могиле каменное изваяние или надгробия с рунической надписью. Таких курганов встречено немного и они выделяются среди массы рядовых могил. Могилы с четырьмя надгробиями с выбитыми на них руническими текстами найдены у с. Дмитриевского в долине Таласа, на землях племен союза нушиби. Подобные надгробия могли поставить, очевидно, только представители племенной знати. Могилами также, вероятно, принадлежавшими племенной знати, являются курганы с каменными изваяниями возле них. Такие курганы известны на Тянь-Шане, в Семиречье и в Центральном Казахстане. Они обнаружены вблизи развалин Суяба в долине Чонкемин, где находилась ставка западнотюркского кагана. Эти каменные изваяния изображали побежденных врагов и должны были свидетельствовать о воинской доблести и подвигах умершего. В ряде случаев вместо каменных изваяний на могилах ставили обычные валуны, которые встречаются иногда в большом количестве.

В одном таком кургане в долине Кара-Куджур на Тянь-Шане обнаружено захоронение воина с конем. В могиле возле коня оказались прекрасно сохранившиеся части деревянного седла, железные стремена с плоской подножкой и удила. На умершем была одежда из шелка, от которой со-

Каменные изваяния второй половины I тысячелетия из Семиречья

хранились обрывки ткани и замечательный кожаный пояс с бронзовыми фигурными бляшками в виде головы кабана. Возле погребенного найден железный нож в деревянных ножнах, обтянутых кожей, деревянный колчан, в котором было пять трехперых наконечников стрел и костяные накладки от лука. На одной из накладок изображена сцена охоты: охотник стоя на колене стреляет из лука в двух бегущих оленей [1]. Подобные погребения с конем относятся к числу богатых захоронений.

Основная масса рядовых кочевников хоронила своих умерших в обычных грунтовых могилах, в которых как правило, находят очень мало вещей: железный нож и пряжка от пояса, несколько весьма характерных бляшек и глиняные или деревянные сосуды.

Сюань Цзан, посетивший в 629—630 гг. Семиречье, указывает на политическую раздробленность страны. К западу от Суяба он отмечает около десятка изолированных городов, управляемых начальниками, подвластными тюркам. Упоминаемый здесь г. Суяб являлся ставкой западнотюркского кагана. С ним могут быть отождествлены развалины Новороссийского городища в долине Чонкемин. В окрестностях города стояли шатры самого кагана, в которых он принял известного китайского пилигрима

[1] *А. К. Кибиров.* О работе Тянь-Шаньского археологического отряда Киргизской комплексной экспедиции. Сб. «Первая научная сессия АН Кирг.ССР». Фрунзе, 1955.

Сюань Цзаня. Город Суяб имел большие размеры — шесть-семь ли в окружности (более двух км). К западу от него находился г. Цянь цюань (город тысячи ключей), где находился заповедник для охоты кагана. Город Талас (Тараз — арабских географов) по размерам превышал Суяб. Здесь жили, как отмечает Сюань Цзан, купцы вместе с местным, очевидно, кочевым населением. Возле Таласа Сюань Цзан посетил поселение военнопленных китайцев. Их одежда и прическа были такими же, как у тюрков, но они сохраняли еще свой родной язык и обычаи. Далее Сюань Цзан упоминает о г. Байшуйху, юго-западнее Таласа, который принято отождествлять с позднейшим Исфиджабом. Возле этого города находилась в середине VII в. ставка кагана Шаболо.

Ко времени Сюань Цзана в Семиречье уже было несколько городов — укрепленных поселений. Эти поселения, основанные согдийскими купцами и ремесленниками, являлись важными центрами оседло-земледельческой культуры в Семиречье, центрами торговли, ремесла и земледелия, обслуживавшие кочевое население. Эти согдийские города Семиречья были своеобразными городами-государствами, имевшими значительную самостоятельность и игравшими большую роль в политической и экономической жизни каганата [1].

Развалины согдийских поселений были открыты археологическими работами в Семиречье. Здесь выявлено более десятка городищ, относящихся к VI—VIII вв. Наиболее крупные поселения находятся в равнинной части Чуйской долины в местах, пригодных для земледелия. Как правило, в середине их находятся центральные развалины с остатками мощных укреплений, вокруг которых разбросано значительное количество развалин отдельных, очевидно, укрепленных построек. Весь этот комплекс окружен был длинной стеной в несколько километров. Развалины такого поселения изучены у Красной Речки (к востоку от Фрунзе), которые могут быть отождествлены с позднейшим средневековым г. Сарыг, и в ряде других мест.

В развитии культуры Семиречья, характерной и для всего Западно-Тюркского каганата, можно выделить две основные линии — культура оседлоземледельческого, главным образом, согдийского населения, которое занимало ключевые позиции в хозяйстве, торговле и в культурной жизни и культура кочевого тюркского населения, которое господствовало в политическом отношении.

Изучение памятников согдийской колонизации ярко характеризует своеобразную культуру переселенцев из Согда и показывает воздействие на нее со стороны кочевников. При археологических работах в Семиречье был обнаружен ряд памятников и находок типичных для согдийской культуры, начиная от поселений и кончая оссуариями, статуэтками и др. В нескольких пунктах Семиречья обнаружены овальные оссуарии, свой-

---

[1] *А. Н. Бернштам.* Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 34—43; *его же.* Чуйская долина. МИА № 14, 1950, стр. 110—123.

ственные только культуре согдийцев. Терракотовые статуэтки, изображающие самих согдийцев с характерными европеоидными чертами, узким лицом, выступающим носом, впалыми глазами и длинной бородой. К памятникам согдийской культуры относятся также своеобразные светильники, изображения животных и др. Глиняная посуда, изготовленная ремесленниками-согдийцами, прекрасного качества и резко отличается от посуды кочевого населения. В период Тюркского каганата в Семиречье преобладала высокая культура согдийских поселений. О влиянии Китая на развитие городской культуры Семиречья свидетельствуют находки предметов китайского происхождения и существование китайских поселений, одно из которых видел Сюань Цзан.

В период Западно-Тюркского каганата оседлые поселения появляются в далеких районах, занятых кочевниками: в таких долинах Тянь-Шаня как Токуз-Торау Джумгаг Сусамыр, Алабука Чаткал и Кетмень-Тюбе. Во всех этих районах археологами обнаружены развалины поселений, возникших в VI—VIII вв. [1]. С VI в. становится больше крупных поселений в Южном Казахстане [2]. Значительное развитие получают оседлые поселения в низовьях Сыр-Дарьи [3]. Возникновение всех этих поселений можно связывать не только с деятельностью согдийских или иных выходцев из земледельческих районов Средней Азии. Несомненно, что в развитии оседлоземледельческой культуры этого времени значительная роль принадлежит тюркоязычным кочевым племенам, частично переходившим на оседлость.

Тюркские племена в Семиречье были тесно связаны с согдийскими поселениями. Часть их начинает в это время оседать и заниматься земледелием, это можно наблюдать по археологическим материалам, например, поселения у ст. Луговое. В это же время некоторые тюркские племена проникают в земледельческие районы Средней Азии (особенно в Чач и северную Фергану), где они постепенно переходят к оседлости.

Однако основной формой хозяйства тюркских племен оставалось кочевое скотоводство, дававшее основное богатство — лошадей, коров, верблюдов и овец. Сезонное кочевание со скотом, содержавшимся на подножном корму, велось племенами на определенной территории.

Как и все кочевые народы тюрки занимались обработкой продуктов скотоводства. Значительное развитие получило у них кузнечное ремесло (изготовление предметов вооружения и украшений), домашнее производство глиняной посуды, а также ткачество, обработка кости и др.

---

[1] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; *А. К. Кибиров.* Археологические памятники Чаткала. «Тр. ин-та языка, литературы и истории АН Кир.ССР», вып. 5, 1956; *его же.* О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра. «Тр. ин-та истории АН Кирг.ССР», вып. 1. 1955.

[2] *Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Тр. ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР», V, 1958, стр. 3—215.

[3] *С. П. Толстов.* Города гузов. СЭ, 1947, № 3.

Металлические украшения из Кочкорского клада с Тянь-Шаня

Замечательные предметы из Кочкорского клада свидетельствуют о высоком искусстве тюркских мастеров.

Однако в снабжении ремесленной продукцией главная роль принадлежала согдийским поселениям. Накопление богатства каганом и племенной знатью Западно-Тюркского каганата, рост товарности скотоводческого хозяйства и развитие обмена между кочевым и земледельческим населением привело к значительному росту товарных отношений. Это в свою очередь вызвало необходимость чекана своей монеты в середине VIII в., что свидетельствует о значительном расширении сферы товарно-денежных отношений в Семиречье в это время.

В VII в. торговый путь в Китай, ранее проходивший через Фергану, передвинулся на север и проходил от берегов Сыр-Дарьи через Семиречье и Иссык-Куль. Каганы получали большую выгоду от транзитной торговли с Китаем, и поэтому покровительствовали ей. Развитию торговли способствовало создание обширного тюркского государства, что обеспечивало относительную безопасность торговли на огромной территории от Византии до Китая. Посредниками в этой торговле выступали согдийские купцы и согдийские колонии Семиречья.

Крупнейшим культурным достижением этого времени явилось создание тюркской рунической письменности. Замечательные памятники рунической письменности были обнаружены на Енисее, Орхоне и в Туве. Исследователи считают наиболее вероятным, что в Семиречье или в Средней Азии впервые использовали арамейский алфавит для передачи тюркской речи, что именно здесь была создана руническая письменность, которая затем проникла к восточным тюркам. В Семиречье известно девять

Металлические украшения из Кочкорского клада с Тянь-Шаня

рунических надписей. В Таласе рунические надписи обнаружены на камнях, поставленных на могилах [1]. Уникальной находкой является деревянная палочка с рунической надписью, найденная в Таласе, которая может быть принадлежала купцу или проводнику караванов.

Памятниками древнетюркской письменности являются находки рунических надписей на фрагментах сосудов в долине Исфары и в других

[1] В качестве примера приведем одну надпись, которая гласит: «Имя его Чур. От вас, тридцать огланов, от выгод и благ (мира) он отделился (т. е. умер). Вам, доверенные мужи. Оглан-Чур, наследуя остался, жена его вдовой осталась». Упомянутый здесь Оглан-Чур, очевидно, является сыном покойного Чура (*С. Е. Малов*. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 74—75).

пунктах Ферганской долины [1]. Они свидетельствуют о существовании тюркоязычного населения в Фергане и доказывают тюркизацию местного ираноязычного населения. Еще один документ, написанный на коже, вероятно, руническим алфавитом обнаружен среди замечательной коллекции документов в замке на горе Муг. Рунические надписи в Средней Азии исполнены на камне, на керамике, на дереве и на коже. Разнообразие материалов, обнаружение их на широкой территории говорит о распространенности этой письменности у населения Средней Азии в VI—VIII вв.

Антропологические материалы добытые в курганах тюркского времени показывают смешанность физических типов у населения Тянь-Шаня, Алая, Восточного и Центрального Казахстана [2]. Население было разнородно по расовому составу: в нем были европеоидные группы — прямые потомки местного кочевого населения более ранних периодов; европеоидное население с монголоидной примесью и группа южносибирского типа. Антропологические наблюдения подтверждают факт усиления монголоидной примеси у населения Семиречья в эпоху Тюркского каганата [3].

В этническом отношении тюркские племена Западно-Тюркского каганата, очевидно, отличались от населения Восточно-Тюркского каганата. Об этом прямо говорят китайские источники, [4], а также некоторые лингвистические факты и, в частности, разные джекающий (западный) и йокающий (восточный) диалекты тюркского языка.

Тюрки по-прежнему оставались шаманистами и поклонялись естественным силам природы огню, воде, воздуху и земле. Небу и земле они приносили в жертву лошадей, быков и баранов. У них были жрецы, которые предсказывали будущее. Вместе с тем среди них получили некоторое распространение манихейство, буддизм и христианство. Однако бо́льшее признание эти религии нашли у оседлого населения Семиречья. Об этом можно судить по сирийской надписи с христианскими именами на сосуде из раскопок в Таразе и по обнаруженной на городище Ак-Бешим несторианской церкви. Вокруг церкви оказались погребения христиан с нательными крестами и без вещей. Эти данные свидетельствуют о довольно широком распространении христианства в Семиречье. На том же городище Ак-Бешим в последние годы раскопано два буддийских храма VII—VIII вв. Согдийское население Семиречья продолжало придерживаться старых верований, о чем свидетельствуют довольно частые находки оссуариев. Сосуществование в Семиречье разных культов является ярким свидетельством веротерпимости тюркских племен.

---

[1] *А. Н. Бернштам.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, стр. 54—58.

[2] *В. В. Гинзбург.* Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э.— I тысячелетие н. э.) «Среднеазиатский этнографический сборник). «Тр. ин-та этногр.» (новая серия), т. XI, 1954, стр. 377—378.

[3] *Г. Ф. Дебец.* Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. «Тр. Кирг. археол. этногр. экспедиции», т. I, 1956, стр. 16.

[4] *E. Chavannes.* Documents..., стр. 47.

Деревянная палочка с древнетюркской рунической надписью из долины Таласа в Киргизии

Результатом прямой зависимости владений Средней Азии от тюрков и проникновения оседлого населения в среду кочевников и оседания кочевников в земледельческих районах было установление в этот период тесных политических, экономических и культурных связей между кочевым и земледельческим населением Средней Азии.

Создание Тюркского каганата и включение в его состав среднеазиатских владений не имело таких разрушительных последствий для земледельческих областей, какое например, принесло монгольское нашествие. Тюрки ограничивались сбором дани и мало вмешивались во внутренние дела среднеазиатских владений.

Тюркские племена каганата не только эксплуатировали народы Средней Азии, но они внесли известный вклад в развитие их хозяйства и культуры. Западно-Тюркский каганат был государством тюркоязычных кочевых племен на территории Средней Азии и способствовал сложению народностей, которые затем составили основу современных тюркоязычных народов. Существование каганата явилось препятствием для захватнических поползновений сасанидского Ирана. А в более позднее время тюркские племена были источником военной силы в борьбе среднеазиатских владений с арабами, служили постоянной угрозой арабским владениям в Средней Азии и способствовали ослаблению последствий арабского завоевания в северных областях Мавераннахра, особенно для Чача, Ферганы и Хорезма и тем самым содействовали сохранению самостоятельности и самобытного пути развития народов этой части Средней Азии. В этих областях шли процессы тюркизации местного населения, в то время как в областях, находившихся под властью арабов, развитие среднеазиатского населения пошло иным путем. Образование обширной державы создало благоприятные условия для развития торговли между отдельными странами и способствовало известному росту городов и производительных сил в северо-восточных областях Средней Азии.

Однако основное значение Западно-Тюркского каганата в истории заключается в том, что он сыграл большую роль в объединении и консолидации тюркоязычного населения Средней Азии.

4

ХОРЕЗМ В IV—VIII вв.

Историю Хорезма рассматриваемого времени можно разделить на два периода: IV — начало VI в.— это время кризиса социально-экономических отношений, вызванного ростом новых производительных сил в недрах отживающего рабовладельческого общества, VI—VIII вв.— период медленного экономического подъема на основе складывающихся феодальных отношений.

История первого периода может быть очерчена лишь крупными штрихами, ибо памятники этого времени почти не исследовались, а сведения письменных источников о Хорезме IV—VI вв. крайне скудны.

Первые симптомы надвигающегося кризиса, развившегося в IV—V вв., чувствуются уже в конце III в., когда государство, освободившись из-под власти кушан, вступает в полосу кратковременного политического подъема. Символом богатства и силы независимого Хорезма явилась постройка богатого дворцового комплекса Топрак-калы — резиденции хорезмских царей.

Однако появление в этот период медных монет с разными тамгами, чеканившихся, как предполагает С. П. Толстов, сепаратистски настроенной местной знатью, свидетельствует о начинающейся внутренней раздробленности. Начало кризиса совпало с правлением первого представителя новой хорезмской династии Африга, пришедшего к власти в 304—305 гг. Эта династия, названная по его имени династией Афригидов, продержалась в Хорезме вплоть до X в., когда последний из Афригидов Абу-Абдаллах-Мухаммед был убит ургенчским эмиром. Следствием политического кризиса явилось разрушение в IV—V вв. крупных участков ирригационной сети и запустение земельных площадей в районе прежде цветущих оазисов древних каналов Кельтеминара и Тазабагьяба.

Сильно сокращается площадь орошаемых земель в левобережье, где почти полностью перестает действовать канал Чермен-яб. В связи с прекращением жизни многих городов — центров рабовладельческого Хорезма — приходят в упадок ремесла.

Такие же процессы наблюдаются в это время на всей территории Средней Азии. Почти всюду отмечается упадок городов и сокращение ирригационной сети [1].

Центральное место начинает занимать сельская округа, где происходит процесс феодализации, определяющий сущность возникающих новых социально-экономических отношений. В этот период появляются первые укрепленные усадьбы-замки, но археологически они мало изучены.

Переход от рабовладельческой формации к феодальной в Хорезме, как и на западе в Римской империи, сопровождался набегами кочевников, которым ослабевшее государство уже не могло противостоять. Вероятно, именно с набегами кочевников нужно связывать появление в Хорезме этого периода лепной керамики, резко отличной от античной как по формам, так и по орнаментации. О влиянии культуры кочевых племен говорит также и тот факт, что хорезмские цари V—VI вв. стали изображаться на монетах с усами и в кочевническом головном уборе. Таким образом, в этот период начинает складываться новая культура, резко отличная от античной.

Большой интерес с точки зрения происхождения этой культуры, а также понимания взаимоотношений Хорезма IV—VI вв. с окружающими его племенами имеет открытие крепости Игды-кала (IV в.) и работы на поселении Барак-там (конец IV — начало V в.).

[1] *Р. Н. Набиев.* О периодизации истории народов Узбекистана с древнейших времен до присоединения к России. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 441; *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 213.

Замок Барак-Там I в бассейне Акча-Дарьи IV—V вв.

По мнению С. П. Толстова, эти крепости построены хионито-эфталитскими племенами, первоначальный центр сложения которых находился на северо-восточных окраинах Хорезма. Каменная крепость Игды-кала открыта на излучине среднего Узбоя, вновь наполнившегося водой во время прорыва вод Аму-Дарьи и разрушения ирригационной системы Хорезма. Эта крепость являлась одним из опорных пунктов хионитов в их борьбе с Сасанидами, известия о которой есть у римского историка IV в. Аммиана Марцеллина. В результате борьбы, вероятно, погибли такие города Левобережья, как Канга-кала и Куня-Уаз, стены которых имеют проломы, а постройки погибли от пожаров.

Комплекс Барак-там представляет собой большое поселение, расположенное на северо-восточных окраинах Хорезма, в бассейне Акча-Дарьи. Оно состоит более чем из сорока небольших домов, группирующихся вокруг трех зданий, самое крупное из которых, выделяющееся своей монументальной архитектурой, было жилищем одного из вождей племени.

Знакомство с материалом раскопок этих памятников заставляет предположить, что некоторые элементы афригидской культуры складываются в степях варварской периферии.

Крупные толстостенные сосуды из Барак-тама и Игды-кала сходны с керамикой, распространившейся в Хорезме IV—V вв. и являются ранними вариантами посуды последующего периода по манере орнаментации, своеобразная техника которой зарождается, вероятно, именно здесь.

Большой интерес представляет также архитектура центрального сооружения поселения Барак-там, построенного хорезмийскими мастерами по заказу богатого скотовода. Вопрос о происхождении этого здания еще не решен окончательно, но по облику оно напоминает донжоны афригидских замков, являясь, возможно их прототипом.

История Хорезма VI—VIII вв. известна несколько полнее, чем история предыдущего периода, благодаря хроникам арабоязычных авторов и археологическим работам на памятниках этого времени.

В этот период (VI—VIII в.) в Средней Азии существовало тюркское государство. Характер взаимоотношения Хорезма с тюрками выяснен недостаточно. Однако, видимо, Хорезм сохранял свою независимость, лишь формально подчиняясь тюркскому кагану. Доказательством этого служит рассказ Менандра о путешествии византийского посла Земарха к тюркскому кагану Дизавулу [1].

Владыки многих среднеазиатских государств хотели присоединить своих представителей к посольству Земарха, возвращающемуся в Византию, но Дизавул отказал им в их просьбах, сделав исключение лишь для страны холиатов, т. е. Хорезма. Таким образом, Хорезм если и входил в состав Тюркского каганата, то занимал в нем какое-то особое положение, более независимое сравнительно с другими государствами.

Ко времени появления арабов на территории Средней Азии, она была раздроблена на ряд самостоятельных государств, каждое из которых состояло из города с прилегающей земледельческой областью, возглавлявшихся независимыми правителями. Некоторые данные позволяют заключить, что и в Хорезме, хотя там на протяжении всего рассматриваемого времени правила местная династия, ощущалась тенденция к обособлению отдельных частей. Арабские историки упоминают крупных дихканов (царьков) и некоего царя Хамджерда, правившего, вероятно, в западном Хорезме и постоянно тревожившего хорезм-шаха нападениями на его территорию.

Первые набеги арабов на Хорезм относятся к VII в. Они не принесли им успеха.

Завоевание Хорезма связано с именем арабского полководца Кутейбы-ибн-Муслима и относится к 712 г., причем поводом для вступления арабов в Хорезм явилось вспыхнувшее там в это время восстание против хорезмшаха, руководимое его братом Хурзадом.

С. П. Толстов, посвятивший анализу восстания специальное исследование, рассматривает его как восстание маздакидского толка [2].

Хорезмшах Арсамух, правивший в то время в Хорезме, не мог сам справиться с восставшими и обратился за помощью к арабам.

Кутейба, сделав ложную диверсию в сторону Согда, неожиданно появился под Хазараспом. Он жестоко расправился с восставшими, убив,

[1] *Менандр*. Указ. соч., стр. 381.

[2] *С. П. Толстов*. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 221.

как сообщает Бируни, 4 тыс. человек и казнив Хурзада. В сражении был убит и Хамджерд. Арабы разогнали хорезмских ученых, а книги их сожгли.

Белазури и Бируни сообщают, что Кутейбе пришлось дважды возвращаться в Хорезм[1]. Разгромив восстание он оставил правителем хорезмшаха, но сразу после его ухода хорезмийцы снова восстали и свергли его. Тогда Кутейба, как сообщает Белазури, вернувшись, чтобы навести порядок, оставил в качестве соправителя — валия своего брата Абдаллаха. С тех пор власть в Хорезме делилась между Кятом — столицей хорезмшахов и Ургенчем — резиденцией ургенчских эмиров, пока в X в. Мамун ибн-Мамун не объединил южную и северную части государства, убив хорезм-шаха.

После походов Кутейбы Хорезм формально признал вассальную зависимость от арабов с уплатой им ежегодной дани, однако, не прекратил сопротивления, пытаясь найти союзника в Китае, который вел в это время неудачную борьбу с арабами, завершившуюся окончательной потерей Китаем своих позиций в Средней Азии, приобретенных им в период тюркского каганата. В то же время укрепляются связи с Хазарией и даже, видимо, на какой-то очень короткий срок создается объединенное Хазарско-Хорезмское государство, распавшееся в 60-х годах VIII в., когда из Хазарии были изгнаны хорезмийцы. К концу VIII в. на афригидских монетах появляются арабские надписи, свидетельство подчинения Хорезма власти халифата.

Восстание Хурзада, явившееся поводом для вступления арабов в Хорезм, свидетельствует об интенсивности процесса феодализации страны, усилении мощи земельной знати — дихканов, закабалявших общинников.

Степень и пути феодализации на данном этапе наших знаний из-за крайней скудости источников определены достоверно быть не могут. Можно, однако, предположить, что и здесь, как в соседних странах с аналогичным уровнем экономического развития, история которых лучше освещена данными письменных источников, феодализация шла двумя путями: путем распада сельских общин, часть членов которых переходит в разряд зависимых людей, и путем пожалований за военную службу. Вырастает слой новой земельной аристократии — дихкан, включающий в себя и часть старой рабовладельческой знати, резко противостоящей земельной общине, рабам и зависимым людям — кедиверам, упоминания о которых встречаются, например, у Нершахи в рассказе о восстании Абруя в Бухаре в VI в.[2]

Следует отметить, что несмотря на некоторый экономический подъем

---

[1] *Al-Baladhuri.* The Origin of the Islamic State Being a translation from the arabic of the Kitab Futuh al-Buldan of Imam Abu-l'Abbas Ahmad ibn Jabir bal-Baladhuri. Transl. by F. C. Murgotten. N.-Y., 1924, стр. 187; *Albiruni.* The Chronology of Ancient notions on English version of the arabic Text of the Ather ul-Babiye of Alberuni. Transl. by dr. E. Sachau. London, 1879, стр. 41.

[2] *Нершахи.* История Бухары. Перевод Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 13.

государства, наблюдающийся к концу афригидской эпохи, последствия кризиса изживаются крайне медленно. Хорезм VI—VIII вв. нельзя считать, как например, раннесредневековый Согд страной наивысшего подъема ремесел, земледелия, торговли и культуры [1].

Кризис IV — начала VI вв. особенно ярко проявился в резком сокращении числа городов. Так, в VIII в. Табари и Белазури отмечают в Хорезме только три города — Кят, Хазарасп и, видимо, Ургенч [2]. Приводимая ими цифра, как будет видно ниже, явно преуменьшена. Некоторые авторы считают, что в это время существовали также Хива и Замахшар [3].

Облик этих городов почти неизвестен. Кое-какие отрывочные сведения о них встречаются в письменных источниках главным образом в сообщениях позднейших авторов, но они относятся в основном к Кяту.

Кят, столица афригидского Хорезма, по данным Белазури, в VIII в. был самым укрепленным и большим городом, по площади равным домусульманскому Самарканду. Он имел цитадель ал-Фир, построенную Афригом и запустевшую в X в., когда город видел описавший его ал-Истахри.

В этом описании ал-Истахри упоминает два города [4]: старый, в X в. смытый волнами Аму-Дарьи и являвшийся, несомненно, шахристаном, и новый, выросший около него, который можно отождествить с рабадом. Источники называют несколько имен столицы Афригидов — Кят, Хорезм и ал-Фир (по имени цитадели), причем последнее является древнейшим.

Высказывалось также предположение, что имя старого города было Хорезм и что трехчленное деление столицы существовало уже в эпоху завоевания страны арабами.

Таким образом, можно предположить, что Кят развивался, как и многие города Мавераннахра, от цитадели — арка, являвшегося его политическим центром, где находились, видимо, жилища владетеля города и его приближенных, а также помещения для всякого рода служб, к шахристану — средоточию политической, административной, культурной и торгово-ремесленной жизни города, где жили земельные собственники — дихканы, купцы, и от него — к рабаду — новому торгово-ремесленному центру, пригороду, рост которого постепенно меняет облик города.

Истахри пишет, что Ургенч в древности, когда Кят являлся столицей, т. е. на протяжении всего правления династии Афригидов, был совсем еще небольшим городом. Он начинает быстро расти, видимо, только с X в., когда становится столицей Мамунидов.

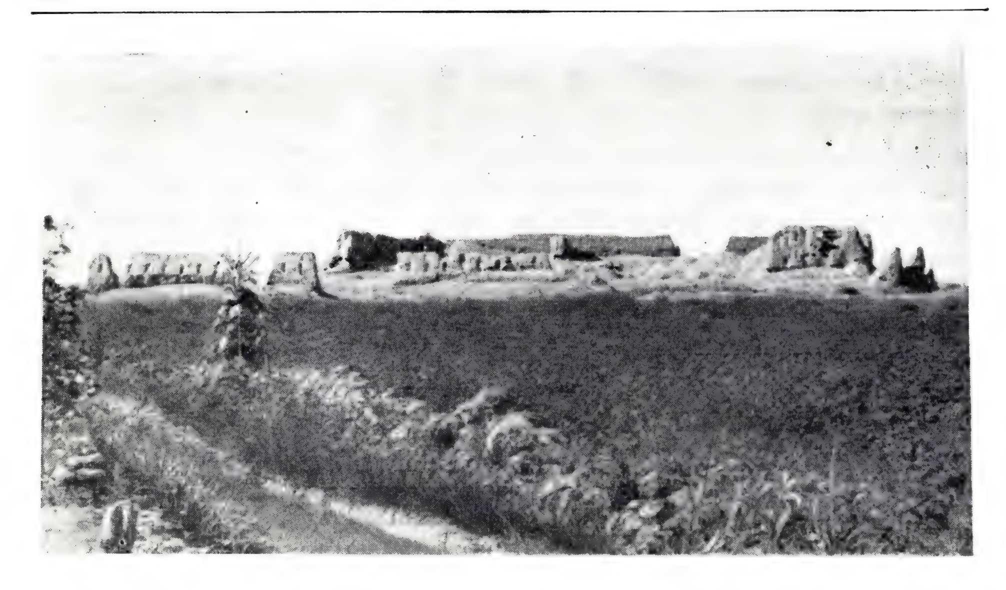
---

[1] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 161.

[2] *Tabari.* Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d. Abou Ali Mohammad Bel'ami par M. Zotenberg, t. IV. Paris, 1867, стр. 176; *Al-Baladhuri.* Указ соч., стр. 188.

[3] *В. А. Лавров.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 56.

[4] *Ал-Истахри.* Китаб Месалик ал-мамалик. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 178.



Городище Беркут-кала VI—VIII вв. (общий вид)

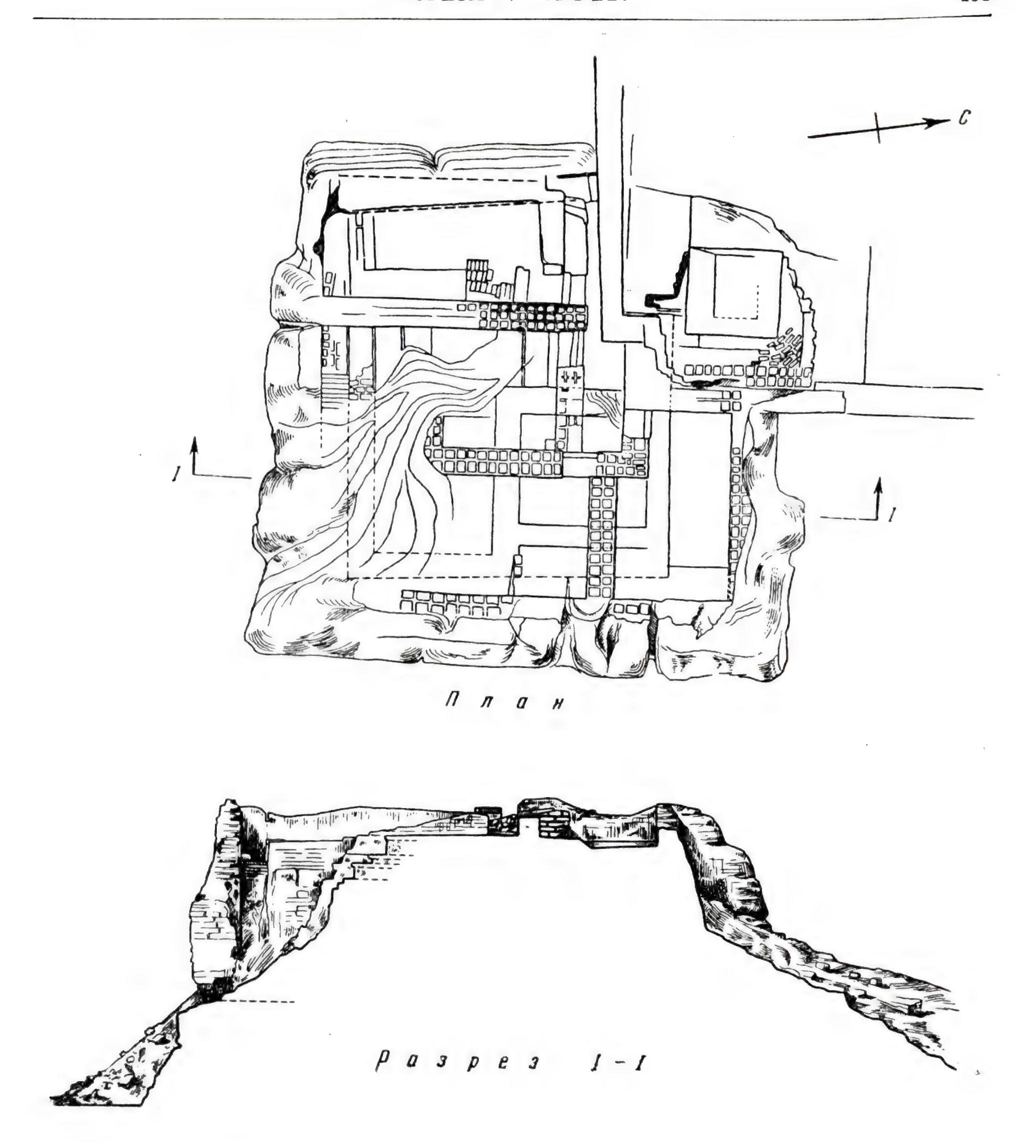
Археологические исследования, благодаря которым на территории Хорезма открыты еще три города — Беркут-кала, Хайван-кала и Куюк-кала устанавливают и другие закономерности развития раннефеодальных городов Хорезма. Так, небольшой г. Беркут-кала складывался в виде торгово-ремесленного посада у подножья самого крупного замка земледельческого оазиса, названного его именем. Сам факт появления в Хорезме во второй половине VIII в. городов, подобных Беркут-кала, является свидетельством оживления городской жизни.

Куюк-кала — один из городов области Кердер, расположенный в дельте Аму-Дарьи, был основан оседавшими кочевниками и стихийно разросся вокруг первоначального ядра — прямоугольной цитадели.

Отличительной чертой этих раннесредневековых городов по сравнению с рабовладельческими полисами является неправильность их планировки. Жители городов, занимавшиеся ремеслами (железоделательное, гончарное и др.) и торговлей, о развитии которой свидетельствует большое количество монет, находимых на городских территориях, еще не порвали с земледелием и скотоводством.

По мере развития ремесел все более важную роль приобретает торгово-ремесленное предместье — рабад, в последующие столетия становящийся центром жизни города.

Однако несмотря на начинающийся подъем городов, раннесредневековый Хорезм — страна сельскохозяйственная. Основная масса населения живет в деревне. Главным занятием хорезмийцев, как и во все предшествующие периоды, является поливное земледелие. Техника земледелия совершенствуется — углубляются широкие античные каналы, а боковые ответвления отводятся от центрального уже не под прямым углом, а под острым, что свидетельствует о более рациональном использовании воды



Городище Беркут-кала VI—VIII вв. (план и разрез донжона)

и упрощении приемов распределения ее на поля [1]. Это, вместе с заменой зернотерок жерновами — результат крупных экономических сдвигов, сопровождающих феодализацию общества.

Хорезмийцы применяли искусственные удобрения полей, используя развалины более ранних сырцовых сооружений, разрушение которых для этой цели зафиксировано археологами уже для очень раннего времени.

Состав сельскохозяйственных культур, как можно судить по многочисленным находкам семян, почти не отличался от современного.

[1] *С. П. Толстов* и *В. В. Андрианов*. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. «Краткие сообщ. Ин-та этнограф.», вып. 26, 1957, стр. 7—8.

Хорезмские монеты III и VIII века.

Возделывались пшеница, ячмень, просо, а также, видимо, джугара и рис. Разводились садовые, бахчевые и огородные культуры — яблони, груши, сливы, дыни, арбузы, огурцы; большое значение имело виноградарство.

Широко культивировался хлопок, причем в это время уже был известен его тонковолокнистый сорт. Из этого сорта хлопка, видимо, изготовлялись те высокосортные ткани, тысячу кусков которых захватил в качестве дани из Хорезма арабский полководец Кутейба, как об этом сообщает Табари [1].

В X в. когда сведения письменных источников о Хорезме становятся значительно полнее, хлопчатобумажные ткани постоянно упоминаются при перечислении вывозящихся из Хорезма товаров [2].

Можно предположить, что Хорезм уже в VI—VIII вв. был одним из центров ткачества, которыми славилась раннесредневековая Средняя Азия.

Из еще очень немногочисленных находок сельскохозяйственных орудий упомянем сделанные из железа наконечник кетменя, серпы и виноградные ножи, по форме почти не отличающиеся от современных.

Наряду с земледелием крупную, но явно подсобную роль играло скотоводство. Разводились овцы, крупный рогатый скот, козы, свиньи, гораздо более мелкой породы, чем современного, две породы лошадей — крупные и мелкие, а также верблюды, лошади, ослы. В VII—VIII вв. возрастает процент мелкого рогатого скота в сравнении с крупным, что может объясняться либо уменьшением площади пастбищ в связи с изменением кли-

---

[1] *Tabari,* IV, стр. 177.

[2] *Ал-Истахри.* Худуд-ал-Алем. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, стр. 180—216.

Замок № 58 VIII в.

матических условий, либо большей интенсивностью земледелия, и поэтому превращения части пастбищ в поля [1].

Общая натурализация хозяйства в связи с кризисом социально-экономических отношений привела к резкому сокращению торговли, которая оживляется только в VIII в., в период стабилизации экономики Хорезма и начинающегося подъема городов, признаком чего является увеличение числа серебряных и особенно медных монет, находящихся в обращении.

Монеты афригидских царей — крупные серебряные тетрадрахмы и более мелкие — медные имеют на одной стороне изображение царя в круглой шапочке с полумесяцами или в ступенчатой короне с полусферой, на другой — традиционного хорезмского всадника и надпись.

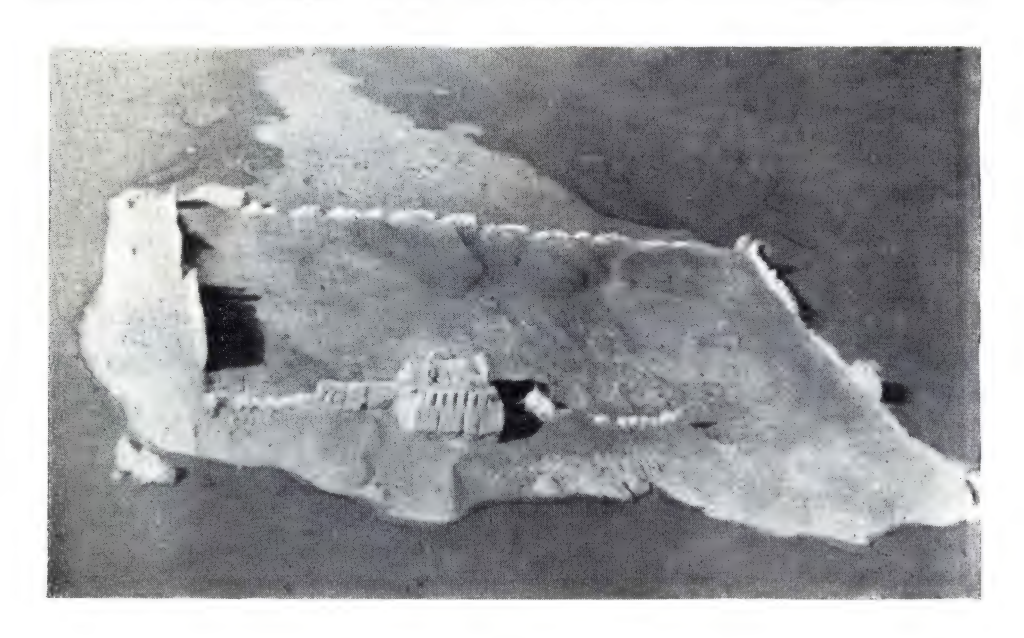
В VIII в. появляются монеты, где изображение всадника заменяется тамгой, а надпись, сделанная хорезмским шрифтом, выработанным на основе арамейского алфавита, заменяется арабской.

Внешнеторговые связи Хорезма, очень широкие и разнообразные в кушанский период, сейчас ослабевают и заменяются весьма односторонними отношениями, преимущественно с северной кочевой периферией. Находки в Приаральи серебряных чаш, хорезмское происхождение которых доказано А. И. Тереножкиным [2] и С. П. Толстовым [3], распространение в Приаралье хорезмских монет и керамики, позволяют думать, что раннефеодальный Хорезм находился в тесных торгово-хозяйственных

[1] *В. И. Цалкин.* Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. «Тр. Хорезмской археол. этногр. эксп.», т. I, М., 1952, стр. 244.

[2] *А. И. Тереножкин.* К истории искусства Хорезма. «Искусство», 1939, № 2.

[3] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 193—194.



Уй-кала VI—VIII вв. Аэрофото

отношениях с этими областями, продолжая, видимо, колонизационную деятельность, начатую им еще в эпоху расцвета рабовладельческого общества.

Сельское население Хорезма живет большими патриархальными семьями в отдельно расположенных укрепленных усадьбах — замках.

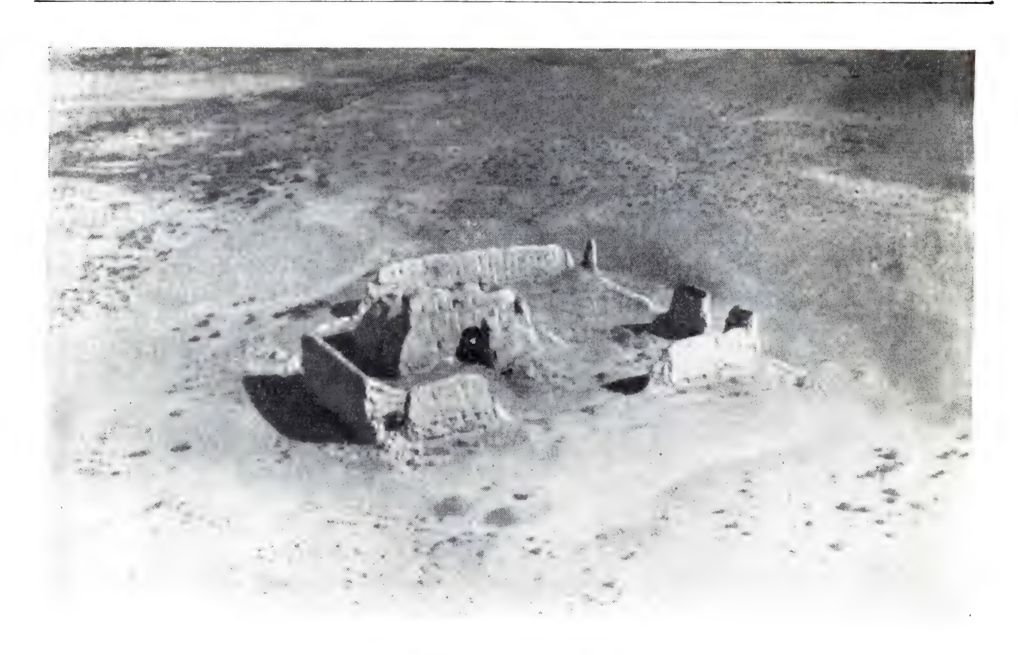
Эти большие семьи — кеды письменных источников состояли из нескольких поколений близких родственников и возглавлялись главой дома — кедхудой. Кроме того, в состав богатых кедов входили рабы, кедиверы и чакиры — личная гвардия феодала.

Облик усадеб, хорошо известных благодаря раскопкам в Беркут-калинском оазисе, дает представление о многих сторонах жизни афригидского общества: социально-экономическом строе, жилищах и укреплениях, строительной технике, гончарстве.

Беркут-калинский оазис протянулся на 40 км вдоль русла древнего канала Тазабагъяб и состоит более чем из 130 отдельных расположенных и укрепленных усадеб, крупнейшие из которых — Беркут-кала, Уй-кала, Тешик-кала, Кум-Баскан-кала. Усадьбы располагаются группами вдоль боковых ответвлений магистральных каналов; каждая является поселением сельской общины. Крупные замки строятся у истоков каналов, для контроля над распределением воды на поля.

Это расположение усадеб, а также резкое их различие по величине (площадь крупных достигает нескольких гектаров, мелких — не превышает 100—300 кв. м) свидетельствует о значительном социально-экономическом расслоении сельских общин, выделении внутри них земельной знати — дихкан, которым принадлежали крупные замки.

Большое развитие в VI—VIII вв. получила частная фортификация,



Замок № 10. Аэрофото

теперь уже не построенные государством крепости охраняют мирные оазисы, а каждая усадьба защищается самостоятельно. Замки феодалов являются настоящими укреплениями, состоящими из двора, окруженного крепкими высокими стенами и застроенного жилыми и хозяйственными застройками, и башни — донжона.

Стены замков надежно защищены двухэтажными башнями, из которых осуществлялась фланговая оборона, с бойницами подошвенного боя и стрелковыми площадками, приспособленными для фронтальной обороны.

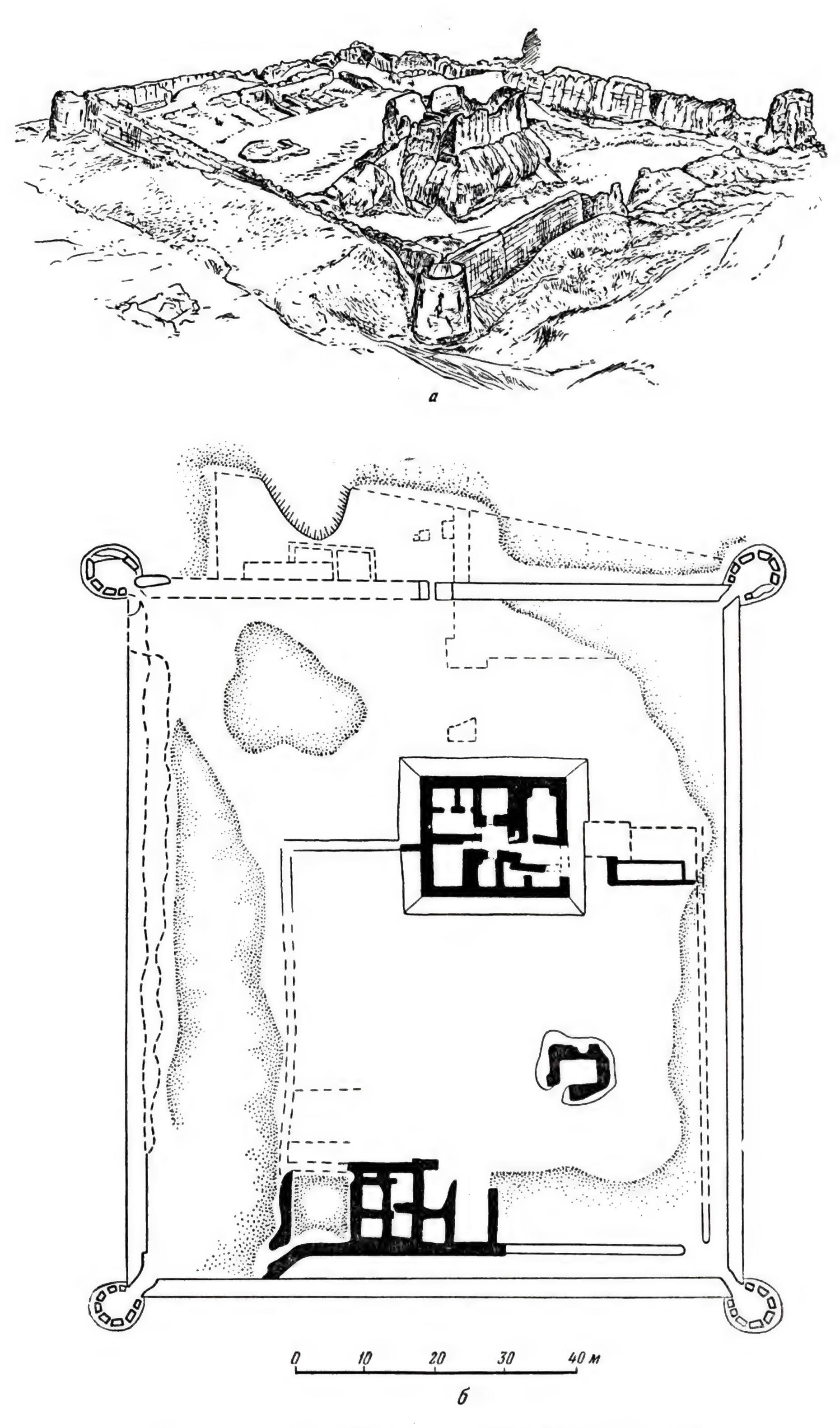
Таковы сильнейшие замки Хорезма — Тешик-кала и Беркут-кала.

Возведение подобных крепостей свидетельствует об искусности афригидских мастеров, их знании законов фортификации, в развитие которой они внесли свой вклад.

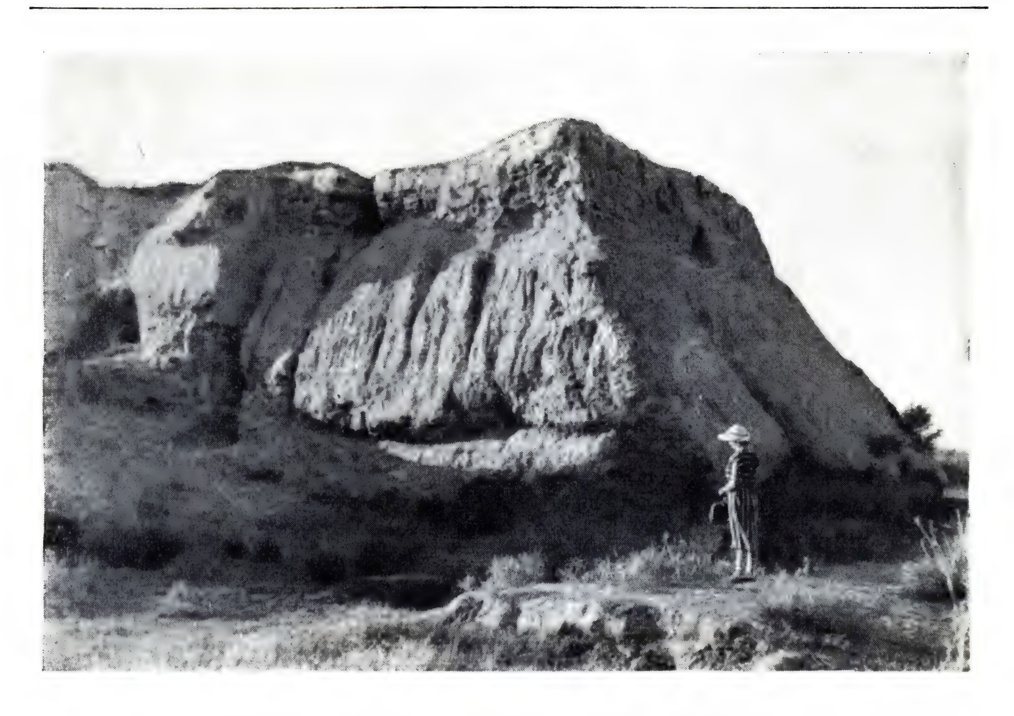
Огромные башни — донжоны, поднятые на сплошной глинобитный или пахсовый цоколь, достигающий 6—8 м высоты — последнее слово военной науки эпохи Афригидов. Они возникли в VIII в. в результате перестройки многих усадеб, что было вызвано осложнением внутренней и внешней обстановки в Хорезме. Это было время восстания Хуррзада и арабского нашествия.

Донжоны являлись последним убежищем защитников осажденной крепости, совершенно неприступным в случае уничтожения перекидного мостика — единственного средства сообщения с остальными постройками.

При укреплении некоторых из замков применялся любопытный прием, известный в среднеазиатской фортификации с древнейших времен: использование естественных болот и протоков, а также искусственное заболачивание местности вокруг, препятствовавшее врагу подступ к крепости.



Тешик-кала VI—VIII вв.: *а* — общий вид; *б* — план



Донжон замка № 8 Беркут-калинского оазиса VIII в.

Облик хорезмских замков прост, но выразителен. Их строители никогда не ставили перед собой чисто эстетических задач — последние всегда сочетались с практическими требованиями. Так, гофры-полуколонны донжонов Уй-калы, Тешик-калы и Якке-Парсана, являясь декоративным приемом, в то же время служили контрфорсами, укреплявшими стены.

Прекрасным образцом строительного искусства этого времени является замок № 92, архитектура которого при всем ее своеобразии имеет черты, общие для многих афригидских памятников.

Он состоит из двухэтажного квадратного донжона и отдельно расположенных построек, вытянутых в один ряд. Нижний этаж здания, являвшийся жилым, разделен двумя параллельными стенами на три ряда симметрично расположенных помещений. Центром его являлась узкая комната с колодцем, которая, возможно, не была перекрыта и являлась световым двориком. Крутые пандусы в арочных дверных проемах вели из него в хранилища и жилые помещения с кирпичными суфами вдоль стен и очагами в полу. Единое целое с донжоном составляла башня, оборонявшая вход в донжон и находившаяся в его северо-восточном углу.

Стены здания венчал зубчатый карниз, а на уровне верхнего не сохранившегося этажа их толщу прорезали узкие щелевидные бойницы.

Крестьянские усадьбы резко отличаются от замков дихкан размерами, степенью укрепленности и бедностью архитектурного оформления.

Стены окружающие двор, гораздо тоньше стен феодальных замков (башни зачастую отсутствуют).

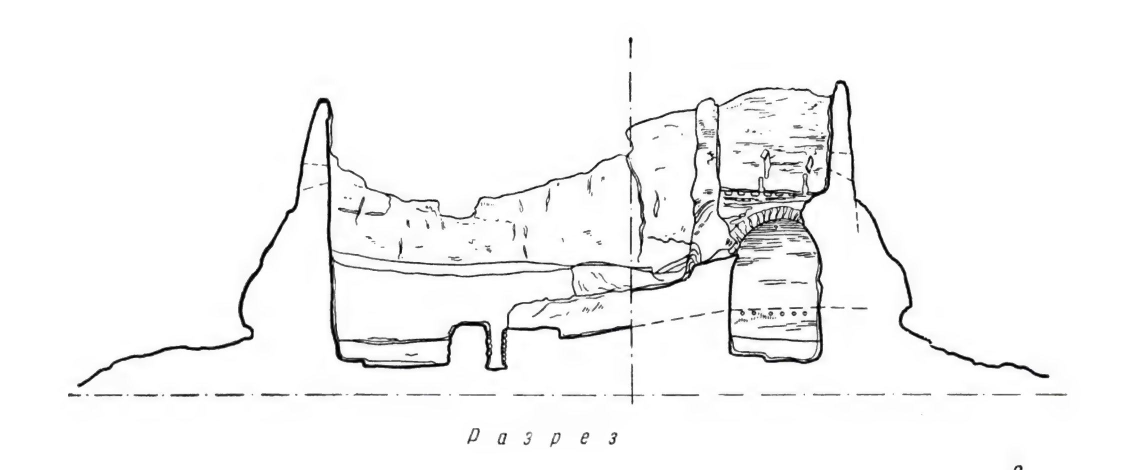
Замок № 92 VIII в. (общий вид)

Небольшие однокомнатные или двухкомнатные донжоны таких усадеб редко имеют высокие цоколи. В отличие от донжонов дихканских замков они нежилые и использовались как хранилища и для других хозяйственных нужд, а во время осады — в качестве оборонительной башни. Здесь уже нет ни фризов, украшавших стены, ни ковров на полу, как в Тешик-кале; низкие и убогие постройки тесно лепятся друг к другу, укрывшись за высокими стенами.

Строительная техника этого времени основана на применении навыков и материалов, освоенных мастерами античного Хорезма.

Основными строительными материалами, как и в предшествующую эпоху, являются квадратный сырцовый кирпич и пахса, причем размер кирпичей становится мельче — вместо крупного сырцового кирпича античности при строительстве зданий VI—VIII в. применяются квадратные кирпичи, размер сторон которых колеблется от 35 до 38 см. Из кирпичей сооружались стены помещений, верхние этажи донжонов, внутренние конструкции, однако, пахса в строительстве играла бо́льшую роль — крепостные стены, фундаменты, цоколи, внешняя «рубашка» донжонов — все строилось из пахсы.

В кладке сводов применялись иногда специальные клиновидные кирпичи, однако в целом по сравнению с рабовладельческим временем строительная техника в исследуемый период делается более грубой. Большое распространение получила комбинированная кладка — слои пахсы толщиной 30—40 см перемежаются с рядами кирпичей. Эта кладка зафиксирована также в постройках городищ Джеты-асарского комплекса в Северном



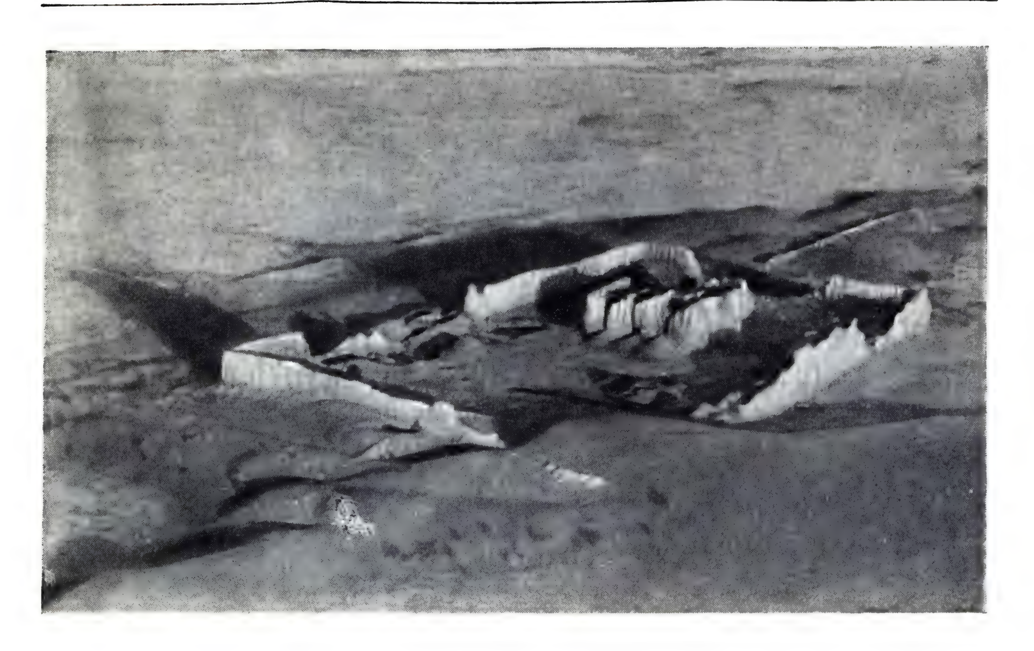
С

№5
№6
Суфа
№1
№2
Пандус
Пандус
Пандус
Колодец
№3
Пандус
№4
Яма
№4
Суфа

План

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 м

Замок № 92 VIII в. (план и разрез донжона)



Адамли-кала. Аэрофото

Казахстане, многие черты культуры которых сближаются с хорезмской культурой периода Афригидов.

В конце VIII в. в Хорезме появляются первые постройки, перекрытые куполом, еще очень несовершенным по своей конструкции.

Большое количество керамических изделий, найденных при раскопках замков, дает ясное представление о гончарном искусстве афригидского Хорезма, на продукции которого сильно отразился кризис социально-экономических отношений в Хорезме. Большинство сосудов в IV—V вв. делается от руки. В VI—VIII вв. процент круговой посуды возрастает в связи с некоторым подъемом ремесел, но неремесленной керамики еще много.

Появляется много крупных сосудов, сделанных из грубого теста с большой примесью дресвы и шамота. Ведущими формами являются огромные в $^3/_4$ человеческого роста хумы с высокой шейкой, округлой формы туловом и выпуклым дном; кувшины с туловом яйцевидной формы, плоской, сужающейся книзу ручкой и венчиком подтреугольного сечения; хумчи нескольких разновидностей: горшки и котлы простой, долго живущей в Средней Азии формы; большие кружки с кольцевидной ручкой.

В орнаментации керамики совершенно исчезает лак, лощение, роспись, красный ангоб сменяется зеленовато-желтым. Распространен орнамент в виде продавленных пальцами полосок и налепных медальонов, прочерченный орнамент зигзагами, треугольниками или волнообразными полосами, проделанными крупнозубчатым штампом. Манерой орнаментации, а также рядом форм керамика афригидского Хорезма сближается с керамикой кочевых и полукочевых племен — обитателей северных границ Хо-

Глиняные сосуды VI—VIII вв. из Хорезма

Хумы для воды из замка № 4 Беркут-Калы

резма, где, как мы уже указывали, подобные формы и орнамент появляются раньше.

Это же влияние вкусов кочевого мира отразилось и в украшениях. В VI—VIII вв. встречается большое количество бронзовых украшений: пряжки, серьги, перстни с круглым глазком, которые были широко распространены среди приаральских племен. Из других вещей этого времени отметим железные крупные трехперые и ромбовидные наконечники стрел, железные и костяные ножи, костяные и деревянные гребни и т. д.

Кроме того, в Хорезме изготовлялась красивая утварь из драгоценных металлов: в Прикамьи найдено несколько серебряных чаш с изображениями замка, аналогичного по архитектуре Тешик-калинскому донжону сражающихся воинов в трехрогих головных уборах и т. д. Среднеазиатские города периода арабского нашествия вообще славились золотыми и серебряными изделиями, упоминания о которых есть, например, в хронике Табари.

О духовной культуре, в частности о культах, которым поклонялись жители Хорезма эпохи Афригидов, известно немного. Находки алебастровых оссуариев — костехранилищ, открытие храмов огня является доказательством того, что зороастризм по-прежнему имел в Хорезме прочные корни.

Оссуарии имели вид прямоугольного ящика на четырех ножках. Целое кладбище таких алебастровых оссуариев найдено вблизи г. Куюк-кала.

Обособленность больших семей — кедов, сохранение патриархально-родовых традиций подчеркивается существованием семейных кладбищ при усадьбе. В одном из помещений донжона замка № 36 находились алебастровые оссуарии, а купольная пристройка к замку являлась, возможно,

Замок № 7 Беркут-кала VIII в.

Замок № 36

Замок № 30 (общий вид)

катом — «домиком мертвых», где по предусмотренному зороастризмом ритуалу разлагались трупы.

Кроме того, в VII—VIII вв. в Хорезме исповедывали христианство, пришедшее сюда из Византии через Хазарию, а также юдаизм, который затем, согласно выдвинутой С. П. Толстовым гипотезе, распространился в Хазарию, куда бежали хорезмийские еврейские ученые от арабов Кутейбы.

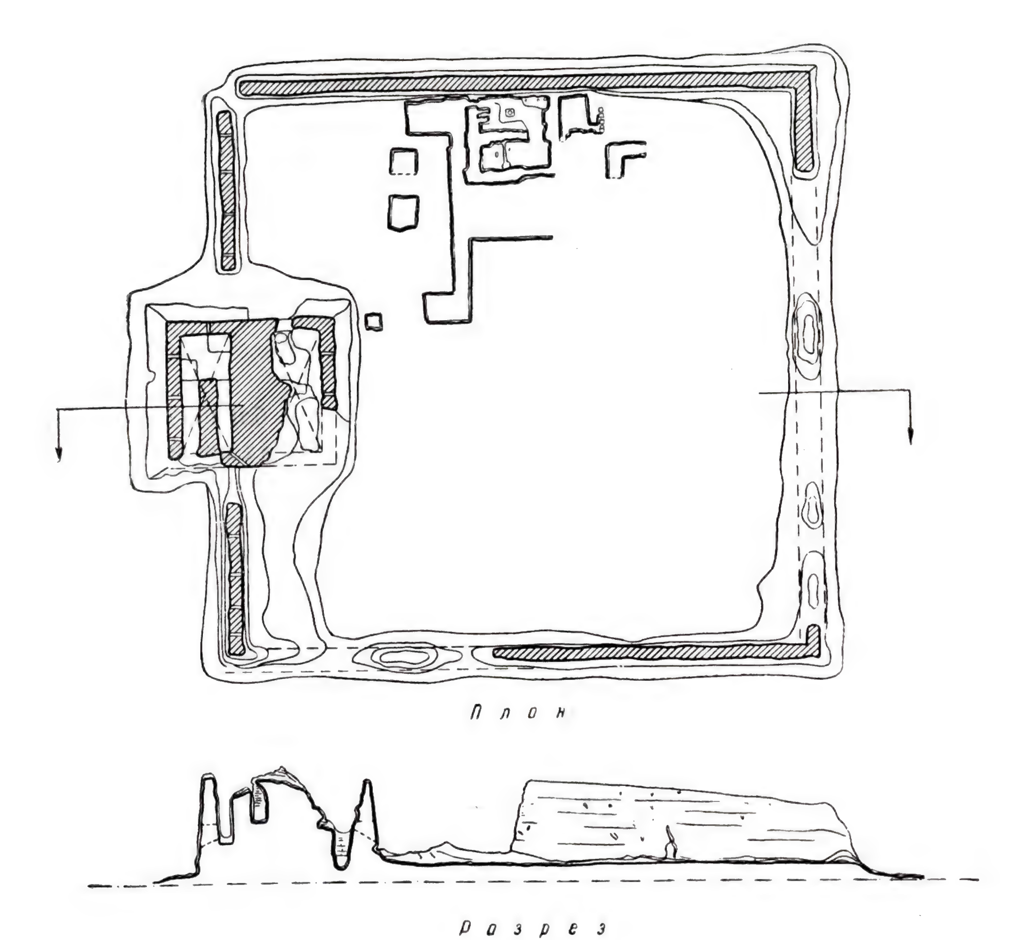
Продолжали существовать культы Сиявуша-бога «умирающей и воскресающей» природы и богини плодородия — среднеазиатской Анахит, которую С. П. Толстов узнает в изображении четверорукого божества на глиняных печатях из замка № 4 и тождественном ему изображении на серебряных блюдах хорезмийского происхождения, найденных в Прикамьи [1].

Хорезмийский всадник — символ Сиявуша, легендарного предка хорезмийцев, фигурирует на монетах и на бронзовых печатях афригидского периода.

Ислам медленно укоренялся в Хорезме. В VIII в. еще не чувствуется его влияния на культуру — верхние послеарабские слои афригидских замков ничем не отличаются от более ранних слоев.

IV—VIII вв.— один из самых интересных периодов в истории Хорезма, период формирования феодальных отношений в экономике и множества новых черт в культуре, в сложении которых и в том, и в другом случаях большую роль играло кочевое окружение. Связь с «варварской»

[1] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 200—201.



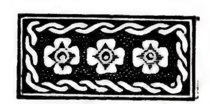
Замок № 30 (план и разрез)

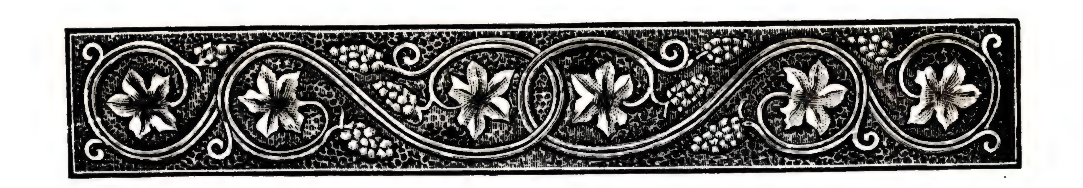
периферией всегда была отличительной чертой Хорезма, но именно в афригидский период она становится особенно тесной.

Кочевники, пользуясь временным ослаблением государства в IV—VI в., проникают на его территорию, принося свою культуру, свои вкусы, наложившие глубокий отпечаток на культуру Хорезма. Эта своеобразная «варваризованная» культура, развивающаяся в афригидском Хорезме имеет очень мало общего с культурами Согда, Семиречья, Чача, между которыми в этот период, напротив, отмечается значительное сходство.

Многие ее черты получили дальнейшее развитие в средневековье и дожили в отдельных случаях вплоть до недавнего прошлого. Так, именно в это время распространяется расселение отдельными усадьбами, существовавшее в Хорезме вплоть до Октябрьской революции и установление колхозного строя, а сами усадьбы во многом напоминают узбекские и туркменские «хаули».

Именно в этот период возникают новые города, уже близкие по своей планировке и культуре феодальным городам последующих периодов средневекового Хорезма. В конце афригидского периода Хорезм вступает в эпоху постепенного подъема экономики и культуры, приведшего к образованию великой империи хорезм-шахов, одной из сильнейших держав феодального Востока.





ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И СИБИРЬ В VII—IX ВВ.

1

БОРЬБА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

На рубеже VII и VIII вв. началась упорная борьба народов Средней Азии против арабского завоевания, продолжавшаяся более полувека. События, связанные с арабским завоеванием, довольно подробно (хотя и односторонне) описаны средневековыми мусульманскими историками, благодаря чему этот период исследован гораздо лучше, чем какой-либо другой период раннесредневековой истории Средней Азии [1].

Юго-западная часть Средней Азии еще в середине VII в. вошла в состав Омейядского халифата. Сюда, на земли, конфискованные у местного населения, переселилось значительное число арабов различных племен. Из этих переселенцев формировались основные кадры арабской армии. Местные жители, перешедшие на службу к арабам, принявшие ислам и адоптированные каким-либо арабским племенем, назывались по-арабски «мавали» (ед. число мавла). Освоив за полвека Хорасан, арабы решились начать завоевание Мавераннахра, областей за Аму-Дарьей.

В Мавераннахре в это время, кроме небольшого числа крупных княжеств, таких как Согд, Хутталь (в долине Вахша и Пянджа), Хорезм, Фергана, Чач (Ташкентский оазис), Чаганиан (долина Сурхан-Дарьи) и Усрушана (в горах между верхним течением Зеравшана и Ходжентом) существовали и более мелкие феодальные владения. Все они постоянно враждовали друг с другом, и их правители видели в арабах силу, на которую можно опереться в борьбе с соперниками. Ведущее положение в Мавераннахре занимал Согд — конфедерация княжеств долины Зеравшана и Кашка-Дарьи; во главе его стоял правитель Самарканда, носивший титул ихшида Согда. Но и здесь, по-видимому, царила феодальная раздробленность и междоусобица.

---

[1] *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1899. Несколько более кратко изложены события в «Истории народов Узбекистана» (т. I. Ташкент, 1956). Специально об арабском завоевании см. *H. A. R. Gibb.* The arab conquests in Central Asia, London, 1923.

В Семиречье после разгрома Западно-Тюркского каганата образовалось несколько соперничавших между собой племенных объединений, из которых наиболее крупной была конфедерация племен дулу и нушиби. С конца века, кроме того, выдвинулось объединение тюргешских племен. Однако ни одно из этих образований не могло оказать серьезного влияния на положение в Мавераннахре.

Для завоевания Мавераннахра арабы могли выделить войско в 50 тыс. человек, примерно шестую часть которого составляли мавали. Войско делилось на отряды по племенному принципу и командовали этими отрядами предводители племенных подразделений. Межплеменная вражда неоднократно выливалась в вооруженные столкновения. Особенно кровопролитной она была между североарабскими племенами — мударитами и южноарабскими — йеменитами. В этих условиях мавали иногда оказывались наиболее надежной частью арабского войска. Несмотря на многие слабые стороны, арабское войско представляло собой достаточно грозную силу, с которой не могло справиться в одиночку ни одно княжество Мавераннахра.

В 699 г. арабский наместник Хорасана ал-Мухалляб переправился через Аму-Дарью и вторгся в Кашка-Дарьинский оазис. Остановившись лагерем под Кешем, он стал рассылать отряды для завоевания соседних районов. В том же году произошел случай, ясно характеризующий отношение местных феодалов к арабскому завоеванию. К ал-Мухаллябу обратился брат Сабаля, царя Хутталя, с просьбой помочь занять престол, обещая за это признать власть арабов над Хутталем и выплачивать им дань. Арабами тотчас же был послан отряд для завоевания Хутталя. Сабалю удалось уничтожить соперника, но он был вынужден согласиться выплачивать дань арабам [1].

Результатом двухлетнего пребывания ал-Мухалляба под Кешем было завоевание арабами долины Кашка-Дарьи. Против арабов действовали, по-видимому, даже не все войска Согда, неизвестно также участие сколько-нибудь значительных сил тюрков [2]. Преемники ал-Мухалляба совершили набег на Хорезм (703 г.), а в 704 г. был завоеван Ахарун и Шуман

---

[1] Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed ibn Djarir at-Tabari, Ed. M. J. De Gieje. Sectionis secundae, Lugduni Batavorum, 1885, стр. 1040—1042 (далее — Tabari, II).

[2] В. В. Бартольд и ряд других исследователей считают на основании орхонских надписей, что в 699—701 гг. был организован поход войск восточного кагана Мочжо, причем передовые отряды его якобы достигли Железных ворот (горной проход из долины Кашка-Дарьи в долину Сурхан-Дарьи). (*В. В. Бартольд.* Туркестан.., т. II, стр. 189—190. *W. W. Bartold.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. (Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, zweite Folge, St.-Petersburg, 1899). *Chavannes.* Documents sur les Ton-Kuie (Turcs) occidentaux. S. Pb., 1903, стр. 288). В. Томсен установил новую хронологию надписей, в соответствии с которой события, описываемые под этими годами, должны относиться к походу 711 г. (*V. Thomsen.* Turcica. Études concernant l'interpretation des inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibérie. Helsingfors, 1916, стр. 92—93). *С. Г. Кляшторный.* Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов. «Эпиграфика Востока», IX, 1954, стр. 55—64.

(верховья Сурхан-Дарьи и район Сталинабада). Тогда же наместнику Хорасана при помощи местных феодалов удалось захватить Термез, которым правил свыше десяти лет Муса, сын убитого мятежного наместника Хорасана Абдаллаха ибн-Хазима (685—691 гг.). Но когда арабы ушли из Ахаруна и Шумана, там вспыхнуло восстание. Восстали также согдийцы долины Кашка-Дарьи и жители Балха и Бадгиса (горный район около Герата).

В 705 г. в Хорасан прибыл новый наместник Кутейба ибн-Муслим, с именем которого связано завоевание Мавераннахра. Это был властолюбивый и жестокий человек, хороший полководец и опытный политик, умело использовавший в своих целях распри местных феодалов. Он подавил восстание в Балхе и с помощью царя Чаганиана вновь захватил Ахарун и Шуман.

В 706 г. Кутейба начал завоевание Бухарского оазиса, где в это время было несколько правителей. За малолетнего бухар-худата Тохшаду правила его мать, известная у мусульманских историков под именем Хатун (госпожа). За верховную власть над Бухарой велась борьба между различными претендентами. В связи с этой борьбой выдвинулись такие мелкие правители, как вардан-худат, правитель Варданы (на севере оазиса) и хунук-худат, правивший, по-видимому, западной частью оазиса [1].

Завоевание Бухарского оазиса началось нападением арабов на небольшой, но богатый и независимый торговый г. Пайкенд в 40 км юго-западнее Бухары. На помощь осажденным пайкендцам подошли согдийские войска. Блокированным арабам все же удалось нанести пайкендцам и согдийцам поражение и заставить их отступить. Пайкендцы вступили тогда в переговоры с арабами, согласились выплатить им дань и пустить к себе их наместника и гарнизон. Однако едва арабское войско отошло от города, как горожане восстали и перебили небольшой гарнизон [2]. Арабы вновь осадили Пайкенд, отвергли все попытки переговоров, проделали в городской стене при помощи подкопа брешь и, ворвавшись через нее в город, перебили его защитников. Огромная добыча, захваченная при ограблении города, изумила даже арабов. По словам ат-Табари, в Пайкенде было захвачено 50 тыс. (или по другому сообщению 150 тыс.) мискалей серебра и серебряных изделий [3] и много оружия, которое было роздано войску.

Захват Пайкенда помог понять бухарцам и согдийцам, что арабы ставят своей целью присоединение Мавераннахра к халифату. Более того, он показал им, что воспрепятствовать им в этом можно было только объединенными усилиями. Вардан-худату удалось создать коалицию, в состав которой, кроме него вошел Хунук-худат и ихшид Согда Тархун (700—711 гг.) [4]. Эту коалицию поддерживала значительная группа тюрок, по-видимому тюргешей, во главе с неким Курбагануном (Куль Бага Чур?),

[1] *М. Нершахи.* История Бухары. Перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 26.

[2] М. Нершахи объясняет это несправедливыми действиями наместника («История Бухары», стр. 59).

[3] *Tabari,* II, стр. 1189. Мискаль около 4,5 г.

[4] *М. Нершахи.* Указ. соч., стр. 60.

которого ат-Табари называет племянником китайского императора [1]. Хатун осталась в стороне от этой борьбы.

Результаты объединенных усилий сказались уже на следующий год. В 707 г. Кутейба подошел к Нумуджикету (Бухара) [2] и Рометану, жители которого без боя перед этим согласились выплачивать арабам дань. Объединенное войско бухарцев, согдийцев и тюрок сумело окружить арабов и отрезать им путь к отступлению. Лишь через два месяца арабам с трудом удалось вырваться из окружения. В течение следующих двух лет арабы безуспешно пытались захватить Бухарский оазис, но каждый раз сталкивались с упорным сопротивлением местной объединенной армии.

Интересно участие во всех боях этих лет большого числа тюрок. В. В. Бартольд обратил внимание, что предводитель их войска Курбаганун в некоторых рукописях называется «ат-тюркеши», т. е. «тюргешский» [3]. Вмешательство тюргешей в дела далекого от них Бухарского оазиса, по-видимому, объясняется усилением их каганата при кагане Согэ (708—717 гг.).

Арабы не могли продолжать завоевание Мавераннахра, пока перед ними стояли объединенные силы Бухары, Согда и тюргешей, поэтому они стали прилагать старания расстроить их союз. По словам историка Бухары Нершахи, посланец Кутейбы, командующий отрядом мавали, указал Тархуну на опасность, которую представляет для него возрастающее могущество тюрок [4]. Эту опасность Тархун видел и сам, так как поспешил заключить с арабами договор, по которому обязывался выплачивать им небольшую дань. После ухода согдийцев и тюрок арабы легко захватили Бухарский оазис.

В 710 г. против арабов восстал правитель Бадгиса Низактархан, и тотчас весь Мавераннахр, за исключением Чаганиана, поднялся против арабской власти, Кутейбе снова пришлось завоевать Шуман, Кеш, Несеф и Бухару. В Бухаре он отстранил от власти мать бухар-худата и поставил правителем самого Тохшаду. В городе был оставлен большой арабский гарнизон, для размещения которого у горожан конфисковали половину жилищ [5].

Одновременно Кутейба послал отряд для сбора дани с Согда. Тархун выплатил ее, что вызвало недовольство согдийцев, в результате чего Тархун был свергнут, заключен в темницу, где и окончил жизнь самоубийством (по другим данным его убили). Ихшидом Согда был поставлен Гурек. Эти события датируются, по-видимому, 711 г.[6]

---

[1] *Tabari*, II, стр. 1195.

[2] *W. Bartold.* Die alttürkischen Inschriften..., стр. 7.

[3] Там же.

[4] *М. Нершахи.* Указ. соч., стр. 61.

[5] Там же, стр. 63 и 69—70.

[6] Ат-Табари рассказывает об этом событии под 91 г. хиджры (ноябрь 709 — ноябрь 710 г.), но замечает при этом «и сделали они это с Тархуном, когда Кутейба вышел в Сиджистан...» (*Tabari*, II, стр. 1230), а поход на Сеистан относится к 92 г.

Свержение Тархуна Кутейба использовал как повод для вторжения в Согд. Объявив себя мстителем за смерть вассала, он стал готовиться к завоеванию Согда [1].

В то же самое время с востока в Среднюю Азию вторглось войско восточного кагана Мочжо, разгромившее тюргешей. В результате этого вторжения каган тюргешей был убит (имя его орхонские надписи почему-то не приводят). Весьма вероятно, что это был Согэ, которого, по словам китайской хроники, Мочжо, взял в плен и казнил [2]. Хроника не отмечает даты этого события, но, поскольку не известны походы восточных тюрок в Семиречье после 711—712 гг., можно предполагать, что в орхонских надписях и в Тань-шу описывается одно и то же событие. После этого поражения тюргеши на несколько лет утратили свое значение в Семиречье.

Разгромив тюргешей, войско восточных тюрок переправилось через Сыр-Дарью, чтобы, как говорит надпись Тоньюкука, «устроить согдийский народ» [3]. Время и цели похода в Согд исследователи оценивают, как мы увидим ниже, различно.

Перед походом на Согд к Кутейбе прибыл гонец от хорезм-шаха с просьбой оказать помощь против соперничавшего с ним брата Хурзада [4]. Кутейба направился якобы против Согда, но в пути свернул к Хорезму и неожиданно появился в Хазараспе на левом берегу Аму-Дарьи. Оттуда он отправил отряд против царя Хамджерда (Хангири) [5], враждовавшего с хорезмшахом; Хамджерд был убит, его имущество разграблено. Взятые при этом четыре тысячи пленных были казнены в Хазараспе. Затем Кутейба захватил и выдал хорезм-шаху Хурзада и его сторонников, которых тот казнил, а имущество отдал Кутейбе. Арабы оставили в Хорезме своего наместника и стали собирать дань. Присоединив затем к себе большой отряд хорезмийских воинов, арабы отправились в поход на Согд. По дороге, в Бухаре, к арабскому войску присоединился отряд бухарцев.

Согдийцы дали арабам сражение под Рабинджаном, но не приостановив их продвижения, отступили к Самарканду, откуда обратились за помощью к ихшиду Ферганы и царю Чача. На помощь согдийцам прибыл отряд отборных воинов-дихканов, который должен был неожиданно напасть

(ноябрь 710 — октябрь 711 г.), следовательно, и начало правления Гурека следует относить к 711, а не к 710 г., как это принято.

[1] *Tabari*, II, стр. 1249.

[2] *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1956, стр. 41, 69; *W. Bartold.* Die alttürkischen Inschriften..., стр. 14; *Н. Я. Бичурин.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М., 1950, стр. 297.

[3] *С. Е. Малов.* Указ. соч., стр. 41.

[4] С. П. Толстов считает, что Хурзад был главой народного антифеодального движения, усматривая в факте захвата им жен и имущества сторонников царя, проявление маздакидской идеологии. Однако, кроме этого предположения, нет никаких доказательств существования в Хорезме в 712 г. народного движения (*С. П. Толстов.* «По следам древнехорезмийской цивилизации». М., 1948, стр. 223—224).

[5] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1949, стр. 191. Возможно, однако, что Хамджерд не имя царя, а название области.

на лагерь арабов. Узнав о приближении отряда, арабы устроили засаду и в ночном бою полностью разгромили его. После победы они обложили город и начали обстреливать его из баллист и вести подкопы под стены. Большую роль в осаде Самарканда сыграли бухарские и хорезмийские войска.

Согдийцы были вынуждены предложить мирный договор, по которому они обязались выплачивать дань, но Кутейба, раздосадованный упорным сопротивлением согдийцев, заключил его лишь после взятия города штурмом и, очевидно, на более тяжелых условиях. По мирному договору Гурек обязался ежегодно выплачивать арабам со всего Согда 200 тыс. дирхемов [1], в эту сумму входили, кроме денег, шелковые ткани, золотые изделия и 3 тыс. рабов. Кутейба со своей стороны оставлял за Гуреком право управления Самаркандом, гарантировал наследование престола детям Гурека и брал на себя обязательство помогать согдийцам в борьбе с их врагами [2].

Арабы уничтожили в Самарканде храмы местных культов и разграбив сокровища храмов, сожгли деревянные статуи богов. По условиям договора арабы после трехдневного постоя должны были покинуть Самарканд, но Кутейба оставил в центральной части города большой гарнизон, выселив оттуда всех жителей. На территории Самарканда был введен строгий режим: местных жителей выпускали из города только с пропусками [3]. Многие богатые самаркандцы, выселенные Кутейбой, покинули Согд, другие вместе с Гуреком обосновались в Иштихане, который стал резиденцией последнего [4].

Арабы захватили также Хорезм, и поставив нового хорезм-шаха — Аскаджимука, лишили его всякой реальной власти, так как управление страной перешло в руки арабского наместника. Следует отметить, что с этого времени Хорезм стал наиболее спокойной для арабов областью Мавераннахра в отличие от Согда, который вел с ними в течение полувека ожесточенную борьбу.

Зимой 712—713 гг. согдийцы подняли восстание и пригласили на помощь тюрков. Как предполагает В. В. Бартольд, именно с этим событием связан поход Кюль-Тегина в Согд [5]. Тюркская конница, однако, вскоре стала страдать от недостатка кормов, в тылу к тому же восстали тюргеши, и Кюль-Тегин был вынужден вернуться на родину. Осажденному арабскому гарнизону Самарканда удалось продержаться до весны, когда к ним на помощь подошел Кутейба с большим войском. Усмирив восстание, Кутейба с пятидесятитысячной армией вторгся в Чач и Фергану, где после разгро-

[1] Дирхем — серебряная монета весом около 3 г.

[2] *О. И. Смирнова.* Материалы к сводному каталогу согдийских монет. «Эпиграфика Востока, VI, 1952, стр. 5.

[3] *Tabari,* II, стр. 1252.

[4] *Beladsori.* Liber Expugnationis Regionum. Ed. De Goeje, Lugduni Batavorum. 1863—1868, стр. 422.

[5] «Ibn Wadhih niui dicitur Al-Ja'kubi Historia». Ed Houtsma, v. II. Leiden, 1883, стр. 344; *W. Bartold.* Die alttürkischen Inschriften..., стр. 9—12; *H. Gibb.* The arab Conquests..., стр. 46—47.

ма тюргешей не рассчитывал встретить и не встретил серьезного сопротивления.

Завоевав Фергану, Кутейба отправил в Китай посольство, вокруг которого потом сложилась легенда о взятии Кутейбой дани с китайского императора [1]. В 714 г. арабы повторили поход на Фергану, и на этот раз свергли ихшида Ферганы, поставив на его место некоего Алода [2].

Продвижение арабов на крайний северо-восток Средней Азии совпало с активизацией деятельности Китая на западных его границах после ряда побед над тибетцами. В этом же 714 г. китайские войска разгромили под Токмаком одно из тюркских племен Семиречья и добились от десяти племен и карлуков признания их зависимости от Китая [3]. При дальнейшем продвижении на восток арабы неминуемо должны были столкнуться с китайскими войсками, но столкновение двух могущественных государств этого времени не состоялось из-за смерти Кутейбы, что на несколько лет прервало дальнейшую экспансию арабов в Средней Азии.

В 715 г. умер халиф ал-Валид, его преемник Сулейман враждебно относился к Кутейбе, и тот понимал, что преследование его не кончится одним лишь смещением с наместничества. В связи с этим в поход на Фергану Кутейба взял с собой и семью, намереваясь отложиться от халифата. В Фергане войско, утомленное непрерывными походами в течение десятилетия, отказалось повиноваться. Верными остались только родственники и отряд согдийских дихканов. В результате восстания отряда Кутейба и его родственники были убиты, а арабская армия вернулась в Мерв. Тотчас же китайские войска свергли ставленника арабов с ферганского престола и возвратили его прежнему ихшиду [4].

В 716 г. один из предводителей тюргешей Сулу провозгласил себя каганом и подчинил себе ряд других племен [5]. Тюргешский каганат в ближайшие годы стал снова играть большую роль в Средней Азии и оказывать влияние на соседние государства. В 717 г. арабы и тюргеши в союзе с тибетцами, которые, вероятно, и являлись инициаторами, напали на Кашгар, но были отражены китайскими войсками с помощью карлуков [6].

Пятилетие с 715 по 720 г. было сравнительно спокойным для Средней Азии. Арабы за исключением набега на Кашгар и завоевания Дихистана [7] в 716—717 гг. не предпринимали новых попыток расширить свои владения. Их внимание в указанное время направлялось на закрепление в уже завоеванных областях. С этой целью в ряде районов были размещены значительные группы арабов, несших обязанности военных гарнизонов. Особенно

---

[1] *H. Gibb.* The arab invasion of Kashgar in A. D. 715. «Bulletin of the School of Oriental Studies», v. II, стр. 467—471.

[2] *E. Chavannes.* Documents..., стр. 145 и 290.

[3] Там же, стр. 283.

[4] Там же, стр. 148—291, прим. 3.

[5] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 297.

[6] Там же, т. II, стр. 295—296; *E. Chavannes.* Documents..., стр. 284, прим. 2.

[7] Район на крайнем юго-западе нынешней Туркмении, на побережье Каспийского моря.

крупные колонии имелись в Бухаре, Самарканде и в районе Дабусии (на полпути между Бухарой и Самаркандом). Поселение арабов на указанной территории сопровождалось конфискацией земель и другого недвижимого имущества местного населения. Для обеспечения быстрой и надежной связи Мавераннахра с наместником в эти годы была организована почта, при почтовых станциях начали строить постоялые дворы для проезжающих по делам службы.

Утверждение арабской власти шло рука об руку с распространением ислама, поскольку исламизация составляла одну из целей завоевания. Старые культовые здания перестраивались под мечети, новые строить воспрещалось. Местное население принимало ислам очень неохотно, при Кутейбе, например, в Бухаре жителей привлекали в мечеть обещанием денежного вознаграждения.

В рассматриваемое время встал вопрос о взаимоотношениях между верхушкой завоевателей-арабов и феодалами завоеванных областей. Среднеазиатские феодалы видели в арабской знати более счастливых соперников и враждовали с ними только в тех случаях, когда это касалось их личных выгод. Известны случаи, когда среднеазиатские феодалы прибегали к помощи арабов для борьбы со всеми соперниками. Так, например, правитель Чаганиана видел в арабах союзников против враждебного ему правителя Ахаруна и Шумана. Интересно, что в наиболее трагический момент Кутейбе остались верны, наряду с родственниками, лишь согдийские дихканы, состоявшие в его гвардии, так как, вероятно, арабская власть в Согде в какой-то мере была им даже нужна.

Часть арабских военачальников вступила в дружеские отношения с местной знатью, другая — видела в дихканах только покоренных врагов и стремилась поэтому обращаться с завоеванными областями самым суровым способом.

Арабы тем более нуждались в привлечении дихкан на свою сторону, что в рассматриваемые годы их положение в Средней Азии сильно осложнилось в связи с вопросом о налоговом обложении населения, обращенного в мусульманскую веру. По существовавшей практике все мусульмане освобождались от подушной подати — джизьи. Однако в Средней Азии, как и во многих других частях халифата, новообращенных мусульман от нее не освобождали. В Хорасане даже мусульмане-мавали, принимавшие наряду с арабами участие во всех походах, не получали жалованья, полагавшегося всем воинам. Неравноправное положение мусульман-неарабов, игравших в это время уже значительную роль, вызывало у них большое недовольство.

Халиф Омар II (717—720 гг.) предпринял некоторые мероприятия по урегулированию налоговой системы, в частности он предписал освободить от джизьи всех принявших ислам. Получил такое распоряжение и наместник Хорасана ал-Джаррах ибн-Абдаллах. В Хорасане начался массовый переход в ислам, что сразу сократило налоговые поступления, и наместник распорядился освобождать от джизьи только принявших обрезание и зна-

комых с кораном. Ограничения вызвали большое недовольство, и халиф сместил ал-Джарраха [1]. Дальнейшая практика взимания джизьи после смерти Омара II нам неизвестна.

В 719 г. группа согдийских дихканов обратилась к Омару II с просьбой выселить из Самарканда арабов, оставленных там Кутейбой вопреки договору. Третейский судья, назначенный халифом, предложил заинтересованным сторонам разрешить спор в бою. Дихканы не пожелали вступать в бой с арабами, заявив, что они уже свыклись с ними и предпочитают мирные отношения [2]. Возможно однако, что это заявление диктовалось желанием скрыть от арабских властей подготовку восстания против них, так как в том же году одновременно прибыли к китайскому императору посольства от Гурека, Тохшады и правителя Кумеда Нараяны [3] с посланиями, в которых описывались тяжелые последствия арабского завоевания и содержалась просьба о помощи в борьбе против арабов.

В 720 г. весь Согд вышел из повиновения арабам. Арабские гарнизоны, чувствуя единодушие всего населения, отсиживались за стенами крепостей и не решались что-либо предпринять. Наместник Хорасана, Саид ибн-Осман, с одной стороны, пытался заручиться поддержкой хорасанских феодалов, с другой — подавить восстание вооруженной силой. Первое вызвало недовольство той части арабской знати, которая была против сотрудничества с местными феодалами, второе не принесло никакого успеха, так как Саид был плохим военачальником и не пользовался авторитетом в войсках. В результате халиф сместил его и назначил в 721 г. Саида ибн-Амара ал-Хараши, человека решительного и жестокого.

Узнав о его назначении, часть дихканов и богатых купцов, участвовавших в восстании, решила в 722 г. бежать из Согда. Гурек убеждал их остаться, выплачивать арабам дань и поставлять вспомогательные войска, но они, боясь довериться арабам, не поддались его уговорам. Большая группа дихканов, главным образом из западного Согда, из Иштихана, Исбаскета и Пая во главе с Карзанчем, правителем Пая (Пай-Нарпай — район нынешнего Катта-Кургана), договорились с ихшидом Ферганы ат-Таром о предоставлении им убежища в Фергане. Но ихшид тайно снесся с арабами и предложил им перехватить согдийцев в Ходженте.

Арабы долго и безуспешно осаждали Ходжент. Лишь узнав о предательстве ихшида, согдийцы вступили в переговоры и заключили перемирие, согласившись возвратить всех пленных арабов. Воспользовавшись тем, что согдийцы убили одну из пленниц, Саид ал-Хараши казнил предводителя иштиханцев, тогда согдийцы убили всех пленных арабов. В ответ арабское войско напало на безоружных согдийцев и началась жестокая расправа. Спаслись лишь богатые купцы, которым удалось откупиться товарами, привезенными из Китая. Под Ходжентом арабы убили около

[1] *Tabari*, II, стр. 1354.

[2] Там же, стр. 1365.

[3] *E. Chavannes*. Documents..., стр. 203—205; *В. В. Бартольд*. К истории арабских завоеваний в Средней Азии. ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 140—147.

трех тысяч крестьян, несмотря на то, что те выплатили джизью (в знак чего на их шеях висели особые печати)[1].

В то время как дихканы Западного Согда во главе с Карзанчем искали спасения в Фергане, другой руководитель восстания, афшин Пенджикента Диваштич, с небольшим отрядом укрылся в труднодоступном замке в верховьях Зеравшана, намереваясь отсидеться в этом недоступном зимой месте до следующего года. Развалины его, известные под названием Калаи Муг или замка на горе Муг, находятся на правом берегу Зеравшана, почти в 120 км от Пенджикента. Ал-Хараши послал в погоню за Диваштичем одного из мавали Сулеймана ибн-абу-с-Сари во главе отряда, в котором, кроме арабов, были войска хорезм-шаха и правителя Ахаруна и Шумана. Диваштич дал бой в 6—7 км от замка, но был разбит и укрылся за его стенами. Однако отсиживаться в замке на площадке в 400—500 кв. м было невозможно, и Диваштич решил спасти себе жизнь, сдавшись арабам. Защитники замка, брошенные своим руководителем, также были вынуждены сдаться. Ан-Хараши встретил Диваштича с почетом, но после подавления восстания в долине Кашка-Дарьи, распял его на наусе в Рабинджане (возле Катта-Кургана), потом отрубил ему руки и правую руку послал своему непосредственному начальнику, наместнику Ирака.

В 1933 г. при раскопках замка было найдено около 80 документов в основном на согдийском языке, написанных на коже, дереве и вторично использованной китайской бумаге. Они оказались частью архива Диваштича, брошенного при осаде замка и содержащего много сведений о хозяйстве согдийских феодалов, о календаре и т. д. Очень интересно написанное по-арабски письмо Диваштича ал-Джарраху о высылке ему детей Тархуна. Выяснилось, что Диваштич носил титул ихшида Согда, что позволяет видеть в нем политического соперника ихшида Согда Гурека[2].

Восстание согдийцев было легко подавлено потому, что широкие народные массы не принимали в нем активного участия. Феодалы преследовали прежде всего личные выгоды и легко вступали в компромиссы с арабами, что позволило последним подавлять восстания согдийцев руками других народов Средней Азии.

Жестокая и вероломная расправа с Диваштичем вызвала недовольство той части руководителей халифата, которая стояла за сотрудничество с местной знатью. В результате ал-Хараши в 723 г. был смещен и заменен Муслимом ибн-Саидом, проводившим политику примирения с феодалами Средней Азии. При нем последние заняли ряд административных постов, не всегда будучи мусульманами. Так, например, марзпаном Мерва был назначен зороастриец Бахрам Сис. Политика Муслима ибн-Саида вполне устраивала феодалов и они прекратили выступления против арабов. Это позволило арабам возобновить походы на Фергану.

Во время первого похода произошел характерный случай. Муслим ибн-Саид переправился через Аму-Дарью и ожидал, что к нему присоединятся

[1] *Tabari,* II, 1439—1446.

[2] «Согдийский сборник». Л., 1934.

войска, квартировавшие в Барукане (возле Балха). Однако войска отказались подчиниться, зная, что в связи с восшествием на престол нового халифа Хишама (724—743 гг.) произойдет смещение наместника. Инициаторами неповиновения явились йемениты. В Барукан был послан Наср ибн-Сейар с отрядом арабов из северных племен. После короткой стычки йемениты подчинились и приняли участие в походе. Арабская армия вторглась в Фергану и осадила ее столицу Касан. На помощь ферганцам подошли войска тюргешей во главе с Сулу. Арабы начали поспешное отступление, пройдя на первый день расстояние трехдневного перехода. Однако им не удалось избежать сражения с тюргешами, напавшими на них на следующий день. От этого нападения сильно пострадал отряд мавали и был убит брат Гурека. Когда после восьмидневного бегства, в ходе которого был сожжен обоз с награбленной добычей стоимостью в миллион дирхемов, арабы подошли к Сыр-Дарье, у переправы их ожидало войско Чача и Ферганы. С огромными потерями арабам удалось прорваться через этот заслон, и только жалкие остатки армии вернулись в Ходжент [1].

Это сражение в корне изменило соотношение сил на восточной границе халифата: наступательная политика арабов сменилась обороной; тюргеши стали силой, оспаривавшей у арабов господство над Мавераннахром. О походах на Фергану, конечно, не могло уже быть и речи. Более того, в 726 г. тюргеши помогли местному населению разгромить арабскую армию в Тохаристане [2].

Однако арабам удалось путем укрепления союза с дихканами, начатого Муслимом и продолженного Асадом ибн-Абдаллахом (724—727 гг.), добиться полного подчинения областей между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Асад был близок со многими дихканами Согда, с некоторыми из них его связывали даже дружеские отношения. Тем не менее, при его преемнике ал-Ашрасе (727—729 гг.) вспыхнуло новое, на этот раз более сильное восстание согдийцев, причиной которого послужила продолжающаяся практика взимания джизьи. Ал-Ашрас решил еще более укрепить арабскую власть, снова обещав освобождение от джизьи всем принявшим ислам. В Самарканд с этой целью были посланы два проповедника — один араб, другой мавла [3]. Успех превзошел все ожидания, число мусульман стало расти, но поступление налогов сократилось. На этот раз против снятия джизьи выступила группа видных согдийских феодалов, и ал-Ашрас восстановил прежний порядок взимания джизьи, возложив сбор ее на Гурека и арабского наместника Самарканда [4]. С протестом против такого решения выступили не только новообращенные мусульмане, но и многие арабы, в том числе посланные ал-Ашрасом проповедники. Широкая волна народного восстания, вместе с военной поддержкой тюргешей привели к почти полному изгнанию арабов из Мавераннахра: в 728 г. в их руках оставалась

[1] *Tabari,* II, 1478—1481.
[2] Там же, стр. 1492—1494.
[3] Там же, стр. 1507.
[4] Там же, стр. 1508—1509.

лишь Дабусия и Самарканд. Восстание вспыхнуло даже в Хорезме, хотя там оно было сразу подавлено. В 728 г. ал-Ашрас пытался пробиться в Мавераннахр, но не смог продвинуться дальше окрестностей Бухары [1]. Справиться с народным восстанием оказалось труднее, чем с восстанием дихканов в 721—722 гг.

Увидев реальную возможность избавиться от арабов, на сторону восставших перешел и ихшид Согда Гурек. Поражение арабов казалось настолько несомненным, что из Китая в Согд прибыл Хосров, внук Ездегерда III, намереваясь возвратить себе престол деда [2].

Восстановление временной независимости Согда и Бухары вызвало усиление дипломатических связей с Китаем: на период 727—730 гг. приходится наибольшее число посольств, прибывших ко двору императора из Средней Азии [3].

Летом 729 г. арабам удалось вновь захватить Бухару. Согд, за исключением Самарканда и Дабусии, оставался по-прежнему независимым [4]. В 730 или 731 г. согдийцы с помощью тюргешей разгромили небольшой отряд ал-Джунейда (наместник с 729 по 733 г.), спешивший на выручку осажденному арабскому гарнизону Самарканда. Приведя в порядок остатки отряда, ал-Джунейд отступил к Бухаре, которая также была осажена тюркскими войсками. Здесь ему удалось достичь некоторого успеха и вынудить тюрок снять осаду с Бухары [5]. Однако поражение, которое потерпел Джунейд, отбило у арабов желание вмешиваться в дела Согда, и до 734—735 гг. они больше не предпринимали никаких попыток захватить Согд оставив даже Самарканд [6].

Восстание в Согде оказало влияние и на соседние области, где столь же остро стоял вопрос о полном уравнении в правах мусульман местного происхождения с арабами. Это требование поддерживала и значительная группа арабов, принадлежавших к оппозиционным течениям ислама: алиды [7], хариджиты [8], мурджииты [9] считали правление Омейядов незаконным. Открытое выступление против Омейядов возглавил Харис ибн-Сурейдж, хариджит или мурджиит по убеждениям [10]. Он призвал следовать корану и

[1] *Tabari,* II, стр. 1512—1516.

[2] Там же, стр. 1518.

[3] *H. Gibb.* The arab conquests..., стр. 60.

[4] *Tabari,* II, стр. 1529. Гибб («The arab conquests...», стр. 72) относит эти события к 730 г., хотя на 111 год хиджры приходится лишь январь — март 730 г.

[5] *Tabari,* II, стр. 1532—1536.

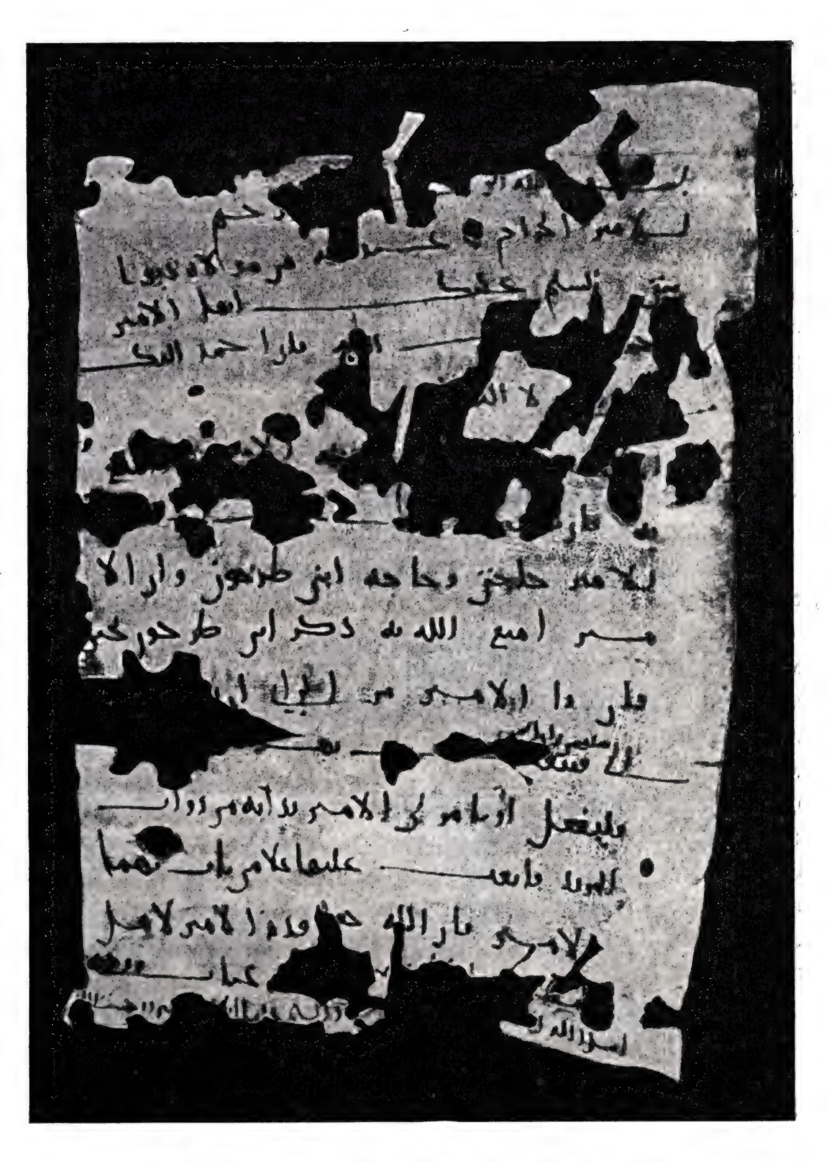
[6] Там же, стр. 1585—1586.

[7] Алиды-мусульмане, считавшие, что халифом может быть только потомок Алия, зятя Мухаммеда.

[8] Хариджизм — наиболее решительное оппозиционное течение ислама. Его сторонники требовали избрания халифа с согласия всех мусульман, халиф должен был быть благочестивым и соблюдать законность.

[9] Мурджииты — сторонники учения о допустимости отступления от не основных предписаний ислама.

[10] Мурджиитом считает Хариса И. Велльхаузен (*J. Wellhausen.* Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902, стр. 289).



Письмо правителя Согда из архива на горе Муг из Таджикистана

образу действия пророка Мухаммеда, обещал отмену хараджа с мусульман и гарантию неприкосновенности иноверцам, признавшим власть мусульман [1].

Движение Хариса ибн-Сурейджа быстро охватило всю восточную часть Хорасана, его поддержал ряд местных правителей: Гузгана, Таликана, Фарьяба, Хутталя и ябгу Тохаристана. Харис во главе шестидесятитысячной армии подошел к Мерву. Наместник был вынужден вступить с ним в переговоры и согласился написать совместное письмо халифу с призывом следовать корану и обычаю пророка. За соглашательскую политику он был смещен. Наместником Хорасана вновь стал Асад ибн-Абдаллах (735—738 гг).

Асад разгромил Хариса ибн-Сурейджа и тот бежал в Тохаристан. В 735 или 736 г. Асад пытался захватить Самарканд, но не имел успеха. Убедившись в бесплодности своих попыток, он перенес военные действия в Тохаристан, сделав своей резиденцией Балх.

В 737 г. арабы предприняли поход в Хутталь. Не встречая сильного сопротивления, арабское войско рассеялось по стране в поисках добычи. Правитель Хутталя обратился за помощью к тюргешам и через 17 дней в Хуттале появился Сулу во главе большого войска. Арабы бросили обоз с награбленной добычей и стали поспешно отступать. Каган, продолжая преследовать арабов, переправился через Аму-Дарью. В ходе преследования тюргешское войско значительно уменьшилось, так как от него отделилось много воинов, начавших грабить страну. Когда каган встретился с Асадом около Харистана, он не имел значительного численного превосходства, особенно если учесть, что арабы дрались с храбростью отчаяния.

Исход сражения оказался неожиданным: тюргеши потерпели страшное поражение, и Сулу вместе с Харисом-ибн Сурейджем едва спаслись бегством. Затем были уничтожены все мелкие отряды тюргешей, отделившиеся ранее от армии [2]. Асад повторил поход на Хутталь и на этот раз покорил его. Сыну Сабаля с группой хуттальской знати пришлось бежать в Фергану.

Разгром тюргешей, основной военной силы, на которую опирались согдийцы в борьбе с арабами, вынудил согдийских дихканов искать примирения с арабами и, очевидно, в том же 737 или 738 гг. Согд перешел в руки арабов. Им было легко это сделать, так как Асад был сторонником сближения со среднеазиатскими дихканами. С этой стороны его хорошо характеризует Нершахи: «Асад, сын Абдуллы, Кушайри,— пишет он, был человек весьма доброжелательный и храбрый. Он заботился о поддержке знатных и древних родов и почитал родовитых людей как из арабов, так и из туземцев» [3].

---

[1] *В. В. Бартольд.* Туркестан..., т. I, стр. 1—2; *Tabari,* II, стр. 1577.
[2] *Tabari,* II, стр. 1593 и сл.
[3] *М. Нершахи.* Указ. соч., стр. 77.

2

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЛИФАТА

Окончательное присоединение Средней Азии к халифату произошло в сущности только в годы правления Насра ибн-Сейяра (738—748 гг.), опытнейшего из арабских наместников Хорасана, который продолжал политику сближения со среднеазиатскими феодалами. В период его правления большинство крупных феодалов сохраняло свои прежние владения, титулы и значительную долю власти: чеканили собственную монету, имели войско, самостоятельно распоряжались вассалами, ведали сбором налогов. В то же время действия каждого из них контролировались арабскими наместниками. Естественно, что все местные феодалы хотели быть совершенно независимыми, но никто не рисковал вступить в борьбу с арабами, предпочитая сохранение частичной власти полной потере ее в случае неудачи. Началось срастание феодальной верхушки завоевателей и завоеванных, большое значение в этом процессе имело установление брачных связей. Так, Наср ибн-Сейяр, став наместником, женился на дочери Тохшады, получив от него в приданое прекрасные земли возле Бухары [1].

В 738 г. ихшид Согда Гурек умер, ему наследовал его сын Тургар, пытавшийся, по-видимому, сохранить независимость, так как в 739 г. Наср ибн-Сейяр предпринял поход на Согд, а затем, укрепившись там, начал завоевание Ферганы.

Тюргешский каганат в это время переживал упадок и не мог оказать серьезного сопротивления. Когда разгромленный Сулу вернулся в 737 г. в Семиречье, против него выступила группа недовольных во главе с Бага-Тарханом, вождем желтых тюргешей, враждовавших с черными тюргешами. Они напали на него ночью и убили, но каганом стал не Бага-Тархан, как предполагалось, а сын Сулу Тухосянь. Тогда Бага-Тархан, правитель Шаша Бахадур Тудун, ферганцы и согдийцы во главе с правителем Кеша при поддержке китайского наместника Синцзяна напали на Суяб, столицу Тухосяня, разгромили ее и взяли в плен кагана. Вслед за этим наместник Кашгара с ферганцами напали на Тараз и убили тюргешского правителя. В стране начались междоусобицы, вынудившие согдийцев, живших в Семиречье, обратиться к китайскому императору с просьбой о присоединении края к Китаю [2].

В 739 или 740 г. арабы захватили Фергану и поставили там своего наместника. Сыну Сабаля и другим феодалам, бежавшим сюда из Хутталя, пришлось скрываться в Усрушане, сохранившей независимость, но платившей дань. В следующем походе Насра на Фергану в 740 или 741 г. усрушанские войска принимали участие вместе с воинами из Кеша, Бухары и Самарканда. Поход был удачным для арабов: им удалось взять в плен крупного предводителя тюргешей Кульчура и Нарс казнил его [3].

---

[1] *М. Наршахи.* Указ. соч., стр. 79.

[2] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 299.

[3] *Tabari,* II, стр. 1689—1691. Куль-Чура отождествляют с Бага Тарханом (Моха Дагань), но, как справедливо считает Гибб («The arab conquests...», стр. 91), это сом-

Окончательное поражение тюргешей вынудило согдийцев, бежавших к тюркам и сражавшихся вместе с ними против арабов, вступить в переговоры с Насром относительно условий их возвращения на родину. Наср обязался не преследовать тех из них, кто, приняв ислам, затем возвратился к прежней религии, простил им задолженность по налогам и т. п. Столь почетные условия вызвали нарекания, но Наср ответил, что согдийцы своей храбростью заслужили это [1].

Укрепив внешнее положение халифата в Средней Азии, Наср ибн-Сейяр принялся за решение внутренних проблем. Наиболее сложным был вопрос о налогах с мусульман, являвшийся камнем преткновения для многих наместников Хорасана. Он предпринял налоговую реформу, благодаря которой 80 тыс. мусульман были освобождены от джизьи [2]. Сущность реформы заключалась в четком отделении джизьи от хараджа. Прежде каждый город и административный район платили определенную обусловленную мирным договором сумму. С переходом части населения в ислам размер дани не изменился, и она либо должна была раскладываться на уменьшившееся число немусульман, либо взиматься по-прежнему со всех жителей. Наср сделал харадж основным налогом, который взимался с земли, а не с человека, и платить его должен был любой землевладелец, независимо от его конфессиональной принадлежности. Джизья же стала взиматься только с немусульман, но теперь сокращение числа мусульман не отражалось резко на налоговых поступлениях [3].

Эта реформа не могла разрешить многочисленных внутренних противоречий Средней Азии. Основным противоречием было неравноправное положение покоренных народов, распространявшееся так же и на тех местных жителей, которые приняли ислам. Среднеазиатские феодалы стремились вернуть себе прежнее независимое положение. Мелкие дихканы были недовольны не только арабским владычеством, но и крупными дихканами, сотрудничавшими с арабами. Дело иногда доходило до вооруженных столкновений. Например, в 740 или 741 г. к Насру ибн-Сейяру, возвращавшемуся из похода на Фергану, пришли два дихкана с жалобой на то, что Тохшада вместе с арабским наместником Бухары отнимают у них поместья. Когда Наср не помог им, они напали на Тохшаду и убили его [4].

Наибольшее недовольство выражали крестьяне, попавшие под двойной гнет завоевателей и своих феодалов. Таким образом, все слои населения Средней Азии в той или иной степени желали изменения положения в стране. Крупные феодалы и мавали стремились к уравнению в правах с арабами, трудящиеся массы — к свержению арабской власти.

нительно, так как Бага Тархан упоминается китайскими хрониками даже в 744 г. (*Chavannes*. Documents.., стр. 286).

[1] *Tabari,* II, стр. 1717—1718.

[2] Там же, стр. 1687—1688.

[3] *I. Wellhausen*. Das arabische Reich, стр. 297—300.

[4] *Tabari,* II, стр. 1698—1699; *М. Нершахи*. Указ. соч., стр. 79—80.

Среди арабов также имелись антиомейядские настроения. Пропаганда за свержение Омейядов велась хариджитами, выступавшими за избрание мусульманами угодного им халифа, и потомками Алия, лишенного Омейядами халифского престола. Алиды считали, что халифом может быть только потомок Алия и что халифат должен наследоваться. В двадцатых годах VIII в. один из потомков Аббаса, дяди Мухаммеда, начал пропаганду за халифа из рода Аббаса. Вначале тайная заговорщическая пропаганда Аббасидов не имела большого успеха, и лишь когда ее поддержали широкие народные массы восточной части халифата, сторонники Аббасидов стали грозной силой.

Аббасидские эмиссары призывали к свержению Омейядов и возведению в халифское достоинство потомка Мухаммеда, не называя при этом не только имени предполагаемого претендента, но даже не говоря, к какой династии алидской, или аббасидской он должен принадлежать. Это обстоятельство позволило Аббасидам на определенный период пользоваться также и поддержкой алидов.

Аббасидов поддерживали с одной стороны многие крупные феодалы и богатые купцы, дававшие необходимые средства для создания крепкой тайной организации, с другой — широкие народные массы, привлеченные обещанием снижения налогов и натуральных повинностей.

Таким образом, в этом движении слились все классы и политические группировки Средней Азии, от крупных феодалов до маздакистски настроенных крестьян и ремесленников, стремившихся к установлению имущественного равенства всех людей [1]. Но единодушны они были только в стремлении свергнуть Омейядов, дальше их пути расходились.

Успеху аббасидского движения в Хорасане способствовали распри между североарабскими и южноарабскими племенами, обострившиеся в связи с ожесточенной борьбой их соплеменников в Сирии из-за престолонаследия.

Наср ибн-Сейяр принадлежал к одному из североарабских племен, и поэтому первые четыре года наместничества назначал на видные посты только представителей этих племен. Впоследствии он стал привлекать к управлению также йеменитов, но это не могло примирить их с правлением Насра. Волнение йеменитов из-за жалования возглавил в 744 г. Джудей ибн-Али ал-Кермани. Наср заключил его в темницу, из которой тот вскоре бежал. Желая приобрести себе союзника в борьбе с ал-Кермани, Наср позволил Харису ибн-Сурейджу вернуться в Мерв, так как Харис происходил из североарабского племени и был врагом ал-Кермани. Однако между ними возникли разногласия. Весной 746 г., после неудачной попытки завладеть Мервом, Харис вступил в союз с ал-Кермани, и они стали осаждать его вместе. Наср покинул Мерв и перебрался в Нишапур, центр североарабских племен в Хорасане.

---

[1] В 736 г. руководитель аббасидской пропаганды в Хорасане Аммар ибн-Йезид ал-Хидаш проповедовал от имени Аббасидов маздакидские идеи о необходимости установления общности имущества. Пропаганда имела большой успех и Асад ибн-Абдаллах казнил Аммара ибн-Йезида (*Tabari*, II, стр. 1588).

Как и ожидал Наср, сторонники Хариса не захотели помогать йеменитам против своих соплеменников. Харис порвал с ал-Кермани, между ними произошло сражение, в котором Харис был убит, и ал-Кермани распял его. Теперь все североарабские племена сконцентрировались вокруг Насра ибн-Сейяра, и он мог попытаться возвратить себе Мерв. Обе армии стояли под Мервом до весны 747 г., не вступая в решительное сражение.

Именно в это время глава Аббасидов Ибрахим ибн-Мухаммед послал в Хорасан в качестве руководителя движения преданного ему человека, перса Абу-Муслима. Абу-Муслим остановился в Мервском оазисе и начал открытую пропаганду. В мае 747 г. в Сефизандже, селении принадлежавшем Сулейману ибн-Кесиру, он устроил укрепленный военный лагерь, сюда стали отовсюду стекаться сторонники Аббасидов и все желавшие свержения Омейядов и изгнания арабов. На 9 июня 747 г. было назначено открытое выступление во всем Хорасане. Наср послал против Абу-Муслима отряд, который был разбит [1].

Положение арабов в Хорасане становилось опасным. Наср начал с ал-Кермани переговоры о перемирии. Намечавшийся союз чуть не расстроил сын Хариса ибн-Сурейджа, который убил ал-Кермани, мстя за смерть отца [2]. Но один из соратников ал-Кермани, Шейбан, убедил сына ал-Кермани Али ибн-Джудея заключить перемирие с Насром. Объединенное войско арабов подошло к лагерю Абу-Муслима, но вместо борьбы с Абу-Муслимом занялось грабежом крестьян, что только усилило позиции Аббасидов. Абу-Муслим убедил Али ибн-Джудея, что убийство его отца подстроил Наср, и спровоцировал его на захват Мерва, занятого Насром. Али ибн-Джудей ворвался в город, завязался бой, а в это время Абу-Муслим спокойно занял Мерв [3].

Наср ибн-Сайяр бежал из Мерва в Нишапур. Абу-Муслим оказался хозяином положения в Хорасане. Его военачальник Абу-Дауд занял Балхскую область, преодолев упорное сопротивление арабов под командованием Мукатила ибн-Хайяна ан-Набати, начальника отряда мавали в войске Насра [4]. В начале 748 г. Наср был разбит под Тусом [5] и бежал на запад, покинутый омейядскими наместниками.

Теперь Абу-Муслим не нуждался больше в союзе с йеменитами. После разгрома Насра под Тусом Абу-Муслим убил Али ибн-Джудея [6].

Во время борьбы Насра ибн-Сейяра с Аббасидами значительно укрепились позиции Китайской империи в Тохаристане и Семиречье. В 747 г. правитель Гильгита, княжества в нынешнем северном Кашмире, обратился к ним за помощью против тибетцев. Гильгит имел важное стратегическое значение, являясь, по выражению китайских хроник, «Воротами

[1] *Tabari*, II, стр. 1957—1958.

[2] *Tabari*, II, стр. 1975—76; см. также *J. Wellhausen*. Das arabische Reich, стр. 305, прим. 2.

[3] *Tabari*, II, стр. 1987, 1990.

[4] Там же, стр. 1997.

[5] Там же, стр. 2016.

[6] Там же, стр. 1998.

Запада». Поэтому туда немедленно была послана армия под командованием Гао Сян-чжи, которая преодолела труднейшую горную дорогу через перевалы Гиндукуша, разгромила тибетцев и утвердила здесь китайское господство [1]. В 748 г. китайские войска захватили и разрушили Суяб, а на следующий год Гао Сян-чжи захватил и вероломно казнил царя Шаша. Его сын бежал и через некоторое время, когда Абу-Муслим стал полновластным хозяином Средней Азии, обратился за помощью к арабам [2]. Но Абу-Муслим был занят подавлением народных восстаний в Мавераннахре и в помощи отказал.

После свержения Омейядов халифат перестал быть государством, в котором арабы находились в привилегированном положении. Аббасиды привлекли к управлению страной иранских и среднеазиатских феодалов, но народные массы ничего не получили: налоговое бремя, бесправие и эксплуатация крестьян остались прежними. Поэтому в первые же годы аббасидского правления народ продолжал свою борьбу против феодалов, в которой наряду с местными жителями приняли участие и арабы.

Уже в 751 г. в Бухаре вспыхнуло народное восстание, вызванное недовольством политикой Аббасидов. Руководитель восстания Шерик ибн-Шейх ал-Махри был или алидом, или хариджитом, но в программе его движения стоял не только вопрос о том, кому должен принадлежать халифский престол, об этом свидетельствуют его слова «не для того мы последовали за домом пророка, чтобы проливать кровь и совершать неправедные дела». Восстание носило ярко выраженный классовый характер: основной его силой были горожане, арабы и бухарцы, а против него выступили феодалы и богатые купцы, предводительствуемые бухар-худатом Кутейбой. Абу-Муслим направил на подавление восстания десятитысячное войско во главе с Зиядом ибн-Салихом, к которому присоединилось такое же по численности войско бухар-худата. Восставшие 37 дней боролись против этой армии, но были разбиты. Шерик погиб в сражении и восставшие отступили в Бухару. Зияд поджег город и объявил помилование всем, кто сдается. Сдался только сын Шерика и один из его военачальников, которых тут же повесили, остальные продолжали держаться в горящем городе. С большим трудом Зияду удалось захватить Бухару. Над восставшими была учинена жестокая расправа. Из Бухары Зияд направился в Самарканд, где, по-видимому, также восстали горожане [3]. Вслед за ним пришел в Самарканд Абу-Муслим.

После подавления восстания Абу-Муслим смог заняться делами Семиречья. Он отправил против Гао Сян-чжи Зияда ибн-Салиха. Сражение между двумя армиями произошло в июле 751 г. около Тараза [4] (совр. г. Джамбул Казахской ССР). Битва продолжалась пять дней, затем в тылу

---

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. II, стр. 320—321.

[2] Там же, стр. 314.

[3] *М. Наршахи.* Указ. соч., стр. 81—84; *Tabari,* III, стр. 74.

[4] *Ibn-al-Athiri.* Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. Cj Tornberg, Lugduni Batavorum, V, стр. 344.

китайцев восстали карлуки и перешли на сторону арабов. Армия Гао Сян-чжи была атакована с фронта и тыла и бросилась в паническое бегство, самому Гао с трудом удалось вырваться из потока бегущих солдат [1]. Арабы захватили обоз и много пленных, среди которых оказалось много ремесленников. Ткачи шелка были посланы в Ирак, в Куфу, тогдашнюю столицу халифата, где работали до 762 г. [2], а мастеров по изготовлению бумаги Зияд ибн-Салих оставил в Самарканде. Там они впервые на территории халифата организовали производство бумаги [3]. После этого поражения китайский император не решался больше активно вмешиваться в дела Средней Азии, и когда в 752 г. правитель Усрушаны попросил у него помощи против арабов, то получил отказ [4].

Осенью 751 г. полководец Абу-Муслима, Халид ибн-Ибрахим, захватил Кеш, казнил его правителя Ихрида и поставил царем брата казненного. При захвате Кеша была взята большая добыча, в том числе много вещей китайского происхождения [5]. Лишь после захвата Кеша Абу-Муслим покинул Самарканд и возвратился в Мерв, оставив наместником Согда и Бухары Зияда ибн-Салиха.

В Хорасане и Мавераннахре Абу-Муслим пользовался огромным авторитетом, внушавшим халифу опасения. Поэтому он в 752 г. инспирировал восстание Зияда ибн-Салиха против Абу-Муслима, но замысел его не удался; восстание было подавлено. Наконец, когда в 755 г. Абу-Муслим отправился на паломничество в Мекку, его заманили в халифский дворец и там убили.

Абу-Муслим не был, конечно, подлинным вождем народных масс, боровшихся против феодального гнета. Прежде всего он представлял интересы мелкого дихканства и состоятельных горожан Ирана и Средней Азии, которые были заинтересованы в уничтожении привилегированного положения арабов и стремились добиться большей доли участия в управлении халифатом. Естественно, что народные антифеодальные движения были враждебны Абу-Муслиму и, как мы видели, он решительно их подавлял. Однако народные массы видели в нем вождя, освободившего их от арабского гнета, обещавшего улучшения их положения. Поэтому народ с возмущением воспринял убийство Абу-Муслима. Молва превратила его в народного героя и, наконец, в учении маздакитов он стал воплощением божества.

В ответ на убийство Абу-Муслима в Нишапуре вспыхнуло восстание под руководством зороастрийца Сумбада, в котором объединились крестьяне и ремесленники разных вероисповеданий: зороастрийцы, мусульмане-шииты и маздакиты [6]. Восставшие захватили Нишапур, Кумис и Рей.

[1] *E. Chavannes*. Documents..., стр. 142, прим. 2.

[2] *P. Pelliot*. Les artisans chinois à la capitale abbaside 751—762, Toung-pao, XXVI. Leiden, 1929, стр. 110—113.

[3] *Al-Tha'alibi*. Lataifo l' Ma'arif. Ed. Jong. Leyden, 1867.

[4] *Н. Я. Бичурин*. Указ. соч. т. I, стр. 313.

[5] *Tabari*, III, стр. 79—80.

[6] *Низам ал-Мульк*. Сиясат-Наме. Перевод Б. Н. Заходера. М., 1949, стр. 205—206.

В Рее им досталась казна Абу-Муслима, оставленная перед отправлением в Мекку. Через семьдесят дней восставшие потерпели поражение от правительственных войск, при преследовании побежденных было убито 6 тыс. человек [1]. Подавление восстания Сумбада потребовало такого напряжения сил халифата, что в том году не состоялся обычный летний набег на Малую Азию [2].

Одновременно с восстанием Сумбада в Мавераннахре выступил против Аббасидов Исхак-тюрк, проповедовавший, что в Абу-Муслима переселилась душа Зороастра [3].

Через год в Мерве был убит наместник Хорасана по одним сведениям «людьми из войска», по другим — «последователями Исхака-тюрка» [4]. Новый наместник Абд ал-Джаббар в 757 г. казнил группу предводителей алидов, в том числе наместника Бухары, а в 757 или 758 г. сам поднял восстание против Аббасидов, в котором, очевидно приняли участие хуррамиты, но этот мятеж был сравнительно легко подавлен.

Власть Аббасидов в Средней Азии все же укрепилась настолько, что в 757—758 гг. арабские войска приняли участие в подавлении восстания в Китае и помогли императору возвратиться в столицу [5]. Тюргеши, почти двадцать лет оспаривавшие у арабов власть над Мавераннахром, к этому времени совершенно утратили свое былое могущество; непрерывные междоусобные войны между ханами черных и желтых тюргешей позволили карлукам легко захватить власть в Семиречье. В 766 г. они уже перекочевали на Чу и стали полновластными хозяевами Семиречья [6], не рискуя, однако, вступить в борьбу с халифатом за обладание Мавераннахром. Упрочение власти халифов в Средней Азии объясняется привлечением местных феодалов к управлению государством, таким образом, халифы из врагов превратились в могущественных и щедрых сюзеренов. Но именно в это время в Средней Азии обострилась классовая борьба, вылившаяся в ряд крупных антифеодальных восстаний. Рассмотрим причины этих восстаний.

3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД АНТИФЕОДАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Арабское завоевание не могло остаться безо всяких последствий в социально-экономических отношениях Средней Азии. Некоторые исследователи даже считают, что следствием его явилось усиление рабо-

---

[1] *Tabari*, III, стр. 119—120.

[2] Там же, стр 121.

[3] *В. В. Бартольд*. Туркестан..., II, стр. 203.

[4] Там же.

[5] *E. Chavannes*. Documents..., стр. 158, прим. 4; *Н. Я. Бичурин*. Указ. соч., т. I. стр. 309—313.

[6] *Н. Я. Бичурин*. Указ. соч., т. II, стр. 300.

владельческого уклада в хозяйстве и замедление темпов феодального развития. Сторонники этого мнения исходят из сведений арабских авторов о захвате арабами огромного числа пленных в завоеванных областях. Однако мы знаем, что эти цифры в большинстве случаев завышены, к тому же нельзя не учитывать, что много невольников вывозили за пределы Средней Азии, в центр халифата, а часть из них, попадая в неволю к арабам, меняла хозяина, а не положение. В том и в другом случае число арабов в Средней Азии не могло существенно увеличиться. Следовательно, нет никаких фактов, которые подтверждали бы, что с арабским завоеванием в Средней Азии усилился рабовладельческий уклад.

Арабы не изменили существовавшие социально-экономические отношения, оставив на местах не только мелких феодалов, но даже крупных правителей. Наиболее важным изменением явилось значительное перераспределение земельной собственности. Арабские военачальники получали либо земли, которые сдавали затем арендаторам, либо целые селения. К сожалению, мы не можем сейчас судить об отношениях между жителями этих селений и их владельцами и формах их зависимости. Судя по сведениям более позднего времени (конец IX в.), речь могла идти прежде всего о выплате определенной суммы подати.

Арабское завоевание привело к распространению в Средней Азии хараджной системы. Поземельный налог, харадж, взимался в двух видах: мисаха и мукасама. Харадж мисаха собирался с определенной площади данной культуры, размеры его устанавливались на ряд лет вне зависимости от урожая. Для установления хараджа мисаха необходимо было регулярно производить измерения посевных площадей, записывавшихся по строго определенным признакам в кадастровые книги: учитывалось качество земли, характер орошения (естественное или искусственное и формы последнего) и вид культуры. А так как харадж мисаха взимался даже с незасеянных земель, то следовательно этот вид налога мог быть применен в случае круговой поруки земледельцев селения.

Харадж мукасама взимался в виде определенной доли урожая. Мы не имеем данных о размерах налога в Средней Азии, но в Ираке в это же время с естественно орошаемых полей, засеянных ячменем, брали $^2/_5$ урожая, а с полей, орошаемых при помощи водоподъемных колес,— $^1/_5$ урожая. Отсутствие сведений по Средней Азии не позволяет нам широко проводить эти аналогии.

Хараджем облагались все земли независимо от того, кто был их владельцем — крестьянин или дихкан. В случае, если земля сдавалась в аренду, владелец должен был выплачивать харадж с получаемой им доли урожая, а издольщик со своей доли.

Вопрос о характере хараджной системы пока еще не подвергался специальному исследованию. Крупнейший советский исследователь аграрных отношений халифата А. Ю. Якубовский считает, что харадж для класса феодалов в целом был рентой в форме налога, из которого черпались средства для выдаваемого государством жалованья.

«В этой своеобразной хараджной форме и шла эксплуатация через государство основной массы крестьянского населения... Хараджная система этого времени и есть вместе с тем своеобразная форма перехода от рабовладельческого общества к феодальному... В этом мы видим своеобразный восточный путь перехода к феодализму, характерный для Востока эпохи халифата» [1].

Тяжесть налоговой системы тем более ощущалась крестьянством, что оно, кроме того, находилось в зависимости от своих феодалов и должно было вносить оброк, а в праздники делать подарки. Вспомним также, что немусульмане обязаны были платить джизью в размере 12 дирхемов в год со взрослого мужчины (богатые платили 24 или 48 дирхемов в зависимости от состояния). На крестьянах, кроме того, лежали различного рода трудовые повинности по ремонту дорог и мостов, строительству плотин и т. д.

Окончательное установление хараджной системы в Средней Азии произошло при Аббасидах. Двойная эксплуатация — феодалов и государства, разорение крестьян-общинников, усилившееся малоземелье в ряде районов, связанное с переселением туда арабов — все это привело к усилению антифеодальных движений во второй половине века.

Как и повсюду в средние века, эти движения в Средней Азии имели религиозную окраску, будучи внешне направлены против ортодоксального ислама, олицетворявшего собой существующий строй. В сложении еретической идеологии этих движений большую роль сыграло то обстоятельство, что в Средней Азии в первую очередь в Мавераннахре в течение ряда веков находили себе убежище представители гонимых религиозных течений, прежде всего манихеи и маздакиты. В ряде городов имелись большие общины манихеев и даже обители. Особенно крупная община была в Самарканде. Маздакиты, бежавшие в Среднюю Азию после подавления их движения в Иране в VI в., не были организованы, а сливались с манихеями, близкими им по взглядам, поэтому-то, вероятно, мусульмане определяли их одним и тем же названием «зиндики».

Идеи маздакистского движения, сложившиеся в Иране на грани V—VI вв., как протест против резко ухудшившегося положения крестьян в связи с началом феодализации, нашли в Средней Азии в VIII в. чрезвычайно благоприятную почву. Здесь появился целый ряд направлений маздакизма «люди в белых одеждах», хурремиты, «одетые в красное», абумуслимия и т. д.

Учение маздакитов близко манихейству. Маздакиты считали, что в основе мира лежат две силы: свет и мрак. В борьбе этих сил родился мир, борьба между ними составляет основу его существования. В обществе силой мрака порождено несправедливое, неравное распределение земли и другого недвижимого имущества. Каждый должен стремиться к победе света над мраком и, следовательно, должен бороться за уравнение

---

[1] *А. Ю. Якубовский*. Периодизация истории Средней Азии в средние века. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 35.

имущества. Маздакиты были противниками всякого убийства, даже животных, но считали его дозволенным, если оно было нужно для борьбы со злом.

В каждом из течений маздакизма эти основные положения истолковывались по-разному и принимали различную окраску в зависимости от местных условий, впитывая в себя элементы местных культов и представлений. Большую роль в формировании идеологии маздакитов играли пережитки первобытнообщинной идеологии, сохранившиеся в среде крестьян-общинников. В частности, с этим связаны попытки возрождения группового брака.

Усиление феодальной эксплуатации создало благоприятную почву для распространения маздакизма и вызвало во второй половине века ряд крупных крестьянских восстаний, явившихся одним из важнейших событий в истории Средней Азии. Историю этих восстаний начали изучать недавно советские ученые [1], и поэтому, несмотря на достигнутые успехи, многое в них остается неясным, тем более, что имеющиеся сведения о них самые разноречивые. Поэтому здесь будут освещены только основные события этих движений.

В 767 г. вспыхнуло большое восстание под руководством Устада Сиса, охватившее район Герата, откуда восставшие двинулись в Мерву. Под Мерв ар-Рудом они разгромили правительственную армию. Новому командующему, присланному ал-Мансуром, пришлось потратить много сил, чтобы собрать остатки разгромленной армии, реорганизовать ее и поднять боевой дух. В большом сражении Устад Сис был разгромлен, и каратели казнили 14 тыс. пленных повстанцев [2]. Устад Сис с оставшимися силами укрылся в горах, правительственные войска осадили его. Затем, очевидно, часть восставших решила предать своего вождя, они вступили в переговоры с осаждающими и согласились сдаться на их милость. Командующий войсками халифа сохранил сдавшимся жизнь, и даже, как сообщает Табари, подарил по две одежды, а Устад Сис и его близкие были закованы в кандалы. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В 777 г. в Бушендже поднял восстание Йусуф ибн-Ибрахим ал-Барм. В. В. Бартольд считал восстание хариджитским, однако, судя по сведениям ал-Якуби, знамена восставших были красного цвета, что свидетельствует о принадлежности их к одному из течений маздакизма [3]. Восстание охватило Хорасан, Согд и Фергану, но основные военные действия происходили на территории нынешнего северного Афганистана [4]. После ряда сражений, окончившихся поражением восставших, полководцу халифа удалось взять ал-Барма в плен; его привезли к ал-Махди в Багдад, убили и распяли.

---

[1] *С. Айни.* Исьёни Муканнои. Сталинабад, 1944; *А. Ю. Якубовский.* Восстание Муканны. «Советское востоковедение», т. V. М., 1948.

[2] *Tabari,* III, стр. 358.

[3] *В. В. Бартольд.* Туркестан..., т. II, стр. 203; *Al-jaqubi.* Hustoriae, II, стр. 479.

[4] *В. В. Бартольд.* Туркестан..., т. II, стр. 203.

Едва было подавлено это восстание, как в Мавераннахре началось новое превзошедшее по размаху все предыдушие и не имевшее себе равных в средневековой истории Средней Азии. Руководитель восставших Хаким ибн-Хашим по прозвищу Муканна был родом из селения в окрестностях Мерва и занимался в молодости отбелкой тканей (или стиркой белья). Прозвище свое «носящий покрывало» он получил из-за того, что лицо его все время было закрыто зеленым покрывалом. В 757—758 гг. он принимал участие в восстании Абд ал-Джаббара и был за это заключен в темницу в Мерве, а затем в Багдаде. Через много лет ему удалось бежать и скрыться у себя на родине, где он начал свою проповедь.

Основным источником сведений о восстании является «История Бухары» Нершахи, в которой оно описывается с резко враждебных позиций к восставшим и, несомненно, в сильно искаженном виде, поэтому к этим сведениям надо относиться с большой осторожностью.

Муканна объявил, что в нем воплотилось божество, после того как оно воплощалось в Иисусе, Мухаммеде и Абу-Муслиме. По всей Средней Азии были разосланы проповедники с письмами, призывавшими признать его власть. Проповедь имела большой успех в Бухаре, Согде и особенно в долине Кашка-Дарьи, ставшей главным оплотом Муканны. Убедившись в успехе своего учения, он тайно переправился через Аму-Дарью и сам возглавил восстание. Своей резиденцией он сделал крепость в горах Санам, около Кеша.

Дата начала восстания остается пока спорной. Нершахи относит его к 159 г. хиджры (775—776 гг.) и под этим годом описывает многие события, однако это расходится с ат-Табари, относящим его к 161 г. хиджры (777—778 гг.) [1]. Данные ат-Табари следует считать более надежными, так как Нершахи частично зависит от Табари. Дату, приводимую Нершахи, можно объяснить смешением событий восстаний Йусуфа ал-Барма и Муканны, тем более, что они были близки по направленности.

В 778 г. в руках восставших оказалось почти все Междуречье, за исключением крупных городов. Восстание поддержали кочевники-тюрки и ряд местных феодалов, например, таких, как бухар-худат Буниат [2]. В 779 г. в Табаристане вспыхнуло восстание маздакитов. Размах восстания Муканны встревожил халифа. «Он был в страхе,— пишет Нершахи,— ибо существовало опасение, что ислам исчезнет совершенно, а вера Муканны распространится по всему миру» [3].

Нершахи подробно описывает события, связанные с его родиной Нершахом и осадой его правительственными войсками, но сейчас трудно сказать, относятся ли эти события действительно к восстанию Муканны.

---

[1] *Tabari*, III, стр. 484. Al-Yagubi («Bibliotheca geographorum arabicorum, vol. VIII. Leiden, стр. 304»), также пишет, что восстание Муканны произошло после восстания Йусуфа ал-Барма.

[2] *М. Нершахи*. Указ. соч., стр. 17.

[3] Там же, стр. 87—88.

После четырехмесячной упорной борьбы Нершах был взят правительственными войсками, правительница его, поддерживавшая восставших, и один из руководителей их Хашви, были казнены, затем полководец халифа, Джабриил ибн-Яхья двинулся в Согд.

В 161 г. хиджры (777—778 гг.) Джабриил ибн-Яхвя был смещен и его сменил Муаз ибн-Муслим, однажды уже неудачно подавлявший народное восстание (в 767 г. он был в числе бежавших от Устада Сиса). С многочисленным войском он прибыл в Бухару, местные дихканы собрали в помощь ему большую армию, и все вместе двинулись на Согд. Здесь, по словам Нершахи, Муаз боролся с восставшими в течение двух лет, но не имел большого успеха и был смещен. Лишь его преемнику Мусейябу ибн-Зухейру удалось подавить восстание [1].

В 779—780 гг. основные военные действия велись в районе Кеша и были связаны с осадой крепости, в которой укрылся Муканна. Крепость находилась на высокой горе и состояла из двух укреплений; внешнего и цитадели на вершине горы. Благодаря предательству одного из военачальников Муканны, халифским войскам удалось овладеть внешним укреплением. Тогда Муканна покончил жизнь самоубийством, отравившись [2] или, по другим сведениям, бросившись в огонь [3].

Табари относит гибель Муканны и окончание восстания к 163 г. хиджры (779—780 гг.) [4], другие историки говорят о большей продолжительности восстания, учитывая, очевидно, борьбу остатков разгромленных повстанцев.

Восстание Муканны показывает нам картину полного слияния интересов среднеазиатских феодалов и халифа, объединившихся в борьбе против местных жителей и арабов. Поддержка восстания бухар-худатом является исключением, объяснявшимся, вероятно, какими-то корыстными расчетами (бухар-худат был казнен в 782—783 гг.).

Тяжелая многолетняя борьба обескровила силы народа и в ближайшие десятилетия после подавления восстания Муканны в Средней Азии не было крупных вооруженных выступлений, но они не прекращались до конца VIII в. в горных районах Хорасана. Вероятно, под впечатлением этих событий Фадл ибн-Сулейман ат-Туси (наместник Хорасана в 782—787 гг.) вернул мервцам воду, захваченную у них знатью, и предпринял меры по упорядочению сбора хараджа [5].

В последней четверти VIII в. в Средней Азии стал намечаться некоторый экономический подъем, о котором мы можем судить по развитию строительства. Во многих городах предпринимаются большие строительные работы, так вокруг Бухарского оазиса возводится оборонительная стена для защиты от набегов кочевников, а в самой Бухаре строится большая мечеть.

---

[1] *М. Нершахи.* Указ. соч., стр. 88—92.
[4] *Tabari,* III, стр. 494.
[3] *М. Нершахи.* Указ. соч., стр. 95.
[4] *Tabari,* III, стр. 494.
[5] *В. В. Бартольд.* Туркестан..., т. I. стр. 2

Начинает развиваться ремесло, в частности техника изготовления поливной керамики.

К этому времени полностью исчезает прежний денежный чекан. Начиная с конца VIII в., на всей территории Средней Азии чеканят монету по арабскому образцу: с исповеданием веры в центральной легенде и датой и местом чекана в круговой. Характерным является резкое падение веса монет и содержания в них драгоценного металла. Так, в Хорезме вес серебряной монеты — дирхема падает почти втрое по сравнению с началом века [1], а в Бухаре при Гитрифе ибн-Ата в 792 г. начинают чеканить дирхемы из сплава меди, серебра и других металлов, ходивших по курсу шесть новых дирхемов за один полноценный [2]. Такую же монету стали затем чеканить и в Самарканде. Чеканку неполноценной монеты, начатую в VIII в., предположительно объясняют желанием воспрепятствовать вызову серебра к кочевникам. Быть может, это и верно по отношению к более позднему времени, но для конца VIII в. вернее предположить, что арабское завоевание и большие подати, поступавшие в центр халифата, сократили количество серебра, что и вызвало все эти мероприятия.

4

ПОСЛЕДСТВИЯ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Пятьдесят лет непрерывных военных действий и ожесточенные классовые бои второй половины VIII в. сильно опустошили Среднюю Азию. Много раз из конца в конец прошли по стране огромные армии арабов и тюрков, грабя горожан и крестьян; в огне пожарищ гибли замечательные произведения архитектуры, скульптуры и живописи, уничтожались памятники письменности. Большое количество жителей погибло в боях и было казнено, многие тысячи попали в плен и были обращены в рабство. Засорялись и разрушались, оставшиеся без присмотра, оросительные системы, восстанавливать которые не всегда хватало сил, в результате чего сокращалась площадь орошенных земель [3]. Пожарами, запустением, упадком ремесленного производства отмечен VIII в. в Средней Азии.

Несомненно, что все это задержало развитие культуры Средней Азии и, быть может, в ряде случаев повело к регрессу. Однако для нас сейчас важна не столько оценка размеров нанесенного ущерба, сколько выявление того нового, что зарождается в Средней Азии в это время. До середины VIII в. мы не наблюдаем никаких качественных изменений в культуре, во всяком случае памятники культуры VII и первой половины VIII в.

---

[1] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 192.

[2] *М. Иершахи.* Указ. соч., стр. 49.

[3] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 46, 50—51.

[4] На этом основании культура первой половины VIII в. рассматривается в предыдущей главе.

столь близки друг другу, что не всегда можно их различить, если нет датирующих материалов [4]. Прежде всего следствием арабского завоевания было ослабление культурных связей с Китаем и Индией, игравшим раньше большую роль в культурной жизни страны, и установление теснейших связей с Ираном и Ближним Востоком, что принесло новую государственную религию и новый государственный язык. Эти факторы могли начать оказывать воздействие лишь с середины VIII в., когда Средняя Азия окончательно вошла в состав халифата. Можно по разному оценивать результаты их воздействия, но игнорировать их нельзя, если мы хотим понять ход дальнейшего развития Средней Азии.

Одним из важнейших изменений было появление новой государственной религии — ислама, который арабы начали насаждать с первых же дней своего господства. Прежде всего были уничтожены храмы огня в больших городах, а некоторые из них были превращены в мечети. Первое время ислам не имел успеха и люди, принявшие ислам, даже не ходили в мечеть, их приходилось привлекать обещанием денежных подарков [1], не проводилось и обрезание, являющееся обязательным для мусульман, продолжал практиковаться старый обряд погребения. Резкий перелом произошел в середине века с приходом к власти Аббасидов. Еще В. Р. Розен обратил на это внимание, ссылаясь на слова арабского астролога начала X в. Ибн-абу-Тахира: «Власть перешла от Омайядов к Аббасидам и отошла вера магов от дихканов, и они приняли ислам во время Абу-Муслима, и была эта перемена похожей на начало новой религии» [2].

К началу IX в. ислам становится господствующей религией, за исключением Семиречья и горных районов, правда, и в центральных областях Средней Азии еще долго продолжали сохраняться старые культы: маздеизм, зороастризм, манихейство и христианство, но значение их было ничтожным. Быстрое распространение ислама объясняется не только тем, что феодалы принимали его ради укрепления своих позиций в мусульманском государстве, а крестьяне и ремесленники хотели таким образом избавиться от обременительной джизьи, но и преимуществом его перед вытесненными религиями. Догматы ислама и его обрядность очень просты, отсутствует всякая церковная организация и духовенство; вместе с тем он больше соответствовал более развитому абстрактному мировоззрению феодальной эпохи, чем зороастризм или манихейство, выросшее из верований общинно-родового строя.

Ислам принес с собой новый тип храма — мечеть. Архитектура мечетей складывалась в каждой области халифата на основе местных строительных традиций; мечети в виде двора, окруженного галереями на кирпичных или деревянных столбах, или в виде небольших купольных зданий, которые являлись дальнейшей разработкой существовавших ранее типов зданий, под мечети перестраивались церкви и храмы огня. Сущест-

---

[1] *М. Наршахи.* Указ. соч., стр. 63.

[2] ЗВОРАО, т. III, стр. 156. Рецензия на «Alberuni's India». Ed. by E. Sachau.

венно новым было и то, что ислам не прибегал в целях религиозной пропаганды к изобразительному искусству, поэтому мечети отличаются и от буддийских храмов, и от манихейских, и от церквей отсутствием скульптуры и сюжетной росписи.

Последнее обстоятельство сыграло огромную роль в судьбах искусства народов Средней Азии, сведя до минимума значение изобразительного искусства. Этот процесс был более сложным, чем представляют его себе утверждающие, что арабы-мусульмане уничтожили изобразительное искусство Средней Азии. Действительно, в период завоевания арабы уничтожили много памятников, имевших культовое значение, так как ислам объявил борьбу всем формам идолопоклонства и решительно запрещал всякие изображения живых существ, сделанные с целью поклонения им. Но нужно решительно отвергнуть устаревший взгляд, поддерживаемый нашими искусствоведами, что ислам с самого начала враждебно относился к изображениям живых существ. Сейчас твердо установлено, что до середины VIII в. отсутствовало всякое представление о недопустимости таких изображений [1]. Более того, например, в мечети Санаа (Йемен) михраб [2] был украшен мозаичным рисунком, на котором была изображена даже свинья, животное нечистое по воззрениям поздних мусульман. В Бухаре при перестройке мечети в 770 г. были употреблены двери из замков зороастрийцев с изображениями идолов [3]. До X в. включительно мусульманские богословы считали запрещенными только изображения культового характера, против светского же изобразительного искусства не имели ничего против.

Нам известна теперь сюжетная живопись лишь первой половины VIII в. и более поздняя, но не подлежит сомнению существование ее и во второй половине века, хотя, несомненно, в более скромных масштабах.

Сущность влияния ислама на изобразительное искусство Средней Азии заключается в сужении сферы его применения: совершенно исключается культовая живопись и скульптура, имевшие огромный удельный вес в искусстве средневековья, достаточно вспомнить для этого средневековое христианское искусство. Впоследствии, конечно, прибавилось и враждебное отношение мусульман ко всяким изображениям живых существ вообще, но это произошло лишь через несколько веков.

Серьезный ущерб арабское завоевание нанесло науке и литературе народов Средней Азии. Выше уже говорилось, что арабы при подавлении восстания в 712 г. в Хорезме уничтожили много книг, и если даже арабы больше преднамеренно не уничтожали книг в других местах, то все же

---

[1] *Creswell.* The lawfullness of painting in Early Islam. «Islamic Culture», 1953, № 3.

[2] Ниша в стене мечети, ориентированная на Мекку, к которой обращаются лицом молящиеся.

[3] *М. Нершахи.* Указ. соч., стр. 64.

памятники письменности народов Средней Азии гибли в большом количестве во время тяжелой борьбы с арабами. Сильнее всего сказалось в судьбе литературных и научных памятников письменности враждебное отношение последующих поколений, окончательно мусульманизированных. Большую роль в этом сыграл также арабский язык, ставший государственным языком, языком делопроизводства, деловой переписки и религии. Арабская письменность вытеснила местные алфавиты, основанные на арамейском шрифте, в результате чего все написанное на согдийском или хорезмийском языке постепенно становилось непонятным.

Арабский язык наложил неизгладимый отпечаток на лексику сложившегося впоследствии таджикского языка, а через него и на все тюркские языки. Под влиянием арабской метрики сложилась метрика персидской и таджикской поэзии.

Широкое распространение арабского языка имело и положительную сторону — он был в это время для народов халифата тем же, чем латынь для Европы и даже большим, так как это был не мертвый язык науки, а живой и развивающийся язык, на котором говорили миллионы людей. Он стал средством общения народов от Марокко до Ферганы, способствуя их культурному сближению и взаимному культурному обогащению.

Арабское завоевание нанесло Средней Азии значительный урон, но включение ее в состав халифата имело и некоторое положительное значение. Прежде всего следует отметить положительное влияние культуры Средиземноморья, обогатившее ее и способствовавшее дальнейшему развитию. Сейчас еще трудно сказать, когда народы Средней Азии преодолели временную задержку в развитии, вызванную арабским завоеванием, и в новых условиях начали дальнейшее развитие экономики и культуры, внеся свою лепту в создание культуры стран халифата. Можно думать, что полное восстановление наступило уже к началу IX в.

Перемены, происходившие в конце VIII в. в Средней Азии, не коснулись районов, не вошедших в состав халифата, т. е. в основном территории карлукского государства. Здесь сохранились старые традиции согдийской культуры, но вместе с тем и в Семиречье широко распространился буддизм. В настоящее время археологическими работами выявлены уже два или три буддийских храма VIII в. [1] Более подробно характеризовать культуру карлукского государства в VIII в. сейчас не представляется возможным, так как исследователи еще не в состоянии отделить материал второй половины VIII в. от материала IX в.

Таким образом, к концу VIII в. в Средней Азии складываются два района, разделяющихся в политическом и культурном отношениях. Затем постепенно различие между ними стирается, но этот процесс рассмотрен в следующем томе.

---

[1] «Труды Семиреченской археол. эксп. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 29, 131—133; *Л. Р. Кызласов.* Раскопки древнего Баласагуна. «Вестник МГУ» (серия обществ. наук), 1953, № 11. стр. 159—160.

5

ЮЖНАЯ СИБИРЬ В VII—IX ВВ.

Громадная территория Сибири и Дальнего Востока от Урала до Тихого океана большей частью занята тундрами и тайгой, а на юге горными массивами с чередующимися полосами степей, переходящими в пустыни, в историческом отношении точно также не представляла собой единого целого. Культурное влияние Средней Азии и Китая охватывало преимущественно степные, скотоводческие племена Сибири и с трудом проникало в тайгу. Именно в степях в условиях связей с древними цивилизациями, в среде скотоводов-кочевников создавались колоссальные военные объединения варваров, нередко наносившие тяжкие удары своим южным и западным, более цивилизованным соседям. Здесь процесс социально-экономического развития не слишком отставал по темпам от развития Средней Азии и Северного Китая, где преимущественно находились центры этих объединений. Первым полугосударственным образованием кочевых племен, живших преимущественно на территории Сибири был Кыргызский каганат, возникший в борьбе с тюрками и уйгурами и явившийся их политическим наследником. Усиление уйгурских племен (в 742—756 гг.) связывается с именем хана Пэй-ло, который принял титул Кутлук-бэк-кюй-кагана. Пэй-ло нанес сильнейшее поражение тюркам, и в 755 г. господство Тюркского каганата в восточной Монголии окончилось. Их владения перешли к уйгурам. Власть уйгуров распространилась от Алтая до Манчжурии и великой пустыни Гоби. На камне, найденном на р. Селенге, имеется уйгурская надпись, из которой следует, что уйгурский хан был в половине VIII в. ханом десяти племен уйгуров и девяти племен огузов (он-уйгур и токуз-огуз). Часть огузов, побежденная уйгурами, вошла в состав уйгурского ханства. Преемник хана Пэй-ло, Мочжо Гэлэ-хан, в 768 г. присоединил к своим владениям земли кыргыз-хакасов. На север от Китая Уйгурское ханство стало таким могущественным политическим объединением, что даже китайскому правительству пришлось считаться с прежними данниками.

В 1949 г. археологическая экспедиция Академии наук СССР изучила развалины столицы Уйгурского ханства на р. Орхон в Монгольской Народной республике. Город был расположен правильными кварталами у подножья сильно укрепленной цитадели, где находились дворцы и храмы. Исследование домов простых горожан показало, что они занимались различными ремеслами, а также садоводством и земледелием на орошаемых участках долины Орхона. Материальная культура уйгур была своеобразной свидетельствуя о самобытности уйгурского народа.

Упадок могущества уйгуров, начавшийся при хане Долосе (по-китайски Чжун-чжен-каган) и его сыне, в конце 80-х и в начале 90-х годов VIII в. был вызван двумя причинами: внутренними раздорами и нашествием внешнего врага — тибетцев. Еще в 755 г. тибетцы овладели

китайскими территориями (теперь входящими в состав провинции Ганьсу и Шаньси) и прервали сношения Китая с его отдаленными западными губернаторствами. Тибетцы нанесли уйгурам и китайцам ряд серьезных поражений. Окончательно силы уйгуров были подорваны стихийными бедствиями. В течение ряда лет, в конце 30-х годов IX в. были чрезвычайно снежные зимы, и уйгурские стада круглый год остававшиеся на подножном корму голодали. Истощенный зимней голодовкой, скот делался жертвой эпизоотий, что наносило неисправимый урон уйгурскому хозяйству. Конец существованию могущества Уйгурского ханства положили кыргызы-хакасы.

Кыргызы были ожесточенными врагами Восточно-Тюркского каганата и Уйгурского ханства. Первое упоминание о кыргызах встречается у древнейшего китайского историка, «отца истории в Китае», Сыма цяня (I в. до н. э.) в его труде «Исторические записки». В этом выдающемся памятнике китайской историографии указано, что кыргызы жили на р. Енисее в соседстве с народом динлин, которых считают предками енисейских остяков. Затем сведения о них появляются в истории китайской династии Тан (Тан-шу), правившей с 618 по 907 гг. В китайской транскрипции танского времени слово «кыргыз» передавалось как «хягас». Термин «кыргыз» появляется в надписях, оставленных орхонскими тюрками (VIII в.). Более поздние сведения, начиная с IX в., сообщают мусульманские авторы.

На основании отрывочных данных китайских летописей можно заключить, что кыргызы представляли союз племен, обитавших по среднему и верхнему течению Енисея. Они упоминаются в орхонских надписях в числе народов, подчиненных первым тюркским каганам (VI в.). По китайским известиям, до половины VII в. кыргызы были в подчинении у западнотюркского кагана Ду-лу (умер в 653 г). До половины VII в. они находились в политической зависимости от Китая, хотя фактическая власть в этой области находилась в руках местных предводителей и ханов. Во главе кыргызов китайцы признавали кыргызского старейшину — сылифа Шибокюй-Ачжань, который в 648 г. явился ко двору китайского императора и был удостоен различных наград. Титул сылифа (или гелифа) соответствует тюркскому титулу эльтебер, упоминаемому в орхонских памятниках.

Китайские династийные летописи ничего не говорят о судьбе кыргызов и об их участии в политической жизни восточной Средней Азии в VI и VIII вв. Главным материалом для истории этого времени служат орхонские надписи, в которых кыргызы упоминаются при кагане Ильтересе как его враги. В этот период они политически усиливаются, и тюркский каган Мочжо вынужден был не только считаться с каганом кыргызов Барс-бегом, но и породниться с ним, выдав за него дочь Ильтереса. Впоследствии этот кыргызский каган стал главным врагом тюрок. Поэтому уничтожение его ставилось Мочжо в большую заслугу, на что указывает изображение кыргызского кагана, поставленное на первом месте у могилы

Мочжо. (Согласно тюркскому обычаю, у могил ханов и беков ставили изображение убитых врагов.)

В надписи, составленной Тоньюкуком, главным советником тюркского кагана Ильтереса, говорится о существовании в составе Китая коалиции западных тюрков, возглавляемых тюргешами, и кыргызского кагана против восточных тюрков. Отсюда же мы узнаем о крупном поражении кыргызов зимой 710 или 711 гг., нанесенном им восточными тюрками.

В 745 г. господство тюрков-огузов в восточной Монголии прекратилось; владения их перешли к уйгурским ханам. В 758 г. кыргызы становятся политически зависимыми от уйгуров. Однако борьба не прекратилась. Кыргызы были многочисленным народом, имевшим возможность выставить до 80 тыс. воинов. В результате длительной и упорной борьбы кыргызы при помощи Китая уничтожили господство уйгуров. Они овладели в 840 г. столицей уйгуров на Орхоне (теперь развалины Харабалгас) и убили уйгурского кагана. Часть уйгуров покорилась кыргызам, остальные ушли на юг, где основали два княжества в области Турфана и Ганьчхоу. Кочевники-кыргызы господствовали над Монголией до начала X в.

Их владения простирались на востоке до Байкала до области народа гулигань (по орхонским надписям «курыканов»); на западе до Алтайских гор, на юго-востоке Саянский хребет, а Минусинско-хакасская котловина, по-видимому, являлась центром кыргызской земли.

По сообщению мусульманских авторов, кочевья кыргызов и их соседей кимаков во второй половине X в. достигали границ мусульманского мира. Кыргызы владели городом, соответствующим по местоположению нынешнему Уч-Турфану в Китайском Туркестане. Здесь их соседом было племя ягма, ветвь племени токуз-огузов.

Кимаки, западные соседи кыргызов, жили преимущественно по р. Иртышу. К ним шел торговый путь из низовьев Сыр-Дарьи и Таласа, по которому от них вывозили пушнину в обмен на соль. Кимаки также говорили по-тюркски и по обычаям были сходны с кыргызами. В рукописи Гардизи, составленной в половине XI в., кимаки описаны как кочевники-скотоводы, питавшиеся мясом и кумысом. В их хозяйственной жизни большое значение имела охота на соболей и горностаев. Западная ветвь кимаков именовалась кипчаками. В культурном отношении она находилась ниже остальной части кимаков. Название «кипчак» сохранилось до нашего времени как родовое или же племенное название у алтайцев, казахов, киргизов, узбеков. В русской истории кипчаки известны под именем половцев.

Древнетюркские источники упоминают, что в VIII в. вместе с кыргызами жили народы чик и аз. Первый, видимо, жил к югу от Саянского хребта, по истокам Енисея, второй — упоминаемый иногда вместе с тюргешами (ветвью которых он являлся), жил, вероятно, между Саянским хребтом и Алтаем. По арабским и персидским известиям, составленным в X в., следует, что соседями кыргызов были на юге: тюрки «огузы» (арабы их называли «токузогузы») и часть карлуков, в районе Семиречья

народы «чигили» и «тухси» (чигили жили на северном берегу Иссык-Куля, тухси, являвшиеся второй ветвью тюргешей,— в долине р. Чу).

В качестве соседей кыргызов часто упоминаются карлуки, выселившиеся в VIII в. из Западного Алтая в Семиречье, где они заняли главенствующее положение. Центром владений карлуков была долина р. Чу. Из всех тюркских народов карлуки подверглись наибольшему влиянию культуры соседних мусульманских областей. Среди карлуков были не только скотоводы и охотники, но и земледельцы.

Северными соседями кыргызов, по сообщению китайской летописи, был народ бо-ма, у которого имелось 30 тыс. строевого войска и были пегие лошади. Они отличались от кыргызов по языку, брили голову, носили берестяные шляпы, жили в срубных жилищах, покрытых берестой.

К юго-востоку от кыргызов находились уйгуры. Их владения простирались от р. Селенги к западу. К востоку от кыргызов и к северу от уйгуров, между оз. Косоголом и верховьями Енисея, жили данники кыргызов, дубо, племенное название которых сохранилось в северном Алтае в форме «туба» и в самоназвании карагасов (туфа). Китайские источники причисляют их к тюркам и рисуют охотниками, в быту которых большое значение имели лыжи.

Дубо занимались охотой и рыбной ловлей, употребляли в пищу различные корни диких растений, особенно сараны, из луковиц которой приготовляли кашу, они жили в шалашах из трав и в избах, покрытых берестой, одевались в платья из шкур оленя, богатые — из шкур соболя. Покойников хоронили на деревьях или ставили в горах. Этот способ погребения в Северном Алтае сохранялся в отношении взрослых до второй половины XIX в., а в отношении детей до наших дней (Горная Шория).

Необходимо отметить, что население, обитавшее на территории кыргызов, не являлось однородным как по языку, так и по своему физическому типу. Так, например, население территории Восточных Саян (современные районы: Канский, Нижнеудинский, Зиминский, Черемховский и северная часть Иркутского), по сообщению китайской летописи, хотя и походило на кыргызов по внешнему виду, но говорило иным языком, т. е. не тюркским. Видимо, здесь обитали палеазийские группы, потомки которых существовали здесь в виде аринов и котов еще в XIII в. По китайским данным, у них был первобытно-общинный строй. Каждая община имела своего старейшину. Таким же первобытно-общинным строем жило, видимо, и население таежных районов, занимавшееся охотой и рыболовством и употреблявшее в пищу дикорастущую сарану.

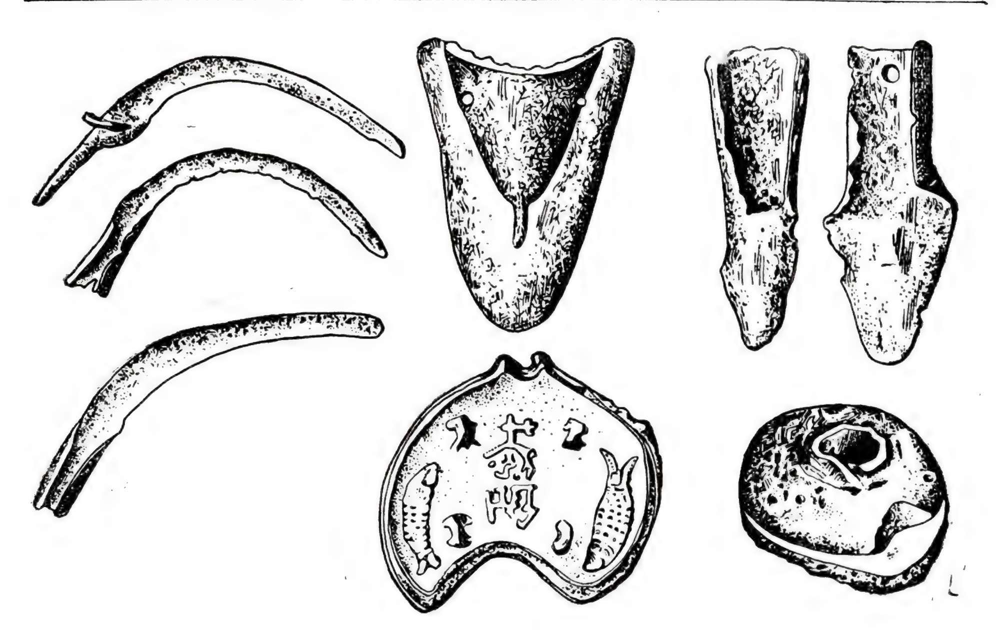
Постоянное общение различных племен привело к тому, что физический тип населения, обитавшего тогда на территории Минусинской котловины, подвергся значительным изменениям. Если в I тысячелетии мы видели здесь ярко европеоидный тип (тагарские памятники), то в данное время в антропологическом типе появляется много монголоидных черт. В китайских летописях имеется известие о вытеснении рыжеволосых, голубоглазых динлинов «хягасами», или «хакасами» (китайская тран-

скрипция самоназвания «кыргыз»). Однако исследования археологических памятников и письменных источников дают основание решительно отбросить версию о вытеснении динлинов. Происходило не вытеснение, а смешение населения. Наличие нескольких десятков позднейших курганов тагарского типа в районах по линии Красноярск — Ачинск — Мариинск как будто указывает на некоторое продвижение населения Минусинской котловины на север. Но курганов этих немного, кроме того сооружены они не в одно время, стало быть, говорить о массовом вытеснении динлинов на север по археологическим памятникам нет оснований. Вместе с этим можно привести ряд доказательств, говорящих о процессе смешения физического типа старого минусинского населения с новыми расовыми элементами. На это указывают прежде всего погребальные маски могил таштыкского типа. Маски эти, изображавшие лицо умершего, дают следующие типы: европеоидный, монголоидный, более скуластый, плосколицый, с раскосостью глаз, а также третий тип — смешанный. За смешение говорит также и преемственность погребальных форм и обрядов. О смешении же свидетельствует и описание хакасов-кыргызов в летописи Тан-шу, где им приписываются почти все черты динлинов, именно: «рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза». Об устойчивости этого типа говорит указание Гардизи (XI в.), также отметившего у кыргызов (хакасов) «красные волосы и белую кожу». Смешение же отражает рассказ китайской летописи о происхождении хакасов и динлинов, смешавшихся с гянь-гунями (кыргызами) и тюрками. Наконец, об этом же говорит вывод академика В. В. Бартольда, основанный на изучении исторических письменных источников и лингвистических данных, что кыргызы были отуреченные енисейские остяки, которые вели войны со своими сородичами, сохранявшими прежний язык.

Основными занятиями кыргызов на Енисее были скотоводство и земледелие. Существенное значение имела и охота на зверя, особенно пушного. Об охоте говорят не только мусульманские авторы, но и многочисленные наскальные изображения кыргызского времени по Енисею, рисующие сцены охоты. Население по берегам больших рек занималось и рыболовством, о чем свидетельствуют сообщения китайской летописи и отдельные археологические находки (например, железный гарпун в одной из могил по р. Абакану).

Кыргызы разводили крупных лошадей, коров и овец и частично верблюдов. Скотоводство носило кочевой характер, при котором стада в течение круглого года перегонялись с пастбища на пастбище в зависимости от наличия травы и воды. О значении скотоводства свидетельствует и костный материал (кости лошади, быка, овцы) из могил так называемого типа Чаатас.

Распространение находок железных земледельческих орудий показывает, что плужное земледелие распространилось и на засушливые районы, где применялось искусственное орошение. Остатки древних оросительных сооружений многочисленны в Минусинской котловине и Тувинской АССР.



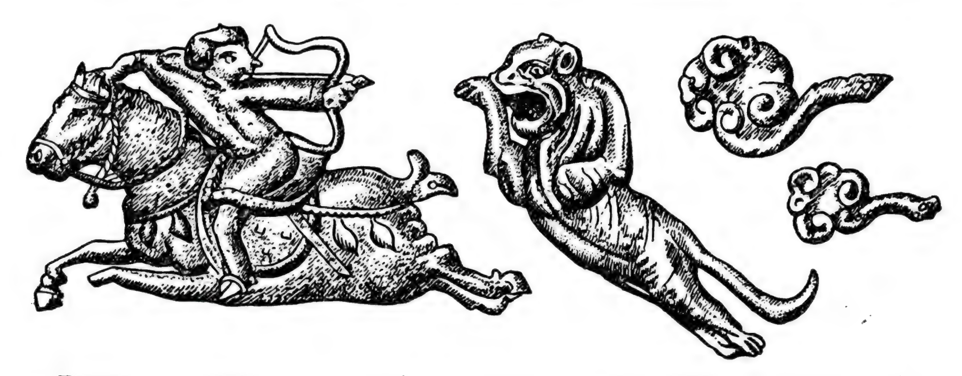
Земледельческие орудия древних хакасов, найденные в Минусинско-Хакасской котловине

Они сохранились в виде канав длиной иногда до 40 км и больших каналов, игравших роль водных распределительных магистралей. Вода в эти каналы бралась иногда очень высоко в горах и проводилась затем поперек встречных возвышенностей по проделанным в них водостокам (следы каменной кладки и подпорных стенок на утесах и высеченные в скалах лотки). По некоторым речкам и головной части оросительного сооружения сохранились остатки водонапорных плотин, сложенных из камня. Эти остатки гидротехнических сооружений вместе с сохранившимися местами остатками вымощенных камнем дорог (дорога, соединившая долины Улукема и Кемчика, по левому берегу Енисея выше Кемчика) говорят о высоком уровне строительной техники в стране кыргызов.

Сеяли кыргызы просо, пшеницу, обычный и гималайский ячмень. Посев производили в апреле, уборку урожая в октябре. Огородничество и плодоводство отсутствовали.

Земледелие кыргызов связано было, видимо, с оседлостью значительной части населения. О существовании оседлых поселений свидетельствуют городища, найденные археологами. У кыргызов была развита добыча полезных ископаемых. Железо добывалось, как свидетельствуют археологические материалы, по р. Енисею, в горах Кузнецкого Алатау и в Восточном и Южном Алтае. Разрабатывались бурые и красные железняки. Памятниками горного дела являются многочисленные «чудские ямы» (железные рудники) в Минусинской котловине и на Алтае. В районе р. Тубы у г. Минусинска найдены остатки старинных сыродутных горнов, скопления шлаков, куски железной руды.

В бассейне верхнего течения Енисея кыргызы добывали олово. Пред-



Древнехакасский дружинник (бронзовые рельефы, украшавшие луку седла). Хакассия, Копенский чаатас

меты из олова местного производства были обнаружены археологами у с. Туран. По притокам р. Аны добывалось рассыпное золото. Добывалось также и серебро.

Большое значение в хозяйственной жизни кыргызов имели различные ремесла, из которых наиболее развитым было кузнечное дело. Китайская летопись сообщает, что в стране кыргызов «есть золото, железо, олово» и что кыргызские кузнецы ковали из железа оружие, которое ценилось высоко, и поставляли его китайскому двору. По китайским источникам, оружие это было столь острым, что могло пронзить кожу носорога.

Кроме оружия, кыргызы-ремесленники изготовляли из железа сельскохозяйственные орудия (серпы, сошники), принадлежности сбруи (стремена, пряжки т. д.). Помимо этого, были развиты чеканка, литье и ковка различных, чисто художественных изделий из золота и серебра (чаши, кубки, украшения, одежда, сбруя и т. п.). Кыргызам было известно и гончарство с применением гончарного круга. Характерно наличие у них развитого ремесла, рассчитанного на обмен. Например, нигде так много не находили археологи железных наконечников стрел не только готовых, но и недоделанных, как на территории, принадлежавшей кыргызам.

На наличие обменных отношений кыргызов с Китаем, с арабами, уйгурами, тибетцами, карлуками указывают китайские и мусульманские источники. По китайским известиям, из страны арабов к кыргызам каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных узорчатыми и вышитыми золотом шелковыми тканями. Иногда число верблюдов доходило до 24. Из страны кыргыз вывозилось много мускуса и мехов, также березовое дерево и рог Хуту, употреблявшийся для выделки рукояток ножей. Географ Ибн-Хаукаль отмечает, что лучший по цене и качеству мускус ввозился из Тибета и от кыргызов. Вывозили кыргызы из своей страны пушнину, железные изделия и золото. На обменные отношения с Китаем показывают и археологические данные. По Енисею было найдено большое количество изделий китайских ремесленников, главным образом предметы роскоши, украшения, зеркала и много китайских монет, особенно Танской династии.

Письменные источники дают интересные сведения о быте, одежде, вооружении, жилище кыргызов. Летопись Таншу сообщает: „меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо (глава кыргызов) зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие ходят в белых валяных шляпах. Вообще они любят носить на поясе точило для точки ножей. Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп. Женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей." Далее в китайской летописи говорится: «на войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками, на плечи накладывают круглые щитки, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель».

Жилищем кыргызам служили срубные дома, крытые берестой, а также войлочные переносные юрты.

Мусульманский автор X в. Абу-Дулеф сообщает о пище кыргызов, что они едят просо, рис и всякое мясо, кроме верблюжьего. Последнее указание находит частичное подтверждение в археологических материалах. Среди костных остатков погребальной пищи, которую клали с покойником встречаются кости лошади, быка, овцы, но не верблюда. В китайских источниках упоминается кобылье молоко, которое употребляли кыргызы.

Китайская летопись указывает и на обычай кыргызов платить калым при женитьбе: «При браках калым платится лошадьми и овцами. Богатые дают по сотне и тысячи голов». А у подчиненного кыргызам племени дубо лошадей в калым давали только богатые люди, бедные же приносили оленьи кожи и корни сараны. Известно также, что у кыргызов в числе музыкальных инструментов были бубен и флейта, а наиболее любимыми зрелищами были обученные верблюды и львы, а также балансирование на веревке и джигитовка на лошадях.

Довольно определенные данные имеются для характеристики религиозных воззрений кыргызов. По религии они были шаманистами. Шаманов, как и теперь на Алтае, именовали «кам». Жертвоприношение духам производили на открытом воздухе. Скорбь о покойнике при похоронах выражали плачем, но в отличие от тюрков не царапали при этом лицо. Покойников сжигали, а через год кости, оставшиеся от сожжения, хоронили. Жженые человеческие кости найдены в кыргызских могилах типа Чаатас.

Самым замечательным достижением кыргызской культуры рассматриваемого периода было наличие письменности. Китайская летопись сравнивает их письмо и язык с уйгурским. О письме кыргызов упоминает и Абу-Дулеф. Здесь речь идет, несомненно, о руническом письме, дошедшем до нас в виде эпитафий на могильных камнях кыргызов, особенно знатных, в надписях на скалах, содержащих драгоценные сведения о быте и культуре этого народа, а также кратких надписях на различных предметах (серебряные чаши, поясные бляшки и т. п.), оказавшихся в богатых могильных инвентарях. Кыргызам был известен и календарь.

Золотые кувшины на серебряном блюде из Копенского чаатаса в Хакассии

Календарный цикл состоял из 12 лет. Каждый год обозначался именем животного (год зайца, лошади и т. п.).

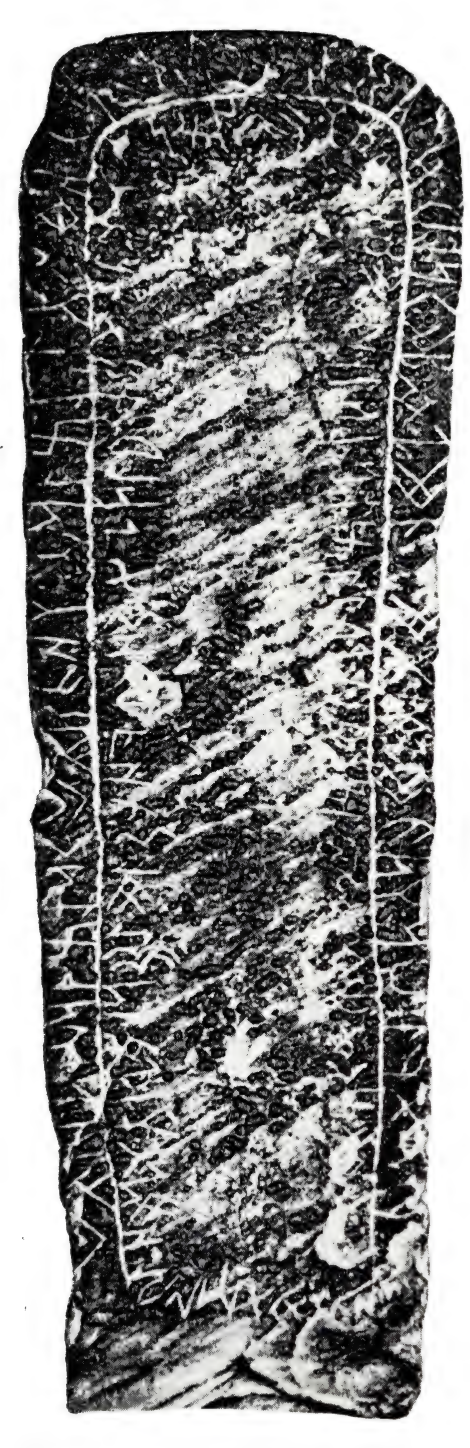
Китайские летописи и древнекыргызские надписи указывают на существование среди кыргызов богатой аристократии, обладавшей многочисленными стадами и прочим имуществом. На каменной стеле, стоявшей в Койбальской степи в 22 км от селения Ачуры, говорится, что у бега Уры (которому посвящен памятник) «на земле, снабженные тамгой (т. е. собственные, отмеченные тавром) табуны лошадей были бесчисленны... в сумах находившееся имущество было бесчисленно, как черные волосы». Богатые кыргызы были не в состоянии обслуживать свои хозяйства своей семьей, и поэтому к работе привлекались военнопленные рабы. Тан-шу, рассказывая о пути китайского посольства к хакасам, описывает таежные племена, обитавшие на Алтае, в Кузнецком Алатау и в лесах восточнее земли кыргызов, например по берегам оз. Косогола, которых хакасы ловят и употребляют в работу. Мелкие племена и роды, жившие в таежных районах, были подвластны кыргызам и платили им дань пушниной: соболями и белками.

Основная же масса кыргызов, по-видимому, тогда еще не находилась на такой ступени подчинения, чтобы можно было говорить о полной зависимости ее от бегов и каганов и просто батуров, упоминаемых в енисейских эпитафиях. Правда, беги и каганы считали себя владельцами целых областей, о чем прямо сообщают надписи. Так, зависимый от кыргызского хана, Тутук назван бегом «своей лежащей по ту сторону земли». Об этом говорят и другие надписи. Однако мы не находим в этих источниках указаний на владение народом. Напротив, народ всячески восхваляется («превосходный народ большар, могучий народ»); во всех надписях он выступает как самостоятельная сила наряду с ханом и аристократическим родом — «элем» («от моего народа, от моего хана, от эля, от всех вас я отделился», т. е. умер — такова формула аристократической эпитафии).

О составе каждого местного эля можно говорить лишь на основании косвенных свидетельств. Так, судя по надписям Урыбега, наряду с пришедшими оплакивать умершего витязями и бегами, его товарищами по походам, упоминаются 50 витязей «лучших спутников» и старшие и младшие родственники, т. е. родня и дружина, необходимая вооруженная сила, опора для осуществления владельческих прав. Это и есть эль.

Главные заботы владельцев сосредоточиваются вокруг своего эля. Одни из них (Таркан-Шангун) приобретают все только для эля, другие, например, Бай-Ана, называются в надписях «элю угодившими». Следовательно, эль в широком смысле являлся объединением степной аристократии, возглавляемой у кыргызов ханом или каганом. В узком смысле — это тот или другой аристократический род.

Народ, хотя и выступал еще как самостоятельная сила, тоже уже был затронут происходящим разложением родовых отношений. Старый родовой, первобытно-общинный строй распадался. В процессе распада его



Каменная стела с надписью, обнаруженная около оз. Алтын-Кёль на юге Минусинско-Хакасской котловины

на одном полюсе накапливалось богатство, принадлежавшее сравнительно немногим лицам, на другом — росло обнищание. Об этом свидетельствуют и археологические памятники. Большие каменные курганы типа Чаатас, к сожалению, все разграбленные, дают случайно уцелевшие от хищения ценные находки из золота и серебра, которые говорят о богатстве некоторых погребенных лиц. Это подчеркивает и величина могильной насыпи, обставленной камнями, иногда покрытыми надписями. Курганы кыргызской знати наредко окружены бедными погребениями, предполагают, что в них похоронены рабы. Вместе с этим известны могилы рядовых воинов, погребенных с оседланным конем и вооружением. В таких могилах обычно находят небольшое количество вещей повседневного обихода небогатого человека. Эти могилы — свидетельство существования у кыргызов резкого имущественного неравенства. Китайская летопись также пишет не только о «богатых землепашцах», имевших «по несколько тысяч голов скота», об одеяниях богачей из собольих и рысьих мехов, она пишет далее не только о «низших» людях, одевающихся в простое «овчинное платье», но и прямо о бедняках, снискивающих себе пропитание собиранием корней диких растений.

Богатые кыргызы, несомненно, эксплуатировали не только рабов, но и своих обедневших сородичей и соплеменников.

Формой зависимости народа от знати, по-видимому, была в это время дань, собиравшаяся по обычаю. Об этом прямо говорят надписи на сосудах, найденных в могилах кыргызской знати у с. Копены в Хакасской А. О. На одном из сосудов написано: «Бэгское серебро мы дали», а на другом сосуде читаем: «Дар народа Ач».

Наличие резкого имущественного неравенства у кыргызов, установленное по различным источникам, позволяет предполагать, что кыргызы-бедняки вынуждены были поддерживать существование, обслуживая своим трудом хозяйство богатых сородичей. В каких конкретных формах происходила эксплуатация соплеменников и сородичей богачами-бегами (родовая аристократия) сказать трудно за отсутствием указаний на этот счет в известных нам источниках. По аналогии с этнографическими данными, возможно, что зависимость бедных от богатых принимала формы патриархального рабства и феодальных отношений.

В первом случае бедняк-кыргыз, лишенный всяких средств производства, кроме своих рук, попавший к богатому соплеменнику на положение раба, все же отличается от пленного раба, бывшего полной собственностью владельца. Общность родового имени, культа, влияние еще сохранявших свою силу родовых связей и вытекающих из них обычаев смягчали положение обедневшего кыргыза по сравнению с племенным рабом. Трудно допустить, например, чтобы обедневшего работника-сородича, кочевавшего вместе с богачем-бегом, убивали в случае смерти его хозяина для совместного погребения.

Наряду с рабством у кыргызов существовали и некоторые феодальные права и повинности. К носителям такого рода прав необходимо отнести

«тарханов», упоминания о которых встречаются в кыргызских источниках. Тарханами у тюрок назывались представители высшего сословия, освобожденные от всяких налогов. «Этот вид *феодальных прав,*— пишет Маркс,— возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни» [1].

К повинности кыргызского народа нужно отнести обязанность участвовать в походах с бегами и каганом, имея собственное вооружение и коня. Однако, несомненно, что сила родовых установлений и представлений влияла и на этот тип отношений, характерный для начала феодализма и переплеталась с ними.

Орхонские памятники показывают, что народ иногда восставал против своего кагана. Возможно, именно это и имеет в виду хвастливый Эрен-Улуг, когда ставит себе в заслугу, что при нем народ болшар «не жил в возбуждении». Когда народ «жил в возбуждении», кыргызские беги обычно искали выхода в войне. Война, ради которой предпринимались далекие походы, обогащала предводителей, доставляла им рабов, и также открывала заманчивые возможности и простому, свободному народу. Так, уже упоминавшийся «превосходством одаренный батур», Эрен-Улуг предпринимает войну «по мысли моих превосходных болшар», чтобы «добыть золото». Патриархально-родовые традиции давали возможность аристократии широко вовлекать массы рядовых членов родов в свои военные предприятия. В интересах войны старая родовая аристократия объединялась вокруг удачливого вождя, подчинялась военной власти и создавала такую организацию управления, которая феодальному китайскому историку кажется сложной системой чиновничьего аппарата.

Как указывают кыргызские источники, вокруг кыргызского хана группировалась родовая аристократия — беги, тарханы многочисленная дружина, витязи, огланы. Эта военная организация опиралась на родовую знать, которая имела собственные интересы, то притягивавшие ее к кагану, то отталкивавшие от него, особенно, когда он посягал на ее имущество, вводя налоги и т. п. Но беги были вынуждены считаться и с народом и даже иногда возглавлять его движение против кагана, чтобы не оторваться от народа и оказывать влияние на него. Об этом ясно говорят знаменитые орхонские эпитафии тюркских аристократов — Могилян-хана, Кюль-Тегина, Тоньюкука. Енисейские же надписи только намекают на подобные явления.

Таким образом, частые войны кыргызов тесно связаны с соотношением их внутренних социальных сил. История кыргызов — отличается большим числом войн. Кыргызы являлись непременными участниками всех каолиций, составлявшихся против древних тюрков. Вспомним сообщение памятника Тоньюкука о борьбе против огузов, кыргызов и китайцев. Это сообщение подтверждается и фрагментом надписи на камне у кургана Узун-Оба в Хакассии. В более позднее время кыргызы выступают претендентами

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938, стр. 220.

на собирание дани с земель, подвластных уйгурам. И как только у восточных уйгуров обнаруживаются явления упадка центральной власти, выразившиеся в междоусобицах отдельных землевладельцев, кыргызский эль с помощью Китая (с которым кыргызские ханы с самого начала стараются поддерживать дружественные отношения) захватывает восточные уйгурские земли, подчинив себе всю территорию современной Монголии.

Господство кыргызов в восточной части Центральной Азии было недолговечным. Уйгуры с помощью Киданей (Юкано-манчжурская империя Ляо) смогли организовать отпор. Кыргызский ажо был вынужден оставить свою ставку на Орхоне, куда он ее перенес после победы над уйгурами и вернуться на Енисей. В начале X в. господство в восточной части Средней Азии перешло к киданям или кара-кытаям. Однако исследование городов X—XII вв. в Монголии показывает, что основным населением в них оставались уйгуры. Судя по историческим источникам, в течение последующих пяти веков кыргызы обитали на Енисее к северу от Саянского хребта.

6

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В VII—IX ВВ.

Из многочисленных племен Восточной Сибири в I тысячелетии особо выделяются курыканы, находившиеся на значительно более высоком уровне культуры, чем их соседи и принимавшие активное участие в международной жизни того времени.

Курыканами («уч-курыкан») эти племена называются в орхонских надписях, где они упомянуты дважды. Китайцы называли их гулигань, или кули, мусульманские авторы кури, или фури.

Согласно китайским сведениям танского времени, гулигань «кочевали по северную сторону Байкала... земли гулиганевы на север простирались до моря и от столицы (Танской династии в Китае) чрезвычайно удалены».

В Танской летописи приведена любопытная деталь, относящаяся к природным условиям страны гулиганей. Летопись рисует страну гулиганей как настоящий заполярный край: «При переправе за море «Байкал» на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет. Сия страна близка к месту солнечного восхождения» [1].

Сведения эти были настолько необычными для жителей Китая, что тысячелетием позже, в XVIII в., император Цянь-Лун в своих примечаниях к своду летописных известий всех династий — Тунцзян, выражал свое крайнее недоумение по поводу сообщения танской летописи о стране гулиганей: «Какая правда,— писал император,— в том, что от сумерек до рассвета сварится одно баранье междуплечье? Только пользуясь

---

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 348.

принесенными хвастливыми словами записали их в исторические списки. Дело не соответствует истине, не заслуживает передачи на веру» [1].

Эти сведения относятся, должно быть, не к стране самих курыканов, а к более отдаленной области, к Средней Лене, где обитало другое племя, родственное курыканам.

В другом китайском источнике Танской эпохи, в географическом обозрении Тан-шу ди-ли-чжи ясно сказано, что к северу от Байкала живут люди, сходные по обычаям с гулигань: «На севере от двух поколений Гулигань и Дубо,— говорится там,— имеется небольшое море. Когда лед крепок, лошади, идя восемь дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор. Жители их по виду (фигуре) очень крупны. Обычаем походят на гулигань. День длинен, а вечер короток. Так называемое Малое море и есть эти воды» [2].

Описываемые здесь горы, несомненно, являются горами Прибайкальского или Онотского хребта, переезд на лошадях через «Малое море» по льду тоже соответствует действительности.

Большое этнографическое значение имеет указание на высокий рост жителей Севера, хотя это не означает наличия какого-то высокорослого племени в целом. На Севере широко распространен фольклорный сюжет о сказочных великанах, обитателях Ледовитого моря. Из северного фольклора через курыканов он, очевидно, и попал в китайскую летопись.

Китайские известия танского времени о стране курыканов и их соседях уточняются данными истории танской династии, в которой говорится, что курыканы (кули) жили в «округе Ангкола, носившем имя от одной реки, у жителей этого района «язык» существенно отличался от кыргызского. Это земля кули, о которой говорится в истории Тан» [3].

Река Ангкола, о которой упоминается в танской истории, несомненно, теперешняя Ангара.

С китайскими данными в основном совпадают и сообщения других восточных авторов, смотревших на курыканов и их страну с далекого Запада и писавших на арабском и среднеазиатских языках.

Гардизи, автор труда «Украшение известий», написанного в царствование газневидского султана Абд-ар-Рашида (1050—1052 гг.) сообщает, что из лагеря кыргызского кагана выходят три дороги. Одна дорога ведет на юг, к тогузгузам. Вторая — на запад, к кимакам и халлухам. Третья — в степь. «Надо итти три месяца,— говорит далее Гардизи, —пока не придешь к большому племени фури. Здесь также две дороги: одна через степь — три месяца пути; другая по левую сторону — два месяца пути; но эта дорога трудна. Надо идти все время по лесам, по узкой тропинке и

---

[1] *Н. В. Кюнер.* Китайские известия о народах Якутии и соседних районов (перевод с китайского текста с необходимыми примечаниями и литературными указаниями). Л., 1946, стр. 16 (Архив НИЯЛИ ЯАССР).

[2] *Н. В. Кюнер.* Указ. соч., стр. 7.

[3] *W. Schott.* Uber die achten Kirgisen. Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaft zu Berlin. 1864, стр. 436.

узкому пространству; по дороге много воды, постоянно встречаются реки, постоянно идут дожди. Кто хочет идти по этой дороге должен снабдить себя соответственными припасами и одеждой; вся местность на пути пропитана водой и на землю ничего нельзя класть, надо идти позади лошади, пока не пройдешь эту болотистую местность»[1].

Описание дороги от ставки кыргызского хакана к племени фури показывает, что этот четвертый путь шел «позади и на восток от кыргызов», сквозь тайгу, вероятно, с Енисея на Ангару, земли по которой, как мы уже знаем, находились в зависимости от кыргызов в юаньское время. Здесь, действительно, повсюду были густые леса, постоянно встречались реки и болота и шли дожди, непривычные для жителей Средней Азии.

В лесах вдоль этого мрачного и тяжелого пути обитали, по словам Гардизи, настоящие дикари, описанные весьма подробно и обстоятельно.

«В этих болотах живут дикие люди, ни с кем не имеющие сношений; они не умеют говорить на чужих языках, а их языка никто не понимает. Если вывести их из этих болот, они настолько смущаются, что походят на рыб, вытащенных из воды»[2].

Если же кто-нибудь из них попадает к кыргызам (очевидно, в плен), он не принимает пищи. Обитатели болот не используют домашних животных для перевозки имущества. Но все имущество их состоит из звериных шкур, которые служат материалом для одежды. Луки их сделаны из дерева. Пища их — мясо дичи. Согласно обычаю, они никогда не прикасаются к чужой одежде и имуществу.

Гардизи слышал, что у них существуют особые погребальные обычаи: «Мертвых они уносят на горы и вешают на деревья, пока труп не разложится. Когда они хотят сражаться, они выходят со своими семьями и имуществом и начинают битву; одержав победу над врагом, они не прикасаются к его имуществу, но все сжигают и ничего не берут с собой, кроме оружия и железа».

Несмотря на дикость лесного племени курыканов, у них существовал калым за женщин в виде дичи или долины, в которой много дичи и деревьев (у Марвази — из животных и диких зверей)[3].

В своей книге Гардизи правдиво рассказывает о жизни лесных племен в стране болот и рек. Несчастные дикари, вынужденные покидать свою страну, сравниваются с вытащенными из воды рыбами. Единственным транспортным средством, которым они располагали, были лодки.

Интересно в связи с этим любопытное совпадение кыргызских рассказов о их лесных соседях, обитателей речных долин, с обидной поговоркой алтайцев-скотоводов о роде табыски, в жизни которого важное место занимало рыболовство. Скотоводы-алтайцы говорили о них: «плешивые

---

[1] *В. В. Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. «Зап. АН по историко-филологич. отд.», т. I, № 4, 1897 г., стр. 110. Ср. *V. Minorsky.* Sharaf al-zaman Tahir Marwazi. On China the Turks and India. L., 1942.

[2] *В. В. Бартольд.* Отчет о поездке..., стр. 110.

[3] Там же, стр. 110—111.

табыски, живущие в болоте, питающиеся сагалаками (маленькая усатая рыбка), с берестяными луками»[1].

Возможно, что степняки-кыргызы с таким же презрением и в аналогичных выражениях описывали мусульманским купцам своих лесных соседей, охотников и рыболовов, через страну которых шел один из путей в землю кури — курыканов.

Народы, населявшие лесные массивы между страной кури и кыргызами, всего вероятнее, были кеты или другие родственные им племена по Енисею и Ангаре, а также «пешие тунгусы» и «холопья орда», которые в XVII в. жили около Братского острога и назывались бурятскими киштымами. Труден был путь из кыргызской земли в страну кури через болота, реки и непроходимые леса, вероятно, вниз по Енисею и, затем, через ангарские пороги вверх по бурной Ангаре до Байкала.

О том, что из страны кыргызов именно этот трудный и длительный водный путь, которым до проведения сибирского тракта пользовались и русские, вел к фури (кури) в X—XI в., свидетельствует указание Гардизи на отсутствие у живущих по нему лесных племен каких-либо транспортных животных, а у Марвази — на лодки, нагруженные звериными шкурами, предназначенными, очевидно, для продажи кыргызским купцам[2].

Сведения письменных источников о расселении кури-курыканов подтверждаются также и археологическими данными, которые позволяют еще более точно определить границы курыканских земель.

Таковы памятники курумчинской культуры I тысячелетия, распространенные по обоим берегам Байкала в следующих пределах: низовьях Селенги, долина Баргузина, Тункинский край, долина Ангары до Балаганска и несколько ниже последнего, верховья Лены — до Жигалово. Основной областью курумчинской культуры являлась южная часть Приангарья и Приленского края с заключенной между ними частью Байкальского побережья и островом Ольхоном.

Сопоставляя письменные, главным образом китайские источники и многочисленные археологические данные, можно достаточно полно представить образ жизни и историческую роль курыканов в это время.

Курыканы вместе с племенами юаньгэ, сеяньто, хун, сыге, хусе, хисы, ады, байси входили в число уйгурских племен гао-гюй или хой-хэ, являвшихся, по словам танской летописи, потомками хуннов.

Постепенно обитатели Прибайкалья и соседних с ним районов Забайкалья все более и более сближаются как со своими южными соседями селенгинскими уйгурами, так и с западными — саяно-алтайскими, племенами дубо и енисейскими кыргызами.

Наиболее существенный сдвиг в экономике и культуре курыканов по сравнению с их предшественниками раннего железного века выразился в переходе от первобытной охоты и рыбной ловли как основных

---

[1] *Г. Н. Потанин.* Очерки Северо-западной Монголии, IV, СПб., 1881, стр. 938.

[2] *V. Minorsky.* Указ. соч., стр. 106.

хозяйственных занятий прошлого к скотоводству и даже земледелию. Курыканы становятся по преимуществу скотоводами.

Не случайно китайские летописцы, столь скупые на подробности, сочли нужным уделить внимание этой стороне жизни курыканов. В большом количестве гулигане разводили породистых скакунов, широко известных за пределами страны. Страна гулиганей, писали китайцы, разводила «превосходных лошадей, которые с головы похожи на верблюда, сильны, рослы; в день могут пробегать по нескольку сот ли» [1].

У знаменитого императора династии Тан Тайцзуна курыканские кони вызвали восхищение. Тайцзун, говорится в летописи, «принял их, все вместе назвал «десять скакунов» и каждому скакуну в отдельности дал славное имя, а затем посвятил им особые поэмы [2].

На ленских скалах и в долине р. Куды, где обитали курыканы, уцелело множество изображений лошадей и всадников, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., что подтверждает широкое развитие коневодства у курыканов.

Детали наскальных изображений говорят о характерных особенностях курыканских лошадей, принесших славу курыканам в Китае при танском дворе. Лошади изображены с маленькой головой, напоминающей верблюжью, крупным крупом, высокой шеей и несоразмерно вытянутым туловищем. Те же самые признаки присущи лучшим лошадям нашего востока, ахал-текинским скакунам. Остатки древней фауны подтверждают достоверность наскальных изображений. При раскопках древнего укрепленного поселения на горе Манхай в Кудинской степи было обнаружено, по-видимому, ритуальное захоронение костей лошади такого же типа, как на изображениях манхайских скал. Удивительное, на первый взгляд, наличие таких лошадей у истоков Лены в глухой тайге, у курыканов, живущих среди многочисленных племен оленеводов и охотников, легко объясняется историческими фактами. Такие лошади существовали на Алтае уже во времена скифов. В последующее время они широко распространились, должно быть, среди скотоводческих племен южной Сибири, а оттуда проникли и к жителям Прибайкалья — курыканам, которые достигли значительных успехов в разведении этих лошадей.

Видное место в хозяйственной жизни курыканов занимал, судя по писаницам, также и двугорбый верблюд, типичный представитель степей и пустынь Внутренней Азии, неотъемлемое достояние скотоводческой культуры степных кочевников, с которыми, очевидно, жители Прибайкалья в это время постоянно общались.

Как и у других скотоводческих народов, немалое значение в хозяйстве курыканов имела, наряду со скотоводством, охота на диких животных. При раскопках стоянок и городищ довольно часто встречаются кости косули и лося. На писаницах изображали сцены облавной охоты. Одна из

---

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 384.

[2] Из Да-цин-и-тун-чжи (по данным Н. В. Кюнера).

таких сцен изображает, вероятно, кабанов, мчащихся в одном направлении, сзади их преследует конный загонщик, а навстречу кабанам скачет второй охотник. Здесь облава показана условно, сбоку, с размещением фигур по одной линии.

Необычна сцена охоты, изображающая конного охотника, который мчится за лосем с арканом в руке. Сейчас в местах, где жили курыканы, такой способ охоты вообще неизвестен. Ф. Я. Кон, однако, упоминает об охоте на волков у сойотов (танну-тувинцев) с лассо или арканом.

Древние иранцы охотились на онагров при помощи аркана, что тесно связано здесь с образом жизни и скотоводческим хозяйством степных племен, у которых аркан является необходимым средством ловли лошадей в табунах.

На одном из рисунков вместо обычной петли аркана изображено что-то вроде сети, пересеченной внутри косыми линиями в шахматную сетку. По сообщениям европейских писателей, так вооружены были гунны.

Кроме скотоводства и коневодства, курыканы занимались земледелием. Земледелие курыканов было своеобразным. Их пашни представляли собою небольшие поля, орошаемые из специально проведенных оросительных каналов, питавшихся водой мелких речек и многочисленных ручьев.

Например, в Кудинской степи, около улуса Бартурки, в 3 км от районного центра Усть-Орды, имеется целая сеть оросительных канав, выходящих из пади Идыги, вблизи горы Улан-Зола-Тологой, на которой расположено курумчинское городище, как бы защищающее подход к головному участку ирригационного сооружения и к полям. Оросительные канавы были выкопаны по краям невысокой террасы, подходящей к правому берегу р. Куды. С одной стороны канавы идут в два ряда на расстоянии от 100 до 150 м друг от друга. Глубина канав колеблется от полуметра до метра, ширина канав достигает двух метров. От главных канав отходят в сторону мелкие боковые ответвления, питающие водой отдельные участки. Это сооружение занимает площадь длиной в 5 км и шириной 300 м.

Подобные оросительные сооружения имеются также и в пади Курхир, против Бохолдойского улуса, и за улусом Харазаргай в долине р. Куды [1].

К памятникам древнего земледелия в Прибайкалье относятся и «чашечные» камни, найденные на Куде и по берегам Байкала. Они имеют вид цилиндрических, конических или горшковидных углублений с полусферическим дном. Самое большое углубление такого рода отмечено вблизи Булусинского улуса на Куде, оно имеет коническую форму, глубиной 40 см, диаметр его вверху 23 см. «На верхней половине окружности,— пишет Агапитов,—выдолблены в трех точках улубления, из которых одно сквозное, как будто для вставления какого-либо стержня». Агапитов указывает, что эти чашечные камни очень похожи на употреблявшиеся в XIX в. бурятами деревянные ступки. Само же бурятское население при-

---

[1] *П. П. Хороших.* Древности кудинских степей. Бурятоведение, III—IV (11—12), Верхне-Удинск, 1930, стр. 85.

писывало их «китайцам» и прямо называло «китайскими ступками», полагая, что китайцы толкли в таких ступках просо.

Земледелие курыканов генетически было связано с основанной на искусственном орошении земледельческой культурой уйгуров Селенгинской долины, развивавшейся под влиянием земледелия Китая и Средней Азии.

Было бы, однако, ошибочным считать курыканское земледелие высокоразвитым и сопоставлять его, например, с земледелием китайцев или среднеазиатских оседлых народов того времени.

Китайские источники отмечают, например, одну частную, но весьма характерную деталь курыканской экономики, которая позволяет лучше понять уровень и характер их земледельческой культуры. В Тайпинхуаньюй-цзи (география Китая и иностранных земель времени правления Тайпин Сунской династии) сказано: «в стране много лилий, жители считают их продовольствием».

Лилии эти, конечно,— сарана, собиравшаяся курыканами и составлявшая в их продовольствии значительную часть и до новейшего времени. Этот факт свидетельствует, таким образом, о примитивном характере земледелия курыканов и его ограниченных масштабах. Такой вывод подтверждается и остатками курыканских пашен. Характерные для них длинные, широкие валы представляют собою ничто иное, как грядки. Это не пашни в нашем смысле слова, а скорее огороды. Отсутствие же в археологических находках лемехов от плуга свидетельствует о ручной мотыжной обработке полей.

Большое значение в жизни курыканов, так же как и их западных соседей, енисейских кыргызов, имело также ремесло. Их поселения представляют собою характерную картину стойбища металлистов-плавильщиков и кузнецов, с разбросанными повсюду шлаком, кузнечным нагаром, обломками горнов, черепками от глиняных сопел — трубок которые надевались на кузнечные мехи, целыми и битыми тиглями.

В одной из землянок на поселении курумчинцев в пади Уту-Елга были обнаружены остатки небольшого горна, вделанного в стену на том месте, где в жилых землянках помещалась особая приступочка-лежанка. Горн имел вид большого толстостенного сосуда с округлым дном и двумя отверстиями для вставления сопел. В горн накладывали послойно руду и древесный уголь. Во время выплавки внутрь сосуда подавали мехами воздух через сопла, а сверху постепенно добавляли уголь и измельченную руду. В процессе плавки железо постепенно стекало вниз, образовывая массивный слиток с округлой нижней частью и плоской поверхностью вверху. Процент чистого металла в этом сыродутном железе курумчинцев был исключительно высок и доходил до 99,43%, поэтому оно обладало высокими качествами и было особенно ковким и прочным. Тут же, на стоянках, где железо выплавлялось из руд, происходила и переработка его в различные изделия.

Курыканские кузнецы выделывали из своего железа ножи, наконечники стрел и копий, а также все другие вещи домашнего и хозяйствен-

ного обихода, за исключением чугунных котлов, которые привозили из Китая. Но они умели чинить лопнувшие чугунные котлы, накладывая на них сверху заплатки в виде губчатой железной массы. Предполагают даже, что курыканы сами умели изготовлять чугун и лить из него котлы. Но это мало вероятно.

Наличие земледелия и относительно развитого ремесла определило характер курыканских поселений. Культурный слой их бывает относительной мощным и густо насыщенным бытовыми остатками: черепками глиняной посуды, шлаками, костями животных. Такой культурный слой мог образоваться лишь на местах долговременного пребывания большого количества людей, из года в год оставлявших здесь остатки утвари, пищи и другие следы своего пребывания.

В культурном слое вместе с костями лошадей и быков, а также характерными черепками глиняных сосудов здесь были обнаружены скопления комков обожженной глины с отпечатками растений, напоминающих стебли и полову ячменя или пшеницы. В одном из кусков обмазки сохранилась полость, соответствующая по форме и размерам обыкновенному ячменному зерну.

Поселения курыканов состояли из прочных жилищ типа землянок или мазанок из прутьев и жердей, обмазанных сверху глиной с примесью соломы и травы.

Остатки сооружений такого рода имеются, например, на самой крайней стоянке курумчинцев вверх по течению р. Лены, около дер. Юшино в местности «Рогатка».

Кроме таких поселений, у этих полуоседлых скотоводов-земледельцев существовали также и многочисленные укрепленные городища. Больше всего их было на Унге и в долине р. Куды. Они располагались обычно целыми группами в определенных пунктах, в местах богатых лугами и пастбищами, по живописным возвышенностям, где, по-видимому, скоплялось население. Характерны две группы капсальских городищ: на Куде или у дер. Кулаковой на Ангаре. Они представляют собой единую оборонительную систему из трех городищ — два городища находятся рядом друг над другом, а третье в узле падей, две из которых выходят к дер. Кулаковой.

Размеры городищ различны. В некоторых случаях они равны нескольким гектарам, например, городище на горе Улан-Зала-Тологой охватывает площадь в 5 тыс. кв. м.

Городища имеют обычно в плане четырехугольные или округлые очертания, причем три стороны обычно окружены валами и рвами, а четвертая сторона ограничена обрывистыми склонами. Иногда рвы городища бывают дугообразными в плане, пересекая мысовидные выступы береговых возвышенностей. Обыкновенно городища окружены одним рвом и одним валом, есть, однако, городища с двумя и тремя рядами рвов и валов. На горе Хархар-Жалга городище было окружено даже пятью рвами и четырьмя валами.

Глубина рвов достигает двух метров при ширине 5—7 м. Во рвах и валах сделаны специальные проходы. Внутри городищ встречаются ямы, вероятно, колодцы для снеговой воды, которые набивались снегом с зимы на летнее время. В тех местах, где имелось много камня, стены городищ были грубо сложены из камня, без цемента или плит песчаника или гнейса. Такие стены обнаружены около горы Манхай на Куде и на скалистых возвышенностях острова Ольхона.

О полуоседлом образе жизни курыканов свидетельствуют не только поселения и городища с культурными остатками, но и кладбища, найденные на острове Ольхоне,— крупнейшем центре курыканской культуры, и на побережье оз. Байкал.

По своему виду ольхонские могилы похожи на миниатюрные конические юрты типа эвенкийских чумов «джу» или бурятских «бухэков» далекого прошлого. Их надмогильные сооружения строились из плит гнейса, составленных таким образом, что получалась пятигранная или шестигранная пирамида, полая внутри. Встречаются пирамиды до метра высотою. Сходство их с чумами подчеркивается наличием бокового отверстия, обращенного к югу и соответствующего входу в юрту.

В могилах находят скелеты взрослых и детей или остатки сожженных костяков. В одной могиле на глубине 113 см от основания пирамиды, между двумя плитами был обнаружен опрокинутый вверх дном небольшой глиняный сосуд с обожженными костями, среди которых нашли одну человеческую фалангу. Кроме человеческих костей, в могилах встречались кости барана, очевидно, являвшиеся остатками пищи.

Площадь кладбищ достигала иногда нескольких километров с сотнями могил.

Это свидетельствует не только об оседлости, но и об относительной густоте, многочисленности населения этих районов Прибайкалья в курыканское время.

О социальном строе курыканов можно судить по оставленным ими наскальным рисункам, на которых в центре изображены всадники, восседающие на пышно убранных конях. На головах лошадей надет роскошный, расширенный кверху начельник в виде султана из перьев или волос, с узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз. В некоторых случаях подобные кисти видны и под брюхом коня: они, очевидно, опускались с седла или с чепрака. Вид этих лошадей характерен. Это не простые рабочие лошади, а высокие и статные скакуны, с маленькой головой на круто изогнутой шее, с сильной грудью и тонкими сухими ногами, породистые кони той породы, к которой принадлежали десять скакунов, воспетых в поэме Тайцзуна. Такие кони, одетые в дорогой пышный убор, не могли принадлежать обыкновенным членам рядовой группы.

Особенно интересна и такая специфическая деталь ленских писаниц, как знамя, находящееся в руках некоторых всадников. Знамена изображены в виде четырехугольников, почти квадратов, перпендикулярно прикрепленных к концу длинного прямого древка. Сбоку от них отходят три

поперечные линии, вероятно, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеваться по воздуху. Знамена, очевидно, были сделаны из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей рисунка, был относительно небольшим, не более полуметра.

Знамена курыканов были близки по типу к матерчатым знаменам других народов того времени. Известно, что у иранцев и народов Средней Азии были матерчатые знамена с вырезами-хвостами, у тогузгузов или тагазгазов в X в. были черные знамена, у кыргызов — зеленые.

Одинаковым, несомненно, было и значение этих знамен: они были не простым военным атрибутом, а своего рода фетишем, окруженным особым культом. Со знаменем, по представлениям степных племен, было неразрывно связано само достоинство его владельца, вождя-аристократа или феодала. Овладение знаменем означало овладение властью и достоинством вождя. Утрата знамени означала утрату того и другого. Знамя сопровождало вождя до самой могилы, играя определенную роль и в погребальном обряде.

Следовательно, фигуры всадников со знаменами изображают вождей-аристократов, вероятнее всего, обожествленных после смерти.

На тех же писаницах изображены люди, держащие в руках нечто вроде жезлов или булав. При взгляде на эти рисунки, вспоминаются сведения китайских летописей о том, что в стране курыканов имелись вожди, называвшиеся сыгинями, т. е. так же, как именовались вожди других уйгурских племен или поколений. Китайцы писали, что у курыканов «два сыгиня вместе живут».

Вполне возможно, что у курыканов существовал своеобразный вариант двоевластия, характерного и для других народов, например, для древних уйгуров, или хазар, у которых существовало две главы народа. Один из них был реальным правителем, другой — сакральным царем-жрецом. Этот институт двоевластия уходит, как известно, в далекую старину, в глубину родового строя.

В других китайских источниках упоминается также «главный» или «великий старейшина Сыцзинь». Все эти сведения указывают на весьма сложную структуру курыканского общества, далеко ушедшего в своем развитии от былого первобытного равенства и простоты. Это было, по-видимому, уже патриархально-феодальное общество.

Относительно высокому уровню хозяйственного и общественного развития курыканов соответствует и их культура, о которой можно судить отчасти по дошедшим до нас памятникам искусства в виде неоднократно упоминавшихся уже наскальных изображений — писаниц. Курыканские писаницы резко выделяются среди всех прочих писаниц Прибайкалья по своему содержанию, стилистическим чертам и мастерству, составляя строго выдержанное и единое в основе целое.

Техника выполнения их была следующая: брали камень или другой какой-либо твердый предмет и терли им по гладкой, потемневшей от вре-

Изображение на камне бегущей лошади из Манхая Иркутской обл.

мени поверхности песчаника. В результате на темной плоскости скалы появлялось резко выделяющееся беловатое пятно. В ряде случаев песчаник терли настолько усердно, что рисунок представлял собою почти отшлифованную гладкую поверхность, довольно сильно углубленную по сравнению с поверхностью скалы. Иногда рисунок дополнительно оконтуривали неглубоким тщательно вышлифованным желобком. Имеются также примеры нанесения рисунков тонкими резными штрихами, еле заметными на фоне скалы; иногда такие штрихи сплошь заполняют контурный рисунок внутри таким образом, что он является не вытертым или зашлифованным, а изрезанным и процарапанным бесчисленными штрихами. Самые многочисленные и богатые по содержанию писаницы уцелели у дер. Шишкино на Верхней Лене, около Качуга.

Писаницы весьма реалистически выполнены и богаты бытовыми деталями, на них изображены всадники на лошадях, сцены военных действий и охоты на лосей и коз.

Всадники обычно изображались без головного убора, с круглой или овальной головой, в костюме, напоминающем узкий кафтан, туго перехваченный поясом в талии. Руки их дугообразно свисают по бокам фигуры и суживаются книзу. Ноги, как правило, не рисовались.

Изредка наблюдаются фигуры всадников, покрытые перекрещивающимися косыми штрихами, напоминающими ромбическую сетку. Так изображались, вероятно, кольчуга или вообще панцирь. На одном, лучше других выполненном рисунке изображены широкие штаны, тоже исчерченные

косыми пересекающимися штрихами. Есть много рисунков лошадей, нарисованных во всем их богатом уборе, но без всадника.

Наряду с изображениями всадников встречаются также рисунки пеших людей, которые по стилистическим чертам и технике входят в эту группу писаниц. В одном случае — это воины в узких кафтанах и, вероятно, высоких сапогах или унтах. В других случаях — группы людей, стоящих фронтально и одетых в одинаковые по покрою платья, напоминающие длиннополый халат или шубу, с перехватом в талии и длинными суживающимися книзу рукавами, в высоких шапках с округлым верхом. На ногах иногда видны невысокие сапоги.

Из домашних животных в писаницах изображали верблюдов и быков, из диких зверей в сценах охоты встречаются фигуры лося и реже марала, которого можно узнать по ветвистым рогам, иногда нарисованным весьма схематично и упрощенно — елочками, а иногда с поразительной правдивостью и реалистичностью. На лучших по технике рисунках эти звери изображены очень живо, в быстром движении, хотя им не хватает той своеобразной монументальной мощи и силы, которая отличает изображения лосей в пору расцвета неолитического искусства.

Часто встречаются сильно стилизованные изображения каких-то больших водоплавающих птиц, напоминающих лебедей или гусей, расположенных группами, иногда в два-три ряда.

О высоком культурном уровне, достигнутом курыканами, свидетельствует наличие у них фонетической письменности. Они пользовались руническим орхоно-енисейским шрифтом, которым начертаны краткие надписи, находящиеся на вырезанных из плотного каменного угля — богхеда небольших пряслицах, найденных в долине р. Мурина, приток р. Куды. Кроме того, аналогичные надписи, выполненные руническим шрифтом, уцелели на ленских скалах.

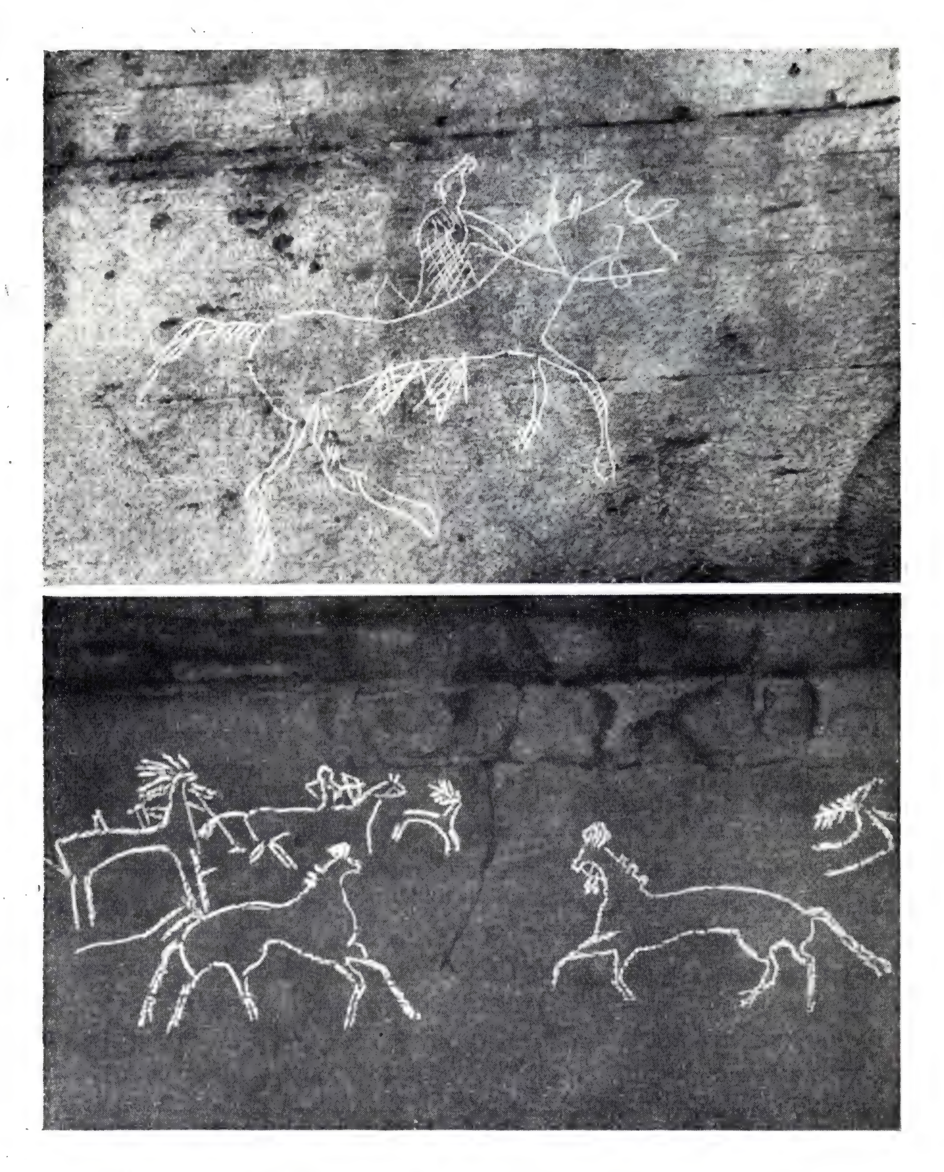
Одна из надписей, обнаруженных на пряслицах, означает просто «ролик веретена», «пряслице». На другом ролике, возможно, написано имя его хозяина.

Наличие надписей на таких бытовых вещах, как пряслица, указывает на довольно широкое распространение письменности у курыканов.

Можно предполагать, что у курыканов на Ангаре и Лене грамотные люди встречались не только среди знатных людей. Этому способствовало то, что рунический алфавит имел фонетическую структуру, хорошо соответствовавшую характеру речи, небольшое число знаков простой графической формы, легкой для запоминания и для воспроизведения на любом предмете самыми примитивными средствами и прежде всего ножом.

Жившие далеко на севере Азии, вдали от других степных племен Южной Сибири у Центральной Азии, курыканы тем не менее вовсе не были изолированы от них.

Наиболее тесные и глубокие связи были у них с западом, с алтае-саянскими племенами, и с енисейскими кыргызами.



Писаница с изображением всадника, животных и охотника; дер. Шишкино Иркутской обл.

Писаница с изображением лошадей; дер. Шишкино Иркутской обл.

Об этом свидетельствуют находки в пещерах Красноярского края, материалы городищ Ладейского типа и обычных открытых поселений, имеющих очень много общего с хозяйством и бытовым укладом курыканов. Обнаруживается сходство в керамике и орнаменте.

Эти находки показывают, что лесные племена саяно-алтайского нагорья и Красноярского края, известные китайцам под именем «дубо» (Туба), «эчжи», «милига», также разводили скот, жили иногда зимой в пещерах, строили аналогичные по характеру укрепления — городища, имели одинаковую с курыканской домашнюю утварь.

Неудивительно поэтому, что послы курыканов приезжали к китайскому двору вместе с послами саяно-алтайского племени дубо.

Прибайкальские скотоводы поддерживали тесную связь и с енисейскими кыргызами. Об этом свидетельствует, например, сходство содержания и стиля изображений на скалах Минусинского края и Алтая с ленскими писаницами. И здесь и там передаются одни и те же образы воинственных всадников со знаменами или штандартами, с луками; видны одни и те же фигуры верблюдов и коней. На отвесных плоскостях ленских и енисейских скал одинаково развертываются охотничьи сцены, сменяются один другим эпизоды военных действий. Все это своего рода фрагменты эпоса, созданного воинственными племенами конников-скотоводов далекого прошлого.

Вместе с тем наскальные рисунки Верхней Лены и Минусинской котловины кажутся иногда перенесенными на камень непосредственно с металлических изделий, с золотых и серебряных сосудов, с чепраков, остатки которых найдены в могилах кыргызских воинов-аристократов на Енисее, или с покрытой совершенной по технике резьбой, костяной луки из могильника Кудыргэ на Алтае. На всех этих вещах повторяются мотивы наскальных изображений.

Не менее отчетливо выражены связи культуры курыканов и енисейских кыргызов в ленской письмености, в особенностях рунического шрифта местной эпиграфики. Несмотря на небольшое количество дошедших до нас надписей, они по шрифту более похожи на архаические енисейские, чем на орхонские. Так, например, в куртухайской надписи — эпитафии на Лене из восьми знаков, по крайней мере, два свойственны только енисейским надписям («д» и «т»).

Подобное сопоставление может быть произведено также и в области материальной культуры и социального строя. Курыканские кони имели западное происхождение. На западе, в стране енисейских кыргызов, встречаются и очень близкие аналогии курыканскому земледелию с характерными для него оросительными сооружениями. Что же касается общественного строя, то в стране енисейских кыргызов уцелели аналогичные курыканским изображения жрецов-старейшин с жезлами в руках. Несомненно, наконец, и то, что в действительности западные связи курыканов были более значительными, а влияние их еще более глубоким, чем это удается проследить по имеющимся немногочисленным памятникам.

Именно поэтому в рукописи Туманского говорится, что «народ фури также из кыргызов», т. е. очевидно, имеет общее с ними происхождение и культуру. Кроме того, в источниках указывается на прямую политическую связь курыканов с кыргызами. Об этом говорит лаконичный отрывок из истории юаньской династии, сообщающий о жителях Приангарья кули. По словам Юань-ши, страна кули когда-то прямо подчинялась енисейским кыргызам, так как была аннексирована ими. Такое подчинение енисейским кыргызам было, однако, по всей вероятности, недолговечным и произошло в сравнительно позднее время, поэтому сведения о нем и оказались не в танской, а в юаньской истории.

Танская летопись, наоборот, свидетельствует о самостоятельности и довольно видной роли курыканов в политических событиях того времени, связанных с судьбами Тюркского каганата на Орхоне. Это же подтверждают и надписи на надгробных памятниках тюркских властителей, правивших в долине Орхона, из которых следует, что послы курыканов в числе представителей других народов явились на погребальное торжество в честь родоначальника орхонских ханов Бумын-кагана, чтобы выразить соболезнование своего народа по поводу его смерти. Это событие относится к 552 или 553 г. и является первой точно засвидетельствованной датой относящейся к истории курыканов.

Позднее курыканы принимают активное участие в борьбе уйгурских племен и огузов с орхонскими тюрками. Как известно из китайских источников, уйгуры стали наиболее упорными врагами орхонских тюрок после того, как Ильтэрэс-каган, или Кутлуг, восстановивший в конце VII в. тюркское государство на Орхоне, «напал на них», «ограбил 9 родов» и, «разбогатев лошадьми, объявил себя ханом». Подготовляя коалицию для борьбы с Кутлугом, каган тогуз-огузов сообщал своим соседям, китайцам и киданям, что силы тюрок невелики, но их каган храбр, а его советник мудр.

До тех пор, пока эти два человека будут у власти, они не перестанут посягать на жизнь и достояние китайцев, киданей и огузов. Он предложил китайцам напасть с юга, киданям — с востока, а сам решил напасть с севера.

В числе врагов Кутлуга, с которыми он боролся, наряду с кыргызами и огуз-татарами упоминаются и курыкане: «на юге китайский народ был ему врагом, на севере народ тогуз-огузов Баз-кагана был ему врагом. Кыргызы, курыканы, отуз-татары, кытай и татаби — все ему были врагами».

Селенгинские огузы, находившиеся в тесной связи с остальными уйгурами или даже представлявшие одно целое с ними, тем не менее продолжали свою упорную борьбу с орхонскими тюрками и в последующее время, при воинственном Мочжо, или Капаган-кагане, павшем в 716 г. во время похода против восставших северных племен тогуз-огузов. При восшествии же на трон Бильге-хана северные племена не пожелали подчиниться и ему, тогда он вновь выступил по Селенге против огузов и уйгуров в 717 г. Вполне вероятно, что и в этой борьбе с орхонскими тюрками попрежнему участвовали ленские уйгуры — курыканы.

То обстоятельство, что в надписи Бильге-хана при перечислении врагов Кутлуга рядом с таким значительным в то время народом, как енисейские кыргызы, поставлены относительно немногочисленные курыканы, объясняется, по-видимому, воинственностью и храбростью курыканской конницы. По крайней мере именно такими нарисованы они и в писаницах на ленских скалах: на своих боевых конях, со знаменами и оружием.

Вместе с остальными участниками враждебной орхонским тюркам северной коалиции курыканы поддерживали близкие связи с Китайской империей, которая была мощным врагом их общего противника.

Несмотря на отдаленность страны от Китая, курыкане неоднократно посылали в столицу Китая свои посольства. Первый раз они должны были прибыть в Китай в 629 г. в числе представителей одиннадцати поколений, подчинившихся Китаю и просивших «установить у них чины дома Тан». Возможно, что курыкане были в Китае и во время следующего посольства 630 г.

Посольства эти были связаны с важными событиями в земле тюрков. Перед этим в степях Монголии была зима с обильным снегом. В большом количестве гибли лошади и рогатый скот, кочевники голодали. В то же самое время хан орхонских тюрок Цзели (Хели) увеличил налоги и стал собирать войска для борьбы с китайцами. В степях начались волнения. Восстали уйгурские (телеские) племена Сейяньто, князь которых Инань объявил себя ханом. Их поддержали юаньге и баегу. Поднял восстание против Цзели-хана и оскорбленный им племянник Тули-хан. В начале же 630 г. войска Цзели-хана были разгромлены китайцами, во главе которых стоял энергичный император Тайцзун, а сам Цзели-хан был взят в плен.

Затем уйгуры разгромили войска Сейяньто.

Разгромив Сейяньто, старейшины одиннадцати телеских (уйгурских) поколений решили завязать более близкие связи с могущественным Китаем. Они заявили императору Тайцзуну: «Сейяньто не повиновался Великой державе и чрез то сам навлек погибель на себя. Подчиненные ему старейшины от страха рассеялись, подобно птицам, неизвестно куда. Ныне каждый имеет отделенную ему часть земли; все желают поддаться сыну Неба и просят установить у них при случае чины дома Тан» [1].

В соответствии с просьбой старейшин одиннадцати поколений принять их в подданство китайского императора, в телеской земле было формально создано тринадцать областей, во главе которых остались прежние старейшины, но с военными китайскими титулами. Владения курыканов стали называться Сюань-Кюе-Чжеу [2]

Для послов был устроен прием во дворце, который носил особо пышный характер, так как император хотел поразить своим величием и внушить страх перед могуществом Китая. Принимая иностранцев, говорит летописец, император приказал расставить музыкантов, а сам сидел в потайной тронной, перед которой был разбит высокий «буфет», а наверху буфета поставлен сосуд, покрытый лаком цвета киновари. Из боковой комнаты, смежной с буфетом с восточной стороны, был проведен желоб, через который вино текло в сосуд, а из сосуда переливалось в огромную вазу на цепях. «Несколько тысяч ойхорцов напились и еще половины не могли выпить». Тогда было указано пить и китайцам, гражданским и военным чиновникам от пятого класса и выше. Так с наивным простодушием рассказывается в летописи об этом торжестве в честь прибывших в столицу варваров, которым, кроме того, были пожалованы штофные кафтаны темно-малинового и желтого цвета, дорогие сабли и другие редкие вещи [3].

Второй раз курыканы отправили в Китай посольство, объединившись с послами племен «дубо» (туба), обитавшего в Саянах, в 647 г., в 21 год правления Чжень-гуань Танской династии, летом в 5 луну.

Прибывшие в Китай курыканы подарили императору посланных их «главным старейшиной Сыгинем» лошадей, достоинства которых именно в то время были отмечены поэмой Тайцзуна. Император, записано в летописи, «выбрал десять отличных под названием тысячелийных, которым даны были громкие названия».

В новой танской истории перечислены все «прекрасные имена» курыканских лошадей:

«1) парящий белый, как иней; 2) пегий, блестящий, как снег; 3) пегий, как застывшая роса; 4) пегий, как висящий свет; 5) прекрасный, как конь, разрезающий волну; 6) желтый конь, как летающая заря; 7) красный, как стремительная молния; 8) желтый конь, с черной мордой, как

---

[1] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 302.
[2] Там же, стр. 303.
[3] Там же, стр. 304—305.

текучее золото: 9) темно-красный, как реющий цилинь; 10) красный, как убегающая радуга» [1].

В летописи танской династии особо отмечено, что посланника курыканов приняли в столице Китая «с честью». Прибытие курыканов к императорскому двору вызвало затем ответное посольство из Китая. «Как скоро гулиганцы приехали ко двору, то указано отправить военного сановника Кхан-Суми с благодарным ответом».

Через пятнадцать лет после прибытия посольства 647 г. в Китай, в стране курыканов произошла значительная перемена. Как говорит танская летопись, «в правление Лун-шо, 662, округ Сюань-Кюе переименован в Юйву и подчинен Байкальскому (ханьхайскому) наместническому правлению».

В Вэнь-сянь-тун-као и Юань-цзянь-лэй-хань об этом событии сказано, что император, «изменив Юаньцючхоу» (т. е. Сюань-кюе), «учредил Сюйу-чжоу» (Юйву), «подчинив Хань-хай-дудуфу». Это означало, очевидно, меньшую самостоятельность курыканов, которые подчинялись теперь уже не прямо китайскому правительству, а его ханьхайскому наместнику.

В летописи об этом сказано: «почти все северные инородцы были подчинены». Однако это не мешало им посылать посольства в Китай.

В Энь-сянь-тун-као упоминается еще и третье посольство курыканов к китайскому двору, которое было отправлено в самом конце седьмого века: «В годы Яньцзай (694—695 гг.) также явились ко двору» [2].

Это последнее посольство было, должно быть, уже перед самым вторжением в 694 г. в Китай тюркского хана Капаган-кагана, Мочжо, который ограбил округ Линьчжоу и взял инициативу в свои руки, чтобы усилить борьбу с Китаем и подавить сопротивление северных телеских племен.

В результате этого часть этих племен вынуждена была бежать к границам Китая. Но самые северные из них, вероятно, укрылись в горах и лесах Прибайкалья.

В летописи сказано, что через Великую песчаную степь на юг ушли только четыре поколения: ойхор, киби, сиге и хунь (хун) [3].

Больше курыканы не посылали посольств в Китай. Этими тремя, особо отмеченными в китайских летописях, посольствами гулиганей, несомненно, не исчерпываются их отношения с Китаем. Кроме дипломатических отношений, у курыканов, очевидно, существовали и другие, например торговые.

Традиционная политика дружбы с Китаем на всем протяжении VII в., проводившаяся уйгурско-огузскими или телескими племенами восточных тюрков и курыканами, и вековая борьба с каганатом орхонских тюрок объяснялись политическими интересами этих народов.

Такая политика была вызвана, прежде всего, вековой борьбой северных племен, упорно отстаивавших свою независимость от Орхонского каганата.

---

[1] *Н. В. Кюнер.* Указ. соч., стр. 13 (по выдержке в июань-цзянь-лей-хань).

[2] Там же.

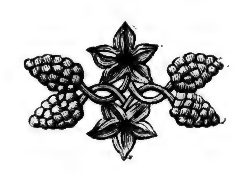
[3] *Н. Я. Бичурин.* Указ. соч., т. I, стр. 306.

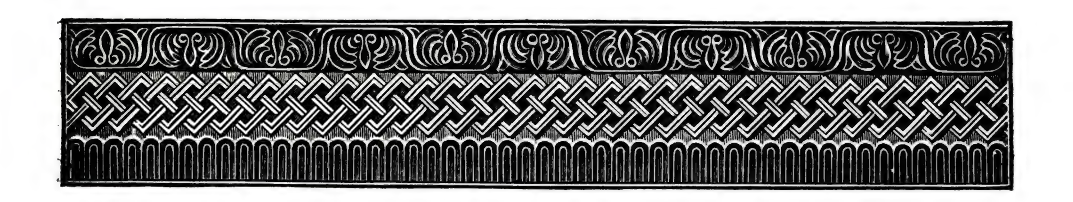
Огузы и уйгуры предпочитали условное подданство китайскому императору, когда у них сохранялись все права и только добавлялся пышный китайский титул к званию родовых вождей, жестокой власти соседних орхонских ханов, родственных им по языку и крови.

Как орхонских тюрков, так и уйгурские племена влекла к границам Китая страсть «к красному золоту», драгоценному шелку, ювелирным изделиям, к роскошной золотой и серебряной посуде и всему тому, чего не было в их скотоводческой и земледельческой стране. Их старейшины не только получали щедрые дары от китайского двора взамен поставляемых императору лошадей, но и могли с выгодой сбывать продукты своего скотоводческого хозяйства, а также, вероятно, меха, получаемые от лесных соседей, киштымов.

Приведенные сведения танского и, отчасти, юаньского времени вместе с археологическими данными освещают один из моментов истории племен Восточной Сибири в I тысячелетии, связанной с конкретным народом — курыканами.

Курыканы интересны для истории Сибири и с другой стороны. Имеющиеся факты позволяют связывать с ними или с их еще более северными соседями предков якутов, переселившихся на Среднюю Лену именно из старой курыканской земли. Столь же вероятно, что некоторая часть курыканов вошла в состав и позднейших бурят-монголов, особенно западных.





ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРИОД АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В VII—IX ВВ.

1

АРМЕНИЯ В ПЕРИОД АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Завоевания арабов в Закавказье (в Армении, Картли и Албании) начались при втором арабском халифе Омаре (634—644 гг.). Однако первые походы арабов в Армению (в 640, 642—643, 650 гг.) имели характер грабительских набегов, во время которых были разорены многие цветущие области, а их население пленено. Во время первого похода арабские дружины подступили к столице Армении Двину. Жители героически обороняли свой город, но потерпели поражение. Ворвавшиеся 6 сентября 640 г. в город арабские войска перебили жителей и захватили огромную добычу.

Находившаяся в Армении византийская армия не предпринимала никаких решительных мер, и дело защиты страны от арабских нашествий взяла в свои руки армянская конница, военачальник которой, спарапет Теодорос Рштуни, стал подлинным вождем народной борьбы с иноземными захватчиками. Во главе армянских войск он нанес арабам целый ряд поражений, не раз спасал пленных и отнимал добычу у врага.

Успехи Теодороса Рштуни испугали реакционную часть нахараров. Правящие круги Армении разделились на два враждебных лагеря: часть армянских нахараров во главе с католикосом Нерсесом III Строителем явно ориентировалась на Византию; другая — стремилась опереться на народ, с помощью которого надеялась достигнуть политической самостоятельности Армении. Во главе второго лагеря стоял окруженный ореолом народного героя Теодорос Рштуни. Последний вместе со своими приверженцами сумел противопоставить себя как Византии, так и арабам.

Император Константин II, пользуясь расположением католикоса Нерсеса III и опираясь на византийские войска, находившиеся в Армении, вновь сделал попытку навязать духовенству и знати Армении халкедонитство. В рассматриваемое время в Двине собрались епископы и князья Армении. Для всех собравшихся было ясно, что вопрос заключался не в том, чья вера лучше и правильнее, а в том, насколько удастся Византии с по-

мощью церкви осуществить свое политическое господство в их стране. Нахарары опасались, что распространение халкедонитства приведет к потере всех их привилегий внутри страны; они боялись, что их отправят, как это было при Юстиниане, в далекие придунайские страны или в Африку для защиты интересов чуждой им Византии. На этом совещании нахараров и духовенства одержал верх Теодорос Рштуни и его сторонники; собравшиеся единогласно отвергли послание императора и наотрез отказались от слияния со вселенской церковью. Император, озабоченный борьбой с арабами, не мог, конечно, оставаться равнодушным к этой оппозиции.

Теодорос Рштуни был предан знатью Западной Армении. Он не явился к византийскому императору. Сплотив вокруг себя большую часть знати Восточной Армении, Картли, Албании и Сюника, он от ее имени обратился к помощи арабов. Решение это было обусловлено всей политической ситуацией того времени. Арабам к этому времени удалось захватить почти всю Переднюю Азию. Сопротивление арабам, которые, казалось, рано или поздно распространят свое господство и на Армению, представлялось безнадежным. Теодорос Рштуни счел благоразумным пойти на соглашение с арабами, которые, в свою очередь, были вынуждены считаться с Арменией как с реальной силой. В 652 г. Теодорос Рштуни с большими дарами направился к наместнику Сирии Муавии, будущему халифу, который принял его с большими почестями и дал ему власть над Арменией, Иберией, Албанией и Сюнией, до Кавказского хребта и Чора (Дербента). По словам Себеоса, «властитель Исмаила» при этом сказал: «Таков будет мирный договор между мною и вами, на сколько лет вам будет угодно: три года с вас не возьму дани, а после этого срока платите, сколько пожелаете. Держите в вашей земле конницу в 15 000 человек, им содержание (хлеб) отпускайте из вашей страны, и это я зачту в счет дани» [1].

Конкретное представление о размерах подати, взимавшейся «по прошествии трех лет» с населения Армении, а, вероятно, также и Картли, и Албании, дает запись в хронике Самуила Анийского (XII в.), сделанная на основании дошедших до него первоисточников. Согласно этой записи, халиф с каждого дыма брал четыре драма, три модия (т. е. 29,376 кг) хлебного зерна, один мешок для лошадей, один канат из шерсти и одну перчатку. Со священников, азатов и всадников (из рамиков) податей не брали [2].

Если принять во внимание, что значительная часть этих натуральных и денежных взносов на общую сумму в 100 тыс. дахекан (т. е. 550 тыс. руб. золотом) в год шла в счет выплачиваемых казне налогов на содержание вышеупомянутой конницы, то окажется, что это налоговое обложение не было особенно обременительным для населения. В то же время частые войны между Византией и арабами, происходившие на территории Армении,

[1] «История епископа Себеоса». Перевод С. Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 116—117.

[2] А. Я. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939, стр. 7.

пагубно отражались на хозяйственном благосостоянии страны. Обнищавшие и разоренные крестьяне не в состоянии были вносить даже и эти сравнительно небольшие подати.

После заключения мирного договора с арабами, византийские войска вынуждены были покинуть Армению. В результате Византия начала новую войну с арабами. Осенью 652 г. император Константин II во главе 100 тыс. войск прибыл в Армению и остановился в г. Карине (совр. Эрзерум), центре области Великая Армения. Здесь явились к императору для изъявления своей покорности все те нахарары западных и северных областей Армении, которые были недовольны политикой сближения с арабами.

В Карине император и собравшиеся там нахарары низложили Теодороса Рштуни и послали новое должностное лицо в сопровождении 40 человек, чтобы Теодорос передал ему свои полномочия. Однако Теодорос Рштуни, не считая себя вассалом императора, отказался ему подчиниться и предпринял решительные действия. Прибывших к нему людей он приказал схватить, часть их заключил в цитадели г. Балеша (совр. Битлис), другую отправил на острова Ванского озера. Затем Теодорос Рштуни приказал своим сторонникам укрепиться на своих землях. Сам же Теодорос Рштуни со своим зятем Амазаспом Мамиконяном также укрепился в своей вотчине, на острове Ахтамар.

В ответ император с двадцатитысячным войском прибыл в Айрарат, в столицу Двин и остановился в патриаршем дворце. Мушега Мамиконяна он назначил здесь спарапетом Армении и отправил его с трехтысячным войском в Васпуракан против Теодороса Рштуни. Другие отряды были посланы в Картли, Албанию и Сюник, чтобы заставить местных правителей расторгнуть союз с Теодоросом. Однако союзники остались верны армянам, и византийские войска, предав эти страны грабежу, вернулись к императору.

Константин II остался на зиму 652—653 гг. в Двине, где вновь стал заниматься вопросами церковной унии. Католикос Нерсес III был вынужден покориться. На двинском кафедральном соборе была отслужена обедня по халкедонитскому обряду и почти все присутствующие волей-неволей должны были причаститься по чужому обряду. С наступлением 653 г., когда начались беспорядки в Византии, император поспешил обратно в Константинополь, оставив правителем и военачальником Армении византийского полководца Мавриана. Нерсес III, зная, что против него настроены Теодорос Рштуни и его сторонники, не рискнул остаться в Двине и отправился в Тайк, в свое поместье Ишхан.

Согласно условию договора, арабы обязаны были оказать Армении вооруженную помощь в случае вторжения на ее территорию Византии. Теодорос Рштуни напомнил арабам их обещания. Арабы прислали на помощь Теодоросу семитысячное войско, которое тот расположил в округах Алиовит и Бзнуник. Соединенные арабские и армянские войска представляли большую угрозу для византийских войск, которые с наступлением весны бежали в Тайк. Теодорос Рштуни изгнал их и отсюда, после чего часть

их бежала в пределы Византийской империи. Армянские войска, преследуя их, перешли Понтийский хребет, взяли г. Трапезунт, вывезли оттуда добычу и много пленных [1].

Очистив Армению от византийских войск, Теодорос Рштуни отправился в Дамаск, к Муавии с большими дарами. В результате Теодорос Рштуни был назначен правителем всего Закавказья и Армении. Муавия вручил ему государственное знамя Армении. По словам историка Себеоса, Муавия передал Теодоросу Рштуни в управление «Армению, Иверию (Картли), Албанию и Сюник до Кавказа и до ворот Чора (Дербента)» [2]. Армения фактически разделилась на две части — византийскую, во главе которой стоял Мушег Мамиконян, и вассальную арабам часть, во главе которой встал Теодорос Рштуни.

Вскоре, однако, политическая ситуация изменилась. Халиф Али, придя к власти, не признал договорных условий 652 г. и в 654 г. послал в Армению с большим войском Хабиба ибн-Масламу, который занял всю страну. Жители Двина — столицы Армении — покорились арабам и заключили мирный договор, текст которого сохранил арабский историк Белазури: «Во имя бога милостивого и милосердного дана сия грамота Хабибом ибн-Масламой христианам города Дебиля, его магам и иудеям как присутствующим, так и отсутствующим в том, что я гарантирую вам ваши личности и имущество, ваши церкви и храмы и стену вашего города. Вы находитесь в безопасности, и мы обязуемся выполнить договор с вами до тех пор, пока и вы сами выполняете его и вносите джизьят и харадж (подушный и поземельный налог.— *Ред.*), в чем порукой бог, наинадежнейший поручитель. Грамота скреплена печатью Хабиба ибн-Масламы» [3].

Завоевав страну, арабы подчинили своей власти нахараров и «взяли в заложники главных вельмож страны и у многих их жен, сыновей и дочерей», общим числом в 1797 человек [4].

Нарушение арабами соглашения 652 г. и вооруженный захват ими Армении вызвали широкое недовольство народных масс, которым воспользовались сторонники Византии. Армения подчинилась вновь Византии, на что последовали ответные репрессии халифа Али. В Дамаске, в частности, было убито около 3 тыс. армянских заложников.

Кровопролитная борьба между арабской правящей военной верхушкой кончается победой арабов Сирии. Правитель ее Муавия провозгласил себя халифом, сделав своей резиденцией г. Дамаск. Муавия I (661—685 гг.) становится таким образом основателем династии Омейядов, которая царствовала до 750 г. включительно.

Муавия I стремился уладить дело с армянами мирным путем, в связи с чем вновь восстановил условия мирного договора 652 г. Армянская знать

---

[1] *Себеос.* История, стр. 121—122.

[2] *Баладзори.* Книга завоевания стран. Перевод Жузе. Баку, 1927, стр. 11.

[3] *Себеос.* История, стр. 127—128.

[4] «История халифов Вардапета Гевонда». Перевод К. Патканьяна. СПб., 1862, стр. 6.

охотно пошла навстречу его мероприятиям и вновь подчинилась арабам на прежних условиях. Ишханом Армении был назначен Григорий Мамиконян.

Страна подчинилась халифату на довольно приемлемых для нее условиях. Нахарары по-прежнему оставались полными хозяевами в стране, зависимость их от халифата носила характер вассальных взаимоотношений.

До начала VIII в. во главе страны по-прежнему стоял ишхан Армении, который вынужден был признать то суверенитет арабов, то вновь подчиняться Византии. Перемена ориентации каждый раз имела следствием карательные походы одного из этих могущественных государств. При ишханах Григории Мамиконяне (662—684 гг.) и Ашоте Багратуни (684—688 гг.) Армения пользовалась фактической независимостью и переживала период мирного строительства и культурного расцвета.

Мирная жизнь, продолжавшаяся 20 лет, была нарушена затем вторжением хазар со стороны Дербента. Объединенные армяно-грузино-албанские войска в большом сражении в июле 684 г. нанесли хазарам сильное поражение и отбросили их далеко на север. В этом сражении пал правитель Армении — Григорий Мамиконян[1].

С воцарением Абд ал-Мелика (685—705 гг.) и усилением халифата началось систематическое завоевание арабами Армении. Брат халифа, Мухаммед ибн-Мерван в 697 г. огнем и мечом прошел по Армении. Заместителем своим в стране он оставил Абдуллу (698—705 гг.), который террором и репрессиями стремился уничтожить сословие нахараров и их опору — конницу. Однако на их защиту поднялся народ. На берегу Аракса, у селения Варданакерт (совр. селение Маркара) в зимний морозный день 703 г. повстанцы напали на арабские войска и наголову разбили их. Уцелевшая часть арабов попыталась перейти Аракс по льду, но лед сломался, и тот, кто избежал меча, нашел смерть на дне реки. Восстание охватило Ширак, Вананд, Васпуракан и другие области Армении. Это было последним сопротивлением изнуренной долгими войнами Армении. Посланный халифом жестокий Мухаммед ибн-Мерван окончательно покорил страну и беспощадно расправился с ее населением. В 705 г. многие армянские нахарары и всадники (около 800 человек) были сожжены в церквах Нахчавана и Храма, другая часть знати успела бежать в Византию.

В долгой борьбе с арабами армянский народ исчерпал свои силы и вынужден был сдаться на милость врагу. По словам Гевонда, «жители ее (Армении.— *Ред.*), как овцы, были преданы волкам. Тогда непрестанно наносили нам всякого рода бедствия, жителей держали в таком страшном трепете, что они измученные этим тяжким игом посылали свои вздохи и стоны к небу»[2]. Армения, лишенная своей конницы, потеряла надолго

[1] *С. Т. Еремян.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. «Зап. Ин-та востоковед. АН СССР», вып. VII, 1939.

[2] *Вардапет Гевонд.* Указ. соч., стр. 12.

способность к сопротивлению, и народ стал добычей иноземных хищников. С этого времени страна окончательно подчинилась халифату. Арабы прочно укрепились в Армении и господствовали в ней более полутора столетий.

2

АРМЕНИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ АРАБОВ

Установление владычества арабов в стране в истории нахарарской Армении знаменовало начало нового периода. Период экономического и культурного расцвета сменился полным упадком творческих сил народа.

В период длительной борьбы между Византией и халифатом из-за Армении многие нахарарские фамилии были или уничтожены, или переселены в пределы византийских владений. Особенно большие размеры приняло переселение жителей Армении в Византию после окончательного подчинения Армении халифату, в начале VIII в.

Переселенческая волна коснулась в первую очередь крупной аристократии, которая, не надеясь на милосердие арабов, эвакуировалась вместе с византийскими войсками и администрацией в пределы империи. Возглавлявший эмигрантов куропалат Смбат Багратуни просил императора отвести армянам территорию. Император предоставил им. г. Поти в Лазике, где армяне оставались в течение шести лет (706—712 гг.).

Вся земля, ее недра, леса и поля были объявлены государственной собственностью. Оставшиеся в стране нахарары лишились своих владетельных прав. Отныне эти права даровал им халиф по своему усмотрению и желанию, не считаясь с существующим издавна в стране принципом иерархии и наследственности нахарарских родов. Районы, где находились важные в стратегическом отношении пункты, заселялись арабскими ветеранами, окрестное население было обязано в порядке государственной повинности снабжать их всем необходимым.

Из районов многих укреплений и городов выселялась местная знать, и на этих землях образовывались военные поселения арабов.

Подобная участь постигла все важнейшие города и крепости Армении — Двин (по-арабски Дабиль), Нахчаван (по-арабски Нашава), Арчеш, Маназкерт и др. Все эти города в течение VII г. превратились в военно-административные центры арабского господства. Вокруг таких укрепленных городов селились арабы или другие кочевники, которые составляли опору халифата.

В истории Армении впервые наступил период длительного хозяйственного и культурного упадка. Цветущая страна была опустошена. Все бóльшие размеры принимало бегство армянских народных масс и знати в Византию.

При халифе Валиде I (705—715 гг.) произошла реорганизация политической, административной и военной системы нахарарской Армении,

необходимость которой вызывалась казнями и преследованием мирного населения. Армянская конница была разгромлена, многие нахарары были уничтожены, многие бежали в пределы Византии. Оставшиеся на родине армянские феодалы — «батрики» (как их называли арабы), старались стать верными вассалами халифа.

Армения вместе с Картли и Албанией в рассматриваемый период составляла в административном отношении одно наместничество под названием «Армения». Наместники последнего, эмиры, находившиеся в Двине, должны были собирать налоги и командовать гарнизонами, расположенными во всех важных стратегических пунктах страны.

Первый эмир — Абдул-Азиз (706—709 гг.) вновь восстановил разрушенные во время предыдущих войн города и крепости, превратив их в опорные пункты арабского владычества. В частности, был вновь восстановлен Двин, ставший резиденцией эмиров и центром арабского господства в стране.

Лучшие земли в стране были захвачены арабской знатью, население этих районов было вынуждено пользоваться землей на условиях издольной аренды. В то же время армянский крестьянин, после уничтожения или бегства своего господина, становился свободным держателем своего земельного надела. В целях защиты от арабских сборщиков податей крестьяне предпочитали оставаться в рамках сельской общины, защищавшей их права. Росту значения сельской общины и ее ячейки — большой семьи, способствовала и существовавшая до первой четверти VIII в. налоговая система. Согласно этой системе, за основу единицы брался крестьянский дым. Чтобы уменьшить число дымов, а следовательно и количество налогов, семья не дробилась при естественном приросте ее членов, а оставалась под одной кровлей, образуя большую патриархальную семью. Известны случаи объединения нескольких дымов, которые в результате этого составляли одну податную единицу.

Со второй четверти VIII в. арабы ввели в Закавказье новую налоговую систему. С этого времени единицей взимания податей стал каждый член крестьянской семьи. Новая налоговая система поставила крестьянина в невыносимые условия. В результате развивается система покровительства — патроната: мелкие феодалы и крестьяне искали надежного покровительства от произвола, вымогательства, грабежа сборщиков податей и отдельных феодалов у более крупных феодалов и военачальников. Развивавшаяся система покровительства способствовала дальнейшему процессу закрепощения земледельческого населения. Нередко для спасения от произвола и окончательного разорения крестьяне бежали с насиженных мест в неприступные горы или в западные, подвластные Византии, области Армении.

К тому времени, когда арабы окончательно утвердились в Армении, армянский народ имел за собой уже многовековую самобытную культуру. Феодализирующиеся кочевые арабские племена с их примитивной культурой не оказали и не могли оказать влияния на местное население.

Храм Рипсимэ в Эчмиадзине (VII в.)

Талин (VII в.)

Народ остался глух и к проповеди новой религии, и более того — армяне активно сопротивлялись принятию ислама.

Арабы были вынуждены оставить в неприкосновенности привилегии армянской церкви, сделав ее орудием своей налоговой политики и порабощения народа.

Армянские нахарары для примирения с арабами отправили в Дамаск к халифу известного философа-богослова католикоса Иоанна Одзнеци. Его миссия оказалась удачной. Он договорился с халифом Омаром II и добился возвращения на родину томившихся в плену армянских нахараров. На армянскую церковь распространялись права «вакфа», составлявшего до этого времени привилегию мусульманских религиозных учреждений. Некоторые из вернувшихся нахараров получили обратно свои бывшие владения, что окончательно примирило их с господством арабов.

Халиф Хишам (724—743 гг.) в начале своего царствования, в 725 г., послал в Армению военачальника Херта, вменив ему в обязанность произвести всеобщую перепись населения, а также всего движимого и недвижимого имущества армянского народа.

Этой переписью, по словам Гевонда, «много зла причинил он Армении (до того), что все стонали от горьких притеснений, и не было никакой возможности избавиться от невыносимых бедствий» [1].

После переписи на Армению стала распространяться выработанная арабами сложная система взыскания налогов с населения. Вместо подымной подати вводилась подушная, поголовная подать с учетом количества и качества занимаемых непосредственным производителем земельных угодий. Спустя четверть столетия, при Аббасидах, налоги стали частично выплачиваться деньгами; был введен харадж типа мисаха. Новая система взимания налогов подушного, на скот и поземельного приняла форму организованного ограбления народных масс. Отныне все мероприятия арабских властей были направлены на то, чтобы побольше выжать из страны доходов.

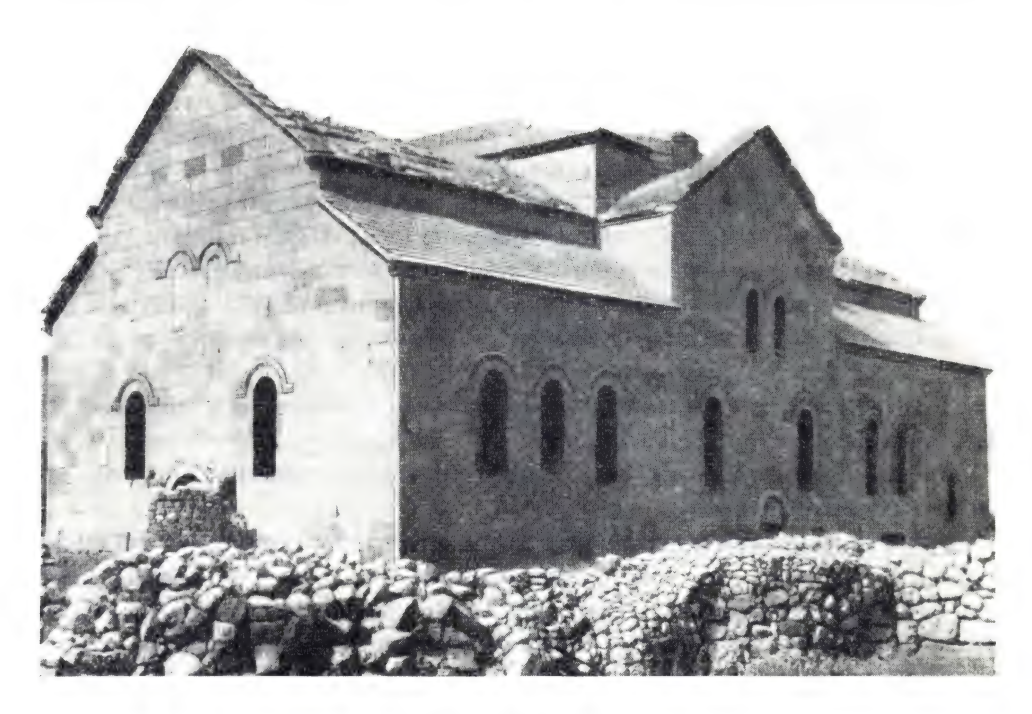
Требования мусульманской религии повлекли за собой запрещения такой важной отрасли животноводства, как свиноводство, служившего важным подспорьем в крестьянском хозяйстве. Армянские историки сообщают, что при халифе Язиде II (720—724 гг.) был издан приказ о «свиноубийстве», который, видимо, распространялся на весь халифат. В Армении это мероприятие было проведено в 725 г., в период наместничества Джарраха (722—723 гг.), который при Хишаме, в 724—725 гг., ввел новую налоговую систему и новую систему мер и весов.

Лучшие земли в стране были заняты арабской знатью, захватившей и оросительные каналы. Земледельческое население вынуждено было пользоваться земельными участками на началах издольной аренды.

В рассматриваемое время арабы ввели специальный налог — «хала», который взимался с искусственно орошаемых земель и составлял четвер-

---

[1] *Вардапет Гевонд.* Указ. соч., стр. 71.



Храм Аруч VII в.

тую часть урожая. Все недра и дары земли, в том числе соляные копи, рыбные промыслы и прочее, были объявлены государственной собственностью, сдаваемой в аренду частным лицам. Получаемые с них доходы назывались «кабала». В аренду сдавались даже паромы, озерный транспорт и другие средства перевозки.

Крестьянин должен был нести, кроме того, обычные повинности в пользу своего господина — барщину и оброк, а в пользу церкви — десятину. Практиковался также целый ряд таможенных пошлин и сборов с перевозимых товаров и ряд чрезвычайных обложений.

Взимание налогов деньгами ввергало непосредственного производителя в зависимость от ростовщиков. Денежные налоги вызывали огромную потребность в звонкой монете и заставляли непосредственного производителя производить продукты на рынок.

Проникновение в страну купеческо-ростовщического капитала вызывало огромные изменения в строе нахарарского общества, особенно наблюдаемые с конца VIII в.

Предметом купли и продажи становится недвижимая собственность, что открывает широкие перспективы для концентрации земельных богатств в руках феодалов, обладавших большими богатствами и связанных с рынком.

Введение денежной ренты в стране, которая еще не оправилась от разрухи, вызванной непрерывными войнами второй половины VII в.,

в условиях слабого развития рыночных отношений, вызвало кризис в звонкой монете и разорение мелкого производства.

Феодально-зависимое крестьянство Армении находилось, таким образом, под двойным гнетом. Арабские сборщики податей, обосновавшаяся в Армении военно-феодальная знать арабов, местные феодалы — армянская знать и духовенство выступали в роли жестоких эксплуататоров, окончательно закрепощавших крестьян и городские низы. Народ одинаково ненавидел и арабских завоевателей, и собственную знать. Возникавшие против арабских властей восстания нередко принимали характер крестьянских войн, направленных не только против иноземных поработителей, но и против церкви и нахараров.

Рост зависимости крестьян и размеров налогов вызвали в широких народных массах острое недовольство.

Крестьяне массами бежали в неприступные горы, начинали организовываться на борьбу.

В рассматриваемое время, в частности, развернулось широкое народное движение, направленное как против арабских властей, так и против «своих» феодалов-нахараров и церкви. Движение проходило под религиозными лозунгами учения павликиан. Согласно новейшим исследованиям, павликианское движение возникло в рубежной с Византией армянской области Мананали (между совр. Эрзинджаном и Эрзерумом) в середине VII в. В начале VIII в. учение павликиан проникло и в Кавказскую Албанию, и на соборе в Партаве (около 705 г.) «пайликяне» впервые подвергаются осуждению со стороны официальной армяно-албанской церкви [1].

Павликианское движение в армянских землях, подвластных халифату и Византии, то усиливаясь, то ослабевая, длилось более двух столетий. Это антифеодальное и антицерковное движение, сделавшееся идеологическим знаменем армянского крестьянства, вело борьбу с феодальной эксплуатацией.

Павликиане учили, что в основе мира лежат два начала — добро и зло. Выступая против господствующей феодальной эксплуатации и гнета, павликиане заявляли, что на земле утвердилась власть зла, против которого надо бороться, чтобы на земле установить то блаженство, которое церковь обещает в «загробной жизни».

Павликиане доказывали, что все люди, независимо от их происхождения и положения, равны. Они выступали противниками крупного землевладения, армянской официальной церкви, религиозных обрядов и церковной иерархии.

Учение павликиан широко распространилось среди сельского и городского населения Армении и сопредельных с нею областей Малой Армении, подчиненных Византии.

---

[1] *Г. М. Бартикян.* Источники для изучения истории павликианского движения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1958, стр. 5.

Для народа оно явилось знаменем в его борьбе против духовных и светских угнетателей. Павликиане создавали независимые общины, не подчинялись ни феодалам, ни церкви, отказывались платить налоги.

Против павликиан выступила армянская церковь во главе с католикосом Иоанном III Одзнеци (717—728 гг.). Последний в 719 г. созвал специальный собор в Двине, на котором разбирались мероприятия по искоренению павликиан. Движение павликиан было объявлено ересью. Собор предал анафеме всех его последователей, отказывавшихся поклоняться кресту и исполнять церковные обряды. Двинский собор запретил, кроме того, браки с павликианами, а также любые взаимоотношения. Речь католикоса Иоанна Одзнеци «Против павликиан» является основным армянским источником для изучения павликианского движения. В 725 г., с введением после переписи жестоких форм налогового обложения, число павликиан значительно возрастает.

Повстанческие движения под руководством павликиан приняли в это время такие размеры, что стали уже серьезной угрозой для светских и духовных феодалов.

3

БОРЬБА АРМЯНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА

Рост налогового бремени, обнищание крестьянства и разорение средних и мелких землевладельцев усиливались из-за непрерывного военного состояния страны. В течение первой половины VIII в. арабам приходится вести постоянные ожесточенные войны с кавказскими горцами и хазарами. В результате им удается окончательно изгнать хазар из Дербента, восстановить его укрепления (731 г.), основав пограничные военные поселения.

Окончательное укрепление халифата в северных районах Закавказья происходит при эмире Мерване (732—743 гг.).

Закрепившись в Армении, Омейяды стали использовать раздоры и соперничество между отдельными могущественными нахарарскими домами, в первую очередь между Мамиконянами и Багратуни, боровшимися за главенство в стране.

В междоусобной борьбе Мамиконяны обычно опирались на народные низы, недовольные налоговой политикой арабов, а также искали поддержки Византии.

Феодальный дом Багратуни, напротив, был проводником политических интересов халифа.

При остикане Мерване были восстановлены должности ишхана и спарапета Армении, которые были предоставлены Ашоту Багратуни (732 г.). Опираясь на Багратидов, представители власти халифа вели агрессивную политику по отношению той части знати, которая сохранила связи

с Византией, в первую очередь по отношению к Мамиконянам, пользовавшимся среди народа большим авторитетом.

Арабы организовали армянскую конницу, которая должна была содержаться за счет казны халифата.

С этого времени армянская конница принимает участие в бесконечных военных экспедициях арабов в страны Кавказа.

Широкое недовольство социальной и экономической политикой арабов, охватившее почти все страны, подвластные халифату, особенно резко сказалось в Армении. Недовольство это было использовано Аббасидами, противниками Омейядов и претендентами на престол. Движение против Омейядов началось в Армении с момента, когда остикану Исхаку ибн-Муслиму было предъявлено требование снять с должности спарапета Ашота Багратуни, передав эту должность ее законному претенденту Григорию Мамиконяну. Остикан под давлением народных масс был вынужден исполнить это требование.

В 744 г. Ашот Багратуни находился с армянской конницей в Сирии, где поддерживал своего покровителя и претендента на престол Мервана ибн-Мухаммеда в его борьбе с Аббасидами.

Когда Мервану ибн-Мухаммеду удалось победить Аббасидов и утвердиться на престоле, Ашот Багратуни возвратился в Армению, осыпанный новыми милостями халифа и вновь захватил должность спарапета. Новое возвышение Багратуни вызвало взрыв недовольства нахараров, которые решили поднять восстание и окончательно освободиться от зависимости Багратуни.

Движение против Омейядов в Армении началось одновременно с принявшим народный характер аббасидским движением, возглавленным Абу-Муслимом в Иране в 747 г.

Ашот Багратуни и его сторонники из нахараров пытались удержать восставших, но попытки ишхана как приостановить восстание, так и примкнуть к нему в провокационных целях окончились неудачей. Более того, он был ослеплен и тем самым лишен возможности участвовать в политической жизни (748 г.). Восставший народ и знать провозгласили ишханом и спарапетом Армении вождя восстания Григория Мамиконяна (748—750 гг.), который укрепился в Карине (совр. Эрзерум), сделав последний своей резиденцией.

Это восстание сопровождалось активным участием павликиан, вождь которых со своей дружиной из области Мананали отправился в ставку Григория Мамиконяна. Участие павликиан в повстанческом движении придало последнему резко выраженный характер антифеодальной классовой борьбы. Народные массы вышли из повиновения знати. Восставшие крестьяне повсеместно поднимались против своих угнетателей, громили усадьбы нахараров и поместья арабских военачальников.

Характеризуя события этого времени, Гевонд писал: «К войску повстанцев постепенно присоединились все сыны преступления, не знающие ни страха божия, ни страха перед ишханами, ни почтения к старцам; они

как иноплеменники и отщепенцы, совершали набеги, полонили своих братьев и сородичей своих, грабили страну, истязая и избивая единокровных своих»[1]. Испуганные народным движением нахарары готовы были итти на соглашение с арабами и подчиниться им.

Эти события объясняют, почему Аббасидской династии удалось так легко восстановить в Армении власть халифа. Пришедшие к власти Аббасиды ни одного из обещаний, данных армянской знати, не выполнили. Их приход к власти, как и следовало ожидать, был ознаменован увеличением налогового обложения. В частности, было предъявлено требование уплатить налоговые недоимки за три предыдущих года (747—750 гг.), когда охваченная волнениями Армения никаких налогов в казну халифата не вносила. Сборщики налогов потребовали с населения даже выплаты подушной подати за умерших в течение этих трех лет членов семей. Чтобы предотвратить бегство народа, была введена практика, по которой все, кто платил налог, был обязан носить на шее свинцовую печать. Этим путем арабы стремились выявить всех уклонившихся от уплаты податей. Точность сведений о налогоплательщиках зависела главным образом от священников, в руках которых находились подымные списки. С целью добиться правильных сведений, священников подвергали жестоким пыткам.

Интересно отметить, что Аббасиды стремились избавиться от тех лиц, с помощью которых они утвердились в халифате. В Армении, в частности, были признаны не внушающими доверия нахарары, участники восстания 746—750 г., в особенности Мамиконяны, связь которых с Византией была слишком очевидна. После Мушега Мамиконяна (750—753 гг.) ишханом и спарапетом Армении был назначен родственник ослепленного Ашота, Саак Багратуни (753—775 гг.).

Общее положение в стране, однако, не только не улучшилось, но становилось все хуже и хуже. Росла сумма налогов, увеличивались сборы на содержание конницы. Ежегодные субсидии, выдаваемые раньше халифом на содержание армянской кавалерии, со времени первого аббасидского халифа ас-Саффаха (750—755 гг.) были прекращены. Чтобы предотвратить возможность использования восставшим народом г. Карина, остикан Язид в 756 г. превратил его в военное поселение арабских ветеранов. Карин становится с этого времени важной военно-стратегической базой халифата на границе Византии.

Длительные войны в течение VII и начала VIII вв. привели к тому, что экономическая жизнь Армении значительно регрессировала, восстанавливались повсеместно натуральные формы хозяйства. Торговля, денежное обращение сократились. Население лишилось возможности выплачивать денежный налог. Открывалось широкое поле деятельности для ростовщиков, которые все больше и больше закабаляли непосредственного производителя.

---

[1] *Вардапет Гевонд.* Указ. соч., стр. 90.

Правитель Армении Саак Багратуни и католикос Трдат (741—764 гг.) не раз жаловались Язиду и просили его облегчить налоговое бремя жителей Армении. Однако их жалобы оставались без последствий. И только, когда эти жалобы дошли до халифа, он отозвал Язида и назначил нового наместника. Однако положение при новом наместнике не изменилось. Эксплуатация приняла невыносимый характер. Стихийные бедствия: саранча, град, дожди и землетрясения — переполнили чашу терпения. Население голодало. Постепенно лишались своего имущества знать и церковь.

Таким образом, наблюдался организованный грабеж всех слоев общества: зависимых крестьян, горожан, низшего духовенства и нахараров. Нахарары и духовенство были лишены тех доходов, которые они исстари получали с крестьян. Более того, со времени Аббасидов все недоимки с крестьян взимались с феодалов. Все доходы арабов шли в казну халифов, новую столицу их — Багдад.

Политика вымогательства и открытого грабежа населения вызывала новое всеобщее недовольство и озлобление народа. Доведенное до отчаяния население поднималось на борьбу. В различных частях Армении вспыхивают восстания. При Аббасидах первое крупное восстание происходит в Васпуракане.

Высокогорные районы Васпуракана, включавшие в свой состав труднодоступные горные ущелья Большого Заба и верховьев Восточного Тигра (Джермнын, Бохтан-су) и бассейн оз. Ван, испокон веков служили надежным убежищем для народа. Арабы стремились окружить эти районы военными поселениями своих войск. Так, под особый контроль они взяли горные проходы, ведшие к оз. Капутан (Урмия), построив там укрепления и разместив там гарнизоны своих войск. Население ответило на это восстанием. В 762 г. арабский военачальник Сулейман из Азербайджана (Иранского.—*Ред.*) вторгся в Васпуракан и начал грабить его жителей. Братья Саак и Амазасп Арцруни с малым отрядом героически боролись с неприятелем, пока не заставили его бежать, но сами они пали на поле битвы доблестной смертью. Брат их Гагик Арцруни стал мстить за павших братьев, убил Сулеймана и многих из его войск. В ответ последовали репрессии со стороны арабов. В 765 г. халиф послал карательный отряд под предводительством «беззаконного и кровожадного» Салиха. Многие из армянских ишханов Васпуракана, покинув свои вотчины, бежали в пределы Византии, в числе их находился и знаменитый Тачат Андзеваци. Гагик Арцруни во главе народного ополчения находился в неприступной крепости Нкан, в округе Торнаван, недалеко от нового центра арабов — г. Хоя. Из крепости Нкан повстанцы совершали набеги на долину Хоя, периодически разоряли ее и с большой добычей возвращались обратно. В 766 г. халифу пришлось послать новый карательный отряд под предводительством Мусы. Последний безрезультатно осаждал Нкан в течение года. Понимая тщетность своих усилий, пошел на хитрость: пригласил к себе Гагика Арцруни якобы для мирных переговоров. Доверчивый

ишхан по дороге был схвачен и отправлен к халифу, который заковал его, бросил в темницу, где тот умер. В тюрьму были заключены и сыновья Гагика Арцруни — Саак и Амазасп, которые через некоторое время были возвращены, даже с почестями, в Армению. Замок сдался, восстание было подавлено.

Особенно мощное движение имело место в 774—775 гг. Поводом послужило убийство начальника арабских сборщиков податей Артаваздом Мамиконяном в селении Кумайри (совр. Ленинакан) в Шираке в 774 г. Движение было подхвачено народом других областей Армении, население которых расправлялось с наиболее ненавистными ему сборщиками податей. Вождем восставших стал Мушег Мамиконян, под знамена которого собрались народные массы, доведенные фискальной политикой арабов до нищеты. Организованные отряды народного ополчения приступили к завоеванию тех укреплений и городов, где были сосредоточены арабские гарнизоны. Среди народа появился проповедник, который воодушевлял народ, предвещая близкую гибель арабов и восстановление самостоятельности страны.

Попытки Ашота Багратуни, сына правителя Армении Саака, разъединить силы восставших не увенчались успехом. Тогда Саак выдал планы восставших арабским войскам. Но его провокация не достигла цели. Восставшие стремились отвоевать у арабов г. Карин для того, чтобы связаться с византийскими военными силами пограничной фемы Армениака. Всю зиму шла осада этого города, но взять его восставшим не удалось.

С наступлением весны 775 г. халиф Мансур собрал тридцатитысячное войско, состоящее из отборных всадников, и отправил их с полководцем Амром ибн-Хариси в Армению. Войско прибыло в г. Хлат, где находился Ашот Багратуни, уведомивший арабов о стратегических планах восставших. Нахарары из дома Арцруни и Аматуни собрали ополчение. Они призвали Смбата с его войском, чтобы совместно уничтожить укрепления Арчеша, где находился сильный арабский гарнизон. К ополчению примкнуло множество крестьян, составивших безоружную пехоту ополчения.

Началась осада крепости. Карательный отряд Амра, пришедший из Хлата, напал внезапно на осаждавших и обратил их в бегство.

Торжествующие арабы устремились на пятитысячное войско восставших, осаждавших Карин. Город был накануне сдачи из-за начавшегося там голода. Однако когда восставшие узнали, что на выручку к ним идут 30 тыс. арабов, разбивших армян при Арчеше, они были вынуждены оставить Карин и поспешить навстречу наступавшим арабам. Войска повстанцев встретились с неприятелем у селения Арцни, в округе Багравcovered. Здесь на берегу Евфрата произошла вторая битва с арабами. Вначале перевес был на стороне армян, теснивших неприятелей. Однако лучшая организация и большая численность арабов принесли им победу. Воспользовавшись переполохом среди пехоты, набранной из крестьян, арабы

обратили в бегство некоторых из пахараров с их всадниками. Большая часть народа полегла на поле брани.

Из пяти тысяч восставших осталась только тысяча, тогда как регулярная армия неприятеля насчитывала 30 тыс. человек. Это была безумная схватка, рассчитанная на верную гибель повстанцев. Немногочисленные силы восставших, по словам Гевонда, «не сробели перед горькой участью. Они сжали свои ряды и ободряли друг друга, говоря: «Умрем мы мужественно за страну и за народ наш!» [1]. Неприятель удивлялся их храбрости, но вскоре армянские войска были побеждены. Погибли и вожди восстания — Мушег Мамиконян и брат его Самуэл, правитель Армении Сахак и спарапет Смбат Багратуни, Ваган Гнуни и другие нахарары. Началась жестокая расправа с населением. Карательные отряды рассеялись по Багреванду и смежным округам. С огромной добычей и пленными полководец Амр ибн-Исмаил ал-Хариси отправился к халифу Мансуру, чтобы получить от него награду за свои заслуги, но в пути умер.

Так же было подавлено восстание рудокопов в четвертой Армении, в местности Тутис.

Таким образом, за весь период армянского владычества ни силой оружия, ни налоговыми и прочими притеснениями, не удалось сломить свободолюбивый дух армянского народа, который продолжал борьбу, чтобы сбросить ненавистное иго чужеземных захватчиков.

Халиф убедился, что Армению невозможно покорить без укрепления арабского населения. В последней четверти VIII в. начинается новая волна переселения арабского населения вглубь Армении. Арабские переселенцы поселяются в Маназкерте, Беркри Багеше (арабское — Битлис), Амюке, в городах и округах, которые могли стать опорой халифата в случае восстания.

Такова была роль кайситов и шейбанитов, владевших обширными землями внутри Армении. С конца VIII в. они постепенно приобрели самостоятельность и отложились от халифата, увеличив свои владения и мощь за счет имений и собственности армянских феодалов.

Процесс оседания арабских племен на территории Армении попутно сопровождался внутренней феодализацией, в результате которой арабская племенная знать превращалась в знать военно-землевладельческую. На этот процесс в сильной степени оказали влияние существовавшие феодальные отношения нахарарского общества.

Феодализирующаяся арабская знать жила за счет местного населения. Армянские крестьяне-общинники (шинаканы) должны были в порядке государственной повинности удовлетворять все ее требования и нужды. Обездоленные крестьяне работали на некогда своих, ныне отнятых арабами землях на кабальных условиях испольщины. Учитывая последнее восстание в Армении, арабы до некоторой степени уменьшили взимаемые со страны налоги.

---

[1] *Вардапет Гевонд.* Указ. соч., стр. 104.

В начале IX в. новые арабские феодалы мало чем отличались от представителей крупнейших армянских феодальных домов, с которыми они нередко находились в кровных связях.

При халифе Махди (775—785 гг.) наблюдается относительное улучшение экономического положения и рост платежеспособности населения. При Харун ар-Рашиде (786—809 гг.) увеличение налогов снова достигает огромных размеров. Брат халифа Убейдаллах, под управлением которого находились Армения и Азербайджан, назначил в это время остиканом Армении Сулеймана, перенесшего свою резиденцию из Двина в Партав (789 г.) и увеличившего налоги. Арабские сборщики налогов под предлогом налоговых недоимок крестьян отбирали имущество у нахараров и духовенства.

Усиление экономического и политического гнета еще более ослабило силу сопротивления всех слоев населения. В стране царило всеобщее уныние и отчаяние. Уже в начале VIII в. в Армении совершенно замерло гражданское строительство. Арабские власти, как правило, не разрешали строить новых церковных зданий, в лучшем случае они разрешали реставрировать старые здания храмов. Этим следует, в частности, объяснить, почему до нас не дошло памятников армянской архитектуры от эпохи арабского владычества. Развитие армянской архитектуры было задержано на целых полтора столетия, вплоть до середины IX в.

Продолжалось массовое переселение жителей коренной Армении в подвластные Византии малоазийские и понтийские области Малой Армении. В лесистые и высокогорные ущелья этих областей спасались обездоленные жители городов и сел, изнывающие под игом халифа. Ишхан Хамам Аматуни, например, с 12 тысячами приставших к нему армянских крестьян разгромил преследующий его арабский отряд и бежал в пределы Византии. Крестьяне обосновались в лесистых ущельях Халдии и основали поселение Хамамашен, позже известное под названием Хамшен. Эту группу армян стали называть хамшенскими армянами («хемшины»), известную и теперь под этим названием в этих же местах в Трапезундском вилайете Турции. Значительная часть их в настоящее время живет в Абхазской АССР и в районе Сочи Краснодарского края.

После восстания 774—775 гг. такие видные нахарарские роды, как Мамиконяны и Комсарканы, были уничтожены, их владения достались Багратидам. Те из Багратидов, которые принимали участие в восстании, оставив свой родовой удел в Коговите, бежали в Тайк и Кларджию. Васак Багратуни обосновался в крепости АртануДж, в Кларджии, и сделался основателем грузинской ветви Багратидов. Его племянник Ашот поселился в крепости Калмах, в Тайке.

Из прежних могущественных нахарарских фамилий к концу IX в. с исторической арены сошли окончательно Мамиконяны и Камсараканы. Багратуни (Багратиды), Арцруни и Сюни возглавили движение за изгнание из страны арабов и восстановление государственной самостоятельности Армении.

Свое высокое положение сохранили только верные арабам таронские Багратиды. Ашот Багратуни был назначен халифом ишханом Армении (775—804 гг.), а его брат Баграт — спарапетом (775—786 гг.). Благодаря своей гибкости и расчетливости Багратиды за короткое время возвысились над остальной знатью и захватили в свои руки почти всю Армению. Ставший правителем Армении, владетель Калмаха, Ашот (805—826 гг.) захватил вотчины Мамиконянов в Тайке.

В конце VIII и начале IX в. к армянским Багратидам перешли владения репрессированных и лишенных наследственных прав Мамиконянов и Камсараканов, отпрыски которых нашли убежище в Византии, где и сделали большую политическую карьеру. Почти вся центральная Армения — от Тарона (долина Муша) до Айрарата и Ширака — сделалась наследственной вотчиной различных ветвей дома армянских Багратидов, которые вели удачные войны с обосновавшимися в стратегических пунктах и городах Армении арабскими феодалами.

В 789 г. после перенесения центра остикана (эмира) Армении из Двина в Партав (Бердаа), Двин с округой выделился в отдельное эмирство, боровшееся за свои суверенные права с феодалами собственно Армении, Картли (Восточной Грузии) и Албании. Эмиры Двина Джахапиды в борьбе с Багратидами не добились успеха и принуждены были их признать.

Ашот Мясоед, считая себя наследником вотчин Камсараканов, завладел Шираком и Аршаруником. После неудачного военного столкновения двинского эмира с Ашотом Мясоедом, первый признал наследственные права Багратидов на земли Камсараканов.

Утвердившись в округах Ширак и Аршаруник, Ашот Мясоед стал основателем ширакской ветви Багратидов, резиденцией которых стало селение Багаран.

Политический авторитет Ашота Мясоеда настолько возрос, что халиф после смерти Ашота Багратуни в Тароне назначил Ашота Мясоеда ишханом Армении (805—826 гг.).

Возвышению Багратидов способствовало и то обстоятельство, что халифат, раздираемый внутренними и внешними противоречиями, был вынужден мириться с сепаратизмом окраинных арабских и христианских эмирств и княжеств. Классовая борьба, проявившаяся в форме больших крестьянских движений, способствовала освобождению народов и в первую очередь народов Закавказья от иноземного владычества.

Возникшее в Азербайджане и Албании народное движение, возглавляемое хурремитом Бабеком (809—837 гг.), привело халифат на край гибели. Это движение вылилось в великую крестьянскую войну древнего населения Азербайджана, направленную против ненавистного владычества халифа и местной феодальной знати.

Основной силой восстания являлось крестьянство. Разоренные налоговой политикой халифата, поборами и повинностями в пользу крупных землевладельцев, крестьяне постоянно пополняли отряды хуррамитов. Окрестные крестьяне снабжали восставших продовольствием. В частности,

армянская область Сюник поставляла Бабеку хлеб. Благодаря поддержке крестьян Бабек смог более 20 лет вести упорную борьбу против могущественного халифата. Первоначально часть феодалов Албании и Сюника, а также некоторые арабские феодалы также оказывали поддержку восстанию, рассчитывая использовать народные массы для достижения своей независимости. Когда же классовая природа восстания вполне выявилась, местные феодалы перешли на сторону халифата и стали помогать арабам ликвидировать движение.

Железный лемех из Эчмиадзина IX в.

Большую роль в изменении позиции знати сыграло недовольство крестьянства Сюника и Арцаха (совр. Нагорный Карабах), которые должны были снабжать Бабека продовольствием и в первую очередь зерном. Когда запасы крестьян иссякли, Бабек отобрал зерно насильственным путем у феодалов.

Крупная знать из армян и арменизованных албанцев, возмущенная действиями Бабека, восстала против него. Владетель Шаке князь Сахл-Смбат завоевал Хачен и, укрепившись там, не стал признавать ни Бабека, ни арабов. Постепенно он стал владетелем почти всего нынешнего Нагорного Карабаха.

Благодаря борьбе в тылу Бабека силы его ослабли, что позволило арабам нанести ему решительное поражение в 837 г. Бабек, лишенный армии, бежал в Хачен, но был выдан арабам Сахл-Смбатом. Бабек, приводивший в течение двадцати лет в трепет державу халифов, был казнен в Багдаде; возглавляемое им народное движение было потоплено в крови.

В период напряженной борьбы с Бабеком халифат был крайне заинтересован в поддержке армянской знати. В связи с тем, что остиканы «Армении» были всецело поглощены борьбой с Бабеком и не могли управлять страной, халиф Мамун (813—833 гг.) передал функции остиканов ишханам.

Ишхан Баграт Багратуни (826—851 гг.) получил титул батрик албатарика и приобрел право сбора налогов со всей «Армении». Этим актом халиф привлек нахараров на свою сторону и с их помощью ликвидировал движение Бабека. С этого времени халиф признал суверенные права армянских Багратидов над всеми армянскими, грузинскими, албанскими и арабскими феодалами «Армении».

Новый экономический подъем страны и возвышение армянской феодальной светской и духовной власти усилили процесс дальнейшего

закабаления и закрепощения армянского крестьянства, которое не переставало вести борьбу со «своими» и «чужими» угнетателями. Разгром движения Бабека не ликвидировал крестьянские движения. Повстанческое движение бабекитов снова оживило деятельность павликианских общин, которые в арабских источниках называются нередко «пайлаканцами», «байлаканцами». Павликианские общины стали возникать не только в Армении, но и в Албании. Общины по-прежнему подвергались преследованиям не только со стороны армянских ишханов и церкви, но и со стороны арабских эмиров. На рубеже VIII—IX вв. особенно грандиозные размеры приняло павликианское движение в Византийской империи. Здесь учение павликиан стало знаменем борьбы находящихся под игом Византийской империи армянских, греческих и славянских трудовых масс.

Сначала Византийская империя стремилась использовать павликиан как вооруженную силу для защиты своих границ от арабов. Однако поняв, что это движение носит антифеодальный характер, византийские власти начали жестоко преследовать их. Начиная с конца VIII в., византийские императоры открыли гонения на павликиан. Так, например, император Константин VI в 794 г. многих павликиан переселил в Сицилию. В борьбе с империей павликиане рассеялись в Малой Армении в недоступных высокогорных и лесистых ущельях Антитавра, откуда они совершали нападения на византийских административных лиц и войска. Борьбой павликиан с византийскими войсками воспользовались арабы. Они предоставляли павликианам убежище в пограничной с Византией Мелитене (совр. Малатия). Эмир этой области при участии павликиан несколько раз вторгался в пределы Византийской империи, достигая даже подступов к Константинополю.

Борьба с павликианами в Византии принимала еще более яростные и ожесточенные формы. О грандиозных размерах гонения свидетельствуют следующие факты: с 835 по 873 гг. было уничтожено около 100 тыс. последователей этого учения. В рассматриваемое время новый вождь павликиан Карбеас с пятью тысячами своих воинов перешел границу империи и прибыл в пределы армянских земель, подвластных халифу. Арабы отвели им территорию, сопредельную с византийской частью Малой Армении, в горах Антитавра. Здесь павликиане создали свой центр, основав три города. Главным из них был Тефрика (совр. Дивриги), ставший резиденцией Карбеаса. Община павликиан в Малой Армении, состоявшая преимущественно из армян, стала с этого времени независимым государством вооруженного народа, борющегося против Византии.

В союзе с арабами павликиане сделались грозой Византии. Эмир Мелитены в 861 г. с помощью павликиан разорил Каппадокию, Понт и Киликию, но потерпел поражение в одной из битв и был убит вместе с предводителем павликиан Карбеасом. Однако павликиане вместе с арабскими отрядами продолжали свои набеги, доходя до Никеи и Никомидии.

Во второй половине IX в. византийские войска с небывалой жестокостью уничтожили павликианские общины. После поражения и смерти

Деревянная капитель из Севанского монастыря IX в.

Карбеаса, в 862 г. вождем павликиан становится Хрисогир. Против него в 871 г. начинает военные действия византийский император Василий I (862—885 гг.), основатель Македонской династии. Только после жестоких боев, длившихся три года (871—873 гг.), византийские войска овладели Тефрикой, Хрисогир был убит.

После разгрома Тефрики большая часть павликиан была истреблена или выселена в Балканы, где число их достигло нескольких тысяч. Большая партия павликиан в 875 г. была переселена в Италию. Враждебное друг другу армянское и византийское духовенство, когда дело касалось ненавистного обоим им народного движения, объединялось и вело совместную борьбу. Однако даже путем бесконечных репрессий окончательно ликвидировать павликианское движение в Армении и Малой Азии не удалось.

В то самое время, когда Византия начала активную борьбу против павликиан, часть их нашла прибежище в центральных областях Великой Армении. Здесь в 830—840 гг. под влиянием павликиан зародилось новое движение, которое по имени первого центра, откуда оно распространилось (Тондрак), стало называться движением тондракцев.

В округе Апахуник, в селении Тондрак, неподалеку от г. Маназкерт (совр. Мелазгерд), все чаще стал выступать с проповедями Смбат Зарехаванци — основоположник учения тондракцев.

В молодости Смбату Зарехаванци приходилось много путешествовать, поэтому он прекрасно знал жизнь и быт сельских и городских трудовых масс. Смбат изучал древних греческих философов, знакомился с манихейством, с учением Маздака и павликиан.

Сплотив вокруг себя своих последователей из числа эксплуатируемых князьями и церковью людей, он проповедью своих взглядов сумел поднять на борьбу трудовые массы.

Учение Смбата Зарехаванци было направлено не только против церкви, но и против всех власть имущих, в том числе и против арабских эмиров. Это явилось причиной того, что арабский эмир Абл-Вард в Маназкерте стал преследовать тондракцев, а вождя их Смбата Зарехаванци подверг смертной казни. Однако учение тондракцев продолжало быстро

распространяться в Армении и Албании и в X в. охватило огромную территорию. [1]

Большой размах крестьянского движения, выработка идеологии эксплуатируемых социальных низов — учения павликиан и тондракцев — свидетельствуют о продолжавшемся росте классовых противоречий, присущих обществу, вступившему в фазу развитых феодальных отношений.

В первой половине IX в. страна вступает в период бурного экономического подъема. С ростом товарности феодального хозяйства растет разделение труда между сельским хозяйством и ремеслом, которое сосредоточивается теперь в городах. Растет феодальный город Армении.

Рост производительных сил сопровождается постепенным освобождением Армении от иноземного владычества. Создаваемые материальные ценности остаются теперь в стране и становятся новым источником для дальнейшего расширения экономической базы политического господства армянских феодалов, сепаратизм которых приводит в конечном счете к полной независимости страны во второй половине IX в.

Пользуясь слабостью халифата, Армения все чаще отказывается вносить в казну халифата налоги.

После разгрома движения Бабека центральная власть стремилась восстановить свое пошатнувшееся положение в Армении.

Халиф Мутаваккиль (847—861 гг.) наместником Армении назначает Абу-Саида (в 850 г.), который отправился в Армению, имея намерение взыскать следуемые халифу налоги.

Нахарары, однако, не допустили его в Армению и, выслав налоги самостоятельно, заставили Абу-Саида вернуться обратно. Дальнейший сбор налогов был возложен на владетеля Арзана, эмира Мусу ибн-Зурара, которого нахарарам удалось склонить на свою сторону. С его участием они отложились от халифата.

Для расправы с восставшими халиф в 851 г. послал Юсуф ибн-Мухаммеда. Последний прибыл в Хлат, резиденцию батрика ал-батарика Баграта Багратуни, захватил его обманным путем и отправил в Самарру.

В Армении вновь вспыхнуло восстание, руководящая роль в котором принадлежала неустрашимым горцам Сасуна, где во главе народных масс встали крестьяне Овнан и Давид. Организованное ими ополчение спустилось с сасунских гор и внезапно напало на г. Муш, где находился Юсуф со своими войсками. Юсуф был убит, пленники его освобождены, победители возвратились с большой добычей.

Это событие послужило темой для создания героической эпопеи, народного армянского сказания о Давиде Сасунском. Центральной фигурой этого замечательного сказания является богатырь Давид Сасунский, народный герой, борющийся с иноземными захватчиками — арабами за независимость и свободу армянского народа.

---

[1] *Ашот Иоаннисян.* Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.). «Вопросы истории», № 10, 1954, стр. 99—108.

4

ГРУЗИНСКИЕ ЗЕМЛИ В VII—IX ВВ.

В VII в. в грузинских землях уже укрепились и оформились феодальные отношения. Расширялись связи между западной и восточной группами грузинских племен, между Эгриси и Картли; влияние Картли наблюдалось теперь в Эгриси в значительно больших размерах, чем раньше. Однако вскоре нормальное развитие молодых феодальных княжеств было нарушено новым вторжением внешнего врага. На этот раз угроза исходила не от Византии и не от Ирана, старых врагов народов Закавказья, а от арабов, уже в 40-х годах VII в. появлявшихся с юга. Это были новые завоеватели, успевшие к этому времени захватить не только Сирию и Месопотамию, но и бо́льшую часть Ирана и часть Армении [1]. Первый арабский отряд под начальством Хабиба ибн-Масламы появился в Картли в 642 — 643 гг., но потерпел неудачу и вернулся обратно. В 40-х годах VII в. арабы ограничиваются отдельными набегами и страна подчиняется еще верховной власти византийского императора. Положение меняется с начала 50-х годов. В это время, согласно армянским источникам, феодальные княжества Центрального и Восточного Закавказья начинают ориентироваться уже на арабов: в 652 г. правитель Армении, князья Картли, Албании и Сюника налаживают отношения с арабами. В связи с этим император Константин II вынужден послать против ослушников карательную экспедицию, которая добивается лишь частичного восстановления престижа империи в Закавказье. Картли, по-видимому, снова признала Византию, но не надолго [2].

В 653 г. арабы сумели упрочить свою власть в Армении, перетянув на свою сторону бо̀льшую часть армянских нахараров. Весной 654 г. арабы победили византийцев и взяли Феодосиополь (Эрзерум). Византийский полководец и правитель Армении Мавриан бежал в Картли. В конце 654 или начале 655 г. Хабиб ибн-Маслама пошел на Картли, преследуя Мавриана и его укрывателей, с целью покорить эту страну. Грузины сочли для себя невозможным принять бой. Посол картлийского эрисмтавари (патрикия) встретил Хабиба, поднес ему подарки и от имени своего князя изъявил желание заключить мир с арабами. Этот шаг правящих кругов Картли определялся, с одной стороны, возросшей силой арабов, с другой стороны, антивизантийскими настроениями, проявившимися еще в 652 г. Вынужденная замена одной внешней силы другой в конце концов никого особенно не трогала. Хабиб был удовлетворен актом картлийского эрисм-

---

[1] *С. Н. Джанашиа.* Арабы в Гризии. «Труды», т. II. Тбилиси, 1952, стр. 342—412 (на грузинском языке); *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1951, стр. 70—88.

[2] *С. Н. Джанашиа.* Арабы в Грузии, стр. 359—360; *И. В. Абуладзе.* Иоанн Драсханакертский (IX—X вв.) о Грузии. Тбилиси, 1937, стр. 13 (армянский текст с грузинским переводом).

тавари: подарки были отнесены за счет будущей дани. Картли была дана охранная грамота, определявшая права и обязанности обеих сторон и в основном воспроизводившая старый договор 645 г. Согласно этому договору, арабы обещали свободу вероисповедания, требовали уплаты джизьи в размере одного динария с каждого двора; обе стороны обязывались оставить без изменения число дворов плательщиков — грузины лишались права объединять их, арабы — делить; население обязывалось помогать вооруженной силой мусульманам против их врагов и предоставлять кров и пищу нуждающимся мусульманам. Принявшие ислам объявлялись братьями завоевателей и тем самым освобождались от платежей. Арабы гарантировали личную безопасность жителям Картли. Грамота содержала еще ряд более мелких обязательств [1]. Относительная сдержанность требований, предъявляемых арабами к подчиненным странам в начальном периоде их завоеваний, объясняется тем, что они не располагали еще силой, необходимой для более интенсивного угнетения.

Византия всячески стремилась вернуть себе свои закавказские владения.

В 685 г. византийский полководец Леонтий истребил военные силы арабов в Закавказье и подчинил своей власти эти страны, в частности Иберию. Изгнание арабов было делом прежде всего местного населения, боровшегося за свою свободу против насильников, что явствует, например, из сообщения армянского летописца Иоанна Католикоса о том, что «грузинский князь Нерсе изгнал некоего Барабу, начальника стоявшего в Армении арабского войска, жестоко сокрушил и рассеял (войско Барабы.— *Ред.*) и обратил его в бегство» [2].

Неустойчивость положения в странах Закавказья в это время объясняется также активностью хазар, которые начинают играть к этому времени доминирующую роль на Северном Кавказе. С конца VII в. хазары нередко проникают с целью грабежа и южнее Кавказского хребта. В 689 г. хазары совершили опустошительный набег на Картли, Албанию и Армению, истребили местных князей и правителей [3]. В самом конце VII в. в Закавказье, по-видимому, снова устанавливается политическое влияние арабов. Более того, если до тех пор арабы старались овладеть в Грузии только Картли, да и то по преимуществу равнинной ее частью, то теперь они проникают в Западную Грузию, пользуясь антивизантийскими настроениями масс и поддержкой правящих слоев Лазики.

В 697 г. патрикий Лазики, Сергий (или Георгий), сын Барнукия, восстал против византийцев и призвал на помощь арабов. В начале VIII в. значительная часть Западной Грузии переходит в руки арабов. Так, в 705—711 гг. арабы захватывают столицу Лазики, г. Археополь, а также некоторые крепости по Кодорскому ущелью. В Картли арабы в это время

[1] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I, стр. 70—71.
[2] *С. И. Джанашиа,* Арабы в Грузии, стр. 367.
[3] Там же.

чувствуют себя довольно прочно, что видно хотя бы из того, что в 704—705 гг. в Тбилиси чеканят арабскую монету [1].

Придавая большое значение Лазике, халифат и Византия неоднократно посылали туда значительные военные подкрепления; в конце концов арабы не смогли удержаться в Лазике и вынуждены были уйти оттуда. Арабы встретили упорное сопротивление в Картли еще в начале VIII в. и несколько раз сжигали и опустошали страну. Так, приблизительно в 723—725 гг. по Картли во главе военной экспедиции прошел Джаррах ибн-Абдаллах, посланный халифом со специальным заданием против хазар. Правители Картли предъявили Джарраху грамоту Хабиба ибн-Масламы; Джаррах внес в эту граммоту некоторые добавления. В конце концов экспедиция арабов на Северный Кавказ кончилась для них катастрофой: Джаррах погиб со всем своим войском в бою с хазарами [2]. Картли снова почувствовала себя свободной. В последующие годы арабы повторно совершают набеги на Картли. Так, в 728—729 гг. (в 110 г. хиджры) Картли опустошил, истребив часть населения, известный арабский полководец Маслама; вторично он явился в Картли с той же целью в 731—732 гг. (в 113 г. хиджры). Несмотря на эти опустошительные набеги, грузинский народ, очевидно, не прекратил сопротивления завоевателям.

Ведя войну с хазарами, арабские халифы неоднократно проводили карательные экспедиции в Закавказье. Так, в 736—738 гг. в Грузию пришел с большим войском Мерван ибн-Мухаммед (впоследствии халиф), прозванный грузинами «кру» (глухой) за свой неумолимый и беспощадный характер. Войска Мервана прошли по всей Грузии, сея по пути смерть и опустошение. В Восточной Грузии была разрушена, по данным грузинских летописей, бо̀льшая часть городов и крепостей. В частности, навсегда был разрушен древний город и первая столица Картли — Армази. Узнав, что члены картлийского владетельного дома укрылись в Западной Грузии точно так же, как это делали и их далекие предки, Мерван перешел Сурамский хребет, разорил Эгриси и, в частности, ее столицу — «трехоградную» крепость Цихе-Годжи (Археополь), прошел через Клисурскую ограду (у совр. железнодорожной станции Келасури около Сухуми), опустошил города Апшилии, Цхуми (совр. Сухуми) и осадил Анакопийскую крепость [3].

Это было одно из самых больших опустошений, когда-либо испытанных Грузией. Недаром поход Мурвана-кру оставил память о себе в народе до наших дней. Однако в Западной Грузии арабы удержаться не сумели,

---

[1] *Е. А. Пахомов.* Монеты Грузии, ч. 1. «Зап. Нумизмат, отдел. русск. археол. об-ва», т. I, вып. IV, СПб., 1910, стр. 39.

[2] *С. Н. Джанашиа.* Арабы в Грузии, стр. 371, прим. 1; «История агван Моисея Каганкатваци». Перевод К. П. Патканова. СПб., 1861, стр. 267.

[3] «Жизнь Грузии», т. I, стр. 233 (французский перевод: Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1469 de J.-G., vol. 2, 1 partie». SPb., 1849; *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, стр. 75—77; *С. Н. Джанашиа.* Арабы в Грузии, стр. 372—376.

в Картли же сопротивление народа было сломлено надолго. С конца 30-х годов VIII в. и до конца столетия в Картли устанавливается более или менее прочная арабская власть.

Во главе управления Картли стоял эмир, имевший постоянную резиденцию в Тбилиси. Эмир совмещал военную, гражданскую и судебную власть и опирался на подчиненные ему гарнизоны, расквартированные по важнейшим стратегическим и административным пунктам страны. Главный арабский отряд стоял в Тбилиси. Вначале арабы сохранили власть картлийского эрисмтавари, подчинив его эмиру и возложив на него, по-видимому, функцию сборщика дани и обязательство поставлять военные отряды. Тбилисский эмират первоначально включал в свой состав всю Картли, но с конца VII в. он начинает неуклонно сокращаться в своих пределах.

Арабы в Картли, как и в других завоеванных странах были заинтересованы главным образом в собираемой дани. В VIII в. Картли платит как джизью (подушную подать), так и хараджа (поземельную подать). Джизья и харадж во второй половине VIII в. достигают чудовищных размеров, причем джизья из подворной подати была превращена в поголовную. Иногда грузинским феодалам удавалось высвободить часть земель. Так, в 40-х годах VIII в. под властью представителя старой царской династии Арчила II, принявшего титул царя Грузии (картвелта Мэпе) объединились Кахет-Эрети, Картли, Месхети, часть Лазики и даже часть Дагестана.

Католикос Грузии при Арчиле не зависел уже от антиохийского патриарха, чем подчеркивалась политическая самостоятельность Грузии.

Но внутренние социально-экономические преобразования Арчила были остановлены новым наступлением арабов, захвативших Картли и Кахетию. Самое тяжелое положение для закавказских стран, в частности для Картли ,наступило с середины VIII вв.: при Аббасидах увеличилась дань, и сопровождавшие ее насилия ограничивали политические свободы.

Только в религиозной сфере арабы проявили достаточную терпимость, жестоко преследуя лишь собственных ренегатов. Это объяснялось тем, что арабы стремились не уменьшать числа плательщиков вследствие перехода их в ислам (принимавшие ислам освобождались от государственных платежей).

Чем тяжелее становилось иго арабского владычества, тем с большей силой подымалась грозная волна народного гнева. Крепла ненависть народа против иноземных завоевателей. Выразителем этих народных настроений и устремлений в литературе явился замечательный общественный деятель Иоанн сын Сабана (Сабанисдзе), написавший в 80-х годах VIII в. «Мученичество Або Тбилисского», одно из лучших произведений древнегрузинской письменности. Темой этого жития является подвиг Або (Хабиба), служителя картлийского эрисмтавари Нерсе. По словам жития, этот арабский юноша, прибыв вместе с Нерсе из Багдада в Тбилиси в возрасте 17—18 лет и живя в царственном доме великого эристава

Нерсе, испытал влияние грузинской культурной среды: научился грузинскому языку и грузинской грамоте и крестился, за что и был казнен.

Труд, посвященный Иоанном памяти казненного, явился памятником, который обессмертил не только имя Або, но и самого автора. По своей идеологической направленности этот труд оставляет далеко позади себя обычные житийные произведения.

В «Мученичестве Або» [1] подчеркивался и тот факт, что, несмотря на давность распространения христианства среди грузин, оно не всегда оказывалось устойчивым перед натиском ислама. По утверждению автора, одних «свели с пути истины» «кознями соблазна», других — «силой жестокости и коварства». Соблазн сводился в конечном счете к тем льготам, которые предоставляли арабы обращенным в ислам.

Иоанн Сабанисдзе как прогрессивный представитель своего времени старается не только поставить, но и разрешить вопрос о месте Картли среди других стран мира. Облеченное в церковно-религиозную форму его произведение, однако, выходит за рамки чисто религиозного сочинения, поднимается до проповеди народной борьбы против иноверных поработителей.

Власть завоевателей была более или менее прочна лишь в центральной Картли по долинам главных рек страны. Вся Западная Грузия (Эгриси) оставалась вне досягаемости арабов: «защищена была страна та от ужасов сарацинского господства», она «была наполнена христианской верой», и «из неверных (подразумеваются арабы) никаких насильников в ее пределах не встречается» [2]. В таком же положении было и все побережье Черного моря вплоть до области Халдии и Трапезунта. Абхазия в это время добивается освобождения от византийской зависимости, и абхазские эриставы становятся царями. Горные районы Картли, а также глубокие ущелья оставались независимыми, служа убежищем для убегавшего от арабов населения равнин. Чрезвычайно затрудняла положение арабов в Закавказье также и непрекращавшаяся борьба с хазарами, которые становились все более активными. В 764 г. хазары даже заняли, правда, на короткое время Тбилиси, опустошив страну, разрушив город и взяв в плен картлийского князя Джуаншера.

Все эти события заставили халифов передать часть своих прав и функций провинциальным военным и гражданским чиновникам, что укрепило власть последних и зависимость от них местных военных отрядов и населения. Все эти затруднения заставили нарушить некоторые первоначальные установления ислама, в частности запрет арабам-завоевателям владеть землями в покоренных странах.

Так, уже при Хабибе, говорят источники (в 50-х годах VII в.), были розданы воинам земельные участки во взятой ими Каликале (Эрзерум).

---

[1] «Мученичество Або Тбилели». «Памятники древнегрузинской агиографической литературы». Тбилиси, 1956, стр. 42—62.

[2] Там же, стр. 50.

В 20-х годах VIII в. Маслама присваивает себе земли в Хайзане. Захват принимает иногда массовый характер.

В то же время усиливается зависимость местных арабских гарнизонов от своих непосредственных начальников. Рост этой зависимости хорошо иллюстрируется следующим примером: в начале IX в. халиф аль-Мамун назначает правителем Армении и Азербайджана некоего Ису, которому приказывает самостоятельно, на свои средства, экипировать и вооружить подчиненных ему солдат. Местные эмиры таким образом превращались не только в землевладельцев, но и приобретали политическую самостоятельность, вначале фактическую, а затем и юридическую, освобождались, иными словами, из-под власти халифа. Их сепаратизм всегда начинался с отказа вносить в казну халифа подати, собранные с подвластного населения. Между халифом и его местными чиновниками возникала упорная и длительная борьба, которая в конце концов всегда кончалась поражением центральной власти и образованием мелких полунезависимых или вовсе независимых арабских эмиратов.

Однако полноте власти отдельных эмиров препятствовали не только притязания халифов, но и борьба местного населения против завоевателей.

Одной из форм сопротивления населения был уход из центральных районов Картли в горные ущелья Восточной Грузии, в отдаленные районы Месхети, в Абхазию. Оставшиеся боролись с оружием в руках за свои права и свободу. В частности, показательно обострение отношений между тбилисским эмиром и картлийским эрисмтавари. Так, уже в 772—773 гг. картлийский эрисмтавари Нерсе, сын эрисмтавари и куропалата Адарнерсе по приказу халифа Мансура был заключен в тюрьму в Багдаде. Просидев три года в заключении, Нерсе был возвращен на родину и восстановлен в прежних правах, но вскоре он бежал с большой свитой в поисках союзников в Хазарию, затем укрылся в Абхазии, куда он заранее переправил всю свою семью и имущество. Эрисмтавари Картли с этого времени халиф Махди утвердил племянника Нерсе — Степаноса, сына Гургена. Это назначение свидетельствует о том, что в начале 80-х годов VIII в. арабы еще считали необходимым существование власти картлийского эрисмтавари. В последующее халифство Харуна ар-Рашида (786—809 гг.) развертывается еще более жестокая и беспощадная борьба, которая приносит закавказским странам, главным образом, Картли, Ширвану и другим северным областям Восточного Закавказья большие перемены. Об этих событиях подробно рассказывают как арабские, так и местные (грузинские и армянские) источники. По сообщению, например, Якуби, закавказские страны «после смерти халифа Махди (785 г.) были охвачены мятежом» [1]. Арабы самым беспощадным образом расправляются с мятежниками. Их жестокость, так же как и калейдоскопическая смена арабских правителей, указывает на все возрастающие смуты, слабость и шаткость власти

[1] *Якуби.* История. «Материалы по истории Азербайджана», вып. IV. Баку, 1927, стр. 9.

завоевателей, крайнее обострение антагонизма между завоевателями и завоеванными. Особенно интересно сообщение Якуби, относящееся к последним годам царствования халифа Харуна ар-Рашида. Когда Харун опять присылает одного из очередных правителей, Язида, которому «были своевременно подчинены Армения и Азербайджан», Якуби сообщает, что с его приездом народ успокоился, и в стране водворился порядок [1].

По сообщениям грузинских летописей, несколько затемненных позднейшими редакторами, время правления последних эрисмтавари Картли-Арчила, сына Степаноса (по всей вероятности, вышепоименованного Степаноса, племянника Нерсе) и его сыновей, Иоанна и Джуаншера,— приходится как раз на конец VIII и начало IX в.: «С этого времени,— рассказывает летопись,— стала уменьшаться власть великих царей Хосроидов (так называет летопись древнюю царскую династию Картли, считая вместе с тем картлийских эрисмтавари тоже хосроидами, т. е. сепецулами по происхождению.— *Ред.*). «Усилилось господство сарацин, время от времени страна подвергалась набегам и опустошениям, появилось множество мтаваров в стране Картли, которые стали враждовать друг с другом. Если среди сынов Горгасала появлялся достойный царствовать, его всячески «умаляли сарацины»» [2]. В этом сообщении общий смысл происшедших событий передан правильно, хотя и содержит много наивного и анахронического.

В частности, известия летописи о «появлении множества мтаваров в стране Картли» реально отражает создание на территории Картли отдельных феодальных княжеств различной величины, возникших в результате роста общественно-хозяйственной мощи отдельных периферийных районов, в условиях жестокой борьбы против арабских завоевателей.

5

ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА В ГРУЗИНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Раннефеодальные государства на территории Грузии представлены в VIII—IX вв. в форме небольших разобщенных княжеств, что объяснялось как условиями натурального хозяйства, так и нивелирующим характером власти завоевателей, препятствовавших созданию сильной власти местных феодалов.

Раньше других, согласно имеющимся данным, стала организовываться Кахетия, искони входившая в состав Картли и вплоть до VIII в. жившая с ней общей культурно-политической жизнью. Границами Кахетии в рассматриваемое время были: на западе Арагви, на севере — Главный Кавказский хребет. На юге граница Кахетии проходила по течению Куры. На востоке эта граница к началу нашей эры проходила по нижнему течению Алазани, но в последующие века она отодвинулась дальше к востоку.

[1] *Якуби.* История, стр. 9.
[2] «Жизнь Грузии», т. I, стр. 250 (французский перевод, стр. 270).

Кахетия была в это время многоплеменной областью: рядом с основным, грузинским по языку, племенем кахов тут жили туши, суджи, санары в грузинских и армянских источниках они выступают под наименованием «цанаров», пховцы (грузинское горское племя, занимавшее приблизительно районы нынешних хевсур и пшавов, которых и нужно считать потомками названных пховцев) и др. К концу VIII в. из числа названных племен особенно активизируются воинственные горцы-санары, причиняющие огромные хлопоты и беспокойство арабам. В связи с этим последние название Санарии присваивают всему кахетинскому княжеству, а населению Кахетии — название санаров. Санары-кахетинцы являются в IX в., по сообщению самих арабских источников, одним из наиболее свободолюбивых, независимых и опасных для арабов племен Закавказья.

Кахетия раньше других частей древней Картли-Иберии в условиях борьбы за независимость против арабов выделяется в самостоятельное княжество. Борьба с завоевателями облегчалась здесь естественными условиями края — гористым и пересеченным глубокими ущельями рельефом, дремучими лесами. Пользуясь этими условиями, свободолюбивые кахетинцы отказывались подчиняться арабам. По арабским известиям, волнения охватили санаров-кахетинцев уже в 60-х годах VIII в. «Халиф абу-Джафар (Аль-Мансур 754—775 гг.),— говорит Якуби, —послал туда правителем ал-Хасана ибн-Кахтабу, который вступил с ними в бой, но ничего не мог поделать. Об этом, а также об их большом числе, он сообщил Абу-Джафару, и тот отправил ему на помощь Амира ибн-Исмаила ал-Хариси с двадцатью тысячами воинов. Встретившись с санарами, Амир вступил с ними в ожесточенный бой, который продолжался несколько дней, после чего бог даровал мусульманам победу над ними и он (Амир) перебил в один день шестнадцать тысяч человек из них. Затем он двинулся в Тифлис, дорогой перебил всех бывших с ним пленных и послал повсюду погоню за санарами» [1]. Последние слова о погоне указывают на то, что санары продолжали борьбу, несмотря на тяжелые потери. Сообщение в целом свидетельствует о необычайной самоотверженности и упорстве кахетинцев, доставивших им в конце концов победу. В следующие десятилетия VIII в. кахетинцы изгоняют арабов и отвечают жестоким ударом на все предпринимаемые покушения грабителей на народное достояние и свободу. В IX в. тбилисский эмир, пытающийся высвободиться из-под власти халифа, заискивает перед князем Кахетии, добиваясь помощи кахетинцев против войск халифа.

На рубеже VIII—IX вв. в Кахетии выдвигается знатный род, который в лице Григола (около 787—826 гг.) начинает представлять правящий дом местных мтавари. Но еще до образования мтаварства Григола распространил свою власть на запад до Арагвской долины; затем захватил Ксанское ущелье и земли Внутренней Картли, лежащие к западу [2]. Захват Ксанского ущелья, помимо прочих выгод, давал мтавари Кахетии возможность уси-

[1] *Якуби,* История, стр. 8—9.

[2] «Жизнь Грузии», стр. 252—253 (французский перевод, стр. 260—261).

лить контроль над теми участками закавказского торгового пути, которые пролегали по долинам и ущельям рек Алазани, Иори и Арагвы и открывали доступ из областей Восточной Грузии на север в Дагестан и Северный Кавказ. Большое значение, в частности, имел контроль со стороны мтавари Кахетии над Аланскими воротами. В то же время, по имеющимся у нас сведениям, Кахетия распространяла свою власть на востоке до Голгулы, на севере — на отроги и ущелья Главного Кавказского хребта; на юго-востоке — на области Камбечан, на юго-западе — на Эрети. Кахетия, богатая обширными пастбищами и лесами, изобиловавшими дичью, включала в свой состав и ряд значительных городов и крепостей, как-то: Телави, Некреси, Пуставн, Уджарма, Череми.

Таким образом, в начале IX в. Кахетия представляет собой оформившееся самостоятельное княжество, во главе которого стоит князь с титулом мтавари. В конце второго десятилетия IX в. мтавари Кахетии Григол, пользуясь помощью санаров и мтиульцев, вступает в союз с тбилисским эмиром против другой феодальной группировки Грузии. В 30-х годах IX в. преобладание в княжестве получает население равнинных районов — кахи-гардабанцы. Они возводят на престол Кахетии своих ставленников. С этого времени мтавари Кахетии носят титул хорепископа. Каким образом этот церковный титул был присвоен князьям Кахетии — еще не выяснено, но можно предполагать, что наряду с другими причинами, тут действовали и древние теократические традиции.

* * *

Во втором десятилетии IX в. возникает новое западногрузинское феодальное княжество. Основание ему положил Ашот из знаменитого княжеского рода Багратидов, достигших к концу X в. царского трона, занимаемого ими до начала XIX в. Багратиды вышли, вероятно, из страны лазов. Родовым их уделом был Спер на р. Чорохе. При арабах Багратиды сумели выдвинуться благодаря своей осторожной и гибкой политике. Одна ветвь этой фамилии находилась в Армении, где ее представители сначала занимали важнейшие должности, а затем достигли царского престола; другая ветвь утвердилась в Картли. Представителем последней и был Ашот, находившийся в начале IX в. на арабской службе и носивший титул мтавари в Картли.

Эристави Картли Ашот стал при халифе Мамуне, около 810—813 гг., при содействии двинского эмира Джахана. Отец Ашота Адарнерсе в свое время получил треть Кларджети, Шавшети и Аджарии, Нигали, Асиспори, Артаани, Нижнее Тао и ряд крепостей. Ашот, сильно расширив свои владения, господствовал над областями от Кларджи до Тбилиси. Резиденцией его как картлийского эристави был в то время (810—814 гг.), по-видимому, Уплис-Цихе.

В эти же и ближайшие годы Ашот вел упорную борьбы со своим восточным соседом мтавари Кахетии Григолом. Григол, как отмечалось выше,

успел завоевать часть Картли, перейти не только через ущелье Арагвы, но и через Ксанское ущелье. Кахетинские азнауры не могли добровольно отказаться от достигнутых успехов. Победа над Кахетией сулила и феодалам Картли и самому Ашоту большие выгоды; завоевания в Кахетии могли в значительной мере компенсировать утрату влияния картлийского эристави в таком крупном экономическом центре, как Тбилиси.

Шансы на победу были особенно велики потому, что Ашот мог рассчитывать в этой борьбе не только на поддержку Абхазии, но и на политический кризис, переживаемый Арабским халифатом как в центре, так и на периферии. В условиях длительной анархии почти порвалась связь халифата с окраинами. Эмиры последних нередко выходили из подчинения халифу и узурпировали власть. В этих условиях некоему Мухаммеду сыну Аттаба удалось захватить власть в Грузии. По сообщению Якуби, Мухаммед «завладел Грузией», причем из «грузинских племен к нему примкнули санары». Арабские войска были отозваны в центр халифата; в Грузии, в частности, в Тбилиси, не осталось никого из сарацин, кроме тбилисского эмира [1].

Получив военную помощь от своего зятя, абхазского царя Феодосия II (791—818 гг.), сына Леона II, Ашот двинул войско против мтавари Кахетии Григола. Несмотря на помощь Григолу Мухаммеда, сына Аттаба, победа осталась за Ашотом. Побежденные кахи были вынуждены оставить землю, которую они захватили в Картли. Ашот завладел своей страной от Кларджети до Ксани.

Однако вскоре обстоятельства изменились: Мухамед сын Аттаба был прощен, санары — жестоко наказаны, а арабы, несколько укрепившись, снова занялись дележом Картли. Ашот, будучи не в силах противостоять арабам, бежал около 820—823 гг. со своей семьей и небольшим отрядом вассалов в юго-западные области Закавказья, где находились родовые имения родственных ему Багратидов в Кларджети [2]. Впоследствии Ашот и его потомки, обосновавшись в г. Артануджи, положили начало новому феодальному государству, которое сыграло исключительную роль в жизни Грузии IX—X вв.

Эта область, находившаяся в номинальной зависимости от византийского императора, была труднодоступна для арабов. По словам Сумбата, грузинского историка артануджских Багратидов, в Шевшети, так же, как и в Кларджети, много было незаселенных земель. В Шавшетском ущелье было только несколько деревень. Прежнее население, послужившее ядром для возникавшего государства, было усилено переселенцами из Картли, которые сопровождали Ашота в Шавшети. Для успехов молодого грузинского государства большое значение имело признание власти Ашота со стороны Византии. В частности, император Византии дал Ашоту высокий при-

[1] *I. Marquart.* Osteuropäische und Ostasiatische Streitzüge. Leipzig, 1903, стр. 409; Якуби. История, стр. 15.

[2] *I. Marquart.* Указ. соч., стр. 410; *Сумбат Давитис-дзе.* Жизнь и известия о Багратидах. СМОМПК, вып. XXVIII, 1900, стр. 135 и сл.

дворный чин куропалата [1]. С этого времени Ашот в грузинских памятниках нередко называется царем.

Раздавая придворные чины, константинопольской двор хотел подчеркнуть, что местные династы тем самым становятся в зависимое от Византии положение.

Большую роль в развитии страны рассматриваемого времени сыграли монастыри. Проникая в малодоступные, заброшенные уголки края, религиозные деятели строили новые храмы и монастыри, возрождали старые. Особенно велика в этом отношении роль Григория Хандзтийского [2] (Григорий Ханздтели 759—861 гг.). Человек, от природы одаренный, «книжник, знакомый, между прочим, и с учением светских философов», он явился основателем ряда монастырей, ставших крупными хозяйственными и культурными центрами Тао-Кларджети. Современники называли Григория «славой картвелов, светилом, озаряющим край». В результате монастырского строительства проявился ряд населенных пунктов, в том числе Мере, Тбети, Мидзнадзори, Шатберди, Опиза и др.

Ашот восстановил древнюю крепость Артануджи в долине Чороха и превратил ее в свою резиденцию. Находясь на важнейшем торговом пути, ведшем из Феодосиополя (Эрзерума) к Черноморскому побережью, Артануджи вырос в значительный торговый город.

Таким образом, куропалатство уже при Ашоте успело получить значительный удельный вес в экономической и политической жизни Закавказья. Географическое положение куропалатства, наличие участков торгового пути, ведшего в Византию, культурное развитие предопределили дальнейший рост его влияния на соседние территории.

Ашот был убит в 826 г. в то время, когда он собирал народ — войско (эри) против арабов.

При детях Ашота, из которых средний, Баграт (умер в 876 г.) наследовал титул куропалата, княжество окончательно оформилось в довольно крупную и сильную политическую единицу. В это время в пределы княжества входят бо́льшая часть бассейна Чорохи, верховья Куры, т. е. провинции Самцхе, Джавахети, Артаани, Шавшети, Кларджети, Тао и др. По наименованию двух важнейших областей страны — Кларджети и Тао — княжество обычно называют Тао-Кларджети. Князья Тао-Кларджети титуловали себя «картвельскими (т. е. грузинскими) куропалатами», претендуя тем самым на наследство древнейших царей и позднейших эрисмтавари Картли. В культурном отношении Тао-Кларджети представляет собой передовой район Грузии в IX и X вв.

Тао-Кларджети делилась на многочисленные «уделы», находящиеся в наследственном владении потомков Ашота. Ветвь старшего сына Ашота, Адарнерсе, носила обычно название «кларджетских» или «артануджских» государей, так как в руках представителей этой ветви находилась

[1] *Сумбат.* Указ. соч., стр. 141.

[2] *Н. Я. Марр.* Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII. СПб., 1911.

бо́льшая часть Кларджети и г. Артануджи. Вторая ветвь, потомки Баграта куропалата, называлась «таойскими царями». Представители этих двух главных ветвей (потомство младшего сына Ашота, Гуарама, пересеклось уже в первом поколении), находясь под общим суверенитетом главы рода, куропалата, и в иерархической, сеньориально-вассальной зависимости между собой, носят многочисленные титулы — магистра, мампали, эриставт-эристави и т. п. Внук Баграта куропалата Адарнерсе объявил себя в 888 г. царем грузин; правнуки Адарнерсе в X в. присваивают себе и титул царя царей.

* * *

Третье крупное политическое образование — Абхазское царство возникает на территории Западной Грузии на месте бывшего Абазгийского княжества [1]. Абазги в IV в. вошли в состав Лазского царства, а к началу VI в. опять выделились из последнего и подчинились непосредственно византийскому императору. VI—VIII вв. прошли в борьбе в Византией, которой удалось, однако, удержать в своей зависимости Абазгию в продолжение большей части рассматриваемого периода, за исключением конца VII и начала VIII в., когда в Абазгию на короткий срок проникают арабы. В самом конце VIII в., воспользовавшись внутренней смутой в империи, абазги окончательно высвобождаются из-под власти Византии. Древнегрузинский историк, царевич Вахушти, так описывает это событие: «когда ослабели греки (в 787 г.), отложился от них эристави абхазов по имени Леон, племянник Леона эристави, которому была дана во владение Абхазия. Сей Леон II был сыном дочери хазарского царя и силой их (при помощи хазар) отпал от греков, завладел Абхазией и Эгриси до Лихи (Сурамского хребта) и назывался царем абхазов» [2]. Помимо родственных уз, между Абхазией и Хазарией существовали экономические связи; в частности с восточным побережьем Черного моря Хазария общалась через абхазские перевальные пути (Клухорский и др.). Хазарская помощь, полученная Леоном, становится, таким образом, понятной. Действовали тут, кроме того, и чисто политические мотивы. Достигнув Сурамского хребта, абхазские цари уже в начале IX в. проявляют стремление распространить свое политическое влияние и на Восточную Грузию. Интересы и задачи широкой общегрузинской политики побуждают абхазских царей с самого же начала избрать себе резиденцией древний Кутатиси (Кутаиси), представлявший собой естественный центр всей Западной Грузии и лежавший на важной торговой магистрали.

Помимо охарактеризованных выше трех княжеств были еще более мелкие, иногда совсем маленькие, феодальные образования, которые пытались вести самостоятельную политику, но обычно с незначительными успехами. В конце концов они примыкали к тому или иному более крупному владе-

---

[1] *С. Н. Джанашиа.* О времени и условиях возникновения Абахазского царства. «Труды», т. II.

[2] «Жизнь Грузии», т. I, стр. 251 (французский перевод, стр. 259).

тельному князю. Особенно много таких феодальных гнезд появилось в Картли.

Среди этих местных феодальных образований — Тао-Кларджетского или Грузинского куропалатства, Кахетинского хорепископства, Абхазского царства и остальных более мелких феодальных владений — Тбилисский эмират с конца первой четверти IX в. также обнаруживает тенденцию к политическому выделению из халифата. Борьба молодых феодальных образований за полное высвобождение из-под задерживающих развитие страны внешних пут и тягот, борьба этих же княжеств между собой за гегемонию, кровавые взаимоотношения халифа и его тбилисского наместника — все это тяжело отражалось на положении грузинского населения.

Уже в 20-х годах IX в. тбилисский эмир Мухаммед ибн-Аттаб начинает вести независимую от халифа политику. В войне между куропалатом Ашотом, которого поддерживает абхазский царь Феодосий II, и кахетинским мтавари Григолом, опирающимся на мтиулов и санаров, эмир поддерживает Григола. В битве на р. Ксани победа остается за Ашотом, и он овладевает всей страной от Кларджети до Ксани. Посланное халифом против непокорного тбилисского эмира войско под начальством Абдулла Али было обращено в бегство. Вторая карательная экспедиция против тбилисского эмира под начальством Халида ибн-Язида имела больший успех благодаря большой численности карательного отряда. Ибн-Аттаб был вынужден явиться с повинной к Халиду. «Подчиняются ли тебе санары?» — спросил, по словам арабского историка Якуби, Халид тбилисского эмира. «Нет, они мне не подчиняются»,— ответил Мухаммед ибн-Аттаб. Тогда Халид двинулся против санаров, т. е. кахетинцев, и упорно сражался с ними» [1]. Эта борьба войск халифа с кахетинцами заканчивается миром, по которому Кахетия была обязана внести огромный выкуп натурой. Во время этой экспедиции и был, по-видимому, убит в 826 г. непримиримый враг тбилисского эмира, основатель Тао-Кларджетского княжества, Ашот. «Но не прошло много времени,— рассказывает тот же ал-Якуби, как они (санары-кахетинцы.— *Ред.*) снова восстали» [2]. На сей раз во главе кахетинцев стояли гардабанцы, которые после сражения в селении Гавази обратили Халида в бегство и перебили множество арабов. После этого положение последних в Картли стало еще более ухудшаться. Новый эмир Тбилиси, Исхак ибн-Исмаил, с самого начала не подчинялся халифу, отказываясь от взноса в центральную казну собранных им в стране податей. Пришедший в третий раз в Картли теперь уже против Исхака Халид в 841—842 гг. был убит в Джавахети. Посланный халифом вместо Халида сын последнего Мухаммед пытался использовать местные противоречия и вступил в союз с куропалатом Багратом, сыном Ашота, против Исхака и кахетинцев-санаров. Однако военное столкновение не дало определенных результатов, и Мухаммед должен был уйти обратно. Вторичный поход Мухаммеда против Исхака закончился принесением щедрых даров со стороны Исхака, а для тбилисского

[1] *Якуби.* История, стр. 15.
[2] Там же.

эмира — сохранением независимости. Раздраженный непокорностью Картли и тбилисского эмира, халиф принимает новые меры. Прибывший в Закавказье посланец халифа Юсуф вступил в переписку с батриками, но сумел привлечь на свою сторону лишь куропалата Баграта, сына Ашота, который явился к Юсуфу на условии «амана» и был отправлен к халифу [1].

Самой крупной карательной экспедицией арабов против Картли в IX в. была экспедиция, возглавленная Бугой Старшим, турком по происхождению. Опустошив Армению, Буга вступил в Картли, заключив предварительно союз с куропалатом Багратом против тбилисского эмира и абхазского царя и других местных феодалов. После длительной осады 5 августа 853 г. был взят и предан огню Тбилиси, окрестности города были опустошены. По арабским сообщениям, во время этих событий в Тбилиси погибло до 50 тыс. жителей, что, даже принимая во внимание естественное для таких источников преувеличение, говорит о большой численности населения столицы Грузии в IX в. Исхак был казнен, участвовавшие в битве против войск халифа один из крупнейших грузинских феодалов, престарелый эристав Константин-Каха и его сын были пленены врагом, а затем также казнены. Однако в битве с грузинскими горцами в Арагвском ущелье Буга потерпел поражение. Якуби рассказывает, что санары разбили Бугу и обратили в бегство [2]. По грузинским известиям, армия Буги понесла при этом огромные потери. Из последующей деятельности Буги, зимовавшего в Партаве, грузинская летопись сообщает следующий интересный факт: «Открыл (Буга) Дербентские ворота и вывел хазар, триста домов и посадил их в Дманиси (средневековый грузинский город.— *Ред.*); и желал Буга вступить летом в Овсетию, но Амир-Мумни (Амир ал-Муминин), повелитель правоверных, узнав, что Буга ведет переговоры с хазарами, своими единоплеменниками, предложил Буге оставить Картли Мухаммеду ибн-Халиду» [3]. Халиф был напуган активными взаимоотношениями турка Буги со своими единоплеменными (как считает автор известия.— *Ред.*) — хазарами. Однако преемники Буги оказались не более надежными. В результате халиф быстро терял последние остатки своих прав по отношению к Тбилиси. По сообщению арабского историка Масуди, абхазы и грузины платили хfamadж начальникам пограничной крепости Тифлис, начиная с завоевания Тифлиса и его заселения до халифа Мутаваккиля (847—861 гг.). С 60-х годов IX в. тбилисские эмиры окончательно превращаются в самостоятельных владетелей территории, заключающейся в пределах Нижней Картли (Тбилиси и его окрестности — современные Агбулахский, Борчалинский и Люксембургский районы.— *Ред.*). Единственное проявление номинальной зависимости тбилисских эмиров от верховной власти халифов заключалось в том, что арабская монета в Тбилиси еще продолжала чеканиться от имени халифов. С начала X в. в Тбилиси

[1] *Якуби.* История, стр. 20.
[2] Там же, стр. 21.
[3] «Жизнь Грузии», стр. 256—257 (французский перевод, стр. 266—268).

утверждается династия наследственных эмиров из рода Джафаридов, которые уже на своих монетах, наряду с именем халифа как главы правоверных, обозначают и себя как обладателей державной власти. Последний арабский набег на Грузию, организованный халифом опять-таки с карательной целью, произошел около 914 г., когда огромное арабское войско под начальством Юсуфа Абуль-Касима опустошило вслед за Арменией (914 г.) также некоторые районы Кахетии и Южной Грузии, хотя и встретило здесь упорное сопротивление населения. Но этот набег имел характер отдельного эпизода и ничего не изменил в уже сложившейся исторической обстановке.

Неизмеримо большое значение для жизни страны имели внутренние социально-экономические и политические условия. На территории Грузии в рассматриваемое время шел процесс, объективно направленный, с одной стороны, к укреплению государственности и большей централизации власти внутри каждого из царств и княжеств, а с другой стороны, к объединению этих княжеств.

Борьба с внешним врагом не могла не отразиться и действительно отразилась на всех слоях общества. Феодальная аристократия при помощи государственного аппарата стремилась ускорить и завершить присвоение крестьянских общинных и частновладельческих земель к своему феодальному владению. К началу X в. почти вся земля, используемая под различные сельскохозяйственные культуры, находится уже в руках феодалов.

Источники этой эпохи довольно ярко освещают сословное деление грузинского общества. Господствующим является сословие «азнауров» — дворян. Когда византийский император хочет получить гарантии от владетеля Тао-Кларджети, он требует в заложники «азнаурских детей».

За прошедшие после упразднения царской власти в Картли два столетия социальное возвышение азнауров, несмотря на неблагоприятные внешние условия, шло быстрыми темпами. Расширялся и углублялся процесс порабощения азнаурами класса крестьян.

Интересен процесс образования в рассматриваемое время крупных феодальных княжеств.

Малые «мтавари» — со своими дворцами, замками-крепостями, присвоенными и захваченными землями — входили под покровительство более сильных владетелей, «диди мтавари», составляя их свиту. Постепенно создавалась социально-политическая организация, достаточно сильная для того, чтобы успешно противостоять как собственному крестьянству, так и захватническим устремлениям соседних мтавари.

В этих новых условиях картлийские эристави, которые на протяжении двух веков управляли отданными им областями — «саэриставо», постепенно превратились в собственников этих областей. К середине VIII в. правителю Картли не оставалось ничего иного, как признать господство эристави в соответствующих областях и в связи с этим перестроить политическую организацию страны. Проведение этой реформы грузинскими источниками приписывается Арчилу, правившему Картли в 40—50-х годах

VIII в. Любопытно, что источники эти называют Арчила уже не «эрисмтавари», а «мепе» (царем).

При Арчиле половина страны составляла царскую собственнность, другая — собственность эристави, причем не условную и временную, а вечную, с правом наследования. Каждый эристави стал властелином в своей области — саэриставо, и его подчинение правителю Картли походило уже скорее на отношения более слабого мтавари к более сильному, чем на отношения между должностным лицом и государем. У каждого эристави, в свою очередь, имелись малые мтавари, подчинявшиеся ему на тех же принципах.

Вся Картли стала представлять собой, таким образом, конгломерат многочисленных княжеств «самтавро», а сам правитель страны — «эрисмтавари» — первого и сильнейшего среди равных.

Соответственно с этим новым строем была изменена и войсковая организация. У каждого крупного феодала было теперь свое войско — «эри», с которым тот был обязан при надобности явиться к царю. Вторую половину войска выставляла та часть страны, которой владел собственно царь. Воины уже не являлись «тадзреулами» прежних царей. По словам древнегрузинского историка, Арчил роздал Кахети своим тадзреули, сделав их «азнаурами». Следовательно, и воинская служба тадзреули стала уже организовываться на базе земельных отношений. Появились азнаури, владеющие землями, деревнями, селами на условиях военной службы.

Так исчезли последние остатки государственной организации, унаследованной от рабовладельческого строя [1].

По имеющимся сведениям, характеризуемые области Грузии в IX в. представляют собой картину богатых и сильных районов. Длительная, неустанная и большей частью победоносная борьба кахетинцев с арабами находит, конечно, свое объяснение, помимо военной доблести населения, и в хозяйственной мощи края. Для иллюстрации последней чрезвычайно интересно сообщение арабского историка Якуби о заключении халидом в 20-х годах IX в. мира с санарами-кахетинцами на условии выплаты последними арабам «трех тысяч кобылиц и двадцати тысяч овец» [2]. Это сообщение свидетельствует о наличии развитого скотоводческого хозяйства в Кахетии. И в последующие времена Кахетия славилась своим коневодством и овцеводством, игравшими значительную роль в хозяйственной жизни страны.

Наиболее благоприятными условиями длительного спокойствия и мирного труда пользовалась Западная Грузия (Эгриси). Арабские завоеватели так и не смогли закрепиться в Западной Грузии (Эгриси-Абхазети). В связи с этим последняя очень усилилась, большое развитие получили в ней феодальные отношения. В конце VIII в. Западная Грузия являлась сильной, густонаселенной страной. На широкие экономические возможно-

---

[1] *Н. А. Бердзенишвили.* Раннефеодальная эпоха в Грузии. Тбилиси, 1956 (на грузинском языке).

[2] *Якуби.* История, стр. 15.

сти этой страны указывают многочисленные факты экспансии ее царей на Северный Кавказ. Номинально эта часть Грузии все еще считалась подвластной Византии, правители которой всегда придавали большое значение господству над Эгриси, или Лазикой, и прилагали все силы к его сохранению. Считая опасным для себя наличие сильного царя в обширной и богатой Эгриси, византийцы постоянно добивались ее политического ослабления. Этой цели и служило выделение из Эгриси Абхазского княжества и непосредственное подчинение последнего Византии. Ослаблению егрисского царя, несомненно, способствовал процесс феодализации внутри страны, появление в ней крупных феодалов, опираясь на которых, византийцы сумели урезать права царя и в конце концов превратить его на определенное время в эрисмтавари.

Однако с течением времени в Западной Грузии, идущей по пути социально-экономического прогресса, все больше усиливались тенденции к объединению страны. Расширялись и углублялись культурные и политические связи между родственными народами Западной и Восточной Грузии. Намечались реальные условия для образования единого феодального государства. Так, по сообщению одного источника, к середине VIII в. во владения картлийского царя Арчила входила и Эгриси. Кутаиси считался его городом, а абхазский эристав Леон I был зятем и вассалом Арчила. Чем дальше шел процесс развития общественных отношений в Западной Грузии, чем больше укреплялись политические и культурные связи между родственными племенами Западной и Восточной Грузии, тем невыносимее становилось владычество византийцев в Эгриси.

К концу VIII в. в роли освободителя от иноземного господства в Западной Грузии явился абхазский эристави Леон II. Воспользовавшись сильными внутренними неурядицами и смутами в Византии и получив помощь от хазарского царя (своего деда со стороны матери), Леон прогнал византийцев, объявил себя царем и перенес столицу в Кутаиси. Эти события нельзя рассматривать ни как акт восстановления прежнего царства Эгриси, ни как акт образования царства Абхазети, хотя по воцарившейся династии страну стали называть Абхазским царством. Процесс этно-культурного слияния и объединения родственных восточно- и западногрузинских племен зашел так далеко, что в Абхазском царстве области Аргвети с Кутаиси, Рача, Гурия были полностью грузинскими. Грузинский язык получил распространение во всей Западной Грузии. Политика Леона и его преемников также во всем была общегрузинской. Абхазские цари всемерно распространяли в своих владениях грузинский язык как в административной, так и в церковной сферах. Всячески способствовали объединению грузинских земель (как это делали в свое время Багратиды) правители возникшего в юго-западной Грузии Тао-Кларджетского княжества.

Наряду с охарактеризованными выше княжествами в IX в. крепла и усилилась и Южная Грузия. Богатая от природы страна расцвела благодаря трудолюбию искусных в земледелии месхов. Развитие различных сельскохозяйственных культур (наличие виноградарства у месхов

отмечалось, как мы видели, еще в VI в.), способных удовлетворить потребности соседних стран, и удобные пути, связывающие Тао-Кларджети с Византией и различными районами халифата через армянские города и близлежащие порты юго-восточного побережья Черного моря, способствовали развитию интенсивного обмена. Есть основание предполагать, что страна вывозила хлеб и другие продукты сельского хозяйства — вино, фрукты, скот, шерсть и пр. Богатства страны, обширнейшая торговля с Сирией, Византией и Арменией способствовали накоплению в стране значительных материальных ресурсов и превращению ее в подлинное средоточие экономической жизни всей Грузии.

Еще более прочной стала в это время взаимозависимость внутренних областей страны. При всем своеобразии хозяйственной жизни Грузии с естественным распределением различных отраслей сельского хозяйства по отдельным районам, с тяготением горных районов к равнинным и определенной экономической заинтересованностью последних в первых, с таким же естественным распределением отдельных отраслей домашней и ремесленной промышленности по различным городским и сельским пунктам Грузии — внутренний обмен становится гораздо более интенсивным, чем в предыдущий период.

При широком развитии пастушеского скотоводства не только в Кахети, но и в Картли, в большинстве районов Тао-Кларджети и в некоторых районах Западной Грузии, в условиях своеобразного распределения зимних и летних пастбищ возрастает зависимость и связанность отдельных областей друг с другом. Феодалы в погоне за пошлинами и доходами от скотоводческого хозяйства начинают захватывать горные пастбища. Так, например, Липарит из феодального рода Багуаши, имевший вотчину в Аргвети (Западная Грузия) с резиденцией в селении Кацхи, захватывает во второй половине IX в. земли в Триалетских горах (Восточная Грузия) и возводит там знаменитую впоследствии фамильную крепость — Клдекарни [1] на перевальной дороге из Картли в Южную Грузию, проходившей здесь через узкий и длинный коридор, высеченный в скале (откуда и название «Клдекарни», т. е. скальные ворота). Нет сомнения, что Клдекарни привлекал Липарита именно как источник феодальных пошлин с контролируемого участка пути. И он и его потомство извлекали, конечно, немало барышей с проходивших здесь овечьих стад, а также торговых караванов. По характеру эпохи, Липарит вынужден был искать себе сеньора. В качестве последнего Липарит избирает куропалата Давида (876—881 гг.), а не дядю последнего, Гуарама (умер в 882 г.), хотя все прилежащие к Клдекарнам земли и соответствующие области Южной Грузии находились во владении Гуарама, и последний поэтому мог претендовать на верховные владетельные права и по отношению к Клдекарнской области.

Такой выбор Липарита объяснялся тем, что, с одной стороны, ему было выгодно иметь сюзерена с более отдаленной территории, отношения с ко-

[1] «Жизнь Грузии», т. I, стр. 258 (французский перевод, стр. 270).

торым не выходили бы за рамки обычных вассальных взаимоотношений (покровительство с санкцией на землевладение и верная «военная» служба) и не имели причин для сталкивания материальных интересов (как клдекарнские пошлины и т. д.); с другой стороны, объявляя себя вассалом самого куропалата, а не представителя младшей ветви Багратидов, Багуаши пытались тем самым поставить себя рангом выше на наиболее высокую из доступных им ступеней феодальной иерархии, стремясь сравняться с потомками Гуарамов. Эти последние не могли простить такой обиды и ущерба своим феодальным интересам: Наср, сын Гуарама, убивает куропалата Давида. Сыновья Баграта, Липарит и их союзники мстят за Давида, изгоняют из страны Насра и захватывают владения последнего. Этот эпизод типичен. Таким образом, неоднократно проявлялись противоречивые феодальные интересы, так возникала борьба за земли и территории и ширились политические связи феодалов.

Но и другие слои феодального общества не оставались, конечно, безучастными в этой борьбе: те же самые скотоводы, которым во время кочевания с зимних пастбищ на летние и обратно приходилось платить пошлины не только клдекарнским эриставам, не могли относиться равнодушно к этим преградам. Бесконечные таможенные рогатки, наличие местной политической власти и вытекающая отсюда бесконечная внутрифеодальная борьба вызывали неудовольствие всех слоев общества, заинтересованных в нормальном развитии обмена; они вызывали в то же время естественное желание встать под покровительство наиболее могущественного суверена. К расширению же границ своей территории и своего влияния стремился, конечно, каждый из владетельных князей. Следует отметить, что на рассматриваемом этапе истории Грузии против феодально-политической раздробленности страны выступает и картлийская церковь, являвшаяся крупнейшим землевладельцем, имевшая земельные владения как во Внутренней Картли, так и в Кахетинском княжестве, в Тбилисском эмирате, в Абхазском царстве и в Тао-Кларджети. Мцхетский католикос стремился к объединению своих земельных владений и своей паствы под единой политической крышей [1].

Таковы основные предпосылки к объединению Грузии в централизованную феодальную монархию.

На протяжении VII—IX вв. феодальный строй Грузии получает свое дальнейшее развитие.

Среди азнауров, составляющих господствующее над обществом сословие, различается несколько групп. Те, кто получили азнаурство по наследству, называются «потомственными азнаурами» (натесавит азнаурни), те, кто за службу,— «царские азнауры» (мепис азнаурни). Самую сильную и богатую группу составляют «великие азнауры» (дидебулни азнаурни). Наконец, имеются и азнауры, зависящие от более сильных и называющиеся

---

[1] *М. Лордкипанидзе.* К вопросу об объединении феодальной Грузии. «Тр. Ин-та истории Груз. АН», т. I, 1955, стр. 449 (на грузинском языке).

«предстоящими» (цинаше-мдгомелни), или «собственными» (сакутарни). На более низкой ступени феодальной лестницы стоят слуги (мсахурни).

Большинство населения составляют земледельцы, обычно называющиеся «мдабиурни» (сельчане). Последние подвластны тому или иному феодалу, который является их «владыкой» (упали) и которому принадлежат села (даба) со всеми землями.

Еще более низкую социальную ступень составляют «глехи» — земледельцы, не обладающие личной свободой и принадлежащие вместе с обрабатываемой ими землей тому или иному феодалу. Глехи снабжали феодала всем необходимым для жизни (хлебом, вином, мясом и т. д.). Источники происхождения этой категории населения различны: в разряд глехов могут попасть и бывшие рабы, и военнопленные, и купленные лица, посаженные владельцем на землю.

Идет процесс захвата земли феодалами. Насильственно захваченные общинные земли объявляются собственностью захватившего их феодала, общинники превращаются в лишенных свободы земледельцев. Земля, занимаемая каждым глехи, называется «пудзе». Это хозяйственная единица (состоявшая из места для построек, виноградника, пашни, а также поля и леса, находящихся в общинном владении). Пудзе является также налоговой единицей. Часто на одном пудзе сидит несколько дымов глехи. Не владея собственной землей, глехи не являются юридическими лицами, однако самостоятельное хозяйство делает их полусвободными людьми. Они владеют движимым и недвижимым имуществом, но не имеют права продавать его без разрешения владыки.

В начале раннефеодальной эпохи свободные сельские общины постепенно попадают под покровительство того или иного крупного азнаури, принимая тем самым на себя ряд соответствующих обязательств, но не теряя на первых порах личной свободы. С течением времени община распадается, некоторые из ее членов возвышаются, большинство деградирует, беднеет и постепенно становится подвластным владыке, перестает участвовать в походах и образует различные категории глехов.

К началу X в. большинство земель в передовых областях Грузии уже захвачено мтаварами и азнаурами. Однако процесс захвата феодалами народной земли сопровождается борьбой народных масс.

Овладев уже в VI в. правом управления страной, мтавары и азнауры используют эту власть для того, чтобы захватить побольше общинных земель. Феодалы и церковь единым фронтом наступают на мдабиори, отнимая под всеми предлогами у них земли. Народ яростно защищается, но преимущество в борьбе сохраняется на стороне захватчиков, лучше организованных и вооруженных. Общину ослабляют и внутренние раздоры между различными имущественными группами. Ослабленные таким образом общинники, разумеется, уже не могут единодушно защищать свои интересы от феодалов-захватчиков и постепенно попадают в их руки. Народ утрачивает общинные и собственные земли постепенно: сперва пашни (приносившие наибольшие доходы), затем луга и пастбища, леса. С дру-

гой стороны, из-за земли, являющейся основным источником богатства, борются друг с другом и сами мтавары и азнауры, мтавары и церковь. Так, в начале VIII в. картлийские эрисмтавары делают попытку отнять часть земель у церкви и монастырей, владеющих большими поместьями. Это вызывает острую борьбу внутри феодального класса.

Наконец, после того как в конце VIII и начале IX в. в Грузии возникают новые крупные феодальные единицы — самтавро, начинается борьба и между мтаварами, каждый из которых пытается расширить свои владения за счет соседа. Борьба эта продолжается на протяжении всего IX в. и завершается объединением Грузии.

* * *

К концу раннефеодальной эпохи процесс объединения грузинских племен уже близок был к своему завершению. Прежнее этническое понятие Картли уже не вмещало того нового, широкого смысла, который подразумевал объединение различных грузинских картвельских племен. Новое содержание вкладывалось также в этнический термин «картвели», который обозначал уже не только картлийцев, но и кахов, эров, месхов, егров (мегрелов), сванов, абхазов и двалов. Из этого нового понятия картвели образовалось и название страны Сакартвело (страна картвелов).

Таким образом, процессу феодального объединения Грузии сопутствовал и процесс феодально-культурного объединения.

Как уже отмечалось, с VIII в. возросло значение грузинского литературного языка. В IX в. он стал единственным языком литературы, государственного управления, гражданских взаимоотношений и церкви не только в Картли, но и в Тао-Кларджети, Эгриси, Абхазети, Кахетии и Эрети.

6
КУЛЬТУРА ГРУЗИИ В VII—IX ВВ.

К VII—IX вв. народы Грузии достигли высокого уровня развития культуры. Именно в этот период доминирующим становится грузинский язык «картули», национальный язык, единственный книжный церковный язык. В IX—X вв. возник литературный язык переводных памятников настолько живой и народный, что произведения, переведенные с арабского, греческого, армянского и сирийского, кажутся оригинальными сочинениями грузинских авторов.

В ряду исторических источников важное место занимают оригинальные агиографические и мартирологические произведения. Их авторы далеко выходят за рамки шаблонных житий и мученичеств. Агиографические и мартирологические произведения насыщены подробностями, характеризующими живую действительность, ярко нарисована историческая обстановка, в которой протекала жизнь «святого» и его соратников, географические условия, социальное окружение и т. д.

Общий вид Самтаврского могильника

Грузинская историография своими успехами в значительной мере была обязана именно агиографии. Авторы житий на протяжении столетий сумели создать большую книжную культуру, выработать определенные методы изложения и трактовки вопросов, стиль и пр. Показательно, что историографическое сочинение обозначалось названием, принятым в агиографии, именно «Цховреба» — житие, жизнь; «Картлис цховреба» означало «История Грузии».

Георгий Мерчуле, монах-писатель — автор агиографического сочинения «Житие Григория Хандзтийского», написанного в 951 г. Содержание этого произведения, как, впрочем, и целого ряда других агиографических трудов средневековых грузинских авторов, выходит за пределы его скромного заглавия. Автор, будучи свидетелем расширения территории родной страны и ее социально-экономического роста, очень живо дает в «Житии» ценнейшие сведения географического порядка, содействуя этим расширению кругозора современников и распространению географических знаний. Он сообщает интересные подробности, например, о климатических условиях Абхазии, в особенности Кларджети, о хозяйственной жизни края, о строительстве монастырей, давая подробные сведения о самой технике строительных работ и т. п. [1]

[1] *Георгий Мерчул.* Житие св. Григория Хандзтийского. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII. СПб., 1911 (грузинский текст и русский перевод Н. Я. Марра).

Общий вид погребений VI—VIII вв. (*а*) и погребальный инвентарь каменного ящика № 9 из могильника в Армазис-хеви (*б*)

В эту эпоху значительные успехи делает и грузинская историография. В произведениях отдельных историков ставятся вопросы о возникновении и далеком историческом прошлом и происхождении Грузии. Из дошедших до нас исторических трудов древнейшим является «Обращение Грузии», анонимный труд, датируемый IX в. Автор свидетельствует, что источником ему служила небольшая книга, составленная диаконом Григорием. В «Обращении Грузии» утверждается, что картвелы имигрировали в Картли с юга из Ариан Картли. Кроме того, автор с известным интересом воспроизводит предания языческой старины и дает подробный список языческих царей и названия богов из пантеона древней Иберии.

Обострение противоречий между армянскими и грузинскими феодалами оживило религиозные споры, возникшие еще в VI в. В связи с этим Георгий Мерчуле в «Житии Григория Хандзтийского» интересуется вопросом о распространении пределов Картли и картули (грузинского литературного языка). Иоанн-Зосим из синайского монастыря слагает оду, посвященную грузинскому языку под заглавием «Хваление и величание грузинского языка».

Грузинский язык изображается аллегорически в образе Лазаря из евангельской притчи; ода начинается следующими словами: «Погребен язык грузинский (и останется погребенным) до второго пришествия, чтобы свидетельствовать о нем; чтобы бог обличил всякий народ на этом (грузинском) языке. Этот язык остается спящим по сей день. В евангелии этот язык обозначен именем Лазарь». Далее говорится, что «сей язык, разубранный и благословенный именем господа, приниженный и непризнанный, ожидает дня второго пришествия».

Таким образом, ода откликается на те преследования, которым, как свидетельствуют современники, подвергались грузины, обитавшие в разных монастырях за рубежом, со стороны местных монахов. Автор предсказывал своему народу лучшее будущее, когда грузинский язык завоюет подобающее место в ряду «признанных» языков, под которыми автор мог подразумевать греческий, латинский и др.

Грузиноведческой науке хорошо известно, какого высокого уровня развития достиг литературный картули даже за несколько столетий до Иоанна-Зосима, т. е. до X в., в произведениях таких авторов, как Яков Цуртавели (V в.), анонимный автор мученичества Евстафия Мцхетского (VI в.), Иоанн Сабанисдзе (VIII в.), Басили Зарзмели (IX в.), автор «Жития Серапиона Зарзмского», и многие другие авторы, не говоря уже о Георгии Мерчуле, язык которого справедливо считается образцом классического грузинского языка, подготовили почву для появления таких блестящих представителей грузинской прозы, какими являются авторы истории царя Давида и царицы Тамары, и в особенности поэта Шота Руставели.

На грузинский язык в IX—X вв., уже насчитывавший сотни лет своей истории, переводились с армянского и в особенности с греческого библейские и евангельские тексты, образцы агиографической и светской литературы. Как свидетельствует Яков Цуртавский, еще в середине V в. на гру-

зинском языке уже имелись евангелие, послания апостола Павла и псалтирь; до нас дошли списки евангелий адышского (897 г.), опизского (913 г.), джручского (936 г.), пархальского (973 г.), тбетского (995 г.) и др.

Еще до VII в. начинает развиваться поэзия и как ее вид гимнография. Гимны преимущественно в честь святых переводят, широко применяя ямбический стих, сначала, по преданию, с греческого. Один из сборников гимнов сохранился от VIII в. в папирусно-пергаментной рукописи. Оригинальные гимны, так называемые картулни (грузинские), представлены в классических образцах с X в.

Главными представителями гимнографии являются Микель Модрекили, Иоаннэ Минчхи, Иоаннэ Мтбевари и упомянутый уже Иоаннэ Зосимэ. Они писали свои духовные гимны ямбическими стихами, а также шаири, которое, как известно, в дальнейшем было развито и доведено до совершенства Шота Руставели. Исключительный научный интерес представляет система нотных знаков в рукописи Микела Модрекили — памятнике древней музыкальной культуры Грузии.

Наряду с оригинальной развивалась и переводная литература (переводили уже и с арабского языка), которая была весьма разнообразной по содержанию. Переводами занимались в основном высокообразованные деятели грузинских монастырей за рубежом.

К рассматриваемой эпохе относится такое замечательное произведение грузинской философской мысли, как «Мудрость Балавара» — восточная легенда о Будде, переработанная грузинским писателем.

По-видимому, существовали и произведения художественной литературы, в том числе и переводные поэтические сочинения, но от них сохранились лишь небольшие отрывки. Явно ощущается влияние светской литературы на историческую и церковную.

В истории грузинской письменности большую роль сыграли монастыри, являвшиеся центрами грузинской культуры как в самой Грузии, так и за ее пределами — на Афоне, на Синае, в Иерусалиме, на Черной горе близ Антиохии и др.

В стенах монастыря Шатберди, этого «грузинского Синая», построенного Григорием Хандзтийским, велась большая литературная работа; из его скриптория происходит, между прочим, Шатбердский сборник (X в.), заключающий в себе, кроме прочих памятников грузинской письменности, подлинники «Обращения Грузии», «Жития святой Нины», так называемой «Учебной книги», в состав которой входит трактат на грузинском языке «О буквах», точнее извлечение из трактата Дионисия Фракийского «Грамматическое искусство».

Общий рост культуры явился могучим стимулом в развитии литературы. Большое число рукописей, сохранившихся в монастырских библиотеках зарубежных центров, свидетельствует как о многочисленности, так и большой культуре грузинских литературных деятелей.

Из книжного фонда этих монастырей должна быть отмечена древнейшая датированная рукопись (864 г.), так называемый «Синайский

Многоглав», представляющий собою объемистый сборник, в котором 52 произведения разного содержания.

К этому же периоду относится расцвет грузинского зодчества. Если первоначально древнегрузинское зодчество было тесно связано с Византией, в частности с Сирией, с одной стороны, и с Ираном — с другой (храмы Болниси, Джвари, Цроми, Атени и др.), то теперь в IX—X вв. оно становится уже самостоятельным и в передовых районах Западной Грузии — в Абхазии, Тао-Кларджети и соседней с нею Верхней Картли — достигает в своих лучших образцах не только высокого совершенства, но и ярко выраженной самобытности.

До нас не дошло в первоначальном виде ни одного памятника гражданского зодчества.

Зато исключительно богато представлены памятники церковной архитектуры — храмы и монастыри. Правда, в развалинах монастырей сохранились не только культовые здания, но также и жилые помещения, например, трапезные, кельи — эти неизменные составные части каждого монастыря, и, быть может, библиотеки (Шатберди, Хандзта, Мизнадзори в Кларджети). Среди множества памятников Тао-Кларджети исключительное место занимают постройки Ишхана, Баны, Опизы, Шатберда и другие, игравшие огромную роль как крупные культурные центры средневековой Грузии [1]. Как в области Тао, так и в Кларджети грузинские монахи на развалинах старых монастырских построек, да и на новых местах создали великолепные постройки, часть которых в том или ином виде дошла до наших дней.

Ишхани (в области Тао), построенный армянином-халкедонитом католикосом Нерсе в VII в., был реставрирован в IX г. учеником и племянником Григория Хандзтийского Сабаном. Основной план и архитектурное оформление Баны, построенной по повелению Адарнерсе Квирике Банели в конце IX или в самом начале X в., повторяет знаменитый храм Армении Звартноц. В плане Бана представляет круг с вписанным в него равноконечным крестом. Этот замечательный храм сохранился в развалинах, а в середине XIX в. был превращен в крепость. В бассейне р. Чороха, помимо Баны, известны и другие развалины небольших круглых церквей (в Ольтах, Тасс-Кара, Киаклис-Алты).

Значительное развитие в это время получает декоративное убранство храмов. Скульптура в Грузии, как и в Армении, не являлась чем-то самостоятельным, а служила главным образом для орнаментальной декоровки фасадов зданий и отдельных архитектурных деталей. Уже в IX—X вв. в Западной Грузии фасады храма начинают украшаться тонкой орнамен-

---

[1] Обзор архитектурных памятников см. «Материалы по археологии Кавказа», т. VII. М., 1899; т. XII, М., 1909; *Е. Такайшвили.* Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1912; *Г. Н. Чубинашвили.* Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948; *его же.* Болнисский Сион. «Изв. Ин-та яз., истор. и матер. культ. им. акад. Марра», кн. IX, Тбилиси, 1940; *Ш. Я. Амиранашвили.* История грузинского искусства, т. I. М., 1950.

Стеклянные сосуды VI—VIII вв. из погребений могильника в Самтавро

тальной резьбой из растительных мотивов, которые достигнут исключительного совершенства в зодчестве Грузии эпохи расцвета. Но наряду с растительным орнаментом и в сочетании с ним выступает и удивительное богатство мира животных, изображение которого своими корнями восходит к далекому прошлому дохристианской Грузии. Эти зооморфные мотивы отражали первобытные верования народа, пережитки которых попали и в христианскую церковь. В декоративном оформлении храма заметное место занимают также скульптурные изображения ктиторов, которые в Грузии, как и в Армении, сохранились в памятниках этой эпохи (Кумурдо, Опиза, Зеганский храм и др.).

В этот период достигает высокого совершенства и художественное ремесло. Грузия не только воспроизводит высокохудожественные образцы ранних византийских эмалей, не уступая в этом отношении никакой другой стране в мире, но создает и свою собственную перегородчатую эмаль. Великолепные образцы ранней грузинской эмали с надписями на грузинском языке сохранились и до наших дней на знаменитой Хахульской иконе в Хоби, Мартвили (Абхазия) и др. Яркость красок, тонкость работы, своеобразие стиля ставят эти эмали на один уровень с лучшими образцами византийского столичного мастерства.

Наконец, в этот же период начинается расцвет грузинской миниатюры. Упоминавшиеся выше списки евангелий, вышедшие главным образом из знаменитого скриптория крупнейшего культурного центра Грузии этого времени — Шатбердского монастыря, основанного Григорием Хандзтийским, являются не только образцами каллиграфического мастерства, но и тончайше исполненных миниатюр.

По историческим памятникам VIII—IX вв. мы можем судить не только о церковной и дворцовой архитектуре, прикладном искусстве, но и о жизни и быте людей, создававших эти произведения.

7

АЗЕРБАЙДЖАН (АЛБАНИЯ) В ПЕРИОД АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

В середине VII в. в Закавказье появляются арабы и завоевывают Албанию.

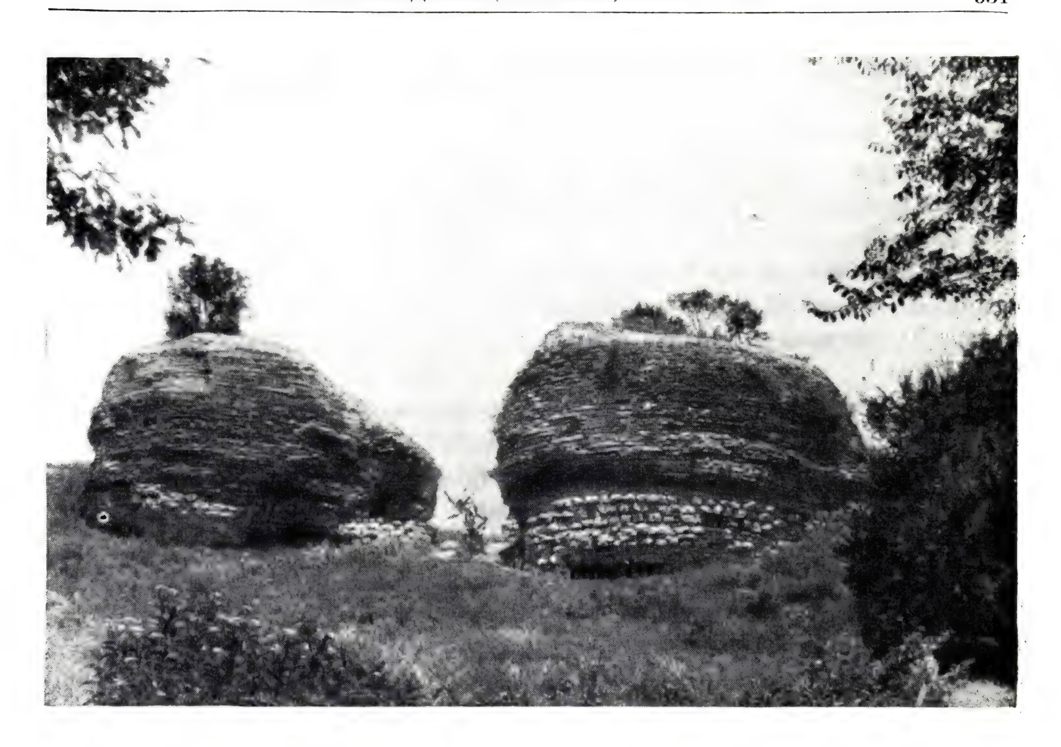
Арабский писатель ал-Балазури сообщает, что в 654 г. по приказанию халифа Османа полководец Сельман ибн-Рабиа ал-Бахили «двинулся в Арран и занял Байлакан по мирному договору, по которому он гарантировал его жителям их жизнь, имущество и стены их города, обязав их вносить поземельную и подушную подати. Потом Сельман прибыл в Берда и расположился лагерем на берегу реки Туртура (Тертера), находящейся от города менее чем на один фарсах. Жители города закрыли перед ним ворота, и ему пришлось возиться с ним несколько дней. Он тем временем совершал набеги на окружающие его селения, в которых жатва уже была снята. Это заставило их заключить с ним такой же мир, какой заключили и жители Байлакана. Они открыли ему городские ворота и он вступил в город и провел там несколько времени. Отсюда он двинул свою конницу, и она заняла селения ряда округов: Шакшин (Шакашэн), Мескван (Мец-Куенк), Уд (Ути), Месиран (Мец-Иранк), Херхилян (Харджиланк), Табар (Три) и другие местности в Арране». Тот же автор продолжает далее: «Передают, что Сельман отправился к месту слияния Ар-раса (Аракса) с Курром (Курой) за Бердиджом, переправился через Курр, занял Кабалу и заключил с владетелями Шаккана и Камибазана мир, с условием платить подать. Такой же мир заключили с ним (Сельманом) и жители Хайзана, и царь Ширвана, и остальные цари гор, и жители Маската и Шабирана и города Баба (Дербента). Но (как только Сельман выступил за город) жители заперли его за ним, а хазарский хакан встретил его со своей конницей за рекой Баланджаром. Здесь (Сельман) был убит с четырьмя тысячами мусульман» [1].

Вскоре после этого начинаются междоусобицы среди арабских племен, вызванные убийством Османа и борьбой наместника Сирии Муавии с халифом Али. В это время Армения, Картли и Арран (Албания) отделились от арабов и большинство феодалов приняло византийскую ориентацию.

Изменившаяся ситуация на Востоке была на руку Византии. Император Константин II щедрой рукой раздавал звания куропалатов и патрициев всем обращавшимся к его покровительству закавказским феодалам. По свидетельству Мовсеса Каганкатваци, после того как албанский князь

---

[1] *Баладзори.* Указ. соч., стр. 13.



Остатки крепостных ворот VIII—IX вв. столицы Албании Кабалы

Джуаншер уведомил императора, что и он признает его своим сюзереном, Константин II пожаловал ему величайшие дары и, сделав его протон-патрицием, приказал послать к нему награды для 1200 мужей: дипломы патриция, ипата, апоипата, стрателата и элиста, чтобы он их мог даровать кому угодно [1]. Джуаншер становится владетелем всей Албании. По словам Мовсеса Каганкатваци, «он самодержавно и с великолепием господствовал от пределов Иверии до ворот гуннских и до реки Аракса» [2].

Вскоре после этого в 660 г., если верить Мовсесу Каганкатваци, Джуаншер разгромил хазар, вторгшихся в Албанию через проход Чор (Дербент) с целью грабежа и добычи. В 664 г. хазары вновь вторглись в Албанию и дошли до Армении, но Джуаншер склонил кагана к миру, и, как утверждает Каганкатваци, даже взял в жены дочь кагана, а последний возвратил ему все награбленное — «120 000 голов скота, 7000 коней и не менее 1200 пленных мужей» [3].

Заключив мир с Византией, халиф Муавия начал расправу с феодалами Закавказья за их измену халифату и переход на сторону империи. Мы не имеем сведений о том, как отнесся халиф к Джуаншеру. Мовсес

[1] «История агван Моисея Каганкатваци». Перевод К. П. Патканова. СПб., 1861, стр. 145.

[2] Там же, стр. 146.

[3] Там же, стр. 154.

Каганкатваци, рисующий Джуаншера эпическим героем, когда речь заходит о подчинении любимого им князя халифу, ограничивается по этому поводу следующим кратким сообщением:

«Между тем Аравитяне, видя безнадежное ослабление императора греческого, как огнем сожгли многолюдные площади и города его (Джуаншера). Тогда Великий князь Востока Джуаншер был в великой заботе о своем княжестве, ибо он думал о том, что может быть полчища юга, взяв страну, попрут ее ногами. Хотя он и мог призвать к себе на помощь бесчисленные войска Туркестанцев (хазар), однако согласился подчиниться игу властителя Юга»[1].

По-видимому, это случилось после назначения правителем Армении Григория Мамиконяна в 662 г. Мовсес Каганкатваци упоминает о втором путешествии Джуаншера к халифу, который якобы подарил ему индийского слона. Все эти события, датируемые 668 г., Мовсес излагает в неясных и туманных выражениях.

Преемник Джуаншера и его племянник князь Вараз-Трдат (669—699 гг.) также вел осторожную политику. В первый же год его правления хазарский каган совершил набег на левобережную Албанию. Вараз-Трдат послал к кагану католикоса Елиазара, который «привлек сердце хакана к миру и неразрывной дружбе». Однако уже в 684 г. Закавказье подверглось очередному опустошению со стороны хазарских вооруженных дружин.

Напуганный Вараз-Трдат в конце 684 г. послал к князю гуннов (савиров) вассалу хазарского кагана Алп-Илитверу посольство, которое прошло через труднодоступные ущелья нынешнего Дагестана и прибыло в столицу гуннов Варачан в феврале 685 г. Посольство заключило с Алп-Илитвером мирный договор[2].

Эта миссия к князю гуннов, на которую албанская знать возлагала столько надежд, имела неожиданно для нее печальные последствия. Албания, как указывалось выше, была связана вассальными обязательствами с хазарским каганом и вносила ему подати, на которые хазары претендовали после падения в стране власти Сасанидов. Между тем сыну Мервана халифу Абд-ал-Мелику удалось усмирить междоусобицу арабских племен и заключить мирный договор с Византией. По свидетельству византийского историка Феофана, по мирному договору, заключенному в 685 г. Абд-ал-Меликом с Юстинианом II на десять лет, арабы и Византия должны были совместно владеть островом Кипром и областями Армении и Иберии. Доходы с этих стран делились пополам. Хотя у Феофана Албания не упомянута, но несомненно, что и она находилась в числе стран, попавших в двойное подданство, что подтверждается косвенными свидетельствами сирийских хроник. Положение Албании было особенно трудным, так как ей пришлось

---

[1] *Моисей Каганкатваци.* Указ. соч., стр. 156.

[2] См. раздел данного тома «Хазарский каганат»; *С. Т. Еремян.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу.

подчиняться и платить налоги не только халифату и Византии, но еще и Хазарскому каганату.

Однако, несмотря на заключение мирного договора, Юстиниан II в 688 г. послал в Армению войска под начальством стратига Леонтия, покорившего Армению, Албанию и Муканию. На следующий год в Армению прибыл сам Юстиниан II и закрепил за собой Армению, Картли и Албанию путем различных мероприятий. Вместе с тем он стремился расположить к себе антиарабски настроенную часть знати и осыпал ее подарками и титулами; в частности, Вараз-Трдат был сделан патрицием-экзархом, т. е. вторым после царя ишханом Албании.

Преемник низложенного в 695 г. Юстиниана II — Тиберий III Апсимар преследовал всех сторонников низложенного императора, в том числе и Вараз-Трдата, вызванного с сыновьями в 669 г. в Константинополь, где они были отданы под стражу. Тиберий поспешил убрать албанского князя, вероятно, из опасения, что бежавший Юстиниан II получит поддержку не только от хазар, но и от находящейся в вассальной зависимости от хазар Албании.

Юстиниан, вернувший себе византийский престол с помощью болгарского хана Тервела в 705 г., жестоко отомстил как Тиберию, так и Леонтию, а Вараз-Трдата после пятилетнего заключения отпустил на родину; сыновей же его по некоторым соображениям оставил заложниками. Они были отпущены на родину лишь при Филиппике Вардане в 771 г. За эти годы положение в Албании совершенно изменилось. Разгоревшаяся в Византии гражданская война была на руку халифату. Арабы одерживали одну за другой крупные победы и окончательно завоевали Среднюю Азию, Северную Индию, Северную Африку, Испанию и Южную Францию, В 701 г. халиф Абд-ал-Малик послал в Армению с войсками своего брата Мухаммеда ибн-Мервана для расправы с армянской знатью за ее измену арабам и переход на сторону Византии. Вскоре наступила очередь Албании. По свидетельству Мовсеса Каганкатваци, рабы увели в Тарон и оттуда в Сирию албанского князя Шеройэ (699—705 гг.) вместе с азатами в 153 г. армянского летоисчисления (т. е. в 705 г.). Это был последний представитель Михранидов, имевший сюзеренные права над Албанией; в дальнейшем Михраниды становятся рядовыми феодалами.

Окончательное утверждение арабов в Албании сильно беспокоило хазар, которые снова вторглись в Закавказье в 711 г. и на несколько лет утвердились в прибрежной Албании, что заставило халифа подумать об укреплении Дербентского прохода. В 717 г. полководец Маслама оттеснил хазар и взял Дербент, но в 724 г. с севера вновь напали хазарские полчища, которые дошли до Ардебиля.

Правителем Армении, Албании и Картли халиф Хишам назначил Масламу ибн-Абд-ал-Мелика, покорившего мелкие горские племена с их царьками. Заручившись их поддержкой, арабы окончательно изгнали из Дербента хазар и вновь укрепили город. Обосновавшись в Дербенте, они создали пограничные военные поселения из 24-х тыс. арабских солдат —

переселенцев из Сирии, которым казна выдавала увеличенное жалованье. В правление халифа Валида I Албания вступила на путь мирного развития и достигла наивысшей поры своего расцвета.

Албания административно входила в состав стран «Армении» и вместе с Арменией и Картли составляла один податной округ. Арабские авторы называют Албанию «Арран» и делят ее на две части, границей которых является р. Кура — правобережный Арран с центром в Партаве (Берда) и левобережный Арран с центром в Кабала. В Албании местные правители назначались арабами, по-видимому, из рода Михранидов и являлись в то же время военачальниками местного ополчения.

Важнейшие стратегические пункты страны и города были заняты арабскими гарнизонами. Со временем в таких местах образовались поселения арабских ветеранов, содержавшиеся за счет окрестного населения. Таковыми были города Партав, Дербент, Байлакан, Шамхор и др.

Наряду со старыми арабы основывали новые военные поселения. Так, остиканом Мерваном ибн-Мухаммедом был основан г. Касал (совр. с. Кесало, восточнее г. Рустави); позже, в 844 г., Мухаммедом ибн-Халидом был основан г. Гандзак (позднейшая Ганджа, совр. Кировабад), заселенный арабскими ветеранами из Диарбекира. Вскоре Ганджа становится крупнейшим городом Закавказья.

В Албании арабы довольно скоро захватили все лучшие земли в стране. Между пришлым и местным оседлым населением установились обычные для феодального общества отношения господства и подчинения. Албанское крестьянство попадало в кабалу к новым и притом чужеземным феодалам.

Местные феодалы сумели удержаться только в горах нынешнего Нагорного Карабаха и на южных склонах Главного Кавказского хребта (албанцы, называвшие себя удинами).

С утверждением арабов в Албании начинается период долгого мирного строительства, изредка прерываемый набегами хазар. Возрождаются пришедшие в упадок в течение долгих войн города Партав, Байлакан и др.

В 724 г. в Албании, как и в других странах Армении, была проведена поголовная перепись населения и скота. Тяжелое бремя налогов вызывало в стране восстания, которые особенно усилились после убийства халифа Валида II в 743 г., когда в халифате началась ожесточенная война за власть между Омейядами и Аббасидами. Правитель Армении стремился расположить к себе туземную знать, однако после поражения Омейядов казалось, что вот-вот рухнет арабская держава и подвластные ей народы заживут самостоятельной жизнью. Борьбу против халифата, наряду с местной знатью, поддерживали и арабские должностные лица. Новый наместник Армении Мусафир ибн-Кусейр (748—749 гг.) отделился от халифата и стремился стать самостоятельным правителем.

Движение павликиан, которое было осуждено на соборе албанской церкви в Партаве в 705 г., снова оживилось.

В период этого повстанческого движения в Албанию снова перекинулось из Армении движение павликиан, учение которых стало идеологическим знаменем народных низов. Термин для обозначения павликиан — «паиликиан», арабские авторы обычно смешивают с названием г. Байлакана, поэтому их называют «байлаканцами», или «жителями Байлакана». Так ал-Белазури сообщает, что в период восстания Мусафира ибн-Кусейра восстали также «байлаканцы», т. е. павликиане, во главе которых стоял Вард ибн-Суфан.

После утверждения на престоле первого аббасидского халифа ас-Саффаха наместником в Армении был назначен Мухаммед ибн-Сул (749—750 гг.), который начал расправу с восставшими. Он напал прежде всего на мутагаллиба Мусафира ибн-Кусейра и убил его; затем заставил восставших павликиан отступить к крепости Киляб (Шикакар) в труднодоступных песчаных горах Арезаха. В это время халиф отправил в Армению карательную экспедицию во главе с «свирепым» и «кровожадным» Цалехом, который уничтожил гнездо повстанцев в крепости Киляб [1].

Первые аббасидские наместники в Армении вели непрерывную борьбу с восставшими жителями. В 752 г. восстали севордии (вероятно, нынешние айрумы), за счет которых жили арабские ветераны г. Шамхора. Они напали на Шамхор и разрушили ненавистный им оплот иноземного господства.

Несмотря на эти восстания, наместник в «Армении», будущий халиф Абу-Джафар ал-Мансур наложил на страну еще бо́льшие подати. При остикане Язиде ибн-Усайд ас-Сулами (756—765 гг.) страна была усмирена огнем и мечом.

Жестокая налоговая политика арабов довела население до крайней нищеты и отчаяния. В 773—775 гг. в Армении вспыхнуло большое восстание под предводительством Мушега Мамиконяна. Началось брожение также и в Албании. Арабам пришлось пойти на уступки и несколько смягчить налоговое бремя. При халифе Харун-ар Рашиде Армению получил его брат Убейдаллах, правивший самостоятельно с 788 по 795 гг., чеканивший свою собственную монету, на которой не упоминалось имя Харун-ар-Рашида, по своему усмотрению назначавший и сменявший наместников (остиканов). Убейдаллах старался выжать как можно больше из подчиненных ему стран.

При наместнике Фадл ибн-Яхья Бармекиде (791 г.) вспыхнуло восстание. Возмущенные жители Берда убили сборщика податей. Положение арабских властей осложнялось тем, что им приходилось вести борьбу не только с восставшими жителями и туземной знатью, но и с обосновавшимися в стране арабскими феодалами, которые являлись гораздо более опасными врагами халифата, чем местное население.

В результате жестоких репрессий народ как будто успокоился, однако в 795 г. вспыхнуло снова восстание. В Албанию был послан новый

[1] *Баладзори.* Указ. соч., стр. 19—20.

правитель, который жестоко расправился с восставшими. Но при следующем правителе восстания снова начались и не прекращались вплоть до начала IX в.

Восстания прекратились лишь при хитром и энергичном правителе Язиде ибн-Мазьяд аш-Шейбани (799—801 г.). Последний примирил враждующие между собой арабские племена, поселившиеся в Восточном Закавказье, и постарался привлечь к себе симпатии местной албанской знати.

Возникшая после смерти Харун-ар-Рашида война между его сыновьями Амином и Мамуном еще более осложнила положение в халифате и дала возможность арабским феодалам укрепить свое положение в качестве полузависимых правителей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ, ПОВОЛЖЬЯ, ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ И КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

1

ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В V—IX вв.

К середине I тысячелетия многие античные города Северного Причерноморья прекратили свое существование [1].

Города Боспора с их развитым ремеслом уже в IV в. сильно ослабели и в значительной мере утратили свое прежнее значение экономического центра Крыма. Жизненной основой Боспора были связи с оседлыми племенами Приазовья и Прикубанья. Но в результате гуннского нашествия земледельческо-скотоводческое хозяйство и города этих областей были разорены дотла. В V в. гунны захватили степной Крым.

Экономический центр края с падением Боспора переместился в западную часть полуострова — в Херсонес.

Гунны господствовали на Боспоре, по крайней мере, до начала VI в., когда здесь на некоторое время и, вероятно, с помощью Византии, восстановилась старая династия Тибериев — Юлиев, находившаяся под византийским протекторатом [2]. Однако положение Византии в этом отдаленном от империи городе среди враждебного населения не могло быть прочным.

В противоположность Боспору, Херсон (как называли Херсонес в средние века) не подвергся варварскому нашествию. С усилением Восточно-Римской империи в V в. Херсон превратился в ее опорный пункт в Северном Причерноморье.

Город оказался в центре большого и, в сущности, основного района оседлого земледельческого населения юго-западного Крыма, населения по преимуществу аланского. Аланы ассимилировали, вероятно, небольшое количество готов, оставшихся в Крыму (готов-земледельцев в этом районе

---

[1] «Очерки истории СССР», т. I. М., 1956, стр. 506.

[2] *Ю. Кулаковский.* Керченская христианская катакомба 491 г. МАР, № 6, 1891, стр. 26; *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 180.

упоминает Прокопий), и, возможно, какую-то часть осевших здесь гуннов, живших в восточной части полуострова.

Юго-западный район Крыма, естественно, тяготел к Херсону, в экономике которого важнейшее значение приобрели торговые связи с окружающим земледельческим населением и припонтийскими степняками. Об одном из гуннских племен — альтциагирах, обитавших в районе Херсона, сообщает Иордан (551 г.). В этот город, по его словам, «купец ввозит блага Азии», очевидно, продукты скотоводства из степей Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Боспор не утратил значения рынка для скотоводческого сырья. В Херсон свозились и продукты земледелия из плодородных долин юго-западного Крыма, являвшихся ближайшей сельскохозяйственной базой города. Стекавшиеся сюда продукты скотоводства и земледелия служили, несомненно, основным видом вывоза из городов Крыма в Малую Азию и, конечно, в Византию, наряду с предметами исконного промысла Херсона — солью и рыбой. Развитию экспорта способствовала и внешнеполитическая обстановка — определенная стабилизация внешних сил в эпоху Юстиниана I в Северном и Южном Причерноморье; войны же с Персией, нарушившие экономические связи с Востоком, велись за пределами Малой Азии и Крыма.

Наладившийся регулярный спрос со стороны местного населения вполне объясняет несомненный подъем ремесленного производства Херсона и отчасти Боспора в то время, и прежде всего тех отраслей его, которые давали продукцию массового потребления — гончарных изделий (посуды, тары, строительной керамики), изделий из стекла, кости и металла (в том числе, конечно, и сельскохозяйственные орудия) и украшений, производством которых славился Боспор.

Все это вместе взятое — и массовый приток продуктов из степей и земледельческой округи Херсона, и усилившийся спрос на продукцию местного ремесла, послуживший толчком к его развитию,— превратили Херсон в VI в. в большой, если не важнейший рынок Северного Причерноморья. Убедительным показателем экономического подъема Херсона в то время служит возобновившийся в VI в. выпуск собственной, главным образом, бронзовой монеты, постоянно встречающейся при раскопках раннесредневековых слоев городища, притом с особой, местной системой счета. На Боспоре же выпуск собственной монеты после прекращения чеканки в 332 г. уже не возобновлялся.

Византия всеми силами стремилась закрепиться в Крыму, особенно в городах его, для защиты северо-восточной периферии империи от угрожавших ей с Востока врагов, для обеспечения тыла в восточной экспансии против персов и господства над окружающими «варварами». Северное Причерноморье и Предкавказье могли явиться тем источником наемного войска, которым, как известно, главным образом, и вели свои войны византийские императоры. С этими целями император Юстин (518—527 гг.) посылал на Боспор патриция Проба «с большими деньгами», хотя и безрезультатно. В начале правления Юстиниана I (около 527 г.) один из

Остатки базилики VI в. в Херсонесе

Башня XVII (так называемая башня Зенона, перестроенная в V в.) в Херсонесе

гуннских вождей, Горда (или Грод), ездивший в Константинополь и там крестившийся, был отправлен вместе с военным отрядом на Боспор «блюсти интересы империи» [1]. Однако против Горда восстали подвластные ему гунны, которые напали на Боспор и перебили византийский гарнизон. Это заставило Юстиниана принять более решительные меры. Он вновь направил на Боспор войско, которое изгнало засевших там гуннов и снова установило там византийскую власть, распространившуюся и на азиатскую часть Боспора, а кроме того (как сообщает Прокопий), Юстиниан превратил город в сильную крепость. Стремясь ослабить приазовских гуннов, Юстиниан I и в дальнейшем всячески натравливал одно гуннское племя на другое.

Кроме Боспора, тогда же были созданы еще две крепости на южном побережье Крыма, на месте старых и больших поселений — вероятно аланских — Алуста и Горвузиты. Тогда же была создана целая система византийских крепостей в юго-западном Крыму, призванных охранять подступы к Херсону: Сюреньское укрепление, крепости в Эски-Кермен, Мангуп (древний Дорос), Инкерман (древняя Каламита), Чуфут-кале и др.) [2]. Так, в VI в. было завершено создание limes tauricus из крепостей. охранявших горные проходы, а частью построенных на месте наиболее важных поселений в районе Херсона — основного византийского форпоста в Крыму. Крепость Херсона также была укреплена: старые стены и башни были надстроены и утолщены, вновь построена была прибрежная линия стен. Эти постройки отличаются монументальностью, техника их кладки из больших квадров, положенных на очень прочном известковом растворе, указывает на высокое строительное мастерство местных каменщиков.

Херсон и Боспор в конце V и особенно в VI в. были превращены Византией в форпосты империи в Северном Причерноморье. Эти города на заре средневековья полностью зависели от византийской власти. Для укрепления своего господства в этом крае империя настойчиво стремилась христианизировать местное коренное население. Это было важной политической задачей для византийских правителей. Политика эта, упорно проводившаяся в VI в., вызвала необходимость массового строительства храмов, что потребовало крупных материальных затрат, на которые византийские власти, по-видимому, не скупились. Эти храмы в виде больших вместительных базилик строились повсеместно: они открыты раскопками на Мангупе, Эски-Кермене, Чуфут-кале (найдены колонны и капители от такой базилики), существовала такая же базилика в Партенитах (у Медведь-Горы), но особенно много их строилось в Херсоне — центре края: они следуют одна за другой вдоль берега, несколько других базилик

---

[1] *Ю. Кулаковский.* Указ. соч., стр. 26—27; *В. В. Латышев.* Сб. греческих надписей христ. времен из южной России, СПб., 1896, стр. 102.

[2] *Прокопий из Кесарии.* О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249—250.

Костяные резные пластинки из Херсонеса

Остатки раннесредневекового укрепления возле с. Танковое (бывш. Сюрень) в юго-западном Крыму

расположены в центре города[1]. Строились богато отделанные крещальни, купольные крестообразные мавзолеи херсонесской знати, возникает загородный монастырь, что так характерно для времен Юстиниана с его политикой поощрения монастырского землевладения. Однако результаты этого усиленного насаждения христианства были весьма ограничены. Несомненно, что христианство принимала лишь херсонская и боспорская знать — социальная верхушка местного общества, осевшая в этих городах и стремившаяся к политическому союзу с Византией, в котором перед лицом гунно-болгарской опасности она нуждалась не меньше, чем сама Византия. Основная же масса населения продолжала оставаться языческой, на что указывают источники VII и VIII — начала IX вв. и более поздние.

Огромное строительство крепостей и монументальных храмов требовало привлечения большого количества рабочей силы, что также, естественно, способствовало подъему городов Крыма, особенно Херсона. Как показали раскопки, город в VI в. усиленно строился, расширялась территория, занятая им в античный период. Планировка Херсона с прямоугольными жилыми кварталами и прямыми улицами была унаследована от античности. Главная улица более широкая, чем остальные, длиной в 1 км, перерезала Херсон с северо-востока на юго-запад. В центральной части города

[1] *Д. В. Айналов.* Развалины храмов. «Памятники христианского Херсонеса», I. М., 1905; *Ф. И. Шмит.* Эски-Керменская базилика. «Готский сборник». ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 213; *А. Л. Якобсон.* Мангупская базилика. СА, VI, 1940, стр. 205—225.

открыты термы, дворец; улицы имели канализацию в виде крытых каменных желобов и водопровод, сложенный из гончарных труб. На площадях помещались рынки (известен рынок в центральной части города и «малый» рынок). Каждый большой квартал, по-видимому, имел свой большой храм-базилику, расположенную на видном месте. При этом общий облик города существенно изменился: застройка кварталов стала более плотной, площадь их увеличилась: дома, почти сплошь заполняя кварталы, уменьшались по размеру, вплотную примыкая друг к другу. И расширение территории города и увеличение плотности застройки кварталов указывает, несомненно, на бо́льшую заселенность Херсона, чем в античный период.

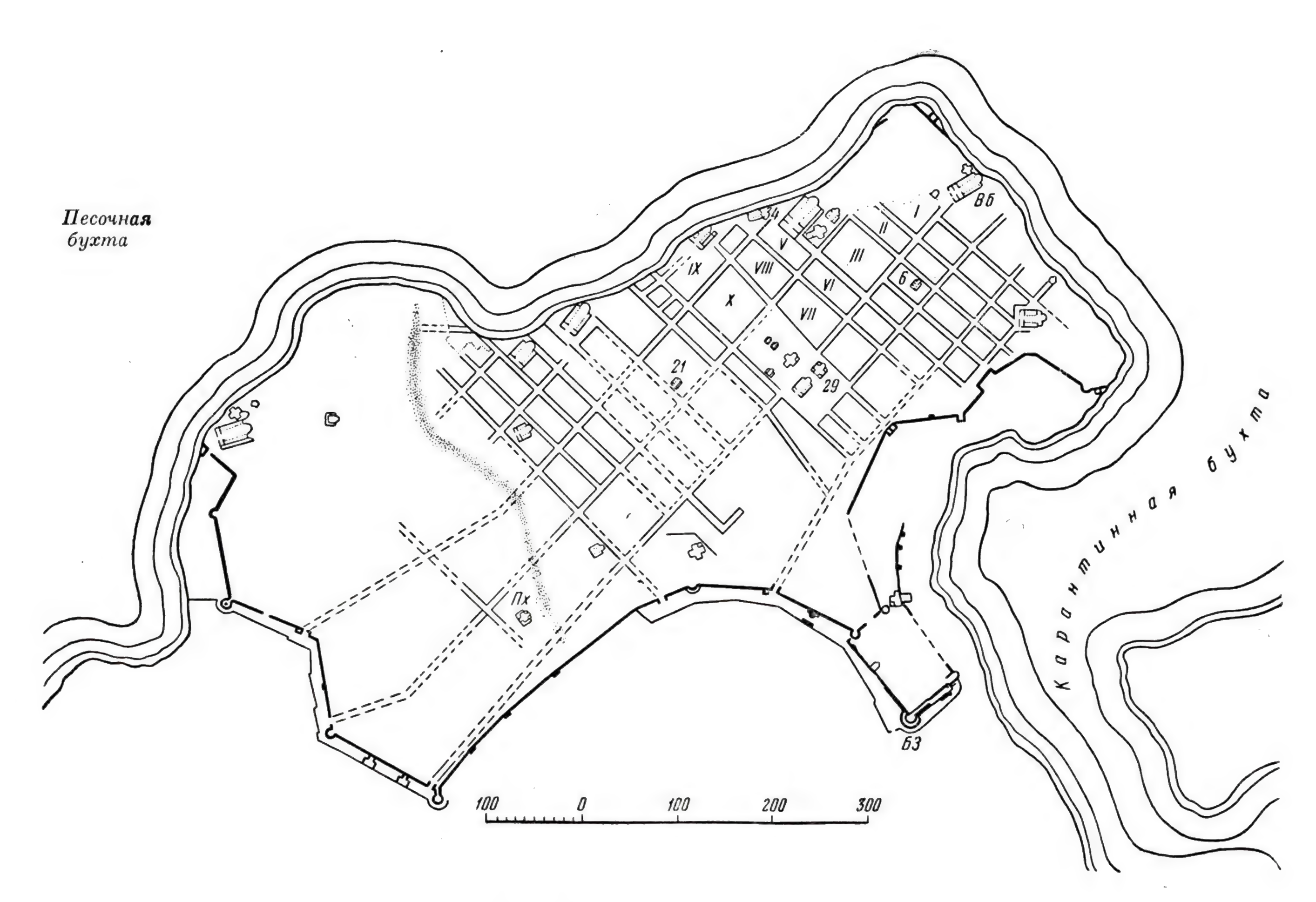
О византийском влиянии на архитектурный облик Херсона свидетельствуют и техника крепостных сооружений, и стиль монументальных базилик, малоазийских по своему типу, как и их мозаики и декоративное убранство (резные мраморные капители, плиты преград и прочее, привозившиеся из Константинополя). В этом убеждают предметы украшений из некрополя и массовая керамика, находимая при раскопках, хотя, наряду с типичной византийской, нередко встречается и лепная посуда, характеризующая культуру коренного, негреческого населения города — его социальных низов.

Иная картина наблюдается в то время на Боспоре и в городах иного юго-востока и южного Крыма, где местный элемент преобладал и влияние византийской культуры было несравненно слабее. Об этой культуре, яркой и своеобразной, полнее всего можно судить по частично раскопанному некрополю Суук-Су (около Гурзуфа), принадлежавшему большому поселению Горзувиты, и по некрополю V—VI вв. Боспора [1]. В могильнике Суук-Су, который буржуазные историки тенденциозно приписывали готам, все предметы украшения (так называемые пальчатые фибулы и пряжки с инкрустацией камнями и цветными стеклами) и их орнаментика исходят из стиля местной продукции предшествующего времени, вышедшей из мастерских Боспора (Пантикапея) и связанной с традициями исконного, частью эллинизованного местного населения. Могильники того времени с аналогичными вещами известны уже во многих местах юго-запада и юга Крыма (около Чуфут-кале, Кореиза, в Байдарской долине и др.). Тип могильных сооружений также является исконным местным, распространенным на огромной территории Северного Причерноморья и окончательно сформировавшимся в среде оседлого земледельческого населения и в таких городах как Боспор. Аналогичные склепы, кроме Суук-Су, известны в Чуфут-кале, Мангупе, Эски-Кермене. С византийской культурой это искусство совершенно не связано.

В начале 70-х годов VI в. в Северном Причерноморье появились хазары. В 576 г. они овладели Боспором, затем осадили Херсон, но взять его

---

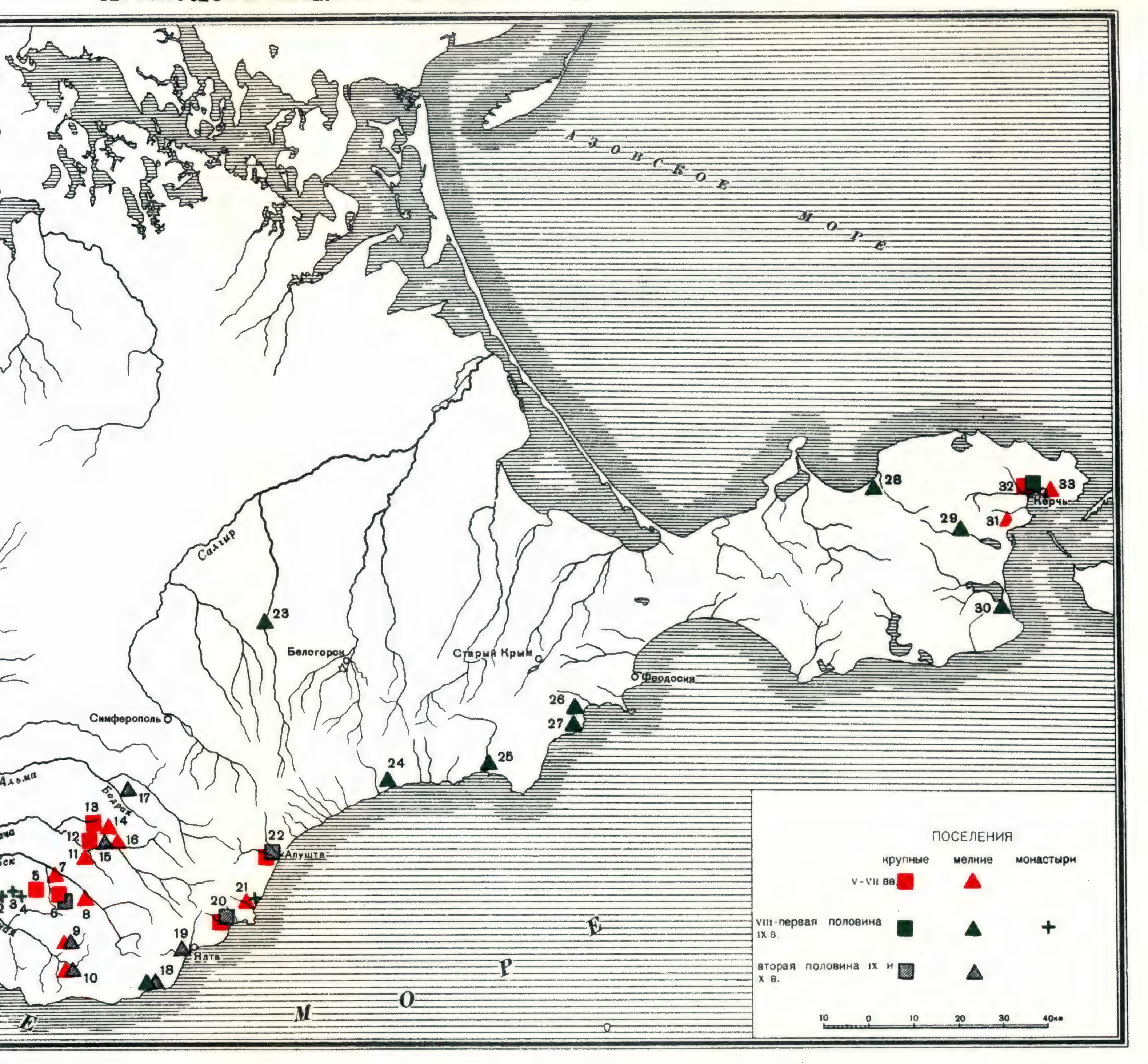
[1] *Л. А. Мацулевич.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926; *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 1—80; ЗООИД, XXVII, Одесса, 1907, стр. 101—148.



План Херсонесского городища

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КРЫМА

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КРЫМА



(Составители А. Л. Якобсон)

не смогли. Пользуясь ослаблением Византии, поглощенной в то время войнами с Персией, а затем борьбой с арабами, хазары в VII в. прочно заняли степи Прикаспия и Приазовья. Большая часть Крыма также оказалась под властью хазар: на Боспоре и в Фанагории они посадили своего наместника (тудуна), захватили соседний с Херсоном Дорос и временно Херсон [1].

Завладев большей частью Крыма, хазары нарушили связи Херсона с окружающим населением, что привело к экономической изоляции города. По свидетельству папы Мартина I, сосланного в Херсон в 654 г.: «... в этих краях... голод и нужда такие, что хлеб здесь известен разве по названию, а его и видом не видать» [2]. Продовольствие привозили, и то нерегулярно, лишь небольшие суда из Малой Азии. Отсутствие подвоза продовольствия в Херсон из смежного земледельческого района может быть объяснено только захватом его хазарами, а может быть и хазарским погромом: археологические исследования в Херсоне, Эски-Кермене, Мангупе приводят к выводу, что разрушение монументальных построек в этих местах (крепостные стены, базилики и пр.) относится именно к этому времени и скорее всего связано с хазарами. Население Херсона, как видно, переживало тогда тяжелые времена.

Ликвидация византийской власти в городе сделала возможной организацию здесь в конце VII — начале VIII в. ранее не существовавшего местного самоуправления во главе с протополитом (первенствующим — разумеется из местной знати. А в начале VIII в. здесь, наряду с протополитом (Зоилом) действовал и хазарский тудун. Очевидно, город тогда находился во власти хазар.

Важные сведения о положении Херсона и Боспора в конце VII — начале VIII в. можно извлечь из рассказа византийских хронистов об истории Юстиниана II, сосланного в 695 г. в Херсон, который в то время, очевидно, уже не принадлежал хазарам [3]. Из Херсона Юстиниан бежал в подвластный хазарам Дорос, женился на сестре хазарского кагана и поселился в Фанагории. Когда каган по требованию византийского императора Апсимара решил выдать Юстиниана, последний бежал в Болгарию, а затем в 705 г. воцарился вновь. Спустя пять лет Юстиниан послал экспедицию в Херсон, вероятно, с целью изгнать оттуда хазар. Город был разграблен, тудун схвачен и увезен в столицу. После этого Юстиниан снарядил вторую экспедицию. Узнав об этом, херсонцы обратились за помощью к хазарам. Юстиниан решил не обострять отношения с хазарами и в сопровождении военного отряда вернул тудуна в Херсон. Однако херсонцы захватили отряд и отложились от Юстиниана, провозгласив императором знатного армянина Вардана; в ответ на это Юстиниан послал третью экспедицию, но, по словам Феофана, «пришли хазары, и война остановилась». Посланное войско также отложилось от Юстиниана, затем во главе с Варданом

[1] *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 187.

[2] *С. П. Шестаков.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. «Памятники христианского Херсонеса», вып. III, М., 1908, стр. 118.

[3] Там же; *А. А. Васильев.* Указ. соч., стр. 191 и сл.

Металлические украшения, пряжки, подвески и фибула VI—VII вв. из могильников Чуфут-Кале и Суук-Су в юго-западном и южном Крыму

вернулось в Константинополь, свергло Юстиниана и воцарило Вардана (711 г.).

В этих событиях начала VIII в. ярко проявилась резкая оппозиция местного населения, находившегося под гнетом византийской власти, постоянно возмущавшегося ее засильем и враждебность к которой ярко проявлялась при каждом удобном случае.

В то же время хазары, пользуясь благоприятными обстоятельствами, хотели захватить Херсон.

Вместе с тем события в Херсоне способствовали укреплению определенных связей хазар и Византии, в чем та и другая сторона весьма нуждались перед лицом общей для них арабской опасности. Может быть поэтому хазары, господствуя в Крыму, в дальнейшем не занимали Херсон, остававшийся, по крайней мере, номинально византийским.

Конец VIII — первая половина IX в.— это период напряженной социальной борьбы в Крыму.

Из краткого рассказа «Жития Иоанна Готского» [1], повествующего о событиях конца VIII в., можно заключить, что в юго-западном Крыму (так называемой Крымской Готии) произошло народное восстание, направленное против «господина Готии» (т. е. местной власти) и главы готской епархии Иоанна. Удобным моментом и на этот раз воспользовались хазары, вновь занявшие важный укрепленный пункт — Дорос. Это вызвало выступление, организованное «господином Готии» и епископом Иоанном с целью оттеснить хазар к северу. Однако, преследуемый своим народом, Иоанн бежал в Амастриду (Малая Азия), где и умер. В связи с этим следует указать, что термин «Готия», которым в греческих источниках нередко обозначался юго-западный Крым (как в VIII в., так и вплоть до XV в.), никогда не имел определенного этнического содержания и представлял собой не более, как термин географический.

Самое же восстание, о котором говорится в «Житии Иоанна Готского», нельзя не связать с тем острым социальным кризисом (так называемым иконоборчеством), переживавшемся в то время Византией и захватившим Крым.

Иконоборчество знаменовало наступление нового исторического периода в жизни края, и только по внешнему признаку этот период может быть назван хазарским, так как совпадает с временем политического господства хазар на полуострове.

По внутреннему содержанию это время явилось периодом становления феодализма в Крыму.

Борьба византийских императоров с чрезмерно разросшимся монастырским землевладением и закрытие монастырей с целью отторжения от них земель с сидевшим на ней зависимым крестьянством, вызвала сильное противодействие феодальной реакции, в частности в Крыму, о чем мы можем судить по письмам Феодора Студита. Антимонастырская политика

[1] *В. Г. Васильевский.* Житие Иоанна Готского. «Труды В. Г. Васильевского», т. II, вып. 2. СПб., 1912, стр. 396—400.

повлекла большую монашескую эмиграцию, направившуюся и в Крым. Возможно, что именно в это время возникли пещерные монастыри юго-западного Крыма — в Инкермане, Шулдане, Качи-Кальоне и другие; почти заново был построен большой монастырь в Партенитах, храм которого в виде базилики раскопан был в 1907 г. Не случайно, что монастыри эти концентрировались около Херсона — в наиболее густо заселенном земледельческом районе.

Этот процесс роста феодальных монастырей в Крыму протекал, по-видимому, в напряженной борьбе. Из письма Федора Студита [1], видного идеолога реакционного монашества, мы узнаем о каких-то волнениях в монастырях Крыма, о нарушении монастырского иммунитета светской властью, о появлении в монастырях рабов. Возможно, что в связи с этой борьбой против монастырей, захватывавших, надо полагать, лучшие земли и закрепощавших крестьян, и стояло то восстание, о котором глухо говорит «Житие Иоанна Готского». Характерно замечание монаха Епифания, жившего в Крыму в конце VIII — начале IX в.: «Херсаки (т. е. херсонцы) народ коварный и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра» [2], что можно понять как намек на антицерковные настроения.

Победителем в этой борьбе оказалась церковь с ее сильной организацией. Именно в VIII в. церковь в Крыму сильно расширилась, возникли новые две епархии — Готская и Сугдейская, охватившие почти весь южный Крым.

Тем временем в степях Северного Причерноморья начала складываться новая обстановка. Вторжение в черноморские степи печенегов положило предел господству хазар в этом обширном районе, а в 60-х годах IX в., когда в Поднепровье и Причерноморье упрочилась Русь, Хазарский каганат начал постепенно распадаться.

В этих новых условиях византийские правители вновь обратились к Крыму, и в 30-х годах IX в. ими была создана Херсонская фема — особый военно-административный округ, охвативший почти всю южную часть полуострова и входивший в состав западных фем империи. При этом имелась в виду не печенежская опасность, а прежде всего Русь — та новая сила, которая в IX в. стала проявлять себя в Северном Причерноморье, угрожая и хазарам, и «херсонским климáтам», т. е. Крыму. В источниках того времени («Житии Георгия Амастридского и Стефана Сурожского») Крым прямо назван ареной действия русских дружин.

Почти целых два столетия (VIII и большая часть IX) Херсон влачил жалкое существование. Город обнищал и обезлюдел. Это было результатом того длительного экономического упадка, который переживал город в глухую пору иконоборчества: силы города подтачивались ростом мона-

---

[1] «Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе», т. II. СПб., 1908, стр. 554—555.

[2] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. II, вып. I. СПб., 1909, стр. 268.

стырей, завладевших основными хозяйственными ресурсами юго-западного Крыма, с которым и была по преимуществу связана экономика Херсона.

В обнищавшем городе резче проявлялся и социальный протест, о чем говорят такие факты, как убийство в 892 г. херсонского стратига Симеона и предупреждение Константина Багрянородного о возможных восстаниях херсонитов (он исходил, очевидно, из реальной действительности).

Иную картину в VIII — начале IX в. мы наблюдаем в юго-восточной и восточной части Крыма. Положение Боспора в этот период нам мало известно, но строительство там в ту пору большого крестовокупольного четырехстолбного храма косвенно указывает на определенное оживление города. В районе Боспора на развалинах античных поселений начали возрождаться поселки — в Тиритаке, Илурате. На побережье продолжали существовать большие полугородские поселения: Горзувиты, «торжище» Партениты — торговое поселение, отмеченное «Житием Иоанна Готского», и у селения Планерского (недалеко от Феодосии). Свидетельством интенсивной жизни этого района может служить возникновение ремесленных центров. Таким центром была гончарная слобода в нынешнем урочище Чобан-куле (восточнее Судака).

Культура этих поселений очень близка к так называемой салтово-маяцкой культуре, охватывавшей обширное пространство лесостепной полосы Юго-Востока и распространившейся на восточный Крым. Вместе с тем бросается в глаза большая разница в культуре этих поселений и Херсона, в котором специфическая салтовская культура почти не отражена.

Такие отличия кроются, возможно, в этническом различии: в восточной части полуострова преобладал, вероятно, не аланский, а гунно-болгарский элемент, т. е. «черные болгары», о которых говорят русско-византийские договоры. Еще больше эти отличия были связаны с тем, что культура Херсона была в сильной степени византинизирована.

В конце IX и в X в. стратегическое и политическое значение Херсона быстро возрастало. Это было следствием активизации в Северном Причерноморье печенегов, наводнивших южнорусские степи, и усилением Руси. Херсон вошел с ними в тесные сношения. На значение этих сношений для Византии указывал Константин Багрянородный. По его словам, Печенегия «очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору», и что со стороны Нижнего Поднепровья печенеги могут совершать нападения на византийские владения. Но «когда император живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни Турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу», зато «связанные дружбой с императором, (они) легко могут нападать на землю Руссов и Турков». Эти сношения с печенегами и привлечение их на сторону Византии осуществлялись через Херсон.

Вместе с тем Херсон явился для печенегов тем рынком, куда они по преимуществу сбывали продукты своего скотоводческого хозяйства и то сырье, которое они добывали своими набегами на Русь. Эта торговля

Глиняные гончарные и лепные сосуды VI—VII вв. из могильника Чуфут-Кале в юго-западном Крыму

приобрела для Херсона жизненное значение[1]. Сбывая свое сырье, печенеги приобретали здесь изделия местного и особенно заморского ремесла, привозившиеся из Малой Азии и Константинополя, в частности шелк, бархат, красные парфянские кожи, пряности и пр.

Свозившееся в Херсон сырье отправлялось дальше — в заморье, главным образом в Малую Азию, на что также указывает Константин Багрянородный. Торговля с заморьем имела для Херсона огромное значение, так как оттуда ввозился в Крым хлеб и другое продовольствие. Надо иметь в виду, что эти малоазийские области, особенно Пафлагония выдвинулись в Византийской империи как экономически передовые, что находилось в связи с общим подъемом Византии в IX и особенно в X в.

Все это привело к экономическому возрождению Херсона. Рост торгового обмена и производства снова вызвал потребность в собственной монете, выпуск которой возобновился в конце IX в. и продолжался до конца X в. Как показали раскопки, город вновь начал усиленно строиться, восстанавливались старые и строились новые храмы.

В сфере политической основное значение имела борьба за выход к морю между Византией и Русью, которая продолжалась на протяжении всего X в. Борьба завершилась только в конце этого столетия победой русского государства. Поход князя Владимира на Корсунь-Херсон (989 г.), закончившийся взятием города, укрепил прочное положение Руси в этом крае. Тем самым было укреплено и Тмутараканское княжество, куда тотчас после корсунского похода Владимир посадил князем своего сына Мсти-

---

[1] По словам Константина Багрянородного, «если херсониты не будут ездить в Романию и продавать шкуры и воск, которые скупают у печенегов, то не могут существовать» («Об управлении государством», гл. 53. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 44).

слава [1]. Вероятно, уже тогда и Боспор (Корчев) был также присоединен к Тмутараканскому княжеству — русскому форпосту в Северном Причерноморье.

2

КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА В СТЕПНОЙ ПОЛОСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

После разгрома гуннского объединения европейскими народами и смерти Аттилы историческое значение собственно гуннских племен уменьшилось. Правда, имя гуннов надолго еще сохранилось в качестве традиционного наименования кочевников степной полосы Северного Причерноморья. Оно неоднократно встречается в сочинениях византийских, сирийских, закавказских и других авторов (Прокопий, Агафий, Евагрий, Комес Марцеллин, Псевдо-Захарий, Ритор, Егише Вардапет и др.). И трудно решить, когда это наименование применяется для обозначения незначительных остатков самих гуннских племен, а когда имеются в виду многочисленные, ставшие теперь самостоятельными племена, пришедшие в Европу вместе с гуннами или даже появившиеся здесь после разгрома их. Правда, эти племена вскоре начинают выступать и под своими собственными наименованиями, более того — они сами создают новые большие и малые племенные союзы, также сохраняющие племенные наименования пришельцев. Между отдельными племенами и племенными союзами шла беспрерывная борьба за господство в той или иной области восточноевропейских степей. Продолжались и походы на Балканы, в Закавказье, в Иран, и попытки вторжения на земли оседлых земледельческих племен Восточной Европы. Эти военные предприятия возглавлялись различными племенами. Военные объединения, племенные союзы быстро возникали, распространяли свою власть на широкую территорию, достигали иногда большого, но эфемерного могущества и столь же быстро распадались и исчезали со страниц исторических хроник после военного поражения, усиления соседнего союза племен или появления новой волны азиатских кочевников.

Поэтому и для исторических сочинений этого времени характерна большая пестрота племенных названий, частая смена наименований племенных объединений, господствующих в степях Восточной Европы. Ни одно из этих объединений не достигло могущества и значения гуннской конфедерации. Но они полностью сохранили паразитический характер гуннской экономики, грабительскую сущность их политики и сыграли столь же регрессивную роль в истории народов Восточной Европы. Лишь те из них, которые со временем вступили в тесное общение с местными земледельческими племенами, сами перешли к оседлому образу жизни

[1] «Повесть временных лет». Подготовка текста и перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 282.

и интенсифицировали свое хозяйство, освоив земледелие и заменив кочевое скотоводство придомным, приняли участие в формировании и дальнейшем развитии европейских народов и их государств, в некоторых случаях сообщив им свои наименования. Другие же народы, истощенные экстенсивным кочевым скотоводством, полностью зависящие от ограбления земледельческих народов, были в конце концов разгромлены ими и бесследно исчезли с исторической арены.

* * *

После разгрома на р. Недао и смерти сына Аттилы, Эллака, остатки племен, входивших в гуннскую конфедерацию, были отброшены в степи Северного Причерноморья. Сюда же бежала и другая группа этих племен во главе с сыном Аттилы Эрнаком. Гунны были полностью разгромлены, и в течение десяти лет после смерти Аттилы здесь не возникло ни одного крупного объединения, отмеченного источниками. Лишь в 463 г. в источниках появляются известия о создании новых объединений и о борьбе между ними. В этом году к римлянам явились послы от урогов, оногуров и сарагуров, объединившихся в единый союз во главе с последними. Объединение было, очевидно, вызвано нападением савиров, которые, по словам послов, заставили сарагуров и их союзников покинуть свои земли и вторгнуться на территорию акациров. Оказавшись в тяжелом военном положении и стараясь обезопасить себя с юга, сарагуры отправили послов с заявлением о своем желании быть союзниками империи. Поддержка сарагуров была в интересах безопасности Восточно-Римской империи, поэтому вскоре после возвращения послов, одаренных римлянами, и несомненно, снабженных определенными инструкциями, сарагуры примирились с акацирами, объединились с ними и с другими племенами и предприняли поход в Иран. Первоначальная попытка их вторгнуться туда через Каспийские ворота (Дарьял) была неудачна: они натолкнулись на сильное сопротивление персидских войск. Тогда они прошли по другой дороге, создав реальную угрозу Ирану и вынудив правителей Ирана искать примирения и союза. Об этом пишет армянский историк Егише Вардапет. Он рассказывает, что около этого же времени албаны отказались от повиновения Персии, привлекли на свою сторону «царей гор» и разбили персидские войска. Сасанидское государство послало огромные сокровища в Хайландурскую страну, открыло ворота аланов, вызвало войско «гуннов» и с их помощью принудило племена восточного Закавказья (албанов) к покорности. Под страной Хайландурской здесь подразумеваются степи Северного Кавказа, а «гуннами», оказавшими помощь Ирану, вероятно, названы те самые племена, которые во главе с сарагурами приблизительно в то же время громили Иран.

Впрочем, это возвышение сарагуров было очень недолговременным. Появившись на арене истории в середине V в., они очень скоро после упомянутых событий бесследно исчезли. Союз их распался, возможно, еще

во время иранского похода, когда часть племен воевала против Ирана, а другая — на его стороне. Во всяком случае, их имя так и не сделалось общим наименованием для кочевников юга нашей страны, и само было поглощено общим наименованием племен Северного Причерноморья, которым в VI в. стало наименование болгары, или булгары.

Местоположение сарагуров и связанных с ними племен может быть определено лишь приблизительно. Наиболее определенны указания источников на местоположение савиров. Впервые они упоминаются Птолемеем еще во II в. под названием савары[1]; племена эти помещены им «ниже аорсов», живших частично, как сообщает Страбон[2], по Танаису (Дону), а основная масса — верхние аорсы — владела большею частью Каспийского побережья (очевидно, северного и восточного). Они, видимо, давно жили в этих местах: их имя связывается с названием Волги у Геродота — Оар.

При такой локализации савиров, вторгшихся на земли Сарагурского союза, последний должен быть помещен к западу от Каспия. С другой стороны, акациры, подвергшиеся нападению теснимых с востока сарагуров, еще Приском Панийским были помещены в «Припонтийской Скифии» и скорее всего могут быть связаны с междуречьем Днепра и Дона. В таком случае возглавляемый сарагурами племенной союз должен быть локализован на обширных пространствах западного степного района между Азовским и Каспийским морем. И действительно, по Иордану и позднейшим указаниям Географии Анонима Равенского[3], оногуры — одно из племен этого союза — жили к востоку от Меотиды (Азовского моря). Сами же сарагуры могли находиться в низовьях Дона.

Термин «болгары», все чаще упоминавшийся в византийских источниках, начиная с V в., связан своим происхождением прежде всего с конкретной группой тюркоязычных племен, проникших еще в догуннскую эпоху в область Западного Прикаспия, а потом и в Северное Причерноморье. Их истории будет посвящен особый раздел настоящей главы. Но уже с VI в. термин «болгары» употребляется в собирательном смысле, для обозначения различных племенных групп Северного Причерноморья, ежегодно совершавших набеги на Иллирию, Фракию, Элладу и Херсонес Фракийский, доходивших иногда до стен самого Константинополя, опустошая и грабя северные области империи. К наиболее значительным племенным объединениям такого рода должны быть отнесены племенные союзы утургуров (утигуров) и кутургуров (кутригуров).

Когда и при каких обстоятельствах сложились эти объединения, остается неизвестным. Возможно, что большую роль здесь сыграли условия борьбы, с одной стороны, с империей и Ираном, с другой — с иными союзами кочевых племен, прежде всего с надвигающейся аварской угрозой.

---

[1] *Птолемей*. См. *В. В. Латышев*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 2, 1948, стр. 237.

[2] Страбон. См. *В. В. Латышев*. Известия... ВДИ, № 4, 1947, стр. 209.

[3] «Ravennatis Anonymi Cosmographia». Berlin, 1860, стр. 170—171.

Во всяком случае, к VI в. в степях Северного Причерноморья складываются два значительные объединения — утургуров и кутургуров. Они состоят из племен, пришедших из Азии вместе с гуннами и входивших ранее в их конфедерацию, теперь же выступающих под своими собственными наименованиями.

Утургуры, согласно определенному указанию Прокопия Кесарийского, обитали в числе прочих гуннских племен у восточного побережья Азовского моря. «За сагинами,— пишет он,— осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского болота» и до р. Танаиса (Дона), который впадает в болото. Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами» [1]. В западном Приазовье, по соседству с утургурами, жили многочисленные племена кутургуров. Прокопий особо подчеркивает родство обеих племенных групп, называя их «родственниками по крови» [2], и передает по этому поводу следующую традиционную легенду: «В древности великое множество гуннов... занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех. Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собой власть и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое еще время они наименовались одни утигурами, другие кутригурами. Они все жили в одном месте, имея одни и те же нравы и образ жизни...» [3] Сирийская хроника Псевдо-Захарии Ритора упоминает обе племенные группы под единым названием «куртаргар», также помещая их к северу от Кавказа [4]. Впоследствии кутургуры переселились к западу от Дона и Азовского моря, как свидетельствуют источники. Объясняя это переселение, Прокопий вновь прибегает к традиции, рассказывая на этот раз давно уже известную легенду о лани, указавшей кутургурским юношам-охотникам путь через Керченский пролив и Азовское море [5].

Вопрос об этническом составе племенных союзов, пришедших в Европу с гуннами и после них, до сих пор дискутируется среди историков и лингвистов. Несомненно, здесь были племена, принадлежавшие к разным языковым группам. Но вряд ли можно сомневаться в том, что утургуры и кутургуры принадлежали к числу тюркоязычных народов. Об этом свидетельствуют и сами племенные названия с характерным окончанием «гур» (ср. с наименованием западнотюркских племен — уйгуров) и несо-

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 384.

[2] Там же, стр. 436.

[3] Там же, стр. 385.

[4] *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941, стр. 165.

[5] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 386.

мненное родство с болгарами, принадлежность которых к тюркской языковой группе может считаться установленной.

Эти племена — осколки могущественной некогда конфедерации — привлекли в VI в. пристальное внимание правителей империи, проводивших политику, направленную на обеспечение безопасности вечно беспокойных северных границ Византии, на восстановление престижа империи и господства в Причерноморье, и прежде всего на Боспоре, наконец, на ослабление возможных противников и на приобретение союзников в борьбе с Ираном, варварскими государствами Центральной и Западной Европы и кочевниками. При этом широко и часто весьма успешно применялись обычные методы византийской дипломатии: внесение раскола и вражды в среду народов Северного Причерноморья, натравливание одних племен на другие, подкуп, интригантство.

При императоре Юстине (518—527 гг.) Византия утвердилась на Киммерийском Боспоре и, таким образом, захватив важнейший рынок приазовских племен, получила возможность оказывать на них давление в интересах своей политики.

При этом, естественно, византийским эмиссарам на Боспоре пришлось установить тесный контакт с верхушкой господствующих в Приазовье племен, прежде всего утургуров, упоминаемых в некоторых источниках (Феофан) [1] под общим традиционным наименованием гуннов. Всевозможными средствами вожди племен привлекаются на сторону Византии. Так, еще в самом начале царствования Юстиниана I в Константинополь прибыл гуннский вождь Грод. Здесь он принял христианство и, осыпанный щедрыми дарами, вернулся в Приазовье, дав обязательство охранять римские владения и г. Боспор [2]. Возвратившись в Приазовье в сопровождении испано-италийского отряда во главе Дамиацием, Грод немедленно приступил к насаждению христианства среди своих племен и сжег идолов, что вызвало, по словам Феофана, свержение и убийство Грода подвластными ему гуннами, которые избрали царем его брата Муагерия и, как свидетельствует Феофан, будто бы потому, что опасались возмездия Византии за смерть ее союзника, захватили Боспор и убили трибуна Дамиация, присланного туда императором.

По всей вероятности, причиной возмущения гуннов против Грода было не принятие им христианства, а чрезмерная с точки зрения его соплеменников уступчивость его Византии в отношении Боспора, который они считали своим владением. Из сообщения Прокопия известно, что Боспор некоторое время находился в руках гуннов. «Если идти из города Боспора в город Херсон,— пишет он,— который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между ними занимают

---

1 «Летопись византийца Феофана». Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884.

2 *Ioannis Malalae* Chronographia. Bonn, 1831, стр. 431; «Chronique de Jean, évêque de Nikiu». Paris, 1883, chap. 90, стр. 390; *Michel le Syrien.* Chronique. Paris, 1901, 11, liv. IX, chap. XXI, стр. 192.

варвары из племени гуннов. Два других небольших городка поблизости Херсона, называемые Кепы и Фанагурис издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания»[1]. Прокопий имеет здесь в виду города Кепы и Фанагорию на Таманском полуострове. Его сообщение полностью согласуется с данными последних археологических раскопок Фанагории, в результате которых в слоях гуннской и послегуннской эпохи обнаружены многочисленные следы пожаров и разрушений города.

Однако на этот раз успех гуннов носил временный характер, и Византия быстро предприняла серьезные шаги к его ликвидации. На Боспор была послана крупная военная экспедиция во главе с консулом Иоанном. Гунны были разгромлены, а Боспор окончательно присоединен к империи. Город был заново укреплен, старая туземная династия ликвидирована. Возможно, тогда же правитель города был повышен рангом и получил титул дукса, тогда как до захвата города гуннами представителем власти империи на Боспоре был комит. Этим подчеркивалось значение Боспора, но вместе с тем усиливалась и его зависимость от Византии; фактически он превратился в византийскую провинцию.

Какой именно из союзов гуннских племен спорил с Византией из-за власти на Боспоре, остается неизвестным. Вероятнее всего, в этих событиях принимали участие как восточные соседи Боспора — утургуры, так и кутургуры, жившие к западу от Дона и, если верить версии Прокопия о переходе ими через Керченский пролив, в Крыму. Во всяком случае, в цитированном выше отрывке Прокопий вторично подтверждает наличие гуннов в Крыму[2].

В «Истории войн римлян с персами» Прокопий пишет: «Боспор город приморский. Он лежит по левую руку от того, кто вступит в так называемый Понт Эвксинский, и отстоит на двадцать дней пути от Херсона, самого отдаленного города Римской земли. Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято Гуннами». Лишь совместные действия обоих объединений могли привести к захвату городов Боспора. И совершенно понятно стремление византийской дипломатии в дальнейшем не допустить совместных действий утургуров и кутургуров, поддерживать постоянную рознь и вражду между ними, взаимно ослаблять спровоцированными столкновениями и использовать одних в борьбе с другими.

Наибольшую угрозу для империи представлял союз кутургуров. Кочуя на огромных степных пространствах, доходивших до Истра (Дуная), и обладая значительной военной мощью, они угрожали не только Боспору, но с севера и самой Византии. Империя постоянно соприкасалась с ними, то как с союзниками, то как с врагами, причем и вражда и союзнические отношения одинаково дорого стоили императору. Вымогание даров пре-

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 388.

[2] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, кн. 1. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1876, стр. 143.

вратилось в систему, далеко не всегда гарантирующую безопасность империи. «И хотя они (кутургуры) ежегодно получали от императора большие дары,— пишет Прокопий,— но тем не менее, переходя через реку Истр, они вечно делали набеги на земли императора, являясь то союзниками, то врагами римлян» [1].

Утургуры граничили с империей на востоке. Они также нападали на ее провинции, известно вторжение их в Армению в 515 г. [2] Но непосредственной угрозы наиболее уязвимой северной границы Византии они не представляли. Византия активно и умело использовала их для борьбы с ее дунайскими соседями, и прежде всего, с их соплеменниками кутургурами, в тылу которых утургуры находились. На востоке же Византия пыталась направить военные усилия утургуров против Ирана. Уже в 522 г. в их областях находился византийский эмиссар Патрикий Проб, который по словам Прокопия, прибыл через Боспор для набора войска в помощь иберам для войны с Ираном [3].

Проб действовал обычным для византийцев методом — подкупом. Император Юстин,— пишет Прокопий,— послал в Боспор Патрикия Проба, племянника прежде царствовавшего Анастасия с большими деньгами, чтобы склонить гуннское войско идти на помощь иберам. Проб не достиг своей цели: лишь незначительные силы гуннов выступили тогда против персов в войсках византийского полководца Петра [4].

Прокопий приписывает инициативу включения утургуров в сферу византийской политики готам-тетракситам, которые жили в низовьях Кубани и по Черноморскому побережью в районе современных Анапы и Геленджика. Они переселились сюда из Крыма в связи с событиями IV—V вв. и представляли собой, очевидно, остатки тавроскифского населения Крыма, смешавшегося с готами и принявшего их имя еще в III—IV вв., когда готы играли значительную роль в этой части Северного Причерноморья. По указанию Перипла, описывающего побережье Черного моря (V в.), в упомянутом выше районе жили эвдусиане, говорившие на готском и таврском языках. Это те готы, которых Прокопий называет тетракситами.

В 548 г. готы послали в Константинополь посольство, якобы в связи с назначением в их область нового епископа взамен умершего.

На самом же деле посольство было вызвано не только религиозной, но политической и военной ситуацией, в которой очутились готы. «Эти послы,— пишет Прокопий,— вследствие страха перед гуннами-утургурами открыто, в присутствии многочисленных слушателей говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявили императору, кроме просьбы о назначении священнослужителя, но в беседе совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, они изложили все, насколько

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 387.

[2] V. C. Marcellini Comitis Chronicon. Monumenta Germaniae Historica Auctoris Antiguissimi, t. XI, vol. II, Hannoverae — Berolini 1894 (Chronica Minora II, стр. 60—108).

[3] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 143.

[4] Там же, стр. 145.

Римской империи будет полезно, если соседние с нею варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом»[1].

Надо думать, что выгоды такого образа действий византийцам нечего было объяснять. Но вполне вероятно, что готы-тетракситы, которые были соседями утургуров и не только враждовали, но и вступали с ними в союзные отношения[2], сыграли важную роль в установлении прочной связи между Византией и утургурами. При этом готы-тетракситы заботились прежде всего об обеспечении собственной безопасности, так как, будучи христианами, видели в Византии своего естественного союзника.

Христианство на Боспоре начало распространяться еще в конце III в. Епископ Боспора Кады принимал участие в I Вселенском соборе в Никее в 325 г. Позднее епископ боспорский был, по-видимому, одновременно и главой готской церкви. Известно, что константинопольский патриарх Иоанн Златоуст назначил епископом готским некоего Унину и после его смерти очень заботился, чтобы сохранить эту кафедру под своим владением. Так как сам Иоанн в это время (404 г.) был в ссылке, то в письмах к своим друзьям он советовал всячески затягивать с назначением готам епископа (о чем просило посольство, прибывшее от правителя готов) под предлогом невозможности плыть в Боспор в зимнее время.

С переходом Боспора под власть Византии перед готами-христианами, оставшимися за пределами византийских владений, должен был встать вопрос о реорганизации церкви. Для этого было послано в Константинополь вышеупомянутое посольство 548 г., которое также способствовало укреплению связей с соседями готов — утургурами. Обстоятельства благоприятствовали этому: разгромленные византийцами после временного захвата Боспора утургуры не имели сил, достаточных для нового захвата, и вынуждены были примириться с переходом Боспора под власть империи и позаботиться об упорядочении торговых связей с этим важнейшим для них рынком.

Посредническая торговля играла значительную роль уже в гуннском обществе[3]. Верхушка приазовских кочевых племен, получавшая немалую выгоду от этой торговли, была всячески заинтересована в ее развитии и в сохранении привилегий на таком важнейшем рынке, каким являлся Боспор. Господствуя над степями Волго-Донского междуречья, утургуры близко соприкасались с народами Поволжья. Волга уже в глубочайшей древности была важнейшей торговой артерией и связывала эти племена с далекими лесными обитателями Прикамья и Приуралья, откуда еще со времен племен ананьинской культуры экспортировались лучшие меха, так высоко ценившиеся на рынках Средиземноморья. В VI в. посредническая пушная торговля перешла, по всей вероятности, в руки утургуров.

---

[1] Там же, стр. 387.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 385.

[3] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов («Getica»), § 37. Перевод Е. Ч. Скржинской. (Рукопись сектора византиноведения Института истории АН СССР).

Важнейшим рынком сбыта этих мехов была Византия, значительную роль играли также иранские, закавказские, среднеазиатские рынки. Через посредство кочевых племен Приазовья и Прикаспия, в том числе утургуров, в такие отдаленные области, как Прикамье и Приуралье, проникали в значительном числе замечательные изделия византийского, иранского, среднеазиатского художественного ремесла VI—VII вв.

Подчинение Боспора империи поставило посредническую торговлю утургуров в полную зависимость от Византии, которая получила возможность диктовать условия торговли, регулировать прибыли племен-посредников и определять их привилегии, что сделало возможным и эффективным давление Византии на племена и племенные союзы, раньше находившиеся вне сферы ее воздействия. Это, очевидно, учитывали послы готов-тетракситов, которые вели переговоры с константинопольским правительством в 548 г.

И действительно, к середине VI в. утургуры оказываются в значительной мере подчиненными византийской политике. Вообще полная потеря самостоятельности в политике характерна для остатков гуннской конфедерации — племенные союзы кочевников становятся орудием политики не только Византии, но и варварских государств.

Наиболее показательны в этом отношении события 551 и 559 гг. В 551 г. произошла очередная вспышка давно уже длившейся вражды гепидов и и лангобардов. «Так как гепиды боялись Римской империи,— пишет Прокопий,— (они были уверены, что римляне будут помогать лангобардам) они решили привлечь к себе на помощь некоторых из гуннов. Поэтому они послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского Болота, и просили их помочь им провести совместно с ними войну против лангобардов. Кутригуры тотчас же послали гепидам двенадцать тысяч человек, во главе которых среди других стоял Хиниалон, человек, исключительно хорошо знавший военное дело. Так как гепиды в данный момент были очень стеснены присутствием этих варваров, а срок, нужный для войны, еще не наступил (оставался еще целый год перемирия), то они убедили их за это время сделать набег на земли императора, устроив таким образом, из-за своей неготовности к войне коварное и враждебное нападение против римлян» [1]. Кутургуры действовали, таким образом, в интересах гепидов, которые и спровоцировали вторжение в пределы империи. В свою очередь Юстиниан отправил послов к утургурам, упрекая их в бездеятельности по отношению к своим союзникам, на которых напал коварный враг, коварный не только по отношению к Византии, но и по отношению к самим утургурам. Прокопий ярко описывает дипломатические уловки Юстиниана. «Ведь,— говорил он,— кутригуры, являющиеся вашими ближайшими соседями, отнеслись к вам с полным пренебрежением, несмотря на то, что сами они ежегодно получают от Византии крупные суммы денег и никоим образом не хотят отказываться от нанесения

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 434.

обид римлянам, но ежедневно делают набеги и грабят их без всякого стеснения. А они, утигуры, не участвуя в этом, не получают никакой выгоды и не делят добычи с кутригурами, а в то же время они игнорируют, что римлянам наносится вред, хотя издревле они являются самыми близкими друзьями римлян» [1]. Обвиняя, таким образом, кутургуров в несправедливости и вероломстве, Юстиниан разжигал в то же время жадность утургуров. Письмо было подкреплено богатыми дарами и напоминанием о дарах, полученных утургурами ранее.

Посольство Юстиниана добилось своей цели. Большое войско утургуров, пополненное двумя тысячами готов-тетракситов, перешло Танаис и вторглось в земли кутургуров. «Начальствовал над ними Сандил — человек очень разумный и опытный в военных делах, достаточно известный своей силой и храбростью» [2]. Сразу же за Танаисом они были встречены большим войском кутургуров, защищавших свои становища, табуны и стада. Завязалась ожесточенная и длительная битва, закончившаяся полным разгромом кутургуров, главные силы которых во главе с Хиниалоном находились в это время в походе против Византии. Сандил захватил большую добычу, угнал в рабство детей и жен кутургурских и вернулся в свои земли. Воспользовавшись поражением кутургуров, многочисленные византийские пленники, жившие в их владениях, бежали на родину [3].

Однако окончательный разгром кутургуров и чрезмерное усиление утургуров были не выгодны Юстиниану, который добивался примерного равновесия сил и возможности постоянных межплеменных столкновений и взаимного ослабления. Характерны в этом отношении его дальнейшие шаги. Император сам послал военачальника Аратия к Хиниалону и кутургурам с сообщением о вторжении утургуров в их страну и предложением возможно скорее покинуть земли римлян. Предложение было подкреплено деньгами [4].

Кутургуры поспешили заключить мир с Византией на условиях, выгодных для нее. Они «согласились не производить больше убийств, не обращать никого из римлян в рабство и не делать ничего другого неприятного римлянам и так удалиться отсюда, как если бы они шли через страну, занятую друзьями» [5]. Кутургуры покинули территорию империи. Однако, предвидя невозможность вернуться в Приазовье, которому угрожало новое нападение утургуров, они по мирному договору выговорили себе право поселиться в пределах византийских владений с тем, чтобы они «в дальнейшем были подручными римлянам (федератами) и со всей тщательностью оберегали страну от всех других варваров» [6]. Согласно этой договоренности они получили земли во Фракии. Сюда же переселились остатки

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 434—435.
[2] Там же, стр. 435.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 436.
[6] Там же.

войска, разгромленного утургурами и бежавшего из Приазовья. В числе предводителей этих переселенцев был Синний, известный в Византии в качестве начальника наемных гуннских отрядов, сражавшихся под командованием Велизария в Африке против вандалов. Прокопий подчеркивает, что император принял этих переселенцев с большой охотой [1].

Все эти события и роль в них византийского правительства привели Сандила в сильное негодование. Утургурские послы явились к императору с резким протестом. Они сравнивали кутургуров с волками, которые пригреты римлянами, но рано или поздно покажут свой истинный характер. Они возмущались несправедливостью и вероломством Юстиниана по отношению к утургурам. «Живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной, а этим кутригурам дается возможность наедаться хлебом, они имеют полную возможность напиваться допьяна вином и выбирать себе всякие приправы. Конечно, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные золотом. А ведь эти же кутригуры в прежние времена обращали в рабство бесчисленное количество римлян и уводили их в свои земли... Мы же своими трудами и опасностями ...избавили этих пленных соотечественников ваших от властвующей над ними судьбы, мы вернули их родителям, они были теми, за кого мы взяли на себя всю тяжесть войны. И вот, в ответ на поступки, как со стороны нас, так и со стороны (этих разбойников) по отношению к нам вы поступили как раз обратно тому, чего мы заслужили: мы продолжаем жить среди нашей прежней наследственной бедности, а эти кутригуры поделили пополам владение страной с теми, которые избегали рабства у них, спасенные нашей доблестью» [2]. В этом заявлении протест сочетался со своеобразной формой вымогательства, которое и было удовлетворено многочисленными дарами и обещаниями.

Но слова послов относительно кутургуров оказались пророческими, и очень скоро волки показали зубы. В 559 г. Византия, сильно ослабленная внутренними противоречиями и поразившей Константинополь моровой язвой, подверглась новому, самому сильному нашествию кутургуров. Вождь их Заберган (Забер-хан) зимой по льду перешел Дунай с большим конным войском и, не встречая сопротивления, быстро прошел Мезию и Скифию и вторгся во Фракию [3]. Предлогом для нападения была вражда против утургуров и союзнические отношения их с римлянами. Подлинной же причиной вторжения была, по словам Агафия, страсть к обогащению [4]; это было очередное ограбление земледельческих областей и городов Византии. Без таких грабительских походов не могли обойтись ни массы кочевников, существование которых не обеспечивалось экстенсивным скотоводческим хозяйством, ни их стремящаяся к роскоши верхушка.

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 436.

[2] Там же, стр. 438.

[3] *Агафий.* О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М.—Л., 1953, стр. 148.

[4] Там же, стр. 149.

Во Фракии Заберган разделил войско на три части: одно направил к Херсону Фракийскому, чтобы разрушить укрепления, овладеть этой важной морской базой и обеспечить переправу в Азию; вторая часть двинулась в Грецию и быстро проникла к Фермопилам, главные же силы во главе с самим Заберганом, разгромив немногочисленные гарнизоны к северу от Константинополя, появились под его стенами. Столицу охватила паника. Растерявшиеся правители занялись эвакуацией сокровищ на азиатский берег. «Скорбь и страх,— пишет Агафий,— проникли не только в массы простых людей, но и распространились на всех должностных лиц» [1]. Военные силы Византии находились в самом плачевном состоянии. Город охраняли небоеспособные и не обученные военному делу гвардейцы — схоларии, блестяще одетые, развращенные наградами и подбиравшиеся «только для увеличения достоинства и великолепия императора, когда тот выступал публично» [2]. Угроза Константинополю была настолько велика, что император был вынужден поставить во главе войска одряхлевшего и давно отошедшего от дел опального полководца Велизария, а также пойти на такую крайнюю меру, как вооружение горожан и окрестных крестьян, которые присоединились к небольшой группе гоплитов Велизария [3]. Народные массы впервые свободно проявили свою инициативу в борьбе с кутургурами, и впервые эта инициатива не была пресечена правительством, находившимся на грани катастрофы. До этого правительство не раз пресекало самостоятельные действия отдельных воинских отрядов и групп населения против «гуннов», в которых видело возможных защитников против собственных народных масс и союзников в борьбе с земледельческими племенами. «Часто,— пишет Прокопий,— когда отряды гуннов, сделав набег, забрав пленных и ограбив римскую область, уходили назад, римские военачальники во Фракии и Иллирии решали напасть на них, но они, встретив в этом препятствие, должны были воздержаться, так как им предъявлялись письма императора Юстиниана, запрещавшие нападать на варваров, под предлогом, что они являются для римлян нужными союзниками против готов или против каких-либо других врагов. Поэтому эти варвары грабили и забирали в плен живущих здесь римлян как враги, и со своей этой добычей и пленниками возвращались домой как друзья и союзники римлян. Часто земледельцы, живущие здесь, побуждаемые любовью к взятым в плен своим женам и детям, собравшись вместе, нападали на уходящих варваров и (бывало) многих убивали, отбирали у них всю добычу и овладевали их конями. Но за это им приходилось на себе испытывать весьма неприятные последствия» [4].

Лишь чрезвычайные обстоятельства прекратили эту предательскую политику правительства. Доблесть народных масс, талант и огромный

---

[1] *Агафий.* Указ. соч., стр. 151.

[2] Там же, стр. 152.

[3] Там же, стр. 153.

[4] *Прокопий из Кесарии.* Тайная история. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1938, № 4, стр. 323—333.

военный опыт Велизария сыграли свою роль. Кутургуры были завлечены в засаду и разгромлены [1]. Остатки их вместе с Заберганом поспешно отступили на север.

Другая часть кутургурского войска встретила под Херсонесом Фракийским ожесточенное сопротивление гарнизона и населения, возглавляемых талантливым молодым полководцем Германом, сыном Дорофея. После нескольких неудачных штурмов кутургуры вынуждены были снять осаду, не добившись решающего успеха [2].

Наконец, кутургуры, ворвавшиеся в Грецию, не смогли сломить сопротивления византийского гарнизона в Фермопилах и повернули на север, чтобы присоединиться к своим соотечественникам [3].

Однако несмотря на неудачу кампании, кутургуры сохранили значительную силу и продолжали угрожать империи. Пресечь эту угрозу собственными силами Юстиниан не мог, и он вновь попытался спровоцировать столкновение кутургуров с утургурами. По словам Агафия, «...он решил всеми способами добиться того, чтобы поссорить и столкнуть врагов между собою, чтобы они уничтожили друг друга» [4]. Вновь он послал послов к возглавлявшему утургурский союз Сандилу, «своему федерату и наемнику» [5]. Но на сей раз Сандил очень неохотно согласился на требования Юстиниана. По словам Менандра, он говорил, что желает находиться в дружеских отношениях с Византией, однако считает неприличным и беззаконным вконец истреблять своих соплеменников, не только говорящих на одном языке с утургурами, но и ведущих одинаковый образ жизни, носящих одинаковую одежду и родственных с ними, хотя и подвластных другим вождям. Для успокоения Юстиниана Сандил обещал отобрать у кутургуров коней, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить империи [6].

Юстиниану пришлось прибегнуть к интриге и угрозам. Он объявил Сандилу, что кутургуры и войну-то начали для того, чтобы доказать, что могут быть более храбрыми и боеспособными союзниками, чем бездействующие утургуры. А если так, то и дары и субсидии, направлявшиеся прежде утургурам, будут переданы их врагам [7]. Это была реальная и весьма действенная угроза. Сандил, по сообщению Агафия, получив письмо императора, пришел в ярость и не мог сдержать своего гнева, но вынужден был все же выступить против кутургуров. Он неожиданно вторгся на их территорию и опустошил ее, угнав в рабство множество женщин и детей. После этого Сандил напал на ослабевшие войска кутургуров, только что перешедшие Дунай после упомянутых выше тяжелых переходов,

[1] *Агафий.* Указ. соч., стр. 157—158.

[2] Там же, стр. 158—161.

[3] Там же, стр. 162.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Менандр.* В сб. «Византийские историки». Отрывок 3. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1860, стр. 321.

[7] *Агафий.* Указ. соч., стр. 163.

разграбил их и отобрал добычу. В это время к кутургурам подошли подкрепления из Фракии. «И затем,— заключает Агафий,— в течение долгого времени, были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожали друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами» [1]. Последние слова Агафия совершенно справедливы; взаимное ослабление утургуров и кутургуров привело к тому, что оба союза потеряли самостоятельное значение в жизни Причерноморья, и если имена их еще и упоминаются позднее историческими источниками, то лишь в качестве подчиненных групп, зависимых от новых племенных союзов, господствовавших в Причерноморских степях, прежде всего аваров и болгар, среди которых они в конце концов и растворились.

* * *

Восточную часть территории между Азовским и Каспийским морями занимал большой племенной союз савиров, столкновения которых с утургурами уже упоминались выше. В некоторых источниках они также именуются гуннами [2], но с меньшим основанием, чем утургуры и кутургуры [3]. Они были известны еще в догуннскую эпоху; во II в. Птолемей упоминает «саваров», локализуя их «ниже аорсов», т. е. в тех же степях западного Прикаспия, где позднее они становятся известны византийским и армянским писателям. Языковая принадлежность савиров менее ясна, чем утургуров и кутургуров. Возможно, что в их объединении наряду с тюркскими языками некоторую роль играли языки угрофинской группы. Во всяком случае ни один источник не позволяет предполагать, что родство между ними и племенами приазовских гуннов было столь же близким, как родство между двумя группами самих этих племен — утургурами и кутургурами.

В послегуннскую эпоху савиры кочевали в степях Западного Прикаспия. Они неоднократно вторгались на земли своих соседей как западных, так и южных. О нападении их на земли сарагуров в 60-х годах V в. уже упоминалось выше. В 515—516 гг. они совместно с утургурами вторгались в Армению и опустошили Каппадокию [4]. Сведения о савирах в VI в. содержатся в сочинениях византийских, армянских и восточных авторов — Иоанна Малалы, Прокопия, Агафия, Феофана, Комеса Марцеллина, Табари и др. Они свидетельствуют, что племенной союз савиров был

[1] *Агафий.* Указ. соч., стр. 163—164.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 381; *Агафий.* Указ. соч., стр. 116.

[3] Некоторые исследователи связывают утургуров, кутургуров, сарагуров и оногуров с уйгурами, их считают западнотюркскими (*В. В. Радлов.* К вопросу об уйгурах. Примечания к т. LXXII ЗИАН, вып. 2, 1893, стр. 14), с уйгурами же связывают и савиров (*А. Н. Бернштам.* Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 174).

[4] «V. C. Marcellini Comitis Chronicon». (Chronica Minora, II, стр. 98).

многочисленным и воинственным. Иоанн Малала в хронике от сотворения мира до 583 г. определяет число их в 100 тыс. человек (а может быть, семей или кибиток) [1]. Однако столь же согласно источники подчеркивают, что в политике своей савиры, как и другие кочевые племена, не были самостоятельны, а использовались поочередно Византией и Ираном в их почти не прекращавшейся борьбе. Это, как и у кочевников Приазовья, было следствием, прежде всего, слабости их собственной хозяйственной базы и экономической зависимости их от цивилизованных государств, легко покупавших поэтому их военное сотрудничество.

«Этот народ и величайший и многочисленный,— пишет Агафий [2],— весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома, на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединяясь в качестве участника войны и опасностей, то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим». Иными словами, но то же самое передано Прокопием: «Сабиры являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу, одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности» [3]. Неудивительно поэтому, что савиры упоминаются источниками почти исключительно в связи с ирано-византийскими войнами, то как союзники персов, то как союзники римлян.

В 527 г. савирами правила Боарикс, вдова князя Белаха. Она заключила союз с Византией и, когда персидский шах Кавад склонил двух вождей других варварских племен помочь ему в войне с Византией, напала на них и одного из них — Глема убила, а другого — Тараниса захватила в плен и в оковах отправила в Константинополь, где он и был подвергнут мучительной казни.

В 531 г. савиры выступили против византийцев, напав на их владения в Армении, на Евфрате, в Киликии и Киррсетике. В последующие годы савиры неоднократно выступали в качестве наемных отрядов обоих враждующих государств одновременно.

Замечательно характерны в этом отношении события 550—554 гг. В 550 г. после получения значительных сумм от Юстиниана наемные отряды савиров пришли на помощь византийскому полководцу Бессу и, применив ряд таранов особой конструкции, сыграли решающую роль при взятии Петры [4]. В то же время к персидскому полководцу Мермероесу «пришли... союзники гунны из числа так называемых сабиров

[1] «Ioann Malalae Chronographia». Bonnae, 1831, стр. 430.

[2] *Агафий.* Указ. соч., стр. 116—117.

[3] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 407.

[4] Там же, стр. 407 и сл.

в количестве двенадцати тысяч» [1]. Интересно, что Мермероес, зная ненадежность и коварство савиров, испугался столь большого числа их и большую часть отпустил, богато одарив деньгами. Остальные же приняли участие в осаде византийской крепости Археополя, построив здесь такие же стенобитные машины, какие (это специально подчеркнуто Прокопием) «были сделаны союзными с римлянами савирами около стен Петры немного раньше» [2]. Почти одновременно одна группа савиров уничтожила персидский гарнизон Петры, а другая штурмовала Археополь, и пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они (персы и савиры), можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений» [3].

В кампании 554—555 гг. две тысячи тяжело вооруженных савиров под предводительством «знаменитейших у них людей» Башиаха, Кутилзиса и Илагера принимали активное участие в войне на стороне Византии и разгромили сильный отряд воинственных дилимнитов — союзников персов [4]. А уже в 556 г. византийские полководцы Максенций и Феодор разгромили отряд савиров, входивший на сей раз в состав вспомогательных персидских войск [5].

В середине VI в. савиры владели Прикаспийским проходом, который армянские историки называют Чора и где несколько позднее возник Дербент. Значительная часть их проникла в Закавказье, в степи, издавна привлекавшие к себе кочевников. Пришельцы вели себя здесь как в завоеванной стране, производя грабежи и опустошения. По сведениям Табари, Хосров I Ануширван большую часть их истребил, а уцелевшим разрешил остаться на занятой территории. В 576 г. византийские войска, вторгнувшиеся в Албанию (совр. Азербайджан), встретили савиров и заключили с ними союз против Персии. Однако савиры не выполнили условия и снова переметнулись на противоположную сторону. Тогда византийские войска вступили в Албанию и заставили савиров переселиться за р. Куру в пределы тогдашних византийских владений в Закавказье.

В 585 г. савиры упоминаются в качестве вспомогательных отрядов византийского войска. Дальнейшие сведения о них единичны; савиры вскоре оказываются в подчинении болгар и перестают интересовать византийских историков, хотя еще в 622 г. они принимали участие в войне Ираклия против Ирана.

В результате внутренней экономической слабости, децентрализации и постоянного участия в чужих войнах савиры очень быстро ослабли и фактически потеряли свою самостоятельность.

В хазарский период остатки их жили на побережье Каспийского моря к северу от Дербента и образовали княжество, находившееся в вас-

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 416.
[2] Там же, стр. 419.
[3] Там же, стр. 420.
[4] *Агафий.* Указ. соч., стр. 88 и сл.
[5] Там же, стр. 116—117.

сальной зависимости от хазар. У армян это княжество было известно под именем царства гуннов, а у арабов — Джидан.

* * *

История всех этих кочевых племен освещена почти исключительно письменными источниками. Вопрос об использовании для исторической их характеристики археологического материала чрезвычайно сложен. Подобно гуннам, они оставили скорее своего рода негативные, нежели позитивные следы в материальной культуре этого времени. С путями их движения и событиями их истории связаны прежде всего следы пожарищ и разрушений на поселениях соседних земледельческих народов. Чисто кочевнический быт, отсутствие регулярно развивающегося собственного ремесла, постоянное присвоение продуктов чужого труда обусловили отсутствие твердо определившихся собственных производственных традиций, без которых немыслимо создание комплекса материальной культуры, характерного для определенного племени и отличного от комплексов соседних племен. Более того, кочевники постоянно использовали ремесленные изделия завоеванных или соседних оседлых племен и воспринимали их производственные навыки, становясь в археологическом отношении почти неотличными от них. Материальная культура степной полосы в рассматриваемый период бедна, однообразна и не оригинальна; здесь встречены лишь отдельные разрозненные находки да немногочисленные погребения с инвентарем, происхождение которого следует искать в лесостепных и горных районах, а также в Византии, Иране, Средней Азии. Не осталось там ни городищ, ни поселений. Степь была занята кочевниками, пасшими свои стада летом ближе к северным границам степей, а зимой у морского побережья и в пределах Кавказа. Многочисленные поселения и города в низовьях Днепра, Дона и Кубани, разрушенные еще гуннами, так и не были восстановлены, а немногие из них, уцелевшие в IV—V вв., были разрушены кочевниками послегуннской эпохи.

На Таманском полуострове в первые века нашей эры было множество усадеб, селений и городов, а в V—VII вв. сохранилось всего несколько пунктов, где уцелело оседлое население. Никаких указаний на земледелие и оседлость у кутургуров, утургуров или савиров в наших источниках не имеется. В торговле они были лишь посредниками, никогда не являясь производящей стороной. Даже скот не мог стать у них сколько-нибудь заметной статьей экспорта: при экстенсивном кочевом скотоводстве его вечно не хватало для собственных нужд. Во всех источниках степные племена этого времени выступают как чистые кочевники.

Это были вместе с тем воинственные племена, предпринимавшие частые набеги на соседей с целью захвата добычи, в частности пленных, которых они потом выпускали за выкуп или продавали в рабство. Результатом нападений было ограбление земледельческих областей и добыча продуктов, необходимых для существования массы кочевников, а также вы-

могательство дани и подарков для племенной верхушки, привыкшей к роскоши. С общей экономической слабостью племен и развращенностью верхушки связаны постоянные действия кочевников в качестве наемной военной силы. Они охотно нанимались на службу к Византии, Персии или обоим государствам одновременно. В походы они отправлялись чуть ли не целыми племенами, нередко в полном составе боеспособных мужчин. Таким образом, война была для них, если и не источником существования, то важнейшим средством обогащения, причем, конечно, львиная доля добычи или подарков доставалась вождям.

Институт вождей племен и племенных объединений дотаточно четко оформился к этому времени. Судя по всем данным, достоинство и власть вождя были наследственными и независимыми от народного собрания, хотя иногда вождь и мог быть свергнут недовольными им соплеменниками и заменен новым, происходящим, однако, из той же правящей фамилии.

И кутургуры, и утургуры, и савиры, несомненно, состояли из нескольких племен и имели в соответствии с этим нескольких вождей. Характерны в этом отношении слова Прокопия о савирах, разделенных «как полагается на много самостоятельных колен» [1]. Упоминая вождей утургуров и кутургуров, Прокопий постоянно употребляет выражения «один из знатнейших», «один из начальников» и т. п. Вожди, стоявшие во главе племенных объединений, пользовались властью над вождями отдельных племен, хотя, по-видимому, далеко не безусловной. В отдельных случаях власть вождя могла принадлежать женщине (Боарикс), что свидетельствует отнюдь не о равенстве между полами, а о неотъемлемой принадлежности власти вождя определенной семье, в которой она оставалась даже в том случае, когда во главе этой семьи, а следовательно и племени, вследствие отсутствия наследника мужчины становилась женщина.

Если, таким образом, политическая организация варварских племен степной полосы Восточной Европы выступает перед нами довольно отчетливо, то конкретные признаки социально-экономического строя остаются далеко не ясными. Без сомнения, общество было уже значительно дифференцировано в имущественном отношении и состояло из разных по своей мощи и по количеству членов семейных хозяйств, возглавляемых патриархальными владыками, располагавшими всей полнотой власти над домочадцами и имевшимися в составе богатых семейств рабами. Вероятно, уже была зависимость бедных от богатых, хотя еще и облекавшаяся в формы родовых связей. Это было варварское общество с патриархальным строем, с наследственной властью родовых и племенных вождей, с подчиненным положением формально еще свободных рядовых членов, но общество еще не распавшееся на антагонистические классы.

Интересно отметить, что еще в первой четверти VI в. среди племен Северного Кавказа, по-видимому, входивших в состав савирского объедине-

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 407.

ния, распространяется христианство. В сирийской компиляции церковной истории, составленной в 555 г., имеется сообщение о проповеди албанского епископа Кадроста среди язычников, живших к северу от «врат», т. е. от Дербента. Епископ и его спутники крестили многих живших среди варваров пленников и некоторых гуннов и составили книги на «гуннском» языке (!). У варваров в это время (522 г.) находился византийский посол Патрикий Проб, прибывший через Боспор набрать среди них войско в помощь иберам для войны с Ираном. Он узнал о миссионерах и посетил их, а затем, когда весть о проповедниках дошла до Византии, император распорядился выдать им муку, вино, масло и другие продукты, а также священные сосуды. Через два года Кадроста сменил Мак. Он построил кирпичную церковь и завел хозяйство, знакомившее кочевников-скотоводов с земледелием и способствовавшее его распространению. Ему удалось крестить многих варваров и тем самым подготовить почву для распространения христианства среди савиров в последующее время.

3

АВАРЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В середине VI в. в степях Восточной Европы появился новый значительный союз кочевых племен, быстро усилившийся и вызвавший интерес византийских дипломатов и историков. Главную роль в нем играли авары [1]. Наименование это впервые стало известно византийцам еще в V в. в связи с посольством сарагуров в 463 г., сообщившем о нападении на них савиров, подвергшихся в свою очередь нападению аваров. Это сообщение, переданное Приском Панийским [2], более чем на сто лет предшествует вторжению большой аварской орды в Европу. Некоторые исследователи сомневаются в достоверности этого сообщения, считая его позднейшей припиской в сочинении Приска. Однако вполне допустимо, что отдельные группы аваров, основные массы которых кочевали тогда на просторах Центральной и Средней Азии, уже в середине V в. доходили до границ Европы, где сталкивались с савирами. В середине VI в. проникновение отдельных отрядов было сменено вторжением многочисленной и мощной орды. Несмотря на то, что вторжение это как по размерам, так и результатам своим уступало гуннскому, разрушительная роль его была достаточно велика и борьба с ним потребовала от европейских племен и народов значительного напряжения.

Происхождение аварского племенного объединения связано с бурными событиями этой эпохи, с перемещением значительных групп центральноазиатских и среднеазиатских племен. Состав объединения был достаточно сложен. Двигавшиеся с востока авары присоединяли к себе по пути все

---

[1] *H. H. Howorth*. The Avars. «Journal of the Royal Asiatic Society», (новая серия), 1889, XXI, стр. 721—810.

[2] *Г. С. Дестунис*. Сказания Приска Панийского. «Уч. зап. II отделения АН». кн. VII. вып. I, СПб., 1861, стр. 87—88.

новые и новые группы. Поэтому вопрос о происхождении аваров до сих пор вызывает немало споров. Их связывали с тюркоязычными, монгольскими, финно-угорскими племенами. Наиболее распространено отождествление аваров с центральноазиатскими жуань-жуанями, называемыми в древнетюркских рунических текстах «апар-апурым» [1]. Это дает основание предполагать, что название «авар» было одним из племенных имен, под которым были известны жуань-жуани (апар-авары). Жуань-жуани, сыгравшие значительную роль в истории Центральной и Средней Азии в IV—V вв., в середине VI в. были разгромлены мощным племенным объединением, составившим основу Тюркского каганата. Часть жуань-жуаней была отброшена далеко на запад и стремительно продвигалась по степной полосе Прикаспия — большой дороге вторжений азиатских кочевников. В 50-х годах VI в. жуань-жуани появились на границах Восточной Европы. Но, конечно, не все жуань-жуани мигрировали в Европу и не только они входили в состав нового объединения. Как и все большие союзы кочевых племен, жуань-жуаньский союз уже в Центральной Азии имел достаточно сложный состав. Этот состав еще более усложнился во время движения на запад. Вполне вероятно, что в момент появления в Европе аварская орда включала и тюркские, и монгольские, и финно-угорские племена, хотя основная роль в ней принадлежала скорее всего тюркам [2].

Именно с этой пестротой состава аварского объединения связана путаница у византийских авторов в вопросе о происхождении аваров. Византийцы сталкивались с различными частями орды, сведения об отдельных племенах ее были противоречивы. Племена имели свои названия и жили до прихода в Европу в разных местах.

Возможно, что с аварским авангардом двигался ряд племен, присоединенных аварами в Прикаспии и Поволжье. Все это породило версию о псевдо-аварах, переданную византийским историком первой половины VII в. Феофилактом Симокаттой [3]. Этот автор утверждает, что явившиеся в Европу авары не были настоящими аварами. По его словам, эти псевдоавары принадлежали к племени огор, которое жило возле р. Тил (Итиль — Волга). Часть этого племени по имени своих древних вождей называлась вар и хуни. Спасаясь от угрозы Тюркского каганата вар-хуни (вархониты) приблизились к савирам, которые якобы приняли их за аваров и поднесли им дары. Когда же вар-хуни заметили эту выгодную для них ошибку, они начали преднамеренно выдавать себя за аваров, ибо, объясняет Феофилакт Симокатта, из всех скифских народов авары отличаются наибольшей даровитостью. Таким образом, по версии Феофилакта Симокатты,

---

[1] *Deguignes.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tatares occidentaux. Paris, 1756—1758; *J. Marquart.* Über dem Volkstum der Romanen. Osttürkische Dialektstudien. Abhandlungen d. Königl. Gesellschaft d. Wissen. zu Göttingen, Phil. Hist. Class (новая серия), VII—XIII. Berlin, 1914; *P. Pelliot.* A propos des Comans. «Journal Asiatique». Paris, 1920, стр. 125—185.

[2] *V. Thomsen.* Inscriptions de l'Orkhon. Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne, V, 1896.

[3] *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957, стр. 159—160.

пришедшие в Европу авары оказались самозванцами: на самом деле они были деогарами (уграми) и прикрылись лишь именем «авары» для устрашения своих возможных противников.

Феофилакт Симокатта не оригинален в этом объяснении. Он лишь переложил письмо тюркского кагана Даньгу к императору Маврикию, в котором каган старался всячески возвеличить свое могущество и преуменьшить силы аваров. Поэтому версия о псевдо-аварах носит не только путаный, но и крайне тенденциозный характер. Что же касается фактической стороны дела, то это примитивное объяснение может свидетельствовать лишь о том, что некоторые прикаспийские и нижневолжские племена, возможно финно-угорские, были вовлечены в движение аваров. Но, конечно, не они составили основу такого объединения, которое явилось серьезной угрозой империи, племена которого неоднократно нападали на Константинополь и вели ожесточенную, более чем двухвековую борьбу против народов Восточной и Центральной Европы. В это объединение вошли и угры, и многочисленные остатки племен гуннской конфедерации, и, возможно, часть аланов. Но основу его составляли пришедшие с востока племена жуань-жуаньского союза. Как бы ни назывались они в Средней Азии, Европа узнала их под именем аваров. Они, несомненно, явились авангардом той большой группы племен, которая была основой Западно-Тюркского каганата, царства кермихионов (как называли тюрок иранцы), считавшихся «подлинными аварами».

Появление новой волны азиатских кочевников было обусловлено не только натиском Тюркского каганата, но и внутренними причинами. Как было показано выше, племенные союзы в южнорусских степях были ослаблены непрекращающейся борьбой друг с другом, участием в войнах Византии и Ирана, несостоятельностью своей экономической базы, а также слабостью и загниванием племенной верхушки.

Именно в силу этих причин авары вторглись в степи Западного Прикаспия, не встречая сильного сопротивления, и быстро вступили в контакт с северокавказскими аланами, а через них и с Византией. Аланский вождь Сарозий явился посредником между аварами и византийским главнокомандующим в Кавказской Лазике — Юстином. Последний известил императора о появлении аваров и испросил для них разрешение послать посольство в Константинополь.

Посольство прибыло в столицу в 558 г. [1] Византийские историки отмечают необычный вид новых пришельцев. «Авары носили длинные волосы, откинутые назад, связанные бичевками и заплетенные в косу,—пишет Феофан,— в остальном наружностью своею они походят на прочих гуннов» [2].

Возглавлявший посольство Кандих обратился к императору с высокомерной речью, переданной нам историком Менандром. «К тебе приходит самый великий и сильный из народов,— говорил посол,— племя аварское

[1] «Летопись византийца Феофана», стр. 177—178.

[2] Там же, стр. 178.

неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противников. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в таком случае будут в дружеских связях с Римскою державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобою на плодоносной земле» [1]. Это заявление показывает, что авары были в одинаковой мере хорошо осведомлены как о тяжелой для Византии военной ситуации, так и о системе подкупов и интриг, применяемой к степным племенам как для того, чтобы отвести угрозу их нападения, так и для того, чтобы натравить их друг на друга и использовать в своих военных интересах. Очутившись вблизи византийских границ, авары хотели немедленно урвать свою долю вынужденных милостей от империи. Кроме того, они нуждались в обширных пастбищах для скота поблизости от оседлых земледельческих народов и самой империи и рассчитывали получить их подобно многим другим племенам, поселившимся в пределах номинальных границ Византии [2].

Император не был в силах пресечь вымогательство аваров. Находясь под угрозой очередного вторжения кутургуров, Византия нуждалась в военных союзниках. Поэтому Юстиниан благосклонно принял аварское посольство. «Быв решительно не в силах справиться с аварами,— замечает Менандр,— он пошел другими путями» [3]. Прежде всего были богато одарены сами послы: им были вручены дорогие одежды, украшенные серебром и золотом пояса и седла, украшения, деньги [4]. Далее были посланы подарки аварским вождям. По сообщению Менандра, это были «цепочки, украшенные золотом, и ложа и шелковые одежды, и множество других вещей, которые могли бы смягчить души, исполненные надменности» [5]. Вместе с возвращавшимся посольством был отправлен к аварам приближенный императора мечник Валентин. Цель этой миссии определена Менандром достаточно определенно: «ему предписано было,— пишет историк,— ввести то племя в союз с римлянами и заставить его действовать против римских врагов. Такие меры,— продолжает он,— были придуманы царем весьма разумно, потому что, победят ли авары или будут побеждены, и в том и в другом случае выгода будет на стороне римлян» [6]. По совету Юстина, племянника императора, того самого главнокомандующего в Лазике, через которого произошло первое знакомство Византии с аварами, человека, видимо, хорошо осведомленного в делах причерноморских кочевников, для поселения новых союзников были обещаны земли во второй Паннонии, к северу от Дуная, между реками Савой

---

[1] *Менандр.* Отрывок 4.

[2] «Летопись византийца Феофана», стр. 178.

[3] *Менандр.* Отрывок 4, стр. 323.

[4] *Иоанн Эфесский.* Церковная история. См. *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 139.

[5] *Менандр.* Отрывок 5, стр. 323.

[6] Там же.

и Дравой. Однако прежде чем получить землю для поселения, авары должны были показать свое усердие в борьбе с врагами империи. И, по сообщению Менандра, «авары вскоре завели войну с утигурами, потом с залами, которые уннского племени, и сокрушили силы савиров» [1]. В этих действиях Византии весьма четко выявляется тактика ее дипломатов, направленная на взаимное ослабление соседних племен, в том числе и собственных союзников. Ведь надо помнить, что утургуры, на которых напали теперь авары, не раз выступали на стороне Византии, да и в эти годы по требованию императора они нанесли решительный удар с тыла ворвавшимся в пределы империи кутургурам.

Вступив в борьбу с большими союзами кочевых племен азовско-каспийских степей, авары, очевидно, обезопасили свой тыл с юга, вступив в дружеские отношения с аланами, вождь которых Сарозий уже ранее способствовал установлению связи между аварами и империей. Дружеские отношения с аланами продолжались, видимо, в течение всего времени, проведенного аварами в степях к северу от Кавказа. Впряженные в колесницу византийской политики, авары не имели оснований ссориться со старыми союзниками империи — аланами, ибо в своих войнах они, без сомнения, руководствовались указаниями Византии. В частности, войну аваров с савирами можно связать с выступлениями последних против Византии. Целью войны с утургурами было стремление ослабить этот племенной союз. С другой стороны, война с утургурами явилась, очевидно, основой для дружеского союза аваров с кутургурами. Последние были к этому времени сильно ослаблены неудачными походами на Балканы и нуждались в союзнике, которым и явились авары. В свою очередь, союз с кутургурами способствовал дальнейшему продвижению аваров на запад, в глубь причерноморских степей. Там, в лесостепной области, объединенные силы этих кочевых племен обрушились на антов. Надо думать, что и здесь не обошлось без происков византийских дипломатов, без подкупа и провокаций: мощный союз славянских племен — антов представлял значительную угрозу империи, и звон антских мечей не раз уже приводил в трепет население столицы. Вторжение аваров в антские земли было внезапным. Менандр не без злорадства сообщает, что «владетели антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю» [2].

Пытаясь прекратить войну, анты послали к аварам одного из своих вождей — Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова. Посол с большим достоинством вел переговоры и, по словам Менандра, «закидал их (аваров) надменными и даже дерзкими речами» [3]. В переговоры вмешался некий Котрагиг, который «подавал против антов самые неприязненные советы» [4]. В частности, он посоветовал аварам убить Мезамира,

---

[1] *Менандр.* Отрывок 5, стр. 324.
[2] *Менандр.* Отрывок 6, стр. 324.
[3] Там же.
[4] Там же.

ссылаясь на значение его среди антов и на то, что с обезглавленным антским союзом справиться будет легче. Убежденные им авары «уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира. С тех пор пуще прежнего стали авары разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать жителей» [1].

Все эти действия усилили аваров, к которым присоединились остатки кочевнических племенных союзов Приазовья. Вновь образовавшееся большое объединение распространило свое влияние до границ Византии. Авары настойчиво требовали у империи обещанной им территории, такой, которая принадлежала бы им на законном основании. Еще ранее им обещана была земля во второй Паннонии, но тогда авары были заняты борьбой с утургурами, а потом с антами на территории Скифии. Теперь же сама Византия, опасаясь соседства с усилившимися аварами, медлила с окончательным решением этого вопроса. В 562 г. в Константинополь прибыло новое аварское посольство с целью осмотра отводимой аварам для поселения земли. Однако византийскому полководцу Юстину удалось узнать от подкупленного им авара Икунимона, что авары воспользуются переходом через Дунай для нападения «на римлян со всеми силами» [2]. С целью выиграть время, император задержал посольство в Константинополе. Когда же на обратном пути оно прибыло в ставку Юстина, последний сумел отобрать у аваров закупленное ими в столице оружие. Это не могло не озлобить аваров против империи. Однако тогда они не решились еще на открытое выступление против нее, и это следует скорее всего объяснить тяжелой борьбой с антами, которая потребовала от аваров значительного напряжения и сильно их ослабляла. Кроме того, отдельные группы аваров двинулись в это время дальше на запад, где вступили в борьбу с народами Центральной Европы. В силу этого военные столкновения между Византией и аварами тогда еще не начались.

В 565 г. в Константинополь вновь явилось аварское посольство. Оно было принято новым императором Юстином Младшим. Не удовлетворившись обычными подарками, послы попытались получить дополнительную дань. С этой целью они обратились к императору, перечисляя заслуги аваров и угрожая Византии. Однако военная ситуация после разгрома кочевников Причерноморья и антов и заключения мира с Персией была более благоприятна для империи, чем ранее. Самим же аварам нелегко далась победа над антами. Поэтому Юстин не только не пошел на требования аварских послов, но и ответил им с необычной резкостью. По сообщению Менандра, он отказал им даже в обычном подношении, сопровождая этот отказ словами: «Итак, удалитесь отсюда, считая и то для себя великою выгодой, что остаётесь в живых. Вместо римских денег уносите с собою страх к нам, для вас спасительный» [3]. Другой историк, Иоанн Эфесский, также свидетельствует о крайне резком тоне ответа им-

[1] *Менандр.* Отрывок 6, стр 325.
[2] *Менандр.* Отрывок 9, стр. 326—327.
[3] *Менандр.* Отрывок 14, стр. 359.

ператора. «Вы ничего более не получите от государства, чтобы уйти, не принеся нам никакой пользы. От меня вы ничего не получите и уходите» [1]. На угрозы раздраженных такой речью послов Юстин ответил ответными угрозами: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому царству? Знайте, что я прикажу сбрить вам волосы и затем сниму вам головы» [2].

То, что крайне резкий тон императора был обусловлен определенной военной и политической ситуацией, лучше всего доказывается последующими действиями аваров. Они и на этот раз не ответили Византии военным вторжением, силы их были для этого еще недостаточны. Но, вместе с тем, очутившись во враждебном окружении, без достаточного количества скота — основного (хотя и недостаточного) источника существования кочевников, авары могли существовать лишь за счет своих соседей — оседлых земледельческих народов. На войну с ними, на ограбление их была направлена вся аварская военная организация. И они двинулись на запад, предприняв ряд грабительских походов против народов Центральной Европы. Продолжая борьбу с прикарпатскими славянскими племенами, отдельные группы аваров прорвались на запад, к Эльбе. После многих походов, упорной борьбы, присоединения ряда земель и племен в 60-х годах VI в. под властью хана Баяна на Дунае образуется мощный Аварский каганат. Отсюда совершаются постоянные набеги на славян, франков и лангобардов, а также и на Восточно-Римскую империю, которая очень скоро почувствовала тяжесть ударов своего бывшего союзника и вынуждена была возобновить выплату дани. Уже в 570 г. Византия платила аварам 80 тыс. солидов. На территории Паннонии и в сопредельных областях найдены тысячи византийских монет этого времени. Многочисленные клады показывают, что эти монеты попали сюда не в результате торговли, а как сокровища, полученные аварской знатью от византийцев.

Одновременно с подкупами, византийские дипломаты пытаются отвлечь аварские силы от границ империи и использовать их против народов Восточной и Центральной Европы, прежде всего против славян. Славяне далеко не полностью были подчинены аварам; в 578 г. Менандр упоминает Даврентия и других «важнейших князей склавинского народа», не покорившихся аварам. В ответ на требование покорности и угрозы со стороны послов Баяна славяне им заявили: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи» [3]. Уже тогда авары и Византия предприняли согласованные действия против славян. Славяне далеко не всегда выступали совместно с аварами: известен ряд их самостоятельных вторжений в пределы империи. В случае же совместных действий они играли значительную роль в аварском войске. Покоренные племена

[1] *Иоанн Эфесский.* Церковная история. См. *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 139.

[2] *Н. Пигулевская.* Там же, стр. 140.

[3] Менандр. Отрывок 50, стр. 433—434.

использовались аварами в качестве вспомогательного войска. По словам Фредегара, «когда гунны (авары), шли ратью против какого-либо народа, они ставили впереди своего лагеря их (славян объединенное войско), и венды (славяне) сражались; если они одерживали вверх, тогда гунны подходили, чтобы забрать добычу, а если венды начинали подаваться, то получив подмогу со стороны гуннов, они снова набирали сил». Но другие племена славян не покорялись аварам. Об этом лучше всего свидетельствует требование византийского полководца Тиберия, который предпочитал при заключении договора с аварами получить заложниками детей не самого кагана, а «князей скифских» (славянских). «По его мнению,— пишет Менандр,— когда бы были у римлян в залоге дети князей скифских, то родители заложников не согласились бы нарушить мирные условия, хотя бы каган и имел такой замысел» [1]. В силу изложенного, ослабление славян было вдвойне выгодно Византии. И именно против славян был направлен тот союз, который был временно установлен в это время между империей и аварами. Достаточно сказать, что согласованные действия, предпринятые ими против славян в 578 г., последовали за сильным вторжением последних в Македонию и Фессалию [2]. И не раз еще после этого Византия заключала с аварами формальные договоры относительно совместных действий против славян.

В этот же период Византия оказала содействие аварам в Закавказье. Отдельные группы аваров еще ранее вторглись на территорию Кавказа, подвергнув грабежу и опустошению ряд его областей. В 70-х годах авары натолкнулись здесь на ожесточенное сопротивление грузинских войск царя Гурама (570—600 гг.). Не надеясь на военный успех и видя бесперспективность дальнейшей войны, авары обратились за помощью к Византии, и лишь под давлением последней Грузия согласилась на мир с аварами, предоставив им земельные участки для расселения. Об этих событиях сообщает грузинская летопись «Картлис Цховреба» [3].

Попытки заключения союза с аварами пагубно отозвались на отношениях Византии с Западно-Тюркским каганатом. Союз между ними продолжался очень недолго. Тюрки проникли в степи Предкавказья, подчинили остатки утургурских племен и готовы были теперь использовать любой предлог для разрыва с Византией. Новый каган Тюрксанф встретил византийское посольство 576 г. резкими обвинениями, очень ярко переданными Менандром. «Не вы ли,— говорил он,— те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман?» Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами; потом продолжал: «Как у меня теперь во рту десять пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим моих рабов вархонитов (аваров). Просто ска-

[1] *Менандр.* Отрывок 33, стр. 399.
[2] *Менандр.* Отрывок 50, стр. 433.
[3] «История Грузии» («Картлис Цховреба»). СМОМПК, вып. XXII, Тифлис, 1897, стр. 22.

зать, лаская все народы и обольщая их искусством речей и коварством души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся в беду головой, а пользу от того получаете сами» [1]. Послам не удалось предотвратить разрыв: в заключение переговоров каган погрозил, «что он начнет с того, что завоюет Боспор» [2]. И действительно, в том же году тюрки начали военные действия против империи. Многочисленное войско их во главе с полководцем Вохалом вторглось в Северное Причерноморье, захватило Боспор [3], и около 580 г. тюрки находились уже вблизи Херсонеса [4]. Однако закрепиться в Причерноморье они не смогли.

Внутренние неурядицы в Западно-Тюркском каганате и неудачные войны с соседями отвлекали тюрков от дел на западе настолько, что Византия смогла вернуть свои владения в Крыму, в том числе и Боспор. Войска кагана были отброшены на восток. Но и эти действия, а также возобновившаяся в конце 70-х годов война с Персией, значительно ослабили империю, чем не замедлили воспользоваться авары.

В 580 г. Баян стал готовиться к большому вторжению в пределы империи. Собрав множество лодок, авары переправились через Саву и, используя византийских инженеров, начали сооружать переправу через Дунай. Примечательно, что свои военные приготовления Баян объяснял византийцам намерением выступить против славян, которые якобы отказались от выплаты дани и убили аварских послов [5]. Каган хорошо знал, что такое объяснение может удовлетворить византийцев или, во всяком случае, задержать их реакцию на его действия. И действительно, аварам удалось выиграть время, и византийские войска были посланы через Далмацию к Сирмиуму лишь после того, как переправа через Дунай была сооружена. Эти наспех собранные силы не выдержали аварского натиска, а сам Сирмиум оказался неподготовленным к длительной осаде. Этот важнейший опорный пункт римлян на Дунае перешел в руки аваров. После этого претензии аваров резко возросли: они требовали все нового и нового увеличения платежей и использовали малейший повод для новых вторжений. В 583 г. размер платежей был доведен до 100 тыс. солидов, а после опустошительного набега аваров на Иллацию (в том же году) — до 120 тыс. [6]

Весь конец VI в. был ознаменован периодическими опустошительными вторжениями аварских орд в Византию. Особенно сильное впечатление произвело на современников нашествие 587 г. Феофан пишет, что в этом году каган «страшно повоевал Мизию и Скифию, опустошив города Ратиаргу и Конопию и Акис, и Доростол и Зарпаду и Маркианополь» [7].

[1] *Менандр.* Отрывок 45, стр. 418—419.
[2] Там же, стр. 422.
[3] Там же, отрывок 47, стр. 423.
[4] Там же, отрывок 66, стр. 462.
[5] Там же, отрывок 65, стр. 459.
[6] «Летопись византийца Феофана», стр. 193.
[7] Там же, стр. 196.

Он отмечает растерянность византийских воевод, полную несогласованность их действий. Евагрий указывает, что в конце 80-х годов «авары дважды доходили до так называемой длинной стены, опустошили и разграбили Сингидон, Анхиал, всю Грецию и другие города и крепости, все истребляли и предавали огню...» [1].

Познакомившись с византийской военной техникой и используя захваченных в плен инженеров и мастеров, авары стали строить осадные машины. Они теперь не ограничивались опустошением сельских местностей, а угрожали крупнейшим городам империи. Так в 592 г. авары взяли и разрушили Анхиал, осадили Сингидон и, «приготовив осадные машины», угрожали Дрижинеру. Последний был спасен лишь героизмом городского населения, поднявшегося против аваров [2]. В 593—597 гг. крупных столкновений между Византией и аварами не было. Характерно, что именно в этот период византийский полководец Приск при нейтралитете (а скорее всего и при поддержке) аваров совершил нападения на славянские земли (593 и 594 гг.) [3]. В 598 г. вторжения в Византию возобновились с новой силой. Византийским полководцам удается иногда разгромить аваров (например, в 601 г.) [4], но последние достигают в это время максимального могущества и быстро собирают силы для новых нашествий. Они проникают все дальше в глубь Балканского полуострова, разрушают укрепления, угрожают самому Константинополю. Феофилакт Симокатта сообщает, что дела Византии дошли до столь бедственного положения, что жители готовы были уже оставить европейский берег и, переправившись в Азию, поселиться в Халкедоне [5]. В 619 г. у г. Гераклеи авары сделали даже попытку захватить самого императора, который переоделся простолюдином и «неблагородным образом тотчас же обратился в бегство» [6]. Не прекращаются и грабительские набеги аваров на земли славян, франков, лангобардов.

Аварское объединение в рассматриваемое время достигает наибольшей силы. По характеру своей экономики и общественной огранизации каганат не отличался от других союзов, образованных кочевниками в порядке завоевания. Собственные производительные силы были ничтожны и не только не развивались, но деградировали. Массы кочевников могли существовать лишь за счет ограбления оседлых земледельческих народов. О сколько-нибудь значительном оседании на землю самих аваров говорить нельзя. Правда, археологические находки аварского времени на Дунае дают неко-

---

[1] «Церковная история Евагрия, Филосторгия и Феодора-чтеца». СПб., 1853—1854, стр. 293.

[2] «Летопись византийца Феофана», стр. 204—205.

[3] Там же, стр. 205—206.

[4] Там же, стр. 213.

[5] *Феофилакт Симокатта.* История, стр. 168.

[6] «Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия». Перевод Е. Э. Липшиц. «Византийский временник», т. III. М., 1950, стр. 354.

торые признаки наличия земледелия, но они очень немногочисленны, и неизвестно, принадлежали ли они самим аварам или покоренным ими племенам. Завоевания и грабительские походы привели к концентрации значительных богатств в руках племенной верхушки, стремившейся к еще большему обогащению, главным источником которого были война и дань с подчиненных племен. Выше уже назывались огромные суммы византийских платежей аварам.

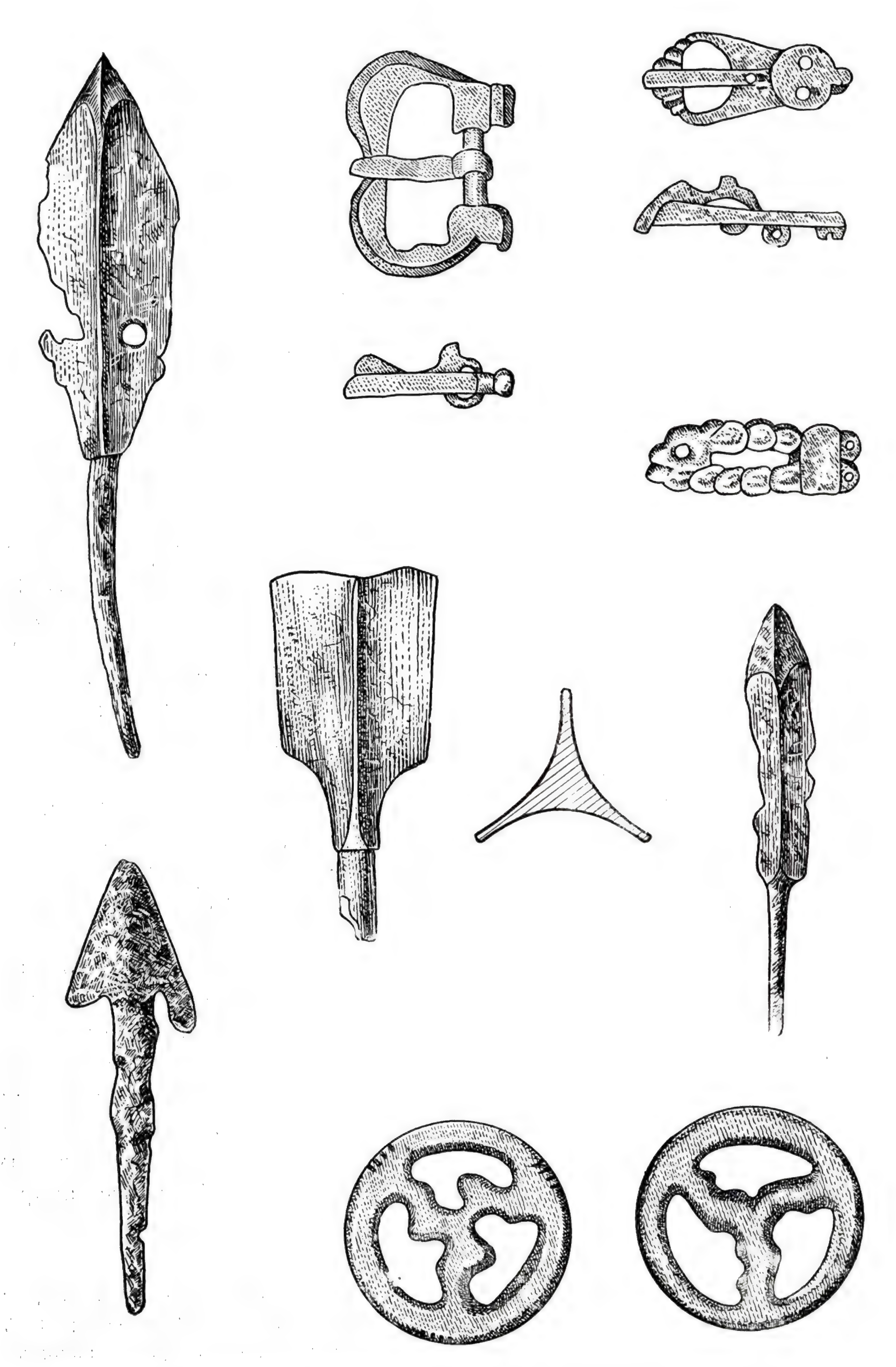
Завладев важнейшими торговыми путями, авары поставили под контроль всю торговлю Византии с европейскими народами, получая от этого огромные прибыли. Это выразительно подтверждается данными нумизматики. Византийские монеты, распространенные ранее во многих областях Центральной и Северной Европы, концентрируются теперь главным образом на территории Аварского каганата и в сопредельных с ним областях [1]. С подчиненных племен Восточной Европы авары взимали дань продуктами земледелия, подвергая народ при этом зверской эксплуатации. В таком положении оказались некоторые славянские племена, в том числе дулебы. Фредегар сообщает, что авары («гунны») «каждый год приходили на зиму, брали жен и дочерей их на ложе свое и славяне, сверх других притеснений, платили им подать» [2]. Воспоминания о тяжком аварском иге сохранены и русской летописью. Обры (так называет летопись аваров) «воевали» и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским; «если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина» [3]. Однако отношения между аварами и славянскими племенами не ограничивались подчинением некоторых из последних. Бо́льшая часть славян не была покорена аварами. Они выступают как значительная сила, иногда присоединяясь к аварским походам на Византию, иногда же вторгаясь в пределы империи самостоятельно. Они представляли реальную угрозу с севера не только Византии, но и самим аварам. Этим объясняются неоднократные договоры и согласованные действия Византии и аваров, направленные против славян. Даже военные приготовления друг против друга они маскировали подготовкой похода на славян. В период же совместных действий аваров и славян, последние играли в объединенном войске весьма большую роль и заставляли кагана считаться с собой. Известно, что причиной ряда неудач аварских военных предприятий было отпадение от них славянских отрядов. Так было, например, во время вторжения 601 г. [4]

[1] *L. Huszár.* Das Münzmaterial in den Funden der Völkerwanderungszeit in mittleren Donaubecken. «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae», t. V, Fasc. 1—2. Budapest, 1954; *Д. Чаллань.* Византийские монеты в аварских находках. Acta Archaeologica..., t. II, Fasc. 1—3. Budapest, 1952.

[2] «Fridegarii et oliorum chronica», 48 ed. Br. Krusch. «Monumental Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingicorum», t. II. Hannoverae, 1888.

[3] «Повесть временных лет», часть I, стр. 210.

[4] *Феофилакт Симокатта.* История, стр. 179—180.



Железные и бронзовые вещи с поселений VI — VII вв. Волыни и Полесья

Созданный в результате завоевания и порабощения Аварский каганат состоял из различных племен и не имел ни общей экономической базы, ни общей культуры, ни общего языка. Он держался лишь на насилии, на военной силе и военной организации аваров, которые как указывает «Стратегикон» Псевдо-Маврикия, «клятв не держат, договоров не исполняют, их нельзя достаточно обуздать никакими подарками, так как прежде чем получить предлагаемое, замышляют обмануть и отказаться от того, на что согласились» [1]. Такое объединение не могло быть прочным, и внутренняя слабость каганата вместе с непрекращающейся борьбой европейских народов против поработителей предопределили быструю его гибель.

Археологические памятники аваров представлены, главным образом, погребениями; поселения изучены пока еще недостаточно. Для погребений характерны подбои в одной из стенок могилы, трупоположения вытянуты на спине, головой чаще всего на север. Очень часто покойник сопровождается полным скелетом коня или частями его.

Археологические находки, связанные с аварами [2], характерны прежде всего для кочевых племен, собственное ремесло которых было развито слабо и которые испытывали в своей материальной культуре сильное, а подчас и решающее влияние своих более развитых соседей. Комплекс вооружения и конского снаряжения, известный по находкам в венгерских могильниках аварского времени, в равной мере характерен для ряда кочевых племен евразийских степей. Он представлен большим составным луком с костяными накладками, крупными трехлопастными наконечниками стрел с черенком, втульчатыми наконечниками копий, боевыми топорами, мечами. Отдельные воины—прежде всего военные вожди—были защищены железными латами; по сообщению «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, защитное вооружение имели даже их лошади. Но большую часть войска составляла, несомненно, легкая конница, и недаром к концу аварского периода — в конце VII—VIII вв.— тяжелый двулезвийный меч был сменен однолезвийной, слегка изогнутой саблей. Формы конской сбруи также весьма характерны для кочевников этой эпохи. Они представлены стременами, впервые появившимися тогда в Европе, удилами с костяными или железными псалиями, большими металлическими пряжками с клювоподобным язычком. Ремни воинов и перевязь меча были украшены многочисленными литыми бляшками, иногда украшенными прорезями. Для украшений особенно характерны геометрический орнамент и звериные изображения. Геометрический орнамент представлен плетенкой, елочкой и другими узорами, развитие которых хорошо прослеживается у европейских племен, в частности у лангобардов, от которых и переняли авары этот вид орнаментации. Изображения животных различны, от сильно геометризованных до реалистических: сохранившиеся элементы звериного стиля, восходящие к сарматскому искусству, сочетаются здесь с некоторыми центральноазиатскими

---

[1] *Маврикий*. Тактика и стратегия. Перевод Цыбышева. СПб., 1903, стр. 174.

[2] См. библиографическую сводку «D. Csallány Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa». Budapest, 1956, стр. 17 и сл.

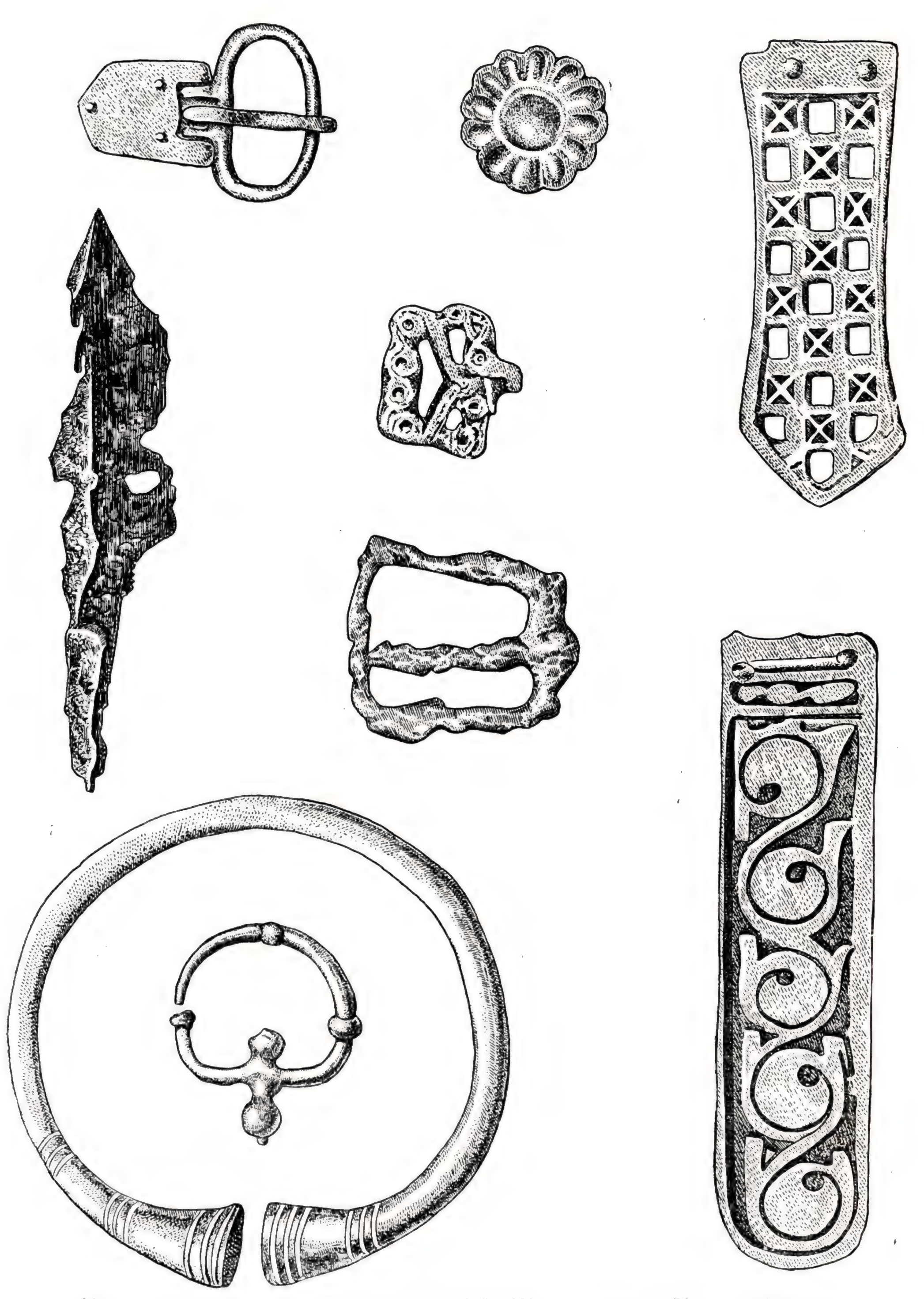
мотивами. Наконец, очень сильно влияние византийского ремесла, а многие вещи из аварских погребений — прежде всего украшения — имеют, несомненно, византийское происхождение. Ювелирные изделия константинопольских мастеров были широко распространены на захваченной аварами территории и вместе с монетами входили в состав кладов — сокровищниц аварской знати.

Таким образом, значительная часть материальной культуры аваров создавалась руками подневольных ремесленников-чужеземцев или в мастерских соседних народов, что еще более усугубляло экономическую слабость аваров, зависимость их от эксплуатации покоренных племен. Борьба этих племен против аваров становилась все более грозной, и результаты ее сказались очень скоро.

Уже в конце VI в. аварам при вторжениях в Византию приходится иметь дело не только с византийскими войсками, но и с ожесточенным сопротивлением народных масс, которые нередко играют решающую роль в военных операциях и своими силами отбрасывают захватчиков от стен разных городов. Племена, порабощенные аварами или втянутые в их объединение, отпадают от аварского войска, а иногда и открыто выступают против них. К началу VII в. сопротивление аварам значительно усилилось. Непоправимый удар авторитету кагана и аваров нанесла неудачная осада Константинополя соединенными силами аваров и персов в 626 г. Этой решительной операцией авары хотели завершить свои длительные войны с Византией, окончательно обеспечить свою власть над земледельческим населением Балканского полуострова, захватить огромные богатства императорских сокровищниц и церквей столицы, наконец, стабилизировать свое положение господствующего племенного объединения Восточной и Центральной Европы. Для похода на Константинополь были сконцентрированы все основные силы аваров, усиленные втянутыми в поход некоторыми славянскими племенами и значительными контингентами персидских войск, которые во главе с Сарбаром (Махрбаразаи) уже с 622 г. опустошали азиатские земли империи. «Как бы поделив между собой Фракийский Босфор,— пишет Никифор,— персы захватили его азиатскую часть, авары уничтожали Фракийскую область» [1]. Подойдя к городу, авары сожгли предместья его и предприняли попытку штурма, используя стенобитные приспособления, деревянные башни и «черепахи» [2]. Но гарнизон города, руководимый Патрикием Воном, оборонялся стойко и ожесточенно. В борьбу с аварами активно включились народные массы Константинополя. Попытки штурма были неудачны. Защитники города уничтожили аварские осадные машины вместе с находившимися на них воинами. Славянские отряды, действовавшие в составе аварского войска, были заманены в ловушку и уничтожены. Это решило исход осады: авары позорно бежали из-под стен столицы [3].

---

[1] *Никифор.* Указ. соч., стр. 356.
[2] Там же.
[3] Там же.



Металлические вещи из могильника VIII—IX вв. возле с. Юллё в Венгрии (по А. Шошу)

Разгром под Константинополем послужил сигналом для мощного и повсеместного выступления европейских народов против аварских орд. Основая роль в нем принадлежала славянам. В Богемии, в верхнем течении рек Савы и Дравы, образовался большой союз славянских племен, которые объединенными силами полностью очистили свои земли от захватчиков, отбросив аваров в область паннонских крепостей (рингов).

Хроника Фредегара сообщает о начале большого восстания славянских племен, руководимых Само, против аваров под 623—624 г., т. е. еще до осады последними Константинополя. Таким образом, вполне возможно, что в походе на Балканы в 626 г. участвовали уже лишь немногие славянские племена, тогда как другие в это же время вели активную борьбу с аварами, сыгравшую большую роль в исходе осады столицы империи. Авары лишились поддержки славянских племен, в значительной мере предопределявших их военную мощь. Поступление дани, и прежде всего хлеба. из славянских земель прекратилось. Вместе с тем, славяне, франки и другие народы начали активные наступательные действия против аваров, продолжавшиеся с нарастающей силой весь VII и VIII в. Подвластная аварам территория все более сужалась. Они были изгнаны из северо-восточного Прикарпатья и закрепились на короткий срок лишь в венгерской равнине. Что же касается юго-востока Европы, то там престиж аваров пал задолго до того. Вообще, в свете тех данных, которые обрисовывают нам отношения между аварами и их соседями, едва ли приходится сомневаться, что власть паннонских аваров никогда не простиралась не только до Кубани, но и до Дона. О прочной власти аваров в Причерноморье за пределами Паннонии не может быть и речи. Союзники отпадали от них столь же быстро и легко, как и присоединялись вновь. Так, весьма вероятно, что аварам были подчинены некоторые остатки кочевнических племенных союзов Причерноморья, прежде всего кутургуры (менее вероятно подчинение утургуров, которые воевали с аварами и вскоре были подчинены Западно-Тюркскому каганату). Но силы этих племенных союзов были уже полностью исчерпаны, и они не могли оказать сколько-нибудь существенную помощь аварам и, тем более, предотвратить быстро надвигающуюся гибель их объединения. А в 30-х годах VII в. приазовские племена, в том числе и кутургуры, вошли в состав нового враждебного аварам болгарского племенного союза.

Под ударами славянских племен началось усиленное разложение Аварского каганата. Военные предприятия кончались провалом. Союзники отпадали. Внутри самих аваров уже в 30-х годах VII в. начались смуты и междоусобицы по вопросу о престолонаследии. С прекращением поступления дани с неумолимой ясностью выявилась вся внутренняя несостоятельность каганата. Паразитический характер экономики оказался пагубным прежде всего для самих аваров. Обеспечить себя необходимыми средствами существования своими силами они не могли.

Экстенсивное кочевое скотоводство было для этого недостаточно, да и пастбищные пространства резко сократились. Оседание на землю, органи-

зация земледельческого хозяйства на собственной территории лишь начинались, если они вообще имели место. Слабость экономики обусловила подрыв аварского объединения изнутри. Конец завоеваний означал таким образом конец каганата.

Византия не замедлила воспользоваться ослаблением Аварского каганата. Начиная с 30-х годов VII в. она открыто начала активную дипломатическую и военную кампанию против аваров, поддерживая и стимулируя их противников как на западе, так и на востоке. Эта кампания особенно активизировалась к 70-м годам VII в., когда полностью прекратились византийские платежи аварам: империя платила только возможным союзникам или возможным противникам, внушающим опасения [1]. Ослабленные авары не могли теперь быть ни теми, ни другими. И поступление на их территорию византийских монет и ювелирных изделий резко падает. Статистика находок здесь весьма убедительна [2]. Всего на территории Аварского каганата известно 57 местонахождений византийских монет, причем часть их сопровождает аварские погребения. Поступление монет весьма активно начинается при Юстиниане (11 местонахождений), продолжается при Юстине II, Маврикии, Фоке I, Ираклии I, Ираклии Константине II. Кончается оно при Константине IV Погонате (668—685 гг.), монеты которого известны в шести местонахождениях. Последняя точно датированная монета относится к 670 г. После этого около 200 лет, вплоть до появления в Паннонии венгров, здесь не появляется ни одна византийская монета.

Этому вполне соответствует и поступление византийских ювелирных изделий. В аварских комплексах VI—VII вв., вплоть до царствования Константина IV Погоната, изобилуют поясные накладки и украшения византийского происхождения, потом же они, подобно монетам, бесследно исчезают почти на два века [3].

Таким образом, результаты археологических исследований полностью согласуются с выводом об изменении византийской политики, в связи с ослаблением аваров.

К началу VIII в. силы Аварского каганата оказываются решительно подорванными. Сохранялось лишь разбойничье гнездо его в Паннонии, где борьба с аварами осложнялась системой, состоявшей из описанных выше упомянутых крепостей — рингов. Но самостоятельная роль аваров была к этому времени исчерпана: они лишь тщетно пытались противостоять натиску моравов и дунайских болгар да участвовали в качестве наемников в борьбе между отдельными феодальными образованиями Европы.

В 887 г. баварский герцог Тассило призвал аваров на борьбу с Карлом

---

[1] *Г. Фехер*. Аваро-византийские сношения и основание Болгарской державы («Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae», t. V, fasc. 1—2. Budapest, 1954, стр. 57).

[2] *Д. Чаллань*. Византийские монеты в аварских находках («Acta Archaeologica...), t. II, fasc. 1—3. Budapest, 1952, стр. 240.

[3] Там же, стр. 241.

Великим. В 891 г. авары были разгромлены Карлом, а пятью годами позже пала главная из крепостей между Тиссой и Дунаем. Новая попытка большого выступления против франков в первые годы IX в. закончилась катастрофическим поражением аваров. Значительная часть их была уничтожена, остальные рассеяны и к концу IX в. полностью ассимилированы народами Подунавья. Бесславный конец Аварского каганата образно передан древнерусской летописью: «Были же эти обры велики телом,— пишет летописец,— а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгинули, как обры», их же нет ни племени, ни потомства» [1].

4

ДРЕВНЕЙШИЕ БОЛГАРСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В сложной обстановке второй половины VI в., когда авары были еще в зените своего могущества, а с востока в степи Северного Причерноморья прорывались передовые орды Западно-Тюркского каганата, в Приазовье возникло новое племенное объединение, независимое и от аваров и от тюрок. Во главе его стояли болгарские племена. Несмотря на то, что римским и закавказским авторам имя болгар стало известно задолго до этого времени, упоминаний о них до VI в. сохранилось очень немного. Характерно, что Феофан, повествуя о вторжении болгар в империю и Фракию в 502 г., пишет, что до этого о них никто ничего не знал. Начиная же с VI в. болгары все чаще и чаще начинают упоминаться в западных латинских, византийских, закавказских, арабо-персидских исторических и географических сочинениях.

История болгарских племен чрезвычайно сложна. Судьба их принципиально отлична от судьбы других кочевнических объединений, которые просуществовали недолго и исчезли, не оставив после себя ничего, кроме недоброй памяти да нескольких упоминаний в исторических хрониках. Болгары сыграли значительную роль в истории народов различных частей Восточной Европы, приняли активное участие в процессе их этногенеза. Процесс оседания на землю, постепенного перехода к оседлости получил у болгар в рассматриваемое время значительное развитие. Участие в созидательной деятельности обусловило иной характер отношений болгар с другими восточноевропейскими народами, чем у кочевников. Болгары, так же как и славяне, сыграли известную роль в оформлении раннефеодального государства в Придунавье, на территории древней Мезии, и явились одним из компонентов (при основном славянском), участвовавших в формировании болгарского народа. В другом конце Восточной Европы, на территории Волго-Камья, болгары сыграли еще более значительную роль в создании раннефеодального государства, в экономическом и социальном

[1] «Повесть временных лет», ч. I, стр. 210.

прогрессе местных племен. Созданное ими государство — Волжская Болгария — было первым государственным образованием этих мест и оставалось значительным явлением всей средневековой истории Восточной Европы. На территории Волжской Болгарии получили дальнейшее развитие те зачатки специфической материальной культуры, которые появляются у болгар уже в более раннее время. Волжские болгары сыграли весьма значительную роль и в процессе этногенеза народов Поволжья и Прикамья, прежде всего чувашей и казанских татар. В процессе их формирования волжские болгары явились основным компонентом. На базе культуры Волжской Болгарии развилась культура чувашей и казанских татар [1]. Упоминаются болгары и за пределами указанных областей, в степных и лесостепных районах Приазовья, Подонья и Предкавказья. Последние именуются арабо-персидскими источниками «внутренними болгарами», а русской летописью «черными болгарами».

Имя болгар пережило немногим менее двух тысячелетий. Живо оно и поныне.

* * *

Древнейшие упоминания болгар относятся еще к догуннской эпохе. Замечательный армянский историк VII в. Моисей Хоренский в своей «Истории Армении» сохранил фрагменты из более раннего источника, принадлежавшего перу сирийского историка III в. «старца» Мар-Абас-Котины. Последний уже хорошо знал имя болгар и повествовал о проникновении отдельных групп болгарских переселенцев в Закавказье. Первое из таких переселений он относит ко времени царя Аршака, сына Вахаршака [2]. «В дни его,— пишет Мар-Абас-Котина,— возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы в земле Булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодоносных в хлебородных местах» [3]. Такие переселения имели место затем неоднократно, переселенцы сохранялись в Закавказье и во времена самого Мар-Абас-Котины. «Жили они на луговых землях близ пределов Шарая, в древности называемых «Верхним и Безлесным» Басеном, которые впоследствии были заселены переселенцами Вхндур Болгар'а, Вунд'а, по имени которого названы Вананд'ом. Селения до сих пор называются именами братьев и потомков его» [4]. Таким образом, Мар-Абас-Котина знал как отдельные группы болгарских переселенцев, так и основной, находившийся к северу от Кавказа, массив их племен, от которого эти переселенцы отделялись. Характерно, что в Закавказье

---

[1] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 4; *А. П. Смирнов* и *Н. Я. Мерперт.* Этногенез народов Поволжья по данным археологии. «Вестн. АН СССР», 1955, вып. 10, стр. 53; *Н. И. Воробьев.* Казанские татары. Казань, 1953, стр. 9.

[2] Аршак правил с 127 по 114 г. до н. э.

[3] «История Армении Моисея Хоренского». Перевод Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 62.

[4] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., стр. 55—56.

болгары селятся на «луговых землях», как и подобает кочевникам. Можно сомневаться в точной хронологии Мар-Абас-Котины, который повествует о событиях, отделенных от него почти четырьмя столетиями. Но сомневаться в достоверности всего сообщения в целом, отрицать появление отдельных болгарских групп в районах Северного Кавказа и Закавказья на рубеже нашей эры или в первые века ее — нет никаких оснований. Сведения Мар-Абас-Котины согласуются с сообщениями о значительных перемещениях среднеазиатских и центральноазиатских племен, вызванных движением гуннов. Они согласуются с сообщениями Птолемея и Дионисия о появлении первых гуннских племен на границах Восточной Европы. Наконец, они подтверждаются сведениями другого письменного источника, совершенно независимого от сочинений сирийского историка. В греческом хронографе 354 г., латинский перевод которого доведен до 257 г., дан список народов, обитавших севернее Кавказа. Этот список завершается болгарами (Vulgares) [1]. Характерно, что в обоих источниках речь идет о совершенно конкретной группе племен: имя болгар не приобрело еще широкого значения общего наименования причерноморских кочевников, которые придали ему некоторые историки в послегуннскую эпоху. С другой стороны, наличие одного племенного названия в двух независимых и разноязычных источниках позволяет считать, что еще в первые века, задолго до появления в Европе основной массы гуннов, через Северный Прикаспий в восточные районы предкавказских степей проникает из Азии группа тюркоязычных племен, именовавших себя болгарами. Здесь они кочуют по соседству с савирами и аланами, причем, как будет показано ниже, последние оказали на болгар значительное культурное воздействие. Редкие упоминания болгар, отсутствие более подробных сведений об их действиях в первые века в римско-византийской исторической литературе совершенно закономерны. Они находились в это время далеко на востоке, за пределами непосредственных интересов империи. На запад, к дунайской границе империи, не проникали еще даже отдельные группы болгар. Лишь мощный натиск с востока вызвал значительное перемещение болгарских племен и движение части их на запад, к Подунавью. Однако во время гуннского нашествия и вплоть до последней четверти V в. византийские авторы по-прежнему молчат о болгарах, если не считать очень туманного и не поддающегося точной датировке сообщения лангобардского историка VIII в. Павла Диакона о нападении болгар на первого лангобардского короля Агелмунда, убийстве его и пленении его сына [2]. Надо полагать, что

[1] *Th. Mommsen.* Über den Chronographen vom J. 354. «Abhandlungen der phil.-historischen Klasse der königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. I. Leipzig, 1850. Chronographus anni CCCLIIII Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum, t. IX. Chronica Minora. IV, V, VI, VII. Ed. T. Mommsen. Berlin, 1891, стр. 105.

[2] Pauli. Historia langobardorum, ed. L. Bethmann et G. Waitz., 1, 16, 17. «Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum», saec. VI—IX. Hannoverae, 1878, стр. 47, 56; «Paulus Diakonus und die übrigen Geschichtsschreiber der Langobarden, übersetzt von O. Abe». Berlin, 1849, стр. 20.

в конце V в. их постигла судьба, общая для всех кочевых племен, оказавшихся на большой дороге гуннского вторжения: часть их была уничтожена, другая — подчинена гуннам и вовлечена в их движение на запад, третья — отошла в горные районы вблизи основной своей территории, вернувшись на нее после разгрома гуннов. В гуннских войсках немногочисленные болгарские отряды не играли самостоятельной роли, потому они специально не упоминаются. Более того, они были полностью подчинены гуннам и самое имя их было покрыто общим наименованием огромной орды. Современники, не посвященные во все тонкости сложной ситуации в степях Северного Причерноморья, стали воспринимать их как часть гуннской орды. Это усугублялось наличием в составе гуннской орды многочисленных тюркоязычных племен. Так возникла традиция смешения болгар с гуннами, нивелировки их с племенами, появившимися в Европе не ранее конца IV в. Традиция эта получила весьма широкое распространение как среди византийских авторов, так и в позднейшей историографии. У ряда византийских историков оба термина — и «гунны», и «болгары» — потеряли свое конкретное содержание и употреблялись как общее наименование кочевников Причерноморья, покрывая многие различные племена.

Но наиболее осведомленные авторы всегда различают гуннов и болгар; они продолжают рассматривать болгар как конкретную племенную группу, не смешивая их ни с гуннами, ни с утургурами, ни с кутургурами, ни с прочими кочевниками Причерноморья. В этом отношении весьма важны сообщения Захария Ритора (первая половина VI в.), сохраненные сирийской хроникой [1]. Автор, очевидно, достаточно хорошо был осведомлен о положении в Предкавказье и Прикаспии. Зная, что земли эти были подчинены гуннам, он называет их «гуннскими пределами», но вместе с тем подчеркивает многоплеменность степного населения и различает ряд отдельных племенных групп, обладающих специфическими особенностями. Непосредственно за Каспийскими воротами, по сообщению Захария Ритора,... «(живут) бургары со (своим) языком; народ языческий и варварский», далее — аланы, обладатели пяти городов, потом «авнагур — народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием». Таким образом, автор отличает болгар от савиров, кутургуров, сарагуров, хазар.

Комес Марцеллин, современник вторжений болгар в пределы Византии в конце V — начале VI в., раздельно повествует о столкновениях с гуннами и болгарами [2]. Еще более определенно различает гуннов и болгар другой современник этих событий — историк готов Иордан. Поместив к югу от эстов «сильнейшее племя акатцаров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты», он пишет: «Далее за ними тянутся над

[1] *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории СССР, стр. 165.

[2] «Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum», t. XI. Chronica Minora. II. Ed. T. Mommsen. Berlin, 1894.

Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья (совершившиеся) по грехам нашим. А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен» [1]. Подобным же образом отличают болгар от гуннов и некоторые другие авторы (Козьма Индикоплов, Иоанн Малала и др.).

Смешение болгар с другими племенами у ряда византийских историков совершенно понятно. Оно объясняется совместными выступлениями этих племен, одинаковым характером их быта, наконец, вполне вероятной языковой близостью: болгары, как и ряд племен, пришедших в Европу с гуннами, принадлежали к тюркской языковой семье [2]. Но ныне в свете приведенных фактов никаких оснований для смешения этих племен, а тем более для отождествления их нет. Болгары должны рассматриваться, как конкретная племенная группа, отличная от гуннов, савиров, утургуров, кутургуров. Они появились в Европе раньше, дольше и теснее были связаны с полуоседлыми и оседлыми народами, и в этом, может быть, корни различия их исторической роли от роли названных племен.

* * *

Уже в конце V в. болгары кочевали на значительной территории и были разделены на несколько групп, предпринимавших разрозненные действия и проникавших далеко на запад. В конце 70-х годов одна из таких групп появилась на Дунае по приглашению императора Зенона, искавшего союзников в борьбе с остроготами. Участие болгар в этой войне было неудачным: они были разбиты остроготами. В 488 г. при переходе остроготов в Италию болгары вновь выступили против них и были вторично разгромлены остроготским вождем Теодорихом на р. Ульне. Панегирист Евнодий, восхвалявший Теодориха, особо подчеркивает значение победы над болгарами — сильными, стремительными и выносливыми воинами. Зимой 499 г. болгары, по сообщению Комеса Марцеллина, перешли Дунай и совершили удачный набег на территорию империи, разгромив командующего иллирийской армией Ариста [3]. В 502 г., по сообщению Феофана, они вновь вторглись в Иллирию и Фракию [4]. Двумя годами позже болгары участвовали в борьбе с Мундоном, действуя на сей раз совместно с византийским полководцем Сабинианом. Посланные Теодорихом на помощь Мундону остроготские войска разбили болгар. В 414—515 гг. болгары принимают активное участие в восстании Виталиана против императора Анастасия, что подчеркивается рядом авторов (Иоанн Малала, Феофан, Георгий Мних, Кедрин). Надо отметить, что Феофан, сообщая о восстании, разделяет гуннов и болгар, подчеркивая, что Виталиан вторг-

[1] *Иордан.* Гетики, § 37.

[2] Автор очерка о волжских болгарах А. П. Смирнов иначе смотрит на происхождение болгар: он считает их сарматами, подвергшимися позднейшей тюркизации, может быть, под воздействием гуннов.

[3] «Marcellini V. C. Comitis Chronica Minora», II, стр. 95—96.

[4] «Летопись византийца Феофана», стр. 113.

ся во Фракию, Скифию и Мезию «со множеством гуннов и болгар» [1]. Восстание это началось весьма успешно: Виталиан взял ряд городов, разгромил правительственные войска, предводительствуемые Кириллом, и подошел к столице. Император Анастасий вынужден был пойти на соглашение с Виталианом, которое, впрочем, нарушил в этом же году [2]. В последующие годы болгары неоднократно вторгались в пределы империи. Об этих вторжениях рассказывают Иордан, Иоанн Малала, Феофан, Кедрин. В 530 г. болгары «в великом множестве» ворвались в Иллирию, в 535 г. они напали на Мезию, где были разбиты византийским полководцем Цитой [3]. Одно из наиболее крупных и неожиданных по результатам нашествий произошло в 539 г. Феофан передает интересные подробности его. «В этом году,— пишет он,— поднялись болгаре. Два князя со множеством болгар и Друнгом вторглись в Скифию и Мизию в то время как в Мизии начальствовал войсками Юстин, а в Скифии Баударий. Эти полководцы двинулись против болгар, решились на битву и пал в битве вождь Юстин; и назначен был вместо него Константин, сын Флоренция. И дошли болгары до пределов Фракийских. И вышел против них полководец Иллирика Акум гунн, которого царь воспринимал от крещения. И римские войска, оцепив болгар со всех сторон, стали их рубить и избили многое множество, и отняли всю добычу, и разбили на голову, умертвив и двух князей болгарских. И когда победители возвращались с радостью, напали на них другие болгары и поймали на аркан бегущих Константина, Акума и Годиллу. Из них Годилла кинжалом перерезал аркан и убежал; а Константин и Акум были взяты живые» [4].

Таким образом, еще до появления аварской орды в Европе, болгары в течение почти ста лет принимали самое активное участие в событиях на Балканах. Мало вероятно, что болгары каждый раз приходили туда из своих основных приазовских областей. Гораздо вероятнее предположение, что уже тогда отдельные группы болгар постоянно кочевали в Подунавье, а возможно, частично и на самом полуострове. Только при таком условии становятся объясненными те ежедневные столкновения болгар с византийцами во времена Юстиниана II, о которых пишет Иордан [5]. В Подунавье болгары уже в это время находятся в постоянном общении со славянскими племенами, прежде всего со склавенами и антами, и неоднократно участвуют в совместных с ними военных действиях. Совершенно естественно, что именно эта часть болгар, непосредственно участвовавшая в событиях в Подунавье, интересовала византийцев и привлекала внимание их историков значительно больше, чем основной массив болгарских племен в далеком Приазовье.

---

[1] «Летопись византийца Феофана», стр. 125.

[2] Там же, стр. 125—126.

[3] «V. C. Marcellini Comitis Chronica Minora», II, стр. 104.

[4] «Летопись византийца Феофана», стр. 168.

[5] *Iordan.* Romana. Monumenta Germaniae Historica Auctorum Antiquissimorum, t. V, p. 1, стр. 52.

Значительно меньше сообщают источники о положении болгар на Дунае в период аварского господства. Последнее для VI в. нападение болгар на Византию относится, по свидетельству современников, к 560 г. Однако, возможно, они смешивают болгар с кутургурами, имея в виду известный поход кутургуров во главе с Заберганом в 559 г., с трудом отбитый под стенами самого Константинополя Велизарием.

Надо думать, что находившаяся на Дунае группа болгар была подчинена аварам и действовала в составе аварской орды, играя в ней немалую роль. Правда, роль их не может сравниться с ролью славянских дружин, самостоятельное значение которых в составе аварских войск так часто подчеркивается византийскими авторами. Болгары выделяются из состава аварской орды значительно реже. Но все же такие случаи могут быть названы.

Феофилакт Симокатта сообщает об ожесточенной стычке византийских войск с болгарским отрядом в 90-х годах VI в. [1] Отряд этот был подчинен аварскому кагану. В 598 г. болгары оказались авангардом аварских войск, возобновивших войну с империей. Возможно, что каган специально использовал союзных болгар для опасной операции, подобно тому как в 567 г. он использовал кутургуров для вторжения в Далмацию. Во всяком случае, болгары явились тем самым «варваром», который, по сообщению Феофана, «разрушил стену Сингидона и напал на землю римлян» [2].

После безрезультатных переговоров с аварским каганом, византийский полководец Приск, «причалив на реке суда к Сингидону, осадил город, выгнал оттуда болгар и начал строить стену» [3]. Впоследствии роль болгар в делах Аварского каганата заметно возросла. Они принимают активное участие в борьбе, разгоревшейся после смерти Бояна по вопросу о престолонаследии в каганате. Болгары выдвинули тогда своего претендента и поддерживали его в противовес аварскому. Дело дошло до ожесточенного военного столкновения, которое закончилось не в пользу болгар. Довольно большая группа их (9 тыс. человек) была вытеснена из Паннонии и, спасаясь от аваров, вынуждена была просить убежище у франкского короля Дагоберта (629—639 гг.). Последний согласился на размещение болгар на территории Баварии, но вслед за тем решил обезопасить себя от воинственных соседей. С этой целью он внезапно напал на них и истребил большинство пришельцев. По сообщению Фредегара, лишь небольшая группа болгар (700 человек) во главе с князем Альцеком спаслась от франков и бежала вначале к славянам, а потом к лангобардам в Италию, где поселилась в пределах Беневенитского герцогства [4]. Здесь

---

[1] *Феофилакт Симокатта.* История, стр. 156.

[2] «Летопись византийца Феофана», стр. 210.

[3] Там же, стр. 210.

[4] «Fredegarii et aliorum chronica», 72. Ed. B. Krusch. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingicarum, t. II. Hannoverae, 1888, стр. 157. См. также «Gesta domni Dagoberti regis francorum», там же, стр. 400, 411.

остатки болгар жили еще во времена Павла Диакона (VIII в.) По сообщению этого автора, они говорили по-латыни, но помнили еще и свой язык [1].

Такова была судьба той группы древнейших болгарских племен, которая, возможно, была вовлечена в движение на запад еще гуннами, а в послегуннскую эпоху продолжала оставаться в Подунавье, активно участвуя в охвативших эту область бурных событиях. Эти болгары проложили путь на запад и завязали отношения с многочисленными племенами, двигавшимися с севера на Балканы, прежде всего со славянами. По этому пути прошли впоследствии новые группы болгар, гораздо более значительные, а связи со славянскими племенами приобрели в дальнейшем гораздо более развитой и сложный характер. Но для этих последующих событий действия болгар в Придунавье и на Балканах во второй половине V—VI вв. имели определенное значение.

Основная масса болгарских племен в послегуннскую эпоху сохранилась в степях Предкавказья, по соседству с утургурами и савирами, от Азовского моря до Западного Прикаспия, где за Каспийскими воротами они известны Захарию Ритору. В середине VI в. они подверглись здесь нападению аваров, вступивших в союз с аланским вождем Сарозием. Аланы, несомненно, оказали помощь аварам, и болгары были подчинены последними. Однако власть аваров над этими восточными территориями была непродолжительной и весьма непрочной. Подвинувшись на запад и втянувшись в события на Дунае, авары не имели сил контролировать территорию между Азовским и Каспийским морями. И никаких оснований для утверждений о господстве аваров над этой группой болгар после 60-х годов VI в. нет.

Однако вслед за аварами в степи Предкавказья вторглись орды Тюркского каганата. Они проникли сюда уже в 60-х годах, когда первые их посольства появились в Константинополе. Но особенно сильное нашествие началось в 576 г. после разрыва с Византией, когда тюрки ворвались на Тамань, переправившись через пролив, овладели Боспором и к 580 г. подошли к Херсонесу. В это время болгары были подчинены Тюркскому каганату. Подчинение это было прочным и тяжелым, оно продолжалось несколько десятилетий и было ознаменовано борьбой болгар против поработителей. В этой борьбе произошла консолидация болгарских племен, сплочение их, приведшее впоследствии к освобождению из-под власти Каганата и созданию большого самостоятельного союза болгарских племен.

Первые восстания против каганата происходили в Северном Прикаспии еще во времена императора Маврикия (582—602 гг.). В них участвовали племена огоров, соседние болгарам и, возможно, игравшие впоследствии значительную роль в их объединении. Восстание было неудачным. Произошла жестокая расправа с восставшими. Феофилакт Симокатта определяет число убитых повстанцев в 300 тыс. человек, допуская здесь, конечно, значительное преувеличение, и пишет, что трупы огоров были

[1] Pauli Historia Langobardorum, V, 29. Ed. L. Bethmann et G. Waitz. «Monumenta Germaniae...», стр. 154.

разбросаны на протяжении четырех дней пути [1]. Однако почти одновременно начались внутренние раздоры в самом каганате, значительно его ослабившие. В результате борьбы между ханами за верховную власть каганат в 584 г. распался на западную и восточную части. Образовался Западно-Тюркский каганат во главе с независимым каганом Дяньгу-Да-тоу, объявившим о своем равноправии с верховным владыкой тюрок. Впоследствии он попытался вновь объединить каганат под своей властью, что вызвало новые восстания отдельных племен и раздоры между ханами [2]. К этому же времени относится и ряд военных неудач тюрок. В 588—589 гг. они были втянуты в очередную войну с Персией и претерпели жестокий разгром. По сообщению Феофана, персидский царь «Гормизда, назначив воеводой Барама, посылает его в Сванию с огромными войсками. Барам нечаянно напал на Сванию, и турки были разбиты персами, и так хорошо пошли дела Гормизда, что он стал брать с турок 40 000 золота, тогда как прежде сам платил им столько же» [3].

Раздоры в каганате, продолжавшиеся свыше тридцати лет (584—619 гг.), значительно его ослабили. С этим связан успех византийских войск, изгнавших тюрок из Крыма и освободивших Боспор, который к 590 г. управлялся дуком и стратилатом херсонесским Евпатерием [4]. С этим же ослаблением связан новый подъем освободительной борьбы племен, попавших под власть каганата. Борьба этих племен, и прежде всего болгар, немало способствовала дальнейшему ослаблению каганата и временному прекращению тюркских походов на запад. Эти события привлекли к себе самое пристальное внимание Византии, которая вступила в это время в решающую фазу своей борьбы с аварами и была заинтересована в обеспечении своего тыла на северо-востоке и в сильном союзнике на этой территории.

Можно говорить об определенных связях, а может быть и союзе Византии и болгар уже в первой четверти VII в. В конце второго десятилетия, скорее всего в 619 г., незадолго до попытки аваров захватить императора Ираклия, по сообщению Никифора, «государь гуннского народа вместе со своими правителями и дорифорами прибыл в Византию, домогаясь у императора разрешения принять христианство. Тот же охотно его принял и ромейские архонты были восприемниками гуннских архонтов, а их жены — гуннских жен, и их окрестили в божественной купели. И также они были одарены императорскими дарами и были наделены званиями. Император удостоил саном патрикия их игемона и благосклонно отпустил (их) в гуннскую страну» [5]. Под «гуннской страной» имеются здесь в виду те самые «гуннские пределы», о которых писал Захарий Ритор,— степи между

[1] *Феофилакт Симокатта.* История, стр. 161; *М. И. Артамонов.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 40.

[2] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 39.

[3] «Летопись византийца Феофана», стр. 199—200.

[4] *В. В. Латышев.* К надписи Евпатерия Понтика. СПб., 1909, стр. 201; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 37.

[5] *Никифор.* Указ. соч., стр. 354.

Азовским и Каспийским морями. Смешение гуннов и болгар в сочинении автора IX в. не удивительно. Имени прибывшего в Константинополь и крещенного там вождя Никифор не упоминает. Но, по всей вероятности, это был болгарский князь Органа, возглавлявший тогда сильное объединение болгарских племен [1]. Самый факт посольства и почетного приема, оказанного ему, доказывают, что Органа обладал значительной реальной силой, и именно поэтому Византия была заинтересована в союзе с ним. Он был полностью самостоятелен как в вопросах внешних сношений, так и в вопросе религиозном. Надо думать, что к этому времени болгарские племена сумели объединиться и достигли уже немалых успехов в борьбе с Западно-Тюркским каганатом. По меньшей мере часть их уже освободилась из-под власти тюрок и искала теперь союза с Византией, еще помнившей вторжение тюрок в Крым.

Успешное выступление болгар против тюрок именно в это время закономерно и потому, что каганат переживал тогда период упадка и ослабления, благоприятный для восстаний подчиненных племен. Этот период кончился в 619 г., когда с вступлением на престол кагана Тун-шэху начался новый период тюркской экспансии [2], угроза которой и заставила, возможно, Органу отправиться в Константинополь и пойти на такую решительную меру, как принятие христианства. Мы не знаем, насколько эффективным был союз, заключенный Органой с Византией, но надо думать, что предпринятые им меры были достаточно действенными. Во всяком случае в ближайшие десятилетия болгары успешно отстаивали свою независимость и добились дальнейшего расширения и укрепления своего племенного союза. Наибольшего, хотя и кратковременного, могущества союз этот достиг при крупнейшем из болгарских вождей — Кубрате, к которому власть перешла по наследству от его дяди Органы.

Покидая Константинополь после успешных переговоров 619 г., Органа оставил там заложником своего малолетнего племянника Кубрата. Сведения о жизни Кубрата в Константинополе и дальнейших связях его с византийским двором переданы автором VII в. Иоанном, епископом Никиусским [3]. По сообщению Иоанна, Кубрат был весьма благосклонно принят в Константинополе, крещен там и воспитан при императорском дворе. Таким образом, после смерти Органы во главе болгарского объединения оказался человек, преданный Византии и отстаивавший ее интересы. Но и сам Кубрат сумел добиться значительного влияния при дворе, находился в близких отношениях с императором Ираклием и оказал поддержку

---

[1] *J. Marquart.* Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fürstenliste. «Изв. русск. археолог. Ин-та в Константинополе», т. XV, стр. 21; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 34.

[2] *Chavannes.* Documents sur les Tou-Kue occidentaux. «Сборник трудов орхонской экспедиции», VI, 1903, стр. 263; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 40.

[3] «Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Lotenbers». Notices et extraits de manuscrits de la Bibliot. nationale, t. 24. Paris, 1883, стр. 460; «The chronicle of John bishop of Nikiu». Lond.— Oxf., 1916.

сыну его Ираклиону в борьбе за престолонаследие после смерти императора в 641 г.[1]

К этому времени Кубрат достиг немалых успехов в деле объединения болгарских племен и борьбы с тюркским владычеством. Епископ Иоанн пишет, что «силой и светом животворящего крещения он победил всех варваров и язычников» [2]. Впоследствии патриарх Никифор (IX в.) неправильно истолковал это сообщение, увидев в «варварах и язычниках» главных врагов империи в начале VII в.— аваров и приписав Кубрату освобождение болгар из-под аварского ига. В 635 г. он писал: «В те же самые времена восстал вновь Куврат, родственник Органы, государь гунно-гундуров, против аварского кагана и весь народ, который находился вокруг него, подвергая оскорблениям, прогнал из родной земли. (Куврат) прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил сана патрикия» [3]. Само по себе это сообщение весьма интересно. Из него можно заключить, что возглавляемые Кубратом болгары неоднократно восставали против своих врагов прежде чем изгнать их и что действия их соответствовали интересам Византии и получили соответствующее одобрение. Но то, что восстали болгары против аваров,— безусловно, ошибочно: это результат путаницы, возникшей в относительно позднем источнике. Власть аваров никогда не была прочной в Приазовье, а ко времени Кубрата от нее остались одни воспоминания. В 30-х годах VI в., после поражения под Константинополем и ударов со стороны соседних племен, Аварский каганат мог лишь защищать свои интересы в самой Паннонии. Если он и боролся с болгарами, то лишь с той западной их группой, которая после смерти Бояна выдвигала своего претендента на место кагана. Может быть, приазовские болгары оказали какую-то поддержку своим западным собратьям в этой борьбе, хотя никаких указаний на такую поддержку в источниках нет, и, конечно, не ее имеет в виду Никифор, говоря о большом восстании болгар. Никаких упоминаний о свержении аварского ига Кубратом нет более ни в одном источнике — в том числе и у современника этих событий Иоанна Никиусского. Большое восстание болгарских племен могло быть направлено только против Западно-Тюркского каганата, именно тюрок имел в виду Иоанн Никиусский под «варварами и язычниками», сокрушенными болгарами. Кубрат успешно продолжал и завершил начатое Органой дело освобождения болгар из-под власти Западно-Тюркского каганата. Ему пришлось бороться с тюрками в период нового подъема их могущества и новых успешных завоеваний. Несмотря на это, Кубрат не только отстоял независимость ранее освобожденных племен, но и значительно увеличил их число и сплотил их в большую Болгарскую державу.

---

[1] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 35.

[2] «Chronique de Jean, évêque de Nikiou», стр. 460; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 35.

[3] *Никифор.* Указ. соч., стр. 359.

В 30—40-х годах VII в. под контролем болгар находилась значительная территория как к востоку, так и к западу от Азовского моря. Но ядро этой территории составляло восточное Приазовье, земли между Доном и Кубанью [1]. «Здесь необходимо сказать,— пишет Феофан,— о древности Унновундов, Болгаров и Котрагов. По ту сторону на северных берегах Евксинского понта за озером, называемым Меотийским, со стороны океана через землю Сарматскую течет величайшая река Луел; к сей реке приближается река Танаис, идущая от ворот Ивирийских и Кавказских горах, от сближения Танаиса и Ателя, которые выше Меотийского озера расходятся в разные стороны, выходит река Куфис и впадает в Понтийское море близ Мертвых врат против мыса Бараньего Лба. Из означенного озера море подобно реке соединяется с Евксинским понтом при Боспоре Киммерийском, где ловят мурзулию и другую рыбу. На восточных берегах Майотийского озера, за Фанагорией кроме евреев живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса, в которой ловят болгарскую рыбу ксист, находится древняя великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги» [2]. Несмотря на ряд ошибок и географическую путаницу, это наиболее пространное сообщение позволяет с достаточным основанием локализовать государство Кубрата в восточном Приазовье. Сюда же помещает его и Никифор. «Около Майотидского озера,— пишет он,— по реке Кофине была расположена издревле известная великая Болгария и жили так называемые котраги, одноплеменные с ними» [3]. В обоих случаях держава Кубрата помещается выше реки Куфис или Кофины, т. е. Кубани (Гипанис Страбона). Поэтому некоторые историки именуют ее Кубанской Болгарией.

Данные византийских авторов полностью подтверждаются сообщениями такого важнейшего источника, как «Армянская география VII века», приписываемая Моисею Хоренскому. «Армянская география» размещает различные болгарские племена к северу от р. Валданис (Кубань), в Сарматии, в районе Гиппийских или Булгарских гор [4], которые отождествляются с Ергенями, тянущимися от Волги до Маныча, или со Ставропольской возвышенностью [5].

* * *

Созданное в обстановке борьбы с надвигавшимися ордами Западно-Тюркского каганата объединение булгарских племен не представляло собой прочного государственного образования. Прежде всего, как и у всех кочевнических объединений, сказывалось отсутствие прочной экономиче-

[1] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 7 и сл.; *К. Иричек.* История болгар. Одесса, 1878, стр. 157; *Д. И. Иловайский.* Разыскания о начале Руси. М., 1882, стр. 184.

[2] «Летопись византийца Феофана», стр. 262.

[3] *Никифор.* Указ. соч., стр. 363.

[4] «Армянская география VII века». Перевод К. П. Патканова. СПб., 1877, стр. 35; *К. Патканов.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, стр. 21—32; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 42.

[5] *М. И. Артамонов.* Указ. соч. стр. 47.

ской базы, которая цементировала бы Великую Болгарию Кубрата. Процесс оседания кочевников на землю, возможно, уже начался под воздействием соседних аланских племен, но не получил еще сколько-нибудь значительного развития. В состав объединения входили, несомненно, не только болгарские племена, но и ряд соседних племен, прежде всего аланских, объединенных с болгарами таким временным фактором, как общая опасность со стороны Западно-Тюркского каганата. Вошли сюда и остатки других кочевых племен, например, кутургуры (котраги), оногуры и др. Между ними не прекращалась борьба за гегемонию в объединении. Наконец, угроза со стороны Западно-Тюркского каганата была лишь временно отодвинута успешными действиями Органы и Кубрата, но отнюдь не устранена совсем.

В связи со всем изложенным выше Великая Болгария оказалась недолговечной и не надолго пережила своего основателя.

* * *

Никаких сведений о прочих событиях, пережитых Болгарской державой в годы правления Кубрата, никаких подробностей дальнейшей его биографии источники не сохранили. Можно лишь уверенно говорить о том, что Кубрат не пережил болгарского объединения, единство которого сохранялось до его смерти. Таким образом, правление Кубрата было временем первого и последнего сплочения большинства болгарских племен в единый племенной союз во главе с единым вождем, личный авторитет которого, созданный в освободительной борьбе против тюрок, был, несомненно, достаточно велик. После изгнания тюрок возобновилась и активизировалась жизнь в древних городах Тамани, претерпевших столько опустошительных разгромов, начиная с IV в. Эти города были теперь подвластны болгарам и явились значительными центрами ремесла; оружие, посуда и, более всего, украшения этих городов широко распространялись по территории Приазовья, Подонья и Предкавказья. О том, что болгары владели городами, имеется прямое сообщение Захария Ритора [1]. Столицей Болгарской державы была, по-видимому, Фанагория. Есть сведения, что именно здесь после длительного царствования умер Кубрат. Дата его смерти неопределенна. Он умер в царствование Константина II (641—668 гг.), скорее в первой его половине [2].

После его смерти центростремительные силы, наличие которых внутри Болгарской державы было определено ее экономической слабостью, разноплеменностью, отсутствием подлинного социально-экономического и культурного единства, значительно активизировались. Феофан и Никифор, писавшие независимо друг от друга, но пользовавшиеся, очевидно, одним и тем же не дошедшим до нас источником, передают единую версию о событиях, последовавших за смертью Кубрата.

---

[1] *Н. Пигулевская.* Указ. соч., стр. 165.
[2] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 40.

«Во времена Константина на западе Кроват (Кубрат), обладатель Болгарии и Котрагов, скончался, оставив пятерых сынов, которым завещал никогда не расходиться: ибо таким только образом могли они всегда владычествовать и остаться непорабощенными от другого народа. Но не в продолжительном времени по кончине его, пять сынов его пришли в несогласие и разошлись все, каждый с подвластным ему народом. Старший сын, по имени Витвиан (Батбай), соблюдая завещание отца, поныне остался в земле своих предков; второй сын, брат его по имени Котраг, перешедший за Танаис, поселился насупротив старшего брата; четвертый и пятый, перешедши за Истр, или Дунай, один, покоряясь Хагану Аврскому, остался с народом своим в Паннонии Аварской, другой, пришедши в Пентаполис при Равенне, покорился царям Христианским. Потом третий по старшинству, перешедши Данаприс и Данассрис и остановившись у Ольги, реки, текущей севернее Дуная, поселился между первыми реками и сею последней» [1]. Никофор также упоминает пятерых сыновей Кубрата, которые после смерти его, мало заботясь об отеческом завещании, по прошествии недолгого времени отделились друг от друга, и каждый из них отделил себе свою часть народа» [2]. При этом он вносит некоторые коррективы в рассказ Феофана: «Из них первый сын по имени Ваян, остался, согласно приказу отца, на родовой земле по сю пору. Второй, именуемый Котрагом, переправившийся через реку Танаис, поселился напротив него; четвертый перешел реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров, и поселился путем заключения союза среди местных племен; пятый же, обосновавшийся в Равеннском Пантаполисе, стал подданным ромеев. Последний из них, третий брат, по имени Аспарух, перейдя реки Донапр и Данастр, поселился в местности около Истра, заняв удобную для поселения местность, называемую на их языке Оглом, неудобную и недоступную для врагов» [3].

В переданной обоими авторами легенде в известной мере суммирована и связана с именем Кубрата вся древнейшая история болгар, в частности, сыновьям Кубрата приписываются дела, свершившиеся задолго до смерти их отца. Это относится к четвертому и пятому сыновьям, имена которых не названы и самое существование которых является несомненным вымыслом византийского книжника. Переселение части болгар в Паннонию и участие в событиях на Дунае относится, как мы уже видели, к V в., в середине VI в. они были подчинены аварам. Переселение группы болгар в Италию относится к 30-м годам VII в. и связано с неудачным участием их в борьбе за престолонаследие в Аварском каганате.

Таким образом, автор переданной Феофаном и Никифором легенды пытался связать воедино все свои сведения о болгарах и начать их историю с Кубрата, представив его родоначальником всех болгар. Для этого он

---

[1] «Летопись византийца Феофана», стр. 262. В переводе — ошибка: Феофан имеет в виду не р. Ольгу, а местность, называемую Оглон-угол.

[2] *Никифор.* Указ. соч., стр. 363.

[3] Там же.

и занялся весьма свободным перемещением исторических событий во времени.

Что касается третьего сына Кубрата — Котрага, то это лишь один из принятых у византийских авторов вариантов названия хорошо известного племени кутургуров. Оно входило в состав болгарского объединения, пользуясь известной самостоятельностью. После смерти Кубрата и распада его державы они отделились от нее, оставшись на издавна освоенной ими территории к западу от Дона. Трудно предполагать, чтобы во главе этого племени стоял сын Кубрата, а если это и так, то имя его источниками не сохранено [1].

Но два других сына Кубрата, названные в легенде Батбай и Аспарух, являются реально существовавшими историческими лицами, вождями двух крупных союзов болгарских племен. Существование их засвидетельствовано и другими источниками, прежде всего «Армянской Географией VII века» [2], согласно которой Батбай стоял во главе кубанской группы болгар, а Аспарух возглавлял племена вогхандор, унногундуров византийских авторов, которые выделились еще в начале VII в. и сыграли значительную роль в создании болгарского объединения. Возможно, что к унногундурам принадлежал и сам Кубрат. Теперь во главе с Аспарухом они заняли местность в Гиппейских, или Болгарских, горах, т. е., как уже указывалось выше, в районе Ергеней или Ставропольской возвышенности.

Таким образом, легенда, сохраненная Феофаном и Никифором, наряду с вымышленной «синтезированной» историей болгар, передает и совершенно реальные факты. Основа ее вполне достоверна: как и все временные и непрочные объединения, держав Кубрата распалась со смертью своего основателя. Между отдельными вождями, в том числе и сыновьями Кубрата, управлявшими еще при жизни его различными племенами и племенными группами, началась борьба за престолонаследие, приведшая к децентрализации объединения. Союзные племена, например кутургуры (котраги), вышли из его состава. Распад болгарского объединения и значительное ослабление болгар пресекли гегемонию их над окружающими племенами. Вместе с тем было резко ослаблено и сопротивление племенам Западно-Тюркского каганата, столь успешное во времена Кубрата. Политическая и военная ситуация между Каспийским и Азовским морями заметно изменилась, и каганат не замедлил этим воспользоваться, резко усилив свой нажим. Шедшие в авангарде его хазарские племена сами стали во главе нового большого племенного объединения. В процессе создания его они столкнулись с разъединенными и ослабленными болгарами. «Именно потому, что народ так разделился и расселился,— пишет Никифор,— племя хазар, жившее внутри области, именуемой Верилией, по соседству с Сарматией, часто нападало на него. И пройдя все области, ле-

[1] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 42.

[2] *И. Патканов.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, стр. 26—29; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 45.

жащие за Понтом Эвксинским, проникло через все земли до моря. И вслед за тем подчинило Ваяна и заставило производить уплату дани»[1]. Аспарух же с подчиненными ему племенами именно теперь, под давлением хазар, начал движение на запад — к Днепру и Дунаю, которое Феофан и Никифор ошибочно относят к более раннему времени. Об этом определенно свидетельствует «Армянская География VII века». Автор ее, описывая переселение Аспаруха на Дунай, указывает: «Во Фракии две горы и реки, из которых одна Дануб (Дунай), делясь на шесть рукавов, образует озеро и остров, называемый Пюки (Певка). На этом острове живет Аспар-Хрук, сын Хубраата, бежавший от хазар из гор Булгарских и прогнавший авар на запад. Он поселился на этом месте»[2]. Таким образом, переселение группы болгар во главе с Аспарухом на запад здесь, несомненно, связано с военным разгромом, который они претерпели от хазар. Столь же определенно высказывается об этом событии и хазарский царь Иосиф в своем письме к испанскому еврею Хасдаю ибн-Шафрута: «...когда мои предки были еще малочисленны, всесвятой,— благословен он,— дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божьей они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-Н-Н-Т-Р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-Н-Н-Т-Р'ы были более многочисленны — так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня»[3].

Сообщение Иосифа согласуется с данными «Армянской Географии VII века» и передает реальный исторический факт, сыгравший большую роль в дальнейших судьбах болгар. Под В-Н-Н-Т-Р'ами царь Иосиф имеет в виду унногудуров — болгарские племена, во главе которых после смерти Кубрата стоял Аспарух[4].

Дальнейшие события, отмеченные византийскими историками, позволяют датировать оттеснение хазарами болгар Аспаруха на запад. После хазарского разгрома эта группа болгар первоначально расположилась в местности, названной в источниках «угол» — в южной части Бессарабии или на островах дунайской дельты. Возможно, что при этом они вытеснили отсюда авторов, на что указывает автор «Армянской Географии VII века». Из этого угла болгары совершали опустошительные набеги на земли империи[5], обезопасив себя постройкой ряда укреплений[6] (возможно, ими

[1] *Никифор.* Указ. соч., стр. 363.
[2] *И. Патканов.* Из нового списка..., стр. 26.
[3] *П. К. Коковцев.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 92
[4] Там же, прим. 1; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 33.
[5] *Никифор.* Указ. соч., стр. 364.
[6] Там же.

были захвачены некоторые из аварских крепостей — рингов). Нападения были настолько серьезны, что потребовали большой военной экспедиции императора Константина IV Погоната. Он приказал всем легионам во Фракии перейти за Дунай и двинулся на них (болгар) с сухопутными и морскими силами, чтобы силою оружия выгнать их из занятых ими стран [1]. Однако мероприятие это окончилось позорным провалом. Византийцы не могли взять болгарских укреплений, заболевший или сославшийся на болезнь император покинул Фракию, а войско было разгромлено болгарами. Более того, преследуя бегущую в панике византийскую армию, болгары двинулись дальше на запад, заняли Добруджу и дошли до Одессы (Варны). «Расширившись таким образом, они возгордились и начали нападать на лагери и местечки, под властью римскою находившиеся, и людей уводили в плен: почему царь принужден был заключить с ними мир, согласившись платить ежегодную дань к стыду римского народа по множеству неудач его» [2]. Неудачная кампания Константина против болгар относится к 679 г. До этого ряд лет болгары провели в «углу», тревожа набегами придунайские области. Столкновения с хазарами продолжались, конечно, не один год. Они начались, очевидно, в 60-х годах, а разгром болгар хазарами последовал около 670 г.

На Балканы во главе с Аспарухом пришли не отдельные военные дружины болгар, а значительная их группа, переселявшаяся с женщинами, детьми и всем имуществом. На это указывает византийский историк Грегор [3]. Сплоченность этой группы, военная организация ее, зиждившаяся еще на родовой дисциплине, обусловили подчинение болгарами славянских племен, живших в северной части полуострова. Болгарская знать и их хан оттеснили славянскую знать и возглавили раннефеодальное государство, зачатки которого существовали у славян еще до прихода аспаруховых болгар в виде так называемых «семи племен». При этом, естественно, имели место соперничество, а, может быть, и борьба между славянской и болгарской знатью. Но значительных военных столкновений между основной массой балканских славян и болгарами не было: ни один источник их не упоминает. Подчинение произошло сравнительно мирно. Возможно, славяне видели в болгарах большую и хорошо организованную военную силу, союзную с ними в общей борьбе против империи и аваров [4]. И действительно, укрепившись на Балканах, болгары тотчас же предусмотрели меры обороны от византийцев и аваров, используя и свои собственные, и славянские силы [5]. Вся дальнейшая судьба этой группы болгар определялась их существованием на единой территории

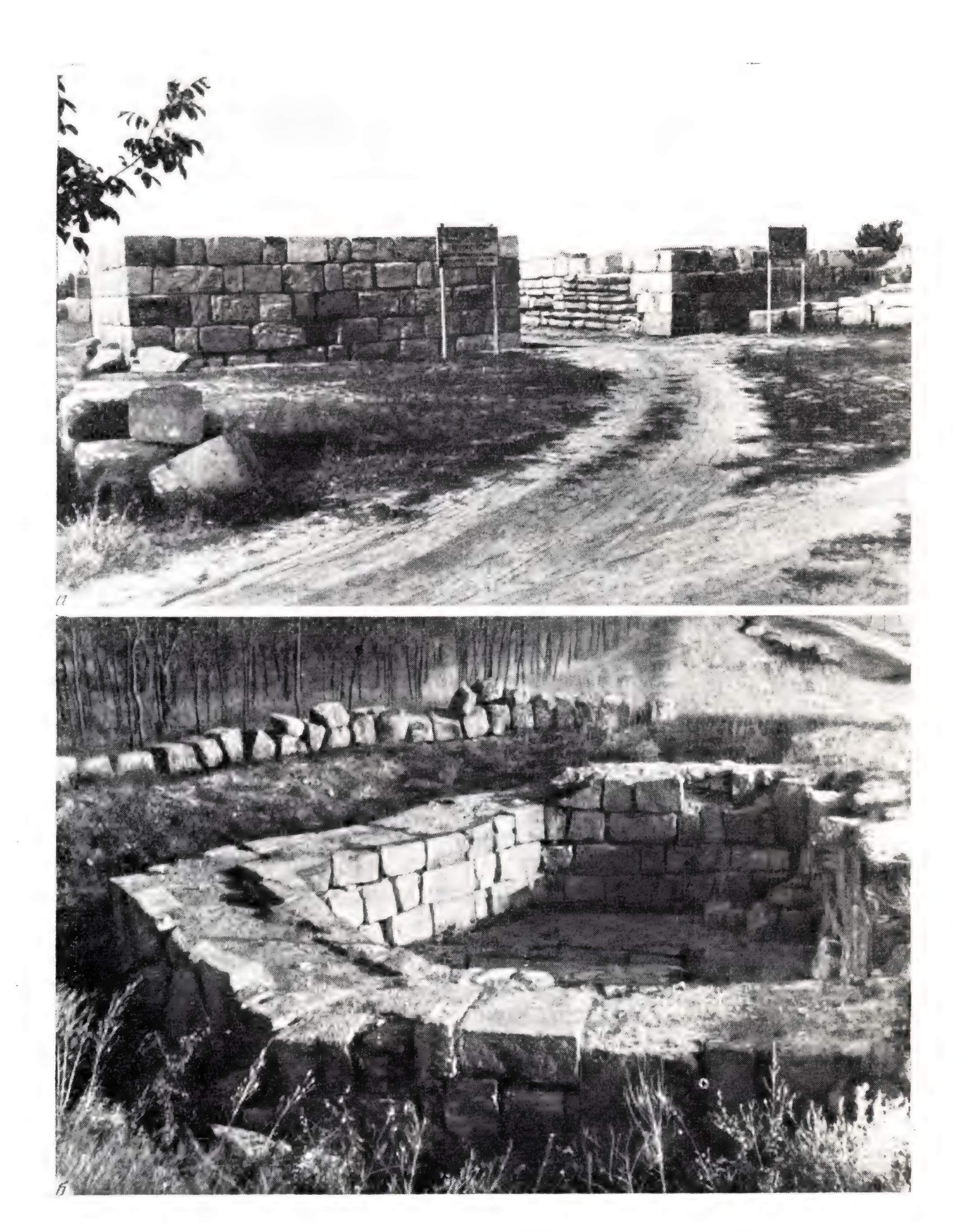
[1] «Летопись византийца Феофана», стр. 263.

[2] Там же.

[3] «Niciphorae Gregorae Byzantina Historia cura Ludovici Schopeni». Bonnae, 1829, стр. 26—27.

[4] *Lubor Niederle.* Rukovĕt slovanských starožitností. Praha, 1953, стр. 17. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 85.

[5] Летопись византийца Феофана», стр. 263 и сл.; *Никифор.* Указ. соч., стр. 364. и сл.



Крепость IX в. Плиска в Болгарии (по материалам Археологического института в Болгарии):

а — восточные ворота крепости; *б* — основание пятиугольной башни

со славянами. Завершением ее было происшедшее в течение двух веков полное растворение болгар в среде более высоко развитых в социально-экономическом и культурном отношении славян. В ходе этого процесса болгары окончательно перешли к оседлому образу жизни, восприняв славянский быт, славянские верования, а потом и славянский язык, войдя таким образом в качестве одного из компонентов в состав формировавшейся болгарской славянской народности [1].

* * *

Письменные источники освещают таким образом основные моменты событий третьей четверти VII в. Они рисуют в основном правильную, но далеко не исчерпывающую картину. Сведения их сводятся к тому, что часть болгар во главе с Аспарухом откочевала на запад, вторая же часть осталась в Приазовье, покорившись власти хазар. В дальнейшем же внимание византийских историков было полностью приковано к Дунайской Болгарии, с которой Византии много веков пришлось сталкиваться. Восточная группа болгар оказалась вне их внимания. О дальнейшей судьбе болгар Приазовья сведений очень немного. Зато начиная с X в. в восточных, русских, византийских источниках все чаще начинает упоминаться государство болгар на Средней Волге и Нижней Каме. Движение болгар на Волгу непосредственно не освещено письменными источниками, как не освещены и события в области Приазовских болгар в конце VII—VIII вв., после подчинения их хазарам и ухода на запад Аспаруха. Между тем оба этих вопроса тесно связаны между собой. Значительная группа болгар откочевала в Среднее Поволжье одновременно с уходом Аспаруха на Дунай, это доказывается последними археологическими открытиями, на которых мы остановимся несколько ниже. Распад державы Кубрата и хазарский разгром вызвали, несомненно, весьма значительные и долговременные перемещения болгарских племен. При этом часть их, подчинившись хазарам, осталась в Приазовье или была оттеснена к горным районам Северного Кавказа. Другая же весьма многочисленная группа, в которую наряду с болгарами входили аланские племена, отошла к северу, на Средний Дон, откуда расселилась как в западном, так и в восточном направлениях. Надо думать, что именно отсюда — со Среднего Дона — началось движение болгар на Волгу. Наиболее ранние памятники волжских болгар, относящиеся ко времени появления их на Средней Волге, находят аналогии именно в Подонье, тогда как в Нижнем Поволжье таких памятников нет. Да и не могли болгары двигаться на север через Прикаспий и Нижнее Поволжье, ибо эти области были полностью подконтрольны хазарам, отсюда они двигались на запад. Характерно, что болгары избрали для переселения именно Волго-Камье, обойдя хазарские

---

[1] «История Болгарии», под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева, т. I. М., 1954, стр. 58—59; *С. А. Никитин.* Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства. «Вестн. МГУ» (серия обществ. наук). 1952, вып. 1.

земли и отодвинувшись от них сравнительно далеко на север. Поэтому донской путь представляется наиболее вероятным для двигавшихся в Среднее Поволжье болгар.

На Волге, заняв территорию к северу от Самарской Луки, а впоследствии продвинувшись до Камы и к северу от нее, болгары подчинили местное население — потомков племен городецкой культуры [1]. Население это по уровню своего социально-экономического развития стояло ниже болгар, и в дальнейшем развитии его, переходе к классовому обществу и создании государства болгары сыграли весьма значительную роль [2]. С приходом болгар здесь началось распространение тюркских языков и новой для Среднего Поволжья культуры, воспринятой болгарами у аланских племен Предкавказья и в городах Тамани и Крыма. Эта культура легла в основу процесса формирования оригинальной культуры Волжской Болгарии. На Волге был завершен и процесс перехода болгар к оседлому образу жизни, к земледельческому хозяйству, которое уже в X в. получило значительное развитие. Здесь были созданы и жили интенсивной жизнью большие болгарские города.

Истории государства болгар на Волге посвящена отдельная глава настоящего тома. Сейчас же мы остановимся на немногочисленных сведениях письменных источников о прочих болгарских племенах, оставшихся в Приазовье и в Подонье после ухода основных групп на Дунай и на Волгу. Арабо-персидские авторы называют их «внутренними болгарами», а Константин Багрянородный и древнерусская летопись — «черными болгарами».

В X в., в сочинениях Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна аль-Масуди болгары упоминаются в различных частях Восточной Европы, в том числе вблизи Черного моря. Последнее свидетельство относится к оставшимся там болгарским племенам, что и создает впечатление сбивчивости и кажущейся ошибочности сообщений Масуди [3].

Но, помимо Масуди, имеются более пространные и более точные свидетельства древних авторов о болгарах, живших к северу от Меотиды в VIII—IX вв. Уже давно историки обратили внимание на упоминания о народе внутренних болгар, неоднократно встречающиеся в текстах арабо-персидских историков и географов. Впервые термин этот встречается у аль-Балхи (308 г. хиджры — 920 г.), упоминающем Bulghār al-dākhil [4], несколько позже он встречается у Истахри (318—21 г. хиджры — 930—933 гг.) и у Ибн-Хаукаля (367 г. хиджры — 977 г.), аль-Балхи лишь очень смутно упоминает «Внутренний Болгар» как небольшой город [5], Истахри отличает внутренних болгар от Великой (дунайской) Болгарии.

---

[1] «Очерки истории СССР», т. I, стр. 531.

[2] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары, стр. 35 и сл.

[3] Там же.

[4] «Hudud al-Alam». The regions of the world. Trans. by V. Minorsky. L., 1937, стр. 438

[5] *Д. А. Хвольсон.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омара ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 82—83.

Он пишет: «Руссы торгуют с хазарами, Румом и Великой Болгарией. Их граница к северу от Рума и число их столь велико, что они облагают данью Рум и внутренних болгар, которые живут возле их страны» [1]. Так же отличает внутренних болгар от дунайских и Ибн-Хаукаль [2].

Все эти авторы указывают места обитания внутренних болгар крайне неопределенно: они свидетельствуют лишь о том, что племена эти живут к северу от границ империи.

Значительно более определенные сведения относительно локализации внутренних болгар дает рукопись анонимного персидского географа конца X в. «Худуд аль Алем» («О пределах мира»). Этот источник освещает взаиморасположение всех основных племен Восточной Европы. Внутренних Болгар он помещает к западу от страны Мирват, к востоку от славян, к югу от русских гор и к северу от Черного моря. Однако главная трудность, возникающая при истолковании этого источника, заключается в невозможности точного определения упомянутых автором рек, с которыми он связывает расположение различных народов. При описании племен Восточной Европы чаще всего упоминается р. Дуна (Рута). Как доказал в своих работах Б. А. Рыбаков, название это в различных случаях обозначает различные реки. В одних случаях под Дуной, нужно подразумевать Днепр, в других же,— когда речь идет о хазарах, печенегах, внутренних болгарах, это название относится к Северному Донцу. Только тогда взаиморасположение племен, описываемых в книге «Худуд аль Алем», становится правдоподобным и соответствует сообщениям других источников.

При таком толковании текста Персидского Анонима восточной границей народа внутренних болгар оказывается нижнее течение Дона, западной — Днепр, протекающий по стране славян (сакалибов), северной — Северный Донец, за которым жили славяне и руссы, и южной — Черное и Азовское моря. Только такое расположение оправдывает самый термин. Народ «внутренние болгары» находился между болгарами внешними (дунайскими) и волжскими, к которому, как показывают сведения «Худуд аль Алем» этот термин относиться не мог [3].

«Народ это отважный,— пишет персидский автор,— воинственный и внушающий ужас. Их характер подобен характеру тюрок, живущих возле страны хазар. Внутренние болгары воюют со всеми руссами, но вступают в торговлю со всеми, кто живет вокруг них. Они обладают стадами, оружием и орудиями войны» [4].

Внутренние болгары расселились по значительной территории и жили по соседству с другими племенами, прежде всего со своими вековыми и традиционными соседями — аланами. Сами они также делились на несколько групп. «Худуд аль-Алем» упоминает, помимо самих внутренних болгар, родственное им племя вененлеров, жившее в восточной части

[1] «Hudūd al-Ālam», стр. 438.

[2] *Д. А. Хвольсон.* Указ. соч., стр. 83.

[3] «Hudūd al-Ālam», стр. 438—439; *В. В. Бартольд.* Рукопись Туманского. Л., 1924.

[4] «Hudūd al-Ālam», стр. 160.

очерченной территории — у Нижнего Дона и к юго-востоку от него. Описывая область В-н-нд-р'ов (т. е. тех же в-н'н-р'ов — унногундуров царя Иосифа), персидский географ пишет: «К востоку от нее — Барадасы, к югу от нее Хазары; к западу от нее — горы; к северу от нее — Мадьяры. Они (венендеры) трусливы, слабы бедны; доходных статей у них мало» [1]. Венендеры являлись небольшим племенным союзом, обособленным от основной группы внутренних болгар, но, несомненно, родственным ей.

Название «черные болгары» упоминается в русских и византийских источниках четыре раза: дважды в древнерусской летописи и дважды у Константина Багрянородного. Летопись под 864 г. сообщает, что сын Аскольда был убит в бою с черными болгарами. Второе сообщение мы находим в договоре, заключенном в 6453 г. (945 г.) между киевским князем Игорем и византийским императором. Одна из статей договора гласит: «И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране» [2].

Константин Багрянородный в § 12 «De administrando imperio» кратко отмечает, что «и так называемая Черная Болгария может воевать с хазарами». Больше дает для локализации черных болгар § 42 того же автора: «За Боспором находится устье Меотийского озера, которое за величину свою всеми называется морем. В это Меотийское море впадают многие большие реки. К северу от него (течет) река Днепр, из которой Руссы проходят в Черную Болгарию, Хазарию и Сирак». Таким образом, Черная Болгария указана здесь к востоку от Днепра и северу от Азовского и Черного морей — там же, где Персидский Аноним помещает внутренних болгар. Здесь находились сопредельные с Русью земли, на которых неизбежно происходили военные столкновения между руссами и черными болгарами. Отсюда же черные болгары могли совершать нападения на Херсон, предусмотренные договором 945 г. Здесь же проходил ближайший сухопутный и водный путь (по левым притокам Днепра, Северному Донцу и Дону) в Хазарию, указанный царем Иосифом для ответного письма его адресата Хасдая ибн-Шафрута: они «перешлют его в страну Рус,— пишет Иосиф,— и оттуда в (страну) Б-Л-ГАР, пока не придет твое письмо, согласно твоему желанию, в то место, куда ты желаешь» [3]. Здесь, скорее всего, речь идет о тех же внутренних болгарах арабо-персидских географов и черных болгарах Константина Багрянородного и древнерусской летописи, которые должны быть локализованы в Северном Причерноморье, в районах Северного Донца, Нижнего Дона и Приазовья.

Уже сама локализация этой группы болгарских племен свидетельствует о том, что они должны были близко соприкасаться с хазарами. Возможно, что часть их на Тамани, в Приазовье и на Нижнем Дону была

[1] «Hudūd al-Ālam», стр. 162; «Худуд ал-Алам (рукопись Туманского)». М.— Л., 1930, предисловие В. В. Бартольда.

[2] «Повесть временных лет», ч. I, стр. 234.

[3] *П. К. Коковцев.* Указ. соч., стр. 65—66.

подчинена хазарам и продолжала жить на подконтрольной хазарам территории. Но другая часть — на Северном Донце — была более удалена от основной территории Хазарского каганата и в большей мере сохранила самостоятельность. Очень характерно в этом отношении замечание Константина Багрянородного о военных столкновениях между хазарами и черными болгарами. Как вполне самостоятельная военная сила черные болгары фигурируют и в договоре 945 г.

* * *

Итак, в VIII—IX вв. письменные источники называют три группы болгар: на Дунае, на Волге и в Приазовско-Донской области. Все они были связаны общим происхождением и являлись остатками некогда единого обширного объединения болгарских племен. В дальнейшем пути их разошлись, различные исторические условия, различная этническая среда, окружавшая их на Дунае, на Волге, в Подонье, определили появление резких различий между тремя указанными группами, утрату ими некогда связующей их общности. Но в VIII в. общность эта еще не была утрачена: во всех трех областях болгары сохраняли культуру, сложившуюся у них в Приазовье. Это доказывается данными археологии.

До самых последних лет археологические памятники болгарских племен этого времени были исследованы очень слабо. Культура волжских болгар была ярко освещена археологическим материалом, начиная с X в. На Дунае достаточно четких комплексов, относящихся к VIII—IX вв., не было. Наибольшее число раннесредневековых памятников было открыто в Приазовско-Донском районе. Но выделение специфически болгарских комплексов на этой территории крайне затруднено ввиду культурного единообразия, характерного для раннего средневековья и нивелировавшего различные племена в результате длительного существования их в общих областях, активных связей и частых перемещений и смешений.

В VIII—IX вв. здесь были распространены памятники так называемой салтовской культуры, представленные могильниками, городищами и открытыми селищами. Чрезвычайно характерный комплекс оружия, керамики, украшений салтовской культуры весьма однообразен на всех ее памятниках. По происхождению своему он связан с сармато-аланской культурой Предкавказья, испытавшей в I тысячелетии некоторые влияния со стороны двигавшихся из Азии кочевых племен [1]. Но массовое изучение памятников салтовской культуры позволило определить, что на этой территории она представляет две племенные группы, различные по погребальному обряду, антропологическому типу, характеру поселений, но чрезвычайно близкие по облику материальпой культуры.

Первая представлена городищами с земляными и каменными укреплениями и открытыми селищами. Жилища в виде небольших и прямоугольных полуземлянок с наземной частью, представлявшей собой бревенчатый

[1] *Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

Бусы и металлические украшения VIII—IX вв. из могильника у с. Верхнее Салтово на р. Донце.

каркас оплетенный камышом и обмазанный глиной. В домах открыты глинобитные очаги, а также хозяйственные ямы-хранилища, найденные и вне жилищ. Хозяйственные сооружения группировались возле жилищ, составляя, очевидно, обособившиеся уже усадьбы. На территории поселений открыты гончарные печи, жернова, серпы, пряслица. В составе стада заметно преобладает крупный рогатый скот. Среди находок более всего керамики. Значительную группу составляет хозяйственная посуда: большие пифосообразные сосуды, яйцевидные амфоры, трехручные кувшины. Немало и тщательно сделанной столовой посуды — мисок, кувшинов, фляг. Особенно характерны сероглиняные одноручные кувшины с приплюснутым туловом. Весь облик поселений характерен для оседлого населения с достаточно развитым (очевидно, пашенным) земледелием, пастушеским скотоводством, кузнечным, гончарным, бронзолитейным ремеслами, с давними традициями строительного искусства, которые обусловили создание не только домов, но и сложных оборонительных сооружений как земляных, так и каменных.

Весьма сложны и характерны погребальные памятники, оставленные населением этих поселков. Захоронения совершались в больших подземных камерах, к которым вели длинные узкие коридоры с пологим или ступенчатым полом. Сами камеры достигали трех метров высоты и имели сводчатый потолок и тщательно выглаженные, а иногда и побеленные стены. Камеры служили семейными склепами, захоронения в них совершались неоднократно, в них больше коллективных, чем индивидуальных погребений. Погребенные лежат вытянуто на спине, ориентировка их различна. Подавляющее большинство погребений снабжено инвентарем, часть его, принадлежавшая семьям военных вождей, отличается особым богатством. Воины сопровождались лошадьми, погребенными в отдельных специальных могилах, а также оружием, конской сбруей, украшениями. Оружие характерно для легкой кавалерии, действующей рассыпным строем. Оно представлено наиболее ранней формой сабли, только что появившейся в ту эпоху [1], большим составным луком, боевыми топорами, кистенями, арканами, легкими копьями. Этот комплекс оружия конного воина тесно связан с новой системой конского снаряжения, важнейшей частью которой стали появившиеся тогда стремена. Очень характерны многочисленные бляшки с растительным узором, украшавшие пояса, сабельные перевязи и обувь погребенных. Другие виды украшений — браслеты, перстни, серьги, бусы, фигурные привески — представлены обычными аланскими формами, широко распространенными в эту эпоху в многочисленных могильниках Северного Кавказа. Во многих погребениях найдены сосуды, это большей частью лощеные одноручные кувшины исконного аланского типа. Значительное число арабских монет, найденных в описанных погребениях, позволяет датировать их второй половиной VIII—IX вв.

---

[1] *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 164.

Очень характерна и антропологическая характеристика погребенных, открытых в камерах описанного типа. Большая часть черепов имеет европеоидное строение и относится к долихокранному типу [1]. Никаких следов монголоидной примеси нет. Антропологический тип исконен для юго-восточной Европы. В общих чертах черепа этого типа сходны со скифскими, но абсолютные размеры их меньше, а лицо у́же. В целом это абсолютно тот же тип, который представлен в камерных погребениях северокавказских алан.

Все эти признаки позволяют связывать памятники нашей первой группы с племенами алан, расселившимися в Подонье к началу второй половины VIII в. Племена эти были довольно многочисленны, к памятникам их относятся Салтовское городище, большая часть погребений Салтовского могильника, Маяцкое городище и могильник, Подгоровский могильник, Карнауховское, Суворовское и другие поселения.

Вторая племенная группа имеет ряд существенных отличий от первой. Она не оставила ни укрепленных городищ, ни долговременных прямоугольных домов-полуземлянок. Поселения ее представлены лишь открытыми селищами с легкими конструкциями круглых юртообразных наземных домов. Такие дома найдены, например, в правобережном Цимлянском поселении. Хозяйственных сооружений и следов ремесленной деятельности значительно меньше. Очаги открытого типа. Все особенности этих поселений свидетельствуют о том, что они принадлежат еще недавним кочевникам, лишь начинающим переходить к оседлому образу жизни. Среди керамики характерны сосуды с внутренними ушками, аналогичные найденным в культурном слое столицы дунайских болгар — Плиски.

Погребальный обряд также заметно отличен от традиционных аланских камерных погребений. Место сложной аланской подземной камеры с входным коридором заняла здесь узкая прямоугольная могильная яма. В большинстве случаев она просто засыпана землей, иногда же имеет заплечики и перекрытия бревнами или плахами. Погребения одиночные, лежат вытянуто на спине, ориентировка различна, хотя преобладает западная. Отдельных конских погребений нет, но иногда кости коня сопровождают самого погребенного.

Весьма характерны и антропологические особенности погребенных. Здесь похоронены уже не долихокефалы исконного европеоидного типа, идентичного северокавказским аланам, а брахикефалы, также европеоидного типа, но с заметной уже примесью монголоидных черт [2]. Таким образом, что очень важно, различия в формах погребального обряда полностью совпадают и согласуются с различиями в антропологическом типе. В целом же различия погребальных памятников согласуются с различиями

[1] *Г. Ф. Дебец.* Черепа з верхне-салтівського могильника. «Антропологія», т. 4. Київ, 1931, стр. 93—106: *его же.* Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 252.

[2] *М. М. Герасимов.* Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы. «Антропологический сборник», т. I. М., 1956, стр. 146—165.

в характере поселений. Что же касается инвентаря, то он совершенно одинаков на памятниках обоего типа и представлен лощеными одноручными кувшинами с приплюснутым туловом, горшками с отогнутым венчиком, небольшими кружками, однолезвийными слабоизогнутыми саблями, железными топорами, поясными наборами с растительным орнаментом, стременами с плоской или выгнутой подножкой, удилами с гвоздевидными или S-видными псалиями, тонкими круглопроволочными браслетами, серьгами аланского типа с подвеской, перстнями с вкладышем, разнообразными бусами, среди которых особенно характерны бусы с плоскими и рельефными глазками.

Вторая группа представлена частью погребений Салтовского, Зливкинским и Покровским могильниками, правобережным Цимлянским поселением с принадлежащим ему могильником, а также отдельными погребениями на Тамани и в Крыму.

Если первая группа памятников по всем своим признакам — и по особенностям поселений, и домостроительства, и по погребальному обряду, и по инвентарю, и по данным антропологии — могла быть связана с аланскими племенами, то определение второй группы представляло значительно большие трудности. Лишь письменные источники позволяли предположительно относить ее к упоминавшимся выше племенам внутренних или черных болгар. Но локализация последних не была достаточно ясна, а на основных болгарских территориях — на Дунае и на Волге — не было памятников, которые можно было бы достаточно четко сопоставить с определенной группой памятников салтовской культуры. Они были открыты лишь в последние годы.

В 1951 г. болгарскими археологами С. Михайловым и С. Станчевым был открыт большой могильник у г. Новый Пазар, вблизи древней столицы болгарского государства — Плиски [1]. Здесь вскрыто 43 погребения, не имевших никаких внешних признаков. Все они, как и в описанных выше погребениях Подонья, были совершены в узких прямоугольных ямах с отвесными стенками. Покойники также лежат вытянуто на спине головой на север и сопровождаются иногда костями (или целым скелетом) лошади. Сопровождавший погребенных могильный инвентарь полностью повторяет характернейшие формы салтовской культуры: это те же сабли, железные топоры, сложный лук, копье, боевой топор, пряжки, поясные аппликации, остатки седел, украшения, наконец, лощеные одноручные кувшины с приплюснутым туловом. Таким образом, не только погребальный обряд, но и инвентарь полностью идентичен памятникам нашей второй группы. То же следует сказать и об антропологических данных. Из десяти исследованных черепов из могильника Новый Пазар большая часть принадлежала европеоидам с монголоидными чертами, меньшая — монголоидам.

---

[1] *С. Р. Станчев.* Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1956, стр. 107—132; *Ст. Михайлов.* Един старинен некропол при Нови Пазар. «Известия на археологическия институт», XX, София, 1955, стр. 293 и сл.

Глиняные сосуды из могильника VIII—IX вв. Новый Пазар
в Болгарии (по материалам Археологического института в Болгарии)

Глиняные сосуды из могильника VIII в. в с. Кайбелы Ульяновской обл.

Этот памятник, имеющий исключительное значение для древнейшей истории болгарских племен, всего лишь несколькими десятилетиями отделен от времени прихода на Дунай Аспаруха и возглавляемой им группы племен. Здесь живы еще те культурные традиции, которые развились у болгар в Приазовье в результате многовекового соседства с аланскими племенами. Материал этого могильника согласуется с многочисленными находками вещей салтовской культуры в культурных слоях древнеболгарских поселений, прежде всего их столицы Плиски и в курганах близ нее.

В 1953 г. такой же могильник был открыт автором настоящей главы и в третьей области расселения древнеболгарских племен — на Средней Волге[1]. У с. Кайбелы, напротив Ульяновска, раскопаны 20 погребений по обряду, инвентарю и антропологическим данным[2] совершенно идентичных как зливкинским, так и новопазарским. Характерно, что рядом с могильником открыты следы поселения с легкими юртообразными жилищами. А в 1957 г. на юге правобережной Татарии был раскопан открытый еще в 1951 г. Большетарханский могильник, на котором исследовано

[1] См. гл. VI, 10 настоящего тома «Очерков истории СССР», стр. 689—690.
[2] *М. М. Герасимов.* Указ соч., стр. 146—165.

80 таких же погребений. Отдельные комплексы того же типа известны и на территории Чувашии.

Таким образом, три важнейших признака — погребальный обряд, инвентарь и антропологический тип в одном и том же сочетании — повторяются на всех трех территориях, на которых письменные источники помещают древнейшие болгарские племена, разошедшиеся из их общего приазовского центра. Тем самым становится несомненной и принадлежность болгарам второй группы памятников салтовской культуры. Эта группа оставлена внутренними, или черными, болгарами, жившими в Приазовье и Подонье, воевавшими с руссами и хазарами, врывавшимися в Крым и угрожавшими Херсонесу.

Археологические памятники показывают, что у этих племен активно протекал процесс перехода к оседлости. Развивались ремесла, причем в выработке форм материальной культуры решающую роль сыграло вековое сосуществование на общей территории с более экономически развитыми аланскими племенами, использование их ремесленных приемов и изделий. И в VIII—IX вв., после распада болгарского объединения, черные болгары продолжают жить с аланами на общей территории и поддерживать самую тесную связь с ними.

Сосуществование их было в основном мирным, характерны в этом отношении погребения тех и других на одном кладбище (Салтовский могильник). Закономерно поэтому и чрезвычайно близкое сходство материальной культуры алан и болгар.

К VIII—IX вв., с началом оседания на землю, черные болгары сближаются с аланами и по уровню социально-экономического развития. У тех и других происходит выделение военных дружин. Они уже резко отличны от всеобщего ополчения членов рода: они обособлены от остальных общинников как особая привилегированная социальная группа. Намечается дифференциация и внутри самой дружины: вождь, военачальник перестает быть «первым среди равных», институт военных вождей становится обязательным, а может быть и наследственным. Погребения дружинников, выделяясь своим богатством из числа погребений прочих членов общины, заметно уступают погребениям вождей. Появляется рабство, не получившее, впрочем, значительного развития. Черные болгары, как и болгары на Дунае и Волге, стояли на пороге классового раннефеодального общества.

Но если в последних двух областях процесс этот был доведен до конца, то в Подонье он был прерван появлением новых волн кочевников-печенегов, а позднее торков и половцев. Оседлые поселения на границах степной полосы вновь были разрушены. Население их было частично оттеснено к югу, частично же влилось в кочевые орды. И надо думать, что не аланы, а именно болгары, сами вчерашние кочевники, частично присоединились к печенегам, постепенно слились с ними и разделили дальнейшую их судьбу. После X в. племенное название их в Подонье и Приазовье более не упоминается.

5

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ АЛАНЫ

В первые века нашей эры на страницах географических и исторических сочинений все чаще появляется имя алан, одного из сарматских племен. Мы видим дружины кочевых алан в Средней Азии, Закавказье, Передней Азии, в Крыму, на Дунае, участвующими в Маркоманских войнах и т. д.

В настоящем разделе освещена история не всех кочевых аланских племен, а только живших на территории Северного Кавказа, перешедших от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, развивавших ремесло, торговлю и создавших к IX—X вв. все предпосылки образования государства.

Детальное исследование археологических материалов, начиная с находок эпохи бронзы до средневековья на этой территории, показывает, что в ряде элементов материальная культура корнями уходит в кобанскую культуру эпохи бронзы. Это касается как погребального обряда, наиболее стойкого этнического признака (каменные ящики кобанского времени и каменные ящики и склепы алан-осетин), так и отдельных вещей: формы кинжалов и топоров, фибул, височных колец, булавок, различных подвесок и т. д. [1] Поэтому этногенез алан-осов надо представлять в виде процесса смешения пришлых ираноязычных сармато-аланских племен с местными иберо-кавказскими, произошедшего при победе иранского языка и сохранении ряда особенностей материальной культуры местных племен [2].

В первые века нашей эры аланы населяли степные районы Приазовья и Предкавказья [3], в основной своей массе они были кочевниками. В горах же, куда аланы стали проникать в результате гуннского разгрома, продолжали жить местные иберо-кавказские племена, потомки кобанцев.

Археологическими исследованиями сейчас удается выделить самые ранние памятники культуры алан II—III вв. на территории Северного Кавказа.

Ранние материалы дают Присунженская группа подкурганных катакомбных погребений и Прикубанская («Золотое кладбище») [4]. Катакомбный обряд погребения сложился не на этой территории. В предшествую-

---

[1] *Е. И. Крупнов.* Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 158, 159.

[2] Иосиф Флавий в «Иудейской войне», описывая под 72 г. поход алан на Армению и Мидию, пишет: «Пламя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера» (*В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 4, стр. 277).

[3] Присунженская группа могильника Алхан-Кала (раскопки А. А. Бобринского, А. П. Круглова, исследования Л. Г. Нечаевой).

[4] «Золотое кладбище» Прикубанья. (*Н. И. Веселовский.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. «Тр. XII АС», т I, 1905; Каменные орудия в курганах Северного Кавказа первых веков христианской эры. «Тр. XI АС», т. I, 1901).

Золотые украшения с инкрустациями IV—V вв. могильника у с. Рутха в Осетии

щую эпоху мы здесь не видим даже отдельных элементов, из которых он мог бы возникнуть. Появление его здесь нужно связывать с проникновением на эту территорию нового большого этнического массива [1]. Алхан-Калинский могильник бассейна р. Сунжи (II—VI вв.) представляет собой огромное родоплеменное кладбище алан. На нем в конце XIX в. можно было насчитать около пяти тысяч курганов с погребениями в катакомбах.

Катакомбы II—III вв. вне территории бассейна р. Сунжи единичны. Эти бескурганные катакомбы среди памятников другого типа (грунтовых могил и каменных ящиков) свидетельствуют о проникновении отдельных представителей алан, живших по р. Сунже, как на территорию, занятую местными иберо-кавказскими племенами горных районов Кавказа [2], так и в районы Прикубанья, занятые меотскими племенами [3].

Раннеаланские катакомбные захоронения «Золотого кладбища» свидетельствуют о проникновении новой большой этнической группы на Кубань [4].

Прикубанскую группу связывают с Присунженской все основные черты погребального обряда, хотя в ряде признаков (ориентировка камеры и т. д.) они отличаются друг от друга. Оба эти крупных могильника оставлены населением, занимающимся отгонным скотоводством и уже частично переходящим к оседлости. Например, в нижних слоях Алханкалинского поселения V—VIII вв. найден материал II—III вв., свидетельствующий о начале процесса оседания сармато-аланских племен на данной территории. В Прикубанье эти племена были тесно связаны с меото-сарматскими поселениями, откуда в обмен на продукты скотоводства получали предметы ремесленного производства. На р. Сунже они начали создавать собственные поселения на базе зимовок. Погребения обеих групп отличаются богатством инвентаря, но явных следов имущественной дифференциации населения нет — перед нами богатые родоплеменные группы. Находки предметов вооружения — мечи, железные наконечники стрел, удила — помогают представить нам тяжеловооруженных всадников. Оружие так же, как и украшения, дает нам общесарматские типы. Керамика также входит в круг сарматской, но в ней легче уловить локальные особенности.

Сведения об аланах начала I тысячелетия в письменных источниках чрезвычайно фрагментарны. Древние грузинские рукописи (к сожалению, здесь мы имеем данные авторов VIII—XI вв.) описывают походы

---

[1] Катакомбный обряд погребения был распространен во II—I и даже в IV—III вв. до н. э. в Поволжье и Средней Азии и связывается с сарматами. Спорен до сих пор вопрос о среднеазиатском, массагетском происхождении алан и появлении наиболее ранних, собственно аланских катакомб на территории Приаралья (*С. С. Сорокин.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 97—117).

[2] Алхастинская катакомба, исследованная Е. И. Крупновым. «Археологические памятники Ассинского ущелья». «Тр. ГИМ», вып. XII, М., 1948.

[3] Катакомбы у станицы Казанской и Тбилисской, исследованные Н. В. Анфимовым.

[4] Точку зрения на аланскую принадлежность памятника отстаивают К. Ф. Смирнов и Л. Г. Нечаева.

войск осов иногда в союзе с горными дагестанскими племенами на Грузию, участие алан-осов в междоусобной борьбе Грузии и т. д.

Подобные описания быта кочевых алан, приведенные Аммианом Марцеллином [1], дают привычный для античной литературы облик варвара-кочевника с традиционными чертами — жестокостью, «грозным видом», «диким образом жизни» и т. д. Применение этих сведений, почерпнутых из старой античной исторической и географической литературы, к аланам IV в. заслуженно подвергалось критике еще Ю. А. Кулаковским и В. Ф. Миллером.

Проникновение гуннских кочевых племен на Северный Кавказ существенно изменило этногеографию этой территории. Аммиан Марцеллин пишет: «И вот гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» [2].

И действительно, на большинстве меотских правобережных городищ прекращается жизнь, аланские племена Прикубанья уходят в горы. К IV—V вв. относится заселение верховьев Кубани вплоть до самых горных районов (Клухори), в V в. появляется целая система городищ в степи и предгорьях (Ставрополье, Кабарда). По историческим источникам мы можем представить себе территорию, занятую аланами в VI—VII вв. Прокопий Кесарийский дает нам примерные границы. «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы» [3]. Аланы на востоке граничат с савирами, на юге границей им служат Кавказские горы, на юго-западе их соседями являются сваны (суниты) [4], апсилы [5], с запада от авазгов их отделяют брухи (по-видимому, одно из адыго-черкесских племен). Северными границами алан были предкавказские степи.

Грузинские источники и «Армянская География VII в.» также рисуют нам алан-осов к северу от Кавказского хребта, граничащими с адыгскими, лезгинскими племенами и степными кочевниками. На территории Алании тогда существовало не одно, а несколько племенных объединений: местные племена, жившие здесь до прихода алан, и аланы. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, письменные источники [6], с другой стороны разнообразные типы погребений: катакомбы, грунтовые могилы, каменные ящики, склепы. Интересно свидетельство сирийского источника Захария

---

[1] *Аммиан Марцеллин.* История. Перевод Ю. А. Кулаковского, вып. III. 1908, стр. 239—243; *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 3, стр. 287, 290, 294, 303 и сл.

[2] *Аммиан Марцеллин.* Указ. соч., стр. 243. См. другой перевод: *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1949, № 3, стр. 305.

[3] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 381.

[4] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 180.

[5] *Менандр.* В сб. «Византийские историки». Отрывок 22, стр. 383.

[6] «Армянская география VII в.» различает на территории алан четыре народа: агванов (верховья Кубани), ашдигор (осов в Кабарде), дигор (в зап. Осетии) и собственно аланов (вост. Осетия).

Митиленского, говорящего о существовании пяти городов в области северокавказских алан [1].

В V—VI вв. аланы в связи с ирано-византийскими войнами приобретают особое значение для воюющих стран. Византия и Иран были чрезвычайно заинтересованы в прочном союзе с ними как для непосредственного использования военных сил аланских племен в Закавказье, так и для привлечения на свою сторону подкупленных кочевых племен гуннов, савиров или тюрок и заселения ими земли противника, пользуясь всеми основными перевальными путями через Кавказ, находящимися на территории алан. В V и в начале VI в. аланы в большей части выступали (прямо или косвенно) на стороне персов против грузин и Византии. Как писал Прокопий: «Это — племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов» [2]. Таким врагом Персии в середине V в. была Грузия Вахтанга Горгосала, стремившаяся к национальной независимости. Поэтому «по наущению персов» в 499 г. аланы напали на Грузию, разрушив и опустошив центральные районы, и захватили большое количество добычи и пленных. Только в 455 г. Вахтанг смог отомстить осам, проникнув через Дариал к аланам, он вернул грузинских пленных и захватил огромную добычу [3].

Особенно важен для Византии был союз с аланами в середине VI в., когда Дербентский и Дарьяльский проходы стали контролироваться персами (поскольку Восточное Закавказье перешло в их руки) и происходила борьба за Лазику и Сванию, ставившая под угрозу использование Византией более западных перевалов.

Мы уже упоминали, что Прокопий подчеркивает союзнические отношения алан с персами [4], с другой стороны, он называет алан «издревле христианам и римлянам дружественными» [5]. Чем объяснить это противоречие? Надо полагать, что в одном случае он имеет в виду восточные племена алан (в таких случаях они упоминаются вместе с савирами), тяготеющие к Ирану, в другом — западные (упоминаемые вместе с абазгами и зихами), в своей политике связанные с Византией [6]. Поэтому мы постоянно видим, как почти в одно время аланы упоминаются источниками то на той, то на другой стороне. Так, в 541 г. они воюют в составе персидских войск против Византии в Лазике. В 549 г. правитель Лазики Губаз заключил от имени Византии союз с аланами (здесь они упоминаются вместе с савирами, и мы вправе предполагать, что речь идет о восточных

---

[1] *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 165.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 381.

[3] «История Грузии» («Картлис Цховреба»), т. I. Тбилиси, 1955, стр. 145—157 (на грузинском языке).

[4] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 381.

[5] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 221.

[6] Интересно, что такое выделение западных и восточных алан по политической ориентации находит подтверждение и в нумизматическом материале, в топографии византийских и восточных монет. (*А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 27).

племенах алан), «которые обязались за 3 кентинария (золота) не только предохранить земли лазов от всякого разорения, но и Иберию так опустошить, чтобы персам не было впредь возможности вступать в нее» [1]. Правда, эти меры, очевидно, оказались недостаточно действенными, так как в 550—551 гг. аланы в составе персидских войск вновь вторгаются в Колхиду, а в 562 г. совершают набег на Грузию и заставляют грузинского царя подчиниться персам. Лишь после похода Византии на Албанию в 576 г., аланы и савиры вынуждены просить у Византии мира, причем мир они получили на чрезвычайно выгодных условиях за денежное вознаграждение вдвое большее, чем получаемое ими от персов. Таким образом, мы видим, что восточные племенные образования алан (соседи савиров) были чрезвычайно неустойчивы политически и выступали на той стороне, где им в данный момент это казалось более выгодным. Никакой четкой политической линии они не проводили.

Иную картину представляет история западных аланских племен. Прежде всего здесь мы видим стремление к объединению с более или менее централизованной властью общеплеменного вождя, которого византийские источники называют «вождем», «владетелем» или даже «царем». Вождь западных алан, Сарозий (Сародий или Сарой), упоминаемый источниками с 558 г. по 572 г. [2] на всем протяжении своего правления приводит определенную и последовательную политику союза с Византией [3], так что Византия больше уверена в дружеских отношениях алан, чем давно уже подвластных ей лазов и мисимиян [4]. Так, в 558 г. именно к Саросию обратились авары с просьбой помочь им завязать дружеские сношения с Византией, и Саросий сразу же сообщил об этом начальнику византийских войск в Лазике Юстину, который и передал об этом Юстиниану. О силе и влиянии Саросия свидетельствует желание посольства Земарха на обратном пути от тюрок представиться владетелю Алании, причем Саросий допустил до себя тюрских посланников лишь после того, как они сложили оружие. Интересно, что Саросий был в курсе всех военных действий в Лазике, знал, что в Свании в это время в засаде находится персидский отряд, и посоветовал посольству Земарха, использовав более западный перевал, выйти в Апсилию, минуя Сванию. Иоанн Епифанийский [5] рассказывает, что персы пытались заранее подкупить алан, через землю которых должно было пройти посольство Земарха, с тем, чтобы те убили Земарха и его

---

[1] *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами, стр. 231.

[2] *Менандр.* Отрывок 4, стр. 321; *Феофан.* В сб. «Византийские историки», стр. 494.

[3] В этот же промежуток времени, когда у западных алан мы отмечаем устойчивый мир с Византией, восточные аланы на стороне Персии выступают в Грузии (562 г.).

[4] Так, Агафий рассказывает, что в середине 50-х годов VI в. Византия хотела отдать крепость мисимиян, расположенную у самых границ лазов, аланам, чтобы облегчить сношения через Северный Кавказ «с более отдаленными народами» (*Агафий.* О царствовании Юстиниана. М.— Л., 1953, стр. 87).

[5] «Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии», т. III. Тбилиси, 1936, стр. 199.

свиту, но аланы оказались верны Византии. Этот же «царь Аланов» — Сарозий упоминается Феофаном [1] как союзник армян в борьбе последних с персами.

В третьей четверти VI в. часть алан, очевидно, жители предгорий, была покорена тюрками [2]. Правда, ненадолго, так как неурядицы на востоке заставили тюрок вскоре оставить захваченные территории. Аланы, занятые борьбой с хазарами и частично входившие в это время в систему Хазарского каганата, не могли играть такой большой роли в политической жизни Кавказа и Закавказья, как в более ранние и более поздние периоды. Однако даже те немногие сведения, которые имеются, свидетельствуют о том, что аланы (особенно горные) в большой степени сохранили свою политическую и экономическую независимость от хазар.

Византия пыталась направить силы алан против арабов или закавказских народов, выступавших на стороне арабов (например, абхазов). Так, Феофан рассказывает нам о событиях начала VIII в., когда Юстиниан II послал протоспафария Льва (будущего императора Льва III Исавра) к аланам с тем, чтобы те выступили против проарабской Абхазии. Несмотря на то, что Юстиниан II обманул Льва, не прислав аланам обещанных денег, последние не выдали Льва абхазам даже за большую денежную сумму, заявив, что действуют «из любви к императору». Так что и тут, как в упомянутых событиях, связанных с посольством Земарха, аланы предпочли устойчивый мир с Византией временным союзам с ее врагами. На протяжении VIII—IX вв. арабские историки отмечают неоднократные нападения арабов, закончившиеся захватом Дарьяла.

Как мы видим, письменные источники дают нам возможность представить лишь территорию, занятую аланами-осами на Северном Кавказе, и ту роль, которую они играли в международной жизни. Для исследования же внутренней жизни аланских племен, их хозяйства, ремесел, уровня развития материальной культуры, быта и идеологии, основным источником остается археология [3].

Изучая археологические памятники, мы можем уточнить территорию, занятую аланскими племенами в разные исторические эпохи, конкретно проследить движения алан, оттесняемых гуннами в горы Кубанско-Терского междуречья. Аланами были заселены в V—IX вв. степные, предгорные и горные районы. Разные географические условия давали разные типы поселений и жилищ, но основным при выборе места для поселения было удобство данного района для занятий сельским хозяйством, наличие воды и хороших пастбищ для скота, существование природных укреплений.

---

[1] *Феофан.* В сб. «Византийские историки», стр. 494.

[2] *Менандр.* В сб. «Византийские историки», стр. 420.

[3] Тут особенно необходимо отметить работы советских археологов Б. Е. Деген-Ковалевского, А. А. Иессена, А. П. Круглова, Е. И. Крупнова, Т. М. Минаевой, Л. П. Семенова, Е. Г. Пчелиной, Е. П. Алексеевой и других, производивших раскопки на могильниках и поселениях.

В Ставрополье, где сармато-аланы стали оседать на землю уже во II—III вв., в V—VIII вв. было уже много укрепленных и не укрепленных поселений [1]. Для поселения выбираются естественно укрепленные места — высокие мысы с обрывистыми берегами, огражденные глубокими оврагами, с напольной стороны — система искусственных укреплений. Характерно групповое расположение поселений, причем в каждой группе выделяется одно крупное, к которому тяготеют остальные. Крупные городища обычно состоят из двух-трех частей, укрепленных валами и рвами; встречаются также небольшие укрепленные городища, окруженные непосредственно примыкающими к ним неукрепленными. Встречены, наконец, совсем неукрепленные поселения. Оборонительными сооружениями в этом районе являются валы (земляные без каких-либо конструкций, иногда покрытые камнем, иногда состоящие из рваного необработанного камня — не кладки). На всех этих поселениях жилища были сделаны из плетня, обмазанного глиной, около домов — хозяйственные ямы.

В Кабарде, на границе со степью, откуда аланы ожидали основных врагов, мы видим целую систему «строго продуманной организации обороны» [2]: в степи по одному расположены небольшие круглые курганообразные укрепления, окруженные валом и рвом, сторожевые форпосты, связанные между собой зрительной связью. На расстоянии 6—8 км к югу, на границе степей и предгорий, на берегах рек находятся группы городищ, аналогичных ставропольским, каждое из которых представляет цитадель, окруженную глубоким рвом, и крупное, прилегающее к цитадели поселение, окруженное одним или двумя рядами валов и рвов.

В горные районы аланы стали проникать с IV в. Первые переселенцы, не умевшие еще строить надежных укреплений, селились на труднодоступных местах, на водоразделах. Таким интересным памятником IV—V вв. является открытое поселение, исследованное у аула Жако на Малом Зеленчуке [3]. Поселение расположено в гористой, труднодоступной местности на плато третьей террасы Малого Зеленчука и тянется приблизительно на один километр. Постройки на нем располагались без всякого плана, просторно, дома окружались дворами и огородами. Стены дома, состоящие в нижней части из больших песчаниковых плит, поставленных на ребро, или отесанных брусков, сложенных на земляном растворе, толщиной более метра, углублялись в землю, пол жилища, земляной или выложенный каменными плитками, был ниже уровня материка на 40—80 см. Верхняя часть стен жилища делалась из плетня, обмазанного глиной (что отражает традицию домостроительства степных поселений). Внутри и вне жилищ находились хозяйственные ямы и очаги.

[1] *Т. М. Минаева.* Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 1. Ставрополь, 1949.

[2] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 24—25.

[3] *Е. П. Алексеева.* Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 73—79.

Во второй половине V—VI вв. и позже аланы строят укрепленные поселения в долинах рек; поселения очень многочисленны и близко расположены друг к другу (на расстоянии в 0,5 км). На примере поселения V—IX вв. на балке Адиюх [1] мы можем проследить изменения в планировке поселения. В V в. на этом участке было место совершения культовых обрядов, в VI—VII вв. центральная часть застраивается жилыми постройками и укрепляется крепостной стеной (имеющей два панциря: внешний — из крупных отесанных блоков на известковом растворе, внутренний—из необработанных камней и забутовку из рваного камня) и башнями. Вторая часть поселения в это время была не укреплена. Позднее и вторая часть поселения обносится крепостной стеной, а центральная часть (ставшая, очевидно, местом жительства обособившейся племенной знати) дополнительно укрепляется рвом. Застройка в VI—VII вв. плотная и подчинена общему плану. Дома каменные, наземные, однотипные по своему устройству: небольшие (12—16 кв. м) со стенами, сложенными на земляном растворе. Иногда дома обмазывались глиной и белились. Внутри дома находились очаги и выложенные из камней нары. К домам примыкали вымощенные камнями дворики с небольшими каменными хозяйственными постройками и выдолбленными в материковой скале хозяйственными ямами. К крепостной стене с внешней стороны примыкали большие длинные помещения, предназначенные для скота. Таким образом, мы видим, что аланы на протяжении второй половины I тысячелетия увеличивали свою территорию, продвигаясь, с одной стороны, в степи и предгорья Грозненской области, с другой стороны, осваивая горные районы Кубанско-Терекского междуречья.

Самый выбор места для поселения говорит нам о типе хозяйства алан— земледелии и скотоводстве. Мы уже говорили, что во II—III вв. аланы на Северном Кавказе от кочевого скотоводства перешли к отгонному. В IV—V в., продвинувшись в горы, население занимается как скотоводством (найдены кости коровы, лошади, свиньи и барана), так и земледелием. В жилых сооружениях, разрушенных в середине V в., найдены зерна (несколько ведер) дикого и культурного проса, конопли, жернова, ступы, зернотерки, песты, зерновые ямы. Подсобное значение имеет охота (найдены кости оленя, косули, кабана) и рыболовство (об этом свидетельствуют находки грузил). Земледелие становится плужным.

Памятники материальной культуры алан IV—IX вв. свидетельствуют о высоком развитии ремесла [2]. Развиты были металлообработка (следы добычи медной руды и обработки меди в Кабарде, добыча серебряной руды, железа в верхней Свании). Развито было ткачество, кожевенное и деревообделочное ремесло, найдены как орудия труда (многочисленные тесла), так и предметы домашнего обихода: деревяннные столики на

---

[1] *Т. М. Минаева*. Городище на балке Адиюх в Черкесии. «Сб. науч. тр. Ставропольского гос. пед. ин-та», вып. 9. 1955.

[2] Об аланах и салтовской культуре см. раздел данного тома «Древнейшие болгарские племена в Причерноморье».

низких ножках, тарелки, кубки, ложки. Высокого уровня достигло гончарное производство; если в III—IV вв. был большой процент лепной кухонной керамики, то для более позднего времени характерно уже абсолютное преобладание керамики, сделанной на гончарном круге. Тарная керамика представлена местными формами красноглиняных хорошего обжига больших кувшинов. Налепы в верхней или нижней части ручки продолжают традицию зооморфных ручек сарматского времени. В VIII—IX вв. мы встречаем крупные (высотой до 50—60 см) трехручные, богато орнаментированные лощеными полосами сосуды для хранения жидкостей. Кухонная керамика представлена довольно большими сероглиняными горшками, плоскодонными, с прямым или отогнутым венчиком, покатыми плечами без ребра. Гончарами уже в V в. были освоены приемы изготовления парадной лощеной черной или серой керамики, представленной различными по типу кувшинами и кувшинчиками, чрезвычайно характерными для керамических комплексов алан V—IX вв.

Украшения, найденные в могильниках V—IX вв., находят себе многочисленные аналогии в синхронных могильниках Крыма, Восточного Причерноморья, Закавказья и Предкавказья, Украины и других мест на территории от Сибири до Венгрии. Это свидетельствует о том, что Кавказ не был оторван от всего остального культурного мира, и культура народов Кавказа развивалась теми же путями и проходила те же этапы, как и культура других племен и народов на большой территории — от Сибири до Венгрии. Тогда же, когда и в крупных городах Северного Причерноморья, здесь появляются многочисленные дорогие украшения с инкрустациями из драгоценных и полудрагоценных камней (фибулы, пряжки, подвески с соколиными головками, фалары и т. д.). Причем в V—VI вв. на территории алан мы находим изобилие предметов украшения из благородных металлов, свидетельствующих о чрезвычайном богатстве населения, какого не было ни прежде, ни в последующее время. Наиболее полные наборы украшений находят в погребениях [1]. Мы видим богатые поясные

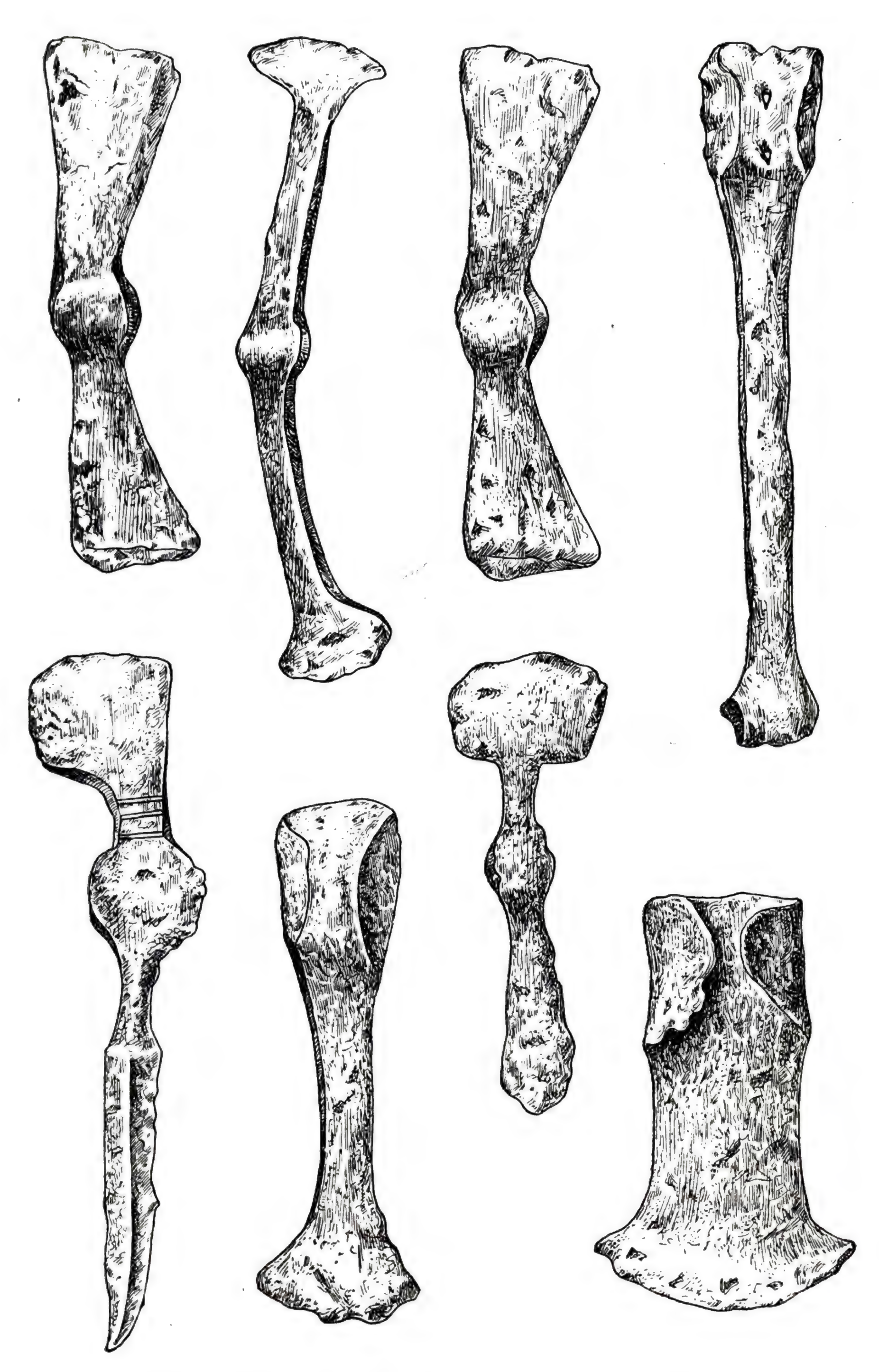
---

[1] Могильники V—VI вв. Байтал-Чапканский в Черкесии (катакомбы), у Пятигорска (каменные ящики); Мукуланский (каменные ящики) и Озоруковский (совр. Былым — каменные ящики) в Кабардино-Балкарии; Верхне-Рутхинский (каменные ящики) у селения Кумбулта в Осетии; у селений Гойты и Алды в Кабардино-Балкарии.

У селений Хумара и Карт-Джюрт в Прикубанье (каменные гробницы); у селений Хасаут (катакомбы, каменные ящики, грунтовые погребения), на левом берегу р. Чегем, в долине Бачиль-аус (каменные ящики), на р. Кисанте (каменные ящики под курганной насыпью), Чечено-Ингушетии у селений Згид (подкурганные погребения), Камунты (катакомбы), Чми — Суар-гом (катакомбы), г. Дзауджикау (катакомбы) в Осетии.

Могильники VII в. в урочище Песчанка Нальчикского района (катакомбы), Гижгитский (склепы), Кисантский и Бачиль-Аусский в Кабардино-Балкарии; катакомбные могильники Архонский, Садонский, Суаргомский и у г. Дзауджикау в Осетии; у селения Гоуст (катакомбы), в Джераховском ущелье в Чир-Юрте (Дагестан).

Могильники VIII—IX вв. (катакомбы и склепы) Галиат, Кобань, Балта, Дуба-Юрт, Клухори (грунтовые ямы, обложенные камнем, подбои), Теберда, Лац (подкурганные).



Железные предметы из погребений VI—VII вв. могильников Верхнего Прикубанья

Глиняная посуда с клеймами ремесленников VII—IX вв. из Осетии

наборы с золотыми, серебряными и бронзовыми бляшками-накладками и наконечниками пояса, пряжками прорезными (для VI—VII вв.) и литыми с растительным и животным орнаментом (для более позднего времени); фибулы, гривны, браслеты, бубенчики, многочисленные бусы (сердоликовые, янтарные и различные стеклянные).

По оружию, которое мы находим в погребениях V—VII вв., мы можем представить себе тяжеловооруженного всадника (против хорошо вооруженной конницы Персии и закавказских народов) с длинным прямым мечом сарматского типа, кинжалом с боковыми выступами у основания

Украшения конского набора IV—V вв. из могильника у с. Былым в Кабардино-Балкарии

рукоятки (кинжалы у алан сохраняют старую кобанскую форму [1], причем интересно, что и название кинжала в осетинском языке по своему происхождению не иранское [2]); сложным луком (найдены крупные железные наконечники стрел) и копьем (ланцетовидные наконечники), булавой, одетого в кольчугу. Несмотря на то, что боевой топор считается оружием пешего воина, в погребениях алан он встречается часто. Причем необходимо отметить, что развитие его из местных кобанских форм проходило на территории Северного Кавказа (переходные формы найдены в погребениях Дергавса, Корцы, Абхазии). В VII—VIII вв. аланам приходилось

---

[1] *Е. И. Крупнов*. Об этногенезе осетин..., стр. 159.

[2] *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 53.

бороться как с тяжеловооруженными воинами Ирана и Грузии, так и с легковооруженной конницей кочевников степей Северного Причерноморья. Как убедительно показал Н. Я. Мерперт, эта новая тактика боя вызывала к жизни новый тип вооружения и, прежде всего, саблю вместо меча, стремена для опоры во время рубки, и понижала значение оборонных доспехов [1]. На территории алан мы видим очень раннее появление сабли (погребение у с. Галиат самого начала VIII в.) [2], причем интересно, что сабли обычно находятся в погребениях с катакомбным обрядом, тогда как, наряду с ними, в VIII—IX вв. продолжает существовать тяжелое вооружение всадника (мечи и кольчуги найдены в каменных ящиках Сапибы, грунтовых ямах Корцы, курганах Лац, иногда в камерах, например, Балта Чми.

В погребениях найдены деревянные седла с широкой дугообразной передней лукой и слабо приподнятой задней. Часто рядом с погребением воина мы видим погребения коня во всей сбруе, или если конь не убивался, то хозяину в могилу клали конское снаряжение — удила, седло, стремена, налобники, бубенцы и ременную сбрую (от которой остаются пряжки и накладные бляшки). Таким образом, по своему вооружению аланские дружины не только не отставали от других племен и государств, но в освоении новых видов иногда даже опережали их (например, заимствование сабли).

По остаткам обуви, одежды и украшениям, обнаруженным в погребениях, можно восстановить костюм алан конца I тысячелетия (кстати, мало чем отличающийся от современного национального костюма осетин и других горских народов).

Мужской костюм состоял из бурки, высокой конусовидной шапки войлочной или кожаной (подобия башлыка), длинной кожаной шубы, ноговиц, ременных поясов с богатым набором из бляшек и наконечников. Женский костюм состоял из трех платьев: нижнего белого полотняного, среднего темного войлочного и верхнего тонкого шерстяного цветного, украшенного по вороту, поясу и подолу мелкими серебряными пуговицами, бляшками, пряжками и застежками. На голове женщины носили остроконечный колпак, из-под которого свешивалось тонкое тюлевое или кисейное покрывало. На колпак нашивались бляшки, привески и бронзовые кольца, сквозь которые продевались серьги. На ногах — кожаные чулки и башмаки, сшитые без подошвы. И мужчины и женщины носили бусы, браслеты, перстни, серьги, фибулы.

Аланы жили па важнейших перевальных путях из Северного Кавказа в Закавказье и на Черноморское побережье Кавказа; торговые отношения связывали их с Византией и Ираном. Мы мало знаем о предметах вывоза

---

[1] *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 165.

[2] *Е. И. Крупнов.* Из итогов археологических работ (по материалам Северо-кавказской экспедиции Государственного исторического музея 1935 г.). «Изв. Северо-осетинского научно-исслед. ин-та», 1940, стр. 144—145.

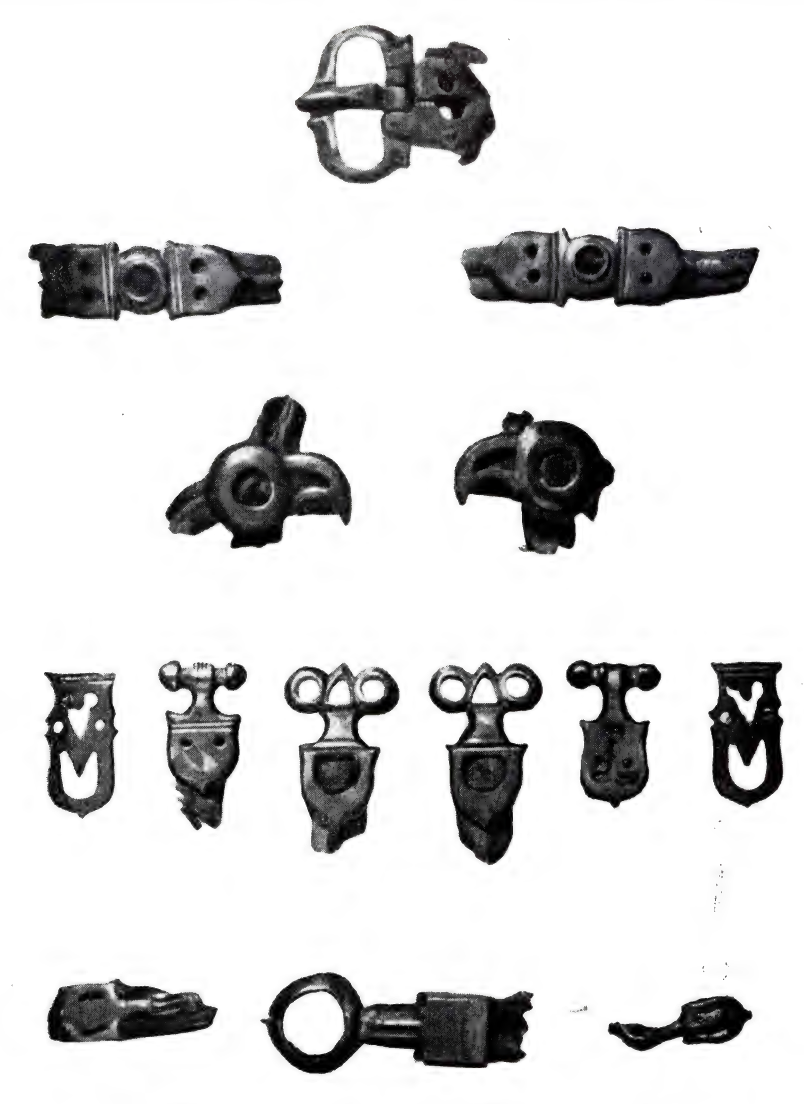
Стеклянные привозные сосуды из погребения VI—VII вв. могильника Чми в Осетии

из Алании, можно лишь предполагать, что в первую очередь это были продукты скотоводства. Гораздо больше мы знаем о привозных вещах: в V—VI вв.— это богатые предметы украшения с инкрустациями и стеклянная посуда, в основном попадавшие сюда из Боспора. Встречаются и вещи, свидетельствующие о более далеких связях,— в Чегеме найдена туалетная коробочка из слоновой кости с резьбой сирийской работы V—VI вв.; найдены иранские печати, иногда даже с пехлевийскими надписями. В могилах VI—VII вв. Чми обнаружены стеклянные сосуды сирийского происхождения. В качестве украшений использовались византийские, персидские и арабские монеты. Предметом ввоза была дорогая византийская и иранская ткань. Из Византии ввозились шелк, дорогая парча и златотканные шелковые и узорные льняные ткани, из Ирана — шерстяные ковры. Драгоценные и полудрагоценные камни, употреблявшиеся для изготовления бус, привозились из Ирана, Передней Азии и Индии, готовые стеклянные бусы попадали сюда из Сирии и Финикии, сердоликовые бусы с белой росписью — из Индии или Ирана [1].

Археологические материалы позволяют нам расширить наше представление об идеологии аланских племен. Некоторое представление дает обряд погребения, не отличающийся единством для данной территории. Мы встречаем катакомбы с семейными и индивидуальными захоронениями, каменные ящики без наземных сооружений или с небольшими холмиками из камней или речной гальки, подземные коллективные склепы и небольшие курганы. Как правило, погребенные лежат вытянуто, женщины иногда на боку. В III—V вв. в положении погребенных наблюдаются сарматские черты (перекрещенные в голенях ноги).

---

[1] *H. C. Beck*. Etched Carnelian Beads. «The Antiquaries Journal», vol. XIII, 1933, № 3, стр. 394—395.



Серебряные украшения из погребения VI—VII вв. могильника Чми в Осетии

Отклонения в устройстве погребальных сооружений объясняются живучестью обычаев, существовавших у местного кавказского населения еще до прихода сюда сармато-аланских племен и продолжавших существовать даже тогда, когда местное население смешалось, слилось с пришлыми сармато-аланами. Покойного сопровождают те предметы, которыми он пользовался при жизни,— орудия труда, оружие, украшения, кладется заупокойная пища. Иногда рядом с ним погребается и его конь.

Очень большой интерес представляют исследования места культовых действий V—VI вв., проведенные Т. М. Минаевой на балке Адиюх. Здесь обнаружено захоронение головы и нижних конечностей ног лошади, очаг,

выложенный камнем, и вертикально стоящий камень в центре круга (диаметром в 2,6 м), с математической точностью высеченного в материковой скале[1]. С другой стороны, для VI в. мы имеем сведения Прокопия Кесарийского о христианизации алан, что подтверждается находкой креста с греческой надписью из Рым-Горы (Кисловодск) и изображения крестов на стенах могильных пещер в Песчанке (датируемых VI—VIII вв.).

Археологические материалы позволяют нам, правда, очень неполно представить себе социально-экономическую жизнь алан. В погребениях IV—V вв. мы не видим следов имущественной дифференциации, родоплеменные аланские группы этого времени отличались большим общим богатством, накопленным в результате многочисленных победоносных походов алан в Закавказье. В VI—VII вв. мы уже имеем сведения о выделившихся племенных вождях (например, Сарозий), но археологические материалы дают нам еще мало данных о социально-экономическом строе. Уже дифференцируются богатые и бедные могильники, иногда более или менее богатые погребения. Но в поселении VI—VII вв. в цитадели, хорошо укрепленной каменной стеной, мы видим не за́мок выделившейся знати, а родовой поселок с однотипными небольшими домами, свидетельствующими о равенстве членов этой родоплеменной организации. Показателем отсутствия имущественного неравенства являются большие помещения для скота, где находился, очевидно, скот всего населения этого родового поселка.

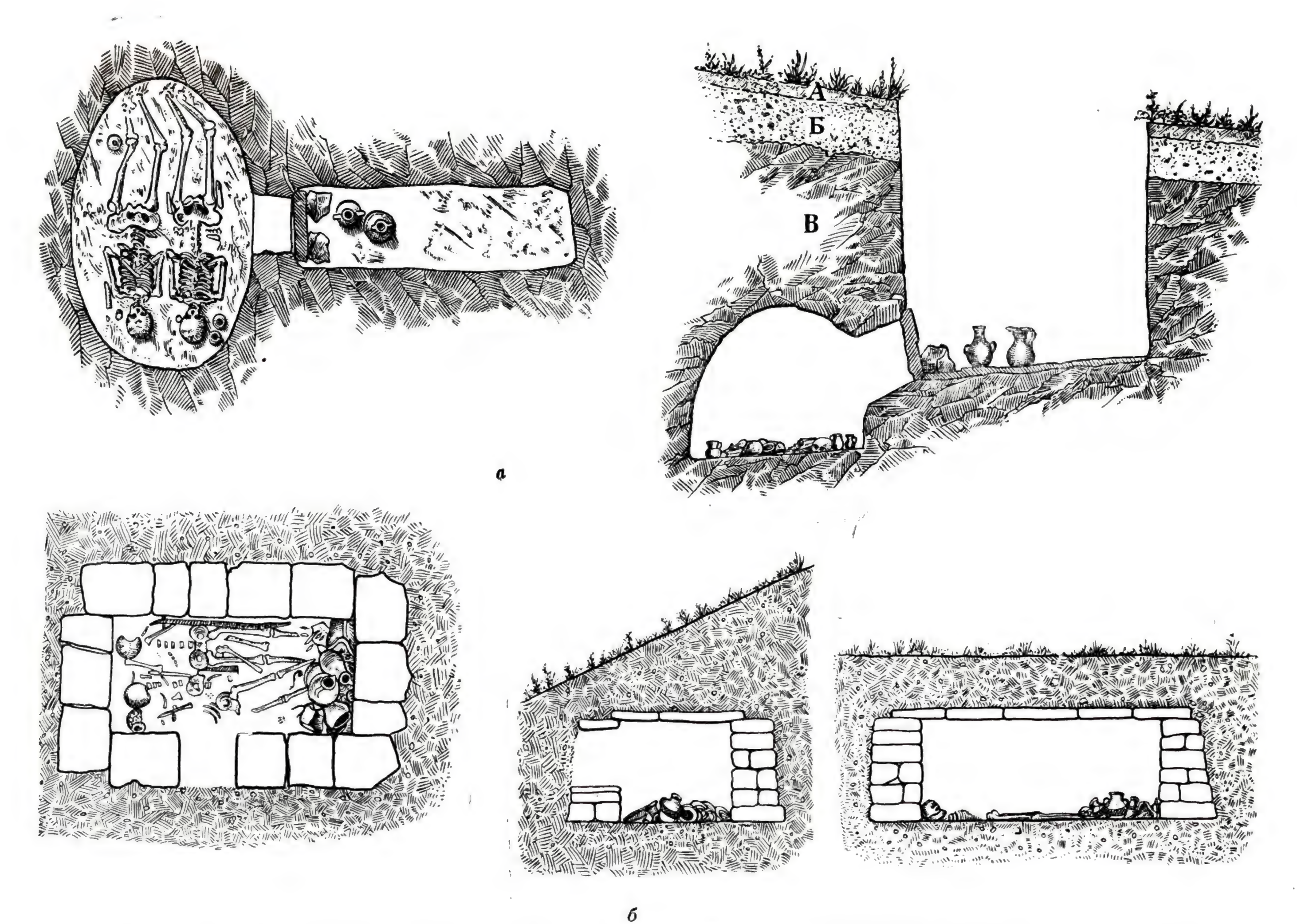
В VIII—IX вв. уже очень заметна имущественная дифференциация между рядовыми общинниками и представителями выделившейся знати. К этому времени относится уже противопоставление цитадели поселения остальной части, она становится местом обитания верхушки. Ряд поселений этого времени можно рассматривать как замок владетеля, окруженный укрепленным или неукрепленным поселением рядовых общинников, находящихся уже в какой-то зависимости от него. Расположение поселений группами вокруг одного наиболее крупного, возможно, свидетельствует об отношениях, связывающих между собой владетелей этих родовых групп (признаки определенной иерархии). Если сопоставить эти археологические данные со сведениями письменных источников[2], то мы увидим, что в IX в. на территории алан на основе развития производительных сил (пашенного земледелия, дифференцированного ремесла и торговли) создались предпосылки образования раннефеодального государства.

---

[1] В этой связи интересно отметить, что у сармат Поволжья лошадь занимала почетное место в хозяйственной жизни. Мы встречаем как жертвенные захоронения коня, так и конские кости и черепа вместе с предметами конского убора на жертвенных кострищах.

Страбон сообщает, что «массагеты признают за божество только солнце и приносят ему в жертву лошадей» (*В. И. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1947, № 4, стр. 229).

[2] Феофан говорит о существовании единого племенного союза, возглавляемого вождем, «царем» Итазом (VIII в.), грузинские источники дают нам и титул «властителя» — Ос Багатар (888 г.).



Аланские погребения VI—IX вв.: *а* — план и разрез погребения в катакомбе VII—VIII вв. из могильника Песчанки в Кабардино-Балкарии; *б* — план и разрезы каменного склепа VIII—IX вв. из могильника Галиат в Осетии

6

АДЫГСКИЕ ПЛЕМЕНА

В изучаемый период на территории Северного Кавказа было три группы племенных объединений. Северо-западный Кавказ (Прикубанье и Черноморское побережье) был занят массивом адыго-черкесских племен, центральная часть Северного Кавказа — ирано-язычными потомками пришлых сармато-алан, смешавшихся с местными племенами и частично ассимилировавшими их, северо-восточный — савирами, маскутами, леками, хазарами.

Адыго-черкесские племена представляют наибольший интерес, так как мы можем проследить их историю на Северном Кавказе на протяжении большого промежутка времени. Топонимика [1], преемственность в материальной культуре [2], фольклор позволяют утверждать, что уже в эпоху бронзы предки их заселяли эту территорию.

Данные античных источников по этнонимике и топонимике северо-западного Кавказа позволяют нам выяснить принадлежность местного населения к адыго-черкесской языковой общности [3].

Письменные источники сообщают некоторые сведения о территории, занятой этими племенами и их политической роли. Античные авторы знают две группы племен, прикубанских, известных под собирательным именем меотов, но состоящих из ряда отдельных племен, и причерноморских — синдов, керкетов, торетов, ахеев, зихов, санигов, не имевших собирательного имени и не объединенных между собой.

В начале нашей эры меоты находились в зависимости от Боспора, во II—III вв. они становятся самостоятельными. До нашествия готов и гуннов они занимали большую площадь левобережного и правобережного Прикубанья (очевидно, до Лабы) и часть Приазовских степей. Адыго-черкесские племена Черноморского побережья, согласно письменным

---

[1] *И. А. Джавахишвили.* Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древней эпохи. ВДИ, 1939, № 1; *С. Н. Джанашия.* Черкесские (адыгейские) элементы в грузинской топонимике (на грузинском языке). «Сооб. Груз. ФАН», т. I, № 8, 1940.

[2] *А. П. Смирнов.* К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», т. IV, 1948.

[3] Река Псат (упоминаемая Страбоном), племя псессов содержит адыгейский корень «пс» — вода, река. Имя меотов также объясняется из адыго-черкесских языков — ме — вонь, иате — болото, тина, лужа. Имя синдов сохранилось в имени «шиндишво», которым убыхи называют абадзехов, и в названии адыгейского с. Шинджий, керкеты — в «черкези» и «керкеты» грузинских источников и в имени «черчени», которым до XIX в. называли адыгейское племя бжедухов. Зихи — в имени «дзуху» — нг, которым абхазы и абадзехи называли черкесов. «адыгъэ», имя, которым абхазцев называли убихи, восходит также к зихам. *А. Г. Лопатинский.* Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. СМОИКП, вып. XXI; *Л. И. Лавров.* О происхождении народов северо-западного Кавказа. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 3, 1954, стр. 195.

источникам, дополненным данными топонимики [1], занимали территорию от Таманского полуострова до современной Абхазии (частично заходя на территорию последней), часть из них номинально зависела от Рима. Для более позднего времени (IV—IX вв.) наши сведения чрезвычайно скудны, прикубанские племена сходят со страниц источников, в событиях, развертывавшихся на территории Закавказья в период римско-персидских войн, участие принимали только племена Черноморского побережья Кавказа. В IV в. в страну зихов и абазгов ссылали особенно неугодных Риму лиц [2]. В V в. зависимость ряда племен от Византии продолжала сохраняться, как отмечает и анонимный автор этого времени, приводя все основные пункты и расстояния по периплу Ариана (повторяя даже его ошибки) и сообщая одновременно важнейшие факты по этнографии Северо-Восточного Причерноморья предшествующего времени. «От Синдской гавани (Анапы) до гавани Пагры (Новороссийска) прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусиане, говорящие на готском или таврском языке» [3]. В данном случае появляется совершенно новое для Черноморского побережья Кавказа племенное название, совершенно не объясняющееся из адыго-черкесских языков. Так как, кроме того, имеются указания на иноязычность этого племени, мы вправе предполагать, что со стороны Таманского полуострова сюда продвинулось какое-то племя [4], или оттеснившее керкетов и торетов или, скорее, смешавшееся с ними, а впоследствии ассимилированное ими [5].

Далее в анонимном перипле мы читаем, что на всей обширной территории от Новороссийска до р. Ахеунта (р. Азуй около Туапсе), где античные авторы в предшествующее время знали ахейцев, гениохов, кораксов, коликов, меланхленов, махелонов, колхов и лазов, «ныне живут зихи» [6]. Тут мы видим другой процесс — зихи были известны более ранним источникам как небольшое племя, жившее между Туапсе и Гагры и находившееся в номинальной зависимости от Рима [7]. К V в. они частично сами передвинулись на запад, частично подчинили себе родственные адыго-черкесские племена, создав сильный союз, ставший известным под их

[1] *Х. С. Бгажба.* Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии. «Тр. Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Дгулия», т. XXVII, 1956.

[2] *И. Д. Мансуров.* Сказание об Орентии и 6 братьях. «Протоколы подготовительного комитета V АС». М., 1882, стр. 65.

[3] *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 232.

[4] Разными исследованиями выдвигаются различные точки зрения на этническую принадлежность эвдусиан — в них видят готское, славянское или аланское племя.

[5] О связях адыгских племен со славянами можно судить по сохранившимся у них до XIX и даже XX в. древнеславянским преданиям (*Ш. Б. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947; *Ш. Б. Ногмов.* Филологические труды, т. I. Нальчик, 1956).

[6] *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, № 4, стр. 232.

[7] *Арриан.* Перипл. См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей... ВДИ, 1948, стр. 271. «Царем у Зихов Стахемфак, также получивший власть от тебя (римского императора)».

именем. Необходимо отметить, что анонимный автор приводит не только названия племен, действительно вошедших в этот союз и живших ранее на этой территории (например, ахен), но и колхов, и лазов, живших вне этой территории и не вошедших в зихский союз, и легендарные племена, локализация которых не представляется возможной (меланхлены, колики, кораксы). У Прокопия Кесарийского мы находим упоминание о брухах, живших в южных предгорьях Кавказского хребта между абазгами и аланами, «по берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам» [1]. На протяжении VI—IX вв. имя зихов полностью вытеснило имена мелких племен, находившихся в зависимости от них. Зихское племенное объединение находилось в дружеских отношениях с Византией, которой в эпоху обострившихся военных действий с Персией в Лазике эта дружба была очень выгодна. Поэтому, когда Византия не могла использовать горные перевалы через Кавказский хребет, то в сношениях с северокавказскими и более отдаленными народами пользовались сухопутным путем, огибающим предгорья Кавказских гор [2].

О дружественных отношениях с Византией свидетельствуют созданные в V—VI вв. апокрифические сказания о крещении апостолом Андреем алан, зихов, абазгов и иверов [3]. Особенный интерес представляет «Хождение апостола Андрея», написанное Епифанием, лично посетившим северные берега Черного моря в конце VIII в. и отмечавшего, что «Зикхи народ жестокий и варварский и доныне наполовину не верующий» [4]. Сведения об адыго-черкесских племенах VIII—IX вв. чрезвычайно фрагментарны. У анонимного персидского автора книги «О границах мира» X в., опирающегося на сведения IX в. [5], под собирательным именем алан имеются в виду и адыги, упоминается укрепление «Кешек» на Черноморском побережье Кавказа (этноним «Кашак», «К-ш-к» употреблялся арабскими и персидскими историками и географами X—XIV вв. для обозначения прикубанских адыго-черкесских племен, касогов русских летописей). Итак, письменные источники позволяют представить территорию (и ее изменения), занятую в III—IX вв. племенами адыго-черкесской группы; что же касается хозяйственной и культурной жизни, то здесь почти исключительно мы опираемся на данные археологии.

Раннесредневековые памятники адыго-черкесских племен встречены на левобережье Кубани и Черноморском побережье Кавказа и представлены многочисленными поселениями (городищами, селищами)

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 383.

[2] *Агафий.* Указ. соч., стр. 87.

[3] «Труды В. Г. Васильевского», т. I, вып. 1. СПб., 1898; *С. В. Петровский.* Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью. ЗООИД, XXI, 1898.

[4] «Труды В. Г. Васильевского», стр. 268.

[5] См. главу VII данного тома «Предпосылки образования древнерусского государства».

и могильниками. В Прикубанье поселения занимают высокий берег или надпойменные террасы левых притоков Кубани. Городища занимают мысы высоких террас и дополнительно укрепляются. Они состоят из центрального округлого холмообразного укрепления, окруженного глубоким кольцевым рвом и прилегающего поселения, в некоторых случаях также окруженного рвом [1]. В очень редких случаях такие поселения с небольшим центральным укреплением расположены не на речной террасе, а на ровной местности. В большинстве случаев, особенно для VIII—IX вв., поселения представляют собой обширные неукрепленные селища, расположенные на высоком коренном берегу. Дома в этих поселениях располагались без определенного плана, далеко друг от друга; это были легкие постройки из плетня, обмазанного глиной. На Черноморском побережье Кавказа поселения в основном — это обширные неукрепленные селища, расположенные на плато, недалеко от речек, в 100—150 м от моря [2].

Все рассмотренные городища и селища были поселениями оседлых земледельцев. Еще в античную эпоху меоты занимались плужным земледелием, сеяли мягкую пшеницу, ячмень, просо, бобовые растения [3]. Так как на прикубанских поселениях мы можем проследить непрерывность жизни и неизменяемость бытовых памятников от римского времени до средневековья, то у нас нет оснований предполагать смену хозяйства. Местное население разводило просо, ячмень, рожь, очевидно, продолжало разводить пшеницу, из технических культур — лен. Основным предметом экспорта были продукты земледелия. В поселениях мы находим многочисленные зерновые ямы, крупные сосуды для хранения запасов, жернова, косы, серпы и изредка лемехи. Скотоводство играло очень значительную роль, причем в предгорных районах Северного Прикубанья оно превалировало над земледелием. Разводился крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади. И в Прикубанье. и на Черноморском побережье Кавказа большое значение имело рыболовство (найдены рыболовные грузила и крючки), подсобное значение имела охота. На Таманском полуострове население издавна занималось виноградарством и садоводством.

Изучение археологических памятников на этой территории [1] позволяет

[1] Поселения у хутора Красного, аулов Гатлукай, Тахта-Мукай, Пшекуйхабль (разведки Н. В. Анфимова в 1954—1955 гг.), у аула Вочепший, Новобжегокай, хутора Ястребовского, Красной Батарейки (разведка В. Б. Деопик в 1954 и 1957 гг.).

[2] На Черноморском побережье Кавказа на р. Нечепсухо открыто укрепленное поселение, отождествляемое исследователями со Старой Лазикой (В. П. Сизов, А. Л. Монгайт) или Анакопией — Никопсией.

Работами Н. В. Анфимова в 1956 г. было выяснено, что памятник относится к V—VI вв. Находки говорят о близости материальной культуры жителей Черноморского побережья с меотским населением Прикубанья.

[3] *Л. И. Лавров.* Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», т. 1. М., 1952, стр. 200—201.

[4] Разведки и раскопки раннесредневековых могильников и частично поселений на Черноморском побережье Кавказа В. П. Сизова (МАК, II, 1889), А. А. Спицына (ИАК, вып. 25, 1907), А. А. Миллера (ИАК, вып. 33, 1909), В. В. Саханева (ИАК,

Глиняные лепные и гончарные сосуды IV—V вв. из могильника № 1 у ст. Пашковской в Прикубанье

представить материальную культуру местных племен, развитие различных ремесел — гончарства, металлообработки, ткачества [1]. Керамика особенно интересна тем, что изучение ее позволяет уточнить границы адыгских племен, так как для данного времени в большой своей части она является этническим признаком. Ее изучение указывает на сохранение традиции меотской и сарматской культуры. Представляется возможным выделить керамические комплексы, характерные для собственно адыгских племен.

В III—IV вв. преобладает лепная кухонная посуда — горшки баночной формы с прямым или слегка отогнутым венчиком, без орнаментации, иногда с налепами и ямкообразными вдавлениями. Столовая посуда

вып. 56, 1914), А. Л. Монгайта (СА, XXIII, 1955) и в Прикубанье — разведки Н. В. Анфимова, А. Л. Монгайта, В. Б. Деопик и раскопки Пашковского могильника М. В. Покровского, К. В. Смирнова (СА, I, 1936; КСИИМК, вып. XXXVII, 1951).

[1] В X в., по словам Масуди, касоги славились изготовлением льняной ткани, служившей предметом вывоза.

представлена сероглиняными, сделанными на круге, мисками и кувшинами (частично лощеными); для хранения запасов использовались красноглиняные небольшие пифосообразные сосуды. В керамике в области технологии, формы и орнаментации прослеживаются сарматские черты.

В V—VII вв. увеличивается процент керамики, сделанной на гончарном круге. Лепная кухонная керамика дает тщательно сформованные горшки серой глины с резко отогнутым венчиком, гладким или орнаментированным насечками. По тулову — беспорядочный волнистый или линейный орнамент (последний дает или горизонтальное рифление, или пересечение его вертикальными полосами, или даже только вертикальное рифление).

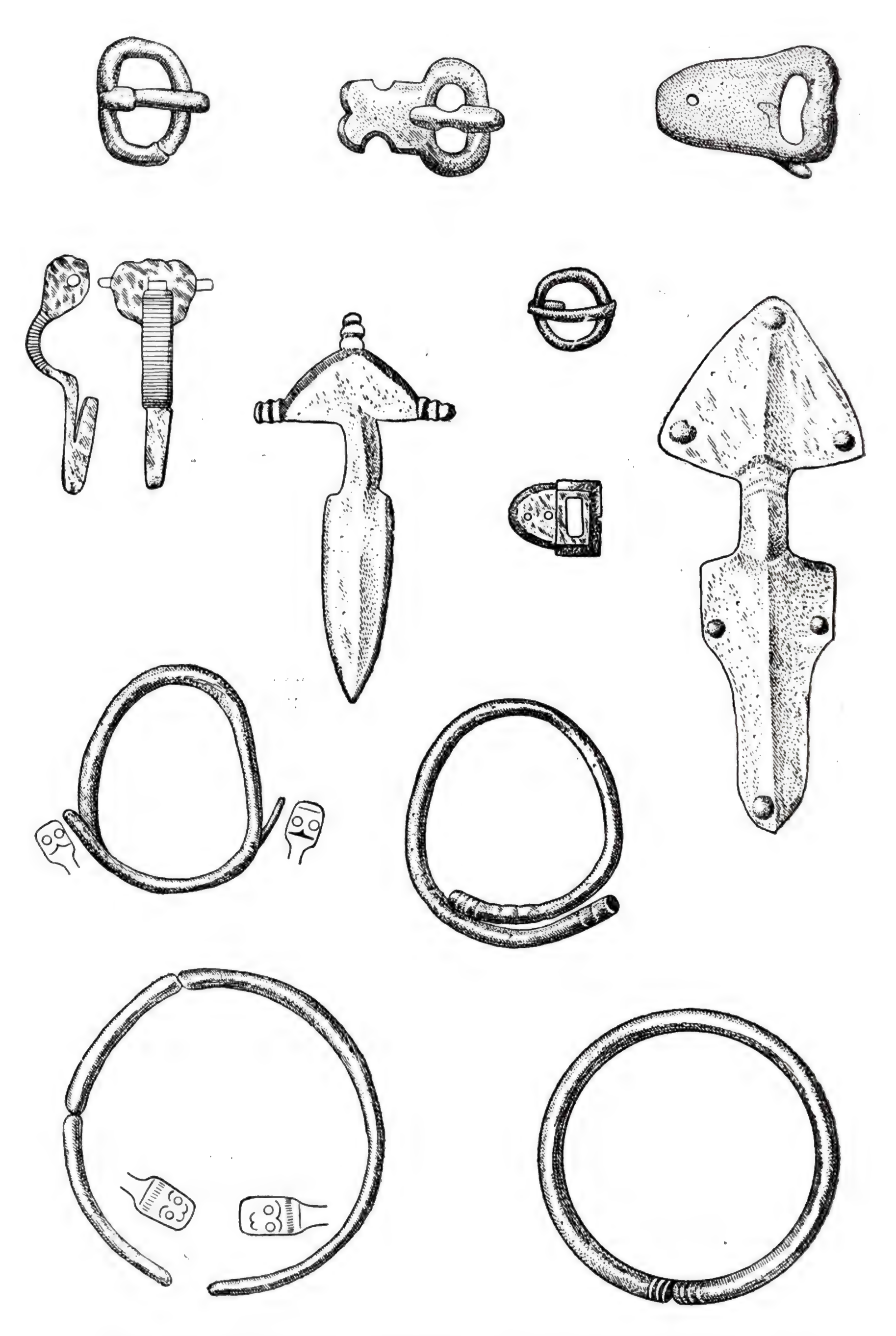
Столовая посуда представлена многочисленными сероглиняными и красноглиняными мисками и кувшинами, орнаментированными желобками и лощеными полосами, зигзагами. Лощеная керамика заметно отличается от аланской керамики, представляя самостоятельный путь развития из меотских форм с сильным влиянием сарматской традиции (пережиточные формы зооморфных ручек, налепов в верхней части ручек и т. д.).

В VIII—IX вв. сильно уменьшается процент лепных сосудов: кухонная керамика делается на гончарном круге, но остаются старые формы и система орнаментации. Это — сероглиняные небольшие горшки с прямым или резко отогнутым венчиком и покатыми плечами. Орнаментация представлена рифлением, волнистым орнаментом, насечками по венчику. Продолжает существовать и лепная кухонная керамика прежних форм. В тарной керамике, кроме кувшинов и мисок, характерных для предыдущей эпохи, появляются высокие красноглиняные кувшины с внутренним смолением веретенообразной формы, центр производства которых с VIII—IX вв. находился в Таматархе — Тмутаракани; амфоры с мелким рифлением VIII в. и бороздчатые амфоры VIII—IX вв. так называемого «салтовского типа».

Исследуя керамику III—VI вв. с территории Прикубанья и Черноморского побережья, кроме отмеченной местной адыгской, мы можем выделить и керамику, связанную с другими племенами, в частности, посуду, свидетельствующую о проникновении разноэтничных групп на территорию адыгских племен [1] — керамика болгарских племен (сосуды с внутренними ушками), керамика аланских племен (специфически салтовские формы приземистых кувшинчиков с орнаментом из пролощеных полос или чернолощенные кувшинчики V в. и высокие трехручные кувшины), керамика кочевников VIII—IX вв., в частности, возможно, печенегов.

В могилах мы встречаем полный набор инвентаря, сопровождавшего легковооруженного всадника: ножи, массивные обоюдоострые кинжалы,

[1] Автор «Пределов мира» помещает эти племена в западные предгорья Кавказского хребта, в непосредственной близости от Таманского полуострова.



Серебряные и бронзовые украшения IV—V вв. из могильника № 1 у ст. Пашковская в Прикубанье

Золотое ожерелье VI—VII вв. с золотой византийской монетой Юстина и Юстиниана из с. Джигинское на Черноморском побережье Кавказа

мечи, сабли [1], листовидные наконечники копий, стрелы (трехгранные, плоские, листовидные с прорезью, трехперые с отверстиями в двух перьях), топоры, кельты, удила, стремена. Интересна находка богатого оборонного вооружения (погребение VIII—IX вв.) — железной кольчуги из небольших плоских колечек, шлема, поножи, нарукавника, наплечника. Так же как и аланам, адыгской коннице приходилось выступать как против легковооруженной конницы народов южнорусских и северокавказских степей, так и против тяжеловооруженных воинов Закавказья, поэтому и у них существовали оба типа вооружения и новые военные достижения приходили к ним без опоздания.

Украшения, найденные в погребальных комплексах, в основном характерны для очень широкой территории. В IV—VI вв. это богатые наборы поясных украшений — предметы с инкрустациями из драгоценных камней или стекла, пряжки с прорезным щитком, поясные бляшки, гривны, фибулы проволочные с подвязным приемником и пластинчатые, круглые браслеты с насечками на слегка утолщенных концах или с изображениями схематических лиц на уплощенных концах; серьги калачиком, зеркала с центральным ушком и геометрическим орнаментом и богатые наборы бус: стеклянных, гладких и мозаичных, хрустальных, янтарных, сердоликовых и т. д.

[1] На материалах Борисовского могильника хорошо прослеживается переход от меча к сабле (*В. В. Саханев.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, стр. 125, 143; *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 161—162).

Металлические вещи и бусы V—VII вв. из Агойского могильника
на Черноморском побережье Кавказа

В IX в. состав украшений меняется: в поясных наборах вместо прорезных бляшек и пряжек — медные литые с растительным орнаментом, новые формы перстней, серьги с неподвижным литым столбиком, с полым шариком, украшенным зернью, медные бубенчики, круглые четырехгранные в разрезе браслеты с несомкнутыми концами и различные бусы — стеклянные, одноцветные и мозаичные из яшмовидного кварца, сердолика, белого роговика агата. Благодаря нивелирующей роли «европейской моды» мы не можем найти в инвентаре тех специфических черт, которые явились бы надежным этническим признаком. На территорию адыго-черкесских племен украшения попадали из городов Крыма и Таманского полуострова в обмен на продукты сельского хозяйства и рабов. Так, к VIII—IX вв. относится найденная в Фанагории литейная формочка для отливки украшений, характерных для культуры алан, адыгов, дагестанских племен и т. д. [1] Для VIII—IX вв. известны пункты в Прикубанье и на Черноморском побережье, которые были связаны непосредственной торговлей с этими городами. Так, уже упоминаемые красноглиняные веретенообразные кувшины привозились из Таматархи [2], оттуда же, очевидно, и амфоры [3]; стеклянные сосуды VI—XII вв. скорее всего происходили из Керчи.

Археологические и письменные источники позволяют нам представить себе идеологию адыгских племен. Погребальный обряд — трупоположения под земляными курганами и трупосожжения и отдельные сарматские черты в деталях обряда (деформация, скрещенные кости ног) свидетельствуют как о смешанности населения, так и о живучести погребальных обрядов языческого местного населения. С погребенным кладется его оружие, иногда орудия, украшения, посуда с заупокойной пищей, иногда конь. Следовательно, в своей массе это погребения язычников. Правда, свидетельства грузинских и византийских авторов об их христианизации уже в VI в., а возможно и раньше, подтверждаются находкой в погребении VI — VII вв. небольшого крестика [4], но находка эта единична, и надо полагать, что перешло в христианство небольшое количество населения. На территории адыгских племен упоминаются христианские епархии в Фанагории, Таматархе, Зихополисе и Никопсии, причем местоположение Зихополиса нам неизвестно, и мы вправе предполагать его местонахождение на Черноморском побережье, между Таманью и Никопсией, т. е. на собственно зихской территории.

На территории адыгских племен в эпоху раннего средневековья еще не было предпосылок для образования классового общества. Несмотря на то, что для первых веков нашей эры античные источники сообщают о «царях», получавших власть от римского императора, мы должны видеть

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Средневековая литейная форма из Фанагории. МИА, № 57, 1956.

[2] Найдены они на селищах Черноморского побережья (Геленджик) и Прикубанья (Красная Батарейка).

[3] Встречены на поселениях Прикубанья до Лабы.

[4] *А. А. Спицын.* Могильник VI—VII вв. в Черноморской области. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 191 (рис.) и стр. 192.

в них всего лишь племенных вождей. В V—VII вв. в погребениях нельзя проследить имущественного неравенства — мы видим погребения богатых рядовых дружинников, в поселениях — однотипные, простые жилища. В VIII—IX вв. уже выделяются погребения дружинников, отличающиеся от остальных богатством, тщательностью изготовления и характером инвентаря (дорогое оборонное вооружение), но мы не можем еще говорить о начале отделения ремесла от сельского хозяйства и появлении городов.

7

ПЛЕМЕНА ПРИБАЛТИКИ

Во второй половине тысячелетия, особенно в IX—X вв., известия о балтийских племенах — предках латышей, литовцев и эстонцев появлялись в трудах иноземных писателей значительно чаще, чем в предыдущий период. Больше всего сохранилось известий о пруссах, которые до IX в. назывались своим древним именем эстии. В VI в. эстиев упоминали писатели Иордан и Кассиодор, а в IX в. Эйнхард — биограф Карла Великого [1]. Наиболее подробные сведения об эстиях-пруссах оставил Вульфстан. Вульфстан был родом из Гедебю (Шлезвиг) и в 80-х годах IX в. посетил территорию пруссов в районе современного г. Эльблонга (Польша). Его наблюдения, таким образом, являлись сведениями очевидца [2]. В 965 г. о пруссах под именем «брус» писал испанский еврей Ибрагим ибн-Якуб, посетивший западнославянские земли [3]. Отдельные сведения о другом приморском балтийском племени куршей сохранились у Римберта (Ремберта), одного из первых шведских епископов IX в., который оставил хронику «Житие св. Ансгария», где описывал борьбу куршей со скандинавами [4]. Борьбу куршей и пруссов с норманнами описывал и датский летописец Саксон Грамматик [5].

Первую и наиболее полную картину расселения балтийских племен в IX в. оставил русский летописец, автор «Повести временных лет», обнаружив широкий интерес к своим балтийским соседям и большую осведомленность об их внутриплеменном делении. В то время как западные и северные писатели знали лишь приморские племена — пруссов и куршей, автор «Повести временных лет» упоминал среди племен, «иже живутъ на странах полунощных», «летьголу» — «латгалов», «зимиголу» — «земгалов», «корсь» — «куршей» — «литву» (литовские племена аукштайтов,

[1] Иордан. Гетики, § 23; «Monumenta Germaniae Historica, Scriptores», Bd. XII. Berlin, 1844, стр. 142; *Einhardus.* Vita Karoli Magni imperatoris. Hannower, 1845, § 12.

[2] «Scriptores rerum Prussicarum». Bd. I. Leipzig, 1861, стр. 732—733.

[3] *Ф. Вестберг.* Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903, стр. 146.

[4] Vita sancti Anscharii per. s. Rembertuns цит. по кн.: *B. Nermann.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, стр. 15 и 46—47.

[5] «Scriptores rerum Prussicarum», Bd. I, стр. 735—736.

возможно, что и жемайтов, называемых в древнерусских источниках «жмудь»), «си суть свой язык имяше», а относительно пруссов писал, что они наряду с чудью и ляхами «приседят к морю варяжскому» [1].

Однако несмотря на большее количество письменных источников о жителях восточной и юго-восточной Прибалтики и их история должна строиться в этот период преимущественно на археологическом материале, известном нам, главным образом, по могильным памятникам.

Во второй половине I тысячелетия отдельные балтийские племена занимали, в основном, те же территории, на которых они жили в предшествующий период. Одним из доказательств этого служило то, что в ряде случаев для погребения своих умерших соплеменников население пользовалось могильниками своих предков. На примере некоторых могильников эстонцев (Кобрату близ г. Тарту), курий (Аукштакиемис близ Клайпеды в Литве) и пруссов (преимущественно в Приморском районе Калининградской обл.) можно было убедиться в том, что жители непрерывно пользовались ими в течение всего I тысячелетия, иначе говоря, балтийские племена второй половины I тысячелетия были потомками тех же племен, которые прослеживаются на этой территории по археологическим памятникам предшествующей поры.

Латгалы и селы, занимая нижнее течение Западной Двины, во второй половине I тысячелетия продвинулись несколько севернее в область финских племен.

Область земгалов, значительно более плотно заселенная во второй половине I тысячелетия, занимала бассейн р. Лиелупе, доходя до левобережья Двины, т. е. захватывала юг современной центральной Латвии.

Восточная Литва до слияния реки Невяжис с Неманом принадлежала собственно литовцам — аукштайтам, западная — жемайтам — летописная «жмудь». Курши, как и в предшествующий период, жили по морскому Побережью. Особенно плотно было заселено устье Немана в районе современного г. Клайпеды (Литва) и северо-восточной части Калининградской обл. и часть земель Гданского и Ольштинского воеводства (Польша). Пруссы, несколько продвигаясь на юго-запад, занимали территорию Калининградской обл. Южнее пруссов, в пределах Ольштинского воеводства, жили галинды — «голядь» древнерусских источников. Погребения галиндов в VI—VIII вв. содержали характерный и разнообразный инвентарь, в IX в. могильники их были крайне бедны инвентарем, а в начале II тысячелетия культура галиндов приобретает черты культуры пруссов. К востоку от галиндов находились судины — ятвяги. Материальная культура их почти не изучена.

Существенным явлением в развитии производительных сил восточной и юго-восточной Прибалтики в эту эпоху было дальнейшее развитие пашенного земледелия. Пашенное земледелие появилось, наряду со старой формой подсечной обработки земли, по-видимому, на рубеже нашей эры. Железный сошник, который был найден в Старой Ладоге, относился

[1] «Повесть временных лет», стр. 5.

к VII—VIII вв. Вероятно, в это время пашенное земледелие было распространено уже и в Прибалтике.

Среди вещественных находок выросло число сельскохозяйственных орудий. Косы-горбуши, которые до V в. встречались лишь у приморского населения, распространились в области земгалов и жемайтов, составляя характерную особенность мужских погребений, в то время как серпы встречались почти исключительно в женских погребениях; в числе сельскохозяйственных орудий были найдены железные мотыги. На городище Грачевка Приморского района Калининградской обл. был обнаружен железный сошник, который можно датировать концом I— началом II тысячелетия. Несомненно, что сохе с железным сошником предшествовало пашенное орудие, изготовленное целиком из дерева. Появление сохи на животном тягле было важнейшей предпосылкой возникновения обособленного хозяйства одиночной семьи. По данным саги об Эгиле Скалагримссоне, известно, что в IX—X вв. курши жили деревнями, состоявшими из отдельных дворов с разнообразными хозяйственными постройками, обнесенными изгородями [1].

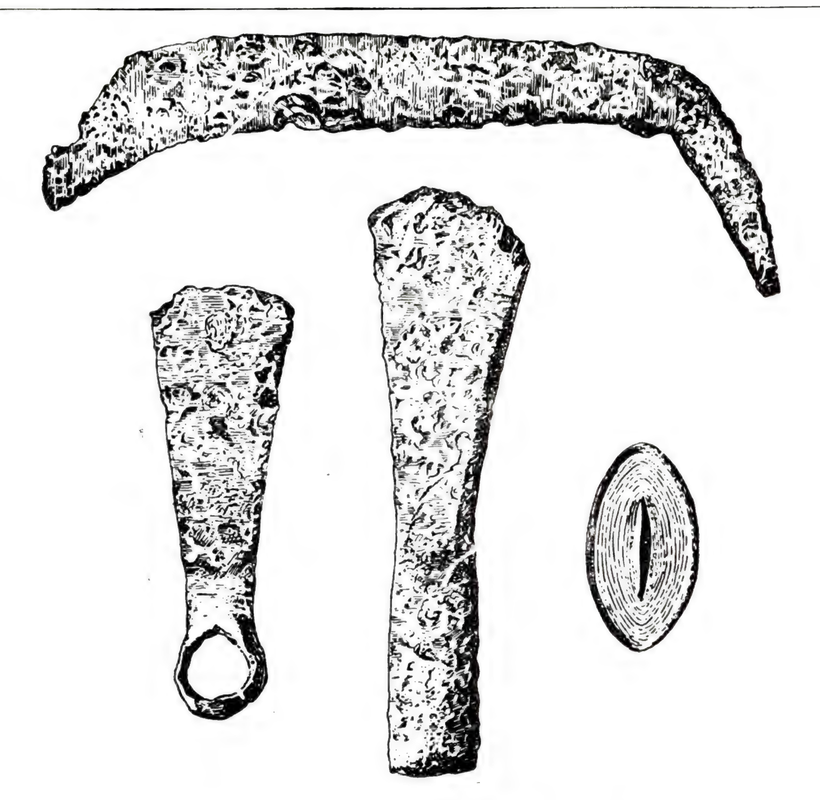
Железный сошник с городища Грачевка конца I тысячелетия из Калининградской обл.

Внедрение пашенного земледелия происходило постепенно, проникнув вначале, по-видимому, в передовые приморские области балтийских племен и захватывая всю Прибалтику. Пашенное земледелие стало определяющим для уровня обработки земли во второй половине I тысячелетия.

Развитие пашенного земледелия отразилось на организации сельскохозяйственного производства. С проникновением новой техники обработку земли можно было вести силами индивидуальной семьи.

Община прибалтийских племен вступила, по-видимому, в тот этап развития, который был описан Энгельсом для германцев. Пользование полем и лугом у германцев контролировалось и регулировалось общиной. Остальная земля, т. е. все то, что не входило в усадебное хозяйство и в пашню — лес, луга, выгоны, реки и т. д., оставалась, как и в древности,

[1] «История Латвийской ССР», т. I. Рига, 1952, стр. 63.



Железные орудия труда земгалов VI—VII вв. из могильника Плавниеккалис в Латвии

общей собственностью [1]. В условиях лесной полосы большое значение сохранили подсобные промыслы, охота, рыбная ловля, бортничество. Помимо археологических данных, сохранилось свидетельство Вульфстана о том, что у пруссов было много рыбы и меду [2].

Уже в первой половине I тысячелетия культура Прибалтики отличалась обилием изделий из железа и бронзы, в VI—X вв. их количество увеличивается. В инвентаре погребений, в которых была основная масса находок, были обнаружены также сельскохозяйственные орудия, косы, серпы, косари, а также ножи, шилья, кресала, иглы, рыболовные крючки, инструменты, связанные с кузнечным делом, обработкой дерева и т. д. Наиболее распространенным оружием являлись копья и топоры, в VI—VIII вв. узколезвийные, с конца I тысячелетия широколезвийные. Нередко в VI—VIII вв. встречаются односторонние коротколезвийные мечи, которые начиная с IX в. были отчасти сменены общеевропейским оружием того времени — мечами франкского типа.

Прибалтийские украшения были преимущественно из бронзы, часть их была покрыта листовым серебром, встречались также изделия из серебра и единичные украшения из золота и железа.

[1] См. *Ф. Энгельс.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 118—119.

[2] «Scriptores rerum Prussicarum», Bd. I, стр. 732.

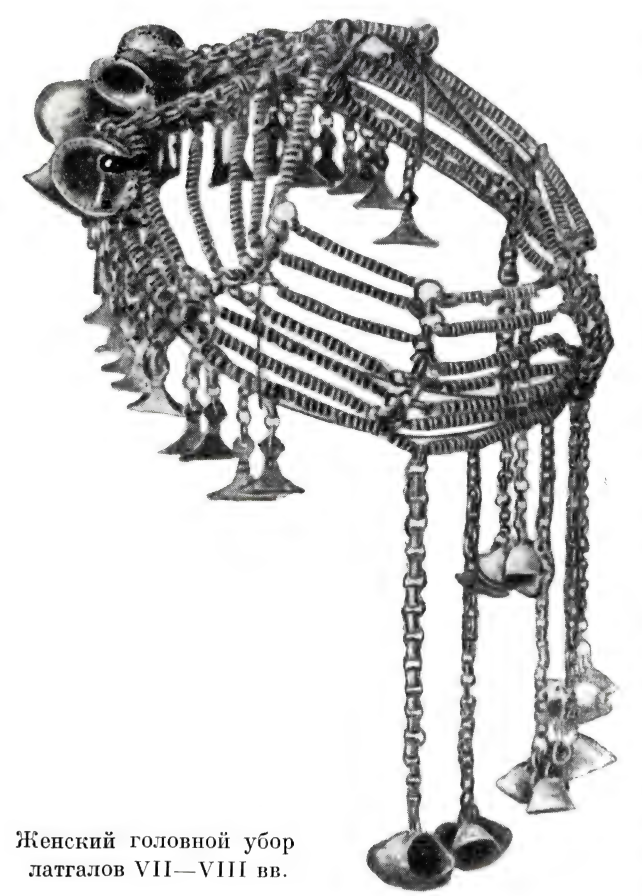
В украшениях все чаще прослеживаются общебалтийские формы. До второй половины I тысячелетия характерным было употребление поздних форм арбалетных фибул (уплощенные перекладчатые, со стилизованными головами зверей и др.). С IX в. арбалетные фибулы постепенно были вытеснены подковновидными. Шейные гривны с заходящими концами или в виде седловины в конце I тысячелетия были дополнены массивными витыми гривнами с петлями на несомкнутых концах. Для VI—VIII вв. были типичны браслеты с утолщенными концами, впоследствии наиболее широкое распространение получили пластинчатые браслеты с геометрическим орнаментом, нередко завершавшиеся стилизованной головой змеи.

Излюбленными украшениями балтийского населения продолжали оставаться древние формы украшений в виде спиралей (браслеты, перстни), нагрудные цепи, булавки и т. д.

Однако выработка общебалтийских форм не исключала прочно бытовавшей специфики убора, придававшей одежде обитателя той или иной балтийской территории местный колорит.

Для латгалов был типичен головной убор, состоявший из параллельных рядов бронзовых пронизок, к которым в отдельных случаях прикреплялись колокольчики. В конце I тысячелетия здесь появились пластинчатые гривны с шумящими подвесками. На земгальской территории встречались массивные, треугольные в разрезе браслеты и гривны с фасетированными концами. Характерными украшениями куршей являлись булавки с головкой в виде розетки, в ряде случаев инкрустированной синим стеклом, часто в сопровождении нагрудных цепей. У аукштайтов, а особенно жемайтов, встречались разнообразные украшения, относившиеся к конскому убору (украшенные удила, пряжки и др.). В украшениях пруссов VI—VIII вв. появились пальчатые фибулы, преимущественно трехпалые. Особый вид изделий распространился на территории галиндов. Набор вещей, встреченных в их погребальных памятниках, существенно отличается от комплексов захоронений всей восточной Прибалтики. Здесь отсутствовало оружие, не встречались орудия труда за исключением ножей. В составе убора не было шейных гривен, браслетов и булавок, столь любимых населением других балтийских территорий. Вместе с тем область галиндов являлась своеобразным центром, откуда распространялись в Прибалтике пальчатые фибулы. Чрезвычайно обильно представлены изделия, связанные с поясным набором,— пряжки, наконечники ремней и пластинки. В мужских погребениях обычно встречаются шпоры. Для эстонцев характерны нагрудные бронзовые цепи, прикалывавшиеся к одежде при помощи булавок с крестовидной, кольцевидной или треугольной головкой, подковообразные пряжки со спирально завитыми концами, шейные гривны с утолщенными концами и простые, пластинчатые браслеты.

При незначительной исследованности прибалтийских поселений нам плохо известна керамика местного населения. В погребальных памятниках керамика встречалась лишь у эстонцев, пруссов и галиндов. Среди

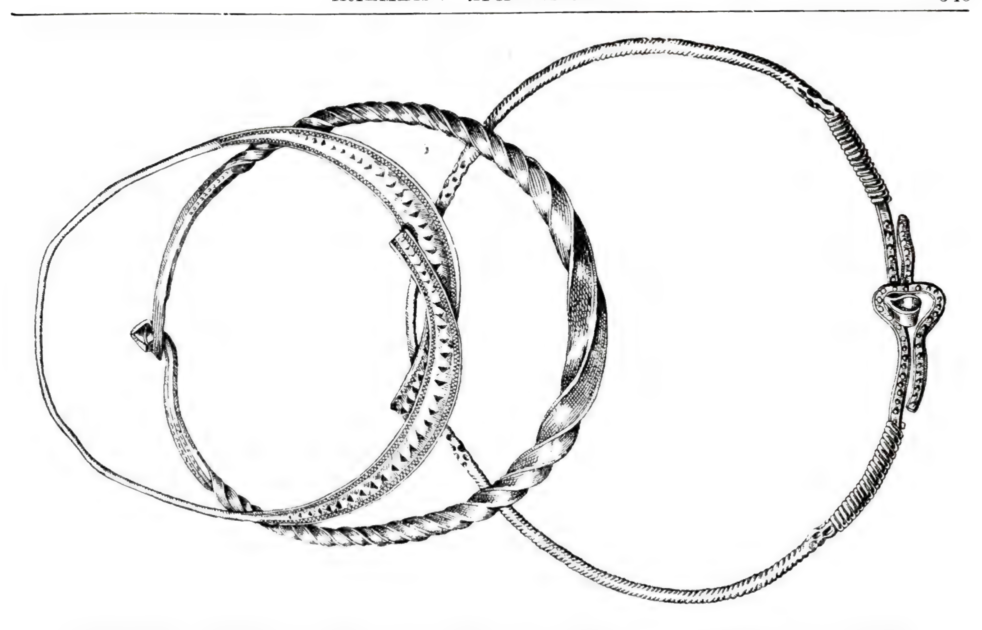


Женский головной убор латгалов VII—VIII вв.

керамики галиндов встречаются лепные ритуальные сосуды со специально проделанным отверстием в стенке. В эстонских погребениях второй половины I тысячелетия встречаются небольшие лепные сосуды простой чашевидной формы, нередко с черной лощеной поверхностью.

У пруссов в погребениях в VI—VII вв. встречаются лепные длинногорлые сосуды с ребристым изломом или округлым туловом. По данным городища Грачевка Приморского района Калининградской обл., до X в. пруссы пользовались лепной керамикой, преимущественно баночной формы. В X в. здесь появился гончарный круг и внедрилась керамика славянского типа — горшки с линейно-волнистым орнаментом. Появление гончарного круга и керамики славянского типа в X в. наблюдалось и у других балтийских племен. Так, например, при раскопках городища Рыуге в Выруском районе Эстонской ССР была найдена керамика в основном двух типов: горшковидные сосуды средних размеров из глины с примесью дресвы, предназначавшиеся главным образом для хранения запасов, и гладкостенные сосуды, нередко имеющие форму круглодонных мисок. Оба типа керамики характерны вообще для городищ юго-востока Эстонии во второй половине I тыс. н. э. Эта керамика имеет значительное сходство с одновременной посудой городищ Псковщины и Белоруссии.

Во второй половине I тысячелетия прослеживается значительное усиление (укрепление) городищ. Многие городища, имевшие в предшествующий период лишь невысокие валы, укрепляются теперь мощными валами и глубокими рвами. Это свидетельствует, с одной стороны, о более совершенных формах обороны, об учащении войн, с другой — о развитии патриархального рабства. Только при условии широкого использования раб-



Серебряные шейные гривны из кладов VI—VIII вв., найденных в Латвии

ского труда, а к концу I тысячелетия и труда зависимых людей могли возникнуть сильные укрепления. Городища начинают превращаться в центры, где селилась знать. Вульфстан писал о том, что у пруссов много укреплений (вигд), а в каждом замке cynninc, т. е. военачальник. У латгалов именно в этот период во многих древних городищах, служивших первоначально укрепленными поселениями, строятся мощные защитные валы и глубокие рвы. Так, вновь укрепляются латгальские городища Дигная и Ерсика и земгальское городище Даугмале на Нижней Двине. Большой интерес представляет собой городище Межотне на берегу р. Лиелупе, возникшее в предшествующий период рядом с другими более древними укреплениями меньших размеров. Впоследствии Межотне превратилось в крупный центр восточной Земгалии. В северных частях Прибалтики городища в этот период еще не имели столь мощных укреплений. Примером эстонских городищ второй половины I тысячелетия может служить городище Рыуге на юго-востоке республики. Оно защищено с напольной стороны рвом и валом, который достигает высоты лишь 3 м. На площадке городища обнаружены остатки глинобитных полов однокамерных срубных построек. С напольной стороны расположено одновременное с городищем поселение, на котором найдены следы таких же построек. Население их занималось земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой и ремесленным производством. Надо полагать, что на городищах жили верхи выделившейся из массы населения богатой знати, такие же военачальники, как у пруссов отмечает Вульфстан.

В «Житии св. Ансгария» (854 г.) упоминались укрепления куршей Зеебург и Апулия[1]. Первое, по мнению некоторых исследователей, соот-

[1] *B. Nermann.* Указ. соч., стр. 46.

ветствовало нынешнему Гробиня близ Лиепая, другие же связывали его с Клайпедой, Апулия, теперешнее Апуоле, расположено в северо-западной Литве на границе ее с Латвией. Автор Жития утверждал, что одно из этих укреплений могло вмещать 7 тыс., другое — 15 тыс. человек [1]. При несомненном преувеличении численности людей, искавших защиты в этих городищах, курши, действительно, обладали превосходными укреплениями. Вал на городище Апуоле достигал 7,5 м высоты. Столь же мощной оборонительной системой обладало городище Имяильте, расположенное недалеко от Апуоле.

Чрезвычайно выросла роль оборонительных сооружений у пруссов, особенно много их в Приморском районе Калининградской обл. Так, городище близ Грачевки состояло из двух самостоятельных площадок, отделенных друг от друга системой валов; некоторые из них достигали 8 м высоты. Внутреннее устройство валов в это время, как показали валы Грачевки, состояло главным образом из груды камней.

Тип жилищ балтийских племен до сих пор еще не изучен; судя по материалам пруссов, это были наземные прямоугольные легкие дома, обнесенные у основания камнями.

В конце I тысячелетия подавляющая часть изделий изготовлялась еще домашним путем, однако известная однотипность металлических изделий, совершенство их изготовления, несомненно, свидетельствуют о наличии людей со специальной выучкой — кузнецов, златокузнецов, начиная с X—XI вв. гончаров и т. д., что впоследствии послужило началом отделения ремесла от сельского хозяйства.

Внешние связи Прибалтики в этот период чрезвычайно возросли. Для выработки разнообразных изделий из бронзы на эту территорию должен был поступать непрерывный поток импортной меди. Медь привозилась в Прибалтику главным образом с юго-запада, по Висле, частью же она поступала, по-видимому, с Кавказа в обмен на янтарь.

Значительная часть серебряных вещей, найденная в Восточной Прибалтике, поступала с Приднепровья.

Особенно обильный материал для иллюстрации связей с Приднепровьем и Причерноморьем дала территория галиндов. В VI—VIII вв. в культуре галиндов, наряду со старыми местными формами, появились разнообразные пальчатые фибулы, прорезные накладки от поясов, пряжки с крестовидным шпеньком и другие изделия, восходившие по своим формам к Приднепровью, с одной стороны, и к вещам, известным по крымским могильникам,— с другой. Наиболее массовый материал этого рода был представлен инвентарем могильников Тумяны и Келары (Ольштинское воеводство Польши). На той же территории была найдена прекрасная пряжка с головами грифонов, типичная для инвентаря могильника Суук-Су в Крыму.

Буржуазные германские историки пытались приписать культуру галиндов готам, якобы вернувшимся с Причерноморья, и называли ее

[1] *B. Nermann.* Указ. соч., стр. 47.

«мазурско-германской». Однако на примере массового инвентаря могильников Ольштинского воеводства исчерпывающе доказывается, что культура VI—VIII вв. принадлежала тому же самому прибалтийскому населению, которое обитало здесь в первой половине I тысячелетия. Широкое распространение пальчатых фибул и других южнорусских изделий сочеталось здесь с употреблением местных балтийских украшений. Связи галиндов с территорией юга СССР были широкими. Через земли галиндов шла, по-видимому, в значительной мере торговля балтийским янтарем, да и в пределах земли галиндов были свои делювиальные залежи янтаря. Галинды не только пользовались импортными изделиями, но и старались подражать им, создавая свои образцы украшений и распространяя их в область пруссов.

Главную массу янтаря поставляли пруссы. В VI в. Кассиодор писал, что остроготский король Теодорих благодарил эстиев за то, что они прислали ему в дар янтарь [1]. На городище Грачевка в IX—X вв. было найдено очень много янтаря в кусках, в этом виде пруссы и экспортировали большую часть его.

Начиная с VIII—IX вв. в Прибалтике увеличились находки арабских монет, древнейшие из них были найдены в юго-восточной Прибалтике. Однако на территории пруссов и галиндов их немного. Наибольшая часть монет, начиная с IX в., была сосредоточена на Двине.

В конце I тысячелетия Прибалтика приобрела важное значение в торговле между Западом и Востоком. Двина и Неман служили основными водными артериями. Торговля шла также через земли западных славян по юго-восточному побережью Балтийского моря. В Прибалтику попадали товары из Руси и западнославянских стран. Наряду с этим попадали отдельные восточные и византийские изделия. На городище Даугмале была найдена бронзовая фигурка стрелка из лука, изготовленная, по-видимому, в Поволжье. Стремена в отдельных жемайтских погребениях имели восточный орнамент.

С IX—X вв. отчетливо прослеживаются торговые связи жемайтов и пруссов с Венгрией, откуда проникают в большом количестве стремена. В конце I — начале II тысячелетия в Прибалтике широко распространяются франкские мечи, которые поставляли скандинавы. В этот же период у балтийских племен начинает развиваться мореходство. В юго-западной части Калининградской обл. найдены остатки корабля VI—VII вв., приспособленного для далеких путешествий по морю. О возникновении морской торговли свидетельствовало то, что на острове Готланде примерно в это время появляется значительное количество привозных балтийских украшений (фибулы, шейные гривны, нагрудные цепи и т. д.). Возникновение морской торговли сопровождалось грабительскими морскими походами. В VII—VIII вв., в особенности начиная с конца I тысячелетия, скандинавские саги упоминали о набегах куршей на скандинавское побережье.

[1] «Monum. germ. Hist., SS.», т. XII, стр. 142.

Таким образом, во второй половине I тысячелетия в культуре восточной и юго-восточной Прибалтики происходили значительные сдвиги, объясняемые существенными изменениями в развитии производительных сил. Это выразилось в проникновении новой, более совершенной техники возделывания земли, усовершенствованиях обработки металла, что в свою очередь вызвало расширение торговых связей и совпало с превращением Прибалтики в территорию транзитной торговли между Западом и Востоком. В этих условиях рамки старого родового строя становились все более тесными.

Возможно, что смена патриархальной общины соседской территориальной общиной выразилась в переходе от коллективных захоронений к индивидуальным или парным захоронениям, в последних, по-видимому, следует видеть захоронение хозяина и раба. Отчетливо выступает имущественное неравенство, скопление ценностей в руках отдельных лиц. В Леяс-Битени Плавиньского района (Латвия) в одном из погребений были найдены два копья, проушной топор, роскошный, покрытый бронзовыми пластинками пояс, и ритон, отделанный серебряной оковкой. В могильнике Гейстаути Лиепайского района (Латвия) и в области куршей в мужском погребении VI—VII вв., помимо длинного боевого ножа, находились серебряная гривна, серебряная фибула со следами позолоты, бронзовая фибула, покрытая листовым серебром, кроме того, там были другие изделия из бронзы и железа, отличавшиеся высокой техникой изготовления. Наиболее ценные предметы лежали в особом ларчике и представляли собой, по-видимому, личные ценности умершего.

Резкие контрасты наблюдались в культуре пруссов. На фоне общего обеднения инвентаря особенно обращали на себя внимание отдельные погребения. Так, в районе Мамонтово, Калининградской обл., в погребении VI—VII вв. останки человека сопровождались захоронением коня. В составе инвентаря было оружие — меч с серебряной рукоятью, копье и нож, ряд серебряных вещей — шейная гривна, фибула, шесть пряжек, шесть наконечников ремней. Сбруя коня была богато украшена, бронзовые удила его были позолочены. Здесь же были найдены 223 заклепки из серебра, серебряная тисненая пластинка, две золотые бляшки, инкрустированные гранатами. На территории аукштайтов, жемайтов и галиндов также встречались богатые погребения. В Киримяэ, близ г. Гапсаля на северозападе Эстонии, обнаружено грунтовое погребение, содержавшее остатки трупосожжения и исключительно богатый инвентарь: меч, десяток наконечников копий и большое количество серебряных и бронзовых украшений — шейных гривен, браслетов, фибул и других предметов.

Скапливаемые драгоценности зарывали в виде кладов. На латгальской территории известны клады VI—VIII вв. в Балтинаве Карсавского района, Леяс-Лепьи Эрглиского района, в составе которых были серебряные шейные гривны. Клад, состоявший из серебряных вещей, был найден в Думпьи Бауского района (на территории земгалов) и относился к VII—VIII вв.

Памятники материальной культуры восточной и юго-восточной Прибалтики второй половины I тысячелетия примерно до IX в. свидетельство-

вали о последнем этапе в истории родового общества. В составе семейной общины выделилась малая семья, на смену патриархальной родовой общине пришла соседская территориальная община, зародилась частная собственность на орудия труда и происходило скопление значительных богатств в руках знати. Типичной чертой культуры балтийских племен этого времени являлось обилие оружия.

Воинственность пруссов подчеркивал Ибн-Якуб: «и славятся они храбростью: когда приходит к ним войско, то никто не хочет, чтобы к нему присоединился его товарищ, а выступает, не заботясь ни о ком, и рубит своим мечом, пока не умрет» [1].

Типичную картину изживающего себя родового общества пруссов в 70—80-х годах IX в. оставил Вульфстан, который писал, что страна их очень велика и в ней много укреплений. В каждом укреплении находится военачальник (cynninc). Наряду с этим Вульфстан упоминал «богатейших людей» (pa ricostan menn), «неимущих» (pa unspedigan) и «рабов» (pa peowan). Имущественное неравенство среди пруссов проявлялось, по сведениям Вульфстана, и в погребальном обряде. Простого человека не предавали сожжению после смерти в течение одного-двух месяцев, что касается военачальников и людей высокого звания (heah Thugend), то чем богаче они были, тем чаще их не сжигали на костре [2].

В «Житии св. Ансгария» говорилось о княжестве куршей (regnum), разделенном на пять округов (civitates) [3], военачальник куршей в конце IX в. назывался тираном, в конце X в. королем (rex). Имелись отдельные упоминания о короле, правившем в X в. городом на Двине, который погрузил на судно свои королевские сокровища (regias opes).

Сага об Эгиле Скалагримсоне упоминает среди куршей лиц, владевших двухэтажными домами [4]. Военачальник (cynninc) обозначался даже термином «король» (rex).

Балтийские племена во второй половине I тысячелетия переживали тот этап развития, политический строй которого носил наименование «военной демократии». В связи с тем, что война стала регулярной функцией народной жизни, обществом правили военачальник, совет и народное собрание [5]. В недрах общества, проходившего этап «военной демократии», вызревало классовое общество.

В конце I тысячелетия процесс образования классов чрезвычайно усилился и в общественных отношениях начали выступать элементы феодального уклада. Одним из проявлений его было массовое возведение укреплений, часть которых впоследствии превратилась в замки, возникавшие нередко в ремесленных и торговых центрах.

---

[1] *Ф. Вестберг.* Указ. соч., стр. 146.

[2] «Scriptores rerum Prussicarum», стр. 732—733.

[3] *B. Nermann.* Указ. соч., стр. 46.

[4] «История Латвийской ССР», т. I, стр. 63 и сл.

[5] См. *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства; *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1952, стр. 296.

Феодальный уклад, элементы которого, наряду с элементами патриархального рабства, прослеживаются в Прибалтике на грани IX—X вв., получил больший перевес в экономике страны и постепенно стал господствующим в ряде областей Прибалтики в начале II тысячелетия.

Могучим фактором в развитии культуры Прибалтики явилось образование Киевской Руси. Племена Восточной Прибалтики, в первую очередь латгалы и аукштайты, вслед за северными восточнославянскими племенами втягивались в сферу влияния более высокой общественно-экономической формации, носителем которой была феодализирующаяся Русь.

Связи Прибалтики и Руси были многообразны. Автор «Повести временных лет» упоминал в IX в. среди племен «иже дань дают Руси» Литву, Зимиголу и Корсь. Широкие связи осуществлялись по линии как взаимной торговли, так и культурных заимствований. К числу значительных явлений в истории культуры Прибалтики следует отнести заимствование у славян гончарного круга вместе с формами славянской керамики. Появление гончарного круга, как известно, явилось этапом, превратившим впоследствии гончарство в ремесло. Наряду с торговыми и культурными связями Киевская Русь и Прибалтика вступали в военные союзы. Славяне служили опорой балтийским племенам в их борьбе со скандинавами. В летописи сохранилось известие о таком союзе славян с чудскими племенами, совместными усилиями изгнавших варягов за море.

Соседство Польши, с X в. имевшей свое государство в виде княжества Пястов, было, несомненно, также прогрессивным явлением для феодализации пруссов. Пруссы находились в тесных культурных и торговых связях с польскими славянами и, в частности, через их посредство получили гончарный круг.

Несколько иначе сложилась, по-видимому, судьба галиндов, так же как и судинов-ятвягов. Часть их на грани I и II тысячелетий слилась с пруссами и жемайтами, а значительная часть населения устремилась на Русь и в Польшу с целью грабежей. Отдельные племена галиндов — голяди доходят до среднерусских земель, и в летописи сохранились свидетельства о многочисленных военных столкновениях русских князей с голядью и ятвягами с конца X по XIII в.

Северные, скандинавские соседи прибалтийских племен — норманны не раз пытались колонизовать прибрежные районы Прибалтики. Первые попытки колонизовать Прибалтику относились к VII в. и связаны с именем Ингвара [1]. В Гробиня Лиепайского района на поселении, заложенном, по-видимому, самими куршами, сохранились следы норманнской колонии VII—VIII вв. В середине IX в. в «Житии св. Ансгария» писалось, что курши ранее были подвластны шведам, а потом они восстали и сбросили ярмо (rebellando ois subiici dedignabantur). В 855 г. шведский король Олаф вновь пытался покорить куршей и взял у них большую добычу [2]. Подобная участь постигает пруссов. Саксон Грамматик довольно подробно опи-

[1] *B. Nermann*. Указ. соч., стр. 14—15.

[2] Там же, стр. 47.

сывал пиратские набеги норманнских королей Регнара Лодброка, Гаральда Синезубого, Канута и других на приморские земли пруссов [1].

В IX—X вв. близ Зеленоградска в Приморском районе Калининградской обл. существовала норманнская колония. Курши и пруссы решительно боролись с захватчиками; так, в X в. предводитель куршей призывает защищать свои земли от скандинавов [2].

Буржуазная наука совершенно сознательно скрывала неприглядную историческую роль норманнских завоевателей. Грабительские походы скандинавов, подтачивавшие экономику прибалтийских племен, изображались буржуазными историками в качестве живительной струи, способствующей развитию культуры Прибалтики. Между тем изнурительная борьба куршей и пруссов с норманнами в IX—X вв. тормозила развитие их производительных сил.

В это же время восточные балтийские племена, попавшие в орбиту влияния Руси, шли по пути феодализации. В начале II тысячелетия сюда проникло христианство, в виде православия. Из восточной ветви балтийских племен (латгалов для Латвии и аукштайтов для Литвы) образовались впоследствии латышская и литовская народности.

Здесь же возникли первые государственные образования, в частности Ерсикское княжество у латгалов. На востоке Литвы сложился центр Литовского государства.

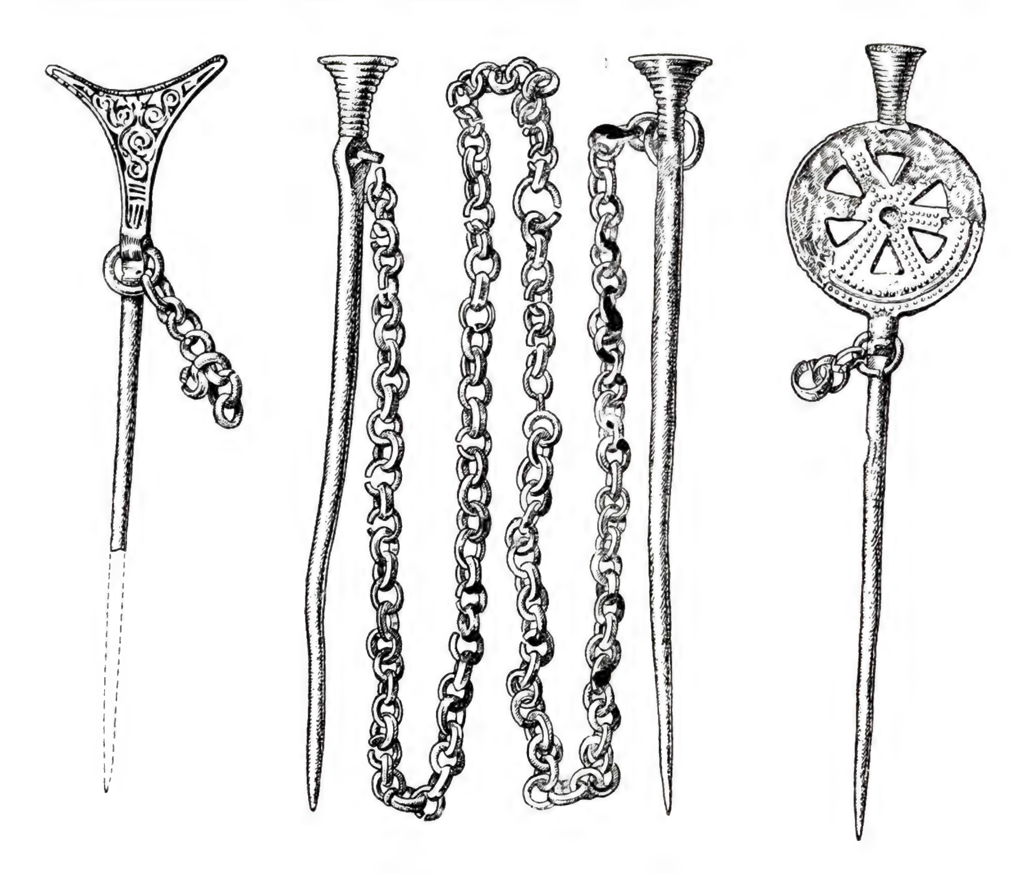
Духовная культура балтийских народов сохранилась в многочисленных фольклорных памятниках латышского и литовского народов. В них отразились верования в бога грома Перкунаса, в добрых дев Лайм, в злых духов, культ предков и т. д.

Католический священник Петр Дусбургский, прибывший вместе с крестоносцами, отмечал, что еще в XIII в. пруссы были язычниками и поклонялись солнцу, луне, звездам, грому, птицам, четвероногим и жабам. У пруссов были священные поля, леса и водные источники [3]. Поклонение священным лесам у племен Восточной Прибалтики отмечал другой католический священник ордена Генрих Латвийский [4].

Поклоняясь силам природы, балтийские племена не имели своих храмов, по-видимому, у них не было и отдельного сословия жрецов, обязанности которых нередко выполняли военачальники. Еще в XIII в. Вестгард, вождь земгалов, отправляясь в военный поход, сам исполнял обряд гадания [5].

Ярче всего языческая религия отразилась в погребальном обряде. В области латгалов наряду со старой курганной формой коллективных захоронений в V—VI вв. начали распространяться погребения в грунтовых могильниках с индивидуальными захоронениями, в которых мужчины

[1] «Scriptores rerum Prussicarum», стр. 735—736.
[2] «История Латвийской ССР», т. I, стр. 71.
[3] «Scriptores rerum Prussicarum», стр. 53.
[4] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.— Л., 1938, стр. 252.
[5] Там же, стр. 117.



Металлические украшения земгалов VI—VIII вв. из Латвии

лежали головой на восток, женщины на запад. В конце I тысячелетия, по-видимому, под влиянием соседних славянских племен сюда частично проник обряд трупосожжения — с захоронениями коллективного характера.

Курганные могильники земгалов были уже к V—VI вв. почти полностью заменены одиночными грунтовыми захоронениями. Лишь сохранившиеся каменные кладки (Плявникальнис Рижского района) напоминали о том, что в предшествующее время здесь существовали курганы с каменными венцами.

В восточной Литве — области аукштайтов — единственной формой погребальных сооружений были курганы, во многом сходные с курганами предшествующей поры. В VI—VII вв. каменные венцы сохранились еще у основания курганов (Памусье, Алитусского района). К концу I тысячелетия каменные венцы исчезли и заменились рвами и канавами. На территории аукштайтов известны длинные курганы, столь типичные для славянских погребальных памятников. Погребения здесь совершались по обряду трупосожжения и в ряде случаев сопровождались захоронением коня.

В области жемайтов так же, как у земгалов, единственной формой погребального сооружения являлись грунтовые могильники. До VIII в. преобладающим обрядом погребения было трупоположение, однако уже в V—VI вв. сюда, по-видимому, из Восточной Литвы проник обряд трупосожжения и к концу I тысячелетия почти полностью вытеснил старый обряд. В это же время сожженный прах богатого человека сопровождался захоронением одного или нескольких коней.

Подобное изменение обряда погребения характерно и для куршей.

Интересная смена обряда погребения установлена на материалах могильника близ г. Советска Калининградской обл. Этот могильник представлял собой трехярусные погребения, нижний ряд которых, относившийся к VII—VIII вв., содержал погребения по обряду трупоположения, а в среднем и верхнем рядах, датировавшихся концом I и началом II тысячелетия, были обнаружены трупосожжения.

Пруссы, у которых обряд трупосожжения утвердился еще в первой половине I тысячелетия, начиная с VI в., хоронили пережженные кости человека не в урне, а прямо в земле. В конце I и начале II тысячелетия у пруссов, как и у жемайтов, распространились массовые захоронения с конем.

Трупосожжение с помещением праха в урне сохранилось у галиндов и, возможно, у судинов — ятвягов.

На протяжении второй половины I тысячелетия у балтийских племен наблюдалась тенденция к единообразию погребального обряда. Это выразилось в стремлении к смене курганов грунтовыми могильниками. Исключение представляли аукштайты, прочно связанные с восточными славянами и придерживавшиеся общей с ними курганной формы могильника.

Стремление к единообразию погребального обряда проявилось в постепенном вытеснении трупоположения труппосожжением. Таким образом, даже в такой консервативной области религиозных воззрений, к которым принадлежат представления о загробной жизни, обнаружилась тенденция к выработке общих форм погребального обряда. В этом можно усматривать начало постепенного перехода от племен к народностям.

Язычество в Прибалтике сохранилось вплоть до XIII в., что было одним из проявлений отставания процесса феодализации у балтийских племен по сравнению со славянами. С появлением немецкого ордена закабаление Прибалтики происходило под знаменем католичества. В то время как прибалтийская знать, смешавшаяся с завоевателями, приняла христианство, народные массы еще в течение длительного периода придерживались язычества, которое превратилось в идеологию борющегося за свою свободу народа.

8

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА СЕВЕРО-ВОСТОКА

История многих финно-угорских племен в VI—IX вв. освещена письменными источниками совершенно недостаточно. В русских летописях и у восточных авторов есть указания на размещение и подчиненное поло-

жение их по отношению к Руси или Хазарии. Известны были финно-угорские племена и западным авторам. Тем не менее для этой эпохи, как и для предшествующей, основными источниками остаются преимущественно археологические материалы.

Это время характеризуется дальнейшим развитием производительных сил и укреплением культурных связей с соседями. У племен западного Приуралья растет скотоводство, земледелие и пушная охота, как и прежде рассчитанная на торговлю с культурными юго-восточными государствами.

Особенно выросли торговые связи с Востоком. Большое число серебряных изделий сасанидского искусства, много монет (как сасанидских, так и более поздних), находимых в древних кладах и на жертвенных местах Приуралья, ясно свидетельствуют о размахе торговли, по-видимому, пушниной.

Создаются различные украшения, подражающие восточным образцам. Интересны фигурки людей, одетых в восточные костюмы, сделанные местными металлургами. На местных изделиях прикладного искусства появляются соответствующие орнаментальные мотивы.

Изучение археологических памятников позволило выделить к концу этой эпохи ряд племенных территорий, которые хорошо сопоставляются с исторически известными народами. В археологическом отношении эти территории отличаются женскими украшениями, находимыми в могильниках, некоторыми орнаментальными мотивами, которые в древности являлись выразительными племенными признаками. Различия существуют в бытовых вещах и в обряде погребения.

Хорошо выделяется северная полоса, низовья р. Печоры, памятники которой, связываемые с ненцами, свидетельствуют об архаическом быте оленеводов-охотников.

Особым районом являются бассейны рек Вычегды и Сысолы, где открыт целый ряд городищ, селищ и могильников, характерных особым обрядом погребения, трупосожжением, которое производилось на стороне. Кости умерших помещали в овальные ямы, вытянутые с севера на юг или с востока на запад. В таких ямах археологи находили обломки глиняной посуды, различные бусы, украшения, орудия труда. Из числа таких могильников надо отметить Княж-погостский и Кляныш-ласта[1]. Весь этот материал позволяет говорить об особой племенной группе, отличной от других племен Приуралья, которая по украшениям, по обряду погребений отлична от Камского, Чепецкого и Вятского. Эти памятники принадлежали некоторым племенам, предкам коми-зырян.

Следующая группа — это городища и могильники в верховьях Камы, где открыты погребения без кремации. Покойника клали вытянутым на спине, головой на север. Женщин хоронили с большим числом различных украшений.

---

[1] *А. П. Смирнов.* Прикамье в первом тысячелетии нашей эры «Тр. ГИМ», вып. VIII, 1938, стр. 150—151.

В мужских погребениях встречаются обломки глиняной посуды и орудия труда или оружие. После X в. характерным женским украшением, которое встречается только на данной территории и не обнаруживается у других племен, являлись шумящие бронзовые привески сканной техники в виде прямоугольников с роговидными выступами наверху. Снизу на цепочках висели колокольчики или утиные лапки. Наряду с ними мы встречаем самые разнообразные украшения. Одним из орнаментальных мотивов таких украшений являлось изображение конских голов.

По данным раскопок нам известны дома в виде полуземлянки, слегка углубленной в почву, прямоугольной формы, с очагом посередине, с хранилищами и с небольшими сенями [1]. Проведенное в советский период изучение этих находок, сравниваемых с более поздними этнографическими материалами, достаточно ясно показывает, что подобные памятники принадлежали древним коми. По-видимому, бассейн Вычегды занимали предки современных коми. Особую племенную группу составляло население р. Чепцы и Верхней Вятки. Эти районы уже с середины I тысячелетия были заселены предками удмуртов. До этого времени эти районы оставались почти незаселенными.

На этой территории открыто значительное число городищ, селищ и могильников. Исследованы жилые постройки и различные мастерские. Некоторые детали в строительстве домов позволяют выделить этот район в особую племенную территорию. Это прямоугольные постройки с деревянным полом, с очагом в одном углу. Они не имеют сеней, которые характерны для построек Средней Камы. Особым обрядом погребения отличаются также могильники. Наиболее богатыми оказались Полонский и Чемшай. Умерших хоронили в неглубоких могилах, головой в восточном направлении. Для этих племен характерны шумящие привески треугольной формы, украшенные зернью. Иногда такие привески сверху украшаются звездочками. Этот самый распространенный мотив встречается на головных уборах, на груди и на поясах. Такой тип украшений, по-видимому, является племенным отличием [2].

Территория к востоку была занята марийскими племенами, о чем свидетельствуют целый ряд городищ и могильников. Для этих племен характерным отличием являлось погребение в неглубоких ямах, головой на запад. Большое число шумящих украшений прямоугольной формы напоминает мордовские украшения. Уже в это время мари стояли близко к поволжским финнам.

Союзы племен, сложившиеся в начале нашей эры, вероятно, не сохранялись на протяжении I тысячелетия. Этим, по-видимому, объясняется большее различие в культуре отдельных племен. Памятники мари, удмуртов и пермяков этого времени значительно своеобразнее, чем материальная культура начала I тысячелетия.

---

[1] *М. В. Талицкий.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 86 и сл.

[2] *А. П. Смирнов.* Очерки по древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 202.

В области хозяйства и общественных отношений все эти племена стояли почти на одном уровне. Во всяком случае, современная наука с трудом отмечает некоторые различия. Материал, полученный раскопками городищ и селищ, достаточно ясно свидетельствует, что к концу I тысячелетия здесь совершился переход к плужной обработке земли. Железные лемехи обычно находят в различных местах на Вычегде, Вятке и Чепце. В собрании Пермского музея, составленном А. Ф. Теплоуховым, имеется огромное число лемехов самых различных форм.

За последние годы в археологических раскопках такие лемехи находили вместе с хорошо датированными вещами X в. Так, на Дондыкарском городище в одних слоях с арабскими диргемами X в. было найдено несколько лемехов. Есть все основания полагать, что переход к плужной обработке почвы на всем севере Восточной Европы совершился приблизительно в одно и то же время между VII и X вв.

В литературе существует мнение, что местные финно-угорские племена заимствовали плуг у болгар, где плужная обработка земли находилась на высоком уровне. Сравнение прикамских сошников с болгарскими не дает оснований согласиться с таким утверждением. Тяжелый болгарский плуг с резаком-череслом, приспособленный для обработки тяжелых степных почв, ничем не напоминает легкие наральники, находимые в Прикамье и на Средней Волге, рассчитанные на обработку легких лесных почв. В лесной зоне применение болгарских плугов невозможно.

Кроме лемехов, на городищах находят огромное число лесорубных топоров, косы-горбуши, серпы развитой формы — орудия, свидетельствующие о высоком уровне развития земледелия. Немало найдено жерновов, несколько более архаической формы, чем болгарские или славянские. В отличие от последних они плоские и не имеют характерного конического возвышения в нижнем жернове и соответствующего углубления — в верхнем. На ряде городищ были найдены зерна ржи, пшеницы, овса, проса и ячменя. У финно-угорских племен было высоко развито и скотоводство. На некоторых городищах были обнаружены закрытые сараи, в которых содержался скот. Это свидетельствует о высокой степени развития скотоводства: переходе к стойловому содержанию стада.

Почти все свои примитивные потребности каждая семья удовлетворяла сама. Только одна металлургия являлась достоянием ремесленников.

К домашнему производству относятся изделия из глины, дерева и кости. Сами охотники резали костяные стрелы, различные копоушки, привески, пряжки и пряслица. Каждая семья занималась ткацким делом. В археологических раскопках были открыты детали ткацких станков с горизонтальной основой того типа, который существовал до последнего времени в финно-угорской деревне. Каждая хозяйка приготовляла необходимую ей посуду, которую делали от руки, без помощи гончарного круга. Несложны были и узоры, которыми украшали посуду. Прямые линии отпечатки веревочки, незначительные узоры в виде прямоугольника, треугольника и зубчатого орнамента покрывали обычно верхнюю часть сосуда.

Серебряное сасанидское блюдо с изображением царя Хосрова I Ануширвана (531—538 гг.) из дер. Стрелки Пермской обл.

Только в области металлургии существовало ремесленное производство. На целом ряде городищ были найдены кузнечные мастерские или остатки сыродутных горнов. Сыродутные горны делались из глиняных блоков, высотой до одного метра и диаметром до 80 см. В них получали тестообразное железо, которое затем поступало к кузнецам. На Дондыкарском городище была найдена кузнечная мастерская. Запасы угля, каменная наковальня, молотки, клещи характеризуют несложный инвентарь кузнеца. Эти же мастера изготовляли и различные украшения. Они знали литье, штамповку и примитивную филигранную технику. Из медных проволок на легком припое они делали довольно сложные украшения, которыми так богаты могильники Прикамья IX—XIII вв.

Общественные отношения в полной мере соответствуют уровню производительных сил. У всех этих племен существовали патриархальные отношения. К концу I тысячелетия на смену родовой общине пришла территориальная. На одних и тех же городищах находят вещи с различными тамгами, что свидетельствует о принадлежности их владельцев к различным родовым группам. Наличие богатых и бедных членов рода в этом обществе достаточно ясно прослеживается на материале могильников, где, с одной стороны, встречаются захоронения людей, лишенные вещей, или с крайне незначительным их числом, а с другой — с богатым набором иногда из драгоценных металлов или привозных. Наиболее часты в таких погребениях восточные монеты, просверленные для ношения. На этот же процесс экономического и социального расслоения указывает и большое количество кладов, часть которых с вещами VII—IX вв. была зарыта в более позднее время в X—XII вв. Наличие разновременных вещей в кладах свидетельствует о долговременном их накоплении. Интересны и показательны такие находки, как серебряное блюдо византийской работы VII в., найденное близ дер. Турушево в Пермской обл.[1] Зарытие первого клада относится к IX в., об этом свидетельствуют найденные гривны глазовского типа.

Клады с большим количеством вещей драгоценных и частью привозных, богатые захоронения при большом числе рядовых сравнительно бедных свидетельствуют о процессе классообразования. Заслуживает внимания появление в X в. укрепленных усадеб, например городище Эбгакар, которое можно рассматривать как жилище вождя или крупного дружинника, противопоставившего себя общине, захватившего власть и пытавшегося эксплуатировать своих родичей. В этом отношении интересна записанная Н. В. Первухиным легенда о богатыре Донде, которому окрестное население платило дань продуктами или работой[2]. Местное население

---

[1] *Л. А. Мацулевич.* Византийский антик в Прикамье. МИА, № 1, 1941, стр. 139; *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909, таб. XII (Усть-кишертьский клад); *Л. А. Мацулевич.* Указ. соч., стр. 145; *А. А. Спицын.* Древности Камской чуди. МАР, № 26, 1902, стр. 29.

[2] «Эскизы предания и быта инородцев Глазовского уезда». «Вятские губ. ведомости», 1888, № 87; 1889, № 76—77.

показывало дорогу, по которой будто бы ежедневно ходили к Донде работать у него на полях. Подобные предания существуют в отношении городища Узякар, где жил со своими приближенными какой-то князь, собиравший подати с окрестных жителей. Предание сообщает, что крестьяне, возмутившиеся против жестоких поборов, подняли восстание, захватили укрепления и подожгли жилище; а самого князя со свитой утопили в озере. Эти фольклорные данные хорошо объясняют возникновение таких городищ, как Эбкагар, и соответствуют таким памятникам, как могилы знатных дружинников с богатым вооружением. В этом отношении интересен меч в серебряных ножнах с изображениями животных из Юмского могильника. Все эти памятники свидетельствуют о процессе социального расслоения общества, и у нас есть все основания полагать, что к X в. финно-угорское население края стояло на пороге возникновения классового общества.

Выше было отмечено существование у всех этих племен территориальной общины. Параллельно шел процесс взаимной инфильтрации племен. В этом отношении интересен могильник Бигершай, открытый близ с. Адашевского, недалеко от г. Глазова, принадлежавший древним марийцам. Найденные там вещи в виде прямоугольных привесок не оставляют никакого сомнения в его этнической принадлежности.

Интересен фольклорный материал в своеобразном богатырском эпосе, который довольно полно отражает борьбу между удмуртами и марийцами. По-видимому, марийцы иногда проникали далеко в глубь удмуртских земель.

Археологический материал показывает также, что и в земли марийцев проникали представители соседних племен. Об этом можно судить по весьма интересному Кочергинскому могильнику, расположенному в Советском районе Кировской обл. Там в 1929 г. были проведены небольшие раскопки, давшие два трупосожжения и три трупоположения, обычного для марийцев типа, в неглубоких могилах, на спине, в вытянутом положении. Могильник датируется IX в. Здесь интересны трупосожжения. В могилах со стенками, укрепленными досками, были найдены вещи, украшения и кучки сожженных костей. Погребальный обряд не оставляет никакого сомнения в том, что эти захоронения оставлены людьми, пришедшими с Вычегды, где такой обряд был господствующим [1].

Значительный материал характеризует широкие торговые связи. Если в предшествующую эпоху основной линией торговых связей был восток, Средняя Азия, то с IX—X вв. можно говорить о связях с Хазарией, а затем с Волжской Болгарией и древней Русью. Эти два последних культурных центра оказали сильнейшее влияние на сложение культуры финно-угорского населения Прикамья.

На значительных пространствах рек Камы, Вятки, Чепцы и Средней Волги мы находим достаточно много болгарской посуды и ювелирных украшений с характерными вставками стекол, с зернью и сканью. Известно

[1] *М. В. Талицкий.* Кочергинский могильник. МИА, № 1, 1940, стр. 159.

немало изделий, которые, хотя и не принадлежали к числу первоклассных произведений болгарского ювелирного искусства, но, несомненно, были сделаны болгарскими ремесленниками. Здесь же находят височные круглые кольца с нанизанными бусами, украшенными сканью и зернью. По-видимому, под влиянием болгар у местных племен появились тяжелые украшения с отделкой, подражающей зерни и скани. Также, вероятно, под влиянием болгарских ремесленников в Прикамье создалось украшение в виде овального кольца с грушевидной подвеской, богато орнаментированной зернью и сканью. Интересно, что местные ремесленники делали свои украшения по типам болгарских. Нередко зернь здесь заменяется полосками, покрытыми мелкими зарубками, которые при помощи припоя закреплялись в украшениях.

Русские княжества оказали влияние на культуру местного населения. Несомненно, под русским влиянием сложился тип привески в виде замкнутой лунницы, известной по многим находкам. По-видимому, через русские княжества сюда попала булавка со скандинавским орнаментом, найденная в могильнике Чемшай. Есть все основания полагать, что, начиная с X в. можно говорить не только о культурном воздействии и торговых связях, но и о проникновении русских и болгар на территорию Приуралья. Об этом свидетельствует наличие славянской керамики на городище Кар-мыльк на р. Вычегде. С Вычегды славяне шли на Каму, где оставили следы своего пребывания в виде многочисленных изделий из керамики и, может быть, курганных захоронений такого же типа, как у дер. Плехановой. Судя по свидетельству вятского летописца, новгородские ушкуйники проникали на Чепцу в XII в.

Все эти племена — древние удмурты, марийцы, коми — по языку принадлежат к числу финно-угорских народов. Есть все основания полагать, что они жили здесь с глубокой древности, несомненно, уже с эпохи неолита.

Другой характер имеют памятники Нижней Камы. Там, около дер. Котловки, был открыт Котловский могильник [1], давший погребения раннего железного века и X—XII вв. Последние интересны тем, что по типам украшений они напоминают вещи, находимые в могильниках Костромского и Вологодского края. Это — привески в виде уточек, петушков, распространенные среди мерянских племен и древней веси. По всей вероятности, здесь похоронены представители племени веси, известного нам по русской летописи того времени, которое восточные авторы знают под именем «вису». Представители этих племен приходили сюда для торговли с болгарами, так как, согласно тем же восточным сообщениям, весь на свою территорию для торговли никого не пускала.

Политическая история народов Прикамья I тысячелетия была бы неполной, если бы мы не отметили период хазарской зависимости, о чем

[1] *И. Д. Нефедов.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье в 1894 г. МАВГР, т. III. М., 1899.

Реконструкция женского костюма древних удмуртов IX—X вв. (по А. П. Смирнову)

можно судить по письму хазарского царя Иосифа [1]. По-видимому, это относится главным образом к марийцам и южным удмуртам. Этого, однако нельзя сказать о племенах Верхней и Средней Камы и Вычегды — северных удмуртах и коми, которые сохраняли свою политическую самостоятельность как в то время, так и несколько позднее, в ранний болгарский период.

История племен Прикамья тесно связана с вопросом о Биармии. В скандинавских преданиях содержится упоминание о поездках норманн далеко на восток, к берегам Ледовитого океана и Белого моря, в богатую страну Биармию, славившуюся мехами и серебром.

Эта легенда была записана в конце IX в. со слов некоего Отэра англо-саксонским королем Альфредом Великим. Несомненно, под сказочным налетом норманнских рассказов содержится зерно истины. Бесспорно, существовал торговый путь через Белое море, по Северной Двине, Вычегде в Приуралье [2]. Едва ли может быть подвергнуто сомнению обилие мехов у местного населения прекрасно подтверждаемое археологическими данными. Большое количество серебряных вещей, отмеченное норвежскими сагами, в полной мере соответствует богатству жертвенных мест и пещер Приуралья. Именно там нашли серебряную восточную утварь, составляющую гордость Государственного эрмитажа и Исторического музея.

Эти утверждения скандинавских саг являются реальной основой, с которой не нужно смешивать вымысел о государстве Биармии. Мы не должны забывать, что в термин «государство» скандинавские саги вкладывали иное содержание, чем мы, и для авторов этих произведений князь и община являлись государством.

Вторая половина I тысячелетия характеризуется большими изменениями в жизни городецких племен — предков мордвы, мещеры, муромы. В VI—VII вв. на всей территории Западного Поволжья совершился пере-

[1] *П. К. Коковцев.* Указ. соч., стр. 19 и сл.

[2] *С. К. Кузнецов.* К вопросу о Биармии. «Этногр. обозрение», 1905, № 2—3, стр. 4; *А. Соболевский.* Древняя Пермь. К вопросу о Биармии. «Изв. ОАИЭ Казанск. ун-та», вып. 34, 1929.

ход к плужной обработке земли, и земледелие стало основным занятием населения. Весьма показательный материал дали раскопки селища Ош-Пандо по среднему течению р. Суры, близ дер. Сайнино Дубенского района Мордовской АССР[1]. Здесь были найдены различные материалы, всесторонне характеризующие хозяйство и быт населения VI—IX вв. Были исследованы дома наземного типа, хозяйственные сооружения, в частности зерновые ямы. На городище были найдены сошники легкого типа, серпы, горбуши, зерна культурных злаков: ячменя, ржи, полбы и гороха. Весь этот материал свидетельствует о большом удельном весе земледелия. Вполне понятно поэтому, что восточные писатели IX—X вв. считали этот край в основе земледельческим. При раскопках было найдено также большое число костей: коровы, лошади, свиньи и овцы. Здесь же, на этом селище были обнаружены остатки кузнечно-литейного производства, позволяющие охарактеризовать деревенское ремесло. Тигли, литейные формы, различные украшения, железные изделия, несомненно, местного производства дают основание говорить об отсутствии дифференциации в области металлургии. Одни и те же мастера выделывали украшения при помощи литья и чеканки, а также железные вещи: сошники, серпы, топоры и стрелы. Переход к плужной обработке земли привел к освоению плодородных земель левобережья Волги. Если в начале нашей эры здесь были отдельные поселки племен городецкой культуры, то теперь освоены были значительные пространства и новые поселенцы заняли полосу главным образом в районе Лаишева и южней по Ахтаю, Бездне, Черемшану и в Куйбышевской обл. Несколько более поздним временем датируется комплекс Шолома с сошником VIII—IX в. Можно с уверенностью полагать, что еще до прихода болгар на Среднюю Волгу весь этот край был земледельческим. Таким его знали арабские путешественники. Так, автор начала X в. Ибн Русте отмечает: «Булгаре народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо...»[2].

Для истории народов Поволжья большую ценность представляют сведения восточных писателей о буртасах. Вопрос об этнической принадлежности буртас до сих пор является спорным[3]. Однако большинство исследователей причисляет буртас к числу мордовских племен. В данном случае не имеет большого значения, будет ли это мордва, мокша или особое племя буртас, что, по-видимому, более верно, так как буртасы упоминаются в виде особой этнической группы русскими документами XVI—XVII вв. Буртасам много внимания уделили восточные авторы. В ряде документов подробно говорится об их занятиях и политическом положении и несколько приоткрывается завеса над их социальными отношениями. «Земля их

---

[1] *П. Д. Степанов.* Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 136.

[2] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 263.

[3] *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории. МИА, № 28, 1952, стр. 157. Приведена литература по указанному вопросу.

просторна и обилует лесистыми местами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Вера их похожа на веру гузов. Собой они стройны, красивы и дородны. Если один из них обидит другого или оскорбит, или поранит ударом или уколом, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику. Девица у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама по желанию своему выбирает себе кого-либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к ее отцу жених, который сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в замужество. Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство их состоит в куньих мехах. Одни из буртасов сжигают покойников, другие хоронят. Земля, ими обитаемая, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней хелендж (береза). Занимаются они и землепашеством, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще. Страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законной; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях. Настоящим образом подчиняются они царю хазар... Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10 000 всадников [1]». Так характеризует буртас один из осведомленных восточных авторов. Эти данные в полной мере соответствуют археологическим материалам. По-видимому, сведения о буртасах относятся ко всему населению Средней Волги. Территория буртас, как и других мордовских племен, лежит по обоим берегам Волги, иначе говоря, как в лесной, так и степной полосе. Вполне понятна и характеристика хозяйства, с одной стороны, скотоводческого, степного с большим числом скота, а с другой — свойственного обитателям лесов с их бортничеством и охотой на пушного зверя. Для тех и других характерно земледелие. Текст Ибн-Русте дает основание сделать вывод о каком-то объединении буртас, это сказывается прежде всего в сведениях о выставляемой ими для хазарского царя коннице — 10 тыс. всадников. Об этом можно думать, основываясь на их военных набегах на болгар и печенегов. Такие военные операции могли быть под силу только хорошо организованным, большим коллективам, а таким в тех исторических условиях мог быть только союз племен. Сведения об их подчинении хазарам не единичны. Об этом же говорят и другие источники, в частности письмо хазарского царя Иосифа. Этот документ несколько позже сочинения Ибн-Русте, но, по-видимому, отражает более ранние отношения. «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало (этой) реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот

[1] *Д. А. Хвольсон.* Указ. соч., стр. 19—21.

их имена Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань».

В этом перечислении племен отмечены финно-угорские народы: буртасы, арису, сопоставляемые с мордвой, эрзей и черемисами (мари) [1]. Факт зависимости народов Поволжья от хазар отмечает и более поздний автор начала X в. Ибн-Фадлан [2].

Все материалы дают возможность понять еще одну весьма характерную деталь общества. Это далеко зашедший процесс распада родовых отношений. Что перед нами родовое общество, явствует и из сведений Ибн-Русте, который отмечает только наличие родовых старейшин, которым подчиняются жители, и отсутствие своей центральной власти. Однако это не классическое родовое общество и не начальные стадии развития патриархальных отношений. Перед нами общество, стоящее на грани классовых отношений. Материал могильников достаточно ясно показывает деление этого общества на богатых и бедных. Все мордовские могильники второй половины и особенно конца I тысячелетия в этом отношении весьма показательны. Особенным богатством отличаются погребения воинов. Однако это еще не феодальное общество. Не встречается чисто крестьянских погребений, лишенных какого бы ни было оружия, что весьма характерно для феодального общества. Последние века I тысячелетия ознаменовались еще одним крупным событием, которое наложило отпечаток на всю дальнейшую историю края. Около VIII в. в результате сложения Хазарского каганата из Приазовья на Среднюю Волгу двинулись болгары. Они заняли значительные пространства левобережья и отчасти правого берега Волги и ассимилировали местные мордовские и буртасские племена [3]. В результате часть этого населения утеряла свои этнические признаки и свои культурные навыки, однако основная часть населения, жившая в лесах, сохранила в неизменном виде свою культуру.

Для конца I тысячелетия характерно продолжение славянского движения в мордовские земли. Это доказывает большое количество трупосожжений, что отмечено выше, и находки типичных славянских вещей в мордовских землях. В качестве примера можно привести материал Крюковско-Кужновского могильника в Моршанском районе Тамбовской обл., исследованного П. П. Ивановым [4]. В этом могильнике встречены типичные славянские погребения. В одной могиле лежал костяк женщины головой на запад, как это был принято у славян. Голова была украшена бронзовыми семилучевыми славянскими височными украшениями [5], характерными для радимичей.

---

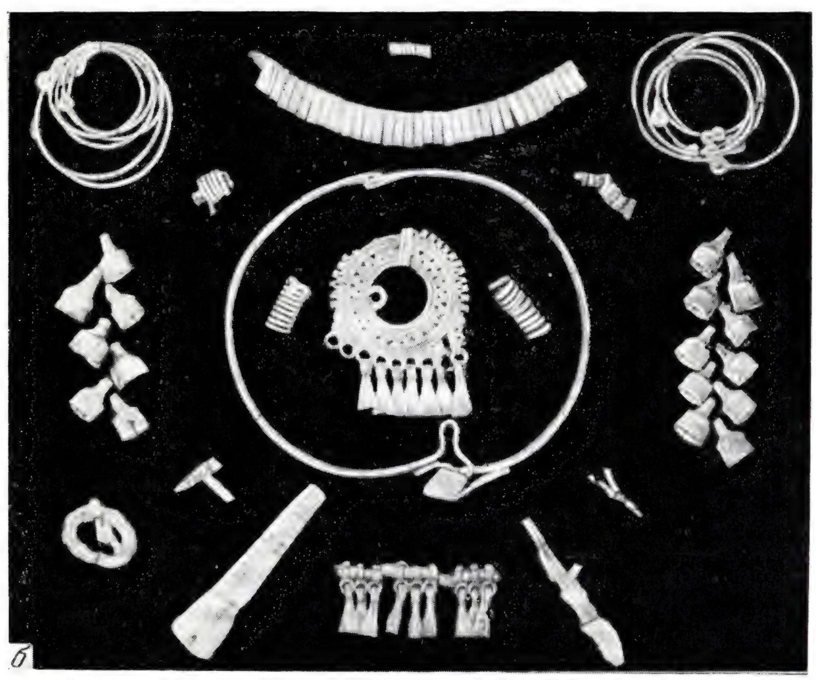
[1] *П. К. Коковцев.* Указ. соч., стр. 98—99.

[2] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Харьков, 1956, стр. 141.

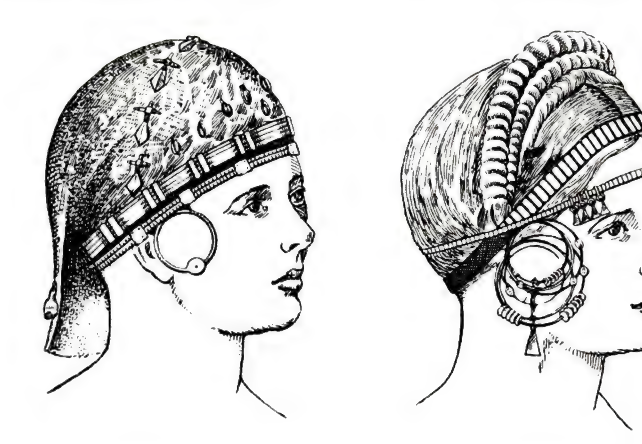
[3] См. раздел данного тома «Волжские болгары».

[4] *П. П. Иванов.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. н. э. Моршанск, 1952.

[5] Там же. Погребение 507, стр. 160.



Погребение древней муромы VIII—IX вв. из могильника у дер. Малышево Владимирской обл.: *а* — погребение № 17 с трупоположением (деталь); *б* — металлические вещи из этого погребения



Реконструкция убора головы замужней женщины V—VI вв. и IX—X вв. племени мурома по материалам могильника у дер. Подболотье Владимирской обл. (по А. Ф. Дубынину)

Как показывает материал могильников и городищ, мордовские племена, живя в своих лесах, не были изолированы от окружающего мира. У них нередки вещи иноземного происхождения. Там встречаются восточные монеты, восточная утварь [1], вещи, характерные для соседних племен. Интересный материал дало одно из селищ, исследованное за последние годы в Ульяновской обл. Там близ с. Палицино было исследовано селище VII—X вв., на котором были найдены вещи, характерные для племен Прикамья IX—X вв. Такие же вещи находили и в Моршанском районе [2].

Нельзя не отметить также общность многих типов украшений, которые можно встретить на пространствах Восточной Европы, начиная от Прибалтики и кончая западным Приуральем. Интересны поясные наборы в мужских погребениях, где довольно обычны бляшки и пряжки тех типов, которые были широко распространены в степной полосе и которые можно встретить от Алтая до Венгрии [3]. Таково же вооружение, в частности сабли, аналогичные тюркским, боевые топоры, стремена. Весь вид материала показывает, что мордва стояла на уровне многих культурных достижений того времени. И то, что соответствовало ее общественному уровню, все ею воспринималось от соседей и перерабатывалось.

Близкий материал характеризует и мурому того времени. Значительный ряд археологических памятников дает полное представление о производительных силах, социальных отношениях и о культуре. Ряд селищ, исследованных за последние годы близ Мурома, свидетельствует о сильно возросшем значении земледелия. На этих поселениях, помимо чисто сельскохозяйственного инвентаря, находят материал, характеризующий кузнецов-литейщиков. Уровень обработки почвы был аналогичен тому, который

[1] *В. Н. Ястребова.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, 1893, стр. 46 и сл.

[2] По материалам коллекций Моршанского краеведческого музея.

[3] *В. Н. Ястребова.* Указ. соч.; *П. П. Иванов.* Указ. соч.

мы наблюдали у мордвы. На том же уровне находилось и ремесло. Для уровня кузнечно-литейного дела весьма показательны погребения, открытые в Подболотьевском и Муромском могильниках. В первом из них в погребении мужчины были найдены наковальня, кузнечный молоток, топор, клещи, льячки и литейные формы. Такого же характера и второе погребение. Они позволяют говорить об отсутствии у муромы, как и у соседей, дифференциации в области металлургического производства. Остальные отрасли производства, как и у соседних племен, оставались на уровне домашнего мастерства. В области политической организации мурома точно так же, по-видимому, была объединена в союз племен. Косвенным показателем является наличие большого числа неукрепленных поселков-заимок. Этот факт свидетельствует об ослаблении опасности набегов соседей, об относительной безопасности жизни. А такую обстановку в тех условиях мог создать только союз родственных племен. Расселение родовых групп и отдельных семейств повлекло за собой окончательную индивидуализацию хозяйства. То, что еще имело до этого общинный характер, стало функцией отдельной семьи. По-видимому, в пользовании общины оставалась только земля. У муромы также шел процесс классообразования. Материал таких могильников, как Подболотьевский, Муромский, Малышевский, достаточно ясно свидетельствует об этом. К концу I тысячелетия особенно усилилось проникновение славян. Тот же Подболотьевский могильник дает ряд доказательств этому. Все поздние погребения ориентированы в западном направлении, характерном для славянских погребений. В муромском музее хранятся два семилучевых славянских височных кольца, аналогичных кольцам Зарайского клада VIII—IX вв. Такой же материал славянизации края дает и такой памятник нашего прошлого, как Муром.

Археологические раскопки, проведенные в советское время, показали, как менялась культура муромского населения [1]. На месте современного г. Мурома когда-то были небольшие поселения. Одно из таких, названное Пятницким, имело культурный слой значительной мощности. В нижних его слоях встречаются вещи, характерные для Муромы, а в верхних — типично русские. Такую картину наблюдали археологи в ряде мест: в кремле, в Окском саду, в районе Николо-Набережной церкви. Всюду одна и та же картина. Нижние слои принадлежали открытым поселкам Муромы. Здесь находили небольшое число славянских вещей, что говорит о постепенном проникновении славян и болгар с востока. Русские поселенцы, как можно судить по всему материалу, поселились в среде муромы, и мурома постепенно теряла черты своей культуры. Этот процесс особенно усилился после основания русского административного центра на месте ремесленных поселков местного населения. Древнейший Муром был настоящим городом, центром ремесла и торговли. Для характеристики первоначального Мурома весьма показателен материал Муромского музея, где хранятся восточные

[1] *И. П. Богатов.* Город Муром в VIII—XIV веках. Муром, 1947.

Вещи из погребений древней муромы V—VIII вв. из могильника у дер. Подболотье Владимирской обл.: *а* — инвентарь погребения кузнеца; *б* — инвентарь погребения со славянской фибулой

монеты, болгарская керамика, ряд вещей, характерных для Приуралья. Этот город свидетельствует о крупной роли местной знати в торговой жизни края.

Близкую картину мы встречаем и у мери, которая принадлежит к другой группе племен. Эти племена занимали полосу междуречья Оки, Волги и район Верхней Волги и стояли на той же ступени развития, как и их соседи. Различия заметны только в части материальной культуры, которые указывают на иную этническую принадлежность. Некоторое различие между населением Верхней Волги и более восточными районами Костромской обл., заметное в форме посуды и жилища, по-видимому, обусловлено той культурной окраской, которую сообщили первым племенам славянские

пришельцы. В целом же одна и та же этническая принадлежность этих районов не подлежит сомнению [1]. Для характеристики мери конца I тысячелетия большое значение имеет Сарское городище, расположенное на р. Саре около с. Диабол [2], давшее огромный вещевой материал. По общему характеру городище напоминает более раннее Березняковское городище, описанное выше. Оно также занимает береговой мыс и было окружено тремя линиями валов и рвов. За линией вала открыты также остатки поселка. Весь найденный материал позволяет отнести городище ко времени VI—IX вв. Поселок был укреплен линией деревянных срубов, поставленных по периметру городища и засыпанных внутри землей, создавая таким образом земляную стену в деревянном каркасе. На площади поселка были открыты жилища частично наземные и в виде прямоугольных полуземлянок. Среди вещей обнаружены предметы и кости животных, характеризующие земледелие и скотоводство. Хотя на городище не было найдено ни одного сошника, однако есть все основания полагать, что уровень сельскохозяйственной техники был не ниже, чем у окружающих племен. На том же уровне находилось и домашнее производство тканей, изделий из кости и посуды. Единственной отраслью производства являлась металлургия — производство железных орудий труда и украшений из цветных металлов. При помощи литья и штамповки мастера выделывали несложные украшения, свойственные или только одной мере или общие для всех финно-угорских племен. Значительную ценность представляют несколько могильников, дающие две группы погребений: трупосожжения и трупоположения. Как и могильники соседних племен, погребения мери представлены богатыми и бедными захоронениями, что свидетельствует о наличии социального расслоения общества. Экономическое неравенство общества особенно хорошо прослеживается по материалу погребений женщин. Здесь находят и пышные головные уборы, нагрудные и поясные привески и украшения рук. Интересно погребение мастера-литейщика, среди вещей которого найдены, наряду с украшениями, литейная формочка и льячек [3]. Это погребение, несомненно, принадлежит к той же группе ремесленников общины, как и отмеченные выше могилы Подболотьевского могильника. Сарское городище принадлежит к типу поселений, представляющих зародыш будущих городов. Основной материал, найденный там, характеризует металлургическое производство. Особенно интересны материалы, происходящие из верхнего слоя IX в., подчеркивающие производственный ремесленный характер поселения. Там были найдены многочисленные тигли, клещи, зубила, большое число шлаков, слитки меди и серебра. В верхнем слое найдено небольшое количество обломков гончарной посуды, указывающей на возникновение гончарного ремесленного производства. Здесь найдены

---

[1] *П. Н. Третьяков.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 91.

[2] *Д. Н. Эдинг.* Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.

[3] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 94.

костяные гребни, которые характерны для городских центров IX—X вв.[1] Городской характер поселка подчеркивает и находка нескольких восточных монет IX—X вв. Здесь же был найден и клад. Интересны скандинавские вещи, представленные застежками (фибулами)[2]. Сарское городище прекрасно показывает, что к X в. мерянские племена достигли высокой ступени развития, у них начинался процесс второго общественного разделения труда, город получал свою специфику, начался процесс отделения города от деревни. Этот процесс характерен для времени сложения классового общества. Сарское городище не единственный памятник жизни мери, селища второй половины I тысячелетия открыты по р. Тезе[3]. В Костромской обл. за последние годы Е. И. Горюновой исследованы Очипищевское и Дурасовское городища. Открыты наземные дома с очагами внутри. Интересны тигли, чеканы, литейные формы и льячки, характеризующие кузнечно-литейное ремесло. Комплекс находок дает представление о ремесленном характере поселка, напоминая Сарское городище[4]. Интересны материалы, характеризующие славянизацию местного населения. В местных могильниках, как и у соседних финно-угорских племен, имеются погребения двух типов: сожжения и трупоположения. Такие могильники известны на берегу Волги у с. Подольского ниже Костромы, на берегу р. Тезы у с. Хотимль[5] и на Стекольной горе, исследованном А. А. Спицыным[6]. Все могильники датируются VII—VIII вв. Из числа находок интересен обоюдоострый меч, обнаруженный в могиле с трупосожжением. Эти трупосожжения являются памятником проникновения славян в земли мери и объясняют исчезновение мери с этнической карты Восточной Европы еще в домонгольский период. В XI—XII вв. оставались только отдельные группы мери, но их культура была уже в значительной степени близка славянской[7].

Значительно хуже известны нам племена весь, ижора, карелы и др. Памятники этого времени не известны. Несколько могильников и селищ с этой огромной территории относятся уже к последующему времени, XII—XIII вв., когда эти области вошли в состав русских княжеств. Современные вепсы — наследники старой веси русской летописи или вису — восточных писателей[8].

---

[1] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 95.

[2] Там же; *Д. Н. Эдинг.* Указ. соч., стр. 32, 33, 69.

[3] *Б. Н. Граков.* Краткий отчет об археологических исследованиях. Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общ-ва краеведения. Иваново, 1927, стр. 39.

[4] *Е. И. Горюнова.* Отчетный доклад на секторе скифо-сарматской археологии ИИМК в мае 1957 г.

[5] *Б. Н. Граков.* Указ. соч., стр. 34.

[6] *А. А. Спицын.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, стр. 104.

[7] *Е. А. Горюнова.* Мерянский могильник на Рыбинском море. КСИИМК, вып. 54, стр. 153.

[8] «Schegren. Über die finnische Bevölkerung der. St.-Pet. Gouvernements und über den Ursprung des Namens in Germanland». St.-Pet., 1861; *А. К. Марков.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910; *Н. А. Черницын.* Археологическая карта Тотемского района Вологодской области. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 147.

9
УГОРСКИЕ (ВЕНГЕРСКИЕ) ПЛЕМЕНА В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

Распад первобытно-общинного строя у финно-угорских народов привел не только к развитию феодальных отношений на территории основного обитания этих племен, но и к созданию значительных дружин, отправлявшихся время от времени искать счастья на юге, подобно своим западным славянским соседям. Знакомство алано-готского писателя Иордана с племенами мери и мордвы, возможно, и объясняется тем, что дружины этих племен, проникнув далеко на юг, стали известны южному автору.

Этим же объясняется, вероятно, упоминание античными авторами и бакхириев (очевидно, башкир). Соседство со степью позволяло части племен переходить к полукочевому или даже к кочевому образу жизни. Одним из наиболее интересных и исторически важных передвижений следует считать переселение части угорских (венгерских) племен в долину Дуная, на территорию современной Венгрии. Сородичи венгров — ханты и манси (остяки и вогулы) — остались на Урале. Летописная югра жила где-то на р. Мезени. К угорским племенам относят и летописную мерю на Клязьме.

Прародиной дунайских венгров считают Башкирию, которую в середине века называли Великой Венгрией. К сожалению, ни время отрыва венгров-мадьяр от основного башкирского массива, ни пути их продвижения, ни промежуточные этапы их жизни на этих путях нам как следует неизвестны. В самых общих чертах можно нарисовать такую картину.

Примерно в VI—VII вв. часть башкиро-угорских племен (уже тогда соприкасавшихся с тюрками) продвинулась к степям Южного Урала и двинулась далее как на запад, в Приазовье, так и на юго-запад, в степи Северного Кавказа. В VIII — начале IX в. мадьяры очевидно оставались в этих же местах, угрожая хазарам с севера и с юга и соприкасаясь с аланскими племенами (что отразилось, например, в осетинском языке). В IX в. какая-то новая волна угорских племен прошла через Суздальскую землю, а южные венгры под давлением печенегов двинулись на запад в Карпаты и обосновались на Дунае, основав здесь Венгерское королевство.

Проверка и уточнение этой схемы является важной задачей исторической науки. К сожалению, археологические материалы еще в очень малой степени могут помочь нам в выяснении венгерской проблемы. Ранневенгерский археологический комплекс еще не определен, венгерские памятники не выделены среди массы единообразных памятников раннего средневековья степей и лесостепи Восточной Европы. Попытки связать определенные группы открытых в Восточной Европе археологических памятников с венграми нельзя признать удачными [1]. И только активизировавшиеся за

[1] *A. Zakharow* und *W. Arendt.* Studia Levedica «Archaeologia Hungarica», Bd. XVI. Budapest, 1935; *N. Fettich.* Bronzeguß und Nomadenkunst. Prague, 1929; *его же.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn «Archaeologia Hungarica», Bd. XXI. Budapest, 1937.

последние годы исследования памятников железного века Башкирии, Прикамья, южного Приуралья позволяют надеяться на более удовлетворительное археологическое освещение венгерской проблемы, во всяком случае для этой территории.

Лингвистические вопросы, касающиеся истории венгров в I тысячелетии, разработаны еще далеко не достаточно. Здесь исследовались отдельные наименования, прежде всего наименования «венгры» и «мадьяры», проблемы тюрко-венгерских и ирано-венгерских языковых связей, последнее время начаты исследования и венгро-славянских связей [1].

Согласно письменным источникам, венгры — сильная и воинственная группа кочевых племен, находящаяся в определенной зависимости от Хазарского каганата, но способная к самостоятельным крупным военным предприятиям. Возглавленные и объединенные племенем мадьяр, основные группы венгров кочевали в лесостепной полосе между Днепром и Доном [2], угрожая своим соседям и на западе, и на востоке. Они, очевидно, явились теми кочевниками, которые, по свидетельству Бертинских анналов, перекрыли днепровский путь в 839 г. Двумя годами раньше хазары построили на Дону крепость Саркел. Надо думать, что одной из причин, побудивших их к этой мере, явилась угроза вторжения мадьяр, которые далеко не сразу признали свою зависимость от каганата.

Где же сложилась эта мощная племенная группа? Откуда продвинулась она в лесостепь Северного Причерноморья?

В первой половине XIII в. венгерский монах Юлиан отправился на восток в поисках прародины своих соотечественников. В памяти народа тогда живы еще были события IX—X вв., живы были воспоминания о языческом периоде и о тех соплеменниках-язычниках, которые остались далеко на востоке. Проповедь христианства среди этих язычников и была официальной миссией Юлиана. Но подлинной целью были поиски самих соплеменников, и они увенчались успехом. Отважный путешественник нашел их, беседовал с ними, и они, как сообщал сам Юлиан, «весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский» [3]. Среди этих племен сохранилось представление, согласно которому живущие на западе венгры «ушли от них». Юлиан дважды побывал в их земле — в 1235—1236 и в 1237—1238 гг. Однако точно расположения этой земли он не указывает, ясно лишь, что она расположена в области Среднего Поволжья в самом широком смысле этого слова. Другие источники той же эпохи позволили несколько уточнить этот вопрос. Прежде всего оставалось неясным, переправлялся ли Юлиан через Волгу и на каком берегу встретил он своих соплеменников? Сам Юлиан об этом молчит. Но венгерское предание,

---

[1] *И. Перени.* Венгерско-восточнославянские взаимоотношения. «Studia Slavica», t. II. Budapest, 1956.

[2] *Э. Мольнар.* Проблемы этногенеза в древней истории венгерского народа. «Studia historica Academiae Scientiarum Hungariae», 13. Будапешт, 1955, стр. 116.

[3] *С. А. Аннинский.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив», т. III. М.— Л. 1940, стр. 81.

записанное Анонимом в конце XII в., рассказывает, что отправившиеся на запад венгры перешли Этель (Волгу) [1]. В 1246 г. Плано Карпини трижды отождествляет страну Баскарт (Башкирию) с Великой Венгрией [2], подчеркивая расположение ее рядом с Великой Болгарией. То же название в несколько иной транскрипции передает и Гильом Рубрук, посетивший Башкирию в 1253 г. (Паскатир — Великая Венгрия) [3]. Рубрук указывает, что язык паскатир и венгров — один и тот же [4]. В связи с этим многие ученые не без оснований считали, что оставшиеся на востоке венгры жили на территории Башкирии, которая, по данным Ибн-Фадлана, находилась восточнее Волги и простиралась между Волгой, Камой, Тоболом и верхним течением Урала [5].

Закономерно ставится вопрос, могла ли территория Башкирии явиться местом контакта венгров с ираноязычными и тюркоязычными племенами? [6] Ныне на этот вопрос можно дать совершенно определенный ответ. Самый тесный контакт финно-угорских племен Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Приуралья с ираноязычными племенами зафиксирован уже в глубокой древности. Уже в эпоху бронзы ираноязычные племена срубной культуры широко распространили свое влияние на этой территории. Позднее, в эпоху раннего железа, хорошо известны значительные культурные влияния ираноязычного скифо-сарматского мира на племена Прикамья и Приуралья. В первые века многочисленные сарматские, а позднее сармато-аланские племена густо населяют оба берега Нижней, а частично и Средней Волги, распространяются далеко на восток, а некоторые из них проникают на север вплоть до Камы. Там появляются как собственно сармато-аланские погребения, так и смешанные комплексы, свидетельствующие о значительном влиянии южных племен на местное финно-угорское население [7]. Гуннское нашествие знаменовало конец алано-сарматского племенного союза на Волге, большинство алан было оттеснено на запад и на юг, но часть их, очевидно, отошла в области Среднего Поволжья и Приуралья, где смешалась с местным населением.

На протяжении многих веков население указанных областей находилось в прямом контакте с ираноязычными племенами. И когда бы ни появились здесь венгры, они неизбежно должны были испытывать влияние со стороны этих племен.

Не менее ясна картина связей населения Башкирии и с тюркоязычными племенами. Проникновение последних, начавшееся еще в первые века, резко усилилось в эпоху гуннского нашествия и после него, вызвав замет-

[1] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 97.

[2] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 48, 57, 72.

[3] Там же, стр. 98.

[4] Там же, стр. 122.

[5] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 90.

[6] Там же, стр. 93.

[7] *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 68—82.

ные перемещения среди племен Приуралья. Впоследствии приток тюркских племен не прекращался. Они вплотную подошли к Башкирии с юга и востока. К западу от нее, в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье появилась большая группа тюркоязычных болгар, а Нижнее Поволжье стало основной территорией тюркоязычных же хазар. Таким образом, территория Башкирии вполне могла быть местом контакта венгров как с ираноязычными, так и тюркоязычными племенами, и соответствующие заимствования в венгерском языке представляются совершенно закономерными.

Археологические данные, еще недостаточные для позитивных выводов, не противоречат, однако, теории башкирской прародины венгров. Более того, они подтверждают создание на территории Башкирии в VIII—IX вв. больших и воинственных племенных союзов. Особое внимание должны здесь привлечь дружинные некрополи на среднем и нижнем течении р. Белой, прежде всего Стерлитамакский могильник [1]. Здесь погребены конные воины с характерным вооружением и конской збруей (сабли, боевые топоры, стрелы, стремена с высоким ушком и пр.), широко распространившимися в эту эпоху у кочевых и полукочевых племен евразийских степей. Несмотря на ряд общих черт с могильниками салтовского типа, эти некрополи не относятся к салтовской культурной области. Сходство ограничивается здесь металлическими предметами, а они в раннем средневековье, как известно, покрывают огромные территории и в отрыве от других данных перестают быть признаком общности. Грубые круглодонные сосуды Стерлитамакского могильника, украшенные поясами вдавлений, резко отличны от всех известных типов салтовской посуды. Они связаны с совершенно иной местной производственной традицией. Отличен от салтовского и погребальный обряд могильников стерлитамакского типа. Все это убеждает в том, что мы имеем здесь дело не с аланами и не с болгарами [2], а с иным объединением воинственных кочевых племен. Обращает на себя внимание то, что эти некрополи перестают функционировать в IX в., когда венгерские племена начали свое продвижение на запад.

Э. Мольнар считает, что с Башкирией связано и замечание Константина Багрянородного о том, что венгры в старину назывались «Крепкими Савартами». Самое наименование он связывает с савирами, граничившими с востока с Башкирией и, возможно, господствовавших одно время над венграми [3].

Этот же автор правильно подчеркивает антропологическое сходство венгров IX—X вв., известных по погребениям в Паннонии, с населением Башкирии [4].

Наконец, в пользу несомненной связи венгров с Башкирией и ее насе-

---

[1] *П. Ф. Ищериков.* Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, вып. 67, 1952, стр. 78 и сл.

[2] О болгарских памятниках этого времени см. главу данного тома «Древнейшие болгарские племена в Причерноморье».

[3] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 98.

[4] Там же, стр. 99.

лением говорят названия башкирских племен еней и юрмать. Они, возможно, принадлежали потомкам тех венгров, которые остались в Башкирии после ухода своих соплеменников: в числе двигавшихся на запад венгерских племен были племена ене и дьярмат[1].

Итак, теория башкирской прародины венгров представляется в принципе приемлемой. Но это не исключает и весьма раннего проникновения венгерских племен в более западные области, на правый берег Волги. Вообще, границы распространения кочевых племен всегда условны, а в эпоху раннего средневековья тем более. Волга же не представляла в это время сколько-нибудь серьезного препятствия для расселения.

В этой связи заслуживает внимания выдвинутая недавно Й. Перени теория, согласно которой начиная по меньшей мере с V—VI вв. венгры жили в лесостепи и степи к северу от Сталинграда, т. е. в Волгодонском междуречье, пересекаемом реками Вороной, Цной, Хопром, Медведицей[2]. Очевидно, отсюда они продвинулись еще южнее, охватив большой участок степей и лесостепи к северу от Кавказа. В таком случае определенная часть венгров оказывается живущей в северной и северо-западной частях территории, контролируемой оногурским племенным союзом. На этой территории венгры, по предположению Й. Перени, очень рано вступили в сношения со славянами.

В конце VIII или начале IX в. был создан племенной союз, во главе которого стояло венгерское племя мадьяр. Конечно, и здесь венгры не были представлены в «чистом» виде: в союз входили и тюркские племена, а сами венгры подверглись значительному влиянию со стороны последних и часто именуются в византийских источниках в связи с этим «турками». Но преобладание венгерских племен сохранялось на протяжении всей истории этого нового союза и стало решающим после переселения в Паннонию. Переселению на Дунай предшествовало проживание мадьяр в стране Лебедии, лежавшей где-то вблизи Хазарии. Причины этого продвижения в Лебедию пока неясны, но, очевидно, их надо искать как во внутреннем развитии венгерского племенного союза, так и во внешних событиях: натиск Хазарского каганата становился все сильнее, хазары все далее распространяли свой контроль на территорию распавшегося оногурского союза. Под этим натиском венгерский племенной союз продвинулся к западу от Дона.

В 30-х годах IX в. венгры жили уже на территории Лебедии. «Народ Турков,— пишет Константин Багрянородный,— в старину имел жительство вблизи Хазарии в местности, называемой Леведией, по имени первого воеводы их; этот воевода по имени назывался Леведий, а по сану, как и прочие после него, воеводою. В этой, названной уже местности Леведии течет река Хидмас, называемая также Хунгулус[3]. Само название Лебе-

---

[1] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 100; «Очерки по истории Башкирской АССР». Уфа, 1956, стр. 33.

[2] *Й. Перени.* Указ. соч., стр. 12.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. Перевод В. В. Латышева и П. В. Малицкого. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 17.

дия (Леведия) — загадочно. Переданная Константином версия содержит, несомненно, сказочные элементы и вызывает законные сомнения [1]. Заслуживает внимания предположение академика М. Н. Тихомирова, связывающего это название с русским словом «лебедь» [2]. Оно особенно интересно в связи с высказанными выше положениями относительно ранних связей славян с венграми. Реку Хунгулус пытались сопоставлять с Ингулом, Чингулом, Молочной, Юнгулом, Донцом, Верхним Доном и т. д. [3]. Точное ее определение пока невозможно. Поэтому вопрос о расположении Лебедии надо рассматривать на более широком фоне, с привлечением данных арабских географов.

Ибн-Русте и Гардизи согласно свидетельствуют, что земля мадьяр богата лесами и водами и почва там сыра. Много у них низин богатых лугов и плодородных местностей с засеянным хлебом полями. Такое описание не может относиться ни к северной лесной зоне, ни к причерноморским степям. Э. Мольнар справедливо заключает, что территорию Лебедии следует искать в лесостепной полосе, «которая своими чередующимися с лесами травянистыми степями и облегчающей земледелие влажной почвой отвечает описаниям Гардизи и Ибн-Русте» [4].

Таким образом, широтными границами Лебедии могут ориентировочно считаться границы лесостепной полосы. Определению долготных ее границ помогает сообщение Гардизи о том, что страна венгров располагалась между двумя реками, впадающими в Черное море. Этими реками были, скорее всего, Днепр и Дон. Конечно, отдельные группы венгров проникали как западнее, так и восточнее [5] этих границ: границы территорий кочевников крайне условны. С территории восточнее Дона племена венгров были вытеснены хазарами. Массовое движение к западу от Днепра началось, очевидно, в связи с переселением из Лебедии, об этом свидетельствует сообщение древнерусской летописи.

Размеры Лебедии Гардизи определяет в 100 × 100 фарсангов, т. е. около 300 тыс. кв. км.

На эту-то территорию продвинулась с востока основная масса венгров, состоявшая, по сообщению императора Константина, из семи родов. Э. Мольнар сделал попытку выяснить численность венгерского племенного союза. Он исходит при этом из сообщения Ибн-Русте о том, что венгры могли выставить войско в 20 тыс. всадников. «Предполагая, что 20 000 всадников соответствует двум третям всех боеспособных мужчин, и принимая далее во внимание, что боеспособные мужчины составляли не менее одной седьмой и не более одной пятой населения, мы получим

[1] *Й. Перени.* Указ. соч., стр. 18.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Славяне в «Истории России проф. Вернадского». ВИ, 1946, № 4, стр. 124—129; *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 130. Относительно прочих теорий происхождения названия Леведия см. ИГАИМК, вып. 91, стр. 61—62, прим. 52.

[3] Там же.

[4] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 116.

[5] Там же, стр. 117, 118.

результат: общее число населения всего племенного союза могло составлять около 150 000 тысяч человек»[1].

Этот большой племенной союз, естественно, играл значительную роль в жизни не только указанной территории, но и более южных областей Северного Причерноморья. Но, конечно, нельзя согласиться с утверждением о том, что вся территория между Доном и Дунаем находилась под владычеством венгров[2]. На этой огромной территории жили помимо венгров и другие значительные племенные группы. Этнический состав населения был здесь очень сложным. Венгры находились здесь в ближайшем соседстве с аланами, черными болгарами, славянами. Нет никаких оснований говорить об экономическом и культурном преобладании венгров над этими племенами, а тем более о прочном господстве над ними: можно говорить лишь о войнах с переменным успехом. При этом нельзя забывать, что сами венгры находились в несомненной зависимости от хазар. Предполагают, что и организационные формы лебедийского союза были созданы по хазарскому образцу под прямым военным и административным нажимом хазар. И действительно, у венгров мы находим столь характерное для каганата двоевластие: верховную власть над ними осуществляли, по словам Гардизи, военный вождь «кенде» и глава всех прочих дел — «джига». Высшие сановники — «гилас» и «кархан» также соответствовали высшим должностным лицам хазарской иерархии и продолжали систему двоевластия. Есть и прямое сообщение о вмешательстве хазар в политическую жизнь лебедийских венгров.

Константин Багрянородный сообщает, что во время одной из усобиц внутри Хазарского каганата три рода каваров, происходящие из племени хаза, потерпели поражение, бежали в землю турков (т. е. венгров) и поселились там, «заключив взаимную дружбу»[3]. Возможно, что «дружба» была заключена несколько раньше и что венгры сами принимали участие в усобице, поддерживая домогавшихся власти каваров. Но при всех условиях, переселение каваров означало дальнейшее усиление хазарского влияния на венгров. Константин Багрянородный пишет, что они были более воинственны, чем сами венгры, и им принадлежала инициатива во время военных операций. Можно предполагать, что кавары сыграли решающую роль в оформлении правящей верхушки лебедийского союза. Эта верхушка рекрутировалась из «степной аристократии», активно выделявшейся в это время из среды кочевников в результате разложения родоплеменного строя.

Венгерские племена оставались кочевниками. Никаких признаков оседания их на землю в Лебедии нет. Главным богатством были скот и пастбищные угодья: и те и другие все более концентрировались в это время в руках племенной верхушки. Немалую роль играли и набеги на соседние

---

[1] *Й. Перени.* Указ. соч., стр. 133.

[2] Там же, стр. 18.

[3] *Константин Багрянородный.* Указ. соч., стр. 18.

земледельческие племена, в том числе на славян. Гардизи сообщает, что венгры постоянно грабят славян и захватывают у них невольников.

Таким образом, работорговля и эксплуатация земледельческого населения соседних областей была у венгров, как и у всех кочевых племен, значительным источником обогащения племенной верхушки. Созданный по хазарскому образцу аппарат верховной власти племенного союза опирался на эту племенную верхушку и в значительной мере зависел от нее. Аноним (XII в.) повествует о союзном договоре, заключенном между семью «княжескими лицами», под которыми следует понимать племенных старейшин. Эти старейшины играли главную роль в выборе военного вождя, они объявили наследственными его власть и свои места в высшем совете [1]. Они договорились и о том, что каждый из них должен получать долю из имущества, приобретаемого ценой трудностей [2].

Можно констатировать значительное повышение венгерской активности на западе, начиная с 60-х годов. Хроники сообщают о венгерских вторжениях в Центральную Европу в 862, 881 и 892 гг. А это позволяет предполагать перемещение к западу и основных венгерских центров. В этом отношении мы согласны с теми учеными, которые относят жизнь венгров в Лебедии и наиболее тесный союз их с хазарами к 830 (840) — 860 гг., а первый натиск печенегов и перемещение венгров к западу от Днепра — к 860—862 гг. [3]. Надо думать, что именно к этому перемещению, а не к движению в Паннонию относятся слова русского летописца о том, что венгры проходили мимо Киева: летописец соединил здесь воедино два различных события. Иногда самый факт прохождения венгров мимо Киева вызывает сомнение [4], однако серьезных оснований для таких сомнений мы не видим.

Вопрос об археологических памятниках лебедийских венгров до сих пор остается открытым. В венгерской и русской историографии делались попытки приписать венграм все памятники уже упоминавшейся выше салтовской культуры. При этом район самого Салтова, т. е. верхнее течение Северного Донца, представлялся как центр Лебедии, из которого отдельные группы венгров, господствовавших над местным населением, расходились на юг — в Предкавказье, на северо-восток — в Прикамье и т. д. Основанием для таких построений послужило чисто формальное и абсолютно неубедительное сличение некоторых категорий археологических объектов, главным образом предметов вооружения и отдельных украшений. Прочность такой методики была уже отмечена в научной литературе, а отдельные выводы опровергнуты [5]. Но так как подобные

---

[1] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 135.

[2] Там же.

[3] *J. Marquart.* Указ. соч., *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Iren to the Accession of Basil I. London, 1912.

[4] «Повесть временных лет», т. II, стр. 256.

[5] *М. И. Артамонов.* Рецензия на книгу А. Захарова и В. Арендта. ПИДО, № 9—10, 1935; *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 131—168.

построения получили определенное развитие и приняли крайне тенденциозную форму в работах А. Захарова, В. Арендта и Н. Феттиха, следует еще раз остановиться на основных положениях, опровергающих венгерскую принадлежность салтовской культуры.

Никем из сторонников указанной теории не был выделен специфически венгерский комплекс. Они исходят из неправильной посылки о тождестве венгерской культуры с культурой тюркских кочевых племен и о том, что только венгры были носителями этой культуры. При этом они сличают вещи, которые распространились в эпоху раннего средневековья по всей территории евразийских степей и не могут быть использованы для этнического определения вне связи с другими данными. Такой важнейший этнографический признак, как погребальный обряд, во внимание не принимается. Между тем этот обряд у большинства салтовских погребений очень характерен и явно продолжает древнюю традицию аланского камерного обряда. Напротив, венграм обряд погребения в камере никогда не был свойственен ни в мадьярскую, ни в какую-либо другую эпоху. Не свойственны венграм и встреченные в салтовском могильнике отдельные захоронения лошадей: в предполагаемых венгерских могилах Паннонии лошадиный скелет, всегда неполный, находился вместе с покойником. Что касается инвентаря салтовских погребений, то наиболее характерная категория его — керамика также продолжает аланские традиции, то же следует сказать и об основных формах салтовских украшений [1].

Наконец, антропологически господствующий в Салтовском могильнике долихокранный тип резко отличен от тех невысоких, крепко сложенных короткоголовых людей, которые были похоронены в паннонских могилах мадьярской эпохи.

Все это, однако не значит, что салтовская культура не должна учитываться при решении венгерской проблемы. Салтовская культура распространилась на огромной территории, ее основные аланские центры оказывали значительное воздействие на соседние племена, некоторые из них восприняли основные черты ее. Внутри салтовской культуры постепенно выделяются варианты, принадлежащие различным племенам. Так, выше мы пытались выделить из нее, помимо основной аланской группы, группу болгарских памятников. Надо думать, что венгры, жившие в пределах распространения этой культуры, подверглись определенному влиянию с ее стороны. Но главные памятники, и прежде всего сам Салтовский могильник, венграм, конечно, не принадлежали. Выделение памятников лебедийских венгров — дело будущего [2].

---

[1] *Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14 и сл.

[2] *Э. Мольнар.* Указ. соч., стр. 117. Следует согласиться с Э. Мольнаром в том, что погребение, найденное у Воробьева близ Воронежа, пока единственная в Южной России могила, которую можно с большей или меньшей долей вероятности приписывать венграм IX в.

До конца IX в. венгры продолжали жить в Северном Причерноморье, хотя и передвинулись, как мы предполагаем, в более западную его часть.

Можно предполагать, что здесь произошли дальнейшая консолидация и укрепление их племенного союза, причем немалую роль в этом сыграла постоянная угроза нападений со стороны печенегов. Связи с хазарами сохранились: венгры и хазары были прежде всего союзниками в борьбе с печенегами. Угроза хазарам со стороны самих венгров была теперь устранена; надо думать, не стало и зависимости венгров от хазар. Во главе союза венгерских племен стал теперь князь Арпад, сын Алмуция.

Но военная ситуация складывалась здесь явно неблагоприятно для венгров. В начале 90-х годов венгры неудачно воевали с болгарами. Этим не замедлили воспользоваться печенеги, которые сами испытывали на востоке сильный нажим со стороны хазар и гузов. Разгромленные хазарами в 893—894 гг., печенеги вторглись на территорию венгров, и последние вынуждены были вновь отступить на запад. На этот раз в Паннонии появились основные массы венгров. Их-то и описал император Лев Мудрый в своей «Тактике». Он высоко оценил военные качества венгров, подчеркнув стремительность этих малорослых воинов, которые на маленьких, но выносливых лошадях вихрем налетали на своих врагов и, осыпая их тучей стрел, стремились разъединить неприятельский строй.

С Паннонией связана дальнейшая история венгров — их активные связи с местными, в том числе славянскими племенами, постепенное оседание на землю и становление венгерской государственности.

10

ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ

Одним из политических образований, сыгравших значительную роль в культурной жизни Восточной Европы, было государство Волжских Болгар, сложившееся в X в. в Среднем Поволжье.

Наименование государства происходит от этнонимов приазовских болгар, хорошо известных византийским историкам с середины I тысячелетия. По их данным, мы знаем, что болгары составляли в то время могущественный союз, объединявший многие племена Северного Причерноморья. В VI в. этот союз достиг могущества и его имя часто упоминалось в византийских хрониках. Этому блестящему периоду их истории предшествовала эпоха, о которой мы знаем по крайне отрывочным данным; в их числе наибольшее значение имеют археологические, дающие возможность проследить появление болгар на территории Восточной Европы.

Сравнение материала волжских болгар с материалом Салтовского и сарматских могильников Поволжья позволяет поставить их в один ряд, в котором первое место займут сарматы, затем памятники типа Салтовского

и Зливкинского могильников и, наконец, памятники волжских болгар. Таким образом, археологический материал позволяет отнести болгар по культуре к группе сарматов.

Самое раннее упоминание о болгарах встречается у сирийского автора III в. Мар-Абаса-Котины, который сообщает, что булгары, обитавшие первоначально к северу от Кавказских гор, к 149—127 гг. до н. э. вторглись в Армению [1]. Это сообщение дошло до нас в передаче Моисея Хоренского, историографа VI в.

Существует мнение, что первые десять глав второй книги истории Моисея Хоренского, в которых упоминается о болгарах в Армении, излагают события, современные Мар-Абасу-Котине, первому историку и современнику царей Вахаршиака и Аршака I, поэтому этот раздел более достоверен [2]. Это сообщение заставляет отнести болгар к числу сарматских племен [3], тюркизированных позднее гуннами, аварами и последующими волнами кочевников. Однако наряду с этим взглядом продолжала существовать старая точка зрения, идущая еще от XVI в., причислявшая болгар к числу гуннских племен. Эта точка зрения продолжает существовать и в наше время [4]. Ее сторонники в настоящее время в основном опираются на находки в некоторых могильниках салтовского типа черепов с чертами монголоидности.

Однако все археологические данные связывают одну из групп памятников салтовской культуры с болгарами [5]. Об этом можно говорить довольно определенно на основе изучения памятников Дунайской Болгарии, где распространены могильники того же типа. В качестве примера можно привести такие памятники как Абоба-Плиска, могильник Новый Пазар, недалеко от Плискова, давший бронзовые изделия и керамику салтовского типа, а по обряду погребения аналогичный Зливкинскому могильнику. На Волге наиболее ранними памятниками болгар являются Кайбельский и Большетарханский могильники. Оба они по вещам и по обряду погребения напоминают салтовские. В Кайбельском могильнике были раскопаны 20 погребений, частично впущенных в более древние курганы, частично покрытые небольшими плоскими насыпями [6]. Захоронения были совершены в узких прямоугольных ямах с заплечиками, иногда перекрытые бревнами. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине и имели различную ориентацию — от северной до юго-восточной. При одном из погребенных был найден череп лошади. Инвентарь могильника поразительно близок к инвентарю донецких и

---

[1] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., стр. 81.

[2] Там же, стр. 7.

[3] Эта точка зрения высказана в свое время А. А. Спицыным, Ю. В. Готье, М. И. Артамоновым, А. П. Смирновым и Н. Я. Мерпертом.

[4] *А. Бурмов.* Към въпроса за произхода на прабългарите. «Известия на Българското Историческото дружество», кн. XXII—XXIV. София, 1948, стр. 300(5).

[5] См. раздел данного тома «Древнейшие болгарские племена в Причерноморье».

[6] *А. П. Смирнов* и *Н. Я. Мерперт.* Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. «Вестн. АН СССР», 1954, № 4, стр. 65.

дунайских погребений. Здесь найдены стремена с плоской подножкой и высокой петлей, удила с S-видными псалиями, поясной набор салтовского типа, большие збруйные пряжки, трехгранные наконечники стрел, большой кинжал, серьги с подвесками, глазчатые бусы и те же самые лощеные одноручные кувшины. Могильник датируется арабской монетой 750—751 гг. Черепа из этого могильника имели весьма заметные монголоидные черты. Характерно, что рядом с могильником открыто поселение с остатками круглых юртообразных жилищ.

Кайбельский и Большетарханский могильники являются наиболее характерными раннеболгарскими памятниками на Волге.

Обряд погребения в Поволжье имеет значительную древность и восходит к сарматам, у которых такой тип узких могил с заплечиками выделяется в особую группу. Он появляется на раннесарматской стадии (III—II вв. до н. э.) и составляет с этого времени характерную черту Поволжской группы [1]. Сохранение этого обряда погребения на протяжении весьма длительного времени заставляет думать, что основой этнического состава населения оставались сарматские племена. Как известно, обряд погребения является весьма стойким этнографическим признаком и позволяет включать болгар в число исконного сарматского населения края.

В Салтовском могильнике господствует другой обряд погребения в катакомбах, генетически восходящий к подбойным сарматским могилам [2]. Он также являлся характерным для болгар Поволжья. Ибн-Фадлан, автор начала X в., оставивший интересное описание обычаев волжских болгар, отмечает наличие у них погребений в катакомбах. В своей записке он пишет: «И если умрет мусульманин у них, и вот [имеется] женщина из хорезмийцев, то его обмывают омовением мусульман. Потом везут его на повозке... пока не прибудут с ним к месту, в котором его похоронят. Когда же он прибудет туда, они возьмут его с повозки и положат его на землю. Потом очертя вокруг него линию и откладут его в сторону. Потом они выкопают внутри этой линии его могилу, сделают для него боковую пещеру и погребут его. Подобно этому и они (жители этой страны) поступают со своими мертвыми» [3].

Кроме упомянутого выше сирийца Мар-Абаса-Котины, имя болгар встречается позднее у Хронографа 354 г., Моисея Хоренского, Комеса Марцеллина и Иордана. Хронограф помещает болгар к северу от Кавказа под именем булгары. В этих же местах указывает их и Моисей Хоренский [4].

Иордан, помещая булгар над Понтийским морем, не смешивает их с гуннами, а как и византийские источники, разделяет их. «Далее за

---

[1] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья. «Докл. и сообщ. истор. ф-та МГУ», 1947, стр. 76.

[2] *Н. Я. Мерперт.* Верхнее Салтово. Автореферат диссертации. М., 1949, стр. 6.

[3] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 140.

[4] *А. Бурмов.* Указ. соч., стр. 330(35).

ними,— пишет он,— тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья (совершившиеся) по грехам нашим. А там и гунны, как плодовитейшая поросль всех самых сильных племен...» [1] Моисей Хоренский также разделяет болгар от других племен: «К северу от них живут народы турков и болгар...» [2]. Разделяет гуннов и болгар и византийский писатель Феофан. «В сем (514 г.) Ватвиан, занявши всю Фракию, Скифию и Мизию со множеством гуннов и булгар, покорил Анхиэал и Одиссополь» [3]. У этого же автора выделены племена унновундов, болгар и котрагов. Эти данные, находящиеся в полном соответствии с археологическим материалом, заставляют разделить гуннов и болгар и видеть в последних одно из сарматских или сармато-аланских племен, выдвинувшееся только в средневековье. Совершенно понятно, что искать в этническом отношении чистых сарматов, чистых болгар нельзя. Эпоха, когда происходили все эти события, была временем варварства, временем, когда у всех племен, населявших наш юг, уже в полной мере шел процесс распада родовых отношений и формирования классового общества. На место родовой общины пришла соседская, включавшая представителей различных племен. Это смешение наблюдали еще древние авторы. Ими отмечалось, например, смешение венедов и сарматов, хорошо прослеживаемое в археологическом материале [4]. Иордан в «Гетиках» отмечает смешение имен, практиковавшееся в его время: «Ведь все знают,— пишет он,— и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части (чужие) имена — у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гунские» [5].

Эта смешанность имен привела к путанице этнических названий. Однако, несмотря на такую неблагоприятную картину, опираясь на данные археологии и письменных источников, взаимно их проверяя, можно выделить основной компонент в этнических группировках того времени. Этот основной элемент прослеживается в названиях союзов племен. Последние также хорошо устанавливаются по упоминаниям в хрониках. Так, можно говорить о создании союза болгарских племен, развившего свою деятельность в последних десятилетиях V в. В VI в. этот союз достиг могущества, имя его стало широко известно под наименованием Великой Болгарии.

По-видимому, к распаду этой политической организации привели какие-то внутренние причины, о которых можно судить по легенде о

---

[1] *Иордан.* Гетики, § 37.

[2] *К. П. Патканов.* Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. СПб., 1883, стр. 23.

[3] «Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта». Предисловие Бодянского. 1890, стр. 125.

[4] *Н. Я. Мерперт.* Верхнее Салтово, стр. 13.

[5] *Иордан.* Гетики.

смерти вождя Кубрата, жившего при Константине III (641—668 гг.), и о расселении его сыновей.

Несмотря на необычность повествования, все же можно видеть в этом предании значительную долю исторической правды, которую можно расшифровать как наличие среди болгарских племен внутренних неурядиц, приведших к распаду этого союза племен. Внутренние неурядицы, в свою очередь, ускорили сложение на этой территории Хазарского государства, что косвенно подтверждается письмом царя Иосифа, из которого мы узнаем, что первоначально хазары были малочисленны и вели войны со многими народами, населявшими этот край. Здесь первоначально жили в-н-н-т-р'ы, которые были так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. «Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их у реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и поблизости от Кустандины (в Византии), а хазары заняли их страну...» [1]. М. И. Артамонов, несомненно, прав, видя в в-н-н-т-р болгар [2]. Орда Аспаруха появилась на Дунае при Константине Погонате. К этому времени относится и уход болгар на Волгу.

Точных данных о времени появления болгар на новых местах мы не имеем. Аланский монах Иордан, писавший в VI в., не упоминает болгар в числе народов, перечисленных им на Средней Волге. В VII в. после распада союза племен, они оставались некоторое время внизу, в Подонье, и только в VIII в. проникли на Среднюю Волгу, о чем можно говорить основываясь на датировке двух могильников — Тарханского и Кайбельского. К этому времени относится и комплект вещей салтовского типа, происходящий из дер. Дятлиной в Чувашии, где он был куплен у гражданки Ананьиной [3]. В этот комплект входят бубенчик, монетообразная привеска, пряжка салтовского типа, поясная бляшка и один фрагмент светло-желтого черепка болгарской домонгольской посуды. Все вещи характерны для ранних болгар.

Продвинувшиеся на Волгу болгары столкнулись на огромных пространствах Средней Волги, по правому и левому берегам ее с финно-угорскими племенами: последние оставили памятники так называемой городецкой культуры [4].

Расселению этих племен на широкой территории левобережья Волги предшествовала несколько иная этническая картина. Левобережье в районе Казанского течения Волги и до северной границы Ульяновской обл. в первые века было занято племенами пьяноборской культуры [5]. В настоящее время укрепилось мнение, что тогда на пространстве Среднего Поволжья сложился союз племен, объединивший население право-

---

[1] *П. К. Коковцев.* Указ. соч., стр. 20.

[2] *М. И. Артамонов.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 6.

[3] «Собрание Гос. музея ТАССР», шкаф № 7, полка 46, инв. 6406.ОА.45

[4] «Очерки истории СССР», т. I, стр. 380.

[5] Там же, стр. 531.

бережья и Нижнего Прикамья. Эта политическая организация содействовала сплочению местного населения и дальнейшему развитию производительных сил.

В результате произошла взаимная инфильтрация племен, особенно в пограничных районах. Вещи пьяноборского типа встречаются на Самарской Луке, проникновение пьяноборских племен наблюдается и на правом берегу Волги. В ряде могильников первых веков на территории Чувашии также встречаются вещи пьяноборских типов. Одним из наиболее западных могильников с такими вещами является Кошибеевский, который многие исследователи относили даже к пьяноборской культуре.

За последнее время открыт Саликсенский могильник близ Пензы, давший значительное число вещей пьяноборского типа [1]. Отдельные предметы этого типа встречаются на Верхней Волге [2]. Это проникновение отдельных групп носителей пьяноборской культуры было возможно только при существовании союза племен.

В середине I тысячелетия замечается движение городецких племен, которые появляются на широких пространствах левобережья, от Ветлуги и до Куйбышевской обл. включительно. Селища этой культуры датируются достаточно хорошо VI—VII вв. Освоение черноземных земель Заволжья надо связать с переходом к плужной обработке земли. В виде отдельных групп городецкие племена проникли довольно далеко на восток. Единичные вещи городецкого типа происходят из Биляра и Сувара.

Болгары при своем продвижении на север по Волге застали на всем протяжении финно-угорские племена, к которым относятся и пьяноборские и городецкие племена.

Материал этих городищ и могильников Среднего Поволжья показывает, что во второй половине I тысячелетия многие племена этой огромной территории достигли высокой ступени развития производительных сил. Основу хозяйства составляло плужное земледелие, оседлое скотоводство и пушная охота, о которой немало говорят и восточные источники. Многочисленные железные орудия, разнообразный набор медных и серебряных украшений свидетельствуют о высокой ступени развития металлургии. Литейное и кузнечное дело было сосредоточено еще в руках одного мастера.

Могильники типа Армиевского, Иваньковского и среднего течения Оки, относящиеся к той же городецкой культуре, дают яркую картину социальных отношений, далеких уже от форм классического родового строя. Эти могильники свидетельствуют прежде всего о наличии погребений с богатым набором вещей и с инвентарем, свидетельствующим о бедности погребенного. Встречаются могилы достаточно больших разме-

---

[1] Исследован М. Р. Полесских. См. рукопись «Материалы конференции по археологии, древней и средневековой истории Поволжья». Казань, 17—22 декабря 1956 г.

[2] *П. Н. Третьяков.* К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М.— Л., 1941, стр. 28.

ров и большой глубины с покойниками, положенными с богатым набором украшений и орудий труда. В этих могилах нередко можно встретить привозные вещи, чаще всего украшения. В Армиевском могильнике стеклянные бусы, по-видимому, попадали от соседей-сарматов и позднее от племен салтовской культуры. В бедных могилах или совсем нет вещей или их крайне мало. С этим населением и столкнулись болгары, стоявшие на более высокой ступени общественного развития.

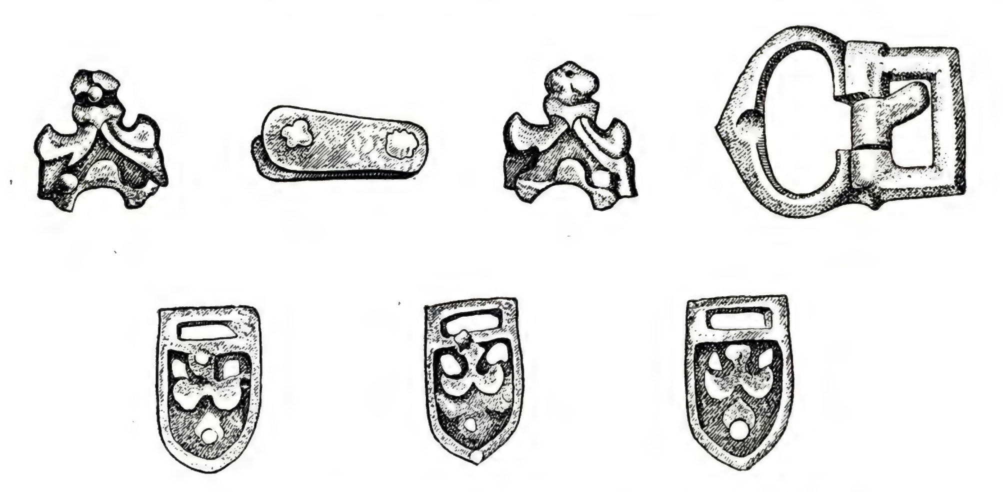
Время проникновения болгар на Среднюю Волгу датируется достаточно хорошо по ряду памятников. Так, в Большетарханском могильнике раскопано значительное число погребений с вещами салтовского типа, в том числе с характерными серьгами, подвесками, набором бус и посудой. Более интересным оказался Кайбельский могильник, открытый вторым отрядом Куйбышевской археологической экспедиции у южной окраины с. Кайбел Ульяновской обл., на территории, занятой курганным могильником бронзовой эпохи. Три погребения оказались впущенными в насыпи курганов, другие располагались на площадке рядом с курганами.

В могилах, имевших форму узких прямоугольных ям, иногда с заплечиками и следами деревянных перекрытий, лежали на спине погребенные, с вытянутыми конечностями, в большинстве случаев головой на юго-запад. При мужчинах находились оружие, украшения, конская сбруя, при женщинах — серьги, распространенные у алан, глазчатые бусы, пряслица, кожаный головной убор. При одном детском погребении был найден арабский диргем 750—751 гг. Во всех погребениях обнаружены глиняные сосуды. Некоторые из них, в виде кувшинов с лощеной поверхностью, с более или менее раздутым туловом и одной ручкой, продолжают традиции сарматской культуры и городских центров Приазовья, а простые, грубой фактуры горшки с защипами по краям — традиции городецкой культуры.

Открытый могильник и по обряду погребения и по вещевому комплексу аналогичен известному Салтовскому могильнику, связываемому с болгарами. За последние годы на территории Заволжья в разных местах открыты могильники этого типа. Они, по-видимому, принадлежат приазовским болгарским племенам, откочевавшим на север в связи с образованием Хазарского каганата. Таково погребение подобного типа, открытое Н. Я. Мерпертом в 1952 г. близ с. Хрящевки в Куйбышевской обл.

Это последнее, как и Кайбельский могильник, принадлежит болгарам, уже ассимилировавшимся с местными племенами, которых восточные писатели помещают на территории Поволжья. Об ассимиляции можно судить по находке в могильнике керамики позднегородецкого типа. Эта культура принадлежала, как теперь выяснено, различным финским племенам Среднего Поволжья, которые расселялись на территории Заволжья около середины I тысячелетия.

Кайбельский могильник интересен еще и тем, что доказывает несомненную связь болгар с салтовской культурой и является важным свидетельством одновременного появления на Средней Волге большой



Металлические украшения из могильника VIII в. в с. Кайбелы Ульяновской обл.

и компактной массы болгарских племен. На основе всего комплекса вещей салтовского типа и находки диргема Кайбельский могильник датируется VIII—IX вв.

Интересный материал дало Балымерское городище, также свидетельствующее об ассимиляции болгарами местного финно-угорского населения.

Его культурный слой имеет два напластования, из которых нижний датируется находками трехлопастной железной стрелы и пряжки с изогнутым язычком не позднее VIII в. Керамический комплекс дал в основном позднегородецкую посуду и ограниченное число болгарской гончарной посуды, позволяющее датировать этот слой VIII—IX вв. Верхний слой по характеру керамики не выходит из рамок X—XI вв. Раскопками были открыты полуземлянки — одна, датируемая VIII—IX вв., а вторая —X—XI вв. Во второй землянке, размером 18 кв. м, был прослежен сруб, имевший с внешней стороны глиняную обмазку. Обнаружены столбы, поддерживавшие двускатную кровлю. Открыто 45 ям двух периодов: VIII—IX вв. и X—XI вв. Часть ям служила для хранения зерна, другая — для отбросов; обнаружено несколько ям, являвшихся домашними жертвенниками, прототипами домашних святилищ, сохранившихся у народов Поволжья еще в XX в. (куала удмуртов).

Этот памятник по характеру материала нельзя считать городом в социальном понимании этого термина. Все находки свидетельствуют о занятии жителей в основном сельским хозяйством. Были найдены земледельческие орудия.

Вещей, которые бы говорили о занятии жителей ремеслом, почти нет. Балымерское городище, хотя и является укрепленным поселением, не было поселком городского типа. По всей вероятности, Балымерское городище являлось зародышем города, однако сложившаяся обстановка,

может быть конкуренция с расположенным в 17 км от него г. Булгары, не позволила ему развиться в настоящий город и он остался укрепленной деревней. Ранее там, несомненно, помещался какой-то крупный племенной центр, о чем можно судить по расположению рядом такого крупного языческого святилища, как «Шолом», принадлежавшего всему племени. Находка арабских надписей, нескольких обломков красноглиняной и поливной зеленой посуды типа, распространенного на юге и датируемого XI в., достаточно хорошо свидетельствует о значении поселка в экономической жизни края.

Как далеко на запад шло продвижение болгар, можно судить по ряду фактов. Здесь прежде всего следует вспомнить предание о существовании болгарского торгового пункта на месте современного г. Горького, где еще в более раннее время был мордовский племенной центр.

По-видимому, в прибрежной полосе течения Волги в районе Чувашии находились опорные пункты болгар. Памятниками болгарской культуры там являются поселение Хырпус близ Криуш, где найдена типичная ранняя болгарская керамика, а также поселение близ дер. Тихомирово Порецкого района. Большое число болгарской керамики происходит с территории г. Чебоксар, причем часть ее точно датируется домонгольским временем. Ранняя керамика происходит из-под Ядрина.

Можно считать типично болгарским районом бассейн р. Свияги, с притоками по Черемшану, Буле, Улеме и Кубне. Здесь наиболее ранним является городище около Тигашево. В этом же районе известны селища в окрестностях Большого Яльчика, Байбатырево, Арабузи и Тигашево [1]. Кроме отмеченных, имеется городище у дер. Каршлых на р. Сундырке, притоке Волги, на котором найдена типичная болгарская керамика. Влияние болгар в раннее время прослеживается до Оки. Раскопками, произведенными в г. Муроме, в нижних слоях обнаружено около двух процентов ранней болгарской керамики. Эти немногочисленные материалы позволяют прийти к заключению, что не только в юго-восточную часть Чувашии, но и в более западные районы проникли болгарские племена. Ряд памятников болгарской культуры свидетельствует об этом довольно убедительно. Пришельцы болгары ассимилировали местное финно-угорское население. Как называли эти племена в то время, археологу сказать трудно.

Отмеченные городища и могильники Поволжья VIII—X вв. содержат материал, в котором отчетливо выделяются два компонента: первый, связываемый с культурой местного аборигенного населения, и второй, не имеющий никаких корней в культурах Среднего Поволжья. Этот второй компонент свидетельствует о приходе с юга племен салтовской культуры.

Новые для Средней Волги племена оказали огромное влияние на местное население, главным образом районов Закамья, южной части Чувашии, современных Ульяновской и Куйбышевской обл.

---

[1] *П. Н. Третьяков.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

Глиняные сосуды VIII—X вв. из с. Криуши на р. Каме

Весьма возможно, что именно к этому времени относится первая тюркизация населения, когда победил тюркский язык тюркизированных уже в Приазовье и Предкавказье болгар.

К X в. новые культурные элементы получили широкое распространение, а на некоторой территории — и господствующее положение.

Раскопки болгарских поселений деревенского типа и развалин городов дают значительную группу обломков посуды, восходящих к прототипам керамики Северного Кавказа и Приазовья I тысячелетия. Среди этого материала есть лепные крынкообразные сосуды, часто с ручками, имитирующими форму животных. Эта форма ручек была широко распространена у сарматских племен, населявших районы Прикубанья и Придонья. Кувшины таких форм встречаются и в грунтовых могильниках, принадлежавших синдо-меотским племенам Приазовья. Нередки у болгар обломки посуды, покрытые заштрихованными площадками, расположенными в шахматном порядке; фрагменты сосудов с ручками в виде небольших горизонтальных плоских выступов и, наконец, многочисленны образцы гончарной красной керамики с линейным и волнистым зональным орнаментом [1]. Образцы такой керамики сохраняются до XIII—XIV вв., а

[1] *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 22; *его же.* Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 24—25.

красная гончарная с зональным орнаментом переходит и в культуру Казанского ханства. Эти элементы составляют органическую часть болгарской культуры. Их устойчивость в продолжении долгого времени не может быть объяснена ни торговыми связями, ни кратковременными культурными влияниями.

В переселении на Среднюю Волгу принимали участие многие болгарские племена. Прямыми указаниями на это являются наименования болгарских городов и племен Волжской Болгарии в перечне восточных писателей, повторяющие этнонимы племен Предкавказья. В их числе савиры, или савары упоминаемые Птолемеем, автором II в., которых большинство исследователей на основе данных византийских и армянских писателей помещает в предкавказских степях. С этим именем связывается г. Сувар, один из крупных центров домонгольской Болгарии, претендовавший на ведущую роль в жизни страны во второй половине X в.

С племенем барсилы, или берсулы, византийских писателей сопоставляется Берсула — одаиз трех территорий упоминаемых Ибн-Русте в его «Книге драгоценных сокровищ». И, наконец, наименование столицы царства Булгар представляет этноним самих болгар.

Чем же можно объяснить приход болгар именно в Среднее Поволжье? По-видимому, причинами являются и древние связи племен Прикамья с Северным Кавказом еще со времени поздней бронзы и раннего железа — обстоятельство, отмеченное еще А. М. Тальгреном, находившим в ананьинской культуре некоторые элементы культуры Северного Кавказа. За последние годы значительный материал по этому вопросу собрала А. В. Збруева, доказавшая тесные связи племен Прикамья с Северным Кавказом [1].

На Средней и Нижней Каме имеются могильники курганского типа с сарматскими комплексами вещей, датируемые III—IV вв.

В течение сравнительно короткого времени пришельцы ассимилировали местные племена, перешли к земледелию, возглавили союз племен, дав свое имя государству.

По-видимому, не далек был от истины автор X в. Масуди, отметивший, что болгары составляют великий, могущественный и храбрый народ, который подчинил себе все соседние народы [2].

Это свидетельство в полной мере согласуется с данными археологии. По всему Среднему Поволжью, Средней и Нижней Каме широко распространены вещи салтовского типа, в большинстве своем украшения и оружие. Многочисленность и храбрость болгар не спасли их, однако, от хазарской зависимости.

---

[1] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 164 и сл.

[2] *А. Я. Гаркави.* Дополнения к «Сказаниям мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871, стр. 34—35.

Хазарское государство, первоначально занимавшее весьма незначительную территорию в Прикаспии, о чем можно судить по данным кагана Иосифа [1], скоро расширило свою территорию и подчинило себе многие племена Среднего Поволжья, обложив их данью. Из письма хазарского царя Иосифа мы узнаем о широкой экспансии хазар [2].

Несмотря на хазарский гнет, племена Среднего Поволжья продолжали развиваться, прошли значительный путь по объединению разрозненных племен в единый мощный союз племен. В отличие от ранее существовавших в Поволжье племенных объединений, союз, возглавлявшийся болгарами, представлял к X в. довольно прочное политическое целое. В этом объединении упорную борьбу пришлось вести болгарским князьям. Отзвуки ее слышались и поздней, во второй половине X в.

Несмотря на значительные успехи в развитии производительных сил как в области земледелия и скотоводства, так и в развитии городских ремесленных центров, болгары не сумели освободиться от хазарской зависимости. Этим объясняется обращение князя Альмаса к арабскому халифу Муктадиру, приславшему посольство для установления политических отношений. В записке Ибн-Фадлана подробно рассказывается о приеме посольства, вызванном взаимоотношениями болгар с хазарским каганом. Там указана дань по шкуре соболя от каждого дома [3], отмечено, что сын болгарского царя находится заложником у хазарского кагана [4]. В этом же документе приведен один факт, показывающий силу хазар. До царя хазар дошла (весть) о красоте дочери царя «славян» (болгар),— пишет Ибн-Фадлан,— так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил (экспедицию) и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла (находясь) у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь... И, право же, царя «славян» побудила написать государю (халифу) и попросить его, чтобы он построил для него крепость, боязнь царя хазар [5].

Результатом переговоров явилась номинальная зависимость болгарского царя Альмаса от Арабского халифата. У нас нет никаких данных полагать, что существовала реальная зависимость. Ни один из восточных писателей, кроме Ибн-Фадлана, об этом не говорит. Нельзя судить о политической зависимости и по нумизматическим данным. Вмешательство халифа Муктадира не сыграло какой-нибудь положительной роли [6], и прежняя зависимость от хазарского кагана продолжалась.

X век — время сложения феодальных отношений. К этому времени край стал сплошь земледельческим. Таким он рисуется по археологическим данным, таким знают его и арабские писатели, в частности Ибн-

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, рис. 5 и 6.

[2] *П. К. Коковцов.* Указ. соч., стр. 98—99.

[3] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 136.

[4] Там же, стр. 137.

[5] Там же, стр. 141.

[6] Там же.

Русте [1]. Это же отметил и Ибн-Фадлан: «Пища — их просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве» [2]. К сожалению, у нас нет никаких письменных данных, которые бы позволили восстановить экономические отношения.

Правда, кое-что дает археологический материал. Среди городищ X—XII вв. встречаются небольшие городища, обнесенные мощной системой обороны. Последние слишком незначительны по площади, чтобы их можно было считать родовыми убежищами, куда скрывалось сельское население в случае опасности. Вместе с тем это не ремесленные города. Такого рода городища могут быть квалифицированы только как замки, укрепленные усадьбы князей. В качестве примера можно указать Майнское, расположенное между реками Майна и Утка, в 15 км от Булгар, Уткинский городок, расположенный около селения Кайбель, обнесенный двумя рядами валов и имеющий в окружности 600 м, городище близ дер. Кашкиной, окруженное валами до 10 м высоты и имеющее в окружности около 600 м, Жукотинское, в котором обнаружены остатки каменных построек. К числу таких городищ следует отнести и Тигашевское на территории Чувашии. Особый интерес представляет Елабужское Чортово городище, представляющее в основе укрепленное убежище, захваченное каким-то князем.

Этот последний памятник особенно характерен для эпохи складывающихся феодальных отношений. Для новой господствующей верхушки большое значение имел захват родовых убежищ.

Чортово городище расположено на высоком берегу р. Тоймы, с двух сторон окружено оврагами, а с напольной стороны защищено двумя рядами валов. На площади городища, в восточной его части, сохранились остатки укрепленного четырехугольника, окруженного башнями. Это сооружение представляет своеобразную цитадель, которая защищала феодала от нападения извне и от собственного населения.

Сложение феодальных отношений, развитие земледелия — все это вызывало значительной рост ремесла.

В X в. возникли такие города, как Булгар, Сувар, Биляр, Ошель, возможно, Жукотин и Керменчук. Ряд городов, упоминаемых арабами и русскими летописями, еще не связаны с определенными городищами и, к сожалению, остаются неисследованными. Все эти города являлись центрами ремесла [3].

Раскопки Сувара и Булгара дали значительный материал, свидетельствующий о местном производстве земледельческих орудий, вооружения, украшений. Уже в X в. выделились золотых дел мастера, о чем можно судить по характеру ряда болгарских кладов. Существовали гончары, хотя, наряду с гончарной керамикой, долгое время существовала посуда ручной лепки.

---

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания..., стр. 263.

[2] *А. П. Ковалевский.* Указ. соч., стр. 136.

[3] *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 28—29.

Все материалы говорят о значительном развитии городской жизни. Правда, следует отметить, что восточные писатели X в. отмечают меньший масштаб города по сравнению с городами древней Руси.

Болгарские города являлись и центрами торговли. Среди них особо следует отметить Булгар, возникший на месте селищ и городища городецких племен. Находка отдельных вещей VIII—IX вв. свидетельствует о раннем появлении там болгар. Об этом городе путешественники пишут как о главной ярмарке страны, где собирались купцы Запада и Востока.

Особо следует отметить торговлю с Русью, о которой говорит Ибн-Фадлан. Большое значение имела торговля с Востоком. На площади болгарских городов и на территории селищ находят и отдельные монеты и целые клады. Таковы клад арабских диргемов из Булгар и найденный в дер. Татарский Толкиш.

Все материалы рисуют болгарское общество весьма развитым. Однако у нас нет оснований считать, что в начале X в. у болгар окончательно сложились феодальные отношения. Те немногочисленные данные, которые содержатся в описаниях Ибн-Фадлана, не дают оснований видеть в отношениях князей и земледельцев признаки, свойственные феодальному обществу.

Говоря о земледелии болгар, Ибн-Фадлан отмечает: «...каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя» [1]. Подобную же характеристику дает и Ибн-Русте: «Подать царю своему платят они лошадьми и другим» [2]. Правда, документ не раскрывает, что является «другим», может быть, здесь и скрыты продукты земледелия. Во всяком случае, многоплеменное государство болгар шло быстро к завершению процесса сложения феодальных отношений.

Большое значение в жизни государства болгар сыграла победа князя Святослава над хазарами в 965 г.: «Иде Святославъ на Козары Слышавше же Козаре, изыдоша противу с княземъ своим каганомъ и съступишася бити, и бывши брани межи ими одолѣ Святославъ Козаром и городъ ихъ Бѣлу Вежую взя и Ясы победи и Косогы» [3].

В связи с данным сообщением русской летописи обычно рассматривается свидетельство Ибн-Хаукаля, который отметил: «Русы продавали меха в Булгары до разрушения ими этого города в 358 году... Руссы уничтожили все, чем владели на реке Итиль хазары, болгары и буртасы и овладели всем этим... В настоящее время ни болгар, ни буртас, ни хазар совсем не осталось; ибо руссы напали на них, отняли у них все земли и присвоили себе. Те, которые спаслись от них бегством, живут рассеянно в соседних странах из любви к окрестностям своих земель, и в надежде

---

[1] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 136.

[2] *А. Я. Гаркави.* Сказания..., стр. 263.

[3] «Ипатьевская летопись». ПСРЛ. Пг., 1923, стр. 54.

заключить с руссами мирный договор и возвратиться назад в качестве подданных руссов»[1].

Разгром г. Булгара Святославом, по-видимому, не сыграл большой роли в его экономике. Как показывают археологические раскопки, город был восстановлен, быстро оправился и снова завоевал себе прежнее положение международной ярмарки и значительного ремесленного центра.

Освобождение болгар от хазарской зависимости является условной датой, отделяющей дофеодальный период от феодального. Ряд косвенных данных позволяет видеть в конце X в. уже сформировавшиеся феодальные отношения.

11

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Около середины VII в. в степях европейской части нашей страны существовали два крупных политических образования: болгарское и хазарское. По этническому составу они были родственны между собой. Первое из них оказалось, как выяснено выше, недолговечным и распалось на составные части. Второе оказалось более жизнеспособным и, будучи остатком могущественного Тюркского каганата, унаследовало его государственные традиции и международный авторитет. Отделившись от Западно-Тюркского каганата, Хазарское царство могло сохранить свое международное положение и свою роль наследника Тюркского государства, только быстро усиливаясь посредством покорения соседних племен, в первую очередь родственных хазарам болгар[2].

Данные еврейско-хазарской переписки о покорении хазарами различных племен[3] подтверждаются сообщениями византийских хроник и «Армянской Географии VII века». Одна часть болгар подчинялась хазарам, другая — под их натиском ушла на запад, за Дунай. «Армянская География VII века»[4] среди покорившихся называет кубанских болгар (купи-болгар), а византийская хроника[5] — их вождя, старшего сына Кубрата — Батбая. Другой сын Кубрата — Аспарух вместе с племенем вогхондор (унногундур), возглавлявшим, видимо, болгарский союз в эпоху Органы и Кубрата, покинул родину, не будучи в силах отразить хазар и не желая им покориться. Теснимые хазарами болгары устремились в пределы Византийской империи.

Уход орд Аспаруха за Дунай был завершением борьбы между хазарами и болгарами. Надо полагать, что к этому времени, т. е. к 80-м годам VII в., господство хазар распространилось не только на степи между

---

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания..., стр. 220—221.

[2] *М. И. Артамонов.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937, стр. 49.

[3] *П. К. Коковцев.* Указ. соч., стр. 98—99, 924, 1018.

[4] «Армянская География . VII в.». Перевод К. Патканова. СПб., 1877; *К. П. Патканов.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, стр. 29.

[5] «Летопись византийца Феофана», стр. 262, 263.

Азовским и Каспийским морями, но и на Северное Причерноморье, включая сюда в какой-то мере и Крым. Несомненно, что власть хазар простиралась также и на те болгарские племена, с которыми они вместе занимали прикаспийские степи и издавна находились в тесной связи. Из этих племен нам известны савиры и барсилы.

Расширяя границы своих владений на Западе за счет болгар, хазары хотели утвердиться и в Закавказье, по крайней мере в Албании. Однако в первые годы своей политической самостоятельности они были еще слишком слабы и связаны борьбой с болгарами. Появление хазар в Закавказье было вызвано завоеванием арабов, ослабившим сопротивление народов Закавказья.

В 651—654 гг. хазары совместно с аланами и абхазцами пришли на помощь закавказским народам и напали на арабов. Тем не менее арабы покорили Закавказье и вторглись в страну хазар, где войско их было разбито и уничтожено.

В 660 г. вновь «вышли хазары в Агванию (Албанию) на добычу и грабеж» [1]. Албанскому князю удалось прогнать их. В 664 г. нападение повторилось, но уже в более обширных размерах. «История Албанов» называет нападающих «гуннами». Они дошли до Аракса и захватили множество пленных и скота. Царь гуннов предложил албанам мир, в результате которого дочь гуннского царя была отдана замуж за албанского князя [2].

Армянские и арабские источники называли гуннами одно из болгарских племен — савир-сувар [3]. Это были ближайшие северные соседи Албании, хотя в это время политически они зависели от хазар. Князь их Алп-Илитвер был вассалом хазарского кагана. Он обязан был выходить по требованию кагана на войну, но мог совершать походы и по своей инициативе.

В 684 г. хазары, воспользовавшись междоусобицами в халифате, вновь жестоко разгромили Закавказье. Они опустошили целый ряд областей, захватили громадную добычу и множество пленных. После этого похода Албания стала данником хазар. Другие области Закавказья, вероятно, откупились от хазар и обязались вносить дань в дальнейшем.

Албания стремилась предотвратить угрозу дальнейших нашествий со стороны своих северных соседей и с этой целью постаралась укрепить свои связи с вассалом хазарского кагана Алп-Илетвером, отправив в конце 684 г. посольство к савирам. Главе албанского посольства епископу Исраилу удалось не только склонить князя савир к миру с Албанией, но и к принятию христианства [4].

У нас очень мало данных по истории Хазарии в VII в. Поэтому тем большее значение имеют довольно подробные сведения о савирах,

---

[1] «История Агван Моисея Каканкатваци». СПб., 1891, стр. 149—150.

[2] Там же, стр. 153—154.

[3] Савирами или суварами, их называли арабские писатели Ибн-Хордадбех (X в.) и Масуди (X в.).

[4] *Моисей Каганкатваци*. Указ. соч., стр. 190—209.

этнически родственных не только с хазарами, но и с другими болгарскими племенами, в большинстве своем входившими в состав Хазарии.

В рассказе о миссии Исраила подробно говорится о религии савир. Особым почитанием пользовался у них бог Тангрихан (Тенгри — монгольских тюрок и гуннов). Кроме того, они обожествляли гром, солнце, луну, огонь, воду и т. п., чтили богов путей. Распространено было поклонение деревьям, связанное с представлением о Тангрихане, которому приписывалось управление силами природы. Деревьям и богам приносились в жертву лошади.

Помимо священных деревьев и рощ, у савир были капища и идолы. В качестве охранительных амулетов савиры носили на себе золотые и серебряные изображения фантастических животных (драконов). Были у них и служители культа: жрецы, колдуны, чародеи и знахари, а также особые служители капищ и деревьев.

Таким образом, религия савир выступает в формах, обычных для варварского общества. Те же формы были, по-видимому, свойственны религии тюрок, хазар и других болгарских племен.

В рассказе о христианизации савир имеются некоторые сведения о формах семейных и общественных отношений у них. У савир существовал обычай, связанный, без сомнения, с многоженством и заключающийся в том, что жена умершего, не являющаяся матерью наследника, вместе с другим имуществом полностью переходит к его сыну. У бедняков же многоженство часто заменялось многомужеством, братья, не имевшие возможности обзавестись отдельными женами, брали одну общую жену. У савир были богатые и бедные, вельможи и простолюдины. В «Истории албанов» упоминаются савирские князья или знатные вельможи: Тархан Очи (Авчи), постельничий Чата-Хазр и Зурдкин-Хурсан.

Эти данные о северокавказских савирах представляют существенное значение для понимания взаимоотношений между хазарами и подчиненными им племенами. Хазарская держава складывалась как обширная федерация племен, сохранявших в неприкосновенности свою внутреннюю организацию и даже значительную степень внешнеполитической самостоятельности в пределах подчинения верховной власти хазарского кагана.

У нас нет точных данных относительно социально-экономического строя древней Хазарии. Несомненно, однако, что во многом сохранялись старые патриархальные черты. Тем не менее, наличие тарханов свидетельствует о существовании у савир и хазар, как и у тюрок, наследственной знати, свободной от повинностей, которыми облагался черный люд, прежде всего, в пользу этой привилегированной верхушки.

Можно полагать, что степень развития патриархально-феодальных отношений у разных племен Хазарии была неодинаковой, хотя бы вследствие различий в их хозяйстве. Так, в южной части страны уровень патриархально-феодальных отношений был более высоким. Загнанные в узкий проход между морем и горами, савиры рано осели и, наряду со скотоводством, занимались земледелием. Археологические разведки свидетель-

ствуют, что к северу от Дербента имеется много раннесредневековых поселений с мощными укреплениями. Здесь рано мог проявиться и основной признак феодализма — собственность на землю.

В степях между Азовским и Каспийским морями, наоборот, еще долго сохранялось кочевое скотоводство и хазары приходили в предгорья восточной части Северного Кавказа только для зимовья. У них, впрочем, тоже с раннего времени упоминаются города (Семендер и др.). Основным в хозяйстве хазар и, вероятно, кубанских и черноморских болгар, оставалось однако скотоводство, поэтому бедняки находились в полной экономической зависимости от крупных собственников стад и табунов.

Таков был в самых общих чертах экономический и социальный строй Хазарского государства, которое к VIII в. стало одним из самых крупных политических образований на территории нашей страны.

* * *

В начале VIII в. молодая Хазарская держава была опасным врагом для Византийской империи и Багдадского халифата. В последние десятилетия VII — начале VIII в. она распространила свое влияние на значительную территорию, населенную различными народами. Правда, зависимость этих народов от Хазарии ограничивалась уплатой военной дани, поэтому вряд ли правильно предположение о вхождении их земель в состав каганата.

Важнейшими источниками сведений о географическом положении и о внутренней жизни Хазарской державы является собрание документов X—XIII вв., условно объединяемое исследователями под названием «еврейско-хазарской переписки» [1], состоящей из следующих (различных по времени и степени достоверности) материалов.

1. Письмо испанского еврея Хасдая ибн-Шафрута к хазарскому кагану Иосифу, написанное в последние годы существования каганата (60-е годы X в.), в котором он спрашивает об истории страны, ее размерах, соседях и основаниях могущества хазар.

2. Ответ кагана Иосифа; в подлиннике не сохранился [2].

3. Так называемая «пространная редакция» ответа царя Иосифа, возникшая, по мнению П. К. Коковцева, в 80-е годы XI в. и содержащая, по мнению исследователей, ряд недостоверных добавлений [3].

4. Так называемая «краткая редакция» этого ответа, составленная в XI—XII вв. и известная по испанским материалам.

5. «Кембриджский документ» XII—XIII вв.

Сведения о границах Хазарии и количестве подвластных ей городов и

---

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874; *П. К. Коковцев.* Указ. соч., Л., 1932; *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 1 и сл.

[2] *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953, стр. 139; *его же.* Русь и Хазария. «Сборник в честь академика Б. Д. Грекова». М., 1953, стр. 76—88.

[3] *М. И. Артамонов.* Указ. соч., стр. 2.

племен очень противоречивы в этих документах: по одним данным собственно Хазария занимала небольшое степное пространство, ограниченное на юге Кумо-Манычской речной системой, на северо-западе — Нижним Доном, а на северо-востоке — Нижней Волгой (до волгодонской «переволоки») [1].

По данным пространной редакции, написанной сто лет спустя после потери самостоятельности Хазарским государством, в эпоху резкого обострения русско-хазарских отношений, эта держава была огромной — ее границы отстоят от столицы будто бы на несколько месяцев пути. Однако тенденциозность этого источника не позволяет нам доверчиво основываться на всех его показаниях. По всей вероятности, в эпоху наивысшего могущества Хазарии ей были подчинены все земли Северного Кавказа, большинство городов Крыма, буртасские и болгарские племена на Волге. Возможно, что славянские племена радимичей, вятичей и северян были обложены хазарской данью «по щелягу от рала». Вопрос о платеже дани полянами надо оставить открытым, так как вручение меча в качестве дани должно рассматриваться как символический отказ от дани. Кочевые племена за Доном едва ли были всегда подвластны хазарам, так как постройка Саркела на Дону определяла северо-западный оборонительный рубеж каганата.

На восток границы Хазарии простирались до Гиркании (юго-восточное побережье Каспия). На юге хазарская граница доходила до Дербента и шла по горам. На западе каганат в течение VIII в. овладел областями Причерноморья, которые ранее находились в сфере влияния Византии или даже входили в состав империи. К началу VIII в. Таманский полуостров, Боспор, степной Крым и даже южное побережье Крымского полуострова находились во власти хазар. В руках Византии остался лишь Херсонес с небольшой территорией, прилегающей к нему. Вокруг Херсонеса в конце VII — начале VIII в. разгорелась борьба Византии и Хазарии.

Во второй половине VII в. Херсонес был отдаленным захолустьем Византии [2], служившим местом ссылки. В 695 г. в Херсонес был сослан свергнутый с престола император Юстиниан II [3]. Сбежав оттуда в горную крепость Дори, находившуюся в руках хазар, Юстиниан обратился к хазарскому кагану. Каган Ибузир Гляван (греческая передача) обещал ему помощь и выдал за него свою сестру, названную при крещении Феодорой. Юстиниан поселился после этого в городе кубанских болгар Фанагории.

После покушения на его жизнь, организованного каганом по просьбе

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, стр. 140, рис. 2; стр. 147, рис. 5.

[2] В 654 г. сюда был сослан папа Мартин, который писал в письмах к друзьям, что в Херсонесе постоянно не хватает продуктов питания, в частности хлеба. Объясняется это тем, что Херсонес утратил свои обширные владения на западном побережье Крыма. Там жили кочевники-скотоводы, не сеявшие хлеба и не дававшие заниматься этим херсонесцам.

[3] *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 189—199.

византийского императора, Юстиниан бежал на рыбачьем судне из Хазарии в Дунайскую Болгарию. С помощью болгарского хана Тервела ему удалось захватить в 705 г. Константинополь и вернуться на византийский трон. Феодора и ее сын Тиберий были венчаны на царство, и Тиберий объявлен был соправителем.

В эти годы Византия потеряла в Крыму последнюю колонию — Херсонес, захваченный хазарами. Подчинение Херсонеса произошло, по-видимому, без особого нажима со стороны хазар и было результатом доброй воли самих херсонесцев, боявшихся мести Юстиниана, бывшего у них в ссылке.

Спустя пять лет после своего возвращения на трон Юстиниан снарядил большой флот против Херсонеса, Боспора и других бывших владений Византии в Крыму. Войско Юстиниана без сопротивления захватило Херсонес. В городе были арестованы хазарский тудун (наместник) и представители местной власти. Часть их вместе с тудуном отправили в Константинополь, а остальных казнили. Жителей ограбили, частично перебили и обратили в рабство.

Хронисты сообщают, что Юстиниан остался недоволен действиями флота и приказал ему вернуться. Он собирался послать другой флот для продолжения экзекуции. Угрозой дальнейших завоеваний Юстиниан возмутил хазар, херсонесцы же, воспользовавшись отходом византийского войска, отложились от Юстиниана и провозгласили императором знатного армянина Вардана.

К Херсонесу было отправлено большое войско, осадившее мятежный город. Осадными орудиями были разбиты две городские башни. Прибывшие на выручку города крупные силы хазар заставили прекратить осаду. Византийские войска вступили в переговоры с Варданом, названным при провозглашении императором Филиппом, переправились вместе с ним в Константинополь и помогли ему захватить власть. Юстиниан и его сын были казнены.

Что выиграли от своего участия в низвержении Юстиниана хазары, неизвестно. Возможно, они договорились с Византией о разделе сфер влияния в Закавказье. Во всяком случае, с этого времени Византия стремится сохранить дружеские отношения с хазарами и использовать их в борьбе со своими врагами, в первую очередь с арабами.

Притязания хазар на Закавказье внушали арабам серьезные опасения. Первые четыре десятилетия VIII в. прошли в ожесточенной борьбе между хазарами и арабами [1].

До 30-х годов VIII в. арабские полководцы ал-Джеррах и Маслама постепенно вытеснили хазар из Албании, платившей еще в начале VIII в. дань каганату. Неоднократно арабы вторгались в пределы Хазарии (в основном в земле савиров и барсилов). Хазары в свою очередь делали набеги и совершали походы на Закавказье, принадлежавшее арабам.

---

[1] *D. M. Dunlop.* The history of the Jewish Khazars. New Jersey, 1954, стр. 58—59.

Византия всячески способствовала разжиганию вражды между арабами и хазарами, так как борьба с последними отвлекала халифат от Византийской империи. Для того чтобы закрепить союз с Хазарией, император Лев Исавр в 731 г. женил своего сына Константина на дочери хазарского царя (в крещении Ирины). По-видимому, именно с этим браком связано нападение хазар на Азербайджан в 731 г. Во главе хазарского войска стоял сын кагана Барджал. Хазары разбили войско наместника Халифа ал-Джерраха, захватили г. Ардебил, разорили Тавриз и Багаван.

Ответом на этот набег были походы Маслама и Марвана, которые ставили целью уже не отражение набегов хазар, а их разгром на их собственной земле [1].

В авангарде войска Масламы был поставлен Саид ибн-Амр. Еще до прибытия основных сил этому полководцу удалось организовать отряды из местного населения и разбить хазар. После битвы в Муганской степи, в которой Барджал чуть не попал в плен, хазары обратились в бегство. Саид ибн-Амр преследовал их до Ширвана, где и остановился в ожидании дальнейших указаний. Таким образом, ко времени прибытия Маслама в Ширван с хазарами в Закавказье было покончено.

Маслама двинулся к Дербенту, по пути к нему присоединились горные князья с отрядами. В цитадели Дербента заперлась тысяча хазарских воинов. Маслама, не задерживаясь, прошел мимо и дошел до страны барсилов, подчиняя по пути различные области, опустошая города и селения. В одной из битв с арабами погиб сын кагана. Хазарам удалось собрать большую армию, во главе которой выступил сам каган. Арабы вынуждены были спешно отступить к Дербенту. Под стенами Дербента они дали бой хазарам и разбили их. После этого Маслама осадил Дербент, где засела тысяча хазар. Он приказал отравить воду источника, поступающую в цитадель и заставил тем самым защитников прекратить сопротивление. Арабы завладели Дербентом.

Арабские писатели сообщают, что Марван, ставший преемником Масламы в управлении Закавказьем (732—743 гг.), заново укрепил Дербент, построив в нем арсенал и магазины для хранения продовольствия и поселив там колонию сирийцев из 24 тыс. человек. Первый поход его против хазар не выходил за границы обычных набегов арабов на хазарские владения. Марван с сорокатысячным войском проник за страну барсилов до Хазарии и вернулся с большим количеством захваченного у неприятеля скота.

Второй поход Марван совершил в 737 г. Численность его войска на этот раз была 120 тыс. человек, кроме присоединившихся армянских дружин. Пройдя через Дарьяльское ущелье, Марван вторгся в страну хазар и двинулся на г. Семендер, поспешно оставленный хазарским каганом, прошел в глубь страны до р. Саклабе («реки Славян») и разорил до 20 тыс.

[1] *Баладзори.* Книга завоевания стран. Перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 5 и сл.; «Известия о хазарах восточного историка Табари». Перевод Дорна. ЖМНП. 1844, август, стр. 74 и сл.

домов, а по другим сведениям пленил такое же количество семей славян. Белазури сообщает, что пленные были поселены Марваном в Кахетии (Хахите). Через некоторое время они восстали и бежали, но были настигнуты Марваном и истреблены. Сакалибов из-за названия считают славянами, поэтому полагают, что Марван доходил до Дона или Волги (до земли славян). Однако известно, что арабы называли сакалибами не только славян и потому возможно, что под рекою Сакалибов можно подразумевать какую-нибудь реку Северного Кавказа. Марван, по-видимому, не проник дальше северокавказских земель [1]. Тем не менее он разбил высланное против него хазарское войско под предводительством Гезар-Тархана и принудил кагана просить мира. Мирный договор был заключен с условием принятия хазарами мусульманства. Каган принял новую религию, и Марван, получив дары, занялся покорением племен горного Кавказа (Дагестана).

Поход Марвана был последним крупным предприятием арабов против хазар. После него хазары прекратили свои вторжения в Закавказье. Марван успешно справился с поставленной перед ним задачей и надолго обезопасил Закавказье с севера.

* * *

Арабские писатели свидетельствуют, что древней столицей хазар был Семендер, расположенный у подошвы Кавказских гор. Точное местоположение его до настоящего времени остается неопределенным [2]. Описывая этот город, авторы X в. отмечают обилие садов и виноградников. Очевидно, земледелие и садоводство были главным занятием жителей города и прилегающих к нему земель.

Семендер фигурирует у Табари [3] в качестве столицы еще в описании похода Марвана в 737 г.

Кроме этого города, арабские географы упоминают еще г. Ал-Байда, также служивший резиденцией хазарскому кагану. Однако никаких конкретных сведений о нем больше нет [4]. Нет их и о г. Белендежере, хотя он и встречается в списках хазарских городов и даже считался некоторое время столицей хазар [5].

---

[1] Самым северным пунктом хазарской земли, упомянутым в связи с походом Марвана, был г. Байда, который находился, по-видимому, в 20 фарсангах к югу от «Переволоки» и в 30 фарсангах к востоку от Саркела. Отсюда и пошел Марван на «реку Славян», в которой, по всей вероятности, надо все же видеть Дон. Так называл Дон и Ибн-Хордадбех в IX в. Волгу же называли хазарской рекой. (*Примечание редактора.*)

[2] Скорее всего он находился на месте современного г. Буйнакска в Северном Дагестане.

[3] «Известия о хазарах восточного историка Табари», стр. 82.

[4] *D. M. Dunlop.* Указ. соч., стр. 25, 50, 51, 61, 68, 83, 105, 187.

[5] Табари считает Беленджер не городом, а страной, причем в некоторых списках вместо Беленджер читается Булгар.

В результате покорения арабами горных племен, их владения расширились и дошли до степей Предкавказья. Столица хазар Семендер оказалась в крайне невыгодном и опасном положении. В связи с этим политический центр Хазарского каганата переместился из Северного Дагестана на Волгу. В конце VIII и в IX в. Семендер выступает уже как столица не Хазарского царства, а царства Джуан-гуннов-савир, главным городом которых до этого, по армянским известиям, был Варачан.

Основание Итиля, столицы хазар на Волге, следует датировать первой половиной VIII в. Из указаний «Армянской Географии VII в.» о хазарах (конец VII в.) следует, что в VIII в. они оставались кочевниками и передвижение их на Волгу было в сущности перемещением места зимней стоянки из предгорий Северного Дагестана в обширную и богатую зимним кормом для скота Волжскую дельту.

Вместе с тем, выбор места для новой резиденции хазарского кагана в устье р. Волги едва ли определялся одним желанием хазар уйти подальше от опасного соседства с арабами. К VIII в. Волга уже приобрела значение важной торговой магистрали, контроль над которой был в интересах хазар. Перемещение сюда политического центра Хазарии способствовало еще большему оживлению торгового пути по Волге и привлекло в хазарское зимовище то постоянное население из разных народов, которое сделало Итиль международным городом и крупным торговым центром.

Арабы потеснили, но не покорили хазар, а потому им приходилось считаться с каганатом. Опасаясь вмешательства хазар в дела Закавказья, арабы сами во второй половине VIII в. искали путей для сближения со своими опасными северными соседями.

Правитель Армении Язид ибн-Усайда ас-Сулями (756—769 и 775—779 гг.) для поддержания мирных отношений с хазарами женился на дочери хазарского кагана. Однако жена его умерла от родов и это послужило поводом для нового обострения отношений между арабами и хазарами [1]. Каган приписал эту смерть коварству своего зятя и для отмщения послал в Закавказье сильное войско (в 754 г.). Хазары взяли Дербент, опустошили области Азербайджана и Грузии и ворвались в Тбилиси. Забрав много добычи и пленных, хазары возвратились. Посланное за ними войско арабов было разбито, а сам Язид бежал. Возможно, это же нападение хазар на Закавказье отражено в грузинской хронике [2], где описывается романтическая любовь хазарского кагана к грузинской царевне Шушане. Хазарский каган обратился к царю Грузии Иоанну с просьбой выдать за него замуж свою сестру Шушану, обещая взамен свое содействие в борьбе за независимость Грузии против арабов. Получив отказ, каган силой захватил царевну, разорил Картли и разрушил Тбилиси. В этой истории отразились вполне реальные политические связи между грузинами и хазарами во второй половине VIII в. О характере этих

---

[1] *Баладзори.* Указ. соч., стр. 20.

[2] Сб. «Грузинская проза», т. I. Тбилиси, 1955.

связей можно судить по данным одного из замечательнейших памятников древней грузинской литературы «Житии Або Тбилисского»[1] в котором рассказывается, что князь Картли Нерсе был заключен арабами в тюрьму за участие в подготовке освободительной борьбы грузинского народа против угнетателей. Освобожденный при халифе Махди (775—785 гг.) Нерсе не прекратил своей деятельности, и поэтому должен был бежать из Картли. Семью свою он укрыл в независимой Абхазии, а сам отправился в Хазарию. Хотя в Житии об этом не говорится, можно полагать, что в Хазарии он надеялся получить поддержку в борьбе с арабами. Однако надежды Нерсе не оправдались, каган благосклонно его принял, но в помощи, по-видимому, отказал, так как Нерсе немедленно вернулся в Абхазию и затем, получив помилование, в 782 г. вернулся в Картли.

Тот факт, что Нерсе и его слуга араб Або, принявший христианство, были оставлены арабами в покое, несмотря на нетерпимость мусульман к ренегатам, свидетельствует о том, что у арабов были к этому политические основания. Нерсе, получивший отказ от хазарского кагана, был для арабов не только не опасен, но даже полезен, так как это было живое свидетельство тщетности надежд на вмешательство хазар в дела Закавказья.

Однако, как только хазары вновь стали угрожать арабам, мусульмане перестали церемониться с Або и казнили его в 786 г.

Последнее крупное столкновение хазар с арабами произошло в 799 г. Причиной его арабские писатели считают нечто подобное уже имевшему место во взаимоотношениях арабов и хазар, а именно смерть хазарской царевны, отданной замуж за наместника Армении, Азербайджана, Мидии и Каспийских провинций Фадла ибн-Яхья. Царевна умерла дорогой, и кагану донесли, что она была изменнически убита. Разгневанный каган вторгся со стотысячным войском в Закавказье, истребляя всех попадавшихся ему арабов.

Существует и другая версия о причине выступления хазар. Их будто бы призвал Хайюн ибн-Наджа, сын дербентского владетеля, назначенного арабским наместником в Дербенте. Хайюн восстал против наместника, убил его представителя и обратился за помощью к хазарам.

Одна причина нашествия хазар не исключает другой. Мотив личной мести арабов мог только усилить решимость кагана вмешаться в начавшуюся в Закавказье смуту.

Восстание в Дербенте, являвшемся ключом к Закавказью, было на руку хазарам, не оставлявшим надежды овладеть богатыми странами к югу от Кавказских гор. Они охотно вмешались в смуту, затеянную феодалами, но Арабский халифат был еще достаточно силен, чтобы справиться с восставшими и отбросить хазар.

Несмотря на неудачные попытки хазар проникнуть в Закавказье, Византия дорожила своим союзником, отвлекавшим внимание и силы арабов

[1] Сб. «Грузинская проза», т. I, Тбилиси, 1955.

с запада на север, и не рисковала выступать против хазар даже тогда, когда для этого представлялся удобный случай. В 80-х годах VIII в. империя не поддержала движения, направленного против хазар в Крымской Готии [1]. Заговор против хазар был возглавлен епископом Готии Иоанном, уроженцем Партенита. Кроме того, в нем приняли участие правящая верхушка Готии и весь народ. Узнав о волнении, каган прислал в столицу Готии Дорос небольшой отряд, Иоанну удалось выгнать хазар и завладеть горными проходами, ведущими в страну. Предприятие Иоанна не нашло поддержки ни извне, ни внутри страны. На основании скудных сообщений Жития трудно разобраться в существе событий. По-видимому, Иоанн, подняв низы против хазар, разбудил силы, опасные для господствующего класса Готии, поспешившего предать восставших вместе с самим Иоанном.

Иоанн был выдан хазарам и сослан в г. Фуллы, откуда ему дали бежать в Амастриду, где он и умер. Семнадцать «рабов», т. е. представителей народа, руководивших восстанием, были казнены. Движение Иоанна Готского интересно как свидетельство социальной борьбы внутри феодализирующихся народов Хазарии.

* * *

В условиях возросшего международного значения Хазарии вопрос об ее государственной религии приобрел большую политическую остроту. Византийская империя и Арабский халифат неоднократно пытались навязать хазарам свою религию, как лучшую форму подчинения хазар своим политическим интересам. В самой Хазарии новые формы социально-экономических отношений вызывали потребность господствующего класса в соответствующей религиозной идеологии. Этим и объясняются успехи христианства и мусульманства в наиболее прогрессивных областях Хазарского государства — в Крыму и на Кавказе. Только среди кочевников, сохранивших патриархально-родовой строй как форму, прикрывавшую до поры до времени классовую сущность отношений между сородичами, еще продолжала жить старая языческая религия, да каганат, опиравшийся на кочевников как на свою основную военную силу, хранил верность религии предков, которая, по авторитетному свидетельству Ибн-Русте была сходна с религией тюрок [2]. Однако в конце VIII в. в каганате назрела необходимость смены устаревшего язычества новой религией [3]. Этой религией стал иудаизм.

---

[1] *А. А. Васильев.* Указ. соч., стр. 203—208.

[2] *Д. А. Хвольсон.* Указ. соч., стр. 17.

[3] Дата принятия хазарами иудаизма устанавливается по нескольким документам. Масуди писал, что иудейская религия сделалась главенствующей в Хазарии со времен Харун-ар-Рашида (768—809 гг.). Иехуда Галеви в «Хазарской книге» называет примерную дату обращения хазар — середина VIII в. Косвенными данными для датировки этого события располагают и другие документы, в частности «Житие Або Тбилисского» (начало VIII в.) и «Житие Иоанна Готского» (VIII в.), где не говорится ни слова об иудаизме хазар.

Принятие иудейской религии хазарами было актом политического самоутверждения, демонстрацией не только независимости, но и равенства Хазарского каганата с Византийской империей и с Арабским халифатом. Хазары выдвинули иудаизм на место третьей мировой религии, но не сумели закрепить за ним это место: Хазария была слишком еще примитивна по своему социально-экономическому строю.

Евреи издавна жили в некоторых областях, входивших в состав Хазарского каганата,— в Крыму, на Таманском полуострове и на Кавказе. Преследование евреев в Византии в начале VII в. усилило приток еврейского населения в Хазарию.

Евреи, несомненно, играли большую роль в торговле Хазарии и составили существенную часть населения хазарских городов. Торговые интересы еврейских купцов не противоречили интересам хазарского правительства, и оно с давних пор могло опираться на них в своей международной политике.

Религия этих евреев и сделалась религией хазарского правительства, но она не превратилась в религию племен, входивших в состав каганата [1]. Иудаизм не вытеснил ни старого язычества, ни христианства, ни мусульманства. Тем не менее утверждение иудаизма в качестве правительственной религии хазар не могло не отразиться на положении других вероисповеданий в Хазарии, особенно христианства. Нажим на христиан в 50-х годах IX в. вызвал вмешательство Византии. В Хазарию была послана специальная миссия во главе с так называемым просветителем славян Константином (Кириллом) [2].

Вопрос о том, где, в какой части Хазарии был Константин со своею проповедью христианства, многими решался по-разному. Ставка кагана находилась в то время в Итиле. По указанию «Жития» Константин был не в Итиле, а у «врат Каспийских», т. е. в Предкавказье, в царстве «гуннов» — «савир» , у которых христианство было господствующей религией. Впрочем, результаты миссии Константина к савирам не были особенно успешными. Он вооружил хазарских христиан аргументами для борьбы с другими религиями и окрестил, как говорится в «Житии», 200 человек. В Хазарии проживало много славян. Возможно, что часть их являлась уже христианами.

Несмотря на религиозные разногласия, дружественные отношения между Хазарией и Византией продолжались, поскольку основой союза между ними было единство их политических интересов. Правда, в IX в. борьба за Закавказье уже не занимает ни Византию, ни хазар. Объясняется это внутренней слабостью Византии в связи с острыми социаль-

[1] Об обстоятельствах принятия хазарами иудейской религии имеется несколько свидетельств. Два из них в ответах на вопросы Хасдаи ибн-Шафрута в письме царя Иосифа и письме хазарского еврея. Третий рассказ принадлежит арабскому писателю XI в. ал-Бекри, четвертый — в «Хазарской книге» Иехуды Галеви, испанского еврея XII в.

[2] *D. M. Dunlop.* Указ. соч., стр. 194—195.

ными противоречиями, которые вылились в восстание Фомы Славянина. Хазары же были в то время отвлечены от Закавказья опасностью с другой стороны.

До IX в. никаких соперников в господстве над Северным Причерноморьем и примыкающими к нему более северными областями у хазар не было. Хазарское государство в течение двух столетий было полным хозяином южной половины Восточной Европы и представляло собой плотину, запиравшую Урало-Каспийские ворота из Азии в Европу. Но в IX в. в Причерноморские степи хлынули новые кочевые орды. Первыми сюда пришли мадьяры. Вслед за ними появились печенеги. В связи с этим хазарам пришлось принимать меры для охраны своей территории со стороны западных границ. Одним из таких мероприятий было сооружение крепости Саркел на Дону.

Из рассказа византийского императора Константина Багрянородного следует, что для построения Саркела хазары обратились за содействием к своей союзнице Византии. Византийский император удовлетворил просьбу хазар и направил для построения крепости своим союзникам протоспафария Петрону Калеатира. Время построения Саркела у Константина Багрянородного определяется указанием на императора Феофила, который царствовал с 829 по 842 г. У византийского писателя Кедрина рассказ об этом событии помещен под 834 г., а у анонимного продолжателя Феофана — перед сообщением о походе Феофила против арабов в 837 г., что в известной мере подкрепляет дату Кедрина. Хотя оба последних автора заимствовали свои сведения о построении Саркела у Константина Багрянородного, который года миссии Петроны не указывает, у нас нет оснований заподозрить точность хронологического приурочения у первого и правильность в передаче последовательности событий у второго из них.

Участие Византии в постройке хазарской крепости объясняется тем, что контроль дружественной Хазарии над беспокойными племенами Причерноморья был выгоден для Византии, ибо обеспечивал безопасность границ самой империи.

Крепость Саркел была построена на левом берегу Дона, вблизи станицы Цимлянской, где до сооружения Цимлянского водохранилища сохранялись ее остатки в виде значительного городища с признаками, полностью соответствующими описанию Саркела у Константина Багрянородного. Расположенная здесь крепость защищала подступы к собственно Хазарии с запада.

Саркелское городище было расположено на невысоком берегу старого русла Дона, на мысу, образованном излучиной реки [1]. Этот мыс, имеющий около 10 га площади, был отрезан от прилегающей части берега широким и глубоким рвом и валом. Конец мыса площадью не более 3 га отделен вторым рвом, за которым помещалась кирпичная крепость.

---

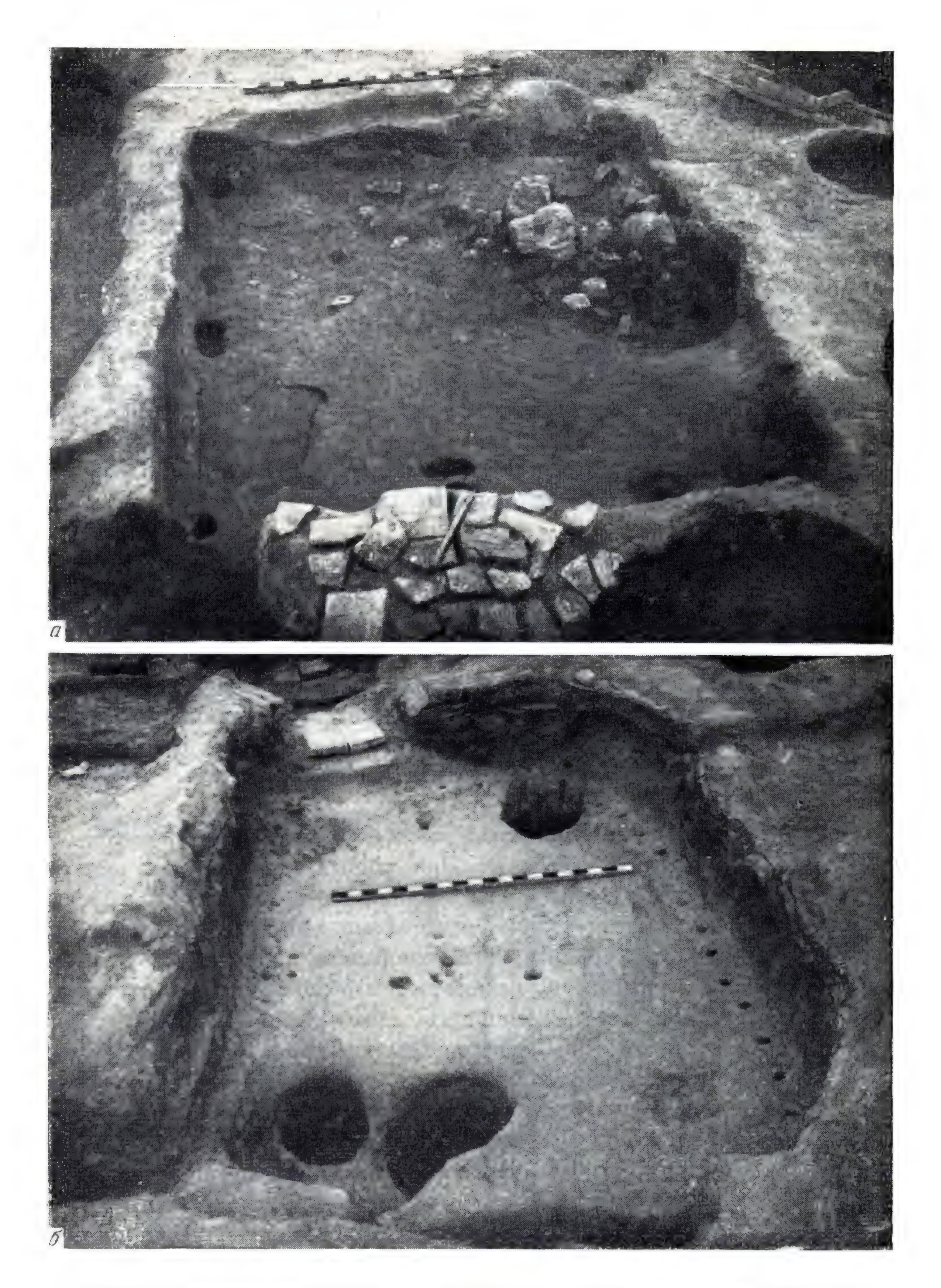
[1] *М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935; Белая Вежа, СА, XVI, 1952, стр. 42—76 и др.

а

0 10 20 30 40 м

б

Городище Саркел IX—XII вв. (русская Белая Вежа) на р. Дон:
а — общий вид; *б* — план городища



Жилища, раскопанные на городище Саркел: *а* — полуземлячноное славянское жилище; *б* — полуземляночное жилище хазарского времени

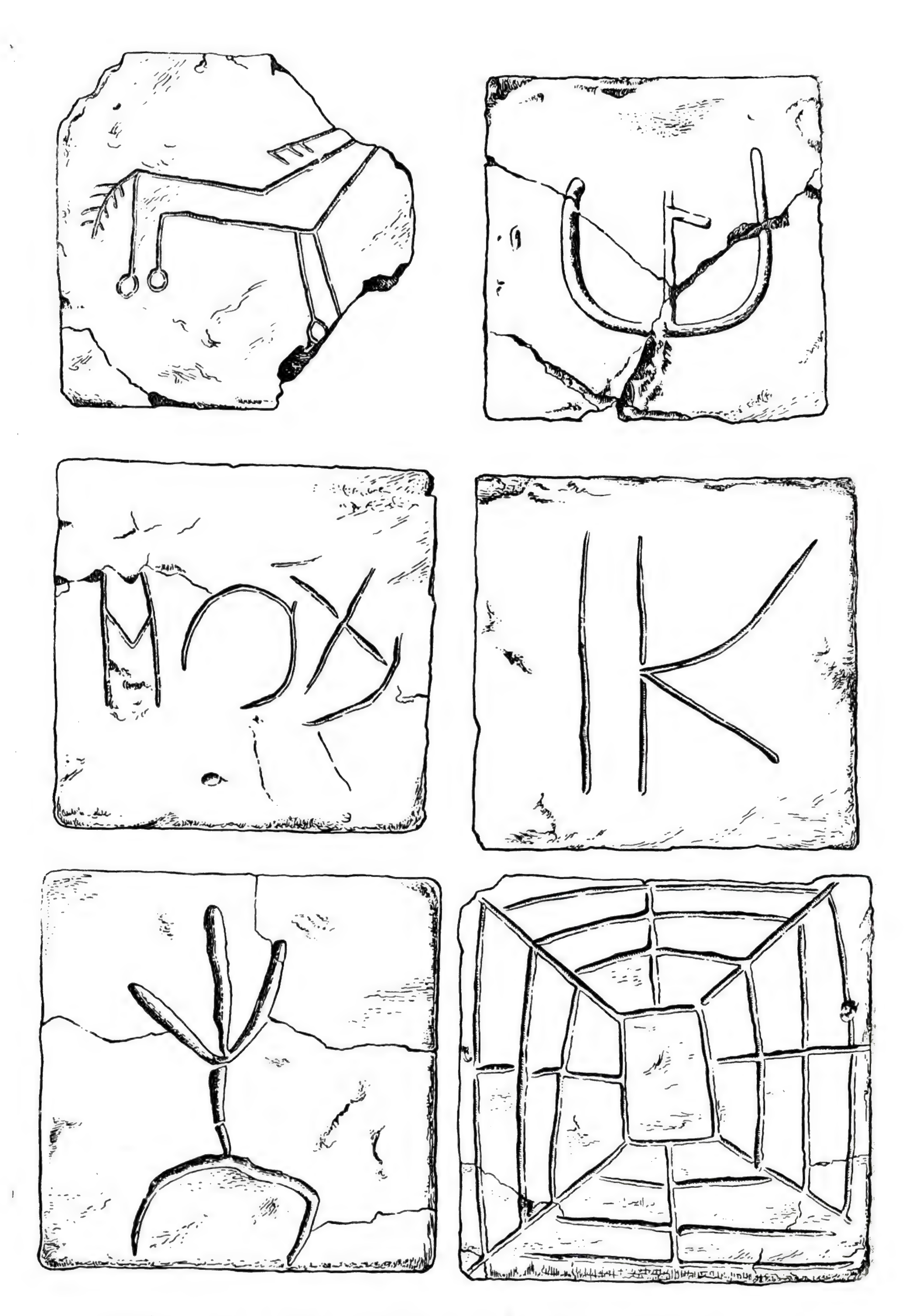
Произведенными здесь раскопками под руководством М. И. Артамонова установлено, что кирпичная крепость имела форму прямоугольника длиной в 186 м и шириной в 126 м.

Стены Саркела имели 3,75 м толщины. По углам крепости находились массивные четырехугольные башни, на 5 м выступавшие за наружные линии стен. Кроме угловых, были башни еще и вдоль каждой из сторон крепости. В двух из этих башен — одной в западной стене, а другой в северной — находились ворота в виде пролетов, закрывавшихся массивными, окованными железными полосами деревянными створками. Внутри крепость была разделена поперечной стеной, толщиною лишь немного уступавшей наружным оборонительным стенам (3 м). Находившиеся в крепости кирпичные постройки располагались таким образом, что делили каждую из ее двух частей еще на две части. В восточной части, в которую вели двое ворот в поперечной стене и поэтому наименее доступной для врагов, обнаружены толстостенные квадратные башни, по всей вероятности, представлявшие собой командные пункты и последние убежища для гарнизона.

Кирпичные постройки Саркела были возведены без фундаментов и сложены на извести из кирпичей квадратной формы. Размеры саркелских кирпичей не совпадают с обычными размерами в византийском строительстве: они, во-первых, намного толще, а во-вторых, меньше византийских в квадрате. На кирпичах встречаются нанесенные по сырой поверхности знаки, символические фигуры и схематические изображения животных и человека, которые очень напоминают начертания на камнях Маяцкого городища, а также на камнях и кирпичах древней столицы дунайских болгар Плиски.

Непосредственным исполнителем строительных работ в Саркеле, без сомнения, было местное население. Присланный византийским императором по просьбе хазар Петрона и прибывшие с ним византийские специалисты скорее всего были только советниками хазар. По их указаниям крепость делалась из кирпичей, но изготовление кирпичей, судя по их форме и особенно по характерным знакам и изображениям на них, производилось без участия византийцев и не по византийским образцам; кладка стен также не византийская. Саркел не был византийским и как произведение зодчества. Специфически византийского в формах открытых раскопками построек ничего не обнаружено, за исключением мраморных колонн и капителей, очевидно, привезенных Петроною из Херсонеса для украшения церкви, по понятиям византийцев — обязательной принадлежности крепости. Однако эти архитектурные детали не были использованы в строительстве, что особенно ярко свидетельствует об ограничении инициативы византийцев хазарами.

Петрона бесспорно оказал содействие хазарам своими техническими советами, но вместе с тем ясно, что Константин Багрянородный сильно преувеличил его роль в построении Саркела. По всей вероятности, построение Саркела было отнюдь не главной задачей Петроны; помощь хазарам



Изображения и знаки на кирпичах, найденных на городище Саркел

в строительстве крепости могла послужить только прикрытием для основной цели, которую преследовала его миссия. Она заключалась в ознакомлении на месте с той новой обстановкой, которая сложилась в Восточной Европе в связи с появлением мадьяр и формированием Русского государства на Днепре. Петрона блестяще справился с этой задачей и, возвратившись в Константинополь, представил проект мероприятий, которые необходимо было осуществить в связи с новыми политическими условиями. По его предложению Херсонес был преобразован в фему, а сам Петрона был назначен стратигом Херсонеса. Эта реформа в управлении византийскими владениями в Крыму, смысл которой заключается в усилении военизации, несомненно, вытекала не столько из учета внутреннего состояния Херсонеса, сколько из появления по соседству с византийскими владениями таких врагов, от которых нельзя было обезопаситься по-прежнему только сохранением дружественных отношений с Хазарией. Враги, следовательно, были достаточно могущественные и опасные не только для хазар, но и для Византии.

Вначале Саркел был только крепостью с несколькими кирпичными зданиями для гарнизона и со складами для хранения различных запасов. По данным Константина Багрянородного, гарнизон Саркела состоял из 300 человек и ежегодно сменялся. Он предназначался, очевидно, только для охраны крепости и мог целиком помещаться в кирпичном укреплении. Во время войны как опорный пункт хазар на западе Саркел мог вместить в свои укрепления большое войско. Оно помещалось, конечно, не в слишком маленькой для этой цели кирпичной крепости, а на той большой площади, которая ограждена первой линией укреплений в виде глубокого рва и земляного вала. Здесь не было постоянных построек, и в мирное время она была пуста.

Следует особо отметить, что Саркел был выстроен не для контроля над водной дорогой по Дону и переволокой в Волгу. Именно этим объясняется крайне невыгодное положение крепости для наблюдения за переправой из одной реки в другую, что является главным основанием для настойчивого отрицания тождества городища у станицы Цимлянской с хазарской крепостью Саркел со стороны некоторых историков, в глазах которых предвзятые мнения и путаные сведения поздних письменных источников значат больше, чем бесспорные археологические факты [1]. Они не учитывают к тому же, что в первой половине IX в. речному пути по Дону в Волгу никто не угрожал, да надо добавить, едва ли кто-нибудь по нему и плавал. Он приобрел важное значение только в X в., когда здесь появились русские ладьи, приходившие из Днепра через Черное море. Саркел был выстроен не на речной, а на сухопутной дороге при переправе через реку, и должен был укрепить пошатнувшееся положение хазар в их западных и северо-западных владениях, куда и вела эта дорога из центра хазар на нижней Волге.

---

[1] *К. В. Кудряшов.* Половецкая степь. М., 1948.

Во время Константина Багрянородного степи к западу от Дона были заняты сильными и многочисленными племенами печенегов, на границе с которыми Саркел оказался настолько кстати, что Кедрин самое построение этой крепости объясняет необходимостью защиты от печенежских набегов. Вопреки этому указанию надо признать, что Саркел был выстроен раньше появления печенегов в Северном Причерноморье, в то время, когда эти степи занимали мадьяры-венгры.

Вторжение мадьяр, а вслед за ними печенегов нанесло существенный ущерб политической целостности Хазарского каганата. Степи Северного Причерноморья вышли из-под власти хазар, превратившись в грозную периферию. Вторжение азиатских кочевников было началом упадка Хазарского государства. Неспособность его задержать врага свидетельствует о наличии в каганате серьезных внутренних противоречий. К сожалению, наши сведения о хазарах в IX в. крайне ограничены. Ввиду этого очень трудно составить правильное представление о существе тех противоречий, которые ослабили хазар. А что противоречия были и даже выражались в ожесточенной междоусобной войне, об этом прямо свидетельствует сообщение Константина Багрянородного о кабарах [1].

Кабары, по словам этого писателя, были этнически родственны хазарам («происходили из рода хазар»), разбитым в междоусобной войне за власть и бежавшим к мадьярам, когда те жили в Причерноморье. Константин Багрянородный очень мало говорит о войне, в результате которой кабары вынуждены были покинуть Хазарию, тем не менее он указывает, что война между хазарами происходила из-за власти. Возможно, что междоусобица разгорелась в связи с борьбой хазарских князей (беков) за верховную власть в каганате. Однако один из потомков царского рода оказался достаточно сильным, чтобы не только разгромить своих соперников, но и заставить их покинуть страну вместе со своими родами.

Хазары, побежденные в междоусобной войне, ушли и присоединились к мадьярам, составив среди них особую группу из двух родов, получивших, если верить Константину Багрянородному, только среди мадьяр свое общее имя кабаров. Кабары были очень храбрыми и поэтому заняли среди мадьяр выдающееся положение. Управлялись они, подобно другим мадьярским родам, своим князем, но входили в общую мадьярскую федерацию. По словам Константина Багрянородного, они научили мадьяр хазарскому языку и еще в то время сохраняли свой язык, хотя знали и венгерский.

Потеряв власть над черноморскими степями, хазары утратили свое прежнее значение для Византии. Империя уже не видела необходимости поддерживать прежние дружеские отношения с Хазарией и терпеть ее власть над старыми греческими областями в Крыму.

Еще в IX в. в крымских городах происходили выступления против хазар. В рассказе о миссии Константина упоминается об осаде хазарами какого-то христианского города в Крыму. Константин вмешался в это дело

---

[1] *Константин Багрянородный.* Указ. соч., стр. 18—19.

и добился прекращения осады. В дальнейшем Византия уже не считала нужным улаживать конфликты между крымскими городами и Хазарией. Наоборот, пользуясь неудовольствием крымского населения хазарским игом, она сама захватила горный Крым. В результате постоянных, большей частью неудачных столкновений с окружающими каганат сильными соседями, территория его в X в. уменьшилась почти в три раза: он занимал земли между Доном, Манычем, Волгой [1]. Печенеги захватили междуречье Донца — Дона, Византия — крымские города, крайние северо-западные земли присоединились к Руси, юго-западные — к аланам.

* * *

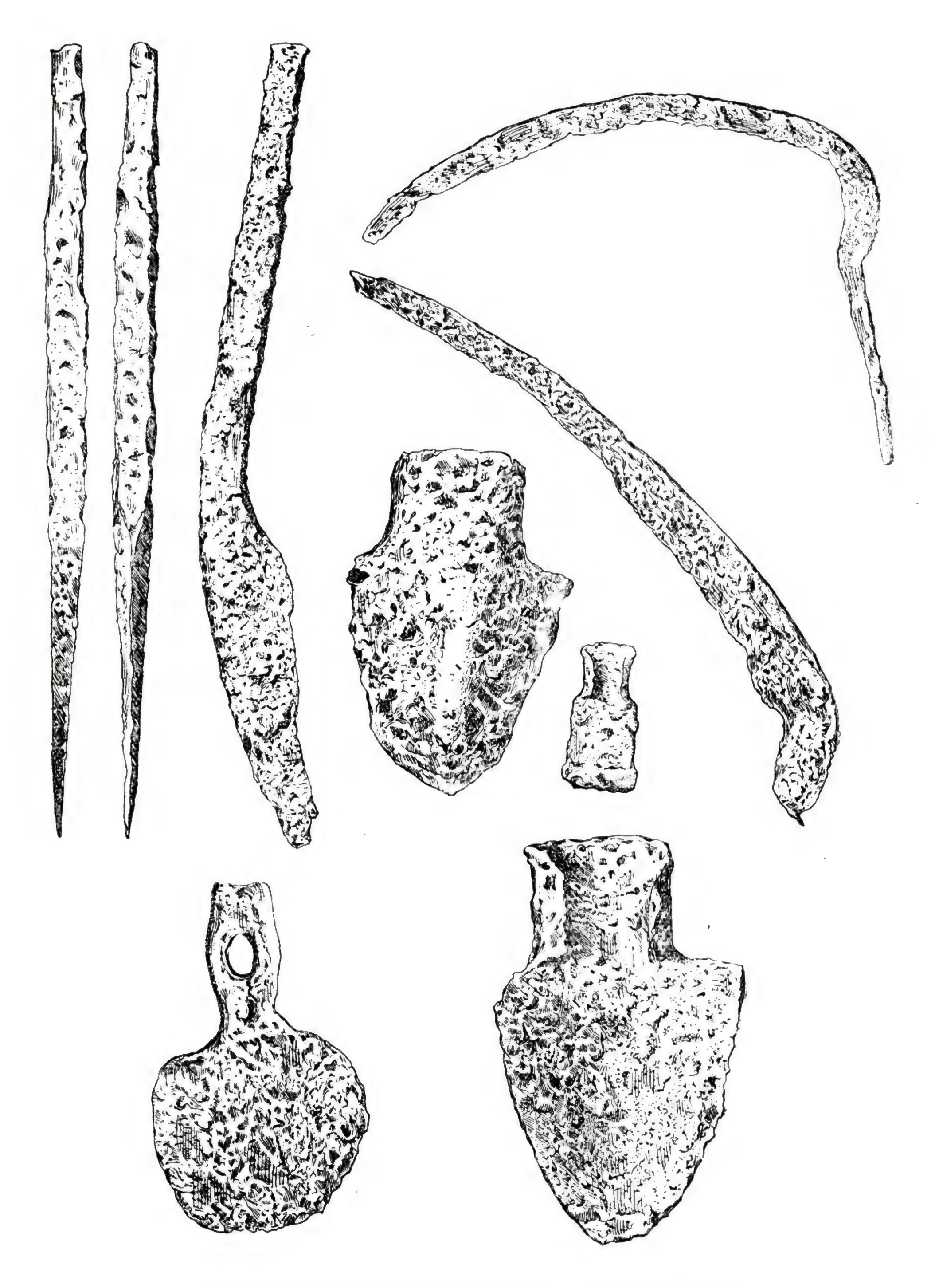
Центр Хазарии находился в низовьях Волги, в обширном городе, называвшемся Итиль и состоявшем из нескольких частей или городов со своими названиями.

Хазарский царь Иосиф в своем письме следующим образом описывает свою столицу: «Я живу у этой реки Итиль... у меня есть в моем царстве три города. В одном живет царица со своими прислужниками и евнухами. Длина и ширина его с пригородами и примыкающими к нему деревнями составляет 50 на 50 фарсахов и живут в нем иудеи, исмаилитяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями. Он невелик и занимает в длину и ширину 5 на 5 фарсахов. Между стенами тянется река...» Это описание Итиля подтверждается и несколько дополняется сведениями о нем арабских писателей. Масуди говорит, что Итиль построен на двух берегах реки, посреди которой находится остров, соединенный с одним из берегов мостом. На острове находится дворец царя. Другие арабские писатели отмечают только две части города, а именно — находящуюся на западном берегу реки, где живут царь и его вельможи, и восточную, занятую купцами. По словам ал-Макдиси, Итиль был большим городом, состоявшим из деревянных и войлочных палаток и немногих глиняных жилищ. Только замок правителя был выстроен из обожженного кирпича. Город был обнесен стеной с четырьмя воротами; одни из них были обращены к реке, а другие — к сухой, бесплодной степи.

По словам Иосифа, население Итиля проводило в городе только зиму. Весной оно переселялось в окружающие город усадьбы и хутора: «Каждый к своему винограднику и своему полю и к своей (полевой) работе». Все хазары имели в окрестностях города наследственные участки земли, занятые полями и виноградниками. По сообщениям ал-Истахри, писавшего раньше Иосифа, в окрестностях Итиля нет селений, а есть только разбросанные пашни, иногда отстоящие от города на 20 фарсангов.

[1] *Б. А. Рыбаков.* Русь и Хазария, стр. 76—88; *его же.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, стр. 128—150.

Глиняные лепные и гончарные сосуды с городища Саркел

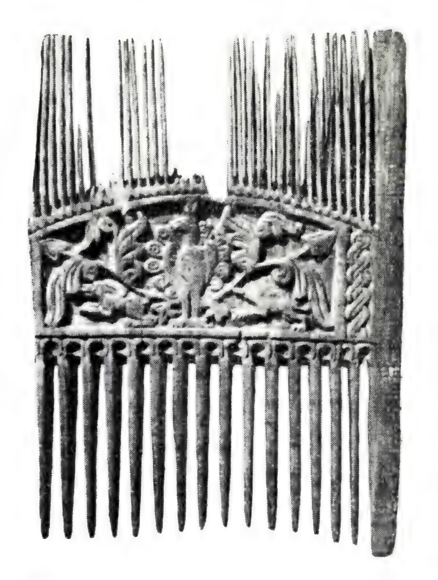


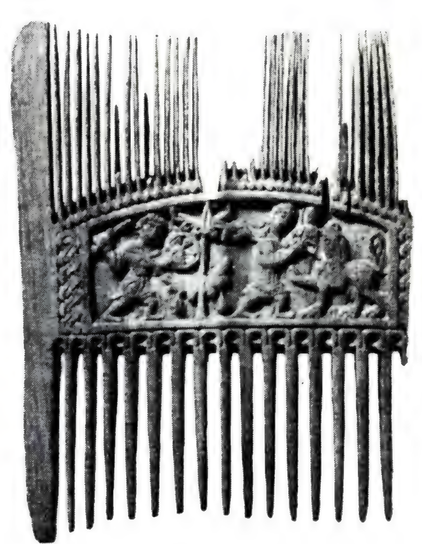
Железные земледельческие орудия с городища Саркел

Собранный здесь урожай жители Итиля перевозят в город на повозках или по реке на судах. Кроме земледелия, жители Итиля занимались рыболовством. В частности, одним из предметов вывоза из Хазарии был белужий клей.

Приблизительно тот же тип хозяйства и такой же образ жизни существовал и в других хазарских поселениях, с VIII—IX вв. появляющихся в довольно большом количестве не только по границам степи, но и вдоль степных хазарских рек. Неизвестно, были ли кроме Итиля другие хазарские поселения на Волге, но зато целый ряд их обнаружен по нижнему течению р. Дона, в особенности в районе хазарской крепости Саркел.

Среди этих поселений особенно замечательны небольшие укрепления, обведенные массивными каменными стенами. Внутри их имеется несколько построек жилого и хозяйственного назначения. По-видимому, это замки — дворы феодалов, господствовавших над окрестным населением, жившим в открытых поселках — деревнях. Еще ярче этот тип укрепленных владельческих дворов-замков выявляется в области распространения так называемой салтово-маяцкой культуры, находящейся между Северным Донцом и Доном в районе впадения в него р. Тихой Сосны. Примерами памятников этого рода могут быть Маяцкое и Салтовское городища с примыкающими к ним обширными неукрепленными поселениями.





Костяной гребень византийской работы из древнейших слоев городища Саркел

Саркел в X в. из крепости с небольшим периодически сменяемым гарнизоном превращается в значительное поселение с постоянным населением, занимавшимся не только земледелием и скотоводством, но и ремесленным производством. Раскопками в Саркелском городище обнаружены остатки деревянных, обмазанных глиной домов и хозяйственных сооружений, с обширными ямами для хранения зерна и других продуктов и следами гончарного железоделательного и других производств. Здесь изготовлялись горшки и другие сосуды на гончарном круге, различные металличе-

ские украшения, кварцевые бусы, костяные гребни, рукоятки и прочие предметы, расходившиеся среди окрестного кочевого и оседлого населения. Сюда же проникали для продажи и иноземные товары, в особенности из Крыма.

С превращением в постоянное поселение г. Саркел потерял свое прежнее военное значение. Его кирпичные здания и стены в это время усиленно разрушались самими жителями, которые пользовались кирпичами из них для сооружения фундаментов и печей в своих жалких жилищах и для разного рода вымосток. Из важного стратегического пункта Хазарии Саркел в X в. превратился в утративший военное значение городок, находившийся внутри заселенного оседлым населением района. Надо полагать, что к этому времени враждебные кочевые племена печенегов были оттеснены далеко от Дона.

Заселение берегов степных рек оседлым земледельческим населением, помимо всего прочего, нельзя не связать с появлением найденного в Саркеле тяжелого железного плуга, пригодного для обработки степных почв. Возможность возделывания степи и была основой частичного оседания кочевников. Теперь они селились не только по границам степей, но и в самой их середине и притом в таких размерах, каких не знали предшествующие эпохи наибольшего развития земледелия и оседлости среди степняков Причерноморья.

Наряду с оседлым населением в степях Хазарии жили скотоводы-кочевники, по своему социально-экономическому строю едва ли существенно отличавшиеся от оседлого населения этой страны.

Арабские писатели различают два рода хазар — черных и белых. По их словам, отличия между ними чисто внешние, но возможно, что в основе такого деления лежат социальные категории, соответствующие известным в тюркском обществе, где черные — караджур, или карабудун, означали низший, зависимый, податной слой населения.

О натуральной подати, взимавшейся с зависимого населения у хазар, имеется сообщение у ал-Истахри, писавшего, что на населении городских кварталов Итиля и его окрестностей лежала повинность доставлять всякого рода продовольствие и прочее необходимое для жизни царя и его двора. По-видимому, здесь речь идет о повинностях людей, находившихся в непосредственной зависимости от царя и других феодалов и принадлежащих к их уделам или юртам. Слова Иосифа о том, что каждый из хазарских родов имеет наследственное земельное владение, вероятно, следует понимать в том смысле, что земля фактически принадлежала земледельческой аристократии, власть которой над живущими на этой земле непосредственными производителями еще облекалась в формы родового строя. Свободные от оброка тарханы владели землями и людьми как наследственные родовые вожди или же в результате пожалования царя или другого крупного феодала и были связаны между собой системой вассальных отношений. О вассальной системе у хазар свидетельствует сообщение Ибн-Русте о том, что зажиточные и богатые обязаны были поставлять царю

Бронзовые украшения с городища Саркел

хазар всадников сообразно со своим имущественным положением и состоянием доходов.

Наряду с феодальной зависимостью у хазар существовало рабство, причем в рабов обращались не только иноплеменники. Арабские писатели сообщают о продаже хазарами в рабство своих детей. Все это свидетельствует о весьма сильном развитии классовых противоречий.

Находясь на перекрестке важных торговых путей, Хазария играла весьма видную роль в международном обмене между севером и югом, Азией и Европой. Собственно Хазария производила немного товаров. Отсюда шли кожа и рыба, которые, по словам Хасдаи ибн-Шафрута, доставлялись на судах в Константинополь. Но зато через Хазарию как промежуточную инстанцию приходили на юг из Руси и особенно из Волжской Болгарии ценные меха, воск, мед, янтарь, железные изделия (мечи) и другие товары. Через Хазарию оттуда же направлялись рабы. Эти товары поступали на рынки Азербайджана, Армении, Византии, Ирана и Хорасана, доходили до Багдада, Джурджана, Мерва, Бухары и Константинополя. В обмен на них на север шли изделия восточного ремесла и в большом количестве серебряная монета. Многочисленные клады, находимые в северной полосе Восточной Европы, свидетельствуют о проникновении сюда в хазарский период большого количества восточной монеты. Особенно много в этих кладах куфических монет VIII—X вв., в частности саманидских, происходящих из Средней Азии.

Торговля через Хазарию была главным источником доходов для хазарского царя. Со всех товаров, проходящих через Итиль, взималась пошлина, которая давала возможность главе Хазарского государства содержать сильное, хорошо вооруженное наемное войско и благодаря этому властвовать над обширной территорией с разноплеменным населением, успешно противодействуя сепаратизму этих племен и своих крупных вассалов.

О величине этого войска существуют разные сведения. Одни арабские авторы определяют его в десять, другие в двенадцать тысяч человек. Возможно, что величина его изменялась со временем. Состав постоянного наемного войска был разноплеменный, были в нем и русы, но главным образом оно состояло из хорезмийских мусульман, оставивших, по словам Масуди, свою страну вследствие войны и чумы. Эти мусульмане назывались ларисcии и имели привилегию не сражаться со своими единоверцами. Из них состояла двухтысячная конная гвардия, одетая в латы, кольчуги и шлемы. Во время войны постоянное войско составляло ядро армии, образованной из отрядов, выставленных вассалами и союзниками хазарского царя.

Арабские писатели согласно отмечают на первый взгляд весьма странную структуру верховной власти у хазар, а именно наличие в каганате царя, в руках которого находилось управление государством наряду с очень почитаемым, но не имеющем реальной власти каганом. Сведения о дуализме верховной власти появляются впервые в источниках, относящихся к первой половине IX в. Причины его возникновения лежат,

Металлические украшения и резные печати IX—X вв. из могильника у с. Агач-Кала в Дагестане

по-видимому, в том, что тюркская династия каганов, не имевшая в местном обществе корней и дискредитированная неудачей борьбы с арабами, должна была постепенно уступить руководство государством представителям выросшей в условиях феодализации местной знати, династии хазарских князей, опиравшихся на реальную поддержку своего народа.

Каган пользовался чрезвычайным почетом, с его личностью хазары связывали свое благополучие, все несчастья приписывали ослаблению его божественной силы и в случае неудач на войне требовали его смерти, чтобы сменить его новым молодым каганом. Каган избирался всегда из одной и той же знатной фамилии и по религии должен был быть иудеем.

Вся власть в каганате была сосредоточена в руках правившего от имени кагана царя (каган-бека). Возможно, что каган нужен был ему для того, чтобы именем его и авторитетом держать в подчинении остальных князей Хазарии, многие из которых были так же сильны, как и он сам (князь савир, болгар и др.).

Царь решал дела войны и мира, предводительствовал на войне, судил и наказывал через особых судей, которые разбирали дела в соответствии с их религиозными установлениями и обычаями, а затем докладывали о своей деятельности царю.

Широкая веротерпимость является одной из особенностей Хазарского государства и, должно быть, связывается не только с внутренним политическим строем этого государства, при котором входившие в его состав вассальные княжества сохраняли значительную долю самостоятельности, но и с той крупной ролью в международной торговле, которую оно играло, привлекая к себе представителей разных вероисповеданий. Часть господствующего класса хазар исповедовало иудейство, но были среди хазар и мусульмане. Особенно много было мусульман в Итиле среди купцов, ремесленников и наемной гвардии. Здесь было до 30 мечетей, из них одна соборная с минаретом, поднимавшимся выше царского дворца. При мечетях были школы, где обучали чтению Корана. Следующее по численности место за мусульманами занимали в Хазарии христиане. Они были и в Итиле, и в Семендере, и в других городах и областях Хазарии, и также имели свои храмы. В Хазарию входил ряд областей со сплошным христианским населением или таких, где христианство было издавна распространено. При всем этом широком распространении в хазарских городах важнейших религий средневековья массы сельского населения этой страны оставались в язычестве.

Уже в IX в. Хазарское царство не могло удерживать наступавших с востока кочевников, орда за ордой прорывавшихся в Черноморские степи. Номинально входившие в его состав племена и области вели независимое существование и даже выступали против хазар. Сам царь хазарский находился в зависимости от своей наемной гвардии. Хазарское царство вступило в период феодальной раздробленности и сделалось легкой добычей для врагов. Смертельный удар Хазарии был нанесен молодым

Стеклянные сосуды IX—X вв. из могильника у с. Агач-Кала в Дагестане

Русским государством в 965 г., когда войска Святослава разбили хазарское войско и положили конец существованию каганата как государства.

Упоминания о хазарах в XI в. касаются только хазар тмутараканских и крымских и характеризуют их как народ, лишенный самостоятельного политического значения. Как и другие кочевники, хазары оказались не в состоянии преодолеть те ограничения в своем собственном развитии, которые были обусловлены их кочевым хозяйством. Дальше патриархально-феодального строя их социально-экономическое развитие не пошло. Хазарское государство распалось сразу же после ликвидации основного условия его военного могущества — тех экономических выгод, которые доставляло хазарской знати обладание важнейшими торговыми путями между Европой и Азией. Поскольку другой экономической основы для его существования не было — оно с утратой контроля над торговлей утратило и военное преобладание над подвластными племенами и народами. Ввиду этого Хазарская империя распалась на составные части.

12

ПЕЧЕНЕГИ

В конце VIII в. из Азии в восточноевропейские степи хлынула новая волна кочевых тюркоязычных народов. Это нашествие было не менее грозным, чем гуннское в IV в. Авангардом вновь начавшегося движения кочевников были печенеги, овладевшие в течение нескольких десятилетий территорией между Волгой и Уралом. Ибн-Хордадбех, писавший в IX в., помещает печенегов в своем описании «стран тюрок» уже наряду

с крупнейшими азиатскими союзами тюркоязычных племен (тогузгузами, кимаками, гузами и др.) [1].

Печенеги были, по-видимому, одним из крупных племен сильного кочевого союза, известного в среднеазиатских степях под именем канглов (кангюй [2] — китайских источников). Захватив заволжские земли, принадлежавшие ранее сарматским племенам, печенеги образовали новый племенной союз. В него вошли сами печенеги — канглы и покоренные ими сарматские и отчасти, может быть, лесные финно-угорские племена [3]. В середине X в. о племенном составе печенежского союза писал византийский император Константин Багрянородный [4]. Печенеги в это время делились на восемь племен, из которых только три, считавшихся у печенегов знатнейшими, назывались кангар — канглы. Остальные пять племен являлись, вероятно, в значительной степени сармато-аланскими. Очевидно, европеоидность именно этих печенегов отмечалась арабским этнографом X в. Абу-Дулефом, писавшим: «это люди длиннобородые, усатые».

При скрещивании разных языков в данном случае победил тюркский язык. Все средневековые восточные и византийские авторы пишут о сходстве языка печенегов и гузов. Советские лингвисты установили, что оба народа говорили на наречиях единой огузо-булгарской группы.

О заволжском периоде печенежской истории не сохранилось никаких прямых сведений. Только в середине XI в. персидский географ Гардизи, использовав не дошедшие до нас труды Ибн-Монаффы (VIII в.) и Ибн-Хордадбеха (IX в.), дает сравнительно подробную характеристику печенегов IX в. [5].

Сообщения Гардизи, дополненные краткими описаниями Константина Багрянородного, Абу-Дулефа, Ибн-Русте [6] и Ибн-Фадлана [7], позволяют восстановить границы древнейшей Печенегии: с запада она ограничивалась Волгой, с юга — р. Уралом, с востока — Уральским хребтом, а на северо-западе доходила до Жигулевских гор, называемых в некоторых источниках печенежскими [8]. Наиболее крупными народами, земли которых примыкали к печенежским, были на севере — башкиры, на северо-

---

[1] «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М.— Л., 1939, стр. 144.

[2] *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.— Л., 1950; *П. В. Голубовский.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

[3] От них печенеги могли получить и свое имя «печенег», что в переводе на угорское наречие означает «сосновые люди» (*Д. Н. Европеус.* Об угорском народе, «Тр. III АС», т. I. СПб., 1876).

[4] *Константин Багрянородный.* Указ. соч., стр. 5.

[5] *Гардизи.* См. *В. В. Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894. ЗАН, сер. VIII, т. I, № 4. СПб., 1897, стр. 119—120.

[6] *А. Я. Гаркави.* Сказание мусульманских писателей о славянах и руссах, стр. 185; *Д. А. Хвольсон.* Указ. соч., стр. 15, 20, 25.

[7] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана.., стр. 130.

[8] *P. A. Jaubert.* Géographie d'Edris, t. II. Paris, 1840; стр. 409, 437; *Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси 1154 года. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 29, 31.

востоке — кипчаки, на юге — в Аральских степях — гузы, на юго-западе — хазары, на западе — буртасы и к середине IX в., когда печенеги продвинулись до Дона,— славяне.

Со всеми этими народами печенеги вели постоянные войны, целью которых являлся захват богатой добычи и пастбищ, необходимых для выпаса увеличивающихся стад.

Но окруженные сильными племенами и государствами печенеги неоднократно терпели поражения: «все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают (в рабство)» [1],—писал Гардизи.

Наиболее могущественными и упорными врагами печенегов в IX в. были огузский и кипчакский союзы. Самым слабым звеном в окружавшем их кольце был распадающийся на части Хазарский каганат. Естественно, что именно с ним столкнулись печенеги, отступая под давлением юго-восточных соседей. Хазарский каган, пытаясь ослабить напор печенегов, заключил союз с гузами в конце IX в. Гузы начали войну с печенегами и, разбив их, захватили заволжские степи. Печенеги, оттесненные на неудобные кочевья, вынуждены были искать новые пастбища. Оставив в Заволжье наиболее разоренные, бедные, а потому безынициативные орды, печенеги двинулись на запад. Оставшиеся печенеги подчинились гузам и вошли в их племенной союз, об этом свидетельствуют как Константин Багрянородный, так и многие восточные авторы, упоминавшие в числе других родов, входивших в огузский союз, род печенегов. Ибн-Фадлан, проезжая через гузские земли в начале X в., писал, что встретил в районе оз. Челкар («воды похожей на море») народ печенегов, отличавшийся от гузов крайней бедностью.

Хазары ошиблись в расчетах, полагая, что война с гузами настолько обескровит печенежский союз, что он не будет в состоянии существовать как самостоятельное политическое объединение. Как уже говорилось, основная масса печенегов переправилась через Волгу и хлынула на территорию каганата, разделившись на два потока. Орды одного из них двинулись с северной границы собственно хазарских кочевий на юг, их целью было вторжение в наиболее богатые земли, подчиненные каганату,— в Боспор и Херсонес. Другие захватили обширные степи Донецко-Донского междуречья.

Годы завоевания печенегами южнорусских степей не получили достаточного отражения в источниках. Только в персидском географическом труде «Границы мира», составленном неизвестным автором X в., «из книг и рассказов умных людей» говорится несколько слов о двух ветвях печенегов. Географическое положение одной из них — «тюркской» он определяет следующим образом: «Восток их страны граничит с гузами, на юг от них Буртасы и Барадасы, на запад от них Мадьяры и Рус, на север от них (река) Рута...» Описание это запутано и неясно, однако, если признать,

---

[1] *Гардизи.* См. *В. В. Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 119.

что река «Рута» — Дон в среднем его течении, в том месте, где он делает изгиб на Восток, то окажется, что сведения обо всех остальных соседях печенегов даны Анонимом совершенно точно. Тюркские печенеги в период описанный Анонимом, кочевали в Донецко-Донском междуречье.

Другая ветвь — «хазарские печенеги» расположилась на землях, на восток от которых проходили «хазарские горы, на юг от них — Аланы, на запад — море Gurz, на север от них — Мирваты» [1] Хазарскими горами Аноним мог назвать только холмистую гряду предгорий Кавказа, тянущуюся вдоль Кума-Манычской впадины, так как настоящих гор, идущих с севера на юг, на территории южнорусских степей, вблизи Хазарского каганата, нет. В таком случае море Gurz — Азовское море, а это значит, что Хазарские печенеги занимали земли в устье Дона и Кубани [2]. Название «тюркские» и «хазарские» Аноним дал, по-видимому, по основному, наиболее опасному для печенегов соседу: у тюркских печенегов это были гузы — тюрки (торки русских летописей), у хазарских — хазары.

Хазарские печенеги, вклинившиеся между основной территорией Хазарии и подвластным ей в IX в. Крымом, прервали всякую связь между ними и этим нанесли экономике каганата сильный удар. Хазары всячески старались вытеснить печенегов с захваченных ими земель. Они постоянно нападали на них, уводили и продавали в рабство, угоняли скот и т. п. К каким-либо явственным результатам это не привело, печенеги не покинули междуречья Кубани и Дона. В X в. Константин Багрянородный писал, что они были очень близки «к Херсону, но еще ближе к Боспору» и что они «окружали» Боспор, т. е. подходили к нему не только со стороны Крыма, но и с Таманского полуострова [3].

«Тюркские» печенеги, захватив Донецко-Донское междуречье, разрушили все донские и донецкие крепости, построенные местным населением (Маяцкое, Салтовское, Мохначевское, Коробовское и другие городища) и подчинили это население (в основном болгар и ясов). Только небольшая часть его бежала на юг в земли собственно Хазарского каганата. Видимо, в этот период хазарская пограничная крепость Саркел была заселена и превратилась в мелкий пограничный городок-крепость с этнически пестрым населением.

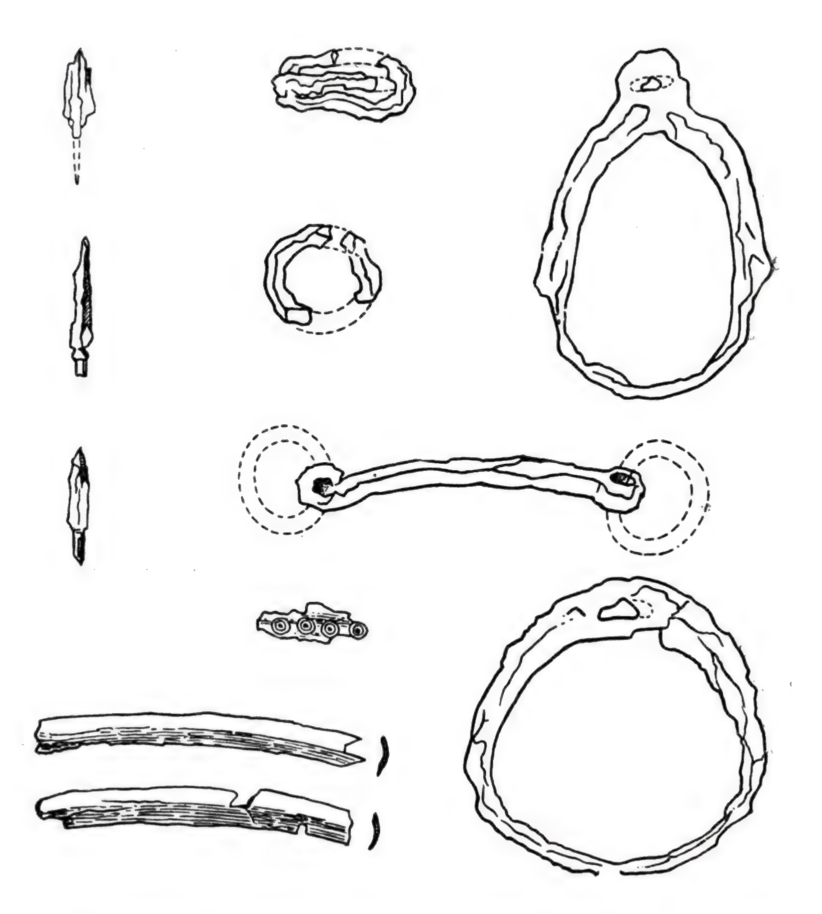
После окончательного завоевания северных земель каганата, печенеги начали упорную борьбу за расширение своей территории. Движение на восток, откуда их только что вытеснили гузы, было невозможно, движению на юг препятствовали хазары, поэтому печенеги вновь обратились на запад. На этот раз противниками их оказались мадьяры и Русь.

Для борьбы с мадьярами печенеги заключили в 892 г. союз с Дунайской Болгарией и, воспользовавшись тем, что основные силы мадьяр находились в походе, вторглись на их земли и почти полностью вырезали

[1] «Hudud-al-Alam», стр. 160.

[2] *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, стр. 142, рис. 3 (карта).

[3] *Константин Багрянородный.* Указ. соч., стр. 21.



Погребение кочевника-печенега с конем и инвентарь подобных захоронений IX—X вв. из курганов вблизи городища Саркел

оставшееся там население (женщин, стариков, детей). Вернувшиеся из похода мадьяры нашли свою землю «пустою и разграбленною» и потому решили поселиться в другом месте [1], тем более что передовые орды печенегов уже заняли к этому времени все основные места их кочевок. Таким образом, вытеснение мадьяр из Причерноморья произошло в 90-х годах IX в. В эти же годы печенеги сталкивались и с Русью. Об этом косвенным образом свидетельствует составленный русским летописцем хронологический перечень кочевых народов, проходивших в VIII—IX вв. через южнорусские степи. Таковы «булгаре», «угре белии», «обре» и далее «по сихъже придоша печенѣзи; и паки идоша угри чернии мимо Киевѣ». Последний раз угры — мадьяры прошли «мимо Киев» в 898 г.; очевидно. печенеги подходили к границам Руси раньше этого года, т. е. в разгар борьбы их за днепровские степи. К концу IX в. относится оттеснение уличей, живших в луке Днепра, на север в Поросье и построение близ р. Стугны сильно укрепленного уличского г. Пересечена [2]. Тогда же были разрушены славянские (тиверские) городки в Приднестровье [3]. Как и донецкие крепости города эти были превращены в груды развалин, что и отмечал в середине X в. Константин Багрянородный: «...по сю сторону реки Днестра... имеются опустевшие города...» [4].

Разгромом тиверцев завершен был захват причерноморских степей. К началу X в. печенеги овладели всей южнорусской степью от Волги до Прута, т. е. всей территорией, подробно очерченной в середине X в. Константином Багрянородным в трактате «Об управлении государством» [5],

Печенеги, как и большинство тюркоязычных племен, были кочевниками. Консервативность кочевнического общества, происходящая от замедленности развития производительных сил в кочевом скотоводческом хозяйстве, позволяет предполагать, что патриархально-родовой строй, характерный для общества скотоводов-кочевников от начала нашей эры до XX в., был господствовавшей формой экономических отношений и у печенегов.

Агрессивная политика печенегов, стремление их к захвату новых территорий свидетельствует о том, что они стояли на высшей ступени родо-племенного строя — военной демократии. О том же говорят и богатства, накопленные в руках печенежской родовой аристократии. Богатство и некоторые военные обычаи печенегов Гардизи характеризует следующим образом: «Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные пояса. У них есть знамена и копья, которые они подни-

---

[1] *Константин Багрянородный.* Указ. соч., стр. 19.
[2] *Б. А. Рыбаков.* Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 3—17.
[3] *Г. Б. Федоров.* Доклад на пленуме ИИМК в 1951 г.
[4] *Константин Багрянородный.* Указ. соч., стр. 16.
[5] *Б. А. Рыбаков.* Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 10, рис. 2.

мают во время битв; их трубы, в которые дуют во время битв, сделаны наподобие бычачьих голов» [1].

Слова о трубах в виде бычьих голов особенно интересны, они являются косвенным свидетельством того, что и печенеги, как огузы и другие тюркские племена считали своим тотемом-родоначальником быка-огуза [2].

Родо-племенная структура печенежского общества подробно описана в середине X в. Константином Багрянородным [3]. Из его рассказа видно, что печенежский союз делился на восемь округов или племен, а племена в свою очередь дробились на более мелкие части — роды (в племя входило пять родов).

Во главе племен стояли «великие князья», как называл их Константин Багрянородный, во главе родов — «меньшие князья». Князья выбирались на племенных советах, в которые входила вся разбогатевшая родовая верхушка. Русский летописец называет ее представителей «лучшие мужи в родах». В венгерских летописиях говорится, что из их числа избирались все должностные лица: сотники, десятники и т. д. Роль племенных и родовых князей сводилась главным образом к роли военачальников. Во время грабительских войн и длительных походов власть князей и родов, к которым они принадлежали, усиливалась, в их руках сосредоточивались огромные богатства. Все это приводило к тому, что власть некоторых родов становилась наследственной, причем интересно, что власть передавалась не по прямой линии, а племяннику или двоюродному брату. Константин Багрянородный объясняет это тем, «чтобы сан не переходил всецело к одной части рода, но чтобы власть наследовалась и воспринималась и в боковых ветвях».

Совету старейшин некоторые источники противопоставляют сходки — народные собрания. Сходка — совет рядовых воинов устраивалась в исключительных случаях, чаще всего во время походов, когда с мнением рядовых кочевников аристократии приходилось считаться.

Таким образом, у печенегов встречаются все признаки военной демократии, а именно: совет старейшин, выбранные на совете военачальники и народное собрание.

Судя по тому, что печенеги не оставили нам ни памятников искусства, ни оригинальных ремесленных изделий, мы можем утверждать, что у них не было ни развитого ремесла, ни самобытной культуры. Предметы прикладного искусства, дорогие ткани и оружие печенеги получали из соседних государств. До нас дошли сведения о постоянных торговых сношениях печенегов с окружающими их народами. Основным предметом торговли со стороны печенегов были скот и рабы, захваченные во время набегов. Набеги и войны были тесно связаны с выкупами и откупами, дававшими печенегам громадные богатства.

---

[1] *Гардизи.* См. *В. В. Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию..., стр. 120.

[2] *А. Н. Бернштам.* Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. СЭ, 1935, № 6,

[3] *Константин Багрянородный.* Указ соч., стр. 5 и сл.

Первый период истории печенежского союза окончился с завоеванием печенегами южнорусских степей. Длился он около 150 лет (вторая половина VIII—IX вв.). В дальнейшем, на протяжении X и до середины XI в., история печенегов неразрывно связана с историей Руси, под ударами которой печенеги в середине XI в. вынуждены были отступить в Придунайские степи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

1

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Древнерусское феодальное государство — Киевская Русь — сложилось в IX в., в эпоху, когда феодализм побеждал или уже победил в большинстве стран Востока и Европы.

С первых же своих шагов молодое русское государство стало играть важную роль в сложных взаимоотношениях различных народов и государств. Русь была связующим звеном между цветущими городами Востока и небогатыми землями Северной Европы.

Русь была передовой страной по сравнению со многими народами северо-востока и степного юга. Русь была своего рода богатырской заставой, заслонившей запад от натиска кочевников. Русский народ создал в ту эпоху яркую и самобытную культуру, послужившую впоследствии основой культуры русских, украинцев и белорусов.

Историческая роль древней Руси — одного из крупнейших государств средневековья — была очень велика.

В этой главе мы не будем рассматривать во всей полноте данные о Киевской Руси. Это уже сделано в III томе «Очерков истории СССР», вышедшем в свет ранее [1].

Наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть славянское общество и изучить те длительные, сложные и многообразные процессы, которые с закономерной неизбежностью привели в конце концов к образованию русского феодального государства.

В истории изучения этого важного вопроса было допущено много ошибок, тенденциозного истолкования источников, а порою даже явной недобросовестности, проявленной сторонниками так называемой норманской теории, ошибочно связывавшей образование русского государства с варягами-норманнами.

Появлению норманской теории (возникшей, как известно, в середине

---

[1] Очерки по истории СССР. Период феодализма IX—XIII вв., ч. I, М., 1953.

XVIII в. в среде немцев-иммигрантов) предшествовало изучение древнейших судеб Руси самими русскими учеными.

Интерес к истории первой русской державы возник еще в далекую эпоху формирования русского централизованного государства, когда наступило своеобразное возрождение древнерусской культуры. В это время переписывались и дополнялись древние летописи; «Повестью временных лет» начинались многие сводные исторические работы XV—XVI вв. Однако русские историки не довольствовались только одними летописными сведениями. Главным стремлением их было изучить эпоху, предшествующую варягам, и выяснить связи славян с многочисленными древними народами Европы, известными античным авторам. Особенно интересовали историков такие народы как скифы, сарматы, роксаланы. Иногда обнаруживалось наивное желание произвольно удревнить историю Руси. Так, например, в сочинении «О истории, еже о начале Русския земли» (XVII в.) родоначальником славян, русов, болгар и команов признается Скиф, внук Ноя. Основание легендарного г. Великого Словенска автор относит к глубокой древности — к середине III тысячелетия до н. э. Происхождение славян и названия «Русь» вызывало живой интерес у многих. «Есть здѣ недоумѣние многимъ, откуда, и въ кая лѣта и чесо ради наш Славенский народѣ наречеся Русью,— писал один из западнорусских летописцев в XVI—XVII вв. Далее этот автор обнаруживает значительную начитанность и знакомство с разнообразными источниками, называя в качестве предков Руси венедов, антов, алан, роксалан («акибы Русь и Аляны») и перечисляя множество теорий о происхождении Руси [1].

Большой интерес представляет так называемая Иоакимовская летопись XVII в., опубликованная в пересказе В. Н. Татищевым (он ее ошибочно относил к X в.). Автор Иоакимовской летописи знаком с византийскими и скандинавскими источниками и с историческими песнями. Славян и скифов он считает родственными народами, но не отождествляет их. Соседние со славянами народы он называет в верном хронологическом порядке: скифы, бастарны, вандалы, варяги. Автору известны такие названия, как Фракия, Иллирия, Гардарик, Биармия, Земгалия и др. Вся история славян представлена как история князей; причем имена народов или стран иногда давали повод измыслить одноименного князя.

Историк считал, что за десять поколений до Рюрика (т. е. примерно в VI—VII вв.) на Руси уже княжила местная славянская династия, представители которой в IX в. были Буривой и Гостомысл.

Русские историки XVII — начала XVIII в. сделали много для сбора различных материалов по ранней истории Руси. Итог этому периоду изучения Руси подвел В. Н. Татищев в своей «Истории Российской», написанной до 1739 г. [2]

---

[1] *Ф. Гиляров.* Предания русской начальной летописи. М., 1878.

[2] *В. Н. Татищев.* История Российская с самых древнейших времен, кн. 1. М., 1768.

Начатое Татищевым дело собирания и изучения древних русских рукописей, разбросанных по монастырским и частным библиотекам, не было продолжено и многие бесценные источники погибли.

Величайшее зло русской исторической науки — норманская теория долгое время подменяла подлинное пытливое изучение родной истории заранее подготовленной схемой, делавшей излишними всякие розыски местных предпосылок образования государства.

Как известно, норманская теория основывалась на следующих допущениях, казавшихся их авторам непреложными: дикость и некультурность древних славян, отсутствие у славян городов, элементов государственности, земледелия и ремесла, предполагаемое тождество летописной руси и варягов-норманнов, основание государства в славянских землях варягорусами. Август Шлецер, например, считал, что славяне до прибытия к ним Рюрика были близки по своей первобытности к дикарям Мадагаскара и Таити.

При такой постановке вопроса историки оставляли за собой право не заглядывать в глубь славянской истории, не изучать хозяйство и быт славян, рисовавшиеся им как «звериньский образ» жизни охотничьих полукочевых племен. Для историков-норманистов история Руси начиналась лишь с того момента, когда монах-летописец выводил на сцену жадных, коварных и опасных варягов, т. е. со второй половины IX в.

Слепое доверие к тексту позднейших летописных сводов, отсутствие критики источников, а нередко и тенденциозное стремление исказить историю русского народа сделали норманскую теорию на многие десятилетия опасным заблуждением.

Естественно, что норманская теория уже при самом своем возникновении вызвала возражения и категорические опровержения. Родоначальники норманизма, академики XVIII в., Зигфрид Байер, Иоганн Миллер, Август Шлецер нашли противника в лице прекрасного знатока русской старины М. В. Ломоносова, обрушившегося на ошибочные, ненаучные построения академиков-иноземцев. Этой борьбой началась двухвековая полемика между норманистами и антинорманистами. Главным предметом спора была этническая принадлежность руси и варягов. Вопрос был основательно запутан еще русскими летописцами XI—XII вв., и поэтому в процессе полемики возникали самые различные толкования. Нередко отождествляли русов и варягов, но одни ученые объявляли тех и других славянами, а другие ученые — скандинавами, норманнами.

Почти все противники скандинавского происхождения руси сходились в одном ошибочном представлении, что русь — какой-то иноземный народ, пришедший к славянам и создавший государство на славянской земле. Русь считали западными славянами, финнами, литовцами, тюрками-кочевниками, аланами, роксаланами, хазарами, венграми, готами, грузинами, евреями, кельтами, иранцами. Неисторический подход к решению вопроса, увлечение незначительными мелочами, некритическое отношение к источникам — все это и было причиной появления такого количества взаимо-

исключающих теорий. Лишь немногие ученые XIX в. стремились заглянуть в историю славян глубже летописных событий и понять процесс, длившийся несколько столетий. Среди этих ученых следует назвать прогрессивного эстонского деятеля, профессора Юрьевского университета Густава Эверса, обратившего внимание на византийские свидетельства о славянах в VI—VII вв. [1]. Много сделали для выяснения ненаучности норманской теории С. А. Гедеонов и В. И. Ламанский, давшие интересные исследования о славянах [2].

Слабее были позиции других антинорманистов, вроде Д. И. Иловайского, искавшего славян среди таких народов, которые никогда не имели родственного отношения к ним. Научный разгром некоторых буржуазных антинорманистов, произведенный их противниками, не означал еще, разумеется, краха самой идеи. На рубеже XIX и XX вв. ведущие буржуазные историки под видом объективного отношения к источникам проповедовали норманизм как якобы научную теорию, противопоставляемую патриотическим, но ненаучным положениям антинорманистов.

Отдельные представители буржуазной науки не останавливались даже перед научной недобросовестностью, искажая одни источники и умалчивая о других, невыгодных для норманистов (Ф. Вестберг).

Гиперкритицизм, сомнения в достоверности большинства источников, отказ от широко поставленных проблем, уход в изучение мелких фактов и боязнь определенных выводов — эти свойства загнивавшей буржуазной исторической науки крайне отрицательно сказались на изучении предпосылок образования Киевской Руси.

Легенда о добровольном призвании князей-варягов, возникшая в Новгороде еще в XI в., вскоре в условиях острой классовой борьбы была использована киевским летописцем XII в. для того, чтобы утвердить авторитет княжеской власти, изобразив ее как всенародно избранную. Поставленная буржуазными историками XIX—XX вв. в начале русского исторического процесса эта легенда должна была заменить собою невыгодное для этих историков описание процесса классообразования. Для того чтобы уклониться от правильного ответа на вопрос о причинах возникновения и о сущности государства, буржуазным историкам было выгодно говорить на эти темы словами летописца XII в. и поддерживать своим авторитетом тенденциозную легенду.

Достаточно вспомнить, как вождь буржуазной исторической науки В. О. Ключевский отвечал на вопрос о причинах возникновения государства, чтобы понять потребность в существовании норманской теории. «Интересы каждого лица,— писал Ключевский в 1905 г.,— приходят в столкновение с интересами другого; является борьба эгоизмов, разделяющая людей. Для ограничения этой борьбы выдумали, изобрели государство, где люди, соединяясь, уславливаются друг с другом не вредить своим

[1] *G. Evers.* Vom Ursprunge des russische Staates. Riga, 1808.

[2] *С. Гедеонов.* Варяги и Русь. СПб., 1876; *В. И. Ламанский.* О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. СПб., 1859.

эгоизмом друг другу. Следовательно, государство также придумано для облегчения отношений, как письменность и книгопечатание...» Естественно, что для такой «теории» нужны были исторические примеры, и легенда о добровольном призвании князей — краеугольный камень норманизма — снова сыграла свою роль в начале XX в., спустя девять столетий после своего рождения. В настоящее время норманская теория почти безраздельно господствует в исторической науке капиталистических стран. Невзирая на критику ряда положений норманизма, на обилие новых материалов о славянах, добытых советскими археологами и историками, современные буржуазные историки возрождают устаревшие взгляды норманистов в совершенно определенных политических целях.

Советская историческая наука, достигшая к настоящему времени серьезных успехов в изучении основных вопросов истории Киевской Руси, проделала сложный путь развития, прежде чем прочно стала на путь марксистско-ленинской методологии.

В общих работах по русской истории первых послереволюционных лет (Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского, П. И. Лященко) при отсутствии анализа источников, господствовали предвзятые схемы и еще не выработались основы изучения социально-экономических формаций. Попытки борьбы с буржуазными взглядами нередко приводили к вульгаризации марксизма.

Период образования древнерусского государства рассматривался в работах А. А. Шахматова, М. И. Ростовцева, В. А. Пархоменко, П. П. Смирнова [1].

Работа Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» основана преимущественно на лингвистических построениях и грешит увлечением миграциями. Шахматов совершенно не считался с хозяйственным строем древних славян и заставлял их бродить по Европе из одной «прародины» в другую.

М. И. Ростовцев, чувствуя несостоятельность норманской теории, но не желая в то же время признать возможным самостоятельное развитие славянского общества, выдвинул обновленный вариант норманизма: по представлению Ростовцева, творческим, организующим началом были готы, проникшие в Причерноморье во II в. н. э.

В противовес этим двум буржуазным ученым, сторонникам норманской теории, харьковский профессор В. А. Пархоменко выступил в 1924 г. с книгой «У истоков русской государственности», направленной против норманистов. Однако предпринятый Пархоменко пересмотр некоторых источников привел его к неприемлемым выводам о размещении славянских племен и о роли Хазарии в формировании Киевской Руси. Вышедшая

[1] *А. А. Шахматов.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919; *M. Rostovzev.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922 (гл. «Образование Киевского государства»); *В. А. Пархоменко.* У истоков русской государственности. Л., 1924. Павло Смірнов. Вользкий шлях і стародавні руси. (Нариси з руської Історії VI—IX вв.). Київ, 1928.

в 1928 г. книга П. П. Смирнова «Волжский путь и древние русы» явилась повторением старых взглядов Д. Щеглова о финском происхождении русов. Привлеченный автором материал арабских и персидских источников был использован им не по существу, а для доказательства парадоксальной предвзятой идеи, что будто бы ядро Руси — «Русский каганат» IX в. находился в Поволжье в районе Балахны и Ардатова [1]. Образование придуманного им русского государства Смирнов связывает со скандинавами, но в отличие от других норманистов он предполагает какие-то очень древние поселения русов-скандинавов в Поволжье, вынося тем самым этот вопрос за пределы освещенной источниками эпохи.

Перечисленные выше работы не продвинули вперед изучения сложного комплекса проблем, связанных с образованием древнерусского государства. Это объяснялось тем, что авторы не интересовались ни хозяйственной основой, ни социальным строем славян и не согласовывали возникавшие у них гипотезы с реальной историей славянских племен.

Интерес к внутренним процессам и к социально-экономической характеристике Киевской Руси пробудился несколько позднее. Одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов был вопрос о рабовладельческой формации в древней Руси в IX—XI вв. В противовес мнению о господстве феодальных отношений [2], некоторые историки (П. П. Смирнов, Б. И. Сыромятников и др.) стремились доказать, что основой производства Киевской Руси был труд рабов-холопов, челядинцев, упоминаемых в наиболее ранних памятниках русского законодательства. Неполнота и казуальная ограниченность этих памятников ошибочно были приняты за аргумент в пользу рабовладения. Новый этап углубленного изучения этих вопросов начался с опубликования дискуссии, вызванной глубоким и серьезным докладом Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Киевской Руси» 1933 г. [3] Б. Д. Греков, опираясь на ряд новых тогда для науки археологических материалов, установил новую дату начала феодальной формации — IX в., вместо указывавшихся ранее в литературе XI—XII вв. [4]

Доклад Б. Д. Грекова со временем превратился в книгу «Киевская Русь», вышедшую несколькими изданиями, каждое из которых являлось

---

[1] *Павло Смірнов.* Указ. соч.; см. также: *Д. Щеглов.* Новый опыт изложения первых страниц русской истории. «Тр. II АС», вып. 1. СПб., 1876, стр. 63—80. В настоящее время теория Щеглова воскрешена датским ученым Стендер-Петерсеном, считающим, что «Русский каганат» находился на Верхней Волге. *Ad. Stender-Petersen.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. (Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, vol. III. Firenze. 1955, стр. 180).

[2] *С. В. Юшков.* Феодальные отношения в Киевской Руси. «Уч. зап. Саратов. ун-та», т. III, 1925.

[3] На этой дискуссии И. И. Смирнов и В. В. Мавродин защищали теорию рабовладения (ИГАИМК, вып. 86, 1934, стр. 89—92, 95—102).

[4] В последующее время эта точка зрения нашла частичное обоснование в работах Б. А. Рыбакова «Древности Чернигова» (МИА, 11, М., 1949, стр. 51 и сл.), В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского «О времени сложения феодализма в древней Руси» (ВИ, 1950, № 8, стр. 60—77).

новым трудом, учитывавшим как новые материалы, так и критику, направленную в адрес предыдущего издания [1].

В дальнейшем была сделана попытка примирить две противоположные точки зрения о времени возникновения феодальных отношений — IX в. или XI в. и была создана так называемая теория «дофеодального периода», охватывающего как раз это спорное время от IX до XI в. Дофеодальный период рисовался историкам такой эпохой, когда государство уже существовало, а феодальные производственные отношения еще не сложились [2]. Однако обильный фактический материал не укладывался в эту схему: одиннадцатое столетие в отношении развития земледелия и ремесла не отличалось принципиально от предшествующего [3]. Работы археологов П. Н. Третьякова и В. И. Довженка показали ошибочность теории дофеодального государства IX—XI вв. у восточных славян [4].

Кроме путаницы в вопросе о дофеодальном периоде, следует указать ряд других ошибочных положений, существовавших в нашей исторической литературе. К ним относится, например, взгляд С. В. Юшкова на Русь как на разноплеменную социальную группу, поработившую славян [5].

Много неясности было и в оценке роли варягов в русской истории. Наряду с глубокими и интересными работами М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова, показавшими ошибочность ссылок на летопись в вопросе о тождестве варягов и руси и доказавшими славянство русов, существовало два противоположных взгляда: С. В. Бахрушин, например, приравнивал отношения между варягами и славянами к отношениям московских воевод XVII в. с сибирскими ясачными людьми, непомерно возвеличивая тем самым варягов-норманнов; некоторые же историки вообще умалчивали о варягах, создавая у читателей впечатление, что варягов не существовало.

В настоящее время перед советской исторической наукой стоит ряд важных задач в области изучения предпосылок и хода формирования первого русского государства — Киевской Руси. Необходим широкий охват всех видов исторических источников, тщательный и объективный источ-

[1] *Б. Д. Греков.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.— Л., 1935; *его же.* Киевская Русь. М., 1953.

[2] *С. В. Юшков.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939; *его же.* К вопросу о феодальном («варварском») государстве. ВИ, 1946, № 7; *его же.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 57.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948; *В. Й. Довженок.* Археологічні матеріали до історії хліборобства у древніх східних слов'ян на території УРСР. «Вісник Академії Наук УРСР», 1949, № 2, стр. 54—65.

[4] *В. Й. Довженок.* Про дофеодальний період в історії Русі. Археологія, т. VI, Київ, 1952, стр. 9—32; П. Н. *Третьяков.* Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 304 и сл.

[5] *С. В. Юшков.* К проблеме образования феодального государства. М. 1948; *В. В. Мавродин.* Образование древне-русского государства. А. 1945, стр. 113 и сл.; К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. В. И., 1949, № 11, стр. 65—89.

никоведческий анализ их и пересмотр всех существовавших точек зрения под углом заново создаваемой источниковедческой базы и марксистско-ленинской методологии.

2

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУСИ

Первые сведения о народе рос или рус, живущем в Восточной Европе, сохранены нам авторами VI в. н. э., той эпохи, когда славянские племена объединились в союзы и вступили в единоборство с Византийской империей.

От современников не укрылось, что в эту бурную пору общее собирательное имя венетов «стало изменяться теперь в зависимости от племен и мест» (Иордан), хотя в описании балканских походов они продолжали употреблять собирательные наименования—славяне и анты. Названия славянских племенных союзов этого времени, к сожалению, остались неизвестными. Единственным исключением является имя Руси, за которым могло скрываться и отдельное племя и наименование целого союза племен.

Народ рос (или рус) и люди из племени рос («росомоны») были известны в середине VI в. и латиноязычному секретарю готского князя из Северной Италии и сирийским писателям, интересовавшимся судьбами Византии.

В 50-е годы VI в., когда Иордан писал о появлении новых наименований славянских племен [1], безымянный автор сириец дополнил хронику Захарии Ритора географическим описанием народов, живших на север от Сирии. Здесь упомянуты армяне, грузины, абхазцы, болгары, аланы, хазары и ряд других народов. Всего перечислено 13 кочевых народов на пространстве от степей Причерноморья до Средней Азии. «Эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием». Далее, в тексте указываются соседи этих тринадцати народов в трех направлениях:

1. «Вглубь» от них (т. е., очевидно, прямо на север, так как перечисление ведется с юга на север) живет народ амазраты и «люди — псы». Возможно, что географически это соответствует Приуралью, и в амазратах, может быть, следует видеть удмуртов.

2. На северо-востоке указывается «три черных народа». Здесь речь идет, по всей вероятности, о палеазиатских народах Сибири, расположенных на северо-восток от степей Приаралья, заселенных тогда эфталитами, одним из перечисленных тринадцати кочевых народов.

3. На северо-запад от тринадцати тюркоязычных кочевых народов указаны амазонки, которые давно уже отождествлены с «женоуправляе-

---

[1] *Е. Ч. Скржинская.* О склавенах и антах, Мурсианском озере и Новиетуне. «Византийский временник», т. XII. М., 1957, стр. 4.

мыми» сармато-аланскими племенами в бассейне Дона и Донца. В ту эпоху, когда писалось добавление к Захарии Ритору, в 50-е годы VI в., сармато-аланы были в значительной степени оттеснены на северо-запад, прижаты к окраине лесостепи и частично проникли на земли славян в районе Среднего Днепра и Роси [1]. Именно это положение сармато-аланских племен в северо-западном углу степного пространства и соответствует месту, отведенному «амазонкам» в тексте сирийской рукописи. «Соседний с ними (амазонками) народ рос — мужи с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их тел». Судя по тому, что юго-восточными соседями амазонок были упомянутые 13 кочевых народов, надо полагать, что народ рос находился на север или на запад от них [2].

Давно уже это наименование было сопоставлено с Русью. Греки всегда называли Русь — «Рос» (Ρως). В древнейших русских письменных памятниках слово «русский» писалось не через «у», а через «о» — «Правда росьская», «росьски писмены». Быть может, не так уже наивно сближение первоначальной территории народа русь или рось с р. Росью, производившееся историками XVII в.? Описание сирийского автора прямо противопоставляет народ росов соседним с ними кочевникам: те живут за счет оружия, в шатрах, ездят на конях; у росов нет оружия, и они настолько велики и тяжелы, что кони не носят их. Здесь явное и, может быть, даже преувеличенное противопоставление оседлых славян-земледельцев кочевым коневодам степей. Что же касается крупного телосложения росов, то эту черту отмечали и более поздние авторы, писавшие о русах IX и X вв. «Русы мужественны и храбры... Ростом они высоки, красивы собою и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях» (Ибн-Даста). «Народ этот (русы) могущественный и телосложение у них крупное, мужество большое...» (Ибн-Мискавейх) [3].

---

[1] *К. Ф. Смирнов.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 214—215; *Ю. В. Кухаренко.* Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Автореферат диссертации. М., 1951.

[2] *А. П. Дьяконов.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4, стр. 84 и 86; *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л. 1941, стр. 165—166. Дьяконов указывает, что сирийская форма «Hros» могла произноситься и как «Рос» и как «Рус». Рукопись, где находится интересующий нас текст, относится к началу VII в.

[3] Описание сирийским автором народа рос напоминает гиперболизм русских былин, воспевающих русских богатырей:

«Не несла де его да коня доброго
Еще мати не несла да как сыра земля...»
«Я бы ездил тут на матушку на Сыру-Землю
Не носит меня Мать-Сыра-Земля...»
(Былина о Святогоре).

Конечно, эти фольклорные гиперболы не могут служить доказательством тождества росов VI в. русским богатырям, но могут говорить о наличии каких-то ска-

Сведения дополнительной географической приписки к хронике Захарии Ритора представляют для нас очень большой интерес, так как свидетельствуют о широкой известности русов в ту эпоху. Отдаленность Сирии от Руси не должна нас смущать, так как в VI—VII вв. восточные славяне под разными именами проникали далеко на юг: под именем антов их знали в Греции и на Нижнем Дону, под именем русов — у стен Дербента и Константинополя в 626 г. Наличие славянских слов отмечено в записях событий, сделанных в Закавказье армянами. Очевидно, сирийский автор, поставивший своей целью описание христианских и языческих народов северных областей, не мог пройти мимо народа рос, который семьдесят лет спустя оказался настолько могущественным, что осадил столицу Византии.

В другой сирийской рукописи VI в., современной приписке к Захарии Ритору, есть интересные вставки в более ранний текст, посвященные родословию русов. В толкованиях Ефрема Сирина на библию дается фантастическая генеалогия потомков Ноя. Среди них упоминается Иаван — отец ионян-греков, Кетим — отец росиев и Роданим — отец родиев [1].

В подобных фантастических родословиях древние историки пытались выразить взаимное родство известных им народов. Они совершали при этом большие ошибки, делали недопустимые сближения и произвольно устанавливали старшинство народов. Единственно, что заслуживает внимания в этих легендарных родословиях, — это перечень народов и особенно новые дополнения к существовавшим ранее перечням. В данном случае для нас интересно то, что сирийский автор IV в. или переписчик VI в. вставил в библейский перечень народов росиев и родиев, происходивших от двух братьев. В последующей византийской и славянской литературе IX—X вв. мы встретимся с точно таким же сопоставлением этих двух народов росов и родиев:

«Роди же, нарицаемии Руси (вариант — Русии), иже и Кумани, живяху в Ексинопонтѣ и начаша плѣновати страну Римляньскую и хотяху поити и въ Констянтинградъ...» так описывает неизвестный нам источник поход русов на Константинополь в 860 г. и последовавшее принятие христианства русами. Отрывки из этого старого византийского описания попали и в сербские переводы XIV в. и в русскую Никоновскую летопись XVI в. Однако первоначальный текст возник, вероятно, в IX в. или самое позднее в X в. Здесь имелись в виду те русы, которые продвинулись к 860 г. на юг, к берегам Черного моря («Евксинопонта»), откуда они и совершили поход на Царьград [2].

заний о русах и легенд, бывших в распоряжении сирийского географа. Следует напомнить, что, по исследованию Брима, собирательное имя всех восточных славян — анты — осмыслялось германскими народами и их соседями как «народ великанов». В нартском эпосе термин «анты» обозначает какой-то древний народ сказочных богатырей-великанов.

[1] *А. П. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 87.

[2] Пояснение «иже и Кумани» является, несомненно, позднейшей вставкой, не ранее XII в.

Обращает на себя внимание двойственность наименования — «Роди, нарицаемые Руси». Откуда взялось это другое, необычное имя, почему оно упоминается как синоним Руси?

Среди припонтийских племен мы не найдем в других источниках этого имени, но на Среднем Днепре, в коренной русской земле и именно на реке Роси мы знаем город Родню (вариант Родьню), существовавший как поселение, по крайней мере с первых веков нашей эры. Это была неприступная крепость на устье р. Роси, получившая впоследствии название Княжей Горы. Несомненно, что феодальному городу здесь предшествовало длительное время существовавшее поселение, название которого — Родня — можно связывать с древним культом славянского языческого бога Рода (предшествовавшим культу бога Перуна). История славянских народов знает много примеров возникновения средневековых городов на месте древних племенных центров, являвшихся по преимуществу культовыми языческими центрами, куда члены племени сходились для решения важнейших дел и празднеств в честь богов — покровителей племени [1].

Кроме того, мы знаем много примеров из русской истории, когда имя племени (или союза племен) сосуществовало с наименованием по главному городу (словене и новгородцы) или совпадало с ним (полочане). Поэтому вполне допустимо предположение, что двойственность наименований Руси была такого же происхождения: «Рось» (или Русь) — имя племени, совпадающее с названием реки (Рось), где это племя жило, и «Родь» (или Роди) — название того же племени, но происходящее от главного «града» племенного центра, расположенного на высокой неприступной горе у впадения реки Роси в Днепр. Что же касается географического указания источника на то, что роди-русы «живяху въ Ексинопонтѣ», т. е. на берегу Черного моря, то оно не должно нас смущать, так как к IX в., к моменту описываемых в источнике событий, русы, по свидетельству восточных авторов, жили на берегу Черного моря, часть которого даже называлась «морем русов».

Учитывая все сказанное, мы должны с особым интересом отнестись к первому появлению в сирийских источниках парного наименования двух родственных народов — «росов» и «родиев» — оно встречено в рукописи VI в., т. е. того же столетия, когда создавалось и «Описание вселенной», добавленное к хронике Захарии Ритора, говорящее о народе богатырей «Рос». До IX—X вв., когда составлялись повествования о походе Руси на Царьград 860 г., дожило двойственное наименование — русы и родии; позднее же сохранилось только одно из них, а название родиев исчезло, как исчезло со страниц летописей и имя города Родни. Наименование русов

---

[1] Древний культ Рода подробно описан неизместным русским автором XII — начала XIII в., написавшим свое поучение против язычества на корабле на пути в Константинополь. Он сопоставляет славянский культ Рода с египетским культом Озириса и дает интересную периодизацию истории славянского язычества, из которой явствует древность культа Рода (*Н. Гальковский.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. «Зап. Московск. археолог. ин-та», т. XVIII, М., 1913, стр. 24, 87).

долгое время существовало в двух формах: греки называли их «росами», древнейшие русские памятники тоже употребляли эту архаическую форму, но уже в начале X в. в письменных памятниках появилась новая огласовка — «русь», «русьский». Арабские, персидские и среднеазиатские авторы IX—X вв. употребляют только форму «рус». Один из наиболее ранних авторов Ибн-Хордадбех пишет очень определенно: «Русы есть племя из славян».

Не меньший интерес, чем сирийские упоминания о росах, вызывает рассказ готского историка Иордана, писавшего в те же годы, когда создавалось и дополнение к Захарии Ритору, т. е. в середине VI в. Повествуя о событиях IV в., когда перед причерноморскими готами появились гунны, «преследователи множества племен», и готы начали думать о бегстве, Иордан сообщает, что «вероломному племени Росомонов, которое в те времена служило ему (готскому князю Германариху), в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени (росомонов) по имени Сунильда за изменнический уход ее мужа, князь Германарих, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и разгорячив их к бегу. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Уязвленный этой раной, князь в слабости влачил жизнь больного». Смерть Германариха позволила гуннам разбить остроготов [1].

Росомоны — в германской или аланской огласовке — «люди племени Рос» (аланское mojne).

Применение такой формы Иорданом может косвенно указывать на то, что Германариху служили не племя «Рос», а только какая-то часть его. «люди племени Рос», которые перед угрозой гуннского нашествия отошли от готов. Германарих, очевидно, практиковал систему заложников и зверски расправился с Сунильдой.

Надо полагать, что в приведенном тексте речь идет не о простых росомонах, а о представителях племенной знати, уход которых был ощутим для готского князя.

Исходя из того, что покушение братьев-мстителей на готского князя не вызвало со стороны готов никаких действий по отношению к племени рос, можно думать, что коренные земли этого племени находились в отдалении от ставки князя восточных готов. Судя по тому, что росомоны ни разу не были упомянуты Иорданом ранее в его географических обзорах, соседних с готами племен, их следует считать не особенно значительным народом, имя которого покрывалось, очевидно, каким-то более общим собирательным именем, например, венетов или антов. Сочинение Иордана, написанное в VI в., повествует о значительно более ранних событиях 70-х годов IV в. Упоминание в этой связи «людей племени Рос» является наиболее ранним сообщением о Руси и о связях этого племени с причерноморским югом.

---

[1] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). Перевод Е. Ч. Скржинской. Рукопись сектора византиноведения Института истории АН СССР.

О русах IV—VI вв., кроме Ефрема Сирина, Псевдо-Захарии и Иордана, говорит еще один, правда, очень поздний источник — «Степенная книга» середины XVI в. Русские историки эпохи Ивана Грозного, не довольствуясь копированием одних и тех же летописей, отыскали много новых исторических источников, ставших впоследствии объектом изучения крупнейших византинистов XIX—XX вв. («Житие Стефана Сурожского», «Сказание о чудесах Дмитрия Солунского» и др.) и частично включили их данные в «Степенную книгу». В том самом разделе, где перечисляются эти новые источники, авторы передают интереснейшие сведения о русах IV в., отсутствующие у Иордана, но как бы развивающие далее рассказ Иордана о вражде росомонов и готов.

Рассказав о древних походах русов на Херсонес и Солунь, авторы «Степенной книги» углубляются в еще более далекую старину и повествуют о борьбе русов с императором Феодосием Великим, «другом готов».

«Еще же древле и царь Феодосий Великий имѣяше брань с Русскими вои, его же укрепи молитвою великий старець Египтянин именемъ Иванъ Пустынникъ» [1]. Феодосий Великий (379—395 гг.) содержал на службе многотысячное готское войско. Начало его царствования почти совпало во времени с борьбой готского князя Германариха с «вероломными росомонами» (375 г.). Быть может, какие-то отголоски этой борьбы слышались и тогда, когда враждовавшие с росомонами готы стали союзниками императора Феодосия, прозванного «другом готов». Откуда узнали об этом авторы «Степенной книги», неизвестно.

Также загадочно происхождение и другого известия: «Послѣди же и при Ираклии цари ходиша Русь и на царя Хоздроя Персьского» [2]. О походах русов в 30—40-е годы VII в. на Дербент и закавказские владения Хосрова мы знаем только из сочинений арабских авторов X в. ат-Табари и аль-Беладзори. Сведения «Степенной книги» не повторяются в других русских источниках, однако их нельзя назвать фантастическими — зерно истины есть в каждом из них; нам только неясны конкретные источники этих сведений о русах IV—VII вв., не сохранившиеся до наших дней.

Все приведенные выше разнородные (латинские, сирийские и русские) источники о русах IV—VI вв. очень отрывочны и каждый источник сам по себе, может быть, и недостаточен для выводов, но в совокупности представляют для нас большой интерес.

* * *

Разобранные выше древнейшие свидетельства о Руси драгоценны для нас потому, что они убедительно говорят, во-первых, о существовании Руси за пять столетий до прихода варягов, а, во-вторых, говорят о той известности, которую приобретал народ рос в середине I тысячелетия н. э.

---

[1] «Степенная книга». ПСРЛ, XXI, стр. 63.
[2] Там же, стр. 63.

Но, к сожалению, рассмотренные источники оставляют все же без ответа многие возникающие у нас вопросы.

Прежде всего остается неясным географическое положение русской земли — оно определялось только в самых общих чертах, а между тем местоположение земли народа рос очень важно для решения вопроса, о происхождении Руси в целом.

На помощь нам здесь приходит обильный историко-географический материал XI—XIII вв. о Русской земле, отражающий более раннее положение.

Историками давно уже отмечено, что употребление слов «Русская земля» в источниках XI—XIII вв. имело двойственный характер: во-первых, так говорили обо всех русских племенах и княжествах, взятых вместе и противопоставляемых кочевникам, византийцам, западным странам. Во-вторых, под «Русской землей» в тех же самых источниках нередко подразумевалась только определенная часть русских племен и княжеств, составлявшая ядро Руси, Русь по преимуществу.

Впервые с таким двойственным определением мы встречаемся в сочинении византийского императора Константина Багрянородного, написанном в середине X в. Константин различает «Русь внешнюю» и просто «Русь» вокруг Киева [1].

В XI—XII вв. с усилением феодальной раздробленности и с появлением областного летописания все чаще встречаются упоминания Руси в узком смысле. Слова «Русь», «Русская земля» сохраняют в это время свое широкое значение, определяющее территорию древнерусской народности от Ладоги до Белгорода Днестровского и от Карпат до Средней Волги, но, наряду с этим значением, они нередко употребляются и в ограниченном узком смысле конкретного географического определения. Оказывается, что из русского города Новгорода можно проехать в «Русь»; из русского Владимира на Клязьме тоже путешествуют в «Русь»; галицкие полки бьются во время междукняжеских усобиц с «русскими» полками; «русские» полки противопоставляются смоленским полкам. Этой «Русью» в узком смысле слова являются Киев и ряд южнорусских городов.

Анализ всех летописных текстов XI—XII вв. позволяет очертить границы этой «внутренней Руси»; в нее входили города и области лесостепной полосы: Киев, Белгород, Вышгород, Василев, города на р. Роси (Торцький, Треполь, Корьсунь, Богуславль, Канев), Переяславль Русский, Чернигов, Остерский Городец, Стародуб, Трубчевск, Новгород Северский, Глухов, Курск, города на р. Горыни («русской земли волости») [2].

При нанесении этого списка на карту мы видим, что «Русская земля» занимает компактное пространство, являвшееся историческим ядром

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. Перевод В. В. Латышева и Н. В. Малицкого. ИГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 37, карта, стр. 38; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Киевской Руси, но не представлявшее в эту позднюю пору (XI—XII вв.) политического единства. На территории Руси в узком, географическом смысле слова находились десятки враждовавших между собой феодальных княжеств. Совершенно несомненно, что выделение лесостепной области от Киева до Курска из всех русских земель в одно обособленное географическое понятие не могло быть новым явлением, родившимся в эпоху феодальной раздробленности Руси, так как оно совершенно не совпадало ни с культурными, ни с политическими, ни с династическими границами XI—XII вв. Очевидно, для того времени единство Южной Руси было только историческим воспоминанием, не находившим себе соответствия в обстановке времен летописцев.

К какой же эпохе должно быть отнесено возникновение того единства южнорусских земель, которое так прочно вошло в географический обиход летописцев?

Письменные источники не могут дать нам ответа на этот вопрос и нам нужно обратиться к археологическим материалам. Изучая географическое размещение археологических культур Восточной Европы в I тысячелетии н. э., мы только один раз за всю тысячу лет можем установить совпадение археологического ареала с установленной выше территорией «внутренней Руси». Это — распространение так называемой культуры пальчатых фибул VI—VII вв., охватившей в это время весь юго-восточный угол антских земель, обращенный к степям. Эту культуру можно назвать «древностями русов», она представлена большим количеством кладов и случайных находок мужских и женских украшений, поясных наборов, фибул (застежек для плащей), портупейных застежек, оружия. Область ее распространения удивительным образом до мелочей совпадает с областью «Русской земли» в узком смысле этих слов: на западе она ограничена Киевщиной и бассейном Роси, на севере охватывает Чернигов, Стародуб, Курск, юго-восточная граница совпадает с границей славянского населения.

Внутри этой области, очерченной как археологическими данными VI—VII вв., так и позднейшей географической терминологией XI—XII вв., мы встречаем и очень характерную топонимику, связанную с термином «Рос — Рус». В эту область входит бассейн реки Роси; южнее устья Роси на Днепре есть степное пространство, называемое «Русской Поляной». Река Оскол (на востоке «Русской земли») называлась ранее Росью; на северной окраине известна река Русь, приток Сейма.

Археологические комплексы VI—VII вв., характеризующие Южную Русь, свидетельствуют о значительном богатстве их владельцев — здесь много дорогих серебряных и позолоченных вещей местной работы, есть серебряная посуда византийского изготовления.

Характерной чертой этой археологической культуры, резко выделяющей ее из среды остальных славянских племен, является близкая связь ее с культурой причерноморских городов — Керчи, Херсонеса и др. Приднепровские дружинники VI—VII вв., носившие оружие на серебряных наборных поясах, одевавшиеся в вышитые рубахи и приобретавшие

своим женам серебряные височные кольца и браслеты, в то же время были хорошо знакомы с обычаями и костюмами южных дружин и подражали боспорским образцам IV—VI вв. Очевидно, мы имеем здесь дело с народом, который очень хорошо и близко был знаком с берегами «Евксинопонта» и сам был, вероятно, достаточно известен на юге.

Несомненная связь древностей из «Русской земли» с причерноморскими, впервые явно обозначившаяся уже в IV в., заставляет вспомнить «росомонов», людей из племени рос, служивших в войсках Германариха в IV в.

Наиболее богатые находки в области древностей русов обнаружены в нижнем течении Роси, в окрестностях древнего г. Родни. Особенно интересен клад VI в. из с. Мартыновки, расположенного в 10 км от Родни — Княжей Горы. Здесь найдены серебряные поясные наборы с тамгами, напоминающими позднейшие русские княжеские знаки, серебряные фибулы, височные кольца. По подбору вещей это — наиболее богатый комплекс среди всех древностей русов. Наиболее важны в Мартыновском кладе литые серебряные фигурки коней и людей. Кони изображены, как в сказках,— с золотыми гривами и золотыми копытами. Фигурки четверых мужчин тоже расцвечены позолотой. Научный интерес этих изображений заключается в том, что одежда мужчин совершенно точно соответствует как византийскому описанию одежды славян, так и данным украинско-русской этнографии: штаны, стянутые у щиколотки и вправленная в них рубаха с широкой вышитой полосой от ворота до пояса. Такие рубахи характерны как для украинцев, так и для белорусов и южных великоросов.

На обширной территории распространения древностей русов можно наметить три различных района, отличающихся некоторыми деталями вещей. Один район, возможно, соответствует летописным полянам, другой — летописным северянам, а третий, наиболее насыщенный находками,— охватывает реку Рось и, может быть, относился к землям племени рос [1].

Однако следует сказать, что общих черт, объединяющих все три района в одно культурное целое, значительно больше, чем различий. Очевидно, области трех славянских племен жили в VI—VII вв. общей жизнью и были тесно связаны с городами Причерноморья, находившимися от южных рубежей Руси в 5—6 днях конного пути.

Центром этой обширной земли нескольких славянских племен было, судя по всему, нижнее течение Роси; возможно, что уже тогда видное место занял такой пункт, как Родня на устье Роси. Другим крупным центром было городище южнее Роси (близ с. Пастерского), носившее название Жарища [2].

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы, стр. 98—101.

[2] Вдоль южной окраины Русской земли VI—VII вв., вероятно, оседали сармато-аланские племена, потесненные гуннами, аварами и хазарами. Могли здесь быть и потомки древних скифов. Постепенно все эти степняки ославянились. Последним отзвуком существования на рубежах Руси ираноязычных племен является наличие в пантеоне языческих богов князя Владимира иранского бога солнца Хорса.

Бронзовые украшения из клада VII в. у дер. Колосково Воронежской обл.

Серебряные поясные украшения из клада у с. Мартыновка на р. Рось

Серебряные поясные украшения из клада у с. Мартыновка на р. Рось

Серебряные сосуды из клада VI—VII вв.
у с. Мартыновка на р. Рось

Металлические украшения VI—VII вв. с городища Пастерское (Жарище) в бассейне р. Тясьмин и из других мест

Серебряная фибула из клада у с. Мартыновка на р. Рось

Сопоставление всех видов источников позволяет сделать следующие выводы: единство Русской земли (в узком смысле слова) сформировалось около VI в. и сохранялось в этих пределах примерно два столетия. Это единство материальной культуры было характерно для земли юго-восточных славянских племен, из которых летописцам XI—XII вв. известны северяне и поляне, «яже ныне зовомая Русь». Естественнее всего допустить, что это культурное единство отражает существование длительного союза племен, получившего общее наименование по одному из вошедших в его состав племен — Руси. Местом поселения племени русь или в более ранней форме рось следует считать р. Рось и ближайший участок бассейна Днепра. Археологически этому соответствует один из внутренних районов древностей русов [1].

Северными соседями русов были поляне, а восточными — северяне. Возможно, что между русами и полянами жили некогда на р. Стугне уличи, переселившиеся позднее вниз по Днепру «оли и до моря». Судя по археологическим данным, уже в IV в. существовали связи с Причерноморьем и могло иметь место переселение дружинников и племенной знати на юг, где они стали известны под именем «росомонов». В V—VI вв., после ухода большей части готов и гуннов на запад, эти связи укрепились

[1] Предложенная автором данной главы трактовка вопроса о древностях русов, являющаяся дальнейшим развитием гипотезы А. А. Спицына о древностях антов (1928 г.), вызвала полемику в печати. Так, М. И. Артамонов в тезисах доклада «Славяне и Русь» (Л., 1956, стр. 3—6) утверждает, что черняховская культура принадлежит только готам, а не славянам и что русы являются не славянским, а сармато-аланским племенем.

Признавая сильную смешанность юго-восточных славян с сарматами, начавшуюся еще во времена Тацита, мы не можем, тем не менее, полностью признать гипотезу М. И. Артамонова правильной. С рядом поправок и возражений к статье Б. А. Рыбакова «Древние русы» выступила и Г. Ф. Корзухина («К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия». СА, XXII, 1955, стр. 61—82). В статье Г. Ф. Корзухиной есть целый ряд верных положений, например, о датировке кладов, о наличии перерыва в равномерном развитии культуры, в VI—VII вв. и др.

Многие ошибки Г. Ф. Корзухиной тщательно разобраны М. Ю. Брайчевским в статье «О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян (по поводу статьи Г. Ф. Корзухиной)» (КСИА АН УССР, вып. 6, 1956, стр. 79—86).

Серебряные позолоченные фигурки людей и животных из клада у с. Мартыновка на р. Рось

и наложили свой отпечаток на культуру лесостепных славянских племен. Появление в VI в. в южнорусских степях новой волны кочевников-аваров содействовало сплочению славян в племенные союзы, одним из которых и был, очевидно, союз народа рос, объединивший ряд лесостепных племен и получивший известность как народ богатырей далеко за пределами славянских земель.

Область союза племен, Русской земли VI—VII вв. охватила значительное пространство лесостепи от Киевских гор на западе до Оскола-Роси на востоке. Политическим и культовым центром этого союза племен мог быть «град» Родня на Роси, а одним из наиболее почитаемых языческих богов — древний Род, названный в источниках предшественником Перуна.

Это объяснило бы и загадочное двойственное наименование «Родь — нарицаемии Руси» и появившееся уже в VI в. далеко в Сирии (одновременно со сведениями о богатырском народе Рос) дополнение к библии, повествующее о двух братьях, родоначальниках двух народов — «родиев» и «росиев». Неудивительно, что на Ближнем Востоке сведения о приднепровских племенах облекались в сказочную форму; интересно то, что в VI в., в эпоху борьбы славян с Византией, сведения о внутренних, отдаленных от империи областях, проникали в далекие страны Востока. Интересно также, что из всех славянских областей выделяется уже тогда область Руси или Русского союза племен, явившаяся ядром будущей древнерусской народности и будущего государства — Киевской Руси.

* * *

Одним из своеобразий русского исторического процесса являлось наличие в древности обширных степных пространств на юге и юго-востоке области славянского этногенеза и на границах Русского государства. Нельзя думать, подобно буржуазным историкам, что «борьба со степью» направила историю русского народа по совершенно иному пути, чем у других народов. Общая закономерность не зависит от географических условий, но конкретная история того или иного народа, отдельные этапы ее могут быть связаны с географическим положением. Важная роль степных пространств, населенных в средние века кочевниками, подразумевается, когда речь идет о формировании межнациональных государств в Восточной Европе ранее, чем здесь сформировались нации и исчезли феодальные отношения. В процессе этногенеза и образования первых варварских государств географический фактор был очень существенным. Степи в сочетании с кочевым коневодческим хозяйством способствовали сближению степных племен между собой, степи вплотную подходили к рабовладельческим городам Причерноморья и изолировали лесные области от связей с этими городами. Господство кочевников в степях поддерживало экстенсивный способ хозяйства, не позволяя земледельческим племенам освоить черноземные пространства юга. В этом смысле борьба «леса и степи», т. е. борьба земледельческих племен с кочевыми, является борьбой за более интенсивный, более совершенный вид хозяйства.

а

б

Городище Любеч на р. Днепр. (*а*); городище Гочево на р. Псел (*б*)

Установление современного климатического режима в начале скифской эпохи окончательно определило границы ландшафтных зон, с которыми приходится иметь дело историку. Составленные ботаниками карты восстановленного растительного покрова, т. е. естественного распределения лесов и степей до вмешательства человека, позволяют нам достаточно подробно представить себе те природные условия, в которых действовали наши предки [1].

Обширные лесные пространства северной половины Европейской равнины отделены от южных степей широкой полосой лесостепи, пересекающей равнину наискось с юго-запада на северо-восток. Лесостепная полоса, равная у Днепра 300 км, местами расширяется до 500 км (на Дону). В этой промежуточной полосе и происходило соприкосновение земледельческих и скотоводческих племен Восточной Европы. Здесь оседали кочевники, связанные со степью лишь сезонно, в этих местах земледельцы ранее всего перешли к пашенному земледелию, а в дальнейшем, с развитием определенных социальных отношений, посылали свои дружины на юг в степь, которые постепенно превращались в степных «бродников», порвавших с родной землей.

Примером оседания кочевников в лесостепи могут служить «свои поганые» — торки и берендеи, разместившиеся в XII в. по реке Роси и игравшие важную роль в междукняжеских отношениях в качестве вассального войска. Торки использовались киевскими князьями и как заслон от половцев.

С лесостепной полосой связаны важнейшие жизненные центры Киевской Руси, здесь проходили и древние змиевы валы и позднейшая русско-половецкая граница, в этих местах в VIII—IX вв. возникли крепости салтово-маяцкого типа.

Процесс создания дружин шел на всем протяжении лесостепи от Карпат до мордовских лесов.

Однако нельзя понимать европейскую лесостепь как нечто совершенно единое. Присматриваясь к исторической жизни на территории лесостепной полосы, мы видим, что в этом отношении лесостепь распадается на ряд неравномерных участков. В этом смысле очень показательно распределение на карте русских городов X—XIII вв. Они не заходят восточнее р. Оскола, далее начинается почти безлюдная полоса водораздела Сейма и Донца, с одной стороны, и Дона, с другой. Не только городов, но и городищ и курганов здесь почти нет. На Дону мы встречаем островок поселений и курганов от скифского времени до славянского, а далее на восток опять идет очень слабо заселенная полоса с совершенно иным этногеническим направлением.

---

[1] *Л. С. Берг.* Географические зоны Советского Союза. М., 1947; *Л. С. Берг.* Климат и жизнь. М., 1947; *Г. Вальтер* и *В. Алехин.* Основы ботанической географии.М., 1936; *Л. И. Прасолов.* Почвы СССР; т. I. М.— Л., 1939. См. Почвенные карты; *Г. Гроссет.* Лес и степь в их взаимоотношениях в пределах лесостепной полосы Восточной Европы. Воронеж, 1930.

Даже внутри, так сказать, «исторической» части лесостепи существуют малозаселенные поперечные (меридиональные) полосы. Наиболее важная из них(шириной 80—120 км) идет вдоль левого берега Днепра от низовьев Десны к низовьям Орели. За исключением самого берега Днепра мы не видим далее на восток ни скифских поселений или курганов, ни полей погребений, ни славянских курганов. Если мы взглянем на подробную карту XIX в., то увидим, что и в это время деревни здесь крайне малочисленны; есть просто безлюдные пространства. Густое земледельческое население во все перечисленные эпохи встречается лишь в районе Полтавы. К сожалению, историки и даже археологи часто пренебрегают географическими данными и не принимают во внимание ландшафтных зон.

Разгадка пустынных полос, прерывающих нашу лесостепь, заключается в солонцеватых почвах, одинаково неблагоприятных и для скотоводства и для земледелия. В древности в этой почве содержалось больше различных солей и соды, вредных для растений; постепенно они выщелачиваются, но как раз днепровские террасы содержат плохо растворимые элементы [1].

Широкие полосы солонцеватых и осолоделых почв, бесплодных и неблагоприятных для человека, идут вдоль левого берега Днепра и левого берега Дона, объясняя нам их устойчивую безлюдность на протяжении многих столетий. Когда речь идет о слиянии тех или иных племен в процессе этногенеза, следует учитывать эти незаселенные пространства, неизбежно препятствующие консолидации.

Для нас важен также и микроландшафт лесостепи, так как эта двуединая область вся состоит из островков леса среди степи. В ряде случаев для северянской территории мы видим, что славяне-земледельцы селятся на северных опушках лесных островков, как бы заслоняясь лесом от своих кочевых соседей [2]. Бассейн Среднего Днепра, область «Русской земли» в узком смысле, определяемая тремя городами — Киевом, Черниговом и Переяславлем, будет интересовать нас особо, так как именно здесь мы должны искать древнейшую русь и полян.

Чернигов и Киев лежат на самой южной границе зоны сосновых лесов (частично заболоченных), растущих на подзолистых песчаных почвах. Это — те породы леса, которые назывались в летописи словом «бор». Летописец очень точно изобразил природу Киева: «и бяше около (града) лѣсъ и боръ великъ...». Действительно, позади Киева на севере начинался сосновый бор, а впереди — неширокая полоса лиственного леса, дубрав. Сосновый бор — малопригодная для земледелия среда; Днепр выше Киева течет по малозаселенному дреговичско-радимичскому Полесью.

Для многих племен среднерусских лесных областей место слияния Днепра и Десны было как бы воротами в мир, в южные степи. Поэтому

---

[1] *К. К. Гедройц.* Солонцы, их происхождение, свойства и мелиорация. Л., 1928; *Л. С. Берг.* Географические зоны..., стр. 335.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 87, рис. 33, карта.

и историческую роль Киева мы должны рассматривать не столько в качестве центра полянской земли (каковым он, вероятно, и не был в древности), сколько в качестве сборного пункта северных славянских дружин, стекавшихся сюда для того, чтобы выйти на простор южных степей [1].

И не в эпоху Константина Багрянородного, а на тысячу лет раньше киевские горы у устья Десны стали такими воротами в степь для лесных племен севера. Южнее Киева открытые луговые пространства лесостепи шли двумя полосами на запад от Днепра. Северная, ближайшая к Киеву степная полоса (внутри лесостепи), начиналась близ древних городов Треполя и Витичева и шла далеко на запад между 49 и 50° северной широты, включая в себя города Котельницу, Збараж, Шумск, Теребовль, Перемышль. Южной границей этой степной полосы была река Рось и верховья Южного Буга. Более плодородной являлась западная, волынская часть, так как близ Днепра (между древними Торческом и Белгородом) находится район бесплодных осолоделых почв, где не было ни одного древнерусского города [2].

Еще далее на юг идет в том же широтном направлении от Днепра на запад довольно широкая полоса дубовых и грабовых лесов, в южной половине которой проходит вторая полоска открытых безлесных пространств, тянущаяся на юго-запад. Она тоже начинается у Днепра близ Черкасс, где есть село с примечательным названием «Русская Поляна» и идет в направлении Журавки и Смелы на Тясмине. Эта лесостепная поляна прикрыта с юга неровной полосой леса, прямо за которым начинается чистая ковыльная степь.

Итак, правобережье Днепра представляет собой (если смотреть с севера на юг) ряд чередующихся ландшафтных полос, вытянутых с востока на запад:

Бор — 150—200 км
Дубравы — 40 км
Степь — 60 км }
Дубравы — 70 км } лесостепная
Степь — 50 км } зона
Дубравы — 20 км }
Ковыльная степь — 120 км

Интересно размещение археологических памятников по этим ландшафтным зонам. Наиболее ранние скифские курганы Каневской и Тясминской групп [3] расположены как раз в обеих степных полянах среди лесостепи: Каневская группа в северной, более протяженной (в той ее части, которая лишена солонцов и солодей), а Тясминская — в южной

[1] Из северных племен лишь область вятичей, далеких от Киева и Днепра, имела свои выходы к степным пространствам. Быть может, поэтому вятичи и не участвовали в походах на Византию в X в.?

[2] Характерно, что на современной карте это же пространство показано заселенным очень редко. (Специальная карта Европейской России 1920 г. Масштаб 10 верст в 1 дюйме).

[3] *П Д. Либеров.* Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 93—104.

русской поляне. Оба района были защищены лесами: южный — одним лесным заслоном, а северный (Каневский) — двумя. Третья скифская группа правобережья, так называемая Журовская располагалась уже прямо на самой границе со степью в открытом месте без всякого лесного заслона. Это — более поздние выселенцы с берегов Тясмина, вышедшие на берег степного моря и взявшие в свои руки всю эллино-скифскую торговлю правобережья. В эпоху полей погребений здесь были заселены преимущественно эти же степные поляны в лесостепи. Преемственная связь с местными племенами подтверждается и этим географическим совпадением.

Наличие полей погребений в зоне дубрав свидетельствует об активном вмешательстве человека в ландшафт, о вырубании лесных островков полянами-земледельцами.

Современное распределение лесов далеко не соответствует тому восстановленному растительному покрову, картой которого мы сейчас пользуемся. Тех защитных полос дубрав, о которых говорится выше, в настоящее время уже нет, большая часть их уже сведена и распахана, причем распашка началась еще во времена полей погребений. В эпоху Киевской Руси по р. Роси в местах бывших дубово-грабовых лесов живут поселенные киевскими князьями торки и берендеи, а позднее, в XIV-XV вв.— в эпоху частых татарских набегов, мы наблюдаем запустение заселенных ранее степных полян лесостепи. На Тясмине известно только три села; территория «Перепетово Поле» — безлюдна, а область верховьев Тикича называлась «пустыней» [1]. На Россаве хозяйничали татары. Русское земледельческое население попряталось в уцелевшие лесные островки.

География правобережных лесов интересна для нас с точки зрения славянских походов на юго-запад в Византию. Полоса лесов тянется от устья Псла почти к низовьям Дуная, облегчая более или менее скрытый подход к рубежам империи.

Природа левобережья Днепра имеет совсем иной характер. Граница сплошных лесов идет несколько южнее Десны, следуя ее изгибу, а затем идет строго по Сейму (правый берег — лесной, левый — лесостепной) до Курска. Здесь граница резко поднимается к северу, к верховьям Оки. От Днепра до Мокши простирается обширная полоса лесостепи шириной в 200 км; в районе Дона ширина достигает 400 км.

Солончаковые полосы обрамляют лесостепь с запада (по левому берегу Днепра) и с востока (левобережье Дона). В оставшейся средней части (от Полтавы до Воронежа) много открытых черноземных земель с довольно значительными лесными островками. Наиболее крупные лесные острова по правому берегу Ворсклы, в верховьях Северского Донца, по Удам и Можу; в верховьях Оскола, в верховьях Дона.

Узкой полосой сосновые боры идут по Северскому Донцу, перерезая поперек зону ковыльных степей. Большинство лесных островов подходит к

---

[1] *П. Г. Клепацкий.* Очерки по истории Киевской земли. «Зап. Новороссийского ун-та», т. I. Одесса, 1912, стр. 400.

южной границе лесостепи, а некоторые из них граничат прямо с ковыльной степью.

Вглядываясь в естественно-географические особенности левобережья, мы видим, что археологические памятники и скифской эпохи и более поздние примыкают к лесным островам. Кажущееся противоречие с положением на правом берегу, где земледельцы селились на степных полянах лесных массивов, на самом деле легко разъясняется — и там и здесь земледельцы древности стремились «заложиться лесом» от опасных номадов юга.

Железный сошник VIII-X вв. с городища у с. Лебедка на Верхней Оке

Западная граница поселений скифов-пахарей и городищ роменского типа доходила только до солончаковой полосы левого берега Днепра. Лишь в эпоху полей погребений, как прослежено И. И. Ляпушкиным, встречаются селища в низовьях Псла и Ворсклы, т. е. в районе переправ через Днепр.

Подводя итоги беглому обзору ландшафтных зон, нужно сказать, что русская лесостепь представляет собой интересную и важную для историка область, где сталкивались два мира, две системы хозяйства. Заранее можно сказать, что лесостепь с ее черноземами, защитными островами лесов, прекрасными пастбищами и запасами железной руды должна была стать основным местом слияния и объединения земледельческих племен. Поросская степная полоса связывала Киевщину с Волынью, подходя как раз к тому месту Карпат, где они разделялись на «Сарматские горы» (Западные Карпаты) и собственно Карпаты [1]. «Русский проход» связывал Предкарпатье с Закарпатьем, со степным островом по Тиссе. В археологическом материале мы найдем много примеров связи Приднепровья с Закарпатьем и Тиссой именно этим путем вдоль самой северной степной полосы. Этот естественный путь связи Центральной и Восточной Европы был хорошо знаком купцам средневековья.

Для связи с югом население Приднепровья располагало реками, текущими в Черное море (Днестр, Буг, Днепр) и степными просторами. Связи левого и правого берегов Днепра легко осуществлялись через ряд бродов; бесплодная и безлюдная солончаковая полоса не являлась препятствием — всадник преодолевал ее за один день пути.

---

[1] *Маркиан из Гераклеи Понтийской.* См. *В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 3, стр. 279.

Южная опушка правобережных днепровских лесов была отделена от моря всего лишь 200 км степи; от Пастерского городища до Ольвии — четыре-пять дней конного пути.

Население левобережья было связано с Днепром системой рек Трубеж, Супой, Сула, Хорой, Псёл, Ворскла (Върскълъ). Но если для правобережья основной артерией являлся Днепр, то для левобережья такой артерией был Северный Донец, называемый в летописи иногда Доном, а в «Слове о полку Игореве» постоянно называемый Великим Доном.

Итак, область формирования русского государства, местопребывания руси, полян, северян и других племен, участвовавших в создании государства, рисуется нам в своей южной части как широкая полоса лесостепи, огражденная от «дикого поля» массивами леса (густыми на западе и редкими на востоке) с благоприятными хозяйственными факторами, с хорошими путями на юг. Лесостепь выгодно отличалась как от более северных лесных областей, так и от степи. Лесостепь была той срединной областью, куда одинаково стремились и кочевники юга и племена севера. Внутри лесостепной области степная поляна между Стугной и Росью была одним из наиболее укрытых и удобных для пахарей мест. Характеризуя землю полян, летописец (или его комментатор) был прав, говоря что «в поле седяще».

* * *

По археологическим данным однородная культура в «Русской земле» (от Киева до Курска) существовала в VI и в VII вв. Сложение русского племенного союза очень быстро было отмечено письменными источниками VI в. При описании событий следующего VII столетия имя русов продолжает встречаться на страницах исторических повествований: упоминается участие русов в осаде Константинополя и походы их на Дербент.

Для выяснения вопроса о взаимоотношении наименований русов и славян очень важен разбор многочисленных восточных свидетельств. Одно из наиболее ранних упоминаний арабских авторов о славянах принадлежит поэту и астроному аль-Фазари, писавшему около 772 г. Он говорит о славянах суммарно, как в свое время говорили о них византийские авторы, не упоминавшие отдельных племен и знавшие два-три варианта собирательного имени.

Аль-Фазари в своем географическом обзоре определяет протяженность разных земель, указывая расстояния с востока на запад («длина») и с юга на север («ширина») в фарсангах. Так, например:

Арабский халифат	3700×600	фарс.
Византийская империя	5000×420	»
Земля славян	3500×700	»
Земля болгар	1500×300	»
Владения хакана турок	700×500	»
Земля хазар и алан	700×500	» [1]

[1] *Аль-Фазари.* См. *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 9.

Первым восточным писателем, упомянувшим русов, был перс Ибн-Хордадбех, написавший в 860-ых годах «Книгу путей и государств». Ибн-Хордадбех долго был начальником почтовой и разведывательной службы халифата и поэтому имел доступ к разносторонним географическим материалам и картам. Около двух столетий восточные писатели с большим уважением цитировали добросовестный труд Ибн-Хордадбеха (Масуди, Ибн-Хаукаль, Мукадесси и др.) или пересказывали его в сокращениях (Ибн-ал-Факих, Идриси и др.).

«Что же касается купцов — русов — они же суть племя из славян — то они вывозят меха бобров, чернобурых лисиц и мечи из отдаленных концов Славонии к Румскому морю...» [1] Это первое в мусульманской литературе упоминание о русах очень определенно считает их одним из славянских племен. Список товаров русских купцов также не вызывает сомнений в их славянском происхождении — бобры и черные лисы были широко распространены в славянских землях, а о местном изготовлении мечей, о специальной русской технологии пишет в своем трактате другой восточный автор Бируни (Средняя Азия, XI в.) [2].

Очень точные географические сведения о русах, славянах и всех их южных соседях содержатся в замечательном трактате, принадлежащем перу безымянного среднеазиатского автора под названием «Области мира» («Худуд-ал-Алем») [3].

Единственная уцелевшая рукопись этой географии мира написана в 983 г.; но источниками сведений служили материалы IX в., в частности труды Ибн-Хордадбеха и еще более ранние сочинения [4]. К описанию стран и городов была приложена карта, но она, к величайшему сожалению, не сохранилась.

Книга «Области мира» является единственным по точности описания сочинением среди всей многочисленной восточной географической литературы. Для каждой области, государства, народа автор всегда пунктуально указывает соседей (или географические ориентиры) на востоке, на юге, на западе и на севере. Эта систематичность описания позволяет нам

---

[1] *Ибн-Хордадбех.* Там же, стр. 49.

[2] *Аль-Бируни.* См. *А. М. Беленицкий.* Глава «о железе» минералогического трактата Бируни. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 139—144.

[3] *А. Г. Туманский.* Новооткрытый персидский географ X века. «Зап.-Вост. отд. Русск. археол. об-ва», 1897, т. X, стр. 121—137. «Худуд-ал-алем». Рукопись Туманского. Введение В. Бартольда. Л., 1930; *V. Minorsky.* Hudūd-al-Ālam. The regions of the World. London, 1937.

[4] *Minorsky.* Указ. соч., Введение.

«Во всяком случае,— пишет В. В. Бартольд,— сведения анонима не могут относиться ни к его собственной эпохе, ни даже к эпохе Джейхани» (стр. 19). Сведения об Индии и Китае в «Книге областей мира», по мнению Бартольда, относятся к IX в. и восходят к тем источникам, которыми в свое время пользовался Ибн-Хордадбех в середине IX в. Можно добавить к этому то, что и сведения о Восточной Европе не выходят за пределы IX в.— так, венгры-мадьяры указаны еще в своих приазовских кочевьях, где они находились в VIII—IX вв. и которые они уже покинули в конце IX в.

переложить на современную карту все его данные и этим частично возместить утрату карты, составленной самим автором.

Познакомимся с описанием земель славян и русов, рассматриваемых автором раздельно.

§ 43. **Рассуждения о славянской стране**

К востоку от этой страны лежит Внутренняя Болгария и некоторая часть земли Рус.

К югу от нее — часть моря Гурз (Черного моря) и часть Рума (Византии). К западу и к северу от нее повсюду простираются пустыни необитаемых стран Севера.

Это обширная страна, чрезвычайно лесистая...

Вабнит — есть первая область (город?) к востоку от земли славян; обитатели ее похожи на русов...

Хурдаб — большой город и резиденция царя.

Кроме того, в специальном разделе «Областей мира» о морях указывается, что славяне жили в северо-западном углу Черного моря и что Азовское море — «крайний предел расселения славян на юге». Здесь, очевидно, имеется в виду славянская колонизация юго-востока.

Северные земли автор знал плохо. Скандинавия и Германия остались неизвестными ему. Теплое течение (Гольфстрим) он обозначил как течение, омывающее северные пределы земли славян [1].

§ 44. **Рассуждения о стране Рус и ее городах**

К востоку от этой страны лежат горы Печенегов.

К югу от нее река Дуна (R̄ut̄a).

К западу — славяне.

К северу — необитаемые страны севера.

Это — обширная страна, ее жители обладают дурным характером, неподатливы, держатся вызывающе, сварливы и воинственны.

Они воюют со всеми своими соседями и одерживают победы. Их царя зовут Рус-хакан.

Эта страна чрезвычайно богато одарена природой всем, что необходимо для жизненных нужд...

...Среди русов живет часть славян, которая находится в услужении у них...

В конце параграфа перечислены три города русов: Куяба, Слава, Уртаб [2]. Кроме того, в описании земель печенегов и мадьяр есть также сведения, уточняющие местоположение Руси — южная и юго-восточная граница проходила примерно от Днепровской луки до гористых излучин Донца и Дона. В разделе, посвященном горам, упоминаются «Русские горы», с которыми надо связывать гористый правый берег Среднего Днепра в районе Киева — Канева [3].

Определить местоположение русов и славян, как оно рисовалось взгляду информаторов среднеазиатского автора, можно только, исходя из всего комплекса сведений о всех народах Восточной Европы, из которых на

---

[1] *V. Minorsky.* Указ. соч., стр. 158.

[2] Там же, стр. 159.

[3] Там же, стр. 160.

Востоке, естественно, лучше всего знали племена степей. В результате выясняется, что собиратели сведений очень точно различали большие и малые народы. К малым можно отнести внутренних болгар, мадьяр, буртасов и др. К крупным народам, занимавшим значительные пространства и имевшим поэтому много соседей, нужно отнести гузов, печенегов, русов и славян.

Под славянами автор подразумевал, очевидно, всех западных славян и какую-то часть славян восточных.

Упоминание славян на берегу Черного моря, в его северо-западном углу, вызывает в памяти слова русского летописца о восточнославянском племени уличей, земли которых тянулись до Дуная «оли и до моря». Следовательно, западная часть восточнославянских областей была отнесена автором к славянам. Судя по тому, что северная граница славян соприкасалась с «неведомыми пустынями Севера», можно думать, что автор знал о значительном распространении славянских племен на север.

На востоке славянской земли названа область (город?) Вабнит, которую исследователи давно уже отождествляли с Вятичами, жившими на Оке и Верхнем Дону. Естественно, что этот наиболее восточный угол славянских земель был лучше известен восточным соседям [1].

Область Руси на юге не доходила до моря, так как была отрезана кочевыми племенами внутренних болгар и мадьяр. Западная ее граница начиналась где-то в районе Днепра, восточная доходила до возвышенностей Среднего Дона, где в эту эпоху уже кочевали печенеги, перешедшие Волгу севернее Волго-Донской переволоки.

Таким образом, область Руси в ее южной, обращенной к степям части, обрисовывается как полоса лесостепи между Днепром и Донцом или Доном, т. е. как земля русов, полян и северян, т. е. в тех же пределах, что и «Русская земля» в узком смысле слова, сложение которой относится к VI—VII вв.

Описание благодатной природы Руси в книге «Областей мира» вполне соответствует плодородным черноземным пространствам русского союза племен между Днепром и Доном.

Установив совпадение территории Руси VI—VII вв. с южной частью Руси, по данным книги «Областей мира», мы не можем сказать этого о северной ее части. Автор «Областей мира» одинаково определил протяжение на север как земли славян, так и земли русов до «необитаемых пустынь Севера».

---

[1] Относительно г. Хурдаба трудно сказать что-либо определенное, так как неизвестно точно, какая часть необъятного славянского мира имеется здесь в виду. Для эпохи IX в. нельзя указать единого центра всех славянских земель; если же город Хурдаб находился тоже на Востоке и был местопребыванием князя только одной земли Вабнит-вятичей, то это можно сопоставить с воспоминаниями Владимира Мономаха о его походе на вятического князя к городу Корьдне. («Лаврентьевская летопись». СПб., 1897, стр. 239).

Северную границу земли русов VI—VII вв., шедшую по линии Чернигов — Стародуб — Курск, очень трудно представить себе соприкасающейся с пустынями Севера. Если Русь VI—VII вв. составляла только южную часть славянских земель, то Русь первой половины IX в., как ее описывает книга «Области мира», очевидно, простиралась значительно дальше на север, настолько же далеко, насколько простирались на север все славянские земли вообще.

Картина, нарисованная в книге «Областей мира», очень близка к той, которую дает интереснейшее место «Повести временных лет», рассказывающее о племенном составе русской державы до прихода варягов, примерно в середине IX в., т. е. в то самое время, к которому восходят и источники «Областей мира».

Вот только какие славянские народы входят в состав Руси: «поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне...» [1]. Если мы нанесем на карту этот список славянских областей, то увидим, что земли, входившие в состав Руси, состоят из двух частей — одна из них занимает южную, лесостепную зону и совпадает с Русью VI—VII вв., а другая часть, являясь продолжением первой, тянется широкой полосой на север до оз. Ильменя и далее до редко-населенных таежных лесов. Эта полоса рассекает надвое славянский мир; на запад располагается основная масса лесистых славянских земель (в том числе и восточнославянских: волынян, бужан, белых хорватов, тиверцев), а на востоке от земель Руси мы находим земли кривичей, радимичей и вятичей. Быть может, именно поэтому автор «Областей мира» и описал особо область Вабнит вятичей, оговорив и ее восточное положение и сходство ее населения с русами.

Летописный текст помогает понять и загадочное место в тексте среднеазиатского географа: «среди русов живет часть славян, подчиненная им».

Летописная область Руси IX в. состоит из двух частей, отличающихся не только своим географическим положением, но и прошлыми историческими судьбами. Лесостепная часть Руси это, как уже говорилось, та древняя Русь VI—VII вв., которая объединилась в эпоху борьбы с аварами и Византией. Области же древлян, дреговичей, полочан и словен в ту эпоху имели «свои княжения» и, очевидно, никак не зависели от южной Руси. К девятому же столетию русские князья уже подчинили себе эти славянские области и обособленные ранее княжения вошли в состав Русской земли. Недаром автор «Областей мира» отмечает, что «русы воюют со своими соседями и побеждают их».

При сопоставлении двух источников выяснилось, что все кажущиеся противоречия в одном из них, написанном далеко от Руси, вполне устранимы и мы получаем довольно целостную картину славяно-русских земель накануне появления варягов. Мы получаем и ответ на очень важный во-

---

[1] «Повесть временных лет». М.— Л., 1950, стр. 13; *Б. А. Рыбаков.* Начало русского государства. «Вестн. МГУ», 1955, № 4—5, стр. 69.

прос, интересующий нас в связи с происхождением Руси: почему восточные авторы рассматривают русов отдельно от славян. Потому, что русами они называли славянское население, задолго до эпохи объединения в обширный союз племен. Это старое имя, известное на Востоке с VI в., продолжало существовать, так как союз племен не только сохранялся в VIII—IX вв., но рос, крепнул, расширялся за счет поглощения других союзов славянских племен («княжений») и постепенно превращался в государство. Судя по данным других восточных авторов, русы вели постоянную торговлю с южными странами, пересекали степные пространства, заселенные кочевниками для того, чтобы проплыть в Византию, в Анатолию или в Хорезм; по всей вероятности, все это наложило известный отпечаток на внешний облик русов, на их обычаи и материальную культуру (особый тип шапок, широкие, восточного типа шаровары, обряд погребения и т. п.), но это не заслонило от взоров восточных географов того, что «русы — суть племя из славян». Славянами же они называли многочисленные славянские племена, не входившие в наиболее известный им русский союз племен или позднее в Русское государство («Русский каганат»). Поэтому мы и находим упоминания походов русов на славян, раздельное описание тех и других. Основой этого были два принципа: во-первых, географический, а во-вторых, политический.

К тому времени, когда в арабских, среднеазиатских и персидских землях сложилась географическая наука, Русь уже представляла собой государство, тесно связанное с Востоком. Однако Русское государство далеко не сразу объединило все славянские племена; поэтому и произошла двойственность описания: славян, объединившихся еще в VI—VII вв. под гегемонией русов, называли и в IX—X вв. русами, а славян, не вошедших в состав союза или недавно включенных в состав Руси, продолжали называть славянами.

Иногда у восточных авторов термин славяне («сакалиба») принимал более расширенное толкование и славянами называли соседние народы. Так, например, Ибн-Фадлан ошибочно называл славянами население Волжской Болгарии.

Следует отметить, что во всей обширной литературе восточных географов нет отождествления русов с норманнами-варягами. Восточным географам были известны многие народы, но скандинавов они знали плохо, а в связи с географией славяно-русских земель ни разу ни один автор не упомянул о варягах. Очевидно, небольшие варяжские отряды не были заметны географам Востока.

* * *

Западноевропейские и византийские авторы, говоря о Руси, никогда не отождествляли ее со Скандинавией. Самым ранним упоминанием в латинских хрониках является рассказ епископа Пруденция (Бертинские анналы) о послах «народа Рос», прибывших к императору Людовику Благочестивому в 839 г. Несмотря на привезенное послами письмо от визан-

тийского императора Феофила, Людовик решил точнее узнать национальность прибывших. После произведенной проверки оказалось, что люди, назвавшие себя росами (Rhos), на самом деле являются шведами (Sveones). Подозрения возбудил, очевидно, странный путь «росов» — вместо того, чтобы ехать прямо на Русь, они оказались в далеком Ингельгейме на берегу Рейна[1].

Как это ни странно, но рассказ Пруденция часто использовался норманистами, пытавшимися на нем основать тождество русов и шведов, на самом же деле он очень ясно и убедительно свидетельствует о том, что шведы только прикрывались именем русов, но, очевидно, не особенно умело, так как возбудили подозрения у императора и были разоблачены.

Запись Пруденция говорит о существовании государства Руси, во главе которого стоит «хакан», т. е. верховный князь. Применение восточного титула свидетельствует о том, что Русь располагалась где-то на юге по соседству с тюркоязычными народами, а не в Скандинавии. Не подлежит сомнению и то, что русы и шведы были совершенно различными народами, так как если бы под росами в IX в. подразумевали варягов-колонистов, то производившие дознание чиновники Людовика должны были бы признать тождество росов и шведов, а они выявили совершенно иное: что шведы-путешественники, для того, чтобы их не приняли за норманнов (с которыми тогда воевал Людовик) назвали себя росами. Спустя два десятка лет после эпизода с ложнорусами, флот настоящих русов напал на Константинополь[2].

Поход 860 г. был актом возмездия по отношению к византийцам, умертвившим каких-то своих должников-русов. Делались попытки связать этот поход с норманнами-варягами, но это встречает ряд возражений. Патриарх Фотий называет напавших русов варварским скифским народом, находившимся до этой войны в полной безвестности. Последнее никак нельзя связывать с норманнами, имя которых в середине IX в. вошло в Западной Европе в состав молитвы «Отче наш» — «избави нас от ярости норманнов». Норманнов очень хорошо знали по их набегам на Париж, Лондон, Севилью, Италию и Грецию 30—50-х годов IX в.

Если же Фотий называет русов «народом, ничем не заявившим себя», то это, конечно, к норманнам не относится.

Единственным свидетельством, которое могло бы быть истолковано в пользу норманской теории, является рассказ ломбардца Лиутпранда, епископа Кремонского, о походе Игоря на Царьград в 941 г. «Русы — народ, живущий на севере; греки называют их «rusios» (светлые) по особенностям их тела, а мы зовем их по их местоположению «норманнами», так как на тевтонском языке это означает «северные люди» («aquilonares

---

[1] *G. Н. Pertz.* Scriptores rerum. Germanicarum, t. I. Hannoverae, 1845—1855, стр. 434.

[2] «Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского». Перевод Порфирия Успэнского. СПб., 1864.

hominis»)[1]. Приведенный текст не дает права считать русов скандинавами-варягами, хотя в это время варяги уже были в составе киевских дружин. Лиутпранд оговаривается, что он, зная происхождение слова «Normannos», применил его к русам в географическом смысле как определение людей, живущих севернее Италии и Византии.

Норманисты были в свое время очень обрадованы находкой в 30-х годах XIX в. рукописи аль-Якуби (около 891 г.), где поход норманнов 844 г. на Севилью был приписан русам: «...в этот город вошли язычники (народ маджус), которых называют Русь, в 229 году и пленяли, и грабили, и жгли, и умерщвляли»[2].

С этими сведениями сопоставляли рассказ Масуди о походе, совершенном до 913 г. на землю Анадолус неизвестным народом, которым по догадке автора были русы.

А. Я. Гаркави давно уже очень убедительно доказал, что слова «которых называют Рус» в тексте аль-Якуби принадлежат не автору, а переписчику 1262 г. Никто из более ранних восточных географов, пользовавшихся текстом аль-Якуби, не говорит ничего о русах[3].

В стране «Андалуз», «Анадолус» всегда видели Испанию, но новейшие разыскания востоковедов показали, что два варианта написания соответствуют двум совершенно различным областям: одна из них — Андалузия в Испании, а другая — «Анатолия», т. е. западная часть Малой Азии. Сведения Масуди относятся к южному берегу Черного моря, на который около 913 г. напали русы, «иже живяху въ Ексинопонтѣ». Таким образом, и этот аргумент историков-норманнистов оказался несостоятельным. Точно так же и торговлю русов со страной «Анадолус» надо рассматривать не как торговлю с Испанией, а как естественные для русов торговые связи с южным берегом Черного («Русского») моря.

Византийские писатели X в., хорошо знавшие и русских и варягов (так как и те и другие жили в Константинополе), нигде не говорят ни о тождестве этих двух народов, ни о происхождении русов от варягов. Император Константин Багрянородный, как и его современники арабы, отличает русов от славян, но не в этническом, а опять-таки в государственном смысле. Он знает Русь как ядро Киевской державы и Русь внешнюю — области, подвластные Руси. Эти данные хорошо согласуются с описанием славянских и неславянских земель в «Повести временных лет» и с описанием областей Руси и Славонии в книге «Областей мира».

Некоторую путаницу вносит приведенный Константином список названий днепровских порогов «на славянском» и «на русском» языке. Так называемые «славянские» слова в этом списке на самом деле являются болгарскими (или русскими в болгарской передаче), а «русские» представляют собой какую-то очень недолговечную терминологию, в составе которой есть и славянские, и греческие, и литовские, и варяжские названия. Сам

[1] *G. H. Pertz.* Scriptores rerum Germanicarum, t. III, стр. 331.
[2] *Аль-Якуби.* См. *А. Я. Гаркави.* Сказания..., стр. 63.
[3] Там же, стр. 69—71.

Константин Багрянородный ничего не говорит о близости «русских» названий к скандинавским.

Византийский начальник почт Симеон Логофет (вторая половина X в.) писал о русах: «Народ Рос, он же — Дромиты прозван по могучему богатырю Росу и избег враждебности единоплеменников, которые, уступая какому-то божескому совету или приказанию богини, заставили их (росов) выселиться» [1].

Лев Диакон, описавший походы Святослава на Византию, считает наименование Руси происходящим от библейского князя Рош.

Таким образом, за все время, пока варяжские отряды были реальной величиной в составе киевских дружин (IX—начало XI в.), все современники, соприкасавшиеся с русами и норманнами, не ставили между ними знака равенства и, выясняя происхождение русов, никогда не упоминали норманнский Север. Если же современники часто противопоставляли русов славянам, то это связано не с этническими различиями, а с географическими и государственными.

Выделение Руси авторами IX—X вв. из всех вообще славянских областей по признаку сформировавшейся устойчивой государственности привело некоторых исследователей к ошибочному истолкованию самого понятия Руси [2]. Следуя Н. Я. Марру, советский историк С. В. Юшков высказал предположение о том, что «название русь применяется первоначально к некоей социальной группе, которая возникла в среде восточного славянства в VIII—IX вв.» [3].

Правильнее было бы сказать так: Русь — это те восточнославянские племена, которые давно уже объединились в прочный и долговременный союз, ставший в процессе дальнейшего развития ядром Киевского государства. Так как классовые отношения возникли здесь раньше и развивались интенсивнее, чем во многих других славянских областях, и область Руси расширялась за счет подчинения менее развитых областей, то становится понятным, что современники Руси-государства противопоставляли в известной мере ее жителей, бояр, князей, купцов жителям остальных славянских земель. По мере расширения внешних связей Руси-государства в состав ее господствующего класса входили и неславянские элементы: чудь, торки, варяги, аланы, венгры. Все они как жители Руси, как подданные Русского государства, естественно, тоже назывались русами наравне с создателями государства славянами.

Продвижение лесостепного славянства из области Руси на юг к низовьям Дона и Кубани, постоянные связи с Причерноморьем и особенно со степным населением неизбежно приводили к изменению этнографического

---

[1] «Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летовник, собран от различных летописец». СПб., 1905, стр. 120.

[2] См., например, *Л. В. Падалка.* Происхождение и значение имени Русь. Полтава, 1915.

[3] *С. В. Юшков.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 57.

облика если не всего славянского населения лесостепной Руси от Киева до Курска, то во всяком случае дружинной части его. Это изменение началось уже в VI в., когда связи с Боспором привели к распространению в земле «народа Рос» общеевропейской дружинной культуры меровингской эпохи. Принятие частью русов (вероятно, южной) христианства в середине IX в. также содействовало некоторому изменению обычаев и усилило внешнее различие между этими русами и славянами [1].

Тем не менее для современников было ясно и никем не оспаривалось, что «русы суть племя из славян».

* * *

Отождествление русов с варягами началось в русской исторической литературе только в начале XII в., т. е. тогда, когда реальных варягов в Киеве уже не было, и их стали забывать, а отдельные потомки варяжских дружинников окончательно обрусели.

Разобраться в сложных вопросах древнейшей истории Руси, запутанных исследователями XVIII—XX вв., можно только уяснив себе взгляды русских летописцев, различие этих взглядов, их эволюцию и степень достоверности каждой исторической концепции.

3

РУССКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ X—XI ВВ. О НАЧАЛЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

«Откуду есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть» — эти важные исторические вопросы интересовали русских книжников давно, ответы на них давались различные в зависимости от политической ориентации летописца. Противоречия в летописных текстах привели к тому, что на летопись опирались сторонники двух основных взаимоисключающих теорий происхождения Русского государства — теории местного закономерного рождения государственности из недр славянского общества и теории механического привнесения государственности извне норманнами-варягами, которых на основании некоторых испорченных мест летописи ошибочно отождествляли с Русью.

[1] Принятие христианства прежде всего сказалось на отказе крещеных русов от традиционного славянского погребального обряда — трупосожжения. Так, Ибн-Русте (начало X в.) говорит об обычае сожжения у славян и простого захоронения у русов. Масуди отмечает у славян и русов, живущих в пределах Хазарии, одинаковый обряд сожжения мертвых; это может свидетельствовать о том, что христианство не коснулось русов, живших далеко на юго-востоке в сфере влияния Хазарского каганата. Ибн-Хаукаль (70-е годы X в.), современник Святослава и свидетель его походов, говорит о существовании у русов трупосожжений; очевидно, воины князя-язычника были в большинстве своем тоже язычниками.

В Киевской и Черниговской земле есть ряд славянских курганов IX—X вв. с остатками трупосожжений, но есть курганы и с простым захоронением.

Русское летописание началось еще в конце X в., но ранние исторические сочинения в своем подлинном виде до нас не дошли; мы знаем только позднейшие переделки и композиции из разных текстов, принадлежащие авторам конца XI — начала XII в. и созданные в двух разных, соперничавших между собой центрах Руси — в Киеве и в Новгороде.

Новейшие исследования показали, что первый летописный свод возник в Киеве в конце X в.[1] Важнейшим историческим фактом, с которого историк начинал изложение русской истории, было основание Киева и Полянского княжества, ставшего впоследствии ядром Русского государства.

Древнее сказание о трех братьях — строителях города возникло за несколько веков до летописца и в кратком пересказе попало на страницы первого исторического труда, возникшего в одно время с былинами о Владимире Красном Солнышке. Эпические сказания о князе Кие не ограничивались только одной легендой об основании Киева. В начале XII в. летописцу Нестору удалось разыскать другие сказания («яко же сказають»), дополнившие облик Кия интересными историческими чертами.

В свод 996 г., вероятно, входили погодные записи и повествования о русских князьях IX—X вв., но представить себе облик этой первой исторической сводки мы не можем. А. А. Шахматов пытался в свое время выделить из позднейших компиляций и переработок киевский свод 1039 г., но реконструированный им текст встретил ряд возражений, хотя, по всей вероятности, летописание велось в Киеве в эпоху Ярослава Мудрого[2].

Не решая вопроса о точном времени создания в Киеве второго летописного свода, мы можем вполне присоединиться к такому признанному знатоку текстов, как А. А. Шахматов, в том, что в киевском летописании первой половины XI в. не было никаких следов легенды о призвании князей-варягов, которую А. А. Шахматов справедливо считает продуктом тенденциозного новгородского творчества.

В достоверном ораторском произведении — «Слове о законе и благодати», написанном русским проповедником Илларионом в 1037—1050 гг., есть интересные исторические ссылки. Автор, желая отметить заслуги князя Владимира, сравнивает его с апостолами и вспоминает его предков — отца Святослава и деда Игоря Старого, которые, по его словам, своим воинством и витязями были известны во многих странах — они прославлены до наших дней своими победами и непобедимостью... Важно отметить, что здесь нет и речи о варяге Рюрике, которого потом стали считать родоначальником всей княжеской династии.

---

[1] *Л. В. Черепнин.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. «Исторические записки», 1948, № 25, стр. 33. Автор относит время создания свода к 996 г. и связывает его с Анастасом Корсунянином.

[2] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; *М. Н. Тихомиров.* Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955.

В киевских летописных сводах 1072—1073 гг. (составлен Никоном Великим) и 1095 г. (составлен игуменом Иваном), носившем название «Временника», началом русской истории по-прежнему считалось основание Киева.

Краткое сказание об этом есть во всех летописях; иногда оно носит заголовок: «Начало земли Русской».

«И быша три брата а единому имя — Кии, а другому — Щекъ,
а третьему — Хоривъ и сестра ихъ Лыбѣдь.
И сѣдяше Кий на горѣ (кдѣ нынѣ оувоз Боричевъ),
а Щекъ сѣдяше на горѣ (кдѣ нынѣ зовется Щековица), а
Хоривъ на третьей горѣ (отсюдуже прозвася Хоривица).
Створиша городок во имя брата ихъ старѣйшаго и нарекоша и Киевъ
И бяше около города лѣс и боръ великъ и бяху ловяще звѣрь.
Бяхуть бо мудрѣ и смыслени и нарицахуся Поляне (от нихъ же
суть Поляне въ Кыеве и до сего дни)...»[1]

К концу XI в. архаическая немногословность сказания и скромность обстановки рождения столицы Киевской Руси показались недостаточными — новый летописный свод 1095 г. («Временник, еже есть нарицается летописание князей и земля Русския») предпослал этому сказанию торжественное предисловие. Автор-киевлянин сопоставляет рождение Русского государства с рождением величайших мировых империй: Рим был назван так во имя царя «Рима», Антиохия Великая — во имя царя Антиоха, а Александрия — во имя Александра Македонского: «Тако жъ и в нашеи странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия».

Киевские летописи были хорошо известны в Новгороде. И уже в конце XI — начале XII в. они до неузнаваемости перерабатывались в духе новгородского сепаратизма. Новгородские книжники всюду стремились поставить имя своего города впереди других, оттеснить Киев на задний план, сделать Новгород центром древнейшей истории Руси.

В самое заглавие «Временника» были вставлены довольно неуклюжие слова о Новгороде («...преже Новгородчкая волость и потом Кыевская и о поставлении Киева, како во имя назвался Кыевъ») [2].

К легенде о Кие и его племенном княжении после хвалебных слов о мудрости и смышлености полян добавлены порицающие их слова: «бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ якоже прочии погани» [3].

По поводу князя Кия, который был возвеличен киевским летописцем и сопоставлен с Ромулом, Александром Македонским, Антиохом и Селевком, новгородец высказывает неожиданное скептическое замечание: «его же

---

[1] Летопись по Ипатьевскому списку. Пг., 1923, стр. 8.

[2] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.— Л., 1950, стр. 103.

[3] Там же, стр. 105.

(Кия) нарицають тако перевозника бывша; инѣи же: ловы дѣяше около города». Новгородец хочет низвести основателя враждебного ему Киева до положения простого перевозчика через реку, пригородного охотника и не только развенчать сопоставление со всемирно известными монархами, но и вообще лишить Кия княжеского достоинства, а тем самым умалить и роль Киева в основании государства.

Невероятную хронологическую путаницу внесло приурочение древнего сказания о Кие к эпохе первых византийских известий о Руси, т. е. к эпохе императора Михаила (842—867 гг.).

К этим первым известиям о Руси новгородский книжник присоединил местную легенду о призвании князей, сблизив ее также с эпохой Кия. Это еще больше увеличило хронологическую путаницу.

Нам необходимо внести ясность и попытаться хотя бы приблизительно определить время того события, с которого русские историки X—XII вв. начинали рассказ о родной истории. Чем последовательнее они связывали начало русской государственности с основанием Киева и «великим князем» Кием, тем важнее для нас определение хронологического момента, когда могло произойти это событие или, по крайней мере, к какой эпохе должны мы приурочивать легенду о Кие и основании столицы Руси?

Составитель Новгородского свода, напутавший много в своем труде, произвольно смешал самые разновременные события; в начальной части летописи у него только две даты, отделенные значительным промежутком времени — 854 г. и 920 г. К этим двум датам и подогнаны события нескольких веков.

А. А. Шахматовым давно уже выяснена ошибочность и тенденциозность сообщений новгородской летописи [1], составитель которой стремился всюду вставить имя Новгорода (что делал порою очень неумело) и связать древнейшую русскую историю с новгородским севером и его якобы исконными вольностями. Поэтому южное предание об основании Киева здесь оказалось заслоненным местной, придуманной новгородцем легендой о добровольном призвании князей в Новгород.

Рассказ об основании Киева помещен под 854 г., как событие одновременное призванию варягов и царствованию византийского императора Михаила III.

Архаическое предание о родоначальнике киевских князей вызывало у буржуазных историков искаженное представление о примитивности славянского быта в IX в., накануне варяжского завоевания. Враждебное южной — Киевской Руси ядовитое примечание, сделанное новгородцем по поводу происхождения Кия, еще больше усиливало впечатление примитивности.

В. О. Ключевский использовал предание о Кие и его братьях для обрисовки первобытности славянского общества в IX в., когда, по его мнению,

---

[1] *А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 171—172, 187, 311—314.

славяне расселялись по русской равнине отдельными семьями, образующими крохотные, редкие поселки, однодворные деревушки [1].

Сосредоточив основное внимание на варяго-русском вопросе, старая русская историография слишком мало внимания уделила анализу рассказа о Кие и выяснению хронологического момента, молчаливо соглашаясь с одновременностью легендарного Кия и легендарных варяжских князей, доверяя тенденциозному изложению новгородской летописи.

Оба направления русской исторической мысли XI в.— и прославляющее Кия как великого князя и низводившее его до простого зверолова и перевозчика — были хорошо известны автору замечательного исторического труда «Повести временных лет», «Откуду есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть», написанному, по всей вероятности, Нестором в 1113 г. и подвергшемуся двукратной переработке в 1116 и 1118 гг.

Нестор очень широко подошел к выполнению своего исторического труда: княжеские архивы, византийские и славянские исторические сочинения, народные предания, эпос, все предыдущие русские летописи и своды летописей, родовые летописцы бояр, рассказы очевидцев и собственные этнографические наблюдения — все было умело использовано этим талантливым историком XII в. Вопрос о происхождении и хронологии первого киевского князя, ставший к его времени уже спорным, потребовал от Нестора специальных дополнительных разысканий, результаты которых и отражены в «Повести временных лет». Ближайшими событиями, идущими в тексте «Повести временных лет» вслед за рассуждениями о Кие и поддающимися точной датировке, являются: приход тюрко-болгар на Нижний Дунай (VII в.) и появление «белых угров» при царе Ираклии (около 640 г.). Следовательно, по мысли Нестора, время княжения Кия относится ко времени до VII в., что существенно отличает текст «Повести» от текста Новгородской летописи, относившей Кия к середине IX в.

Археологические находки на территории современного Киева свидетельствуют о том, что в это время (I—VII вв.) на месте Киева существовало одно или несколько славянских поселений. Жители этих поселков вели оживленную торговлю с римскими городами и, может быть, памятью той эпохи остался «Боричев увоз» — спуск к Днепру, в названии которого усматривают связь с Борисфеном античных писателей [2]. К сожалению,

---

[1] «Так Киев возник из трех однодворных деревень с общим укрепленным убежищем, которые поставлены были тремя звероловами...» *В. О. Ключевский.* Сочинения. Курс русской истории, ч. I. М., 1956, стр. 118.

Следует сказать, что для Среднего Приднепровья, начиная со II в. н. э., характерны не маленькие поселки, а огромные неукрепленные деревни, тянущиеся на многие сотни метров по берегам рек. (*Е. В. Махно.* Пам'ятки культуры полів поховань черняхівського типу. «Археологія», т. IV. Київ, 1956, стр. 56—77). Теория Ключевского полностью опровергается археологическими материалами.

[2] *М. К. Каргер.* К вопросу о древнейшей истории Киева. СА, X, 1948, стр. 242—243; *Д. Бліфельд.* До питання про Боричев узвіз стародавнього Киева. «Археологія», т. II. Київ, 1948, стр. 130—144.

археология не дала нам пока данных о времени создания здесь «града», который стал впоследствии «матерью городов русских». Достаточно и того, что археологический материал (римские монеты, «поля погребений», «древности русов») подтверждает давнюю заселенность территории Киева.

Особое значение для определения хронологии эпохи Кия имеют те исторические разыскания, которые предпринял Нестор в связи с двойственностью обрисовки образа этого полусказочного героя: «Ини же, не съвѣдуще, рѣша, яко Кыи есть перевозьникъ былъ; у Кыева бо бяше перевозъ тъгда с оная страны Дънѣпра;— тѣмь глаголаху: на перевозъ на Кыевъ. Аще бо бы Кыи перевозьникъ былъ, то не бы ходилъ Цѣсарюграду; нъ сь Кыи къняжаше в родѣ своемь и приходивъшю ему к цѣсарю, которого не съвѣмы нъ тъкъмо о семь вѣмы, якоже съказають, яко велику чьсть прия́л есть от цѣсаря, при которомь приходивъ цѣсари.

Идущю же ему опять (вспять), приде к Дунаеви и възлюби мѣсто и съруби градъкъ малъ и хотяше сѣсти с родъмь своимь, и не даша ему ту близь живущии, еже и донынѣ наричють Дунаици городище Кыевьць. Кыеви же пришьдъшю в свои град Кыев ту живот свои съконьча; и брата его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту съконьчашася» [1].

Здесь перед нами не фольклорное предание стандартного типа с обязательными тремя братьями. Здесь выступают следы точной исторической традиции об одном герое, все действия которого лишены сказочности и поставлены в рамки реальной действительности. Необходимые для эпического триумвирата братья (может быть, взятые из других сказаний) оттеснены на третий план — они не участвуют в самых ярких событиях — путешествии в Константинополь и построении городка на Дунае. Герой этого сказания, отысканного Нестором, только один Кий.

Познакомившись с этими результатами изысканий пытливого киевского историка, мы можем, наконец, понять, почему легенда поставила Кия на важное место основателя русского государства. Перед нами не безвестный лодочник или зверолов из однодворной деревни, перед нами князь, владелец города, строитель другого города в шестистах километрах от Киева, почетный гость самого императора Византии.

Мы видим древнего предшественника Святослава «великого князя» (как его называет «Временник») киевского, простирающего свою деятельность до берегов Дуная и дипломатические связи — до Царьграда.

Попытаемся продолжить определение времени, к которому следует приурочить легенду о Кие, помещенную раньше, чем описание событий VII в. Интересно то, что летописцу оказалось неизвестно имя византийского императора, принимавшего у себя киевского князя. Ему хорошо известна деятельность императора Ираклия (610—641 гг.). Сведений о более ранних цесарях нет. Наиболее естественно считать, что действие легенды о Кие происходило ранее VII в., как это и указано размещением статей в летописи.

---

[1] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. 9—10.

Обращает на себя внимание необычайное сходство ситуации в рассказе «Повести временных лет» о Кие с рассказом Прокопия Кесарийского об антском князе Хильбудии, жившем в VI в. в эпоху императора Юстиниана. Сопоставим тексты:

Прокопий Кесарийский (середина VI в.)	*Повесть временных лет (пересказ)*
«Был некто Хильбудий, родом ант, близкий к императорскому дому».	Кий княжил в земле Полян в городе Киеве.
	При каком-то императоре он приехал в Константинополь и был с почетом принят этим императором.
«Император Юстиниан, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра (Дуная)».	Возвращаясь из Константинополя от императора, Кий построил крепость на Дунае.
«Спустя три года после своего прибытия, Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом. Славяне же (по Дунаю) выступили против него все поголовно».	Кий хотел упрочиться в своем новом городке на Дунае вместе со своими сородичами, но местные жители не позволили им этого, заставив Кия вернуться в Киев.
Хильбудий пал в битве, но скоро в земле антов появился человек, называвший себя Хильбудием.	
Император Юстиниан предложил этому Хильбудию и его сородичам-антам — город Туррис на Дунае[1].	

Сопоставление текстов убеждает нас в том, что рассказанная по припоминаниям биография Хильбудия и легенда о Кие имеют очень много сходных черт. Действительно, такое положение, когда славянский князь был за что-то обласкан императором и потом построил город на границе Византии — на Дунае, откуда его другие славяне, жившие близ Дуная, выгнали, такое положение естественнее всего для эпохи императора Юстиниана, когда империя постоянно искала союзников среди славянской знати и стремилась использовать часть славян для борьбы с остальными славянами. До 527 г. подобная ситуация мало вероятна.

Аналогия между Хильбудием и Кием не дает нам права отождествлять их, но мы можем сближать их хронологически.

Наиболее вероятным временем жизни Кия (или того князя, который скрывается за этим топонимическим именем) является время императора

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950, стр. 294—298. Исключительный интерес представляет надгробная надпись, обнаруженная в 1902 г. в предместьях Константинополя. «Здесь погребен Хильбудий, сын Санбата, умерший месяца ноября, индикта 7. Супруга Хильбудия». Опубликовавший надгробие болгарский ученый Иордан Иванов датирует его 529 г., что очень близко к описательным датировкам Прокопия. Возможно, что это действительно надгробие Хильбудия, «близкого к императорскому дому», крещеного анта.

Юстиниана (527—565 гг.) или его ближайших преемников (Юстин II — 565—578 гг.; Тиверий — 578—582 гг.; Маврикий 582—602 гг.; Фока — 602—610 гг.). Но уже эпоху императора Ираклия, хорошо известного летописцу, мы должны, по всей вероятности, исключить.

Впервые нам становятся известны имена славянских (в том числе и антских, восточнославянских) князей в VI в., когда авары и греки особенно боятся объединения многочисленных славянских племен под единою властью. В это время далеко в Сирии стало известно впервые имя могущественного народа богатырей рос, или рус, живущего где-то на севере от Черного моря. Это время победоносной борьбы славянства с рабовладельческой Византией, борьбы, положившей начало новой феодальной Европе.

В Никоновской летописи XVI в., компилятивном своде, использовавшем некоторые недошедшие до нас источники, рассказ о Кие дополнен рядом интересных и правдоподобных с точки зрения ситуации VI в. сведений: «Аще бы былъ Кий перевозникъ, не бы ходилъ к Царюграду с силою ратью но сей Кий княжаще в родѣ своемъ и *ратоваша многи страны*. Таже съ Констаньтиноградскимъ царемъ *миромъ и братьскии живяше и* велию честь приимаше от него и от всѣх.

Идущу же ему и з вои, на *Болъгары ходивъ*, и прииде к Дунаю... Таже на Воложскиа и Камскиа Болгары ходивъ и побѣди...» [1].

В приведенном отрывке подчеркнуты места, отсутствующие в тексте XII в. Как видим, автор Никоновского свода (или его первоисточника) стремился еще больше возвеличить Кия как государя равноправного императору, воевавшего с Византией, а потом жившего «братски» и принимавшего честь «от всех». Держава Кия выглядит здесь так же, как держава Владимира. Походы русов VI в. на Оку и Волгу (в район позднейшей Волжской Болгарии) нам неизвестны из других источников, но исторически возможны, так как археологические материалы из Мурома говорят о несомненных связях с Киевщиной [2].

В «Повести временных лет» приведены три группы сведений о Кие:

1. Сказание о Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди, записанное кем-то из ранних летописцев XI в.

2. Мнения «не съвѣдущих» лиц о «Кие-перевознике» (возможно, попавшие из тенденциозного новгородского источника XI в.).

---

[1] «Никоновская летопись». ПСРЛ, т. IX, 1862, стр. 4.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 59 и 102. Позднейшие исторические сочинения XVI—XVII в. сильно видоизменили легенду о Кие. Под влиянием новгородских летописей его относили иногда к эпохе Олега и считали выходцем из Новгорода: новгородцы поймали разбойника Кия и хотели его повесить, но Олег отпустил его, и Кий ушел на Днепр. Приводится эпизод найма Кия древлянами: «Тогда наченше Кия и дружину его наимовати древляне». Построив город, Кий воевал с древлянами и погиб в этой борьбе (*Ф. Гиляров.* Предания русской начальной летописи. М., 1878; *М. Г. Халанский.* Экскурсы в область древних рукописей. «Тр. Харьк. предварит. комитета по устройству XII АС». Харьков, 1912, стр. 413, 422).

3. Результаты дополнительных разысканий, произведенных Нестором и давшие новые сведения только о деятельности одного Кия; его братья и сестра остались в тени.

Объединение в летописях, предшествовавших «Повести временных лет», трех братьев, очевидно вызывалось требованиями средневековой историографии, сочинявшей легенды о триумвиратах: о Чехе, Лехе и Русе, или о Рюрике, Синеусе и Труворе и т. д.

Нестор сам в своей третьей группе выделил Кия из традиционного триумвирата как героя особых сказаний. Возможно, что два других брата и сестра были не только отголоском киевской топонимики, но и героями других эпических сказаний.

Чрезвычайно интересно, что легенда о создании Киева была записана в Армении задолго до самых древних русских летописей. Армянская запись легенды о Кие, Щеке и Хориве сохранена в «Истории Тарона», приписываемой Зенобу Глаку. Н. Я. Марр относил ее к VI в., но по новейшим исследованиям «История» Зеноба Глака написана не ранее VIII в. [1]

Рассказ Зеноба Глака заполнен сказочными мотивами разного происхождения, приуроченными к некоторым армянским местностям: Деметр и Гисаней — князья «индов» изгнаны из своей страны царем Динаскеем, против которого они вели борьбу. Они нашли убежище у царя Вагаршака, пожаловавшего им землю Тарон, где они построили г. Вишап. Затем в Аштишате («Змееграде») они поставили двух идолов — своих патронов. Через 15 лет царь Вагаршак убил братьев «и дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и Хореану, Куар построил город Куары..., а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтий; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времен... Куар и Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место... так как были там простор для охоты и прохлада... и построили они там селение и поставили они двух идолов, одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра» [2].

Первая часть рассказа Зеноба Глака, повествующая о двух братьях, боровшихся с царем, не находит себе параллели в летописном сказании (и может быть сопоставлена только с сагами о двух братьях росомонах,

---

[1] *Манук Абегян.* История древнеармянской литературы, т. I, Ереван, 1948, стр. 346—348. Текст армянской легенды опубликован Н. Я. Марром в статье «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси» (ИГАИМК, т. III, 1928, стр. 257—287). В истолковании легенды Марр допустил ряд серьезных ошибок. Главным недостатком его является сознательное уклонение от конкретного исторического подхода к записи Зеноба Глака.

[2] *Н. Я. Марр.* Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. Избранные работы, т. V. М.— Л., 1935, стр. 60.

Марр считает, что отсутствие Лыбеди в армянской записи объясняется тем, что понятие «Лебедь» скрывается в имени Хореана (стр. 56). Расхождение имен Щека и Мелтея он объясняет тем, что оба слова, по его мнению, обозначают змея. Можно добавить, что русский глагол «щекотать» в былинах означает свистать, наносить удары (Соловей-Разбойник, Змей-Горыныч).

боровшихся с готским князем), тогда как рассказ об их сыновьях — трех братьях чрезвычайно близок к древнейшему летописному сказанию о Кие, Щеке и Хориве, построивших на горе город в стране полян.

Эпические сказания Зеноба Глака помещены в тексте его книги до описания событий, приуроченных к эпохе императора Маврикия (582—602 гг.), что вполне соответствует установленной нами дате — VI в. [1]

Древняя армянская запись русского сказания об основании Киева является еще одним убедительным свидетельством, во-первых, того большого значения, которое придавали русские люди факту основания «матери городов русских», а, во-вторых, возросшей известности Руси и событий, происходивших в ее наиболее развитой и исторически интересной части — в Среднем Приднепровье.

Совокупность всех данных позволяет отнести событие, поставленное летописцем в начале русской государственности, к VI в. Союз племен во главе с Киевом или племенное княжение знаменовало в глазах историков XI—XII вв. начало нового периода. Для нас это — тоже начало нового периода, характеризующегося интенсивным распадом старого, первобытного и зарождением нового. Начинаясь в VI столетии, этот период завершается в IX столетии сложением государства. Знание хронологии эпохи Кия облегчает нам понимание запутанных летописных текстов.

* * *

Создателем легенды о призвании варягов, как правильно считал А. А. Шахматов, был новгородец XI в. Этот исследователь очень убедительно доказал, что столбовой дорогой русского летописания было летописание киевское, в котором до 1073 г. не было никаких следов легенды о призвании князей со стороны. Новгородское летописание возникло как боковое ответвление, полное провинциализмов и областнических тенденций.

Используя наблюдения Шахматова и продолжив начатое им исследование текстов, мы сможем представить себе довольно конкретно то историческое произведение, в котором впервые в русской исторической литературе появилась легенда о призвании варяжских князей, на которой впоследствии основывали теорию норманнского происхождения Русского государства. Однако сам новгородский автор XI в., поместивший на своих страницах эту легенду, был ярым врагом варягов и, очевидно, никогда не предполагал, что его произведение будет использоваться потомками против его же собственных идей. Все сказанное требует пояснения и доказательств. Исходной позицией при анализе новгородского летописания является реконструированный А. А. Шахматовым Новгородский летопис-

---

[1] Примерно к этому же времени относится сказание о войне армян с северными племенами (очевидно, хазарами). Известно, что в VII в. русы проникали в Закавказье, а в VIII в. 20 тыс. славян были поселены арабским халифом в Кахетии, рядом с армянскими землями; вероятно, в это время и проникла в Армению русская легенда об основании Киева.

ный текст, составление которого отнесено им к 1050 г. Правильнее будет считать, что свод заканчивался 1054 г., годом смерти Ярослава Мудрого и что его оформление связано с именем новгородского посадника Остромира, сына другого посадника — Константина Добрынича, убитого Ярославом Мудрым, вероятно, за то, что посадник слишком энергично и решительно отстаивал вольности новгородского боярства. Эта «Остромирова летопись» очень своеобразно и субъективно излагает события русской истории [1]. Стремление новгородцев к обособлению от Киева в это время еще не было настолько очевидным, чтобы полностью порвать с общерусской исторической традицией и, не считаясь ни с чем, выдвигать историю Новгорода на первое место. Составитель этой летописи довольно широко использовал киевские источники и открыл свое повествование уже известным нам рассказом об основании Киева, старейшего города на Руси.

Далее автор переходит к древнейшей истории Новгорода (не прослеживаемой ранее IX в.) и пытается по-своему, щадя самолюбие новгородцев, объяснить появление варягов на русском севере. По рассказу «Остромировой летописи» середины XI в., варяги сначала появились как завоеватели «находники», собиравшие дань со славян и их соседей и «творившие насилие». Племена Прибалтики и Приильменья, объединившись, выгнали варягов обратно за море. Затем описывается второй этап новгородско-варяжских отношений — новгородцы сами на вече вполне добровольно решили пригласить к себе такого князя, который управлял бы ими по их законам. В середине XI в. в Новгороде уже родилась идея служилого князя, приглашаемого боярством на известных конституционных началах.

Легенда о призвании трех братьев была в те годы ходячей легендой во всей Северной Европе и при ее посредстве какие-то устные варяжские рассказы о конунге Рюрике превратились в повествование о князьях Рюрике и его братьях Синеусе и Труворе. Район сбора дани варягами и зона их набегов (Новгород, Псков, Белоозеро) стали местом княжения «трех братьев». В дальнейшем изложении автор «Остромировой летописи» мимоходом говорит об Олеге как о варяжском предводителе и о вероломном нападении Олега на киевских князей. Базой его действий был не Новгород и даже не Киев, а город, где видели последний раз этого конунга, Ладога. Новгородский летописец плохо осведомлен об этом человеке — он даже не знал, умер Олег в Ладоге или где-то в Швеции за морем [2].

«Остромирова летопись» очень четко различает русских и варягов и даже противопоставляет их друг другу. Никакого отождествления руси

[1] *Б. А. Рыбаков.* Остромирова летопись. ВИ, 1956, № 10, стр. 46—59.

[2] Деятельность Олега вообще излишне приукрашена позднейшими летописцами. В ранних текстах ничего не говорится о его связях с Рюриком и с Игорем. Единственным событием, когда имя Олега мелькнуло на короткий срок, был поход русских войск 911 г. на Царьград. Однако государственный договор Руси с Византией остался в Киеве, столице государства, а Олег умер «где-то за морем». Искусственность сообщений об объединительной деятельности Олега отмечалась давно. У историков возникла даже мысль о существовании двух одноименных (или со сходными именами) князей, действовавших приблизительно одновременно.

с варягами или неясностей в этом вопросе в летописи нет. У летописца в основном три этнических группы: словене (жители новгородского севера), русь (жители киевского юга) и варяги (жители балтийского Заморья). Когда группа новгородцев и варягов перебралась вместе с Олегом в Киев, то она стала называться русью наравне с остальными киевлянами.

Во всем дальнейшем изложении событий X и XI вв. «Остромирова летопись» останавливается на трех вопросах:

1. Как новгородцы сами себе выбирали хороших князей, отстаивали свои вольности и какую важную роль они играли в судьбах Руси в 1015—1043 гг.

2. Как плох был во всех отношениях князь Ярослав, пренебрегавший новгородскими вольностями и посягнувший на жизнь главы новгородского боярства посадника Константина.

3. Как много зла причинили Новгороду отряды варягов-наемников, приглашенных Ярославом и служивших главной опорой княжеской власти, чувствовавшей себя без такой опоры не очень уверенно среди вольнолюбивого Новгорода.

В этих трех аспектах рассматривается история X и первой половины XI в. Княжение Владимира, приглашенного самими новгородцами, расценивается положительно. Главным героем эпохи Владимира является былинный Добрыня, отец посадника Константина и дед Остромира. Мрачными красками описано княжение Ярослава в Новгороде, его неумелость, трусость, беспомощность, излишнее внимание и доверие варягам. Все победы Ярослава приписаны новгородцам. Имея полную возможность умолчать об изнасиловании матери Ярослава и его сестры, летописец «Остромировой летописи» со злобой излагает эти факты, желая отомстить князю Ярославу за убийство отца Остромира, посадника Константина Добрынича.

«Остромирова летопись» (Новгородский свод, середина XI в.) интересна для нас со стороны ее исторической концепции. Варяги здесь вовсе не являются основателями какого бы то ни было государства — ни Киевского, ни даже одного только Новгородского.

Инициатива государственности принадлежит русским людям — на юге киянам, основавшим Киевское княжество, а на севере — словенам, победившим «находников»-варягов, основавшим после этого Новгород и затем добровольно, по своему желанию призвавшим себе подходящих князей, как это сделали одновременно с ними бритты, ирландцы и другие народы.

Новгородский историк не подменял рассказом о трех князьях общерусской истории, наоборот, приведя киевское сказание о трех братьях (Кие, Щеке и Хориве), он далее стремился показать, что и его Новгородская земля тоже начала свою государственную историю с княжения трех братьев. Мотив призвания трех братьев из-за моря был в X—XI вв. общим для всей Северной Европы, и новгородец, вводя в свое изложение легенду о призвании трех братьев, не только не унижал свой родной Новгород,

но с точки зрения тогдашних теорий происхождения государства уравнивал свою землю с другими землями, например с Англией.

Что касается легенды о призвании именно трех братьев, то давно уже доказана типичность подобных легенд для средневековой историографии. Три брата в качестве основателей государств или родоначальников народов часто встречаются в народных средневековых преданиях и хрониках. У славян известны три брата Кий, Щек и Хорив и три брата-родоначальника — Лех, Чех и Рус.

Очень широкое распространение в историографии X—XII вв. получили легенды о «добровольном» призвании норманнов, саксов и других северных народов в великие и обильные земли. Эти легенды стремились оправдать и облагородить завоевания и переселения скандинавов из своей скудной земли в другие области.

Сохранились рассказы о периодических выселениях из Скандинавии, вызванных земельной теснотой и перенаселением. Соплеменники выгоняли подраставшую молодежь за море: «Отцы их гонят, чтобы они набрасывались на царей (других народов). Их отсылают без всякого добра, чтобы они на чужбине добыли себе богатство. Их лишают родной земли, чтобы они разместились спокойно в чужой... Возбуждается мужество юношей на истребление народов. Отечество освобождается от излишка жителей, а чужие страны страдают, безобразно наводненные многочисленным врагом. Обезлюживается все, что попадается им на пути. Они едут вдоль морских берегов, собирая добычу с земель. В одной стране они грабят, в другой сбывают. Проникши в гавань мирным путем, они отплачивают насилием и грабежом» [1].

Известны легенды о «добровольном» призвании норманнов в Ирландию и в Англию. В Ирландию прибыли три брата с мирными целями под предлогом торговли. Вече ирландцев оставило братьев у себя; они стали строить города и скоро покорили страну с ее «превосходной землей».

Видукинд Корвейский в своей «Саксонской хронике» (967 г.) рассказывает о посольстве бриттов к саксам, которые сказали, что «предлагают владеть их обширной и великой страной, изобилующей всякими благами».

---

[1] Дудон Квинтинианский, французский летописец из Нормандии, писал в 1015 г. (См. *К. Тиандер.* Датско-русские исследования, вып. III. Пг., 1915, стр. 48—50).

Последние строки приведенного отрывка сразу заставляют вспомнить рассказ о том, как Олег овладел Киевом, прикинувшись купцом и убив доверившегося ему киевского князя. Повествование Дудона содержит интересные подробности о тех зверских религиозных обычаях, которыми сопровождалось формирование отрядов скандинавской молодежи. «Выполняя свои изгнания и выселения, они сначала совершали жертвоприношения в честь своего бога Тора. Ему жертвуют не скот или какое-нибудь животное, не дары отца Вакха или Цереры, но человеческую кровь, считая ее наиболее действительной из всех жертвуемых вещей. Поэтому жрец по жребию назначает людей для жертвы. Они оглушаются одним ударом бычьего ярма по голове. Особым приемом у каждого, на которого пал жребий, выбивают мозг, сваливают на землю и, перевернув его, отыскивают сердечную железу, т. е. вену. Извлекши из него всю кровь, они, согласно своему обычаю, смазывают ею свои головы и быстро развертывают паруса своих судов...» (Там же, стр. 48—49).

Саксы согласились и послали три корабля с тремя князьями (Вихтгиземем, Хенигстом и Хорсом) и вскоре овладели всей изобильной страной бриттов [1]. Близость к русскому летописному рассказу здесь очевидна.

Легенды о добровольном призвании поработителей создавались, разумеется, в интересах захватчиков — норманнов и англо-саксов. Только им было важно как-то примирить местное население с собой и это было легче всего сделать при помощи подобных сказаний.

Можно думать, что и на Руси ходячая норманнская легенда о добровольном призвании трех братьев-варягов появилась благодаря варягам или знакомству летописца с ними. Это подтверждается и при анализе имен трех братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора.

Из трех героев легенды старший брат Рюрик вызывает менее всего сомнений. Это, по всей вероятности,— реальное историческое лицо, норманнский конунг, захвативший Ладогу и Новгород. Его сближают с конунгом Рориком Ютландским, грабившим Париж и Лондон и неудачно воевавшим с сыновьями Карла Великого, после чего Рорику пришлось уехать куда-то в восточную часть Балтики. Когда западноевропейские хроники перестают говорить о Рорике, русские летописи сообщают: «...придоша (из-за моря) к словѣномъ пьрвое и сърубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ...» [2].

Но если мы не сомневаемся в существовании Рюрика, то у нас есть все основания усомниться в двух других героях легенды — Синеусе и Труворе. Дело не только в том, что эти два брата нужны были для установившегося в то время традиционного «комплекта»; самые имена их, неизвестные ни в Скандинавии, ни на Руси, вызывают сомнение. И только сопоставление имен Синеуса и Трувора с текстом летописи проливает свет на происхождение «братьев»: Рюрик пришел со своим родом и предивной дружиной; будучи сказана по-старошведски, эта фраза содержала места, которые русский летописец мог истолковать, как собственные имена: «со своим родом» — как Синеус; «с верной дружиной» — как Трувор.

Анекдотическое происхождение «братьев» Рюрика говорит нам и о степени достоверности всей легенды в целом. Она сфабрикована, очевидно, из различных преданий и рассказов, в которых историческая правда сплеталась с вымыслом, окружившим описание событий, происходивших за два столетия до их записи. Источником сведений о Рюрике и его «братьях», вероятнее всего, был устный рассказ какого-нибудь варяга или готландца, плохо знавшего русский язык.

---

[1] *К. Тиандер.* Указ. соч., стр. 22—25.

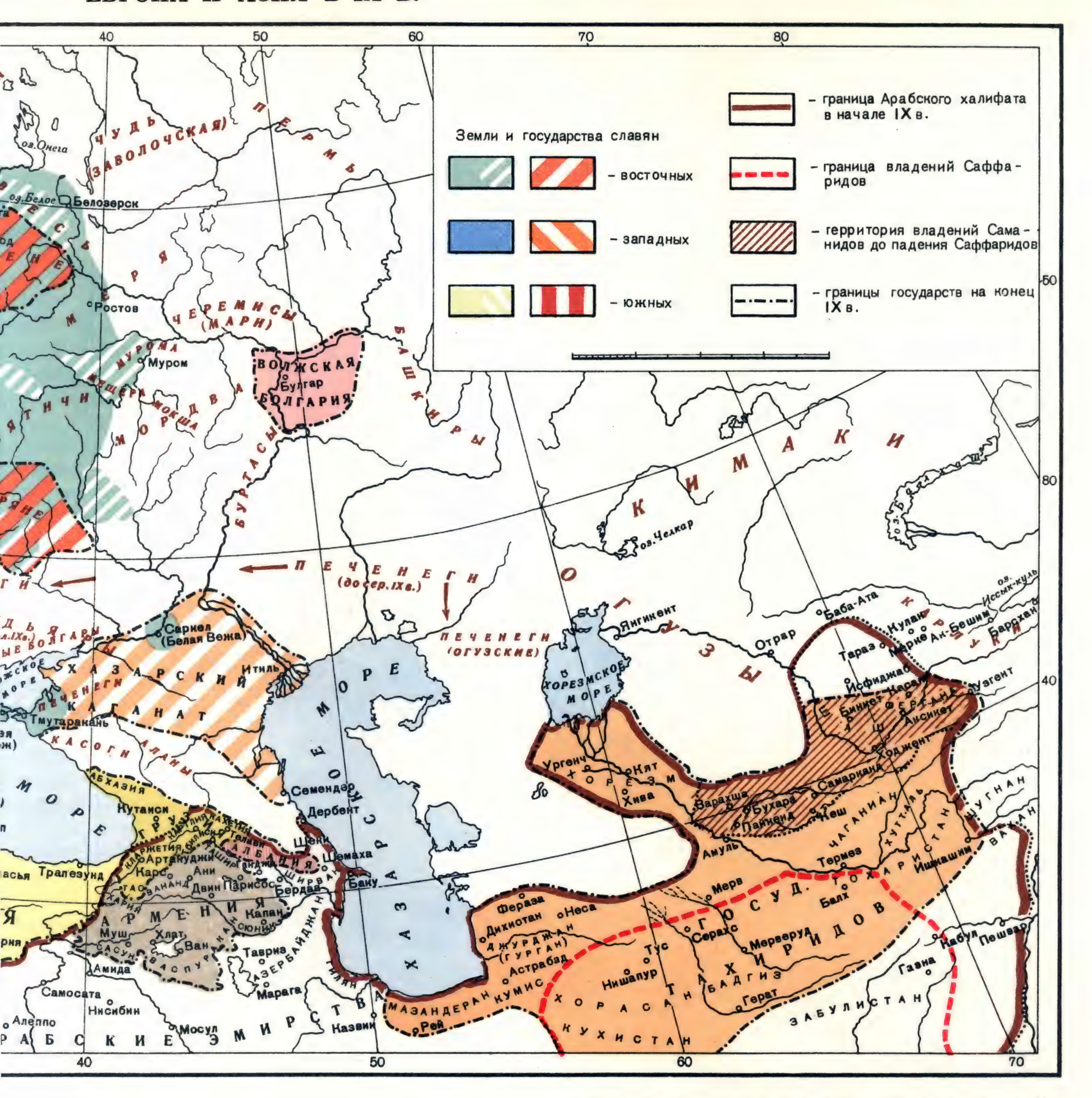
Предание о трех братьях-викингах есть и в южной Финляндии. (Там же, стр. 142).

[2] *А. А. Шахматов.* Повесть..., стр. 20.

Захват отдельных городов норманнами был обычным явлением европейской истории IX—X вв., но это не имеет ничего общего с образованием государств. Чаще всего норманны появлялись там, где уже существовали государства и богатые города, сулившие богатую добычу.

ЕВРОПА И АЗИЯ В IX В.

ЕВРОПА И АЗИЯ В IX В.



(Составители Б. А. Рыбаков, А. П. Левандовский)

78.1

На протяжении всего XI в. Новгород все больше и больше стремился к обособлению от власти Киевской Руси; распад державы Ярослава и усобицы между его потомками облегчали новгородскому боярству путь к сепаратизму. Все чаще меняются в Новгороде князья, все решительнее говорит Новгород с киевским великим князем. Уроки истории не прошли даром — новгородское боярство старалось заполучить в Новгород какого-нибудь молодого княжича из влиятельного рода и воспитать его в таком духе, чтобы он «рядил по праву», т. е. не выходил бы из рамок завоеванных боярством свобод.

В конце XI в. таким княжичем оказался правнук Ярослава Мудрого, сын Мономаха — Мстислав Владимирович. Он, очевидно, прочно связал свою судьбу с мятежной судьбой новгородского боярства. Вторым браком он женился не на княжне, как обычно, а на дочери новгородского посадника. Когда сам великий князь киевский Святополк Изяславович хотел сместить Мстислава и заменить его своим сыном, то новгородцы вступили «в прю» со Святополком и пригрозили, что сын его может ехать в Новгород только в том случае, если у него две головы; так они отстояли своего Мстислава, которого они «въскормили» себе. Интересно отметить, что оживление новгородского летописания (которое Шахматов относит к 1095 г.) совпало по времени с вокняжением в Новгороде князя Мстислава в 1095 г. Много лет спустя князь Мстислав или кто-то очень близкий к нему, как предполагают А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, приложил руку к самому значительному русскому историческому труду — «Повести временных лет», внеся в нее преувеличенное представление о роли варягов в основании Русского государства.

Князь Мстислав был внуком английского короля и был женат на дочери шведского короля, одна его дочь была замужем за норвежским королем Сигурдом (потом за Эриком датским), другая — за Канутом Оботритским. Одним словом, Мстислав был прочно связан с северноевропейскими королевскими домами и для него, русского лишь наполовину, легенда о призвании из-за моря трех князей-братьев была не только хорошо знакомым северноевропейским сюжетом, но и личным семейным преданием, сложенным в других землях по поводу его близких родичей.

Возродившееся одновременно с вокняжением Мстислава в Новгороде новгородское летописание очень скоро приобретает черты местного шовинизма, становится прямо враждебным Киеву и на первое место во всей русской истории неумело, грубо, но настойчиво выдвигает Новгород и постепенно меняет взгляд на варягов, отождествляя их иногда с русью.

Княжий двор Мстислава Владимировича, проведшего в Новгороде почти четверть столетия, мог быть тем центром летописания, где антиваряжская «Остромирова летопись» подвергалась переработкам и дополнениям в духе новых требований новгородского боярства, вступившего на путь открытого обособления от Киевской Руси.

Добровольное призвание князей новгородцами, стремление умалить роль русского юга, пересказ применительно к новгородским условиям

североевропейской легенды о трех братьях и даже известное почтение к варягам — все это вполне отвечало интересам новгородского боярства в эпоху борьбы с Киевом.

Новгородская летопись стремилась принизить Киев, его строителя Кия («перевозника») и показать, что русская государственность началась не на юге, а на севере, в земле словен, кривичей, чуди и мери. Приурочение эпохи Кия к одному году с призванием варягов было тоже одним из средств унизить Киев, лишив его более древней истории.

Последний вопрос, который нужно рассмотреть в связи с этими ранними новгородскими сочинениями, это — вопрос о наименовании варягов русью.

В Новгородской летописи после изложения легенды о призвании князей мы находим слова, породившие многовековую ошибку историков: «И от тѣх варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска» [1].

Первая половина фразы допускает три варианта перевода:

1. Варяги прозвали Русью ту землю, в которую их пригласили княжить.

2. По имени варягов прозвалась Русью эта земля.

3. Со времени появления варягов земля стала называться Русью.

Норманисты предпочитали второй вариант, т. е. что варяги передали славянам свое имя, но уже давно это положение было отвергнуто, так как нигде во всей Скандинавии не было найдено ни племени Русь, ни области или местности с таким названием, что должны были признать и сами норманисты [2].

Вторая половина фразы не представляет ничего загадочного — вполне вероятно, что в Новгороде в XI—XII вв. жили и обрусевшие потомки варяжских «находников».

В другом месте новгородская летопись снова возвращается к этой теме: «И сѣде Игорь, княжа, в Кыевѣ и бѣша у него Варязи мужи Словенѣ и оттолѣ прочии прозвашася Русью». Здесь все ясно — после того как словене и варяги, составлявшие личную дружину Игоря, оказались в Киеве их «оттоле», т. е. с тех пор, стали называть русью (как и киевлян, задолго до этого называвшихся русью) [3].

Исследователями вопроса о варягах и руси давно уже отмечена нелогичность и запутанность летописных текстов именно в тех местах, где речь идет о действительном или допускаемом отождествлении руси и варягов. Антинорманисты, примирившись с мнимой доказанностью этого

---

[1] «Новгородская первая летопись», стр. 106.

[2] *В. Томсен.* Начало Русского государства. Перевод Н. Аммона. М., 1890.

[3] «Новгородская первая летопись», стр. 107.

Чья-то рука еще в древности приписала на полях после слов «и оттоле» слово «прочии». Это слово возвращает нас к позиции того новгородского летописца, который сближал варягов с русами.

тождества, стали утверждать, что варяги-русь это не скандинавы, не германцы, а западные славяне или литовцы. Но эти утверждения только ослабили позиции самих антинорманистов.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нам следует вспомнить давно уже вошедшее в научный оборот указание на существование у финских народов название Ruotsi, которое иногда прилагалось к шведам. Для норманистов это казалось очень убедительным аргументом в пользу отождествления шведов с русью. Однако, как выяснили исследования Ю. Крона, еще в конце XIX в., финские слова с этим корнем означают не шведов, а север.

Rootsi — север
Rootsi-veri — северное сияние
Rootsi-hobu — созвездие Малой Медведицы, включающее Полярную звезду
Ruotsalainen — северные люди, норманны (в географическом смысле этого слова).

Эти данные проливают свет на происхождение путаницы в новгородском летописании. На языке чуди и других финских племен — ближайших соседей Новгорода, входивших в состав Новгородской земли, шведов называли «людьми севера» и это название было созвучно наименованию Руси. Следовательно, знакомство новгородского летописца с финским наименованием варягов — «руотси», «роотси», «руотсалайнен» — совершенно естественно.

В своей литературно-полемической борьбе против Киева и южной, настоящей Руси, носившей это имя уже около семи столетий, новгородский летописец XI—XII вв. не постеснялся истолковать слово «Русь» как наименование варягов. В сочетании с англо-норманской легендой о призвании трех братьев, с превращением основателя русского государства Кия в простого «перевозника», с произвольным сближением разновременных событий — это новое толкование происхождения Руси позволило новгородскому книжнику создать целую систему антикиевских построений, продиктованных сепаратистской политической программой новгородского боярства.

4

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» НЕСТОРА О НАЧАЛЕ РУСИ

Одним из самых замечательных исторических произведений европейского средневековья была русская «Повесть временных лет», летопись, написанная монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 г. По широте охвата, по количеству привлеченных источников, по красочности и подробности изложения «Повесть временных лет» оставила далеко позади многие средневековые хроники с их отрывочными погодными записями. На протяжении нескольких столетий «Повестью временных лет»

открывались различные летописные своды, создававшиеся в Киеве, Владимире, Москве, Нижнем Новгороде, Твери.

Идея общерусского единства, ставшая вновь актуальной в пору борьбы с татарами и создания централизованного государства, привлекала внимание к «Повести временных лет» и заставляла историков XV—XVII вв. переписывать или пересказывать ее текст при изложении первых страниц истории Руси.

Для историков XIX—XX вв. «Повесть» была обычно непререкаемым авторитетом; каждое слово летописи понималось буквально и не могло быть подвергнуто сомнению. Трудно перечислить все проистекавшие от этого ошибки и учесть тот вред, который принесло науке такое некритическое отношение к летописному тексту. Представления о дикости славян опирались на свидетельство летописца о том, что некоторые племена «живяху в лѣсѣ, яко же и всякий звѣрь», «живуще скотьски».

Фраза летописца «от варяг прозвашася русью» привела к долго существовавшему мнению о тождестве варягов и русов. О путанице в датировке тех или иных событий, проистекавшей от излишнего доверия к дошедшему до нас тексту, уже говорилось, выше. Так, события VI в. приравнивались во времени к событиям IX в.

Эти ошибки, оказавшие воздействие на концепции русского исторического процесса, были результатом отсутствия критики источников. Обилие фактов, имен, географических понятий, цитат из греческих хроник, многоплановость изложения истории Руси и ее соседей — все это закрыло от многих историков сложный состав «Повести временных лет», внутренние противоречия в самом ее тексте и следы рук нескольких различных авторов, писавших те или иные части этой замечательной летописи.

Последовательные усилия В. Н. Татищева, А. Шлецера, И. И. Срезневского, К. Н. Бестужева-Рюмина, и в особенности А. А. Шахматова, Н. К. Никольского, М. Д. Приселкова и Д. С. Лихачева, показали сложность «Повести временных лет», противоречивость ее частей, объясняемую различной политической ориентацией автора и его редакторов. Навеянный Карамзиным искусственный образ бесстрастного летописца, который «спокойно зрит на правых и виновных» и пишет «добру и злу внимая равнодушно», уступил место новому взгляду на летописца, как на активного участника современной ему политической жизни. «Рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника... рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» [1].

Блестящим анализом А. А. Шахматова установлено, что над «Повестью временных лет» в очень короткий срок последовательно трудились три человека: монах Киево-Печерского монастыря Нестор (около 1113 г.), игумен киевского Выдубицкого монастыря (впоследствии епископ) Сильвестр в 1116 г. и, наконец, в 1118 г. неизвестный нам по имени редактор, близкий к сыну Владимира Мономаха новгородскому князю Мстиславу.

[1] *А. А. Шахматов.* Повесть..., стр. XVI.

Три варианта, три редакции за пять лет — это свидетельство напряженной литературной обработки летописи, отражавшей в свою очередь кипение тогдашней политической жизни Киевской Руси.

Летописец Нестор был воспитанником того монастыря, который являлся центром русской феодальной культуры, был своего рода духовной академией, выпускавшей епископов, и упорно боролся с митрополитами-греками. Печерский монастырь располагал литературными силами, стремившимися охранять от греческого влияния историю Русской земли и русских деятелей [1]. В этом монастыре сложились два летописных свода — свод Никона Великого (около 1073 г.) и свод игумена Ивана (около 1095 г.) — «Временник».

К концу княжения Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) печерский монах Нестор выполнил широко задуманный третий летописный свод — «Повесть временных лет», использовав для этой цели киевские и новгородские летописи, греческие хроники, старославянские сказания, христианскую литературу, народные былины и феодальный эпос. Заканчивался труд Нестора, как полагают исследователи, хвалебным описанием княжения Святополка, являвшегося, по всей вероятности, заказчиком новой летописи.

Смерть Святополка, вспыхнувшее вслед за этим народное восстание в Киеве и вокняжение Владимира Мономаха, приглашенного киевским боярством,— все это настолько изменило обстановку в Киеве, что исторический труд, написанный в предыдущее княжение, оказался непригодным для нового князя.

Владимир Мономах, придававший большое значение историко-литературным трудам и прославлению своего имени, изъял летописное дело из Печерского монастыря, где оно велось уже четыре десятка лет, и передал его в свой фамильный Михайлов-Выдубицкий монастырь, поручив самому игумену переработку текста Нестора. Игумен Сильвестр завершил ее в 1116 г., изменив главным образом ту часть летописи, которая касалась событий последних лет, соперничества Мономаха и Святополка. Целый ряд сведений о Святополке и его родственниках был устранен из нового варианта «Повести временных лет»; на первое место везде в событиях эпохи Святополка был выдвинут Владимир Мономах.

В незначительной степени Сильвестр видоизменил написанное Нестором введение к летописи. Явно противореча тексту Нестора, Сильвестр вводит легенду об апостоле Андрее, будто бы путешествовавшем по России в I в. Особенно сильно переделанной последним редактором «Повести» оказалась вводная часть, представляющая для нас особый интерес, так как была посвящена вопросам образования Русского государства.

По всей вероятности, князя Владимира не удовлетворила работа Сильвестра. После киевского восстания 1113 г. была переделана Русская Правда, написано самим князем «Поучение детям» с некоторыми

---

[1] *М. Д. Приселков.* Нестор-летописец. Пг., 1923.

демагогическими нотками и, наконец, внимание князя привлекла летопись, повествовавшая о том, как появились князья и княжеская власть.

Летопись Сильвестра была отдана старшему сыну Мономаха Мстиславу Владимировичу и коренным образом переработана им самим или кем-то из очень близких к Мстиславу лиц.

Мстислав — князь, приглашенный новгородцами и связавший с ними свою судьбу на четверть столетия, близкий по родственным узам с варягами, оказал решительное влияние на летопись. Из «Повести временных лет» был выброшен интереснейший раздел о русских князьях IX в. (о содержании которого мы можем только догадываться) и взамен его была включена легенда о призвании князей-варягов. Посредством этой легенды новый редактор «Повести» пытался объяснить происхождение княжеской власти как власти добровольно призванной народом. В глазах русских людей начала XII в. легенда о добровольном призвании невольно связывалась с именами таких «призванных» князей, как сам Мстислав и его грозный отец Владимир Мономах. Политический смысл воскрешения этой новгородской легенды в общерусском киевском летописании ясен.

Редактор, переделывавший летопись в 1118 г., был образованным человеком. Он пополнил «Повесть временных лет» описанием земель по Варяжскому морю, ввел подлинные тексты договоров с Византией и дал очень точную периодизацию истории человечества в древности. Он интересовался древними памятниками, поверьями и образом жизни различных народов, знал византийскую литературу.

Но по отношению к своему предшественнику Нестору он был беспощаден и очень грубо и тенденциозно выбрасывал из его труда самые интересные куски повествования о том, «как Русская земля стала есть».

Труды А. А. Шахматова с достаточной определенностью обнаружили не только домыслы редактора «Повести временных лет» (1118 г.), относящиеся к возникновению Руси и началу ее просвещения, но и те литературные приемы, к каким прибегал он, перерабатывая летописные и нелетописные источники для своего свода.

После этих открытий нельзя было не изумиться тому искусству, с каким составитель «Повести временных лет» (1118 г.) сумел прикрыть в своем труде предвзятые точки зрения завесою, сшитою из старинных записей и легенд, и так долго заставлять читателей верить в их достоверность.

«Его излюбленными приемами редакторской работы оказались пропуски, умолчание, сокращение и компиляции» [1].

Итак, «Повесть временных лет» Нестора не дошла до нас в своем первоначальном виде и очищение «Повести» от искажений и дополнений, произведенных двумя редакторами, является делом сложным. К сожале-

---

[1] *Н. К. Никольский.* Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. (К вопросу о древнейшем русском летописании), вып. 1. Л., 1930, стр. 28 и 29.

нию, А. А. Шахматов, установив наличие трех редакций, не успел заняться реконструкцией текста Нестора, хотя и считал эту задачу выполнимой. Мы можем, используя противоречия, нелогичности, повторения и явные вставки, сделать попытку реконструкции первоначального облика «Повести временных лет», какой она была написана Нестором в эпоху Святополка, но такая реконструкция не может быть полной и безупречной во всех своих частях. Вводная же часть до IX в. восстанавливается довольно достоверно и логично.

* * *

Нестор поставил перед собой три вопроса, на которые должна была ответить его летопись:

1. «Откуду есть пошла Руская земля».
2. «Кто въ Киевѣ нача первѣе княжити».
3. «Откуду Руская земля стала есть».

Ответы на эти вопросы Нестор давал со всей широтой образованного историка, имеющего свой собственный взгляд на судьбы народов. Тысячелетняя история восточных славян и Руси рассматривалась им па фоне истории всего славянства и в неразрывной связи с обширным степным миром. Историк то сосредотачивал внимание читателя на судьбе приднепровских полян, где зародилось ядро Русского государства, то раскрывал перед читателем широкую картину жизни всего славянского мира от Эльбы на западе до Волги на востоке, от Варяжского моря на севере до «Адриатической пучины» на юге.

Начало славянской истории теряется в глубинах библейских легенд о всемирном потопе, обязательных для каждого средневекового хрониста.

После вавилонского столпотворения, согласно этим легендам, образовалось 72 различных народа.

«От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова...». Летописец здесь хочет связать историю славянства с узаконенными в то время библейскими народами и причисляет славян к группе европейских народов, потомков Иафета [1]. У Нестора было очень ясное представление о языковом родстве всех славянских народов.

Быстро покончив с библейской легендой об образовании народов и их размещении в Европе, Азии и Африке, Нестор дает интереснейшую картину расселения славян после вавилонского столпотворения в «Афетовой части», т. е. в Европе [2].

---

[1] Так как имени славян не было в библейском списке, то Нестору пришлось заменить один из народов именем «норцев» («Норцы, иже суть словени»), т. е. жителей римской провинции Норика на Верхнем Дунае. Он выбрал именно этот народ, потому, что, во-первых, впоследствие славяне действительно колонизовали Норик и Иллирию, а, во-вторых, потому, что область Норик, согласно христианским легендам, была очень рано христианизирована и это импонировало славянскому историку.

[2] Большую путаницу в понимании несторова текста вносила попавшая не на место фраза: «по мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви», разорвавшая связаный рассказ о том, как словене «разидошася по землѣ» в результате божьего

Свое описание Нестор ведет крупными племенными группами; мелких племен он не упоминает. Так, чехи состояли из десятка племен, лютичи были союзом восьми племен, другие группы тоже насчитывали по несколько племен в своем составе, но летописец знает только чехов, лютичей, полян, мораву и т. д. Географически перечень этих племенных союзов охватывает область расселения западных и восточных славян и совпадает в основных чертах с представлениями современных ученых о славянской «прародине». Нестором упомянуты: чехи, мораване, поляки (со всеми их крупными подразделениями), сербы (возможно, лужицкие, полабские), хорутане и большая часть восточнославянских племен (кроме окраинных: кривичей, уличей, тиверцев и др.). Иногда Нестор более определенно говорит о колонизационном движении тех или иных племенных групп. Так, радимичей и вятичей он считает переселенцами «от Ляхов», передвинувшимися из областей, пограничных с поляками, в восточном направлении на Сож и на Оку. Пришельцами с юга с Дуная (?) он считает и словен новгородских [1]. Хронологически мы должны отнести нарисованную Нестором картину размещения славян в Европе не позднее чем к первой половине первого тысячелетия нашей эры. Как мы уже видели выше, события, связанные с Кием, довольно определенно датируемые VI в., и последующие события VI—VII вв. описаны Нестором после этих вводных сведений.

* * *

Рассказав довольно подробно о том, как славяне «разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ», Нестор переходит к описанию их внутренней жизни и нравов.

гнева в Вавилоне. Фраза, говорившая о славянах на Дунае, в свою очередь, первоначально начинала в другом месте связный рассказ о судьбах именно дунайских славян. Нарушение текста кем-то из редакторов повело к ошибкам двоякого рода: одни ученые, поверив перепутанному тексту, отстаивали дунайскую прародину славян (Надеждин, Иловайский и др.), другие же, видя явную нелепость расселения славян с Дуная на Эльбу или Днепр, обвиняли летописца в исторической недостоверности.

Если мы воссоединим приведенную выше фразу со всем повествованием о дунайских славянах (т. е. поставим ее на место), то понимание текста Нестора ничем не будет затруднено: славяне расселились по Центральной и Восточной Европе в результате вавилонского столпотворения. Библейская легенда придала географическому описанию излишнюю динамичность: «пришедше, сѣдоша...».

[1] Впрочем, во всем, что касается Новгорода, явно ощущаются вставки последнего редактора, затрудняющие выявление первоначального текста. В данном случае, несомненно, вставлены позже слова о постройке словенами Новгорода, нарушающие весь стиль повествования.

Возможно, что этой же руке принадлежит и указание на приход словен с Дуная, навеянное искаженным текстом. Сам по себе факт прихода в древности части славянских племен на Ильмень с юга очень вероятен. Что же касается переселения радимичей и вятичей, то это могло иметь место только в отдаленное время, примерно, за тысячу лет до Киевской Руси. Археологические данные косвенно подтверждают перемещение некоторых культур с правобережной части бассейна Днепра в левобережную.

«И тако разидеся словѣньский язык»... и «и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»... «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ».

Далее следует знаменитое этнографическое описание той части славянских земель, которая более всего интересовала летописца — приднепровских полян и их соседей — древлян, радимичей, вятичей и северян.

Это описание следует датировать отнюдь не временем написания летописи (хотя ряд пережитков первобытности тогда и сохранялся), а тем же отдаленным временем, к которому автором отнесен и процесс расселения, т. е. к первым векам нашей эры.

В центре внимания летописца находятся поляне, так как в их земле был впоследствии построен Киев, зародилась русская государственность и самое имя их слилось с именем Руси.

Отношение летописца к полянам и к их соседям различно — одних он всячески хвалит, а других хочет показать в самом мрачном свете. «Поляне бо своих отець обычай имуть кротокъ и тихъ» [1].

Для эпохи II—V вв. археология в известной мере подтверждает наличие подобных контрастов.

Киевщина и лесостепное Среднее Приднепровье — это область распространения так называемой черняховской культуры (см. гл. I), известной нам по поселениям и бескурганным могильникам — «полям погребальных урн» [2]. С юга к области черняховской культуры подступали сарматские племена, летописцем не упомянутые, а с севера широким полукольцом ее охватывали земли несравненно более примитивных племен зарубинецкой и юхновской культур.

В полустепной земле полян — обширные земледельческие села, развитое пашенное земледелие, зарождающееся товарное производство, наличие римской монеты в качестве средств накопления и обмена, широкие торговые связи, далеко зашедшее социальное неравенство. Можно согласиться с летописцем, что поляне были «мужи мудри и смысленѣ». В лесных землях древлян, радимичей, вятичей — маленькие огороженные поселки-городища с племенными хижинами; отсутствуют ремесло и торговля, не заметно неравенства внутри родовых общин.

---

[1] В Новгородской летописи сохранилась одна черта, омрачающая характеристику полян, но исторически верная: «бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погании...» («Новгородская первая летопись», стр. 105).

[2] Подробно, во всех деталях описанный Нестором погребальный обряд, возможно, относится ко всем упомянутым в этом отрывке племенам, включая и полян. Археология полностью подтверждает рассказ о языческих похоронах: в землях полян, древлян, радимичей и вятичей найдены и следы «крад великих» — огромных погребальных костров и «сосуды малые» — урны с прахом и «столпы» — маленькие домики мертвых. Судя по тому, что Нестор, описавший каждую деталь, ни слова не сказал о насыпании над «столпом» земляной курганной насыпи, можно полагать, что его свидетельство относится к докурганному периоду, т. е. именно к эпохе полей погребальных урн.

Летописец дополняет эту картину родоплеменного быта указанием на кровную месть, на дикое лесное житье этих племен, вынужденных есть все нечистое, на отсутствие у них брачных запретов, многоженство.

Сопоставляя данные археологии со словами Нестора, мы не упрекнем его в искажении истины — северные соседи полян, жители древлянского и радимичского Полесья, в первые века н. э. действительно жили еще примитивно и далеко отстали от полян, втянутых в сферу воздействия римской культуры.

* * *

Обрисовав общую обстановку, Нестор переходит к описанию того события, которое он и его предшественники считали краеугольным камнем русской истории — к основанию Киева и началу Киевского княжества. К старому эпическому сказанию о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве Нестор по другим сказаниям добавил такие ясные и конкретные подробности о самом основателе княжества — Кие, которые позволили установить довольно точные хронологические рамки его деятельности.

Кий, полянский князь, основатель династии, почетный гость императора Византии, византийский федерат, строивший город на Дунае и уехавший доживать век в свой родной Киев — был, по всей вероятности, современником императора Юстиниана, жившего в середине VI в. (см. выше).

Эпические сказания о нем достигли в VIII в. Армении, а в Киеве существовали до XII в.

Нестор назвал нам имя Кия; византийские историки называют имена других антских князей VI в., владевших землями, служивших в Византии или же опасных для нее тем, что могли собрать под свои знамена значительные массы «могущественных антов».

Эпоха VI—VII вв., с которой Нестор начинает описание русской государственности, была и на самом деле важной переломной эпохой в истории славянства. В это время формировались обширные и устойчивые союзы племен, являвшиеся последним звеном в развитии родоплеменного общества, далее следовало феодальное государство.

Археологические материалы позволяют определить, что формирование Русской земли (в узком смысле слова) в пределах днепровско-донецкой лесостепи, сложение здесь союза племен под гегемонией Руси происходило именно в VI—VII вв.

Летописец был прав, выделив эту эпоху, с которой начался новый этап восточнославянской истории, завершившийся созданием в IX—X вв. феодального государства Киевской Руси с центром в Киеве.

Сосредоточив основное внимание на полянах, Нестор не забывает все же указать, что племенные княжения возникли в это время и в других восточнославянских областях: у древлян, дреговичей, словен и полочан.

Далее Нестор переходит к описанию тех событий, которые всегда были жизненно важными для восточного и южного славянства, речь идет о постоянных и сокрушительных нашествиях кочевых орд.

Перечень нашествий начинается хазарами. Воспользовавшись борьбой полян с соседями, хазары достигли приднепровских гор и предложили полянам платить им дань. Ответные действия полян озадачили хазарских вельмож — поляне, посовещавшись на вече, «вдаша от дыма мечь».

Нестор, очевидно, использовал более раннюю летопись Никона тмутараканского, в которой поляно-хазарские отношения были обрисованы в выгодном для полян свете.

Хронология хазарского нашествия недостаточно ясна, но, судя по фразе «по сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея», можно думать, что оно произошло вскоре после княжения Кия, т. е. примерно в конце VI— начале VII в., что не противоречит нашим сведениям о времени появления хазар в Европе.

Вслед за этим в «Повести временных лет» мы должны поставить рассказ о многовековой борьбе дунайских славян с кочевниками. «По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». Географическое определение земель дунайских славян не оставляет сомнений в том, что речь идет отнюдь не о «прародине» славян, а о колонизации славянами долины Дуная, начавшейся действительно спустя лишь много веков после длительного пребывания в полосе Эльба — Днепр, описанной летописцем в самом начале «Повести».

Венгерское королевство и Болгарское царство в эпоху, когда писал Нестор, занимали то самое пространство на Дунае, которое византийские и латинские авторы отводили «склавинам» — от оз. Мурсианского до г. Новиодунума.

Пришельцам-славянам пришлось столкнуться на Дунае с одной из групп местного населения — валахами, которые иногда подчиняли себе славянских колонистов. Далее описываются волны тюркоязычных кочевников: из глубин Скифии, ставшей к этому времени Хазарией, появились болгары «и сѣдоша по Дунаеви, и населници словѣномъ быша». Первые походы болгар на Дунай относятся к рубежу V и VI вв. (493—502 гг.).

Затем появились «белые угры» (очевидно, сарагуры или огоры), которые, по словам Нестора, при царе Ираклии (610—641 гг.) овладели славянской землей. Об этом в византийских источниках сведений нет.

В это же время, при императоре Ираклии нападали на славян и авары («обры»). Нестором подробно описано издевательство авар над дулебами и попутно отмечено, что авары едва не пленили самого византийского императора (события 618 г.). С удовлетворением отмечает Нестор истребление гордых авар (им не упомянуты войска Карла Великого, произведшие в 791—809 гг. разгром Аварского каганата), отразившееся в русской поговорке «погибоша аки обрѣ».

В строго хронологической последовательности Нестор переходит к печенегам, появившимся в Восточной Европе в начале IX в. и затем к венграм, завоевавшим земли дунайских славян и волохов. Указываются венгерские походы IX в. на Византию, Чехию и Моравию.

На этом в дошедшем до нас тексте «Повести временных лет» прерывается интересный и добросовестный рассказ о судьбах дунайских славян. В руках у Нестора, несомненно, были точные материалы по истории дунайских и балканских стран, которыми он умело воспользовался, давая иной раз такие сведения, которые не сохранились более нигде (о славяно-валашских отношениях, о сарагурах, о победе авар над дулебами).

Дважды взгляд киевского историка обращался к зарубежным славянам: первый раз Нестор подробно описал размещение западных славян до эпохи колонизации Дуная и Балкан. Во второй раз он описал колонизацию Подунавья и последовавшие затем на этой новой земле злоключения дунайских славян.

В третий раз взгляд Нестора обратился к западным и южным славянам тогда, когда он подошел к изложению вопроса о появлении славянской письменности. Но если между первым и вторым экскурсами есть логическая связь, то третий экскурс лишен этой связи, лишен начала; изложение ведется с середины.

Важнейшие для средневекового историка вопросы — как и когда сложилось то или иное государство, когда и как появилось там христианство и письменность — эти вопросы остались без ответа.

Приводимое Нестором «Сказание о грамоте славянской» не сохранило своего начала и разорвано вставками на части.

Внимание ко всему славянству на разных этапах его развития должно было получить у Нестора логическое завершение в описании двух или трех крупнейших государственных образований IX в.: Великоморавской державы, Киевской Руси и Болгарского царства. Отрывки этого описания есть, но они разрознены и крайне неполны.

Чья-то рука изъяла из «Повести временных лет» самые интересные страницы и заменила их новгородской легендой о призвании князей-варягов. По всей вероятности, это был не Сильвестр, а последний редактор, перекраивавший «Повесть» в 1118 г. [1]

Все широко задуманное изложение русской истории как части общеславянской истории теряло смысл, если начало государственности объяснялось при помощи североевропейской легенды о призвании варягов. Читатель был подготовлен к тому, чтобы признать, что Киев был городом, заранее предназначенным для объединения восточных славян, для возглавления всей Русской земли и покоренных балтийских и финно-угорских племен. И вдруг центр исторической жизни перенесен редактором из Киева в Новгород; в качестве организующей силы выступают варяги; героем русской истории становится Олег, безвестный конунг, разбойнически овладевший Киевом и умерший неизвестно где.

---

[1] «Нормано-корсунская доктрина заменила собою отсеченный конец утраченных повестей о Поляно-Руси, оставшихся в своде без своего продолжения». (*Н. К. Никольский*. Указ. соч., стр. 102).

Совершенно ясно, что в этом месте «Повести временных лет» столкнулись две концепции русской древнейшей истории и победил не широкий взгляд историка славянства Нестора, а более узкий варягофильский взгляд придворного историка новгородского князя.

Исключительно широко задуманная картина тысячелетней истории западных, южных и восточных славян заменилась повторением англосаксонской легенды. Стройность и логичность несторова текста были грубо нарушены, хронология спутана и самые важные страницы первоначальной истории государства Руси в IX в. были выброшены.

Третий вопрос, поставленный в заголовке «Повести временных лет», ответ на который Нестор с большим талантом подготавливал всем предыдущим изложением — «откуду Руская земля стала есть» — этот важнейший вопрос в окончательной редакции летописи 1118 г. остался без ответа.

* * *

По счастью в «Повести временных лет» уцелел драгоценный отрывок, определяющий географические пределы Руси в какое-то отдаленное время. Этот географический перечень славянских и неславянских областей, входивших в состав Руси или подчиненных ей, не совпадает ни с одним из описанных в летописи исторических моментов IX и X вв. и, несомненно, должен предшествовать эпохе появления варягов на Руси.

Если мы обратим внимание на всю вводную часть летописи Нестора, повествующую о далеком прошлом, о «временных летах» славянства, то увидим, что автор почти все время имел в виду и обращал внимание читателя на одну и ту же группу славянских областей, которая и составляет содержание анализируемого отрывка.

Так, в разделе о расселении славян в Европе, Нестором упомянута только половина восточнославянских областей: поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене, северяне [1].

Перечисляя племенные княжения, возникшие наряду с княжеством полян, Нестор снова повторяет этот список шести областей: поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене, северяне.

На первых страницах летописи, там, где описывалась древняя география библейских времен, русский летописец сделал дополнение, поместив список русских рек. Но в этот список вошли только те реки, на берегах которых обитали перечисленные выше шесть племен: Днепр, Десна, Припять, Двина, Волхов. Здесь нет радимического Сожа, нет вятической Оки, дулебско-волынского Буга, нет такой крупной реки, как Дон.

---

[1] Только говоря о конкретной истории возникновения Полянского княжества, Нестор отступил от этого списка и дал перечень непосредственных соседей полян для того, чтобы описать их нравы и изменение их взаимоотношений с полянами (сначала «живяху в мирѣ», а затем — во вражде). Вятичи, имеющиеся в этом перечне, не были непосредственными соседями полян, но помещены здесь, очевидно, потому, что составляли с радимичами в VIII—IX вв. единый племенной союз (что сказалось на единстве их материальной культуры).

Последний раз перечень шести, уже знакомых нам, областей встречается в конце несторова введения и должен быть связан с рассуждениями о славянском языке и письменности, возникшей в IX в.

Это и есть тот драгоценный отрывок первоначального текста «Повести временных лет», который позволяет нам заглянуть в русскую историю глубже, чем время варяжских викингов.

«Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ...» [1]

Сопоставляя все эти списки между собой, мы чувствуем, что мысль летописца все время была занята одними и теми же определенными восточнославянскими землями. Три раза, говоря о разных этапах жизни славянства, Нестор приводит один и тот же перечень шести земель — первый раз в разделе о первоначальном появлении славян в «Афетовой части», второй раз — о возникновении племенных княжений (примерно в VI — VII вв.) и третий раз — когда он определяет этнографический состав Руси-государства, поглотившего эти шесть племенных княжений примерно в IX в.

Значит, на протяжении всей древнейшей истории Нестор следил за определенной частью славянства и в последнем, самом важном для нас перечне он определяет эту часть славянского мира как Русь.

Что же это за Русь?

Эта Русь географически не совпадает ни с завоеваниями Рюрика или Олега, ни с владениями Игоря и Святослава, ни с представлениями о Руси и Русской земле в эпоху самого летописца.

Хронологически она должна предшествовать всем иным географическим свидетельствам летописи и должна быть отнесена к эпохе создания славянской письменности Кириллом и Мефодием, т. е. к середине IX в., накануне нашествия варягов.

В истории формирования территории Руси мы могли ранее наметить (см. гл. I) два этапа — один из них относился к VI—VII вв., когда сложился русский племенной союз, охватывавший племена Среднего Приднепровья и лесостепную полосу, а другой этап относился уже к X—XII вв., когда все восточнославянские племена объединились в одну народность и нередко составляли одно политическое целое.

Разобранное выше свидетельство Нестора позволяет указать еще один, промежуточный этап, когда понятие Руси было уже шире, чем племенной союз VI—VII вв., но еще не достигло размаха державы Владимира или Ярослава.

В число племен, перечисленных в летописном отрывке: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси», не входят радимичи, вятичи, кривичи, хорваты, волыняне, бужане, уличи, тиверцы. Половина восточнославянских племен оказывается еще за рамками этого объединения под именем Руси.

---

[1] Шахматов совершенно справедливо отделил от этого перечня бужан, вставленных, по его мнению, составителем третьей редакции (*А. А. Шахматов.* Повесть..., стр. 10 и 376).

Но и в таком объеме, охватывая сплошной полосой полян, северян, древлян, дреговичей, полочан и словен, держа в своих руках старые земли Среднего Приднепровья, правобережье Верхнего Днепра, Западную Двину и бассейн Ильменя и Волхова, Русь представляла собой обширную державу, превышавшую по размерам Великоморавское государство и равную западной половине империи Карла Великого.

Нестор не оставляет сомнений в том, что он считал эту Русь уже сложившимся государством, сообщив перечень шести славянских племенных княжеств, вошедших в состав Руси, он дает еще один интереснейший список:

«А се суть инии языци, иже дань дають Руси:

Чюдь	Печера
Меря	Ямь
Весь	Литва
Мурома	Зимпгола
Черемись	Корсь
Моръдва	Норома
Пермь	Либь».

Этот список расширяет территорию, подвластную Руси на северо-западе до Балтийского моря, а на северо-востоке до Урала, показывая значительную часть балтийских и финно-угорских народов данниками Руси. Область иноязычных племен, обложенных данью в пользу Руси, может быть даже для IX в. несколько преувеличена.

* * *

Рассмотренные выше отрывки представляют исключительный исторический интерес. К величайшему сожалению, эти ценные отрывки текста Нестора о составе Руси IX в. и подвластных ей областей, являются лишь незначительными фрагментами повествования о том, «откуду Руская земля стала есть». Рука всевластного редактора 1118 г. вычеркнула повествование Нестора, а отдельные отрывочные факты ранней киевской истории вплела в свой рассказ о «призвании» варяжских конунгов. И хотя это было сделано очень тенденциозно и грубовато, все же для читателя «Повести временных лет» (в редакции 1118 г.) все киевские и новгородские события оказывались связанными с появлением норманнов и так или иначе вращались вокруг одного стержня — призвания князей.

Деление русской истории на варяжский и доваряжский периоды приняло в «Повести временных лет» 1118 г. такой схематический вид: до призвания варягов славяне «живяху звѣриньским образомъ», они убивают друг друга, у них нет правды, род восстает на род... С появлением Рюрика и Олега и их варяжских отрядов, ошибочно отождествленных с русами, начинается постройка городов, раздача волостей княжьим мужам, победоносные походы на Византию и освобождение славян от хазарской дани.

Соответствует ли эта тенденциозная схема действительному положению вещей и так ли изображал историю Киевской Руси Нестор?

Мы уже видели, что в «Повести», несмотря на редакторскую правку, уцелели фрагменты совершенно иного освещения событий. Кроме того, у нас есть сведения византийских, арабских и персидских авторов о древней Руси IX—X вв., которые знакомят нас с целым рядом событий, в той или иной мере касающихся истории Руси. И, наконец, в некоторых поздних русских летописях сохранились исключительно интересные сведения о доваряжском периоде истории Руси, которые, быть может, помогут нам представить себе первоначальный облик повествования Нестора.

Какие же события русской истории IX в. могли быть описаны Нестором, и, очевидно, из-за противоречия их с варяжской легендой были исключены из текста «Повести временных лет» ее редакторами?

Византийские источники IX—X вв., современные возникновению Русского государства, рассказывают нам о поселении русов на берегах Черного моря, об их походах на крымские и малоазиатские города (Сурож, Корчев, Амастру); мусульманские авторы дают как бы географическое продолжение этих повествований о русских походах, рассказывая о появлении русов как на малоазиатском побережье («страна Анатолус»), так и на берегах Азовского и Каспийского морей. И в то же время самые ранние из восточных источников очень справедливо сопровождают первые описания русских заморских торговых маршрутов важным для нас уже упоминавшимся примечанием: «Русы суть племя из Славян» (Ибн-Хордадбех, середина IX в.).

Беседы и послания константинопольского патриарха Фотия позволяют нам узнать, что между русами и греками существовали договора, что греки убили каких-то русов и этим вызвали нападение их соплеменников на Царьград. Кроме того, в послании патриарха (как и в других греческих источниках) говорится о крещении русов в середине IX в. и даже об учреждении русской епархии.

В это же самое время происходят не менее важные события и в землях западных славян: создается обширное Великоморавское государство, объединившее десятки славянских племен, распространяется христианство, ставшее в середине IX в. официальной религией.

В «Повести временных лет» о событиях русской и западнославянской истории IX в. говорится бегло и очень отрывочно, а некоторые важнейшие с точки зрения средневекового хрониста события не освещены вовсе. Так, например, замолчены (или, точнее сказать, изъяты из летописи тексты) о создании Великоморавской державы, крещении западных славян, сложении Русского государства, крещении Руси. Нельзя представить себе, чтобы Нестор, широко образованный, хорошо знавший русскую, греческую и славянскую литературу летописец мог не знать этих событий во всей подробности. Нельзя также думать, что он не захотел почему-либо их осветить — против этого говорит как обрисовка задач «Повести» в самом заголовке ее, так и широко задуманное введение, подготавливающее читателя

к восприятию истории именно этих двух славянских государственных образований — Великоморавского и Киевской Руси.

Текст Нестора подвергся в этой части особенно жестокой расправе, произведенной ради того, чтобы на место рассказа о славянском государстве Руси поставить легенду о призвании князей варягов. Все мешавшее восприятию этой легенды было из летописи устранено или так видоизменено в пользу варягов, что являлось лишь развитием версии о пришельцах с севера.

Киевский князь Аскольд (Осколд), которого император Василий называл «прегордым каганом северных скифов», в последней редакции «Повести временных лет» (1118 г.) превращен всего лишь в варяжского боярина на службе Рюрика. А. А. Шахматовым давно доказано, что версия о варяжском происхождении Аскольда и Дира неверна и что этих киевских князей IX в. следует считать потомками Кия, последними представителями местной киевской династии [1].

Аскольд и Дир едва ли являлись современниками. Их объединение в рассказе о вероломном нападении Олега давно уже признано искусственным. Исходя из того, что Аскольдова могила находится на урочище Угорском, там, где Олег убил Аскольда, можно предположить, что современником Олега был Аскольд. В пользу этого говорит и то, что летопись сообщает о погребении только одного Аскольда. Очевидно, Дир, живший приблизительно в середине IX в., княжил раньше. Умер, он, вероятно, до появления узурпатора Олега и похоронен у стен своей княжеской крепости, как обычно хоронили князей (например, Черная Могила в Чернигове). В событиях 60-годов IX в., вероятно, принимал участие один Аскольд.

Князя Дира знают и арабские авторы X в.— Масуди в своем знаменитом сочинении «Золотые луга», где описывается славянский мир IX в., пишет:

«Первый из славянских царей есть царь Дира; он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами» [2].

Сопоставление данных Масуди с перечнем областей, входивших в состав Руси, позволяет нам точнее представить себе «многие, обитаемые страны», подвластные царю Диру.

Из всех видов взаимоотношений с Византией в «Повести» сохранилось только одно свидетельство о походе Аскольда и Дира на Царьград в 60-м году IX в., но оно является всего лишь цитатой из продолжения хроники Георгия Амартола и отражает византийскую точку зрения, порицая «безбожных русов».

---

[1] *А. А. Шахматов.* Разыскания.., стр. 289 и сл.; *М. Д. Приселков.* История русского летописания, стр. 38 и 40. Имя Аскольд — Осколд, возможно, связано с южнорусской лесостепной топонимикой, где мы встречаем реки Оскол и летописный Вороскол.

[2] *Аль-Масуди.* См. *А. Я. Гаркави.* Сказания..., стр. 137.

Последняя редакция «Повести временных лет» преподносила читателю события IX в. в крайне сокращенном и тенденциозно измененном виде, коренным образом противореча тому торжественному и широко задуманному началу истории славянства, которое мы можем связывать с именем Нестора.

* * *

Стремясь восстановить первоначальный текст «Повести временных лет», мы должны вспомнить догадку А. А. Шахматова о том, что до того, как рукопись Нестора была передана в чужой монастырь, с нее была сделана копия, оказавшаяся в Галицкой земле [1].

Шахматов, сделавший очень много для истории текста «Повести временных лет», не успел использовать свои наблюдения и во всем объеме восстановить рукопись Нестора; он ограничился лишь замечанием: «Думаю, что со временем удастся проследить эту редакционную работу Сильвестра и восстановить в той или иной степени Несторов свод» [2].

Властной рукой Владимира Мономаха текст Нестора, придворного историка Святополка, был надолго устранен со столбовой дороги русского летописания. Возможно, что он где-то существовал в юго-западных землях, где княжили потомки Святополка Изяславича, но вплоть до середины XVI в. мы не находим его следов в общерусских летописях.

Первым историческим трудом, дающим очень много сведений помимо того, что есть в дошедшей до нас редакции «Повести временных лет», является Никоновская летопись середины XVI в. Почти все эти дополнения упомянуты и В. Н. Татищевым, державшим в руках летописи, впоследствии исчезнувшие.

Эти сведения распадаются на две группы: во-первых, они касаются подробностей деятельности князя Святополка Изяславича, при котором писалась «Повесть временных лет», а, во-вторых, раскрывают значительно полнее раннюю историю Руси, описывая эпоху князя Осколда и его современников — византийских императоров.

Данные Никоновской летописи и Татищева представляют настолько большой интерес, что необходимо привести их подробно [3].

---

[1] «Когда миновали страсти, возбужденные несторовой летописью, благодарная память обратилась снова к забытому автору... Славу Нестора охранили и те списки, которые, как указано, могли быть сделаны с «Повести временных лет» до передачи ее в Выдубицкий монастырь. Один из списков попал в Галицию; возможно, что именно к такому списку восходили списки, использованные В. Н. Татищевым, Раскольничий и Голицынский» (*А. А. Шахматов*. Повесть..., стр. XVIII). «Основная редакция (Нестора) стала известна в Перемышле или Теребовле, где духовник Василька Ростиславича, переписывая и сокращая ее в 1113—16 гг., внес в нее свой рассказ о событиях 1097—1099 гг.» (там же, стр. XLI).

[2] *А. А. Шахматов*. Повесть..., стр. XXVII.

Замечания Шахматова касались только событий эпохи Святополка и Владимира Мономаха и не затрагивали вводную часть «Повести».

[3] «Никоновская (патриаршая) летопись». ПСРЛ, т. IX; *В. Н. Татищев*. История российская, т. II. М., 1773; *К. Н. Бестужев-Рюмин*. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

Следует оговорить, что составитель Никоновской летописи использовал не только галицко-волынские копии Несторовой летописи, но и все другие редакции, в том числе и содержащие легенду о призвании варягов. В целом Никоновская летопись не равнозначна, разумеется, тексту Нестора. Поэтому для реконструкции текста Нестора могут быть привлечены только известия, отсутствующие в других летописях.

Известия Никоновской летописи и Татищева о Руси IX в. касаются, во-первых, взаимоотношений с Византией (походы русов на Царьград, принятие христинства), а, во-вторых, взаимоотношений Киевского княжества с кочевниками, варягами и отдельными славянскими областями. По сравнению с «Повестью временных лет» здесь значительно больше сведений, подтверждаемых прямо или косвенно греческими источниками.

«Повесть временных лет» в заголовке своей датированной части упоминает о походе Руси на Царьград (но с большой путаницей в датах) и дает описание только одного похода «безбожных русов» под 6374 г. от «сотворения мира». Это описание почти целиком выписано из продолжения греческой хроники Георгия Амартола; добавлены лишь имена киевских князей Аскольда и Дира.

В дошедшем до нас варианте «Повести временных лет» (1118 г.) этому событию предшествует вокняжение варяга Рюрика в Новгороде, а самый поход на Царьград описан как предприятие двух бояр Рюрика, хотя такая трактовка и находится в противоречии с уцелевшей от первоначального текста фразой о начале письменной русской истории с точными датами со времен первого похода Руси на Царьград.

Знакомство с греческими источниками показывает, что редактор, работавший в 1118 г., сильно обеднил и исказил историю взаимоотношений Руси с Византией: первый поход на Константинополь был не в 866 г., а в июне 860 г., кроме того, были и другие походы, о которых он умолчал; дважды византийские источники говорят о принятии христианства Русью (при патриархе Фотии и патриархе Игнатии), а в «Повести» об этом не сказано ни слова [1].

В отношении князя Святос полка Изяславича, в княжение которого был закончен труд Нестора, в Никоновской летописи и у Татищева содержится целый ряд сведений, освещающих деятельность Святополка за 1093—1113 гг., семейные события и некоторые внешние события, связанные с политикой князя. Все дополнения свидетельствуют о точном знании летописцем всех дел княжьего дома и о постоянном желании его прославить Святополка. Летопись, содержавшая более полный текст (за годы до 1111), чем сохранившаяся до нас третья редакция «Повести временных лет», должна была принадлежать придворному летописцу Святополка Изяславича, исправлявшему недостаточную почтительность по отношению к великому князю со стороны своего предшественника, игумена Ивана, автора свода 1095 г.

[1] Византийские хроники позволяют исправить текст «Повести временных лет»: «В лѣто 6360 индикта 15 начьнъшю Михаилу цѣсарьствовати, нача ся прозывати Русьская земля. О семь бо увѣдѣхомъ яко при семь цѣсари приходиша Русь на Цѣсарьградъ, якоже пишетъ въ лѣтописании Грьчьстѣмъ». «Тем же отселе почнем и числа положим». Год «от сотворения мира» 6360 мог быть переведен на современное летосчисление двумя способами: общеупотребительным на Руси и в Визан-

Никоновская летопись четыре раза сообщает о походах Руси на Византию в середине IX в.

1. «О пришествии Руси на Царьградъ.
Иногда приидоша из Киева Русскии князи Осколдъ и Диръ на Царьградъ въ царьство Михаила царя и матери его Феодоры, иже проповѣдаша поклонение святыхъ икон, в первую недѣлю поста и много убийства сотвориша.

Царь же Михаилъ и Фотий патриархъ всенощную молбу сотвориша в церкви святыа Богородица Влахернахъ. Сего же ради Лахерна нарицается мѣсто то: князю скифскому убиену ту именемъ Влахерну. Та же изнесши с пѣсньми ризу святыа Богородица и край еа в море омочивше и абие възста буря зѣлна и лодиа безбожных Руси к берегу приверже, и вси избиени-быша»[1].

2. «О пришествии Агарянъ на Царьградъ.

Множество съвокупившеся Агарянъ прихождаху на Царьградъ, и сиа множицею творяще.

Слышавше же Киевстии князи Асколдъ и Диръ идоша на Царьградъ и много зла сътвориша»[2].

3. «В лето 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Греки.

Царем же Михаилу и Василию отшедшим на Агаряны воевати и дошедшим им Черныа рѣки, посла к ним епархъ глаголя, яко Русь идетъ на Царьградъ в двоюсту и множае кораблей. Они же възвратишася и едва внидоша в градъ и с патриархомъ Фотием приходяще к церькви святѣй Богородици Влахерну и изнесше ризу пречистые Богородици съ плачемъ и съ слезами многими и край еа въ море омочивше.

Бѣ бо тогда море тихо велми, и егда омочиша ризу, и абие възста буря зѣлна и разби множество кораблей и потопи безбожную Русь»[3].

тии был счет — 5508 лет от «сотворения мира» до «рождества христова», но был и другой, так называемый «александрийский» счет, когда указанный отрезок исчислялся лишь в 5500 лет. Разница между двумя летосчислениями равна восьми годам. Таким образом, летописный 6360 г. может соответствовать и 852 и 860 г. Обе эти даты и указание на индикт не имеют никакого отношения к началу царствования императора Михаила III (842—867 гг.); но вторая дата — 860 г. точно соответствует времени русского похода. Все эти расчеты позволяют допустить, что в руках русского летописца были хронологические записи, сделанные по «александрийскому» счету, применявшемуся, между прочим, в Болгарии.

Тогда летописная фраза, открывающая собой писаную историю Руси, должна читаться так: «Начьнъшю Михаилу цъсарьствовати. Нача ся прозывати Руськая земля. О семь бо увѣдѣхом яко при семь цѣсари в лето 6360 (860-е), индикта 15 (июня в 18 день) приходиша Русь в Цѣсарьградъ якоже пишеть в лѣтописании Грьчьстѣм».

День штурма Царьграда известен нам по греческим источникам, а в «Повести временных лет» уцелело только слово «день».

[1] Никоновская летопись, стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

[3] Эта статья Никоновской летописи очень близка к помещенной под тем же 6374 г. статье в «Повести временных лет». Кроме некоторых деталей, там добавлено также и то, что поход состоялся «въ 14 лѣто Михаила цесаря», что никак не соответствует 6374 г. (866 г. или по александрийскому счету 874). Михаил же начал царствовать в 842 г., а в 856 г. избавился от регентства. Откуда бы не вести счет этих 14 лет, он не может совпасть с летописной датой — расхождение колеблется от четырех до 18 лет. При наличии точной даты от «сотворения мира» очень странно употребление еще другого способа счета, очевидно, в «Повести» спутаны разные статьи, с разными принципами счета лет.

4. «О князи Рустемъ Осколдѣ.

Роди же, нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Ексинопонтѣ, и начаша плѣновати страну Римляньскую и хотяху поити и в Констянтинградъ.

Но възбрани имъ вышний промыслъ, паче же и приключися им гнѣв божий и тогда възвратишася тщии князи ихъ Асколдъ и Диръ. Василие же много воиньствова на Агаряны и Манихеи. Сътвори же (император Василий) и мирное устроение с прежереченными русы ...»[1].

Перед нами четыре рассказа о походах Руси на столицу Византии. Все они обнаруживают греческое происхождение, хотя греческие оригиналы текста нам не всегда известны. Русов называют безбожными, о них всегда говорят в третьем лице, божий промысел всегда оказывается на стороне греков. Возможно, что каким-то древнерусским летописцем, желавшим осветить единоборство Руси с Византией в начале существования Киевского государства, были составлены выписки из недошедших полностью до нас византийских или византийско-болгарских источников.

Сохраненные Никоновской летописью сведения о русских походах IX в. очень важны и интересны, так как позволяют внести некоторую ясность в запутанный вопрос о количестве и хронологии этих походов[2].

Три из четырех рассказов Никоновской летописи связаны с именами Аскольда и Дира. Точную дату имеет только один из них — 6374 г.

Но в определении хронологии может помочь как последовательность изложения в летописи (в основном правильная), так и внутренние хронологические приметы, содержащиеся в самих летописных рассказах.

1. Первый рассказ о походе русов на Царьград помещен после описания крещения болгарского царя Бориса и до описания убийства кесаря Барды (21 апреля 866 г.).

Если второе событие в смысле его датировки не вызывает сомнений, то крещение Бориса датируется различно. Установлено, что оно произошло в 865—866 гг., но ряд византийских источников (Симеон Логофет и продолжатель Георгия Амартола) относят его к четвертому году единодержавия императора Михаила III, т. е. к 860 г.[3]

Русский летописец, несомненно, пользовался хроникой Георгия Амартола: император Михаил упомянут здесь без соправителя, следовательно, речь идет о событии, происходившем до 26 мая 866 г., когда Михаил назначил соправителем Василия Македонянина.

Значит, с точки зрения русского летописца, располагавшего статьи в хронологическом порядке, первый поход состоялся не ранее 860 г. и не позже 21 апреля 866 г.

Вероятнее всего, здесь имелся в виду хорошо известный поход 18 июня 860 г., потрясший византийцев и прославивший Русь.

---

[1] Никоновская летопись, стр. 13.

[2] Историки-норманисты отрицают все походы, кроме похода 860 г., который приписывают скандинавам (*Alexander A. Vasiliew.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambrige, Massachusetts, 1946).

[3] М. Соколов, Из древней истории болгар. Принятие христианства болгарскими славянами. «Зап. ист.-филол. фак-та СПб. ун-та», ч. IV, 1879, стр. 150.

Патриарх Фотий в двух своих риторических сочинениях очень красочно описывает русский поход 860 г. Причиной похода была расправа византийцев с русами — «мы (греки) убийственно рассчитались с теми, которые должны были нам что-то малое, ничтожное» [1].

Возможно, что речь шла о пленных русах, не представивших выкупа: «Многие и великие из нас получали свободу (из плена) по человеколюбию; а мы немногих молотильщиков (?) бесчеловечно сделали своими рабами».

Далее Фотий бичует соотечественников за расторжение каких-то союзов; может быть, был нарушен союз с Русью. Виновниками конфликта были не частные лица и не мелкие чиновники, а, очевидно, сам император, пьяница и сумасброд, красочно обрисованный византийскими (а вслед за ними и русскими) источниками.

Патриарх, его старший родственник, взял на себя смелость сказать, что трудно одолеть врагов, «когда неразумная ярость овладевает самодержавным умом и склоняет убить ближнего, который, быть может, не сделал никакой неправды». Нападение русов, подготовленное «бесчеловечными», «бешеными и озорными» действиями византийцев, было внезапным: «поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела оповестить нас». Поход был совершен в отсутствие императора, воевавшего с арабами.

Русы — «народ жестокий и быстрый, смело окружающий наш город...». «Этот скифский, жестокий и варварский народ...». Русские войска овладели частью страны, пожгли предместья Константинополя и вели подкоп под крепость. «О град, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабою! — необученное и набранное из рабов!». Когда русское войско ушло из Царьграда, Фотий писал: «Мы (греки) побиты нашими беззакониями... сгублены злыми делами и стали поношением и поруганием соседей наших. Ибо те, которых усмиряла самая молва о ромеях, те подняли оружие против державы их...».

«Эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление соплеменников их, и благословно (справедливо) требовали и ожидали кары, равной злодеянию». (В другом месте — «их привел к нам гнев их».) «Народ, ничем не заявивший себя... народ, считаемый наравне с рабами, неименитый, но приобретший славу со времени похода к нам, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий (внутренней) стражи, неукоризненный, без военного искусства так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши...». То, что Царьград не был покорен, Фотий приписывает великодушию русов и каким-то их расчетам. Нигде Фотий не говорит о буре, разбившей русские корабли;

---

[1] «Четыре беседы патриарха Фотия по случаю нашествия россов». Перевод Порфирия Успенского. СПб., 1864, стр. 2 и сл.

наоборот, говорится о благоприятной, тихой погоде и о снятии сухопутной осады стен константинопольской крепости. «Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догорала с последними лучами солнца и заря бытия нашего поглощалась глубоким мраком смерти? Помните тот час, несносный и горький, когда в виду нашем плыли варварские корабли, навевавшие что-то свирепое и дикое и убийственное? Когда это море, утихнув, трепетно расстилало хребет свой, делая плавание их приятным и тихим, а на нас воздымало шумящие волны брани? Когда они проходили перед городом и угрожали ему, простерши свои мечи?.. Когда мрак объял трепетные умы и слух отверзался лишь для одной вести: «варвары уже перелезли через стены; город уже взят неприятелями?» [1].

2. Второе известие о походе на Царьград не содержит внутренних опорных точек для его датировки, так как походы на «агарян» наполняли всю историю царствования Михаила III.

Расположено в тексте это известие после рассказа о торжественном поставлении соправителя императора Михаила — Василия Македонянина 26 мая 866 г. Если не принимать во внимание последовательности расположения статей, то это второе известие нужно было бы считать вариантом описания первого (удачного) похода 860 г., так как описанный здесь поход кончился для русов благополучно (много зла сотвориша), а поход 866 г. был неудачен.

3. Третий рассказ точно датирован 6374 г. Для определения того, по какой системе летосчисления мы должны переводить 6374 г. в данном случае на наше летосчисление, следует обратить внимание на то, что в тексте упомянуты оба императора-соправителя. Совместное правление длилось недолго — «Василие же царствова с Михаиломъ лѣто едино и четыре мѣсяци» [2], с 26 мая 866 г. по 23 сентября 867 г., когда Василий убил облагодетельствовавшего его Михаила. Следовательно, пересчет на наше летосчисление должен быть произведен не по александрийской, а по

---

[1] Предполагают, что эпизод с бурей попал в описание похода 860 г. из более ранних хроник, писавших об осаде Константинополя в 626 г. (*М. В. Левченко.* Рецензия на книгу А. А. Васильева. «Византийский Временник», т. IV. М., 1951, стр. 158). Западноевропейским источникам тоже известен этот поход на Константинополь. Автор «Венецианской хроники» сообщает, что нападавшие «с триумфом возвратились в свою землю». Иногда считают, что русское войско держало Царьград в осаде почти целый год и сняло осаду лишь в марте 861 г. (*А. И. Пападопуло-Керамевс.* Акафист божьей матери. «Византийский Временник», т. X, вып. 1—2. М., 1903, стр. 377).

Слова Никоновской летописи о том, что поход происходил «в первую неделю поста», могут пролить свет на длительность похода; очевидно, он продолжался от февраля до июня 860 г., т. е. около четырех месяцев. Если в этот срок входил и путь русов от Киева до Босфора, то на военные действия внутри империи и у стен Царьграда падает около двух-трех месяцев. Патриарх Фотий дает понять, что действия русов в окрестностях Царьграда продолжались долго и сама осада велась с применением подкопа, что тоже требовало времени.

[2] Никоновская летопись, стр. 11.

обычной византийско-русской (константинопольской) системе: 6374 — — 5508 = 866 г. [1] Налицо определенная путаница и дублировка некоторых деталей в описаниях похода 860 и 866 г. Так, например, эпизод с бурей, неправильно включенный в описание похода 860 г., механически повторен и при описании похода 866 г. Поход этот был, по всей вероятности, неудачен для Руси и, может быть, поэтому к нему и приурочили старую легенду о ризе богородицы, вызвавшей бурю.

4. Значительный интерес представляет рассказ о третьем русском походе, во время которого были завоеваны какие-то византийские владения, но дойти до Царьграда русам не удалось. Исходной точкой похода были русские владения на Черном море [2]. Результатом похода, даже не доведенного до конца, было посольство императора Василия к русам, заключение мирного договора с ними и принятие русами христианства.

Упомянут здесь только один император Василий, что дает довольно широкую дату — 867—886 гг. Рассказ об этом походе помещен после выписки из византийских хроник о событиях 870—874 гг. Посольство императора Василия к русам было отправлено около 874 г. [3]

В связи с этой датой надо вспомнить загадочное примечание «Повести временных лет» о походе, состоявшемся «в 14 лѣто Михаила цесаря». Как уже выяснено, этот расчет нельзя производить ни от 842 г., ни от 856 г. Ни один из известных нам походов не может быть приурочен ни к 856 г. (842 + 14), ни к 870 г. (856 + 14). Кроме того, трудно допустить, чтобы события эпохи Василия определялись отсчетом от воцарения его предшественника. Объяснить происхождение этой летописной фразы можно только допустив, что летописец сопоставлял два события, разделенные между собой четырнадцатью годами, из которых одно произошло еще при «Михаиле цесаре».

Если мы от первого, самого тяжкого для Царьграда, похода 860 г., происшедшего при Михаиле, отсчитаем 14 лет, то получим 874 г., год посольства к русам после их похода [4]. Героем этого похода был, возможно, только один киевский князь Аскольд, так как в заголовке статьи Никоновской летописи стоит «О князе русском Осколде». В «Повести временных лет» во фразе, уцелевшей от описания похода «в четырнадцатое

---

[1] Факт похода 866 г. косвенно подтверждается свидетельством Симеона Логофета о походе русов в десятое лето царствования императора Михаила. Михаил воцарился в 842 г., а стал единодержавным в 856 г. и Симеон часто отсчитывал от этой второй даты; так было, очевидно, и в данном случае.

[2] Хроника Зонары говорит о том, что в 70-е годы IX в. русы, жившие около Тавра, «опустошили с флотом своим прибрежья Евксинопонта».

[3] Продолжатель Хроники Феофана, описывая события примерно 874 г., говорит, что Василий Македонянин посылал на Русь послов с богатыми дарами «для возобновления прежних договоров».

[4] Перемещение сведений о походе 874 г. в статью о походе 866 г. объясняется тем, что источники Нестора были написаны как в обычном летосчислении, так и в александрийском. Год «от сотворения мира» 6374 по александрийскому счету — 874, а по константинопольскому — 866.

лето», дважды употреблено единственное число вместо двойственного, хотя рядом с именем Аскольда и поставлено имя Дира [1].

Рассмотрение всего материала Никоновской летописи, убеждает нас в том, что в руках московского историка XVI в. были какие-то рукописи, не привлекавшиеся ранее и частично исчезнувшие впоследствии [2].

Московские историки извлекли из архивов такие источники, которые в дальнейшем стали достоянием русской византинистики (как, например, «Беседы патриарха Фотия», «Житие Димитрия Солунского», «Житие Стефана Сурожского» и др.). Об этом с большим знанием дела говорит современная Никоновской летописи «Степенная книга»: «Иже и преже рюрикова пришествия в Словенскую землю не худа бяше держава Словенского языка воинствоваху бо и тогда на многие страны: и на Селунский градъ и на Херсонь и на прочихъ тамо, яко же свидѣтельствуетъ нѣчто мало отчасти в чюдесѣх великомученика Димитрия и святого архиепископа Стефана Сурожского, ова же индѣ. И яко выше речено, иже и на самый Царьградъ многажды прихожьжаху» [3].

Круг авторов, работавших над «Степенной книгой» и Никоновской летописью, был, по всей вероятности, более или менее единым; тем интереснее для нас свидетельство о нескольких походах Руси на Царьград, полученное не из тех греческих источников, которые поименованы авторами

[1] *А. А. Шахматов.* Повесть..., стр. 21. «Иде Аскольдъ и Диръ... и приде...».

[2] Уже в XV в. русские историки приступили к созданию исторических трудов нового типа, потребовавших привлечения большого количества новых источников по всемирной (преимущественно византийской) истории и большой источниковедческой работы. Трудности, связанные с розысками и научным согласованием разновременных и разноязычных документов и книг, очень красочно описаны одним из составителей такого Хронографа: «Въ многи и долговременныа труды внидохомъ, еже избрати ото многихъ лѣтописныхъ и бытийскихъ книгъ нужнѣйшаа и добрѣйшаа и совокупити во едино, занеже тѣ книги вси о единомъ пишутъ, а во всѣх многаа рознь,— тотъ то оставилъ, а инъ — ино, и за величество тѣх книгъ неудобно есть ихъ стяжати...

...Получихъ таковыа книги, начахъ таковое дѣло и многа лѣта въ сихъ упражняаса и истерзаа отъ многих лѣтописныхъ книгъ добрѣйшаа, яко же цвѣты нѣкиа, и совокупляла воедино... многъ же подьяхъ трудъ за разгласие рѣчей в тѣхъ книгахъ изыскуя праваа и за разгласие многихъ словиць.

...не постави в грѣхъ, елико, неразумиа ради, рѣчи силу пременихъ или за неудобъ разумныа, старыа и иностранныа рѣчи» (*В. С. Иконников.* Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1167).

Этот трудолюбивый историк с трудом приобретал необходимые книги, так как занят был «рукоделием, еже стяжати чим живот кормити». В другой рукописи описываются трудности источниковедческой работы по анализу дат и хронологических перечней: «то разногласие в числах летописных от преписующих бысть. Долгого ради времяни пишемая стираются и незнаеша бывают». Далее приведены конкретные примеры: если у буквы «Т» сотрется одна черточка, то нельзя определить было ли здесь «Т» или «П»; сотрется верхняя черта у «П», то нельзя узнать что здесь было: «П» или «И» и цифру 300 можно принять за 80, а 80 за 8 (*О. Бодянский.* О времени происхождения славянских письмен. М., 1855, стр. 126).

[3] «Степенная книга», стр. 63. Выше уже говорилось об упоминании русов в эпоху Феодосия Великого и Ираклия.

«Степенной книги». Таким источником могла быть русская летопись, содержавшая первоначальный текст «Повести временных лет» Нестора.

Русско-византийские военные взаимоотношения в третьей четверти IX в. рисуются в следующем виде:

1. В 860 г. (6360 или 6368 г.) состоялся очень крупный и довольно длительный морской поход русских войск на Византию, вызванный, судя по словам патриарха Фотия, излишней жестокостью императора Михаила по отношению к русским пленным. Поход распространился на обширную область и завершился под стенами Константинополя, который подвергся осаде и штурму. Император, бросивший малоазиатский фронт, вступил в мирные переговоры с русами и заключил с ними договор «мира и любви». 25 июня русы сняли осаду и «возвратились к себе с триумфом» [1].

О «прежних договорах» говорится в рассказе о третьем походе, где отсчет времени ведется, как указано выше, от 860 г.[2]

2. В 866 г. (6366 или 6374 г.) состоялся еще один поход Руси. Второй поход Руси на Царьград был, вероятно, неудачным и именно к нему должен быть приурочен эпизод с бурей, разбившей корабли нападавших, взятый из описания осады Константинополя аварами 626 г.

3. Третий поход состоялся около 874 г. (6374 или 6386 г.). Он начался где-то в Причерноморье и не был доведен до стен столицы, но завершился посольством императора Василия к русам с богатыми дарами, посланными ради возобновления прежних договоров. Как видим, русские войска «преже рюрикова пришествия» действительно «воинствоваху... на многие страны... и на самый Царьград многажды прихожьжаху». Русский летописец с гордостью говорит об этих первых успехах Руси.

* * *

Сведения, извлеченные составителем Никоновской летописи и В. Н. Татищевым из недошедших до нас источников, о новорожденном государстве Руси не ограничиваются описанием только одних русско-византийских войн IX в. По счастью сохранились лаконичные, но чрезвычайно важные в своей совокупности, погодные записи о борьбе Киева за гегемонию среди славянских племен, о борьбе киевских князей со степными кочевниками и о взаимоотношениях Киева и Новгорода с варягами.

Напомним, что Киевская Русь к этому времени объединяла уже половину восточнославянских племен и держала в своих руках такие важные

---

[1] Греческие хронисты ошибочно связали с этим походом старую легенду о буре, вызванной погружением в море «ризы богородицы». Патриарх Фотий ничего не говорит о погружении и удостоверяет, что погода благоприятствовала русам.

[2] Враждебная Руси деятельность императора Михаила III не только вызвала грозный поход 860 г., но и оставила след в исторической литературе. В русских хронографах и в Никоновской летописи (использовавшей хронографы) сделан очень красочный и яркий подбор выписок из византийских источников, характеризующих императора Михаила как пьяницу, игрока, расхитителя государственной казны, самодовольного, недальновидного глупца. К сожалению, нам неизвестно точно, когда впервые были переведены на русский язык эти материалы.

магистрали как Днепр, Западную Двину, Волхов. Судя по дополнениям Никоновской летописи, Русь имела какие-то колонии и в «Евксинопонте», в многочисленных городах Северного Причерноморья.

Начиная с VI в. приднепровская Русь была обращена лицом к византийско-хазарскому югу, была связана с жизнью «Евксинопонта», и поэтому естественно, что летописец посвящает первые страницы истории Руси IX в. именно южным событиям, участию Руси в таких крупных международных делах, как война с Византией и осада Константинополя, «царя едва не всей вселенной».

Одновременно с этим летописец не забывает знакомить своего читателя как с историей самой Византии, так и крупнейших славянских стран — державы Ростислава Моравского и Болгарского царства Бориса и Симеона.

На этом широком историческом фоне древний летописец показывает и то, что совершалось вокруг столицы молодого Русского государства, и то, что происходило далеко в тылу у Руси, на самой северной окраине ее у берегов «Варяжского моря».

1. Татищев первыми военными действиями киевского князя Осколда считает войну его с древлянами и уличами, поместив их под 6372 г. Земли древлян начинались в одном дневном переходе от Киева. В списке областей, входивших в состав Руси, примерно, в эпоху составления славянских письмен (т. е. в 60-е годы IX в.), древляне показаны в числе русских земель. Очевидно, войны Осколда с западными соседями были успешны [1]. Уличи, судя по всем данным, в значительно большей степени сохраняли свою независимость и самостоятельность. В глазах арабского автора Масуди уличи («лудана») — «многочисленнейшее племя». Это объясняется тем, что уличи занимали самое важное, наиболее близкое к арабским купеческим путям положение; земли уличей простирались вниз по Днепру «оли до моря». Уличи это часть тех самых русов, которые «живяху въ Ексинопонтѣ». Судя по тому, что «Повесть временных лет» называет уличей и тиверцев «толковинами», т. е. союзниками, они не были в IX — середине X в. подчинены Киеву. Это подтверждается и упомянутым списком областей, входивших в состав Руси,— уличей в этом списке нет.

2. Под тем же 6372 г. у Татищева и в Никоновской летописи помещено еще одно интереснейшее сообщение:

«Убиенъ бысть от Болгаръ Осколдовъ сынъ» [2].

Слова летописи посвящены незначительному событию, но именно поэтому от них веет духом подлинной древней записи бесхитростной, очень краткой и понятной во всем своем значении лишь современникам [3].

---

[1] В 913 г. древляне сделали попытку обособиться — «Деревляне затворишася от Игоря по Ольговѣ смерти».

[2] Никоновская летопись, стр. 9; *В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. II, стр. 12, 363.

[3] Подлинность подобных записей не может вызывать сомнений — составители Никоновской летописи были людьми своей эпохи, и если они включали в летопись придуманную ими легенду, то всегда можно было определить цель выдумки, и легенда всегда была щедро украшена в духе эпохи словесными хитросплетениями.

Мы не знаем, о каких болгарах идет здесь речь, у нас нет возможности установить это по каким-либо другим источникам. Поскольку смерть сына Осколда упомянута одновременно с походом на уличей, можно думать, что имеются в виду непосредственные соседи уличей — «внутренние Болгары», жившие в нижнем течении Днепра.

То обстоятельство, что какой-то ранний русский летописец счел нужным занести на свои страницы заметку о смерти сына киевского князя, свидетельствует о внимании к местной династии.

3. Под 6375 г. и в Никоновской летописи и у Татищева помещено сообщение о походе на печенегов: «Осколд иде на Печенеги и множество их изби».

Печенеги в это время кочевали где-то в районе Среднего Дона и Донца и уже пришли в соприкосновение с юго-восточными владениями Руси. Это — первое упоминание печенегов. В «Повести временных лет» печенеги впервые упомянуты лишь в 915 г., причем сказано: «Приидоша печенѣзи первое на Русскую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю».

Персидский географический трактат «Области мира», восходящий к источникам середины IX в., подтверждает сведения не «Повести временных лет», а Никоновской летописи, так как размещает печенегов в непосредственном соседстве с областью Рус, объясняя тем самым возможность или необходимость похода Осколда около 867 г. [1]

4. Менее достоверным, хотя и вероятным, представляется помещенное у Татищева в составе Иоакимовской летописи дополнение к рассказу о походе 874 г., где сказано, что до похода на Царьград Осколд «повоева первее Козар, потом иде в ладиах ко Царю граду...» [2].

Поскольку другой источник (см. выше) говорит о том, что русы до похода на столицу где-то на побережье Черного моря «начаша плѣновати страну Римляньскую», мы можем понять слова Иоакимовской летописи о войне с хазарами в том смысле, что Осколд повоевал причерноморские города с их греческим («римляньским») населением и наместниками хазарского кагана.

Однако при всей правдоподобности такого толкования мы должны воздержаться от включения этого свидетельства в общий список дополнений к «Повести временных лет», так как оно отсутствует в Никоновской летописи и известно лишь по одной Иоакимовской летописи, изобилующей вымышленными подробностями.

* * *

Пока на юге — в степях, на побережье «Евксинопонта» (получившего к этому времени название Русского моря) и еще далее на берегах Босфора — Русь воевала с печенегами, болгарами, хазарами и с Византией,

---

[1] *V. Minorsky*. Указ. соч., стр. 159.

[2] *В. Н. Татищев*. Указ. соч., т. I, стр. 35.

«в си же времена» в тылу у Руси на далеком балтийском севере, в землях словен, кривичей, полочан, чуди и веси появляются «находники»-варяги, приходившие из-за моря и собиравшие дань с северных племен, в том числе и с тех, которые входили в состав Руси или в состав ее данников.

Федерация северных племен самостоятельно справилась с варягами: «Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани...». Однако вскоре происходит новое вторжение норманнов, предводительствуемых известным конунгом Рориком Ютландским, ограбившим незадолго до этого Лондон и Париж. Норманны ищут, очевидно, путей на Восток и в Византию, путей, уже сотни лет назад проложенных славянами.

Новгородская литературная традиция, восходящая к «Остромировой летописи» середины XI в., выработала, как уже говорилось, смягченный вариант рассказа о норманском нашествии, и облекла его в форму ходачей легенды о добровольном призвании трех князей-братьев. Никоновская летопись приукрасила эту легенду некоторыми деталями, так, например, будто бы происходило предварительное совещание, на котором решался вопрос — куда, в какую страну послать за князьями? Называли землю хазар, полян, «дунайцев» и варягов [1]. Скорее всего это относится к сочинительству XVI в. Ценным в Никоновской летописи является уточненное хронологическое определение прихода Рюрика из-за моря. Во второй и третьей редакции «Повести временных лет» это событие помещено под 6370 (862) г., и этот год по настоянию норманистов был объявлен годом основания Русского государства [2].

Никоновская летопись дает другую дату появления Рюрика, более убедительную по своей подробности. Начало статьи о варягах помещено в Никоновской летописи под 6367 г., этот год можно переводить только по александрийскому счету, т. е. как 867 г. Это доказывается, во-первых, последовательностью статей: статья о призвании варягов помещена после двукратного рассказа о походах Руси на Царьград и после описания восшествия на престол Василия Македонского (26 мая 866 г.). Второе доказательство содержится в хронологическом указании самой статьи, где говорится о том, что призвание варягов произошло «при Михаилѣ и Василии царема и при Фотии патриарсѣ», т. е. в короткий промежуток времени между 26 мая 866 и 23 сентября 867 г.[3] Следовательно, верен 6367—867 г.

В одном из поздних русских хронологических расчетов (XVI—XVII вв.), автор которого стремился привести в порядок хронологию всемирной и русской истории, прямо сказано: «а в Руси нача княжити Рюрикъ в лето 6375», т .е. в 867 г.; мало вероятно, чтобы это был 875 г.[4]

---

[1] Никоновская летопись, стр. 8 и 9.

[2] В 1862 г. праздновалось «тысячелетие России» и в Новгороде был поставлен памятник.

[3] Употребление двойственного числа свидетельствует в пользу древности того текста, который был использован составителем Никоновской летописи.

[4] «Летописец от создания мира въкратце» (*О. Бодянский.* Указ. соч., стр. 119).

Эта новая дата всего лишь на пять лет перемещает во времени призвание варягов, но с точки зрения исторической концепции летописца это незначительное перемещение и иная, новая последовательность событий очень важны.

Одно дело, когда редактор «Повести временных лет» изображает события в такой последовательности:

1. Новгородцы и их соседи приглашают Рюрика княжить в Новгороде.

2. Рюриковы бояре Аскольд и Дир отпросились у своего князя пойти на Царьград и по дороге захватили «градок» на горе — Киев.

3. Аскольд и Дир совершили неудачный поход на Царьград (здесь спутаны походы 860 и 866 г.).

4. Первым удачным походом на Царьград был поход Олега 911 г.

Другое дело, когда летописец начинает новую эпоху в истории Руси (справившись предварительно в «летописаньи греческом») с действительно важного и грозного похода киевского князя на Царьград в 860 г. и последовательность событий дает совершенно иную:

1. Поход киевских князей во главе русского флота на Царьград 6360 г. (860 г.).

2. Вторичный поход Руси на Царьград (866 г.).

3. На севере «в си же времена» появляются «находники» — варяги во главе с Рюриком.

Появление варягов и изгнание их федерацией северных племен датировано в Никоновской летописи 6367 г. (867 г.). Появление Рюрика в Новгороде помещено под 6370 г. (870 г.) [7].

Никоновская летопись использовала источник, автор которого начинал историю Киевской Руси с Киева, а не с Новгорода; хронологические расчеты этого автора исключали всякую возможность объявить Аскольда боярином Рюрика: Аскольд уже в 860 г. попал на страницы «летописанья греческого» (и полных ужаса посланий патриарха) как русский князь, организатор русского похода на столицу Византии, а Рюрик прибыл на окраину Руси только лишь спустя шесть или семь лет в 866—867 г. Первоначальный текст «Повести временных лет», вычеркнутый редактором-нор-

---

[1] Растянутость событий, связанных с «призванием варягов», в Никоновской летописи (867—870 гг.) легко объясняется действительным положением вещей: как мы знаем из третьей редакции «Повести временных лет», весьма осведомленной в варяжских делах, Рюрик сначала обосновался в Ладоге и лишь спустя два года пришел в Новгород.

Если первое появление Рюрика (в Ладоге) нужно относить к 867 г. (время соправительства Михаила и Василия), то 870 г. соответствует счету: через два лета на третье («по двою же лета»). Значит, расположение материала в Никоновской летописи отразило какой-то детальный и точный рассказ о событиях 60-х годов IX в.

Старая Ладога была основной базой варягов на Руси и сохраняла это значение даже после проникновения Олега в Киев. Сюда ушел Олег после похода 911 г., здесь, кажется, он умер. Впрочем, место смерти Олега летописцам достоверно неизвестно.

манистом в 1118 г., должен был быть близок по содержанию и по трактовке событий к тому, что уцелело в Никоновской летописи и в пересказе Татищева в составе поздних исторических компиляций.

Под 6372 г. (который следует переводить по александрийскому счету как 872 г.) и в Никоновской летописи помещено интересное свидетельство о борьбе новгородцев против варягов: «Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». «Того ж лета уби Рюрикъ Вадима храброго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его». Это происходило через два года после водворения Рюрика в Новгороде. Возможно, что в этой именно форме приведен позднейший рассказ, но мысль о борьбе с варягами много раз мелькает на страницах летописей.

«В лето 6373, Рюрик... раздаде грады племенемъ своимъ и мужемъ: овому Полтескъ, иному Ростовъ, иному же Бѣлоозеро». [«И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома»]... Токо же лѣта воеваша Асколдь и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша» [1].

Оказывается, варяги встречали сопротивление не только со стороны тех северных племен, которые на себе испытывали тяжесть варяжского «находничества», но как только они стали расширять свою власть и захватывать новые города, они столкнулись с Киевской Русью. Полочане входили в состав Руси, Рюрик направил в Полоцк своего варяга, и это немедленно вызвало соответствующую акцию со стороны киевского князя — против варяжского отряда, посланного из Новгорода или из Ладоги, или против согласившихся принять варягов полочан направилось войско из Киева, действовавшее, очевидно, успешно.

В 6375 г. «Ходи же (Осколд) и на Кривичи и тех победи» (Татищев). Это — еще одна акция киевского князя в сторону областей, принадлежавших ранее Руси и оккупированных варягами.

Под этим же годом Никоновская летопись сообщает о продолжении борьбы с варягами внутри занятой ими территории: «Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика из Новагорода в Киевъ много Новогородцкыхъ мужей». Здесь особенно важно то, что летописец изображает Киев убежищем мятежных новгородцев, бежавших сюда от Рюрика.

Таковы интересные дополнения, которые мы находим в Никоновской летописи и у Татищева. Будучи рассмотрены все вместе, они рисуют нам очень естественную и правдоподобную картину упорной и длительной борьбы с варягами, которая велась как племенами, подвергшимися варяжскому нападению, так и Киевской Русью, князем Аскольдом, направившим свои дружины именно туда, куда Рюрик только что послал своих воинов.

---

[1] Текст в квадратных скобках из Ипатьевской летописи.

* * *

Никоновская летопись, следуя более ранним Хронографам и Палее, рассказывает нам, кроме всего перечисленного, также и о таком событии, которое для средневекового историка, несомненно, должно было быть кульминационным пунктом его повествования — о принятии христианства в эпоху Аскольда. Редактор «Повести временных лет» (1118 г.) по каким-то соображениям утаил от нас это событие (может быть потому, что в договоре Олега с греками не упоминается о христианстве) и приписал крещение Руси князю Владимиру Святославичу (988 г.). При этом летописный рассказ оказывался в противоречии со включенным в летопись текстом договора 944 г., где прямо говорится о христианской Руси и о церкви св. Ильи в Киеве [1].

При отсутствии в «Повести временных лет» сведений о первоначальном крещении Руси в IX в. повисает в воздухе сохранившееся в этой же «Повести» (от несторова текста) так называемое «Сказание о грамоте славянской».

Рассеченное на три отрывка это «Сказание» вкраплено в текст, и его основная часть помещена под 898 г. с ошибкою на 30 с лишним лет. Но самое главное, на что уже обращалось внимание выше, это то, что «Сказание» лишено стержня — в глазах средневекового историка главным было принятие христианства, а изобретение письмен было побочным и являлось лишь средством познания новой веры; этого-то стержня, этого главного события, без описания которого не мог обойтись монах-летописец, и нет в последней редакции «Повести». А между тем византийские источники очень определенно говорят о систематических попытках империи крестить Русь, предпринимавшихся, надо полагать, для того чтобы при помощи религиозных уз смирить русские дружины, угрожавшие то Сурожу и Корчеву в Крыму, то Амастриде на южном берегу Понта, а то и самому Царьграду.

Первые описания крещения русов связаны с началом походов Руси на византийские владения в «Евксинопонте». «Житие Стефана Сурожского» рассказывает о походе «новгородского» князя Бравлина, пленившего земли от Корсуня до Корчева в конце VIII в. После «чуда» у гроба Стефана, русский князь принял христианство [2].

«Житие Георгия Амастридского», написанное до 842 г., повествует о нападении русов на Амастриду и о крещении вождя русов [3].

---

[1] Русы-христиане поставлены в договоре 944 г. на первое место, раньше русов-язычников. «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ»... «А некрещеная Русь полагають щиты своя и меч своѣ...» Русы-христиане говорят здесь о себе в первом лице, а о язычниках в третьем. Упомянув о русской церкви в Киеве, летописец поясняет, почему она являлась «соборной» — кроме русских, «мнози бо бѣша варязи хрестеяни и Козарѣ».

[2] *В. Г. Васильевский.* Труды..., т. III. Пг., 1915, стр. 95—96.

Под «Новгородом» иногда понимают Неаполь (Новгород) Скифский в Крыму.

[3] Там же, стр. 64—68.

Русские дружины, проникавшие в VIII—IX вв. на юг в византийско-хазарское Причерноморье, могли уже тогда познакомиться с христианством и быть привлечены хитроумными греками в лоно их церкви [1].

В 858—861 гг. в пору конфликтов с русами, завершившихся страшным походом 860 г., византийское правительство снаряжает миссию Константина-Кирилла, а по другим сведениям и его брата Мефодия в Хазарию, где братья-миссионеры должны были встретиться и со славянами, обитавшими в западной части Хазарского каганата. Недаром в одном из вариантов «Жития» Константину приписывается такая мотивировка приглашения Мефодия сопутствовать ему в Хазарию: «Яко умѣяше (Мефодий) языкъ Словѣньскъ» [2].

Русские средневековые книжники широко использовали имеющийся в «Житии Кирилла-Константина» рассказ о встрече его в Херсонесе во время путешествия в Хазарию с каким-то русином, показавшим ему богослужебные книги, писанные «русскыми письмены».

«Обрѣте же ту (в Корсуни) евангелие и псалтырь русьскыми писмены писано и человека обрѣтъ глаголюща тою беседою и бесѣдова с нимъ и силу рѣчи приимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена гласнаа и согласна и... въскорѣ начатъ чести и сказати; и мнози ся ему дивляху...» [3].

Открытие Константином русских книг и изобретение им вскоре после этого (около 863 г.) славянской грамоты давно уже связывали с наличием у славян двух различных древних азбук — глаголицы и кириллицы. Возможно, что сложная графика глаголицы возникла где-то в Причерноморье, в месте соприкосновения нескольких различных культур до Кирилла, а кириллица, очень близкая к греческому письму IX в., была действительно созданием Кирилла-Константина, стремившегося содействовать подчинению славян греческой церкви [4].

Интереснейший эпизод в Херсонесе был превращен русскими книжниками (вероятно, еще в XII в.) в целое «Сказание о русской грамоте»:

«...А грамота русская явилася богомъ дана, в Корсуне Русину, от нея же научися философъ Константинъ, и оттуду сложивъ и написавъ книгы Русскымъ языкомъ...» «То же бысть в дни Михаила царя и Ирины благовѣрныа, и посланъ бысть философъ Константин в Мораву Михаилом царемъ Моравъскому князю, просивъшъ философа, и тамо шедъ, научи Мораву, и Ляхы, и Чехы, и прочая языкы, и вѣру утвѣръди в них правовѣрную, и книгы написавъ русскымъ языкомъ и добрѣ научивъ...» «...Потом

---

[1] *Е. Э. Липшиц.* О походе Руси на Византию ранее 842 года. «Исторические записки», 1948, № 26, стр. 312—331.

Арабский писатель середины IX в. Ибн-Хордадбех сообщает, что русские купцы, прибывающие в Багдад, называют себя христианами.

[2] *О. Бодянский.* Указ. соч., стр. 73—74.

[3] *О. Бодянский.* Указ. соч., стр. 100.

Эта фраза породила большую литературу и множество противоречивых мнений.

[4] Существование в Херсонесе русов-христиан в середине IX в. вполне вероятно, так как именно в Крыму были крещены русы, нападавшие на Сурож еще в конце VIII — начале IX в.

же многомъ летом минувшим, пришед Въйтѣх въ Мораву, и в Чехы, и в Ляхы, раздруши вѣру правую и русскую грамоту отвръже, а латиньскую вѣру и грамоту постави, и правыа вѣры епископы и попы исъсѣче, а другыа разгна, и иде въ прусскую землю, хотя и тѣх в вѣру привести, и тамо убьенъ бысть въйтѣх, латиньскыи пискупъ» [1].

Очень странно, что в редакции «Повести временных лет» 1118 г. нет ни слова о «русских письменах», хотя источники, содержащие херсонесский эпизод, были в руках автора. Очевидно, этот рассказ о доваряжских русах в Херсонесе не укладывался в концепцию редактора-норманиста и был выкинут из «Сказания о грамоте Словенской».

После второго похода русов на Царьград в 866 г., закончившегося благополучно для греков лишь благодаря буре, византийская церковь снова усиливает свою миссионерскую деятельность.

Окружное послание патриарха Фотия, разосланное в 867 г. по всем епархиям, прямо говорит о том, что вслед за Болгарией (крестившейся около 866 г.) приняла христианство и Русь: «И не только этот народ (Болгары) променял первое нечестие на веру во Христе, но даже и многими многократно прославленные и в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собою так называемые Руссы, которые, поработив находящихся кругом себя и отсюда помыслив о себе высокое, подняли руки и против Римской державы, в настоящее время даже и сии променяли эллинское и нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру христианскую, с любовию поставив себя в чине подданных и друзей (наших), вместо грабления нас и великой против нас дерзости, которую имели не задолго. И до такой степени разгорелись в них желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобызают святыни христиан с великим усердием и ревностию» [2].

Последний по времени поход Руси, связанный с именем Аскольда «князя русского», может быть предположительно отнесен к 874 г. В это время император Василий посылал послов к Руси, а патриарх Игнатий принял меры к тому, чтобы укрепить христианство на Руси посылкой архиепископа. Об этом в середине X в. подробно (но без точной даты) рассказал внук Василия Константин Багрянородный. «И народ Россов, воинственный и безбожнейший, посредством щедрых подарков золота и серебра и шелко-

---

[1] «Сказание о грамоте русстей» («Чтения Об-ва истории и древностей российских», кн. 2, 1863, стр. 31—32). Н. К. Никольский относит это сказание к рубежу XI и XII вв., т. е. к эпохе Нестора (*Н. К. Никольский*. Указ. соч., стр. 82).

[2] «Четыре беседы патриарха Фотия», стр. 92. Принятие христианства рассматривалось Фотием как принятие византийского подданства и как гарантия спокойствия. Причина такого широкого опубликования известия о крещении русов кроется в международной политике Византии — именно в это время велась упорная борьба между Римом и Константинополем, папой и патриархом за установление своего влияния на славян. И Моравия и Болгария видели враждующих между собой римских и греческих миссионеров. Изобретение славянских письмен и крещение русов являлись победами византийской церкви. Но нужно сказать, что славянские государства никогда не мирились со взглядом византийцев на них как на вассалов.

вых одежд (император Василий) привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил (их) сделаться участниками божественного крещения и устроил так, что они приняли архиепископа, получившего рукоположение от патриарха Игнатия. Архиепископ, прибыв в страну сказанного народа для помянутого дела (его крещения), принят был им благосклонно. Князь этого народа, созвав собрание подданных и председательствуя с окружавшими его старцами, которые по причине долгой привычки более других привержены были к суеверию, и рассуждая о своей вере и вере христиан, призывает и спрашивает (архиепископа), что возвестит и чему будет их учить. Когда епископ предложил книгу божественного евангелия и возвестил им о некоторых чудесах спасителя нашего и бога и рассказал им историю о некоторых чудесах, совершенных богом, в ветхом завете, то руссы тотчас поспешили сказать: «Если и мы не увидим чего-нибудь подобного и в особенности того, что ты говоришь о трех отроках в пещи, то совершенно тебе не поверим и не будем слушать твоих речей». Он же... сказал им: «Хотя и не должно искушать бога, однако если вы от всего сердца решили приступить к нему, просите, что хочете — бог непременно сделает по вере вашей, хотя я есмь и смиренный и малейший». Они же просили самую книгу веры христианской, т. е. божественное и священное евангелие бросить в разженный огонь (обещаясь), если она останется невредимою, приступить к богу, которого он проповедует. После того, как это было сказано, священнослужитель поднял глаза и руки к богу и воззвал: «Прослави имя твое святое, Иисусе Христе боже наш, и ныне пред глазами народа сего всего». И брошена была в печь с огнем книга святого евангелия. По прошествии достаточного времени, когда печь погасла, обретен был священный свиток не пострадавшим и не поврежденным и не получившим от огня никакого ущерба, так что даже кисти на концах связывавших его шнуров не потерпели никакого вреда или изменения. Увидев это и быв поражены величием чуда, варвары без колебаний начали креститься» [1].

В принявших христианство русах нередко хотели видеть только Черноморскую, Таманскую Русь, но в этом разубеждает опись епархий, подчиненных константинопольскому патриархату. Опись относится ко времени императора Льва (сына Василия), т. е. к 886—911 гг. Там на 29-м месте показана епархия Боспорская (Керчь), на 39-м — Тмутараканская и почти в конце списка на 61-м месте — епархия Русская, очевидно незадолго до его составления учрежденная. Русская епархия упомянута здесь несмотря на наличие в списке всех черноморских епархий.

Никоновская летопись, Хронографы и Татищев знают рассказ об этом крещении в эпоху императора Василия и легенду о несгораемом евангелии.

Этот рассказ является прямым продолжением статьи «О князи Рустем Осколдѣ», начало которой повествует о третьем походе на Царьград. Напомним, что в летописи он помещен без указания даты после статьи

[1] *Е. Голубинский.* История русской церкви. М., 1880, стр. 33.

876 г., но правильнее было бы датировать его, опираясь на продолжение хроники Феофана, временем около 874—875 гг., «на четыренадцатое лето» после похода руси при Михаиле в 860 г.

В Никоновской летописи возвращение Аскольда из царьградского похода датировано 875 г.; возможно, что именно в этом 875 г. и прибыло посольство императора Василия. «...и приключися имъ (русам) гнѣв божий и тогда възвратишася тщии князи ихъ Асколдъ и Диръ. Василие же много воиньствова на Агаряны и Манихеи.

Сътвори же (император Василий) и мирное устроение с прежереченными Русы, и преложи сихъ на христианство, и обѣщавшеся (русы) креститися, и просиша архиерѣя и посла к нимъ царь. И внегда хотяху креститися, и пакы уныша, и рѣша ко архиерею: «Аще не видимъ знамение чюдно от тебе, не хощемъ быти хрестиане». Архиерей же рече: «Просите еже хощете». Они же рѣша: «Хощемъ, да ввержеши святое евангелие во огнь, иже учитъ христова словеса; да аще не згоритъ — будемъ христиане, и елика научиши насъ, сохранимъ сиа и не преступимъ». И рече архиерей: «Елика просите — будет вамъ. Повелѣ и сотвориша огнь велий и въздѣв руцѣ свои на небо архиерей и рѣче: «Христе боже, прослави имя свое». И постави святое евангелие во огнь и пребысть много время в немъ и не прикоснуся его огнь. Сие видѣвше Руси удивишася, чюдящеся силѣ христовѣ и вси крестишася» [1].

Имя «архиерея» (или «архиепископа» у Константина) здесь не указано, но другие источники называют его митрополитом Михаилом [2].

Все древние русские источники расходятся во мнениях относительно того, кто был первым митрополитом на Руси. Известно, что при Владимире Святославиче в конце X в. митрополитом был Леон, считавшийся первым, но ряд свидетельств называет первым митрополитом Михаила, очевидно, имея в виду того «архиерея», который был послан в подкрепление мирного договора с русами императором Василием Македонянином около 874—875 г., крестил Русь и управлял Русской епархией, упомянутой в списке епархий императора Льва Философа [3].

---

[1] **Никоновская летопись, стр. 13.**

Близость к тексту Константина Багрянородного несомненна. В. Н. Татищев, опираясь на греческую хронику Зонары, относит это событие к 886 г., т. е. к последнему году царствования императора Василия. (*В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. I, стр. 26). В Никоновской летописи вслед за статьей «О русском князе Осколде» помещено описание смерти императора Василия в 886 г. Можеть быть, соседство этих двух известий в других источниках и привело к такой датировке.

Против 886 г. говорит и то, что Аскольд к этому времени был уже убит Олегом.

[2] «Густынская летопись». ПСРЛ, т. II, стр. 239;

В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 29;

Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 230—231.

Титул архиепископа иногда присваивался главам отдельных церквей и тогда был близок по своему значению к титулу митрополита.

[3] В Десятинной церкви до начала XII в. находились по преданию «мощи» митрополита Михаила, перенесенные затем в Печерский монастырь.

В Иоакимовской летописи описание крещения русов в 70-е годы IX в. утрачено

Распространение христианства в 60—70-е годы IX в. на Киевскую Русь подтверждается и рассказом «Повести временных лет» о том, что на могиле убитого Аскольда некий Олма поставил церковь св. Николая (разрушенную по некоторым данным Святославом).

* * *

Принятие христианства частью русских дружин в IX в. подтверждается археологическими данными. Древний языческий обряд сожжения трупов существовал в Приднепровье до конца X в., вплоть до массовой христианизации Киевской Руси при Владимире. Естественно, что христианская церковь должна была прежде всего обрушиться на торжественный и освященный тысячелетней традицией обряд кремации.

Сооружаемые на высоких горах грандиозные погребальные костры, на которых сгорали трупы людей, кони, быки, оружие и доспехи, многодневные тризны в честь умерших, на которых происходили конские скачки и боевые игры — все это должно было возбудить преследование со стороны церковников.

И вот, начиная с рубежа IX и X вв., мы наблюдаем появление в некрополях Киевской Руси нового погребального обряда, почти полностью удовлетворяющего церковным требованиям: покойника клали головой на запад в глубокую яму и, закрыв бревенчатым накатом, насыпали сверху земляную насыпь. Никаких следов сожжения здесь нет. Если в деревнях, вдали от церковных властей трупосожжение отмирало медленно и постепенно, сохраняя какие-то черты древних погребальных костров много веков спустя, то в старых русских городах Приднепровья переход от сожжения к простым срубным могилам произошел быстро и круто, без переходных ступеней.

Курганы со срубными гробницами IX—X вв. без трупосожжений всегда принадлежат к числу богатых, дружинных погребений; в них встречается много оружия, утвари, дорогих украшений, художественных изделий из серебра и кости; нередко в могилу с умершим боярином опускали его коня, и в шести случаях, кроме того, с покойником клали женщину. За исключением сожжения трупа вся обстановка погребального обряда очень близка к одновременным курганам с трупосожжением [1].

Погребальная яма с бревенчатой камерой в ней делалась значительной

(вырваны два листа из рукописи), но сохранился самый конец его: «...Михаил же возблагодари бога иде в Болгары». (*В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. I, стр. 35). Исторически вполне вероятно, что первый русский архиерей был связан с Болгарией, а может быть и был родом из Болгарии, где было принято христианство десятком лет ранее.

[1] *Д. И. Блифельд.* К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 151—154. Автор прав, считая оба типа погребений — с сожжением трупов и с погребением в срубах — одинаково славянскими (там же, стр. 162).

величины, достигая, а иногда превышая, размеры обычного южнорусского жилища той эпохи.

В Киеве наряду со срубными гробницами есть курганы IX—X вв. с трупоположением в небольших ямах, еще более близкие к христианскому обряду, так как не содержат ни погребенных жен, ни коней. Среди инвентаря этих погребений встречаются деревянные чаши с серебряными крестами на дне и серебряные нагрудные крестики, близкие по типу к херсонесским крестам VIII—IX вв.

Такие могилы встречены и на окраинах Киева и в самом центре его у древних стен первоначального «градъка» [1].

Географическое распространение курганов со срубными гробницами очень ограниченно — они встречены в Киеве, Чернигове и в пределах Черниговского княжества (Шестовицы, Седнев-Сновск, Стародуб). Все это не выходит за пределы земель полян и северян и группируется в западной части Русской земли в узком понимании этого термина.

Во всех остальных славянских землях мы этого обряда не знаем. Если отказ от трупосожжения связан с принятием христианства, то география курганов со срубными гробницами дает нам область распространения христианства в IX в. Естественно, что в эту область входят Киев и Чернигов и что хоронили по этому новому обряду только знатных русов.

Наличие у славян IX—X вв., двух обрядов — сожжения и простого погребения было известно восточным авторам, наблюдавшим быт Киевской Руси того времени. Наряду с красочными описаниями сожжений (лучшее из них принадлежит Ибн-Фадлану), мы встречаем ряд описаний погребений русов в могилах. Так, Ибн-Русте, писавший в самом начале X в. по источникам середины IX в., говорит: «Когда умирает у них знатный человек, они роют ему могилу на подобие обширного дома, спускают его туда, кладут с ним одежду его тела, золотые браслеты, которые он носил, много пищи, кувшины с вином и даже чеканенную монету. С ним помещают в могилу его жену, которую он любил...» [2].

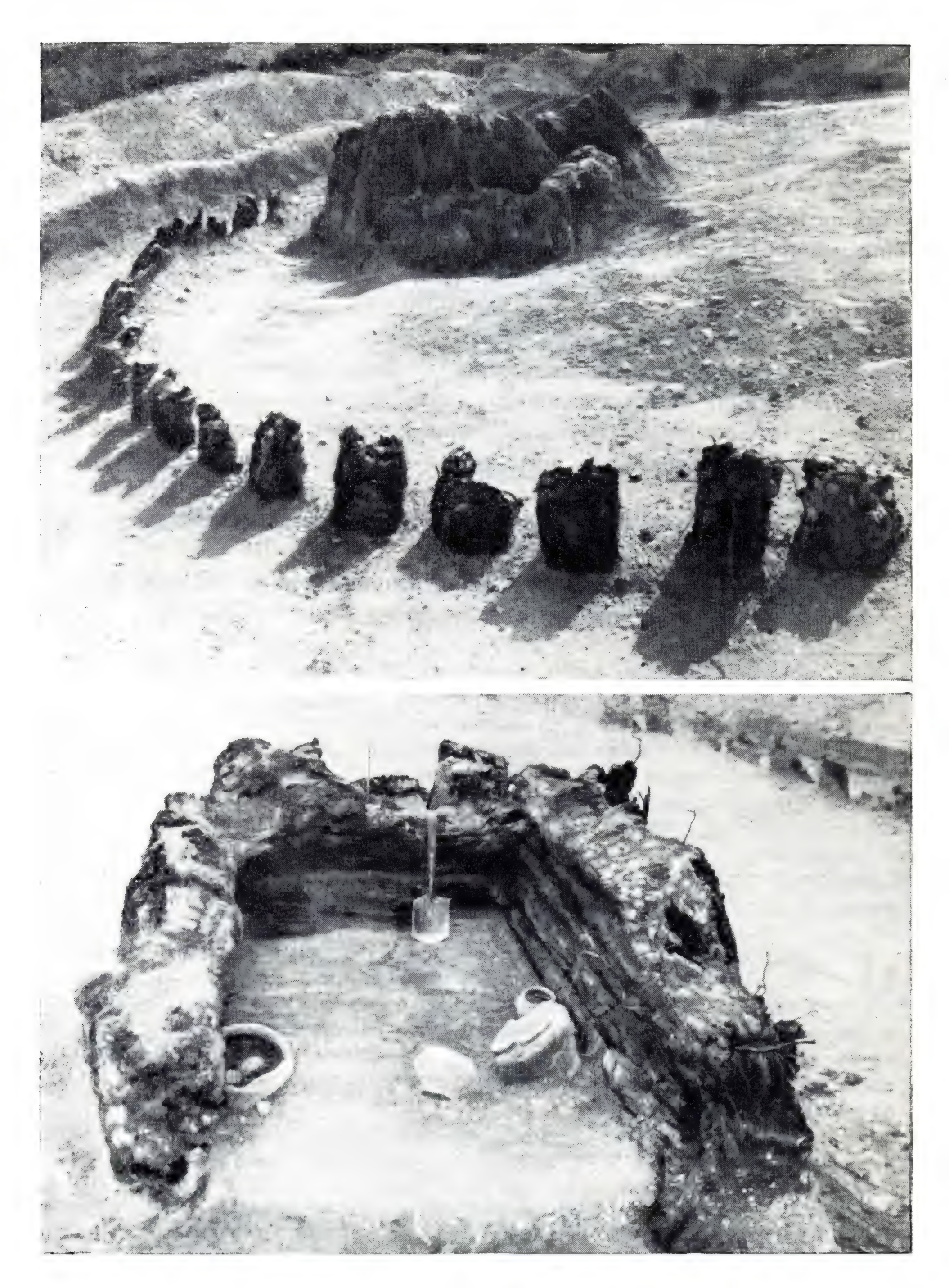
Это описание чрезвычайно близко к тому, что нам дают археологические раскопки курганов со срубными гробницами.

Вся совокупность восточных источников о погребальных обычаях славян и русов IX—X вв. позволяет так географически распределить различия в обрядах: 1. О славянах все авторы говорят одинаково, что у них существует только один обряд сожжения трупов. 2. Применительно к русам восточные авторы говорят о двух обрядах — и о трупосожжении (Ибн-Фадлан, Масуди, ал-Истахри, Ибн-Хаукаль и др.) и о простом захоронении в могилах, похожих на дом (Ибн-Русте, Персидский Аноним;

---

[1] *Л. А. Голубева.* Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949, стр. 106—115. Автор правильно связывает наличие крестиков с христианским культом, стр. 14.

[2] *В. В. Бартольд.* Арабские известия о Русах. «Советское востоковедение», 1940, № 1, стр. 22. Автор отрицает связь срубных гробниц с христианством.



Деревянные сооружения в кургане VIII—IX вв. близ городища у с. Боршево Воронежской обл.

косвенно — Ибн-Мискавейх) [1]. Такую же двойственность обряда (наличие трупосожжений и простых захоронений) восточные авторы отмечают еще только у болгар дунайских, принявших христианство почти одновременно с Русью [2].

Вспомнив, что восточные авторы отделяли русских славян (русов) от славян вообще по признаку государственности, мы должны признать, что и их сведения о погребальных обрядах отличаются большой точностью и определенностью: на землях всех вообще славянских племен существовал обряд трупосожжения (исконный, подтвержденный археологическими данными для разных эпох); в землях Руси и Болгарии Дунайской, где уже сложились государства и часть знати приняла христианство, в 60—70-е годы IX в. сосуществовали два обряда — трупосожжение и захоронение в вырытых в земле могилах-домовинах, возникшее, возможно, под воздействием христианского духовенства, запрещавшего новообращенным болгарам и русам языческое сожжение. Археология подтверждает, что обряд захоронения в гробницах встречен только в землях Руси (Киев, Чернигов) и что он в IX—X вв. сосуществовал здесь с обрядом трупосожжения [3].

Интереснейшее описание погребения боярина с оружием, конем и женой в обширной гробнице дает нам былина о киевском богатыре Михайле

---

[1] Шамсаддин Димешки, арабский писатель XIV в., пользовавшийся утраченным историческим трудом Масуди (X в.), делит и славян и русов на христиан и язычников. Он верно отметил, что и после принятия христианства у русов существовало трупосожжение: «Русы были язычниками, но потом были обращены в христианство. Своих покойников они, однако, сжигают» (*T. Lewicki.* Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, стр. 55; *А. Куник* и *В. Розен.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. ч. I. СПб., 1878, стр. 55). Трупосожжение у славян отмечено Шамсаддином только для славян-язычников. Сохранности трупосожжения у русов способствовало сознательное возрождение язычества при Святославе. Некоторые источники приписывают этому князю даже разрушение христианской церкви и на могиле Осколда. Может быть, это было связано с антивизантийской политикой Святослава. Существование обряда трупосоожжения даже в стольных городах среди боярско-княжеского круга доказывается раскопками курганов типа Черной Могилы в Чернигове, относящейся именно к эпохе Святослава и Масуди. В окрестностях Чернигова есть близ с. Шестовицы интересное курганное кладбище IX—X вв., разделенное на две группы — ближайшая к городищу принадлежала тем, кто сжигал покойников, а более отдаленная, тем, кто хоронил по обряду, близкому к христианскому.

[2] *Масуди.* См. *А. Я. Гаркави.* Сказания..., стр. 127.

[3] Смена языческого обряда христианским не могла произойти сразу с полным отказом от всех традиций. Отказавшись от сожжения трупов как от обряда, противоречащего основным догматам христианства, древние русы IX—X вв. сохраняли еще обычай сопровождать погребенного бытовыми вещами и хоронили вместе с ним «добровольно» окончившую свою жизнь его жену. Срубные гробницы IX—X вв. и есть погребения знати, которая порой упорно держалась за язычество. Вспомним тех «старцев», окружающих князя и более других приверженных к суеверию, о которых писал Константин Багрянородный. Погребение жен прекратилось в конце X в., а сопровождение знатных покойников оружием и утварью наблюдается и в XI—XIII вв.

Потоке, содержащая ряд архаических черт, но в то же время вся пронизанная духом церковности.

Киевский богатырь Поток, женившись на девушке-лебеди с берегов синего моря, уговорился с ней (по ее настоянию), что в случае смерти одного из них, другой идет живым в могилу. Первой умирает (или притворяется мертвой) Лебедь белая — Авдотья Леховидьевна.

«Выкопали могилу глубокую и великую
Глубиною, шириною по двадцати сажен
Сбиралися тут попы со дьяконами
И со всем церковным причетом,
Погребали тело Авдотьино.
И тут Поток Михайла Иванович
С конем и збруею ратною
Опустился в тое же могилу глубокую,
И заворочали потолоком дубовым
И засыпали песками желтыми,
А над могилою поставили деревянной крест»

Во время пасхальной заутрени Михаил Поток и им воскрешенная жена высвобождаются из могилы. Заканчивается былина восстановлением обычного для той эпохи порядка — жена следует за умершим мужем:

«И как Поток живучи состарелся,
Состарелся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему их обещанию,
Его Потока похоронили,
А его молоду жену
Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю»[1].

Эта былина резко выделяется из общей массы былин сочетанием языческих и христианских черт. С одной стороны, здесь описан с большой точностью обряд погребения в срубных гробницах IX—X вв. захоронения коня и боевых доспехов воина, упомянут привоз покойника на санях, языческий обычай, продолжавший соблюдаться некоторое время и после крещения Руси; есть здесь и сказочный мотив превращения девушки в лебедь и мотив змееборства, часто связываемый с борьбой христианства с язычеством.

С другой стороны, привлекает внимание перегруженность былины о Михайле Потоке элементами христианской обрядности.

Начиная с того, что невеста Потока — Лебедь белая — язычница и колдунья, просит отвезти ее в Киев и крестить в христианскую веру, далее вся обстановка былины напоминает о церковном: соборные попы, дьяконы, свечи воску ярого, святая вода, венчание в церкви, заутреня, вечерня,

---

[1] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1938, стр. 149—151. Еще Котляревский впервые привлек эту былину к характеристике славянских погребальных обрядов. (*А. Котляревский.* Погребальные обряды языческих славян. СПб., 1868).

церковный причт, церковные колокола, спасов образ, крест на могиле, православный народ и т. д. Наиболее драматический момент былины происходит в Киеве в воскресенье на первый день пасхи, когда Михаил, победив змея, пытавшегося сожрать его жену, воскрешает ее и вместе с ней выходит из своей просторной могилы [1]. В связи с этим обилием христианских черт, сближающих данную былину с духовными стихами, особый интерес приобретает сопоставление былины о Михайле Потоке с болгарским «Житием святого Михаила из Потуки», относимом ко второй половине IX в. и возникшем в северо-восточной Болгарии близ Тырнова по соседству с русскими областями.

Помимо тождества имен и хронологии здесь налицо и близость сюжета: болгарин Михаил из Потуки, отважный воин, возвращался из похода и на берегу озера спас от змея девушку, обреченную в жертву змею; вскоре после этого он умер и на его могиле начались чудеса [2].

По всей вероятности, и болгарское житие и русская былина одинаково являются отголоском крещения Болгарии и Руси, приведшего к частичной смене языческого погребального обряда христианским; именно применительно к Болгарии и Руси восточные авторы и указывают для эпохи IX—X вв. отмеченную выше двойственность погребального обряда.

Болгарский «праведный воин» действовал в эпоху крещений болгарского царя и всей страны (863, 866, 869 гг.), а герой русской былины наделяется необычными чертами миссионера — девушку-оборотня он в Киеве «проводил во веру во крещеную».

«Житие Михаила из Потуки», похожее по своей сказочности на былину, и былина о Михайле Потоке, похожая на духовный стих или на житие по своей церковной окраске, являются, очевидно, вариантами (и очень близкими друг к другу) одного эпического сказания, возникшего на русско-болгарской почве во второй половине IX в. [3]

---

[1] Помощником Михаила Потока иногда оказывается святой Михаил или святой Николай. («Былины», под ред. М. Н. Сперанского, т. I. М., 1916, стр. 317).

Простой и ясный рассказ в варианте, записанном Киршей Даниловым, осложняется в других вариантах мотивом неверной жены и пьянства, приводящего к смерти. В этой связи можно вспомнить, что в описании похорон руса у Ибн-Фадлана говорится о длительных попойках, в которых участвует жена покойного, обреченная на смерть, и о ее многочисленных изменах памяти мужа.

[2] *А. Н. Веселовский.* Разыскания в области русского духовного стиха, гл. IX. СПб., 1883; *В. Ф. Миллер.* Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 122—128; *В. И. Ярхо.* Эпические элементы, приуроченные к имени Михаила Потока. «Этнограф. обозрение», 1910—1911, кн. 86—87.

[3] Здесь уместно напомнить, что первый русский митрополит (или архиепископ) носил имя Михаила и что, склонив к крещению Русь, он «возблагодарив бога пойде в Болгарию» (см. выше). Литературно-церковные связи Руси с Болгарией были очень прочными и давними. Они отразились и в русской летописи, сообщающей ряд болгарских известий (до 943 г.), пользующейся применявшимся в Болгарии летоисчислением и иногда даже механически повторяющей болгарский текст. Так, в статье о болгаро-византийской войне (915 г.) мы находим исторические разыскания о происхождении г. Адрианополя (вспоминается даже Орест, сын Агамемнона), закан-

Имя былинного героя легко объясняется условиями крещения Руси и Болгарии в 866—874 гг.: инициатива крещения исходила от Византии, где царствовал император Михаил, крестивший болгарского царя Бориса в свою честь Михаилом; митрополит, крестивший русов, тоже носил имя Михаила.

Прозвище Михаила Потока едва ли можно связывать с городом, так как ни русского, ни болгарского города с таким именем мы не знаем. Его, очевидно, надо ставить в связь с древнерусским словом «пътъкъ» — птица, птах. Такое наименование богатыря Михаила вполне понятно, так как христианский патрон его — «небесный воевода» архангел Михаил изображался в виде крылатого воина.

Распространение культа архангела Михаила в новообращенных землях и привело к наименованию эпического героя таким странным именем — «Михаил-Птица» [1].

Итак, мы разобрали целый ряд различных материалов о крещении Руси в IX в. и должны признать, что автору «Повести временных лет» было что рассказать на эту тему, несомненно, очень живо его интересовавшую.

Судя по Никоновской и Иоакимовской летописям, в каких-то древних русских источниках об этом было сказано, но беспощадный редактор труда Нестора, лицо, близкое к новгородскому князю Мстиславу Владимировичу, очень тенденциозно и бесцеремонно обошелся с этим интересным трудом и выкинул из летописи все, что касалось победоносных походов на Византию, крещения Руси в 867—874 гг. и русской письменности. Он сместил хронологию и одним из первых событий русской истории поставил в летописи вокняжение варяга Рюрика в Новгороде.

чивающиеся неожиданной для русского текста фразой: «Мы же зовем Одренем градом».

Русские всегда были далеки от этого города и едва ли могли иметь свое особое имя для него, а болгары и до сих пор называют его Одрином.

Существует мнение, что первые летописные записи русских событий IX в. и первой половины X в. были сделаны болгарином (*М. А. Оболенский.* Несколько слов о первоначальной русской летописи. М., 1870; *его же.* Исследования по русским и славянским древностям. СПб., 1875; *В. Златарски.* Болгарский литературный элемент в русской летописи. «Тр. V съезда академических организаций за границей», ч. I. София, 1932, стр. 337—352).

[1] Гербом Киева с древних времен было изображение архангела Михаила. Быть может, с этим связан один из непонятных эпизодов былины о Михаиле Потоке: жена Михаила, опоив богатыря, прибивает его гвоздями «на стену городовую». Не отразилось ли здесь реальное положение: на городской стене Киева могло находиться прибитое к ней изображение крылатого воеводы — архангела Михаила. Вероятнее всего, что такое изображение было на городских воротах; существует еще один киевский былинный сюжет, связанный с богатырем Михайликом, оборонявшим киевские ворота.

В Десятинной церкви в Киеве в XII в. были «мощи» митрополита Михаила. С памятью об идоле Перуна связано место, где позднее существовал Михайловский Выдубицкий монастырь, хотя в той княжеской ветви Всеволодичей, которая владела этим монастырем, князья с именем Михаила нам неизвестны.

Общий вид городища VIII—X вв. у с. Боршево Воронежской обл.

* * *

Подведем итоги рассмотрению исторических взглядов замечательного русского историка XII в. Нестора, в том виде, как они рисуются нам по устранении допущенных редакторами искажений, пропусков, вставок, при сопоставлении с другими источниками и при установлении точной или приблизительной хронологии.

I. «Откуду есть пошла Руская земля»

1. К отдаленным временам «вавилонского столпотворения» относит Нестор расселение славян в Европе, в «Афетовой части». Русь рассматривается им как часть обширного славянского мира.

2. Перечень областей, издревле заселенных славянами, показывает, что Нестор имел в виду только земли западных и восточных славян, но не включал в исконную славянскую землю области южных славян по Среднему и Нижнему Дунаю и за Дунаем, действительно заселенные много позднее. Область древнейшего расселения славян в Европе, обрисованная Нестором, в основных чертах совпадает с современными научными представлениями (Т. Лер-Сплавинский, П. Н. Третьяков).

3. Для трех восточнославянских групп Нестор указывает древнее перемещение их: словене новгородские пришли на свои места с юга, а радимичи и вятичи — откуда-то с запада из областей, соседних с ляхами. Это также подтверждается отчасти археологическими данными, относящимися к рубежу или к первым векам нашей эры.

4. От широкого полотна общеславянской истории Нестор переходит к описанию основного ядра будущей Киевской Руси — земли полян и их

соседей в эпоху, предшествующую VI в. Население полянской земли описано как «мудрое и смысленное», хотя и языческое. Пережитки первобытности в семейном быту у полян уже изжиты.

Северные и восточные соседи полян — древляне, радимичи с вятичами и северяне описаны как племена первобытные. Такой контраст лесостепных и лесных племен полностью подтверждается для II—V вв. археологическими данными о черняховской культуре (поляне) и о более примитивных культурах в лесной зоне.

II. «Кто въ Киевѣ нача первѣе княжити»

5. Примерно к VI в. относится описанная Нестором и его предшественниками эпоха князя Кия, с именем которого связывается построение г. Киева и начало полянского племенного княжения («княжеше в роде своем»).

6. Князь Кий ездил в Константинополь к императору, принял от него «честь велику» и после этого построил на Дунае город (очевидно, на правах византийского федерата), но потом вынужден был возвратиться в свой Киев. Подобная ситуация наиболее вероятна для эпохи императора Юстиниана (527—565 гг.). По данным Никоновской летописи князь Кий воевал с болгарами, орды которых в это время уже кочевали в степях Восточной Европы.

7. Вслед за племенным княжеством полян возникают самостоятельные княжества и в других славянских землях. Начались войны между полянами и их соседями.

8. Хазары пытались наложить дань на полян, но получили вместо дани мечи, воспринятые ими как недоброе предзнаменование. Это могло иметь место примерно в VII в.

9. Описывается колонизация славянами долины Дуная, происходившая «по мнозех временех» после той отдаленной эпохи, которая описывалась в первых параграфах, но до эпохи императора Ираклия (VII в.). Как мы знаем, эта колонизация проходила в VI в.

10. Нестор перечисляет ряд кочевнических народов, нападавших на дунайских славян:

а) болгары (V—VII вв.); б) «белые угры» («сарагуры» V—VII вв.); в) авары (VI—IX вв.). Отмечена гибель авар; г) печенеги (с IX в.); д) венгры (с конца IX в.).

III. «Откуду Руская земля стала есть»

11. Мы не можем по дошедшим до нас источникам восстановить как рисовался Нестору переход от княжества полян к государству Руси («Поляне, яже нынѣ зовомая Русь»). Уцелели отрывки, рисующие географию Руси примерно в середине IX в.: в состав Руси входили земли шести славянских племен (может быть, точнее племенных союзов), а ряд неславянских племен Прибалтики и северо-востока платил дань Руси. Сохранились намеки

на то, что киевский князь Осколд — последний представитель династии Кия (толкование Шахматова и Приселкова).

12. Наряду с описанием земель, входивших в состав Руси, Нестор дает географический очерк всей Восточной Европы с перечнем рек и направлений путей и указывает размещение крупных восточнославянских племенных союзов.

13. Русь приобретает международную известность со времени победоносного похода киевского князя Осколда (может быть и Дира) на Царьград, столицу Византии в 860 г. Вероятно, Нестором был описан и второй поход 866 г. (менее удачный), начавшийся войной с Хазарией и завершившийся бурей в Босфоре.

14. Вероятно, в труде Нестора существовало краткое описание образования Болгарского и Великоморавского государств.

15. В тексте Нестора должно было быть описание крещения западных славян в середине IX в.

16. В тексте Нестора могло быть описание хазарской миссии «славянских первоучителей» Кирилла и Мефодия, во время которой Кирилл (Константин) познакомился в Херсонесе с русскими богослужебными книгами, написанными «русьскими писмены» (858—861 гг.?).

17. В тексте летописи уцелели фрагменты подробного рассказа об изобретении и распространении славянской грамоты (около 863 г.), сохранившейся навсегда у русских и болгар.

18. Сохранилась краткая запись 866 г. о крещении Болгарии (втором по счету). Далее приведен еще ряд отдельных кратких годовых записей по истории Болгарии IX в.

19. Под 867 г. (при соправительстве императоров Михаила III и Василия) рассказано о появлении на севере «находников» — варягов и о борьбе с ними коалиции славянских и финно-угорских племен. Возможно, что здесь же было сказано о появлении Рюрика в Ладоге.

20. Под 870 г. сказано о появлении Рюрика в Новгороде.

21. Под 872 г. помещен целый ряд событий как киевских, так и северных, новгородских:

а) болгарами убит сын Осколда; б) новгородцы восстали против Рюрика и варягов; в) Рюрик убил новгородца Вадима и его сторонников.

22. 873 г. Рюрик посылает своих мужей в Полоцк, Ростов и Белоозеро. В этом же году Осколд и (и Дир?) совершает успешный поход на полочан.

23. 874 г. Русский князь Осколд совершает поход на византийские владения и пытается пройти к Константинополю, но буря заставляет его вернуться с полпути.

24. 875 г.: а) Осколд возвращается в Киев из похода; б) император Василий посылает в Русь посольство с богатыми дарами для возобновления прежних договоров. Византия заключает мир с Русью; в) Патриарх Игнатий посылает на Русь (в Киев?) митрополита Михаила; русский князь созывает вече и боярскую думу и, в конце концов, решает принять

христианскую веру. Михаил из Руси отправился в Болгарию; г) Осколд предпринимает поход на кривичей; д) в Киев бегут знатные новгородцы от насилий Рюрика; е) Осколд успешно воюет с печенегами.

25. 881 г. Олег, прибыв с Севера в Киев, разбойнически убивает Осколда (и Дира) и захватывает власть в Киеве.

Такова схема реконструкции первоначального текста летописного труда Нестора, законченного около 1113 г.

Здесь перед нами история всего славянства и живой, красочный, научно построенный на основе разнообразных источников рассказ о первых десятилетиях жизни молодого государства — Киевской Руси и о современных ему государствах и народах.

В жизни Руси Нестор устанавливает два важных переломных момента, верно подметив основные вехи русского исторического процесса, это, во-первых, VI в., эпоха Кия и Юстиниана, время создания мощных племенных союзов под властью удачливых князей и, во-вторых, эпоха императоров Михаила и Василия, князей Дира и Осколда, время сложения феодального Русского государства, сумевшего быстро встать в первые ряды европейских держав.

5

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Период между VI и IX столетиями — это время наиболее интенсивного перехода от первобытнообщинного строя к феодальному, время создания экономических и социальных предпосылок феодализма и возникновения классовых отношений, завершившееся созданием феодального государства Руси в IX—X вв.

Процесс первичного возникновения государственности из недр первобытнообщинного строя является процессом настолько медленным и постепенным, что рубеж двух формаций иногда бывает еле приметен для глаза позднейшего историка. Сквозь строки монастырских хроник нам трудно разглядеть самое главное — как изменялись производительные силы, в какой исторический момент доросли они до того, что смогли выдержать на своих плечах тяжесть феодального государства с его богатыми городами, расточительным боярством и пышностью княжеских дворов, когда это государство стало исторической необходимостью и должно было заменить внешне сходные с ним органы племенного управления.

Изменения были настолько постепенны, что в новом феодальном быту осталась старая терминология, уходящая своими корнями в глубокую патриархальную старину; такие слова, как «вервь», «князь», «челядь», «отрок» и многие другие восходят к первобытности, обозначая «родовую общину», «домовладыку», младших членов семьи или рода. Нам трудно уловить точное время, когда слово «вервь» стало обозначать соседскую, а не родовую общину, а слово «князь» — вождя племени, а затем и

феодального сюзерена. Сравнительное изучение славянских языков много дало для понимания древнейшей истории славянства в бесписьменный первобытный период, но все еще до сих пор в нашем распоряжении нет полного свода историко-культурных данных, которые могут быть извлечены из богатств русского, украинского и белорусского языков и их диалектов.

Очень многое может дать этнография, изучавшая в предыдущее столетие остатки древнего быта и обычаев в наиболее глухих углах России.

В вопросах изучения накопления предпосылок феодализма будущее принадлежит археологии, так как только широкие и систематические раскопки деревень, замков и городов смогут дать нам и точные даты этого процесса и вполне конкретные формы хозяйственного и социального быта для всех многообразных и различных по своим историческим судьбам областей обширной русской земли.

В настоящее время далеко не все вопросы решены окончательно; в ряде случаев намечаются только контуры того или иного исторического явления, определяются задачи дальнейшего изучения, вместо твердых знаний появляются гипотезы, подлежащие последующей проверке.

При рассмотрении того процесса, который завершился созданием в IX столетии древнерусского государства, нужно учитывать два параллельно идущих ряда явлений: во-первых, это — подспудный медлительный процесс распада родового строя и рождение феодального, а, во-вторых,— более яркий и заметный для современников, — процесс формирования крупных политических образований, массовой колонизации, покорения соседних племен, соперничества с мировыми державами. Второй ряд явлений обусловлен первым, вытекает из него, зависит от степени успешности распада старого. Только совместное рассмотрение обеих групп явлений позволит нам правильно оценить каждое из них и как бы ни были привлекательны и интересны отдельные эпизоды военной или политической истории, мы должны всегда рассматривать их на широком фоне развития славянского хозяйства во многих тысячах «вервей» и «миров». С другой стороны, при скудости данных о внутренней жизни славянства отдельные яркие факты политической истории могут помочь нам в осознании мало доступных для нас «подпочвенных» явлений, являвшихся основой и причиной этих фактов.

Структуру древнерусского родоплеменного общества предположительно можно представить себе так: основной организационной ячейкой его являлось, очевидно, сочетание нескольких родовых поселков, объединенных общностью земельных угодий, интересами межобщинного обмена, потребностями экзогамных брачных связей и оборонительными интересами.

Производственной единицей в эпоху примитивного подсечного земледелия была небольшая родовая община приблизительно в 50—60 человек кровных родичей, все взрослое население которой совместными усилиями корчевало лес, расчищало лядину, осуществляло важнейшее коллективное дело тогдашних земледельцев — огневую подсеку, сожжение заранее под-

сушенных деревьев на будущей пашне. Вырубить и выкорчевать деревья и уберечь лес от пожара в момент самого «березозола» (сожжения деревьев для удобрения земли золой) было под силу только коллективу в 15—20 человек.

Сохранность родовых общин обусловливалась существованием примитивных форм земледелия, и поэтому мы наблюдаем длительно державшееся различие лесного севера и лесостепного юга. На юге давно уже появился фонд расчищенных от леса и распаханных земель, на которых была уже невозможна подсечная система и где земледелие переходило на высшую ступень плужной вспашки (с конем или волами) и двупольного или трехпольного севооборота с озимыми и яровыми посевами. Переход к этой высшей ступени на юге, в лесостепных черноземных просторах, начался уже во II—V вв., а на севере с его суглинистыми почвами и лесами он затянулся до IX—XI вв., а кое-где в медвежьих углах полесий и до XV—XVI вв.

Пережитки родового строя соответственно существовали дольше в местах с менее благоприятными хозяйственными условиями и, наоборот, изживались быстрее там, где был быстрее темп развития производительных сил.

Большесемейная община владела определенной землей, вела единое хозяйство и называлась по всей вероятности «вервью»; ее не нужно путать с вервью Русской Правды XI в., где словом «вервь» обозначалась сельская община, связанная круговой порукой, но не обязательно состоявшая из родственников и не составлявшая единого хозяйственного землеобрабатывающего коллектива [1].

У южных славян такая семейная община называлась «задругой», «кучей» и по существу представляла коллектив родственников трех-четырех поколений, ведших единое хозяйство. Во главе задруги стоял «домачин» — глава семьи и распорядитель работ и запасов, власть которого была неограниченной. Вероятно, так же обстояло дело и у древних славян; глава семьи назывался «большаком». Местом обитания древнерусских семейных общин являлись небольшие городища (площадью 80 × 40, 70 × 30 м), расположенные в устьях рек на высоких мысах и укрепленные. К этим маленьким укрепленным поселкам и применялось первоначально слово «град», «градок». Многие городища до сих пор у местного населения называются городками [2].

[1] Слово «вервь», как и слово «узы», обозначало родственные связи и в этом смысле соответствовало в первобытнообщинном понимании нашему современному (в значительной мере кабинетному) термину «род». Летопись же термин «род» употребляет в значительно более широком смысле, понимая под этим словом целое племя или народ. Наш (тоже кабинетный) термин «племя» никогда не встречается в летописях с тем значением, которое вкладываем в него мы сейчас. Древнерусское слово «племя» обозначало единицу меньшую, чем летописный «род» и, возможно, было близко по значению к слову «семья».

[2] Возможно, что существовало еще несколько названий такого родового поселка: «кут», «угол» (связанные с треугольной формой большинства городищ) и «двор», «огнище».

Еще в условиях родовой коллективности и подсечного земледелия начали возникать лесные заимки, крохотные однодворные поселки, получившие название «деревень». Слово «деревня» иногда объясняют от глагола «драть» — поднимать целину, но, может быть, его следует связывать с лесом, с деревьями, рассматривая как поселение подсечных земледельцев в лесу («зане сѣдоша в лѣсѣх»).

Совершенствование орудий труда и, в частности, железных лесорубных топоров и плужных лемехов или сошников позволяло все бо́льшему количеству семейств отпочковываться от своей верви-задруги и тем нарушать монолитность родового строя, расширяя в то же время круг распаханных земель и окружая родовые городки маленькими деревнями [1].

Земледелие с каждым столетием все больше и больше выдвигалось на первое место в славянском хозяйстве; это происходило в двух направлениях — во-первых, земледелие оттесняло на второй план такие разделы хозяйства, как рыболовство и мясную охоту, а, во-вторых, зона земледельческого хозяйства расширялась как там, где оно давно уже было известно, так и далеко на севере, где оно не было ранее достаточно сильным.

Пашенное плужное земледелие было в VI—IX вв. распространено очень широко. Если археологам известно мало подлинных плужных лемехов из поселений этой эпохи, то это объясняется тем, что поселения предфеодальной поры вообще у нас изучены недостаточно. Сравнение же сельскохозяйственной терминологии у разных славянских народов показывает поразительное единообразие терминов, связанных с конструкцией плуга, севооборотом, ассортиментом злаков и т. д.

Такими общеславянскими терминами являются: «ролия» (пашня), «орати» (пахать), «орало» или «рало», «плуг», «лемех», «грядиль» (деталь плуга), «чересло» или «чертадло» (плужной нож), «ярмо», «иго», «ярь», «озимь», «новь», «новина», «нива», «лядина» (подготовленная к пашне земля). Мы находим эти слова в языках старославянском, русском, украинском, белорусском, польском, болгарском, сербском, чешском, словацком, словинском, словенском и даже в полабском и серболужицком.

Что касается озимых и яровых посевов, то мы находим подтверждение в свидетельстве автора середины X в. Ибрагима ибн-Якуба, писавшего о славянах: «Они сеют в два времени года, летом (озимое) и весною (яровое) и пожинают две жатвы» [2]. Перед нами высокоразвитое земледелие, техника которого осталась почти неизменной на протяжении всего последующего тысячелетия феодального строя.

Общеславянская единая терминология позволяет поставить вопрос о большой древности этой земледельческой культуры.

---

[1] Такие «деревни» могли первоначально возникать как постройки в лесу, предназначенные для подсечной работы (пашни наездом) всего родового коллектива в определенные сезоны, и лишь со временем превращались в самостоятельные дворы или поселки. На юге нам неизвестен термин «деревня», а на севере мы знаем в XVI—XVII вв. деревни в один-два двора.

[2] Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб. 1878, стр. 54.

Общеславянские названия месяцев связаны с земледельческими работами, а языческие обряды — с заклинанием природы для обеспечения урожая; весь годовой цикл этих архаичных обрядов распределен в зависимости от сельскохозяйственных сезонов и подчинен главному божеству земледельцев — солнцу.

Археологические данные о земледелии пока немногочисленны, но и они подтверждают господство земледелия у славян и знакомят нас с конкретными формами орудий и породами культурных растений (ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороха, льна и др.). Наряду с развитым земледелием существовало скотоводство (лошадь, корова, свинья, овца), охота, рыболовство и бортничество. К концу рассматриваемого периода повсеместно в славянских областях (включая и малоплодородные новгородские) образовался значительный фонд расчищенных старопахотных земель, явившийся материальным обеспечением новой социально-экономической формации. Среднерусского славянина IX—X вв. нельзя представлять себе новичком в земледелии, врубавшимся с топором в руках в девственные чащи лесов и впервые зажигавшим костры «березозола» — огневой подсеки. Земледелие к этому времени насчитывало уже многие века существования, и труд десятков поколений славян создал ту земледельческую культуру, которая позволила возникнуть богатому и цветущему государству.

Увеличение общей площади расчищенных земель с каждым столетием сокращало роль примитивной и трудоемкой подсечной формы земледелия и неразрывно связанной с ней вынужденной коллективности родовых общин.

Внутренняя жизнь обитателей городищ нам недостаточно известна. Здесь жили, очевидно, ближайшие родственники, приходившиеся друг другу сыновьями, дочерьми, внуками, может быть, правнуками и внучатыми племянниками, «братучадами» (сыновьями братьев), «нетиями» (сыновьями сестры), братьями, сестрами, «братаничами» (двоюродными братьями), «стрыями» и «уями» (братьями отца и матери), снохами, «ятровями» (женами братьев), золовками и деверьями (сестрами и братьями мужа), свекрами и свекровями. Где-то в соседних городищах находились их невесты, тести, тещи, шурины, свояки, свояченицы, зятья, так как оттуда брали жен обитатели первого городища и туда выдавали замуж своих девушек.

На городище, судя по некоторым археологическим данным, должны были быть, наряду с жилыми избами (хатами, клетями), и два общественных дома — в одном собирались женщины и девушки для посиделок и работ (он в ряде мест носил название «беседы»); в другом происходили более важные собрания мужчин поселка, на которых, вероятно, решались дела всей верви. Судя по западнославянским материалам XII в., такое общее помещение могло именоваться «континой» (от славянского кѫтъ — кут — угол, городище), но могли применяться и русские слова: «обчина», «община» или «братчина». Такие «обчины» или «контины» бытовали вплоть до X в., когда они еще сохраняли частично свое производственное

значение как совместное обсуждение общих дел лиц, ведущих единое общее хозяйство.

У древних славян каждое важное хозяйственное или общественное дело предварялось гаданием, вопрошанием богов и нередко жертвоприношениями и общими трапезами. Поэтому в помещениях таких «обчин» находят кости жертвенных животных, гадальные камни со знаками, медвежьи и волчьи зубы, служившие амулетами и другие «обереги» (Вщижское городище под Брянском, земля древних радимичей).

Брачные обычаи двух разных зон описаны Нестором: у полян в лесостепи, где давно уже исчезли маленькие замкнутые родовые поселки и уже во II—V вв. возникли обширные села, появилась и возможность отойти от древних экзогамных запретов — здесь не практиковалось умыкание девушек, а уже издавна существовал патрилокальный брак; летописец особенно настаивает на том, что у полян существовал специальный торжественный обычай брака, когда невесту приводили (очевидно, ее родные и дружки жениха) в дом ее жениха и свекра, а утром семья невесты приносила приданое. У лесных племен долго держались примитивные обычаи — устраивались между селами игрища, где участники их пели языческие обрядовые («бесовские») песни, плясали и здесь же выбирали себе будущих жен, сговаривались с девушками и умыкали их с игрища или из села. Пережитком матриархата, сохранившимся у радимичей, вятичей, северян, древлян и кривичей, был обряд прихода жениха (очевидно, после увода девушки с ее согласия) в поселок своей невесты, обряд, осуждаемый летописцем как устаревший, соответствующий «звериньскому образу» жизни этих областей. Этот обряд был пережитком древнего матрилокального брака, когда молодые мужчины уходили из своего рода в род жены.

Летописец отмечает, у этих племен и многоженство, и предосудительную свободу в отношении к сестрам, снохам и другим близким родственницам; попутно Нестор осудил и неприличную ругань мужчин в присутствии родителей и женщин из другого рода (снох). Указание на наличие снох в составе семьи тех славянских племен, которые, по мнению летописца, «живуще скотьски», говорит о том, что и здесь, в более отсталых областях, брак уже был патрилокальным — фактически жена жила в семье мужа, а обычай «зятю ходить по невесту» был и тогда лишь пережитком матриархальной эпохи. Эти картины семейного быта южных и северных племен относятся, как выяснено выше, к первой половине I тысячелетия нашей эры. Следовательно, во второй половине тысячелетия славянский род был уже везде, несомненно, патриархальным. Родовой коллектив был связан обычаем кровной мести, когда за убийство своего сочлена обязаны были мстить все родичи. Еще в XI в. этот обычай прочно держался на Новгородском севере и отражен Русской Правдой Ярослава. Кроме того, члены рода были объединены еще общим культом своих предков. При родовом строе культ умерших родичей был очень прочным и казался древним славянам очень важным — предки-«деды» могли помочь и в полевом хозяйстве, и по защите скота от волков, и по охране «хором» от пожара, и в

домашних семейных делах. Древнейшим почитаемым местом был домашний очаг — «коп», и печной столб, олицетворявший предка и называемый «коником» или «печным дедом». Иногда «дедушку домового» считают живущим под печью.

Огонь — сын небесного бога Сварога особо чтился в овинных печах, где ему приносились жертвы [1].

Христианские поучения против язычества, написанные в XI—XIII вв., подробно знакомят нас с культом предков, уходящим в далекую родоплеменную старину.

В определенные дни умершим предкам «навьям», «роду и рожаницам» приносят мясо, молоко, яйца, в их честь топят «мылницу» — баню, льют воду на печь, посыпают пол пеплом и потом ищут на пепле следов приходивших из потустороннего мира гостей. В честь предков пекут фигурное обрядовое печенье в виде жертвенных животных («короваи», «козули», «баранки») и ставят им «чаши медвеные и пивные». К семейному культу относятся свадебные обряды, полные заклинательной магии, когда многочисленными амулетами стремились оградить от «упырей» и «злыдней» молодую невесту, а фаллическими изображениями обеспечить плодородие.

Погребальные обряды, так подробно описанные Нестором, тоже связаны с культом предков, со стремлением обеспечить умерших всем необходимым, построить им «домовину» и положить необходимые вещи. Каждое кладбище было местом постоянного культа; несколько раз в год сюда приносили «кутью» поминать предков.

Как видим, родовая патриархальная община была вполне самостоятельным коллективом, которая сообща вела свое обособленное хозяйство, организовывала обрядовые действия, мстила своим обидчикам.

Однако родовой коллектив не был и не мог быть единственной формой организации родоплеменного общества, структура которого была значительно сложнее и определеннее, чем нам иногда кажется.

В славянской терминологии отложилось много древних слов, которые обозначают объединение большее, чем патриархальная семья.

Наряду с обозначением простых поселков («весь», «градок», «село», «деревня») существуют обозначения более широких понятий: «мир», «погост», «волость», «жупа» («губа»), охватывающих комплекс простых родовых поселений. Возможно, что слово «вервь» позднее тоже стало применяться к более широкому комплексу родовых поселений.

Установление экзогамных запретов, определение круга близких родственников, не имеющих права вступать в брак (составлявших, обычно, население одного поселка), неизбежно приводило к тому, что два, три или несколько соседних поселков-родов должны были находиться друг с другом в постоянных связях, хотя бы для организации «игрищ межю селы». Пережитки этого мы видим в русском крестьянском быту XIX в., когда

[1] Может быть, с этим распространением культа огня связан и рассказ первого миссионера митрополита Михаила, избравшего темой своей проповеди легенду «о трех отроках в пещи огненной», повлекшую за собой просьбу русов бросить в огонь евангелие.

зимой «на святки» семьи, где были девушки-невесты, из ряда окрестных деревень съезжались в большое село, привозили с собой все свое рукоделье, приготовленное в качестве приданого, и в центре села устраивалась своеобразная «ярмарка невест», на которой парни и их матери высматривали будущих жен и снох.

Наряду с потребностями создания комплекса из нескольких экзогамных коллективов нужно учитывать и естественный прирост, неизбежно приводивший к выделению в особые поселки какой-то части слишком разросшихся патриархальных семей.

В результате этих различных причин создавалось объединение нескольких родовых общин, связанное разными внутренними связями. «Мир» и «волость» или «жупу», «вервь» мы предположительно можем представить себе так: центром притяжения отдельных поселков был погост — городище, отличное от обычных жилых городищ и предназначенное не для жизни на нем, а лишь для временных сборов. Примером таких городищ-погостов может служить городище Благовещенская Гора во Вщиже (близ Брянска). Оно расположено в известном отдалении от небольших городищ-поселков и совершенно лишено обычных бытовых признаков жилых городищ большесемейной общины. Здесь нет ни отдельных плетеных жилищ с очагами, ни рыболовных грузил, в изобилии имеющихся на каждом жилом городище, ни других следов повседневной жизни и труда. На Благовещенской Горе находилось только одно огромное помещение без печей или очагов, расположенное полукругом вдоль оборонительного вала. В этом помещении были продольные земляные нары, много глиняной посуды, угли от светцов; в нем могло поместиться 150—200 человек. Во внутреннем дворе городища находились стоящие полукругом столбы, у подножья которых лежали целые сосуды и грубые бронзовые украшения, отлитые здесь же на городище. Эти столбы были, по всей вероятности, идолами языческих божеств, украшенными неотделанными бронзовыми гривнами. По бокам городищенского двора находились следы огромных костров, а в центре был найден сосуд, украшенный изображением медвежьей головы. Очевидно, весь комплекс представлял собой языческое святилище с идолами, жертвенными кострами на дворе — «требище» и с огромными «хоромами» — круговой постройкой для праздничных пиров и совещаний [1].

[1] Название городища Благовещенская Гора указывает на почитание какого-то женского божества, вытесненного впоследствии христианской богородицей. Античные авторы, говоря о северных народах, часто отмечают у них наличие культа богини-девы, иногда ее называют Артемидой. Любопытно отметить следующие совпадения: одним из зверей, связываемых с Артемидой, был медведь, изображение которого найдено на городище. Славянский медвежий праздник происходил 24 марта в канун благовещения. Очевидно, и святилище на Благовещенской Горе было посвящено женскому божеству, близкому к греческой Артемиде — Рожанице. Христианские проповедники постоянно упрекали русских XI—XIII вв. за приверженность старым языческим обрядам и главным образом за то, что они пируют в честь Артемиды — Рожаницы. «Извыкоша елени (эллины) класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше Роду и Рожеиицѣ. Даже и до словенъ доиде. Се же словенѣ начали трапезу ставити Роду и Роженицам преже Перуна бога ихъ». («Слово о том, какъ

Ни на городище, ни в непосредственном соседстве с ним не было поселка обычного типа, хотя это городище-святилище просуществовало около тысячи лет (примерно до середины I тысячелетия н. э.).

Очевидно сюда приходили «ставить трапезу и класти требы» Рожанице — Артемиде жители нескольких окрестных поселков-городищ. «Хоромы» Благовещенской Горы могли вместить для рожаничной трапезы мужское взрослое население, пожалуй, не менее чем восьми-десяти поселков, расположенных в радиусе 5—15 км от святилища.

Многие века существования святилища сделали его устойчивым и традиционным центром притяжения для целой округи. Позднее, в IX—X вв. рядом с Благовещенской Горой возникло большое русское село (с керамикой роменского типа), а в XI в. здесь был уже укрепленный феодальный двор-погост, превратившийся в середине XII в. в резиденцию вщижского князя — в город Вщиж.

Вот такой устойчивый комплекс, состоявший из погоста и тяготевших к нему родовых поселков, комплекс, который мог при известных условиях перерасти в феодальный округ, и назывался, вероятно, «миром» или «жупой» [1].

Этнография XIX в. сохранила нам наименование «сельского мира» и «волостного мира». Эти слова означали как общины, так и мирские сходки. На сельский мир собирались «по мужику от дыма», а на волостной — по два мужика от сотни.

Искусственно сохранявшиеся в России архаичные общинные порядки донесли до XIX в. много элементов древнего общественного устройства; к ним в первую очередь относится мир.

Древнеславянский «мир» был пределом общения между собой простых людей, рядовых членов задруг, обитателей маленьких городищ и селищ — он был их миром в смысле границ общественного кругозора и прошло много веков, прежде чем слово «мир» расширилось до понятия вселенной. В далекой родоплеменной старине общение между «мирами» было делом старейшин, князей, жрецов, воинов, а кругозор простых «оратаев» был

пьрвое погани суще языци служили идолом и иже и ныне мнози творять» (*Н. Гальковский.* Борьба христианства..., стр. 24). Далее в этом слове порицаются попы, приравнивающие культ Рожаницы — Артемиды к культу богородицы. Важно и указание на то, что культ этой богини-девы предшествовал культу дружинного бога Перуна. По соседству с Благовещенской Горой на другом берегу Десны находится село Ржаница, возможно сохранившее имя древней языческой богини.

[1] Слово «жупа» очень широко распространено у западных и южных славян. Буквально оно означает связку, пучек, сноп. Глава или старейшина жупы назывался жупаном (отсюда позднейшее — пан). В русских диалектах сохранилось слово «губа» (например, «губные грамоты»), являющееся другой формой произношения слова «жупа». В архангельском, новгородском, псковском диалектах «губа» означает земельное владение, область, округ, уезд, волость и т. п. (В. Даль). Существовали «губные станы», во главе которых стояли губные старосты. При переводах славянское слово «жупа» передавалось как провинция, земля, округ (provinciae, terrae, pagi) (*А. Ф. Гильфердинг.* История балтийских славян. СПб., 1874, стр. 101, 103).

замкнут в границах «мира», состоявшего из десятка родовых поселков, составлявших вкупе молекулу тогдашнего общества — мир.

Огромное количество русских пословиц и поговорок, посвященное «миру» и взаимоотношениям отдельного человека с миром, свидетельствует об устойчивости и древности деления на «миры». Выявляется юридическая самостоятельность мира («Мир несудим», «Мир судит один бог») и в то же время право мира судить своих сочленов («На мир и суда нет», «Что мир порядил, то бог рассудил»); мир защищает своих сочленов и помогает им.

Одновременно с этим пословицы сохранили память о мирских трапезах, восходящих, как мы видели, к языческой старине («В миру что на пьяном пиру», «В миру как в пиру; всего много», «И в пир и в мир, все в одном»).

Археологические раскопки пока еще не дали нам во всей полноте картины древнеславянского «мира» и особенностей его развития в различных землях. Лишь предположительно, используя сравнительный исторический материал, можно представить себе жизнь древнего «мира».

Центром «мира» или «жупы» было, вероятно, городище «погост» вроде Благовещенской Горы. Здесь находилось помещение для заседания «обчины» и для совместных ритуальных пиров-братчин. Сюда в праздничные дни собирались представители городищ и «дымов», составлявших мир. Здесь выбирали «градского старца», ведавшего порядком на общественном городище, или «къназя» — начальника и полководца мирских сил, здесь разбирали тяжбы родовладык, судили провинившихся и обрекали виновных на «изгойство» — изгнание из рода или из мира.

В определенные дни важных годовых праздников накануне или после земледельческих работ (новый год — брачные святки, масленица — проводы зимы, семик — весенний праздник, купала — день солнцестояния, осенние зажинки и др.) сюда стекались обитатели родовых поселков, принося с собой солод и хмель для пива, муку для «короваев», «косуль» и пирогов и приводя скот для гаданий, жертв и трапез. Здесь загорались костры, пелись обрядовые песни, игрались «игрища».

До недавних пор сохранялись архаичные песни и колядки, описывающие языческие сборища [1].

---

[1] «Ой на горе мы пиво варили...»
«Ходи в пекло, ходи в рай...» и др.

Яркую картину ритуального пира, возглавляемого старцем жрецом дают колядки:

«За рекою за быстрою
Леса стоят дремучие
Огни горят великие
Вокруг огней скамьи стоят
Скамьи стоят дубовые
На тех скамьях добры молодцы
Добры молодцы красны девицы
поют песни — колиодушки.
В середине их старик сидит
Он точит свой булатный нож
Котел кипит горючий
Возле котла козел стоит
Хотят козла зарезати...»

(*И. М. Снегирев.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. II, № 4. М., 1837—1838).

На городище-погосте в центре мира собирались и по случаю прибытия купцов, когда здесь открывалось «торжество» (от «торг»), и тогда, когда миру грозила опасность со стороны воинственных соседей («восста род на род») или стихийные бедствия требовали решений мирского веча.

Регулярные сборища были, вероятно, не чаще, чем римские календы («коляды»), т. е. один раз в месяц, в новолуние. В промежутки между вечевыми собраниями, пирами и игрищами городище-погост было безлюдным, почти необитаемым; здесь находилась, вероятно, какая-то охрана, могли жить ремесленники, занимавшиеся ковкой железа и литьем бронзы, и, может быть, находился жрец святилища — «волхъв». Так было до захвата погостов знатью. Военная организация такого «мира» состояла, по всей вероятности, из «отроков», т. е. молодых людей, временно «отрешенных» от общей жизни и несших службу защиты всех угодий мира» от покушений соседей. Они могли быть поселены все вместе в особом поселке «свободѐ» — «слободе» и проходить свой искус под руководством «воеводы» [1]. По отбытии определенного срока своей военно-сторожевой службы отроки возвращались к земледельческим работам и получали право жениться. Свое «отроческое» содружество они использовали иногда для того, чтобы во главе со своим «князем» добыть ему и себе невест, умыкая их в соседней земле.

В системе племени, выставлявшего в случае войны «полк» или «тысячу», каждый мир, возможно, соответствовал «сотне» («съто»), реальному числу способных выступить в поход воинов в округе, насчитывавшем примерно около 300—500 жителей всех возрастов.

Существованием погоста в качестве центра управления нескольких родовых общин исчерпывались почти все основные общественно-организационные потребности этой небольшой земледельческой округи, не знавшей еще систематической эксплуатации и отчуждения общественного продукта.

Племя как совокупность нескольких таких «миров» долгое время мало ощущалось, и только распад первобытной замкнутости родовых общин вызвал к жизни потребности в связях более высокого порядка, чем связи внутри «мира» или «жупы».

* * *

Развитие производительных сил у земледельческих племен выражалось в появлении такой техники и такого количества уже расчищенных и распаханных земель, которые позволили бы сократить размеры трудового

---

[1] Предназначенные для военной службы «отроки» с двенадцатилетнего возраста (судя по летописи) готовились к военной службе. Некоторые исследователи предполагают, что значительная часть русских фантастических сказок о злоключениях героя, выполняющего трудные поручения (розыск лесных путей, преодоление боли и страха смерти — Бабы-яги, битвы с чудищами и т. д.) является отражением реальных испытаний, которым подвергались юноши в мирских «слободах». (*В. Я. Пропп.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1949).

коллектива до одного «дыма», до одного «рала», т. е. до одной крестьянской семьи.

На юге, в лесостепи этот процесс шел уже полным ходом в первой половине I тысячелетия н. э. Он привел к исчезновению родовых поселков-городищ и к появлению больших неукрепленных сел черняховской культуры II—V вв.

Кризис первобытнообщинного строя растянулся на несколько столетий; он постепенно охватывал все большее пространство, проникая в северную лесную зону, где к IX в. тоже появляются огромные земледельческие села в несколько гектаров площадью (например, городище Титчиха на Дону в земле воронежских вятичей) с хорошими общими для всего села укреплениями.

На севере вплоть до VIII в. сохраняются родовые кладбища членов единой кровной «верви». Таковы новгородские сопки, длинные курганы смоленских кривичей и засыпанные землей «столпы» вятичей.

Процесс выделения отдельных семей, «дымов», сказался в появлении индивидуальных и парных курганов, которые, появившись кое-где уже в середине I тысячелетия, к концу его покрыли уже почти всю великую Русскую равнину.

Переход от родовых усыпальниц к курганам, насыпанным над одним или двумя (мужем и женой) людьми, был отражением такого крупного исторического явления, как переход от родового коллектива, имевшего общее подсечное хозяйство, к отдельной семье, «дыму», ведшему теперь свое парцеллярное хозяйство на старопахотных землях, возделанных трудами предков-дедов, вынужденных тогда сообща корчевать пни и расчищать лядины.

Распад родовых общин приводил к группировке хозяйственно самостоятельных семей на основе принципа соседства. Рождалась соседская община, способная выдержать тяжесть классовой организации общества.

Восточнославянская деревня VIII—X вв. известна нам по целому ряду городищ. Археологические раскопки велись на многих из них, но лишь небольшое число раскопано полностью.

Археологическое изучение городищ эпохи образования Руси началось с юго-восточного угла славянских земель, с лесостепного левобережья Днепра, обращенного к кочевническому миру. Первые крупные раскопки были произведены на Полтавщине в окрестностях летописного г. Ромен (совр. обл. центр Ромны), по имени которого и стали называться городища роменского типа [1].

---

[1] *М. Макаренко.* Городище «Монастирище». «Науковий Збірник історичної секції» УАН, т. XIX. Київ, 1925, стр. 2—23; *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948; *И. И. Ляпушкин.* Раннеславянские поселения днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 7—41.

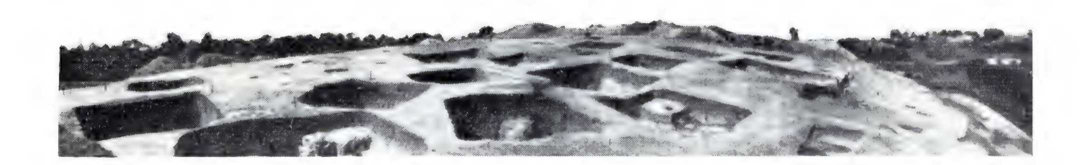
Общий вид городища VIII—IX вв. у с. Новотроицкое на р. Псел

По мере накопления новых данных выяснилось, что так называемая роменская культура не представляет собой ничего обособленного (одно время ее связывали только с северянами), а является вариантом общеславянской культуры времен рождения феодальных отношений.

Размеры городищ весьма различны: есть небольшие поселки — деревни в 20—30 домов, но встречаются и огромные городища-села с площадью в несколько гектаров и с сотнями жилищ, западины от которых видны даже и без раскопок. П. Н. Третьяков считает, что на Большом Боршевском городище жили тысячи человек. Роменский слой имеется в основании многих древнерусских городов.

Обычно деревни и села ставились у реки на естественно укрепленном мысу, который со стороны плато («приступа») отделялся рвом и валом. Иногда поселок возникал на более древнем городище, используя уже существующие валы. Рядом с городищем часто возникало неукрепленное селище. Вдали от степной окраины встречаются селища и без городищ.

Жилища стояли без определенного плана, но более или менее вытягивались в ряды. Круговая планировка редка. В планировке изб не чувствуется элементов организации родовой общины-задруги — здесь нет ни общих амбаров, ни общего «дома мертвых», ни женских домов. Кроме того, самые размеры некоторых городищ не позволяют признать их родовыми поселками. Иногда на городищах роменского типа встречаются особые



Площадка городища с землянками VIII—IX вв. у с. Новотроицкое на р. Псел

сооружения, которые, быть может, следует считать общинными домами («обчинами» по новгородской терминологии, «континами» по терминологии западных славян). Так, на Вщижском городище [1] в слое IX в. с типичной роменской керамикой удалось проследить на самом мысу городища большое сооружение, превышавшее в три раза обычные хаты и представлявшее собой вытянутую постройку длиною около восьми метров с двумя продольными земляными скамьями-лежанками. В культурном слое этой «обчины» найдено много амулетов, медвежьих клыков и гадательных камней. Очевидно, общественный дом служил для собраний-братчин, сопровождавшихся языческими обрядами. Такие общие дома, как и самый обычай братчин, уходят корнями в первобытнообщинный строй, но они кое-где сохраняются и на протяжении всей феодальной эпохи как в деревне, так и в средневековом городе.

[1] *Б. А. Рыбаков.* О Вщиже в сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 113.

В русских городищах VIII—X вв. следует видеть вервь того переходного периода, когда этот термин, обозначавший первоначально родовую общину, приобретал постепенно то новое свое значение, которое закрепилось впоследствии в Русской Правде, где «вервь», обозначала уже соседскую общину XI в.

Хаты строились как наземные, так и глубоко врезанные в землю, так что приходилось спускаться на две-три ступеньки; стены были образованы бревенчатым срубом с вертикальными стояками по углам и в середине стен. Напротив входа располагалось окно. Крыша была, очевидно, двускатной. В некоторых хатах прослежены небольшие чуланы, примыкавшие к углу основного помещения. Печи ставились прямо на земляном полу. Иногда наблюдается своеобразная конструкция печей — верх ее заканчивается как бы сковородой с закраинами, что позволяло использовать печь как плиту.

В конструкции печных сводов нередко встречаются конические глиняные комья, позволявшие выкладывать кривую поверхность.

Характерной чертой городищ VIII—IX вв. является наличие специальных приспособлений для выпечки хлеба, сохранившихся в быту до наших дней на Балканском полуострове. Это — огромные и массивные глиняные сковороды диаметром до 60—65 см, которые наполнялись тестом, ставились на выгребаемый из печи жар, накрывались крышкой и сверху тоже засыпались горячими углями.

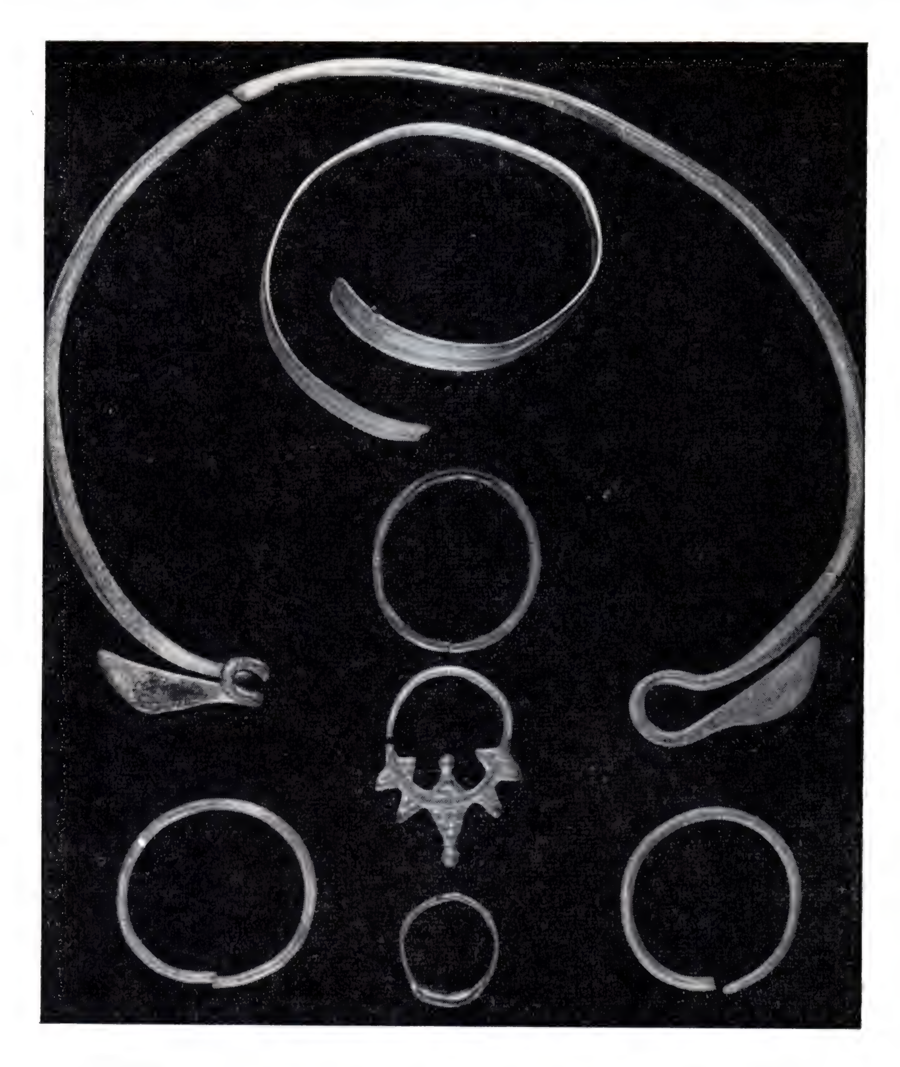
Рядом с хатами обычно находились ямы-хранилища, предназначенные для зерна и других запасов. Емкость зерновых ям достигает 1—1,5 тонн зерна, что уже само по себе свидетельствует о значительной роли земледелия. Зерно мололи на ручных вращающихся жерновах. О пашенном земледелии говорят и находки плужных ножей и лемехов.

Много данных о скотоводстве и рыболовстве. Судя по остаткам зерен, возделывались главным образом пшеница, рожь, ячмень, лен, конопля, горох. В составе стада были коровы, лошади, свиньи, овцы, дома охраняли собаки.

Охотились славяне главным образом на крупных мясных животных: лося, оленя, медведя, кабана, косулю, сайгу. Кости пушных зверей встречаются на городищах редко, что объясняется тем, что мясо их не поедалось, а туши свежевались охотниками в лесу во время охоты и в село не приносились. Рыбы, которых ловили славяне в VIII—IX вв., были различны: осетры, стерляди, севрюги, жерехи, сомы, окуни, сазаны, щуки, судаки.

Очень важны данные о ремесле VIII—X вв. Глиняная посуда в русской деревне VIII—IX вв. изготавливалась еще домашним способом, без гончарного круга и орнаментировалась обычно зубчатым узором или палочкой, обмотанной шнурком, оставлявшей тоже зубчатые отпечатки на сырой глине. На керамике VIII—IX вв. можно уже проследить применение подставки, послужившей прообразом гончарного круга, появляющегося в IX в.

Глиняная лепная и гончарная посуда VIII—IX вв. с городища
у с. Новотроицкое на р. Псел



Серебряные украшения из клада с городища у с. Новотроицкое на р. Псел

Ассортимент глиняной посуды был разнообразен: горшки, мисы, сковородки, большие макотры для хранения продуктов.

На ряде городищ VIII—IX вв. обнаружены следы обработки кости, меди и серебра и изготовления разнообразных украшений [1].

На юге мы видим в VIII—IX вв. широкое распространение своеобразных типов украшений из серебра и золота.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, гл. 1, § 3. М., 1948; *М. Ю. Брайчевский* и *Д. Т. Березовец.* К истории древнеславянского ювелирного ремесла. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 23—28; *С. А. Тараканова.* Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 33—44.

Золотые и серебряные украшения VIII в. из клада у с. Харьевка Сумской обл.

Серебряные украшения VIII в. из клада с городища у с. Пастерское (Жарище) в бассейне р. Псел

Наиболее дорогие вещи изготавливались сложной техникой штамповки, зерни и скани, а имитация этих изделий из низкопробного серебра, более примитивным путем — литьем по восковой модели (Харьевский клад близ Путивля и Пастырский клад). Даже далеко на севере, во Псковской земле, ювелиры-литейщики применяли в VIII в. каменные формы для массовой отливки украшений.

Но, разумеется, наиболее важным для развития производительных сил было изготовление железных орудий труда. В этой области около VIII—IX вв. тоже произошел известный перелом, повлекший за собой переоснащение русской деревни более совершенным инвентарем. Приведем слова исследователя истории русского кузнечного дела: «К середине I тысячелетия н. э. на всей территории Восточной Европы основным видом сыродутного горна становится наземная шахтообразная печь... Переход к новой технике происходит не позднее VII—VIII вв., к сожалению, еще мало изученных и наиболее туманных.

В это время появляются новые виды орудий труда и инструментов и эмпирически создается новая технология обработки железа и стали. В IX в. уже были созданы все основные виды и конструкции орудий труда, оружия и инструментов. Большинство орудий труда и инструментов дожили до наших дней и применяются в современном быту и технике. Никакого перелома в развитии техники добычи и обработки черного металла в связи с появлением на территории древней Руси варяжских отрядов не произошло. Техника в северных районах Руси в IX в. уже стояла на достаточно высоком уровне...

Русские городские кузнецы X в. владели в совершенстве техникой обработки металла, изготовляли разнообразный инвентарь: железные и стальные орудия труда, инструмент и оружие — от гвоздей и заклепок до кос и мечей. Курганы дружинников X в. сохранили нам большое количество железных и стальных изделий работы русских кузнецов...» [1].

Русской деревне VIII—IX вв. не была чужда и торговля с южными землями — на ряде поселений встречены арабские диргемы, а вес некоторых русских серебряных украшений является кратным весу этих монет.

Клады восточных монет VIII — начала IX в. распространены в Приднепровье, на Оке, в Поволжье и в Новгородской земле [2].

Если мы бросим общий взгляд на русские поселения VIII—IX вв., то увидим очень сложную картину: и имущественное неравенство внутри верви, появление дружинных комплексов, и различие типов поселений, возникновение огромных укрепленных сел с тысячным населением.

Наблюдая наиболее изученный район днепровского левобережья, мы видим там группировку городищ VIII—X вв. в определенные гнезда по пять-восемь поселков.

---

[1] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 206—207.

[2] *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 86, рис. 5.

Железные орудия труда VIII—IX вв. с городища у с. Новотроицкое на р. Псел
(топор, рыболовный крючок, тесло, мотыжка, ложкорез и сошник)

Важно отметить, что центром почти каждого такого гнезда являлся город, известный нам по летописным упоминаниям в X—XII вв.:

Путивль	— 9 городищ	упомянуты в летописи
Рыльск	— 5 »	
Курск	— 4 »	
Ромен	— 5 »	
Лубен	— 4 »	
Лтава	— 3 »	
Донец	— 4 »	
Сосница	— 2 »	
Гадяч	— 3 »	
Сумы	— 4 »	
Гочево	— 5 »	
Глинск	— 7 » [1]	

Внутри группы поселки отстоят друг от друга на 3—5 км, а одна группа от другой отделены незаселенной полосой в 20—30 км. Все без исключения гнезда поселений расположены в лесных островках среди лесостепи, что давало некоторую защиту от кочевников.

То, что для каждой группы мы можем указать только по одному летописному городу, говорит о том, что эти наиболее заметные для глаза киевского или черниговского книжника «грады» были действительно организующими центрами своих небольших волостей. Половина градов впоследствии в XII в. стала настоящими городами, столицами небольших удельных феодальных княжеств (Курск, Рыльск, Путивль) [2].

Уничтожение принудительного родового равенства и замена родовой собственности семейной и личной приводили к неравномерному накоплению прибавочного продукта в разных семьях, к росту имущественного неравенства. Ослабление родовых связей и превращение единого трудового коллектива в сумму самостоятельных семей — «дымов» сделало каждый «дым» более беззащитным, более доступным для экономического или внеэкономического принуждения. Хозяйственная устойчивость каждого отдельного крестьянского двора в условиях тогдашнего негарантированного урожая была очень невелика, каждое стихийное бедствие, каждый недород разоряли тысячи семей, обрекая их на голодную смерть или на возврат к забытому охотничьему быту. На место старой общественной ячейки — рода должна была встать какая-то новая структурная форма, придававшая некоторую устойчивость обществу в целом. Этой формой явился феодальный двор с его стадами скота, закромами зерна как для прокорма, так и

---

[1] *И. И. Ляпушкин.* Раннеславянские поселения... СА, XVI, 1952. Карта городищ на стр. 40. Из 63 городищ VIII—IX вв. на этой юго-восточной окраине в X в. под ударами печенегов запустело 24 городища, а остальные 39 продолжали жить и во время Киевской Руси. Особенно устойчивыми оказались группы городищ вокруг Курска, Рыльска и Сум, заставляя вспомнить о курянах «сведомых кметях».

[2] Город Ромен в середине XII в. упомянут арабским географом Идриси как важный торговый пункт, отстоящий на три дня пути от Полтавы (*Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, М., 1952, рис. 11).

на семена, с его запасами «тяжкого товара» — продукции усадебных кузнецов, ковавших не только оружие, но и плужные лемехи, чересла, топоры, удила. Феодалы-бояре не были благотворителями разорившегося крестьянства; войной и голодом, применяя все виды насилия, выбирая наиболее слабые участки внутри сельских миров, они постепенно утверждали свое господство, порабощая слабейшую часть общин, превращая общинников в холопов или закупов.

При всей неприглядности этой картины мы должны учесть, что превращение свободного крестьянина в условиях неурожая, падежа скота, пожара и грозящей поэтому смерти, в закупа, во временно-зависимого было в какой-то мере актом добровольного выбора — крестьянин мог бросить свой «дым» и уйти «полевать» — охотиться в лесу, но тогда он отрезал себе путь к возвращению к прежней жизни земледельца, его судьба становилась судьбой изгоя, насильственно выбитого из привычной, проложенной отцами и дедами колеи. Наличие рядом с крестьянскими общинами прочно стоящего феодального двора давало возможность выбора — можно было идти не в лес, а к боярину, к его тиунам и рядовичам, просить у них «купу» — зерна, скотину, «железного товару» для поддержания своего неустойчивого крестьянского хозяйства в тяжелую годину недорода, когда не оправдались дедовские приметы погоды и не помогли языческие заклинания Рожаницы и Даждьбога.

Боярская усадьба была ячейкой нарождавшегося феодального общества — здесь накапливались людские и материальные резервы и создавались условия для расширения производства.

Путь прогрессивного развития славянского общества неизбежно вел от родовых общин и разрозненных дымов к вотчине с боярским феодальным двором в центре ее. Выделение племенной знати началось задолго до оформления феодальных отношений.

«Миры», состоявшие из родовых коллективов, в свою очередь объединялись в племена или «земли». Чем примитивнее был родовой быт славян, чем больше была замкнутость миров, тем слабее были внутриплеменные связи. Расширение росчистей, распашек и земледельческих угодий («куда топор и коса ходила»), бортных ухожаев и охотничье-рыболовческих «гонов», «перевесищ» и «ездов», неизбежно приводили к соприкосновению миров, к спорам и распрям по поводу межей и «знамений» и вызывали все больше обращений к власти племенного веча или к суду племенного князя.

Процесс выделения отдельных семей из общего хозяйства рода и неизбежно связанный с этим выдел скота и инвентаря также неизбежно должен был приводить к спорам и сварам внутри рода, так как подобный выдел ослаблял хозяйство рода и был восстанием против прав родовладыки. В этой борьбе «отцов и детей» старейшины родов должны были применять жестокие санкции вроде изгойства, а стремящиеся к самостоятельности члены рода вынуждены были искать правды где-то вне своего рода. Им трудно было найти эту правду в своем миру, где вече состояло из тех же

родовладык, из «старой чади». Приходилось апеллировать к высшей инстанции — к власти племенного князя, стоявшего над «мирами». Все это усиливало позиции общеплеменных властей и делало их все более и более необходимым элементом общественного устройства.

Общее развитие производительных сил, успехи земледелия, скотоводства и ремесла увеличивали как общую сумму прибавочного продукта, так в особенности долю, получаемую «мирскими» и племенными властями — князьями, волхвами, воеводами. Усилилась роль межобщинного обмена и увеличилось некоторое разделение труда между отдельными «мирами», что в свою очередь усиливало внутриплеменные связи.

Так как развитие родового строя никогда не представляло собой идиллической картины, а было наполнено соперничеством родов и племен, военными столкновениями, захватом пленной «челяди» и жизненных запасов, то роль родовых и племенных дружин постоянно возрастала по мере обострения противоречий и конфликтов, когда «восставал род на род» или одно племя было «обидимо» соседями.

Изучение процесса возникновения классов неотделимо от вопроса об эволюции родоплеменных дружин, приобретавших все бóльшую и бóльшую независимость от рядовых соплеменников и даже от веча.

Рост производительных сил приводил к возможности содержать все большее количество воинов за счет общинных запасов и лучше снабжать их оружием и боевыми конями. Это приводило к нарушению первобытного равновесия и к возможности такого положения внутри «мира», когда возросшая количественно группа воинов-«отроков», испытавшая сладость побед и вольготной жизни за счет сородичей, отказывалась по истечении срока своей военно-сторожевой службы вернуться в свои общины и не желала корчевать там пни или пасти общинное стадо.

Илья Муромец, «крестьянский сын», как только почуял в себе силу богатырскую, то пробыл на работе простого «оратая» только один день и отпросился у родичей («Простите меня со рожденого со места»), отправился откапывать зарытые под камнем доспехи и поехал в город служить князю в качестве дружинника [1].

Слово «отрок» приобретало новый смысл члена постоянной дружины, группирующейся вокруг князя.

Изгои, лишенные доли в общинном хозяйстве, были, вероятно, желанными гостями во дворах племенных князьков и попадали здесь в состав «отроков». Таким образом, поступательное движение низовых элементов родового общества шло рука об руку с усилением дружинно-княжеского элемента в системе славянских племен.

Хорошим примером тех новшеств, которые происходили накануне образования Киевской Руси, является археологический комплекс у с. Хотомель на Волыни. Там посреди обширного селища VIII—IX вв. возвышается небольшое городище с поставленными по кругу «хоромами» внутри его укреплений. Здесь нет еще богатого боярского дома, все постройки скром-

[1] «Былины». М., 1916, стр. 135, 136.

ны и однородны, но они уже несколько выделились из ряда обычных построек, на этом городище найдено много предметов вооружения и более богатых серебряных украшений. От такого дружинного поселка, занявшего срединное положение в общине и обладающего возможностями господства над ней, оставался только один шаг до феодального замка, до укрепленного боярского двора, уже осуществляющего это господство.

Рис. 182. Рукоять меча IX—X вв. из кургана у с. Шестовицы, Черниговской обл.

Многогранный и сложный процесс распада родовых связей не ослаблял, а усиливал связи между «мирами» и делал все более прочной и реальной власть племенных князей. Создавались возможности и потребности объединения отдельных племен в союзы, достигавшие иногда значительных размеров и силы.

Появилась многоступенчатая структура родоплеменного общества эпохи его кризиса: родовые общины объединялись вокруг погостов в «миры» (может быть, «верви»); совокупность нескольких миров представляла собой племя, а племена все чаще объединялись во временные или постоянные союзы. Временные союзы неуловимы для нас, так как они заключались на короткий срок, иногда для одного совместного похода, а устойчивые постоянные союзы, просуществовавшие десятки и сотни лет, нашли отражение в летописной терминологии, в географической номенклатуре и в археологических особенностях отдельных славянских земель VI—X вв.

Культурная общность внутри устойчивых племенных союзов ощущалась иногда довольно долго после вхождения такого союза в состав Русского государства и прослеживается по курганным материалам XII—XIII вв. и по еще более поздним данным диалектологии.

Летописцу Нестору известны четырнадцать крупных восточнославянских областей, из которых сложилось Русское государство. Около Киева издавна жили поляне; их землю летописец считал ядром Русского государства и отметил, что в его время полян называли Русью. Соседями полян на востоке были северяне, жившие по рекам Десне, Сейму, Суле и Северскому Донцу, сохранившему в своем имени память о северянах. Вниз по Днепру, южнее полян, жили уличи, переселившиеся в середине X в. в междуречье Днестра и Буга. На западе соседями полян были древляне, часто враждовавшие с киевскими князьями. Еще далее на запад лежали земли волынян и дулебов. Крайними восточнославянскими племенами были тиверцы на Днестре (древнем Тирасе) и на Дунае и белые хорваты в Закарпатье.

Севернее полян и древлян были земли дреговичей (в болотистом левобережье Припяти), а на восток от них, по реке Сожу — радимичей. На Оке и Москва-реке жили вятичи, граничившие уже с неславянскими мерянско-мордовскими племенами Средней Оки. Северные области, граничившие с литовско-латышскими и чудскими племенами, летописец называет землями кривичей (верховья Волги, Днепра и Двины), полочан и словен (вокруг оз. Ильменя).

В исторической литературе за этими четырнадцатью областями укрепился условный термин «племена» («племя полян», «племя радимичей» и т. п.), не употреблявшийся, однако, летописцами. По своим размерам эти славянские области так велики, что могут быть сопоставлены с целыми государствами: так, например, земля кривичей равновелика по территории Английскому королевству XI в., а земля вятичей — Кастильскому.

Представление о летописных областях (полян, северян, радимичей, кривичей и др.) как о первичных этнографических племенах приводило к усилению позиций норманистов, считавших Русское государство продуктом внешнего влияния без всяких местных корней и полагавших, что родовой строй дожил в полной неприкосновенности до летописных времен.

Политическое значение летописных областей признавалось и ранее некоторыми буржуазными учеными (Н. П. Барсов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.), но вопрос о том, что эти области представляют собою союзы племен, поставлен впервые советскими исследователями (П. Н. Третьяков).

Однако вопрос о характере и количестве первичных племен, образовывавших союз, оставался нерешенным. Сопоставление данных о русских племенах с западно- и южнославянскими (а также и с данными о фракийских, германских, галльских, сарматских племенах) убеждает нас в том, что территория племени во много раз меньше русских летописных областей. Тщательное изучение этих областей показывает, что каждая из них являлась объединением нескольких более мелких племен, названия которых в источниках по истории Руси не сохранились. Так, например, Нестор называет только собирательное имя чехов, а современному чешскому ученому Р. Туреку удалось обнаружить особые археологические признаки, характерные для каждого из мелких племен, составлявших Чешский племенной союз, и показать, что летописные чехи состояли из нескольких племен.

Области русских радимичей или вятичей соответствуют равновеликим им по площади западнославянским областям лютичей, бодричей, чехов и др., представлявшим собою союзы 8—12 племен. Эти союзы были достаточно устойчивы, и автор «Повести временных лет», наряду с русскими областями дреговичей, радимичей и других, упоминает и области чехов, лутичей и прочих, приводя их тем самым к общему знаменателю. Такие же крупные области у восточных славян упоминают и авторы IX—X вв.

Подразделения этих областей на мелкие районы, соответствующие западнославянским племенам (составным частям союза племен), для рус-

ской территории по письменным источникам нам неизвестны. При наличии племенных городов название города могло покрывать собою племенное имя (например, куряне, полочане и т. д.).

Археологические данные позволили в свое время А. А. Спицыну и его последователям в этом вопросе (А. В. Арциховскому и др.) уточнить границы летописных областей по устойчивым признакам материальной культуры X—XIII вв. Обращение к погребальному обряду позволило наметить ряд более мелких районов внутри летописных областей радимичей, вятичей и северян. Эти районы оказались равновеликими западнославянским первичным племенам, составным частям чешского или сербского или лютичского племенного союза.

Ко времени X—XII вв. прослеживались только пережитки племенной обособленности, отраженные деталями погребального обряда.

Восточнославянские союзы племен имели в свое время отдельных князей. Говоря о времени, предшествующем VII в., русский летописец отмечает наличие «своих княжений» у древлян, дреговичей, в Новгороде у словен и в Полоцке у полочан. Судя по древнейшему русскому документу, договору с греками 911 г., глава федерации племен назывался «великим князем» в отличие от подчиненных ему князей отдельных племен. В 911 г. такие великие князья были в Чернигове, Переяславле, Любече, Ростове и Полоцке.

Гуннское и аварское нашествия и борьба с рабовладельческой Византией должны были усилить процесс укрупнения племен и племенных союзов. Иордан в середине VI в. отметил, что внутри славянских земель происходит ряд изменений и появляются новые имена племен. В эту эпоху возникали не только союзы племен типа летописных областей полян, северян, волынян, но и более крупные союзы, являвшиеся как бы «союзами союзов».

Ретроспективный анализ «Русской земли» XII в. (в смысле Киевско-Курской лесостепи) позволил прийти к выводу, что в VI—VII вв. здесь уже сложился крупный союз племен, ставший в середине VI в. известным и в Византии. В этот союз под гегемонией Руси вошли поляне («яже нынѣ зовомая Русь»), северяне и, может быть, часть уличей. Каждая из составных частей этого нового союза в свою очередь представляла собой союз мелких племен.

В VI в. сложился известный союз дулебско-волынских племен. Этот союз не смог устоять против аварского натиска и племена, составившие его, были «примучены обрами» в VI—VII вв., а сами дулебы расщепились на несколько частей, войдя в состав западных и восточных славян.

Компактное расположение средневековых хорватских племен (хорваты чешские, хорваты вислянские, белые хорваты) и анализ данных Константина Багрянородного наводит на мысль, что существовал большой союз прикарпатских племен, носивший общее имя хорватов. В середине VII в. этот союз распался, и часть хорватов переселилась на запад к Адриатике.

К VII в. относится сложение сербско-лужицкого племенного союза и создание государства Само, объединившего ряд племен и племенных союзов. Все эти крупные, вторичные союзы племен возникли на пограничье с кочевниками и с франками.

Менее ясна история племен, расположенных севернее этой порубежной полосы. Кривичи, вероятно, представляли некогда крупный союз племен, в который могли входить и некоторые литовские племена (например, голядь и др.). Позднее этот союз распался и от него отделились псковичи и полочане. Можно допустить существование в VIII—IX вв. радимическо-вятичского союза, способствовавшего созданию единообразных этнографических признаков у радимичей и вятичей вплоть до XI—XIII вв. Некоторые авторы XI в. (например, мних Иаков) объединяют радимичей и вятичей.

Интереснейшей областью дальнейших исследований явится сопоставление данных археологии с данными этнографии, диалектологии, антропологии и топонимики. Комплексное изучение позволит успешнее осветить конкретную историю славянских племен.

* * *

К IX столетию ясно обозначилось сложение в ряде областей слоя русского боярства или «рыцарства», как говорят некоторые авторы.

Письменные и археологические источники говорят нам не только о существовании такого дружинного слоя, но и о значительной дифференциации его, о наличии простых воинов и богатой знати, владевшей таким количеством золота и серебра, что иностранным купцам казалось, будто в землях Руси где-то есть серебряный рудник.

Большой интерес представляют свидетельства восточных авторов IX—X вв., писавших в Багдаде, Хорезме, Балхе — там, где бывали русские купеческие караваны, начиная с IX в. Большинство этих свидетельств восходит к источникам середины IX в., к эпохе киевских князей Дира и Аскольда.

Богатый и знатный рус рисуется этим авторам как воин, повелевающий слугами и рабами, одетый в парчевый кафтан с золотыми пуговицами и высокую соболью шапку, золотые обручи (гривны), подтверждающие его богатство и знатность. Знатный воин отлично вооружен: у него есть боевой топор, нож, лук, доспехи, а у пояса висит меч, подаренный ему, еще мальчику, отцом как символ воинственного наследства. Богатый и знатный рус — владелец корабля, хозяин партии пленных рабов и рабынь и ценной пушнины; его доходы исчисляются десятками тысяч серебряных арабских диргемов (от каждых 10 тыс. диргемов рус делает своей жене подарок — серебряную цепь); признаком богатства является многоженство. Запасы меда у некоторых богатых славян доходят до 100 бочек. Десятую часть своих военно-торговых прибылей он уплачивает царю Руси (Персидский Аноним).

Русскую знать современники упрекают в воинственности, в заносчивости, неподатливости (Персидский Аноним).

В далеких походах на юг русские дружинники то обнаруживают чувство товарищества и готовы погибнуть все за одного, то начинают завидовать друг другу и родной брат готов ограбить или убить брата из-за добычи (Ибн-Русте).

В своей родной стране, где много «замков и крепостей», русы гостеприимны к чужеземцам и охраняют их от опасностей.

Русскую знать пышно хоронят, сжигая вместе с женами и рабами на погребальном костре или опуская в обширную могилу-дом со всем оружием и утварью. Некоторые русы были христианами уже в середине IX в.

Один из среднеазиатских авторов, писавший о Руси по материалам середины IX в., отметил, что Русь — страна, изобильная всякими благами, и обобщил разрозненные сведения о русской знати фразой: «Одна часть населения у них (у русов) — рыцарство».

Во главе этой рыцарской державы, «воюющей со всеми неверными и одерживающей победы над живущими вокруг», стоит «хакан-рус», верховный глава всей воинственной русской знати, «обширных городов и многих обитаемых стран». Восточный титул хакана известен в применении к Руси с 839 г. Обычно он применялся к наиболее могущественным повелителям многоплеменных держав вроде Аварского каганата, Хазарского каганата, Тюркского каганата.

У славян существовала многоступенчатая лестница наименований знатных лиц (частично известная и восточным авторам): известен титул жупана («супанеч» в арабской передаче); выше его по положению стоит князь («кнадз»), а князья, как мы знаем из договора с греками 911 г., делились на просто князей и князей великих. Всю эту иерархию увенчивал глава Русской державы, живший в Киеве и принявший высокий титул хакана, удержанный киевскими князьями вплоть до XI в.

«Царь Руси» жил в обширном дворце вместе с 400 преданных ему дружинников. Каждого воина обслуживали две женщины, что увеличивало население дворцового комплекса еще на 800 человек [1].

В распоряжении царя имелась конница; в его арсенале было много доспехов. Русские войска по подсчетам современников иногда достигали 100 тыс. воинов (500 кораблей по 200 человек на каждом).

Царю помогает в государственных делах его наместник. Большую власть имеют волхвы, использующие право ритуальных убийств мужчин и женщин. Упоминаются пышные языческие храмы и идолы с головой, отлитой из золота. Царь получает десятую часть всех торговых доходов и военной добычи своих бояр и мужей. Производились ежегодные объезды

[1] Эти сведения записаны Ибн-Фадланом в начале X в. (*А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 146). Русская летопись говорит о княжеских дворах Владимира, где находилось по 200—300 женщин. Один такой двор был в Киеве (в Берестове) и два двора в Вышгороде и Белгороде.

славянской страны для сбора дани, которая взималась будто бы одеждой (может быть, ценными мехами?) по одной одежде с каждого сына или дочери в год. В областях славянского царства находятся наместники царя, управляющие этими областями.

Царь Руси производит суд; спорящие стороны являются на разбирательство, и иногда по приговору царя назначался судебный поединок, на который приходили все родичи тяжущихся и с оружием в руках наблюдали за боем. Царь славян, живущий в городе «Джарвабе» (?), применял смертную казнь по отношению к разбойникам или же ссылал преступников «в отдаленные области под надзор правителей».

Столицей Руси был город Куяба — Киев, но упоминаются и другие русские и славянские города. Напомним, что русов и славян в текстах восточных авторов нельзя рассматривать как две разные этнические группы.

«Русы суть племя из славян», утверждал в середине IX в. Ибн-Хордадбех. Часть славян была подчинена русам, «служила им» — это надо понимать в смысле установления политического господства Руси над другими славянскими племенами, что отражено и русской летописью и византийскими источниками.

К X в. имя Руси окончательно уже приобрело политический, государственный оттенок: «Подобно этому «Рус», «Хазар», «Серир» — название государств, а не города и не народа» (Ибн-Хаукаль).

Приведенный выше очерк славяно-русского общества эпохи становления феодального государства, сделанный на основе нескольких восточных авторов (Ибн-Хордадбех, Ибн-Русте, Ибн-Фадлан, Масуди, Персидский Аноним и др.) [1], хотя и страдает некоторой суммарностью, но полностью подтверждается археологическими материалами IX—X вв. и сведениями о Руси арабских географов.

Важным историческим источником являются многочисленные курганы, разбросанные в разных концах славянской земли. Как мы уже видели, смена родовых усыпальниц индивидуальными погребениями знаменовала собой (может быть, даже с некоторым запозданием) распад родовых общин и выделение отдельных семей.

Наличие дружинных и боярских курганов IX—X вв. в окрестностях Киева, Чернигова, Смоленска и других древних городов подтверждает все написанное иноземцами о русской знати этого времени.

В курганах во всех подробностях раскрыт тот погребальный обряд, который описан Ибн-Фадланом и Ибн-Русте. Раскопки смоленских (в Гнездове) и черниговских курганов показали правдивость и наблюдательность восточных писателей. Подтвердилось наличие двух обрядов — трупосожжения и погребения в срубных могилах. Подтвердилось, что со знатными русами хоронили убитых на могиле женщин; что вместе с покойником клали оружие, доспехи, утварь, убивали коней и быков.

Такие курганы известны нам вокруг крупнейших и старейших рус-

---

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания...; *V Minorsky.* Указ. соч.; *T. Lewicki.* Указ. соч.

ских городов; они отмечают основные очаги феодализации, придавая строгую конкретность общим рассуждениям о времени и месте сложения феодальных отношений в IX—X вв. и дополняя сведения летописи.

Большой боярско-княжеский некрополь был в Киеве у стен его древнейшей крепости, но он, очевидно, в значительной части был уничтожен еще в эпоху Киевской Руси в связи с ростом столицы.

Возьмем в качестве примера некрополь второго после Киева русского города — Чернигова. Чернигов уже в 911 г. получал контрибуцию с Византии и был, вероятно, очень важным городом на Руси. Возможно, что загадочный город, названный Ибн-Русте Джервабом, и есть Чернигов. Во всяком случае Чернигов был тесно связан с Востоком, с Тмутараканью и восточные авторы должны были бы знать его.

Черниговские курганы IX—X вв. с трупосожжениями являются драгоценнейшим историческим источником. Они, во-первых, вводят нас в сложный мир языческих представлений и обрядов, во-вторых, раскрывают перед нами быт дружинников, бояр и князей с такой полнотой, какая недоступна всем другим видам источников, и, в-третьих, позволяют сделать ряд очень важных выводов о характере размещения дружинников и бояр в окрестностях стольного города, т. е. размещении, связанном с боярскими загородными вотчинами.

Погребальный обряд был сложен и различался в зависимости от социального положения погребенного. Образцами погребений дружинников IX—X вв. можно считать курганное кладбище, расположенное на север от черниговского «острога» XII в.

Насыпи этих курганов высотой от 3 до 7 м и диаметром от 10 до 25 м прикрывали собой остатки костров, образовавшиеся от сожжения «домовин», или, как летописец называл их, «столпов» — небольших погребальных домиков, сооружавшихся из тонких, легко воспламеняющихся бревен.

Идея «дома мертвых» одинаково присуща и погребениям в ямах, когда выкапывают могилу в виде большого дома, и трупосожжениям, когда от домовины остаются лишь бревна. Исключительный интерес представляют боярские и княжеские курганы Чернигова, имеющие свои особые имена. Остановимся на двух из них — «Гульбище» и «Черной Могиле».

Обряд погребения производился так: на месте будущего кургана, в центре его, сооружалась насыпь в виде усеченного конуса высотой около 1,5 м и 10 м в диаметре. На этой насыпи (которая, возможно, называлась в древности «крада») строился дом для покойника и его жены; в дом укладывались все вещи, необходимые для обряда (оружие, посуда, кони, быки, седла, орудия труда), и все это, окруженное хворостом и соломой, поджигалось при погребальных плачах и воплях многочисленных сородичей.

После того, как костер прогорал, родственники умершего изымали из кострища его останки: кольчугу с прикипевшими к ней полусожженными костями и шлем с остатками черепа. Все это временно относили в сторону и на месте костра сооружали огромную насыпь с уплощенной вершиной. Окружность такой насыпи в «Черной Могиле» достигала 125 м и внутри

нее могли поместиться, например, кафедральный собор Чернигова (Спасский собор, 1036 г.) и две церковки.

Наверху образовывалась площадка около 1000 кв. м, в центре которой укладывали доспехи или, точнее, останки умершего вместе с доспехами побывавшими в огне.

Площадка вокруг этих останков сильно утрамбована; это позволяет думать о том, что она служила местом выполнения какой-то части погребального ритуала. По всей вероятности, в это время производились «страва» и «тризна» по умершему. Страва — это поминки, погребальный пир, для которого было достаточно простора на вершине насыпи. Тризна — это борьба, состязание, ристание — военные игры в честь умершего воина.

Тризна справлялась, очевидно, тогда, когда вершина насыпи была увенчана доспехами.

После этих торжеств курганную насыпь еще увеличивали почти вдвое, доводя ее высоту до 11—12 м, а объем — до 6 тыс. куб. м земли и глины.

На самой вершине окончательно насыпанного кургана ставили столб с именем умершего. Остатки такого столба сохранились в «Черной Могиле».

Курган «Гульбище» на Болдиных Горах в окрестностях Чернигова может служить образцом богатого боярского погребения. Дата его — конец IX — начало X в. На вершину полунасыпанного кургана родичи вынесли здесь не только останки умершего (в кольчуге и в шлеме), но и предметы вооружения: огромный меч в ножнах, копье, большие стремена, удила, стрелы, топор и щит.

Курган «Черная Могила», датируемый золотой византийской монетой 945—959 гг., содержал три погребения: мужчины, юноши и женщины. Ряд соображений заставляет нас думать, что здесь был похоронен не просто знатный и богатый человек, а именно князь. В пользу этого говорит назначение вещей, водруженных на полунасыпанном кургане.

При насыпке «Черной Могилы» люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить наверх все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога (обязательные атрибуты славянских божеств), два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных этим как бы отметили, что под насыпью «Черной Могилы» лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам.

Такое сочетание воина и жреца могло быть только в лице князя. Мы знаем, что у славян князья нередко выполняли функции верховных жрецов.

«Гульбище» следует считать могилой боярина, черниговского богатыря, но не князя, так как в инвентаре его отсутствуют ритуальные вещи.

Турий рог с серебряной чеканной оковкой X в. из Черной Могилы вблизи г. Чернигова

Бронзовый миниатюрный идол из Черной Могилы вблизи г. Чернигова

Курганы «Гульбище» и «Черная Могила», а также ряд других близких к ним черниговских курганов IX—X вв. дали науке сотни ценнейших вещей, позволяющих восстановить виды одежды и вооружения русского боярства и князей того времени.

В IX—X вв. население Чернигова хоронило своих покойников не у самых стен детинца или окольного града, а несколько дальше на выездных путях из города. Кладбище распадается на несколько отдельных групп, которые раскинуты на очень большом пространстве, а вниз по Десне тянутся на 18 км до Шестовиц. Такая рассредоточенность черниговских дружинных погребений может быть объяснена появлением у дружинников земельных владений вокруг города, часть которых известна нам по именам (Гюричев, Семынь и др.). Обращает на себя внимание тот факт, что в каждой курганной группе есть много обычных могил небольшого размера и несколько крупных курганов с богатым инвентарем.

Произведем примерное сопоставление черниговских курганных групп, окружающих город, с древними летописными названиями сел.

1. Курганы на восток от Чернигова, среди которых есть несколько IX—X вв.— некрополь летописного Гюричева, пригородного села.

2. Дружинные курганы IX—X вв. «в старом кладбище в Березках» — кладбище древнего села Семынь, упоминаемого в летописи. В этой группе господствовало несколько больших курганов.

3. Соседняя группа курганов X в. около «Пяти Углов» — это, возможно, некрополь того древнего села, которое в XII в. стало называться селом Святого Спаса.

4. Курганы на Олеговом Поле, группировавшиеся вокруг огромной овальной могилы, может быть, следует связывать с каким-либо княжеским селом, принявшим впоследствии имя Олега (совр. с. Ольгово). Здесь, на земле села Ольгово, был найден клад княжеских серебряных вещей XII в.

5. В древнем урочище Болдино возвышался курган богатого и знатного боярина конца IX — начала X в. («Гульбище»), окруженный менее значительными насыпями.

6. Соседняя Троицкая группа тоже имела свой боярский курган. Ее можно сближать с древним пригородным селом Гостыничами.

7. Некрополь села Гущина (близ которого находится село с многозначительным названием Киенки) возглавляется большим курганом со срубной гробницей. Здесь же, в этом селе, был найден в 1934 г. клад серебряных украшений гнездовского типа X в.

Расширяя радиус наших наблюдений, двигаясь по древним дорогам из Чернигова на Киев, на Любеч, на Стародуб, мы увидим, что некрополи пригородных сел незаметно переходят в городские с большими и малыми курганами: Оргощ на северо-западе, Седнев на северо-востоке, Шестовицы на юго-западе.

Вся эта картина никак не укладывается в представление о черниговском князе как единственном центре притяжения дружинников. Наоборот, мы видим вокруг Чернигова своего рода «солнечную систему»:

город — резиденция князя — окружен несколькими вторичными центрами, границы которых подступают почти к самому городу; у этих вторичных боярских центров есть свои «спутники», окружающие их, входящие в их орбиту.

Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами могли создать такую яркую картину феодального рассредоточения черниговского некрополя. Никакого единого аристократического кладбища здесь нет. Огромные боярские курганы типа «Гульбища», Безымянного и больших курганов Гюричева рассредоточены в отдельных группах, как бы возглавляя их. Археологические материалы позволяют сделать следующие выводы о социальной структуре. Черниговские бояре-воины IX—X вв.— это не толпа безземельных княжих мужей, окружающих князя, это — землевладельцы, сюзерены своих дружинников, господари сел, известных нам по летописи. Вассалитет без земельных пожалований был, очевидно, уже пройденным этапом к началу X в. для феодалов второго города в древней Руси — Чернигова, уступавшего первенство только Киеву. Черниговское боярство далеко за пределами города осуществляло власть над окрестными селами, над землей, превращая ее в свою феодальную собственность, являвшуюся основой феодального строя.

* * *

Последний вопрос, который нам нужно разобрать в связи с рассмотрением предпосылок и условий возникновения Русского государства,— это вопрос об изменении территории, заселенной славянами, о колонизационных потоках в северные леса и в южные черноземные степи, а также неразрывно связанный с этим вопрос о территории, подвластной Руси в ту эпоху, когда Русь становилась феодальным государством. Без учета тех крупных изменений, которые происходили в этнографической и политической карте Восточной Европы в VII—IX вв., мы не сможем понять по-настоящему и образование Киевской Руси.

В VI—X вв. существовало три колонизационных потока восточного славянства. Одно направление — юго-западное на Нижний Дунай, на Балканский полуостров; этот поток мы уже рассматривали выше (см. гл. I). Вторым направлением была колонизация северных и северо-восточных лесных земель. Буржуазная наука излишне переоценивала эту колонизацию, считая ее фактором, определявшим все явления русской истории X—XVII вв.

Такие преувеличения нельзя считать правильными, но и нельзя отрицать известного значения этой колонизации. В. О. Ключевскому казалось, что на заре русской государственности двигалась вся масса славян, находясь всегда в состоянии постоянной подвижности. Это неверно. Археологические памятники показывают устойчивость земледельческих поселков, длительность пополнения древних кладбищ. Несомненно, что основная масса славянского населения жила из века в век на одних и тех

же местах, но какая-то часть словен, кривичей и вятичей устремлялась в северо-восточном направлении, расселяясь в землях веси, чуди, мери, корелы, мордвы и муромы. Этот процесс хорошо прослежен по проникновению в северо-восточные земли, заселенные финно-угорскими племенами, славянского обряда трупосожжения в двух его вариантах — в виде кривичских длинных курганов и в виде высоких новгородских курганов — «сопок». И те и другие представляют собой родовые усыпальницы, а это означает, что колонизация началась еще в VI—VIII вв., в условиях родоплеменного строя.

Колонизация шла вдоль таких магистральных водных путей, как Волга, и затем от крупных рек вверх по притокам к пустынным областям водоразделов. Почти все крупные реки северо-восточной Европы носят неславянские имена, данные древним населением, появившимся здесь после того, как ледник освободил землю. Мелкие же притоки в большинстве своем названы уже по-славянски, свидетельствуя о втором потоке колонизации. Проникновение славян на протяжении нескольких веков было мирным; часть финно-угорских племен в зоне соприкосновения со славянами постепенно ассимилировалась; большинство же этих племен сохранило свою самостоятельность и послужило основой современных нам народов.

Появление феодализма и хорошо оснащенных дружин усилило этот колонизационный процесс, придало ему большую постоянность и систематичность. Дружинники и князья шли по следам крестьянской колонизации.

В чудских землях (слово «чудь» нередко было собирательным для всех финно-угорских племен) появлялись русские даньщики и купцы, здесь на старых племенных центрах местных племен возникали русские города — Рязань, Муром, Суздаль, Белоозеро, Корела — и многочисленные погосты, часть которых превратилась в феодальные замки, а часть и в города.

В ряде случаев в городищах типа погостов мы встречаем уже в VIII—IX вв. высокоразвитое ремесло, подготовившее превращение некоторых из них в города (Сарское городище близ Ростова, городище Камно близ Пскова и др.). Можно допустить, что формула «вассалитет без земельных пожалований» (т. е. отдача князем права сбора дани своим «мужам» в качестве награды за военно-административную службу) находила наиболее широкое применение именно здесь, в этих отдаленных суздальско-белозерских местах. По более поздним материалам XI—XII вв. мы знаем, что суздальская дань шла в Смоленск, белозерская дань — в Чернигов, а новгородские даньщики ходили за данью далеко на север, в Югру (на Мезени и Печоре). Владимирская земля (на Клязьме) была связана с Киевом, а Муромо-Рязанская — с Черниговом.

В курганном некрополе древнего Киева IX — середины X в. мы встречаем вещи, изготовленные в далеком Приуралье на Чердыни (кресало с двумя птицами, клюющими человека.).

Формочки для отливки украшений VII—VIII вв. с городища Старая Ладога на р. Волхов

Раньше всего установились связи Среднего Приднепровья с районом устья Оки, где жило племя мурома (см. гл. I данного тома). Здесь встречаются вещи VI в., сделанные мастерами на р. Роси и находящие своих двойников в «древностях русов» VI—VII вв. (например, Мартыновский клад на Роси и Подболотьевский могильник близ Мурома). Развитие русской государственности привело к превращению древних племенных центров в русские города, в столицы княжеств. При этом часть чудской знати вошла в феодальный класс Русского государства и даже заняла в нем видные места.

В строгом соответствии с известными нам археологическими материалами о раннем проникновении славян в междуречье Волги и Оки и с письменными источниками о проникновении на Печору и в Приуралье находится свидетельство Нестора о племенах, подвластных Руси в IX—X вв. Здесь упомянута чудь (предки эстонцев), меря (угорские племена на Волге и Клязьме), весь обширный союз племен на Белоозере и в Заволжье, мурома (племя на Нижней Оке), черемиса (предки марийцев на левом берегу Волги), мордва (союз племен на Оке, Цне, Мокше и Суре), пермь, печора (предки коми) и целый ряд прибалтийских племен (литва, земгалы, курши, ливы).

Сбор дани с такой огромной территории был возможен только при наличии большого количества дружин, регулярно совершавших «полюдье» в этих далеких землях.

Но тогда, когда это «полюдье» было уже налажено, оно давало русским князьям огромные массы дорогих и легко перевозимых экспортных товаров, и прежде всего пушнины. Когда мы читаем у восточных авторов, что главным предметом русского экспорта была пушнина, то совершенно неправомерен вывод о том, что будто бы вывозилось то, что составляло основу славянского хозяйства. На самом деле вывозилось то, что получалось в виде дани с необъятных просторов севера, то, что легче всего было увезти с собой с берегов Печоры или Вишеры в Киев или Чернигов.

Давнее появление выходцев из русских земель на Волге в районе устья Оки и в других пунктах Поволжья ввело в заблуждение восточных авторов, которые иногда упоминали о Руси где-то на Средней Волге.

Основное ядро Руси, разумеется, находилось не здесь, не на Волге, а далеко на западе, на берегах Днепра, Оки, Волхова; здесь же, в среде племен, «иже дань дають Руси», в IX в. могли находиться только фактории, дворы для сбора дани, отдельные опорные пункты Руси. Косвенно эти восточные сведения подтверждают раннюю дату списка племен Нестора, который, судя по контексту, надо относить к середине IX в.

Не лишен интереса тот факт, что в русском былинном эпосе при дворе Владимира Красного Солнышка действует и уроженец Среднего Приднепровья Добрыня и уроженец окрестностей Мурома Илья Муромец, прокладывающий важную для княжеских данников «дорогу прямоезжую» из Волго-Окского междуречья в Киев.

Не менее важным, чем северо-восточное, было южное направление колонизации славянских племен, но движение в южном направлении велось в совершенно иной исторической обстановке, иными средствами и приводило к иным результатам.

Нужно было преодолевать яростное сопротивление кочевников, державших под пастбищами плодородный тучный чернозем. В то же время для освоения черноземных степей требовалось значительное развитие производительных сил, выделение дружин и объединение их в грозные массы. Но зато овладение степями или частью их, даже на недолгий срок, значительно повышало производительный баланс славянства и создавало ряд опорных пунктов в борьбе с кочевниками, важных потому, что они были выдвинуты в глубь степных пространств.

По ту сторону степей в 8—10 днях конного пути от Руси находились богатые греческие города, издавна привлекавшие к себе внимание своих северных соседей.

Кризис первобытнообщинного строя, охвативший раньше всего лесостепную часть славянства, вывел в степь и к берегам Черного моря славянские дружины, очевидно, еще до гуннского нашествия.

Выделению дружинного элемента на юге славянского мира в значитель-

ной мере способствовала потребность в защите от набегов кочевников, а возможности для усиления племенного постоянного войска на юге были значительно больше, чем на лесном севере.

Основная масса славянских войск, объединенных в крупные союзы, двинулась в VI в. на Балканский полуостров, то заселяя новые задунайские земли, то обороняя их (на правах византийских федератов) от новых поселенцев.

Каменный многоликий идол из с. Иванковцы в Поднестровье

Удачи и победы в этих далеких походах были в известной мере результатом развития производительных сил славянского общества, сумевшего выделить из своих производственных коллективов такое количество воинов, снабдить их конями и запасами для пути и снарядить их таким оружием, которое позволяло славянам побеждать греческие легионы, отбивать у них табуны коней, брать в плен воинов и полководцев и даже отвоевывать у империи ее земли и города.

Удачи и победы славянских («антских») дружин VI в. приводили к обогащению и усилению дружинной верхушки, окончательно отрывали ее от соплеменников и делали необходимыми постоянные поиски «себе — чести, а князю — славы». К этому присоединялось естественное стремление славян-земледельцев, рядовых общинников к овладению плодородными земельными богатствами степного черноземного юга.

Исторические условия на юго-востоке были таковы, что продвижение в степи, занятые аварами, болгарами, хазарами было возможно только для хорошо вооруженных дружин или под их охраной. Кроме того, славянским племенам нередко приходилось занимать оборонительную позицию и защищать свои земли от кочевых орд.

Достаточно вспомнить два красочных летописных рассказа: один о насилиях авар над славянами-дулебами, а другой — о горделивом ответе полян хазарам, когда поляне, вместо ожидаемой хазарами дани, дали им целый арсенал оружия —«и вдаша от дыма мечь».

Детали рельефных изображений на каменном многоликом идоле (Святовите)с р. Збруч

Сквозь завесу легенд здесь проглядывает желание летописца, как бы противопоставить судьбу полянской земли судьбе дулебского союза, попавшего под власть Аварского каганата, и судьбам соседей полян — радимичей, вятичей и северян, плативших дань Хазарскому каганату «по щьлягу от рала».

Борьба против кочевников нередко переплеталась с борьбой против Византии. Ведь вся византийская политика была направлена на то, чтобы путем союза с кочевниками порабощать славян. Общеизвестна обширная торговля рабами, которую вели кочевники в городах Причерноморья. Византийские города всех концов империи были, очевидно, важнейшими потребителями этого живого товара. Если Рим посылал к славянам (правда, безуспешно) непосредственно свои легионы, то «второй Рим» предпочитал использовать против славян различных степняков-кутургуров, хазар и печенегов. В эпоху задунайских походов славянские племена имели тысячеверстную границу со степью, которая постоянно была тревожной и угрожала опустошением славянских деревень в лесостепи.

И все же, несмотря на силу кочевников, связи русской лесостепи с югом существовали.

Древности русов VI—VII вв., рассеянные по лесостепи, являются доказательством прочных связей с Керчью, Херсонесом и другими южными центрами.

Говоря о продвижении славян (антов) на юго-восток, нельзя пройти мимо интереснейших данных Прокопия.

Если Иордан, писавший в Италии, больше интересовался западной частью Причерноморья и описывал его с запада на восток, то его современник, знаменитый Прокопий Кесарийский очень хорошо знал и Кавказ и Керченский пролив и вел свое описание, двигаясь по восточному побережью с юга на север. Описав абасгов, зихов и сагинов, он переходит к описанию Таманского полуострова, бассейна Кубани и юго-восточного Приазовья: «За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского Боло-

та»... Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами.

Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов»[1].

Несколько далее Прокопий пишет: «За Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей... заселили кутригуры-гунны»[2].

Получается как будто бы внутреннее противоречие у самого Прокопия — в одном месте он пишет о том, что на север от Азовского моря живут анты, а в другом — говорит о кутригурах. Зная Прокопия как исключительно добросовестного и точного автора, мы должны обратить внимание на то, что кутригуры занимали лишь «большую часть» заазовских земель. По прямому смыслу слов Прокопия мы должны представить себе размещение племен так: юго-восточный берег Азовского моря, Сальские степи занимали гунны-утигуры, не переходившие севернее Дона («вплоть до реки Танаиса»); далее, очевидно, на правом северном берегу Нижнего Дона в районе Черкасска и старых казачьих земель жили анты, занимавшие меньшую часть приазовских пространств, а «большую часть лежащих тут полей заселили кутригуры-гунны», расположившиеся западнее Нижнего Дона в местах особенно удобных для скотоводства.

Позднее, в половецкое время, когда на Нижнем Дону сидели русские (в Саркеле и других пунктах), приазовские степи по рекам Молочной и другим были одним из центров половецких кочевий; зимовища половцев были, очевидно, там же, где в VI—VII вв. сидели гунны-кутригуры (кутургуры).

Говоря о «бесчисленных», «неизмеримых» племенах антов, Прокопий не мог подразумевать под этим только их донские поселения; очевидно, он имел в виду, что от нижнего течения Танаиса и далее на север от утигуров (утургуров) живут бесчисленные славянские племена.

Внутреннего противоречия у Прокопия нет. Нет противоречий и между Прокопием и Иорданом, так как каждый из них знает лишь ту или иную часть великого народа венедов-славян. Иордан знает славян, выдвинувшихся к Черному морю в районе Белгорода Днестровского и славян по Дунаю, а Прокопий, знавший о славянах на Балканах, в цитированном отрывке описал другое, юго-восточное крыло славянской колонизации, достигшее в VI в. Нижнего Дона и вошедшее в соприкосновение с северо-азовскими кутригурами и южно-азовскими утигурами.

В VII столетии продолжалось движение славян на юг двумя крыльями: правое крыло продолжало продвигаться вглубь византийских владений на Балканах как сухопутьем, перейдя Дунай, так и морем. Широко известен грандиозный морской поход славян (по другим источникам более узко — русов), осаждавших Второй Рим — Константинополь в 626 г.

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами, стр. 384.

[2] Там же, стр. 388.

К VII в. относится упоминание племени северян в низовьях Дуная; это, очевидно, часть деснинско-донецких северян (входивших в состав русского племенного союза), принявшая участие в движении на юго-запад.

Левое, юго-восточное крыло славянства продолжало продвигаться все южнее и южнее. Славянские слова записаны в VII в. в Закавказье, куда славяне попадали в составе хазарских или византийских войск.

К середине VII столетия относятся сведения о международном значении русов, сообщаемые арабскими и персидскими источниками (ат- Табари и его переводчик на персидский язык Балами X в.).

Дербентский князь Шахриар в 644 г., в эпоху агрессии арабов, стремился сохранить самостоятельность и доказывал арабскому полководцу Абдуррахману всю полезность сохранения его дербентских владений в качестве заслона, защищающего арабский мир от северных народов. «Я нахожусь между двумя врагами — один хазары, а другой — русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей никто не умеет. Вместо того, чтобы мы платили дань, будем воевать с русами сами и собственным оружием и будем их удерживать, чтобы они не вышли из своей страны».

Здесь, разумеется, речь шла не о морских походах по Каспийскому морю, воспрепятствовать которым дербентский князь не мог, а о сухопутных походах русов со стороны Северного Кавказа через знаменитый Дербентский проход в Закавказье. Такие походы русов Шахриар дербентский мог останавливать в своих прекрасно укрепленных теснинах «Железных Ворот». В этом же источнике рассказывается о том, что халиф Омар предпринял поход на Северный Кавказ, где завоевал область г. Беленджера, близ которой находились области Джуран и Рус.

Упоминание земли русов в связи с областями Северного Кавказа представляет для нас значительный интерес. На реке Куме восточнее Ставропольской возвышенности помещают город Беленджер. Область «Джуран», возможно, надо искать по реке Манычу, которую в X в. называли Угру.

Не будем касаться туманных и слишком поздних свидетельств перса Загир-аддина Мараши (XVI в.) о том, что во времена Хосрова Ануширвана один из кавказских владетелей Фаруз, сын Нарси, будто бы получил от отца в наследство области «во всех владениях русов, хазар и славян». В свидетельствах такого позднего автора могли вкрасться хронологические и географические искажения и основываться на них нельзя, хотя они и не противоречат другим данным. Напомним, что в это же самое время, в XVI в., русские историки уже знали то, что сообщают ат-Табари и аль-Беладзори о русах и их войнах с Персией.

Большой исторический интерес представляет рассказ о завоевании 20 тыс. славян где-то на юге Омейядом Марваном в 737 г., на котором следует остановиться подробнее.

В VII—VIII вв. славян хорошо знали на Ближнем Востоке. Поэт Ахталь, писавший в Дамаске во второй половине VII в., упоминает русых

славян в качестве поэтического сравнения. В 664 и в 691 гг. многотысячные отряды славян поступали на службу к халифам в Сирии. Географ и астроном аль-Фазари (772—773 гг.) исчислил протяжение славянских земель: «владение славян — 3500 фарсангов на 700 фарсангов». Земля славян показана здесь в семь раз большей, чем земли хазар и алан вместе взятых; славянская земля равновелика халифату и Византийской империи.

Рассказ о походе Марвана дошел до нас в передаче нескольких авторов, взаимно дополняющих друг друга.

Арабский полководец Марван ибн-Мухамед из рода Омейядов (впоследствии халиф) совершил поход из Сирии в Закавказье, обосновался в лагере (построил город) в 20 фарсангах от Тбилиси и направил свои войска двумя армиями: одну, численностью в 120 тыс., через Дарьяльское ущелье, а другую, в 30 тыс. через Дербентский проход. Войска сошлись у хазарского города Семендера и взяли его. Далее арабы пошли на город Белый и изгнали оттуда хакана хазар (Стамбульская рукопись). Затем Марван «сделал набег на славян, живших в земле хазар, взял из них в плен 20 000 оседлых людей и поселил их в Хахите (Катехия)» (Беладзори).

Исследователи часто считали эти рассказы недостоверными, так как предполагали, что речь идет о коренных славянских землях в лесостепи. Но, несомненно, что на самом деле здесь описан поход «на славян, живших в земле хазар», т. е. где-то на Дону или на Северном Кавказе.

Проследим этот самый северный поход арабских войск: город Семендер находился где-то южнее устья Терека; город Белый (по арабски Байда) известен нам по карте географа Идриси как находившийся между рекой Кумой и началом Ахтубы («Хамлидж»). В г. Байда была, очевидно, летняя ставка хазарского хана, и именно отсюда хазары отсчитывали расстояние при определении границ своей земли. Эту ханскую ставку можно отождествить со степным пресноводным колодцем Хагани близ Сарпинских озер. От Байды Марван пошел к «Славянской реке», в которой исследователи видят то Дон, то Волгу, то Алазань. По всей вероятности, под «Славянской рекой» здесь можно подразумевать только Нижний Дон (или Донец), всегда заселенный земледельцами, а не Волгу, в нижнем течении которой землепашцы не селились. От Байды до Дона было меньше 30 фарсангов; донские степи, несомненно, входили в состав хазарских владений, что вполне согласуется с текстом Беладзори. «Славянской рекой» мог быть Северский Донец и его продолжение — Нижний Дон, т. е. та река, которая в «Слове о полку Игореве» названа Великим Доном. Ставшее недавно известным уточнение маршрута Марвана (от Семендера до Байды) и произведенное нами приурочение Байды к определенному пункту, делают наиболее вероятным и раскрытие конечного этапа похода — 20 тыс. оседлых семейств славян подверглись нападению в 737 г. где-то в нижнем течении Дона у северо-западных рубежей Хазарии. Много раз потом восточные авторы называют Дон или «Славянской рекой» или «Русской рекой».

Ибн-ал-Факих (903 г.) называет Азовское море «Славянским морем», а впадающий в него Дон — «Славянской рекой».

Масуди (947 г.) говорит о том, что берега Дона (Танаиса) покрыты «многочисленными поселками славян». Азовское море он также многократно и упорно называет «Морем русов», подчеркивая, что хотя по берегам его, кроме русов, живут болгары, печенеги и мадьяры (баджгурт), но только одни русы плавают по нему.

В «Книге областей мира» (983 г.) Азовское море названо «крайним пределом распространения славян на юге». В книге Идриси (1154 г.) Керченский пролив называется устьем реки Руссии, а Азовское море (или прилегающая к Таманскому полуострову часть Черного моря) названо Русским морем.

Таким образом, мы видим, что у восточных географов имя славян (или более конкретно — русов) постоянно связывается с Нижним Доном и Азовским морем.

20 тыс. славян были переселены Марваном в Закавказье и от них, очевидно, армянский писатель VIII—IX вв. Зеноб Глак записал сказание об основании Киева — Куара в «стране Палупи».

Если сведения Прокопия об антах VI в., живущих на север от Нижнего Дона, можно понимать различно, то рассказ о славянах на Дону в VIII в. сомнений не вызывает.

К концу следующего столетия юго-восточная граница славянских поселений продвинулась еще ниже, к кубанским плодородным степям.

Тот же автор, который рассказал о 20 тысячах славян, говорит и о том, что «земля Рус находится поблизости от Беленджера и Джурана», о местоположении которых уже было сказано.

О каких-то русских поселениях западнее Ставропольской возвышенности («Хазарских гор») в бассейне Кубани еще яснее говорит Ибн-ал-Факих, писавший в 903 г. по источникам середины IX в.: «На горе Кабк (Кавказ) — 72 языка; длина горы — 500 фарсангов. Она соседит со страною греков до границы алан и доходит до страны славян. На ней (горе Кабк) есть также род славян». Здесь речь может идти, очевидно, о славянах в западной части Северного Кавказа, в бассейне Кубани и Лабы, где тучная земля была особенно привлекательна для славян-пахарей.

Давние связи славян с сарматами, ассимиляция славянами потомков скифо-сарматских племен — все это облегчало проникновение славян на Дон и Северный Кавказ в соседство с аланскими племенами.

Подтверждением свидетельства Ибн-ал-Факиха о славянах на Кавказе являются эпические сказания народов Северного Кавказа (кабардинцев, адыгейцев), в которых упоминаются анты и воспеваются события из действительной истории славян IV—VI вв., известные нам по византийским источникам.

Таинственный «остров русов», где, по данным Ибн-Русте (903 г.), жило 100 тыс. вооруженных русских дружинников, это, очевидно, «остров Тмутараканский», где возникла столица русского княжества в Причерно-

морье — Тмутаракань. Остров описывается как болотистое и лесистое пространство в три дня пути.

Город Таматарха — Тмутаракань в IX — начале X в. принадлежал хазарам.

Торговые пошлины составляли важную статью доходов хазарского паразитического государства, и поэтому хазары стремились держать в своих руках такие важные торгово-стратегические пункты как Керчь, Тмутаракань («Смкрц»), волго-донскую переправу и начало Ахтубы («Хамлидж») и устье Волги (город Итиль).

Появление вооруженных русов в больших количествах где-то на Тмутараканском полуострове по соседству с хазарской Тмутараканью означало новый этап в борьбе славян с Хазарией.

В одной из поздних восточных книг сохранилась легенда VIII—X вв. о происхождении народов, где в числе прочих упоминаются и русы: «После хазар пришел в окрестности Хазарской страны Рус и послал вестника, чтобы просить разрешения поселиться в этих местах.

Хазар очень обласкал посланного и уступил ему несколько островов в этой округе, где воздух был чист и почва расчищена» [1].

Под этими «островами» надо понимать дельту Кубани, которая с античных времен рассматривалась как остров.

В этой связи понятно и сообщение, приписываемое Масуди (X в.): «С ними (болгарами) граничат русы. Они распадаются на многие племена. Они (русы) — островитяне и обладатели кораблей; могущественны на море и много вращаются на нем. Они граничат с морем Бонтасом (Понтом)... Они — народ языческий».

Далее говорится о походах русов на страну Андалус — Анатолус, т. е. на южный берег Черного моря [2].

Другой византийский источник говорит о русских походах на Амастриду — город на южном берегу Черного моря. Византийцы говорят в это время о «русах-дромитах», т. е. о русах-корабельщиках, «обладателях кораблей, могущественных на море».

От русского летописца ускользнули действия русских воинов и русских флотилий IX — середины X в. восточнее долготы Поднепровья, но арабские и среднеазиатские авторы подробно и красочно описывают и путь русских купцов через Керченский пролив на Дон и Волгу, и жизнь русского населения в Хазарии, и походы многотысячных русских войск к далеким берегам Табаристана.

Возможно, что эти русы не входили в состав Руси IX в., не находились в политической зависимости от Киева, а объединялись вокруг Тмутаракани или какого-либо другого центра.

---

[1] *М. Мирхонд.* Сад моральной чистоты в жизнеописаниях пророков, князей и халифов. См. *Hammer.* Sur les origines russes. Extraits des manuscrits orientaux. S. Pb., 1825, стр. 44 и сл.

[2] *Куник* и *В. Розен.* Указ. соч., стр. 11.

На рубеже VIII и IX вв. русский князь из какого-то новопостроенного города («Новгорода») совершил поход на Сурож и Корчев. Здесь мы впервые узнаем о переименовании древнего Боспора и появлении нового имени. Из всех многочисленных народов, побывавших на берегах Керченского пролива в ту бурную эпоху, только одни славяне могут считаться творцами этого нового имени города. В древнерусском языке слово «кърч» означало кузнеца; отсюда «Корчев»—«Кузнецк», «Кузнечный город». Это название вполне оправдано обилием железных руд в Керчи и ее окрестностях.

Древний Пантикапей сменил постепенно свое туземное имя на греческое Боспор (Бычья переправа) в связи с появлением здесь потомков аргонавтов, для которых этот город был важен как связующее звено между европейским и азиатским берегами. Наступило время, когда имя Боспора заслонилось новым именем, данным новым народом, вложившим новый смысл в название города — город Бычьей переправы стал «Кузнечным городом» («Корчев» — Керчь). Это новое название, сохранившееся до сих пор, могло упрочиться только в том случае, если оно было дано местным населением, а не чужеземцами.

Наличие в Керчи русского населения подтверждается и более поздним названием Керчи — «Росия», известным по ряду документов XII в. (договоры византийских императоров и арабская карта Идриси). Это четвертое по счету название дано, очевидно, не местным русским населением, а византийцами, отметившими этим именем русский характер города.

В Херсонесе в середине IX в. было русское население и богослужебные книги, написанные «росьскыми письмены». Константин Философ беседовал с одним русином и читал русские письмена. Наличие богослужебных книг говорит о существовании церкви, а, следовательно, и значительного русского населения в Корсуни.

Очагом русского влияния в Восточном Причерноморье и Приазовье являлась Тмутаракань — земли Таманского полуострова и плодородная долина Кубани.

На юге, в степях и на берегах морей мы видим и вооруженных русов-воинов, не расстававшихся с мечом даже в быту, и крестьянскую колонизацию, отмеченную на Нижнем Дону славянскими археологическими памятниками VIII — середины X в.

Русский язык стал одним из международных языков на юге.

Знаменитому походу русов на Царьград в 860 г. предшествовало утверждение русов на берегах Евксинопонта, получившего у соседей имя «моря Русов» («еже словеть море Русское»).

Подводя итоги славянской земледельческой и дружинной колонизации VI—X вв., мы должны сказать, что территория, заселенная славянами (считая и области, заселенные не только одними славянами), выросла почти вдвое. На севере эта колонизация далеко продвинула область пашенного земледелия и подготовила установление даннических отношений целого ряда балтийских и финно-угорских племен, плативших дань Руси. Летописец подробно перечисляет их: «а се суть инии языци, иже дань

дають Руси»; список охватывает часть литовских, латышских и эстонских племен, карелов, вепсов, марийцев, мордву, мурому, доходя на северо-востоке до Северной Двины и Верхней Камы.

На юге славянская земледельческая колонизация стимулировалась плодородием степных земель, а дружинную колонизацию привлекали торговые пути, близость к мировому рынку, стратегические пункты.

Рассматривая проблему образования Русского государства, мы должны обязательно учитывать тысячеверстный размах славянской колонизации, увеличивавшийся по мере возрастания экономического и военного потенциала славянского общества. Учитывая славянское население на берегах Дуная и Черного моря (Белгород), в Тмутаракани, на Нижнем Дону, мы должны будем признать, что Киев — столица рождавшегося государства, был расположен не на краю славянских земель, а в историческом и территориальном центре распространения славянства в VIII—IX вв.

Вновь созданному Русскому государству был подготовлен уже в IX в. широкий плацдарм и для борьбы с Хазарским каганатом, завершенной при Святославе разгромом хазар, и для борьбы с Византией, окончившейся при Владимире походом на Корсунь.

Князю Святославу, прошедшему со своими войсками по всем местам дальней славянской колонизации (Дон, Северный Кавказ, Тамань, Дунай), стало даже казаться, что Киев слишком удален от жизненных центров, привлекавших внимание княжеско-боярских кругов Руси, и он решил перенести свою столицу на Дунай — в Переяславец, «яко то есть середа земли моей». Только печенежское нашествие изменило этнографическую и политическую карту славянства, разрезав его, отделив на время славян-колонистов от основного массива.

* * *

Кризис первобытнообщинного строя, начавшийся в лесостепной полосе в первые века н. э., принял особенно резкие формы в VI в., когда началось сложение крупных племенных союзов и борьба с Византией. За VI—IX вв. произошел на очень широкой территории распад родовых связей и выделение дружин, обусловленные развитием славянского хозяйства.

К началу IX в. в центре восточнославянских племен сложилось государство Русь, объединившее почти половину племен вокруг Киева и начавшее борьбу с кочевниками, с Византией и с варягами. Летописец очень верно подметил эти два рубежа VI в., эпоху Кия, и IX в.— эпоху Дира и Осколда.

Складывание народности шло параллельно складыванию государства; общегосударственные мероприятия закрепляли связи, устанавливали известное единство и облегчали создание народности с единым языком, территорией, культурой и внутренними связями.

К IX—X вв. сложилась единая территория, единая культура, возник единый литературный язык (на основе одного из диалектов первоначальной

«Руской земли» VI—VII вв.) и завязались связи между отдельными областями. Возникла древнерусская народность, объединившая все восточнославянские племена и ставшая единой колыбелью трех братских славянских народов позднейшего времени — русских, украинцев и белорусов.

В состав древнерусской народности, раскинувшейся от Ладожского озера до Черного моря и от Закарпатья до Средней Волги, постепенно вливались в процессе мирной ассимиляции мелкие иноязычные племена, подпадавшие под воздействие русской культуры: меря, весь, чудь, остатки скифо-сарматского населения на юге, некоторые тюркоязычные племена.

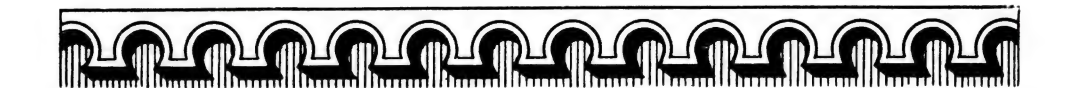
Русское государство сложилось задолго до прихода варягов без всякого внешнего воздействия, путем развития внутренних закономерностей. Одновременно с ним и также закономерно возникли и другие славянские государства.

Появление варяжских отрядов в русских землях было несравненно менее значительным эпизодом, чем появление в степях печенегов, с которыми молодому Русскому государству пришлось вести тяжелую и упорную войну.

Оформление крупнейшего в Европе феодального государства — Руси сразу обратило на него внимание всех современников и сделало его известным во всех концах тогдашнего мира.

Сложение славянских феодальных государств в VII—X вв. явилось важным фактором в истории Европы. Великоморавская держава, Болгарское царство, Киевская Русь, Польское княжество, сербские и хорватские княжества — все это одни из первых европейских феодальных государств, возникшие совершенно закономерно как результат развития производительных сил и производственных отношений в славянском обществе.

Наиболее значительным из них было древнерусское государство с центром в Киеве, справедливо сравниваемое по своей роли в истории Европы с империей Карла Великого. Международная роль этого государства заключалась еще и в том, что оно сумело организовать отпор воинственным печенегам и половцам, подарив Западной Европе несколько столетий мирной жизни.



БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3, 1955.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Энгельс Ф. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сб. «О религии». М., 1955.

Энгельс Ф. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. соч., т. II, 1955.

Ленин В. И. О государстве. Лекции в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Соч., т. 29.

К главе I

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.— Л., 1949.

Алихова А. Е. Мордва и Мурома. КСИИМК, вып. XXX, 1949.

Аммиан Марцеллин. История. Перевод Ю. А. Кулаковского, вып. 1—3. Киев, 1906—1908.

Антонович В. В. Археологическая карта Волынской губ. «Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г.», ч. I. М., 1901.

Багалей Д. И. Предисловие к археологической карте Харьковской губ. «Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г.», ч. I. М., 1905.

Беликов Д. Христианство у готов. Казань, 1887.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.— Л., 1946.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Блаватский В. Д. Харакс. МИА, № 19, 1951.

Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

Брайчевский М. Ю. Знахідки римських монет на территорії УРСР. «Археологія», т. III. Київ, 1950.

Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений, т. I. СПб., 1899.

Васильев А. А. Готы в Крыму. ИГАИМК, т. I, 1921; т. V, 1927.

Вестберг Ф. Записка готского топарха. «Византийский временник», т. XV, вып. 1—4. СПб., 1910.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.— Л., 1949.

Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. В кн. «Античные города Северного Причерноморья», I. М.— Л., 1955.

Гаркави А. Я. Сказанья мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Городцов В. А. Подчеремский клад. СА, III, 1937.

Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930.

Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.— Л., 1945.
Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908.
«Древние германцы». Сборник документов под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937.
Дринов М. С. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.
Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.
Златковская Т. Д. Мёзия в I—II вв. н. э. М., 1951.
Зограф А. Н. Античные монеты. МИА, № 16, 1951.
Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах. «Христианский Восток», т. II, вып. 3. СПб., 1914.
Иностранцев К. А. Хунну и гунны. Л., 1926.
«История Белорусской ССР». М., 1956.
«История Латвийской ССР». Рига, 1955.
«История Литовской ССР». ч. I. Вильнюс, 1953.
«История Молдавской ССР», ч. 1—2. Кишинев, 1951—1953.
«История Украинской ССР». Киев, 1953.
«История Эстонской ССР». Таллин. 1956.
Каллистов Д. П. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, 1938, № 4 (5).
Карамзин Н. М. История Государства Российского, I. Изд. 3. СПб., 1830.
Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1956.
Книпович Т. Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. Л.— М., 1949.
Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4; 1954, № 3.
Кропоткин В. В. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3.
Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда). СА, XIX, 1954.
Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.
Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства. СПб., 1909.
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1—3; т. II, вып. 1—2. СПб. Греческие писатели 1893—1900; Латинские писатели, 1904—1906; ВДИ, 1947, № 1—4; 1948, № 1—4; 1949, № 1—4.
Левченко М. В. История Византии. М—Л., 1940.
Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
Мацулевич Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки. Суджи. Л., 1934.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. 1—3. М., 1881—1887.
Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1.
Моммзен Т. История Рима, т. I. М., 1949.
Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953.
Нариси стародавньої Історії Української РСР», Київ, 1957.
«Повесть временных лет», ч. 1, М—Л., 1950.
Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.
Рыбаков Б. А. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.
Рыбаков Б. А. Древности русов. СА, XVII, 1953.

«Сказание Приска Панийского». Перевод Г. С. Дестуниса. «Ученые записки II отд. АН», кн. VII, вып. 1, 1861.

«Сказание о чудесах св. Дмитрия Солунского». «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951.

Смирнов А. П. Прикамье в I тысячелетии н. э. «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, XVII, 1953.

Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1922.

Степанов П. Д. Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

Страбон. География. Перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1879.

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусств, вып. III. СПб., 1890.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1953.

Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. I, 1932.

Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии. СЭ, 1946, № 2.

Удальцов А. Д. Основные вопросы этногенеза славян. СЭ, 1947, № 6—7.

Успенский Ф. И. История Византийской империи, т. 1—3. М.—Л., 1948.

Хвойко В. Поля погребений в среднем Приднепровье. «Записки РАО» (новая серия), т. XII, вып. 1 и 2. СПб., 1901.

Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. СЭ, 1946, № 2.

Шафарик П. И. Славянские древности. Перевод Н. О. Бодянского, т. I—II. М., 1837—1848.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. «Русский исторический журнал», Пг., 1919.

Шовкопляс I. Г. Археологiчнi дослiдження на Українi (1917—1957). Київ, 1957.

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. «Archaeologica Hungarica», Bd. IX. Budapest, 1932.

Bury J. B. A History of the Later Roman Empire. London, 1889.

Bury J. B. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912.

Diculescu. Die Vandalen und Goten in Ungarn und Rumänien. Mannus. Bd. XX, Hf. 3. Leipzig, 1928.

Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn u. Leipzig, 1921.

Jordanis. Romana et Getica. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum, t. V, pars 1. Berolini, 1852.

Hampel I. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905.

Krukowski S., Kostrzewski J., Jakimowicz R. Prehistoria ziem polskich. Kraków, 1939—1948.

Kostrzewski J. Z badań nad kulturą prapolską (Z otchłani wieków), R. XV. Warszawa, 1946.

Kostrzewski J. Kultura prapolska. Poznań, 1947.

Kostrzewski J. Gród Mieszka I w Poznaniu. Z otchłani wieków, R. XVII, 1948.

Kostrzewski J. Pradzieje polski. Poznań, 1949.

Kostrzewski J. Les origines de la civilisation polonaise. Paris, 1949.

Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.

Lehr-Spławiński T. Początki Słowian. Kraków, 1946.

Lehr-Spławiński T. Zagadnienie pochodzenia Słowian w świetle nauki polskiej i rosyjskiej. Światowit XX. Warszawa, 1949.

M a j e w s k i K. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich w pierwszych wiekach naszej ery. Wrocław, 1947.

M a t z u l e w i t s c h L. Byzantinische Antike. Berlin u. Leipzig, 1929.

M i l l e r K. Weltkarte des Gastorius genannt die Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888.

M o o r a H. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932.

M o o r a H. Die Eisenzeit in Lettland, II. Tartu, 1938.

M o o r a H. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952.

N i e d e r l e L. O původu Slovanů. Praha, 1896.

N i e d e r l e L. Rukovět slovanských starožitnosti. Praha, 1953.

N o s e k S. Zagadnienie praslowiańszczyzny w świetle prehistorii. Warszawa, 1947.

P a s t e r n a k J. Ruské Karpaty v archeologii. Praha, 1928.

S c h m i d t L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung, 1. Die Ostgermanen. München, 1934.

S u l i m i r s k i T. Trzy chaty predhistoryczne. Wiadmości Archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936.

S u l i m i r s k i T. Zagadnienie ekspansji kultury łużyckiej na Ukrainie. Wiadomości Archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936.

S u r o w i e c k i W. Sledzenie początku narodów słowiańskich. Warszawa, 1824.

S t e i n E. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. 1. Vom römischen zum buzantinischen Staate. Wien, 1928.

T h o m p s o n E. A. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

T h o m p s e n V. The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State, 1877.

T h o m p s o n J. W. Medieval and Historical Essays in Honour of J. W. Thompson. L. 1938.

W e r n e r J o a c h i m. Slawische Bronzefiguren aus Nordgiechenland. Berlin, 1953.

W e r n e r J o a c h i m. Beiträge zur Archäologie des Attilareiches. München, 1956.

J a ż d ż e w s k i K. Atlas to the prehistory of the Slavs. Text, Lódź, 1948; mapy, Lódź, 1949.

К главе II

А д о н ц Н. А. Начальная история Армении. «Византийский временник», т. VIII. СПб., 1901.

А д о н ц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908.

А д о н ц Н. Г. Фауст Византийский, как историк. «Христианский Восток», т. VI, вып. 3, Пг., 1922.

А м и р а н а ш в и л и Ш. Я. История грузинского искусства, т. I. М., 1950.

А м м и а н М а р ц е л л и н. История. Перевод Ю. А. Кулаковского. вып. 1—3. Киев, 1906—1908.

А р а к е л я н А. Г. История развития духовной культуры армянского народа с I в. до н. э. по XIV в. Автореферат диссертации. Ереван, 1954.

Б а р т о л ь д В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.

Б е л а д з о р и. Книга завоевания стран. Текст и перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927.

«Грузинская проза». Избранные романы, повести и рассказы, т. I. Тбилиси, 1955.

Д ж а в а х о в И. А. Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I, кн. VIII (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии). СПб., 1905.

Д ж а в а х о в И. А. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. «Известия АН», т. II, № 5 и № 6, 1908.

Д ж а н а ш и я Н. С. Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток», т. IV, вып. V, Пг., 1915.

Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Перевод с французского Н. А. Данкевич-Пущиной, т. I. «Труды Ин-та Абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра», вып. 6, 1937. Сухуми.

«История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X в.». Перевод с армянского. СПб., 1861.

«История Армении Моисея Хоренского». Перевод с армянского Н. О. Эмина. М., 1893.

«История армянского народа». Под ред. К. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна, ч. I. Ереван, 1951.

«История Грузии», ч. I. Тбилиси, 1950.

Крымский А. Е. Страница из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). «Сборник статей к пятидесятилетию научно-общественной деятельности акад. С. Ф. Ольденбурга». Л., 1934.

Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси, 1955.

Манандян Я. А. Заметка о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении. Тифлис, 1932.

Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.). Ереван, 1954.

Марр Н. Я. Житие Петра Ивера. «Православный Палестинский сборник», т. XVI, вып. 2, СПб., 1896.

Марр Н. Я. Армянская церковь в Аруче. ИАК, вып. 12, 1904.

Марр Н. Я. Ереруйская базилика, армянский храм V—VI вв. (из летней поездки 1907 г. в Ани). ЗВОРАО, т. XVIII, вып. 4, 1908.

Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1952.

«Памятники армянского искусства». Под. ред. Н. Я. Марра. СПб., 1915.

Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ПИМК, вып. 9—10, 1933.

«Полное жизнеописание святых грузинской церкви». Перевод М. Сабинина, ч. I, II. СПб., 1871.

Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1876—1880.

Ростовцев М. И. Апаранская греческая надпись царя Тиридата. СПб., 1911.

Смирнов Я. И. Цромская мозаика. Тифлис, 1935.

Тер-Мовсесян М. Раскопки развалин церкви св. Григория близ г. Эчмиадзина. ИАК, вып. 7, 1903.

Тораманян Е. О древнейших формах Эчмиадзинского храма. «Записки Вост. отд. Рус. арх. об-ва», т. XIX вып. 1, СПб., 1909.

Brosset M. Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle, p. 1. St. Pétersbourg, 1849—1854.

Strzygowski J. Die Baukunst Armeniens und Europas. Wien, 1918.

К главе III

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. «Записки АН», серия VIII, т. I, № 4, 1897.

Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

Бартольд В. В. Восточно-иранский вопрос. ИГАИМК, т. II, 1922.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1943.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, № 26, 1952.

Бичурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время, т. I—III. М., 1950—1953.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии. «Труды Восточного отделения РАО», ч. IV, СПб., 1859.

Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, т. I. Л., 1941.

Заходер Б. Н. Иран при Сасанидах. «Исторический журнал», 1938, № 12.

Иностранцев К. А. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. СПб., 1907.

Иностранцев К. А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса. ЖМНП, 1911, № 2.

Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.

«История Средней Азии и Узбекистана». Ташкент, 1956.

«Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М.—Л., 1939.

«Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. 1. Сталинабад, 1954.

Менандр. История. В сб. «Византийские историки». СПб., 1860.

Нершахи М. История Бухары. Перевод с персидского Н. Лакошина. Ташкент, 1897.

Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.

«Очерки по истории туркменского народа и Туркестана в VIII—XIX вв.». Ашхабад, 1954.

Розенберг Ф. А. Согдийские старые письма. «Известия АН», отд. обществ. наук, 1932, № 5.

Смирнов Я. И. Восточное серебро. Изд. Археологической комиссии. СПб., 1909.

«Согдийский сборник». Изд-во АН СССР, Л., 1934.

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1 (2).

Толстов С. П. Древний Хорезм. Изд. МГУ, М., 1948.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

Хвольсон Д. А. Несторианские надписи из Семиречья. ЗВО, т. I, вып. 3, 1886.

Albîrûnî. Chronologie der orientalischen Völker von Albîrûnî. Herausg. v. Dr Ed. Sachau. Leipzig (текст арабский). Перевод на английский язык. Chronology of Ancient Nations, transl. by E. Sachau. London, 1879.

Pélliot P. La Haute Asie. Paris, б. г.

Pope A. U. A Survey of the Persian Art. L. a. N. Y., 1938.

Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923.

К главе IV

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894. «Записки АН», VIII серия, ч. 1, № 4, 1897.

Бартольд В. В. Сведения об Аральском море в низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен и до XVII в. «Известия Туркестанского отд. Русск. географ. об-ва», т. IV, вып. 2, Ташкент, 1902.

Бартольд В. В. История Туркестана. «Труды Туркестанского гос. ун-та», вып. 2, Ташкент, 1922.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Сборник «Туркмения», т. I. Изд-во АН СССР, Л., 1929.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1934.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Л., 1946.

Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, т. I. Л., 1941.

Григорьев В. В. Караханда в Мавераннагре. «Труды Вост. отд. РАО», СПб., 1874.

Золотарев А. М. К истории народов Амура. «Исторический журнал», 1937, № 7.

Ибн-Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1939.

«История народов Узбекистана». Под ред. С. П. Толстова, т. I. Ташкент, 1950.

«История Средней Азии и Узбекистана». Ташкент, 1956.

«История таджикского народа», т. I. М., 1955.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Крачковская В. А. и Крачковский И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии. «Согдийский сборник». Изд-во АН СССР, Л., 1934.

«Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. 1. Сталинабад, 1954.

«Материалы по истории туркмен и Туркмении» (VII—XV вв.), т. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1939.

Нершахи М. История Бухары. Ташкент, 1897.

«Очерки по истории туркменского народа, Туркменистана в VIII—XIX вв.». Ашхабад, 1954.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. МИА, № 18, 1950.

Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1831.

Семенов А. Ал-Бируни, величайший ученый средневекового Востока и Запада. Сб. «Литература и искусство Узбекистана». Ташкент, 1938.

«Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (1946—1947)», т. I. МИА, № 15, 1950.

Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, вып. 103, 1934.

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1 (2).

Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории народов СССР», вып. III, ч. I. Изд-во АН СССР, Л., 1933.

Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи. «Живопись Пянджикента». М., 1954.

Albîrûnî. Chronology of Ancient Nations. Transl. by E. Sachau. L., 1879.

«Bibliotheca Geographorum Arabicorum». Ed. M. J. de Geoje, t. I—VIII. Leyden, 1879.

Minorsky V. Hudūd al-Ālam. The regions of the World. L., 1937.

К главе V

Аракелян А. Г. История развития духовной культуры армянского народа с I в. до н. э. по XIV в. Ереван, 1954.

«Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего». Армянский текст с русским переводом Н. О. Эмина. М., 1881.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.

Беладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927.

«Всеобщая история Вардана Великого». Перевод с армянского Н. О. Эмина. М., 1861.

«Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия». Перевод с армянского Н. Эмина. М., 1864.

Гримм Д. И. Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении. СПб., 1859.

«Грузинская проза», т. I. М., 1955.

Егиазаров и Мартиросянц. Памятники древнеармянской архитектуры в фотографиях и чертежах. Под ред. Гримма. СПб., 1904.

Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. «Записки Ин-та востоковедения», вып. VII, 1939.

«История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века». Перевод с армянского СПб., 1861.

«История армянского народа». Под ред. С. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна, ч. I. Ереван, 1951.

«История Грузии», ч. I. Тбилиси, 1950.

«История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII в.» Перевод с армянского К. П. Патканова. СПб., 1862.

Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, вып. XXIX, 1901; вып. XXXI, 1902; вып. XXXII, 1903.

Крымский А. Е. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). «Сборник статей к пятидесятилетию научно-общественной деятельности акад. С. Ф. Ольденбурга». Л., 1934.

Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. «Сборник архивных статей, поднесенных А. А. Бобринскому». СПб., 1911.

Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.). Эривань, 1930.

Манандян Я. А. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939.

Марр Н. Я. Ани. Л.—М., 1934.

Мерчул Георгий. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение, перевод Н. Я. Марра. СПб., 1911.

Орбели И. А. Краткий путеводитель по городищу Ани (с планом). СПб., 1910.

Орбели И. А. Развалины Ани. СПб., 1911.

Орбели И. А. Багаванская надпись 639 года и другие армянские ктиторские надписи VII в. «Христианский Восток», т. II, вып. 1, СПб., 1913.

«Очерки по истории искусства Армении». М.—Л., 1939.

«Памятники армянского искусства. Ани, Дворцовая церковь». Под редакцией Н. Я. Марра. По обмерам и чертежам Н. Г. Буниатова. Пг., 1915.

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1926.

Пахомов Е. А. Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане X—XI вв. «Сборник памяти акад. Н. Я. Марра». М.—Л., 1938.

Помяловский И. В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.

Редин Е. К. Диптих Эчмиадзинской библиотеки. «Записки РАО», т. V, 1939.

Свирин А. Н. Миниатюра древней Армении. М.—Л., 1939.

Себеос. История императора Иракла. Сочинения епископа Себеоса, писателя VII в. Перевод с армянского К. П. Патканова. СПб., 1862.

Стасов В. В. Армянские рукописи и их орнаментация. ЖМНП, 1886, июль CCXLVI.

Сумбат. Жизнь и известия о Багратидах. Перевод с грузинского Е. С. Такайшвили. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVIII, Тифлис, 1900.

Томара М. Бабек (Серия «Жизнь замечательных людей», вып. 15/87). М., 1936.

Уваров А. С. Эчмиадзинская библиотека. «Сборник мелких трудов А. С. Уварова», т. I. М., 1910.

Чубинашвили Г. Н., Северов Н. П. Пути грузинской архитектуры. «Проблемы архитектуры». Сборник материалов под ред. Ю. К. Милонова, т. II, ч. 1. М., 1937.

Якубовский А. Ю., Ибн-Мисхавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. (943/4 г.). «Византийский временник», т. XXIV, Л., 1926.

Abdullan R. P., Macler F. Étude sur la miniature arménienne. Paris, 1909.

Bachmann W. Kirchen und Moschéen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913.

Diehl Ch. L'architecture arménienne aux VI—VII siècles. Paris, 1921.

Jurgis Baltrusaitis. Études sur l'art médiéval en Géorgie et en Arménie. Paris, 1929.

К главе VI

Абаев В. И. Alanica. «Известия АН», отд. обществ. наук, 1935, № 9.

Айналов Д. В. Развалины храмов. «Памятники христианского Херсонеса», вып. 1. М., 1905.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар, I, 1936.

Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления Западной Хазарии. СА, VI, 1940.

Артамонов М. И. Белая Вежа. СА, XVI, 1952.

Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. МИА, № 62, 1958.

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваши. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XVIII, вып. 1—3, Казань, 1902.

Бабенко В. А. Дневник раскопок в Верхнем Салтове в 1905 г. «Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г.», ч. 1. М., 1914.

Бабенко В. А. Дневник раскопок в 1912 г. Там же.

Бабенко В. А. Древние памятники хазарской культуры в селе Верхнем Салтове. Там же.

Бабенко В. А. Каменный город. Там же.

Бабенко В. А. Памятники хазарской культуры на юге России. Там же.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. «Записки АН», серия VII, т. I, № 4, СПб., 1897.

Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

Беладзори. Книга завоевания стран. Тексты и перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938.

Белов Г. Д. Раскопка Херсонеса в 1934 г. Симферополь, 1936.

Бертье-Делагард А. Л. Раскопка Херсонеса. МАР, № 12, 1893.

Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса. «Записки Одесского об-ва ист. и древн.», т. XVI, Одесса, 1893.

Брун Ф. К. Черноморье. «Сборник исследований по исторической географии Южной России», т. 1—2. Одесса, 1879.

«Всеобщая история Вардана Великого». Перевод Н. О. Эмина. М., 1861.

Васильев А. А. Византия и арабы, ч. II. СПб., 1900. Примечания.

Васильев А. А. Готы в Крыму. ИГАИМК, т. I, 1921; т. V, 1937.

Вейсберг Ф. Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903.

Вейсберг Ф. Записки готского топарха. «Византийский Временник», т. XV, вып. 1—3. СПб., 1910.

В а с и л ь е в с к и й В. Г. О построении крепости Саркела. ЖМНП, 1889, CCLXV, отд. II.

В а с и л ь е в с к и й В. Г. Русско-византийские отрывки. Труды В. Г. Васильевского, т. II, СПб., 1909.

Г а р к а в и А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Г а р к а в и А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.

Г а р к а в и А. Я. Хазарские письма. СПб., 1876.

Г и л ь ф е р д и н г А. История сербов и болгар. Собр. соч., т. I. СПб., 1868.

Г о л у б о в с к и й П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

Г о т ь е Ю. В. Кто были обитатели древнего Салтова. ИГАИМК, т. V, 1927.

Г о т ь е Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930.

Г р о т К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881.

Г р о т К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889.

Г р у м - Г р ж и м а й л о Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 1—3. СПб., 1914—1926.

Д ж а н а ш в и л и М. Г. Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVI, Тифлис, 1899.

Д о р н Б. Известия о хазарах восточных писателей. Табари, ЖМНП, 1844, 43.

Д о р н Б. Каспий. О походах древних русских на Табаристан. СПб., 1875.

«Житие Георгия Амастридского». Труды В. Г. Васильевского, т. III. Пг., 1915.

И б н - Ф а д л а н. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Изд-во АН СССР, М.— Л., 1939.

И в а н о в Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Симферополь, 1912.

И в а н о в А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах. «Христианский Восток», т. II, вып. 3, СПб., 1914.

И л о в а й с к и й Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 1876.

И н о с т р а н ц е в К. Хунну и Гунны. Л., 1926.

И о а н н Г о т с к и й. Житие Иоанна Готского. Перевод В. Г. Васильевского. Труды В. Г. Васильевского, т. II, вып. 2. Изд-во АН, СПб., 1912.

«История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века». Перевод с армянского. СПб., 1861.

«История Армении Моисея Хоренского». Перевод с армянского Н. О. Эмина. М., 1893.

И р е ч е к К. И. История болгар. Одесса, 1878.

«История Татарии в материалах и документах». М., 1937.

«История Латвийской ССР», т. 1. Рига, 1952.

«История Литовской ССР». Вильнюс, 1953.

«История Эстонской ССР». Таллин, 1956.

«История халифов Вардапета Гевонда». Перевод с армянского К. П. Патканова. СПб., 1862.

«Кабардинский фольклор». Изд. Academia, М., 1936.

К о к о в ц е в П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Изд-во АН СССР, Л., 1932.

К р у п н о в Е. И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, 1938, № 2—3.

К у д р я ш о в К. В. Половецкая степь. М., 1948.

К у л а к о в с к и й Ю. А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана. «Византийский Временник», т. II. СПб., 1895.

К у л а к о в с к и й Ю. А. Христианство у алан. «Византийский Временник», № 1. СПб., 1894.

Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

Кулаковский Ю. А. История Византии, т. I—III. Киев, 1910—1915.

Куник А. А. О записке готского топарха. «Записки АН», т. XXIV, 1874.

Куник А. А. и Розен В. Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I — СПб., 1878; ч. II — СПб., 1903.

Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. МИА, № 62. 1958.

Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. МИА, № 6, 1941.

Макаренко Н. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. Донецкое городище. ИАК, вып. 19, 1906.

Макаренко Н. Археологические исследования 1907—1909 гг. Маяцкое городище. ИАК, вып. 43, 1911.

«Материалы Болгарских древностей Абоба Плиска». «Известия Русского Археологического ин-та в Константинополе», т. X, София, 1905.

Менандр Византийский. В кн. Византийские историки, переведенные с греческого С. Дестунисом. СПб., 1861.

Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI. 1951.

Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955.

Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.

Миллер А. А. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, 1909.

Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. 1—3. М., 1881—1887.

Моисей Хоренский. Армянская география (приписываемая Моисею Хоренскому). Армянский текст и русский перевод. Изд. К. П. Патканова. СПб., 1877.

Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953.

«Памятники народного творчества Осетии», вып. 1—2 и 3. Владикавказ, 1925—1928.

Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. МИА, № 62, 1958.

Покровский М. В. и Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937.

Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии, вып. II. СПб., 1831.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906; «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. XXVII, Одесса, 1907.

Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок в 1928—1929 гг. Готский сборник. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932.

Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии). «Сборник, посвященный Б. Д. Грекову». М., 1952.

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953.

Себеос. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. Перевод с армянского К. Патканова. СПб., 1862.

Симеон Логофет, именуемый Метафрастос. Славянск. перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. СПб., 1905.

Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.

Смирнов А. П. Новые археологические данные о сложении культуры волжских булгар. КСИИМК, вып. XL, 1951.

Соколов М. Из древней истории болгар. СПб., 1879.

«Сочинения Константина Багрянородного «о фемах» и о «народах». «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». ИГАИМК, вып. 91, 1934.

Спицын А. А. Историко-археологические изыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, 1909, № 1.

Стефан Сурожский. Житие Стефана Сурожского. Перевод В. Г. Васильевского. Труды В. Г. Васильевского, ч. III. Пг., 1915.

Успенский Ф. И. История византийской империи. М.— Л., 1948.

Феодор Студит. Письма Феодора Студита. В кн.: «Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита», т. II. Изд. Дух. академии, СПб., 1908.

Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Перевод с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, с предисловием О. М. Бодянского. «Чтения в Об-ве истории и древностей Российских», кн. 1, М., 1884.

Феофан Византийский. Византийская история, переведенная с греческого С. Дестунисом. СПб., 1861.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских. СПб., 1869.

Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Х. «Памятники христианского Херсонеса», вып. 3. М., 1908.

Юргевич В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев. «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. V, Одесса, 1863.

Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. «Мангупская базилика». СА, VI, 1940.

Agathiae Myrinali. Historiarum. Libri quinque. Corpus soriptorum historiae byzantinae, p. III. Bonnae, 1828.

Alföldi A. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien, Bd. I—II. Berlin und Leipzig, 1924—1926 (Ungarische Bibliothek).

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. «Archaeologia Hungarica», 1932, IX, Budapest.

Deguines. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres tatares occidentaux, t. 1. Paris, 1756.

Iordanis. Romana et Getica. Monumenta Cermaniae Historica. Auctorum antiquissimorum, t. V. Berolini, 1852.

Jaubert P. A. Géographie d'Edrisi, II. Paris, 1840.

Joannes Malalas. Chronographia. Bonnae, 1831 (Corpus scriptorum Historiae Byzantinae).

Klaproth J. Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1826.

Klaproth J. Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossètes avec les Alains. Annales des voyages, t. XVI. Paris, 1822.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Minorsky V. Hudud al-Alam. London, 1937.

«Muistsed asulad ja Linnused». («Археологический сборник»), I. Tallin, 1955.

Muralt E. Essai de chronographie byzantine, t. I—II. St.-Pétersbourg, 1871—1873.

Neumann K. Die Völker des südlichen Russland in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig, 1847.

Nermann B. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.

Peisker J. The expansion of the slavs. Chapter XIV, Cambridge medieval history, v. II. Cambridge, 1913.

Pernica A. L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905.

Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.

Theophilacti Simocattae. Hustoriarum libri octo. Bonnae, 1834.

К главе VII

Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.

Антонович В. Б. Археологическая карта Волынской губернии. «Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г.», т. I. М., 1901.

Артамонов М. И. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. РАНИОН, 1930.

Арциховский А. В. Беседские курганы. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11—12.

Багалей Д. И. Очерки из русской истории, т. 1—2. Харьков, 1911.

Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. ВИ, 1949, № 11.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей. ВДИ, 1938, № 2(3).

Березовецъ Д. Г. Харівський скарб. «Археологія», т. VI. Київ, 1952.

Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов. КСИИМК, вып. XLI, 1951.

Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895.

Брим В. А. Происхождение термина «Русь». В сб. «Россия и Запад». Л., 1923.

Булычев Н. И. Журнал раскопок по берегам Оки. М., 1899.

Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних протоков Волги и Днепра. М., 1899.

Васильевский В. Г. О варяго-руссах. Труды В. Г. Васильевского, т. I. СПб., 1908.

Васильевский В. Г. Записка греческого топарха. Труды В. Г. Васильевского, т. II. СПб., 1909.

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, № 6, 1941.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 1—2. Харьков, 1913—1916.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Гедеонов С. А. Варяги и Русь, ч. 1—2. СПб., 1876.

Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878.

Голубева Л. А. Топография домонгольского Киева. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

Голубева Л. А. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949.

Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I. М., 1901—1904.

Городцов В. А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки, 1897 г. «Древности. Труды Моск. арх. об-ва», т. XVII, 1900.

Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.

Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876.

Грушевский М. С. Киевская Русь. СПб., 1911.

«Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь». Перевод Я. Ловзгина. «Христианское чтение», ч. II. СПб., 1882.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948.

Довженок В. И. и Брайчевский М. Ю. О времени сложения феодализма в древней Руси. ВИ, 1950, № 8.

Довженок В. И. Археологічні матеріали до історії хліборобства у древніх слов'ян на территорії УРСР. «Вісник АН УРСР», 1949, № 2.

Довженок В. И. Про дофеодальний період в історії Русі. «Археологія», т. VI, Київ, 1952.

Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захария о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4, М.— Л., 1926.

Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

Знойко Н. Д. О посольстве Калокира в Киев. ЖМНП, 1904, № 4.

«Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». ИГАИМК, вып. 91, 1934.

Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 1876. «Ипатьевская летопись». Пг., 1923.

«История Белорусской ССР». М., 1956.

«История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей». Перевод с греческого Д. Попова. СПб., 1820.

«История Молдавии», т. 1—2. Кишинев, 1951—1953.

«История Украинской ССР». Киев, 1953.

«Калевала». Изд. Academia, М.— Л., 1933.

Карамзин Н. М. История Государства Российского, I. СПб., 1816.

Каргер М. К. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. КСИИМК, вып. VI, 1940.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Собр. соч. М., 1957.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Изд-во АН СССР. Л., 1932.

Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. «Ученые записки II отделения АН», кн. V, 1859.

Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России. ЖМНП, 1874, 173, ч. II.

Леонтович Ф. И. О значении верви по Русской правде и Полицкому статуту, сравнительно с задругой юго-западных славян. ЖМНП, 1867, 134, ч. II.

Лихачев Д. С. Комментарии к «Повести временных лет». ПВЛ, II. М.— Л., 1950.

Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. «Ученые записки Смоленского гос. ун-та», т. III, вып. 3, 1926.

Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947.

Ляпушкин И. И. Раннеславянское поселение Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958.

Мавродин В. В. Славяно-русское заселение Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. «Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. Герцена», т. XI, 1938.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

Макаренко Н. Е. Материалы по археологии Полтавской губ. «Труды Полтавской ученой архивной комиссии», вып. V, 1908.

Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911.

Макаренко Н. Е. Городище Монастырище. Киев, 1925.

Монгайт А. Л. К вопросу о трех центрах Древней Руси. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Никольский М. Н. История русской церкви, т. I. М.— Л., 1931.

«Никоновская летопись». ПСРЛ, т. X. СПб., 1885.

«Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». Новг. первая летопись. СПб., 1888.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

Пархоменко В. А. Начало христианства на Руси. Полтава, 1913.

Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII—IX). Л., 1924.

Передольский В. С. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волковского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893.

«Повесть временных лет». М.— Л., 1950.

Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1—2. М., 1938—1939.

Равдоникас В. И. Старая Ладога. СА, XII, 1950.

Радзевская Е. А. К варяжскому вопросу. «Известия АН», отд. обществ. наук, 1934, № 7.

Рыбаков Б. А. Радзімічы. «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук Бел. АН. Працы секцые археологіі», т. III, Менск, 1932.

Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1.

Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, 1940.

Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. СЭ, 1947, № 6—7.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова, МИА, № 11, 1949.

Рыбаков Б. А. Новый суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

Рыбаков Б. А. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси, 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952.

Рыбаков Б. А. Проблемы образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. ВИ, 1952, № 9.

Рыбаков Б. А. Древние русы. СА, XVII, 1953.

Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, М., 1908.

Середонин С. М. Историческая география, II. Пг., 1916.

Сизов В. И. Гнёздовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, 1902.

Смірнов П. Вользкий шлях і стародавні руси (нариси з історії VI—IX вв.). Київ, 1928.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. I. М., 1851.

Спицын А. А. Сопки и жальники. «Записки РАО» т. XI, вып. 1—2, 1899.

Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, № 8.

Спицын А. А. Русская историческая география. Пг., 1917.

Тараканова С. А. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. 1—5. М., 1768—1848.

Тивериадский Л. С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян. «Исторические записки», 1942, № 13.

Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ, 1947, № 6—7.

Толстов С. П. Из предистории Руси. СЭ, 1947, № 6—7.

Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. 1, 1932.

Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2, М., 1953.

Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах и руссах, Абу-ал-Ахмада, Бен-Омар ибн-Даста. СПб., 1869.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Щеглов Д. Новый опыт изложения первых страниц русской истории. «Труды II Археологического съезда», вып. I. СПб., 1876.

Щеглов Д. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

Щеглов Д. К проблеме образования феодального государства. М., 1948.

Щеглов Д. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

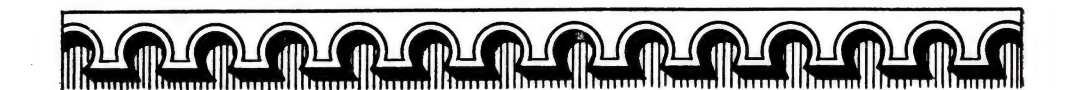
Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332 г. (943/4 г.). «Византийский Временник», т. XXIV. Л., 1926.

Labuda G. Pierwsze państwo słowiańske. Poznań, 1949.

Lewicki T. Żródła arabskie do dżiejów słowiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956.

Rostovzev M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

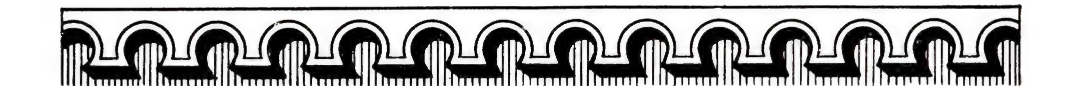
Stender-Petersen Ad. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. «Relazioni del Congresso Internazionale di scienze storiche», v. III. Firenze, 1955.



ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

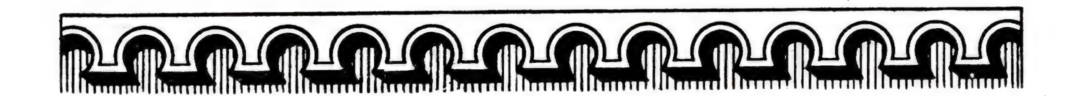
Имп.— император, кн. — князь



УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

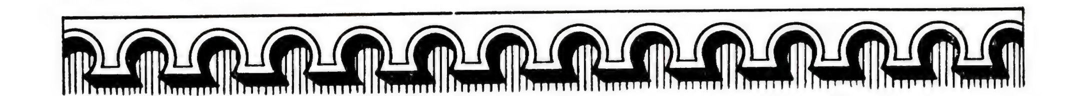
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

г — город	обл.—область	с. — село
нар.— народность	о-в остров	терр.— территория
н. п.— населенный пункт	р.— река	хр. — храм



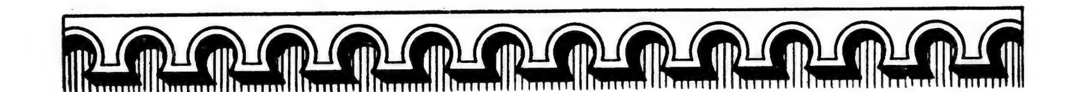
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК КАРТ



СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАН — Записки Академии наук.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАН — Известия Академии наук.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИЗ — Исторические записки.
ИОГН — Известия Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР.
КОМАО — Кавказское отделение Московского археологического общества.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НС — Нумизматический сборник.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО — Русское географическое общество.
СА — Советская археология.
САГУ — Средне-Азиатский государственный университет.
СВ — Советское востоковедение.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ — Советская этнография.
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
Труды АС — Труды Археологического съезда.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
IOSPE — Inscroptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава третья

Средняя Азия в III—VII вв.

Глава четвертая

Средняя Азия и Сибирь в VII—IX вв.

Глава пятая

Закавказье в период арабского владычества в VII—IX вв.

Глава шестая

Народы Прибалтики, Поволжья, Причерноморских степей и Крыма во второй половине I тысячелетия

Глава седьмая

Предпосылки образования древнерусского государства

Очерки истории СССР

Кризис рабовладельческой системы
и зарождение феодализма
на территории СССР III—IV вв.

•

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

•

Редакторы издательства
В. Б. Деопик (гл. II — V) *и Э. А. Сымонович* (гл. I, VI—VII)

Технический редактор *А. А. Киселева*

Оформление художника *Н. А. Седельникова*

•

РИСО АН СССР № 103—782 В. Сдано в набор
21/VI 1958 г. Подписано к печати 28/X 1958 г.
Формат 70×108 1/16. 59,25 печ. л. =81,17 усл. печ. л.
70,4 уч-изд. л. Тираж 8000 экз. Т-11420
Изд. № 2925. Тип. зак. № 817

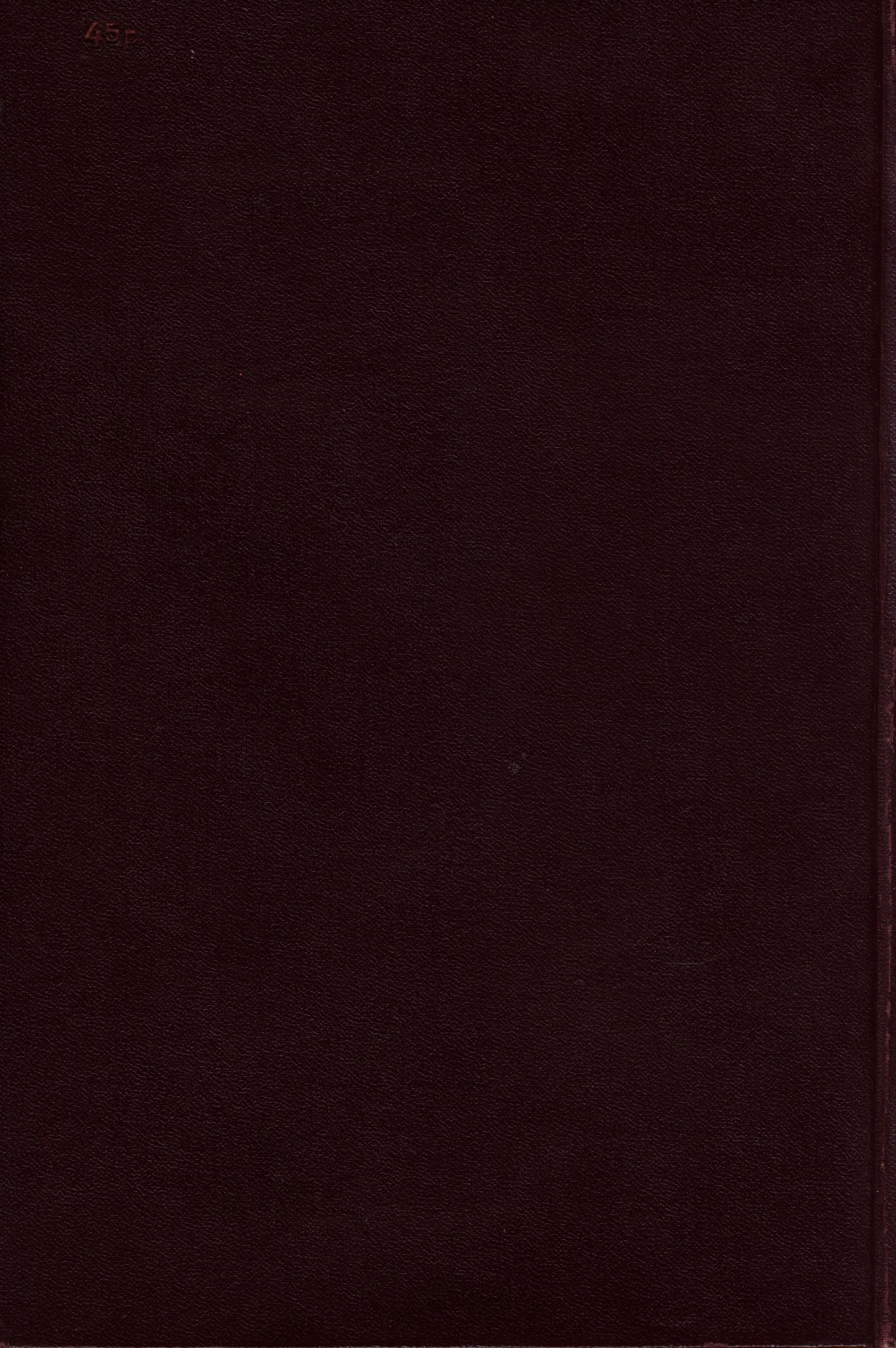
Цена 45 руб.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21.

2- типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., 10.

Исправления и опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
Между 90—91	**вклейка**	**Можрино**	**Мощино**
Между 32—34	карта	В. В. Кропоткин Армашам	Н. Я. Мерперт Арташат
35	14 сн.	[3] П. Н. Третьяков	П. Н. Третьяков
45	10 сн.	сплавы	спалы
58	3 сн.	М. Я. Родинський	М. Я. Рудинський
61	4 сн.	Каменсое	Каменское
82	2 сн.	с. Будапешты	с. Будешты
Между 104—105	карта	Н. Я. Мерперт Шугиан	В. В. Кропоткин Шугнан
118	2 св.	пиликальнисах	пилкальнисах
159	3 сн.	там же, стр. 302	Аммиан Марцеллин. Истории, стр. 32.
204	23 св.	выходцами	вышедшими
312	16 сн.	вероопределением	вероисповеданием
224	4 сн.	Ормузде	Ормузда
234	2 сн.	Ширакца	Ширакаца
336	11 сн.	с Кангьоем	с Кангюем
367	1 св.	III—VII вв.	VI—VII вв.
380	20 сн.	Тюрского	Тюркского
423	9 св.	Мочжо,	Мочжо
442	21 св.	в Мерву	к Мерву
444	6 св.	ибн-Яхвя	ибн-Яхья
445	6 сн.	половины VIII в.	половины VIII в.[4]
446	3 св.	материалов [4]	материалов
496	2 св.	пахараров	нахараров
504	2 сн.	С. И. Джанашиа,	С. Н. Джанашиа.
513	5 св.	династы	династии
513	16 св.	проявился	появился
513	15 сн.	Чорохи	Чороха
524	3 сн.	Мерчул	Мерчуле
551	14 св.	Псевдо-Захарий, Ритор	Псевдо-Захарий Ритор
585	7 сн.	887	787
586	2 св.	891	791
599	11 св.	Аврскому	Аварскому
601	16 св.	ибн-Шафрута	ибн-Шафруте
611 614	2 сн. 1 сн.	М. М. Герасимов	М. М. Герасимова
628	13 св.	Балта Чми.	Балта, Чми).
636	16 сн.	территории [1]	территории [4]
688	12 св.	Саликсенский	Селиксенский
708	5 сн.	Хасдаи ибн-Шафруте	Хасдая ибн-Шафрута
762	6 св.	Хорой	Хорол
762	8 св.	Северный	Северский
Между 792—793	карта	Фераза	Ферава
803	16 сн.	Святос полка	Святополка
917	23 сн.	Джурдан	Джурджан
929	11 св.	Саликсенский	Селиксенский
934	17 сн.	Хайван-калаг	Хайван-кала
937	9 св.	Яньцай-Аланья	Яньцай-Алань


45 р.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

III–IX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР